Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/istoriiavtororus13mili

62.1b.

П. Н. МИЛЮКОВЪ

ИСТОРІЯ
ВТОРОЙ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

I

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ:

ПРОТИВОРѢЧІЯ РЕВОЛЮЦІИ

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ — 1921

ПРИДВОРНАЯ ТИПОГРАФІЯ, АКЦІОНЕРН. О-ВО
СОФІЯ — 1921

HRus
M6627iz

Milyukov, Pavel Nikolaevich
(П. Н. МИЛЮКОВЪ)

ИСТОРІЯ

Istoriya vtoroi

ВТОРОЙ

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

russkoi revolyutsii

v. 1-3

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

pt. 1

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ:

ПРОТИВОРѢЧІЯ РЕВОЛЮЦІИ

521960
4. 5. 51

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ — 1921

ПРИДВОРНАЯ ТИПОГРАФІЯ, АКЦІОНЕРН. О-ВО
СОФІЯ — 1921

Предисловіе.

Первый томъ „Исторіи второй русской революціи“ написанъ очень скоро послѣ описываемыхъ въ немъ событ й. Авторъ началъ работать надъ нимъ вскорѣ послѣ октябрьской революціи, заставившей его покинуть Петроградъ, въ концѣ ноября 1917 г., въ Ростовѣ на Дону. Первые три выпуска перваго тома были закончены въ августѣ 1918 г., передъ переѣздомъ автора въ Кіевъ. Въ Кіевѣ пересмотрѣна и дополнена глава о Корниловскомъ движеніи, на основаніи данныхъ, сообщенныхъ А. Ф. Керенскимъ, въ его показаніи о „Дѣлѣ Корнилова“. Изъ двухъ главъ четвертаго выпуска одна (международная борьба за миръ) была первоначально написана для невышедшаго въ свѣтъ очереднаго „Ежегодника“ газеты „Рѣчь“; она пересмотрѣна и дополнена для изданія уже во время пребыванія автора въ Лондонѣ. Другая глава — о распадѣ власти — написана въ Кіевѣ лѣтомъ 1918 года. Предполагалось, что всѣ четыре выпуска тогда же появятся въ свѣтъ въ Кіевѣ, въ издательствѣ „Лѣтопись“. Но издательство успѣло отпечатать лишь первый выпускъ безъ конца, когда (декабрь 1918 г.) Кіевъ былъ занятъ Петлюровскими войсками и типографія подверглась разгрому. Конецъ набора перваго выпуска и остальная рукопись были уничтожены Петлюровцами, и изданіе остановилось. Только уже осенью 1920 г. авторъ получилъ отъ издателя, переѣхавшаго въ Софію, сохраненную имъ копію рукописи, съ пробѣлами, пополненіе которыхъ въ Лондонѣ оказалось невозможнымъ. Лишь въ декабрѣ 1920 г. авторъ получилъ доступъ къ обширной коллекціи русскихъ періодическихъ изданій, хранящейся въ Musée de la guerre въ Парижѣ. При помощи этого матеріала пропуски возстановлены и полный текстъ „Исторіи“ приготовленъ къ печати.

Авторъ назвалъ свой трудъ „Исторіей“, хотя онъ хорошо сознаетъ, что для исторіи революціи въ строгомъ смыслѣ время не скоро настанетъ.

Выбирая это заглавіе, онъ хотѣлъ лишь сказать, что его цѣль въ этой книгѣ идетъ дальше личныхъ „Воспоминаній".

Для воспоминаній, предназначенныхъ для немедленнаго опубликованія, время также не наступило. Дѣйствующія лица описываемой эпохи еще не сошли со сцены, вызванныя ихъ дѣятельностью чувства еще далеко не улеглись, ихъ интимные мотивы не сдѣлались достояніемъ гласности. При этихъ условіяхъ, вводить читателя въ интимную атмосферу событій, доступную только для ихъ непосредственнаго участника, показалось бы и нескромно, и черезчуръ субъективно.

„Исторія" ставитъ себѣ иную задачу, чѣмъ „Мемуары". Она принципіально отказывается отъ субъективнаго освѣщенія и заставляетъ говорить факты. Факты подлежатъ объективной провѣркѣ, и поскольку они вѣрны, по стольку же безспорны и вытекающіе изъ нихъ выводы. Историкъ по профессіи, авторъ не хотѣлъ и не могъ подгонять факты къ выводамъ; наоборотъ, онъ принималъ выводы изъ фактовъ, какъ нѣчто безспорное, хотя бы эти выводы и противорѣчили настроенію того момента, когда переживались событія и писалась „Исторія".

Другой вопросъ, насколько самые факты извѣстны и насколько они собраны съ надлежащей полнотой, чтобы позволить опредѣленные выводы. Не можетъ быть сомнѣнія, конечно, что дальнѣйшее накопленіе и изученіе фактовъ оставитъ далеко позади предлагаемый первый опытъ ихъ предварительной установки. Но авторъ льститъ себя надеждой, что при этомъ не очень измѣнятся намѣчаемые имъ выводы. Сравнительно съ своими преемниками онъ находится въ выгодномъ положеніи непосредственнаго наблюдателя и свидѣтеля событій. Онъ знаетъ о нихъ часто больше, чѣмъ говорятъ извѣстные до сихъ поръ факты, и въ самой группировкѣ фактовъ уже даетъ извѣстный комментарій къ событіямъ.

Вообще, фактическое изложеніе не составляетъ главной задачи автора. Читатель не найдетъ въ этой „Исторіи" описанія памятныхъ ему, быть можетъ, „великихъ дней" революціи. . . Онъ найдетъ здѣсь не столько картины и краски, сколько руководящія линіи, основные штрихи рисунка. Анализъ событій съ точки зрѣнія опредѣленнаго пониманія ихъ былъ той основной цѣлью, которая собственно и побудила автора взяться за составленіе „Исторіи". Изъ разсказа, несомнѣнно, вытекалъ опредѣленный политическій выводъ.

Такъ же ли безспоренъ этотъ выводъ, какъ положенное въ его основу фактическое описаніе? Три года, истекшіе со времени описанныхъ событій уже даютъ возможность нѣкоторой провѣрки. На первый взглядъ можетъ казаться, что „Исторія" этой провѣрки не выдержала. Тотъ же уголъ зрѣнія, подъ которымъ произведенъ въ ней анализъ событій 1917 года, перенесенный на событія 1918 — 1920 годовъ, оказался бы, несомнѣнно, невѣрнымъ и односторониимъ. „Исторія" прослѣдила послѣдствія коренныхъ ошибокъ тактики, сдѣланныхъ господствовавшими за этотъ промежутокъ умѣренными соціалистическими партіями. Болѣе правыя теченія, смѣнившія ихъ въ періодъ гражданской войны, несомнѣнно, руководились уроками неудачъ 1917 года. И, тѣмъ не менѣе, ихъ тактика, выведенная изъ этихъ уроковъ, кончилась, въ свою очередь, катастрофой конца 1920 года. Самъ собой возникаетъ вопросъ: не являются ли выводы изъ ошибокъ 1917 года невѣрными и односторонними, если даже и противники этихъ ошибокъ, принявшіе ихъ во вниманіе, не спаслись отъ провала?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ довольно простъ. Въ 1918 — 1920 г. г. не только были избѣгнуты ошибки 1917 года, ошибки нашего лѣваго „интеллигентскаго" максимализма. Были сдѣланы новыя ошибки, противоположныя прежнимъ, — ошибки *праваго* максимализма. Указать на первыя — вовсе не значитъ рекомендовать вторыя. Такимъ образомъ, событія 1918 — 1920, приведшія къ неудачѣ антибольшевистской военной борьбы, не могутъ служить доказательствомъ намъ. Анализъ событій 1917 г., сводящихся къ неудачѣ соціалистической революціонной тактики, былъ невѣренъ.

Это — просто два разные круга явленій, къ объясненію которыхъ должны быть приложены и двѣ разныя мѣрки. Во второмъ томѣ „Исторіи", когда онъ будетъ написанъ, читатель встрѣтится съ анализомъ ошибокъ праваго максимализма, который, однако, вовсе не будетъ исходить изъ предположенія, что ошибки лѣваго максимализма были указаны неправильно.

Одинъ выводъ, однако, несомнѣнно вытекаетъ изъ сопоставленія однихъ ошибокъ съ другими. Если ясное представленіе о старыхъ ошибкахъ не помѣшало людямъ, которые ихъ прекрасно видѣли, впасть въ новыя ошибки противоположнаго характера, то это, очевидно, должно побудить ихъ относиться вообще нѣсколько скромнѣе къ чужимъ ошибкамъ. Приходится, вообще, внести нѣкоторую поправку въ наше представленіе о предѣлахъ возмож-

ности для индивидуальной человѣческой воли управлять такими массовыми явленіями, какъ народная революція. Мы указали въ концѣ первой главы (стр. 34), что будущій историкъ отнесется къ волевому элементу революціи иначе, чѣмъ современный историческій дѣятель. На правахъ послѣдняго мы отмѣчали ошибки буржуазныхъ вождей „революціонной демократіи“ въ первомъ томѣ „Исторіи“. Мы отмѣтимъ съ такимъ же правомъ ошибки нашихъ военныхъ вождей и ихъ правительствъ во второмъ томѣ. Но уже вступаетъ въ силу, съ завершеніемъ того и другого цикла событій, право „будущаго историка“ искать объективныхъ причинъ тѣхъ и другихъ „ошибокъ“ и показать, почему, при данныхъ обстоятельствахъ, тѣ и другія оказались неизбѣжны.

Еще другая поправка вытекаетъ изъ вывода, что революціонный процессъ вышелъ болѣе стихійнымъ и менѣе сознательнымъ, чѣмъ хотѣлось бы непосредственнымъ дѣятелямъ революціонной эпохи. Если роль вождей въ событіяхъ оказывается менѣе активной, то за то должно быть сильно исправлено и ходячее представленіе о пассивной роли инертной массы Масса русскаго населенія казалось, дѣйствительно только *терпѣла*. Въ первой главѣ мы указали на причины этой пассивности, заложенныя въ нашемъ прошломъ. Но, обозрѣвая теперь весь процессъ въ его разныхъ фазисахъ, мы начинаемъ приходить къ выводу, что терпѣніе массъ, все-же, не было вполнѣ пассивнымъ. Массы принимали отъ революціи то, что соотвѣтствовало ихъ желаніямъ, но тотчасъ же противопоставляли желѣзную стѣну пассивнаго сопротивленія, какъ только начинали подозрѣвать, что событія клонятся не въ сторону ихъ интересовъ. Отойдя на извѣстное разстояніе отъ событій, мы только теперь начинаемъ разбирать, пока еще въ неясныхъ очертаніяхъ, что въ этомъ поведеніи массъ, инертныхъ, невѣжественныхъ, забитыхъ, сказалась коллективная народная мудрость. Пусть Россія разорена, отброшена изъ двадцатаго столѣтія въ семнадцатое, пусть разрушена промышленность, торговля, городская жизнь, высшая и средняя культура. Когда мы будемъ подводить активъ и пассивъ громаднаго переворота, черезъ который мы проходимъ, мы, весьма вѣроятно, увидимъ то же, что показало изученіе великой французской революціи. Разрушились цѣлые классы, оборвалась традиція культурнаго слоя,—но народъ перешелъ въ новую жизнь, обогащенный запасомъ новаго опыта и рѣшившій для себя безповоротно свой главный жизненный вопросъ:

вопросъ о землѣ. Если изъ мрака небытія, въ которомъ мы погребены подъ обломками великихъ руинъ, намъ удастся зафиксировать эту свѣтлую точку вдали, то это соображеніе поможетъ излечить самый упорный пессимизмъ, и, быть можетъ, внушитъ отчаявшимся и тонущимъ, какихъ теперь такъ много, — желаніе жить дальше, чтобы работать для родного народа на новомъ пути, избранномъ имъ самимъ.

Лондонъ, 27 декабря 1920.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЧЕТВЕРТАЯ ГОС. ДУМА НИЗЛАГАЕТЪ МОНАРХІЮ. (27 ФЕВРАЛЯ — 2 МАРТА).

I. Корни второй революціи.

Корни въ историческомъ прошломъ.—Слабость государственности.—Слабость соціальныхъ прослоекъ. — Максимализмъ интеллигенціи. — Незаконченность культурнаго типа.— Неподготовленность массъ. — Упорство стараго режима. — Неискренность его уступокъ.

Съ чего начинать исторію второй революціи? Тотъ, кто будетъ писать философію русской революціи, долженъ будетъ, конечно, искать ея корней глубоко въ прошломъ, въ исторіи русской культуры. Ибо, при всемъ ультра-модерномъ содержаніи выставленныхъ въ этой революціи программъ, этикетокъ и лозунговъ дѣйствительность русской революціи вскрыла ея тѣсную и неразрывную связь со всѣмъ русскимъ прошлымъ. Какъ могучій геологическій переворотъ шутя сбрасываетъ тонкій покровъ позднѣйшихъ культурныхъ наслоеній и выноситъ на поверхность давно покрытые ими пласты, напоминающіе о сѣдой старинѣ, о давноминувшихъ эпохахъ исторіи земли, такъ русская революція обнажила передъ нами всю нашу историческую структуру, лишь слабо прикрытую поверхностнымъ слоемъ недавнихъ культурныхъ пріобрѣтеній. Изученіе русской исторіи пріобрѣтаетъ въ наши дни новый своеобразный интересъ, ибо по соціальнымъ и культурнымъ пластамъ, оказавшимся на поверхности русскаго переворота, внимательный наблюдатель можетъ наглядно прослѣдить исторію нашего прошлаго. То, что поражаетъ въ современныхъ событіяхъ посторонняго зрителя, что впервые является для него разгадкой вѣкового молчанія „сфинкса", русскаго народа, то давно было извѣстно соціологу и изслѣдователю русской исторической эволюціи. Ленинъ и Троцкій для него возглавляютъ движеніе, гораздо болѣе близкое къ Пугачеву, къ Разину, къ Болотникову — къ 18-му и 17-му вѣкамъ нашей исторіи, — чѣмъ къ послѣднимъ словамъ европейскаго анархо-синдикализма.

Въ самомъ дѣлѣ, основная черта, проявленная нашимъ рево-

люціоннымъ процессомъ, составляющая и основную причину его печальнаго исхода, есть слабость русской государственности и преобладаніе въ странѣ безгосударственныхъ и анархическихъ элементовъ. Но развѣ не является эта черта неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого хода историческаго процесса, въ которомъ пришедшая извнѣ государственность постоянно, при Рюрикѣ, какъ и при Петрѣ Великомъ, какъ и въ нашемъ „имперіализмѣ" XIX и XX вѣка, — опережала внутренній органическій ростъ государственности? А другая характерная черта, — слабость верхнихъ соціальныхъ слоевъ, такъ легко уступившихъ мѣсто, а потомъ и отброшенныхъ въ сторону народнымъ потокомъ? Развѣ не вытекаетъ эта слабость изъ всей исторіи нашего „первенствующаго сословія", созданнаго властью для государственныхъ нуждъ, какъ это практиковалось въ деспотіяхъ востока, и сохранившаго до самаго последняго момента черты стараго „служилаго" класса? Развѣ не связанъ съ этимъ прошлымъ, перешедшимъ въ настоящее, и традиціонный взглядъ русскаго крестьянства на землю, сохранившую въ самомъ названіи „помѣщичьей" память о своемъ историческомъ предназначеніи? А полное почти отсутствіе „буржуазіи" въ истинномъ смыслѣ этого слова, ея политическое безсиліе, при всемъ широкомъ примѣненіи революціонной клички „буржуй" ко всякому, кто носитъ крахмальный воротничекъ и ходитъ въ котелкѣ? Не напоминаетъ ли оно намъ о глубокой разницѣ въ исторіи всей борьбы за политическую свободу между нами и европейскимъ западомъ, о громадномъ хронологическомъ разстояніи между началомъ этой борьбы тамъ и у насъ, о неизбѣжномъ послѣдствіи этой разницы, — о сліяніи у насъ политическаго переворота съ соціальнымъ, а въ соціальномъ переворотѣ—о смѣшеніи борьбы противъ непрочно сложившагося и быстро разрушившагося крѣпостничества съ борьбой противъ совсѣмъ не успѣвшаго сложиться „капитализма"? Читайте исторію французской революціи Тэна,—и вы увидите, какъ до мелочей повторяется съ употребленіемъ лозунга „буржуазіи" въ нашей революціи все то, что въ гражданской войнѣ великой революціи примѣнялось къ „дворянству". Перемѣненъ у насъ, конечно, только лозунгъ; содержаніе гражданской войны осталось то же. Да и какъ могло быть иначе, когда и развитіе русской промышленности, и развитіе городовъ явилось, въ сколько-нибудь серьезныхъ размѣрахъ, плодомъ послѣднихъ десятилѣтій, и когда еще 30 лѣтъ назадъ серьезные писатели глу-

бокомысленно обсуждали вопросъ о томъ, не можетъ-ли Россія вообще миновать „стадію капитализма“? Тѣсно связана съ двумя отмѣченными чертами, слабостью русской государственности и съ примитивностью русской соціальной структуры, и третья характерная черта нашего революціоннаго процесса, идейная безпомощность и утопичность стремленій, „максимализмъ“ русской интеллигенціи. Когда-то я взялъ эту интеллигенцію подъ защиту противъ П. Б. Струве и его „Вѣхъ“; но я защищалъ ее только въ одномъ смыслѣ: я защищалъ ея право не искать корней въ нашемъ прошломъ, гдѣ, какъ уже сказано, заложены лишь корни нашей слабости и нашего безсилія. Неорганичность нашего культурнаго развитія есть неизбѣжное послѣдствіе его запоздалости. Какъ можетъ быть иначе, когда вся наша новая культурная традиція (съ Петра) создана всего лишь *восемью поколѣніями* нашихъ предшественниковъ, и когда эта работа рѣзко и безвозвратно отдѣлена отъ *бытовой* культуры длиннаго періода національной безсознательности: того періода, который у другихъ культурныхъ народовъ составляетъ его *доисторическую* эпоху? Стоя на плечахъ всего лишь восьми поколѣній, мы могли усвоить культурныя пріобрѣтенія запада—и усвоили ихъ съ гибкостью и тонкостью воспріимчивости, которая поражаетъ иностранцевъ. Мы обогатили эти заимствованія и нашими собственными національными чертами, тоже поражающими иностранцевъ, какъ странная прививка утонченности къ примитиву. Но мы не могли сдѣлать одного: мы не могли еще выработать что-либо подобное устойчивому западному культурному типу. Эту западную культурную устойчивость мы еще склонны называть „ограниченностью“, и мы продолжаемъ предпочитать ту безграничную свободу славянской натуры, „самой свободной въ мірѣ“, о которой не то съ умиленіемъ, не то съ сокрушеніемъ говорилъ геніальный наблюдатель Герценъ. Въ другихъ своихъ произведеніяхъ я прослѣдилъ, какъ на почвѣ этой незаконченности культурнаго типа у насъ легко прививался западный идеализмъ въ его наиболѣе крайнихъ и индивидуальныхъ проявленіяхъ и какъ туго и медленно выростала серьезная государственная мысль. Я пытался прослѣдить также и то, какіе успѣхи сдѣлали, въ направленіи взаимнаго сближенія и постепеннаго освобожденія, съ одной стороны, отъ утопическихъ, съ другой, отъ классовыхъ элементовъ, два главныя теченія нашей общественной мысли: теченіе соціалистическое и теченіе либеральное при первыхъ столкновеніяхъ съ

жизнью*). Мнѣ казалось (въ 1904), что дальнѣйшій ходъ политической борьбы долженъ привести къ устраненію цѣлаго ряда разногласій, называвшихся принципіальными, и установить возможность совмѣстныхъ дѣйствій обоихъ теченій въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, со старымъ режимомъ. Полтора десятка лѣтъ, прошедшіе съ тѣхъ поръ, показали мнѣ, что я оцѣнивалъ возможность этого сближенія слишкомъ оптимистически. Съ тѣхъ поръ сформировались дѣйствующія нынѣ политическія партіи и, вмѣсто сотрудничества, началась непримиримая взаимная борьба. Въ процессѣ этой борьбы воскресли многія изъ утопій, которыя я считалъ похороненными; и политическіе круги, которые, по моимъ предположеніямъ, должны были бы бороться съ этими утопіями, оказались нечуждыми имъ идейно и неспособными къ стойкому сопротивленію За это неполное приспособленіе русскихъ политическихъ партій къ условіямъ и требованіямъ русской дѣйствительности Россія поплатилась неудачей двухъ своихъ революцій и безплодной растратой національныхъ цѣнностей, особенно дорогихъ въ небогатой такими цѣнностями странѣ.

Конечно, несовершенство и незрѣлость политической мысли, на почвѣ безгосударственности и слабости соціальныхъ прослоекъ, не могутъ явиться единственнымъ объясненіемъ неудачъ, постигавшихъ до сихъ поръ наше политическое движеніе. Другимъ факторомъ является безсознательность и темнота русской народной массы, которыя, собственно, и сдѣлали утопичнымъ примѣненіе къ нашей дѣйствительности даже такихъ идей, которыя являются вполнѣ своевременнными, а частью даже и осуществленными среди народовъ, болѣе подготовленныхъ къ непосредственному участію въ государственной дѣятельности. Народныя массы, — „народная душа" — сами являлись объектомъ интеллигентскихъ утопій въ прошломъ — и едва-ли перестали имъ быть въ настоящемъ. Я лично былъ всегда далекъ отъ тѣхъ, которые готовы

*) Изложенныя въ текстѣ идеи о связи нашего прошлаго съ настоящимъ развиты мной подробно какъ въ моихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры", такъ и въ изданной въ Чикаго и въ Парижѣ книгѣ моей The Russian Crisis (La crise Russe), написанной въ 1903—1904 г г. и представляющей первую часть трилогіи, вторая часть которой не написана и сливается съ моей публицистической и парламентской дѣятельностью (1905—1916), а третья представляется здѣсь вниманію читателя. Моя полемика съ „Вѣхами" напечатана въ сборникѣ о „Русской интеллигенціи", а идея о восьми поколѣніяхъ подробно развита въ двухъ лекціяхъ, прочитанныхъ осенью 1916 года въ университетѣ въ Христіаніи и напечатана въ норвежскомъ журналѣ „Samtiden".

были возвеличивать русскій народъ, какъ народъ избранный, „народъ богоносецъ“, и, преклоняясь передъ нимъ, всячески принижать русскую интеллигенцію и новую русскую культурную традицію. На борьбу съ этими тенденціями, въ разныхъ ихъ проявленіяхъ, я употребилъ немало усилій въ теченіе первой половины моей общественной дѣятельности, когда эти тенденціи выступали сильнѣй и казались болѣе опасными, чѣмъ теперь. Но я такъ же далекъ и отъ тѣхъ, кто теперь, подъ вліяніемъ пережитаго ужаснаго опыта и тяжелыхъ переживаній послѣднихъ мѣсяцевъ, склоненъ говорить о „народѣ-звѣрѣ“. Да, конечно, этотъ народъ, сохранившій міровоззрѣніе иныхъ столѣтій, чѣмъ наше, а въ послѣднее время стараго режима умышленно удерживавшійся въ темнотѣ и невѣжествѣ сторонниками этого режима, — этотъ народъ, дѣйствительно, предсталъ передъ наблюдателями его психоза, почти какъ какая-то другая нисшая раса. Интернаціоналистическому соціализму было легко, на почвѣ культурной розни, провести глубокую, соціальную грань и раздуть въ яркое пламя соціальную вражду народа къ „Варягамъ“, „земщины“ къ „дружинѣ“, выражаясь славянофильскими терминами. Но элементы истиннаго здороваго интернаціонализма при этомъ оказались не внизу, а наверху, — въ культурныхъ слояхъ, идеяхъ и учрежденіяхъ. И ростъ интернаціональной культуры съ разрушеніемъ этихъ верховъ оказался задержаннымъ — не будемъ утверждать, что надолго. Какъ бы то ни было, исправленіе послѣдствій нашей исторіи и ошибокъ переворота идетъ въ томъ же направленіи, какъ раньше: въ направленіи возстановленія нашего культурнаго слоя, такъ безжалостно уничтожавшагося революціей. Въ этомъ смыслѣ должны быть пересмотрѣны всѣ демократическія программы, которыя, ничего еще не давши народу, хотѣли „все“ создавать „черезъ народъ“. Неосновательное разочарованіе въ народѣ послѣ столь-же неосновательнаго преклоненія передъ нимъ, не должно, конечно, возвращать насъ къ той системѣ „недовѣрія къ народу, ограниченнаго страхомъ“, которое, по мѣткому опредѣленію Гладстона, лежитъ въ основѣ реакціонной политики. Суть правильной политики, приспособленной къ дѣйствительному уровню массы, должна, пользуясь выраженіемъ того же Гладстона, заключаться въ „довѣріи къ народу, ограниченномъ благоразуміемъ“. Эта формула, разумѣется, не мирится съ формулой полнаго и неограниченнаго народовластія. Это надо ясно усвоить, опредѣленно сказать себѣ

и сдѣлать отсюда надлежащіе политическіе выводы. Въ политикѣ не существуетъ абсолютныхъ рецептовъ, годныхъ для всѣхъ временъ и при всѣхъ обстоятельствахъ. Пора понять, что и *демократическая* политика не составляетъ исключенія изъ этого правила. Пора усвоить себѣ мысль, что и въ ея лозунгахъ не заключается панацей и лекарствъ отъ всѣхъ болѣзней.

Еще одна оговорка въ предѣлахъ того-же вопроса о народныхъ массахъ, какъ политическомъ факторѣ. Есть люди, которые готовы были бы искать въ физіономіи этихъ массъ не только тѣхъ измѣняющихся чертъ, въ которыхъ отпечатлѣлся ходъ нашей исторической эволюціи, но и того неизмѣннаго мистическаго ядра, которое германскіе метафизики, такъ же, какъ и новѣйшіе соціологи типа „Gustave Lebon", называли „душой народа", l'âme ancestrale. Наблюдая французскую психику времени войны, Lebon искалъ въ этой „душѣ предковъ" объясненія, почему недавняя „упадочная" Францiя вдругъ превратилась передъ лицомъ врага во Францію героическую. Увы, ходъ и исходъ русской революціи до сихъ поръ не уполномачиваетъ насъ искать подобныхъ параллелей. Традиціонное сравненіе 1613 и 1813 г. г. напоминаетъ, правда, о моментахъ просвѣтленія національнаго сознанія и о чрезвычайныхъ народныхъ усиліяхъ, на которыя способенъ былъ русскій народъ, когда въ его сознаніи отпечатлѣвалось представленіе объ опасности, грозившей самому его существованію. Быть можетъ, можно надѣяться, что въ 1919 году такое просвѣтленіе передъ лицомъ великой національной катастрофы приметъ болѣе культурную форму — чего либо вродѣ германскаго возрожденія начала XIX-го вѣка. Можетъ быть, эта катастрофа послужитъ толчкомъ, которымъ закончится доисторическое, подсознательное, такъ сказать, этнографическое существованіе народа, и начнется историческій періодъ связнаго самосознанія и непрерывной соціальной памяти. Съ очень большимъ опозданіемъ, мы и въ этомъ случаѣ пойдемъ по пути, давно уже пройденному культурными народами. Но, въ ожиданіи, пока всѣ эти надежды осуществятся, мы должны признать, что самыя надежды этого рода служатъ, такъ сказать, хронологической вѣхой. Наша русская âme ancestrale продолжаетъ, очевидно, представлять ту плазму, на которой лишь слабо и отрывочно запечатлѣлись отмѣтки исторіи. Основнымъ свойствомъ ея еще остается та всеобщая приспособляемость и пластичность, въ которой Достоевскій призналъ основное свойство

русской души,—идеализировавъ его, какъ „всечеловѣчность". Въ политическомъ же примѣненіи, безформенность этой души проявляется какъ тотъ натуральный, догосударственный „анархизмъ", то „естественное состояніе человѣка", по выраженію старой политической доктрины, которое такъ ярко и сильно выразилъ „великій писатель земли русской", отразившій, какъ въ зеркалѣ, на удивленіе цивилизованному міру, это состояніе народной души.

Повторяемъ, философъ исторіи русской революціи не сможетъ обойти всѣхъ этихъ глубокихъ корней и нитей, связывающихъ вторую русскую революцію со всѣмъ ходомъ и результатомъ русскаго историческаго процесса. Но наша задача гораздо проще. Мы ставимъ себѣ цѣлью — возможно точное и подробное фактическое описаніе совершившагося на нашихъ глазахъ. Тѣ недостатки описанія, которые усмотритъ въ немъ послѣдующій историкъ, отчасти вознаградятся чертами, для будущаго историка этой революціи уже недоступными: элементомъ личнаго свидѣтельства очевидца-наблюдателя и отчасти близкаго участника совершившихся событій. Эта болѣе близкая къ наблюдаемымъ явленіямъ позиція обусловливаетъ, конечно, и иной характеръ объясненій причинъ и мотивовъ. Въ этомъ порядкѣ мыслей, прежде всего, мы должны коснуться тѣхъ болѣе детальныхъ объясненій второй русской революціи, которыя, какъ они ни важны, сами по себѣ тоже останутся за предѣлами настоящаго изложенія.

Мы разумѣемъ громадное вліяніе фактора, до сихъ поръ не упомянутаго, но имѣвшаго первостепенное *отрицательное* значеніе. Если общая физіономія русской революціи опредѣлилась, въ значительной степени, нашимъ прошлымъ, то ея характеръ именно, какъ *революціи*, какъ насильственнаго переворота, опредѣлился наличностью фактора, *противодѣйствовавшаго* мирному разрѣшенію конфликтовъ и внутреннихъ противорѣчій между старыми *формами* политической жизни и не вмѣщавшимся болѣе въ эти формы *содержаніемъ. Инстинктъ самосохраненія стараго режима и его защитниковъ*: таковъ этотъ отрицательный факторъ.

Въ упомянутой выше работѣ 1903—1904 года я объяснилъ подробно, какъ этотъ инстинктъ самосохраненія съ неизбѣжностью привелъ къ политикѣ все усиливавшихся репрессій и къ раздѣленію Россіи на два лагеря: Россію оффиціальную и всю остальную Россію, въ которой культурные и народные элементы были одинаково непримиримо настроены по отношенію къ дореформенной государ-

ственности. Не только въ эти годы, но уже гораздо раньше, съ шестидесятыхъ, съ сороковыхъ годовъ, съ конца XVIII столѣтія, было очевидно, что конфликтъ старой государственности съ новыми требованіями есть лишь вопросъ времени. Подъ угломъ этого грядущаго конфликта складывалось все міровоззрѣніе русской интеллигенціи, по крайней мѣрѣ, шести послѣднихъ поколѣній. Немудрено, что это міровоззрѣніе и вышло такимъ одностороннимъ. Описывать всю эту исторію борьбы — значило бы, въ сущности, пересказывать всю исторію русской культуры двухъ послѣднихъ столѣтій. Естественно, что эта задача не можетъ быть цѣлью настоящаго изложенія. Мнѣ достаточно сослаться на приведенныя уже мои прежнія сочиненія, которыя, въ предвидѣніи грядущаго конфликта, посильно готовили къ его пониманію русское и иностранное общественное мнѣніе.

Можетъ быть, слѣдовало бы здѣсь остановиться лишь на послѣдней стадіи этого конфликта между старой государственностью и новой общественностью, на томъ послѣднемъ десятилѣтіи, когда хроническій конфликтъ перешелъ въ стадію *неискреннихъ уступокъ* власти общественнымъ теченіямъ. Это десятилѣтіе знаменуется открытымъ началомъ политической жизни въ Россіи, подъ знаменемъ перваго политическаго народного представительства. Германскіе публицисты придумали уже для этого періода мѣткое названіе: эпоха „мнимаго конституціонализма“ (Scheinkonstitutionalismus). Если можно въ одномъ словѣ формулировать причину того, почему съ первыми уступками власти конфликтъ не прекратился, а принялъ затяжной характеръ и, въ концѣ концовъ, привелъ къ настоящей катастрофѣ, — то это объясненіе дано въ этомъ словѣ: Scheinkonstitutionalismus. Уступки власти не только потому не могли удовлетворить общества и народа, что онѣ были недостаточны и неполны. Онѣ были неискренни и лживы, и давшая ихъ власть сама ни минуты не смотрѣла на нихъ, какъ на уступленныя навсегда и окончательно. Я помню моментъ, когда графъ Витте, въ ноябрѣ 1905 года, послѣ октябрьскаго манифеста, пригласилъ меня для политической бесѣды. Я сказалъ ему, что никакое общественное сотрудничество съ правительствомъ невозможно до тѣхъ поръ, пока власть не произнесетъ открыто слова: конституція. Пусть, говорилъ я, это будетъ конституція октроированная, но нужно, чтобы она была дана окончательно. Гр. Витте не скрылъ отъ меня, что онъ не можетъ исполнить этого условія, ибо этого „не хочетъ царь“. Довольно из-

вѣстно, что даже манифестъ 17 октября императоръ Николай II-й считалъ даннымъ „въ лихорадкѣ“ и никогда не мирился даже съ этими болѣе чѣмъ скромными уступками. Не хотѣлъ, конечно, конституціи и гр. Витте, исходя изъ своихъ старыхъ славянофильскихъ взглядовъ; не хотѣли конституціи даже такіе общественные дѣятели, какъ Дм. Ник. Шиповъ. Для защиты создавшейся такимъ образомъ двусмысленности была создана спеціальная партія, „союзъ 17 октября“, и все послѣдующее десятилѣтіе прошло подъ знакомъ политическаго лицемѣрія. Такъ какъ страна не могла этимъ удовлетвориться, то и самое существованіе представительныхъ учрежденій послужило лишь къ расширенію базиса для дальнѣйшей борьбы общественности съ защитниками стараго порядка. Если опорой для общественности служила при этомъ оппозиція Государственной Думы, не смолкавшая даже въ самыя трудныя минуты существованія этого учрежденія, то опорой для власти служилъ Государственный Совѣтъ, принявшій въ себя всѣ силы и сосредоточившій все усердіе сановниковъ стараго режима. Въ результатѣ борьбы этихъ двухъ центровъ въ Россіи за десять лѣтъ, въ сущности, не было вовсе законодательства. Всѣ проекты реформъ, даже самыхъ умѣренныхъ, застрѣвали подъ „пробкой“ Государственнаго Совѣта, превратившагося съ годами въ настоящее кладбище благихъ начинаній Государственной Думы. Проходили черезъ законодательныя учрежденія лишь тѣ мѣры, которыхъ хотѣла власть въ союзѣ съ правящимъ сословіемъ. Такъ прошла аграрная реформа Столыпина, такъ прошли постыдные для русскаго имени законы о Финляндіи. Гибкость и услужливость октябристовъ казались власти уже недостаточными. Курсъ политики поворачивался все болѣе вправо. „Конституціонализмъ“ становился все болѣе призрачнымъ, и на очередь дня становился самый беззастѣнчивый „націонализмъ“. Старая формула Уварова „православіе, самодержавіе и народность“ была выкопана изъ архивовъ, слегка подновлена и серьезно пущена въ ходъ, какъ платформа для выборовъ и какъ программа очередного политическаго курса. Желаніе императора Николая II-го — сохранить самодержавіе такимъ, какимъ оно было „встарь“, было принято не только „союзомъ русскаго народа“, вызвавшимъ это заявленіе царя; оно было принято къ исполненію и политическими дѣятелями, выдававшими себя за государственныхъ мужей и, чѣмъ дальше, тѣмъ откровеннѣе, предлагавшими себя на перебой въ организаторы государственнаго пе-

реворота. Здѣсь нѣтъ надобности упоминать именъ. Имена всѣмъ памятны; многія изъ лицъ, ихъ носившія, заплатили трагической кончиной за свою вину передъ родиной и передъ русскимъ народомъ. Это — *ихъ* работа, въ связи со все усиливавшимся вліяніемъ при дворѣ случайныхъ людей и проходимцевъ, создала въ странѣ то состояніе полнѣйшей неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, которое, собственно, и подготовило психологію переворота, изолировавъ дворъ и власть отъ всѣхъ слоевъ населенія и отъ всѣхъ народностей россійскаго государства.

Для самыхъ умныхъ изъ этихъ прислужниковъ стараго режима было ясно, что при подобной напряженности общаго настроенія, при такомъ состояніи неустойчиваго равновѣсія, съ трудомъ поддерживаемаго политикой репрессій и опирающагося на искусственно сорганизованное ничтожное меньшинство, Россія не выдержитъ никакого серьезнаго внѣшняго толчка или внутренняго потрясенія. Опытъ 1905 года, казалось, долженъ былъ служить урокомъ. Тогда съ большимъ трудомъ удалось ликвидировать послѣдствія неудачной войны и спасти власть отъ неизбѣжнаго ея результата: внутренней революціи. Гр. Витте былъ призванъ спеціально для выполненія этой миссіи. Ошибки первой русской революціи, поддержка Европы дали ему возможность выполнить ее блистательно. Но близорукая власть относилась съ подозрѣніемъ къ самымъ лучшимъ и вѣрнымъ своимъ защитникамъ. Гр. Витте едва выхлопоталъ себѣ право спасти эту власть, оставшись на своемъ посту до заключенія займа во Франціи и до возвращенія русскихъ войскъ изъ Манчжуріи. Далѣе его услуги были не нужны. Его соперникамъ поручили ликвидацію уступокъ, сдѣланныхъ „въ лихорадкѣ“, — уступокъ, которыхъ никогда не могли простить графу Витте. И началась борьба съ молодымъ народнымъ представительствомъ, приведшая къ первому нарушенію „мнимой конституціи“, къ изданію избирательнаго закона 3-го іюня 1906 года, окончательно изолировавшему власть отъ населенія и передавшему народное представительство въ руки случайныхъ людей и случайныхъ партій. Кое-какъ сколоченный государственный возъ скрипѣлъ — до перваго толчка.

Можно-ли было его предупредить? Сторонники стараго режима считали, что можно и нужно — въ союзѣ съ Германіей. А жизнь повела русскую политику по иному направленію, въ сторону державъ „согласія“, и новорожденное русское представитель-

ство сыграло тутъ извѣстную роль. Такъ или иначе, при раздѣленіи Европы на два лагеря, Россія не могла не быть втянута въ международные конфликты. Она могла лишь избѣжать созданія конфликтовъ по собственной винѣ; но для этого ея балканская политика была недостаточно умна и проницательна. Общая безтолковость управленія привела къ тому, что, идя болѣе или менѣе сознательно на возможный конфликтъ, Россія оказалась къ нему неподготовленной въ военномъ смыслѣ. Какъ во внѣшней политикѣ, такъ и въ вопросѣ объ усиленіи военной мощи, Государственная Дума имѣла извѣстное вліяніе — и тѣмъ связала себя съ политическими кругами, патріотически настроенными. Этимъ она впервые пріобрѣла извѣстную независимость отъ вѣяній въ „сферахъ" и, на случай внѣшняго конфликта, приготовила себя къ роли серьезнаго политическаго фактора, — серьезнаго тѣмъ болѣе, чѣмъ слабѣе, растеряннѣе и неподготовленнѣе оказалось бы самое правительство. Къ Государственной Думѣ въ этомъ случаѣ неизбѣжно должна была перейти роль идейнаго руководительства націей.

И вотъ она наступила, эта война: наступила въ формѣ громаднаго міровового конфликта. Въ ряду факторовъ, опредѣлившихъ собой *особую физіономію* второй революціи, войнѣ 1914--1918 г. г. принадлежитъ, конечно, первое мѣсто. Многія и многія изъ явленій, которыя принято считать специфически-революціонными, фактически предшествовали революціи и созданы именно обстоятельствами военнаго времени. Въ виду этого, на вліяніи войны на революцію надо остановиться нѣсколько подробнѣе.

II. Война и революція.

Общее дѣйствіе войны на внутренній порядокъ. — 1915 годъ. — Конфликтъ между законодательными учрежденіями и правительствомъ на почвѣ военной неподготовленности.—Уступки въ частностяхъ и расхожденіе въ главномъ.—„Мнимый конституціонализмъ“ распадается на свои противорѣчія: большинство Думы идетъ къ парламентаризму, власть идетъ къ возстановленію самодержавія. — 1916 годъ. — Разрывъ и позиціонная война. — Накопленіе противорѣчій и взрывъ 1 ноября.—Начало открытой революціи.— Убійство Распутина и планы дворцоваго переворота. — Тайные источники рабочаго движенія.—Уличное движеніе переходитъ въ революцію.

Прежде всего, конечно, при этомъ напрашивается параллель между 1905 и 1917 годами. Тогда, какъ и теперь, война произвела всѣ тѣ разрушенія во внутренней жизни страны, въ строѣ чувствъ и мысли, которыя она всегда производитъ. Измѣненія народной психологіи въ моменты войны станутъ понятны, если принять во вниманіе, что война поощряетъ какъ разъ тѣ качества и создаетъ тѣ привычки, которыя во всемъ противоположны привычкамъ и качествамъ, одобряемымъ въ нормальной жизни. Всѣ обычныя понятія при этомъ оказываются перевернутыми. Нечего и говорить уже о сохраненіи политическихъ правъ и свободъ, которыя даже въ странахъ глубоко-демократическихъ, какъ Англія, въ значительной степени были принесены въ жертву сильной, почти диктаторской власти правительства военнаго времени. Но и элементарныя понятія — о собственности, даже о человѣческой жизни, оказываются затемненными. Военное законодательство воюющихъ странъ само идетъ навстрѣчу этимъ измѣненіямъ и помогаетъ создавать ихъ, вовлекая въ государственный оборотъ и подчиняя государственному руководству такія стороны жизни, которыя обычно остаются предоставленными свободной частной иниціативѣ. Въ условіяхъ русской жизни этотъ „военный соціализмъ“ сверху встрѣтилъ не менѣе препятствій и сопротивленія, чѣмъ на западѣ, — тѣмъ болѣе, что, на ряду съ стѣсненіями для однѣхъ общественныхъ группъ, онъ сопровождался значительными матеріальными преимуществами для другихъ. Свободный торговый оборотъ былъ

почти разрушенъ расширеніемъ сферы государственной монополіи, зато расцвѣла спекуляція и создались хищническія цѣны на предметы военнаго производства. Нормальное функціонированіе капиталовъ прекратилось, но рабочая плата росла безпредѣльно. При огромныхъ чрезвычайныхъ государственныхъ расходахъ на войну, обычный бюджетъ настолько отсталъ, что на него вообще перестали обращать вниманіе. Какъ неоплатный должникъ, который, все равно, не можетъ свести концовъ съ концами, государство стало расточительно на чужой счетъ. Неограниченный внѣшній кредитъ и печатный станокъ, выпускавшій каждый день бумажекъ на десятки милліоновъ, изъ которыхъ складывались милліарды, совершенно устранили всякое понятіе о необходимости быть бережливымъ. Одинъ за другимъ, широкіе общественные слои переходили на содержаніе государства. Деревня не платила налоговъ и получала пайки. Рабочіе не работали и получали быстро возраставшіе оклады заработной платы. Фабрикантамъ эта плата возмѣщалась въ столь же быстро возраставшей цѣнѣ казенныхъ заказовъ. Громадная армія тыла, содержавшаяся на казенный счетъ, пріучала народъ къ праздности и къ извлеченію чрезвычайныхъ доходовъ изъ народныхъ бѣдствій, разстройства торговли и транспорта.

Среди этого показного благополучія страдали какъ разъ тѣ элементы, противъ которыхъ направлялась вся ненависть „революціонной демократіи“: служащая „буржуазная“ интеллигенція и чиновничество. Но и въ средѣ послѣдняго могущественные союзы, какъ желѣзнодорожный, почтово-телеграфный и т. д., умѣли извлекать изъ казначейства многія сотни милліоновъ добавочнаго вознагражденія.

Чтобы справиться со всѣми этими явленіями ненормальнаго времени, нужна была дѣйствительно военная диктатура, въ какую и превратилось мало-по-малу управленіе такихъ демократическихъ странъ, какъ Англія и Франція. У насъ, наоборотъ, эти же самыя явленія создали для власти и закона — обстановку полнаго безсилія. Это безсиліе власти чувствовалось уже при монархіи. Оно и было причиной того, что умѣренные элементы, понимавшіе значеніе усиленія власти для благополучнаго исхода войны, пошли на революціонный переворотъ. Переворотъ этотъ, въ сущности, былъ поставленъ на очередь тогда, когда, весной 1915 года, стало общеизвѣстно то, что уже съ первыхъ мѣсяцевъ войны русскія войска

терпятъ неудачи — и обречены на нихъ впредь — вслѣдствіе полнѣйшей нашей неподготовленности, вслѣдствіе отсутствія въ арміи достаточнаго количества ружей, патроновъ, снарядовъ. Не одна Россія очутилась въ этомъ положеніи. Но въ другихъ странахъ, какъ ея союзниковъ, такъ и ея противниковъ, недостатки были скоро замѣчены, и, въ согласіи съ народнымъ представительствомъ, приняты были энергичныя мѣры къ усиленію военной производительности и къ поднятію военной техники. Въ то время, какъ тамъ, на западѣ, получались поистинѣ чудодѣйственные результаты этого дружнаго сотрудничества всей страны съ властью, у насъ весь пылъ и энтузіазмъ народнаго представительства, проявленный съ самаго начала войны, пропадалъ даромъ. Послѣ однодневной сессіи 26-го іюля 1914 года, обнаружившей общее патріотическое единодушіе партій въ дѣлѣ обороны страны, правительство рѣшило было не собирать Государственной Думы до ноября слѣдующаго года. И только настойчивыя заявленія депутатовъ привели къ тому, что правительство согласилось созвать Государственную Думу „не позже 1-го февраля“. Въ промежуткѣ разнеслись слухи о запискѣ правыхъ, которая настаивала на скорѣйшемъ заключеніи міра съ Германіей, для избѣжанія внутреннихъ осложненій. Правительство явно не хотѣло соблюдать условій молчаливаго „перемирія“, на которое шли партіи въ своемъ стремленіи къ единенію. При такомъ, уже испортившемся настроеніи состоялось закрытое совѣщаніе членовъ Государственной Думы съ правительствомъ (25-го января 1915 года), въ которомъ впервые народные представители отдали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что правительство или скрываетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ въ странѣ и арміи — и, слѣдовательно, „обманываетъ Государственную Думу“, или само не понимаетъ серьезности этого положенія — и, слѣдовательно, органически неспособно его улучшить.

Съ этого дня начался конфликтъ между законодательными учрежденіями и правительствомъ. Въ засѣданіи 27 января Государственная Дума возобновила обѣтъ „свято хранить духовное единство, залогъ побѣды“. Но, во-первыхъ, правительство само себя исключило изъ этого единства, а во-вторыхъ, въ рѣчахъ крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ, профессора Левашова и Керенскаго, уже появились ноты, существенно нарушавшія это духовное единство. Ораторъ лѣвыхъ уже сталъ на точку зрѣнія соціалистовъ-интернаціоналистовъ и требовалъ скораго мира.

Отступленіе русскихъ войскъ изъ Галиціи во второй половинѣ апрѣля 1915 года подтвердило худшія опасенія Государственной Думы и заставило правительство пойти на нѣкоторыя уступки. Члены Государственной Думы были введены въ особый правительственный комитетъ, которому были поручены дѣла по распредѣленію и выполненію военныхъ заказовъ. Общественные круги добивались большаго. Они требовали привлеченія общественныхъ силъ къ обслуживанію нуждъ войны и сосредоточенія этихъ дѣлъ въ особомъ министерствѣ „снабженія“, съ извѣстнымъ и пользующимся довѣріемъ арміи дѣятелемъ во главѣ, по примѣру Англіи и Франціи. Они требовали далѣе созыва Государственной Думы не на короткую однодневную, а на длительную сессію и, наконецъ, созданія правительства, которое могло бы пользоваться общественнымъ довѣріемъ. 5-го іюня 1915 года эти пожеланія были высказаны княземъ Г. Е. Львовымъ въ совѣщаніи уполномоченныхъ отъ губернскихъ земствъ и Н. И. Астровымъ въ совѣщаніи городскихъ головъ, болѣе радикально настроенныхъ. Земскій и городской союзы выдѣлили изъ себя отдѣлы, преобразованные въ іюлѣ въ „главный комитетъ по снабженію армій“.

Послѣ упорныхъ настояній общественныхъ круговъ и столь же упорнаго сопротивленія правительства, Государственная Дума, наконецъ, была созвана 19 іюля на длительную сессію. Правительство понимало, что, послѣ всего случившагося, оно не можетъ встрѣтиться съ Государственной Думой въ прежнемъ составѣ. Правительство „почистилось“. Ушелъ военный министръ, котораго вся страна обвиняла въ военныхъ неудачахъ; ушелъ министръ внутреннихъ дѣлъ, котораго обвиняли въ возбужденіи внутренней розни. Мѣсто Сухомлинова и Маклакова заняли выдвинутые думскими кругами А. А. Поливановъ и доброжелательный, но слабый князь Щербатовъ. Ушли передъ самымъ открытіемъ сессіи Щегловитовъ и Саблеръ, замѣненные кандидатами правыхъ, А. А. Хвостовымъ и А. Д. Самаринымъ. Но Горемыкинъ остался въ качествѣ довѣреннаго лица государя,— а съ нимъ осталось и недовѣріе общества къ власти.

При открытіи Государственной Думы въ рѣчахъ ораторовъ послышались новые тона. Даже націоналистъ гр. В. А. Бобринскій требовалъ проявленія „патріотическаго скептицизма ко всему, что предъявитъ правительство“. Внесенная имъ формула перехода требовала „единенія со всей страной правительства, пользующагося полнымъ ея довѣріемъ“. То же требованіе варьировалось въ рѣ-

чахъ В. Н. Львова и Н. В. Савича. А И. Н. Ефремовъ отъ имени прогрессистовъ уже выставилъ лозунгъ „отвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ“ министерства. Пишущій эти строки настоялъ на сохраненіи болѣе скромной, но зато объединявшей болѣе широкій фронтъ формулы: „министерства, пользующагося довѣріемъ страны“, и перечислилъ тѣ реформы, которыя необходимо было ввести немедленно, вопреки заявленію И. Л. Горемыкина, желавшаго ограничить дѣятельность Государственной Думы „только законопроектами, вызванными потребностями войны“, въ узкомъ смыслѣ.

Въ первой половинѣ августа всѣ эти стремленія, одновременно въ Москвѣ и въ Петроградѣ, приняли опредѣленную форму. Въ Петроградѣ высказанныя думскими ораторами мнѣнія легли въ основу платформы „прогрессивнаго блока“. Четвертая Дума,—Дума безъ опредѣленнаго большинства, была игралищемъ власти. Война дала Государственной Думѣ большинство, — и тѣмъ самымъ поставленъ былъ на твердую почву вопросъ объ „отвѣтственности“ правительства передъ этимъ большинствомъ. Вотъ почему, когда программа „прогрессивнаго блока“, послѣ долгихъ обсужденій и споровъ, была, наконецъ, опубликована 21 августа, болѣе прогрессивные члены правительства сразу поняли, что самое меньшее, что нужно, — это стать съ вновь образовавшимся большинствомъ въ опредѣленныя отношенія.

Моментъ былъ рѣшительный. Если бы власть сумѣла воспользоваться предоставленнымъ ей шансомъ, то дальнѣйшаго разъединенія между правительствомъ и обществомъ можно было бы надолго избѣгнуть. Понялъ это даже и И. Л. Горемыкинъ и поспѣшилъ забѣжать впередъ, пригласивъ къ себѣ 15 августа лидеровъ правой части блока, чтобы съ ихъ помощью перехватить идею созданія большинства и использовать эту идею для поддержки *существующаго* правительства.

Неловкій экспериментъ не удался. Послѣ этого въ засѣданіи совѣта министровъ мнѣнія раздѣлились. Правое меньшинство поддерживало Горемыкина въ мнѣніи, что Государственную Думу надо поскорѣе распустить. Большинство опасалось осложненій въ случаѣ роспуска и рѣшило войти въ сношенія съ представителями блока. Обсудивъ съ ними 27 августа программу прогрессивнаго блока, эти министры, во главѣ съ Харитоновымъ, пришли къ заключенію, что „программа не встрѣчаетъ возраженій, но совѣтъ

министровъ въ нынѣшнемъ составѣ не можетъ ее проводить". Намекъ былъ достаточно ясенъ. Черезъ день, 29 августа, И. Л. Горемыкинъ выѣхалъ въ ставку къ государю. Еще черезъ день (31 августа) онъ вернулся и. . . сообщилъ коллегамъ, что Государственная Дума 3-го сентября должна быть распущена. . .

Протянутую руку оттолкнули. Конфликтъ власти съ народнымъ представительствомъ и съ обществомъ превращался отнынѣ въ открытый разрывъ. Испытавъ безрезультатно всѣ мирные пути, общественная мысль получила толчекъ въ иномъ направленіи. Вначалѣ тайно, а потомъ все болѣе открыто начала обсуждаться мысль о необходимости и неизбѣжности революціоннаго исхода.

Съ своей стороны не молчали и противники „мнимаго конституціонализма" съ правой стороны. Съ роспускомъ Думы они подняли голову и начали тоже дѣйствовать открыто. На засѣданіи совѣта министровъ въ ставкѣ, 17 сентября, подъ предсѣдательствомъ государя были приняты рѣшенія въ духѣ праваго курса. Министра Щербатова смѣнилъ А. Н. Хвостовъ, кандидатъ крайнихъ правыхъ организацій. Въ тотъ же день былъ уволенъ въ очень рѣзкой формѣ оберъ-прокуроръ А. Д. Самаринъ, не поладившій съ придворными фаворитами изъ духовныхъ и не соглашавшійся, въ угоду имъ, нарушить церковные каноны. Черезъ мѣсяцъ ушелъ А. В. Кривошеинъ, противникъ спѣшнаго роспуска Государственной Думы. Намѣчены были къ отставкѣ и другіе сторонники сближенія съ прогрессивнымъ блокомъ. Напротивъ, снова выдвинулся Щегловитовъ, открыто заявившій на съѣздѣ крайнихъ правыхъ (21 ноября) о своихъ симпатіяхъ къ самодержавію и объявившій манифестъ 17 октября „потерянной грамотой". Обломки провинціальныхъ отдѣловъ „союза русскаго народа" были возстановлены и принялись за ту же работу, которой занимались въ 1905—1907 г.г.: они рѣзко нападали на прогрессивный блокъ, на городской и земскій союзы, видя въ оживившейся дѣятельности общественныхъ организацій — подготовку революціоннаго выступленія. Подъ ихъ вліяніемъ назначенная „не позднѣе 15 ноября" сессія Государственной Думы была отсрочена безъ точнаго указанія срока созыва: первый случай за время существованія законодательныхъ учрежденій. Съѣзды городского и земскаго союзовъ, назначенные на 5-е декабря, были запрещены. Депутація этихъ союзовъ, съ жалобами на роспускъ Государственной Думы и съ требованіями „министерства довѣрія", не была принята государемъ.

Настроеніе Николая Второго характеризуется тѣмъ, что еще 23-го августа онъ принялъ на себя командованіе всѣми сухопутными и морскими силами. Всѣ попытки (въ томъ числѣ письмо, подписанное восемью министрами) отговорить царя указаніемъ на опасность и рискъ занятія этой должности не помогли. Распутинъ убѣдилъ императрицу и императора, что принятіе командованія въ моментъ, „когда врагъ углубился вь предѣлы имперіи", есть религіозный долгъ самодержца. Мистическій взглядъ на свое призваніе, поддерживаемый сплотившимся придворнымъ кружкомъ, окончательно парализовалъ всѣ другія вліянія. Отнынѣ всѣ попытки извнѣ указать царю на возростающую опасность народнаго недовольства наталкивались на пассивное сопротивленіе человѣка, подчинившагося чужой волѣ и потерявшаго способность и желаніе прислушиваться къ новымъ доводамъ. Ходили слухи, что это состояніе умственной и моральной апатіи поддерживается въ царѣ усиленнымъ употребленіемъ алкоголя. Отъѣздъ царя на жительство въ ставку выдвинулъ оставшуюся въ Петроградѣ императрицу, посредницу и средоточіе всѣхъ „безотвѣтственныхъ" вліяній. Министры, желавшіе укрѣпить свое положеніе, начали ѣздить къ императрицѣ съ докладами. Шайка крупныхъ и мелкихъ мошенниковъ и аферистовъ окружила царицу и пользовалась своимъ вліяніемъ, чтобы за денежную мзду обходить законъ и доставлять частныя изъятія и льготы: назначеніе на должности, освобожденіе отъ суда, отъ воинской повинности и т. д. Слухи объ этихъ сдѣлкахъ распространились въ обществѣ и совершенно уронили уваженіе ко двору. Постоянно слышалось историческое сравненіе съ „ожерельемъ королевы Маріи Антуанеты".

1916-й годъ, послѣдній передъ революціей, не представляетъ того драматизма политической борьбы, какъ 1915-й годъ. Но это только потому, что парламентская борьба уже использовала всѣ свои возможности и остановилась передъ тупикомъ, изъ котораго не было выхода. Позиціи были заняты окончательно, и для обѣихъ сторонъ стало ясно, что примиреніе невозможно. Общественные круги, которые сдерживались въ 1915 году, въ ожиданіи возможнаго компромисса, теперь окончательно потеряли надежду на мирный исходъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и основное требованіе „министерства довѣрія" уступило мѣсто болѣе рѣшительному требованію „отвѣтственнаго министерства", т. е. требованію парламентаризма. Мы видѣли, что въ это же время придворнымъ кругамъ даже „мнимый

конституціонализмъ“ начиналъ казаться опаснымъ опытомъ, отъ котораго надо отказаться и вернуться къ самодержавію.

Кое у кого при дворѣ, однако, сохранились проблески пониманія, что съ Государственной Думой нельзя просто разстаться во время войны, безъ опасенія взрыва и ослабленія боеспособности арміи. Настроеніе высшаго командованія, несомнѣнно, склонялось въ пользу умѣренныхъ уступокъ, которыхъ требовало большинство Государственной Думы въ программѣ прогрессивнаго блока. И, подъ вліяніемъ этихъ фактовъ, въ теченіе года было сдѣлано нѣсколько попытокъ какъ нибудь наладить хотя бы внѣшне-приличныя отношенія съ Государственной Думой. И. Л. Горемыкинъ, послѣ своего разрыва съ министрами, поддерживавшими блокъ, и послѣ небывалаго и противуконституціоннаго акта отсрочки сессіи Государственной Думы сталъ невозможенъ. Поэтому, когда вопросъ о созывѣ Государственной Думы былъ вновь поднятъ послѣ Рождественскихъ каникулъ — и когда Горемыкинъ вновь повелъ борьбу противъ ея созыва, на этомъ сыграли новые любимцы двора. Преемникомъ Горемыкина оказался . . . Б. В. Штюрмеръ. Одного этого назначенія было достаточно, чтобы охарактеризовать пропасть, существовавшую между дворомъ и общественными кругами. Для двора Штюрмеръ былъ пріемлемъ, потому что его лично знали и ему лично вѣрили; кромѣ того, онъ получилъ необходимую санкцію: поддержку Распутина и императрицы. Для общественныхъ круговъ Штюрмеръ былъ типомъ стараго губернатора, усмирителемъ Тверского земства. Его личной особенностью была его любовь къ деньгамъ, и изъ провинціи слѣдомъ за нимъ тащился длинный хвостъ пикантныхъ анекдотовъ о его темныхъ и скандальныхъ способахъ стяжанія. Но . . . Штюрмеръ явился въ неожиданной роли защитника законодательныхъ учрежденій. Черезъ А. Н. Хвостова, новаго министра внутреннихъ дѣлъ, онъ вошелъ въ переговоры съ отдѣльными членами Государственной Думы (въ томъ числѣ и съ пишущимъ эти строки). Въ переговорахъ этихъ для созыва Думы ставилось одно условіе: не говорить о Распутинѣ! Конечно, Штюрмеръ получилъ отвѣтъ, что Государственная Дума интересуется не придворными сплетнями, а политическимъ курсомъ правительства, что въ Государственной Думѣ есть хозяинъ—ея большинство, что у этого хозяина есть опредѣленное мнѣніе о томъ, что нужно дѣлать для пользы Россіи, и что, вмѣсто тайныхъ переговоровъ, которые ничего гарантировать

не могутъ, нужно прежде всего опредѣлить свое отношеніе къ „прогрессивному блоку“ и къ его программѣ.

Но это какъ разъ и было то, чего правительство не хотѣло. Сессія Думы открылась безъ всякаго соглашенія между большинствомъ и правительствомъ. Первое выступленіе Штюрмера съ невнятной, никому неслышной и никого неинтересовавшей рѣчью было и его окончательнымъ политическимъ проваломъ. Единственный планъ примиренія съ Думой, выдвинутый бывшимъ церемоніймейстеромъ,—устройство раута у премьера—провалился еще раньше этого выступленія: Штюрмеру дали знать, что къ нему не пойдутъ. А другихъ политическихъ средствъ въ распоряженіи этихъ людей не имѣлось. Единственное, что могло подѣйствовать —ихъ уходъ—конечно, не входило въ ихъ виды. Штюрмеръ не ушелъ; онъ остался. Но онъ сократилъ до минимума свои отношенія съ Государственной Думой. Обѣ стороны засѣли въ своихъ окопахъ и перешли къ позиціонной войнѣ.

Въ роли политическаго протагониста фигурировалъ нѣкоторое время ставленникъ союза русскаго народа, А. Н. Хвостовъ, рѣчистый и шумный депутатъ, не лишенный житейской ловкости и проявившій вкусъ къ демагогіи. Но и эта политическая карьера скоро померкла; Хвостовъ сдѣлался жертвой не своего политическаго курса—за это не отставляли, — а той неловкости, съ которой онъ исполнялъ придворныя порученія. Посылка имъ извѣстнаго проходимца, Манасевича-Мануилова, въ Христіанію къ Иліодору для покупки рукописи его книги, содержавшей скандальныя разоблаченія объ отношеніи Распутина къ царской семьѣ, кончилась неудачей. Зато стала извѣстна посылка имъ туда же другого проходимца, нѣкоего газетнаго сотрудника Ржевскаго, предлагавшаго Иліодору устроить убійство Распутина. Иліодоръ испугался появленія темныхъ людей въ своей близости и бѣжалъ отъ русскихъ агентовъ въ Америку, гдѣ и издалъ свою книгу. А о продѣлкѣ со Ржевскимъ стало извѣстно, когда министръ поссорился со своимъ товарищемъ, опытнымъ полицейскимъ Бѣлецкимъ, и когда оба стали наперерывъ обличать другъ друга печатно въ прикосновенности къ миссіи Ржевскаго. Вотъ та „политика“, которая теперь велась въ Россіи ея руководящими кругами, возбуждая негодованіе во всѣхъ остальныхъ.

Съ уходомъ Горемыкина и Хвостова министерскія назначенія все болѣе теряли политическое значеніе въ широкомъ смыслѣ.

Началась, по мѣткому выраженію Пуришкевича, „политическая чехарда“. Одинъ за другимъ появлялись, пройдя черезъ переднюю Распутина, или „бывшіе“, или никому невѣдомые политически люди, проходили, какъ тѣни, на своихъ постахъ . . . и уступали мѣсто такимъ же, какъ они, очереднымъ фаворитамъ придворной шайки. При этихъ смѣнахъ, прежде всего, конечно, были удалены послѣдніе министры, подписавшіе коллективное письмо государю о непринятіи имъ должности главнокомандующаго. Ушелъ (17 марта) А. А. Поливановъ, замѣненный честнымъ, но необразованнымъ и совершенно непригоднымъ для этого поста рамоликомъ Д. С. Шуваевымъ. А. Н. Хвостова замѣнилъ самъ Штюрмеръ; но 10 іюля, къ общему изумленію, Штюрмеръ замѣнилъ министра иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонова, къ великому ущербу для вліянія Россіи въ союзныхъ странахъ. Должность „церемоніймейстера“, которую онъ занималъ когда-то, при полномъ невѣжествѣ не только въ дипломатіи, но даже и въ географіи воюющихъ странъ, была его единственнымъ правомъ на занятіе этой должности. Не владѣя ни предметомъ, ни дипломатическимъ языкомъ, онъ ограничилъ свою дипломатическую роль молчаливымъ присутствіемъ при бесѣдахъ своего товарища Нератова съ иностранными послами. Послѣ такого назначенія—не оставалось ничего невозможнаго. Въ публикѣ вспоминали про назначеніе Калигулой своего любимаго коня — сенаторомъ.

Хуже было то, что, кромѣ смѣшной стороны, тутъ была и трагическая. Пишущему эти строки пришлось услышать осенью того же 1916 года отъ покойнаго гр. Бенкендорфа, нашего посла въ Лондонѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ Штюрмеръ сталъ во главѣ вѣдомства, англичане стали съ нами гораздо сдержаннѣе и перестали дѣлать его участникомъ своихъ секретовъ. Ходили слухи о германофильскихъ связяхъ Штюрмера и какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ его агентовъ, помимимо пословъ, за границей. Все это, при общеизвѣстной склонности правыхъ круговъ къ сближенію съ Германіей и къ возможно скорому выходу изъ войны, изъ страха передъ грядущей революціей, сообщало правдоподобіе слухамъ и вызывало усиленное вниманіе къ нимъ въ кругахъ общества, все болѣе широкихъ. Слово „измѣна“ стало передаваться изъ устъ въ уста, — и объ этомъ было громко заявлено съ кафедры Г. Думы. Новую пищу эти слухи получили, когда возвращавшійся въ Россію предсѣдатель русской парламентской делегаціи, посѣтившей лѣтомъ

этого года союзныя страны, октябристъ Протопоповъ, свидѣлся въ Стокгольмѣ съ представителемъ банкирскаго дома „Варбургъ и К-[о]", обслуживавшаго германскіе интересы, велъ съ нимъ разговоры о мірѣ и завелъ потомъ черезъ Стокгольмъ шифрованную переписку. Какъ-то такъ случилось, что именно послѣ этого обстоятельства на Протопопова было обращено вниманіе двора. Черезъ тибетскаго знахаря Бадмаева онъ нашелъ путь къ Распутину и къ императрицѣ; въ то же время онъ основывалъ большую либерально-буржуазную газету „Русская Воля". Вотъ былъ самый желательный кандидатъ въ министры, аппробованный общественными кругами и Думой и въ то же время дававшій двору всяческія гарантіи вѣрности и благонадежности, „полюбившій государя", по его словамъ, съ перваго же свиданія. *Онъ-то* зналъ кулисы Гос. Думы и импонировалъ двору своими личными связями съ ея вліятельными членами. Дума была, такъ сказать, у него въ карманѣ. А что касается народнаго недовольства, его увѣрилъ Бѣлецкій, что оно не такъ страшно, какъ кажется, и что даже, въ случаѣ возстанія въ столицѣ, нетрудно будетъ съ нимъ справиться, раздѣливъ Петроградъ на кварталы, обучивъ полицію пулеметной стрѣльбѣ и разставивъ пулеметы на крышахъ зданій, расположенныхъ въ стратегически-важныхъ мѣстахъ.

Думскіе круги были поражены состоявшимся въ сентябрѣ назначеніемъ Протопопова на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Это былъ обходъ съ тыла и измѣна въ собственной средѣ. Конечно, вліянія въ этихъ кругахъ Протопоповъ никогда не имѣлъ и личнымъ довѣріемъ и уваженіемъ не пользовался. По-дворянски ласковый и обходительный, по-дворянски задолженный, потомъ получившій на руки большое промышленное дѣло, онъ привыкъ вести мелкую политику личныхъ услугъ и постоянно становился въ положенія, при которыхъ правдивость была бы серьезнымъ недостаткомъ и помѣхой. На вторыхъ роляхъ и при хорошемъ руководствѣ онъ могъ прилично играть роль внѣшняго представительства: такъ это и было въ заграничной парламентской делегаціи.

Предоставленный же самому себѣ и брошенный друзьями, которые отъ него отшатнулись, онъ скоро обнаружилъ всѣ свои отрицательныя стороны: свой карьеризмъ, свое легкомысліе, лживость и умственную ограниченность.

Назначеніе Протопопова имѣло, очевидно, цѣлью перебросить мостикъ между дворомъ и Г. Думой. На дѣлѣ оно лишь

рѣзче подчеркнуло существовавшую между властью и обществомъ пропасть и еще болѣе обострило и отравило взаимныя отношенія. На мѣсто ничтожествъ и открытыхъ враговъ, говорившихъ на разныхъ языкахъ и совершенно чуждыхъ общественнымъ кругамъ по всему своему міровоззрѣнію, тутъ явился ренегатъ, понимавшій языкъ общественности, но готовый воспользоваться этимъ пониманіемъ во вредъ ей. Естественно, что пренебреженіе и презрѣніе къ бывшему товарищу быстро перешло въ ненависть, и то, къ чему уже привыкли отъ другихъ, возбуждало особое негодованіе, когда исходило отъ своего.

Всѣ элементы взрыва были теперь готовы. Общественное напряженіе и нервность достигли крайней степени, когда 1-го ноября собралась Госуд. Дума. Лѣтняя сессія Госуд. Думы носила дѣловой характеръ: Дума обсуждала въ комиссіяхъ и въ пленумѣ самые невинные изъ законопроектовъ, введенныхъ въ программу блока. Обществу эта „органическая работа“ не безъ основанія казалась толченіемъ воды въ ступѣ. И было совершенно ясно, что зимняя сессія Г. Думы будетъ носить совершенно иной, интенсивно-политическій характеръ. Но Дума и правительство уже настолько разошлись, что на этотъ разъ не было сдѣлано никакихъ приготовленій, чтобы Дума и правительство могли встрѣтиться сколько-нибудь миролюбиво. Штюрмера не убрали до Думы, какъ въ январѣ убрали Горемыкина. Такимъ образомъ, Дума получила мишень, въ которую могла направлять свои удары.

Но теперь бить только по Штюрмеру представлялось уже совершенно недостаточнымъ. Штюрмеръ былъ лишь жалкій фигурантъ, приспособлявшійся, какъ и остальные субъекты „министерской чехарды“, къ тому, что дѣлалось и диктовалось за кулисами. Туда, за эти кулисы, и долженъ былъ быть направленъ очередной ударъ. Это было то, чего не понимали ни императоръ, ни Протопоповъ.

Имена членовъ придворнаго кружка, съ именемъ императрицы во главѣ, были произнесены 1 ноября съ думской трибуны пишущимъ эти строки. Перечисляя, одинъ за другимъ, всѣ главнѣйшіе шаги правительства, возбуждавшіе общественное недовольство, ораторъ при каждомъ случаѣ спрашивалъ аудиторію: „глупость это или измѣна?“ И хотя ораторъ скорѣе склонялся къ первой альтернативѣ, аудиторія своими одобреніями поддерживала вторую. В. В. Шульгинъ, въ яркой и ядовитой, по обычаю, рѣчи, поддер-

живалъ П. Н. Милюкова и сдѣлалъ практическій выводъ изъ его обличеній. Рѣчи ораторовъ этого дня были запрещены для печати, и это устроило имъ самую широкую рекламу. Не было министерства и штаба въ тылу и на фронтѣ, въ которомъ не переписывались бы эти рѣчи, разлетѣвшіяся по странѣ въ милліонахъ экземпляровъ. Этотъ громадный отзвукъ самъ по себѣ превращалъ парламентское слово въ штурмовой сигналъ и являлся краснорѣчивымъ показателемъ настроенія, охватившаго всю страну. Теперь у этого настроенія былъ лозунгъ, и общественное мнѣніе единодушно признало 1-е ноября 1916 г. началомъ русской революціи.

Какъ будто правительство начало, наконецъ, кое-что понимать. Штюрмеръ послѣ второго засѣданія Думы, въ которомъ окончились выступленія фракціонныхъ ораторовъ, былъ уволенъ послѣ назначенія ему преемника. Засѣданія Думы были пріостановлены на недѣлю для того, чтобы новое правительство могло осмотрѣться и сдѣлать выводы изъ сложившагося положенія. Наученное опытомъ общество уже ничего не ожидало, — и было право. Преемникомъ Штюрмера явился А. Ф. Треповъ, и этотъ выборъ подтверждалъ, что власть не хочетъ искать своихъ представителей внѣ тѣсной среды старыхъ сановниковъ, надежныхъ для нея, но неспособныхъ вызвать къ себѣ никакого общественнаго довѣрія. Вслѣдъ за другими, Треповъ дѣлалъ попытки найти себѣ поддержку въ Думѣ и въ печати. Но, не располагая, подобно другимъ, ничѣмъ, что могло бы гарантировать серьезную перемѣну курса, онъ скоро увидалъ, что не можетъ расчитывать на хорошій пріемъ. Его даже предостерегали вообще противъ появленія въ Думѣ при этихъ условіяхъ. Треповъ, все-таки, пришелъ. Онъ наткнулся со стороны соціалистическихъ депутатовъ на пріемъ, который вся Дума готовила Протопопову, въ случаѣ его появленія. Три раза онъ пытался начать свою рѣчь, и трижды она была заглушена криками со скамей соціалистовъ и трудовиковъ (19 ноября). Не помогъ Трепову даже и такой козырь, какъ оглашеніе факта, что союзники по договору обязались уступить Россіи Константинополь и проливы.

Правительство давно перестало внушать къ себѣ уваженіе. Но встрѣча Трепова показала всей странѣ, что оно перестало внушать и страхъ. Не могли внушить страха и новыя репрессіи Протопопова. Общество притаилось и чего то ждало. Въ день окончанія сессіи, 17 декабря, предостерегая въ послѣдній разъ

правительство, пишущій эти строки говорилъ, что „атмосфера насыщена электричествомъ, всѣ чувствуютъ приближеніе грозы и никто не знаетъ, куда упадетъ ударъ".

Въ тотъ же день, 17 декабря, ударъ разразился. Онъ упалъ на лицо, которое всѣ считали однимъ изъ главныхъ виновниковъ маразма, разъѣдавшаго дворъ. Страннымъ образомъ, когда это лицо было устранено, всѣ сразу почувствовали, что совсѣмъ не въ этомъ дѣло, что устраненъ лишь яркій показатель положенія, тогда какъ зло вовсе не въ немъ, — и вообще не въ отдѣльныхъ лицахъ. Былъ убитъ Григорій Распутинъ. Это убійство, несомнѣнно, скорѣе смутило, чѣмъ удовлетворило общество. Публика не знала тогда во всѣхъ подробностяхъ кошмарной сцены въ особнякѣ кн. Юсупова, разсказанной потомъ Пуришкевичемъ, однимъ изъ непосредственныхъ участниковъ убійства. Но она какъ бы предчувствовала, что здѣсь случилось нѣчто принижающее, а не возвышающее, — нѣчто такое, что стояло внѣ всякой пропорціи съ величіемъ задачъ текущаго момента. И убійцы не принадлежали къ числу представителей русской общественности. Напротивъ, они вышли изъ среды, создавшій ту самую атмосферу, въ какой расцвѣтали Распутины. Это былъ скорѣй протестъ лучшей части этой среды противъ самихъ себя, выраженіе охватившаго эту среду страха, что вмѣстѣ съ собой Распутины погубятъ и ихъ. Вся царская семья давно уже порывалась объединиться и объяснить царю, что онъ ведетъ Россію и всѣхъ своихъ къ гибели. Увы, отдѣльныя объясненія и тутъ не привели ни къ чему, кромѣ личнаго разрыва. Тѣми же пустыми, ничего не говорящими глазами царь встрѣчалъ августѣйшихъ, какъ и простыхъ совѣтчиковъ.

По крайней мѣрѣ, *этотъ ударъ* разбудитъ ли спящихъ? Поймутъ ли они, что это, послѣ 1-го ноября, уже второе предостереженіе и что третьяго, быть можетъ, не будетъ? Общество задавало себѣ эти вопросы и, съ возраставшимъ нетерпѣніемъ, ждало. Оно ничего не дождалось, Рождественскіе праздники прошли, начался 1917 годъ, и всѣ съ недоумѣніемъ спрашивали себя: что же дальше? Неужели все этимъ и ограничится? И что же нужно *болѣе сильное*, чѣмъ то, что уже было? Впечатлѣніе, что страна живетъ на вулканѣ, было у всѣхъ. Но кто же возьметъ на себя починъ, кто поднесетъ фитиль и взорветъ опасную мину?

Въ обществѣ широко распространилось убѣжденіе, что слѣдующимъ шагомъ, который предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ,

будетъ дворцовый переворотъ при содѣйствіи офицеровъ и войска. Мало-по-малу сложилось представленіе и о томъ, въ чью пользу будетъ произведенъ этотъ переворотъ. Наслѣдникомъ Николая II называли его сына Алексѣя, а регентомъ на время его малолѣтства — в. к. Михаила Александровича. Изъ сообщенія М. И. Терещенко послѣ самоубійства ген. Крымова стало извѣстно, что этотъ „сподвижникъ Корнилова" былъ самоотверженнымъ патріотомъ, который въ началѣ 1917 г. обсуждалъ въ тѣсномъ кружкѣ подробности предстоящаго переворота. Въ февралѣ уже намѣчалось его осуществленіе. Въ то же время другой кружокъ, ядро котораго составили нѣкоторые члены бюро прогрессивнаго блока съ участіемъ нѣкоторыхъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, въ виду очевидной возможности переворота, хотя и не будучи точно освѣдомленъ о приготовленіяхъ къ нему, обсуждалъ вопросъ о томъ, какую роль должна сыграть послѣ переворота Гос. Дума. Обсудивъ различныя возможности, этотъ кружокъ также остановился на регентствѣ в. к. Михаила Александровича, какъ на лучшемъ способѣ осуществить въ Россіи конституціонную монархію. Значительная часть членовъ перваго состава временнаго правительства участвовала въ совѣщаніяхъ этого второго кружка; нѣкоторые, какъ сказано выше, знали и о существованіи перваго. . .

Однако, перевороту не суждено было совершиться такъ, какъ онъ ожидался довольно широкими кругами. Раньше, чѣмъ осуществился планъ кружка, въ которомъ участвовалъ ген. Крымовъ, переворотъ произошелъ не сверху, а снизу. не планомѣрно, а стихійно. . . Нѣкоторымъ предвѣстіемъ переворота было глухое броженіе въ рабочихъ массахъ, источникъ котораго остается неясенъ, хотя этимъ источникомъ, навѣрное, не были вожди соціалистическихъ партій, представленныхъ въ Г. Думѣ. Здѣсь мы касаемся самаго темнаго момента въ исторіи русской революціи. Будущій историкъ, навѣрное, прольетъ свѣтъ и на эту сторону дѣла; но современнику, далекому отъ этого фокуса общественнаго движенія, остаются только догадки.

Мы видѣли, какими побужденіями руководились парламентскіе круги, дѣлавшіе оппозицію правительству. Ихъ главнымъ мотивомъ было желаніе довести войну до успѣшнаго конца въ согласіи съ союзниками, а причиной ихъ оппозиціи — все возраставшая увѣренность, что съ *даннымъ* правительствомъ и при *даннымъ* режимѣ эта цѣль достигнута быть не могла. Эти круги на-

чали съ утвержденія, что „во время переправы не перепрягаютъ лошадей“. Мало-по-малу, упираясь и сдерживая болѣе нетерпѣливыхъ, они пришли къ сознанію необходимости требовать введенія общественныхъ элементовъ въ правительство „общественнаго довѣрія“. Неуступчивость власти дала перевѣсъ надъ ними тѣмъ теченіямъ въ обществѣ, которыя требовали формальной „отвѣтственности“ правительства передъ народнымъ представительствомъ. Противъ идеи достигнуть этой цѣли революціоннымъ путемъ — парламентское большинство боролось до самаго конца. Но видя, что насильственный путь будетъ, все равно, избранъ и помимо Государственной Думы, оно стало готовиться къ тому, чтобы ввести въ спокойное русло переворотъ, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху.

Но рядомъ съ парламентскимъ теченіемъ общественной мысли было и другое, соціалистическое. На соціалистическіе круги, уже съ самаго начала войны, воздѣйствовали извнѣ представители соціалистическаго интернаціонализма за границей. Уже съ ноября 1914 года жертвой этихъ воздѣйствій сдѣлалась соціалъ-демократическая фракція Гос. Думы, въ лицѣ своихъ членовъ — „большевиковъ“, Петровскаго, Бадаева, Муранова, Самойлова и Шагова. Въ серединѣ февраля 1915 г. происходилъ открытый судъ надъ ними: въ числѣ матеріаловъ для обвиненія фигурировалъ присланный изъ за границы проектъ резолюціи, въ которомъ была формулирована „пораженческая“ точка зрѣнія Ленина. Правда, Петровскій замѣнилъ рѣзкую фразу Ленинскаго проекта („съ точки зрѣнія рабочаго класса и трудовыхъ массъ всѣхъ народовъ Россіи, *наименьшимъ зломъ было бы пораженіе царской монархіи и ея войскъ*“) болѣе мягкими выраженіями („съ точки зрѣнія“ и т. д. „особенно опасно усиленіе побѣдоносной царской монархіи“). Затѣмъ Петровскій исключилъ изъ резолюціи центральную мысль всей большевистской тактики (о пропагандѣ въ войскахъ „соціалистической революціи“ и о направленіи оружія „не противъ своихъ братьевъ, наемныхъ рабовъ другихъ странъ, а противъ реакціи буржуазныхъ правительствъ“). Для перваго года войны эти идеи были еще слишкомъ преждевременны. Они привились только значительно позже. Но, тѣмъ не менѣе, прививались среди русскихъ рабочихъ именно эти идеи. „Соціалъ-патріотическое“ направленіе большинства европейскаго соціализма пользовалось симпатіей среди старшаго поколѣнія русскихъ эмигрантовъ, — такихъ, какъ Плехановъ, Дейчъ, Бурцевъ и дру-

гіе. Но среди рабочихъ массъ, а затѣмъ и среди войскъ несравненно больше успѣха имѣли сторонники Ленина.

Какъ проникали пораженческія вліянія на русскую фабрику и въ русскую армію? Для отвѣта на этотъ вопросъ весьма поучителенъ одинъ документъ отъ 23 февраля 1915 г., напечатанный въ началѣ 1918 г. въ русскихъ газетахъ и представляющій изъ себя циркулярное обращеніе отдѣла печати при германскомъ министерствѣ иностр. дѣлъ всѣмъ посламъ, посланникамъ и консульскимъ чинамъ въ нейтральныхъ государствахъ. Вотъ текстъ этого документа: „Доводится до вашего свѣдѣнія, что на территоріи страны, въ которой вы акредитованы, основаны спеціальныя конторы для организаціи пропаганды въ государствахъ, воюющихъ съ германской коалиціей. Пропаганда коснется возбужденія соціальнаго движенія и связанныхъ съ послѣднимъ забастовокъ, революціонныхъ вспышекъ, сепаратизма составныхъ частей государства и гражданской войны, а также агитаціи въ пользу разоруженія и прекращенія кровавой войны. Предлагаемъ вамъ оказывать всемѣрное покровительство и содѣйствіе руководителямъ означенныхъ пропагандистскихъ конторъ“. Этотъ документъ — одинъ въ ряду многихъ подобныхъ — лишь потверждаетъ тотъ германскій планъ воздѣйствія на общественныя движенія враждебныхъ странъ, который былъ составленъ еще до войны и опубликованъ во французской „Желтой Книгѣ“.

Нужно, впрочемъ, сказать, что въ общественномъ мнѣніи болѣе распространено было другое объясненіе таинственнаго источника, изъ котораго шло руководство рабочимъ движеніемъ. Этимъ источникомъ считалась полиція — и, притомъ, спеціально полиція А. Д. Протопопова. Общество было убѣждено, что вмѣсто того, чтобы *ожидать* революціи, правительство предпочтетъ, какъ это сдѣлалъ министръ внутр. дѣлъ Дурново въ декабрѣ 1905 года въ Москвѣ, *вызвать ее* искуственно и разстрѣлять ее на улицѣ. Рука департамента полиціи несомнѣнно замѣчалась въ забастовкахъ не прекращавшихся на петроградскихъ фабрикахъ, и даже въ студенческихъ волненіяхъ.

Какъ бы то ни было, откуда бы ни шли директивы, извнѣ или извнутри,—изъ объективныхъ фактовъ съ безспорностью вытекаетъ, что подготовка къ революціонной вспышкѣ весьма дѣятельно велась — особенно съ начала 1917 года, — въ рабочей средѣ и въ казармахъ петроградскаго гарнизона. Застрѣльщиками

должны были выступить рабочіе. Внѣшнимъ поводомъ для выступленія рабочихъ на улицу былъ намѣченъ день предполагавшагося открытія Гос. Думы, 14 февраля. Подойдя процессіей къ Государственной Думѣ, рабочіе должны были выставить опредѣленныя требованія, въ томъ числѣ и требованіе отвѣтственнаго министерства. Въ одномъ частномъ совѣщаніи общественныхъ дѣятелей этотъ проектъ обсуждался подробно, причемъ самымъ горячимъ его сторонникомъ оказался рабочій Абросимовъ, оказавшійся провокаторомъ на службѣ охраны. На провокацію указывалось и въ предостерегающемъ письмѣ къ рабочимъ П. Н. Милюкова.

Предостереженіе рабочихъ относительно возможной провокаціи на первый разъ достигло своей цѣли. Въ назначенный первоначально день (14 февраля) выступленіе рабочихъ не состоялось. Однако, оно оказалось отложеннымъ не надолго. Уже 23 февраля появились первые признаки народныхъ волненій. 24-го мирные митинги уступили мѣсто первымъ вооруженнымъ столкновеніямъ съ полиціей, сопровождавшимся и первыми жертвами. 25-го работа фабрикъ и занятія въ учебныхъ заведеніяхъ прекратились: весь Петроградъ вышелъ на улицу. У городской думы произошло крупное столкновеніе народа съ полиціей, а на Знаменской площади, при такомъ же столкновеніи, казаки приняли сторону народа, бросились на конную полицію и обратили ее въ бѣгство. Толпа привѣтствовала казаковъ; происходили трогательныя сцены братанья. 26 февраля, въ воскресенье, правительство приготовилось къ рѣшительному бою. Центръ столицы былъ оцѣпленъ патрулями, установлены были пулеметы, проведены провода военныхъ телефоновъ. Это, однако, не устрашило толпу. Въ громадномъ количествѣ, со знаменами, она ходила по улицамъ, собиралась на митинги, вызывала столкновенія, при которыхъ правительствомъ были пущены въ ходъ пулеметы. Чтобы усилить полицію, часть солдатъ была переодѣта въ полицейскія шинели, что вызвало въ полкахъ гарнизона чрезвычайное негодованіе и дало толчокъ къ переходу ихъ на сторону народа. Но движеніе продолжало быть безформеннымъ и безпредметнымъ. Вмѣшательство Гос. Думы дало уличному и военному движенію центръ, дало ему знамя и лозунгъ, и тѣмъ превратило возстаніе въ революцію, которая кончилась сверженіемъ стараго режима и династіи.

III. Пять дней революціи (27 февраля—3 марта).

Роспускъ Г. Думы. — Возстаніе солдатъ и образованіе временнаго комитета членовъ Г. Думы.— Комитетъ беретъ въ руки власть. - Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и его лозунги.—Врем. комитетъ назначаетъ министерство.— Переговоры совѣта раб. депутатовъ съ врем. комитетомъ объ условіяхъ поддержки кабинета.—Деклараціи Врем Правительства и совѣта.—Поѣздка Гучкова и Шульгина къ царю и его отреченіе отъ престола.—Рѣчь П. Н. Милюкова и агитація противъ монархіи.—Вліяніе назначенія Михаила вмѣсто Алексѣя.—Врем. Правительство и комитетъ Думы за отреченіе Михаила.— Посѣщеніе в. к. Михаила Александровича.— Позиція П. Н. Милюкова.— Текстъ отреченія.—Первая капитуляція и дальнѣйшій ходъ революціи.

Сигналъ къ началу революціи дало, опять таки, само правительство. Вечеромъ, 26 февраля, предсѣдатель Г. Думы получилъ указъ объ отсрочкѣ сессіи, которая должна была открыться 27-го. Члены Гос. Думы, собравшись утромъ этого дня на засѣданіе, узнали, что они распущены. Въ непосредственной близости отъ Таврическаго дворца въ то же время уже начиналось форменное возстаніе въ казармахъ Волынскаго и Литовскаго полковъ. Движеніе началось среди солдатъ и застало офицеровъ совершенно неподготовленными: одиночныя попытки ихъ воспротивиться движенію привели къ кровавымъ жертвамъ. Солдаты въ безпорядкѣ пошли къ Таврическому дворцу. Одновременно съ этимъ, смѣшанныя толпы отправились къ арсеналу, заняли его и захватили оружіе, бросились къ тюрьмамъ освобождать арестованныхъ — не только политическихъ, но и уголовныхъ, подожгли Литовскій замокъ, окружный судъ, охранное отдѣленіе на Тверской улицѣ и т. д.

„Кто вызвалъ солдатъ на улицу“ спрашиваетъ В. Б. Станкевичъ, наблюдавшій *снизу* начало революціоннаго движенія. Мы видѣли, что предварительная агитація на фабрикахъ и въ казармахъ могла бы дать указанія для отвѣта на этотъ вопросъ. Но, во всякомъ случаѣ, закулисная работа по подготовкѣ революціи такъ и осталась за кулисами. Можно согласиться, поэтому, съ наблюденіемъ Станкевича: „Масса двинулась сама, повинуясь какому-то

безотчетному внутреннему позыву. . . Ни одна партія, при всемъ желаніи присвоить себѣ эту честь, не могла дать на это отвѣта. Кто могъ предвидѣть выступленіе? Какъ разъ наканунѣ его было собраніе представителей лѣвыхъ партій, и большинству казалось, что движеніе идетъ на убыль и что правительство побѣдило. Съ какимъ лозунгомъ вышли солдаты? Они шли, повинуясь какому-то тайному голосу, и съ видимымъ равнодушіемъ и холодностью позволили потомъ навѣшивать на себя всевозможные лозунги. Кто велъ ихъ, когда они завоевывали Петроградъ, когда жгли Окружный Судъ? Не политическая мысль, не революціонный лозунгъ, не заговоръ и не бунтъ. А стихійное движеніе, сразу испепелившее всю старую власть безъ остатка".

Это и вѣрно, и невѣрно. Вѣрно, какъ общая характеристика движенія 27 февраля. Невѣрно, какъ отрицаніе всякой руководящей руки въ переворотѣ. Руководящая рука, несомнѣнно была, только она исходила, очевидно, не отъ организованныхъ лѣвыхъ политическихъ партій!

Правительство пыталось направить на возставшихъ войска, оставшіяся вѣрными ему, и на улицахъ столицы дѣло грозило дойти до настоящихъ сраженій. Таково было положеніе, когда, около полудня, сдѣлана была двоякая попытка ввести движеніе въ опредѣленное русло. Съ одной стороны, соціалистическія партіи, подготовлявшія революціонные кружки среди солдатъ, попытались взять на себя руководство движеніемъ. Съ другой стороны, рѣшились стать во главѣ движенія члены Гос. Думы. Гос. Дума, какъ таковая, какъ законодательное учрежденіе стараго порядка, координированная „основными законами" съ остатками самодержавной власти, явно обреченной теперь на сломъ, была этой старой властью распущена. Она и не пыталась, не смотря на требованіе М. А. Караулова, открыть формальное засѣданіе. Вмѣсто зала засѣданій Таврическаго дворца, члены Гос. Думы перешли въ сосѣднюю полуциркульную залу (за предсѣдательской трибуной) и тамъ обсудили создавшееся положеніе. Тамъ было вынесено, послѣ ряда горячихъ рѣчей, постановленіе не разъѣзжаться изъ Петрограда (а не постановленіе „не расходиться" Г. Думѣ, какъ учрежденію, какъ о томъ сложилась легенда). Частное совѣщаніе членовъ Думы поручило вмѣстѣ съ тѣмъ своему совѣту старѣйшинъ выбрать временный комитетъ членовъ Думы и опредѣлить дальнѣйшую роль Гос. Думы въ начавшихся событіяхъ.

Въ третьемъ часу дня совѣтъ старѣйшинъ выполнилъ это порученіе, выбравъ въ составъ Временнаго Комитета М. В. Родзянко, В. В. Шульгина (націоналиста), В. Н. Львова („центръ“), И. И. Дмитрюкова (октябристъ), С. И. Шидловскаго (Союзъ 17 октября), М. А. Караулова, А. И. Коновалова (труд. гр.), В. А. Ржевскаго (прогр.), П. Н. Милюкова (к. д.), Н. В. Некрасова (к. д.), А. Ф. Керенскаго (труд.) и Н. С. Чхеидзе (с. д.). Въ основу этого выбора, предопредѣлившаго отчасти и составъ будущаго министерства, положено было представительство партій, объединенныхъ въ прогрессивномъ блокѣ. Къ нему были прибавлены представители лѣвыхъ партій, частью вышедшихъ изъ блока (прогрессисты), частью вовсе въ немъ не участвовавшихъ (трудовики и с. д.), а также президіумъ Гос. Думы. Ближайшей задачей комитета было поставлено „возстановленіе порядка и сношеніе съ учрежденіями и лицами“, имѣвшими отношеніе къ движенію. Рѣшеніе совѣта старѣйшинъ было затѣмъ обсуждено по фракціямъ и утверждено новымъ совѣщаніемъ членовъ Думы въ полуциркульномъ залѣ. Предложенія, шедшія дальше этого, — какъ-то: немедленно взять всю власть въ свои руки и организовать министерство изъ членовъ Думы, или даже объявить Думу Учредительнымъ Собраніемъ, — были отвергнуты отчасти какъ несвоевременныя, отчасти какъ принципіально неправильныя. Изъ намѣченнаго состава Временнаго Комитета отказался участвовать въ немъ Н. С. Чхеидзе и съ оговорками согласился А. Ф. Керенскій. Дѣло въ томъ, что параллельно съ рѣшеніями совѣта старѣйшинъ было рѣшено соціалистическими партіями немедленно возродить къ дѣятельности совѣтъ рабочихъ депутатовъ, памятный по событіямъ 1905 года. Первое засѣданіе совѣта было назначено въ тотъ же вечеръ, въ 7 часовъ, 27 февраля, при чемъ помѣщеніемъ выбрана, безъ предварительныхъ сношеній съ президіумомъ Г. Думы, зала засѣданій Таврическаго дворца. Помѣщеніе Таврическаго дворца вообще послѣ полудня было уже занято солдатами, рабочими и случайной публикой, и въ возваніи 27 февраля, приглашавшемъ на первое засѣданіе, „временный исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ депутатовъ“ (анонимный) говорилъ отъ имени „засѣдающихъ въ Думѣ представителей рабочихъ, солдатъ и населенія Петрограда“. Чтобы урегулировать свой составъ, то-же воззваніе предлагало „всѣмъ перешедшимъ на сторону народа войскамъ немедленно избрать своихъ представителей, по одному на каждую роту;

заводамъ избрать своихъ депутатовъ по одному на каждую тысячу".

Къ вечеру 27 февраля, когда выяснился весь размѣръ революціоннаго движенія, Временный Комитетъ Г. Думы рѣшилъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ и взять въ свои руки власть, выпадавшую изъ рукъ правительства. Рѣшеніе это было принято послѣ продолжительнаго обсужденія, въ полномъ сознаніи отвѣтственности, которую оно налагало на принявшихъ его. Всѣ ясно сознавали, что отъ участія или неучастія Думы въ руководствѣ движеніемъ зависитъ его успѣхъ или неудача. До успѣха было еще далеко: позиція войскъ не только внѣ Петрограда и на фронтѣ, но даже и внутри Петрограда и въ ближайшихъ его окрестностяхъ далеко еще не выяснилась. Но была уже ясна вся глубина и серьезность переворота, неизбѣжность котораго сознавалась, какъ мы видѣли, и ранѣе; и сознавалось, что для успѣха этого движенія Г. Дума много уже сдѣлала своей дѣятельностью въ время войны — и спеціально со времени образованія прогрессивнаго блока. Никто изъ руководителей Думы не думалъ отрицать большой доли ея участія въ подготовкѣ переворота. Выводъ отсюда былъ тѣмъ болѣе ясенъ, что, какъ упомянуто выше, кружокъ руководителей уже заранѣе обсудилъ мѣры, которыя должны были быть приняты на случай переворота. Намѣченъ былъ даже и составъ будущаго правительства. Изъ этого намѣченнаго состава кн. Г. Е. Львовъ не находился въ Петроградѣ, и за нимъ было немедленно послано. Именно эта необходимость ввести въ составъ перваго революціоннаго правительства руководителя общественнаго движенія, происходившаго внѣ Думы, сдѣлала невозможнымъ образованіе министерства въ первый же день переворота. Въ ожиданіи, когда наступитъ моментъ образованія правительства, Временный Комитетъ ограничился лишь немедленнымъ назначеніемъ комиссаровъ изъ членовъ Г. Думы во всѣ высшія правительственныя учрежденія для того, чтобы немедленно возстановить правильный ходъ административнаго аппарата. Необходимыя мѣры по обезпеченію столицы продовольствіемъ были приняты особой комиссіей, организованной исполнительнымъ комитетомъ совѣта рабочихъ депутатовъ, но подъ предсѣдательствомъ приглашеннаго Врем. Комитетомъ Гос. Думы А. И. Шингарева. Руководство военнымъ отдѣломъ также взялъ на себя членъ Гос. Думы, введенный въ составъ Врем. Комитета ночью 27 февраля, при окончательномъ выясненіи его функцій, полк. Б. Эн-

гельгардтъ. Личный составъ министровъ стараго порядка былъ ликвидированъ арестомъ ихъ, по мѣрѣ обнаруженія ихъ мѣстонахожденія. Собранные въ министерскомъ павильонѣ Гос. Думы, они были въ слѣдующіе дни перевезены въ Петропавловскую крѣпость.

Формальный переходъ власти къ Временному Комитету Г. Думы, съ ея предсѣдателемъ во главѣ, и ликвидація стараго правительства чрезвычайно ускорили и упростили дальнѣйшій ходъ переворота. Одна за другой, воинскія части, расположенныя въ Петроградѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, уже въ полномъ составѣ, съ офицерами, и въ полномъ порядкѣ переходили на сторону Гос. Думы. Члены Гос. Думы разъѣзжали по казармамъ, освѣдомляя гарнизонъ о совершившемся, и части войскъ въ теченіе слѣдующихъ дней безпрерывно подходили къ Гос. Думѣ, привѣтствуемыя предсѣдателемъ и членами Временнаго Комитета. Гос. Дума сдѣлалась центромъ паломничества. Она сохранила эту роль и послѣ того, какъ правительство, черезъ нѣсколько дней, перенесло свои засѣданія въ Маріинскій дворецъ, предоставивъ Таврическій дворецъ въ распоряженіе совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Первые четыре-пять дней работа вновь созданной власти велась день и ночь среди суматохи и толкотни Таврическаго дворца. Ближайшей задачей Временнаго Комитета и образуемаго имъ правительства было — выяснить свои отношенія къ образовавшемуся рядомъ съ нимъ представительству соціалистическихъ партій, заявившихъ съ самаго начала претензію представлять демократическіе классы населенія, рабочихъ, солдатъ, а затѣмъ и крестьянство. Съ самого же начала „совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“ поставилъ и свои особыя задачи совершившемуся перевороту. Уже въ воззваніи 28 февраля онъ заявилъ, что „борьба еще продолжается; она должна быть доведена до конца; старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить мѣсто *народному правленію*“; „для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать *свою собственную властную организацію*“. Въ то время, какъ Временный Комитетъ Гос. Думы овладѣвалъ аппаратомъ высшаго управленія государствомъ, „совѣтъ раб. и солд. депутатовъ“ болѣе интересовался тѣмъ, чтобы взять въ свои руки управленіе столицей. Тѣмъ же воззваніемъ назначались „районные комиссары для установленія народной власти въ районахъ Петрограда“, и населеніе приглашалось „немедленно

сплотиться вокругъ совѣта, организовать мѣстные комитеты въ районахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами". Такъ было положено начало осуществленію „основной задачи" совѣта: организаціи народныхъ силъ для борьбы „за окончательное упроченіе политической свободы и народнаго правленія въ Россіи". Воззваніе упоминало также о „созывѣ Учредительнаго Собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права".

Брошенные такимъ образомъ, независимо отъ Г. Думы, лозунги были быстро усвоены рабочими и солдатскими массами столицы. Только лѣвая часть Временнаго комитета, начиная отъ к.-д., могла примкнуть къ нимъ, оставаясь вѣрной своимъ партійнымъ взглядамъ. Однако же, и со стороны представителей болѣе правыхъ партій возраженія не послѣдовало. Скоро оказалось, что они даже готовы были быстрѣе и дальше идти на уступки, требовавшіяся моментомъ, чѣмъ нѣкоторые представители к.-д. Какъ бы то ни было, нельзя было медлить съ выясненіемъ отношеній Временнаго Комитета къ демократическимъ лозунгамъ. Необходимо было ускорить и окончательное формированіе власти. Въ виду этого, уже 1 марта Временный Комитетъ намѣтилъ составъ министерства, которому долженъ былъ передать свою власть. Во главѣ перваго революціоннаго правительства, согласно состоявшемуся еще до переворота уговору, было поставлено лицо, выдвинутое на этотъ постъ своимъ положеніемъ въ россійскомъ земствѣ: кн. Г. Е. Львовъ, мало извѣстный лично большинству членовъ Временнаго Комитета. П. Н. Милюковъ и А. И. Гучковъ, въ соотвѣтствіи съ ихъ прежней дѣятельностью въ Г. Думѣ, были выдвинуты на посты министровъ иностранныхъ дѣлъ и военнаго (а также морского, для котораго въ эту минуту не нашлось подходящаго кандидата). Два портфеля, министерства юстиціи и труда, были намѣчены для представителей соціалистическихъ партій. Но изъ нихъ лишь А. Ф. Керенскій далъ 2 марта свое согласіе на первый постъ. Н. С. Чхеидзе, предполагавшійся для министерства труда, предпочелъ остаться предсѣдателемъ совѣта раб. депутатовъ (онъ фактически не принималъ съ самаго начала участія и во Временномъ Комитетѣ). Н. В. Некрасовъ и М. И. Терещенко, два министра, которымъ суждено было потомъ играть особую роль въ революціонныхъ кабинетахъ, какъ по ихъ непосредственной личной близости съ А. Ф. Керенскимъ, такъ и по ихъ особой близости къ конспиративнымъ

кружкамъ, готовившимъ революцію, получили министерства путей сообщенія и финансовъ. Выборъ этотъ остался непонятнымъ для широкихъ круговъ. А. И. Шингаревъ, только что облеченный тяжелой обязанностью обезпеченія столицы продовольствіемъ, получилъ министерство земледѣлія, а въ немъ не менѣе тяжелую задачу — столковаться съ лѣвыми теченіями въ аграрномъ вопросѣ. А. И. Коноваловъ и А. А. Мануйловъ получили посты, соотвѣтствующіе соціальному положенію перваго и профессіональнымъ занятіямъ второго — министерство торговли и министерство народнаго просвѣщенія. Наконецъ, участіе правыхъ фракцій прогрессивнаго блока въ правительствѣ было обезпечено введеніемъ И. В. Годнева и В. Н. Львова, думскія выступленія которыхъ сдѣлали ихъ безспорными кандидатами на посты государственнаго контролера и оберъ-прокурора синода. Самый правый изъ блока, В. В. Шульгинъ, могъ бы войти въ правительство, если бы захотѣлъ; но онъ отказался и предпочелъ остаться въ трудную для родины минуту при своей профессіи публициста.

Вечеромъ 1 марта въ соединенное засѣданіе Временнаго Комитета Думы и Временнаго Правительства явились представители исполнительнаго комитета совѣта раб. депутатовъ: Н. С. Чхеидзе, Ю. М. Стекловъ (Нахамкесъ), Н. Сухановъ (Гиммеръ), Н. Д. Соколовъ, Филипповскій и др., съ предложеніемъ обсудить тѣ условія, принятіе которыхъ могло бы обезпечить вновь образовавшемуся правительству поддержку демократическихъ организацій. Временное Правительство охотно приняло это предложеніе и вошло въ обсужденіе прочтенныхъ делегатами пунктовъ. Пренія затянулись далеко за полночь. По настоянію П. Н Милюкова, делегаты совѣта согласились отказаться отъ пункта, согласно которому „вопросъ о формѣ правленія оставался открытымъ“ (въ ту минуту въ этой скромной формѣ обезпечивалась возможность разрѣшенія этого вопроса въ смыслѣ *республики*, тогда какъ временное правительство принимало мѣры къ обезпеченію регентства Михаила). По его же требованію, послѣ продолжительныхъ споровъ, они согласились вычеркнуть требованіе о выборности офицеровъ, т е. отказались отъ введеніе въ число условій своей поддержки того самаго принципа, который уже утромъ 2 марта они положили въ основу знаменитаго „приказа № 1“. Послѣ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ измѣненій и дополненій, предложенный делегатами текстъ принялъ слѣдующую форму: „Въ своей дѣятельности кабинетъ будетъ ру-

ководиться слѣдующими основаніями: 1) Полная и немедленная амнистія по всѣмъ дѣламъ политическимъ и религіознымъ, въ томъ числѣ террористическимъ покушеніямъ, военнымъ возстаніямъ, аграрнымъ преступленіямъ и т. д. 2) Свобода слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ, съ распространеніемъ политическихъ свободъ на военнослужащихъ *въ предѣлахъ, допускаемыхъ военно-техническими условіями.* 3) Отмѣна всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій. 4) Немедленная подготовка къ созыву на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія, которое установитъ форму правленія и конституцію страны. 5) Замѣна полиціи народной милиціей съ выборнымъ начальствомъ, подчиненнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія. 6) Выборы въ органы мѣстнаго самоуправленія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. 7) Неразоруженіе и невыводъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи. 8) *При сохраненіи строгой воинской дисциплины въ строю и при несеніи военной службы* — устраненіе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи общественными правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ". За исключеніемъ п. 7, имѣвшаго, очевидно, временный характеръ, и примѣненія начала выбора къ начальству милиціи въ п. 5, все остальное въ этомъ проектѣ заявленія не только было вполнѣ пріемлемо или допускало пріемлемое толкованіе, но и прямо вытекало изъ собственныхъ взглядовъ вновь сформированнаго правительства на его задачи. Съ другой стороны, необходимо отмѣтить, что здѣсь не заключалось ничего такого, что впослѣдствіи было внесено соціалистическими партіями въ пониманіе задачи революціонной власти — и что послужило предметомъ долгихъ преній и неоднократныхъ разрывовъ между соціалистической и не-соціалистической частью „коалиціонныхъ" кабинетовъ слѣдующихъ составовъ.

Съ своей стороны, П. Н Милюковъ настоялъ, чтобы и делегаты совѣта приняли на себя извѣстныя обязательства, а именно, чтобы они осудили уже обнаружившееся тогда враждебное отношеніе солдатъ къ офицерству и всѣ виды саботажа революціи, вродѣ незаконныхъ обысковъ въ частныхъ квартирахъ, грабежа имущества и т. д, и чтобы это осужденіе было изложено въ деклараціи совѣта вмѣстѣ съ обѣщаніемъ поддержки правительству въ возстановленіи порядка и въ проведеніи началъ новаго строя. Оба

заявленія, правительства и совѣта, должны были быть напечатаны рядомъ, второе послѣ перваго, чтобы тѣмъ рельефнѣе подчеркнуть ихъ взаимную связь. Исполняя это желаніе Временнаго Комитета, Н. Д. Соколовъ написалъ проектъ заявленія. Этотъ проектъ, однако, могъ быть истолкованъ въ смыслѣ обратномъ условленному, и поэтому не удовлетворилъ комитета. П. Н. Милюковъ написалъ тогда другой проектъ, который, съ нѣкоторыми измѣненіями, и былъ принятъ въ слѣдующихъ словахъ окончательной деклараціи совѣта: „. . . Нельзя допускать разъединенія и анархіи. Нужно немедленно пресѣкать всѣ безчинства, грабежи, врываніе въ частныя квартиры, расхищеніе и порчу всякаго рода имущества, безцѣльные захваты общественныхъ учрежденій. Упадокъ дисциплины и анархія губятъ революцію и народную свободу. Не устранена еще опасность военнаго движенія противъ революціи. Чтобы предупредить ее, весьма важно обезпечить дружную согласованную работу солдатъ съ офицерами. Офицеры, которымъ дороги интересы свободы и прогрессивнаго развитія родины должны употребить всѣ усилія, чтобы наладить совмѣстную дѣятельность съ солдатами. Они будутъ уважать въ солдатѣ его личное и гражданское достоинство, будутъ бережно обращаться съ чувствомъ чести солдата. Съ своей стороны, солдаты будутъ помнить, что армія сильна лишь союзомъ солдатъ и офицеровъ, что нельзя за дурное поведеніе отдѣльныхъ офицеровъ клеймить всю офицерскую корпорацію“.

Когда всѣ эти переговоры были уже закончены, поздно ночью на 2-е марта въ Комитетъ пріѣхалъ А. И. Гучковъ, проведшій весь день въ сношеніяхъ съ военными частями и въ подготовкѣ обороны столицы, на случай ожидавшагося еще прихода войскъ, посланныхъ въ Петроградъ по приказанію Николая II. Возраженія Гучкова по поводу уже состоявшагося соглашенія побудили оставить весь вопросъ открытымъ. Только утромъ слѣдующаго дня, по настоянію М. В. Родзянко, П. Н. Милюковъ возобновилъ переговоры. Въ теченіе дня соглашеніе было обсуждено и принято въ совѣтѣ, и вечеромъ 2-го марта делегація совѣта вновь явилась къ П. Н. Милюкову съ предложеніемъ выработать окончательный текстъ. Кромѣ уже принятыхъ пунктовъ, делегаты настояли на включеніи фразы: „Временное Правительство считаетъ своимъ долгомъ присовокупить, что оно отнюдь не намѣрено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедленія по осуществленію вышеизложенныхъ реформъ и мѣропріятій“. Подозрительность,

проявленная въ этихъ словахъ, сказалась также и въ тѣхъ болѣе чѣмъ сдержанныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ декларація совѣта давала правительству обѣщанную поддержку. Къ приведенной выше части деклараціи была съ этой цѣлью присоединена слѣдующая вступительная часть: „Товарищи и граждане, новая власть, создавшаяся изъ общественно-умѣренныхъ слоевъ общества, объявила сегодня о всѣхъ тѣхъ реформахъ, которыя она обязуется осуществить частью еще въ процессѣ борьбы со старымъ режимомъ, частью по окончаніи этой борьбы. Среди этихъ реформъ *нѣкоторыя* должны привѣтствоваться широкими демократическими кругами: политическая амнистія, обязательство принять на себя подготовку Учредительнаго Собранія, осуществленіе гражданскихъ свободъ и устраненіе національныхъ ограниченій. И мы полагаемъ, что *въ той мѣрѣ*, въ какой нарождающаяся власть будетъ дѣйствовать въ направленіи осуществленія этихъ обязательствъ и рѣшительной борьбы со старой властью,—демократія должна оказать ей свою поддержку". Здѣсь, какъ видимъ, не только не отразился тотъ фактъ, что текстъ правительственныхъ „обязательствъ" въ основѣ своей составленъ самими делегатами совѣта, а текстъ ихъ деклараціи—Временнымъ Комитетомъ Гос. Думы, но и принята впервые та знаменитая формула „постольку—поскольку", которая заранѣе ослабляла авторитетъ первой революціонной власти среди населенія. Хотя совѣтъ и санкціонировалъ, post factum, вступленіе А. Ф. Керенскаго въ правительство, но онъ и тутъ продолжалъ подчеркивать что правительство принадлежитъ къ „общественно-умѣреннымъ" слоямъ, т. е. заранѣе набрасывалъ на него подозрѣніе въ классовой односторонности. Зародыши будущихъ затрудненій и осложненій уже сказались въ этой исходной формулировкѣ взаимныхъ отношеній правительства и первой изъ организацій „революціонной демократіи".

Еще не покончивъ съ этими переговорами, Временный Комитетъ принялся за свою главнѣйшую очередную задачу, ликвидацію старой власти. Ни у кого не было сомнѣнія, что Николай II болѣе царствовать не можетъ. Еще 26 февраля, въ своей телеграммѣ къ царю, М. В. Родзянко требовалъ только „немедленнаго порученія лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство", т. е. употреблялъ прежнюю формулу прогрессивнаго блока. Онъ прибавлялъ при этомъ, что „медлить нельзя" и что „всякое промедленіе смерти подобно", и „молилъ Бога, чтобы въ

этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣнценосца“. Но уже 27-го утромъ тонъ второй телеграммы былъ иной: „Положенiе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, *ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣднiй часъ, когда рѣшаются судьба родины и династiи*“. На просьбы, обращенныя къ главнокомандующимъ фронтами — поддержать передъ царемъ обращенiе предсѣдателя Думы, — Родзянко получилъ отъ генераловъ Брусилова и Рузскаго отвѣтныя телеграммы, что его просьба исполнена. Генер. Алексѣевъ также настаивалъ, вмѣстѣ съ в. к. Николаемъ Николаевичемъ, на „принятiи рѣшенiя, признаваемаго нами единственнымъ выходомъ при создавшихся роковыхъ условiяхъ“, т. е. на составленiи отвѣтственнаго министерства. Въ томъ же смыслѣ составлено было заявленiе, подписанное великими князьями и доставленное во Временный Комитетъ Гос. Думы. Но, дѣйствительно, было уже поздно думать *только* объ отвѣтственномъ министерствѣ. Нужно было полное и немедленное отреченiе царя. Съ цѣлью настоять на немъ, Временный Комитетъ въ ту же ночь, съ 1 на 2-е марта, рѣшилъ отправить къ Николаю II делегацiю изъ А. И. Гучкова и В. В. Шульгина. Царь, правда, вызывалъ М. В. Родзянко, но отъѣздъ изъ Петрограда предсѣдателя Думы въ то время, когда только что формировалась новая революцiонная власть, признанъ былъ небезопаснымъ. По мысли Комитета, отказъ Николая II долженъ былъ послѣдовать въ пользу наслѣдника, при регентствѣ Михаила.

Выѣхавъ въ 3 часа дня 2 марта, А. И. Гучковъ и В. В. Шульгинъ въ 10 час. вечера были въ Псковѣ и немедленно были приглашены въ салонъ-вагонъ Николая II. Здѣсь, послѣ рѣчи А. И. Гучкова о необходимости отреченiя въ пользу сына (сидѣвшiй рядомъ съ Шульгинымъ ген. Рузскiй сказалъ ему при этомъ: „это уже дѣло рѣшенное“), бывшiй государь отвѣтилъ спокойно и не волнуясь, со своимъ обычнымъ видомъ вѣжливой непроницаемости: „Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принялъ рѣшенiе отречься отъ престола. *До 3 час. дня я былъ готовъ пойти на отреченiе въ пользу моего сына.* Но затѣмъ я понялъ, что разстаться съ моимъ сыномъ я неспособенъ. Вы это, я надѣюсь, поймете. Поэтому я рѣшилъ отречься въ пользу моего брата“. Ссылка на отцовскiя чувства закрыла уста делегатовъ, хотя позволено думать, что въ рѣшенiи царя была и извѣстная политическая задняя мысль. Николай II не хотѣлъ рисковать сыномъ, предпочитая рисковать братомъ и Россiей, въ ожиданiи неизвѣстнаго будущаго.

Думая, какъ всегда, прежде всего о себѣ и о своихъ, даже и въ эту критическую минуту, и отказываясь отъ рѣшенія, хотя и труднаго, но до извѣстной степени подготовленнаго, онъ вновь открывалъ весь вопросъ о монархіи въ такую минуту, когда этотъ вопросъ только и могъ быть рѣшенъ отрицательно. Такова была послѣдняя услуга Николая II родинѣ.

Спросивъ делегатовъ, думаютъ ли они, что актъ отреченія дѣйствительно успокоитъ страну и не вызоветъ осложненій, — и не получивъ утвердителнаго отвѣта, Николай II удалился и въ 11¼ вечера возвратился въ вагонъ съ готовымъ документомъ. В. В. Шульгинъ попросилъ царя внести въ текстъ фразу о „принесеніи всенародной присяги“ Михаиломъ Александровичемъ въ томъ, что онъ будетъ править въ „ненарушимомъ единеніи съ представителями народа“, какъ это было уже сказано въ документѣ. Царь тотчасъ же согласился, замѣнивъ лишь слово „всенародная“ словомъ „ненарушимая.“ Безъ 10-ти минутъ въ полночь на 3-е марта отреченіе было подписано.

За этотъ день 2 марта, однако же, политическое положеніе въ Петроградѣ еще разъ успѣло измѣниться. Измѣненіе это впервые сказалось, когда около 3-хъ часовъ дня П. Н. Милюковъ произносилъ свою рѣчь о вновь образовавшемся правительствѣ въ Екатерининской залѣ Таврическаго дворца. Рѣчь эта была встрѣчена многочисленными слушателями, переполнившими залъ, съ энтузіазмомъ, и ораторъ вынесенъ на рукахъ по ея окончаніи. Но среди шумныхъ криковъ одобренія слышались и ноты недовольства и даже протеста. „Кто васъ выбралъ?“ — спрашивали оратора. Отвѣтъ былъ: „Насъ выбрала русская революція“; но „мы не сохранимъ этой власти ни минуты послѣ того, какъ свободно избранные народомъ представители скажутъ намъ, что они хотятъ на нашихъ мѣстахъ видѣть людей, болѣе заслуживающихъ ихъ довѣрія“. Такъ устанавливалась идея преемственности власти, созданной революціей, до Учредительнаго Собранія. При словахъ оратора: „во главѣ мы поставили человѣка, имя котораго означаетъ *организованную русскую общественность*, такъ непримиримо преслѣдовавшуюся старымъ правительствомъ“, тѣ же голоса дважды прерывали рѣчь криками:“ „*цензовую*“. П. Н. Милюковъ отвѣтилъ имъ: „да, но единственно-организованную, которая дастъ потомъ возможность организоваться и другимъ слоямъ русской общественности“. Наконецъ, на самый существенный вопросъ — о судьбѣ ди-

настіи — ораторъ отвѣтилъ: „я знаю напередъ, что мой отвѣтъ не всѣхъ васъ удовлетворитъ. Но я скажу его. Старый деспотъ, доведшій Россію до полной разрухи, добровольно откажется отъ престола или будетъ низложенъ. Власть перейдетъ къ регенту, в. к. Михаилу Александровичу. Наслѣдникомъ будетъ Алексѣй (шумъ и крики: „это старая династія"). Да, г. г., это старая династія, которую, можетъ быть, не любите вы, и, можетъ быть, не люблю и я. Но дѣло сейчасъ не въ томъ, кто что любитъ. Мы не можемъ оставить безъ отвѣта и безъ разрѣшенія вопросъ о формѣ государственнаго строя. Мы предоставляемъ его себѣ, какъ парламентарную и конституціонную монархію. Быть можетъ, другіе представляютъ иначе. Но если мы будемъ спорить объ этомъ сейчасъ, вмѣсто того, чтобы сразу рѣшить вопросъ, то Россія очутится въ состояніи гражданской войны и возродится только что разрушенный режимъ. Этого сдѣлать мы не имѣемъ права. . . Но, какъ только пройдетъ опасность и установится прочный миръ, мы приступимъ къ подготовкѣ созыва Учредительнаго Собранія, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Свободно избранное народное представительство рѣшитъ, кто вѣрнѣе выразилъ общее мнѣніе Россіи, мы или наши противники".

Къ концу дня волненіе, вызванное сообщеніемъ П. Н. Милюкова о регентствѣ в. к. Михаила Александровича, значительно усилилось. Поздно вечеромъ въ зданіе Таврическаго дворца проникла большая толпа чрезвычайно возбужденныхъ офицеровъ, которые заявляли, что не могутъ вернуться къ своимъ частямъ, если П. Н. Милюковъ не откажется отъ своихъ словъ. Не желая связывать другихъ членовъ правительства, П. Н. Милюковъ далъ требуемое заявленіе въ той формѣ, что „его слова о временномъ регентствѣ в. к. Михаила Александровича и о наслѣдованіи Алексѣя являются его личнымъ мнѣніемъ". Это было, конечно, невѣрно, ибо во всѣхъ предшествовавшихъ обсужденіяхъ вопросъ этотъ считался рѣшеннымъ сообща въ томъ именно смыслѣ, какъ это излагалъ П. Н. Милюковъ. Но напуганный нароставшей волной возбужденія Временный Комитетъ молчаливо отрекся отъ прежняго мнѣнія.

Какъ разъ въ то время, когда происходилъ этотъ сдвигъ въ Петроградѣ, въ Псковѣ Николай II измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе отречься въ пользу сына и „рѣшилъ отречься въ пользу брата". Такая перемѣна дѣлала защиту конституціонной монархіи

еще болѣе трудной, ибо отпадалъ расчетъ на малолѣтство новаго государя, составлявшее естественный переходъ къ укрѣпленію строго-конституціоннаго строя. Тѣ, кто уже согласился на Алексѣя, вовсе не были обязаны соглашаться на Михаила. И когда, около 3 часовъ ночи на 3-е марта, до членовъ правительства, остававшихся въ Таврическомъ дворцѣ, дошли первые слухи объ отреченіи Николая II въ пользу Михаила, всѣ почувствовали, что этимъ снова открытъ вопросъ о династіи. Немедленно были освѣдомлены М. В. Родзянко и кн. Г. Е. Львовъ. Оба они отправились къ прямому проводу въ военное министерство, чтобы узнать тотчасъ по расшифрованіи точный текстъ акта объ отреченіи и выяснить возможность его измѣненія. Въ то-же время были приняты мѣры, чтобы до окончательнаго рѣшенія вопроса актъ объ отреченіи Николая II не былъ опубликованъ. На разсвѣтѣ министры увѣдомили в. к. Михаила Александровича, ничего не подозрѣвавшаго и крайне удивленнаго случившейся перемѣной, что черезъ нѣсколько часовъ они его посѣтятъ. Отсутствіе Родзянко и Львова, съ одной стороны, и ожиданіе возвращенія Гучкова и Шульгина, съ другой, задержали эту встрѣчу. Возвратившагося Шульгина пишущій эти строки успѣлъ на станціи увѣдомить по телефону о совершившейся въ Петроградѣ перемѣнѣ настроенія. Но А. И. Гучковъ уже сообщилъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ о назначеніи Михаила и лично сдѣлался свидѣтелемъ возбужденія, вызваннаго этимъ извѣстіемъ.

Подъ этими предразсвѣтными впечатлѣніями состоялось предварительное совѣщаніе членовъ правительства и Временнаго Комитета о томъ, что и какъ говорить великому князю. А. Ф. Керенскій еще наканунѣ вечеромъ въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ объявилъ себя республиканцемъ и сообщилъ о своемъ особомъ положеніи въ министерствѣ, какъ представителя демократіи, и объ особенномъ вѣсѣ своихъ мнѣній. Правда, принятая на конференціи петроградскихъ соціалистовъ-революціонеровъ 2 марта резолюція говорила еще только о „подготовкѣ Учредительнаго Собранія *пропагандой* республиканскаго образа правленія“ и санкціонировала вступленіе Керенскаго, какъ способъ „необходимаго *контроля* надъ дѣятельностью временнаго правительства со стороны трудящихся массъ“. Но въ утреннемъ совѣщаніи 3 марта его мнѣніе о необходимости убѣдить в. к. отречься возымѣло рѣшающее вліяніе. Н. В. Некрасовъ уже успѣлъ набросать и проектъ отреченія. На сторонѣ обратнаго

мнѣнія, что надо сохранить конституціонную монархію до Учредительнаго Собранія, оказался одинъ П. Н. Милюковъ. Послѣ страстныхъ споровъ было рѣшено, что обѣ стороны мотивируютъ передъ в. к. свои противоположныя мнѣнія и, не входя въ дальнѣйшія пренія, предоставятъ рѣшеніе самому в. князю. Около полудня у в. к. на Милліонной собрались члены правительства: кн. Г. Е. Львовъ, П. Н. Милюковъ, А. Ф. Керенскій, Н. В. Некрасовъ, М. И. Терещенко, И. В. Годневъ, В. Н. Львовъ и нѣсколько позже пріѣхавшій А. И. Гучковъ, а также члены Временнаго Комитета М. В. Родзянко, В. В. Шульгинъ, И. Н. Ефремовъ и М. А. Карауловъ. Необходимость отказа пространно мотивировалъ М. В. Родзянко и, послѣ него, А. Ф. Керенскій. Послѣ нихъ П. Н. Милюковъ развилъ свое мнѣніе, что сильная власть, необходимая для укрѣпленія новаго порядка, нуждается въ опорѣ привычнаго для массъ символа власти. Временное Правительство одно, безъ монарха, говорилъ онъ, является „утлой ладьей“, которая можетъ потонуть въ океанѣ народныхъ волненій, странѣ при этихъ условіяхъ можетъ грозить потеря всякаго сознанія государственности и полная анархія, раньше чѣмъ соберется Учредительное Собраніе; Временное Правительство одно до него не доживетъ, и т. д. За этой рѣчью, вопреки соглашенію, послѣдовалъ рядъ другихъ рѣчей въ полемическомъ тонѣ. Тогда П. Н. Милюковъ просилъ и получилъ, вопреки страстному противодѣйствію Керенскаго, слово для второй рѣчи. Въ ней онъ указывалъ, что хотя и правы утверждающіе, что принятіе власти грозитъ рискомъ для личной безопасности великаго князя и самихъ министровъ, но на рискъ этотъ надо идти въ интересахъ родины, ибо только такимъ образомъ можетъ быть снята съ даннаго состава лицъ отвѣтственность за будущее. Къ тому же внѣ Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты в. князя. Поддержалъ П. Н. Милюкова одинъ А. И. Гучковъ. Обѣ стороны заявили, что въ случаѣ рѣшенія, несогласнаго съ ихъ мнѣніемъ, они не будутъ оказывать препятствія и поддержатъ правительство, хотя участвовать въ немъ не будутъ.

По окончаніи рѣчей великій князь, все время молчавшій, попросилъ себѣ нѣкоторое время на размышленіе. Выйдя въ другую комнату, онъ пригласилъ къ себѣ М. В. Родзянко, чтобы побесѣдовать съ нимъ наединѣ. Выйдя послѣ этой бесѣды къ ожидавшимъ его депутатамъ, онъ сообщилъ имъ довольно твердо, что

его окончательный выборъ склонился на сторону мнѣнія, защищавшагося предсѣдателемъ Гос. Думы. Тогда А. Ф. Керенскій патетически заявилъ: „Ваше Высочество, Вы — благородный человѣкъ!“ Онъ прибавилъ, что отнынѣ будетъ всюду заявлять это. Паѳосъ Керенскаго плохо гармонировалъ съ прозой принятого рѣшенія. За нимъ не чувствовалось любви и боли за Россію, а только страхъ за себя. . .

Проектъ отреченія, набросанный Н, В. Некрасовымъ, былъ очень слабъ и неудаченъ. Рѣшено было пригласить юристовъ-государствовѣдовъ, В. Д. Набокова и Б. Э. Нольде, которые и внесли въ текстъ отреченія измѣненія, возможныя въ рамкахъ состоявшагося рѣшенія. Главное мѣсто отреченія гласило: „принялъ я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять верховную власть, *если такова будетъ воля великаго народа* нашего, которому и надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ своимъ черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи установить образъ правленія и новые основные законы государства россійскаго. Призывая благословеніе Божіе, *прошу* всѣхъ гражданъ державы россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и *облеченному всей полнотой власти*, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа“.. Чтобы легче понять, что новаго внесено этимъ актомъ, приведемъ главное мѣсто отреченія имп. Николая. „Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ согласіи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины. Призываю всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего *святого долга* передъ нимъ *повиновеніемъ царю* въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній, и помочь ему вмѣстѣ съ представителями народа вести государство россійское на путь побѣды, благоденствія и славы“.

Такъ совершилась первая капитуляція русской революціи. Представители Г. Думы, „Думы третьяго іюня“, въ сущности, рѣшили вопросъ о судьбѣ монархіи. Они создали положеніе, дефективное въ самомъ источникѣ, — положеніе, изъ котораго должны были развиться всѣ послѣдующія ошибки революціи. Въ общемъ

сознанiи современниковъ этого перваго момента новая власть, созданная революцiей, вела свое преемство не отъ актовъ 2 и 3 марта, а отъ событiй 27 февраля. Въ этомъ была ея сила, чувствовавшаяся тогда, — и ея слабость, обнаружившаяся впослѣдствiи.

Были ли тяжелыя послѣдствiя революцiи 27 февраля, развернувшiяся въ дальнѣйшемъ, неизбѣжны? Или, напротивъ, ихъ можно было бы избѣжать, если бы тактика новаго правительства оказалась иная? Будущему историку предстоитъ выяснить неизбѣжный характеръ послѣдовавшихъ событiй, выведя его изъ трудностей войны и хозяйственной разрухи, изъ неподготовленности населенiя къ практикѣ народовластiя, изъ запоздалости соцiальныхъ и нацiональныхъ реформъ, изъ малокультурности и неорганизованности населенiя и т. п. Ближайшiй участникъ событiй, развертывавшихся въ центрѣ, естественно будетъ смотрѣть на событiя и оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнiя менѣе фаталистической. Въ рядъ факторовъ неизмѣнныхъ, дѣйствовавшихъ съ неизбѣжными послѣдствiями, онъ введетъ факторъ, измѣняющiйся въ зависимости отъ степени сознательности и волевой силы непосредственныхъ руководителей. Ему трудно будетъ отказаться отъ убѣжденiя, что все могло бы пойти иначе, если бы степень самосознательности и степень волевого напряженiя у руководителей были иныя. Русская революцiя была „мирная и безкровная“ въ своемъ началѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствiе двухъ причинъ: безспорнаго для всѣхъ слоевъ и всѣхъ политическихъ теченiй *отрицательнаго* отношенiя къ старой самодержавной власти, не нашедшей въ рѣшительную минуту ни одного защитника, — и столь же безспорнаго въ тѣ первыя минуты *положительнаго* отношенiя къ Гос. Думѣ и къ ея дѣятелямъ, взявшимъ въ свои руки руководство переворотомъ. Но безсилiе старой власти передъ недисциплинированностью и отсталостью страны перешло по наслѣдству и къ новой власти. Данная этой властью свобода была использована крайними элементами для систематической организацiи острой классовой борьбы, перешедшей мало-по-малу въ открытую гражданскую войну подъ лозунгомъ немедленнаго мира и немедленнаго введенiя соцiализма. Въ результатѣ, разрушительнымъ началамъ революцiи легко было получить перевѣсъ надъ созидательными, стихiи — получить перевѣсъ надъ сознательностью, распаду — надъ единствомъ. Среди постепенно прогрессировавшаго хаоса и анархiи, два элемента сохранили и усилили свой характеръ планомѣрныхъ волевыхъ фак-

торовъ: во-первыхъ, утопія всемірной соціалистической революціи, долженствовавшей изъ Петрограда перекинуться на Берлинъ, Парижъ, Лондонъ и т. д., — утопія, уже погубившая нашу первую революцію 1905 г. и отчасти при посредствѣ тѣхъ же самыхъ идеологовъ фанатиковъ; во-вторыхъ, искусство германскаго генеральнаго штаба, сумѣвшаго организовать измѣну внутри непріятельской страны и заставить русскихъ сражаться за Германію въ Петроградѣ, Москвѣ и многочисленныхъ другихъ городахъ Россіи.

Стихійный ходъ русской революціи велъ ее отъ переворота къ перевороту, причемъ каждый новый переворотъ ослаблялъ революціонную власть и все шире открывалъ путь явленіямъ распада. Можно даже подмѣтить извѣстную ритмичность въ этомъ повтореніи новыхъ и новыхъ крушеній власти. Два мѣсяца — вотъ почти точно тотъ срокъ, на который каждому вновь организовавшемуся правительству удавалось удержать надъ страной власть, становившуюся все болѣе и болѣе номинальной и фиктивной. Самый переходъ отъ власти низвергаемой къ власти, ее замѣнявшей, становился съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе длительнымъ и болѣзненнымъ.

Сообразно этому общему ритму событій русской революціи, ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе четыре періода: 1) Первое революціонное правительство (2 марта — 2 мая). 2) Первое правительство коалиціоннаго состава (2 мая — 2 іюля). 3) Первый кризисъ власти и вторая коалиція (3 іюля — 28 августа). 4) Второй кризисъ власти и третья коалиція (28 августа — 25 октября). Таково дѣленіе по внѣшнему признаку — послѣдовательно мѣняющихся кабинетовъ. Но есть въ немъ и внутренній признакъ — постоянно прогрессирующаго распада власти. За первымъ внутреннимъ противорѣчіемъ революціи, которое мы уже отмѣтили, слѣдуетъ при первомъ революціонномъ правительствѣ второе. Г. Дума сдала революціи идею монархіи. Кабинетъ князя Г. Е. Львова сдалъ позицію буржуазной революціи, подчиннившись требованіямъ и формуламъ соціалистическихъ партій. Третье противорѣчіе развернулось при слѣдующемъ кабинетѣ, *первомъ* коалиціонномъ. Выпущенный „буржуазіей" изъ рукъ принципъ буржуазной революціи приняли подъ свою защиту умѣренные соціалисты. Какъ и можно было ожидать, эта двусмысленная позиція погубила ихъ во мнѣніи рабочаго класса и чрезвычайно усилила лѣвый флангъ русскаго соціализма, „большевизмъ". *Второму*

коалиціонному кабинету уже пришлось стать передъ фактомъ безсилія соціалистическаго центра лицомъ къ лицу съ двумя боровшимися флангами: буржуазной диктатурой, стремившейся спасти что можно, для достиженія внѣшней побѣды и для сохраненія внутренняго мира, — и соціалистической утопіей, увлекавшей массы чисто-демагогическими лозунгами. Двусмысленное положеніе, занятое Керенскимъ въ борьбѣ между этими двумя флангами, — между Корниловымъ и Ленинымъ, — лишило его союзниковъ и выдало его противникамъ. Въ выясненіи этого послѣдняго обстоятельства — одиночества власти — и заключается политическій смыслъ періода *третьей* коалиціи: того, который мы назвали „агоніей буржуазной республики". Исходомъ агоніи явилась побѣда большевиковъ, составляющая хронологическую грань, на которой останавливается первый томъ исторіи второй революціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

БУРЖУАЗНАЯ ВЛАСТЬ ПОДЧИНЯЕТСЯ ЦѢЛЯМЪ СОЦІАЛИЗМА.
(2 МАРТА — 6 МАЯ).

I. Мѣропріятія Врем. Правительства и намѣренія совѣта р. и с. д.

Первое Временное Правительство. — Его программа. — Первыя мѣропріятія. — Гражданское равноправіе. — Манифестъ о Финляндіи. — Воззваніе къ полякамъ. — Желанія другихъ національностей. — Взглядъ кн. Г. Е. Львова на управленіе Россіей. — Законопроекты по управленію. — Подготовка Учредительнаго Собранія. — „Демократическія" организаціи. — Совѣтъ р. и с. д. — „Контактная комиссія". — „Контроль" надъ правительствомъ — или участіе соціалистовъ во власти?

6 марта Временное Правительство опубликовало воззваніе къ гражданамъ, въ которомъ излагалась программа его дѣятельности. Необходимость государственнаго переворота объяснялась въ этомъ воззваніи не одними только обстоятельствами военнаго времени, но и всей той десятилѣтней борьбой противъ народныхъ правъ, которая систематически велась верховной властью со времени роспуска первыхъ Гос. Думъ и нарушенія конституціи положеніемъ о выборахъ 3 іюня 1907 г. Въ отличіе отъ послѣдующихъ декларацій, воззваніе 6 марта первой своей задачей ставило „доведеніе войны до *побѣднаго конца*" и заявляло при этомъ, что оно „будетъ свято хранить связывающіе насъ съ другими державами союзы и неуклонно исполнитъ заключенныя съ союзниками соглашенія". Союзникамъ и эта фраза показалась тогда слишкомъ сухой. Далѣе, правительство обязывалось: 1) „созвать въ возможно кратчайшій срокъ Учредительное Собраніе..., обезпечивъ участіе въ выборахъ и доблестнымъ защитникамъ родины"; 2) „немедленно обезпечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство"; 3) „озаботиться установленіемъ нормъ, обезпечивающихъ всѣмъ гражданамъ равное, на основѣ всеобщаго избирательнаго права, участіе въ выборахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія"; 4) „вернуть съ почетомъ изъ мѣстъ ссылки и заточенія всѣхъ страдальцевъ за благо родины".

Заявленіе Временнаго Правительства объ отношеніи его къ войнѣ и къ союзникамъ все же закрѣпило за-границей то благо-

пріятное впечатлѣніе, которое было создано руководящей ролью Гос. Думы въ переворотѣ. Послы и посланники союзныхъ державъ, въ ожиданіи оффиціальнаго признанія переворота ихъ правительствами, немедленно вошли въ сношеніясъ образовавшимся Временнымъ Правительствомъ. Первымъ государствомъ, поспѣшившимъ и оффиціально признать новую власть, была Америка, посолъ которой Френсисъ уже 9 марта былъ принятъ Временнымъ Правительствомъ въ торжественной аудіенціи. За нимъ послѣдовали, 11 марта, оффиціальныя заявленія передъ Временнымъ Правительствомъ Франціи, Англіи и Италіи; потомъ, 22 марта, Бельгіи, Сербіи, Румыніи, Японіи и Португаліи.

Въ ближайшіе же дни послѣ принятія власти правительство энергично принялось за осуществленіе объявленной имъ программы. Шестымъ марта датированъ указъ о самой полной амнистіи, исключавшей лишь должностныя преступленія стараго порядка, и немедленно же сдѣланы распоряженія о возвращеніи на государственный счетъ всѣхъ политическихъ ссыльныхъ и эмигрантовъ. 12-мъ марта датировано постановленіе (опубликовано 18 марта) объ отмѣнѣ смертной казни. Труднѣе оказалось формулировать отмѣну вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій, — необходимый шагъ къ установленію гражданскаго равенства и свободы. Можно было опубликовать общее постановленіе, но оно имѣло бы только декларативный характеръ. Можно было опубликовать перечень отмѣненныхъ статей дѣйствующаго законодательства, но это потребовало бы долгой и кропотливой работы. Временное Правительство избрало средній путь, перечисливъ главныя категоріи отмѣняемыхъ ограниченій и указавъ важнѣйшія отмѣняемыя статьи. Такимъ образомъ, закономъ, подписаннымъ 20 марта (изданъ 22 марта), отмѣнялись національныя и вѣроисповѣдныя ограниченія связанныя съ 1) свободой передвиженія и жительства, 2) пріобрѣтеніемъ правъ собственности, 3) занятіемъ ремесломъ, торговлей и промышленностью, 4) участіемъ въ торгово-промышленныхъ обществахъ, 5) наймомъ прислуги, 6) поступленіемъ на государственную и общественную службы и участіемъ въ выборахъ, 7) поступленіемъ въ учебныя заведенія, 8) исполненіемъ обязанностей опекуновъ, попечителей, присяжныхъ повѣренныхъ и 9) употребленіемъ языковъ въ частныхъ обществахъ и учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, было снято темное пятно, лежавшее на русской общественности по отношенію къ евреямъ, которые получили пс

этому закону полное гражданское равноправіе. Еще раньше Временное Правительство поспѣшило исправить грѣхъ старой власти по отношенію къ двумъ народностямъ, особенно страдавшимъ отъ капризовъ самодержавной политики: финляндцамъ и полякамъ. Манифестъ о Финляндіи былъ подписанъ уже 6 марта: имъ отмѣнялись всѣ нарушенія финляндской конституціи, совершенныя съ самаго начала руссификаторской политики Бобрикова (т. е. съ 1892 г.), даровалась полная амнистія лицамъ, боровшимся съ русскимъ правительствомъ за права Финляндіи, и давалось обѣщаніе въ возможно краткій срокъ созвать сеймъ, которому „будутъ переданы проекты новой формы правленія для В. К. Финляндскаго и, если того потребуютъ обстоятельства, предварительно будутъ переданы проекты отдѣльныхъ основыхъ законоположеній въ развитіе конституціи Финляндіи“, а именно: въ въ нихъ „будутъ выяснены и расширены права сейма въ отношеніи права обложенія и опредѣленія доходовъ и расходовъ казны, а также и въ томъ смыслѣ, чтобы исконное право самообложенія финляндскаго народа было распространено и на таможенное обложеніе и чтобы обезпечено было своевременное движеніе подлежащихъ утвержденію законовъ, принятыхъ сеймомъ“. Далѣе, будутъ внесены проекты „о предоставленіи сейму права повѣрять служебныя распоряженія членовъ финляндскаго правительства“, „о независимомъ высшемъ судѣ, о свободѣ печати и о союзахъ“. Финляндскому народу торжественно подтверждалось, „на основѣ его конституціи, сохраненіе его внутренней самостоятельности, правъ его національныхъ — культуры и языковъ“, и высказывалась „твердая увѣренность, что Россія и Финляндія будутъ отнынѣ связаны уваженіемъ къ закону, ради взаимной дружбы и благоденствія обоихъ свободныхъ народовъ“. Увѣренность эта основывалась какъ на самомъ существѣ манифеста, которымъ вполнѣ осуществлялись стремленія финляндскихъ конституціоналистовъ-патріотовъ, составлявшія предметъ борьбы въ теченіе многихъ десятилѣтій, такъ и то обстоятельство, что актъ былъ изданъ по предварительному соглашенію съ представителями финляндскихъ политическихъ партій. Архаическій, полный пробѣловъ и умолчаній, государственный строй Финляндіи превращался манифестомъ въ конституціонное государство новѣйшаго типа, связанное съ Россіей единствомъ высшей власти и важнѣйшими общеимперскими дѣлами. Къ сожалѣнію, уже во время перваго временнаго правительства, желанія финляндцевъ пошли дальше. Даже съ нарушеніемъ строго-

конституціонныхъ отношеній между сеймомъ и сенатомъ, они стали добиваться расширенія власти послѣдняго учрежденія, хозяйственное отдѣленіе котораго замѣняло въ Финляндіи министерство. При этомъ они очень тонко подмѣчали всѣ моменты колебаній или слабости революціонной власти, чтобы то выдвигать впередъ свои требованія, то вновь переходить къ тактикѣ выжиданія. Созывъ сейма былъ назначенъ на 22 марта, и появленіе его, какъ увидимъ, еще болѣе осложнило ходъ разрѣшенія финляндскаго вопроса.

Въ польскомъ вопросѣ, по почину П. Н. Милюкова, Временное Правительство сразу стало на опредѣленную точку зрѣнія полной независимости объединенной изъ трехъ частей этнографической Польши. Въ виду германско-австрійской оккупаціи русской Польши, революціонная власть не могла, конечно, осуществить свое намѣреніе непосредственно. Вмѣсто манифеста о независимости Польши пришлось издать воззваніе къ полякамъ, которое говорило не точнымъ юридическимъ языкомъ финляндскаго документа, а словами одушевленнаго и горячаго призыва — бороться за общее дѣло, „плечомъ къ плечу и рука съ рукою, за нашу и вашу свободу", какъ гласили старыя польскія знамена 30-хъ годовъ. Временное Правительство оговаривало лишь право россійскаго Учредительнаго Собранія. Основное мѣсто воззванія гласило такъ: „Сбросившій иго русскій народъ признаетъ и за братскимъ польскимъ народомъ всю полноту права собственною волею опредѣлить судьбу свою. Вѣрное соглашеніямъ съ союзниками, вѣрное общему съ ними плану борьбы съ воинствующимъ германизмомъ, Временное Правительство считаетъ созданіе *независимаго* польскаго государства, образованнаго *изъ всѣхъ земель, населеныхъ въ большинствѣ польскимъ народомъ*, надежнымъ залогомъ прочнаго мира въ будущей—обновленной—Европѣ. *Соединенное съ Россіей свободнымъ военнымъ союзомъ*, польское государство будетъ твердымъ оплотомъ противъ напора срединныхъ державъ на славянство. Освобожденный и объединенный, польскій народъ самъ опредѣлитъ государственный строй свой, высказавъ волю свою черезъ *Учредительное Собраніе*, созванное *въ столицѣ Польши и избранное всеобщимъ голосованіемъ*. Россія вѣритъ, что *связанные* съ Польшей вѣками совмѣстной жизни *народы получатъ* при этомъ *прочное обезпеченіе своего гражданскаго и національнаго существованія. Россійскому Учредительному Собранію предстоитъ скрѣпить окончательно новый братскій союзъ и дать свое согласіе на тѣ измѣненія госу-*

дарственной территоріи Россіи, которыя необходимы для образованія свободной Польши изъ *всѣхъ* трехъ, нынѣ разрозненныхъ, частей ея".

Энтузіазмъ, вызванный опубликованіемъ финляндскаго и польскаго актовъ Временнаго Правительства, отозвался повышеніемъ ожиданій среди другихъ національностей Россіи, въ особенности народностей, пограничныхъ съ театромъ военныхъ дѣйствій. Издавая оба документа до Учредительнаго Собранія, Временное Правительство руководилось какъ идейнымъ ихъ значеніемъ и безспорностью притязаній обѣихъ народностей въ тѣхъ рамкахъ, въ которыя ввело ихъ правительство, такъ и совершенно особымъ положеніемъ Финляндіи и Польши, — и вообще, и въ особенности въ связи съ военными операціями. Въ частности, въ оккупированной Польшѣ воззваніе революціоннаго правительства укрѣпляло надежды поляковъ и помогло имъ оказать противодѣйствіе германо-австрійцамъ въ попыткахъ послѣднихъ создать полумилліонную польскую армію и закрѣпить за собой Польшу узами новой государственности, полученной изъ рукъ срединныхъ имперій. Распространеніе тѣхъ же правъ на другія народности Россіи не вызвалось такими же настоятельными причинами, предрѣшало бы будущее устройство Россіи и уже поэтому должно было быть отложено до Учредительнаго Собранія. Однако уже въ то время и эти народности предъявили Временному Правительству свои притязанія. 18 марта князя Г. Е. Львова посѣтила литовская депутація въ составѣ М. М. Ичаса, П. С. Янушкевича и В. М. Бѣльскаго и вручила ему постановленіе вновь образованнаго изъ представителей политическихъ партій „литовскаго національнаго совѣта", что „въ этнографическомъ, культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ Литва представляетъ *единое политическое цѣлое*", что „при устроеніи жизни Литвы всѣ населяющія ея народности должны пользоваться равными правами, и всѣмъ имъ должно быть гарантировано свободное развитіе и участіе въ управленіи Литвой" и что „Литва должна быть выдѣлена въ *самостоятельную административную* единицу, причемъ управленіе Литвой должно быть поручено органамъ и лицамъ изъ среды самаго населенія Литвы". Смыслъ этихъ заявленій, очевидно, шелъ дальше тѣхъ осторожныхъ выраженій, въ которыя они были на первый разъ облечены. Тогда же князь Г. Е. Львовъ принялъ и украинскую депутацію въ лицѣ петроградскихъ представителей: А. И. Лотоцкаго, М. А.

Корчинскаго, М. А. Славинскаго, Гогеля, Т. Гайдара и Лободы. Требованія депутаціи были еще сравнительно умѣренныя и ограничивались мѣропріятіями, необходимыми до созыва Учредительнаго Собранія. Такими мѣрами депутація считала: назначеніе въ украинскія губерніи лицъ, знакомыхъ съ краемъ и съ его языкомъ, назначеніе губернскихъ украинскихъ комиссаровъ и учрежденіе при Временномъ Правительствѣ комиссара по украинскимъ дѣламъ, немедленное введеніе украинскаго языка въ практику и дѣлопроизводство судебныхъ установленій, въ начальную и среднюю школу, украинизація и открытіе новыхъ учительскихъ семинарій со особой мѣстной программой и т. д. Въ результатѣ пріема, въ Петроградѣ образовался 19 марта „Украинскій національный совѣтъ“. Временное Правительство приняло мѣры для удовлетворенія украинскихъ стремленій по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, Временное Правительство рѣшительно порвало съ политикой старой власти въ Галиціи, постепенно освободило и вернуло т. наз. „заложниковъ“ и арестованныхъ за украинскую національную пропаганду и, въ концѣ существованія перваго министерства, на значило особаго комиссара, Д. И. Дорошенко, для управленія оккупированными мѣстностями Галиціи въ строгомъ согласіи съ пред писаніями Гаагской конвенціи, при помощи имѣющаго быть возстановленнымъ на расширенныхъ началахъ мѣстнаго самоуправленія. Въ томъ же духѣ и въ то же время были приняты мѣры для организаціи управленія оккупированными областями Малой Азіи (Арменіи).

Гораздо болѣе сложнымъ и труднымъ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго зависѣлъ весь дальнѣйшій ходъ революціи, былъ вопросъ о переустройствѣ всего управленія Россіей. Мирный и быстрый успѣхъ революціи въ Петроградѣ отразился на такомъ же мирномъ и быстромъ усвоеніи ея результатовъ всей страной. Вездѣ въ провинціи представители старой власти устранились сами или были устранены безъ всякаго сопротивленія. На смѣну администраціи стараго порядка явились повсюду въ первые-же дни революціи мѣстные „комитеты“, „совѣты“ и другія организаціи изъ представителей общественныхъ элементовъ. Никакого единообразія и никакой іерархической связи между этими мѣстными организаціями и центромъ не существовало Въ первые же дни существованія Временнаго Правительства функціи губернаторовъ и уѣздныхъ представителей власти переданы были пред-

сѣдателямъ губернскихъ и уѣздныхъ управъ. Такъ какъ по своему составу эти предсѣдатели часто не соотвѣтствовали настроенію момента, то эта суммарная мѣра на мѣстахъ вызвала тренія и недовольство. Когда изъ провинціи пріѣзжали въ Петроградъ старые и новые представители администраціи и требовали однообразныхъ директивъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, они неизмѣнно получали отъ кн. Г. Е. Львова тотъ же отказъ, который онъ далъ представителямъ печати, въ своемъ интервью 7 марта: „Это — вопросъ старой психологіи. Временное Правительство смѣстило старыхъ губернаторовъ, а назначать никого не будетъ. Въ мѣстахъ выберутъ. Такіе вопросы должны разрѣшаться не изъ центра, а самимъ населеніемъ. . . Мы всѣ безконечно счастливы, что намъ удалось дожить до этого великаго момента, что мы можемъ творить новую жизнь народа — не для народа, а вмѣстѣ съ народомъ. . . Будущее принадлежитъ народу, выявившему въ эти историческіе дни свой геній. Какое великое счастье жить въ эти великіе дни“. Въ интервью 19 марта кн. Львовъ говорилъ: „Въ области мѣстнаго самоуправленія программа Временнаго Правительства составлена властными указаніями самой жизни. Въ лицѣ мѣстныхъ общественныхъ комитетовъ и другихъ подобныхъ организацій она создала уже зародышъ мѣстнаго демократическаго самоуправленія, подготовляющаго населеніе къ будущимъ реформамъ. Въ этихъ комитетахъ я вижу фундаментъ, на которомъ должно держаться мѣстное самоуправленіе до созданія новыхъ его органовъ. Комиссары временнаго правительства, посылаемые на мѣста, имѣютъ своей задачей *не становиться поверхъ* создавшихся органовъ въ качествѣ высшей инстанціи, но лишь служить посредствующимъ звеномъ между ними и центральной властью и облегчить процессъ ихъ организаціи и оформленія“. Кн. Львовъ пронесъ сказавшійся здѣсь оптимизмъ на идеалистической подкладкѣ неприкосновеннымъ черезъ всѣ испытанія первыхъ мѣсяцевъ революціи, какъ видно изъ его рѣчи 27 апрѣля въ торжественномъ юбилейномъ засѣданіи четырехъ Думъ. „Мы можемъ почитать себя счастливѣйшими людьми; поколѣніе наше попало въ наисчастливѣйшій періодъ русской исторіи“; такъ начиналась эта рѣчь, а кончилась она стихами американскаго поэта: „свобода, пусть отчаятся другіе, я никогда въ тебѣ не усомнюсь“.

Такое міровоззрѣніе руководителя нашей внутренней политики практически привело къ систематическому бездѣйствію его вѣдом-

ства и къ самоограниченію центральной власти одной задачей — санкціонированія плодовъ того, что на языкѣ „революціонной демократіи“ называлось „революціоннымъ правотворчествомъ“. Предоставленное самому себѣ и совершенно лишенное защиты со стороны представителей центральной власти, населеніе, по необходимости, должно было подчиниться управленію партійныхъ организацій, которыя пріобрѣли въ новыхъ мѣстныхъ комитетахъ могучее средство вліянія и пропаганды опредѣленныхъ идей, льстившихъ интересамъ и инстинктамъ массъ, а потому и наиболѣе для нихъ пріемлемыхъ.

Однако же, мысль о необходимости ввести мѣстное „правотворчество“ въ какія нибудь однообразныя рамки закона не вовсе исчезла. Подобранные кн. Львовымъ сотрудники, во главѣ съ Н. Н. Авиновымъ, занялись разработкой соотвѣтствующихъ законопроектовъ. Вліяніе ихъ на жизнь не могло сказаться уже потому, что разработка эта требовала довольно сложнаго труда и значительнаго времени. Однако же, къ концу своего существованія, подводя итогъ своей дѣятельности въ воззваніи 26 апрѣля, Временное Правительство уже имѣло возможность сообщить о ходѣ этой работы слѣдующія свѣдѣнія: „Начата коренная реорганизація мѣстнаго управленія и самоуправленія на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ. Изъ необходимыхъ для этихъ цѣлей законоположеній изданы уже постановленія о выборахъ въ городскія думы и о милиціи. Выработаны и будутъ изданы въ самомъ непродолжительномъ времени постановленія о волостномъ земствѣ, о реформѣ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, о мѣстныхъ продовольственныхъ органахъ, мѣстномъ судѣ и объ административной юстиціи“. Такимъ образомъ, все, что вообще было сдѣлано въ этой области до созыва Учредительнаго Собранія, было уже подготовлено при первомъ составѣ Временнаго Правительства.

Созывъ Учредительнаго Собранія, при всемъ желаніи Временнаго Правительства сдѣлать это въ кратчайшій срокъ, какъ требовало этого принятое на себя правительствомъ обязательство, закрѣпленное присягой, не могъ состояться до введенія на мѣстахъ новыхъ демократическихъ органовъ самоуправленія, способныхъ провести выборы. Съ другой стороны, хотя правительство обязалось также привлечь къ выборамъ и армію, но у перваго состава Вр. Правительства сложилось убѣжденіе, что сдѣлать это можно лишь въ моментъ затишья военныхъ операцій, т. е. не рань-

ше поздней осени. Въ этихъ предѣлахъ правительство вполнѣ добросовѣстно не хотѣло никакихъ промедленій и при первой возможности, предоставленной ему неотложными текущими дѣлами, занялось этимъ вопросомъ. Уже 25 марта Врем. Правительство постановило образовать для выработки проекта избирательнаго закона въ Учр. Собраніе „Особое совѣщаніе“ подъ предсѣдательствомъ назначеннаго правительствомъ лица (Ф. Ф. Кокошкина), съ участіемъ приглашенныхъ имъ-же спеціалистовъ по госуд. праву, статистикѣ и другихъ свѣдущихъ лицъ, а также „политическихъ и общественныхъ дѣятелей, представляющихъ главныя политическія и національно-политическія теченія Россіи“. Однако же, созывъ этой комиссіи затормозился въ виду того, что предсѣдатель совѣта раб. и солд. депутатовъ Н. С. Чхеидзе нѣкоторое время вовсе не отвѣчалъ на сдѣланное ему предложеніе объ опредѣленіи численности представителей въ совѣщаніи отъ демократическихъ организацій, а затѣмъ предложенное юридической комиссіей при Врем. Правительствѣ число ихъ вызвало разногласія. Къ срединѣ апрѣля юридическая комиссія разработала примѣрный перечень вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію при составленіи избирательнаго закона, и разослала его всѣмъ организаціямъ, имѣющимъ быть представленными въ совѣщаніи. Комиссія расчитывала, что въ ближайшемъ будущемъ представители организацій (всего 41 членъ) будутъ делегированы, и 25 — 30 апрѣля можно будетъ начать работу. Но новыя проволочки съ посылкой делегатовъ, въ особенности національныхъ группъ, привели къ тому, что при первомъ правительствѣ работа особаго совѣщанія такъ и не началась. Во всякомъ случаѣ, основныя положенія избирательнаго закона были уже выработаны юридической комиссіей: это — тѣ самыя положенія, которыя были доложены Ф. Ф. Кокошкинымъ на апрѣльскомъ съѣздѣ партіи народной свободы и приняты партіей.

Намѣченная Временнымъ Правительствомъ программа дѣятельности, такимъ образомъ, была или осуществлена, или подготовлена къ осуществленію. Но не въ этой области законодательныхъ работъ, осуществлявшихъ великіе принципы революціи, лежали тѣ трудности, которыя, быстро возрастая, парализовали уже къ концу второго мѣсяца работу перваго состава Временнаго Правительства. Одну изъ этихъ трудностей мы уже отмѣтили: это — исчезновеніе власти въ провинціи и вытекавшая отсюда полная невозможность приводить въ исполненіе рѣшенія цен-

тральнаго правительства. Другая трудность заключалась въ томъ, что власть, выпущенная изъ рукъ Временнаго Правительства, была захвачена соціалистическими партіями, поставившими своей прямой задачей организовать „демократію“ какъ въ центрѣ, такъ и въ провинціи, для осуществленія своихъ партійныхъ лозунговъ.

Въ центрѣ органами „революціонной демократіи“ явились какъ мѣстныя петроградскія соціалистическія организаціи, такъ въ особенности объединявшій ихъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и его „Исполнительный Комитетъ“.

Пишущій эти строки стоялъ слишкомъ далеко отъ этого вліятельнаго учрежденія, чтобы имѣть возможность описать его по личному наблюденію. Но вотъ описанія очевидца и участника, наблюдавшаго „Исполнительный Комитетъ“ Совѣта въ теченіе марта и апрѣля, т. е. какъ разъ въ описываемое время. „Комитетъ“, говоритъ Станкевичъ въ своихъ воспомннаніяхъ, „былъ учрежденіемъ, созданнымъ наспѣхъ, и уже въ формахъ своей дѣятельности имѣвшимъ множество чрезвычайныхъ недостатковъ. Засѣданія происходили каждый день съ часу дня, а иногда и раньше, и продолжались до поздней ночи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда происходили засѣданія Совѣта, и Комитетъ, обычно въ полномъ составѣ, отправлялся туда; порядокъ дня устанавливался, обычно, „міромъ“, но очень рѣдки были случаи, чтобы удалось разрѣшить не только всѣ, но хотя бы одинъ, изъ поставленныхъ вопросовъ, такъ какъ постоянно во время засѣданій возникали экстренные вопросы, которые приходилось разрѣшать не въ очередь . . . Вопросы приходилось разрѣшать подъ напоромъ чрезвычайной массы делегатовъ и ходоковъ, какъ изъ Петроградскаго гарнизона, такъ и съ фронтовъ, и изъ глубины Россіи, причемъ всѣ делегаты добивались во что бы то ни стало быть выслушанными въ пленарномъ засѣданіи Комитета. . . Пробовали было провести раздѣленіе труда устройствомъ разныхъ комиссій, но это мало помогло дѣлу, такъ какъ центръ тяжести по-прежнему лежалъ на пленумѣ, — хотя бы потому, что комиссіямъ некогда было засѣдать, въ виду перманентности засѣданій Комитета. Важнѣйшія рѣшенія принимались часто совершенно случайнымъ большинствомъ голосовъ. Обдумывать было некогда, ибо все дѣлалось второпяхъ, послѣ ряда безсонныхъ ночей, въ суматохѣ. Усталость физическая была всеобщей. Недоспанныя ночи. Безконечныя засѣданія. Отсутствіе правильной ѣды — питались хлѣбомъ и чаемъ, и лишь

иногда получали солдатскій обѣдъ въ мискахъ безъ вилокъ и ножей."

„Главенствующее положеніе въ Комитетѣ все время занимали соціалъ-демократы различныхъ толковъ. Н. С. Чхеидзе,... только предсѣдатель, а не руководитель,... лишь оформливалъ случайный матеріалъ, не давалъ содержанія. Его товарища, Скобелева, ...рѣдко можно было видѣть въ Комитетѣ, такъ какъ ему приходилось очень часто разъѣзжать для тушенія слишкомъ разгорѣвшейся революціи въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ, Выборгѣ и Ревелѣ... Н. Н. Сухановъ, старавшійся руководить идейной стороной работъ Комитета, но не умѣвшій проводить свои стремленія черезъ суетливую и неряшливую технику засѣданій; Б. О. Богдановъ, полная противоположность Суханову, сравнительно легкомысленно относившійся къ большимъ принципіальнымъ вопросамъ, но зато бодро барахтавшійся въ грудѣ дѣловой работы и организаціонныхъ вопросовъ, и терпѣливѣе всѣхъ высиживавшій на всѣхъ засѣданіяхъ солдатской секціи и Совѣта; Ю. М. Стекловъ, изумлявшій работоспособностью, умѣніемъ пересиживать всѣхъ на засѣданіяхъ и, кромѣ того, редактировать совѣтскія „Извѣстія" и упорно гнувшій крайне-лѣвую, непримиримую или, вѣрнѣе сказать, трусливо революціонную линію; К. А. Гвоздевъ (потомъ, министръ труда), выдѣлявшійся разсудительной практичностью...; М. Н. Гольдманъ (Либеръ), яркій, неотразимый аргументаторъ, направлявшій остріе своей рѣчи неизмѣнно налѣво; Н. Д. Соколовъ, какъ то странно не попадавшій въ тактъ и тонъ событій...; Данъ, воплощенная догма меньшевизма,... всегда съ запасомъ безконечнаго количества гладкихъ законченныхъ фразъ..., въ которыхъ есть все, что угодно, кромѣ дѣйствій и воли... Народники не дали для Комитета ничего похожаго, даже когда появились ихъ первоклассные силы: А. Р. Гоцъ, В. М. Черновъ, И. И. Бунаковъ, В. М. Зензиновъ. Они все время предпочитали держаться въ сторонѣ... Народные соціалисты, В. А. Мякотинъ и А. В. Пѣшехоновъ, старательно подчеркивали свою чужеродность въ Комитетѣ. Изъ трудовиковъ только Л. М. Брамсонъ... оставилъ очень значительный слѣдъ въ дѣловой работѣ Комитета... Большевики въ Комитетѣ были вначалѣ представлены, главнымъ образомъ, М. Н. Козловскимъ и П. И. Стучкой..., оба желчные, злые и, какъ намъ казалось, тупые. Противоположностью имъ явился потомъ Каменевъ...: въ Комитетѣ онъ былъ не врагомъ, а только оппозиціей... Военные были вначалѣ

представлены В. Н. Филипповскимъ и нѣсколькими солдатами... Изъ солдатъ... естественно попали наиболѣе истерическія, крикливыя и неуравновѣшенныя натуры... Потомъ вошли Завадье и Бинасикъ..., бывшіе, кажется, мирными писарями въ запасныхъ баталіонахъ, никогда не интересовавшимися ни войной, ни арміей, ни политическимъ переворотомъ:... наиболѣе яркое доказательство, насколько условно можно воспринимать утвержденіе, что Исполнительный Комитетъ руководилъ революціей..."

„Въ общемъ, исторію Комитета въ организаціонномъ и личномъ отношеніи слѣдуетъ раздѣлить на два періода: до и послѣ пріѣзда Церетели. Первый періодъ былъ періодомъ, полнымъ случайности, колебаній и неопредѣленности, когда всякій, кто хотѣлъ, пользовался именемъ и организаціей Комитета, но болѣе всего это удавалось Стеклову... Однажды было задержано письмо на бланкѣ Комитета съ печатью къ крестьянамъ какого то села, которымъ давалась полномочіе „соціализировать" сосѣднее помѣщичье имѣніе. Несмотря на весь радикализмъ въ соціальныхъ вопросахъ, весь Комитетъ былъ до глубины души возмущенъ... Оказалось, что такія письма выдавалъ членъ аграрной комиссіи, с. р. Александровскій... Сами совѣтскія „Извѣстія" были, въ сущности, такимъ письмомъ Александровскаго... Вездѣ чувствовалась рука редактора, проводящаго отнюдь не взгляды Комитета... Некому было объ этомъ подумать... Когда я составилъ протестъ противъ этого направленія „Извѣстій", Стекловъ былъ безъ сожалѣнія смѣщенъ. Такое положеніе приводило къ тому, что, хотя оффиціально Комитетъ поддерживалъ правительство и большинство постоянно настаивало на незыблемости этой позиціи, — тѣмъ не менѣе Комитетъ самъ расшатывалъ авторитетъ правительства своими случайными мѣрами, необдуманными шагами... Въ то время, какъ особая делегація (см. ниже) бесѣдовала и приходила къ полному единодушію съ министрами, десятки Александровскихъ разсылали письма, печатали статьи въ „Извѣстіяхъ", разъѣзжали отъ имени Комитета делегатами по провинціи и въ арміи, принимали ходоковъ въ Таврическомъ Дворцѣ, каждый выступалъ по своему, не считаясь ни съ какими разговорами, инструкціями или постановленіями и рѣшеніями. Въ конечномъ счетѣ, отъ Комитета всегда всего можно было добиться, если только упорно настаивать... Рѣзко измѣнился характеръ Комитета съ появленіемъ Церетели... Онъ спокойно, увѣренно и смѣло велъ Комитетъ.., въ принципѣ

сохранялъ интернаціоналистическія тенденціи, на практикѣ рѣзко проводя оборонческую линію органическаго сотрудничества и поддержки правительства... Но, поразительно, какъ разъ въ моментъ, когда Комитетъ организовался,... научился управлять собой, онъ выпустилъ изъ рукъ руководство массой, которая ушла въ сторону отъ него."

Нельзя лучше и ярче сказать, что Комитетъ имѣлъ силу лишь постольку, поскольку онъ являлся невольнымъ и слѣпымъ орудіемъ проведенія чужихъ тенденцій. Когда онъ пересталъ быть такимъ орудіемъ, сторонники этихъ тенденцій нашли себѣ другіе органы и другіе методы дѣйствія. Для наблюдателя со стороны все было случайно и хаотично. А въ результатѣ получилась весьма опредѣленная линія поведенія. Такъ какъ главной мишенью Комитета, въ эту первую эпоху его существованія, было Временное Правительство, то, естественно, эта единая линія поведенія, проводившаяся преимущественно Стекловымъ, и можетъ быть наблюдаема лучше всего въ области отношеній Комитета и его делегацій къ правительству.

Первые шаги Комитета въ этомъ направленіи были довольно неувѣренны и робки. Общепризнаннымъ догматомъ марксизма былъ тотъ, что въ настоящее время возможна только „буржуазная", а не соціалистическая революція, что соціалистическія партіи должны не столько бороться за власть непосредственно, сколько создать условія для организаціи массъ съ цѣлью такой борьбы въ будущемъ, а въ ожиданіи — „контролировать" буржуазное правительство въ его дѣятельности и не позволять ему препятствовать организаціоннымъ задачамъ „демократіи". Въ лицѣ Временнаго Правительства самое требовательное воображеніе не могло усмотрѣть такой организаціи, которая защищала бы классовые интересы „буржуазіи" и противилась бы демократическимъ реформамъ. Задачи, которыя преслѣдовало правительство, были надпартійныя, общія всѣмъ партіямъ: иначе и быть не могло, такъ какъ всѣ его очередныя мѣры были чисто формальныя и подготовительныя. Оно просто готовило условія для свободнаго выраженія народной воли въ Учредительномъ Собраніи, не предрѣшая по существу, какъ выразится эта воля относительно всѣхъ очередныхъ вопросовъ государственнаго строительства, — политическихъ, соціальныхъ, національныхъ и экономическихъ. Вотъ почему только въ очень условномъ смыслѣ это правительство могло быть названо „буржуазнымъ". Конференція петроградскихъ с.-р. такъ

и смотрѣла на дѣло, когда уже 2 марта признала „настоятельно-необходимой поддержку Временнаго Правительства, поскольку оно будетъ выполнять объявленную имъ политическую программу“. „Постольку—поскольку“ сдѣлалось знаменитой формулой совѣта р. и с. депутатовъ. Это было бы, по существу, неопасно, ибо Временное Правительство вовсе не думало измѣнять своей программѣ, а, напротивъ, убѣжденно и добросовѣстно ее осуществляло. Но „революціонная демократія“ не довольствовалась простымъ „контролемъ“. Въ ближайшіе же дни г. Стекловъ-Нахамкесъ заявилъ въ совѣтѣ, что совѣтъ „желаетъ путемъ постояннаго *организованнаго давленія* заставлять правительство осуществлять тѣ или иныя *требованія*“. Для этой цѣли — „воздѣйствія на правительство и непрерывнаго контроля“—10 марта была избрана особая „контактная комисія“ изъ Скобелева, Стеклова, Суханова (Гиммера), Филипповскаго и Чхеидзе. Впослѣдствіи, послѣ реорганизаціи совѣта, ея мѣсто заняло бюро исполнительнаго комитета. „Контактная комиссія“ дѣйствовала вначалѣ очень сдержанно и робко при встрѣчахъ съ правительствомъ, для чего отъ времени до времени въ одной изъ залъ Маріинскаго дворца—не въ залѣ засѣданій совѣта министровъ—назначались особыя совѣщанія. Значительная часть пожеланій „контактной комиссіи“ удовлетворялась, о чемъ демонстративно и хвастливо заявлялось въ совѣтѣ. Нѣкоторыя „требованія“ встрѣтили, однако, категорическій отказъ (напр., требованіе объ ассигновкѣ 10 милліоновъ на нужды демократическихъ организацій). На съѣздѣ совѣтовъ И. Г. Церетели призналъ (30 марта), что въ „контактной комиссіи“ „не было случая, чтобы въ важныхъ вопросахъ Временное Правительство не шло на соглашенія“. Соотвѣтственнымъ образомъ была формулирована и декларація, предложенная исполнительнымъ комитетомъ совѣта этому съѣзду. „Признавая, что выдвинутое низверженіемъ самодержавія Временное Правительство, представлющее интересы либеральной и демократической Россіи, проявляетъ стремленіе идти по пути, намѣченному декларацiей, опубликованной имъ по соглашенію съ совѣтомъ р. и с. депутатовъ, всероссійское совѣщаніе совѣтовъ р. и с. д., настаивая на необходимости постояннаго воздѣйствія на Временное Правительство въ смыслѣ побужденія его къ самой энергичной борьбѣ съ контръ-революціонными силами и къ рѣшительнымъ шагамъ въ сторону демократизаціи всей русской жизни, признаетъ политически-цѣлесообразной поддержку совѣтомъ р. и с. д. Врем. Пра-

вительства, поскольку оно, въ согласіи съ совѣтомъ, будетъ неуклонно идти въ направленіи къ упроченію завоеваній революціи и *расширенію* этихъ завоеваній". Однако же, рѣчь докладчика Стеклова и послѣдовавшія пренія вскрыли гораздо болѣе острое отношеніе къ правительству, чѣмъ это видно изъ примирительнаго текста резолюціи. Стекловъ счелъ нужнымъ поднять заднимъ числомъ вопросъ, который не игралъ никакой роли въ началѣ революціи: почему исполнительный комитетъ совѣта не захватилъ съ перваго дня власти въ свои руки? Онъ далъ на это слѣдующій характерный отвѣтъ. „По двумъ причинамъ: психологической и политической. Во первыхъ, въ первые дни революціи намъ не было еще на кого опереться. Мы имѣли передъ собой лишь неорганизованную массу... Со всѣхъ сторонъ сообщалось о томъ, что въ Петроградъ идутъ войска съ цѣлью усмиренія революціи. Мы, подобно древнимъ римлянамъ, сидѣли, увѣряя себя, что „засѣданіе продолжается". Вторая причина—политическая. Революціонная демократія беретъ власть въ свои руки лишь тогда, когда власть въ осуществленіи своей программы становится на путь контръ-революціонный. Такого положенія у насъ не было, нѣтъ его и сейчасъ. Буржуазія прекрасно сознавала и сознаетъ, что ей надо идти на широкія уступки демократіи... Мы ни одну минуту не сомнѣвались, что *та же самая программа, которую нынѣ осуществляетъ Временное Правительство подъ апплодисменты всей россійской буржуазіи, встрѣтила бы со стороны командующихъ классовъ самое энергичное сопротивленіе, если бы ее проводили мы подъ фирмой совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ*". Изъ наивнаго и откровеннаго признанія Стеклова его оппоненты сдѣлали дальнѣйшіе выводы. „Они не чувствовали въ первые дни революціи почвы подъ ногами для захвата власти", говорилъ военный врачъ Есиповскій. „Но теперь положеніе измѣнилось. За спиною совѣта р. и с. д.—армія и народъ. Представители революціоннаго пролетаріата и революціонной арміи должны поэтому войти въ составъ Временнаго Правительства. Вр. Правительство должно быть коалиціоннымъ. Пока этого не произойдетъ, двоевластіе неизбѣжно. Въ составѣ Вр. Правительства долженъ быть не одинъ нашъ „заложникъ", какимъ является А. Ф. Керенскій, а представители всѣхъ соціалистическихъ партій". Большевикъ Каменевъ сдѣлалъ другой выводъ. „Изъ доклада Стеклова, замѣтилъ онъ совершенно правильно,—видно, что исполнительный комитетъ не только осу-

ществляетъ функціи контроля надъ Врем. Правительствомъ, но и ведетъ съ нимъ упорную борьбу. Это и надо сказать въ резолюціи. Наше отношеніе къ Вр. Правительству должно выразиться не въ поддержкѣ его, а въ томъ, чтобы, въ предвидѣніи неизбѣжнаго столкновенія этого правительства или, вѣрнѣе, тѣхъ классовъ, которые оно представляетъ, съ органами революціонной власти—совѣтами р. и с. д.—сплотиться вокругъ этихъ послѣднихъ".

Однако, перевѣсъ на съѣздѣ принадлежалъ не сторонникамъ коалиціи и не сторонникамъ открытой борьбы, а сторонникамъ „общенароднаго единенія буржуазіи и пролетаріата на общей платформѣ демократической республики". Эту среднюю линію защищалъ И. Г. Церетели, не договаривая до конца аргументовъ Стеклова и подчеркивая лояльность Врем. Правительства, „не отвѣтственнаго" за тѣ круги, которые „натравливаютъ на совѣты р. и с. д.", и не идущаго по пути „контръ-революціи", на который эти круги его „толкаютъ". Существо дѣла осталось, во всякомъ случаѣ, то же. „Революціонная демократія" за одинъ мѣсяцъ еще не успѣла почувствовать „почву подъ ногами", и худой миръ для нея былъ предпочтительнѣе доброй ссоры. Худой миръ устраивалъ и поддерживалъ И. Г. Церетели, но и единомышленники Каменева не могли на него жаловаться, ибо „за спиной" правительства и совѣта они совершенно свободно дѣлали то самое дѣло, которое прнципіально признавали нужнымъ, хотя и отшатывались еще отъ его практическихъ послѣдствій.

II. „Революціонная демократія“ переходитъ въ наступленіе.

Агитація большевиковъ противъ войны. — Мѣры большевиковъ и агентовъ къ разложенію арміи. — Воздѣйствіе большевиковъ черезъ совѣтъ и „контактную комиссію“ на правительство. — Большевики организуютъ кампанію противъ „имперіалистовъ“ за Циммервальдъ. — Обращеніе совѣта „къ народамъ всего міра“ и заявленіе правительства (28 марта) о цѣляхъ войны. — Вліяніе русскихъ эмигрантовъ и союзныхъ соціалистовъ на „демократизацію“ внѣшней политики. — Новыя требованія отъ министра иностр. дѣлъ. — Заявленіе Керенскаго. — Агитація среди рабочихъ. — Нота 18 апрѣля и уличное движеніе 20 — 21 апрѣля противъ П. Н. Милюкова. — Побѣда правительства. — Власть совѣта надъ гарнизономъ и отставка ген. Корнилова.

Въ чемъ состояла закулисная революціонная работа „за спиной“ правительства и совѣта? Русская революція еще не начиналась, а главный лозунгъ закулисныхъ силъ, ее двигавшихъ, уже былъ провозглашенъ. Та демонстрація рабочихъ, которая готовилась на 14 февраля, — день возобновленія сессіи Гос. Думы — должна была выразить *протестъ противъ войны*. Именно для этой цѣли какіе-то люди, именовавшіе себя членами Гос. Думы (и, конечно, не имѣвшія ничего общаго съ членами думскихъ соціалистическихъ партій), раздавали оружіе рабочимъ. Не только П. Н. Милюковъ протестовалъ тогда противъ „дурныхъ и опасныхъ совѣтовъ, исходящихъ изъ самаго темнаго источнnка“, но и члены рабочей группы при военно-промышленномъ комитетѣ, уцѣлѣвшіе отъ ареста ихъ Протопоповымъ, заявляли: „интересы рабочаго класса зовутъ васъ къ станкамъ (т. е. къ помощи войнѣ)“. Роль „темныхъ источниковъ“ въ переворотѣ 27 февраля, какъ мы уже говорили, совершенно неясна, но, судя по всему послѣдующему, отрицать ее трудно. И уже въ это первое время она совпадаетъ съ ролью „большевиковъ“. Среди нихъ дѣйствовалъ тогда провокаторъ Черномазовъ, не разоблаченный еще редакторъ прежней „Правды“. Лозунгъ большевиковъ былъ провозглашенъ въ манифестѣ, напечатанномъ уже на другой день послѣ начала революціи, въ № 1 „Извѣстій Петроградскаго Совѣта рабочихъ депута-

товъ". „Немедленная и неотложная задача временнаго революціоннаго правительства", говорилось тутъ, — „*войти въ сношенія съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ и немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана порабощеннымъ народамъ*". Это—точная формула Циммервальда, не имѣющая, очевидно, ничего общаго съ той платформой „демократической республики", при помощи которой И. Г. Церетели хотѣлъ объединить „буржуазію" съ „пролетаріатомъ". Но источникъ этой идеологіи и всѣ ея послѣдствія, развернувшіеся въ дальнѣйшемъ, очевидно, были неясны для оффиціальнаго лидера „революціонной демократіи". И онъ добросовѣстно сдѣлалъ себя и руководимое имъ большинство совѣта той ступенькой, по которой большевики пробрались къ вліянію и къ власти, совершивъ предварительно все то дѣло разрушенія, которое, по ихъ теоріи, должно было предшествовать ихъ полному торжеству.

Уже на второй день революціи, подъ вліяніемъ большевиковъ, въ заголовкѣ совѣтскаго органа, „Извѣстій", было прибавлено къ слову „рабочихъ" также и слово „солдатскихъ" депутатовъ. Въ то же время появилась прокламація къ солдатамъ, подписанная, между прочимъ, и партіей с.-р., хотя черезъ день конференція с.-р. рѣзко осудила эту прокламацію, какъ „крайне неудачно составленную, вселяющую въ народныя массы взаимное недовѣріе и рознь, къ тому же изданную *безъ вѣдома* правомочныхъ партійныхъ учрежденій". Прокламація была „проникнута озлобленіемъ противъ офицеровъ, огульно безъ исключенія". Вслѣдъ за с.-р. эту прокламацію осудилъ и Чхеидзе, какъ „провокаціонный листокъ, натравливающій солдатъ на офицеровъ и подписанный именемъ с.-д. организаціи." Наконецъ, какъ-то со стороны и врасплохъ былъ подсунутъ Временному Комитету Гос. Думы поздно вечеромъ 1 марта и текстъ знаменитаго приказа № 1. „Неизвѣстный" полковнику Энгельгардту членъ сов. р. и с. д. въ военной формѣ „предложилъ ему написать приказъ объ отношеніи солдатъ и офицеровъ". На отказъ Энгельгардта онъ отвѣтилъ: „тѣмъ лучше, напишемъ сами". Дѣйствительно, содержаніе приказа № 1 было предложено тогда же 1 марта, совѣту р. д. „товарищемъ Максимомъ" (извѣстный сотрудникъ „Дня" С. А. Кливанскій) въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ „1) предложить солдатамъ не выдавать оружія никому, 2) немед

ленно избрать представителей въ Совѣтъ, 3) предложить тов. солдатамъ подчиняться при своихъ политическихъ выступленіяхъ только Совѣту р. и с. д. и 4) подчиняясь на фронтѣ офицерамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ считать ихъ внѣ фронта равноправными гражданами". Приказъ № 1 прибавилъ лишь къ этому приглашеніе немедленно выбрать вездѣ „комитеты" и доводить до ихъ свѣдѣнія о „всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами", отмѣнить отданіе чести и титулованіе; фактически это привело, вопреки разъясненію исп. комитета совѣта отъ 5 марта, къ повсемѣстному выбору офицеровъ совѣтами. Нужно прибавить, что 4 марта было рѣшено расклеить по улицамъ заявленіе Керенскаго и Чхеидзе, что приказъ № 1 „не исходитъ отъ Совѣта р. д.", а 7 марта центральный комитетъ партіи народной свободы постановилъ „довести до свѣдѣнія Совѣта, что, обсудивъ полученныя имъ свѣдѣнія о чрезвычайной смутѣ и рядѣ бѣдственныхъ происшествій въ арміи и во флотѣ, произведенныхъ приказомъ № 1, изданнымъ совѣтомъ р. и с. д., комитетъ призналъ своимъ гражданскимъ долгомъ обратиться къ совѣту съ заявленіемъ о необходимости полной и ясной отмѣны этого приказа *во имя сохраненія нашей боевой силы безъ чего немыслимо успѣшное доведеніе войны до конца*". Однако, ни заявленіе Керенскаго и Чхеидзе не появилось въ „Извѣстіяхъ", ни полной и ясной отмѣны приказа не состоялось, несмотря на воззваніе Скобелева и Гучкова о пагубности розни между офицерами и солдатами и о томъ, что приказы № 1 и 2 относятся только къ войскамъ петроградскаго гарнизона*). Вопреки общимъ усиліямъ всѣхъ сознательныхъ и отвѣтственныхъ руководителей, мутная струя проникла, такимъ образомъ, въ русскую революцію съ самаго начала: она внесена была, очевидно, изъ опредѣленнаго источника, о которомъ свидѣтельствуетъ самое содержаніе требованій большевиковъ относительно немедленной „демократизаціи" арміи и немедленнаго же „демократическаго" мира. Извѣстный швейцарскій соціалъ-демократъ, Робертъ Гриммъ, уличенный позднѣе въ сношеніяхъ съ германскимъ правительствомъ, совершенно точно формулировалъ большевистскій лозунгъ въ своемъ приглашеніи на третью циммервальдскую конференцію въ Стокгольмѣ, созывав-

*) Н. С. Чхеидзе, по свидѣтельству Станкевича, отказался подписать это воззваніе, хотя оно и было одобрено совѣтомъ. „Мы все время говорили противъ войны," упрощенно аргументировалъ онъ; „какъ же теперь могу призывать солдатъ къ продолженію войны, къ стоянію на фронтѣ"? („Воспоминанія", 98)

шуюся имъ на 2 мая. Туда приглашались прiѣхать всѣ партiи и организацiи, примыкающiя къ лозунгу: *„борьба противъ примиренiя партiй, возобновленiе классовой борьбы, требованiе немедленнаго перемирiя и заключенiя мира безъ аннексiй и контрибуцiй на основѣ самоопредѣленiя народовъ“*.

Какую роль играло въ этомъ планѣ разложенiе армiи, видно изъ сообщенiя Верховнаго Главнокомандующаго (ген. Алексѣева (1 апрѣля): „рядъ перебѣжчиковъ показываетъ, что германцы и австрiйцы надѣются, что различныя организацiи внутри Россiи, мѣшающiя въ настоящее время работѣ Временнаго Правительства, *внесутъ анархiю въ страну и деморализуютъ русскую армiю*“. Изъ напечатанныхъ въ началѣ 1918 г. документовъ извѣстно, что уже съ самаго начала войны воздѣйствiе на русскую армiю было прямо организовано нашими противниками при содѣйствiи русскихъ эмигрантовъ — „пораженцевъ“.

Органомъ пропаганды большевиковъ явилась „Правда“, разсылавшаяся такъ же, какъ „Окопная Правда“, сразу въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. О характерѣ пропаганды „Правды“ дадутъ понятiе слѣдующiя цитаты изъ первыхъ же ея номеровъ*). „Буржуазныя партiи уже теперь стремятся ввести революцiю въ умѣренное русло — организуютъ офицеровъ, призываютъ солдатъ къ подчиненiю“. (№ 1) „Петербургскiй комитетъ“ постановилъ предложить совѣту р. и с. д. принять мѣры „къ свободному доступу на фронтъ и въ ближайшiй его тылъ для преобразованiя фронта“ „нашихъ партiйныхъ агитаторовъ“, которые должны были обращаться „съ призывомъ къ братанiю на фронтѣ“. (№ 3) Бюро Ц. К. предписывало тогда же, въ началѣ марта, „широкое и систематическое братанье солдатъ воюющихъ народовъ въ траншеяхъ“. (№ 5.) Первыми опорными точками и базами для всей дальнѣйшей дѣятельности большевиковъ явились болѣе доступныя къ воздѣйствiю изъ-за границы мѣста: Гельсингфорсъ и Кронштадъ. Тамъ произошли и первыя открытыя выступленiя вооруженной силы противъ Временнаго Правительства.

Однако, большевистская пропаганда далеко не сразу проникла на фронтъ. Первый мѣсяцъ или полтора послѣ революцiи армiя оставалась здоровой. Не пропуская явныхъ агитаторовъ, командный

---

*) См. подробнѣе въ брошюрѣ *А. С. Изгоева:* „Соцiалисты во второй русской революцiи“. Изд. партiи нар. свободы. Петр., 1917.

составъ добросовѣстно старался пойти навстрѣчу требованіямъ новаго строя и установить нормальныя отношенія между офицерами и солдатами. 13-го марта въ Петроградѣ состоялось первое соединенное засѣданіе членовъ комитета объединеныхъ офицерскихъ депутатовъ съ исполнительнымъ комитетомъ совѣта р. и с. д., принявшее, при общемъ энтузіазмѣ, поцѣлуяхъ и слезахъ, слѣдующую резолюцію: „Выслушавъ объясненіе исполнительнаго комитета совѣта офицерскихъ депутатовъ гарнизона Петрограда и окрестностей и балтійскаго флота, объединяющаго около 20.000 офицеровъ, собраніе заявляетъ объ установленіи прочнаго братскаго единенія между офицерами и солдатами, къ чему призываетъ всю русскую армію. Въ основу этого единенія собраніе призываетъ положить взаимное уваженіе въ каждомъ солдатѣ и каждомъ офицерѣ чувства чести и человѣческаго достоинства и общее стремленіе стоять на стражѣ свободы“. На фронтѣ съ энтузіазмомъ встрѣчались члены Гос. Думы, посланные туда для объясненія войскамъ началъ совершившагося переворота. Депутаціи, въ безчисленномъ количествѣ приходившія съ фронта и направлявшіяся сперва въ Таврическій дворецъ, а потомъ, послѣ перехода Врем. Правительства, въ Маріинскій, неизмѣнно выражали довѣріе Врем. Правительству и готовность поддержать его противъ всякихъ попытокъ возстановленія стараго строя. Скоро къ этимъ темамъ присоединилась новая: опасеніе „двоевластія“ и борьбы между правительствомъ и совѣтомъ рабочихъ депутатовъ. Депутаціи зачастую убѣждали совѣтъ не мѣшать правительству въ его работѣ по подготовкѣ Учредительнаго Собранія и предлагали правительству свою поддержку противъ всѣхъ попытокъ вліять на него извнѣ. Высказывалась и готовность вести войну до побѣднаго конца. Но очень скоро къ этому стали присоединяться заявленія объ усталости арміи. Энтузіазмъ, вызванный въ войскахъ введеніемъ новаго строя, выражался многочисленными пожертвованіями георгіевскихъ крестовъ и другихъ цѣнныхъ вещей.

Не получивъ сразу непосредственнаго доступа въ армію, большевики пытались вліять на армію черезъ совѣтъ р. и с. д., который въ свою очередь, пытался воздѣйствовать на правительство черезъ свою „контактную комиссію“. Уже 12 марта солдатская секція совѣта по поводу опубликованія текста присяги постановила: „къ опубликованной присягѣ не приводить, а гдѣ это произошло, считать присягу недѣйствительной“. Контактная комиссія

требовала внесенія въ текстъ присяги словъ о противодѣйствіяхъ контръ-революціоннымъ попыткамъ, но въ виду неопредѣленности этого термина и неизбѣжности самочинныхъ дѣйствій солдатъ при самостоятельномъ его толкованіи, правительство не согласилось измѣнить текстъ присяги. Въ засѣданіи совѣта 14 марта Нахамкесъ сдѣлалъ безцеремонное заявленіе, совершенно несоотвѣтствовавшее дѣйствительности. „Бывшая царская ставка въ Могилевѣ сейчасъ сдѣлана контръ-революціоннымъ центромъ, Мятежники-генералы, нежелающіе подчиниться волѣ русскаго народа, реакціонные генералы . . . ведутъ открытую контръ-агитацію среди солдатъ. . . Мы потребовали отъ врем. правительства, чтобы оно заранѣе объявило внѣ закона тѣхъ мятежныхъ генераловъ, которые дерзаютъ святотатственно поднять свою жалкую руку. . . Не только всякій офицеръ, всякій солдатъ не должны ему повиноваться, но всякій офицеръ, всякій солдатъ, всякій гражданинъ имѣютъ право и обязанность его убить раньше, чѣмъ онъ подниметъ свою руку“ и т. д.

Конечно, подобныхъ требованій правительство не удовлетворяло, — да они и не представлялись въ такой формѣ; но тотъ же Нахамкесъ въ каждомъ засѣданіи контактной комиссіи систематически выкладывалъ цѣлый рядъ жалобъ изъ арміи на неподготовленность командного состава къ усвоенію началъ новаго строя и къ установленію основанныхъ на немъ отношеній къ солдатамъ. Отсутствіе А. И. Гучкова на большей части этихъ засѣданій приводило делегатовъ совѣта въ большое раздраженіе. Намѣченныя военнымъ министромъ — и вскорѣ осуществленныя — перемѣны въ командномъ составѣ, конечно, основывались не на этихъ соображеніяхъ, а главнымъ образомъ, на необходимости омолодить этотъ составъ и улучшить его въ военномъ отношеніи. Но созданная А. И. Гучковымъ комиссія подъ предсѣдательствомъ бывшаго военнаго министра А. А. Поливанова, должна была войти въ обсужденіе цѣлаго ряда другихъ предложеній, вносившихся совѣтомъ и его солдатской секціей съ цѣлью „демократизаціи арміи“. Въ этомъ числѣ была и знаменитая „декларація правъ солдата“, явившаяся въ печати уже 14 марта, какъ „постановленіе совѣта солдатскихъ депутатовъ“. 22 марта явился въ печати другой проектъ о „комитетахъ“, также понятый солдатской массой, какъ окончательный законъ. Комиссія Поливанова санкціонировала эти проекты уже тѣмъ, что приняла ихъ къ разсмотрѣнію. Въ концѣ апрѣля „де-

кларація правъ солдата“ прошла почти въ неизмѣненномъ видѣ. Но содержаніе ея было введено въ жизнь еще ранѣе, фактически. Высшее командованіе считало, что опубликованіе „декларации правъ“ будетъ сигналомъ къ полному разложенію арміи. Но разложеніе это въ теченіе апрѣля пошло и безъ того далеко впередъ. Въ концѣ апрѣля (27), въ торжественномъ засѣданіи четырехъ Думъ, это долженъ былъ признать самъ военный министръ Гучковъ. „Казалось, что наша военная мощь возродится, ... что вспыхнетъ священный энтузіазмъ, что закалится, какъ стальная пружина, воля къ побѣдѣ“, говорилъ онъ. „Казалось, эта новая, свободная армія затмитъ своими подвигами старую, подневольную“... „Мы должны честно признать, что этого нѣтъ. Она переживаетъ тотъ же недугъ, какъ страна: двоевластіе, многовластіе, безвластіе... Не опоздали ли мы, съ нашими врачебными совѣтами и методами леченія? Я думаю, нѣтъ. Не опоздаемъ ли, если хотя нѣсколько промедлимъ? Я думаю, да. Тотъ гибельный лозунгъ, который внесли къ намъ какіе-то люди, зная, что творятъ, — а можетъ быть, и не зная, что творятъ, — этотъ лозунгъ „миръ на фронтѣ и война въ странѣ“, эта проповѣдь международнаго мира во что бы то ни стало и гражданской войны во что бы то ни стало, этотъ лозунгъ долженъ быть заглушенъ властнымъ окрикомъ великаго русскаго народа: „война на фронтѣ и миръ внутри“. Г. г., вся страна когда-то признала: отечество въ опасности. Мы сдѣлали еще шагъ впередъ: отечество на краю гибели“.

Если одной своей стороной циммервальдская формула обращала свое требованіе къ военному министру, то другой — и наиболѣе существенной — она обращалась къ министру иностранныхъ дѣлъ. Открывая 3 марта засѣданіе совѣта р. и с. д., Н. С. Чхеидзе рѣзко подчеркнулъ международный характеръ русской революціи. „Да здравствуетъ всемірный пролетаріатъ. Уже поднято знамя международнаго пролетаріата“. 14 марта эта мысль была развита въ воззваніи „къ народамъ всего міра“, принятомъ совѣтомъ р. и с. д. Содержаніе воззванія довольно робко намѣчаетъ очертанія будущей циммервальдской тактики. „Россійская демократія“ возвѣщаетъ „народамъ всего міра“ о своемъ „вступленіи въ ихъ семью полноправнымъ членомъ“ и „заявляетъ, что наступила пора начать рѣшительную борьбу съ захватными стремленіями правительствъ всѣхъ странъ, наступила пора народамъ взять въ свои руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ“. Но тотчасъ затѣмъ воззваніе спе-

ціально обращается къ австро-германцамъ, убѣждая германскую соціалъ-демократію, что теперь ей уже не приходится „защищать культуру Европы отъ азіатскаго деспотизма“ и что „русская демократія будетъ стойко защищать нашу собственную свободу отъ всякихъ реакціонныхъ посягательствъ какъ изнутри, такъ и извнѣ; русская революція не отступитъ передъ штыками завоевателей и не позволитъ раздавить себя внѣшней военной силой“. Воззваніе призываетъ уже спеціально демократію срединныхъ имперій, отдѣляя ее отъ союзной: „сбросьте съ себя иго вашего самодержавнаго порядка, подобно тому, какъ русскій народъ стряхнулъ съ себя царское самовластіе; откажитесь служить орудіемъ захвата и насилія въ рукахъ королей, помѣщиковъ и банкировъ — и дружными усиліями мы прекратимъ страшную бойню, позорящую человѣчество и омрачающую великіе дни рожденія русской свободы“. Предсѣдатель Чхеидзе еще болѣе подчеркнулъ эти оговорки воззванія. „Обращаясь къ нѣмцамъ, мы не выпускаемъ изъ рукъ винтовки. И прежде, чѣмъ говорить о мирѣ, мы предлагаемъ нѣмцамъ свергнуть Вильгельма, ввергшаго народъ въ войну, точно такъ же, какъ мы свергли свое самодержавіе. Если нѣмцы не обратятъ на нашъ призывъ вниманія, то мы будемъ бороться за нашу свободу до послѣдней капли крови. Предложеніе мы дѣлаемъ съ оружіемъ въ рукахъ, и центръ воззванія вовсе не въ томъ, что мы устали и просимъ мира. Лозунгъ воззванія: долой Вильгельма“. Все это, конечно, очень далеко отъ темъ агитаціи, внесенныхъ извнѣ.

Тотчасъ послѣ изданія обращенія „къ народамъ всего міра“ руководители совѣта р. и с. д. обратили особое вниманіе на внѣшнюю политику. Министръ иностранныхъ дѣлъ велъ эту политику въ духѣ традиціонной связи съ союзниками, не допуская мысли о томъ что революція можетъ ослабить международное значеніе Россіи рѣзкой перемѣной оріентаціи и измѣненіемъ взгляда на заключенныя соглашенія и принятыя обязательства. Во всѣхъ своихъ выступленіяхъ онъ рѣшительно подчеркивалъ пацифистскія цѣли освободительной войны, но всегда приводилъ ихъ въ тѣсную связь съ національными задачами и интересами Россіи. Руководители соціалистическихъ партій совѣта справедливо считали эту политику полнымъ противорѣчіемъ основной идеѣ Циммервальда объ общей виновности всѣхъ правительствъ въ войнѣ, о борьбѣ рабочихъ классовъ всѣхъ странъ противъ всѣхъ „буржуазныхъ“ правительствъ и

о всемірной революціи, которая, по почину Россіи, введетъ повсемѣстно соціалистическій строй. Черезъ „контактную комиссію“ эти руководители, въ особенности Церетели, требовали отъ правительства немедленнаго публичнаго заявленія о цѣляхъ войны въ соотвѣтствіи съ формулой: „миръ безъ аннексій и контрибуцій“. Тщетно П. Н. Милюковъ убѣждалъ ихъ, что самая основа ихъ расчета — возможность сговориться съ соціалистами всѣхъ странъ на почвѣ циммервальдской формулы, — не существуетъ, ибо подавляющее большинство соціалистовъ обѣихъ воюющихъ сторонъ стали на точку зрѣнія національную и съ нея не сойдутъ. Отчасти незнакомство съ европейскими отношеніями, отчасти вѣра въ творческую силу русской революціи, отчасти, наконецъ, и прямая зависимость отъ большевистской идеологіи не позволяли соціалистамъ согласиться съ П. Н. Милюковымъ въ этомъ коренномъ вопросѣ интернаціональнаго міросозерцанія. Но не поддержали его и его товарищи не-соціалисты. Въ частности, у кн. Г. Е. Львова интернаціоналистическая концепція совпадала съ идеалистическими славянофильскими чаяніями. Въ своей рѣчи 27 апрѣля онъ говорилъ: „Великая русская революція поистинѣ чудесна въ своемъ величавомъ, спокойномъ шествіи. . . Чудесна въ ней. . . самая сущность ея руководящей идеи. Свобода русской революціи проникнута элементами мірового, вселенскаго характера. Идея, взрощенная изъ мелкихъ сѣмянъ свободы и равноправія, брошенныхъ на черноземную почву полвѣка тому назадъ, охватила не только интересы русскаго народа, а интересы всѣхъ народовъ всего міра. Душа русскаго народа оказалась міровой демократической душой по самой своей природѣ. Она готова не только слиться съ демократіей всего міра, но стать впереди ея и вести ее по пути развитія человѣчества на великихъ началахъ свободы, равенства и братства“. Естественно, что Церетели въ своей отвѣтной рѣчи на томъ-же торжествѣ четырехъ Думъ отмѣтилъ свое согласіе съ кн. Львовымъ, истолковавъ его слова по своему и противопоставивъ ихъ „старымъ формуламъ“ царскаго и союзническаго „имперіализма“. „Я съ величайшимъ удовольствіемъ“, говорилъ онъ, „слушалъ рѣчь предсѣдателя Врем. Правительства кн. Львова, который иначе формулируетъ задачи русской революціи и задачи внѣшней политики. Кн. Г. Е. Львовъ сказалъ, что онъ смотритъ на русскую революцію не только какъ на національную революцію, что въ отблескѣ этой революціи уже во всѣмъ мірѣ *можно ожидать такого же встрѣч-*

наго революціоннаго движенія. Я привѣтствую эти слова предсѣдателя Врем. Правительства и въ нихъ вижу настроеніе той части буржуазіи, которая пошла на общую демократическую платформу и я глубоко убѣжденъ, что *пока* правительство стоитъ на этомъ пути, пока оно формулируетъ цѣли войны въ соотвѣтствіи съ чаяніями всего русскаго народа, *до тѣхъ поръ* положеніе Врем. Правительства прочно". Этими самыми аргументами И. Г. Церетели убѣждалъ, мѣсяцемъ раньше, Врем. Правительство стать на его точку зрѣнія. П. Н. Милюковъ, уступая большинству, согласился на опубликованіе заявленія о цѣляхъ войны, — но не въ видѣ дипломатической ноты, а въ видѣ воззванія къ гражданамъ, и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя не исключали возможности его прежняго пониманія задачъ внѣшней политики и не требовали отъ него никакихъ перемѣнъ въ курсѣ этой политики. „Заявленіе Врем. Правительства о цѣляхъ войны" было, дѣйствительно, опубликовано 28 марта и вставлено въ обращеніе къ гражданамъ, съ указаніемъ, что „государство въ опасности" и что „нужно напречь всѣ силы для его спасенія". Такая форма была придана документу А. Ф. Керенскимъ. Основное мѣсто выражено слѣдующимъ образомъ: „предоставляя волѣ народа (т. е. Учредительному Собранію) въ тѣсномъ единеніи съ союзниками окончательно разрѣшить всѣ вопросы, связанные съ міровой войной и ея окончаніемъ, Временное Правительство считаетъ своимъ правомъ и долгомъ нынѣ же заявить, что цѣль свободной Россіи — не господство надъ другими народами, не отнятіе у нихъ ихъ національнаго достоянія, не насильственный захватъ чужихъ территорій, но утвержденіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ. Русскій народъ не добивается усиленія внѣшней мощи своей за счетъ другихъ народовъ, какъ не ставитъ своей цѣлью ничьего порабощенія и униженія. Во имя высшихъ началъ справедливости имъ сняты оковы, лежавшія на польскомъ народѣ, и *русскій народъ не допуститъ, чтобы родина его вышла изъ великой борьбы униженной, подорванной въ жизненныхъ своихъ силахъ.* Эти начала будутъ положены въ основаніе внѣшней политики Врем. Правительства, неизмѣнно проводящаго волю народную и *ограждающаго права нашей родины, при полномъ соблюденіи обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи нашихъ союзниковъ*". Естественно, что представители совѣта въ „контактной комиссіи" нашли выраженія акта, передавшія описательно формулу „безъ аннексій и контрибуцій" двусмысленными и уклон-

чивыми, а подчеркнутыя выраженія, говорившія о „правахъ родины", которыя должны быть „ограждены", и о жизненныхъ силахъ" ея, которыя при окончаніи борьбы не должны быть „подорваны" (эти выраженія были вставлены Ф. Ф. Кокошкинымъ), — непріемлемыми, и грозили завтра же начать кампанію противъ Врем. Правительства въ газетахъ. Тогда Н. В. Некрасовъ указалъ имъ, что для нихъ же выгоднѣе истолковать уклончивыя выраженія акта въ своемъ смыслѣ, какъ уступку правительства, и на этомъ основаніи поддержать „Заявленіе". Эта тактика и была принята соціалистической печатью. П. Н. Милюковъ заранѣе выговорилъ себѣ право, въ случаѣ, если заключенный компромиссъ будетъ толковаться односторонние, толковать его въ своемъ смыслѣ и раскрывать неопредѣленныя выраженія въ направленіи прежней своей политики, согласной съ политикой союзниковъ и съ національными интересами Россіи.

Такимъ образомъ, первая побѣда надъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ оказалась неполной и мнимой. Естественно, что защитники интернаціональной точки зрѣнія на этомъ не успокоились и продолжали борьбу. Въ апрѣлѣ они получили для этой борьбы новыхъ союзниковъ: русскихъ эмигрантовъ-циммервальдцевъ, возвращавшихся изъ-за границы въ сопровожденіи ихъ швейцарскихъ и скандинавскихъ единомышленниковъ, и представителей союзнаго соціализма, англійскаго и французскаго, сперва неоффиціальныхъ, а затѣмъ и оффиціальныхъ, пошедшихъ на уступки совѣту дальше, чѣмъ допускали общесоюзные и ихъ собственные національные интересы.

31 марта пріѣхали въ Стокгольмъ 30 русскихъ эмигрантовъ пропущенныхъ черезъ Германію въ запломбированномъ вагонѣ, въ сопровожденіи трехъ германскихъ офицеровъ и швейцарскаго соціалиста-циммервальдца Платтена. Въ своемъ заявленіи, напечатанномъ въ „Politiken", эти эмигранты сами сообщили слѣдующее: „Англійское правительство не пропускаетъ въ Россію русскихъ революціонеровъ, поскольку они противъ войны. Когда это вполнѣ выяснилось, то часть русскихъ товарищей въ Швейцаріи (надо прибавить, при рѣшительномъ протестѣ другихъ) рѣшились пріѣхать въ Россію черезъ Германію на Швецію. Фрицъ Платтенъ, секретарь швейцарской соціалъ-демократіи и вождь ея лѣваго крыла, извѣстный интернаціоналистъ-антимилитаристъ, вступилъ въ переговоры съ германскимъ правительствомъ. Русскіе товарищи требовали предоставленія имъ при

проѣздѣ права экстерриторіальности, именно, никакого контроля паспортовъ и багажа, а также, чтобы ни одинъ человѣкъ не имѣлъ права входить въ вагонъ; ѣхать же могъ бы всякій, не взирая на политическіе взгляды, кого только русскіе возьмутъ. Со своей стороны, русскіе товарищи заявили, что будутъ требовать освобожденія германскихъ и австро-венгерскихъ гражданскихъ лицъ, задержанныхъ въ Россіи. Германское правительство приняло эти условія, и 9 апрѣля (н. с.) 30 русскихъ эмигрантовъ выѣхали черезъ Германдингенъ изъ Швейцаріи; между ними находились Ленинъ и Зиновьевъ, редакторы „Соціалъ-демократа", центральнаго органа русской соціалъ-демократіи". Въ Стокгольмѣ Ленинъ совѣщался съ представителями крайнихъ теченій шведской соціалъ-демократіи. Въ то же время въ Копенгагенъ выѣхали вожди австрійскихъ соціалистовъ, Адлеръ, Реннеръ и Зейцъ, совѣщавшіеся раньше съ гр. Чернинымъ, въ сопровожденіи Шейдемана, примкнувшаго къ нимъ въ Берлинѣ. Передъ отъѣздомъ, группа Ленина приняла резолюцію, въ которой рекомендовала сейчасъ же войти въ переговоры о мирѣ, не взирая на общее положеніе Ленинъ произнесъ въ Цюрихѣ рѣчь, въ которой Керенскій изображался опаснымъ предателемъ революціи, а Чхеидзе, какъ тоже вступившій на путь предательства. Въ „Deutsche Tageszeitung" графъ Ревентловъ привѣтствовалъ это движеніе, какъ „новую русскую революцію". Послѣдствія показали, что германскій націоналистъ былъ правъ и что расчетъ нашихъ враговъ, пославшихъ Ленина въ Россію, былъ совершенно правиленъ. Но даже и они не могли расчитывать, насколько благопріятно сложатся въ Россіи обстоятельства для успѣха пропаганды, которую въ самой Германіи, для себя, германцы считали чрезвычайно опасной.

Первая встрѣча Ленина съ его единомышленниками въ Россіи показала, однако, какъ значительна разница между тенденціями чистаго Циммервальда и сложившимися взглядами русскихъ соціалъ-демократовъ. 4 апрѣля состоялась конференція разныхъ теченій с.-д. съ цѣлью объединенія. Ленинъ обратился къ собравшимся съ двухчасовой рѣчью, въ которой развилъ всѣ свои лозунги, закончивъ призывомъ сбросить „старое бѣлье", названіе „соціалъ-демократовъ" и „вмѣсто прогнившей соціалъ-демократіи создать новую соціалистическую организацію коммунистовъ". Предложеніе было встрѣчено общимъ недоумѣніемъ, и начавшаяся среди апплодисментовъ одной стороны и свистковъ другой стороны рѣчь кон-

чилась при гробовомъ молчаніи. Даже большевики заявили, что выдвинутый Ленинымъ лозунгъ гражданской войны они считаютъ преступнымъ. Стекловъ объяснилъ рѣчь Ленина незнакомствомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Только А. М. Коллонтай, защищая Ленина, при бурныхъ протестахъ предложила отказаться отъ объединенія с.-д. и объединить лишь тѣхъ, кто способенъ въ настоящую минуту совершить соціальную революцію. Остальные ораторы стояли за объединеніе, а одинъ изъ нихъ даже утверждалъ, что рѣчь Ленина объединила большевиковъ съ меньшевиками*). Соціалистическая печать отнеслась къ выступленію Ленина отрицательно. „Рабочая Газета" прямо говорила, что „всякій значительный успѣхъ Ленина будетъ успѣхомъ реакціи", что Ленинъ несетъ съ собой серьезную опасность для революціи, ибо „среди несознательныхъ элементовъ революціонной стихіи онъ сможетъ еще вербовать себѣ новыхъ сторонниковъ". Даже „Правда" была въ первые дни сконфужена заявленіями Ленина. Печатая фельетоны Ленина и принимая въ передовой статьѣ его требованіе о переходѣ власти къ совѣтамъ р. и с. д., „Правда" (8 апрѣля) заявляла: общая схема г. Ленина „представляется намъ непріемлемой, поскольку она исходитъ отъ признанія буржуазно-демократической революціи законченной и расчитана на немедленное перерожденіе этой революціи въ революцію соціалистическую".

Однако, по главному вопросу — о войнѣ и мирѣ — принципіальнаго разногласія не было не только между Ленинымъ и „Правдой", но и между большевиками и болѣе умѣренными теченіями соціализма. Пріѣздъ Ленина лишь замѣтно усилилъ тонъ и настойчивость ихъ требованій отъ русской внѣшней политики. Еще 25 марта была напечатана резолюція „Организаціоннаго комитета" с.-д. партіи, въ которой открыто провозглашенъ лозунгъ, формулированный Робертомъ Гриммомъ: „самая важная и совершенно неотложная задача русской революціи въ настоящій моментъ — борьба за миръ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ, борьба за миръ въ международномъ масштабѣ". Для этой цѣли признано необходимымъ побудить Временное Правительство не только „оффиціально и безусловно отказаться отъ всякихъ за-

*) Противники Ленина послѣ перваго его выступленія въ Совѣтѣ говорили: „Человѣкъ, говорящій такія глупости, неопасенъ. Хорошо, что онъ пріѣхалъ; теперь онъ весь на виду... Теперь онъ самъ себя опровергаетъ..." („Воспоминанія" Станкевича, 110.)

воевательныхъ плановъ", что было сдѣлано правительственнымъ заявленіемъ 28 марта, но и „взять на себя иниціативу выработки и обнародованія такого же коллективнаго заявленія со стороны всѣхъ правительствъ странъ согласія", — отъ чего П. Н. Милюковъ категорически отказался, какъ и вообще отъ передачи заявленія 28 марта союзникамъ въ качествѣ дипломатическаго документа. Между тѣмъ, резолюція шла еще дальше и требовала отъ правительства предпринять необходимые шаги для вступленія, совмѣстно съ союзными правительствами, на путь мирныхъ переговоровъ". Отъ себя уже, т. е. отъ с.-д. партіи, комитетъ считалъ необходимымъ „обратиться къ пролетаріату всѣхъ воюющихъ странъ съ призывомъ оказать согласованное давленіе на свои правительства" для тѣхъ же цѣлей, — невозможность чего доказывалъ П. Н. Милюковъ „въ контактной комиссіи". Далѣе резолюція объявляла „рѣшительную борьбу со всѣми попытками правительства явно или замаскированно продолжать завоевательную политику" и „вполнѣ сознавая опасность" для русской революціи и для международной демократіи „военныхъ пораженій Россіи", „рѣшительно высказывалась противъ всѣхъ дѣйствій, ведущихъ къ дезорганизаціи дѣла обороны". Нечего и говорить, что сюда они не относили мѣръ, принимающихся для „демократизаціи" арміи.

29 марта вопросъ о войнѣ обсуждался на съѣздѣ р. и с. д. Предложенная съѣзду резолюція, ссылаясь на воззваніе къ народамъ 14 марта и на многочисленныя собранія рабочихъ, солдатъ и гражданъ по всей Россіи", „выразившихъ волю народа", а также на заявленіе правительства 28 марта, какъ на „важный шагъ навстрѣчу осуществленію демократическихъ принциповъ въ области внѣшней политики", призывала „всѣ народы. . . оказать давленіе на свои правительства для отказа отъ завоевательныхъ программъ" и „подтверждала необходимость переговоровъ Временнаго Правительства съ союзниками для выработки общаго соглашенія въ указанномъ смыслѣ". Конецъ резолюціи обстоятельно развивалъ мысль объ опасности „крушенія фронта" и о необходимости „мобилизовать всѣ живыя силы страны во всѣхъ отрасляхъ народной жизни" — въ частности рабочихъ фабрикъ, рудниковъ, почты, телеграфа и т. д. „для укрѣпленія фронта и тыла". Церетели, мотивируя резолюцію, сообщилъ: „мы настаивали, чтобы Вр. Правительство добилось отъ всѣхъ державъ согласія отказа отъ аннексій и контрибуцій. Это пока не достигнуто, но все-таки и то, что достигнуто,

есть *факелъ, брошенный въ Европу, гдѣ онъ разгорится, мы увѣрены, яркимъ огнемъ*". „Вмѣстѣ съ нами въ этомъ направленіи дѣйствуетъ и соціалъ-демократія западныхъ странъ, которая теперь находится тамъ еще въ меньшинствѣ, но мы увѣрены, что идеи с.-д. восторжествуютъ и тамъ". Большевикъ Каменевъ только развивалъ эти мысли, когда требовалъ, „чтобы отъ имени всего русскаго народа было сказано слово „миръ", чтобы русская революція стала *прологомъ міроваго возстанія*". Другой ораторъ-большевикъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ, предложилъ измѣнить резолюцію и прямо указать на необходимость скорѣйшаго окончанія войны, созыва международнаго съѣзда, возстанія противъ угнетателей и принужденія правительствъ всѣхъ воюющихъ странъ къ ликвидаціи войны. Присутствовавшіе на съѣздѣ солдаты еще говорили о необходимости принести все въ жертву для защиты родины, и еще могла быть предложена „кадетская" резолюція о необходимости двоевластія и о необходимости вести войну до конца. Но и рѣчи большевиковъ уже покрывались шумными апплодисментами.

Усиленіе агитаціи въ пользу циммервальдской точки зрѣнія скоро сказалось и на отдѣльныхъ членахъ правительства. Уже 6 апрѣля А. Ф. Керенскій, пользуясь пріемомъ въ Маріинскомъ дворцѣ прибывшихъ въ Россію французскихъ соціалистовъ Муте, Кашена и Лафона и англійскихъ О'Греди, Вилль Торна и фабіанца Сандерса, рѣзко отдѣлилъ свою точку зрѣнія отъ курса министра иностранныхъ дѣлъ. П. Н. Милюковъ говорилъ о томъ, что „несмотря на переворотъ, мы сохранили главную цѣль и смыслъ этой войны. Правительство съ еще большей силой будетъ добиваться уничтоженія нѣмецкаго милитаризма, ибо нашъ идеалъ— въ томъ, чтобы уничтожить въ будущемъ возможность какихъ бы то ни было войнъ". Этому пацифистскому взгляду Керенскій противопоставилъ свой циммервальдскій. „Я одинъ въ кабинетѣ,—говорилъ онъ, подчеркивая принятую на себя роль „заложника",— и мое мнѣніе не всегда совпадаетъ съ мнѣніемъ большинства". „Русская демократія въ настоящее время—хозяинъ русской земли. *Мы* рѣшили разъ навсегда прекратить въ нашей странѣ всѣ попытки къ имперіализму и къ захвату... Энтузіазмъ, которымъ охвачена русская демократія, проистекаетъ не изъ какихъ либо идей частичныхъ, *даже не изъ идеи отечества*, какъ понимала эту идею старая Европа, а изъ тѣхъ идей, которыя заставляютъ насъ думать что мечта о братствѣ народовъ всего міра претворится

скоро въ дѣйствительность, что близокъ уже мигъ, когда всѣ демократіи всего міра поймутъ, что между ними нѣтъ и не можетъ быть вражды... Мы ждемъ отъ васъ, чтобы вы оказали на остальные классы населенія въ своихъ государствахъ такое же рѣшающее значеніе которое мы здѣсь, внутри Россіи, оказали на наши буржуазные классы, заявившіе нынѣ о своемъ отказѣ отъ имперіалистическихъ стремленій".

Пользуясь и даже злоупотребляя своимъ особымъ положеніемъ въ правительствѣ, А. Ф. Керенскій уже въ первомъ составѣ правительства проявлялъ зачастую диктаторскія замашки. Но въ данномъ вопросѣ онъ былъ не „одинъ". Его поддерживали Некрасовъ и Терещенко. Вѣчно колебавшійся кн. Львовъ также начиналъ склоняться на сторону его и Церетели. Чтобы форсировать положеніе, Керенскимъ пущено было въ печать сообщеніе, что „Временное Правительство подготовляетъ ноту, съ которой оно обратится въ ближайшіе дни къ союзнымъ державамъ. Въ этой нотѣ Вр. Пр. болѣе подробно разовьетъ свой взглядъ на задачи и цѣли нынѣшней войны, въ соотвѣтствіи съ обнародованной уже Врем. Правит. декларацiей по этому вопросу (13 апрѣля)". Такъ какъ никакой ноты не подготовлялось, то П. Н. Милюковъ потребовалъ опроверженія этого извѣстія, которое и появилось на слѣдующій день, 14 апрѣля, отъ имени Врем. Правительства. Тогда вопросъ объ обращеніи къ союзникамъ былъ поднятъ въ самомъ правительствѣ, какъ въ сущности предрѣшенный и весьма спѣшный. П. Н. Милюковъ заявилъ, что онъ готовъ послать посланіе 28 марта союзникамъ, но сопроводитъ его нотой, текстъ которой онъ предложилъ. Послѣ небольшихъ исправленій текстъ этотъ былъ принятъ всѣми министрами, не исключая и Керенскаго, переставшаго возражать послѣ того, какъ на сторону ноты склонился Некрасовъ. Въ нотѣ поводомъ къ сообщенію документа 28 марта было выбрано опроверженіе слуховъ, будто Россія собирается заключить сепаратный міръ. Министръ иностранныхъ дѣлъ указывалъ, что „высказанныя Временнымъ Правительствомъ общія положенія вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ высокимъ идеямъ, которыя постоянно высказывались многими выдающимися государственными дѣятелями союзныхъ странъ", особенно же Америки. Нота указывала, что „эти мысли—объ освободительномъ характерѣ войны, о созданіи прочныхъ основъ для мирнаго сожительства народовъ, о самоопредѣленіи угнетенныхъ національностей" могла высказать

олько *освобожденная* Россія, способная „говорить языкомъ, понятнымъ для передовыхъ демократій современнаго человѣчества". Эти заявленія не только не могутъ дать повода думать объ „ослабленіи роли Россіи въ общей союзной борьбѣ", но, напротивъ, усиливаютъ „всенародное стремленіе довести міровую войну до рѣшительнаго конца", сосредоточивая общее вниманіе „на близкой для всѣхъ и очередной задачѣ—отразить врага, вторгшагося въ самые предѣлы нашей родины". Нота подтверждала далѣе, что „какъ то и сказано въ сообщенномъ документѣ, Временное Правительство, ограждая права нашей родины, будетъ вполнѣ соблюдать обязательства, принятыя въ отношеніи нашихъ союзниковъ". Въ заключеніе высказывалась увѣренность какъ въ „побѣдоносномъ окончаніи настоящей войны, въ полномъ согласіи съ союзниками", такъ и въ томъ, что „поднятые этой войной вопросы будутъ разрѣшены въ духѣ созданія прочной основы для длительнаго мира и что проникнутыя одинаковыми стремленіями передовыя демократіи найдутъ способъ добиться тѣхъ гарантій и санкцій (эти два слова были вставлены по совѣту Альбера Тома), которыя необходимы для предупрежденія новыхъ кровавыхъ столкновеній въ будущемъ".

Нота была датирована 18 апрѣля, т. е. днемъ перваго открытаго празднованія международнаго рабочаго праздника перваго мая (н. ст.) въ Россіи. Общественныя зданія, въ томъ числѣ Маріинскій и Зимній дворцы, въ этотъ день украсились гигантскими надписями: „да здравствуетъ интернаціоналъ". Ленинцы энергично готовили къ этому празднику свои плакаты и лозунги. „Рабочая Газета" призывала солдатъ заключить „первое революціонное перемиріе" на фронтѣ. Какія директивы были даны петроградскимъ рабочимъ въ эти дни „Организаціоннымъ комитетомъ", видно изъ сопоставленія двухъ резолюцій, принятыхъ 12 апрѣля рабочими завода „Треугольникъ" и 13 апрѣля рабочими завода „Старый Парвіайненъ". Первая гласила: „предлагаемъ сов. р. и с. д. категорически потребовать отъ Вр. Прав. *немедленнаго опубликованія во всеуслышаніе всѣхъ договоровъ*, заключенныхъ имъ съ Англіей, Франціей и прочими союзниками. . . Рабочій классъ Россіи, добившись отъ своего собственнаго правительства отказа отъ завоевательныхъ цѣлей войны, не желаетъ оказаться въ положеніи *ведущаго войну во имя захватническихъ стремленій англійскихъ и французскихъ капиталистовъ.* Мы требуемъ также

отъ Врем. Прав., чтобы оно тотчасъ же послѣ опубликованія договоровъ обратилось ко всѣмъ союзнымъ правительствамъ съ предложеніемъ въ свою очередь отказаться отъ аннексій и контрибуцій. Мы требуемъ отъ Врем. Правит., чтобы оно взяло на себя *инициіативу созыва международной конференціи* для обсужденія условій мира и для начала мирныхъ переговоровъ". Рабочіе „Парвіайнена" шли еще далѣе и прибавляли къ требованію опубликованія тайныхъ договоровъ еще слѣдующія требованія: „1) смѣщеніе Врем. Правительства, служащаго только тормазомъ революціоннаго дѣла, и передача власти въ руки совѣта р. и с. д.; 4) организація красной гвардіи и вооруженіе всего народа; 5) протестъ противъ „Займа Свободы", который на дѣлѣ служитъ закабаленіемъ этой свободы; 6) реквизиція типографій всѣхъ буржуазныхъ газетъ и передача ихъ въ пользованіе рабочихъ газетъ; 9) реквизиція всѣхъ продуктовъ продовольствія для нуждъ широкихъ массъ; 10) немедленный захватъ земель крестьянскими комитетами и передача орудій производства въ руки рабочихъ; 11) протестъ противъ вывода революціонныхъ войскъ изъ Петрограда". Правда, на другой день послѣ напечатанія этой резолюціи (крупнымъ шрифтомъ, на мѣстѣ передовыхъ статей) „Извѣстія" заявили, что она, „выражающая мнѣніе одной группы рабочихъ, не отвѣчаетъ взглядамъ совѣта". Въ дальнѣйшемъ, какъ увидимъ, эта большевистская программа сдѣлалась предметомъ борьбы въ совѣтѣ. Но здѣсь она впервые была высказана открыто.

День перваго мая прошелъ сравнительно спокойно, и ленинская пропаганда встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны большинства уличныхъ ораторовъ и публики. Но опубликованіе черезъ день (20 апрѣля) ноты 18 апрѣля дало новый благодарный поводъ большевикамъ для первой уличной манифестаціи вооруженныхъ силъ противъ Врем. Правительства. Къ 3 — 4 часамъ дня къ Маріинскому дворцу пришелъ запасный батальонъ Финляндскаго полка съ плакатами: „долой Милюкова", „Милюковъ въ отставку". За нимъ прибыли роты 180 запаснаго батальона, нѣсколько ротъ Кексгольмскаго полка и около роты 2-го флотскаго Балтійскаго экипажа. Большинство солдатъ не знало, зачѣмъ они пришли. Закулисная сторона ихъ вызова обнаружилась отчасти изъ письма Федора Линде („Нов. Жизнь", 23 апр.), который призналъ, что именно онъ вывелъ Финляндскій полкъ и что „состоя членомъ совѣта р. и с. д.", онъ „себя въ разбираемомъ событіи лицомъ неотвѣт-

ственнымъ признать не можетъ". Кромѣ войскъ, въ демонстраціи участвовали рабочіе—подростки, громко заявлявшіе, что имъ за это заплачено по 10 — 15 рублей. Позднѣе былъ арестованъ извѣстный своими германскими связями литераторъ Колышко, въ письмахъ котораго въ Стокгольмъ найдены выраженія удовольствія по поводу того, что послѣ долгихъ усилій, наконецъ, удалось свалить Милюкова и Гучкова. Вернувшіяся въ Россію изъ Берлина сестры милосердія Фелькерзамъ разсказывали, что задача устраненія обоихъ министровъ прямо была поставлена въ Германіи. Все это показываетъ, что движеніе 20 и 21 апрѣля было инсценировано изъ тѣхъ же темныхъ источниковъ, какъ и другія ранѣе упоминавшіяся уличныя движенія. Руководителей совѣта р. и с. д. винить въ этомъ движеніи нельзя уже потому, что для нихъ лозунгъ сверженія Врем. Правительства былъ непріемлемъ, и занимать мѣсто правительства они не собирались, предпочитая оказывать на него „давленіе". Исполнительный комитетъ совѣта, узнавъ ночью съ 19 на 20 содержаніе ноты, очутился въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи между большевиками и нотой 18 апрѣля. Ни въ ночномъ, ни въ утреннемъ засѣданіи онъ не принялъ никакого рѣшенія, кромѣ предложенія Временному Правительству сообща обсудить положеніе. Врем. Правительство пошло навстрѣчу этому предложенію, и вечеромъ состоялось, впервые за все время революціи, совѣщаніе съ правительствомъ всего состава исполнительнаго комитета (около 70 человѣкъ). Министры рѣшили воспользоваться этой первой встрѣчей, чтобы дать понять руководителямъ совѣта всю трудность и сложность положенія въ государствѣ. Одинъ за другимъ выступали съ докладами министры военный, земледѣлія, финансовъ, путей сообщенія наконецъ, иностранныхъ дѣлъ и освѣтили передъ очень разнороднымъ собраніемъ положеніе всѣхъ сторонъ государственной жизни. Доклады произвели сильное впечатлѣніе и готовность пойти на соглашеніе еще усилилась въ результатѣ засѣданія. Послѣ отказа министра иностранныхъ дѣлъ отъ изданія новой ноты, И. Г. Церетели согласился на опубликованіе оффиціальнаго разъясненія только двухъ мѣстъ, вызывавшихъ особенно ожесточенныя нападки. На другой день къ 5 часамъ дня текстъ разъясненій былъ обсужденъ въ правительствѣ, предварительно показанъ Церетели и имъ одобренъ. 22 апрѣля Врем. Правительство разъяснило, что „нота министра иностранныхъ дѣлъ была предметомъ тщательнаго обсужденія Врем. Правит., причемъ текстъ ея

принятъ единогласно“ (впослѣдствіи А. Ф. Керенскій пытался отрицать это). Выраженіе о „рѣшительной побѣдѣ надъ врагами имѣетъ въ виду достиженіе тѣхъ задачъ, которыя поставлены декларацiей 27 марта“, а „подъ упоминавшимися въ нотѣ „санкціями и гарантіями“ прочнаго мира Врем. Правительство подразумѣвало ограниченіе вооруженій, международные трибуналы и проч.“ Это разъясненіе министръ иностранныхъ дѣлъ обѣщалъ передать посламъ союзныхъ державъ. Очевидное несоотвѣтствіе этихъ скромныхъ разъясненій съ тѣмъ раздраженіемъ, которое было вызвано дѣйствительнымъ противорѣчіемъ между нотой 18 апрѣля и циммервальдской точкой зрѣнія совѣта, лучше всего характеризуетъ шаткость позиціи вождей совѣта. Эта шаткость вполнѣ сказалась уже въ засѣданіи совѣта 20 апрѣля, въ которомъ рядъ ораторовъ заявилъ, что „брать власть въ свои руки преждевременно и опасно“, что захватъ власти можетъ привести къ гражданской войнѣ, въ которой, по словамъ В. М. Чернова, „темныя силы покажутъ свою живучесть“. „Кто замѣнитъ правительство?“ спрашивалъ одинъ ораторъ. „Мы? Но у насъ руки дрожатъ. Нѣтъ, товарищи, не надо намъ строить карточныхъ домиковъ, которые еще легче будетъ сдунуть, чѣмъ сдунулъ народъ Николая II. Не надо намъ азартной игры въ карты“.

То же самое настроеніе обнаружилось и среди толпы. наполнявшей улицы и проведшей эти два дня въ непрерывныхъ митингахъ днемъ и ночью. Прикосновеніе къ Врем. Правительство еще казалось святотатствомъ и преступленіемъ противъ революціи. Твердо держалось представленіе, что *это самое* правительство должно довести страну до Учредительнаго Собранія, и что ни одинъ изъ его членовъ не можетъ его покинуть, не разрушивъ цѣлаго. Возгласы ленинцевъ о низверженіи правителства и о немедленномъ захватѣ власти вызывали лишь негодованіе и тонули въ массѣ. На смѣну демонстрантамъ съ плакатами: „долой Врем. Правителство“ появились многолюдныя процессіи съ плакатами: „довѣріе Милюкову“, „да здравствуетъ Временное Правительство“. Мѣстами доходило до столкновенія тѣхъ и другихъ демонстрантовъ, но въ общемъ уже къ вечеру 20-го, а въ особенности въ теченіе 21-го апрѣля настроеніе, благопріятное правительству, возобладало на улицахъ. Въ ночь на 21-го, многотысячная толпа, заполнившая площадь передъ Маріинскимъ дворцомъ, горячо привѣтствовала министра иностранныхъ дѣлъ, предупреждавшаго ее объ опасно-

стяхъ ссоры съ союзниками. „Видя эти плакаты съ надписями: „долой Милюкова“, говорилъ министръ съ балкона толпѣ, собравшейся на площади, „я не боялся за Милюкова. Я боялся за Россію“. И онъ указалъ на опасность для родины и для самой революціи демагогическихъ лозунговъ, дискредитирующихъ власть, но не могущихъ замѣнить ее никакой другой, болѣе сильной и болѣе способной довести страну, безъ потрясеній, до мира и до созданія новаго демократическаго строя.

Въ рабочихъ кварталахъ столицы преобладало иное настроеніе, чѣмъ въ центрѣ. Большевики сдѣлали 21-го апрѣля первую попытку воспользоваться этимъ настроеніемъ, ими же созданнымъ, для того чтобы начать организованную и вооруженную борьбу на улицахъ. Толпы рабочихъ стройными колоннами двинулись съ Выборгской стороны къ Марсову полю. Впереди каждой колонны шелъ отрядъ красногвардейцевъ, вооруженныхъ винтовками и револьверами. Надъ колоннами развивались знамена съ надписями: „долой войну“, „долой Временное Правительство“, „вся власть Совѣтамъ“ и т. п. Комитетъ послалъ навстрѣчу рабочимъ делегацію въ составѣ Чхеидзе, Войтинскаго и Станкевича. Чхеидзе пробовалъ убѣдить толпу, что правительство уже согласилось разъяснить ноту 18 апрѣля въ желательномъ смыслѣ и что поэтому дальнѣйшія демонстраціи безцѣльны. Большевистское движеніе имѣло, однако, другую цѣль, указанную на знаменахъ. Вожди толпы выступили впередъ, заявили Чхеидзе, что рабочіе сами знаютъ, что имъ дѣлать, и повели толпу дальше.

Настроеніе Комитета было чрезвычайно тревожное. На вечеръ было назначено засѣданіе пленума Совѣта, но члены Комитета боялись, что это засѣданіе будетъ сорвано большевиками. Когда оно, всетаки, собралось, среди шума многотысячной толпы, наполнившей залъ кадетскаго корпуса, возбужденіе еще усилилось послѣ сообщенія Дана, что на улицахъ началась стрѣльба, и уже имѣются жертвы. Въ такой обстановкѣ и при такомъ настроеніи Комитету приходилось проводить свои рѣшенія.

Исполнительный комитетъ совѣта, рѣшилъ 34 голосами противъ 19 признать разъясненія правительства удовлетворительными и считать инцидентъ исчерпаннымъ. Предложенная комитетомъ резолюція заявляла, что разъясненіе „кладетъ конецъ возможности истолкованія ноты 18 апрѣля въ духѣ, противномъ интересамъ и требованіямъ революціонной демократіи“ и тотъ фактъ, что сдѣ-

ланъ первый шагъ для постановки на международное обсужденіе вопроса объ отказѣ отъ насильственныхъ захватовъ, долженъ быть признанъ крупнымъ завоеваніемъ демократіи". Въ заключеніе резолюція приглашала „всю революціонную Россію тѣснѣе и тѣснѣе сплачиваться вокругъ своихъ совѣтовъ" и выражала „твердую увѣренность, что народы всѣхъ воюющихъ странъ сломятъ сопротивленіе своихъ правительствъ и заставятъ ихъ вступить въ переговоры о мирѣ на почвѣ отказа отъ аннексій и контрибуцій". Несмотря на возраженіе большевиковъ, совѣтъ принялъ резолюцію подавляющимъ большинствомъ голосовъ противъ 13. Настроеніе собранія противъ ленинцевъ ярко обнаружилось, когда одинъ членъ комитета, только что прибывшій, разсказалъ о трагическомъ зрѣлищѣ первой крови, пролитой въ гражданской войнѣ на Невскомъ. „На толпу мирныхъ, безоружныхъ солдатъ, рабочихъ и другихъ гражданъ", говорилъ очевидецъ, „бросилась другая толпа демонстрантовъ вооруженныхъ, и эти вооруженные люди открыли безпорядочную стрѣльбу, продолжавшуюся около 5 минутъ. *Я знаю, кто они, изъ какихъ мѣстъ пришли,* но пока считаю преждевременнымъ объ этомъ сообщать. . . Эта стрѣльба посѣяла чувство непріязни къ рабочимъ, и это чувство раздѣляютъ съ гражданами и солдаты, такъ какъ два солдата убиты". Другой очевидецъ предложилъ запретить *всякія* уличныя шествія, „особенно, вооруженныхъ людей", и это предложеніе было принято. Невооруженными выходили члены „буржуазныхъ" партій, — и этимъ запрещеніемъ достигалась, кстати, и другая цѣль: прекратить демонстраціи сочувствія Врем Правителству, совершенно заглушившія въ теченіе 21 апрѣля враждебныя манифестаціи.

Конфликтъ 20-21 апрѣля окончился несомнѣнной моральной побѣдой Врем. Правительства. Но въ немъ обнаружилась одна чрезвычайно тревожная сторона. Части петроградскаго гарнизона выступали и оставались въ казармахъ по распоряженію совѣта, и совѣтъ заявилъ претензію распоряжаться войсками помимо правительства. Точнѣе, онъ запретилъ гарнизону исполнять приказанія военной власти безъ своего согласія. Когда, 21 апрѣля, узнавъ о движеніи съ окраинъ вооруженныхъ рабочихъ (слѣдствіемъ чего и была упомнунутая стрѣльба), главнокомандующій петроградскаго округа ген. Корниловъ распорядился вызвать на Дворцовую площадь нѣсколько частей гарнизона, онъ наткнулся на сопротивленіе исполнительнаго комитета, который по телефону сообщилъ въ

штабъ, что вызовъ войскъ можетъ осложнить создавшееся положеніе. Послѣ переговоровъ съ делегатами комитета, принявшими на себя прекращеніе безпорядковъ, главнокомандующій отмѣнилъ свое приказаніе и продиктовалъ, въ присутствіи членовъ комитета, телефонограмму во всѣ части войскъ гарнизона съ приказаніемъ оставаться въ казармахъ. Послѣ этого появилось расклеенное на улицахъ воззваніе исполнительнаго комитета, заявлявшее: „Товарищи-солдаты, безъ зова исполнительнаго комитета въ эти тревожные дни не выходите съ оружіемъ въ рукахъ. *Только исп. комитету принадлежитъ право располагать вами*. Каждое распоряженіе о выходѣ воинской части на улицу (кромѣ обычныхъ нарядовъ) должно быть отдано на бланкѣ исполнит. комитета, закрѣплено его печатью и подписано не меньше, чѣмъ двумя изъ слѣдующихъ лицъ: Чхеизе, Скобелевъ, Бинасикъ, Соколовъ, Гольдманъ, Филипповскій, Богдановъ. Каждое распоряженіе провѣряется по телефону 104.06“. Это воззваніе вызвало просьбу ген. Корнилова объ отставкѣ и не могло быть оставлено правительствомъ безъ отвѣта. Но отвѣтомъ было только новое „разъясненіе“ Врем. Правительства (26 апрѣля): „власть главнокомандующаго войсками петроградскаго военнаго округа остается въ полной силѣ, и право распоряженія войсками можетъ быть осуществляемо только имъ“. Чтобы не входить въ открытый конфликтъ съ совѣтомъ, правительство предположило, что приведенное распоряженіе „имѣло, повидимому, цѣлью предупредить и обезвредить попытки вызова войскъ отдѣльными группами и лицами“. Черезъ нѣсколько дней ген. Корниловъ получилъ просимую отставку и отправился въ дѣйствующую армію.

III. Буржуазное правительство капитулируетъ передъ соціалистами.

„Двоевластіе“ или „единеніе“? — Оффиціальный оптимизмъ и фактическая зависимость правительства отъ совѣта. — Вопросъ объ участіи совѣта въ правительствѣ. — Воззваніе къ населенію 26 апрѣля. — Керенскій форсируетъ положеніе. — Отвѣтственность передъ партіями. Отставка А. И. Гучкова. — Согласіе исп. комитета на вступленіе соціалистовъ и его программа. Отставка П. Н. Милюкова. — Выработка правительственной деклараціи. — Тезисы партіи народной свободы. — Отношеніе совѣта къ министрамъ-соціалистамъ.

До сихъ поръ совѣтъ р. и. с. д., хотя бы номинальпо, признавалъ *надъ собой* власть временнаго правительства. Его „контроль“ и „давленіе“ на правительство были фактическими, но не обоснованными на правѣ; на „отвѣтственность“ министровъ передъ собой совѣтъ не претендовалъ. Со своей стороны и правительство оффиціально смотрѣло на отношенія совѣта къ себѣ, какъ на „поддержку“ вліятельной, но все же частной отганизаціи. Когда въ провинцію и въ армію стали доходить изъ Петрограда вѣсти о „двоевластіи“ правительства и совѣта, и когда къ правительству стали поступать тревожные вопросы и предложенія помочь ему въ борьбѣ противъ претензій совѣта, министры, обыкновенно, успокаивали встревоженныхъ увѣреніями, что отношенія между правительствомъ и совѣтомъ — вполнѣ дружественныя. Особенно настойчиво заявлялъ это Некрасовъ, подчеркивавшій въ своихъ выступленіяхъ свою особую близость къ Керенскому. Такъ въ Москвѣ, въ комитетѣ общественныхъ организацій, 24 марта, онъ выступилъ съ „протестомъ противъ тѣхъ легендъ, которыя распространяются также и въ Москвѣ. Говорятъ о какомъ-то плѣненіи Вр. Правительства, о томъ, что оно идетъ у кого-то въ поводу, что въ странѣ существуетъ нѣсколько правительствъ, и т. д. Я долженъ сказать, что правительство ни минуты не задумывается, когда какіе либо вопросы сталкиваются съ *волей народа*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда бывали иногда нѣкоторыя разногласія, у насъ со-

глашеніе достигалось довольно быстро, путемъ взаимнаго убѣжденія... И Временное Правительство, и совѣтъ рабочихъ депутатовъ свято блюдутъ свою связь и единеніе, закрѣпленныя уже въ двухъ декларaціяхъ." „Не вѣрьте зловѣщимъ слухамъ, что отъ совѣта рабочихъ депутатовъ идетъ какая-то опасность", — говорилъ онъ тогда же сослуживцамъ по мин. путей сообщенія. „Такой опасности нѣтъ. Я бы сказалъ, что она *еще* не наступала; но ея, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ бояться. Волна, смывшая старую власть, еще не вошла въ свои берега. Народъ еще неорганизованъ. Но по мѣрѣ того, какъ наступаютъ организованность и сплоченность, опасность ослабѣваетъ. Народъ уже проявилъ огромный государственный инстинктъ, — я думаю, что то же будетъ и въ области соціальный". И А. Ф. Керенскій еще 12 апрѣля заявлялъ делегатамъ 7 арміи: „Между Врем. Правительствомъ и совѣтомъ р. и с. д. полное единеніе въ задачахъ и цѣляхъ... Врем. правительство обладаетъ всей полнотой власти... Можетъ быть, васъ смущаетъ шумная агитація, извѣстныя слова... Насъ, Врем. Правительство, они не смущаютъ. Мы вѣримъ въ разумъ, въ твердую волю народа — идти къ спасенію, а не къ гибели, ибо никто не можетъ желать своей гибели. Мы вѣримъ, что восторжествуютъ созидательныя начала, а не отдѣльные партійные лозунги" и т. д. И съ другой стороны, г. Данъ говорилъ 8-го апрѣля: „мы хотимъ, чтобы было сказано ясно и опредѣленно, что въ обычномъ нормальномъ теченіи своемъ это клевета, будто совѣтъ р. и с. д. хочетъ принять участіе въ осуществленіи государственной власти. Мы хотѣли, чтобы было сказано, что власть, это — Врем. Правительство, а революціонная демократія въ лицѣ совѣта осуществляетъ свое вліяніе на ходъ политической жизни путемъ непрерывнаго организованнаго давленія на него и контроля надъ нимъ". Говорилось одно, но дѣлалось совсѣмъ другое. Истинное отношеніе совѣта къ правительству гораздо искреннѣе охарактеризовано нѣсколько позднѣе (2 іюня) соредакторомъ Дана, Войтинскимъ. „Мы поддерживали, — говоритъ онъ, — правительство перваго состава условно — постольку, поскольку. У насъ не было полнаго довѣрія, и фактически получалось такъ, что единой власти не было" . . . Послѣ 20—21 апрѣля это стало уже очевиднымъ для всѣхъ и безспорнымъ. И, открывая вечеромъ 21 апрѣля совѣщаніе правительства съ исполн. комитетомъ, кн. Львовъ поставилъ точки надъ „i": „Острое положеніе, создавшееся на почвѣ ноты

18 апрѣля, говорилъ онъ (цитируемъ по „Рабочей Газетѣ“), есть только частный случай. За послѣднее время правительство вообще взято подъ подозрѣніе. Оно не только не находитъ въ демократіи поддержки, но встрѣчаетъ тамъ попытки подрыва его авторитета. При такомъ положеніи правительство не считаетъ себя въ правѣ нести отвѣтственность. Мы рѣшили позвать васъ и объясниться. Мы должны знать, годимся-ли мы для нашего отвѣтственнаго поста въ данное время. Если нѣтъ, то мы для блага родины готовы сложить свои полномочія, уступивъ мѣсто другимъ“. Не помню такъ-ли опредѣленны были слова кн. Львова, но мысль части членовъ правительства были именно такова. Здѣсь *ставился кабинетный вопросъ. Поставить его—значило* уже стать на точку зрѣнія совѣта и *признать министерство отвѣтственнымъ передъ органомъ „революціонной демократіи“*. Это совершенно не соотвѣтствовало первоначальной точкѣ зрѣнія Временнаго Правительства, считавшаго себя отвѣтственнымъ только передъ Учредительнымъ Собраніемъ и присягнувшаго довести Россію до него и ему передать свою власть. Признавать „волей народа“ мнѣніе явно-партійныхъ организацій, не объединявшихъ даже всей демократіи, не говоря о другихъ общественныхъ классахъ, значило идти дальше, чѣмъ рѣшался идти до тѣхъ поръ совѣтъ. Органъ совѣта говорилъ теперь, правда, что „каждый шагъ и во внутренней, и во внѣшней политикѣ, если онъ затрагиваетъ существенные интересы страны долженъ быть дѣломъ *двухъ органовъ*, Врем. Правительство и исп. комитета совѣта р. и с. д.“ („Извѣстія“, № 50). Но даже и эта формула не ставила на очередь вопроса объ измѣненіи состава правительства. Когда вопросъ объ этомъ былъ поставленъ самими членами правительства въ одномъ изъ засѣданій съ контактной комиссіей, Церетели прямо заявилъ: „какая вамъ польза отъ того, что мы войдемъ въ вашъ составъ? Вѣдь мы изъ каждаго спорнаго вопроса будемъ дѣлать ультиматумъ и въ случаѣ вашей неуступчивости, вынуждены будемъ съ шумомъ выйти изъ министерства. Это — гораздо хуже, чѣмъ вовсе въ него не входить“. Церетели, по своему обыкновенію, старался здѣсь представить нежелательное для самого себя — нежелательнымъ для своихъ собесѣдниковъ.

Однако, мысль руководящей группы въ правительствѣ (къ этому времени уже совершенно выяснилось, что таковой являются Керенскій, Некрасовъ, Терещенко, къ которымъ склоняются, съ

одной стороны, кн. Львовъ, съ другой, — правые члены правительства В. Н. Львовъ и большею частью И. В. Годневъ) окончательно остановилась на идеѣ *коалиціи* съ членами партій, входившихъ въ совѣтъ, какъ на лучшемъ выходѣ изъ создавшагося положенія. Чтобы поставить совѣтъ передъ необходимостью высказаться по вопросу, желаетъ ли онъ нести формальную отвѣтственность передъ страной за то „давленіе", которое парализуетъ работу правительства, намѣченъ былъ проэктъ обращенія къ странѣ съ отчетомъ въ двухмѣсячной дѣятельности правительства и съ указаніемъ на встрѣтившіяся трудности. На идеѣ такого обращенія сошлись со сторонниками коалиціи и ея противники (какъ А. И. Гучковъ, видѣвшій въ этомъ документѣ своего рода завѣщаніе перваго правительства), а также и члены правительства, расчитывавшіе, что совѣтъ вынужденъ будетъ, отказавшись отъ участія во власти, тѣмъ самымъ возобновить обязательство довѣрія и поддержки прежняго состава. П. Н. Милюковъ, высказывавшійся рѣшительно противъ замѣны перваго правительства коалиціоннымъ, какъ менѣе авторитетнымъ и менѣе способнымъ удержать страну отъ распада, высказывался и противъ опубликованія документа, который неизбѣжно долженъ былъ повести къ кризису власти. Но въ руководящемъ кружкѣ уже сталъ на очередь вопросъ объ удаленіи самого П. Н. Милюкова, откровенно поставленный въ совѣщаніи 21 апрѣля В. М. Черновымъ, который предлагалъ П. Н. Милюкову перемѣнить портфель министра иностранныхъ дѣлъ, напримѣръ, на портфель министра народнаго просвѣщенія. Возбужденіе общаго кабинетнаго вопроса давало возможность легче рѣшить вопросъ объ этой перемѣнѣ и о перемѣнѣ А. И. Гучкова, чѣмъ устранялись самыя существенныя причины для треній между Врем. Правительствомъ и „революціонной демократіей" и пріобрѣталась какъ казалось тогда, уже не „постольку—поскольку", а безусловно, поддержка совѣтскихъ партій.

Воззваніе къ населенію было написано Ф. Ф. Кокошкинымъ и опубликовано 26 апрѣля. Въ своемъ первоначальномъ текстѣ оно было суровымъ обвинительнымъ актомъ противъ совѣта рабочихъ депутатовъ. Но послѣ троекратной передѣлки эта часть воззванія была очень сильно затушевана. Центральная мысль воззванія, послѣ этихъ передѣлокъ, была формулирована слѣдующимъ образомъ. „Говоря объ осуществленныхъ и осуществляемыхъ имъ задачахъ, Врем. Правительство не можетъ скрыть отъ населенія

тѣхъ затрудненій и препятствій, которыя оно встрѣчаетъ въ своей дѣятельности. Оно не считаетъ также возможнымъ умалчивать о томъ, что въ послѣднее время эти затрудненія растутъ и вызываютъ тревожныя опасенія за будущее. Призванное къ жизни великимъ народнымъ движеніемъ, Врем. Правительство признаетъ себя исполнителемъ и охранителемъ народной воли. Въ основу государственнаго управленія оно полагаетъ не насиліе и принужденіе, а добровольное повиновеніе свободныхъ гражданъ созданной ими самими власти. Оно ищетъ опоры не въ физической, а въ моральной силѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Врем. Правительство стоитъ у власти, оно ни разу не отступило отъ этихъ началъ. Ни одной капли народной крови не пролито по его винѣ, ни для одного теченія общественной мысли имъ не создано насильственной преграды. Къ сожалѣнію и къ великой опасности для свободы, *ростъ новыхъ соціальныхъ связей, скрѣпляющихъ страну, отстаетъ отъ процесса распада, вызваннаго крушеніемъ стараго государственнаго строя* (подчеркнутыя фразы вставлены с.-р-ами, товарищами Керенскаго, *вмѣсто открытаго обвиненія* совѣта въ парализованіи правительства и въ содѣйствіи распаду страны). Въ этихъ условіяхъ, при отказѣ отъ старыхъ насильственныхъ пріемовъ управленія и отъ внѣшнихъ искусственныхъ средствъ употребляющихся для поднятія престижа власти, трудности задачи, выпавшей на долю Врем. Правительства, грозятъ сдѣлаться неодолимыми. Стихійное стремленіе осуществлять желанія и домогательства отдѣльныхъ группъ и слоевъ населенія явочнымъ и захватнымъ путемъ по мѣрѣ перехода къ менѣе сознательнымъ и менѣе организованнымъ слоямъ населенія грозитъ разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создать благопріятную почву, съ одной стороны, для насильственныхъ актовъ, сѣющихъ среди пострадавшихъ озлобленіе и вражду къ новому строю, съ другой стороны, для развитія частныхъ стремленій и интересовъ въ ущербъ общимъ и къ уклоненію отъ исполненія гражданскаго долга. Вр. Правительство считаетъ своимъ долгомъ прямо и опредѣленно заявить, что такое положеніе вещей дѣлаетъ управленіе государствомъ крайне затруднительнымъ и въ своемъ послѣдовательномъ развитіи угрожаетъ привести страну къ распаду внутри и къ пораженію на фронтѣ. Передъ Россіей встаетъ страшный призракъ междоусобной войны и анархіи, несущей гибель свободѣ. Есть мрачный и скорбный путь народовъ, хорошо извѣстный исторіи, — путь, ведущій

отъ свободы черезъ междоусобіе и анархію къ реакціи и возврату деспотизма. Этотъ путь не долженъ быть путемъ русскаго народа". Послѣ этой объективной характеристики положенія, очень мало гармонировавшей съ искреннимъ или оффиціальнымъ оптимизмомъ руководящей группы правительства, въ воззваніи давалось обѣщаніе „съ особенной настойчивостью возобновить (этимъ подчеркивалось, что усилія эти дѣлались и раньше) усилія, направленныя къ расширенію его состава путемъ привлеченія къ отвѣтственной государственной работѣ представителей тѣхъ активныхъ творческихъ силъ, которые доселѣ не принимали прямого и непосредственнаго участія въ управленіи государствомъ". Политическій смыслъ, который руководители правительства придавали этому обѣщанію, былъ разъясненъ и подчеркнутъ личнымъ шагомъ А. Ф. Керенскаго, поспѣшившаго формально открыть министерскій кризисъ и тѣмъ закрѣпить позицію сторонниковъ коалиціи. Въ тотъ же день, 29 апрѣля, появилось въ газетахъ его письмо въ ц. к. партіи с.-р., въ совѣтъ р. и с. д. и во Врем. Комитетъ Гос. Думы, въ которомъ Керенскій заявлялъ, что отнынѣ „представители трудовой демократіи могутъ брать на себя бремя власти лишь по непосредственному избранію и формальному уполномочію тѣхъ организацій, къ которымъ они принадлежатъ", и что въ ожиданіи рѣшенія органовъ демократіи, къ которымъ онъ обращался, онъ „будетъ нести до конца тяжесть фактическаго исполненія обязанностей". Этимъ весь вопросъ о способѣ созданія новаго правительства ставился на новую почву. Члены Врем. Правительства, назначенные Комитетомъ Гос. Думы 1 марта, не были формально делегированы партійными организаціями, и не считали себя отвѣтственными передъ ними. Мы видали, въ какое отношеніе сталъ къ нимъ совѣтъ р. и с. д. Когда возникъ вопросъ, какъ уравновѣсить „давленіе" и „контроль" совѣта надъ правительствомъ, мысль министровъ — въ томъ числѣ и А. Ф. Керенскаго — обращалась обыкновенно къ Временному Комитету Гос. Думы, какъ къ законному источнику власти. Члены Комитета участвовали и во всѣхъ важнѣйшихъ совѣщаніяхъ правительства съ делегатами совѣта. Но идея — дать такимъ образомъ долю справедливаго вліянія Гос. Думѣ — не осуществилась. Составъ 4-ой Гос. Думы былъ фактически ослабленъ тѣмъ, что лучшіе элементы ея заняли мѣста въ правительствѣ, получили отвѣтственныя порученія внѣ Петрограда и т. п. Съ другой стороны, Гос. Дума, *какъ учрежденіе*, съ самаго начала рево-

люціи добровольно устранила себя отъ оффиціальной дѣятельности, понимая, что съ фактической отмѣной старыхъ „основныхъ законовъ“ революціоннымъ переворотомъ роль ея, какъ государственнаго учрежденія въ системѣ другихъ такихъ же, существенно измѣняется. Свое право вліять на ходъ событій Гос. Дума, по необходимости, выводила не столько изъ своего права избранія на основѣ избирательнаго положенія 3 іюня 1907 г., сколько изъ той важной роли, которую она сыграла въ успѣхѣ революціи 27 февраля 1917 г. Но въ роли этого фактора являлась не вся Гос. Дума, а ея Временный Комитетъ, отъ времени до времени дѣлавшій свои доклады частному совѣщанію членовъ Гос. Думы. Даже и такая скромная роль Гос. Думы начинала вызывать раздраженіе въ рядахъ „революціонной демократіи“. Преслѣдуемая съ самаго начала маніей контръ-революціи, потомъ сознательно злоупотреблявшая этимъ призракомъ и раздувавшая съ демагогическими цѣлями страхъ передъ несуществовавшей тогда „контръ-революціонной опасностью“, „революціонная демократія“ соціалистическихъ партій принялась систематически дискредитировать Гос. Думу и ея предсѣдателя М. В. Родзянко, пользовавшагося въ первое время революціи громадной популярностью въ странѣ и арміи. По тѣмъ или другимъ причинамъ, но Гос. Дума оказалась не подходящимъ средствомъ для того, чтобы раздѣлить контроль надъ правительствомъ, да она и принципіально не захотѣла бы требовать отвѣтственности правительства передъ собой, въ особенности, требовать его въ равной мѣрѣ съ совѣтомъ р. и с. д. И естественно, разъ уже зашла рѣчь объ отвѣтственности министровъ передъ кѣмъ либо, выдвинулась идея использовать ихъ отвѣтственность передъ политическими партіями, къ которымъ большинство изъ нихъ принадлежало. Если министры перваго состава не были делегированы партіями и принципіально передъ ними не отвѣчали, то теперь, при созданіи коалиціи, и при наличности отвѣтственности нѣкоторыхъ изъ будущихъ министровъ передъ партійными органами, казалось правильнымъ распространить эту отвѣтственность и на отношенія другихъ министровъ (главнымъ образомъ, членовъ партіи народной свободы, единственной сохранившейся и организованной изъ несоціалистическихъ партій) къ ихъ органамъ. Письмо Керенскаго сдѣлало такую постановку вопроса неизбѣжной. Мотивируя разницу между своимъ вступленіемъ въ первый составъ правительствв и въ составъ, подготовлявшійся теперь, Керенскій указалъ, что тогда

„рѣшающія событія революціи застали демократію неорганизованной“ и онъ „на свой личный страхъ и рискъ долженъ былъ принять представительство этой демократіи“, „когда цензовая Россія одна взяла на себя организацію власти“. Теперь же онъ „считалъ положеніе коренным образомъ измѣнившимся“. „Съ одной стороны положеніе дѣлъ въ странѣ все осложняется. Но, съ другой стороны, возрасли и силы организованной трудовой демократіи, которой, быть можетъ, нельзя болѣе устраняться отъ отвѣтственнаго участія въ управленіи государствомъ“. Керенскій обѣщалъ себѣ, что это участіе „придастъ рожденной революціей власти новыя силы и весь необходимый авторитетъ для сплоченія вокругъ нея всѣхъ живыхъ силъ страны и для преодолѣнія всѣхъ преградъ, препятствующихъ выходу Россіи на широкую дорогу историческаго развитія“. Чтобы оцѣнить настроеніе, продиктовавшее этотъ шагъ и эти слова, нужно вспомнить, что три дня спустя, 29 апрѣля, А. Ф. Керенскій произнесъ передъ фронтовымъ съѣздомъ сильныя слова отчаянія. „Неужели русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабовъ? . . . Я жалѣю, что не умеръ два мѣсяца назадъ: я бы умеръ съ великой мечтой, что разъ навсегда для Россіи загорѣлась новая жизнь, что мы умѣемъ безъ хлыста и палки уважать другъ друга и управлять своимъ государствомъ не такъ, какъ управляли прежніе деспоты“. Конечно, въ соціалистическихъ газетахъ рѣчь эта не была напечатана. — Итакъ, А. Ф. Керенскій своимъ демонстративнымъ шагомъ открылъ министерскій кризисъ и опять форсировалъ положеніе. Съ одной стороны, шагъ его обязывалъ правительство немедленно сдѣлать выводъ изъ своего обѣщанія 26 апрѣля. Съ другой стороны, онъ ставилъ и передъ совѣтами въ рѣшительной формѣ вопросъ объ участіи соціалистовъ въ правительствѣ. Надо прибавить, что въ болѣе общей формѣ намѣреніе правительства призвать всѣ живыя силы было доведено до свѣдѣнія Н. С. Чхеидзе и М. В. Родзянко письмомъ князя Львова, воспроизводившимъ выраженія деклараціи 26 апрѣля.

Наиболѣе вліятельные руководители совѣта, вмѣстѣ съ И. Г. Церетели, вовсе не были склонны нести отвѣтственность за пользованіе правительственной властью въ такую отвѣтственную и трудную минуту. Они совершенно правильно учли свои силы, понимали, что необходимый для нихъ процессъ организаціи едва лишь начался въ странѣ, сознавали отлично, что въ этомъ процессѣ гораздо выгоднѣе быть на сторонѣ критикующихъ, чѣмъ

критикуемыхъ, отдавали себѣ отчетъ и въ томъ, что уходъ наиболѣе влiятельныхъ изъ нихъ изъ совѣта въ правительство чрезвычайно ослабитъ ихъ влiянiе въ совѣтѣ и откроетъ путь къ усиленiю влiянiя ихъ противниковъ слѣва, — большевиковъ. Въ засѣданiи исполнительнаго комитета 29 апрѣля, послѣ продолжительныхъ пренiй, комитетъ высказался *противъ* участiя въ правительствѣ большинствомъ одного голоса, 23 противъ 22, при 8 воздержавшихся.

Было, однако, несомнѣнно, что разъ начатое дѣло, уже въ виду неизбѣжности личныхъ перемѣнъ, должно быть доведено до конца. Въ тотъ же день кн. Г. Е. Львовъ посѣтилъ П. Н. Милюкова и просилъ его помочь ему выйти изъ затруднительнаго положенiя. П. Н. Милюковъ въ отвѣтъ указалъ альтернативу: или послѣдовательно проводить программу твердой власти и, въ такомъ случаѣ, отказаться отъ идеи коалицiоннаго правительства, пожертвовать А. Ф. Керенскимъ, который уже заявилъ о своей отставкѣ, и быть готовымъ на активное противодѣйствiе захватамъ власти со стороны совѣта, — или же пойти на коалицiю, подчиниться ея программѣ и рисковать дальнѣйшимъ ослабленiемъ власти и дальнѣйшимъ распадомъ государства.

Въ сущности, выборъ кн. Львова былъ уже сдѣланъ, и П. Н. Милюковъ могъ облегчить его положенiе лишь однимъ способомъ: онъ предложилъ рѣшить свой личный вопросъ въ свое отсутствiе (онъ и А. И. Шингаревъ въ этотъ день выѣзжали въ ставку), предупредивъ только, что при созданiи коалицiоннаго правительства, онъ не приметъ предполагавшейся перемѣны портфеля, такъ какъ онъ принципiально противъ коалицiи. Уѣзжая, П. Н. Милюковъ просилъ также и А. И. Гучкова, готовившагося подать въ отставку, отложить свой личный вопросъ до рѣшенiя принципiальнаго вопроса о коалицiи и о ея программѣ.

Однако, уже вечеромъ 29 апрѣля А. И. Гучковъ заявилъ Временному Правительству о своемъ уходѣ, и днемъ 30-го апрѣля кн. Г. Е. Львовъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ, „въ виду тѣхъ условiй, въ которыя поставлена правительственная власть въ странѣ, а въ частности, власть военнаго и морского министра, условiй, которыя измѣнить онъ не въ силахъ, и которыя грозятъ роковыми послѣдствiями армiи и флоту, и свободѣ, и самому бытiю Россiи“, онъ „по совѣсти не можетъ долѣе нести обязанности военнаго и морскаго министра и раздѣлять отвѣтственность за

тотъ тяжкій грѣхъ, который творится въ отношеніи родины". Въ то же время А. И. Гучковъ выступилъ на съѣздѣ делегатовъ съ фронта съ длинной рѣчью, въ которой перечислялъ всѣ свои заслуги передъ арміей и флотомъ и заявлялъ, что „въ томъ угарѣ, который насъ охватилъ, мы зашли за ту роковую черту, за которой начинается не созиданіе, не сплоченіе, не укрѣпленіе военной мощи, а постепенное разрушеніе." Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ процессѣ разрушенія А. И. Гучковъ не захотѣлъ перешагнуть послѣдней грани: онъ остановился передъ опубликованіемъ „деклараціи правъ солдата", которая была затѣмъ опубликована черезъ двѣ недѣли его преемникомъ, — и которая, по компетентному заявленію высшаго командованія, должна была нанести военной дисциплинѣ послѣдній и непоправимый ударъ.

Извѣстіе объ отставкѣ Гучкова заставило исполнительный комитетъ, послѣ разъясненій А. Ф. Керенскаго, пересмотрѣть свое рѣшеніе о невступленіи въ правительство. Въ вечернемъ засѣданіи перваго мая большинствомъ 41 противъ 18, при 3 воздержавшихся, было рѣшено принять участіе въ коалиціонномъ правительствѣ.

Противъ этого рѣшенія голосовали на этотъ разъ только большевики и меньшевики-интернаціоналисты. Въ эту же ночь была выработана и программа пунктовъ, на которой соціалисты соглашались войти въ правительство. На первое мѣсто здѣсь былъ поставленъ спорный пунктъ о внѣшней политикѣ, вводившій на этотъ разъ цѣликомъ популярную формулу: „дѣятельная внѣшняя политика, открыто ставящая своею цѣлью скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира безъ аннексій и контрибуцій, на началахъ самоопредѣленія народовъ, въ частности подготовка къ переговорамъ съ союзниками въ цѣляхъ пересмотра соглашеній, на основаніи деклараціи Временнаго Правительства отъ 27-го марта". Этотъ пунктъ предрѣшалъ уходъ П. Н. Милюкова, заранѣе условленный между Церетели и руководящей группой правительства, причемъ сторонники этой перемѣны обезпечили себѣ и поддержку союзниковъ, въ лицѣ Альбера Тома. Вторымъ пунктомъ шелъ второй циммервальдскій тезисъ: „демократизація арміи", но съ прибавкой, характеризовавшей уже извѣстное намъ настроеніе руководителей совѣта (только что опубликовавшаго свое обращеніе къ фронту): „организація и укрѣпленіе боевой силы фронта и дѣйствительная защита добытой свободы". Далѣе слѣдовали пункты, безспорные

по заглавіямъ, но грозившіе сдѣлаться очень спорными по содержанію, которое вкладывалось въ нихъ „революціонной демократіей".

„Борьба съ хозяйственной разрухой путемъ установленія контроля надъ производствомъ, транспортомъ, обмѣномъ и распредѣленіемъ продуктовъ и организація производства въ необходимыхъ случаяхъ". Этотъ основной тезисъ „военнаго соціализма" могъ быть проведенъ такъ, какъ онъ проводился во всѣхъ воюющихъ странахъ, — послѣдовательнѣе всего въ Германіи. Но онъ могъ быть понятъ и въ смыслѣ осуществленія путемъ декретовъ власти чисто соціалистическихъ задачъ. Въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ онъ разумѣлся именно въ смыслѣ соціалистическихъ экспериментовъ надъ промышленностью. Относительно деревни совѣтская программа требовала „аграрной политики, регулирующей землепользованіе въ интересахъ народнаго хозяйства, подготовляющей переходъ земли въ руки трудящихся." Подъ этой, тоже довольно растяжимой, формулой разумѣлась „подготовка перехода земли" путемъ передачи фактическаго пользованія ею земельнымъ комитетамъ. Финансовый пунктъ программы устанавливалъ „переустройство финансовой системы на демократическихъ началахъ, въ цѣляхъ переложенія финансовыхъ тяготъ на имущіе классы (обложеніе военной сверхъ-прибыли, поимущественный налогъ и т. д.)". О тенденціи этого параграфа можно судить по тому, что впослѣдствіи даже финансовыя реформы А. И. Шингарева показались совѣтскимъ финансистамъ недостаточными. Всѣ эти приведенныя пункты выходили за предѣлы первоначальныхъ задачъ Временнаго Правительства и потому, что вводили въ ихъ число немедленное, не дожидаясь Учредительнаго Собранія, соціальное „правотворчество" въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, чтобы этимъ вызвать самые острые классовые конфликты. Наконецъ. три остающіеся пункта не могли вызывать никакихъ возраженій: „Всесторонняя защита труда", „укрѣпленіе демократическаго самоуправленія" и „скорѣйшій созывъ Учредительнаго Собранія".

Съ утра 2-го мая, при участіи возвратившихся спѣшно изъ ставки министровъ П. Н. Милюкова и А. И. Шингарева, изъ Москвы А. А. Мануилова, началось обсужденіе этой программы въ правительствѣ. Продолжая возражать противъ самаго принципа коалиціи, П. Н. Милюковъ находилъ предъявленную программу отчасти слишкомъ неопредѣленной и скрывающей зародыши конфликтовъ въ будущемъ, отчасти, поскольку она была опредѣленна

(въ области внѣшней политики), непріемлемой и, наконецъ, попрежнему не заключающей въ себѣ тѣхъ элементовъ, отсутствіе кототорыхъ, собственно, и вызвало слабость и паденіе правительства перваго состава: не заключающей указаній на единство власти и на обезпеченіе этого единства полнымъ довѣріемъ „революціонной демократіи". На почвѣ этихъ возраженій было приступлено къ составленію окончательнаго текста деклараціи новаго правительства. Во время этого составленія подоспѣли однородныя замѣчанія комитета Гос. Думы и Ц. К. партіи народной свободы. Но раньше, чѣмъ обсужденіе деклараціи окончилось, въ вечернемъ засѣданіи А. Ф. Керенскій сообщилъ П. Н. Милюкову о состоявшемся въ отсутствіи послѣдняго рѣшеніи семи членовъ Временнаго Правительства — оставить за П. Н. Милюковымъ, при перераспредѣленіи портфелей, министерство народнаго просвѣщенія, вмѣсто министерства иностранныхъ дѣлъ. Самъ А. Ф. Керенскій долженъ былъ получить портфель военнаго и морского министра. Не считая возможнымъ, при такомъ перераспредѣленіи, и при намѣчавшейся побѣдѣ циммервальдскихъ тенденцій въ области веденія войны и внѣшней политики, нести свою долю коллективной отвѣтственности за дальнѣйшія дѣйствія солидарнаго кабинета, П. Н. Милюковъ категорически отказался принять предложеніе товарищей и покинулъ засѣданіе.

Дальнѣйшее обсужденіе проэкта деклараціи привело представителей совѣта къ нѣкоторымъ уступкамъ, впрочемъ, очень незначительнымъ. Требованія партіи народной свободы были приняты въ очень урѣзанномъ и смягченномъ видѣ. Партія, какъ и Государственная Дума и часть министровъ, требовала признанія Временнаго Правительства *единственнымъ органомъ власти*. Декларація въ заключительной части лишь односторонне заявляетъ, что его плодотворная работа возможна лишь при условіи: „ . . . 2) возможности осуществлять на дѣлѣ всю полноту власти". Эта „возможность" была поставлена въ зависимость отъ „. . . 1) полнаго и безусловнаго довѣрія къ правительству всего революціоннаго народа". То и другое только постулировалось, но вовсе не давалось формально правительству. Далѣе Ц. К. партіи народной свободы требовалъ, чтобы за правительствомъ была признана основная и элементарная принадлежность *всякой* власти: *право примѣненія силы и распоряженія арміей*. Этотъ капитальный вопросъ опять таки не былъ включенъ въ пункты программы, и лишь затронутъ

осторожно въ той же заключительной части, въ такой формѣ, которая заранѣе ослабляла все практическое значеніе этого признанія: правительство „заявляло, что для спасенія родины оно приметъ самыя энергичныя мѣры противъ всякихъ *контръ-революціонныхъ попытокъ*, какъ и противъ анархическихъ, неправомочныхъ и насильственныхъ дѣйствій, дезорганизующихъ страну и *создающихъ почву для контръ-революціи*". Опасность грозила слѣва и тотъ самый Некрасовъ, которому принадлежалъ проэктъ декларацiи, въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ справедливо признавалъ опасность контръ-революціи и „бонапартизма" — мнимой опасностью.

Но, чтобы получить право хотя бы намекнуть въ правительственной деклараціи на реальную опасность слѣва, новому правительству приходилось направлять всю силу фразеологіи на несуществующую тогда опасность справа, упомянувъ о настоящей *большевистской* опасности, лишь какъ о готовящей почву для той же „контръ-революціи". Ясно было, что, связанное въ словахъ, новое правительство будетъ еще болѣе связано въ дѣйствіяхъ.

Первоначальной задачей деклараціи было — договориться, наконецъ, до конца и все сказать такъ ясно, чтобы не было мѣста дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ и скрытымъ конфликтамъ. Но на первомъ же шагу оказывалось, что ясная и опредѣленная постановка задачъ для коалиціоннаго правительства невозможна и что коалиція есть дѣйствительно компромиссъ, заранѣе парализующій власть извнутри, какъ до сихъ поръ ее парализовало давленіе извнѣ. Даже по тому основному вопросу, который далъ поводъ для ухода П. Н. Милюкова, по вопросу о внѣшней политикѣ, программа представила только компромиссное рѣшеніе, сославшись для объясненія „демократической" формулы мира (безъ аннексій и контрибуцій) на прежнее заявленіе правительства отъ 28-го марта. Это было сдѣлано послѣ того, какъ не удалось ограничить смыслъ совѣтской формулы оговорками: „безъ *захватной* политики и безъ *карательныхъ* контрибуцій". Вмѣсто опредѣленнаго совѣтскаго заявленія о „подготовкѣ переговоровъ съ союзниками въ цѣляхъ пересмотра соглашеній", декларація обѣщала лишь „предпринять подготовительные шаги къ соглашенію съ союзниками"—на основахъ деклараціи 28-го марта. Эта уклончивость въ главномъ вопросѣ соотвѣтствовала интересамъ Россіи. Такимъ образомъ, выдавалась совѣтамъ лишь личность П. Н. Милюкова, а не его политика. Этимъ удовлетворялось и требованіе Государственной Ду-

мы и партіи народной свободы о сохраненіи „единства фронта“ съ союзниками и о рѣшеніи вопросовъ войны и мира „въ полномъ единеніи съ ними“. Но главная цѣль — созданіе новаго правительства,—сильнаго ясностью и единодушіемъ своихъ стремленій, не только не была достигнута, но, наоборотъ, была молчаливо признана недостижимой. Если нельзя того же сказать о соціальныхъ пунктахъ деклараціи, то только потому, что тутъ конфликты были еще впереди. Декларація избѣжала ихъ преждевременнаго раскрытія тѣмъ, что сдѣлала эластичныя совѣтскія формулы еще болѣе неопредѣленными, введя въ нихъ необходимыя оговорки. Въ области контроля надъ промышленностью и производствомъ, декларація обѣщала лишь „дальнѣйшее планомѣрное проведеніе“ мѣръ, уже примѣнявшихся раньше, и тѣмъ самымъ лишила свое заявленіе характера принципіальной перемѣны. Въ области финансовыхъ вопросовъ правительство лишь обѣщало „обратить особое вниманіе на усиленіе прямого обложенія имущихъ классовъ“. А въ аграрномъ вопросѣ декларація и по существу разошлась съ требованіями совѣта, обѣщавъ лишь „принять всѣ необходимыя мѣры“ для одной, вполнѣ конкретной задачи — „обезпеченія наибольшей производительности хлѣба для нуждающейся въ немъ страны“. Что касается „вопроса о переходѣ земли въ руки трудящихся“, новое правительство, въ согласіи съ тѣмъ, чѣмъ ограничивалось и старое, хотѣло лишь „выполнить для этого подготовительныя работы“, предоставляя Учредительному Собранію рѣшеніе самаго вопроса. Во всѣхъ другихъ пунктахъ декларація подчеркнула, что требованія совѣта для правительства не новы и что въ области „всесторонней защиты труда“, „введенія демократическихъ органовъ самоуправленія“, „созыва Учредительнаго Собранія въ *Петроградѣ*“ оно лишь будетъ „со всей возможной настойчивостью и спѣшностью“, „прилагать свои усилія“. Заключительная часть, какъ мы видѣли, указывала при *какихъ условіяхъ* поддержки усилія эти могутъ увѣнчаться успѣхомъ.

То, что здѣсь не договаривала правительственная декларація, договорило опубликованное въ одинъ день съ нимъ, 6-го мая, заявленіе Ц. К. партіи Народной свободы. Здѣсь впервые весь критическій матеріалъ, созданный дѣятельностью—или, точнѣе, вынужденной бездѣятельностью — перваго правительства, былъ собранъ и формулированъ въ видѣ тезисовъ положительной политической программы. Отказавшись отъ давленія на своего предсѣдателя, выну-

жденнаго покинуть ряды правительства, партія, однако, сочла нужнымъ настоять на сохраненіи постовъ въ кабинетѣ другими своими сочленами. Оставляя ихъ въ составѣ новаго правительства, участники котораго объявлялись *отвѣтственными передъ своими партіями*, партія народной свободы дала имъ совершенно опредѣленный мандатъ. Въ области внѣшней политики, „всецѣло одобряя стойкую защиту П. Н. Милюкова въ международныхъ интересахъ Россіи", партія, „теперь, какъ и прежде, не мыслила и не могла бы поддерживать своимъ довѣріемъ внѣшнюю политику, которая не была бы основана на тѣсномъ и неразрывномъ *единеніи съ союзниками, направленномъ къ соблюденію обязательствъ и къ огражденію правъ, достоинства и жизненныхъ интересовъ Россіи.*" Въ области внутренней политики партія считала первой задачей обновленнаго правительства „упроченіе его авторитета и укрѣпленіе его власти". а для этого, для „полноты и дѣйственности этой власти" „первымъ условіемъ долженъ быть" по ея мнѣнію „*рѣшительный отказъ* всѣхъ безъ исключенія группъ и организацій *отъ присвоенія себѣ права распоряженій, отмѣняющихъ либо измѣняющихъ акты Временнаго Правительства и вторгающихся въ область законодательства или управленія*".

Третье существенное требованіе партіи к.-д. вытекаетъ изъ второго: единство власти правительства должно быть обезпечено его *силой*. Въ противоположность деклараціямъ членовъ перваго правительства и его заявленіямъ 26-го апрѣля, партія полагала, что никакая власть не можетъ опираться на одинъ только моральный авторитетъ, на силу убѣжденія и на добровольное повиновеніе гражданъ. Съ элементами, „ставящими себѣ прямою цѣлью разрушеніе всякаго порядка и посягательство на чужія права", нельзя ограничиваться одними увѣщаніями. Съ ними „*необходима настойчивая борьба, не останавливающаяся передъ примѣненіемъ всѣхъ, находящихся въ распоряженіи государства мѣръ принужденія.* Всякая нерѣшительность въ этомъ направленіи, по глубокому убѣжденію партіи народной свободы, будетъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ развитіе анархіи и ростъ преступности. Поддерживая и питая настроеніе, враждебное революціи, такое усиленіе смуты несетъ въ себѣ величайшую опасность и способно погубить дѣло свободы".

Частнымъ примѣненіемъ этого же принципа являлось четвертое требованіе партіи — о поддержаніи дисциплины въ арміи.

„Необходимы *опредѣленныя и рѣшительныя мѣры противодѣйствія попыткамъ внести дезорганизацію въ ряды арміи, подорвать въ ней дисциплину и боевую мощь*, посѣять пагубную рознь между защитниками родины". Общимъ замѣчаніемъ по отношенію ко всѣмъ предъидущимъ было то, что „партія *не считаетъ возможнымъ мириться съ полумѣрами* въ предстоящей борьбѣ, отъ успѣха которой зависитъ прочность и непоколебимость новаго строя". Пятымъ требованіемъ партіи было то, чтобы *ни въ соціальныхъ, ни въ національныхъ, ни въ конституціонныхъ вопросахъ Временное Правительство не предвосхищало Учредительнаго Собранія.* „Впередь до созыва" Учредительнаго Собранія партія считала возможнымъ лишь „содѣйствовать проведенію въ жизнь всѣхъ *неотложныхъ мѣропріятій*", съ цѣлью „установленія разумной и цѣлесообразной экономической и финансовой политики, подготовки къ земельной реформѣ, направленной къ передачѣ земли трудовому земледѣльческому населенію, охраны интересовъ трудящихся массъ, развитія мѣстнаго самоуправленія, правильнаго устройства и надлежащаго функціонированія суда и удовлетворенія другихъ разнообразныхъ потребностей государственнаго управленія". Но что касается такихъ вопросовъ, какъ „установленіе основныхъ началъ государственнаго строя Россіи" (республика или парламентарная монархія), „созданіе новыхъ формъ ея политическаго устройства" (унитарный или федеративный типъ), „разрѣшеніе коренныхъ проблемъ ея экономическаго бытія" (земельная собственность, отношеніе капитала и труда), „удовлетвореніе справедливыхъ требованій отдѣльныхъ національностей" (автономія или федерація), — всѣ такіе вопросы не могутъ быть разрѣшаемы властью Временнаго Правительства и должны быть предоставлены на усмотрѣніе Учредительнаго Собранія, какъ высшаго выразителя народной воли". Отсюда ясно и то, какое громадное значеніе партія придавала Учредительному Собранію и какъ бережно она считала необходимымъ обращаться и съ идеей этого проявленія народовластія, и съ ея наилучшимъ осуществленіемъ. Своимъ сочленамъ въ составѣ правительства партія поручала „всемѣрно содѣйствовать осуществленію *такой* программы и въ *такихъ* предѣлахъ", какъ указанные выше. Въ противномъ случаѣ, соотвѣтственно новому пріему конструкціи коалиціоннаго кабинета изъ представителей, оффиціально делегированныхъ политическими партіями и передъ ними отвѣтственныхъ, партія пре-

доставляла себѣ отозвать своихъ членовъ изъ состава правительства.

Въ совѣтѣ р. и с. д. появленіе новыхъ министровъ-соціалистовъ, членовъ перваго коалиціоннаго кабинета, было встрѣчено бурной оваціей. „Не въ плѣнъ къ буржуазіи идутъ они", говорилъ представитель с.-р. Гоцъ, „а занимать новую позицію выдвинутыхъ впередъ окоповъ революціи". „При создавшемся положеніи", подтверждалъ В. М. Черновъ, *„совѣтъ р. и с. д. будетъ, въ сущности, рѣшать государственныя дѣла, а министры только исполнять"*. Ту же мысль подтвердилъ и болгарско-румынскій соціалистъ Раковскій, только что выпущенный русскими войсками изъ румынской тюрьмы (румынское правительство обвиняло его въ подкупѣ германскими деньгами). Въ немъ „пробудился старый циммервальдецъ" и онъ радостно привѣтствовалъ расцвѣтъ циммервальдизма въ Россіи. „Тамъ насъ была горсточка, а тутъ—вся страна. И онъ тутъ же продиктовалъ молодымъ циммервальдцамъ тему ихъ будущей деклараціи. „Не бойтесь вхожденія въ министерство. Всюду въ другихъ странахъ соціалистическіе министры являются какъ бы хвостомъ своего правительства, а здѣсь я вижу другое: правительство — это хвостъ революціи. Русскій министеріализмъ отличается отъ западнаго".

Однако, герои дня съ грустью принимали свою побѣду. Церетели и Скобелевъ одинаково говорили о своихъ колебаніяхъ, о безысходности положенія, которое заставило сдѣлать ихъ неизбѣжный выборъ между вступленіемъ въ правительство и гибелью революціи, о неподготовленности массъ. о необходимости идти объ руку съ частью „буржуазіи", — конечно, не съ Милюковымъ, уходъ котораго подчеркнулъ разницу новой платформы отъ прежней. Собраніе горячо привѣтствовало ораторовъ-министровъ и всѣми голосами противъ 20 приняло резолюцію, которая признавала правительственную декларацію „соотвѣтствующей волѣ демократіи, задачамъ закрѣпленія завоеваній революціи и дальнѣйшаго ея развитія," выражала правительству „полное довѣріе", призывала демократію „оказать этому правительству дѣятельную поддержку, обезпечивающую ему всю полноту власти", и устанавливала принципъ отвѣтственности министровъ-соціалистовъ, „впредь до созданія всероссійскаго органа совѣтовъ", передъ Петроградскимъ совѣтомъ.

Тѣми же бурными аплодисментами былъ принятъ, однако, только что наканунѣ пріѣхавшій изъ Америки Троцкій, „старый

вождь первой революціи", который рѣзко осуждалъ вступленіе соціалистовъ въ министерство, утверждая, что теперь „двоевластіе" не уничтожится, а „лишь перенесется въ министерство", и что настоящее единовластіе, которое „спасетъ" Россію, наступитъ только тогда, когда будетъ сдѣланъ „слѣдующій шагъ — передача власти въ руки рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ". Тогда наступитъ „новая эпоха, — эпоха крови и желѣза, но уже въ борьбѣ не націй противъ націй, а класса страдающаго, угнетеннаго противъ классовъ господствующихъ". „Русская революція станетъ прологомъ революціи міровой". Для полноты картины, рядомъ съ героемъ завтрашняго дня выступилъ, при смѣхѣ аудиторіи, и претендентъ на героя послѣзавтрашняго дня, анархистъ Блейхманъ, который заявилъ, что „смѣется лучше тотъ, кто смѣется послѣднимъ". Онъ иронически привѣтствовалъ „соціалистовъ въ ковычкахъ", требовалъ „послѣдовательности" отъ большевиковъ и выражалъ увѣренность, что въ концѣ концовъ и они станутъ на путь анархіи.

Циклъ грядущихъ превращеній у русской революціи здѣсь намѣтился, какъ въ зеркалѣ. На этой покатой плоскости коалиціонное правительство оказалось, дѣйствительно, „первымъ шагомъ". Прежде чѣмъ совершился „второй", — къ господству совѣтовъ, — коалиція должна была пройти черезъ тройной кризисъ, въ которомъ противорѣчіе между утопизмомъ словъ и неизбѣжнымъ реализмомъ дѣлъ министровъ-соціалистовъ вскрылось вполнѣ и до конца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СОЦІАЛИСТЫ ЗАЩИЩАЮТЪ БУРЖУАЗНУЮ РЕВОЛЮЦІЮ ОТЪ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ (6 МАЯ—7 ІЮЛЯ).

I. Противорѣчіе цѣлей и средствъ перваго коалиціоннаго кабинета.

Составъ кабинета. — Двойственность задачи коалиціи.

Соціалисты *численно* не преобладали въ первомъ коалиціонномъ правительствѣ. Составъ его опредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

министръ-предсѣдатель и министръ внутр. дѣлъ — кн. Г. Е. Львовъ,
военный и морской министръ — А. Ф. Керенскій,
министръ иностранныхъ дѣлъ — М. И. Терещенко,
министръ путей сообщенія — Н. В. Некрасовъ,
министръ земледѣлія — В. М Черновъ,
министръ почтъ и телеграфовъ — И. Г. Церетели,
министръ труда — М. И. Скобелевъ,
министръ продовольствія — А. В. Пѣшехоновъ,
министръ юстиціи — П. Н. Переверзевъ,
министръ торговли и промышленности — А. И. Коноваловъ,
министръ финансовъ — А. И. Шингаревъ,
министръ народнаго просвѣщенія — А. А. Мануйловъ,
министръ государственнаго призрѣнія — кн. Д. И. Шаховской,
оберъ-прокуроръ синода — В. Н. Львовъ,
государственный контролеръ — — И. В. Годневъ.

Такимъ образомъ, въ кабинетѣ было 6 соціалистовъ и 9 не-соціалистовъ. Но изъ послѣднихъ только небольшая группа трехъ министровъ к.-д. (не считая Н. В. Некрасова) вмѣстѣ съ А. И. Коноваловымъ держалась дружно. Два „правыхъ“ министра часто поддерживали соціалистовъ, но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они примыкали къ группѣ четырехъ не-соціалистовъ и вотировали 6 противъ шести, рѣшающее значеніе играли Терещенко и Некрасовъ, линія которыхъ клонилась влѣво и увлекала туда же министра-предсѣдателя. Это было хоть и „буржуазное“ правительство, но

такое, которое, дѣйствительно, вполнѣ заслуживало полнаго „довѣрія“ и „поддержки“ умѣренныхъ соціалистическихъ группъ, къ которымъ принадлежало большинство въ совѣтѣ р. и с. д.. Бѣда была лишь въ томъ, что, чѣмъ эта поддержка становилась тверже и основательнѣе, тѣмъ болѣе само большинство совѣта теряло поддержку въ массахъ и таяло. Чтобы предупредить его превращеніе въ меньшинство и сохранить принципъ отвѣтственности министровъ-соціалистовъ передъ совѣтомъ, вождь этого большинства, Церетели, принужденъ былъ пустить въ ходъ всю свою изворотливость. Каждая его побѣда должна была сопровождаться компенсирующей эту побѣду уступкой точкѣ зрѣнія противниковъ. Тактическая линія поведенія превращалась, такимъ образомъ, въ рядъ зигзаговъ, среди которыхъ все труднѣе становилось сохранить господствующее направленіе. Постоянные компромиссы съ очередными криками дня привели, наконецъ, если не къ потерѣ основной тактической линіи, то къ полной потерѣ пониманія этой линіи и довѣрія къ ней въ тѣхъ рабочихъ и солдатскихъ массахъ, на которыя опирались совѣты. Демагогія крайнихъ лѣвыхъ теченій очень ловко воспользовалась этой сложностью и запутанностью тактики болѣе умѣренныхъ вождей и привлекла на свою сторону массы крайней простотой и привлекательностью лозунговъ такъ-же, какъ и упорной послѣдовательностью -- если не въ проведеніи, то, во всякомъ случаѣ, въ повтореніи, въ натверживаніи этихъ лозунговъ. Реклама и агитація среди большевистскихъ теченій всегда были поставлены образцово.

Двойственность, которая въ концѣ концовъ погубила первую коалицію, заключалась уже въ самомъ опредѣленіи основной задачи, для осуществленія которой она образовалась. Для Церетели этой задачей было соединеніе „буржуазіи“ съ „революціонной демократіей“ (т. е. соціалистами совѣта) на одной „демократической платформѣ“, которую онъ хотѣлъ считать всенародной, но которая была, въ сущности, партійно-соціалистической. Это былъ плохой и чисто формальный способъ — не разрѣшить, а симулировать разрѣшеніе глубокаго и неразрѣшимаго противорѣчія, которое существовало между научнымъ тезисомъ марксизма, что при данномъ состояніи производства возможна лишь „буржуазная“ революція, и нетерпѣливымъ стремленіемъ большинства русскихъ соціалистовъ перевести русскую („міровую“) революцію изъ политической въ соціальную (соціалистическую).

Для членовъ перваго правительства, наладившихъ коалиціонную комбинацію, напротивъ, задача коалиціи была совсѣмъ другая. Недаромъ надъ осуществленіемъ коалиціи такъ же усиленно работалъ Альберъ Тома, какъ и Керенскій съ Некрасовымъ и Терещенко. Убѣжденіемъ перваго было, что нужно спасать боеспособность революціонной Россіи путемъ уступокъ руководящимъ теченіямъ соціализма, а убѣжденіемъ остальныхъ было, что боеспособность арміи можно удержать, лишь поставивъ ей понятныя для нея и способныя одушевить ее цѣли войны. Такъ какъ такими цѣлями этимъ ослѣпленнымъ людямъ непремѣнно представлялся лозунгъ совѣта „безъ аннексій и контрибуцій" (т. е., въ сущности, отказъ отъ цѣлей войны), то намѣренія Некрасова и Тома внѣшнимъ образомъ сходились съ намѣреніями Церетели и Керенскаго, которые тогда считали себя „циммервальдцами". Пріобрѣталась видимость „единаго фронта" внутри и во-внѣ.

„Я спрашиваю себя" — такъ объяснялъ свою политику Н. В. Некрасовъ передъ 8-ымъ съѣздомъ партіи народной свободы (9 мая), — „что дороже для насъ и для нашихъ союзниковъ: эти-ли договоры, для осуществленія которыхъ неизвѣстно когда придетъ время, или то боевое единство, которое одно можетъ дать намъ возможность спасти честь и достоинство Россіи. Рѣшающимъ для меня было то, что я слышалъ отъ делегатовъ изъ арміи. . . Эти люди сказали намъ: если вы хотите, чтобы армія шла въ бой, если вы хотите отъ нея прежней дисциплины и прежняго единства, то дайте ей тѣ цѣли борьбы, которыя ей понятны, которыя она видитъ предъ собой и можетъ защищать реально. И помните, что нельзя возложить на плечи арміи, борющейся уже три года на фронтѣ, ту задачу, которая этой арміей не раздѣляется". Условную справедливость этой позиціи призналъ и П. Н. Милюковъ въ концѣ своей рѣчи о своемъ уходѣ въ частномъ засѣданіи членовъ Гос. Думы. Онъ не вѣрилъ, что указанныя средства могутъ привести къ цѣли и что можно усилить желаніе воевать, отказавшись отъ національныхъ цѣлей войны; онъ доказывалъ также, что въ основѣ этой формулировки лежитъ пассивное подчиненіе тенденціи, внесенной извнѣ и грозящей, въ послѣднемъ счетѣ, полнымъ распадомъ власти и всѣми ужасами гражданской войны. . .

Какъ бы то ни было, задача была поставлена, и опытъ ея осуществленія начался сразу по двумъ тѣмъ линіямъ, которыя были искуственно соединены, но тотчасъ же расходились въ раз-

ныя и даже противоположныя стороны: по линіи поддержанія боеспособности арміи и по линіи „демократизаціи“ нашей внѣшней политики. Первой задачей задался А. Ф. Керенскій, при скрытомъ и все возраставшемъ противодѣйствіи совѣта. Второй задачей задался самъ совѣтъ—точнѣе его „комиссія по внѣшнимъ сношеніямъ“, при скрытомъ и постепенно слабѣвшемъ противодѣйствіи М. И. Терещенко. За этими двумя тенденціями, исходившими изъ разныхъ центровъ и другъ другу противорѣчившими, основная задача — укрѣпленіе революціонной власти — была совершенно забыта.

II. Фразы и дѣйствительность въ военномъ вопросѣ.

Керенскій уговариваетъ армію. — Разложеніе арміи. — Попытка мирныхъ переговоровъ на фронтѣ.

Внутреннее противорѣчіе было на-лицо и при осуществленіи первой тенденціи — поддержанія боеспособности арміи. Такъ какъ эта цѣль считалась лучше всего достижимой путемъ объясненія арміи, за что она борется, то за исполненіе этой задачи — за убѣжденіе арміи — лично взялся А. Ф. Керенскій. Онъ исполнилъ ее путемъ объѣзда фронта. Но одновременно съ убѣжденіями военнаго министра армія получила „декларацію правъ солдата", окончательно разложившую въ ней начала принудительной дисциплины. Послѣдствія были такія, какихъ не могло не быть: задача, взятая на себя А. Ф. Керенскимъ, оказалась неосуществленной.

Военный и морской министръ объѣхалъ Гельсингфорсъ, Каменецъ-Подольскъ, Одессу, Севастополь, Кіевъ, Ригу и другіе города. Въ общественныхъ зданіяхъ и передъ фронтомъ, въ засѣданіяхъ разныхъ организацій и на торжественныхъ пріемахъ, сотни тысячъ солдатъ и гражданъ видѣли стройную фигуру молодого человѣка въ помятомъ френчѣ безъ украшеній и отличій, съ больной рукой, согнутой въ локтѣ и спрятанной за бортъ, съ болѣзненнымъ блѣднымъ лицомъ, носящимъ слѣды нервности и крайняго утомленія, слышали его пламенную рѣчь, составленную изъ короткихъ отрывистыхъ фразъ, говорившихъ о свободѣ, о свѣтѣ, о правдѣ, и ежеминутно прерывавшихся бурными взрывами апплодисментовъ и восторженными обѣтами вѣрить, слушать, пойти за министромъ-соціалистомъ впередъ, за республику, за миръ (иногда еще прибавляли и за „матушку-Русь"). „Товарищи", говорилъ министръ, „въ нашей встрѣчѣ я вижу тотъ великій энтузіазмъ, который объялъ всю страну, и чувствую великій подъемъ, который міръ переживаетъ разъ въ столѣтія. Не часты такія чудеса, какъ русская революція, которая изъ рабовъ дѣлаетъ свободныхъ людей. . . Намъ

суждено повторить сказку великой французской революціи. Бросимся же впередъ, за миръ всего міра, съ вѣрой въ счастье и величіе народа". (Одесса, 16 мая). Вотъ канва, по которой мысль скачетъ и рвется, „чудеса" и „сказка" сплетаются съ „вѣрой" и „энтузіазмомъ", и все покрывается тономъ возбужденія и страсти, вызывающей отвѣтный кликъ, психологическую детонацію въ душахъ собравшейся толпы. Ораторъ, среди возбужденія, остается господиномъ своей мысли и пытается провести въ сознаніе толпы, въ формѣ, не противорѣчащей условной приподнятости, тѣ государственныя идеи, для которыхъ онъ пріѣхалъ. Свобода *обязываетъ;* отказъ отъ внѣшней дисциплины *налагаетъ долгъ* внутренней дисциплины; стремленіе къ скорому миру обязываетъ быть сильными на фронтѣ; врагъ, не уважающій идей, долженъ преклониться передъ силой. Ораторъ находитъ способы позолотить эти пилюли, преподнести ихъ въ формѣ, не охлаждающей овацій толпы. „Пусть никто не думаетъ, что русскій революціонный народъ слабѣе стараго царизма и что съ нимъ можно не считаться. Нѣтъ, вы посчитаетесь!" (бурные апплодисменты). (Гельсингфорсъ, 10 мая). „Я бы могъ сказать вамъ: вы свободные люди, идите домой, тамъ ждутъ васъ земля и воля. Темные люди пойдутъ за такимъ призывомъ. Они не виноваты въ томъ. Никто не училъ ихъ. О нихъ никто не заботился. Но тогда погибнетъ армія, и съ ней погибнетъ свобода, погибнетъ русская революція". (возгласы: „ни за что не выдадимъ", рукоплесканія) (Каменецъ-Подольскъ, 15 мая). „Мы создаемъ не какой нибудь англійскій или нѣмецкій строй, а демократическую республику въ полномъ смыслѣ этого слова" (бурные апплодисменты и крики „вѣрно"). „Вы самые свободные солдаты міра. Развѣ вы не должны доказать міру, что та система, на какой строится сейчасъ армія, — лучшая система? Развѣ вы не докажете другимъ монархамъ, что не кулакъ, а совѣты есть лучшая сила арміи? (возбужденные возгласы: „докажемъ")... Наша армія при монархѣ совершала подвиги: неужели при республикѣ она окажется стадомъ барановъ?" (буря апплодисментовъ, крики: „нѣтъ, никогда"). (Каменецъ-Подольскъ). „Намъ не нужно чужого, но намъ нужно право на свое, на сохраненіе своей чести и достоинства революціоннаго народа. О нашихъ желаніяхъ мы сказали всему міру, — и нашимъ союзникамъ, и нашимъ врагамъ. Теперь мы желаемъ, чтобы демократія воюющихъ съ нами странъ нашла въ себѣ столько мужества, сколько нашлось у насъ — полуварваровъ, —

какъ насъ называютъ въ Европѣ". (громъ апплодисментовъ). (Кіевъ, 20-е мая). Очень много „я", — и этотъ пріемъ безошибочно сближаетъ оратора съ толпой и вызываетъ энузіастическіе отклики. „Многіе военные, изучавшіе военное дѣло десятилѣтіями, отказывались взять постъ военнаго министра, *я*, невоенный человѣкъ, *я* взялъ его" (рукоплесканія). (Каменецъ-Подольскъ, 14-е мая). „Если вамъ предстоитъ почетная смерть на глазахъ всего міра, позовите меня: я пойду съ ружьемъ въ рукахъ впереди васъ" (громъ рукоплесканій). . . „Впередъ, на борьбу за свободу, не на пиръ, а на смерть *я* зову васъ. Мои товарищи с.-р. умирали одинъ за другимъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ. Мы, дѣятели революціи, имѣемъ право на смерть" (снова громъ апплодисментовъ, возгласы: „мы идемъ за тобой, товарищъ. Впередъ, за свободу"). И даже, когда одинъ офицеръ, по порученію товарищей, подошелъ къ Керенскому и высказалъ, что происходящее въ тылу внушаетъ имъ опасеніе (вполнѣ потомъ подтвердившееся), что при наступленіи ударныхъ частей армія не сможетъ получить потомъ поддержки отъ резервовъ, Керенскій отвѣчалъ той же псевдо-спартанской позой: „Когда *мы*, кучка революціонеровъ, бросились на борьбу съ сложнымъ механизмомъ стараго режима, мы никогда не оглядывались назадъ, на тылъ, не ждали резервовъ, мы шли на борьбу безъ оглядки и, если надо было, умирали. Если вамъ дорога свобода и революція, и вамъ понадобится идти, и если даже вы пойдете одни, — идите и, если нужно умереть, умрите." (Рига, 23 мая). Быть можетъ, этотъ офицеръ принадлежалъ къ тѣмъ многимъ, которые, дѣйствительно, умерли: смущенно онъ стоялъ передъ ораторомъ-министромъ и повторялъ полушопотомъ, вѣроятно, не столько устыженный, сколько разочарованный: „я пойду, я пойду" . . .

Нельзя, конечно, сказать, чтобы глубокій внутренній трагизмъ взятой на себя позы былъ совершенно непонятенъ А. Ф. Керенскому, и чтобы онъ не зналъ тѣхъ реальныхъ препятствій въ которыя превращались защищаемыя имъ формулы при встрѣчѣ съ печальной дѣйствительностью. „Мы открыто сказали", говорилъ онъ въ Гельсингфорсѣ, 10 мая, „что не хотимъ захватовъ, насилія, не хотимъ чужого достоянія, мы хотимъ скорѣйшаго мира. Но тѣ, кому мы говорили это (германцы), могли понять только одно, — что мы неспособны силой отстоять свои права. И они начали братанія на нашемъ фронтѣ, а въ то же время свои лучшія войска послали на французскій фронтъ и уничтожаютъ эту первую де-

мократію Европы. Кромѣ того, послѣ братанья на нашемъ фронтѣ у нихъ оказались фотографіи нашихъ позицій и батарей, которыя были такъ распланированы, что сверху ихъ увидѣть было нельзя". „Русская революціонная власть", заявилъ Керенскій въ Одессѣ 17 мая, „отбросила аннексіонные лозунги. Попробуйте это сдѣлать въ другихъ странахъ: вы увидите, что такъ легко, какъ мы отдѣлались отъ Милюкова, вамъ это тамъ не удастся, ибо за нимъ тамъ стоятъ опредѣленныя общественныя силы.... Въ Германіи имперіалисты усилились. Ослабяя нашъ фронтъ, мы даемъ возможность нѣмцамъ обратиться къ союзникамъ, разжигаемъ этимъ аппетиты германскихъ имперіалистовъ.... Говорить этимъ (господствующимъ) классамъ о лозунгѣ „безъ аннексій" смѣшно... Но быть смѣшнымъ въ глазахъ всего міра — это невыносимо для государства". Точно также Керенскій понималъ ясно и послѣдствія распространенія этого лозунга на фронтѣ. „Тамъ", замѣчалъ онъ въ Гельсингфорсѣ, „лозунгъ войны безъ аннексій былъ понятъ не какъ политическій лозунгъ войны, а какъ стратегическій, какъ предложеніе немедленно прекратитъ всякія военныя операціи, связанныя хотя бы съ однимъ шагомъ впередъ". А въ Одессѣ онъ привелъ и поучительную иллюстрацію. „Я былъ только-что на фронтѣ. Тамъ одинъ полкъ заключилъ миръ съ нѣмцами. Договоръ подписали два нашихъ унтеръ-офицера и нѣмецкій офицеръ. Въ договорѣ говорится объ отказѣ отъ аннексій, но съ нашей стороны: наши отказались отъ обратныхъ завоеваній русскихъ городовъ Вильны и Ковно". Это сообщеніе сопровождалось криками „позоръ", и никто не думалъ тогда, что дѣло идетъ лишь о слабомъ прообразѣ того, что должно совершиться, если страна пойдетъ по избранной дорогѣ. А. Ф. Керенскому ясны были и внутреннія опасности на этомъ пути. „Намъ угрожаетъ серьезная сила", говорилъ онъ въ Одессѣ 15-го мая. „Люди, объединившіеся въ ненависти къ новому строю, найдутъ путь, которымъ можно уничтожить русскую свободу, и они достаточно умны для того, чтобы понять, что провозглашеніемъ царя они ничего не достигнутъ... Они идутъ путемъ обманнымъ, идутъ къ голодной массѣ, развращенной старымъ режимомъ, и говорятъ: „Требуйте всего немедленно". Они шепчутъ слова недовѣрія къ намъ, всю жизнь положившимъ на борьбу съ царизмомъ. Среди насъ есть также и идеалисты, слишкомъ смотрящіе въ небо и увлекающіе насъ въ бездну анархіи. И мы должны сказать имъ: „остановитесь, не расшатывайте новые устои"... Если русскій на-

родъ, въ особенности русская армія, не найдутъ въ себѣ мужества, не найдутъ стальной брони дисциплины, то мы погибнемъ и насъ будетъ презирать весь міръ, будутъ презирать тѣ идеи соціализма, во имя которыхъ *мы* совершили революцію". Понимая и чувствуя эту смертельную опасность, Керенскій, однако, предлагалъ одни лишь словесные пріемы борьбы съ ней. „Возьмите нашихъ непримиримыхъ товарищей, крайнихъ соціалистовъ", говорилъ онъ въ Каменецъ-Подольскѣ, „думали ли они три мѣсяца назадъ, что они сегодня получатъ право говорить такъ свободно? Я привѣтствую тѣхъ, кто не останавливается ни передъ чѣмъ для достиженія своей идеи. Каждая честная цѣль — священна. Но къ нимъ одна *просьба* истерзанной, истекающей кровью Россіи, одна просьба. *Подождите хоть два мѣсяца*". (Взрывъ апплодисментовъ).

Ровно два мѣсяца „они" не „ждали", — а организовались и готовились начать борьбу, „не останавливаясь ни передъ чѣмъ для достиженія своей идеи". А. Ф. Керенскій одной рукой ставилъ имъ слабыя словесныя препятствія, исчезавшія съ послѣднимъ звукомъ его голоса, а другой рукой онъ открывалъ имъ широкую дорогу, допуская полное разложеніе дисциплины въ арміи.

Замѣститель Корнилова, поручикъ Козьминъ, тотчасъ послѣ министерскаго кризиса созвалъ командировъ войсковыхъ частей, расположенныхъ въ Петроградѣ и окрестностяхъ. Задачей совѣщанія было: выяснить причины нарушенія дисциплины нѣкоторыми войсковыми частями и выработать мѣры для возстановленія порядка и повиновенія въ войскахъ петроградскаго гарнизона. „Причины" и „мѣры" были очень просты и несложны, и собраніе выработало пункты: 1) возстановленіе власти начальниковъ, 2) точное исполненіе существующихъ уставовъ, 3) обязательная присяга, 4) дисциплина на службѣ и гражданское равенство внѣ ея, 5) различныя мѣры для сближенія офицеровъ и солдатъ и т. д. Это было такъ просто и ясно... но затѣмъ поручикъ Козьминъ предложилъ иную мѣру: „опору на боговъ—министръ Керенскій и совѣтъ р. и с. д. „Довѣріе солдатъ нужно пріобрѣсти клятвой, что офицеры не контръ-революціонеры". Козьминъ самъ принесъ такую „клятву о защитѣ свободы" Керенскому и предлагалъ принести и присутствующимъ. Газетный отчетъ гласитъ далѣе: „наступаетъ величественная минута. Всѣ присутствующіе командиры „войсковыхъ частей" въ порывѣ энтузіазма восклицаютъ: „клянемся". Такъ дѣловое совѣщаніе кончается сценой во вкусѣ новыхъ „боговъ"....

Вотъ другая сцена, относящаяся къ тому же времени. 9-го мая, въ залѣ Таврическаго дворца, солдатская секція совѣта обсуждаетъ вопросъ о созданія національныхъ полковъ. Во время засѣданія является въ залъ помощникъ военнаго министра Якубовичъ и требуетъ слова внѣ очереди. Керенскій утвердилъ „Декларацію правъ солдата". Теперь „русскій солдатъ имѣетъ такія права, какихъ не имѣютъ солдаты ни въ одной арміи въ мірѣ". Личная просьба военнаго министра солдатамъ: отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ параграфу объ отмѣнѣ отданія чести, — одному изъ тѣхъ, которые „малосознательными элементами могутъ быть истолкованы неправильно". Способъ удовлетворить „личную просьбу министра": выработка воззванія къ солдатамъ. „Вы окажете вашему министру сразу поддержку, безъ которой онъ работать не въ состояніи", Прибавка для стиля: „мое искреннее убѣжденіе, что на лучезарный путь мощной демократической республики выведетъ насъ *только* нашъ вождь, А. Ф. Керенскій, и поэтому всѣ должны его поддержать". По газетному отчету и рѣчь помощника министра вызвала восторженные апплодисменты.

Увы, большевики использовали для своихъ цѣлей и эту „декларацію правъ". Они объявили ее произведеніемъ контръ-революціоннаго офицерства, которое возстановливаетъ царское рабство и палочную дисциплину. На ихъ митингахъ декларація получила кличку „деклараціи безправія". Еще бы: въ § 14 говорилось, что *„въ боевой обстановкѣ* начальникъ имѣетъ право принимать всѣ мѣры, вплоть до примѣненія вооруженной силы, противъ неисполняющихъ его приказанія подчиненныхъ". § 18, оставлявшій право назначенія на должность и „временнаго отстраненія" — „исключительно начальникамъ", не заключалъ въ себѣ „права" отвода и аттестаціи начальствующихъ лицъ, а также „права" участія въ управленіи арміей для „органовъ солдатскаго самоуправленія". „Обязательное отданіе чести" отмѣнялось § 12-мъ, но этого было мало: требовалось отмѣнить и замѣнившее его „добровольное взаимное привѣтствіе". „Строгій арестъ", — единственное сохранившееся дисциплинарное наказаніе,—также нужно отмѣнить. Наконецъ, предметомъ партійной полемики сдѣлано было и то наступленіе, которое Керенскій готовилъ своими поѣздками на фронтъ и которое, какъ указано выше, составляло главный raison d'être новаго правительства. Н. Сухановъ спрашивалъ въ „Новой жизни" отъ 17-го мая: „новое правительство существуетъ и дѣйствуетъ

уже десять дней . . . что оно сдѣлало въ отношеніи войны и мира?". И онъ съ неудовольствіемъ отвѣтилъ: „военное министерство, сверху до низу, при содѣйствіи всѣхъ буржуазныхъ и большей части демократическихъ силъ съ необычайной энергіей работаетъ надъ возстановленіемъ дисциплины и боеспособности арміи. Работа эта . . . уже дала несомнѣнно результаты. И уже ни у кого не вызываютъ сомнѣній ея цѣли: это — единство союзнаго фронта и наступленіе на врага". Авторъ покорно соглашается, что „поскольку война продолжится и борьба за миръ еще не увѣнчалась успѣхомъ, нельзя опротестовывать функціи всей организаціи войны — работы на оборону, съ одной стороны, наступательныхъ дѣйствій, съ другой". „Но" . . . Н. Сухановъ находитъ, что эти задачи пріобрѣли слишкомъ уже выпуклый и самодовлѣющій характеръ: „лозунгъ наступленія, затмившій все другое, съ перваго же дня образованія новой власти пріобрѣлъ не невинное военно-техническое, а самое одіозное политическое значеніе. Общая политика новаго министерства придаетъ этому лозунгу угрожающій характеръ". Настроеніе это въ немногіе дни управленія коалиціи такъ сгустилось, что послѣ нѣсколькихъ дней двусмысленнаго лавированія, съ возраженіемъ противъ наступленія, какъ *ближайшей* цѣли, выступилъ и совѣтскій оффиціозъ. Рѣчь, по словамъ „Извѣстій Совѣта" (17 мая), идетъ только о томъ, „*чтобы подготовить возможность* наступленія, для чего, необходимо предварительное выполненіе правительствомъ „цѣлой программы мѣропріятій, относящихся къ различнѣйшимъ областямъ политики". „И пусть ни одинъ солдатъ не думаетъ, будто Временное Правительство пошлетъ его въ наступленіе, не выполнивъ данной программы", заявлялъ оффиціозъ, анулируя этимъ всѣ плоды краснорѣчія А. Ф. Керенскаго. Большевистская „Правда" высказывалась по этому поводу уже безъ всякихъ обиняковъ. „Дойдетъ ли дѣло *дѣйствительно* до наступленія", говоритъ большевистскій органъ, „*это рѣшатъ сами солдаты.* Всюду и вездѣ солдаты дерутся теперь только изъ-подъ палки, а въ Россіи палка выпала изъ рукъ угнетателей. . ." И газета предлагала „товарищамъ-рабочимъ и товарищамъ-солдатамъ" поставить на очередь, вмѣсто вопроса о наступленіи, вопросъ о томъ, „кому будетъ принадлежать вся власть въ нашей странѣ", — вопросъ, который „становится все болѣе жгучимъ". „Добейтесь перехода всей власти въ наши руки—совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, . . . только тогда мы сможемъ предложить не на сло-

вахъ, а на дѣлѣ, демократическій миръ всѣмъ народамъ". А большевики изъ лагеря с.-р. уже выкинули въ „Землѣ и Волѣ" знамя сепаратнаго мира, какъ единственно возможнаго немедленно.

Н. Сухановъ былъ правъ въ своемъ утвержденіи, что какъ военное министерство, такъ и значительная часть русской общественности „съ необычайной энергіей работали надъ возстановленіемъ боеспособности русской арміи". Но права была и „Правда", что, въ концѣ концовъ, вопросъ о наступленіи рѣшатъ солдаты. Съѣздъ союза офицеровъ арміи и флота въ ставкѣ подвелъ въ своей резолюціи ужасающій итогъ тому развалу, до котораго дошла армія на фронтѣ. Вотъ общіе признаки этого развала „для громаднаго большинства армій, корпусовъ и дивизій", установленные резолюціей:

„1) Полный упадокъ *военнаго духа* среди значительной части солдатскихъ массъ, проявляющійся: а) въ ярко выраженномъ желаніи заключенія мира, принося для этого въ жертву даже свою національную гордость и національные интересы, б) въ упорномъ отказѣ отъ какихъ бы то ни было активныхъ дѣйствій, даже въ видѣ мелкихъ выступленій, в) въ преступной небрежности и халатности при несеніи сторожевой и развѣдочной службы въ окопахъ, г) въ систематическомъ, непрекращающемся „братаньи" съ противникомъ, носящимъ часто столь возмутительный характеръ, что братанье это привело къ столкновенію нашей пѣхоты съ своими боевыми товарищами-артиллеристами, препятствующими братанью, и даже къ выдачѣ противнику мѣста нашихъ батарей. 2) *Паденіе дисциплины* до крайнихъ предѣловъ, которое выражается: а) въ систематическихъ отказахъ цѣлыхъ войсковыхъ частей выполнять боевые приказы начальства или въ исполненіи таковыхъ приказаній лишь послѣ продолжительныхъ увѣщаній, б) въ стремленіяхъ явочнымъ порядкомъ на принципѣ выборнаго начала замѣнять крѣпкихъ по духу и опытныхъ въ бою начальниковъ болѣе покладистыми, в) въ случаяхъ открытаго возмущенія и и даже самосуда надъ неугодными начальниками, г) въ стремленіи къ коллективнымъ рѣшеніямъ не только бытовыхъ, но и боевыхъ вопросовъ арміи. 3) Сведеніе *авторитета начальниковъ къ нулю:* полное отсутствіе даже признака власти въ рукахъ начальниковъ и, какъ слѣдствіе этого, безсиліе заставить подчиненныхъ выполнять отдаваемыя распоряженія. 4) *Недовѣріе къ офицерамъ*, всегда шедшимъ впереди на смерть за родину и теперь призыва-

ющимъ къ исполненію воинскаго долга и къ продолженію войны до заключенія почетнаго мира. Это слѣдствіе идущей съ тыла пропаганды: „миръ во что бы то ни стало“. 4) Развитіе цынги и другихъ *болѣзней* въ связи съ недостаточнымъ подвозомъ продовольствія и фуража и съ плохимъ питаніемъ“. Къ этой резолюціи была сдѣлана оговорка, что она относится „въ равной мѣрѣ какъ къ несознательнымъ группамъ солдатъ, такъ и къ несознательной и недобросовѣстной части офицерства“. Со своей стороны съѣздъ полагалъ, для устраненія указанныхъ отрицательныхъ явленій, необходимымъ, съ одной стороны, противодѣйствовать агитаціи за прекращеніе войны и „установить трезвый взглядъ на противника“, а съ другой стороны, возстановить „твердую правительственную власть, приказывающую, а не взывающую“; возстановить „авторитетъ начальника, поддерживаемаго этой властью“; „установить, что всѣ распоряженія въ войскахъ должны исходить только отъ отвѣтственныхъ передъ Россіей лицъ и проводиться только черезъ военныхъ начальниковъ. . . , отнюдь не допуская вмѣшательства войсковыхъ комитетовъ въ оперативныя, строевыя и учебныя дѣла“.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что развалъ въ арміи не былъ исключительно явленіемъ послѣреволюціоннаго времени. И нежеланіе воевать, и паденіе дисциплины, и подозрительное отношеніе къ офицерству, и дезертирство въ тылъ,—всѣ эти явленія замѣчались еще до революціи, какъ продуктъ общей усталости, плохой обстановки жизни и недостаточнаго питанія—на почвѣ темноты массъ и недостаточной авторитетности командного состава. Но, несомнѣнно, только проникновеніе въ среду арміи прямой агитаціи противъ войны и постепенной организаціи разрушающихъ вліяній въ формѣ армейскихъ выборныхъ комитетовъ, явившихся постоянными проводниками взглядовъ соціалистическаго большинства совѣтовъ, наконецъ, легализація этихъ вліяній послѣ вступленія соціалистовъ въ правительство и послѣ изданія „деклараціи правъ солдата“ съ ея явочнымъ развитіемъ въ войскахъ, довели всѣ отмѣченныя отрицательныя явленія до крайняго предѣла и до самаго широкаго распространенія. Въ первый мѣсяцъ или полтора мѣсяца революціи, когда агитаторы совѣтовъ встрѣчали формальныя затрудненія и препятствія при своемъ проникновеніи въ армію, пропаганда развивалась сравнительно медленнѣе; потомъ она пошла ускореннымъ темпомъ.

На почвѣ усилившагося послѣ революціи развала появились, однако, и новыя явленія, до тѣхъ поръ не наблюдавшіяся и стоящія въ несомнѣнной связи съ тѣми задачами, для которыхъ хотѣли использовать русскую революцію германцы. Одно изъ этихъ явленій—это попытки превратить „братанье", давно уже систематизированное германцами, въ рядъ переговоровъ съ мѣстными частями войскъ о перемиріи.

Открытыя приглашенія къ этому встрѣчаемъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", издававшемся въ Берлинѣ и распространявшемся въ нашихъ окопахъ. Напр., номеръ, изданный къ Пасхѣ, вмѣстѣ съ нападеніями на англичанъ и П. Н. Милюкова, которые „препятствуютъ рабочимъ забрать въ свою руки власть, провозгласить соціалистическую республику и заключить миръ", содержитъ такое обращеніе къ солдатамъ. „Наша рука все остается протянутой. Не дай Богъ, чтобы насъ заставили этой же рукой поднять оружіе противъ васъ. Это зависитъ отъ васъ, только отъ васъ. Мы хотимъ вести переговоры съ вами, съ русскими, поэтому пришлите къ намъ представителей вашего правительства съ бѣлымъ флагомъ черезъ фронтъ. Охотно мы даемъ вамъ поруку. Нашъ канцлеръ предложитъ вамъ почетный міръ, его условія будутъ на благо для обѣихъ сторонъ". Дѣйствительно, уже 11 апрѣля отмѣченъ случай, когда къ нашимъ передовымъ окопамъ приблизились съ бѣлымъ флагомъ непріятельскіе офицеры и солдаты и, пригласивъ къ себѣ нашихъ, устроили съ ними совѣщаніе въ штабѣ германской дивизіи о заключеніи мира. За участіе въ этихъ переговорахъ преданы были впослѣдствіи второму корпусному суду поручикъ Павелъ Амалицкій, два унтеръ-офицера и ефрейторъ.

28 апрѣля, къ Пасхѣ, эта попытка была повторена въ болѣе широкомъ масштабѣ. По увѣренію германскаго главнокомандующаго восточнымъ фронтомъ починъ принадлежалъ русскимъ офицерамъ. Приказъ генерала Драгомирова утверждалъ, что германскіе офицеры пришли безъ надлежащей къ тому причины. Какъ бы то ни было, вечеромъ 28 апрѣля три германскихъ офицера, подполковникъ, капитанъ и поручикъ были приняты ген. Драгомировымъ въ присутствіи нѣкоторыхъ чиновъ штаба арміи, представителей полковъ дивизіи, на фронтъ которой вышли. Они представили удостовѣреніе за подписью командующаго арміей гр. Кирбаха, уполномачивавшее ихъ вести переговоры съ русскимъ командованіемъ и правительствомъ. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ вы-

яснилось (по словамъ свидѣтеля, корреспондента „Русскаго Слова“ К. М. А.; см. „Р. Сл.“ отъ 4 мая), что командировка состоялась съ разрѣшенія германской главной квартиры и что подобныя же группы парламентеровъ должны были быть выпущены на всемъ протяженіи нашего фронта. На вопросъ, имѣютъ ли парламентеры какія либо опредѣленныя предложенія, они отвѣтили, что ихъ миссія является подготовительной передъ тѣмъ выступленіемъ, которое на дняхъ будетъ сдѣлано германскимъ правительствомъ. Очевидно, имѣлась въ виду рѣчь Бетмана Гольвега 2 мая (см. ниже), о которой распространились самые многообѣщающіе заранѣе слухи (см. VI главу, о мирѣ), но въ которой, въ концѣ концовъ, канцлеръ предпочелъ остаться на прежней уклончивой позиціи умолчанія объ условіяхъ мира. Парламентеры, со своей стороны, лишь спрашивали, согласны ли русскіе на мирные переговоры. Гинденбургъ въ своей извѣстной радіотелеграммѣ отъ 23 мая, полемизируя съ приказомъ Драгомирова, утверждаетъ, что Драгомировъ скрылъ письмо, въ которомъ ему предлагалось, въ виду, будто-бы, изъявленной имъ готовности „принять съ германской стороны предложенія и условія“, „прислать уполномоченныхъ представителей, такъ какъ строевые офицеры, пришедшіе изъ окоповъ, не могутъ быть отвѣтственными переговорщиками“.

Сами эти офицеры, однако, думали, повидимому, иначе, такъ какъ на заявленіе ген. Драгомирова, что переговоры можно вести только между правительствами, по сообщенію корреспондента „Русскаго Слова“, замѣтили между собой по нѣмецки (бесѣда велась по русски): „а стоитъ ли съ ними разговоривать, съ Милюковыми и прочими?“ Германскій подполковникъ, правда, собирался изложить возможныя основы переговоровъ (и это соотвѣтствуетъ заявленію Гинденбурга, „что германскія и австрійскія предложенія были уже намѣчены“ и что „они были уполномочены указать, какимъ образомъ военныя дѣйствія между ними и Россіей могли бы быть окончены безъ отпаденія Россіи отъ ея союзниковъ“), но капитанъ, его коллега, служившій переводчикомъ, все время парализовалъ эти попытки и „проводилъ мысль о необходимости переговоровъ непосредственно между арміями, въ то же время совершенно уклоняясь отъ какихъ-либо конкретныхъ предложеній“. Потомъ въ частномъ разговорѣ съ представителями 5-ой арміи, Кимберлингъ, „хотя и не уполномоченный высказываться

объ условіяхъ мира по отдѣльнымъ пунктамъ", изложилъ, однако, свой взглядъ, съ полной увѣренностью, что его „раздѣляетъ германское правительство, армія и народъ". „Контрибуцій" Германія не домогается. Но окончить войну „безъ аннексій" она рѣшительно не можетъ. „Самоопредѣленіе народностей", поскольку оно касается народностей, вошедшихъ въ составъ Германіи и Австро-Венгріи, „представляется германцамъ смѣхотворнымъ". Надѣяться, что соціалъ-демократы произведутъ революцію въ Германіи — значитъ не знать германской жизни и народнаго характера. Преобладаніе въ Германіи „средняго слоя" — Mittelklasse — гарантируетъ ее отъ той „быстрой революціи", которая въ Россіи могла произойти только „вслѣдствіе рѣзкаго противорѣчія между укладомъ жизни небольшого количества богатыхъ и многомилліоннымъ населеніемъ, влачащимъ нищенское существованіе".

Очевидно, при такихъ взглядахъ трудно было расчитывать сговориться, и немудрено, что, когда генералъ Драгомировъ потребовалъ безъ дальнѣйшихъ переговоровъ предварителънаго формальнаго присоединенія „ко всѣмъ положеніямъ, провозглашеннымъ въ деклараціи нашего правительства", то на этомъ переговоры и были поконечны. Ихъ ближайшей цѣлью, очевидно, была вовсе не практическая постановка переговоровъ, а просто дальнѣйшее разложеніе арміи. Ту же цѣль разложенія преслѣдовала и пояснительная радіотелеграмма Гинденбурга, предупредительно подчеркивавшаго, что „Германія готова идти навстрѣчу неоднократно высказаннымъ желаніямъ русскихъ солдатскихъ депутатовъ окончить кровопролитіе". „Со дней Пасхи войска центральныхъ державъ почти пріостановили враждебныя дѣйствія на восточномъ фронтѣ". „Центральныя державы согласны заключить честный миръ . . ., который возстановилъ бы прежнія добрососѣдскія отношенія и далъ бы Россіи экономическую поддержку". Гинденбургъ сообщалъ, что для этой „великой цѣли" германцы, послѣ неудачи пасхальныхъ переговоровъ, сдѣлали еще одно „предложеніе о перемиріи", переданное 6-го мая строевымъ частямъ 8-й и 9-й арміи среднеевропейскими державами. Но кто же виноватъ? „Россія должна бороться и проливать кровь. . . для достиженія завоевательныхъ цѣлей Англіи, Франціи и Италіи". Это были тѣ же аргументы, которыми пользовались агитаторы совѣта и соціалистическая печать; въ этой же печати можно найти и постоянныя указанія на то, что Россія, подобно Франціи въ 1870 г., должна

заключить перемиріе на фронтѣ, если не хочетъ сдѣлать этого правительство.

Обсудивъ радіотелеграмму Гинденбурга въ засѣданіи 26-го мая, петроградскій совѣтъ р. и с. д. далъ на нее еще достойный отвѣтъ. Указавъ, что германскій главнокомандующій „краснорѣчиво“ молчитъ объ „аннексіяхъ“ и „контрибуціяхъ“ (мы видѣли, что скрывалось за этимъ молчаніемъ) и, въ сущности, предлагаетъ Россіи сепаратный миръ, выгодный только Германіи, совѣтъ напоминалъ Гинденбургу, что, говоря о бездѣйствіи германскихъ войскъ, онъ „забылъ о Стоходѣ, забылъ. . . куда уведены съ нашего фронта германскія дивизіи и тяжелыя батареи, . . . что до Россіи доносится шумъ кровопролитныхъ боевъ на англо-французскомъ фронтѣ, . . . что Россія знаетъ, что разгромъ союзниковъ будетъ началомъ разгрома ея арміи, а разгромъ революціонныхъ войскъ свободной Россіи — не только новыя братскія могилы, но и гибель революціи, гибель свободной Россіи“. Совѣтъ еще находилъ формулы для объединенія своей циммервальдской задачи съ задачей союзной борьбы. „Россія взяла на себя задачу объединить демократію всѣхъ воюющихъ странъ въ борьбѣ противъ имперіализма. Эта задача не будетъ ею исполнена, если германскіе имперіалисты сумѣютъ использовать ея стремленія къ миру въ цѣляхъ отторженія ея отъ союзниковъ и нанесутъ пораженіе ея арміи“. Такъ говорила резолюція совѣта и кончала призывомъ „удвоить энергію въ дружной работѣ надъ возсозданіемъ боевой мощи Россіи“.

Увы, въ томъ же засѣданіи совѣту пришлось обсуждать отказъ Кронштадта признавать Временное Правительство. Германскій микробъ уже крѣпко сидѣлъ въ русскомъ тылу, и германцы продолжали производить пробные эксперименты надъ русской арміей. Такимъ экспериментомъ они отвѣтили и на резолюцію совѣта по поводу радіотелеграммы Гинденбурга. 24-го мая въ „Русскомъ Словѣ“ появилась сенсаціонная телеграмма изъ Кишинева (отъ 18-го), что черезъ румынскій фронтъ прибыла и направляется къ Временному Правительству для переговоровъ о мирѣ группа австрійскихъ парламентеровъ въ составѣ двухъ генераловъ, двухъ полковниковъ, двадцати офицеровъ и пятнадцати солдатъ. Ни въ главномъ штабѣ, ни въ правительствѣ объ этомъ ничего не знали, но уже начались разговоры о возможности выслушать делегацію въ совѣтѣ р. и с. д., въ присутствіи делегатовъ арміи. Эпизодъ былъ

ликвидированъ на мѣстѣ, и генералъ Деникинъ телеграфировалъ министру, что эти парламентеры, появившіеся на фронтѣ 9-й арміи, отправлены, въ качествѣ военноплѣнныхъ, въ тылъ, за исключеніемъ трехъ офицеровъ и солдатъ, допрошенныхъ въ ставкѣ 23-го мая и отправленныхъ затѣмъ въ Москву, тоже въ качествѣ военноплѣнныхъ, на распредѣлительный пунктъ.

III. Расчлененіе Россіи подъ лозунгомъ „самоопредѣленія“.

Обособленіе національностей. — Финляндія. — Агитація въ Балтійскомъ флотѣ и въ Кронштадтѣ. — Агитація въ Черноморскомъ флотѣ. — Крымъ. — Украина. — Другія національности.

Помимо разложенія фронта при помощи парламентеровъ, братанія, берлинскихъ газетъ („Русскій Вѣстникъ“) и агитаторовъ петроградскаго совѣта, уже приступлено было къ постепенному осуществленію, на той же почвѣ разложенія арміи, болѣе смѣлаго и широкаго плана внѣдренія въ самую глубь Россіи и къ подготовкѣ ея расчлененія на части. Внесеніе въ формулу „безъ аннексій и контрибуцій“, съ этой задней мыслью, формулы „самоопредѣленія народностей“ и истолкованіе ея въ смыслѣ „дезаннексій“ прослѣжено въ другомъ мѣстѣ (см. VI главу). Здѣсь мы разсмотримъ рядъ явленій, въ совокупности представляющихъ яркую картину примѣненія этой мысли къ Россіи. Конечно, вліяніемъ извнѣ нельзя всецѣло объяснить стремленія національностей къ выдѣленію. Національное движеніе есть факторъ достаточно сильный самъ по себѣ, чтобы создать всѣ необходимыя для нашихъ противниковъ послѣдствія. Но нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на прямое вліяніе иностранной пропаганды съ цѣлью обостренія національныхъ стремленій. И даже при отсутствіи прямыхъ доказательствъ, объ ихъ наличности свидѣтельствуютъ какъ извѣстныя общія тенденціи непріятельской тактики, такъ и планомѣрность и одновременность ея проявленій повсемѣстно, гдѣ пропагандистъ могъ расчитывать найти или создать благопріятную почву.

Финляндія, съ ея давними сношеніями съ Германіей, рѣзко выраженнымъ анти-русскимъ настроеніемъ ея общественнаго мнѣнія, съ ея вліятельной соціалъ-демократіей и тайными революціонными организаціями, представляла наиболѣе благопріятную почву для германскаго воздѣйствія. Она давала первую опорную базу для перенесенія дѣятельности въ самую Россію. Еще до рево-

люціи, во время войны финляндскій активизмъ въ связи со шведскимъ опирался на германскую поддержку. Сотни и даже тысячи финляндской молодежи бѣжали въ Германію и тамъ обучались военному дѣлу, чтобы составить впослѣдствіи корпусъ противъ Россіи. Правда, германцы не выдерживали обѣщанія, и, въ ожиданіи десанта противъ Россіи, употребляли финляндцевъ для собственныхъ войскъ, къ большому ихъ раздраженію. Но именно русская революція открывала выходъ этимъ накопленнымъ силамъ. Въ первое время послѣ революціи шведско-финляндская граница была совершенно открыта, да и раньше въ ней существовало нѣсколько извѣстныхъ революціонерамъ пунктовъ для свободнаго перехода. Преимущественно финляндцы и жители балтійскаго края, знающіе русскій языкъ, и до революціи употреблялись германцами для доставки взрывчатыхъ веществъ въ Россію, для взрывовъ мостовъ, пристаней, морскихъ судовъ, фабрикъ, работающихъ на оборону, для доставки оружія отъ Финляндіи до Кавказа и т. д. Теперь, послѣ революціи, телеграммы изъ-за границы сообщили, что германцы двигаютъ на Россію трехтысячную толпу такихъ подготовленныхъ агентовъ. Но въ это время Временное Правительство опубликовало свой финляндскій манифестъ. Въ душѣ финлядцевъ произошелъ крутой переломъ по отношеніи къ Россіи. Многіе изъ агентовъ-патріотовъ заявили, что они боролись противъ царизма, а не противъ свободной Россіи. Были даже примѣры бѣгства тренированныхъ финляндскихъ агентовъ изъ Германіи въ Швецію и обращенія ихъ съ предложеніями къ революціонному русскому правительству. Такимъ образомъ, планъ нашихъ противниковъ разстроился, но далеко не совсѣмъ. Послѣ перваго взрыва общаго восторга, отношеніе разныхъ партій къ Россіи быстро дифференцировалось. Не только крайнія теченія, но даже и болѣе умѣренныя теперь уже готовы были идти дальше того, что давала русская власть. Старое поколѣніе финляндскихъ конституціоналистовъ, съ которымъ русская оппозиція давно уже рука объ руку боролась противъ Бобриковщины, отчасти сошло со сцены, отчасти было отодвинуто новымъ настроеніемъ молодежи. Молодежь эта, особенно соціалистическая, отличалась смѣлостью невѣжества и полной неподготовленностью въ вопросахъ государственнаго права. Все это надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ развернувшихся въ Финляндіи событій.

Временное Правительство было убѣждено, что власть, кото-

рой пользовался въ Финляндіи низложенный монархъ, перешла къ нему самому, обладающему всей полнотой власти и не имѣющему права расточать этой власти до созыва Учредительнаго Собранія. Иностранные юристы (проф. Эрихъ), напротивъ, убѣдили финляндцевъ въ возможности стать на такую точку зрѣнія, что связывающая обѣ страны власть монарха вообще исчезла, Россія и Финляндія стали „сосѣдними“ республиками, и опредѣленіе ихъ будущихъ отношеній должно быть сдѣлано совершенно заново, путемъ новаго договора. Уже отвѣчая на рѣчь генералъ-губернатора М. А. Стаховича при открытіи сейма, 29-го марта, тальманъ намекнулъ на эту точку зрѣнія въ словахъ: „Финляндія такъ же, какъ и Россіи, перестала быть монархической страной. Этотъ фактъ требуетъ, кромѣ установленія въ Финляндіи, какъ и въ Россіи, новаго, болѣе демократическаго образа правленія — также и опредѣленія государственнаго положенія нашей страны по отношенію къ Россіи на новыхъ началахъ“. Не рѣшаясь высказать этого взгляда полностью, финляндскіе политики сосредоточили свой первый бой съ русскимъ правительствомъ на вопросѣ о правахъ сената, точнѣе его „хозяйственнаго департамента“, которому финляндцы хотѣли передать права отвѣтственнаго министерства и въ то же время по возможности всѣ права, принадлежавшіе монарху въ лицѣ генералъ-губернатора и непосредственно. Тщетно юридическая комиссія при Временномъ Правительствѣ доказывала делегатамъ противорѣчивость, съ конституціонной точки зрѣнія, такого положенія, при которомъ отвѣтственные передъ сеймомъ министры являются держателями власти, высшей, чѣмъ самъ сеймъ. Финляндцы соглашались оставить за Россіей (генералъ-губернаторомъ) лишь дѣла, касающіяся взаимныхъ правовыхъ отношеній между Финляндіей и Россіей, а также дѣла, касающіяся россійскихъ гражданъ въ Финляндіи. Временное Правительство соглашалось до Учредительнаго Собранія передать сенату лишь нѣкоторыя второстепенныя дѣла. Споръ затянулся, финляндскіе делегаты ѣздили изъ Гельсингфорса въ Петроградъ и обратно, то готовые къ уступкамъ, то опять упорствующіе, смотря по тому, какъ складывалось положеніе дѣлъ въ Россіи. Настроеніе портилось и въ Финляндіи. Сеймъ отложилъ въ долгій ящикъ очередные законопроекты о правахъ русскихъ гражданъ. 8 апрѣля соціалистъ сенаторъ Такой (глава правительства) произнесъ въ сеймѣ декларацію, которая послужила своего рода сигналомъ. „Долгъ финляндцевъ“, говорилъ

онъ, — „обезпечить въ ближайшемъ будущемъ дѣйствительную независимость“. Свободная Россія является лишь „уважаемымъ сосѣдомъ“, быть можетъ, „высокочтимымъ союзникомъ“; но свободный народъ не долженъ терпѣть порабощенныхъ сосѣдей и союзниковъ“; „народамъ, которые дозрѣли до способности самоопредѣленія“ долженъ быть предоставленъ „тотъ путь, по которому пойдетъ свободная Россія“, — путь не только „политической“, но и „соціальной революціи“. На другой день послѣ рѣчи Токоя, въ Гельсингфорсѣ и въ Выборгской глуши одновременно стали отказываться брать русскія деньги. За два дня, 6 апрѣля, Гельсингфорскій совѣтъ депутатовъ арміи, флота и рабочихъ заявилъ, что у него „имѣются опредѣленныя свѣдѣнія, что въ Россію и въ особенности въ Финляндію проникли германскіе провокаторы, прекрасно говорящіе по русски“, которые пытаются толкнуть русскихъ на „насиліе надъ финляндской собственностью“, чтобы тѣмъ „озлобить финскій народъ, который бы отказалъ намъ въ моральной и матеріальной поддержкѣ на случай прихода или дессанта германскихъ военныхъ силъ“.

Этого прихода ждали послѣ таянья льда, и вопросъ, будутъ ли своевременно поставлены минныя загражденія, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль былъ самымъ жгучимъ вопросомъ. Вопросы о независимости Финляндіи и о германскомъ дессантѣ какъ-то всегда поднимались одновременно.

Коалиціонное правительство пошло на широкія уступки финляндцамъ, передъ которыми останавливалось правительство перваго состава. Сенату рѣшено было передать *всѣ* дѣла, восходившія раньше къ монарху (кромѣ, какъ предлагали и финляндцы, дѣлъ о правовыхъ взаимоотношеніяхъ и о правахъ гражданъ). За собой временное правительство сохранило лишь право созыва и роспуска сейма, предоставивъ хозяйственному департаменту (т. е. правительству Финляндіи) право законодательной инициативы, утвержденія бюджета, изданія административныхъ распоряженній, созыва церковнаго собора, рѣшенія вопросовъ о новыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и обществахъ и, наконецъ, право помилованія. Сенаторъ Токой (въ рѣчи 31 мая) снисходительно соглашался, что „атмосфера прояснилась“ и что остающіяся разногласія — больше вопросъ самолюбія, чѣмъ предметъ серьезнаго спора. „Взаимное пониманіе достигнуто,“ говоритъ онъ, „мы благодарны Россіи за то, что она дала намъ“.

Но это только потому, что онъ понимаетъ данное, какъ признаніе „свободной, самостоятельной Финляндіи". „Мы не скрываемъ", заявляетъ онъ, „что конечная цѣль финляндцевъ — самостоятельность Финляндіи. . . Съ этой цѣлью мы дѣйствуемъ не тайно, а вполнѣ открыто." Дѣйствительно, уже въ серединѣ мая (13) финляндская соціалистическая делегація заявила голландско-скандинавскому комитету въ Стокгольмѣ, что финляндскій вопросъ долженъ разсматриваться, какъ вопросъ международный, и что „чувство благодарности" къ „русскимъ революціоннымъ элементамъ" „не можетъ избавить финляндскій народъ отъ возможно лучшаго обезпеченія своего собственнаго будущаго", на случай, „если бы въ русской политикѣ возобладали націоналистическія теченія." На чрезвычайномъ партійномъ съѣздѣ финляндской соціалъ-демократіи въ началѣ іюня эта позиція была закрѣплена резолюціей, которая провозглашала принципъ самостоятельной финляндской республики, настаивала на международныхъ гарантіяхъ и признавала недопустимымъ не только осуществленіе верховныхъ правъ Россіи въ области управленія, но и пребываніе русскихъ войскъ въ Финляндіи. Токой говорилъ въ рѣчи 31-го мая, что финляндцы „не желаютъ воспользоваться нынѣшнимъ критическимъ положеніемъ, въ которомъ находится Временное Правительство". Но они именно это и дѣлали. И въ моментъ, когда выяснилось съ несомнѣнностью слабость коалиціоннаго правительства, въ концѣ концовъ, финляндскіе соціалисты сдѣлали дальнѣйшій шагъ къ своей „конечной цѣли". Вмѣсто проэкта „расширенія правъ сената", внесеннаго правительствомъ, какъ мы видѣли, по согласію съ финляндцами, — проэкта, дѣлавшаго имъ широкія уступки, — поступилъ 26-го іюня изъ комиссіи основныхъ законовъ выработанный въ глубокой тайнѣ законопроэктъ о созданіи, „по постановленію сейма", высшей государственной власти въ Финляндіи. По этому проэкту „сеймъ окончательно рѣшаетъ всѣ дѣла, рѣшавшіяся ранѣе императоромъ", за исключеніемъ дѣлъ внѣшней политики и военныхъ. О генералъ-губернаторѣ уже вовсе не упоминается. Тщетно представители буржуазныхъ партій протестовали противъ проэкта при его обсужденіи въ сеймѣ.

Параллельно съ сепаратистскимъ движеніемъ, въ Финляндіи развивалась планомѣрная агитація среди матросовъ Балтійскаго флота, главнымъ образомъ въ Свеаборгѣ, и среди воинскихъ частей, стоящихъ въ Финляндіи—въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ, Або.

Въ безпорядкахъ, разыгравшихся здѣсь въ первые дни революціи, замѣтна была направляющая рука. Пользуясь раздраженіемъ солдатъ и матросовъ противъ офицеровъ, закулисные руководители направили ненависть противъ лучшей части командного состава. Офицеровъ убивали по списку, и въ результатѣ флотъ сразу лишился наиболѣе талантливыхъ и знающихъ техниковъ. Мѣсто убитаго адмирала Непенина занялъ Максимовъ, человѣкъ безхарактерный и въ то же время склонный удовлетворять свое честолюбіе пріемами самой беззастѣнчивой демагогіи. При Максимовѣ былъ возстановленъ во флотѣ нѣкоторый внѣшній порядокъ, но, по существу, флотъ потерялъ значительную часть боеспособности. Въ то же время онъ сдѣлался средоточіемъ большевистской пропаганды, и нѣкоторыя крупныя единицы флота, стали настоящими цитаделями большевизма. Правда, большевикамъ не удалось перебросить заразу на южную базу флота, Ревель, гдѣ стояла минная эскадра нашего флота. Но зато ихъ легкой добычей сдѣлался Кронштадтъ. Здѣсь, въ нашей морской базѣ и подъ самой нашей столицей, пропаганда большевиковъ пошла очень усиленно. Довольно быстро они пріобрѣли въ мѣстномъ совѣтѣ р. и с. д. если не численный перевѣсъ, то преобладающее вліяніе, благодаря демагогическимъ пріемамъ небольшой кучки агитаторовъ, во главѣ которой выдвинулись студентъ-психоневрологъ, товарищъ (или „докторъ") Рошаль и студентъ-технологъ Ламановъ. Не довольствуясь полнымъ фактическимъ господствомъ, кронштадтскій совѣтъ р. и с. д., подъ вліяніемъ проповѣди Троцкаго и Луначарскаго, рѣшился на болѣе смѣлый экспериментъ. 17-го мая, большинствомъ 216 голосовъ противъ 40, при 18-ти воздержавшихся, кронштадскій совѣтъ постановилъ взять въ свои руки фактическую власть, замѣнить всѣхъ представителей Временнаго Правительства въ Кронштадтѣ своими, а съ остальной Россіей и съ Петроградомъ сноситься непосредственно черезъ петроградскій совѣтъ р. и с. д. Такой прямой вызовъ не могъ остаться безъ противодѣйствія со стороны правительства. Но противодѣйствіе это, согласно общей тактикѣ правительства, выразилось въ самой легкой словесной формѣ. Въ Кронштадтъ отправились 24-го мая министры-соціалисты, Церетели и Скобелевъ, говорили съ исполнительнымъ комитетомъ, потомъ съ совѣтомъ р. и с. д.. наконецъ, съ народнымъ митингомъ на площади, — и въ результатѣ добились согласительной резолюціи совѣта. Совѣтъ заявилъ, что онъ будетъ стремиться къ осуществленію боль-

шевистскаго лозунга, „чтобы революціонная демократія создала новую организацію власти, передавъ всю власть въ руки совѣта р. и с. д.“ „Но пока это не достигнуто“ „путемъ идейнаго воздѣйствія на мнѣніе большинства демократіи“, и пока это большинство „поддерживаетъ нынѣшнее Временное Правительство“, кронштадтскій совѣтъ соглашался „признать это правительство и считать его распоряженія и законы столько же распространяющимися на Кронштадтъ, какъ и на всѣ остальныя части Россіи“. Однако же, какъ только министры уѣхали изъ Кронштадта и эта резолюція была опубликована, такъ на слѣдующій же день, 25-го мая, лѣвые элементы вызвали новыя волненія. Толпа въ 3000 матросовъ и солдатъ собралась на обычномъ мѣстѣ митинговъ, на Якорной площади, и потребовала отъ совѣта. чтобы онъ взялъ обратно свое рѣшеніе и въ категорической формѣ объявилъ о своемъ неподчиненіи правительству. Уступая давленію, совѣтъ телеграфировалъ кн. Львову, что резолюція 24-го мая есть, въ сущности, лишь „отвѣты на вопросы министровъ Церетели и Скобелева. . . и ничто болѣе“, такъ какъ совѣтъ „остается на точкѣ зрѣнія резолюціи 16-го мая и разъясненія къ ней 21-го мая, что единственной мѣстной властью въ городѣ Кронштадтѣ является совѣтъ р. и с. д.“

Это было уже слишкомъ, даже и для коаліціоннаго правительства. По предложенію Церетели, петроградскій совѣтъ постановилъ, что „отказъ кронштадтскаго совѣта признать власть Временнаго Правительства означаетъ отпаденіе отъ революціонной демократіи“ и „является ударомъ дѣлу революціи“. При этомъ случаѣ совѣтъ поднялъ вопросъ о заключенныхъ въ Кронштадтѣ офицерахъ, признавая ихъ содержаніе, безъ обвиненія и суда, „въ худшемъ изъ царскихъ казематовъ — актомъ недостойной мести и расправы, позорящимъ революцію“. Совѣтъ „требовалъ отъ всѣхъ кронштадтцевъ безпрекословнаго исполненія всѣхъ предписаній Временнаго Правительства“, а правительство, получивъ это постановленіе совѣта, рѣшилось въ ночномъ засѣданіи 26-го мая повторить его дословно и „предписать командующему флотомъ Балтійскаго моря вывести безъ замедленія изъ Кронштадта всѣ учебныя суда для лѣтнихъ учебныхъ занятій“. Однако, Временное Правительство. въ видѣ компромисса, утвердило своимъ новымъ комиссаромъ избраннаго кронштадтскимъ совѣтомъ р. и с. д., Ф. Я. Парчевскаго, вмѣсто отказавшагося члена Думы Пепеляева. Съ своей стороны предсѣдатель исп. комитета Ламановъ, исполняя требованіе

Временнаго Правительства, донесъ о состоянiи отправляющихся изъ Кронштадта учебныхъ судовъ. 7-го iюня начала свои дѣйствiя петроградская слѣдственная комиссiя о заключенныхъ въ тюрьмахъ офицерахъ, ужасное положенiе которыхъ было засвидѣтельствовано посѣтившимъ кронштадтскiе казематы англичаниномъ Р. К. Лонгомъ („Рѣчь", 27-го мая).

Примиренiе оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, и на этотъ разъ непрочнымъ. Пораженiе большевиковъ въ Кронштадтѣ вызвало съ ихъ стороны только новыя усилiя пропаганды. Гельсингфорскiй исп. комитетъ совѣта депутатовъ армiи, флота и рабочихъ резолюцiей 15 го iюня одобрилъ „тактику революцiоннаго Кронштадта" и „призналъ, что, высказывая свое отношенiе къ Врем. Правительству, кронштадтскiй совѣтъ осуществилъ этимъ свое право, принадлежащее всякому органу революцiонной демократiи". Осуждая на этомъ основанiи резолюцiю петроградскаго комитета и требуя „немедленнаго пересмотра ея", гельсингфорскiй совѣтъ „призналъ Кронштадтъ передовымъ отрядомъ россiйской революцiонной демократiи" и рѣшилъ „оказать ему поддержку".

Кронштадтъ, дѣйствительно, вполнѣ оправдывалъ это названiе „передового отряда". Укрѣпившись въ Кронштадтѣ, большевизмъ широко разбросалъ по Россiи сѣть большевистской пропаганды при помощи надлежащимъ образомъ обученныхъ агитаторовъ. Кронштадтскiе эмиссары посылались и на фронтъ, гдѣ подкапывали дисциплину, и въ тылъ, въ деревни, гдѣ вызывали погромы имѣнiй. Кронштадтскiй совѣтъ выдавалъ эмиссарамъ особыя свидѣтельства: „N. N. посланъ въ *свою* губернiю для присутствiя съ правомъ рѣшающаго голоса въ уѣздныхъ, волостныхъ и сельскихъ комитетахъ, а также выступать на митингахъ и созывать митинги, по своему усмотрѣнiю въ любомъ мѣстѣ", съ „праьомъ ношенiя оружiя, свободнаго и безплатнаго проѣзда по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ". При этомъ „неприкосновенность личности означеннаго агитатора гарантируется совѣтомъ р. и с. д. города Кронштадта". Такой агитаторъ изъ Кронштадта выступилъ, напримѣръ, 25-го мая въ Воронежѣ, требуя немедленнаго прекращенiя войны и сверженiя Врем. Правительства. Въ Тамбовской губ., въ Трескинской волости Кирсановскаго уѣзда, такой же агитаторъ съ „удостовѣренiемъ", призывавшiй къ захвату земель, былъ арестованъ крестьянами, но, выпущенный въ Кирсановѣ, вернулся

вторично, послѣ чего вторично арестовать крестьяне его уже не рѣшились.

Наиболѣе яркимъ и серьезнымъ случаемъ было перенессеніе пропаганды изъ Балтійскаго флота въ Черноморскій при посредствѣ делегаціи большевиковъ, пріѣхавшихъ изъ Кронштадта, Гельсингфорса и Або. При управленіи популярнаго адмирала Колчака, Черноморскій флотъ, одушевленный желаніемъ сыграть активную роль въ войнѣ и мечтавшій о походѣ на Константинополь, въ теченіе всего марта и апрѣля уберегся отъ разложенія. Мало того, когда вернувшійся изъ Пскова, съ совѣщанія главнокомандующихъ, адм. Колчакъ разсказалъ 23 апрѣля офицерамъ и командѣ о небоеспособности Балтійскаго флота, объ опасности полнаго распада нашихъ вооруженныхъ силъ, то его сообщеніе вызвало большой подъемъ среди черноморскихъ моряковъ и привело 29 апрѣля къ рѣшенію — послать въ Петроградъ и на фронтъ особую черноморскую делегацію, въ составѣ не меньше 300 человѣкъ, съ цѣлью противодѣйствовать агитаціи большевиковъ. Но какъ разъ отъѣздъ изъ Севастополя этихъ наиболѣе разумныхъ, добросовѣстныхъ и владѣвшихъ даромъ слова людей сыгралъ роковую роль въ дальнѣйшей судьбѣ Черноморскаго флота. Послѣ ихъ отъѣзда среди матросовъ началась агитація. Вопреки волѣ адм. Колчака, Исп. Комитетъ уже 10 мая арестовалъ помощника командующаго портомъ ген. Петрова. Адм. Колчакъ подалъ въ отставку (16 мая), но поддержанный находившимся тогда въ Одессѣ А. Ф. Керенскимъ, взялъ ее обратно. По требованію правительства, Петровъ былъ освобожденъ. Но вскорѣ послѣ этого возникъ другой поводъ для конфликта: миноносецъ „Жаркій“ отказался выйти въ море, а затѣмъ и удалилъ, въ самой грубой формѣ, своего командира. Виновные были преданы военному суду, но это создало благопріятную почву для агитаціи противъ самого адмирала. Достаточно было прибытія пяти упомянутыхъ выше агитаторовъ съ удостовѣреніями совѣта с. и р. д., чтобы агитація эта возымѣла полный успѣхъ. На собраніяхъ и митингахъ указывалось, что Черноморскій флотъ ничего не сдѣлалъ для революціи, что команда дружитъ съ офицерами, что мѣстный исполнительный комитетъ — простое отдѣленіе штаба адм. Колчака. Тутъ же было постановлено арестовать офицеровъ; четверо изъ нихъ и были обысканы и арестованы, какъ „приверженцы стараго режима“. Комитетъ не рѣшался бороться съ митингами и плелся въ

хвостѣ. Въ результатѣ, на митингѣ съ заѣзжими агитаторами рѣшено было отобрать оружіе у всѣхъ офицеровъ, а потомъ арестовать самого Колчака и начальника его штаба Смирнова.

„Хотя Колчакъ и является авторитетомъ въ военно-морскомъ дѣлѣ“, говорилъ одинъ изъ митинговыхъ ораторовъ, „но намъ такіе не нужны“. Во главѣ флота долженъ стоять хоть прапорщикъ, который бы исполнялъ все, чего желаютъ матросы“. Получивъ донесеніе Колчака, Вр. Правительство въ ночномъ засѣданіи 6-го іюня рѣшило: 1) требовать „немедленнаго подчиненія Черноморскаго флота законной власти“, 2) „адмиралу Колчаку и Смирнову, допустившимъ явный бунтъ, приказать немедленно выѣхать въ Петроградъ для личнаго доклада“ и 3) „всѣми мѣрами водворить въ Черномъ морѣ порядокъ, подчиненіе закону и воинскому долгу, возвратить оружіе офицерамъ...., возстановить дѣятельность должностныхъ лицъ“, . . . „не подчиняющихся немедленно арестовать, какъ измѣнниковъ отечеству и революціи, и предать суду“, донеся объ исполненіи въ 24 часа. Телеграмма правительства была прочитана въ делегатскомъ собраніи и передъ 15-ти тысячнымъ митингомъ. Рѣшено было подчиниться требованіямъ правительства, но протестовать противъ квалификаціи движенія „военнымъ бунтомъ“ и требовать привлеченія къ отвѣтственности тѣхъ лицъ, которыя неправильно освѣтили передъ Вр. Правительствомъ событія въ Севастополѣ.

Адмиралъ Колчакъ на этотъ разъ окончательно вышелъ въ отставку. Какъ бы наглядным поясненіемъ того, что значилъ этотъ уходъ для Черноморскаго флота, явился выходъ въ Черное море, черезъ 5 дней послѣ отъѣзда Колчака, крейсера „Бреслау“. Со времени 21-го іюня 1916 г., когда „Гебенъ“ и „Бреслау“ напали на Туапсе и Сочи, и 8-го іюля, когда „Бреслау“ пытался напасть на Новороссійскъ, но былъ загнанъ въ Босфоръ судами недавно вступившаго тогда въ управленіе адм. Колчака, въ теченіе 11 мѣсяцевъ нашъ флотъ безусловно командовалъ въ Черномъ морѣ, и ни одна подводная лодка не рѣшалась болѣе въ немъ показаться. Теперь „Бреслау“ напалъ на нашу радіостанцію на островѣ Фидониси, разрушилъ ее и забралъ плѣнныхъ; турки поставили минныя загражденія, на которыхъ нѣсколько дней спустя погибъ миноносецъ „Лейтенантъ Зацаренный“. „Колчакъ ушелъ, Бреслау пришелъ“, такъ формулировалъ послѣдовательность событій одинъ петроградскій листокъ. Нѣсколько дней спустя, 20-го

іюня, правительственное сообщеніе подтверждало, что „дѣятельность противника (на моряхъ) становится съ каждымъ днемъ все болѣе энергичной и причиняетъ все больше и больше вреда.... Непріятель, очевидно, возлагаетъ надежду на то, что революція ослабила боевую мэщь флота и внесла дезорганизацію въ его строй, порядокъ и въ укладъ боевой жизни".

Ослабленіе русской мощи на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ не могло не отразиться на настроеніи прилегающихъ къ нимъ нерусскихъ народностей. Одновременно съ настроеніемъ финляндцевъ обострялось и выливалось въ болѣе опредѣленныя формы также и настроеніе эстонцевъ, латышей, литовцевъ. Крымскіе татары — и вообще мусульмане Россіи — долѣе другихъ сохраняли полную лояльность. Мусульманскій исполнительный комитетъ еще 6-го мая опубликовалъ слѣдующее заявленіе. „Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ и столичныхъ газетахъ было помѣщено извѣстіе о томъ, что мусульманское населеніе Крыма требуетъ автономіи Крыма. Временный Крымско-мусульманскій комитетъ, стоящій нынѣ во главѣ всѣхъ мусульманскихъ политическо-національныхъ духовныхъ организацій, самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ это извѣстіе". Комитетъ при этомъ противополагалъ, однако, свою позицію обще-мусульманской. По словамъ предсѣдателя его Таврическаго Муфтія Гелебіева, обще-мусульманскій комитетъ 21-го апрѣля „опредѣлилъ свою политическую физіономію и будетъ добиваться установленія въ Россіи демократическаго республиканскаго строя на національныхъ федеративныхъ началахъ. Идея же объ автономіи Крыма, какъ не имѣющая подъ собой никакой почвы, комитетомъ совершенно не обсуждалась". Выступленіе „Бреслау" дало „почву" автономистическимъ стремленіямъ Крыма, что и сказалось прежде всего въ измѣнившемся настроеніи крымскихъ мусульманъ по отношенію къ Россіи. Впрочемъ, обнаружилась эта перемѣна, уже тогда происшедшая, значительно позднѣе.

Особенно сильно развернулось въ описываемый промежутокъ времени сепаратистское движеніе Украины. Въ намѣреніе нашихъ враговъ давно, еще до русской революціи, входило раздуть украинскій сепаратизмъ, чтобы, въ худшемъ случаѣ, создать русской арміи новыя затрудненія въ тылу, а въ лучшемъ, подготовить себѣ союзниковъ, если удастся перенести театръ военныхъ операцій на русскій югъ, и даже создать возможность отдѣленія Украины

отъ Россіи, въ случаѣ удачнаго исхода этихъ операцій.*) Для этихъ цѣлей работалъ созданный еще при царскомъ режимѣ, въ самомъ началѣ войны, „союзъ візволенія Украины", во главѣ котораго стояли Скоропись-Іолтуховскій и Меленевскій, а членами котораго состояли Андрей Жукъ и Владиміръ Дорошенко. Въ отвѣтъ на печатныя обвиненія русскаго генеральнаго штаба, Скоропись—Іолтуховскій напечаталъ въ Стокгольмѣ брошюру: „Что же такое Совѣтъ освобожденія Украины", въ которой заявляетъ, что идея союза „народилась въ нѣкоторыхъ эмигрантскихъ кругахъ за-границей задолго до возникновенія войны". Скоропись-Іолтуховскій признаетъ въ этой брошюрѣ, что „союзъ занялъ враждебное отношеніе къ Россіи, возлагая свои надежды на военный разгромъ царской Россіи арміями центральныхъ государствъ". Онъ признаетъ и то, что союзъ „провозгласилъ, кромѣ того, желательность занятія Украины войсками враждебныхъ Россіи державъ", съ цѣлью „достиженія національной независимости путемъ первоначальной оккупаціи центральными государствами". Наконецъ, авторъ брошюры вполнѣ признаетъ и то, что „союзъ освобожденія Украины" не только собиралъ на веденіе своей работы мозольные трудовые гроши среди разореннаго украинскаго населенія Галиціи и Буковины, а также оккупированныхъ областей, и среди нашихъ плѣнныхъ, какъ отчасти и въ Америкѣ, *но онъ принималъ также всякую матеріальную поддержку отъ друзей украинскаго народа, принадлежащихъ по національности къ врагамъ Россіи***).

Болѣе подробныя свѣдѣнія о „союзѣ" получаемъ изъ интереснаго показанія близко стоявшаго къ „союзу" г. Влад. Степанковскаго, одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей украинской эмиграціи. Показаніе это дано русскимъ военнымъ властямъ въ августѣ 1917 г., при возвращеніи Степанковскаго въ Россію. „Идея организаціи союза, — разсказываетъ Степанковскій, — принадлежитъ Австріи; онъ былъ созданъ еще въ первыхъ числахъ августа 1914 г. Тогда онъ еще не имѣлъ своей задачей пропаганды среди нашихъ военноплѣнныхъ, а имѣлъ въ виду *слѣдовать въ оккупированныя австрійскими войсками части Украины вмѣстѣ съ галицкими организаціями и повести тамъ работу по сліянію съ русской Укра-*

---

*) Этотъ планъ совершенно опредѣленно развивался въ брошюрахъ Цегельскаго и Левицкаго.

**) Брошюра подписана „членами президіума союза освобожденія Украины, М. Меленевскимъ и А. Скоропись-Іолтуховскимъ" и датирована 25 октября н. ст. 1917 г. въ Стокгольмѣ.

иной. Въ этотъ союзъ вошли названныя выше лица, Димитрій Донцовъ и Николай Залезнякъ. Въ то же время я тоже проживалъ во Львовѣ, но отказался войти въ союзъ, такъ какъ ясно видно было, что австрійское правительство желаетъ воспользоваться союзомъ въ своихъ цѣляхъ, чему имѣлись доказательства. Кромѣ того, Скоропись-Іолтуховскій, Жукъ и Меленевскій въ качественномъ отношеніи были уже извѣстны съ самой отрицательной стороны, въ особенности же послѣдній. Дорошенко попалъ въ союзъ, какъ я думаю, по наивности, но, разъ попавъ туда, не сумѣлъ выбраться. Донцовъ и Залезнякъ вскорѣ вышли изъ союза, когда была установлена связь Жука и Меленевскаго съ австрійскимъ правительствомъ. Донцовъ дѣйствительно германофилъ, но это дѣло его убѣжденій; однако, онъ человѣкъ честный. Что касается Залезняка, то онъ былъ австрофиломъ, но затѣмъ, со времени революціи, искренно измѣнилъ свои взгляды и стоитъ на русской оріентаціи. . . Надежды Австріи на оккупацію русской Украины не оправдались, русскія войска наступали въ Галиціи. *Тогда весь союзъ выѣхалъ въ Вѣну* . . Здѣсь произошелъ большей переломъ въ настроеніи. Всѣмъ стало очевидно, что австрійскія мечтанія о созданіи Украины подъ австрійскимъ владычествомъ остались мыльнымъ пузыремъ. Донцовъ и Залезнякъ вышли изъ союза, а другіе *порвали связь съ галицкими организаціями и еще тѣснѣе связались съ австрійскимъ правительствомъ.* Съ этого времени украинское движеніе перестало интересовать Австрію, такъ какъ вся Галиція оказалась занята Россіей (это признаютъ и авторы стокгольмской брошюры). *Тогда союзомъ воспользовались, какъ орудіемъ для боевыхъ предпріятій, ничего общаго съ Украиной не имѣющихъ.* Іолтуховскій, Меленевскій, Жукъ и Дорошенко занялись шпіонажемъ и разными порученіями австрійскаго правительства, какъ, напр., посылкой агентовъ въ Россію, Румынію, Болгарію и Турцію (брошюра, конечно, ставитъ въ связь всѣ эти „миссіи“ съ пропагандой украинскаго освобожденія). Тѣмъ временемъ возникла мысль о выдѣленіи изъ общей массы плѣнныхъ—украинцевъ. Я точно сказать не могу, явилось ли это мыслью галиційскихъ украинцевъ или правительства (Меленевскій и Скоропись нѣсколько уклончиво утверждаютъ, что „иниціатива *культурной* помощи нашимъ военно-плѣннымъ принадлежала исключительно союзу . . ., и добиться согласія властей на широкую организацію этой помощи . . . стоило многихъ усилій“). Украинцевъ стали

выдѣлять въ отдѣльный лагерь Фрейштадтъ, въ Австріи, и дѣло пропаганды было передано союзу. *Это совпало съ тѣмъ временемъ, когда Германія накладывала свою руку на всѣ австрійскія предпріятія. Нѣмцы взяли союзъ въ свои руки*, и онъ продолжалъ функціонировать еще нѣкоторое время въ Австріи, уже подъ руководствомъ нѣмцевъ. Сначала австрійцы не знали, что союзъ работаетъ съ нѣмцами. Когда австрійское правительство убѣдилось въ этомъ, то еще болѣе *охладѣло къ дѣятелямъ союза, и послѣдній постепенно перенесъ свою дѣятельность въ Берлинъ* и вступилъ на полное иждивеніе Германіи. Германія, по примѣру Австріи, рѣшила выдѣлить украинцевъ въ особые лагери и пустила туда союзъ для *пропаганды идеи полнаго отдѣленія Украины отъ Россіи*, какъ „самостоятельнаго государства, входящаго въ систему центральныхъ державъ". Посѣщеніе Берлина въ началѣ іюля 1917 г. и бесѣды съ политическими дѣятелями и публицистами убѣдили Степанковскаго въ томъ, что, собственно, по этому вопросу существуютъ въ Германіи три группы. Одна, во главѣ съ знатокомъ Россіи, проф. Hötsch'емъ (авторомъ еженедѣльныхъ обзоровъ въ Kreuzzeitung), считаетъ, что украинское движеніе есть „семейное дѣло Россіи" и раздувать его вредно для Германіи. Другая, близкая къ министерству иностранныхъ дѣлъ, полагаетъ достаточнымъ для настоящаго момента достиженіе Украиной автономіи. И, наконецъ, третья группа, „представленная генеральнымъ штабомъ", „стремится къ созданію самостоятельной Украины подъ нѣмецкимъ контролемъ". Эта группа пользуется содѣйствіемъ „союза візволенія Украины" для агитаціи въ печати противъ болѣе умѣреннаго разрѣшенія украинскаго вопроса.

Что касается пропаганды среди военноплѣнныхъ украинцевъ, она началась еще весной 1915 года, когда все плѣнные „малороссы", соглашавшіеся признать себя „украинцами", были сосредоточены въ лагерѣ Раштадтъ. Въ этомъ лагерѣ велись систематическія лекціи; однимъ изъ лекторовъ являлся австрійскій проф. Безпалко, рисовавшій передъ слушателями картину вольнаго казачества и призывавшій къ сверженію ненавистнаго ига Московіи. Въ началѣ 1916 г. изъ подготовленныхъ такимъ образомъ военноплѣнныхъ былъ сформированъ „1-ый сѣчевой Тараса Шевченко полкъ", одѣтый въ „національные" „жупаны". Къ началу 1917 г. этотъ полкъ состоялъ изъ 8 сотенъ, примѣрно по 200 человѣкъ въ каждой. Вообще же всѣ украинцы Раштадтскаго лагера были къ

этому времени расписаны на четыре категоріи, соотвѣтственно успѣху пропаганды: 1) „січевики“ — до 1500 человѣкъ, наиболѣе распропагандированные; 2) „курсисты“ — до 3000 человѣкъ, сочувствовавшихъ пропагандѣ, но еще недостаточно подготовленныхъ; 3) „преклонники“ — большинство плѣнныхъ, сохранявшее нейтралитетъ по отношенію къ пропагандѣ и, наконецъ, 4) „противники“, — до 6000 чел., рѣшительно боровшіеся съ пропагандой и за это назначавшіеся на самыя тяжелыя работы, подвергавшіеся суровому режиму и жестокимъ наказаніямъ.

Въ концѣ декабря 1916 г. партія изъ 24 плѣнныхъ, во главѣ съ германскимъ капитаномъ Козакъ, была отправлена на Волынь, съ цѣлью пропаганды. Изъ обнародованнаго нашей развѣдкой дѣла прап. Ермоленко видно, что переброской агентовъ занималась „украинская секція“ германской развѣдки, имѣвшая вездѣ на мѣстахъ вполнѣ организованную сѣть посредниковъ и сотрудниковъ.

Съ началомъ революціи всѣ эти приготовленія получили, естественно, новое и особенно важное значеніе. Ближайшей цѣлью пропаганды стало, какъ это констатировано въ случаѣ съ Ермоленко, „скорѣйшее заключеніе мира“ съ Германіей. Но рядомъ съ этимъ новый смыслъ получила и поддержка сепаратистскаго движенія. Для того и другого Германія стала выпускать, подъ видомъ обмѣниваемыхъ инвалидовъ, совершенно здоровыхъ украинскихъ солдатъ. Перебрались поближе къ Россіи, въ Стокгольмъ, и вожди „союза візволенія Украины“, Іолтуховскій и Меленевскій. Оба они обратились къ Временному Правительству съ ходатайствомъ разрѣшить имъ вернуться на Украину, извѣщая при этомъ правительство, что съ момента возникновенія революціи въ Россіи и паденія царизма союзъ освобожденія Украины рѣшилъ прекратить свою самостоятельную дѣятельность заграницей, признавая, что единственно правомочна теперь говорить отъ имени украинскаго народа какъ на Украйнѣ, такъ и внѣ ея, — Центральная Украинская Рада (цитированная брошюра).

Едва ли, однако, это заявленіе было вполнѣ искренно. Цѣль переселенія обоихъ дѣятелей на Украину, конечно, заключалась въ перенесеніи сюда дѣятельности „союза“. По крайней мѣрѣ, Степанковскій, въ разговорѣ съ фонъ-Бергеномъ, чиновникомъ Германскаго министерства иностр. дѣлъ, выяснилъ (начало іюля 1917 г.), что уже существуетъ какая-то „тайная организація въ

Полтавѣ", соперничающая во вліяніи съ Центральной Радой*). „Въ Стокгольмѣ я узналъ", продолжаетъ Степанковскій, „что существуетъ *новая организація*, имѣющая непосредственне отношеніе къ „союзу визволенія", и что она называется „Возрожденіе" (*Відродження*"). Свѣдѣнія ограничились тѣмъ, что эта организація проявляется въ Львовѣ, гдѣ ведетъ издательскую дѣятельность. Еще раньше, въ Швейцаріи, я получилъ свѣдѣнія объ Іолтуховскомъ, что онъ *организуетъ на Украинѣ свою группу подъ упомянутымъ названіемъ*. Основываясь на этихъ свѣдѣніяхъ", заключаетъ Степанковскій, „я прихожу къ убѣжденію, что Іолтуховскій, съ вѣдома германскаго штаба, организуетъ въ своихъ цѣляхъ группу въ Полтавѣ или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ . . . Еще до войны Меленевскій былъ знакомъ хорошо съ Парвусомъ, съ открытіемъ же военныхъ дѣйствій и съ отходомъ австрійскихъ войскъ изъ Галиціи работалъ съ нимъ въ Турціи по пріисканію агентовъ для центральныхъ державъ, занимаясь и другими темными дѣлами. Теперь, конечно, связь Меленевскаго съ Парвусомъ, а затѣмъ и съ Ганецкимъ-Фюрстенбергомъ должна продолжаться; такъ какъ Ганецкій находится въ Стокгольмѣ, то нужно думать, что всѣ они работаютъ вмѣстѣ".

Въ Россіи, правда, всѣ эти явно-германскія усилія встрѣтили вначалѣ отпоръ, и мѣстное украинское движеніе формально отъ нихъ отгородилось. Первоначальныя задачи *мѣстнаго* движенія, по формулировкѣ наскоро сложившагося петроградскаго украинскаго комитета, были весьма умѣрены и не шли дальше требованій, удовлетворяющихъ реальной потребности культурнаго самоопредѣленія. Временное Правительство перваго состава охотно пошло навстрѣчу этимъ стремленіямъ, назначивъ попечителемъ Кіевскаго округа извѣстнаго украинскаго дѣятеля, Н. П. Василенко. Но изъ Кіева шли болѣе широкія требованія, исходившія изъ готоваго плана національно-территоріальнаго обособленія Украины въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Вдохновителемъ этихъ стремленій являлся „батько" М. С. Грушевскій, пріобрѣвшій опытность въ національной борьбѣ на почвѣ австро-славянской, въ Галиціи, и теперь примѣнившій къ борьбѣ съ петроградскимъ „централизмомъ"

---

*) „Мой собесѣдникъ (фонъ-Бергенъ) спросилъ меня", разсказываетъ Степанковскій, „кто пользуется большимъ вліяніемъ, Рада или же тайная организація въ Полтавѣ . . . Я . . . отвѣтилъ, что, по моему мнѣнію, большимъ авторитетомъ пользуется Рада".

тѣ непрямые и гибкіе пріемы, которые были испытаны въ борьбѣ съ Вѣной.

По сообщенію самого М. С. Грушевскаго, въ новомъ изданіи его „Исторіи Украины" *), еще за годъ до войны образовался союзъ автономистовъ-федералистовъ, въ которомъ „руководящую роль играли украинскіе представители". Кромѣ того, еще раньше существовала группа „товариство украинскихъ поступовцевъ" (Т. У. П.), которая съ 1912 г. вела сношенія съ прогрессивными русскими партіями, съ думскими фракціями трудовиковъ и партіей народной свободы. Послѣ революціи, по словамъ того же Грушевскаго, „украинскіе поступовцы", „выйдя изъ стадіи своего тайнаго существованія,' взяли на себя въ первыхъ числахъ марта иниціативу созданія національнаго органа въ Кіевѣ. По соглашенію съ разными кіевскими группами и кружками, такой органъ и образовался, подъ названіемъ Украинской Центральной Рады, изъ представителей партійныхъ группъ, кооперативовъ, рабочихъ, военныхъ, культурныхъ и профессіональныхъ организацій, для организаціи украинскаго гражданства независимо отъ партійныхъ и групповыхъ разногласій, съ цѣлью достиженія широкой національной и территоріальной автономіи въ россійской федеративной республикѣ".

„Первыя извѣстія объ основаніи въ Кіевѣ Центральной Рады", говоритъ далѣе Грушевскій, „дали сильный толчекъ организаціи провинціальныхъ группъ, которыя заявляли Ц. Радѣ, что признаютъ ее своимъ высшимъ органомъ, *временнымъ украинскимъ національнымъ правительствомъ*, („тимчасовим українским національним урядом"), и просятъ принять ихъ представителей и дать указанія относительно мѣстной работы. Чтобы выяснить размѣры массоваго украинскаго самосознанія, Ц. Рада назначила на 19 марта манифестацію и показала открыто, что украинство вовсе не является принадлежностью какого-либо интеллигентскаго кружка, а дѣйствительно широко проникло въ массы. На митингѣ во время этой манифестаціи приняты были принципіальныя постановленія: что автономный строй долженъ быть введенъ на Украинѣ немедленно и затѣмъ представленъ на утвержденіе россійскаго учредительнаго собранія; Временное Россійское Правительство должно незамедлительно издать декларацію съ признаніемъ необходимости широкой

---

*) См. „Ілюстрована Історія України". Сорок восьма тисяча, Київ, 1918, стр. 536, 543 — 546.

автономіи Украины, чтобы связать интересы украинскаго народа съ интересами новаго строя".

„За этой манифестаціей послѣдовали съѣзды: рядъ ихъ открылся на Благовѣщеніе (25 марта) съѣздомъ „Т. У. П.", который принялъ названіе союза автономистовъ-федералистовъ. Потомъ, на Великденъ, открылся съѣздъ учительскій, а 6 — 8 квитня (апрѣля) — украинскій національный съѣздъ, созванный Ц. Радой для производства новыхъ выборовъ, которые дали бы ей характеръ правильнаго представительства всего *организованнаго* украинскаго народа и подтвердили бы его политическую платформу. Двери съѣзда были широко открыты и дана возможность принять въ немъ участіе всякимъ объединеніямъ, организаціямъ и учрежденіямъ, которыя признаютъ себя за украинскія. . . Собралось около 900 представителей съ полномочными мандатами, очень много крестьянъ и солдатъ. . . Новая Ц. Рада составилась изъ представителей отъ территорій (губерній), отъ организацій военныхъ, крестьянскихъ и рабочихъ, отъ партій и обществъ культурныхъ и профессіональныхъ. Платформа этой организаціи сначала была чисто-политической: національно-территоріальная автономія Украйны въ федеративной россійской республикѣ. Намѣренно были устранены другіе пункты, которые могли бы вызвать разногласіе между представителями партій и группъ. Но, мѣсяцъ спустя, Ц. Рада признала невозможнымъ исключить изъ своей программы вопросы экономической политики, имѣя въ виду планы экономической централизаціи, выставленные россійскимъ Врем. Правительствомъ. Рѣшено было принять въ программу защиту экономическихъ интересовъ края и его трудящагося народа. Пополненіе Рады представительствомъ рабочихъ массъ, произведенное въ началѣ червня (мая), придало ей, въ концѣ концовъ, яркую соціалистическую физіономію, сдѣлало ее органомъ трудящейся демократіи и сверхъ требованій политическихъ поставило на твердую ногу требованія экономически-соціалистическія".

Несомнѣнно, въ этой эволюціи Рады, очерченой здѣсь однимъ изъ вліятельнѣйшихъ ея руководителей, первоначальная инціативная группа, организовавшая первыя національныя демонстраціи, была оттѣснена на второй планъ. Роль самого М. С. Грушевскаго изъ вліятельной мало-по-малу превратилась просто въ почетную. Рада сдѣлалась сама ареной борьбы за вліяніе крайнихъ теченій. Сепаратисты „союза возрожденія" получили при этомъ возможность

оказывать все болѣе значительное воздѣйствіе на настроеніе и направленіе работъ Рады.

Полная побѣда этого крайняго вліянія была, однако же, въ описываемое здѣсь время, еще въ будущемъ. Въ настоящемъ Рада выступила, прежде всего, съ требованіями политическими и притомъ выраженными въ сравнительно умѣренной и сдержанной формѣ. Въ маѣ Временное Правительство получило отъ Рады пожеланія, чтобы 1) былъ изданъ особый правительственный актъ съ принципіальнымъ признаніемъ автономіи Украины, 2) немедленно были выдѣлены въ особую административную единицу 12 губерній съ украинскимъ населеніемъ и переданы въ управленіе краевого совѣта, 3) чтобы при Врем. Правительствѣ былъ установленъ особый комиссаръ по дѣламъ Украины и 4) чтобы было учреждено особое украинское войско. Требованія эти, вызывавшія серьезныя возраженія въ правительствѣ перваго состава, встрѣтили вначалѣ серьезныя возраженія и въ средѣ коалиціоннаго правительства. Принципіальное признаніе автономіи Украины являлось несомнѣннымъ предрѣшеніемъ воли Учредительнаго Собранія, ибо опредѣляло одну изъ основныхъ чертъ будущаго строя Россіи: несомнѣнно, что вслѣдъ за признаніемъ автономіи Украины потребовали бы такого же признанія и другія народности. Затѣмъ Центральная Рада, не вышедшая изъ всенароднаго избранія и представлявшая только одно изъ теченій украинства, не являлась достаточно компетентнымъ органомъ для выраженія воли *всего* украинскаго народа и не представляла вовсе не-украинскихъ элементовъ. Съ этой точки зрѣнія выдѣленіе 12-ти губерній въ составъ территоріи будущей Украины являлось предрѣшеніемъ воли мѣстнаго населенія, украинскаго и не-украинскаго. Созданіе комиссара Украины при Вр. Правительствѣ предрѣшало типъ автономіи, который должна была получить Украина, а, слѣдовательно, быть можетъ, и остальныя территоріи Россіи. Такимъ предрѣшеніемъ было и выдѣленіе данной территоріи по *національному*, а не по территоріальному признаку. Наконецъ, хотя уже А. И. Гучковъ разрѣшилъ въ частномъ случаѣ формированіе украинскихъ войскъ, но и онъ, и А. Ф. Керенскій не считали, что этотъ частный случай предрѣшаетъ созданіе національныхъ армій вообще, ибо и это было бы приближеніемъ формы автономіи къ формѣ государственной независимости. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, послѣ доклада товарища министра внутр. дѣлъ Д. М. Щепкина, предсѣдательствовавшаго по-

данному вопросу въ особомъ совѣщанiи, Временному Правительству, въ первыхъ числяхъ iюня было постановлено признать національныя особенности и своеобразныя условія жизни Украины, вызывающія необходимость ея особаго устройства, и издать соотвѣтствующее мотивированное постановленіе, но не вводить въ него ничего, что могло бы предрѣшить волю Учредительнаго Собранія и мѣстнаго населенія. Соотвѣтственно этой линіи поведенія, намѣченной правительствомъ, А. Ф. Керенскій телеграфно запретилъ всеукраинскій войсковой съѣздъ, который Центральная Рада созвала на 4 iюня. Рада не только не подчинилась этимъ рѣшеніямъ правительства, но сдѣлала ихъ исходной точкой новой агитаціи. Послѣ двухдневнаго обсужденія отвѣта правительства украинской делегаціи, ѣздившей въ Петроградъ, Рада наканунѣ открытія съѣзда, вечеромъ 3 iюня, вынесла постановленіе, которымъ объявлялось, что Временное Правительство сознательно пошло противъ интересовъ трудового народа Украины и противъ принципа самоопредѣленія національностей. Въ силу этого Рада признавала необходимымъ: 1) обратиться ко всему украинскому народу съ призывомъ — организоваться и приступить къ немедленному заложенію фундамента автономнаго строя на Украинѣ, 2) немедленно составить обращеніе къ украинскому народу съ объясненіемъ, въ чемъ заключается сущность требованій украинской демократіи и задачи автономнаго строя, и 3) заявить, что, использовавъ всѣ способы войти въ сношеніе съ правительствомъ, Рада приметъ всѣ мѣры противъ анархіи и уничтоженія завоеваній революціи, имѣя въ виду, что украинское движеніе имѣетъ стихійный характеръ. 4 iюня открылся въ Кіевѣ войсковой съѣздъ, въ составѣ болѣе 1000 делегатовъ. Слѣдуя своей обычной тактикѣ, А. Ф. Керенскій легализировалъ его post factum, приславъ телеграмму, что не встрѣчаетъ препятствій къ существованію и къ дальнѣйшей дѣятельности украинскаго войскового комитета. Съѣздъ встрѣтилъ смѣхомъ чтеніе это телеграммы Руководители съѣзда, однако, считали необходимымъ подчеркнуть, что они не стремятся къ „самостійности". Кандидаты въ президіумъ отъ самостійниковъ были забаллотированы; выбраны лишь сторонники федеративной автономіи. Большое раздраженіе съѣзда вызвало опубликованіе приказа ген. Оберучева, что самостійники рѣшили занять государственный банкъ и губернское казначейство (слухи ходили также о занятіи почты, телеграфа и телефона). Съѣздъ еще разъ рѣзко отгородился отъ „самостій-

никовъ“ и помѣстилъ въ газетахъ печатное опроверженіе упомянутыхъ слуховъ о „секретной резолюціи“ группы „самостійниковъ“. Въ ближайшіе дни съѣздъ призналъ украинскій войсковой комитетъ высшей инстанціей въ сношеніяхъ украинскихъ войсковыхъ частей и организацій съ русской военной властью. По отношенію къ правительству съѣздъ принялъ резолюцію, что онъ вообще не будетъ больше обращаться къ центральной власти съ какими либо просьбами, Центральная Рада сама будетъ проводить въ жизнь автономію Украины; не-украинская демократія, живующая на территоріи Украины и не желающая сознательно или безсознательно понять истинныхъ требованій украинцевъ, приглашалась къ сотрудничеству съ украинской демократіей.

Постановленія съѣзда на первыхъ же порахъ создали среди мѣстныхъ противниковъ украинскаго сепаратизма энергичное противодѣйствіе, особенно сказавшееся въ тѣхъ изъ 12 губерній, гдѣ не-украинское населеніе было особенно сильно. Но эти постановленія вызвали также и энергичную поддержку со стороны сторонниковъ автономіи. Кіевскій губернскій исполнительный комитетъ обратился къ кн. Львову съ заявленіемъ что въ виду возбужденія, вызваннаго отрицательной позиціей правительства, дальнѣйшее игнорированіе украинскаго вопроса недопустимо; необходимъ немедленный созывъ въ Кіевѣ особаго совѣщанія національныхъ партій и организацій съ представителями правительства. Совѣщаніе это должно разработать къ Учредительному Собранію основы автономіи Украины.

Украинская Рада не хотѣла ждать результатовъ подобныхъ совѣщаній и спѣшила создать „совершившіеся факты“. Опираясь на рѣшеніе войскового съѣзда, она собрала 10 іюня делегатовъ съѣзда на Софійскую площадь и въ торжественной обстановкѣ, передъ памятникомъ Богдана Хмельницкаго, огласила составленный ею „Универсалъ“, долженствовавшій явиться первымъ шагомъ къ самочинному осуществленію автономіи. Содержаніе „Универсала“ чрезвычайно характерно для всей политики М. С. Грушевскаго. Съ одной стороны, онъ ничѣмъ не порываетъ формальной связи съ центральнымъ правительствомъ, съ другой стороны, фактически, онъ вступаетъ съ правительствомъ въ открытую борьбу, пытаясь на терпимости и на пассивности центральной власти построить расширенный и углубленный фундаментъ для украинскаго движенія, ограниченный и интеллигентскій характеръ котораго не-

вольно обрисовывается въ самомъ „Универсалѣ“. Украинскій народъ „не отдѣляется отъ всей Россіи, не разрываетъ съ россійскимъ государствомъ“. „Тѣ законы, которыми будетъ устанавливаться порядокъ на протяженіи всего россійскаго государства, должны создаваться всероссійскимъ парламентомъ“. Законы для Украины также „должно будетъ *утвердить* своимъ закономъ всероссійское Учредительное Собраніе“ Но въ то же время „Универсалъ“ заявляетъ, что, по существу, „весь строй“ этихъ законовъ будетъ „созданъ представителями всѣхъ народовъ земли украинской“, послѣ того, какъ будетъ закончена „подготовительная организаціонная работа“. Работа эта, долженствующая совершиться явочнымъ порядкомъ, состоитъ въ томъ, чтобы „каждое село, каждая волость и каждая управа, уѣздная или земская, *которая отстаиваетъ интересы украинскаго народа*“, вступила „въ самыя тѣсныя сношенія съ Центральной Радой“. А „тамъ, гдѣ, по какимъ либо причинамъ, административная власть *осталась въ рукахъ, враждебныхъ украинству*“, „Универсалъ“ „предписываетъ нашимъ гражданамъ начать широкую могучую организацію и освѣдомленіе населенія и *тогда переизбрать администрацію въ городахъ* и тѣхъ мѣстахъ, гдѣ украинское населеніе живетъ вмѣстѣ съ другими національностями“. Рядомъ съ явочной администраціей будущаго края Рада хочетъ создать и явочные финансы. „До сихъ поръ украинскій народъ всѣ свои средства отдавалъ въ россійскую центральную казну, но самъ не имѣлъ, да не имѣетъ и теперь, отъ нея того, что долженъ былъ бы имѣть за это. Поэтому *мы, Украинская Рада, предписываемъ* всѣмъ *организованнымъ* гражданамъ селъ и городовъ и всѣмъ *украинскимъ* общественнымъ управамъ установить съ 1 сего іюля *обложеніе населенія податью* на народное дѣло“. Если тонъ предписанія, названіе новаго обложенія „податью“ и противоположеніе его прежнимъ налогамъ, вносившимся въ россійскую центральную казну, придавалъ распоряженію „Универсала“ характеръ настоящаго правительственнаго распоряженія, то обращеніе къ однимъ только „организованнымъ“ украинцамъ и обозначеніе цѣли новой „подати“ — „на народное дѣло“ — превращали подать въ національный сборъ съ сочленовъ частнаго общества и открывали Радѣ лазейку на случай обвиненія ея въ выступленіи на путь открытой политической борьбы противъ центральной власти въ самыхъ ея основныхъ функціяхъ управленія и обложенія. Проф. Грушевскій и

пользовался этой двусмысленностью въ своихъ объясненіяхъ съ представителями кіевскихъ общественныхъ организацій, которыя рѣшительно возражали противъ сепаратизма Украины и противъ предрѣшенія воли Учредительнаго Собранія. Во время политической прогулки украинцевъ по Днѣпру съ этими представителями 20 іюня М. С. Грушевскій подчеркивалъ, что Рада никогда и не помышляла о захватѣ административныхъ правъ, что это исключительно „*національная организація*". Эти заявленія вызвали реплику Балабанова, представителя с.-д. меньшевиковъ. „Когда слушаешь здѣсь ваши рѣчи", говорилъ Балабановъ, „получается одно, а когда отъ бесѣдъ дѣло переходитъ къ жизни, получается другое. Проф. Грушевскій и Винниченко признаютъ за Радой лишь *моральный авторитетъ*. Но часть населенія считаетъ Раду правительственной властью на Украинѣ, причемъ противопоставляетъ Раду другой власти. То, что говорятъ намъ представители Рады, пусть они скажутъ населенію". Послѣ этого Винниченко произнесъ рѣчь, въ которой, съ одной стороны, заявлялъ, что украинцы „добиваются не власти, а организаціи народныхъ массъ", а съ другой, при сильномъ движеніи и возгласахъ „ого" своей аудиторіи, сообщилъ: „быть можетъ, мы издадимъ декретъ, въ которомъ укажемъ населенію, что всякое постановленіе центральнаго правительства, прежде чѣмъ оно будетъ осуществлено, должно быть разсмотрѣно Центральной Радой". („Рус. Слово" 23-го іюня). Эти разговоры на пароходѣ лучше всего характеризуютъ шаткость первоначальной позиціи Рады и уклончивую тактику ея вождей.

Чтобы мотивировать свой шагъ, Рада, въ противорѣчивыхъ выраженіяхъ, пытавшихся извратить факты, излагала въ „Универсалѣ" исторію своихъ переговоровъ съ правительствомъ. „Временное Россійское Правительство *отвергло* наши требованія, оттолкнуло протянутую руку украинскаго народа. . ., оно *уклонилось отъ отвѣта*, *отославъ* насъ до будущаго Учредительнаго Собранія. . . Не пожелало вмѣстѣ съ нами творить новый порядокъ. . ." Нѣсколько искреннѣе была Рада, когда мотивировала свое выступленіе тѣмъ, что „*мы не можемъ бросить нашъ край на произволъ анархіи* и разоренія", ибо „правительство не въ силахъ создать для насъ правопорядокъ". Другой искренній мотивъ касался судьбы аграрнаго вопроса: „никто лучше нашихъ селянъ не можетъ знать, какъ хозяйничать на своей землѣ; потому-то мы хотимъ, чтобы, послѣ того, какъ во всей Россіи отобраны будутъ

помѣщичьи, казенныя, царскія, монастырскія и иныя земли въ собственность *народовъ*, послѣ того, какъ объ этомъ будетъ изданъ законъ всероссійскимъ Учредительнымъ Собраніемъ—право и порядокъ въ нашихъ украинскихъ земляхъ, *право распоряженія ими принадлежало бы только намъ самимъ*".

Этотъ страхъ и опасеніе подвергнуться въ прогрессировавшемъ всероссійскомъ распадѣ общей судьбѣ и пережить ужасы всероссійскихъ соціалистическихъ экспериментовъ, несомнѣнно, представлялъ здоровое и живое начало самосохраненія въ искусственно раздутомъ націоналистическомъ движеніи на Украинѣ. Въ этихъ, а не въ идеалистически-сепаратистскихъ мотивахъ украинскаго движенія заключался залогъ его будущаго успѣха.

Что могло противопоставить этому успѣху центральное правительство? Только ту „тактику твердой власти" — и, на почвѣ этой тактики, устраненіе *реальныхъ* мотивовъ украинскаго обособленія, — которую совѣтовала партія народной свободы. Правительство и тутъ, вмѣсто того, чтобы реагировать быстро и рѣшительно, пока движеніе оставалось чисто идейнымъ и наноснымъ, пошло путемъ колебаній и словесныхъ увѣщаній. 16-го іюня оно выпустило воззваніе къ „Гражданамъ Украины", въ которомъ убѣждало украинцевъ, въ интересахъ „всей освобожденной Россіи", въ интересахъ защиты завоеваній революціи отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, довѣрить свои національные интересы „народамъ", которые „сумѣютъ черезъ своихъ представителей въ Учредительномъ Собраніи выковать тѣ формы государственнаго и хозяйственнаго устройства, которыя полностью отвѣтили бы ихъ національнымъ стремленіямъ". Съ своей стороны, Временное Правительство „вмѣняло себѣ въ обязанность *придти къ соглашенію съ общественно-демократическими организаціями* Украины относительно переходныхъ мѣръ для обезпеченія „правъ украинскаго народа въ мѣстномъ управленіи, самоуправленіи и судѣ". Воззваніе упрашивало украинцевъ „въ нетерпѣливомъ стремленіи теперь же закрѣпить формы государственнаго устройства Украины, не наносить смертельнаго удара всему государству и самимъ себѣ".

Конечно, воззваніе прозвучало безсильно и отклика со стороны кіевскихъ искушенныхъ политиковъ не встрѣтило. Въ своемъ „нетерпѣливомъ стремленіи закрѣпить" свои пока еще психологическія завоеванія, они спѣшно возбуждали въ намѣченныхъ губерніяхъ вопросъ о формальномъ присоединеніи къ „Универсалу" Рады, о

посылкѣ въ Раду мѣстныхъ делегатовъ, о пополненіи Рады не-украинскими элементами, наконецъ, о созданіи украинскаго министерства, „генеральнаго секретаріата“ Рады. Въ самый день опубликованія правительственнаго воззванія этотъ секретаріатъ уже былъ намѣченъ въ составѣ предсѣдателя и генеральн. секретаря внутр. дѣлъ—писателя Винниченко, генер. секретаря финансовъ — Туганъ-Барановскаго, иностранныхъ дѣлъ (или „междунаціональныхъ“) — Ефремова, продовольственныхъ—Стасюка, земледѣлія—Мартоса, военнаго—Петлюры, юстиціи—Садовскаго. За нѣсколько дней до этого Винниченко въ политической бесѣдѣ съ представителемъ демократическихъ организацій подчеркнулъ снова, что дѣйствія вождей вынуждены необходимостью считаться съ стихійнымъ движеніемъ народныхъ массъ и направить его въ нормальное русло. „Самостійное движеніе“, выставляющее лозунгъ „открытіе фронта врагу, настолько выросло за полтора мѣсяца, что съ нимъ приходится вести серьезную борьбу, а для этого необходимо не порывать связи съ организованной массой, которая, оставшись безъ руководства, можетъ натворить много нежелательнаго“. До соглашенія съ центральнымъ правительствомъ, по заявленію Винниченко, Рада не издастъ никакого акта; но правительство должно считаться съ желаніемъ народа. Однако, уже 27 іюня тотъ же Винниченко, въ роли предсѣдателя генеральнаго секретаріата, огласилъ въ засѣданіи Центральной Рады обширную декларацію секретаріата. Въ декларацін заявлялось, что, хотя власть Рады родилась и выросла изъ одного довѣрія народа, но въ настоящее время „наступилъ моментъ, когда стерлись границы двухъ властей: нравственной и публично-правовой. Размѣры силъ нашей моральной власти настолько разрослись, что они сами собой, подъ натискомъ логическаго хода событій, безъ боли и безпорядковъ, претворяются въ настоящее народоправство“. Къ Петрограду „украинская демократія не питаетъ враждебности, но проявляетъ полное безразличіе, ибо... имѣетъ собственную власть“. Для ускоренія процесса пересозданія моральной власти въ общественно-правовую и созданъ генеральный секретаріатъ, въ качествѣ исполнительнаго органа Центральной Рады (вожди движенія подчеркивали, съ обычной уклончивостью, что это не есть еще „министерство“). Такъ какъ Рада теперь „не можетъ уже ограничиться одними національно-политическими требованіями“, а, расширяя свою платформу, „должна стать національнымъ сеймомъ“, то и ея исполнительный органъ „долженъ охватывать всѣ нужды украин-

скаго народа". Далѣе декларація подробно перечисляла задачи каждаго „секретаря" въ особенности, по внутреннимъ, финансовымъ, юридическимъ, междунаціональнымъ, просвѣтительнымъ, земельнымъ, продовольственнымъ дѣламъ, и функціи „генеральнаго секретаря", вѣдающаго канцелярію и служащаго связью между остальными. Въ заключеніе декларація заявляла, что секретаріатъ будетъ „бороться неуклонно" противъ всѣхъ „дезорганизующихъ силъ", будь то „темныя силы контръ-революціи, анархическіе элементы украинства или ошибки и враждебность Временнаго центральнаго Правительства".

Какъ реагировало это правительство на новый „совершившійся фактъ"? Мы видѣли, что уже въ своемъ воззваніи Временное Правительство стало на точку зрѣнія возможныхъ переговоровъ съ украинскими организаціями. Въ 20-хъ числахъ іюня оно уже намѣчало посылку правительственной делегаціи на Украину, сперва въ цѣляхъ информаціи, а потомъ и съ прямой задачей — достиженія соглашенія, котораго требовали украинцы. Мы увидимъ, что осуществленіе этой точки зрѣнія сдѣлалось поводомъ къ министерскому кризису, который совпалъ съ общимъ кризисомъ первой коалиціи.

Въ это же время, 27-го Іюня, Центральная Украинская Рада вынесла постановленіе, которое какъ бы суммируетъ всю работу по созданію національныхъ сепаратизмовъ внутри Россіи. Рада постановила созвать въ Кіевѣ не позже іюля съѣздъ всѣхъ національностей Россіи, добивающихся автономіи и федераціи. Предполагалось, что на этомъ съѣздѣ примутъ участіе финляндцы, поляки, эстонцы, латыши, литовцы, бѣлоруссы, грузины, евреи, татары, армяне, калмыки, башкиры, сарты, горные народы, турки, а также донцы, сибиряки и т. д. Каждой народности, независимо отъ размѣровъ территоріи, количества населенія, культурнаго развитія, предполагалось дать 10 мѣстъ. Въ программу съѣзда внесены были слѣдующіе вопросы: будущее устройство федеративнаго государства, государственный языкъ отдѣльныхъ федеративныхъ частей, принципы размежеванія автономныхъ единицъ, права національныхъ меньшинствъ и организація союза городовъ. Попутно отмѣтимъ, что въ засѣданіи мусульманскаго комитета 3-го іюня обсуждался вопросъ о созданіи въ Россіи „инородческаго политическаго блока", причемъ рѣшено было образовать комиссію изъ двухъ членовъ комитета и двухъ отъ комитета бурятъ

и якутовъ „для выработки культурно-экономическихъ и политическихъ основъ созданія инородческаго политическаго блока народностей монголо-тюркскихъ племенъ Россіи". 2-го іюня литовскій сеймъ, большинствомъ народныхъ прогрессистовъ и клерикаловъ противъ соціалистическихъ и прогрессивныхъ партій, высказался за немедленное рѣшеніе сеймомъ вопроса о будущемъ устройствѣ Литвы и принялъ незначительнымъ большинствомъ рѣшеніе, что Литва должна быть независимою. Въ маѣ въ Берлинѣ открыто общество нѣмецко-балтійской культуры; при открытіи герцогъ Мекленбургскій произнесъ рѣчь о выгодахъ колонизаціи Литвы и прибалтійскаго края: „22% земель Курляндіи принадлежитъ казнѣ, треть помѣщичьихъ земель будетъ намъ предоставлена добровольно для колонизаціи, треть крестьянскихъ можетъ быть пріобрѣтена за плату".

IV. Циммервальдъ и фіаско внѣшней политики коалиціи.

Внѣшняя политика коаліціоннаго правительства. — Отклики враговъ и союзниковъ на циммервальдскую формулу. — Фіаско внѣшней политики совѣта. — Новыя уступки М. И. Терещенко совѣту.

Элементы кризиса, собственно, существовали съ самаго начала коалиціи, ибо они вытекали изъ двойственности ея состава и ея стремленій. Мы уже знаемъ, въ чемъ видѣли raison d'être своего существованія министры стараго кабинета, перешедшіе въ новый. Ихъ цѣлью было пріобрѣсти поддержку „революціонной демократіи" для политики, основной задачей которой они считали поднятіе боеспособности арміи *путемъ ея „демократизаціи"* и доведеніе войны до „демократическаго" мира, *но въ согласіи съ союзниками.* Внутреннее противорѣчіе первой половины этой задачи вскрылось передъ нами въ изложенномъ только что процессѣ подготовки русскаго наступленія на фронтѣ и въ процессѣ фактическаго распада Россіи, тѣсно связаннаго съ такимъ же распадомъ ея вооруженной силы. Мы увидимъ теперь, какъ вскрылось то-же внутреннее противорѣчіе навязанныхъ извнѣ, по существу разрушительныхъ, „квази-демократическихъ" задачъ нашей внѣшней политики съ сохраненіемъ прежнихъ нормальныхъ методовъ этой политики и ея нормальныхъ отношеній къ союзникамъ.

„Извѣстія Совѣта р. и с. д.", комментируя декларацію новаго коаліціоннаго правительства по внѣшней политикѣ, усматривали главную разницу между поведеніемъ новаго и прежняго правительства въ томъ, что „Временное Правительство перваго состава никогда не рѣшилось бы опираться въ своей внѣшней политикѣ на союзныя *демократіи.* Милюковъ считался лишь съ оффиціальной демократіей, съ господствующими классами, съ правительствами союзныхъ странъ... Отнынѣ россійская демократія, не порывая съ правительствами союзныхъ странъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, *черезъ головы этихъ правительствъ*, обращается къ народамъ. И силу въ своей

борьбѣ за миръ дипломатія будетъ черпать отнынѣ въ сочувствіи и поддержкѣ народныхъ массъ. Такимъ образомъ, внѣшняя политика новаго Временнаго Правительства является точнымъ выраженіемъ требованій революціонной демократіи". (№ 61, отъ 9-го мая).

Въ своихъ воззваніяхъ „къ соціалистамъ всѣхъ странъ" и „къ арміи" („Извѣстія" № 55, отъ 2-го мая), изданныхъ во время министерскаго кризиса, совѣтъ гораздо опредѣленнѣе формулировалъ свою циммервальдскую позицію. Возражая лишь противъ „сепаратнаго мира" и признавая, что „иной разъ" бываетъ нужно и наступленіе, совѣтъ во всемъ остальномъ совершенно уравнивалъ въ своей оцѣнкѣ „имперіалистовъ" всѣхъ странъ, признавая русскую революцію лишь „первымъ крикомъ возмущенія одного изъ отрядовъ международной арміи труда противъ преступленій международнаго имперіализма". Такъ говорить, „черезъ головы правительствъ", русская дипломатія, конечно, не могла, почему и не имѣла возможности служить „точнымъ выраженіемъ" воли „революціонной демократіи". Иначе понадобилось бы разрушить весь техническій аппаратъ дипломатіи, какъ разрушался уже въ процессѣ „демократизаціи" техническій аппаратъ арміи. Надо отдать справедливость М. И. Терещенко: такъ далеко онъ не пошелъ, сохранивъ не только дипломатическій аппаратъ, но и его болѣе или менѣе правильное функціонированіе по существу. При его управленіи союзные дипломаты знали, что „демократическая" терминологія его депешъ является невольной уступкой требованіямъ момента — и относились къ ней снисходительно, пока расчитывали, что уступками по формѣ они выиграютъ по существу. Но наступали, наконецъ, такіе моменты, когда это молчаливое согласіе правительства съ совѣтомъ р. и с. д., съ одной стороны, а съ другой стороны, съ союзной дипломатіей упиралось въ границы, перейти которыя было нельзя. И тогда должно было вскрыться для совѣтовъ, что политика М И. Терещенко было, въ сущности, лишь „продолженіемъ политики П. Н. Милюкова", а для союзниковъ, что всѣ принесенныя ими жертвы не увеличили способности русской революціи къ реальной поддержкѣ союзнаго дѣла. Нужно прибавить, что разочарованіе совѣта и союзниковъ наступило одновременно, ибо именно напоръ циммервальдцевъ въ совѣтѣ сдѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшее молчаніе союзниковъ.

Собственно, отвѣты союзниковъ на декларацію правительства внѣшней политикѣ 28 марта и на ноту П. Н. Милюкова 18 ап-

рѣля, препровождавшую эту декларацію, были получены уже въ послѣдніе дни министерства Милюкова. Какъ и можно было ожидать, эти отвѣты держались въ предѣлахъ послѣдней ноты, а по отношенію къ принципіальнымъ заявленіямъ 28 марта были вѣжливо-уклончивы. Въ ожиданіи своего ухода и по спеціальной просьбѣ Некрасова и Терещенко П. Н. Милюковъ задержалъ опубликованіе этихъ отвѣтовъ. А для новаго правительства опубликованіе ихъ явилось бы тяжелымъ ударомъ съ самаго начала. Поэтому М. И. Терещенко попытался войти въ переговоры съ союзниками, чтобы получить другіе, болѣе для него удовлетворительные отвѣты. Правительственная декларація 6 мая сдѣлала необходимымъ, во всякомъ случаѣ, болѣе точный и опредѣленный отвѣтъ на основную формулу „безъ аннексій и контрибуцій и т. д.", теперь уже *оффиціально* принятую вторымъ правительствомъ, а также и отвѣтъ на предложеніе, хотя и выраженное въ осторожной формѣ, о пересмотрѣ договоровъ и о созывѣ для этого особой союзной конференціи.

Министры-соціалисты, добившись отъ новаго министра иностр. дѣлъ немедленнаго оффиціальнаго увѣдомленія союзниковъ о новыхъ цѣляхъ войны, пожелали немедленно же переговорить лично съ англійскимъ и итальянскимъ послами (съ Тома они говорили и до вступленія въ министерство). По докладу Церетели на общемъ собраніи совѣта 13 мая, англійскій посолъ отвѣтилъ на заданные ему вопросы, какъ онъ относится къ новымъ принципамъ внѣшней политики и считаетъ ли возможнымъ приступить къ пересмотру договоровъ, довольно уклончиво: „общіе принципы разногласій не встрѣтятъ, а вопросъ о конкретныхъ рѣшеніяхъ рѣшитъ жизнь". Въ сущности, и изъ числа „конкретныхъ рѣшеній", — того типа, который у насъ считался „имперіалистическимъ", — Англіи приходилось измѣнять, по преимуществу, лишь то, что *прямо* ея не касалось. Уже 4 мая корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" сообщилъ изъ Англіи, что „имперіалистическія цѣли" извѣстнаго отвѣта Вильсону въ концѣ 1915 г., собственно, были, въ части, касавшейся Турціи и Австро-Венгріи, „лишь уступкой военной программѣ Россіи". „Ни расчлененіе Турціи, ни, тѣмъ паче, раздѣлъ Австро-Венгріи отнюдь не является краеугольнымъ камнемъ англійской военной политики", — и она охотно выброситъ ихъ за бортъ, если на нихъ не настаиваетъ болѣе Россія. Точно также и „вопросы о судьбѣ Эльзасъ-Лотарингіи и Тріента,

объ автономіи Чехіи и Польши интересуютъ Англію лишь съ точки зрѣнія интересовъ ея союзниковъ". Если союзники отказываются отъ своихъ „интересовъ", то Англія противъ этого рѣшительно ничего имѣть не можетъ. Франція, въ лицѣ Альбера Тома, также не имѣла ничего противъ того, чтобы отказаться отъ „имперіалистическихъ" стремленій. . . Россіи, разумѣя подъ ними проливы и Константинополь. Теперь уже не секретъ, что въ числѣ нашихъ соглашеній было одно, въ которомъ весьма ярко проявлялись и французскія „имперіалистическія" цѣли: это — соглашеніе, подписанное въ февралѣ 1917 г. Н. П. Покровскимъ о созданіи автономнаго государства-буфера на лѣвомъ берегу Рейна (обмѣнъ нотами 30 января и 1 февраля 1917 г., опубликованный большевиками). На несоотвѣтствующій демократическимъ принципамъ характеръ этого соглашенія указалъ Альберу Тома еще П. Н. Милюковъ. А. Тома поставилъ отмѣну этого соглашенія условіемъ своего дальнѣйшаго пребыванія въ министерствѣ. По возвращеніи соціалистовъ Кашена и Муте изъ Россіи, въ закрытомъ засѣданіи французской палаты это соглашеніе было оглашено и вызвало къ себѣ рѣзко отрицательное отношеніе. Рибо согласился, повидимому, считать его недѣйствительнымъ; еще ранѣе онъ сдѣлалъ въ палатѣ заявленіе, что не имѣетъ вообще ничего противъ опубликованія секретныхъ договоровъ, состоявшихся *до войны*. Такъ какъ *до войны* единственнымъ секретнымъ договоромъ былъ франко-русскій союзъ, то заявленіе Рибо имѣло, конечно, исключительно демонстративное значеніе. Ни союзные договоры съ Италіей и Румыніей, заключенные передъ выступленіемъ, ни наши соглашенія съ союзниками относительно Турціи и Малой Азіи сюда не входили. Между тѣмъ, Рибо поставилъ свой отказъ отъ соглашенія относительно лѣваго берега Рейна въ связь съ (предполагаемымъ) русскимъ отказомъ отъ проливовъ и Константинополя. Все это очень походило на желаніе союзниковъ воспользоваться труднымъ положеніемъ Россіи, чтобы освободиться отъ той доли обязательствъ, которая возлагалась на нихъ ихъ соглашеніемъ съ Россіей П. Н. Милюковъ въ своей отвѣтной рѣчи Альберу Тома по поводу его прощальной рѣчи въ засѣданіи академическаго союза прямо указалъ на опасность такого исхода при предполагаемомъ пересмотрѣ договора для всѣхъ будущихъ отношеній Россіи къ ея союзникамъ. И надо опять таки отдать справедливость М. И. Терещенко: онъ не допустилъ нашихъ союзниковъ воспользоваться неблагопріятнымъ по-

ложеніемъ Россіи для отказа отъ обязательствъ. Въ напечатанныхъ большевиками секретныхъ документахъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ имѣется одинъ, который снимаетъ съ М. И. Терещенко всякое обвиненіе въ этомъ. 11 сентября онъ категорически заявилъ нашему повѣренному въ Парижѣ, что „ни въ обмѣнѣ нотъ съ Палеологомъ (т. е. за время управленія П. Н. Милюкова), ни въ словесныхъ объясненіяхъ моихъ съ Нуленсомъ не возбуждался вопросъ о связи между февральскимъ соглашеніемъ по поводу восточныхъ границъ Франціи и соглашеніемъ о Константинополѣ и проливахъ. Нуленсъ предложилъ мнѣ опубликовать одновременно съ соглашеніемъ о французскихъ границахъ договоры, заключенные до войны, т. е., собственно, русско-французскую военную конвенцію. На это я замѣтилъ, что подобное опубликованіе общеизвѣстнаго договора вызоветъ въ общественномъ мнѣніи полное недоумѣніе и новыя настоянія на приданіи гласности соглашеній, заключенныхъ уже во время войны. Между тѣмъ, оглашеніе оныхъ, и въ частности итальянскаго и румынскаго, признается, повидимому, нашими союзниками недопустимымъ.“ Еще опредѣленнѣе выражается телеграмма отъ 12 сентября. „Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ малоазіатское соглашеніе не можетъ считаться стоящимъ особо. *Выполненіе его зависитъ отъ выполненія соглашенія о проливахъ*. . . Малоазіатское соглашеніе не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ соглашенія о проливахъ и Константинополѣ. . . Такой точки зрѣнія благоволите держаться въ случаѣ *дальнѣйшаго* обмѣна мнѣній съ французскимъ правительствомъ“.

Такимъ образомъ, по существу, М. И. Терещенко продолжалъ политику П. Н. Милюкова, совершенно отказавшись отъ той точки зрѣнія на „аннексіи“, которой онъ держался при вступленіи въ министерство. Но это ему не мѣшало въ своихъ нотахъ къ союзникамъ дѣлать широкія словесныя уступки требованіямъ совѣта, когда эти требованія становились особенно настоятельными.

Въ первыя недѣли управленія коалиціоннаго правительства въ такихъ выступленіяхъ еще не было надобности, такъ какъ политика М. И. Терещенко считалась тождественной съ политикой совѣта, а союзники дали новому министру нѣкоторый кредитъ и выжидали, какъ выяснится положеніе. Изъ главы VI, посвященной вопросу о мирѣ, читатель узнаетъ, что къ концу мая положеніе выяснилось въ смыслѣ открытаго занятія совѣтомъ циммервальдской позиціи. Тогда дальнѣйшее молчаніе стало для союзниковъ

невозможнымъ: заговорили ихъ министры въ палатахъ, и опубликованы были давно заготовленные отвѣты. Это побудило и наше министерство сдѣлать новые авансы совѣту.

Первымъ оффиціальнымъ откликомъ на формулу мира „безъ аннексій и контрибуцій" была рѣчь Бетмана-Гольвега 2-го мая. Вопреки распространявшимся слухамъ, что германскій канцлеръ, наконецъ, объявитъ на Пасху условія мира, Бетманъ-Гольвегъ остался на своей прежней точкѣ зрѣнія: говорить объ условіяхъ мира преждевременно, впредь до исхода военной борьбы, и онъ, канцлеръ, не зависитъ въ своей программѣ мира ни отъ правыхъ, ни отъ лѣвыхъ. Но на этотъ разъ нѣсколько рѣзче канцлеръ отгородился именно отъ лѣвыхъ, отъ Шейдемана. „Я не дамъ сбить себя съ пути", говорилъ канцлеръ, „тѣми словами, которыя Шейдеманъ счелъ себя въ правѣ бросить въ народъ. . . о возможности революціи. Германскій народъ, вмѣстѣ со мной, не послушаетъ этого слова". Что касается формулы, Бетманъ-Гольвегъ заявилъ: „неужели мнѣ слѣдуетъ односторонне втиснуть всѣ многообразныя потребности германской имперіи въ одну формулу, которая охватываетъ лишь часть всей совокупности условій мира, жертвуетъ успѣхами, достигнутыми кровью нашихъ сыновъ и братьевъ и оставляетъ невыясненными всѣ прочіе счеты? Отъ такой политики я отказываюсь. . . Она привела бы къ длительному ущербу для всѣхъ жизненныхъ интересовъ нашего народа, вплоть до послѣдняго рабочаго; она означала бы отказъ отъ всей будущности нашего отечества". Отказался Бетманъ Гольвегъ выставить и программу „завоевательную". „Завоевательная программа, такъ же, какъ и программа отказа отъ военныхъ пріобрѣтеній, не поможетъ намъ достигнуть побѣды и окончить войну". Что касается отказа Россіи отъ завоевательныхъ намѣреній, канцлеръ высказывалъ сомнѣніе, удастся ли ей повліять въ этомъ отношеніи на своихъ союзниковъ. Заявляя, что Англія постарается „заставить Россію и впредь везти англійскую колесницу", Бетманъ-Гольвегъ предлагалъ Россіи, въ сущности, сепаратный миръ: „мы не уничтожимъ возможности въ будущемъ прочныхъ добрососѣдскихъ отношеній и не выставимъ требованій, могущихъ препятствовать ихъ развитію и несовмѣстимыхъ съ стремленіями народовъ къ свободѣ".

Разумѣется, и союзники не захотѣли стать на отвлеченную позицію совѣта и постарались истолковать совѣтскую формулу, ставшую оффиціальной, въ смыслѣ полнаго соотвѣтствія ихъ стре-

мленіямъ. 9-го мая Рибо произнесъ во французской палатѣ рѣчь, въ которой воспользовался собственными заявленіями Терещенко, чтобы спасти отъ совѣтской формулы Эльзасъ-Лотарингію и „возмѣщеніе причиненнаго ущерба". Ссылаясь на свою декларацію при вступленіи въ министерство вмѣсто Бріана, Рибо заявилъ, что можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ Терещенкѣ, „ни отъ чего не отказываясь". „Я сказалъ тогда, что мы будемъ продолжать борьбу не въ цѣляхъ завоеванія и порабощенія народовъ, а одушевленные твердой рѣшимостью вернуть то, что намъ принадлежитъ". И онъ ссылался на Вильсона въ подтвержденіе мысли, что достигнуть мира „можно лишь при условіи сокращенія аггрессивнаго военнаго деспотизма, таящаго въ себѣ вѣчную угрозу". А это можно сдѣлать только продолженіемъ войны, — „и пусть реорганизованная русская армія докажетъ мощнымъ наступленіемъ, что она понимаетъ обращенный къ ней призывъ".

Еще ранѣе, чѣмъ Рибо, Асквитъ попытался истолковать русскую формулу въ смыслѣ, пріемлемомъ для союзниковъ (нужно прибавить: и для самой Россіи). Онъ указалъ, что терминъ „аннексія" двусмысленъ и что, по крайней мѣрѣ, въ трехъ смыслахъ „аннексія" вполнѣ допустима и не должна быть подводима подъ это одіозное понятіе. Это, во первыхъ, когда рѣчь идетъ объ освобожденіи угнетенныхъ народностей, во вторыхъ, когда имѣется въ виду ихъ объединеніе изъ разрозненныхъ частей, принадлежащихъ разнымъ государствамъ, и, въ третьихъ, „аннексія" можетъ быть желательна для передачи суверенныхъ правъ на территорію, необходимую для обладанія стратегическими позиціями, которыя нужны не для нападенія, а для самообороны и для защиты отъ нападеній въ будущемъ. „Такая аннексія", прибавлялъ Асквитъ, „вполнѣ оправдывается, если вы можете доказать на основаніи опыта этой войны, что до тѣхъ поръ, пока вы не будете обладать этими позиціями, вы будете подвергаться постоянной опасности нападенія". Толкованіе это, несомнѣнно, вполнѣ подходило не только къ задачамъ Англіи, Франціи и Италіи, но и къ нашему требованію проливовъ. Оффиціальныя заявленія британскаго правительства не могли быть такъ опредѣленны, но они клонились въ ту же сторону. Когда въ засѣданіи палаты общинъ 4 мая, извѣстный enfant terrible англійскаго пацифизма, Филиппъ Сноуденъ, потребовалъ, чтобы британское правительство присоединилось къ точкѣ зрѣнія русскаго совѣта, то Робертъ Сесиль отвѣтилъ обстоятельной рѣчью,

въ которой воспользовался нѣкоторыми возраженіями Рамсея Макдональда, чтобы доказать, что формула „миръ безъ аннексій и контрибуцій“ неясна и неправильна. Какъ быть съ Аравіей, съ Арменіей, съ Эльзасъ-Лотарингіей, съ итальянской ирредентой, спрашивалъ министръ блокады, если принять „миръ безъ аннексій“? „Мнѣ хотѣлось бы указать тѣмъ, кому подобныя формулы кажутся привлекательными, что, хотя и вѣрно, что совершеніе такихъ актовъ справедливости — недостаточная причина для начала войны, но разъ война открываетъ возможность ихъ осуществленія, то требованіе отказаться отъ нихъ и пожертвовать достигнутыми, весьма желательными результатами принимаетъ другой характеръ“. Точно также и требованіе „безъ контрибуцій“ несовмѣстимо съ возмѣщеніемъ убытковъ Бельгіи, Сербіи, сѣверныхъ провинцій Франціи. Однако же, сдѣлавъ эти оговорки, лордъ Сесиль присоединился къ формулѣ русскаго правительства и категорически заявилъ: „мы начали эту войну, не имѣя въ виду никакихъ имперіалистическихъ завоеваній или увеличеній территоріи. Ни одному англичанину не приходило это въ голову, когда мы вступили въ эту войну. Никто изъ насъ не желаетъ ничего подобнаго завоеванію или увеличенію территоріи“. Онъ повторилъ это заявленіе 10 мая, когда пацифисты возобновили атаку въ лицѣ Оутвейта и Тревеліана, утверждавшихъ, что пренія 3 и 4 мая въ палатѣ произвели въ Россіи „неблагопріятное впечатлѣніе“. „Я охотно вновь подтверждаю“, заявилъ онъ, „что послѣднее заявленіе обновленнаго русскаго правительства соотвѣтствуетъ этой политикѣ“ („прочнаго мира, основаннаго на національной свободѣ и международной дружбѣ“, съ устраненіемъ „всякихъ имперіалистическихъ цѣлей, основанныхъ на завоеваніи.“)

Истолкованіемъ русской формулы въ пріемлемомъ для союзниковъ смыслѣ дѣло и ограничилось бы, если бы не было дальнѣйшаго требованія совѣта о пересмотрѣ договоровъ и о созывѣ, кромѣ конференцій союзниковъ, еще и общей международной соціалистической конференціи, съ участіемъ представителей всѣхъ интернаціональныхъ партій. Переговоры объ этомъ между совѣтомъ и соціалистами изложены въ другомъ мѣстѣ (см. VI главу). Для правительства дѣло усложнялось тѣмъ, что, съ одной стороны, въ составѣ союзныхъ правительствъ были министры-соціалисты, упорно игнорировавшіе полную невозможность свести совѣтъ съ циммервальдской позиціи и пытавшіеся найти „общій языкъ“ съ

нимъ; съ другой стороны, крайнія лѣвыя меньшинства въ союзныхъ странахъ также поддерживали предполагаемыхъ единомышленниковъ въ русскомъ совѣтѣ. Союзныя правительства старались пойти навстрѣчу радикальнымъ требованіямъ этихъ группъ такъ далеко, какъ было только возможно, Но, въ концѣ концовъ, пренія въ палатахъ союзныхъ странъ вполнѣ установили, что примирить требованія совѣта съ союзническими интересами, вопреки утвержденіямъ Тома и Гендерсона, было совершенно невозможно.

Наиболѣе склоннымъ къ уступкамъ и наиболѣе терпимымъ оказалось британское правительство. Предметомъ пререканій были здѣсь обвиненія въ нежеланіи пропустить въ Россію русскихъ эмигрантовъ интернаціоналистскаго оттѣнка и дать паспорта британскимъ соціалистамъ, раздѣлявшимъ тѣ же крайнія мнѣнія. Въ засѣданіи палаты общинъ 30 мая Бонаръ Лоу подробно объяснилъ, почему британское правительство въ этомъ послѣднемъ вопросѣ измѣнило свое первоначальное мнѣніе, клонившееся къ тому, чтобы не допускать пріѣзда въ Россію лицъ, не представлявшихъ мнѣнія британскаго народа. Бонаръ Лоу привелъ телеграммы Бьюкенена отъ 8 и 14 мая, въ которыхъ британскій посолъ въ Петроградѣ передавалъ желаніе М. И. Терещенко, чтобы, помимо уже отправившагося въ Россію Гендерсона, была допущена и поѣздка соціалистовъ группы Макдональда. Вандервельде и О'Греди убѣдили Бьюкенена, что поѣздка Макдональда будетъ не вредна, а полезна, и самъ Макдональдъ заявлялъ что въ Петроградѣ будетъ бороться противъ стремленій къ сепаратному миру и будетъ доказывать русскимъ соціалистамъ, что ихъ свобода зависитъ отъ успѣшнаго исхода войны. На новый запросъ британскаго военнаго кабинета („такъ какъ здѣсь возникло сильное теченіе противъ выдачи разрѣшенія, ибо взгляды Макдональда не соотвѣтствуютъ мнѣніямъ британскаго рабочаго класса"), Бьюкененъ и Гендерсонъ еще разъ отвѣтили, что отказъ былъ бы большой ошибкой. „Не слѣдуетъ опасаться слишкомъ большого вреда отъ этой поѣздки," доказывали они; „серьезнѣе была бы опасность раздражить Совѣтъ р. и с. д. въ тотъ моментъ, когда проявляются признаки улучшенія въ его отношеніяхъ къ правительству. *Эта* опасность больше, чѣмъ опасность распространенія, при настоящихъ условіяхъ, пацифистскихъ мнѣній." И Бонаръ Лоу выбралъ „меньшее зло", имѣя въ виду „облегчить русскому правительству задачу" создать такое настроеніе въ Россіи, при

которомъ „новая Россія можетъ оказать намъ помощь въ ведущейся нами борьбѣ за свободу“.

„Сильное движеніе противъ выдачи паспортовъ“ не было, однако, остановлено этимъ рѣшеніемъ правительства. Британскіе рабочіе считали, что послѣ отказа британской рабочей партіи послать делегатовъ въ Петроградъ и въ Стокгольмъ, сравнительно малочисленная „независимая“ рабочая партія не имѣетъ права фальсифицировать мнѣніе британскихъ рабочихъ. Это настроеніе особенно усилилось послѣ того, какъ рабочій конгрессъ въ Лидсѣ сталъ на точку зрѣнія русскаго совѣта и постановилъ организовать совѣты рабочихъ депутатовъ въ Англіи. Лига британскихъ рабочихъ требовала отъ правительства отобранія паспортовъ у Макдональда и Джоэтта, делегатовъ „независимой рабочей партіи.“ 23-го мая конференція союза матросовъ и кочегаровъ предложила своимъ членамъ „отказаться отъ плаванія на судахъ, перевозящихъ пацифистовъ“, если они не дадутъ подписки добиваться отъ германцевъ и въ Петроградѣ, и въ Стокгольмѣ, самыхъ широкихъ компенсацій родственникамъ моряковъ, погибшихъ отъ подводныхъ лодокъ. Дѣйствительно, 28-го мая мистрисъ Панкхэрстъ, давшая такое обѣщаніе, была допущена сѣсть на пароходъ, но шедшій вслѣдъ за ней Рамсей Макдональдъ былъ задержанъ и принужденъ былъ вернуться въ Лондонъ. 29-го мая на Трафальгарскомъ скверѣ состоялась грандіозная манифестація, протестовавшая противъ выдачи паспортовъ и выражавшая сочувствіе рѣшенію матросовъ. Хэвлокъ Вильсонъ, представитель матросовъ, сдѣлалъ Макдональду на этомъ митингѣ „честное предложеніе“: пусть онъ соберетъ за себя изъ трехъ съ половиной милліоновъ организованныхъ рабочихъ хотя бы полмилліона, и пусть тогда ѣдетъ. Если же онъ не сможетъ собрать даже такого меньшинства, то пусть откажется отъ поѣздки. Нечего и говорить, что пятьсотъ тысячъ голосовъ для „независимой“ рабочей партіи были недосягаемой цифрой. На собравшейся 15-го іюня конференціи союза матросовъ поведеніе союза было одобрено 474,700 голосами, и только 52,994 голосовали противъ.

Во Франціи правительство дѣйствовало рѣшительнѣе. Въ своихъ выступленіяхъ передъ палатами 19-го и 24 мая по вопросу объ отношеніи правительства къ Стокгольмской конференціи Рибо рѣшительно заявилъ, что вопросъ о мирѣ не можетъ быть дѣломъ партійнымъ, а долженъ быть дѣломъ правительства, олицетворяющаго волю народа; что вредно и опасно „внушать странѣ мысль,

что миръ уже близокъ, — мысль, которая можетъ быть вызвана этого рода совѣщаніями", и что „миръ можетъ быть достигнутъ только путемъ побѣды". „Правительство выдастъ паспорта для поѣздки въ Петроградъ только въ томъ случаѣ, если, при проѣздѣ черезъ Стокгольмъ, французскіе представители не подвергнутся, помимо своей воли, опасности встрѣтиться съ агентами непріятельскихъ странъ." Какъ Бонаръ Лоу, такъ и Рибо опредѣленно намекали на то, что „соблазнительныя формулы", „всеобъемлющія и двусмысленныя", являющіяся „ловушкой" и отвергнутыя палатой, „возникли не въ Петроградѣ, а ввезены извнѣ, и происхожденіе ихъ слишкомъ ясно."

При такомъ настроеніи, выяснившемся къ концу мая, союзныя правительства рѣшили настоять на опубликованіи своихъ оффиціальныхъ отвѣтовъ на ноту Терещенко отъ 3-го мая, возвѣщавшую новый курсъ русской внѣшней политики. Отвѣты эти лежали въ министерствѣ уже давно — англійскій съ 11 мая, американскій съ 12-го мая и французскій съ 13-го мая. Попытки М. И. Терещенко внести въ нихъ измѣненія, которыя бы сдѣлали ихъ пріемлемыми для совѣта р. и с. д. увѣнчались лишь очень слабымъ успѣхомъ для англійской и французской ноты и не имѣли никакого успѣха съ американской нотой, отсрочивъ лишь на день ея опубликованіе. 27-го мая были опубликованы первыя двѣ, 28-го мая — послѣдняя. Англійская нота заявляла, что британское правительство „сердечно раздѣляетъ чувство" русской ноты: „оно вступило въ эту войну, не какъ въ завоевательную", а для того, чтобы „побудить къ уваженію международныхъ обязательствъ", къ чему „прибавлено нынѣ освобожденіе народностей, угнетенныхъ чужой тираніей". Но нота осторожно напоминала, что вѣдь „свободная Россія объявила намѣреніе освободить Польшу", не только русскую, но и германскую. Она напоминала и то, что „мы должны искать установленія такого порядка, который... откинетъ всякіе законные поводы къ будущей войнѣ." „Объединяясь съ русскимъ союзникомъ въ принятіи и одобреніи" принциповъ посланія Вильсона къ конгрессу, британское правительство заявляло, что въ „общихъ чертахъ соглашенія, заключавшіяся отъ времени до времени союзниками, сообразуются съ указанными рамками". Однакоже, „если русское правительство того желаетъ, британское правительство совершенно готово изслѣдовать со своими союзниками и, если нужно, пересмотрѣть эти соглашенія". Французская нота была

еще опредѣленнѣе. Сославшись на декларацію 27-го марта, которую правительство республики „приняло съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія“, и умолчавъ о новой нотѣ 3-го мая, французская нота и въ дальнѣйшемъ отвѣчала, собственно, на ноту П. Н. Милюкова отъ 19-го апрѣля. „Правительство республики раздѣляетъ вѣру Временнаго Правительства въ возстановленіе политической, экономической и *военной* мощи страны. Оно не сомнѣвается, что провозглашенныя мѣры, имѣющія цѣлью *улучшить условія*, при которыхъ русскій народъ намѣренъ *продолжать войну до побѣды надъ врагомъ*, болѣе чѣмъ когда-либо угрожающимъ его національному достоянію, позволятъ ему *прогнать врага* изъ своей земли... и тѣмъ принять *дѣятельное участіе въ совмѣстной борьбѣ* союзниковъ. *Такимъ образомъ, будутъ сведены на нѣтъ усилія, постоянно возобновляемыя нашими противниками, съ цѣлью посѣять раздоръ* между союзниками и укрѣпить ложные слухи объ ихъ взаимныхъ рѣшеніяхъ“. Далѣе дѣлался рядъ оговорокъ по поводу русской формулы. „Франція не помышляетъ притѣснять ни одного народа, ни одной національности — даже находящейся нынѣ въ числѣ ея враговъ. Но она желаетъ, чтобы гнетъ, тяготѣвшій надъ міромъ, былъ, наконецъ, уничтоженъ и чтобы были наказаны тѣ, кто содѣялъ поступки, покрывшіе позоромъ нашихъ враговъ въ этой войнѣ“. Франція „предоставляетъ своимъ врагамъ захватные и корыстные помыслы,“ сама она „вступила въ войну только для защиты своей свободы и національнаго достоянія и для обезпеченія въ будущемъ всему міру уваженія къ независимости народовъ“. Къ упоминанію о „независимости Польши, провозглашенной Россіей“, нота присоединяла восторженное привѣтствіе „усиліямъ народовъ, дѣлаемымъ въ разныхъ частяхъ міра, — народовъ, еще находящихся въ оковахъ зависимости, осужденной исторіей“. Прямо и опредѣленно нота заявляла, что ко всѣмъ этимъ задачамъ, преслѣдующимъ „побѣду права и справедливости“, Франція „сама“ присоединяетъ одну: „она желаетъ возвращенія вѣрныхъ и преданныхъ ей областей — Эльзаса и Лотарингіи“ и „возмѣщенія убытковъ за столь безчеловѣчныя опустошенія, *а также необходимыхъ гарантій для* предупрежденія въ будущемъ несчастій, причиняемыхъ непростительной провокаціей нашего врага“. Высказавъ увѣренность, что „только проникнутая этимъ принципомъ русская внѣшняя политика достигнетъ цѣли“ и что „только послѣ побѣдной борьбы союзники могутъ создать прочный и дли-

тельный миръ на основѣ права", нота кончала очень осторожнымъ „увѣреніемъ", что французское правительство „преисполнено желанія придти къ соглашенію не только по вопросу о способѣ продолженія войны (это составляло обычную задачу союзныхъ конференцій)..., но также и объ ея окончаніи" путемъ изученія и установленія *съ общаго согласія условій*, при которыхъ союзники могутъ расчитывать на достиженіе окончательнаго рѣшенія, *согласно съ тѣми идеями*, которыми они руководились при веденіи настоящей войны.

Всего непріятнѣе для М. И. Терещенко оказался текстъ американской ноты, въ которой Френсисъ не согласился измѣнить ни одного слова. Имя Вильсона у нашихъ радикаловъ внѣшней политики пользовалось особымъ почетомъ. Развѣ не заявилъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, что онъ желаетъ „мира безъ побѣды" и что перевѣсъ одной изъ сторонъ неизбѣжно сдѣлаетъ миръ несправедливымъ и непрочнымъ. Поклонники Вильсона закрывали глаза на тотъ несомнѣнный фактъ, что своимъ вступленіемъ въ войну Америка окончательно признала справедливымъ дѣло *одной* изъ борющихся сторонъ и тѣмъ самымъ покинула позицію „мира безъ побѣды". Американскій отвѣтъ на русскія отвлеченныя формулы долженъ былъ выяснить это до конца и, разрушивъ послѣднія иллюзіи, окончательно отнять почву у новаго курса внѣшней русской политики. Вильсонъ былъ въ этомъ отношеніи безжалостенъ и сразу, въ самомъ началѣ своей ноты, ударилъ въ самое больное мѣсто этого новаго курса. „Приближается къ Россіи американская делегація, чтобы... обсудить наилучшіе способы сотрудничества", — такъ начиналась эта нота; а между тѣмъ „въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ недѣль" самыя задачи этого сотрудничества „значительно затуманивались ошибочными и неправильными утвержденіями". Вильсонъ тутъ же указалъ съ обычной своей прямотой источникъ этихъ „неправильныхъ утвержденій". Война стала складываться противъ Германіи. Германскіе правящіе круги проявляютъ отчаянное желаніе спастись отъ неизбѣжнаго пораженія. Для этого они примѣняютъ всѣ рѣшительно средства, какія находятся въ ихъ распоряженіи". Въ частности, „они прибѣгаютъ даже къ пользованію вліяніемъ тѣхъ группъ и партій нѣмецкихъ подданныхъ, къ которымъ сами они никогда не относились справедливо, прилично или хотя бы терпимо. Черезъ ихъ посредство они налаживаютъ пропаганду по обѣимъ сторонамъ океана, съ цѣлью сохранить за со-

бой вліяніе дома и власть за границей, на пагубу тѣхъ самыхъ людей, которыми они пользуются".

Чего добивается Германія? Американская нота отвѣчаетъ точно и правильно: она „ищетъ залога, чтобы война кончилась возстановленіемъ status quo ante". „Можемъ ли мы допустить возстановленіе status quo ante bellum?" Нѣтъ. Вѣдь „именно изъ status quo ante возникла настоящая неправедная война, — именно изъ мощи германскаго правительства внутри имперіи и изъ широко распространеннаго господства и вліянія его внѣ этой имперіи". „Правящіе классы въ Германіи. . . несправедливо пріобрѣли для своихъ частныхъ властолюбивыхъ плановъ своекорыстныя преимущества по всему пути отъ Берлина до Багдада и далѣе. Иностранныя правительства, одно за другимъ, оказались, благодаря этому вліянію, хотя и безъ открытаго завоеванія ихъ территорій, запутанными въ сѣть интригъ, направленныхъ не противъ чего-либо меньшаго, какъ миръ и свобода міра. Вотъ тотъ status quo, который „долженъ быть измѣненъ такимъ способомъ, который помѣшалъ бы когда-либо снова произойти такой чудовищной вещи"; и для этого „петли интриги должны быть разорваны. . . путемъ исправленія уже причиненныхъ золъ, и мѣры должны быть приняты для предотвращенія возможности когда-либо снова сплести или починить эту сѣть".

Чего хочетъ Америка? „Ея положеніе въ настоящей войнѣ", говоритъ нота, „такъ ясно и гласно, что никто не можетъ отговариваться непониманіемъ". Эта ясность положенія Америки и была рѣшительнымъ камнемъ преткновенія для идеологіи русскаго совѣта. „Америка не ищетъ ни матеріальной пользы, ни какого бы то ни было приращенія. Она сражается не за выгоду или своекорыстную задачу". И, однако, она сражается: мало того, она *начала* сражаться со всѣмъ свѣжимъ пыломъ неистраченныхъ силъ и нетронутаго энтузіазма, когда въ Россіи заговорили о „разбойнической" войнѣ „имперіалистическихъ правительствъ". Въ приведенныхъ цитатахъ уже указана отрицательная задача участія Америки въ войнѣ: мы знаемъ, чего больше *не хочетъ* Америка. Чего же она добивается въ положительномъ смыслѣ? Вильсонъ отвѣчаетъ однимъ изъ своихъ удивительныхъ опредѣленій, въ которыхъ сложность и глубина мысли борятся съ ясностью и точностью выраженія. „Братство человѣчества не должно быть долѣе красивою, но пустою фразой. Ему надо дать строеніе силы и реальности. Націи

должны осуществить общую свою жизнь и учредить дѣйственное сотрудничество для обезпеченія этой жизни противъ нападеній самодержавной и себялюбивой власти. Для этихъ цѣлей мы *можемъ* расточать свою кровь и достояніе, ибо мы всегда этихъ цѣлей желали. Если мы теперь не будемъ расточать на нихъ крови и благосостоянія и не получимъ успѣха, то, быть можетъ, мы никогда не будемъ способны снова объединиться и составить силу для великаго дѣла человѣческой свободы. Насталъ день одержать верхъ или покориться. Если силы автократіи смогутъ насъ подавить, то онѣ подавятъ. Если мы останемся объединены, то побѣда обезпечена, и она дастъ намъ свободу. *Тогда* мы сможемъ быть великодушны: но ни тогда, ни теперь, мы не должны упустить ни одного средства обезпечить справедливость и безопасность".

Новый курсъ внѣшней политики потерпѣлъ, такимъ образомъ, очевидное для всѣхъ фіаско. „Можно по этому поводу негодовать, можно наговорить множество жалкихъ словъ", писала газета „День", „можно попытаться замолчать или заговорить правду — это дѣло вкуса, но шила въ мѣшкѣ не утаишь. . . Съ демократической Россіей заговорили такъ, какъ не осмѣливались говорить съ царской Россіей. . . Первоначально насъ испугались. . ., но дни шли за днями, трезвые политики за границей присмотрѣлись къ тому, что у насъ происходитъ, и сдѣлали свои выводы".

Все негодованіе теперь, послѣ всѣхъ прежнихъ выходокъ противъ Англіи и Франціи, обрушивалось на Вудро Вильсона. „Слово за народами", писали теперь „Извѣстія совѣта р. и с. д.". „Президентъ Вильсонъ ошибается, если думаетъ, что такія мысли могутъ найти доступъ къ сердцу революціоннаго народа. Россійская революціонная демократія слишкомъ хорошо и твердо знаетъ, что путь къ страстно ожидаемому всеобщему миру лежитъ только черезъ объединенную борьбу трудящихся всего міра съ міровымъ имперіализмомъ. Ее не могутъ, поэтому, сбить никакія туманныя высокопарныя фразы. И само собой понятно, какія чувства вызоветъ въ ней странная претензія изобразить все болѣе и болѣе возрождающійся въ международномъ соціализмѣ духъ братства и мира, какъ. . . результатъ нѣмецкой интриги". Однако же, оффиціозъ коалиціоннаго правительства счелъ за лучшее подавить въ себѣ эти „чувства" и признать въ отвѣтахъ союзниковъ два шага впередъ по пути, намѣченномъ „рево-

люціонной демократіей": во-первыхъ, „признаніе принципа" и, во-вторыхъ, „согласіе на пересмотръ договоровъ". „Наше правительство", заявляли „Извѣстія" отъ 13-го мая, „сумѣетъ сдѣлать изъ этого согласія надлежащіе выводы, а именно, превратить пересмотръ договоровъ въ коренное измѣненіе ихъ въ томъ направленіи, котораго требуетъ революціонная Россія", вытравивши изъ договоровъ, при помощи „народовъ Англіи и Франціи", „все, въ чемъ могъ найти прибѣжище имперіализмъ". Къ этому требованію присоединился и органъ меньшевиковъ с.-д. („Рабочая Газета"). „Англійская и французская буржуазія", говорила газета 28 мая, „готова перемѣнить флагъ, но подъ новымъ флагомъ они желаютъ провезти старый грузъ. . . На такой почвѣ никакого соглашенія между нами и ими быть не можетъ. . . Но, въ такомъ случаѣ, послать ультимативную ноту и, въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта, рвать съ союзниками? Нѣтъ, конечно нѣтъ. . . Должна быть сдѣлана попытка пересмотра (прежняго соглашенія между союзниками) путемъ спеціально созванной конференціи представителей союзныхъ правительствъ".

Ближайшій шагъ М. И. Терещенко, въ отвѣтъ на полученныя ноты союзниковъ, былъ, такимъ образомъ, предуказанъ. 31 мая М. И. Терещенко передалъ Альберу Тома, при его прощальномъ визитѣ, слѣдующую ноту, опубликованную затѣмъ 3-го іюня. „Русская революція является не только переворотомъ во внутреннемъ строѣ Россіи, но и могучимъ идейнымъ движеніемъ, выявившимъ волю русскаго народа въ стремленіи къ равенству, свободѣ и справедливости какъ во внутренней жизни государства, такъ и въ области международныхъ отношеній. Въ волѣ этой члены русскаго революціоннаго правительства почерпаютъ свои силы; въ служеніи ей — ихъ долгъ и задача". Послѣ этого введенія нота повторяла сакраментальныя фразы совѣтскаго пацифизма о „стремленіи къ достиженію всеобщаго мира на основаніяхъ, исключающихъ всякое насиліе, *откуда бы* оно ни исходило, равно какъ и всякіе имперіалистическіе замыслы, въ *какой бы формѣ* они ни проявлялись", и о томъ, что „вѣрный этимъ принципамъ русскій народъ твердо рѣшилъ бороться съ явными *или скрытыми* имперіалистическими замыслами нашихъ противниковъ какъ въ политической, такъ и въ финансовой или *экономической* области". Подчеркнувъ этимъ свое разногласіе съ формулами союзниковъ, М. И. Терещенко указывалъ далѣе на тотъ спо-

собъ устраненія этого разногласія, который былъ уже предрѣшенъ. „Если въ отношеніи цѣлей, преслѣдуемыхъ на войнѣ, и могутъ проявляться различія во взглядахъ между нашимъ и союзными правительствами, мы не сомнѣваемся, однако, что такое единеніе между Россіей и ея союзниками обезпечитъ *въ полной мѣрѣ* общее соглашеніе по всѣмъ вопросамъ *на основаніи выставленныхъ русской революціей принциповъ*". „Привѣтствуя рѣшенія тѣхъ союзныхъ державъ, которыя изъявили готовность идти навстрѣчу желанію русскаго правительства подвергнуть пересмотру соглашенія, касающіяся конечныхъ задачъ войны", нота предлагала „созвать *для этой цѣли* конференцію представителей союзныхъ державъ, которая могла бы состояться *въ ближайшее время, когда создадутся для этого благопріятныя условія.*" Внѣ пересмотра объявлялось лишь одно соглашеніе (5 сент. 1914 г. въ Лондонѣ) о незаключеніи однимъ изъ союзниковъ сепаратнаго мира.

Заранѣе условленная съ вождями совѣта, русская нота была, конечно, встрѣчена совѣтской печатью съ полнымъ сочувствіемъ: это уже не „лживый дипломатическій языкъ Милюкова" („Раб. Газета" 4 іюня). Подчеркнутыя слова о „насиліи" и „имперіалистическихъ задачахъ" были истолкованы, какъ относящіяся также и къ союзникамъ: Россія этимъ „разрывала заколдованный кругъ всемірнаго имперіализма" и давала „борьбѣ русской революціи съ системой всемірнаго имперіализма" „широкую международную постановку". Уклончивую фразу о „благопріятныхъ условіяхъ" оффиціозъ совѣта также толковалъ въ *своемъ* смыслѣ: такія условія создадутся, когда „международная борьба демократіи" „побудитъ правительства Англіи и Франціи пойти навстрѣчу требованіямъ россійской революціи". „Рѣшающую роль въ развитіи этой борьбы должна сыграть международная конференція, созываемая въ Стокгольмѣ по иниціативѣ исполнительнаго комитета совѣта р. и с. д.. *Къ концу работъ этой конференціи Вр. Правительство и пріурочиваетъ постановку* на практическую почву вопроса о пересмотрѣ договоровъ („Извѣстія Совѣта р. и с. д." 4-го іюня). А такъ какъ къ этому времени уже начала выясняться проблематичность созыва Стокгольмской конференціи, то непримиримая идеологія совѣта и оппортунизмъ М. И. Терещенко легко нашли примиреніе въ уклончивой фразѣ, отлагавшей пересмотръ договоровъ ad calendas graecas. Совѣтскій оффиціозъ могъ заявлять, что нота Терещенко „знаменуетъ собой рѣшительный поворотъ въ

методахъ международной политики Европы“ (тамъ же), а европейская дипломатія могла безъ особаго труда примириться съ новой русской фразеологіей, тѣмъ болѣе, что тутъ же М. И. Терещенко давалъ союзникамъ и дружественной къ нимъ части русскаго общественнаго мнѣнія яркій реваншъ. Въ одинъ день со своей нотой министръ иностранныхъ дѣлъ опубликовалъ перехваченную переписку Роберта Гримма съ федеральнымъ совѣтникомъ Гофманомъ объ условіяхъ Германскаго мира (см. VI главу); къ этому документу были приложены спутанныя объясненія Гримма, данныя Церетели и Скобелеву, двумъ министрамъ, гарантировавшимъ Терещенко благонадежность Гримма при его въѣздѣ въ Россію. Объясненія Гримма, по сообщенію правительства, были признаны Скобелевымъ и Церетели „неудовлетворительными“, и заявленіе кончалось сообщеніемъ: „Временное Правительство постановило предложить Роберту Гримму покинуть предѣлы Россіи. Р. Гриммъ выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи.“ Нужно прибавить, что М. И. Терещенко сдѣлалъ этотъ шагъ въ тотъ моментъ, когда въ частномъ совѣщаніи членовъ Г. Думы было намѣчено обсужденіе вопроса внѣшней политики и долженъ былъ подвергнуться публичной критикѣ первый мѣсяцъ новаго курса. Давъ знать частнымъ образомъ, что, „для поддержанія равновѣсія,“ онъ не явится съ объясненіемъ къ членамъ Г. Думы, чтобы не быть вынужденнымъ явиться также и передъ совѣтомъ, М. И. Терещенко старался установить нѣкоторое равновѣсіе и въ своемъ активѣ и пассивѣ передъ болѣе широкимъ фронтомъ русской общественности.

По отношенію къ общей задачѣ коалиціоннаго кабинета эти частные шаги и мѣры, разумѣется, имѣли лишь второстепенное значеніе. Оправдаетъ или нѣтъ коалиціонный кабинетъ ту поддержку, которую онъ получилъ отъ союзниковъ и отъ извѣстной части общественнаго мнѣнія, поддерживавшей правительство перваго состава, — это зависѣло теперь исключительно отъ того, удастся или не удастся русское наступленіе. Оно готовилось, какъ мы видѣли, въ полномъ противорѣчіи со всей остальной обстановкой, созданной условіями „демократической“ поддержки правительства. За поддержку эту приходилось платить, — и цѣна уплаты далеко превышала стоимость получившейся „поддержки“. Чтобы отдать себѣ отчетъ, чѣмъ именно приходилось жертвовать, еще недостаточно ознакомиться съ жертвами, принесенными „революціонной де-

мократіи“ въ области военнаго дѣла и внѣшней политики. Нужно остановиться еще на тѣхъ положительныхъ требованіяхъ, которыя ставили *своимъ* министрамъ-соціалистамъ „демократическія“ организаціи въ области, ближе всего ихъ касавшейся: въ области соціальныхъ реформъ, въ рабочемъ и земельномъ вопросахъ.

V. Уступки демагогамъ „пролетаріата".

Уступки рабочему классу. — Разрушеніе народнаго хозяйства. — Отставка А. И. Коновалова. — Роль Гендерсона. — Торжество большевистской тенденціи („рабочій контроль").

„Пролетарій", вмѣстѣ съ солдатомъ, одинъ изъ главныхъ героевъ революціи, долженъ былъ и по господствующей теоріи соціализма, и по практическимъ соображеніямъ извлечь изъ классовой побѣды преимущественную и осязательную выгоду. Но, по условіямъ существованія русской промышленности, въ особенности въ военное время, и при полной неподготовленности и неорганизованности рабочаго класса эта выгода вводилась жизнью въ очень тѣсныя рамки. Мѣры охраны труда уже были поставлены на очередь и отчасти проведены еще законодательствомъ царскаго правительства и двухъ Государственныхъ Думъ. Можно было, конечно, говорить о дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи этихъ мѣръ, но это уже были детали, не соотвѣтствовавшія широкому размаху момента. Выйти изъ этихъ рамокъ охраны труда, намѣченныхъ міровымъ законодательствомъ, можно было только въ область утопіи, — въ область немедленнаго осуществленія соціалистическаго производства, при которомъ уже ни въ какой охранѣ труда не было надобности. Русская жизнь здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, сразу пошла обоими путями, реальности и утопіи, постоянно сбиваясь съ одного на другой — и не подвигаясь впередъ ни по тому, ни по другому.

О созданіи министерства труда думало уже первое Временное Правительство, предполагавшее отдать этотъ портфель соціалисту. Получивъ отказъ, это правительство рѣшило пойти путемъ европейскихъ прецедентовъ и, въ видѣ подготовительной мѣры, создать „отдѣлъ труда" при министерствѣ торговли и промышленности. Глава этого министерства, А. И. Коноваловъ, являясь однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей промышленнаго класса, въ то же время пользовался симпатіями соціалистическихъ круговъ.

„Отдѣлъ труда“ былъ организованъ и за полтора мѣсяца своего существованія развернулъ широкую дѣятельность. Вотъ характеристика его дѣятельности, сдѣланная компетентнымъ лицомъ, проф. М. Бернацкимъ („Русское Слово“, 9-го мая 1917 г.).

„Центръ тяжести работы отдѣла лежалъ въ созданіи новыхъ законодательныхъ нормъ, обезпечивающихъ свободу рабочихъ организацій. Вслѣдствіе того, что каждому законопроекту приходилось подвергаться длительнымъ обсужденіямъ въ коллегіальномъ органѣ, — комитетѣ, состоявшемъ изъ представителей промышленниковъ и рабочихъ,—за истекшее время удалось издать только одинъ законъ — о рабочихъ комитетахъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, объ этой основной ячейкѣ рабочаго представительства. Были подготовлены законодательныя предположенія о профессіональныхъ рабочихъ союзахъ, о примирительныхъ камерахъ, о биржахъ труда. Начато было выясненіе труднаго вопроса о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ, для чего отдѣлъ представилъ рядъ матеріаловъ. Законопроектъ, обезпечивающій т. наз. „забастовочное право“, находился въ стадіи обсужденія. Рѣшено было также предпринять посильное статистическое обслѣдованіе рабочаго рынка, и особая комиссія установила принципы первой „трудовой переписи“. Намѣчена была программа первоначальныхъ измѣненій нашихъ страховыхъ законовъ, и часть работы исполнена. Кромѣ того, впредь до учрежденія особой комиссіи по установленію здравыхъ началъ трудоваго договора, въ отдѣлѣ велась энергичная дѣятельность по предварительному пересмотру устава о промышленномъ трудѣ и по вопросу объ учрежденіи особой трудовой инспекціи“.

Въ коаліціонномъ кабинетѣ министерство труда, во главѣ котораго сталъ М. И. Скобелевъ, получило, однако, не одно только это наслѣдство болѣе или менѣе подготовленнаго матеріала. Оно стояло лицомъ къ лицу съ недовольнымъ и волнующимся рабочимъ классомъ, еще болѣе требовательнымъ къ *своему* министру-соціалисту, чѣмъ къ министрамъ „буржуямъ“. . . Не желая ждать плодовъ правительственнаго законодательства, рабочій классъ требовалъ немедленныхъ выгодъ для себя и немедленныхъ же мѣръ воздѣйствія на предпринимателей, получившихъ, по его убѣжденію, „сказочные барыши“ отъ войны. Съ первыхъ же дней революціи „пролетаріатъ“ пошелъ явочнымъ путемъ. Онъ требовалъ немедленнаго введенія 8-ми-часоваго рабочаго дня, немедленнаго же

увеличенія рабочей платы, не признавалъ надъ собой власти представителей заводской администраціи, отрицалъ пользу и значеніе техническаго надзора, смотря на него, какъ на лишнее и несправедливое стѣсненіе, отъ котораго необходимо какъ можно скорѣе избавиться хотя-бы пріемами непосредственнаго насилія. Нужно прибавить, что вся эта требовательность рабочаго класса совпала съ періодомъ крайняго стѣсненія промышленности, все болѣе вынуждавшейся продолжать свое существованіе за счетъ казны и уже стоявшей подъ знакомъ приближавшагося кризиса, вслѣдствіе быстро прогрессировавшаго разстройства транспорта, крайне затруднявшаго доставку фабрикамъ топлива и сырого матеріала. Безконечные споры о томъ, кто виноватъ въ пониженіи производительности фабрикъ, вызвалъ ли его упадокъ производительности труда, при его дорогой оплатѣ, или невозможность работать вслѣдствіе недостатка сырья и топлива, новыя ли претензіи рабочихъ или унаслѣдованная отъ стараго режима хозяйственная разруха, явились типичнымъ выраженіемъ нароставшаго конфликта между трудомъ и капиталомъ.

Въ началѣ представители промышленности пытались наладить соглашеніе съ рабочими, идя при этомъ на самыя широкія уступки, лишь бы сохранить предпріятія на ходу. Вотъ, въ видѣ примѣра, одно изъ такихъ соглашеній, состоявшееся 11-го марта между петроградскимъ совѣтомъ р. и с. д. и петроградскимъ обществомъ фабрикантовъ и заводчиковъ о введеніи 8-ми-ч. рабочаго дня, учрежденіи фабрично-заводскихъ комитетовъ и примирительныхъ камеръ. „1) Впредь до изданія закона о нормировкѣ рабочаго дня вводится на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ восьми-часовой рабочій день (8 часовъ дѣйствительнаго труда) во всѣхъ смѣнахъ, причемъ наканунѣ воскресенья работы производятся 7 часовъ; сокращеніе часовъ работы не измѣняетъ размѣра заработка, и сверхурочныя работы допускаются лишь съ согласія фабрично-заводскихъ комитетовъ. 2) Фабрично-заводскіе комитеты (совѣты старостъ) избираются на основѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права изъ числа рабочихъ даннаго предпріятія и служатъ для сношеній рабочихъ съ правительственными и общественными учрежденіями, для формулировки мнѣній рабочихъ по вопросамъ общественно-экономической жизни, для разрѣшенія внутреннихъ взаимоотношеній между рабочими и для представительства рабочихъ передъ администраціей предпріятій. 3) Для разрѣшенія недоразумѣній между адми-

нистраціей предпріятій и рабочими учреждаются примирительныя камеры изъ равнаго числа представителей обѣихъ сторонъ; въ случаѣ, если соглашеніе не достигнуто, споръ переносится въ центральную камеру, составленную въ равномъ числѣ изъ представителей совѣта р. и с. д. и общества фабрикантовъ и заводчиковъ. Удаленіе мастеровъ или лицъ администраціи, и тѣмъ болѣе насильственный самосудъ, недопустимы безъ разбора дѣла примирительной камерой". Идеаломъ при составленіи такихъ соглашеній являлась формула, принятая всероссійскимъ торгово-промышленнымъ съѣздомъ, 21-го марта: „Великія соціальныя проблемы, стоящія передъ Россіей, въ частности, аграрная и рабочая, должны быть разрѣшаемы путемъ постепеннаго и планомѣрнаго законодательства, основаннаго на согласованіи справедливыхъ интересовъ различныхъ классовъ и подчиненіи этихъ интересовъ государственному и общественному благу".

Дѣйствительность оставила далеко въ сторонѣ и этотъ идеалъ, и эти соглашенія. Уже 22 марта извѣстный экономистъ, соціалъ-демократъ П. П. Масловъ, въ „открытомъ письмѣ совѣтамъ рабочихъ депутатовъ" „хотѣлъ крикнуть на всю Россію", что „отечество въ опасности... не отъ внѣшняго врага,... не отъ реакціонеровъ"... Она „тамъ, гдѣ ее всего менѣе ожидаютъ" и о чемъ „слишкомъ мало думаютъ": она „въ возможности разстройства народнаго хозяйства", какъ результатѣ несогласованности „классовыхъ интересовъ рабочаго класса съ общегосударственными интересами". „Чего стоитъ „завоеванный восьмичасовой день", спрашивалъ Масловъ, если совсѣмъ нѣтъ работы? Чего стоитъ повышеніе заработной платы, если нѣтъ насущнаго хлѣба?... Нужна усиленная добыча каменнаго угля, чтобы не остановить фабрикъ, работающихъ въ промышленныхъ центрахъ. Нужна усиленная добыча рудъ и выработка металла для металлургическихъ заводовъ, нуженъ хлопокъ для текстильныхъ фабрикъ и т. д. И прежде всего нужно усиленіе провозоспособности желѣзныхъ дорогъ для доставки этихъ матеріаловъ, усиленный ремонтъ паровозовъ и вагоновъ. Эту огромную работу не могутъ рѣшить самостоятельно ни Временное Правительство, *изъ кого бы оно ни состояло*, ни промышленники, безъ активнаго участія совѣта рабочихъ депутатовъ".

Этотъ горячій призывъ, какъ и слѣдовало ожидать, остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. 10 мая въ засѣданіе коаліцион-

наго правительства явились представители металлургической и металлообрабатывающей промышленности, во главѣ съ Н. Н. Кутлеромъ, предсѣдателемъ совѣта съѣздовъ торговли и промышленности, и нарисовали яркую картину той хозяйственной разрухи, отъ которой предостерегалъ рабочихъ П. П. Масловъ. При сложившихся условіяхъ, заявляли промышленники, заводы дальше работать не могутъ. Промышленникамъ приходится оплачивать трудъ не за счетъ доходовъ, а за счетъ основныхъ капиталовъ, которые будутъ израсходованы въ короткій срокъ, и тогда предпріятія придется ликвидировать. Такъ напр., въ Донецкомъ районѣ 18 металлургическихъ предпріятій владѣютъ основнымъ капиталомъ въ 195 милліоновъ рублей, имѣютъ валовую прибыль за послѣдній годъ 75 милліоновъ и дивидентъ 18 милліоновъ. А рабочіе требуютъ увеличенія заработной платы на 240 мил. р. въ годъ болѣе существовавшей до сихъ поръ расцѣнки. Промышленники соглашаются увеличить плату на 64 милліона. Но рабочіе не хотятъ и слышать объ этомъ. Они не соглашаются и на предлагаемую владѣльцами уступку всей прибыли. Они говорятъ: пусть предпріятіе перейдетъ къ государству. Но вѣдь и государство не можетъ оплачивать рабочихъ въ ущербъ дальнѣйшему существованію предпріятія. Промышленники заявили коалиціонному правительству, что, сознавая серьезность положенія, они готовы на всякія жертвы. Они готовы на пересмотръ всѣхъ налоговыхъ тяготъ, вопроса о военной прибыли, имущественнаго, наслѣдственнаго и др. налоговъ; они готовы даже на полный отказъ отъ военной прибыли, лишь бы сохранить предпріятія до урегулированія общаго положенія.

Любопытны пренія въ правительствѣ, вызванныя докладомъ Н. Н. Кутлера. Министръ труда М. И. Скобелевъ находилъ, что стремленіе рабочихъ увеличить свой заработокъ — вполнѣ естественно и законно, ибо ихъ заработная плата была до сихъ поръ чрезмѣрно низка, а за годы войны они были свидѣтелями необычайнаго обогащенія предпринимателей, принимавшаго иногда совершенно невѣроятные размѣры. Имущіе классы должны отказаться отъ претензій классоваго эгоизма въ пользу государства; промышленники должны отказаться отъ прибылей и дивидендовъ не только текущаго, но и прошлыхъ годовъ. Къ этому присоединились и развили тѣ же мысли В. М. Черновъ и И. Г. Церетели. Заявленіе Кутлера, что всѣ эти мѣры пріемлемы, но онѣ осуще-

ствимы лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, тогда какъ рѣчь идетъ о немедленномъ крахѣ промышленности, который неизбѣжно поведетъ къ ухудшенію положенія рабочихъ и дастъ имъ „предметный урокъ“, вызвало протесты не только министровъ-соціалистовъ, но и А. И. Коновалова. Сами они противопоставили пессимистическому прогнозу Кутлера, принятому ими за предложеніе произвести надъ рабочими недостойные „эксперименты“, только два предложенія: во-первыхъ, прекратить войну, а для этого побудить промышленниковъ стать на точку зрѣнія „демократическаго мира“, и во-вторыхъ, немедленно ввести органы правительственнаго контроля въ особенно угрожаемыя предпріятія. Кн. Львовъ сдѣлалъ послѣ этого обычное для него оптимистическое резюме о „возможности надѣяться на успѣхъ рѣшительныхъ мѣропріятій“, намѣчаемыхъ правительствомъ въ области обложенія; а для детальной разработки плана мѣропріятій для урегулированія отношеній между трудомъ и капиталомъ рѣшено было устроить совѣщаніе трехъ министровъ: труда, торговли и промышленности и финансовъ. На слѣдующій же день, 11 мая, три министра: Скобелевъ, Коноваловъ и Терещенко собрались и пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ. Во-первыхъ, необходимо, для устраненія подозрѣній „революціонной демократіи“ относительно необычайныхъ прибылей „имущихъ классовъ“, въ ускоренномъ порядкѣ провести новыя нормы для всѣхъ видовъ прямого обложенія: военной прибыли, подоходнаго и поимущественнаго налога. Военную прибыль („сверхъ-прибыль“) рѣшено обложить такъ, чтобы, по возможности, вся она перешла въ казну. Вернуть этимъ путемъ доходы предыдущихъ двухъ лѣтъ войны, уже разошедшіеся по рукамъ акціонеровъ и получившіе то или другое, производительное или непроизводительное, употребленіе, было, очевидно, невозможно. Но, по крайней мѣрѣ, часть ея рѣшено вернуть усиленіемъ ставокъ подоходнаго и поимущественнаго обложенія. По мнѣнію трехъ министровъ, такія рѣшительныя мѣры должны были увеличить авторитетность правительства при его вмѣшательствѣ въ конфликтъ между трудомъ и капиталомъ. Самое это вмѣшательство предположено было министрами въ формѣ посылки особыхъ правительственныхъ комиссаровъ въ административные органы предпріятій, гдѣ возникаютъ недоразумѣнія. Въ основныя отрасли промышленности, какъ горную, металлическую, текстильную и т. д., предположено еще болѣе рѣшительное вмѣша-

тельство государства, а въ остальныхъ случаяхъ даже и „огосударствленіе“ предпріятій. Относительно урегулированія рабочей платы министръ труда высказалъ пожеланіе, чтобы рабочіе обращались со своими требованіями не прямо въ отдѣльнымъ предпринимателямъ, своимъ хозяевамъ, а къ посредничеству государственной власти, которая, соотвѣтственно выработаннымъ нормамъ оплаты труда въ цѣлой данной отрасли его или профессіи, уже опредѣляла бы конкретные размѣры, сообразуясь съ условіями труда въ томъ или другомъ отдѣльномъ предпріятіи. Эта было громоздко и мало опредѣленно, но, все же, было принято. Каждое изъ трехъ министерствъ должно было затѣмъ выработать проекты отдѣльныхъ мѣропріятій, намѣченныхъ въ совѣщачіи 11 мая.

При разработкѣ въ вѣдомствахъ въ ближайшіе дни, намѣченная программа обогатилась новыми чертами, — въ направленіи чего-то средняго между государственнымъ и военнымъ соціализмомъ. Для урегулированія рабочаго вопроса намѣчалось распредѣленіе труда по отдѣльнымъ мѣстностямъ и отдѣльнымъ отраслямъ промышленности; затѣмъ, организація широкой сѣти примирительныхъ камеръ, обращеніе къ которымъ должно было быть обязательно для обѣихъ сторонъ, окончательное же рѣшеніе по вопросамъ о заработной платѣ должно было выполняться особыми органами, учрежденными правительствомъ во всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. Упорядоченіе производства и распредѣлеленія продуктовъ также предполагалось достигнуть мѣрами широкаго правительственнаго вмѣшательства. Для правильнаго распредѣленія угля и нефти проектировалось введеніе товарной монополіи на минеральное топливо. Производство другихъ нужныхъ для народнаго хозяйства и для обороны предметовъ должно было обезпечиваться синдицированіемъ частныхъ предпріятій въ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности подъ контролемъ государства, по примѣру Германіи. Въ качествѣ регулирующихъ органовъ предполагалось созданіе въ центрѣ и на мѣстахъ различныхъ профессіональныхъ комитетовъ, по типу существующихъ (кожевеннаго и др.), подлежащихъ демократическому переустройству. Въ перспективѣ рисовалось учрежденіе центральнаго комитета по урегулированію народнаго хозяйства и введеніе всеобщей трудовой повинности. Намѣченный планъ долженъ былъ быть оффиціально объявленъ правительствомъ въ особой деклараціи, два проекта которой (Скобелева и Степанова) были пред-

ставлены министерствомъ труда и министерствомъ торговли и промышленности. Оба проекта исходили изъ подтвержденія твердой рѣшимости правительства „теперь же властно вмѣшаться въ хозяйственную жизнь страны и подчинить ее государственному контролю и регулированію". Но въ средствахъ достигнуть этой цѣли они существенно расходились.

Раньше, чѣмъ работа по составленію декларацiи была доведена до конца, она послужила поводомъ къ частичному министерскому кризису. Вечеромъ 18 мая А. И. Коноваловъ, одинъ изъ трехъ совѣщавшихся министровъ, отправилъ министру предсѣдателю заявленіе, что „при создавшихся условіяхъ онъ пришелъ къ мысли о полной невозможности лично для себя продолжать руководить министерствомъ торговли". Несмотря на всѣ убѣжденія товарищей, что уходъ его будетъ истолкованъ, „какъ несогласіе либеральной буржуазіи съ взглядами Временнаго Правительства", А. И. Коноваловъ не взялъ назадъ своей отставки. Но, — очевидно, для избѣжанія только что указанной опасности, — онъ изложилъ мотивы своего ухода очень уклончиво. „Принципіально" онъ не расходился съ министромъ труда, хотя „не отрицалъ, что положеніе его, какъ министра торговли, не могло упрочиться послѣ недавнихъ выступленій М. И. Скобелева" (разумѣется, повидимому, заявленіе министра труда передъ совѣтомъ р. и с. д. 13 мая о необходимости „забрать прибыль изъ кассъ предпріятій и банковъ" „безпощаднымъ обложеніемъ (до 100 %) имущаго класса", „заставить акціонеровъ подчиниться государству" въ формѣ „трудовой повинности" и т. д.. М. И. Скобелевъ объявлялъ выдумкой акціонеровъ заявленіе, что „рабочіе предъявляютъ чрезмѣрныя экономическія требованія"). А. И. Коноваловъ „стоялъ всецѣло за повсемѣстныя организаціи примирительныхъ камеръ, за выработку коллективныхъ тарифовъ, за созданіе въ большихъ промышленныхъ центрахъ арбитражныхъ комиссій", но онъ скептически относился къ той формѣ общественнаго контроля и къ тому способу регулированія промышленнаго производства, которое намѣчало въ своей декларацiи правительство". По мнѣнію А. И. Коновалова, „насажденіе демократическихъ органовъ, при нынѣшнихъ условіяхъ русской дѣйствительности, сведется къ тому, что въ большинствѣ промышленныхъ предпріятій окажутся люди экономически неопытные, и вмѣсто улучшенія получится дезорганизація". Эту частную причину, побудившую А. И. Коновалова сложить съ себя отвѣтственность

за катастрофу, которой онъ не могъ предупредить, онъ сводилъ къ болѣе общей причинѣ—той же самой, которая побудила уйти А. И. Гучкова, когда разрушалось военное дѣло, и П. Н. Милюкова, когда разрушалась наша внѣшняя политика. „Надежда на предупрежденіе кризиса", говорилъ А. И. Коноваловъ, „могла бы быть лишь тогда, если бы правительство, наконецъ, проявило дѣйствительную полноту власти; если бы, послѣ трехмѣсячнаго опыта, оно стало на путь нарушенной и попранной дисциплины". Но онъ „не видѣлъ даже и признаковъ проявленія правительствомъ этой полноты власти". Гораздо откровеннѣе высказался А. И. Коноваловъ о связи между предстоящей экономической катастрофой и кризисами въ другихъ областяхъ государственной жизни въ своей рѣчи на съѣздѣ военно-промышленныхъ комитетовъ въ Москвѣ, наканунѣ своей отставки, 17-го мая. „Россію ведетъ къ катастрофѣ антигосударственная тенденція, прикрывающая свою истинную сущность демагогическими лозунгами", говорилъ онъ здѣсь: тенденція къ „безцеремонному попранію правъ однихъ и созданію привилегій для другихъ". Указавъ на катастрофическое положеніе на фронтѣ, на торжество враговъ, на тревогу союзниковъ, А. И. Коноваловъ останавливался затѣмъ подробнѣе на причинахъ „этой катастрофы, которая готова потрясти до основанія и разрушить весь строй нашей экономической жизни". „Бросаемые въ рабочую среду лозунги, возбуждая темные инстинкты толпы, несутъ за собой разрушеніе, анархію и разгромъ общественной и государственной жизни. Подъ вліяніемъ этой агитаціи безотвѣтственныхъ лицъ, рабочая масса выдвигаетъ требованія, осуществленіе которыхъ связано съ полнымъ крушеніемъ предпріятій. Сознательное разжиганіе страстей ведется планомѣрно и настойчиво; одни требованія безпрерывно смѣняются другими. Формы предъявленія этихъ требованій принимаютъ все болѣе нетерпимый и недопустимый характеръ. И, если въ ближайшее время не произойдетъ отрезвленія отуманенныхъ головъ, если люди не поймутъ, что они рубятъ тотъ сукъ, на которомъ сидятъ, если руководящимъ элементамъ совѣта р. и с. д. не удастся овладѣть движеніемъ и направлять его въ русло закономѣрной классовой борьбы, то мы будемъ свидѣтелями пріостановки десятковъ и сотенъ предпріятій. Государство не можетъ взять на себя обязательства предоставить рабочему классу исключительно-привилегированное положеніе за счетъ всего населенія". Вотъ для чего, слѣдовательно, была нужна, по мнѣнію А. И. Ко-

новалова, та полнота правительственной власти, на проявленіе которой онъ не расчитывалъ, и вотъ почему онъ скептически относился къ „насажденію“ односторонняго „демократизма“ въ русской промышленности. Надо думать, что невозможность того и другого, правильнаго правительственнаго метода и правильнаго содержанія правительственной программы, стала ему понятна давно. Но именно его личныя связи съ демократіей и опасеніе перетолкованія его мотивовъ классовыми и „буржуазными“ побужденіями заставили его терпѣть до тѣхъ поръ, пока не наступилъ моментъ дать свою подпись подъ завѣдомо для него неосуществимой и опасной правительственной декларацiей.

Въ самый моментъ отставки А. И. Коновалова, ночью 18-го мая, пріѣхалъ въ Петроградъ великобританскій министръ труда Артуръ Гендерсонъ. Повліять на отставку русскаго министра торговли и промышленности онъ уже не могъ. Но по отношенію къ программѣ новаго курса въ рабочемъ вопросѣ онъ сыгралъ у насъ роль, отчасти напоминающую роль Альбера Тома въ утвержденіи новаго курса нашей внѣшней политики. „Я пріѣхалъ“, заявилъ Гендерсонъ, „чтобы помочь правительству своимъ опытомъ въ разрѣшеніи очередныхъ промышленныхъ и экономическихъ вопросовъ“. И, принимая очередной лозунгъ „государственнаго контроля“ за то, что понималось подъ этимъ лозунгомъ въ Англіи, оно всецѣло положилъ вѣсъ своего мнѣнія на сторону „бросаемыхъ въ рабочую среду лозунговъ, возбуждающихъ темные инстинкты толпы“. Онъ объяснялъ правительству, объяснялъ совѣту р. и с. д., объяснялъ въ Петроградѣ, объяснялъ въ Москвѣ всѣ огромныя преимущества „вмѣшательства государства въ дѣло регулированія промышленности, во взаимоотношенія труда и капитала“. „Вы должны знать“, говорилъ Гендерсонъ московскому биржевому комитету (14-го іюня) „что вся промышленность, вся работа по снабженію арміи взята англійскимъ правительствомъ подъ строгій контроль. И у насъ въ Англіи, при контролѣ надъ промышленниками, нѣтъ почти конфликтовъ съ рабочими. Всѣ требованія рабочихъ у насъ разсматриваются государствомъ, и оно, если находитъ возможнымъ удовлетворить ихъ, — удовлетворяетъ. . . Когда началась война, мы предложили рабочимъ временно отказаться отъ борьбы за свои права, и они во имя интересовъ государства отказались. Было время, когда рабочіе работали семь дней въ недѣлю, не зная ни праздниковъ, ни отдыха. . . Интересы государства должны быть на

первомъ мѣстѣ. Не думайте, что это — соціализмъ. Я понимаю соціализмъ, какъ альтруистическое примѣненіе коллективнаго труда въ жизни государства. Это есть временная необходимость, ибо государство ведетъ сейчасъ войну за собственную цѣлость". И русскій министръ труда, уже опираясь на англійскаго, говорилъ московскимъ журналистамъ (16-го іюня): „Когда мы говоримъ о рѣшительномъ вмѣшательствѣ государства въ промышленность, въ цѣляхъ урегулированія ея и введенія контроля, то рѣчь идетъ здѣсь, конечно, не о соціалистическомъ производствѣ и не о государственномъ соціализмѣ, а о томъ минимумѣ предпріятій, въ которомъ нуждается народно-хозяйственная жизнь страны и которыя проведены уже въ Англіи". Онъ прибавлялъ къ этому: „французскій, бельгійскій и англійскій капиталъ, занятый въ русскихъ предпріятіяхъ, уже учелъ неизбѣжность подчиненія себя контролю, и оффиціальные представители этого союзнаго капитала заявляли Временному Правительству, что они идутъ навстрѣчу желаніямъ правительства ввести регулированіе и контроль въ ихъ предпріятіяхъ и установить минимумъ доходности".

Увы, въ этихъ шагахъ союзнаго капитала — „навстрѣчу желаніямъ правительства" — была такая же двусмысленность, какъ и въ готовности Альбера Тома признать лозунгъ „безъ аннексій и контрибуцій." Дѣйствительно, опасаясь за окончательное разрушеніе своихъ предпріятій при сложившейся въ Россіи обстановкѣ промышленнаго производства, иностранцы весьма охотно прибѣгали къ правительственному „контролю," видя въ немъ гарантію противъ чрезмѣрныхъ требованій рабочихъ. Заявленіе объ этомъ было оффиціально передано черезъ Гендерсона русскому правительству, въ поученіе русскимъ промышленникамъ*).

*) Директоръ общества франко-русскаго завода въ началѣ іюня просилъ правительство не позже 15-го іюня принять весь заводъ въ свое распоряженіе, слагая съ себя всякую отвѣтственность за дальнѣйшую оплату труда, въ виду экономическихъ требованій рабочихъ, превышающихъ доходность предпріятія, производительность котораго, къ тому же, упала на 50%. Онъ сообщилъ объ этомъ французскому послу и совѣту р. и с. д. 12-го іюня Гендерсонъ получилъ и передалъ Терещенко обращеніе фирмъ съ „преобладающомъ англійскимъ капиталомъ" (Невская прядильная мануфактура, Невская стеариновая, Невская хлопчатобумажная, фабрики Воронина, Лютшъ и Чешеръ, Спасская хлопчатобумажная, Калинкинскій пивоваренный заводъ, русская нефтяная фабрика, акц. о-во Уильямъ Хартлей) о „принятіи контроля надъ предпріятіями, *на основаніи существующаго въ Англіи* правительственнаго контроля", русскимъ правительствомъ, съ тѣмъ, чтобы послѣднее приняло на себя отвѣтственность за опредѣленіе правъ рабочихъ, „разрѣшеніе вопроса о заработной платѣ", „обезпечило защиту отъ насилія надъ личностью и имуществомъ". Мотивы просьбы: „серьезное положеніе промышленности", „возможность,

Но русскіе рабочіе и ихъ руководители хотѣли совсѣмъ другого. Подъ „контролемъ“ они понимали, дѣйствительно, переходъ къ „соціализаціи“ фабрики, а потому вовсе не удовлетворились тѣмъ „минимумомъ“, о которомъ говорилъ Скобелевъ, и не думали о тѣхъ жертвахъ, о которыхъ упоминалъ Гендерсонъ. По ихъ мнѣнію, контроль долженъ былъ быть не „государственнымъ“, а „общественнымъ“, подъ чѣмъ они подразумѣвали контроль рабочій. Эта позиція всего ярче обрисована на конференціи фабрично-заводскихъ комитетовъ и совѣтовъ старостъ Петрограда, открывшейся 30 мая. Въ отвѣтъ на убѣжденія М. И. Скобелева, что „мы находимся въ буржуазной стадіи революціи“, что „самое безпощадное обложеніе не можетъ разрѣшить финансовой проблемы“, что „русскій капитализмъ слишкомъ молодъ“ для того, чтобы даже конфискація всѣхъ капиталовъ устранила финансовую разруху, что „захватъ фабрикъ и заводовъ не измѣнитъ условій труда рабочаго класса“ и не подвинетъ впередъ революцію, — въ отвѣтъ на все это организаціонный комитетъ конференціи (въ которой преобладали большевики) предложилъ такую резолюцію. „Путь къ спасенію отъ катастрофы всей хозяйственной жизни лежитъ только въ установленіи дѣйствительнаго рабочаго контроля за производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ. Для такого контроля необходимо, чтобы во всѣхъ рѣшающихъ учрежденіяхъ было обезпечено за рабочими большинство (не менѣе двухъ третей голосовъ) и чтобы фабрично-заводскіе комитеты, а равно профессіональные союзы получили право участвовать въ контролѣ, съ открытіемъ для нихъ всѣхъ торговыхъ и банковыхъ книгъ и съ обязательствомъ сообщать имъ всѣ данныя. *Рабочій контроль долженъ быть немедленно развитъ въ полное урегулированіе производства и распредѣленія продуктовъ рабочими.* Рабочій контроль долженъ быть про-

---

что много предпріятій закроется“, „остановка угрожающаго разоренія,“ „обезопасеніе личности и имущества“. Срокъ контроля: „пока не наладится общее положеніе и, во всякомъ случаѣ, до окончанія войны“. Вотъ тотъ документъ, который въ соціалистической печати („Дѣло Народа“) былъ объявленъ урокомъ отечественнымъ промышленникамъ. Впрочемъ, „Дѣло Народа“ тутъ же дало урокъ и англійскимъ предпринимателямъ. „Если они думаютъ“, заявила газета, „что правительственный контроль въ революціонной Россіи означаетъ то же самое, что . . . въ Англіи, то они жестоко ошибаются. Государственный контроль за британскими фабриками и заводами, ограничивъ прибыли и хозяйскія права капиталистовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ крайне сильно урѣзалъ права рабочихъ, запретивъ имъ стачки, подвергая ихъ перспективѣ административной ссылки за агитацію, сведя на нѣтъ дѣйствія фабричнаго законодательства . . . Этого Врем. Правительство, считающееся съ нашей трудовой демократіей, допустить не можетъ“. А въ „этомъ“ и была вся сущность англійской регламентаціи производительности фабрикъ, работающихъ на оборону.

долженъ (распространенъ) на всѣ финансовыя и банковыя предпріятія. Спасеніе страны отъ катастрофы требуетъ, чтобы рабочему и крестьянскому населенію было внушено самое полное и безусловное довѣріе (увѣренность), что руководящія и полновластныя учрежденія какъ на мѣстахъ, такъ и въ центрѣ государства, не останавливаются передъ *переходомъ въ руки народа большей части прибыли, доходовъ и имуществъ крупнѣйшихъ банковыхъ, финансовыхъ, торговыхъ и промышленныхъ магнатовъ капиталистическаго хозяйства*". Далѣе развертывался планъ, — „пока длится война", — введенія „въ общемъ государственномъ масштабѣ обмѣна сельско-хозяйственныхъ орудій, одежды и обуви на хлѣбъ и другіе сельско-хозяйственные продукты", а, „послѣ осуществленія указанныхъ мѣръ", — „осуществленіе всеобщей трудовой повинности", для чего необходимо „введеніе рабочей милиціи (красной гвардіи), съ постепеннымъ переходомъ къ обще-народной поголовной милиціи, *съ оплатой труда рабочихъ и служащихъ капиталистами*" и, наконецъ, — не послѣ всего, а прежде всего, какъ основное условіе „успѣшнаго проведенія. . . перевода рабочихъ силъ на производство угля, сырья и транспорта, а также перевода рабочихъ изъ производства военныхъ снарядовъ на производство необходимыхъ продуктовъ" — „переходъ всей государственной власти въ руки совѣтовъ р. и с. д.." Конечно, здѣсь видна рука Ленина, который, вмѣстѣ съ Зиновьевымъ, защищалъ приведенную резолюцію не только противъ меньшевика Далина, но даже и противъ большевика Авилова. Однако, если не весь Ленинскій планъ перехода къ полусоціализму, то требованія резолюціи объ установленіи рабочаго контроля надъ предпріятіями были распространены широко за предѣлы чистаго большевизма. Объ этомъ свидѣтельствуетъ лучше всего изданный въ тѣ же дни министромъ путей сообщенія Н. В. Некрасовымъ знаменитый циркуляръ 27 мая, прозванный „приказомъ № 1" путейскаго вѣдомства. Желѣзнодорожные рабочіе петроградскаго узла, недовольные прибавками „комиссіи Плеханова", предъявили требованія, за неисполненіе которыхъ грозили общей желѣзнодорожной забастовкой. Правительство, въ согласіи съ исп. комитетомъ совѣта р. и с. д., рѣшило „самыми рѣшительными мѣрами противодѣйствовать надвигающейся разрухѣ"; но подъ „самыми рѣшительными мѣрами", кромѣ противодѣйствія „отдѣльнымъ выступленіямъ", Н. В. Некрасовъ разумѣлъ . . полную передачу контроля и наблюденія за всѣми отраслями желѣзнодорожнаго хо-

зяйства, съ правомъ отвода въ двухмѣсячный срокъ любого начальствующаго лица, желѣзнодорожному союзу служащихъ. Въ совѣщанiи по перевозкамъ министру сказали, что въ лучшемъ случаѣ только недоразумѣнiемъ можно объяснить пониманiе подобной мѣры, какъ мѣры „твердой власти", и что иного названiя, какъ „демагогической", она не заслуживаетъ. Трудно было повѣрить, дѣйствительно, въ серьезность эвфемистическихъ объясненiй министра, что „привлеченiе организацiй къ общегосударственной работѣ... заставитъ ихъ отрѣшиться отъ узко-профессiональныхъ рѣшенiй и сдѣлаетъ ихъ органами государственности". Всякiй понималъ, что насаждаемое такимъ образомъ начало ничего общаго не имѣетъ съ военнымъ соцiализмомъ Гендерсона. Министерство просто плыло по теченiю, а теченiе вело въ большевистское русло. Циркуляръ 27 мая дезорганизовалъ желѣзнодорожное хозяйство; а въ то же время министерство торговли изъ всѣхъ городовъ Россiи получало извѣстiя, что исполнительные комитеты мѣстныхъ революцiонныхъ организацiй налагаютъ таксы на товары, запрещаютъ вывозъ и производство издѣлiй, закрываютъ торговыя предпрiятiя, опечатываютъ товары, устраняютъ законныхъ владѣльцевъ отъ распоряженiя предпрiятiями и т. д.... Вотъ чего боялся и не могъ остановить А. И. Коноваловъ, вотъ чего не понималъ Гендерсонъ, вотъ что. . . прекрасно понималъ и чему отнюдь не по „государственнымъ" соображенiямъ подчинялся Некрасовъ. Этимъ дѣйствительнымъ положенiемъ дѣла объясняется и то, почему никто изъ сколько-нибудь компетентныхъ знатоковъ промышленности не согласился занять мѣсто А. И. Коновалова и почему та декларацiя, которая его испугала, совсѣмъ не была опубликована правительствомъ. Вмѣсто нея, 28-го iюня появилось „обращенiе министра труда ко всѣмъ рабочимъ Россiи". М. И. Скобелевъ былъ вынужденъ, наконецъ, сказать „товарищамъ рабочимъ", чтобы они „помнили не только о своихъ правахъ, но и о своихъ обязанностяхъ, не только о своихъ желанiяхъ, но и о возможности ихъ удовлетворенiя, не только о своемъ благѣ, но и о жертвахъ, необходимыхъ во имя закрѣпленiя революцiи и торжества нашихъ конечныхъ идеаловъ". Картина злоупотребленiй, нарисованная воззванiемъ, совершенно подтвердила тотъ докладъ Н. Н. Кутлера правительству полтора мѣсяца тому назадъ, противъ котораго тогда спорили министры-соцiалисты. „Въ настоящее время", говорило воззванiе, „часто стихiйныя выступленiя берутъ верхъ надъ организованностью, и вопреки всѣмъ го-

сударственнымъ возможностямъ, не считаясь съ состоянiемъ предпрiятiя, въ которомъ вы работаете, и во вредъ классовому движенiю пролетарiата, вы иногда добиваетесь такого увеличенiя заработной платы, которое дезорганизуетъ промышленность и истощаетъ казну, ибо изъ казенныхъ средствъ сейчасъ оплачивается большая часть производимыхъ предметовъ. Нерѣдко рабочiе, вопреки указанiямъ профессiональныхъ союзовъ, отказываются отъ всякихъ переговоровъ съ владѣльцами предпрiятiй и настаиваютъ, подъ угрозой насилiй, на удовлетворенiи выставленныхъ требованiй. При полной свободѣ организацiй, такой прiемъ отстаиванiя своихъ интересовъ является недопустимымъ для сознательныхъ рабочихъ. Когда же онъ примѣняется въ предпрiятiяхъ, изготовляющихъ предметы первѣйшей государственной необходимости, — и въ особенности на желѣзныхъ дорогахъ, — онъ превращается въ прямую угрозу завоеванiямъ революцiи. . . Но еще болѣе недостойными революцiонной демократiи являются поступки тѣхъ рабочихъ, которые, не сознавая всей сложности и отвѣтственности техническаго и хозяйственнаго управленiя предпрiятiями и бѣдности Россiи опытнымъ техническимъ и административнымъ персоналомъ, чинятъ насилiя надъ служащими и директорами, удаляютъ ихъ по своему усмотрѣнiю, вмѣшиваются самочинно въ техническое управленiе предпрiятiями и даже пытаются захватить всецѣло въ свои руки промышленныя заведенiя. . . Враги революцiи втихомолку злорадствуютъ, видя, какъ, вслѣдствiе изгнанiя вами техническаго персонала, разрушается вашимъ трудомъ налаженное производство и какъ затрудняется сношенiе съ другими странами, когда рабочими преслѣдуются служащiе на нашихъ заводахъ иностранные граждане. . . Захватъ же фабрикъ и заводовъ дѣлаетъ рабочихъ, не имѣющихъ ни опыта управленiя, ни необходимыхъ оборотныхъ средствъ, на короткiй срокъ хозяевами, но вскорѣ приводитъ ихъ къ закрытiю захваченнаго предпрiятiя или къ подчиненiю рабочихъ еще худшему предпринимательскому произволу". Далѣе, министръ труда обѣщалъ рабочимъ, что министерство приметъ мѣры противъ безработицы, неразрывно связанной съ возвращенiемъ предпрiятiй, оборудованныхъ для военнаго производства, къ производству мирнаго времени. Министерство обѣщало не примѣнять труда военноплѣнныхъ и солдатъ, дѣтскаго труда, соглашалось облегчить переѣздъ изъ одной мѣстности въ другую. Но, все же, министръ труда считалъ долгомъ напомнить, что „эко-

номическія потрясенія, связанныя съ переходомъ отъ военнаго времени къ условіямъ мирнаго развитія, не могутъ пройти безболѣзненно“ и что „необходимы жертвы во имя закрѣпленія революціи“.

Мы скоро увидимъ, что эти призывы уже запоздали. Въ устахъ министра, который началъ съ той же демагогіи, которую теперь рѣзко осуждалъ, они были особенно неубѣдительны. Перемѣна взглядовъ была на-лицо, и этой перемѣной воспользовались тѣ же демагоги слѣва. Было такъ легко объяснить этотъ переходъ отъ зажигательныхъ призывовъ къ совѣтамъ благоразумія просто тѣмъ, что соціалисты, ставшіе министрами, „продались буржуазіи“. На этомъ понятномъ мотивѣ и сыграли лѣвые противники умѣреннаго соціализма.

VI. Умѣренный соціализмъ подъ ударами слѣва.

„Пріятіе“ войны и власти. — Выступленія министровъ — соціалистовъ на съѣздѣ Совѣтовъ. — Двойственныя рѣшенія съѣзда. — Уличныя выступленія противъ совѣта. — Съѣздъ идетъ на уступки. — Національные вопросы и кризисъ министерства. — Іюльское возстаніе.

Г. Станкевичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ характеризуетъ періодъ, прошедшій послѣ событій 20 — 21 апрѣля, какъ періодъ „пріятія войны“ и „пріятія власти“. Несомнѣнно, эти событія произвели на добросовѣстную и искреннюю часть соціалистовъ отрезвляющее впечатлѣніе. Юные энтузіасты, къ которымъ принадлежало большинство дѣятелей „Комитета“, зачастую тутъ впервые поняли, что дѣйствительность не подается передъ ихъ волевыми усиліями, что препятствія для осуществленія ихъ безплотныхъ идеаловъ вовсе не проистекаютъ изъ недобросовѣстности и изъ злой воли „буржуазной“ власти, а изъ реальныхъ условій этой самой дѣйствительности; что ни война не будетъ окончена „къ сентябрю“, ни европейскій соціализмъ не проникнется сразу циммервальдскими идеалами, ни завоеванія революціи вообще не смогутъ быть сохранены, если будетъ сдѣлана попытка насиліемъ превратить „буржуазную революцію“ въ соціалистическою. Первый урокъ, данный европейскимъ соціализмомъ русской революціи, въ лицѣ пріѣзжихъ делегацій, заключался въ томъ, что самое значеніе русской революціи и ея идей поднимается и падаетъ вмѣстѣ съ военными успѣхами или военными неудачами (см. подробнѣе въ главѣ о „мирѣ“). Болѣе зрѣлая часть соціалистовъ вдругъ почувствовала себя отвѣтственной за русскую революцію, за ея исходъ и успѣхъ. Они, дѣйствительно, „пріяли“ власть и „пріяли“ войну.

Но тутъ и началась трагедія умѣренныхъ теченій русскаго соціализма. Ставъ на мѣсто свергнутаго ими „буржуазнаго“ правительства, они очутились въ необходимости сами защищать буржуазный характеръ русской революціи. Положеніе, какъ и пред-

видѣлъ Церетели, оказалось чрезвычайно двусмысленнымъ и труднымъ. Привыкшіе относиться критически ко *всякой* власти, безотвѣтственные элементы интеллигенціи обратили теперь свои удары на коалиціонную власть, и толпа, послѣ недолгихъ колебаній, пошла за ними. На первыхъ же порахъ, вмѣсто объединеннаго соціалистическаго фронта, обращеннаго противъ правительства, началась внутренняя борьба крайнихъ теченій соціализма противъ умѣренныхъ. Умѣренное теченіе, вначалѣ господствующее, постепенно изолируется отъ массъ — прежде всего, столичнаго населенія Столичные соціалистическіе органы, — какъ Петроградскій Совѣтъ депутатовъ, — попадаютъ подъ растущее вліяніе большевиковъ, и рабочіе кварталы Петрограда начинаютъ играть роль Сентъ-Антуанскаго предмѣстія. Одна за другой поднимается народная волна изъ этихъ кварталовъ и идетъ на буржуазный центръ столицы: сегодня разбитая и отброшенная, она завтра поднимается опять, — обыкновенно съ новыми, усиленными шансами на побѣду.

Надо при этомъ помнить, что умѣренный соціализмъ, хотя и отрезвленный, далеко не увѣренно стоитъ на своихъ новыхъ позиціяхъ. Чувствуя, что чѣмъ болѣе онъ на нихъ укрѣпляется, тѣмъ больше теряетъ массы, онъ послѣ каждой народно-большевистской демонстраціи спѣшитъ идти на уступки, полуискреннія, полутактическія. Какъ мы уже замѣтили, онъ при этомъ безнадежно теряетъ собственную линію поведенія и становится непонятенъ для массъ.

Картину этого распада, внутренней борьбы и вызванныхъ ею зигзаговъ тактики господствующей группы, мы теперь должны будемъ прослѣдить въ событіяхъ іюня и начала іюля 1917 г. Центръ тяжести въ борьбѣ, которая при первомъ правительствѣ велась между правительствомъ и Совѣтомъ, теперь переходитъ къ борьбѣ между Совѣтомъ и петроградскими рабочими организаціями. Временное Правительство въ этой борьбѣ постепенно оттѣсняется на второй планъ. Подъ давленіемъ слѣва, вожди Совѣта совершенно перестаютъ считаться съ нимъ. Постановленія Съѣзда Совѣтовъ становятся равносильными или, лучше сказать, становятся выше не только административныхъ органовъ, но даже и судебной власти. Въ борьбѣ съ самочинными вооруженными выступленіями исполнительный комитетъ Совѣта закрѣпляетъ за собой право, заявленное въ дни волненій 20 — 21 апрѣля: распоряжаться по своему усмотрѣнію вооруженными силами петроградскаго гарнизона. Въ рѣшительныя

минуты борьбы Временное Правительство ставится передъ ультимативными требованіями совѣтскаго съѣзда и начинаетъ просто контрассигнировать намѣченныя имъ мѣры. При этомъ грань между министрами—соціалистами и министрами не-соціалистами, теоретически продолжающая существовать, на практикѣ начинаетъ все болѣе затушевываться. Это побуждаетъ министровъ партіи народной свободы, вступившихъ въ министерство на опредѣленныхъ условіяхъ (см. стр. 113—115), возражать все съ большей рѣшительностью противъ нарушенія основного правила коалиціи. Когда, наконецъ, осуществляются въ полной мѣрѣ предсказанія Чернова и Раковскаго, что и министры будутъ только „исполнять“ рѣшенія совѣта и превратятся въ „хвостъ революціи“, то создается почва для новаго министерскаго кризиса. Поводъ, по которому этотъ кризисъ наконецъ разрѣшается въ началѣ іюля, является уже въ сущности второстепеннымъ обстоятельствомъ, сравнительно съ основной причиной: фактическимъ переходомъ власти отъ министерства къ Совѣту, причемъ въ тоже время Совѣтъ оказывается безсильнымъ примѣнить свою власть къ единственной грозящей ему серьезной опасности слѣва.

Всероссійскій съѣздъ совѣтовъ раб. и солд. депутатовъ открылъ свои засѣданія 3 іюня. По составу своему и по общему настроенію съѣздъ соотвѣтствовалъ составу и настроеніе соціалистической части коалиціоннаго министерства. На 1090 собравшихся депутатовъ, которые представляли 305 Совѣтовъ р. и с. д., 53 районные и областные совѣта, армію, фронтъ и тыловыя учрежденія (34 делегата), нѣкоторыя крестьянскія организаціи и т. д., имѣлось только 105 большевиковъ и 32 интернаціоналиста. Большинство довольно равномѣрно распредѣлялось между соціалистами-революціонерами (285) и с. д. меньшевиками (248). Внѣ ихъ стояли „внѣфракціонные“ соціалисты (73), „объединенные“ соціалъ-демократы (10) и бундовцы (10). Плехановская группа „Единство“ имѣла только 3-хъ представителей, народные соціалисты тоже только 3, трудовики 5 и анархисты-коммунисты—одного. Этотъ составъ обезпечивалъ министрамъ-соціалистамъ большинство, но онъ же вызвалъ со стороны большевиковъ съ самаго начала рѣзкую оппозицію съѣзду, которая, помимо рѣчей въ засѣданіяхъ, выразилась въ тайной подготовкѣ, съ самаго начала засѣданій съѣзда, уличныхъ выступленій изъ рабочихъ кварталовъ.

Съѣздъ совѣтовъ засѣдалъ втеченіе всего іюня и его засѣданія отразили очень живо и полно борьбу между умѣреннымъ и крайнимъ теченіемъ русскаго соціализма. Къ большой досадѣ съѣхавшихся изъ провинціи депутатовъ, которые желали „дѣлать дѣло", съ улицы постоянно врывались струи раскаленной стихіи, и съѣздъ принужденъ былъ разбираться въ томъ, что нѣкоторые депутаты называли „домашними спорами меньшевиковъ съ большевиками". На болѣе внимательный взглядъ, тутъ происходилъ отливъ сочувствія столичныхъ рабочихъ и солдатскихъ массъ отъ теченій, готовыхъ поддержать коалиціонное правительство, къ теченіямъ, стремившимся „углубить" національную революцію и превратить ее въ соціалистическую.

Первая недѣля съѣзда, впрочемъ, прошла сравнительно спокойно. Она была посвящена выступленіямъ министровъ-соціалистовъ съ отчетами передъ „революціонной демократіей". Временами раздавались одиночныя требованія, чтобы *всѣ* министры признали себя отвѣтственными передъ съѣздомъ. Но принципъ коалиціи, на которомъ было основано министерство, еще помнился очень отчетливо, и какъ министры, такъ и поддерживавшее ихъ большинство выдерживало линію, разграничивавшую отвѣтственность министровъ-соціалистовъ отъ отвѣтственности министровъ-не-соціалистовъ. Церетели въ началѣ засѣданій (4 іюня) обращался къ съѣзду, какъ къ „полномочному парламенту революціонной демократіи", которому должно подчиняться Временное Правительство. . . Но, видимо, на эту фразеологію господствующее теченіе не смотрѣло серьезно, и принятая 8 Іюня резолюція рѣшительно признала отвѣтственными передъ представительнымъ органомъ „революціонной демократіи" однихъ только „министровъ-соціалистовъ", отвергнувъ поправку с.-р.-интернаціоналиста Мазурина — распространить эту отвѣтственность на все коалиціонное министерство. Резолюція признавала, что „переходъ *всей* власти къ совѣтамъ въ переживаемый періодъ русской революціи значительно ослабилъ бы ея силу, преждевременно оттолкнувъ отъ нея элементы, способные еще ей служить".

Въ этой формулѣ сказалась основная мысль Церетели, которую онъ развивалъ на юбилейномъ засѣданіи четырехъ Думъ 27 апрѣля и повторилъ въ своей рѣчи передъ съѣздомъ совѣтовъ 8 іюня. Это была — своеобразная теорія постепеннаго „откола" или „отхода" буржуазныхъ элементовъ по мѣрѣ „поступательнаго

хода“ революціи. Эта теорія, согласная съ самымъ строгимъ марксизмомъ, въ то же время давала Церетели возможность лавировать между крайностями и мирить признаніе революціонной роли Г. Думы и защиту коалиціи соціалистовъ съ буржуазіей — съ самыми радикальными, хотя и туманными перспективами, когда, послѣ ряда „отколовъ“, на лицо останется одинъ рабочій классъ съ своими классовыми задачами. Можно было представить эту точку зрѣнія такъ, что между Церетели и Ленинымъ споръ оставался только о *темпѣ* движенія. Можно было развивать ее и такъ, что „буржуазный фазисъ“ революціи оказывался настолько длительнымъ, что давалъ полную возможность самаго полнаго и продолжительнаго сотрудничества съ „буржуазіей“.

Выводъ, который былъ практически сдѣланъ изъ сложившагося положенія, былъ гораздо ближе ко второй возможности, чѣмъ къ первой. Мѣсяцъ участія въ власти и близкаго знакомства съ ходомъ государственныхъ дѣлъ прошелъ для министровъ-соціалистовъ не даромъ. Одинъ за другимъ выступали передъ тысячной толпой делегатовъ Церетели, Скобелевъ, Керенскій, Черновъ, Пѣшехоновъ. Вмѣсто демагогическихъ призывовъ, къ которымъ массы привыкли, министры старались цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ охладить пылъ неосвѣдомленной „революціонной демократіи“ и свести ее съ заоблачныхъ высотъ соціалистической теоріи въ міръ трезвой дѣйствительности. Идя этимъ путемъ, министры повторили все то, что они оспаривали, когда это утверждали ихъ политическіе противники. Но рядомъ съ этимъ, они не рѣшились открыто отказаться и отъ прежнихъ заблужденій. Въ результатѣ, у массъ получилось впечатлѣніе „кадетствующаго“ съѣзда и испорченныхъ близостью къ буржуазіи соціалистическихъ министровъ, а на дѣйствительный ходъ революціи ихъ политическое прозрѣніе не оказало никакого практическаго вліянія. Они узнали правду, не боялись сказать о ней; но встрѣтивъ непониманіе и недовѣріе, они продолжали дѣйствовать такъ, какъ угодно было массѣ. Отставъ отъ одного берега, они не пристали къ другому, и, въ результатѣ, очутились въ пустомъ пространствѣ.

Это особенно сказалось на основномъ и наиболѣе спорномъ вопросѣ момента: вопросѣ о войнѣ и мирѣ. Станкевичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ разсказываетъ, какъ при Альберѣ Тома и другихъ иностранныхъ соціалистахъ Церетели „какъ то разъ упомянулъ, что русская интеллигенція настроена циммервальдистски; но

встрѣтилъ такіе удивленные взгляды со стороны собесѣдниковъ — иностранцевъ, что слова завязли на устахъ". Это—довольно точное изображеніе того положенія, въ которомъ очутились, неожиданно для самихъ себя, умѣренные соціалисты, занявшіе, по незнакомству съ теченіями западнаго соціализма, крайнюю позицію. Церетели — и въ особенности Черновъ — настойчиво повторяли теперь сами то, въ чемъ тщетно убѣждалъ ихъ раньше П. Н. Милюковъ: а именно, что нельзя „ультиматумами" заставить союзныя правительства принять тезисы Циммервальда и Кинталя. Чернову пришлось даже защищать отсрочку созыва международной конференціи для пересмотра цѣлей войны и сослаться на неподготовленность западной демократіи. Точно также и въ вопросѣ о войнѣ Церетели долженъ былъ заговорить о необходимости имѣть боеспособную армію и о томъ, что, по военнымъ соображеніямъ, этой арміи, быть можетъ, придется въ моментъ, ему неизвѣстный и составляющій военную тайну, перейти въ наступленіе. Керенскій выступилъ съ обличеніями противъ братанія на фронтѣ и указалъ на связь этого явленія съ германскими вліяніями. Связь между успѣхомъ военнымъ и успѣхомъ дипломатическимъ, даже съ точки зрѣнія идеаловъ „революціонной демократіи", была неоднократно подчеркнута на съѣздѣ. Скобелевъ и Черновъ указывали на невозможность для государства взять на свои плечи организацію производства. Онъ доказывалъ также нелѣпость большевистскаго пріема рѣшенія національныхъ вопросовъ путемъ возбужденія сепаратизмовъ. И даже — онъ признавалъ невозможнымъ рѣшить аграрный вопросъ путемъ организованнаго захвата земель. Онъ рѣшительно отказывался стать на путь созданія классовой власти — „путь постепеннаго съуживанія того базиса, на которомъ зиждутся революціонныя силы." Въ сущности, это и былъ путь постепеннаго „откалыванія" отъ революціи непролетарскихъ слоевъ. Черновъ находилъ, что это — „путь дробленія силъ, путь преступный, такъ какъ идти по нему — значитъ расчистить дорогу генералу на бѣлой лошади." Еще болѣе рѣшительнымъ тономъ говорили министры труда и продовольствія. М. И. Скобелевъ призналъ, что единственный способъ нѣсколько наладить финансы есть экономія и призналъ, что „революціонный" способъ принудительнаго займа — практически неосуществимъ. Онъ подчеркнулъ также, что „чистый, безупречный источникъ" государственнаго дохода, заемъ свободы „пополняется преимущественно изъ

избытковъ имущихъ классовъ", тогда какъ „демократическіе классы" въ немъ не участвуютъ. А. В. Пѣшехоновъ въ строго-дѣловой рѣчи показалъ, что увеличеніе заработной платы не достигаетъ цѣли, ибо вмѣстѣ съ нимъ увеличиваются и цѣны продуктовъ. Отобраніе доходовъ капиталистовъ имѣетъ предѣлы, за которыми начинается разрушеніе самого капитала, что равносильно разрушенію производства. Массы не понимаютъ, что защита юной свободы „сопряжена съ лишеніями" и что добиваться въ первую очередь улучшенія собственнаго положенія — значитъ подкапывать основы этой свободы. „У насъ нѣтъ рѣшимости призвать народъ къ жертвамъ. Необходимо призвать массу къ усиленному напряженному труду, чтобы поднять производительность. Эта задача—нелегкая, но она стоитъ передъ нами. Преодолѣть самихъ себя — это главная наша трудность."

Такія рѣчи имѣли на съѣздѣ succès d'estime, но значительная часть слушателей уходила отъ нихъ въ кулуары, гдѣ велись ожесточенные споры объ очередной злобѣ дня: объ отношеніи съѣзда, гдѣ преобладали люди, „пріявшіе войну и власть", къ такимъ органамъ, какъ петроградскій совѣтъ, гдѣ это пріятіе рѣзко отрицалось и гдѣ звали къ дальнѣйшей борьбѣ. „Главная трудность заключалась въ томъ, что не только „массы", но и самъ съѣздъ совѣтовъ не могъ „преодолѣть самъ себя". Ясной и твердой позиціи крайнихъ онъ противопоставлялъ только слабые компромиссы и безсильныя колебанія. Это очень ярко сказалось на основныхъ резолюціяхъ съѣзда, принятыхъ въ эту же первую недѣлю его засѣданій. Министры говорили одно, съѣздъ рѣшалъ другое.

„Пріемля власть" коалиціоннаго правительства, съѣздъ отвергъ проекты резолюцій, предложенные большевиками и меньшевиками-интернаціоналистами. Первый проектъ исходилъ изъ мысли, что „соціалистическіе министры прикрываютъ, посредствомъ ни къ чему не обязывающихъ обѣщаній, ту же самую имперіалистическую и буржуазную политику" и тормозятъ развертываніе революціонныхъ конфликтовъ. Большевики „констатировали полный крахъ политики соглашенія съ капиталистами" и требовали перехода всей государственной власти въ руки всероссійскаго совѣта р. с. и кр. депутатовъ". Резолюція меньшевиковъ-интернаціоналистовъ заявляла, что новый составъ Временнаго Правительства не является „дѣйствительнымъ органомъ революціи", „скло-

няетъ передъ имперіалистскими правительствами союзниковъ ея знамя", укрѣпляя этимъ „во всѣхъ воюющихъ странахъ позицію" соціалъ-патріотовъ и ослабляя позицію „интернаціоналистскаго авангарда демократіи" въ борьбѣ за миръ; во внутренней политикѣ оставляетъ власть за „ненадежными элементами" въ провинціи и „проявляетъ склонность вступить на путь полицейскихъ репрессій". Резолюція затѣмъ выставляла цѣлый рядъ требованій отъ коалиціоннаго правительства: созвать Учредительное Собраніе не позже 1 сентября и немедленно упразднить Г. Думу и Совѣтъ, „предложить союзникамъ незамедлительный созывъ въ Петроградѣ конференціи для пересмотра цѣлей войны и для соглашенія о заключеніи общаго перемирія на всѣхъ фронтахъ, произвести радикальную чистку „контръ-революціонныхъ элементовъ" въ странѣ, наконецъ, „добиться отъ союзныхъ правительствъ безпрепятственнаго пропуска" заграничныхъ соціалистовъ-циммервальдцевъ. Эти предложенія были отвергнуты. Большинствомъ 543 противъ 126, при 52 воздержавшихся, была принята 6 іюня объединенная резолюція меньшевиковъ и соціалистовъ-революціонеровъ, одобрявшая рѣшеніе Исп. Комитета „пріять власть" въ коалиціи съ буржуазіей. Но и въ этой резолюціи правительство приглашалось дѣйствовать „рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе" въ тѣхъ же направленіяхъ, крайнее выраженіе которыхъ было отвергнуто. Уже докладъ Либера, защищавшій точку зрѣнія большинства, исходилъ, въ сущности, изъ циммервальдской точки зрѣнія: тамъ напоминалось, что „русская революція на конференціи совѣтовъ опредѣленно сказала: она *не вѣритъ въ такой исходъ войны*, который опредѣляетъ побѣду одной коалиціи надъ другой — не по этому пути лежитъ окончаніе этой войны; — въ интересахъ демократіи эта война должна быть окончена только побѣдой трудовой демократіи всѣхъ странъ противъ коалиціи имперіалистовъ всѣхъ странъ". Согласно этому, принятая резолюція подтвердила „демократическую" формулу мира и рядомъ ставила двѣ непримиримо-противоположныя задачи: „проводить дальнѣйшую демократизацію арміи и укрѣплять ея боеспособность". Другія требованія крайнихъ были тоже приняты въ смягченной и болѣе неопредѣленной формѣ: „систематическая и рѣшительная борьба съ контръ-революціонными элементами" — и ни слова о борьбѣ съ анархіей слѣва; „скорѣйшій" созывъ Учредительнаго Собранія, безъ указанія срока; очень уклончивыя выраженія о согласованіи „требованій

организованныхъ трудящихся массъ“ съ жизненными интересами подорваннаго войной (и „обостренной политикой имущихъ классовъ“) „народнаго хозяйства“. Мало того, поддерживая правительство, большинство съѣзда тутъ же рѣшило создать, *„для болѣе успѣшнаго* и рѣшительнаго проведенія въ жизнь указанной платформы, для *полнаго объединенія* силъ демократіи и *выявленія ея воли* во всѣхъ областяхъ государственной жизни“, „единый полномочный представительный органъ всей организованной революціонной демократіи Россіи“ изъ представителей съѣздовъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Передъ этимъ органомъ министры-соціалисты должны были быть отвѣтственны „за всю внѣшнюю и внутреннюю политику Врем. Правительства“, а „энергичная поддержка“ этого правительства мыслилась *черезъ* Совѣтъ, около котораго (а не около правительства) должна была „еще тѣснѣе сплотиться вся революціонная демократія Россіи“. Этой формулировкѣ П. Н. Милюковъ, въ своей рѣчи 9 іюня на казачьемъ съѣздѣ, противопоставилъ формулу сохраненія „всей полноты власти“ Временнымъ Правительствомъ до Учредительнаго Собранія и указалъ на необходимость, „чтобы правительство было сильно“ для выполненія стоящихъ передъ нимъ громадныхъ задачъ: „превратить страну, еще недавно самодержавную, въ страну народоправства, и кончить войну съ честью“. Въ обширной рѣчи передъ совѣщаніемъ членовъ Госуд. Думы 3 іюня П. Н. Милюковъ указалъ на циммервальдскій и германскій источникъ совѣтской доктрины, констатировалъ фіаско совѣтской внѣшней политики и настойчиво предостерегалъ противъ идеи превращенія „національной революціи“ въ „соціалистическую“. Онъ указалъ на лицемѣріе революціонной фразеологіи, которая ищетъ опасности для революціи въ несуществующей еще *пока* контръ-революціи и отказывается видѣть ихъ тамъ, откуда онѣ дѣйствительно угрожаютъ. На казачьемъ съѣздѣ онъ рѣшительно подчеркнулъ необходимость борьбы съ ленинцами, „главными врагами русской революціи“.

„Пріемля войну“, съѣздъ и по этому вопросу принялъ двусмысленную и внутренно-противорѣчивую резолюцію, не давшую ему никакой твердой позиціи и не удовлетворившую никого. Резолюція большевиковъ, требовавшихъ открытаго признанія неудачи совѣтской внѣшней политики и настаивавшихъ на расширеніи понятія „аннексій“ на Ирландію, Египетъ, Индію и т. д., была отклонена. Но вся первая половина резолюціи меньшевиковъ и эс-

эровъ, принятая съѣздомъ, также исходила изъ циммервальдской точки зрѣнія на способы „скорѣйшаго окончанія войны". Съѣздъ категорически высказался противъ окончанія войны побѣдой „одной изъ двухъ воюющихъ сторонъ". Они рекомендовали для „скорѣйшаго" окончанія войны въ ничью новое обращеніе къ „демократіямъ всѣхъ странъ" съ русскимъ лозунгомъ „безъ аннексій и контрибуцій", содѣйствія „всѣми мѣрами скорѣйшему возсозданію интернаціонала; созыва международной соціалистической конференціи. Они укоряли „демократію всѣхъ странъ" за то, что ея „недостаточно энергичное противодѣйствіе послѣднимъ заявленіямъ ихъ правительствъ о захватническихъ цѣляхъ войны ставитъ въ крайне трудное положеніе русскую революцію"; рекомендовали „немедленную посылку делегацій циммервальдскаго типа изъ Россіи за-границу и изъ за-границы въ Россію. Отъ правительства требовалось „въ кратчайшій срокъ принять мѣры для присоединенія союзныхъ державъ къ программѣ мира, принятой русской демократіей". И только послѣ перечисленія всѣхъ этихъ, уже отвергнутыхъ жизнью, пріемовъ, резолюція рѣшалась заговорить о „содѣйствіи усиленію боевой мощи нашей арміи и способности ея къ оборонительнымъ и *наступательнымъ* дѣйствіямъ", тотчасъ оговариваясь, однако, что „вопросъ о наступленіи" есть исключительно дѣло военной техники (противники обличали ихъ въ томъ, что наступленіе будетъ имѣть *политическій* характеръ).

Всѣмъ этимъ половинчатымъ и неопредѣленнымъ рѣшеніямъ выступавшіе на съѣздѣ большевики, Ленинъ, Каменевъ, Зиновьевъ, — даже Луначарскій — противопоставили весьма опредѣленную программу, понятную для массъ. Въ первомъ же своемъ выступленіи (4 іюня) Ленинъ выставилъ альтернативу: одно изъ двухъ, или буржуазія, или Совѣты — „типъ государства, который выдвинутъ революціей". Или „реформистская демократія при капиталистическомъ министерствѣ", или „захватъ власти цѣликомъ", на который „наша партія готова". „Наша программа"?. „Опубликуйте прибыли господъ капиталистовъ, арестуйте 50 или 100 крупнѣйшихъ милліонеровъ". „Безъ этого всѣ фразы о мирѣ безъ аннексій и контрибуцій — пустѣйшія слова". „Второй шагъ — объявить, что мы считаемъ всѣхъ капиталистовъ — разбойниками". При этомъ „не надо откладывать примѣненіе азбуки демократіи до Учредительнаго Собранія." „Тогда трудящіеся вамъ повѣрили бы", и если *тогда* капиталистическія государства отказались бы мириться,

ну, что же, „мы не пацифисты, мы отъ войны не отказываемся“.

Керенскій на томъ же съѣздѣ назвалъ это — политикой „держимордъ“. Министры — экономисты и финансисты — высмѣивали идею Ленина, что арестомъ капиталистовъ можно разрушить капитализмъ. Но Ленинъ обращался не къ этой интеллигентской аудиторіи. „Черезъ ихъ головы“ онъ уже заигрывалъ съ улицей, а для улицы его „программа“ говорила очень много.

До созыва съѣзда совѣтовъ, быть можетъ, большевики и думали серьезно опереться на него—и на имѣющій создаться „полномочный органъ“ съѣзда—въ борьбѣ съ Временнымъ Правительствомъ. Соотвѣтствующій лозунгъ „вся власть Совѣтамъ“ былъ и впослѣдствіи сохраненъ, какъ знамя специфической большевистской государственности. Но, точно также, какъ, проповѣдуя миръ, Ленинъ уже заранѣе заявлялъ, что большевики „не пацифисты“, — такъ и возвеличивая идею совѣтской власти, онъ тотчасъ же вступилъ въ борьбу съ Совѣтомъ, какъ только увидалъ, что данный составъ Совѣта поддерживаетъ не его, а правительство. Не миромъ, такъ войной, не черезъ Совѣтъ, такъ путемъ борьбы съ Совѣтомъ — какъ бы то ни было, „программа Ленина должна была осуществиться. Въ поискахъ опоры противъ интеллигенціи Совѣта большевики, естественно, прежде всего обратились къ рабочимъ массамъ петроградскихъ предмѣстьевъ. На Выборгской сторонѣ и за Нарвской заставой, на Путиловскомъ заводѣ и т. д. началась энергичная агитація противъ „кадетствующаго“ съѣзда совѣтовъ. Пущенъ былъ слухъ, что Церетели получилъ десять милліоновъ отъ Терещенко. Какъ увидимъ, эти сѣмена пали на благодарную почву. Но еще раньше, чѣмъ начались организованныя выступленія предмѣстьевъ, застрѣльщиками уличныхъ наѣздовъ явились анархисты, въ союзѣ съ подонками общества и, какъ это ни странно, съ бандами черной сотни.

Первымъ изъ іюньскихъ уличныхъ выступленій, прервавшихъ мирное теченіе работъ Съѣзда совѣтовъ, былъ захватъ анархистами типографіи газеты „Русская Воля“ на Ивановской улицѣ. Около 80 людей, воруженныхъ винтовками, револьверами, ручными гранатами и бомбами, среди бѣлаго дня 5 іюня ворвались въ домъ, принадлежавшій „Русской Волѣ“, и объявили наборщикамъ и служащимъ, что явились „избавить ихъ отъ гнета капиталистической эксплуатаціи“. Когда рабочіе не согласились на такой спо-

собѣ „избавленія“, захватчики выпустили ихъ изъ дома, заняли помѣщеніе и немедленно отпечатали воззваніе, въ которомъ заявляли, что они „рѣшили вернуть народу его достояніе и поэтому конфискуютъ типографію „Русской Воли“ для нуждъ соціализма“. Это не значитъ, что они „борятся съ печатнымъ словомъ“; они „только ликвидируютъ наслѣдіе стараго насильственнаго режима“. На вопросы, кто они такіе, захватчики отвѣчали, что они „соціалисты съ дачи Дурново“ и хотятъ „на кооперативныхъ началахъ издавать соціалистическую газету“. Когда служащіе предложили захватчикамъ спросить „инструкціи отъ Совѣта“, послѣдніе заявили, что они „никакой власти не признаютъ и плюютъ на Совѣтъ“.

Характеренъ тотъ способъ, которымъ было ликвидировано это анархистское выступленіе. Исполнительный комитетъ послалъ своего члена Анисимова — для переговоровъ. Президіумъ съѣзда прибавилъ ему на помощь Каменева и Гоца. Вечернее засѣданіе съѣзда обсуждало вопросъ и постановило резолюцію: „категорически осуждая захватъ. . ., съѣздъ предлагаетъ. . . немедленно очистить домъ“. Правда, въ то же время дѣйствовали и законныя власти. Главнокомандующій округомъ послалъ двѣ роты солдатъ. Два товарища прокурора явились на мѣсто дѣйствій. Захватчики всему этому противопоставили требованіе: передать вопросъ на обсужденіе особой согласительной комиссіи, въ которую вошли бы, какъ равноправныя стороны, по два представителя отъ Совѣта р. и с. д., отъ анархистовъ, отъ Совѣта крест. депутатовъ, отъ „автономнаго комитета анархистовъ“ и отъ партій с.-р. и с.-д. Вечеромъ, дѣйствительно, комиссія съ участіемъ анархистовъ отправилась для переговоровъ въ Совѣтъ. Только увидѣвъ, что они окружены войсками, захватчики согласились добровольно уйти изъ занятаго помѣщенія, но поставили условія, которыя были приняты: гарантировать имъ безопасность отъ самосуда раздраженной толпы. Арестованные при выходѣ участники захвата были отвезены — не въ распоряженіе судебной власти, а на Съѣздъ совѣтовъ. Когда явились туда судебныя власти, представитель совѣта не допустилъ ихъ до слѣдствія, на томъ основаніи, что по соглашенію о сдачѣ анархистамъ была „обѣщана неприкосновенность“. Справка, наведенная прокуроромъ судебной палаты Каринскимъ у министра-предсѣдателя кн. Львова только подтвердила, что „соглашеніе“, дѣйствительно, состоялось. Анархистовъ освободили, даже не переписавши, по постановленію Исполнительнаго Комитета. На

другой день „Рабочая Газета“—*не большевистская* — привѣтствовала „вмѣшательство организованной демократіи“.

Въ самомъ дѣлѣ, что преступнаго сдѣлали анархисты? Они только использовали прецеденты, созданные большевиками и не вызвавшіе въ свое время ни немедленныхъ протестовъ со стороны остальныхъ соціалистическихъ группъ, ни немедленныхъ репрессій со стороны правительства. Еще 13 апрѣля рабочіе завода „Старый Парвіайненъ“ постановили „реквизировать типографіи всѣхъ буржуазныхъ газетъ“, и ихъ резолюція была напечатана въ оффиціальныхъ „Извѣстіяхъ“ (№ 41). Правда, въ слѣдующемъ № 42 редакціи (г. Стеклову) пришлось помѣстить заявленіе, что эта резолюція, „выражающая мнѣніе одной группы рабочихъ, не отвѣчаетъ взглядамъ петроградскаго совѣта“. Взгляды петроградскаго совѣта не помѣшали большевистской „Правдѣ“ печататься въ типографіи „Правит. Вѣстника“, и первую свободную трибуну въ Россіи Ленинъ нашелъ на балконѣ реквизированнаго большевиками дома балерины Кшесинской. Когда послѣ долгихъ хлопотъ повѣренному Кшесинской удалось получить приговоръ мирового судьи о выселеніи непрошенныхъ жильцовъ, кронштадскіе рабочіе постановили: отмѣнить приговоръ мирового судьи, признать домъ Кшесинской собственностью народа и отдать его въ распоряженіе большевиковъ. Это рѣшеніе, санкціонированное кронштадтскимъ совѣтомъ, проводилось въ теченіе двухъ недѣль послѣ наступленія срока исполненія приговора (28 мая), и только послѣ двухъ отсрочекъ, 12 іюня партійныя организаціи покинули, наконецъ, облюбованное ими помѣщеніе, немедленно захваченное поселившимися въ другой части дома „военными организаціями“.

Болѣе серьезное затрудненіе представила для правительства эвакуація дачи Дурново, гдѣ свили свое гнѣздо анархисты и максималисты. Мы видѣли, что оттуда былъ произведенъ набѣгъ на типографію „Русской Воли“. Тамъ же готовилось болѣе широкое движеніе, слухи о которомъ дошли до Съѣзда совѣтовъ тотчасъ послѣ этого набѣга.

Дача Дурново, окруженная большимъ паркомъ, находилась по сосѣдству съ заводами Выборгскаго раіона, рабочіе которыхъ уже проявили опредѣленно-большевистскія настроенія. Съ самаго начала революціи группа анархистовъ-коммунистовъ захватила „явочнымъ порядкомъ“ эту дачу, а затѣмъ въ ней поселился рядъ организацій агитаціонно-просвѣтительнаго характера. Паркомъ около дачи

привыкло пользоваться рабочее населеніе. Когда для правительства выяснилось, что на дачѣ Дурново ютятся криминальные элементы, оно приняло рѣшеніе — выселить „анархистовъ-коммунистовъ“ изъ дачи Дурново. Немедленно рабочіе рѣшили, что требованіе правительства „контръ-революціонно“, и заявили, что они будутъ отстаивать дачу Дурново съ оружіемъ въ рукахъ. На помощь этимъ защитникамъ изъ Кронштадта было послано подкрѣпленіе въ 50 кронштадтскихъ матросовъ. На заводахъ Выборгской стороны начались забастовки. Утромъ 8 іюня забастовавшіе рабочіе 28 заводовъ пошли къ дачѣ Дурново и послали делегацію къ исполнительному комитету сообщить, что анархисты не подчиняются требованію прокурора. Бюро исполнительнаго комитета заявило, что неорганизованныя выступленія отдѣльныхъ кучекъ людей недопустимы. Тогда явилась новая делегація съ ультимативнымъ требованіемъ, чтобы исп. комитетъ отказался отъ поддержки требованія о выселеніи анархистовъ и не выпускалъ предположеннаго имъ воззванія, осуждающаго подобныя дѣйствія. Въ противномъ случаѣ делегація грозила вооруженнымъ сопротивленіемъ.

Снова гг. Гоцъ и Анисимовъ отправились для переговоровъ. Они выяснили, что анархисты, засѣвшіе на дачѣ, не только не хотятъ подчиниться, но требуютъ освобожденія всѣхъ соціалистовъ и анархистовъ, арестованныхъ во время революціи, въ чемъ бы они ни обвинялись, а также конфискаціи типографій „Русской Воли“, „Рѣчи“ и „Нашего Времени“ для передачи ихъ соціалистическимъ и коммунистическимъ организаціямъ. Въ вечернемъ засѣданіи 7-го іюня это было доложено Съѣзду, который, послѣ горячихъ преній, принялъ предложеніе Гегечкори осудить „устройство вооруженныхъ демонстрацій *безъ прямого постановленія* о томъ петроградскаго совѣта“ и предложить рабочимъ вернуться къ занятіямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было сообщить рабочимъ, что распоряженіе касается только дачной постройки и только поселившихся тамъ анархистовъ, среди которыхъ есть уголовные преступники. Паркъ же формальнымъ постановленіемъ съѣзда „переходилъ въ общее пользованіе рабочихъ Выборгской стороны“. Уже до вечерняго засѣданія „комитетъ съѣзда“ сообщилъ мѣстному комиссару, что „постановленіе судебнаго прокурора временно отмѣняется“ и „вопросъ о помѣщеніи остается открытымъ“ до рѣшенія Съѣзда. „Постановленіе“ это было вручено судебному слѣдователю и выселеніе анархистовъ не состоялось.

Дѣло о дачѣ Дурново было, такимъ образомъ, временно ликвидировано. Но передъ съѣздомъ стоялъ уже болѣе сложный вопросъ: о вооруженной демонстраціи, втайнѣ подготовлявшейся анархистами и большевиками на 10 іюня.

9 іюня всѣ соціалистическія газеты, даже склонявшіяся къ большевикамъ, какъ „Новая Жизнь“ и „Дѣло Народа“, вышли съ тревожными статьями, въ которыхъ осуждалась „анархія“, расшатывающая завсеванія революціи. Тотъ самый Викторъ Черновъ, который въ апрѣлѣ (16) говорилъ: „пусть не пугаются чрезмѣрно политическихъ чрезмѣрностей Ленина. . ; локализировать опасность можемъ мы, соціалисты, и исполнимъ это тѣмъ скорѣе, чѣмъ меньше намъ будетъ мѣшать нелѣпый гвалтъ перепуганныхъ на смерть заячьихъ душъ“, — теперь (11 іюня) озаглавлялъ свою статью „Игра съ огнемъ“, одобрялъ „твердыя, но тактичныя“ дѣйствія власти и рѣзко осуждалъ „необдуманную и легкомысленную готовность распустить паруса и нестись по вѣтру стихіи“. 9 іюня на засѣданіи съѣзда предсѣдатель Чхеидзе выступилъ съ тревожнымъ заявленіемъ, что на завтра предполагаются большія демонстраціи и что, „если съѣздомъ не будутъ приняты соотвѣтствующія мѣры, то завтрашній день будетъ роковымъ“. Былъ демонстрированъ текстъ прокламаціи, напечатанный газетой „Правда“.

Съѣздъ принялъ безъ преній воззваніе къ солдатамъ и рабочимъ, освѣдомляя ихъ, что „безъ вѣдома всеросс. съѣзда, безъ вѣдома крестьянскихъ депутатовъ и всѣхъ соціалистическихъ организацій партія большевиковъ звала ихъ на улицу“, „для предъявленія требованія низверженія Временнаго Правительства, поддержку котораго съѣздъ только что призналъ необходимой“. Съѣздъ предупреждалъ, что „изъ мирной демонстраціи могутъ возникнуть кровавые безпорядки“ и что „выступленіемъ хотятъ воспользоваться контръ-революціонеры“. Послѣднее заявленіе курьезнымъ образомъ подкрѣпляло нелѣпый слухъ, пущенный самими большевиками, будто Керенскій сосредоточилъ подъ Петроградомъ 40.000 казаковъ, — слухъ, только-что опровергнутый самимъ Керенскимъ на съѣздѣ. „Мы знаемъ“, развивало воззваніе ходячій шаблонъ, „что контръ-революціонеры жадно ждутъ минуты, когда междоусобица въ рядахъ революціонной демократіи дастъ имъ возможность раздавить революцію“. Съѣздъ шелъ даже дальше и обѣщалъ, въ случаѣ дѣйствительно контръ-революціонной опасности, „позвать“ рабочихъ и солдатъ. Теперь же его приказъ былъ:

„ни одной роты, ни однаго полка, ни одной группы рабочихъ не должно быть на улицѣ“. Всякія собранія и шествія запрещались втеченіе 11, 12 и 13 іюня, и нарушители объявлялись „врагами революціи“. Принявъ эти рѣшенія, члены съѣзда разъѣхались по рабочимъ кварталамъ для наблюденія и уговариванія; на раннее утро 10 іюня было назначено экстренное засѣданіе въ Таврическомъ дворцѣ.

Что же происходило на улицѣ? Въ извѣстныхъ уже намъ центрахъ работа кипѣла. До 9 часовъ вечера на дачѣ Дурново происходило засѣданіе делегатовъ отъ фабрикъ и заводовъ. Участвовало 123 делегата, въ томъ числѣ делегаты изъ Кронштадта, считавшаго, очевидно, дачу Дурново большевистскимъ плацдармомъ въ Петроградѣ. Совѣщаніе выбрало особый комитетъ, которому вручило „полноту власти“ и предоставило все руководство рабочимъ движеніемъ. Въ саду дачи передавали, что совѣщаніе рѣшило произвести 10 іюня выступленіе съ протестомъ противъ „буржуазнаго Временнаго Правительства“ и противъ Всероссійскаго Совѣта. Другая цѣль демонстраціи была—требовать освобожденія арестованныхъ. На митингахъ въ саду ораторы объясняли собравшимся, что демонстрація будетъ вооруженная, въ виду возможныхъ мѣръ, которыя приметъ „буржуазное правительство“.

Другой исходной точкой демонстраціи былъ Измайловскій полкъ, въ которомъ, въ связи съ конфликтомъ изъ-за дачи Дурново, былъ устроенъ 9 іюня митингъ, съ участіемъ до 2000 солдатъ — большевиковъ петроградскаго гарнизона. Здѣсь также руководители движенія направили пренія на предстоящее выступленіе. Принято было рѣшеніе—выступить 10 іюня съ вооруженной манифестаціей противъ Временнаго Правительства. Въ тотъ же день резолюція, принятая въ Измайловскомъ полку, подверглась обсужденію въ солдатской секціи Совѣта и встрѣтила рѣшительныя возраженія. Принятая резолюція объявила демонстрацію 10 іюня „деморализаторскимъ актомъ“, могущимъ „привести къ уличнымъ столкновеніямъ и вызвать гражданскую войну“. Поэтому солдатская секція постановила, что „солдаты должны быть насторожѣ и безъ призыва петроградскаго совѣта и всероссійскаго съѣзда совѣтовъ не принимать участія ни въ какихъ манифестаціяхъ. Запасный батальонъ Измайловскаго полка тоже высказался противъ вооруженнаго характера манифестаціи.

Все зависѣло теперь отъ того, какъ отнесутся рабочіе къ вы-

зову большевиковъ. Объѣздъ членами съѣзда рабочихъ кварталовъ столицы далъ ничтожный матеріалъ для сужденія объ этомъ. Въ общемъ, послѣ рѣшенія съѣзда отдать садъ дачи Дурново въ распоряженіе рабочихъ, острота ихъ настроенія нѣсколько прошла. Но, все же, члены съѣзда могли составить себѣ изъ отзывовъ рабочихъ яркую картину отрицательнаго отношенія къ нимъ петроградскаго пролетаріата.

Депутатъ съѣзда, посѣтившій ночью дачу Дурново, встрѣтилъ около дачи вооруженныхъ людей, которые дальше его не пустили и категорически заявили, что для анархистовъ постановленія съѣзда никакого значенія не имѣютъ и что они отъ выступленія не откажутся. Вообще же о настроеніи рабочихъ на Выборгской сторонѣ въ эту ночь депутаты Квасманъ и Зероховичъ получили такія впечатлѣнія. Среди рабочихъ преобладало настроеніе даже не большевистское, а анархистское. Рабочіе заявляли, что теперь лозунгъ с.-р. надо измѣнить: вмѣсто „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“ надо говорить: „въ грабежѣ обрѣтешь ты право свое“. Съ депутатами говорили языкомъ „Правды“. Большинство съѣзда состоитъ изъ буржуевъ и имперіалистовъ; съѣздъ продался буржуазіи и т. д. На электрической станціи на Васильевскомъ островѣ делегату Кореневу рабочіе также говорили, что большинство съѣзда состоитъ изъ помѣщиковъ и что настоящими представителями народа являются одни большевики. Делегатъ, посѣтившій заводъ „Прометъ“, встрѣтилъ у воротъ рабочихъ, долго не пускавшихъ его дальше. Рабочіе утверждали, что съѣздъ представляетъ сборище лицъ, подкупленныхъ помѣщиками и буржуазіей. Когда делегаты возразили, что вѣдь тамъ участвуетъ и Ленинъ, они получили готовый отвѣтъ: Ленинъ тамъ для того, чтобы всѣхъ разоблачать. Членъ съѣзда—офицеръ, членъ исполн. комитета 11-ой арміи, побывавъ на Выборгской сторонѣ, вернулся съ особенно тягостными впечатлѣніями. „Насъ прислали для созидательной, творческой работы, а намъ приходится улаживать искусственно создаваемые конфликты. Въ моихъ ушахъ еще звучатъ эпитеты, которыми насъ угощали. Всероссійскій Съѣздъ продался буржуазіи, держитъ равненіе на министровъ, а министры на князя Львова, а кн. Львовъ на сэра Джорджа Бьюкенена. . . Церетели получилъ 10 милліоновъ отъ Терещенко, а Терещенко отъ банкировъ. Откуда это все извѣстно? Да объ этомъ говорятъ всѣ. Молодой человѣкъ воинственнаго вида, съ револьверомъ за поясомъ, спросилъ меня:

а скоро ли вы, господа имперіалисты, съ вашимъ кадетствующимъ съѣздомъ перестанете воевать? Мое убѣжденіе", закончилъ этотъ делегатъ, „что если даже удастся ликвидировать конфликтъ сегодня, то онъ вновь возгорится черезъ 5—6 дней".

За Нарвской заставой было не лучше. Заводскій комитетъ Путиловскаго завода, *не большевистскій,* отказался устроить митингъ, боясь выпустить его изъ рукъ. Двумя днями раньше долженъ былъ состояться митингъ съ участіемъ Ленина и Зиновьева. Вмѣсто нихъ пришли анархисты, и довольно значительное количество рабочихъ завода рѣшили ихъ поддерживать. Рабочіе ждали отъ этого переворота улучшенія своего положенія, а оказалось, что съ каждымъ днемъ оно ухудшается. Противъ съѣзда ведется систематическая агитація: постановленія съѣзда заводъ считаетъ для себя необязательными и будетъ подчиняться только своимъ собственнымъ организаціямъ.

Делегатъ Ермолаевъ, посѣтившій рабочихъ московскаго района, заявилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Ленинъ, единодушное настроеніе рабочихъ въ пользу февральской революціи измѣнилось, началась смута и дикія, неорганизованныя выступленія. Цитаделью большевизма явилась фабрика „Скороходъ". Делегатовъ здѣсь совершенно не хотѣли слушать.

Впечатлѣніе, вынесенное делегатами, посѣтившими воинскія части петроградскаго гарнизона, было не менѣе тревожно. Въ первомъ пулеметномъ полку толпа солдатъ встрѣтила делегатовъ у воротъ, не давала имъ говорить и не пускала въ казармы. Проникнувъ, наконецъ, внутрь помѣщенія, они встрѣтили прапорщика Семашко, намѣченнаго солдатами-большевиками въ командиры полка, и онъ заявилъ имъ, что солдаты не знаютъ Съѣзда, а знаютъ только центральный комитетъ партіи с.-д. (большевистскій). Министры-соціалисты стали такими же буржуями, какъ другіе, и идутъ противъ народа. Солдаты заявляли, что если даже большевики отмѣнятъ демонстрацію, то все равно, черезъ нѣсколько дней они выйдутъ на улицу и разгромятъ буржуазію. Настроеніе полка, пополненнаго дезертирами изъ другихъ частей, было таково, что делегатовъ хотѣли даже арестовать и заявляли, что всѣхъ ихъ надо перевѣшать.

Въ 180 Финлядскомъ полку делегатамъ тоже грозили кулачной расправой. Солдаты заявляли, что они выступятъ съ оружіемъ

въ рукахъ и еще въ 5 часовъ утра на 10-е іюня утверждали, что демонстрація вовсе не отмѣнена.

Въ 3-мъ пѣхотномъ полку члену Исп. Комитета Войтинскому солдаты заявили, что они „идутъ рѣзать буржуазію". Съѣздъ совѣтовъ они называли „съѣздомъ земскихъ начальниковъ", а про исполнительный комитетъ говорили, что онъ „захваченъ жидами": оригинальное сочетаніе крайней правой пропаганды съ крайней лѣвой. Не было недостатка и въ германофильскихъ симптомахъ: изъ рядовъ солдатъ раздавались крики: „намъ все равно, кто будетъ править Россіей, хотя бы Вильгельмъ".

Однако же, большевики, подсчитавъ свои силы, которыя, конечно, имъ были лучше извѣстны, чѣмъ ихъ противникамъ, рѣшили въ послѣднюю минуту подчиниться рѣшенію съѣзда и отложить демонстрацію. Въ $3^1/_4$ часа ночи центральный комитетъ с.-д. партіи рѣшилъ выпустить воззваніе объ отмѣнѣ. Однако же, до 4 часовъ утра газета „Правда" успѣла напечатать и разослать значительное количество воззваній съ первоначальнымъ призывомъ, который также остался нетронутымъ и въ „Солдатской Правдѣ". Затѣмъ, однако, призывъ къ демонстраціи былъ вынутъ изъ набора, и „Правда" появилась утромъ 10-го іюня съ бѣлыми листами и съ воззваніемъ ц. к. объ отмѣнѣ демонстраціи. Воззванія съѣзда „Правда", однако, не помѣстила.

На что надѣялись большевики, видно изъ ихъ призыва, помѣщеннаго въ первомъ изданіи „Правды". Въ выступленіи должны были принять участіе до 17 воинскихъ частей петроградскаго гарнизона: въ томъ числѣ первый пулеметный полкъ, Павловскій, Гренадерскій, Саперный, Измайловскій, Семеновскій, Егерскій и другіе. Лозунгами выступленія были намѣчены: „долой царскую Думу", „долой Государственный Совѣтъ", „долой *десять* министровъ-капиталистовъ", „вся власть всероссійскому совѣту р. с. и к. депутатовъ", „пересмотрѣть декларацію правъ солдата", „отмѣнить приказы противъ солдатъ и матросовъ", „долой анархію въ промышленности и локаутчиковъ-капиталистовъ", „пора кончить войну", „пусть совѣтъ депутатовъ объявляетъ справедливыя условія мира", „ни сепаратнаго мира съ Вильгельмомъ, ни тайныхъ договоровъ съ французскими и англійскими капиталистами", „хлѣба, мира, свободы".

Только послѣ формальной отмѣны большевиками демонстраціи, предполагавшейся въ 2 часа пополудни, въ настроеніи рабочихъ

кварталовъ произошелъ нѣкоторый переломъ. Значительная часть воинскихъ частей уже раньше рѣшила не выступать. Сторонники выступленія, болѣе или менѣе нехотя, подчинились рѣшенію центральнаго комитета с.-д. партіи. Наступило временное успокоеніе.

Съѣздъ совѣтовъ и исполнит. комитетъ, послѣ собранныхъ ихъ членами личныхъ впечатлѣній, однако, вполнѣ отдавали себѣ отчетъ, съ какимъ трудомъ достигнута эта побѣда. Съѣздъ чувствовалъ, что почва ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ и что, если такъ пойдетъ дальше, реальная сила въ столицѣ скоро будетъ не на его сторонѣ. И подъ вліяніемъ создавшагося такимъ образомъ настроенія съѣздъ рѣзко качнулся влѣво.

Уже наканунѣ предполагавшейся демонстраціи Съѣздъ пошелъ навстрѣчу одному изъ лозунговъ, выставленныхъ большевиками. Частныя совѣщанія членовъ Государственной Думы, въ которыхъ обсуждалось политическое положеніе, обратили на себя вниманіе ленинцевъ. Они потребовали формальнаго упраздненія Гос. Совѣта и Гос. Думы. Въ виду роли, съигранной комитетомъ членовъ Г. Думы въ первые дни революціи, умѣреннымъ теченіямъ соціализма было неловко пойти навстрѣчу этому требованію. Назначенные временнымъ комитетомъ министры, за исключеніемъ Гучкова, Милюкова и Коновалова, еще сидѣли въ составѣ кабинета. Связь съ „буржуазіей“ считалась необходимой, чтобы не „съузить соціальнаго базиса революціи“. Даже по теоріи Церетели, „отходъ“ буржуазіи отъ „революціонной демократіи“ еще не совершился вполнѣ. Враги у этой части „буржуазіи“ и у умѣреннаго соціалистическаго большинства съѣзда оказались общіе: и это была не мнимая (для того времени) „контръ-революція“, а революціонные эксцессы слѣва. Въ борьбѣ противъ нихъ, умѣренный соціализмъ, какъ мы видѣли, уже сталъ на точку зрѣнія радикальной „буржуазіи“. Однако, именно это обстоятельство, какъ выяснили теперь члены съѣзда въ рабочихъ кварталахъ, и оттолкнуло отъ нихъ рабочія массы. Надо было отгородиться отъ „буржуевъ“, чтобы рабочіе не считали ихъ „продавшимися капиталистамъ“. Госуд. Дума была самой удобной очистительной жертвой. Правда, В. Черновъ находилъ, что формально уничтожить Думу — значитъ убить покойника“. Но Луначарскій возражалъ, что въ такомъ случаѣ „сражаться за трупъ покойницы“ можно только для отвода глазъ. Сама Дума — за исключеніемъ, можетъ быть, своего предсѣдателя и немногихъ членовъ — не вела своихъ полномочій отъ из-

бранія 1912 года, а только отъ своей роли во время революціи, — и не думала собираться, какъ учрежденіе. Въ этомъ и найденъ былъ исходъ, когда съѣздъ рѣшилъ пожертвовать Думой. Резолюція большинства не упраздняла Думу, а просто констатировала фактъ, что старыя законодательныя учрежденія, какъ органы государственной власти, уже упразднены революціей, вмѣстѣ со всѣмъ уничтоженнымъ революціей старымъ режимомъ. Изъ этого Съѣздъ дѣлалъ выводъ, что званіе „членовъ Думы" теперь утрачено личнымъ составомъ, что содержаніе имъ должно быть прекращено и что выступленія „бывшихъ" членовъ Думы являются просто „выступленіями частной группы гражданъ свободной Россіи, никакими полномочіями не облеченныхъ". Въ дни, когда присвоивали себѣ власть всевозможныя самочинныя учрежденія, эти выводы не казались вполнѣ вѣрными и справедливыми. И Керенскій, и даже Церетели признавали въ эти дни, что временный комитетъ Думы является источникомъ власти „буржуазныхъ" министровъ. Но они знали, что съ этой тѣнью правъ имъ не придется вести такой реальной борьбы, какъ съ всевозможными самочинными комитетами новаго происхожденія. И жертва, требуемая обстоятельствами, была принесена.

На другой день послѣ предполагавшейся демонстраціи Съѣздъ сдѣлалъ и другую уступку, практически болѣе важную. Запретивъ одну демонстрацію, онъ самъ рѣшилъ устроить другую.

Мысль объ этой уступкѣ, очевидно, зародилась въ тѣ тревожные часы ночи на 10-е іюня, когда Чхеидзе предупреждалъ членовъ съѣзда, что надо быть готовымъ ко всякимъ „внезапностямъ" и совѣтовалъ не покидать помѣщенія Таврическаго дворца. Въ утреннемъ засѣданіи 11-го іюня это настроеніе вылилось въ форму опредѣленнаго предложенія, внесеннаго президіумомъ съѣзда: устроить въ одно изъ ближайшихъ воскресеній *мирную* „манифестацію революціонной Россіи" въ Петроградѣ и другихъ городахъ. Цѣлью манифестаціи должно было быть объединеніе всего рабочаго населенія, демократіи и арміи вокругъ совѣтовъ, борьба за всеобщій миръ безъ аннексій и контрибуцій на основахъ самоопредѣленія народовъ и скорѣйшій созывъ Учредительнаго Собранія.

Когда 11 іюня „Рабочая Газета" сообщила, что петроградскіе меньшевики рѣшили устроить въ „ближайшемъ будущемъ массовое политическое выступленіе пролетаріата для организованнаго про-

теста противъ поднимавшей голову контръ-революціи и политики авантюристическаго затягиванія войны", то сама „Рабочая Газета" выразила недоумѣніе по поводу такого козыря, выброшеннаго ленинцамъ. Въ засѣданіи 14 іюня это предположеніе превратилось въ дѣйствительность, причемъ большевики, ушедшіе демонстративно изъ засѣданія при обсужденіи и принятіи Съѣздомъ резолюціи, осуждающей демонстрацію 10 іюня, вновь вернулись, приняли участіе въ обсужденіи демонстраціи 18 іюня и заявили, что они будутъ въ ней участвовать подъ своими лозунгами, которые они тутъ же перечислили.*) „Правда" повторила это заявленіе въ еще болѣе опредѣленной формѣ: „мы пойдемъ на демонстрацію 18 числа для того, чтобы бороться за тѣ цѣли, за которыя мы хотѣли демонстрировать 10 числа." Для еще большей наглядности „Правда" напечатала тотъ самый призывъ къ низверженію „десяти министровъ-капиталистовъ" и т. д., который она должна была выбросить изъ нумера 10 іюня. Газета констатировала, что впечатлѣнія делегатовъ въ рабочихъ кварталахъ и въ полкахъ „подѣйствовали на нихъ освѣжающе послѣ потока кадетскихъ рѣчей, услышанныхъ ими на съѣздѣ", и Церетели въ 24 часа перемѣнилъ свою тактику. „Извѣстія" подтверждали догадку „Правды", найдя теперь, что общій врагъ — не ленинцы, а „контръ-революціонеры". „Дѣло Народа", „Новая Жизнь" тянули ту же пѣсню о необходимости „суроваго предостереженія" по адресу „контръ-революціи".

Одновременно съ этимъ, на дачѣ Дурново уже начата была — или, точнѣе, продолжалась — подпольная работа для подготовки новаго выступленія. 12 іюня въ рабочихъ кварталахъ была распространена повѣстка „революціоннаго комитета", организовавшагося въ этомъ гнѣздѣ анархистовъ; рабочіе делегаты приглашались на „экстренное засѣданіе чрезвычайной важности". „Правда" напечатала 14 іюня заявленіе Петербургскаго комитета с.-д. партіи, призывъ центральнаго совѣта фабрично-заводскихъ организацій и статью г. Сталина, въ которыхъ большевики отмежевывались отъ работы „революціоннаго комитета", требовали выхода изъ него членовъ — большевиковъ и непризнанія его рабочими организаціями. Но, перепечатывая призывъ 10 іюня, „Правда" въ то же

*) Депутатъ І-го пулеметнаго полка Жилинъ прибавилъ къ этимъ лозунгамъ, намъ извѣстнымъ, одинъ новый: „реквизиція золота въ монастыряхъ, церквахъ и особнякахъ". Анархистъ Глейхманъ также заявилъ, что анархисты прибавятъ „кое что и свое".

время опредѣленно становилась на сторону тактики, усвоенной обитателями дачи Дурново.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Либеромъ въ засѣданіи Съѣзда 14 іюня, во главѣ организаціи, совѣщавшейся, въ количествѣ 94, на дачѣ Дурново, стоялъ „никому невѣдомый вождь большевиковъ и анархистовъ, подполковникъ Гавриловъ“. Либеръ намекалъ, что подъ флагомъ крайнихъ лѣвыхъ теченій здѣсь ведется ультра-правая „контръ-революціонная работа“.

14-го же іюня состоялось собранное исп. комитетомъ совѣщаніе членовъ полковыхъ и батальонныхъ комитетовъ петроградскаго гарнизона въ составѣ 800 человѣкъ. Послѣ преній, была принята резолюція о подчиненіи рѣшенію Совѣта: „только за Совѣтомъ“ признавалось право „выводить на улицу цѣлыя воинскія части“. Но при этомъ дѣлалась оговорка: „за каждымъ солдатомъ, какъ гражданиномъ, сохраняется право участія въ любой демонстраціи и манифестаціи, организуемой съ вѣдома исполнительнаго комитета совѣта р. и с. д. какой бы то ни было партіей или группой“.

Въ ожиданіи демонстраціи 18 іюня руководители большинства съѣзда рѣшили сдѣлать лѣвымъ настроеніямъ еще одну уступку, кромѣ упраздненія Г. Думы. 15 іюля явилось въ газетахъ постановленіе Временнаго Правительства о назначеніи срокомъ созыва Учредительнаго Собранія 30-го сентября, а срокомъ выборовъ — 17 сентября 1917 года. Какъ разъ въ тотъ же день явилось сообщеніе „особаго совѣщанія по созыву Учредительнаго Собранія“, изъ котораго было видно, что это совѣщаніе, составленное изъ лучшихъ знатоковъ и убѣжденныхъ демократовъ, признало большинствомъ 26 противъ 12, что, при самой напряженной работѣ, выборы въ Учредительное Собраніе не могутъ быть произведены раньше двухъ мѣсяцевъ со времени образованія волостныхъ и городскихъ органовъ самоуправленія на демократическихъ началахъ, которые должны были подготовить эти громоздкіе выборы и создать для нихъ нормальныя условія. Было извѣстно, что органы самоуправленія будутъ введены повсемѣстно только къ I октября, но, слѣдовательно, ближайшимъ срокомъ выборовъ могло быть только I декабря. Иначе, пришлось бы поручить составленіе списковъ и проведеніе другихъ подготовительныхъ мѣръ тѣмъ или другимъ партійнымъ организаціямъ, созданнымъ „явочнымъ порядкомъ“, по шутливому выраженію революціоннаго жаргона. Понятно, что такіе выборы не могли представить никакихъ гарантій свободы и безпристрастія.

Сознавая прекрасно все это, тѣмъ не менѣе Церетели долженъ былъ во что бы то ни стало провести въ министерствѣ ультимативное требованіе съѣзда, и онъ это сдѣлалъ. Болѣе совѣстливыхъ министровъ утѣшали тѣмъ соображеніемъ, что, все равно, невозможное не станетъ возможнымъ, и придется вновь перемѣнить рѣшеніе, которое принимается исключительно, чтобы смягчить напряженность текущаго момента. Такъ, подчиняясь вліяніямъ съѣзда, Временное Правительство вступило на почву безотвѣтственной демагогіи и сознательнаго лицемѣрія.

Наступилъ день 18 іюня, — день „мирнаго шествія организованныхъ невооруженныхъ группъ къ Марсову полю, къ могиламъ жертвъ революціи", по точно опредѣленному церемоніалу, выработанному особой „комиссіей по устройству манифестаціи". Партійныя организаціи приглашались помимо своихъ собственныхъ лозунговъ „выставлять также лозунги, общіе всѣмъ партіямъ, съ цѣлью подчеркнуть политическое значеніе манифестаціи 18 іюня, какъ манифестаціи единства революціонной демократіи".

Каковы же были эти „общіе всѣмъ" лозунги? Организаціонная комиссія снова вытаскивала лозунгъ: „сплотимся противъ контръ-революціи вокругъ Совѣтовъ", „миръ безъ аннексій" и т. д., „революціонный интернаціоналъ", „черезъ Учредительное Собраніе къ демократической республикѣ". Органы печати, одни съ недоумѣніемъ, другіе съ злорадной ироніей, отмѣчали, что между этими лозунгами не было одного, основнаго: „поддержка коалиціоннаго правительства". „День" говорилъ наканунѣ демонстраціи: „если большевики, полагающіе, что надо свергнуть Временное Правительство, имѣютъ смѣлость выдти съ этимъ на улицу, то вы, полагающіе, что Временное Правительство надо поддержать и укрѣпить, также обязаны имѣть мужество выдти съ этимъ лозунгомъ на улицу. Иначе Россія въ день 18 іюня по вопросу о Временномъ Правительствѣ узнаетъ только это „долой"! И не узнаетъ оно, что главари, иниціаторы манифестаціи, думаютъ совсѣмъ другое: да здравствуетъ Временное Правительство".

Съ другаго фланга, „Правда" напечатала въ тотъ же день издѣвательскую статью: „Долой десять министровъ-капиталистовъ. Вся власть совѣтамъ. Это говоримъ *мы*. Это скажетъ вмѣстѣ съ нами, мы увѣрены, громадное большинство петроградскихъ рабочихъ и петроградскаго гарнизона. Ну, *а вы*, господа? Что скажете вы по важнѣйшему изъ всѣхъ вопросовъ? Вы выдвигаете ло-

зунгъ: „полное довѣріе“, но. . . но только Совѣтамъ, а не Временному Правительству. А куда-же дѣвалось полное довѣріе Временному Правительству, господа? Этого лозунга не найти ни въ „Рабочей Газетѣ“, ни въ „Извѣстіяхъ“, ни въ „Дѣлѣ Народа“. . . Почему прилипаетъ у васъ языкъ къ гортани? . . Дѣло сводится къ слѣдующему. Въ широчайшихъ кругахъ петербургскихъ рабочихъ и солдатъ коалиціонное министерство за мѣсяцъ — полтора скомпрометтировало себя безнадежно. Несостоявшаяся демонстрація 10 іюня продемонстрировала это вамъ съ полной очевидностью. Наиболѣе чуткіе изъ васъ не могутъ не замѣтить того, что идти теперь къ петроградскимъ рабочимъ и солдатамъ съ лозунгомъ „довѣріе Временному Правительству“ — значитъ вызвать недовѣріе къ себѣ самимъ“.

Это было мѣтко и вѣрно. Воззваніе организаціоннаго комитета партій соціалъ-демократовъ только подтверждало эти обвиненія, находя лишь смягчающія обстоятельства въ томъ, что совѣты „подчиняли своей волѣ Временное Правительство“, подъ ихъ давленіемъ“ оно дѣйствовало и будетъ и впредь „творить *ихъ* волю — или исчезнетъ, будетъ замѣнено другимъ — волей и рѣшеніемъ „Совѣтовъ“. Эс-эровская „Воля Народа“ употребляла офиціальную формулу съѣзда: „объединеніе массъ вокругъ Совѣтовъ, *поддерживающихъ* правительство“ и осторожно объясняла, что „съѣздъ совѣтовъ *не желаетъ забѣгать впередъ развитія событій*“, „что народныя массы необъятной Россіи еще слабо организованы, еще не проникнуты глубоко соціалистическими идеями. При такихъ условіяхъ переходъ всей власти къ совѣтамъ грозилъ бы вызвать въ странѣ междуусобицу, оттолкнуть отъ революціи умѣренные и малосознательные элементы“. И тутъ, слѣдовательно, правительство терпѣлось какъ временное зло. Только Плехановская организація „Единства“ призывала своихъ единомышленниковъ участвовать въ демонстраціи подъ лозунгами: „да здравствуетъ твердая демократическая власть“, „да здравствуетъ объединенное правительство и Учредительное Собраніе“. Партія народной свободы приглашала своихъ сторонниковъ воздержаться отъ всякаго участія въ демонстраціи и не выходить на улицу.

Не вышли на улицы не только „буржуи“. Значительная часть петроградскихъ рабочихъ и солдатъ также уклонилась отъ участія въ демонстраціи. Преобладающимъ элементомъ въ процессіи были женщины и подростки. Въ толпѣ не было никакого энтузіазма

Бросалось въ глаза непропорціонально большое количество знаменъ и плакатовъ, очевидно, расчитанное на гораздо большіе размѣры манифестаціи. Среди лозунговъ, конечно, преобладали большевистскіе. На немногія знамена съ надписями о поддержкѣ Временнаго Правительства производили систематическія нападенія.

Кліенты дачи Дурново рѣшили использовать день демонстраціи для набѣга на тюрьму, въ которой содержался редакторъ „Окопной Правды" Хаустовъ. Они увлекли часть демонстрантовъ съ Выборгской стороны къ зданію тюрьмы и предъявили начальнику тюрьмы требованіе объ освобожденіи нѣсколькихъ арестованныхъ. Семь названныхъ анархистами лицъ были выпущены изъ тюрьмы и отведены на дачу Дурново. Тогда правительство предписало черезъ министра юстиціи произвести обыскъ на дачѣ и арестовать виновныхъ. Въ 4 часа утра дача Дурново была окружена нѣсколькими ротами Преображенскаго и Семеновскаго полковъ и полусотней казаковъ. Министръ юстиціи Переверзевъ лично началъ переговоры съ анархистами, требуя выдачи освобожденныхъ ими арестантовъ. Анархисты отказались. Тогда солдаты вошли въ дачу, разбивъ прикладами двери и окна. На встрѣчу первымъ ворвавшимся была брошена бомба, которая къ счастію не разорвалась. Это раздражило солдатъ. Со штыками на перевѣсъ они бросились осматривать отдѣльныя комнаты. 60 человѣкъ было арестовано, а одинъ анархистъ-уголовный, Аснинъ, при взломѣ одной изъ дверей былъ убитъ случайнымъ выстрѣломъ. Въ числѣ арестованныхъ оказался кронштадтскій матросъ Желѣзняковъ и нѣсколько матросовъ судна „Пересвѣтъ", что привело кронштадтскую „республику" къ рѣшенію поставить министру юстиціи ультимативное требованіе о выдачѣ арестованныхъ, а въ случаѣ отказа — двинуться на Петроградъ съ оружіемъ въ рукахъ.

На слѣдующій день послѣ неудавшейся демонстраціи большевиковъ полупустыя наканунѣ улицы Петрограда наполнились густыми толпами народа. Впрочемъ, по ироническому замѣчанію лѣвой печати, это былъ не „народъ", а „публика". Они вышли на улицу не для исполненія партійнаго приказа, не для „подсчета силъ", а для выраженія охватившаго ихъ порыва. Дѣло въ томъ, что въ столицѣ съ утра распространились извѣстія о начавшемся наступленіи на фронтѣ, а среди дня появился въ печати приказъ Керенскаго по арміи и флоту 16 іюня, телеграмма Керенскаго кн. Львову съ предложеніемъ наименовать начавшіе наступленіе полки

„полками 18 іюня“ и вручить имъ „красныя знамена революціи“. Въ документахъ этихъ было много реторическаго преувеличенія и намѣреннаго расчета на впечатлѣніе. Но послѣ длиннаго ряда свѣдѣній о неисполняющихъ приказы частяхъ, о дезертирахъ, о митингующихъ солдатахъ, послѣ тяжелыхъ впечатлѣній безсилія власти и прогрессирующихъ захватовъ всевозможныхъ самочинныхъ организацій, среди всей этой картины распада и безпомощности, наступленіе 18 іюня было первымъ свѣтлымъ лучемъ, который давалъ какую то надежду на будущее. На минуту казалось, что здѣсь, наконецъ, достигнута цѣль созданія коалиціонной власти и оправдано ея существованіе. Всѣ, кто чувствовалъ себя подавленнымъ событіями послѣднихъ дней, почувствовалъ возможность и потребность выпрямиться и громко торжествовать начавшееся оздоровленіе русскаго національнаго организма и русской революціи. Вотъ почему безъ всякаго предварительнаго сговора высыпала на улицу совсѣмъ другая публика, чѣмъ та, которая демонстрировала наканунѣ.

Въ импровизированныхъ шествіяхъ, на многолюдныхъ митингахъ, въ рѣчахъ извѣстныхъ ораторовъ чувствовалась живая радость, предъ которой отступили на второй планъ всѣ партійные счеты. Плакаты въ честь Керенскаго и Временнаго Правительства, одушевленныя демонстраціи передъ посольствами союзныхъ державъ,—все это такъ было непохоже на все то, что происходило на тѣхъ же улицахъ наканунѣ, что къ чувству торжества невольно примѣшивалось чувство недовѣрія. Неужели все это прочно? Неужели это не эпизодъ, который пройдетъ безъ слѣда, а начало новаго перелома, обѣщающее прекрасное продолженіе? . . Подъ впечатлѣніемъ удачнаго наступленія даже въ рѣчахъ Либера и Церетели передъ петроградскимъ совѣтомъ зазвучали новыя ноты, и большинствомъ 472 голосовъ противъ 271 и 39 воздержавшихся это, уже склонявшееся къ большевизму, собраніе приняло патріотическую резолюцію „горячаго привѣта“ солдатамъ на фронтѣ, внесенную Войтинскимъ. Рѣчь Чернова уже встрѣчена была въ этомъ собраніи негодующимъ возгласомъ: „давно-ли вы прибыли изъ Циммервальда“. Увы, этому порыву суждено было продержаться недолго.

Въ своихъ послѣднихъ засѣданіяхъ передъ закрытіемъ (27 іюня) Съѣздъ совѣтовъ спѣшно заслушалъ рядъ докладовъ по спеціальнымъ вопросамъ. Въ этомъ числѣ былъ и докладъ Либера

о національномъ вопросѣ, сдѣланный 20 іюня. Въ третьемъ пунктѣ принятой съѣздомъ резолюціи содержалось знаменитое требованіе, чтобы Временное Правительство издало декларацію „о признаніи за всѣми народами права самоопредѣленія *вплоть до отдѣленія*, осуществляемаго путемъ соглашенія во всенародномъ учредительномъ собраніи". Уже изъ этого конца фразы видно, что намѣренія съѣзда въ національныхъ вопросахъ не шли такъ далеко, какъ его формула. Въ 5-мъ пунктѣ съѣздъ „рѣшительно высказался *противъ* попытокъ разрѣшенія національныхъ вопросовъ до Учредительнаго Собранія *явочнымъ* порядкомъ, путемъ обособленія отъ Россіи отдѣльныхъ ея частей. Они мыслили, по выраженію 1-го пункта, „разрѣшеніе національнаго вопроса Россіи въ неразрывной связи съ закрѣпленіемъ революціи въ *общегосударственномъ* масштабѣ". Соотвѣтственно этому, они заблаговременно оговаривали, въ той же резолюціи, права государственнаго языка и „образованіе при Временномъ Правительствѣ совѣтовъ по національнымъ дѣламъ". Въ своемъ докладѣ Либеръ подчеркивалъ, что было бы „жестокой ошибкой", еслибы „отдѣльныя области и народности, отдѣлившись отъ общаго демократическаго движенія, постарались закрѣпить свою побѣду только для себя". Даже и „тѣ народы, которые по отношенію къ себѣ пожелаютъ разрѣшить вопросъ путемъ отдѣленія отъ страны", заинтересованы въ упроченіи результатовъ революціи и должны подождать рѣшенія Учредительнаго Собранія. Любопытно, что возраженія большевистскихъ ораторовъ, Коллонтай и Преображенскаго, не только не стояли за болѣе радикальное рѣшеніе вопроса, но даже заявили, что, во имя „общности пролетарской культуры", они—противъ „культурно-національной автономіи". А Зиновьевъ отъ имени украинской соціалистической фракціи категорически заявилъ, что шаги Украйны „направлены не къ тому, чтобы, пользуясь случаемъ, урвать возможно больше для себя" и рѣшить свой вопросъ „явочнымъ порядкомъ, путемъ обособленія отъ Россіи отдѣльныхъ частей". Напротивъ, они „направлены къ организаціи страны, къ борьбѣ съ шовинистическими теченіями среди украинской буржуазіи".

Въ дѣйствительности, шаги Финляндіи и Украины были направлены именно къ тому, что отрицалъ Зиновьевъ, и это тотчасъ обнаруживалось, какъ только отъ общихъ декларацій съѣзда переходилъ къ конкретнымъ рѣшеніямъ, которыя онъ долженъ былъ принимать по соглашенію съ делегатами отдѣльныхъ національно-

стей. Немедленно послѣ принятія общей резолюціи по національному вопросу былъ поставленъ на обсужденіе съѣзда финляндскій вопросъ. Докладчикъ Абрамовичъ, исходя изъ положенія, что Финляндія есть „особое государство“, находящееся въ „опредѣленныхъ *договорныхъ* отношеніяхъ“, предлагалъ признать за Финляндіей „право на самоопредѣленіе вплоть до полной государственной самостоятельности“. Но, въ согласіи съ общей резолюціей, онъ все-таки заявлялъ, что въ обстановкѣ міровой войны и революціонной разрухи „эта самостоятельность не можетъ быть немедленно осуществлена“. Онъ увѣрялъ съѣздъ, что „финляндская соціалъ-демократія сама это сознаетъ и не настаиваетъ на немедленномъ проведеніи всѣхъ логическихъ послѣдствій принципа государственной самостоятельности“; однако же, послѣ принятія резолюціи о Финляндіи выступилъ финляндскій соціалъ-демократъ Хитуненъ и въ длинной рѣчи мотивировалъ рѣшеніе съѣзда финляндской с.-д. партіи, только что одобрившаго резолюцію, „въ которой содержится требованіе полнаго права самоопредѣленія для Финляндіи, т. е. признанія независимости“. Хитуненъ „не отрицалъ“, что „законное положеніе“ въ Финляндіи уже возстановлено Временнымъ Правительствомъ; но онъ категорически заявлялъ: „это насъ не удовлетворяетъ“; финляндцы считаютъ это лишь „временнымъ урегулированіемъ вопроса“ и въ настоящее время предъявляютъ „окончательныя основы“ рѣшенія финляндскаго вопроса. Хитуненъ прибавилъ при этомъ, что они вовсе „не желаютъ разговаривать о правѣ самоопредѣленія Финляндіи“ съ представителями буржуазныхъ, даже „лѣвыхъ“ круговъ: они „прямо обращаются къ работящему народу Россіи“. При этомъ тѣхъ оговорокъ, о которыхъ упоминалъ Абрамовичъ, Хитуненъ вовсе не дѣлалъ, за исключеніемъ вскользь брошеннаго замѣчанія, что „немедленнаго вывода русскихъ войскъ изъ Финляндіи не требуется въ резолюціи финляндской с.-д. партіи“ и что „этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ при заключеніи мира“.

Очевидно, концы съ концами не сходились. Только что принятая резолюція признавала за финляндскимъ сеймомъ право изданія, „для окончательнаго одобренія“, всѣхъ законовъ, „за исключеніемъ областей внѣшней политики и вопросовъ военнаго законодательства и управленія“, право рѣшать вопросъ о созывѣ и роспускѣ сейма, права финляндскаго народа „самостоятельно опредѣлить свою исполнительную власть“. Но резолюція вмѣстѣ съ тѣмъ

оговаривала, что „окончательное рѣшеніе финляндскаго вопроса во всемъ его объемѣ можетъ быть принято только на Всероссійскомъ Учредительномъ Собраніи“ и въ *этомъ* смыслѣ толковала „позицію с.-д. партіи Финляндіи“. Помимо этого разногласія въ финляндскомъ сеймѣ обострился вопросъ о проведеніи займа для Россіи въ 350 милліоновъ марокъ.

Сенаторъ Таннеръ защищалъ передъ сеймомъ этотъ заемъ, указывая на возможность обостренія съ русской стороны въ случаѣ отказа, на возможность пріостановки всѣхъ русскихъ работъ въ Финляндіи, что лишитъ заработка финляндскихъ рабочихъ; наконецъ, на раздраженіе русскихъ войскъ, принужденныхъ расплачиваться русскимъ рублемъ, курсъ котораго упалъ съ 265 до 138 финляндскихъ марокъ. Русскій заемъ для возстановленія валюты, несомнѣнно, нуженъ былъ для самой Финляндіи. Но, по политическимъ мотивамъ, настроеніе было противъ займа и въ этомъ смыслѣ высказалось большинство сейма въ засѣданіи 17 іюня.

Для уговариванія соціалъ-демократовъ — стать на общерусскую точку зрѣнія — были посланы съѣздомъ Авксентьевъ и Гегечкори. Они напоминали финляндцамъ о заслугахъ русской демократіи во времена Столыпина, взывали къ „усиліямъ демократіи всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію“, чтобы спасти русскую революцію отъ хозяйственно-экономическаго краха, настаивали на разрѣшеніи займа въ 350 милліоновъ, — сравнительно небольшого, сравнительно съ тяготами, которыя Россія одна несла за все время войны. Они не „грозили“, но серьезно предупреждали, что русская армія, стоящая въ Финляндіи, не помирится съ необходимостью платить обезцѣненными рублями, что занятыя деньги останутся въ самой же Финляндіи и т. д. Финляндцы не хотѣли убѣдиться никакими доводами. За прошлое они благодарили, но въ настоящемъ, по заявленію вернувшихся делегатовъ, „оказались плохими политиками“, не желая понять собственнаго интереса. Къ негодованію русскихъ, они потребовали отъ Россіи того, что можно было бы требовать отъ Турціи или Персіи: гарантіи займа — передачей почты, телеграфа и казенныхъ имуществъ въ Финляндіи — или контроля надъ употребленіемъ займа. Конечно, подкладка этого требованія была тоже совершенно политическая.

Временное Правительство, наконецъ, принуждено было прибѣгнуть къ мѣрѣ понужденія. Министръ земледѣлія еще 15 апрѣля заявилъ финляндскому сенату, что все вывозимое въ Финляндію

продовольствіе должно быть оплачено въ финляндской валютѣ. Возвращаясь къ этому требованію, правительство 26 іюня подтвердило, что за всѣ выпускаемые послѣ 15 апрѣля въ Финляндію продовольственные грузы должна быть внесена финляндская валюта; точно также и всѣ остальные продукты и товары при ввозѣ должны быть оплачены финляндскими марками; причемъ вырученная за стоимость ихъ сумма должна поступить въ распоряженіе правительства. Представителямъ финляндскаго сената пришлось согласиться на уплату стоимости муки, — необходимаго для Финляндіи продукта, финляндскими марками по курсу 180-200 марокъ за 100 рублей. Валютный заемъ въ 350 мил. былъ окончательно отклоненъ сеймомъ 1 іюля.

Другой вопросъ, украинскій, какъ мы видѣли, принялъ острую форму послѣ принятія 10 іюня „универсала" Рады, и особенно послѣ деклараціи секретаріата 27 іюня, въ которой двусмысленная позиція Рады расшифровывалась уже въ открыто революціонномъ смыслѣ (см. стр. 163—164). На „универсалъ" Временное Правительство отвѣтило 16 іюня очень чувствительнымъ воззваніемъ за подписью кн. Львова. „Братья-украинцы" приглашались „не отрываться отъ общей родины, не идти гибельнымъ путемъ раздробленія освобожденной Россіи, не раскалывать общей арміи въ минуты грозной опасности". Правительство заявляло, что „по отношенію ко всѣмъ народамъ Россіи оно уже начало проводить въ жизнь начала культурнаго самоопредѣленія": оно „вмѣняетъ себѣ въ обязанность придти къ соглашенію съ общественными демократическими организаціями Украйны относительно переходныхъ мѣръ, чтобы обезпечить права украинскаго народа въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи, въ школѣ, въ судѣ", но въ то же время оно убѣждало украинцевъ „предоставить окончательное рѣшеніе всѣхъ основныхъ вопросовъ недалекому уже Учредительному Собранію".

Очевидно было, что одного такого обращенія недостаточно. Въ правительствѣ возникла мысль послать въ Украину комиссію изъ видныхъ представителей разныхъ партій (В. И. Вернадскій и С. Ф. Ольденбургъ отъ к. д., кн. П. А. Крапоткинъ, Н. Д. Авксентьевъ и В. А. Мякотинъ, В. И. Короленко). Но было настолько очевидно, что это — полумѣра, ничего не рѣшающая и лишь представляющая новую оттяжку, что всѣ названные члены, по разнымъ мотивамъ, отказались участвовать въ комиссіи.

Тогда, въ засѣданіи 26 іюня, было рѣшено послать въ Украину

министровъ М. И. Терещенко и И. Г. Церетели (будущіе представители грузинской республики, очевидно, считались самыми подходящими для рѣшенія общерусскихъ вопросовъ); къ нимъ въ ставкѣ долженъ былъ присоединиться Керенскій; наконецъ, „частнымъ образомъ" поѣхалъ и Н. В. Некрасовъ. Весь „тріумвиратъ", съ присоединеніемъ лидера совѣтскаго большинства, былъ тутъ на лицо. Однако, остававшіеся на мѣстѣ министры к.-д. настояли на томъ, чтобы никакихъ окончательныхъ рѣшеній въ Кіевѣ предпринято не было.

28 іюня Терещенко и Церетели пріѣхали въ Кіевъ. Въ теченіе дня они имѣли частное совѣщаніе съ президіумами исполнительныхъ комитетовъ раб. и военныхъ депутатовъ, общественныхъ организацій и коалиціоннаго студенчества. 29 іюня пріѣхалъ Керенскій. Съ утра министры обсуждали возможности соглашенія въ помѣщеніи Центральной Рады. Съ 5 часовъ вечера шло засѣданіе министровъ съ „генеральнымъ секретаріатомъ".

Одновременно съ этимъ сторонники деклараціи секретаріата устроили министрамъ уличную демонстрацію украинской независимости. Не освѣдомивъ командующаго войсками округа Оберучева, украинскій войсковой комитетъ издалъ наканунѣ приказъ, которымъ на 5 часовъ дня былъ назначенъ парадъ всѣхъ украинскихъ частей передъ зданіемъ Педагогическаго Музея, гдѣ помѣщалась Рада. Оберучевъ ночью отмѣнилъ приказъ. Тѣмъ не менѣе, украинскій полкъ Богдана Хмѣльницкаго и образовавшійся самочиннымъ порядкомъ полкъ имени Полуботка (см. вып. II-й) явились на демонстрацію, вмѣстѣ съ малочисленными украинскими группами отъ остальныхъ воинскихъ частей, кучкой артиллеристовъ и юнкеровъ и оркестромъ музыки. Парадъ состоялся, хотя и жидкій; члены Рады Грушевскій, Петлюра и другіе встрѣчали украинскія войска. Министры, въ томъ числѣ и военный, остались сидѣть въ помѣщеніи рады. Когда, по окончаніи парада, Керенскій вышелъ, солдаты встрѣтили его оваціей.

Вечеромъ, въ объединенномъ засѣданіи всѣхъ Кіевскихъ исполнительныхъ комитетовъ, Керенскій, Церетели и Терещенко произнесли обширныя рѣчи и, между прочимъ, сообщили о достигнутомъ соглашеніи съ Радой. Были изложены и основанія этого соглашенія.

Такое, нѣсколько преждевременное выступленіе, вызвало недоумѣніе среди части министровъ. Рѣшающій моментъ былъ еще

впереди, и рѣшеніе должно было состояться лишь съ согласія всего состава Временнаго Правительства. Послѣ 2-хъ часовъ дня 30 іюня, получивъ изъ Кіева телеграммы, что переговоры проходятъ черезъ окончательный фазисъ, Временное Правительство перенесло свое засѣданіе на главный телеграфъ, чтобы непрерывно сноситься съ Кіевомъ по прямому проводу. Въ то же время министры, находившіеся въ Кіевѣ, вели переговоры съ руководителями Рады и сообщили, что достигнуты, по ихъ мнѣнію, благопріятные результаты. Послѣднее поступившее сообщеніе гласило, что Рада только-что вынесла постановленіе, которое, по мнѣнію переговаривавшихся министровъ, можетъ считаться удовлетворительнымъ.

Постановленіе, о которомъ шла рѣчь, принято было Радой большинствомъ 100 противъ 70. Сильная оппозиція соглашенію составилась изъ украинскихъ с.-р. и членовъ украинскаго войскового комитета, не желавшаго идти на компромиссъ въ вопросѣ объ арміи. Соглашеніе должно было быть опубликовано въ видѣ двухъ актовъ: одного — отъ имени Врем. Правительства, другого — отъ имени генеральной Рады. Это, очевидно, должно было придать соглашенію характеръ договора между всероссійской властью и непризнаннымъ, пока самочиннымъ органомъ частныхъ, мѣстныхъ организацій.

Уже во время переговоровъ по прямому проводу нѣкоторые изъ министровъ к.-д. нашли какъ форму, такъ и детали содержанія соглашенія непріемлемыми. Во всякомъ случаѣ, они требовали, чтобы, какъ и было условлено при посылкѣ министровъ, окончательнаго рѣшенія не принималось въ Кіевѣ. Министры были приглашены немедленно вернуться въ Петроградъ.

Когда въ Кіевѣ узнали, что Временное Правительство не считаетъ соглашенія окончательнымъ, противники соглашенія ободрились и стали утверждать,—какъ это и было въ дѣйствительности—, что Терещенко и Церетели не имѣли достаточныхъ полномочій для заключенія соглашенія, что дѣло пошло въ затяжку и т. д.. Боязнь, что соглашеніе будетъ сорвано, видимо побудила министровъ дать завѣренія, что какъ текстъ русскаго, такъ и текстъ украинскаго акта должны считаться окончательными. Въ ночь на 1-е іюля въ совѣщаніи органовъ революціонной власти и политическихъ партій были разсмотрѣны подробности относи-

тельно формы и состава краевого органа. Утромъ 1 іюля министры выѣхали въ Петроградъ.

Заключенное тремя министрами соглашеніе вызвало въ Петроградѣ сильнѣйшій протестъ со стороны министровъ к.-д. „Русскіе юристы", писалъ знатокъ государственнаго права, проф. Б. Э. Нольде („Рѣчь", 7 іюля), „привыкли послѣ переворота читать множество правовыхъ актовъ, которые, въ первую минуту, ихъ поражаютъ своей новизной и смѣлостью. Но такого акта, какъ „декларація" съ „универсаломъ", имъ читать еще не приходилось. Дѣйствительно, министры—диллетанты, руководившіеся единственнымъ желаніемъ—какъ-нибудь смягчить остроту борьбы, проявили чрезвычайную беззаботность въ юридическихъ вопросахъ. Не говоря уже о томъ, что ихъ постановленіе узаконивало несуществовавшія до сего въ правѣ понятія „Украины" и „Рады", юридическое содержаніе этихъ терминовъ оставалось совершенно неопредѣленнымъ. „Неопредѣленному множеству русскихъ гражданъ, живущихъ на неопредѣленной территоріи", говоритъ Нольде, „предписывалось подчиниться государственной организаціи, которую они не выбирали и во власть которой ихъ отдали безъ всякихъ серьезныхъ оговорокъ. Русское Правительство не знаетъ даже, *кого* оно передало въ подданство новому политическому образованію. . . Надъ этими милліонами русскихъ гражданъ поставлена власть, внутреннее устройство и компетенція которой внушаютъ полное недоумѣніе. . ." Рада „изъ своей среды" выбираетъ „отвѣтственный передъ нею" генеральный секретаріатъ, который будетъ утверждаться Временнымъ Правительствомъ и будетъ считаться „носителемъ высшей краевой власти Врем. Правительства". Такъ говорилъ „универсалъ". „Декларація" правительства дѣлаетъ попытку „нѣсколько расширить смыслъ" и выражается иначе: „назначить въ качествѣ высшаго органа управленія краевыми дѣлами на Украйнѣ особый органъ—секретаріатъ, составъ котораго будетъ опредѣленъ правительствомъ по соглашенію съ центральной укр. Радой". „При опредѣленіи *объема* власти нѣтъ даже фикцій. . .; въ приведенныхъ пожеланіяхъ заключается безусловная передача Радѣ всей совокупности государственно-правовыхъ полномочій, по крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ внутреннихъ". „Какое правовое возраженіе противопоставитъ Врем. Правительство украинской власти, если, ссылаясь на договоръ, послѣдняя потребуетъ передачи ей почты, или телеграфа, или

поступленій отъ налоговъ, если она устроитъ земство по своему, если она на своей „морской границѣ"—ибо все возможно при неопредѣленности договора и слабости Временнаго Правительства—заведетъ свои таможни. Впрочемъ, даже войско стоитъ подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, ибо Радѣ обѣщано „безъ нарушенія боеспособности арміи" комплектованіе отдѣльныхъ частей исключительно украинцами". (Нольде). Надо прибавить, что даже и аппеляція къ Учредительному Собранію теряла смыслъ, такъ какъ, по двусмысленнымъ выраженіямъ правительственнаго постановленія, „правительство авансомъ обѣщало" отнестись сочувственно" къ разработкѣ проекта украинской автономіи „въ томъ смыслѣ, въ которомъ сама Рада найдетъ это соотвѣтствующимъ интересамъ края", „для внесенія въ Учредительное Собраніе". Единственными уступками, полученными взамѣнъ всего этого, было обязательство пополнить Раду „на справедливыхъ началахъ", предоставленныхъ ея усмотрѣнію, „представителями другихъ народностей, живущихъ на Украинѣ", и „рѣшительное отверженіе попытокъ самочиннаго осуществленія автономіи Украины (уже осуществлявшейся по соглашенію) до Учредительнаго Собранія".

2-го іюля министры пріѣхали въ Петроградъ и сдѣлали подробный докладъ о переговорахъ въ засѣданіи Временнаго Правительства. Тутъ же былъ прочтенъ заготовленный въ Кіевѣ проектъ правительственнаго постановленія и указано, что текстъ этотъ *долженъ быть принятъ безъ всякихъ измѣненій*. Единственная возможная уступка — замѣна „постановленія" — „декларацiей".

Не въ первый уже разъ рѣшенія, подготовленныя келейно въ руководящей группѣ членовъ кабинета, проводились въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства большинствомъ министровъ-соціалистовъ, при поддержкѣ В. Н. Львова, Годнева или кн. Львова. Министры партіи народной свободы неизбѣжно въ такихъ случаяхъ оставались въ меньшинствѣ. Такимъ образомъ, нарушался въ корнѣ самый принципъ коалиціи, на основѣ котораго они вошли въ правительство. Такъ прошли постановленія объ упраздненіи Думы, о назначеніи невозможнаго срока созыва Учредит. Собранія. Послѣ того, какъ манифестація 17 іюня выяснила, что Совѣтское большинство вообще конфузится поддерживать Временное Правительство, положеніе т. наз. „министровъ-капиталистовъ" въ немъ стало совершенно невозможнымъ. Газета „Рѣчь" тогда же

(18 іюня) поставила вопросъ, насколько цѣлесообразно ихъ дальнѣйшее пребываніе въ кабинетѣ. Начавшееся на фронтѣ наступленіе, для котораго, собственно, и было составлено коалиціонное правительство, нѣсколько задержало его распадъ. Но именно къ наступленію, несмотря на „пріятіе войны“ умѣренными соціалистами, органы революціонной демократіи относились болѣе, чѣмъ прохладно. Затѣмъ, началась въ средѣ этихъ органовъ форменная кампанія противъ каждаго изъ министровъ к.-д. по одиночкѣ. На очереди былъ теперь министръ народнаго просвѣщенія А. А. Мануиловъ. Въ его министерствѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ, тоже образовался полуявочнымъ порядкомъ коллективный органъ „революціонной демократіи“, съ обычной цѣлью „толкать“ министра въ направленіи „углубленія“ революціи. Это былъ т. наз „государственный комитетъ“, созданный изъ молодыхъ педагоговъ. Не ограничиваясь разработкой законопроектовъ по министерству народнаго просвѣщенія, которые министръ долженъ былъ принимать для проведенія въ кабинетѣ, „государственный комитетъ“ предъявлялъ претензіи прямо замѣнить министерство и министра. Правительство, среди массы неотложныхъ дѣлъ, дѣйствительно, не спѣшило съ коренными школьными реформами. Въ этихъ затяжкахъ обвиняли министра, заподозривали его добрую волю и, наконецъ, въ государственномъ комитетѣ и въ исполнительныхъ комитетахъ совѣтовъ провели резолюцію, въ которой объявили дальнѣйшее совмѣстное сотрудничество съ нимъ невозможнымъ. Это случилось какъ разъ передъ самымъ министерскимъ кризисомъ, и противники к.-д. даже обвиняли ихъ, что они самый кризисъ затѣяли для того, чтобы прикрыть „неудачнаго“ министра.

Конечно, кризисъ разыгрался не изъ-за одного украинскаго вопроса. Но рѣшеніе украинскаго вопроса „тріумвиратомъ“ въ Кіевѣ, съ нарушеніемъ основныхъ положеній коалиціи, представляло особенно яркое и типичное доказательство невозможности дальнѣйшаго существованія коалиціи. Министры партіи народной свободы, чтобы показать, что они вовсе не противъ областной автономіи Украины, принесли съ собой въ засѣданіе 2 іюля только-что состоявшееся рѣшеніе центральнаго комитета партіи — внести областную автономію въ программу и создать комиссію для выработки законопроекта. Но признать безъ всякихъ измѣненій, безформенную и юридически-неграмотную декларацію Терещенко и Церетели они не могли. Послѣ голосованія, въ которомъ на сто-

рону министровъ-соціалистовъ стали кн. Львовъ и оберъ-прокуроръ Синода В. Н. Львовъ, четыре министра к.-д., оставшіеся въ меньшинствѣ,—А. И. Шингаревъ, Д. И. Шаховской, А. А. Мануиловъ и В. А. Степановъ—вышли изъ состава Врем. Правительства, мотивируя это тѣмъ, что постановленіе по украинскому вопросу вносить хаосъ въ отношенія между правительствомъ и краевымъ органомъ и открываетъ радѣ почти законные способы осуществленія явочнымъ порядкомъ украинской автономіи. Центральный комитетъ партіи въ тотъ же день принялъ декларацію, главнымъ мотивомъ которой была мысль, что идея общенаціональнаго соглашенія оказалась безсильной обезпечить странѣ авторитетную власть. „Единое и сильное правительство можетъ быть создано либо усиленіемъ однородности его состава, либо такою его организаціей, которая обязывала бы элементы, входящіе въ составъ его, дѣйствовать въ основныхъ вопросахъ государственной жизни не путемъ перевѣса большинства надъ меньшинствомъ, а путемъ взаимныхъ соглашеній, направленныхъ къ осуществленію общенаціональныхъ задачъ". Заявленіе кончалось обѣщаніемъ поддерживать и впредь правительство въ наступленіи на фронтѣ и въ поддержаніи порядка внутри государства.

Въ то время, какъ принимались эти рѣшенія (2 іюля), крайніе элементы уже готовили новое уличное выступленіе. Выходъ министровъ к.-д. былъ связанъ ихъ политическими противниками съ іюльскимъ бунтомъ, хотя между тѣмъ и другимъ не было ничего общаго.

Какъ извѣстно, большевики старались сложить съ себя отвѣтственность за движеніе 3 — 5 іюля. Въ годовщину этихъ дней, въ 1918 г., Зиновьевъ на засѣданіи Петроградскаго Совѣта сказалъ слѣдующее: „Нашу партію обвиняли въ томъ, будто она устроила заговоръ 3 іюля. . . Прошелъ годъ, мы живемъ въ иной обстановкѣ, теперь нѣтъ никакихъ основаній скрывать то, что было. И мы заявляемъ такъ же, какъ заявляли годъ тому назадъ: наша партія ни въ какой мѣрѣ не подготовляла этого „заговора". Она дѣлала все возможное, чтобы сдержать выступленіе въ тотъ моментъ. . . Втеченіе двухъ недѣль, начиная съ демонстраціи 17 іюня, наша партія, вліяніе которой росло не по днямъ, а по часамъ, дѣлала все возможное, чтобы сдержать преждевременное выступленіе петроградскихъ рабочихъ. . . Всѣ дѣятели нашей партіи втеченіе двухъ недѣль занимались тѣмъ, что локализировали пожаръ. Мы, бывало,

шутили тогда промежъ себя, что мы превратились въ пожарныхъ... Мы чувствовали, что петроградскій авангардъ еще недостаточно сросся со всей арміей рабочихъ, что онъ забѣжалъ слишкомъ впередъ, что онъ слишкомъ нетерпѣливъ, что основныя колонны не подоспѣли, особенно солдатскія и крестьянскія“. Нѣкто И. Петработскій въ брошюрѣ: „Правда объ іюльскихъ дняхъ“, изданной вскорѣ послѣ событій („къ предстоящему процессу интернаціоналистовъ“), также утверждалъ, что движеніе началось стихійно, что „большевистскимъ ораторамъ, пытавшимся удержать массы отъ выхода на улицу, кричали: „мы выйдемъ безъ васъ“, и что цѣль большевиковъ была взять въ руки манифестацію и направить ее въ мирное русло.

Доля правды, заключающаяся въ этихъ утвержденіяхъ, состоитъ въ томъ, что въ іюлѣ лидеры большевиковъ еще не считали положеніе достаточно созрѣвшимъ для того, чтобы произвести окончательный ударъ (см. октябрьское заявленіе Ленина въ III выпускѣ). Но они не прочь были произвести пробу, и, во всякомъ случаѣ, даже и мирная агитація за захватъ власти не могла обойтись безъ демонстративныхъ уличныхъ выступленій. Къ началу іюля дѣло осложнилось двумя обстоятельствами. Во первыхъ, солдаты петроградскаго гарнизона были раздражены тѣмъ, что „сорокалѣтнихъ“ не хотятъ отпускать съ фронта на полевыя работы, —они были взволнованы также слухами о расформированіи нѣкоторыхъ полковъ на фронтѣ и въ тылу за неисполненіе приказовъ. Центромъ агитаціи былъ первый пулеметный полкъ, который и организовалъ военную часть выступленія 3 іюля. Отъ пулеметнаго полка разсылались эмиссары къ другимъ воинскимъ частямъ, съ приглашеніемъ принять участіе въ выступленіи. У солдата, явившагося для захвата типографіи „Новаго Времени“, былъ отобранъ документъ, свидѣтельствующій объ этой сторонѣ подготовительной работы. Документъ гласилъ. . . „мандатъ. Симъ уполномачиваются товарищи Гурѣевъ, Пахомовъ и Никоновъ отправиться въ Ораніенбаумъ для объявленія *постановленія о вооруженномъ выступленіи* трехъ батальоновъ I-го пулеметнаго полка *завтра, 3 іюля, для сверженія Временнаго Правительства и возстановленія власти Совѣта* р. и с. депутатовъ, и чтобы просить товарищей поддержать наши выступленія“. Съ тѣми же просьбами обращались эмиссары пулеметнаго полка и во время самаго выступленія. Эта сторона подготовки, несомнѣнно большевистской по существу, видимо

велась внѣ тѣснаго круга большевистскихъ вождей, и результаты ея, сказавшіеся вечеромъ 3 іюля, были для нихъ большой неожиданностью. Но уже несомнѣнно, въ кругѣ ихъ ближайшаго вѣдѣнія лежала другая сторона подготовки — созданіе центральнаго штаба революціоннаго выступленія. „Правда" уже задолго объявила печатно свое рѣшеніе „завоевать" петроградскій совѣтъ р. и с. депутатовъ, — „въ первую очередь" его рабочую секцію, такъ какъ въ солдатской секціи вліяніе большевиковъ было гораздо слабѣе. 28 іюня въ „Правдѣ" былъ напечатанъ приказъ борьбы съ „контръ-революціей" и при этомъ указано, что онъ будетъ проводиться большевиками на предстоящемъ экстренномъ засѣданіи рабочей секціи. 30 іюня это засѣданіе было назначено на 1 іюля: „Правда" обязывала всѣхъ большевиковъ и „объединенцевъ" явиться на это засѣданіе, подъ угрозой замѣны ихъ другими лицами. Наконецъ, 2 іюля „Правда" оповѣстила, что засѣданіе переносится на 3 іюля, причемъ угроза въ случаѣ неявки была повторена. Когда въ 7-мъ часу вечера началось это засѣданіе, его явной цѣлью было „завоевать рабочую секцію". О вооруженной поддержкѣ не было рѣчи; и даже когда было сообщено передъ засѣданіемъ, что къ Таврическому дворцу идутъ пулеметчики съ тремя пулеметами, то ораторы напомнили, что вооруженныя выступленія запрещены всѣмъ, включая и большевиковъ. Во время самого засѣданія настроеніе перемѣнялось, по мѣрѣ полученія дальнѣйшихъ свѣдѣній о томъ, что происходило на улицахъ.

Происходило слѣдующее. Около 6 часовъ вечера 3 іюля на улицахъ появились автомобили съ неизвѣстными лицами, которые останавливались у казармъ войсковыхъ частей и приглашали солдатъ примкнуть къ предстоящему вооруженному выступленію. Къ 7 часамъ забастовали рабочіе Выборгской стороны (Лесснеръ, Нобель, Парвіайненъ) и Путиловскаго завода; толпы рабочихъ отправились въ центральныя части города. Около 7 часовъ появилось воззваніе соединенныхъ бюро комитетовъ совѣтовъ р., с. и кр. депутатовъ къ солдатамъ и рабочимъ. Руководящій органъ „революціонной демократіи" объявлялъ, что расформированіе полковъ произведено по требованію армейскихъ и фронтовыхъ организацій и напоминалъ, что ни одна воинская часть не имѣетъ права выходить съ оружіемъ безъ призыва главнокомандующаго въ согласіи съ комитетами Совѣтовъ. Ослушниковъ воззваніе грозило объявить „измѣнниками и врагами революціи".

Несмотря на это, около 8 съ половиной часовъ выступили Гренадерскій и пулеметный полки: появились вооруженные пулеметами автомобили; начался захватъ встрѣчныхъ автомобилей и грузовиковъ. У Финляндскаго вокзала, у Литейнаго моста, на Невскомъ начались митинги; усердно агитировали анархисты и большевики съ дачи Дурново. Мальчишки раздавали вооруженнымъ лицамъ патроны. Появились обычные плакаты извѣстнаго намъ содержанія; сорокалѣтнимъ солдатамъ объявили, что они свободны и могутъ ѣхать домой: Совѣты уже взяли власть.

Въ засѣданіи рабочей секціи всѣ лидеры были на лицо: Зиновьевъ, Каменевъ, Троцкій, Рязановъ. Тонъ и содержаніе ихъ рѣчей теперь перемѣнились: видимо они рѣшили не отклоняться отъ начавшагося движенія. Съ трибуны Таврическаго дворца они уже рисовали картины поголовнаго возстанія. Тщетно, Либеръ, Вайнштейнъ, Капланъ, Войтинскій пытались опровергнуть ихъ фактами, указывая, что изъ Гренадерскаго полка вышло только 800 человѣкъ, другіе полки колеблются, Путиловскіе рабочіе съ 3-хъ часовъ ждутъ и не знаютъ, куда идти, и т. д. Къ 9 часамъ вечера подошелъ къ Таврическому Дворцу первый пулеметный полкъ съ плакатами: „долой министровъ-капиталистовъ", за нимъ слѣдовали автомобили съ пулеметами и „красная гвардія". Къ пулеметчикамъ вышелъ Чхеидзе, но рѣчь его не имѣла никакого успѣха. Недружелюбно встрѣченъ и Войтинскій. Зато Троцкій, заявившій, что теперь насталъ моментъ, когда власть должна перейти къ совѣтамъ, былъ встрѣченъ шумными апплодисментами, такъ же, какъ Зиновьевъ, Стекловъ и др. большевики.

Въ трудовой секціи внесено Каменевымъ предложеніе—образовать комиссію въ 25 человѣкъ, которые бы руководили движеніемъ, съ цѣлью придать ему мирный и организованный характеръ. Проектъ резолюціи мотивировалъ это „необходимостью, *въ виду кризиса власти*, настаивать на томъ, чтобы всеросс. Совѣтъ с., р. и крест. д. взялъ въ свои руки всю власть". Тщетно Чхеидзе возражалъ, что существуетъ центральный комитетъ Совѣтовъ, который какъ разъ и обсуждаетъ вопросъ о правительственномъ кризисѣ. Меньшевики и с.-р., видя, что они въ меньшинствѣ, покинули залу засѣданія. Резолюція была принята одними большевиками и тутъ же выбраны 15 человѣкъ двадцатипятичленной комиссіи.

Главнымъ штабомъ начавшагося такимъ образомъ серьезнаго

движенія оказался, однако, не Таврическій дворецъ, а цитадель Ленина, домъ Кшесинской, съ классическимъ балкономъ, съ котораго привѣтствовалъ возставшихъ солдатъ и рабочихъ самъ Ленинъ, невполнѣ оправившійся отъ болѣзни. Сюда къ 10 часамъ пришла пятитысячная толпа солдатъ и рабочихъ; отсюда разсылались автомобили съ распоряженіями къ Таврическому дворцу, къ Михайловскому манежу и т. д. По воспоминаніямъ Н. Арскаго*), „всей операціей по возстанію 3 іюля и слѣдующихъ дней завѣдывала военная организація при Центр. Комитетѣ с.-д. партіи, помѣщавшаяся въ домѣ Кшесинской. Въ нее, кромѣ членовъ ц. к., входили представители различныхъ воинскихъ частей. Военная организація имѣла записи о распредѣленіи воинскихъ частей и вооруженныхъ рабочихъ по раіонамъ, въ ней же были сосредоточены свѣдѣнія по развѣдкѣ, внѣшнему караулу, по сношенію съ частями, по Петропавловской крѣпости, свѣдѣнія о воинскихъ частяхъ, входящихъ въ группу Выборгской и Петроградской сторонъ, Марсова поля и т. д. На своихъ бланкахъ военная организація разсылала боевые приказы о вооруженномъ выступленіи, о присылкѣ машинъ, о присылкѣ изъ Кронштадта крейсеровъ. Здѣсь же на картѣ были обозначены пункты, которые надлежало захватить."**)

Пока здѣсь дѣйствовали, въ Таврическомъ дворцѣ говорили. Въ 12 ч. ночи началось соединенное засѣданіе комитетовъ Совѣтовъ. Телеграммой Чхеидзе въ засѣданіе были вызваны представители всѣхъ петроградскихъ заводовъ и воинскихъ частей. Чхеидзе открылъ засѣданіе предложеніемъ — постановить, что всѣ участники засѣданія должны считать себя связанными его рѣшеніями и проводить ихъ въ жизнь: несогласные съ этимъ должны тотчасъ же удалиться. Большевики остались въ меньшинствѣ (21) и вышли изъ залы, но тотчасъ вернулись и заявили, что постановленіе незаконно и что они будутъ аппелировать къ интернаціоналу. Въ дальнѣйшихъ преніяхъ выступилъ, между прочимъ, молодой человѣкъ въ солдатской формѣ, назвавшійся Скляровымъ, и предъявилъ требованіе отъ перваго пулеметнаго полка о передачѣ всей власти *петроградскому* Совѣту. Присутствовавшіе въ засѣданіи представители пулеметнаго полка его не признали; Скляровъ заявилъ, что

*) Сборникъ „Пережитое", книга I-ая, статья: „На переломѣ".

**) Въ печати того времени были слухи, что во дворцѣ Кшесинской съ участіемъ Ленина уже 2 іюля былъ разработанъ самый планъ возстанія и, между прочимъ, принято приведенное выше рѣшеніе пулеметчиковъ.

онъ только 3 іюля поступилъ въ полкъ; изъ дальнѣйшаго разспроса объяснилось, что онъ только-что избѣжалъ ареста въ пулеметномъ полку, гдѣ были арестованы его спутники, пріѣхавшіе туда для агитаціи, въ томъ числѣ членъ агитаціонной комиссіи Совѣта Вайнштейнъ, портфель котораго оказался у Склярова. Этотъ маленькій эпизодъ снова вводитъ насъ въ тайную лабораторію іюльскаго возстанія.

Въ концѣ преній собраніе приняло новое обращеніе къ рабочимъ и солдатамъ, внесенное и мотивированное Церетели. Комитетъ Совѣтовъ обращалъ вниманіе на то, что, требуя передачи власти Совѣтамъ, возставшіе сами же посягаютъ на эту власть и, косвенно, „подкапываются подъ всякую народную власть, не исключая будущаго Учредительнаго Собранія". Они „требовали, разъ навсегда, прекращенія подобныхъ позорящихъ весь революціонный Петроградъ выступленій" и „призывали ждать рѣшенія полномочнаго органа демократіи по поводу кризиса власти."

Во время этихъ преній Таврическій дворецъ все время былъ окруженъ толпами рабочихъ и солдатъ. Часть ихъ разошлась къ часу ночи, но на смѣну имъ явились новыя толпы, еще болѣе враждебно настроенныя. Ночь прошла тревожно. Только къ утру прекратились одиночные выстрѣлы.

Утро 4 іюля, съ внѣшней стороны, началось нормально. Но уже въ 10 ч. опять было прекращено трамвайное движеніе. Толпы рабочихъ опять двинулись изъ рабочихъ кварталовъ на Невскій. Къ полудню, къ возставшимъ частямъ петроградскаго гарнизона пришли на поддержку пулеметчики изъ Ораніенбаума и подвезены были матросы и солдаты изъ Кронштадта подъ предводительствомъ Раскольникова и „доктора" Рошаля. Главный штабъ большевиковъ въ домѣ Кшесинской продолжалъ свою энергичную дѣятельность. Ленинъ, Луначарскій и другіе опять говорили рѣчи съ балкона, призывая къ сверженію остальныхъ „шести министровъ-капиталистовъ" и къ дальнѣйшей организованной борьбѣ за большевистскіе лозунги. Получивъ это напутствіе, десятки тысячъ вооруженныхъ манифестантовъ двигались отъ особняка Кшесинской къ Таврическому дворцу, въ сопровожденіи членовъ ц. к. и броневыхъ автомобилей.

О Временномъ Правительствѣ какъ-то забыли. Въ 11 часовъ утра оно вырабатывало декларацію въ квартирѣ министра-предсѣдателя кн. Г. Е. Львова. Керенскій, наканунѣ пріѣхавшій въ Пе-

троградъ, тотчасъ же уѣхалъ на западный фронтъ: двадцат минутъ спустя послѣ отхода поѣзда возставшіе пришли ловить его на вокзалъ, но уже не застали. За нимъ была послана телеграмма, извѣщавшая его о событіяхъ, начало которыхъ онъ видѣлъ.

Засѣданіе правительства еще не кончилось, когда изъ штаба сообщили, что на Невскомъ происходитъ стрѣльба. Рѣшено было перенести засѣданіе въ штабъ. Тамъ были кн. Львовъ, Церетели, министръ юстиціи Переверзевъ, два помощника военнаго министра. Былъ моментъ, когда положеніе правительства казалось безнадежнымъ. Преображенцы, Семеновцы, Измайловцы, не примкнувшіе къ большевикамъ, заявили и правительству, что они сохраняютъ „нейтралитетъ". На Дворцовой площади, для защиты штаба, были только инвалиды и нѣсколько сотенъ казаковъ. Войска изъ окрестностей Петрограда, вызванные главнокомандующимъ округомъ, ген. Половцевымъ, могли явиться только къ вечеру. Въ ожиданіи ихъ, приказъ Половцева воинскимъ частямъ „приступить немедленно кь возстановленію порядка" оставался мертвой буквой. Два „министра-капиталиста", Н. В. Некрасовъ и М. И. Терещенко, при этихъ условіяхъ исчезли изъ штаба, не предупредивъ товарищей. На слѣдующее утро появился приказъ Н. В. Некрасова отъ 4 Іюля о томъ, что правительство „удовлетворяетъ" его ходатайство объ отставкѣ и онъ передаетъ управленіе министерствомъ своему товарищу А. В. Ливеровскому.

Таврическій дворецъ сдѣлался настоящимъ центромъ борьбы. Втеченіе цѣлаго дня къ нему подходили вооруженныя части, раздраженно требовавшія, чтобы совѣтъ взялъ, наконецъ, власть. Въ 2 часа началось засѣданіе солдатской секціи, но оказалось, что изъ 700 членовъ собралось только 250 человѣкъ. Засѣданіе не успѣло закончиться, когда (въ 4 часа дня) залъ потребовался для соединеннаго засѣданія совѣтовъ. Какъ разъ къ этому времени подошли къ Таврическомудворцу кронштадтцы и пытались ворваться во дворецъ. Они требовали министра юстиціи Переверзева для объясненій, почему арестованъ на дачѣ Дурново кронштадтскій матросъ Желѣзняковъ и анархисты (см. выше). Вышелъ Церетели и объявилъ враждебно настроенной толпѣ, что Переверзева нѣтъ здѣсь и что онъ уже подалъ въ отставку и больше не министръ. Первое было вѣрно, второе не вѣрно. Лишившись непосредственнаго предлога, толпа немного смутилась, но затѣмъ начались крики, что министры всѣ отвѣтственны другъ за друга, и сдѣлана была

попытка арестовать Церетели. Онъ успѣлъ скрыться въ дверяхъ дворца. Изъ дворца вышелъ для успокоенія толпы Черновъ. Толпа тотчасъ бросилась къ нему, требуя обыскать, нѣтъ ли у него оружія. Черновъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ не будетъ разговаривать съ ними. Толпа замолкла. Черновъ началъ длинную рѣчь о дѣятельности министровъ-соціалистовъ вообще и своей, какъ министра земледѣлія, въ частности. Что касается министровъ — к.-д., то „скатертью имъ дорога". Чернову кричали въ отвѣтъ: „что же вы раньше этого не говорили? Объявите немедленно, что земля переходитъ къ трудящемуся народу, а власть — къ совѣтамъ". Рослый рабочій, поднося кулакъ къ лицу министра, изступленно кричалъ: „принимай, с. с., власть, коли даютъ". Среди поднявшагося шума, нѣсколько человѣкъ схватили Чернова и потащили къ автомобилю. Другіе тащили къ дворцу. Порвавъ на министрѣ пиджакъ, кронштадтцы втащили его въ автомобиль и объявили, что не выпустятъ, пока совѣтъ не возьметъ всю власть. Въ залъ засѣданія ворвались возбужденные рабочіе съ крикомъ: товарищи, Чернова избиваютъ. Среди суматохи Чхеидзе объявилъ, что товарищамъ Каменеву, Стеклову, Мартову поручается освободить Чернова. Но освободилъ его подъѣхавшій Троцкій: кронштадтцы его послушались. Въ сопровожденіи Троцкаго Черновъ вернулся въ залу*).

Возобновившееся въ 4 съ половиной засѣданіе Комитетовъ и далѣе прерывалось бурными вторженіями съ улицы. Явилось 90 представителей 64-хъ фабрикъ и заводовъ и требовали, чтобы ихъ впустили въ залъ засѣданія. Когда это было сдѣлано, ораторы рабочихъ заявили протестъ противъ воззваній, смѣшивавшихъ ихъ съ „контръ-революціонерами", потребовали передачи власти совѣтамъ, контроля надъ промышленностью и борьбы съ надвигающимся голодомъ. Послѣ ихъ удаленія выступилъ Церетели и заявилъ, что передача власти совѣтамъ, которую онъ въ принципѣ уже не отрицалъ, не можетъ быть дѣломъ Исполнительныхъ комитетовъ. Для этого нуженъ „полномочный органъ"—съѣздъ совѣтовъ, который онъ предлагаетъ созвать втеченіе двухъ недѣль. Чтобы безотвѣтственные элементы не мѣшали работать, этотъ съѣздъ долженъ

*) Въ своемъ историческомъ очеркѣ революціи до Брестъ-Литовска Троцкій разсказалъ, что ему пришлось встрѣтиться въ Крестахъ съ матросомъ, участвовавшимъ въ попыткѣ арестовать Чернова. Это былъ обыкновенный уголовный преступникъ, которой уже раньше сидѣлъ въ Крестахъ за кражу.

быть созванъ въ Москвѣ. Власть же до съѣзда должна оставаться въ рукахъ министровъ-соціалистовъ, чтобы показать, что уходъ к.-д. не испугалъ демократію. Данъ возражалъ, что власть должны взять виновники 3 іюля. . .

На улицахъ все время происходила стрѣльба и отдѣльныя схватки. Видную роль въ борьбѣ съ возставшими съиграли въ этотъ день казаки. Но они и поплатились за это. У Литейнаго моста отрядъ казаковъ попалъ въ засаду, былъ обстрѣлянъ изъ пулеметовъ и потерялъ нѣсколько человѣкъ ранеными и убитыми. Наконецъ, около 7 часовъ вечера начали обнаруживаться первыя послѣдствія правительственныхъ обращеній къ войскамъ, остававшимся вѣрными. Въ это время пришли на Дворцовую площадь и подкрѣпили инвалидовъ 9 кавалерійскій полкъ, Владимірское военное училище, первый казачій полкъ. Правительство ободрилось. На выручку Таврическаго дворца шли Литовскій и 176-й полки.

Это было какъ разъ во время, такъ какъ Таврическій дворецъ переживалъ самыя тревожныя минуты. Толпа, окружающая дворецъ, стала вести себя особенно вызывающе, требуя уничтоженія буржуазіи и заявляя, что надо убить министровъ-соціалистовъ. Въ залъ засѣданія ворвался солдатъ съ винтовкой и заявилъ, что если къ „революціонной арміи“ не выйдетъ Церетели, то они войдутъ и выведутъ его силой. Съ трудомъ удалось разоружить солдата.

Вдругъ раздались выстрѣлы. Это окружавшая толпа стрѣляла въ приближавшуюся къ дворцу артиллерію. Одинъ залпъ и слухи о приближеніи названныхъ полковъ привели толпы въ состояніе паники. Солдаты и рабочіе бросились бѣжать отъ дворца, куда попало. Засѣдавшіе совѣты, по ироническому замѣчанію Зиновьева, „дождались наконецъ радостнаго момента, когда на трибунѣ показался поручикъ Кучинъ, и предсѣдатель Данъ бросился въ его объятія и они облобызались... Раздались звуки марсельезы“. Это былъ оркестръ музыки Измайловскаго полка, прибывшій въ первомъ часу ночи въ полномъ вооруженіи и построившійся въ залѣ Таврическаго дворца. Въ это время министры Некрасовъ и Терещенко вернулись въ засѣданіе Временнаго Правительства. Авантюра большевиковъ приходила къ концу.

Однимъ изъ обстоятельствъ, переломившихъ настроеніе „нейтральныхъ“ воинскихъ частей было опубликованіе нѣкоторыхъ документовъ развѣдки. Мысль принадлежала министру Переверзеву.

Правительство не рѣшалось публиковать эти документы отъ себя, а передало ихъ журналистамъ Г. А. Алексинскому (Члену I-ой Думы) и В. С. Панкратьеву, бывшему шлиссельбуржцу. Опубликованныя свѣдѣнія состояли изъ показанія прапорщика Ермоленко, переброшеннаго черезъ германскій фронтъ „для агитаціи въ пользу скорѣйшаго заключенія мира съ Германіей". Ермоленко указывалъ на связь Ленина съ германскимъ генеральнымъ штабомъ и называлъ имена довѣренныхъ лицъ въ Стокгольмѣ, черезъ которыхъ шли денежныя сношенія германцевъ съ большевиками. Правда, тутъ еще не было такихъ подробныхъ указаній, которыя были опубликованы уже послѣ октябрьской побѣды большевиковъ (конецъ 1917 г.; см. IV-й выпускъ). Но все же впервые были названы имена посредниковъ: Якова Фюрстенберга (Ганецкаго), Парвуса-Гельфанта въ Стокгольмѣ, прис. пов. М. Ю. Козловскаго и родственницы Ганецкаго, Суненсонъ, занимавшейся вмѣстѣ съ нимъ спекулятивными сдѣлками. Указаны были и способы пересылки денегъ изъ Берлина черезъ Discontogesellschaft на Стокгольмскій Nya-Banken. О впечатлѣніи, произведенномъ этими документами, можно судить по тому, что, когда они были прочтены делегатамъ Преображенскаго полка, то преображенцы заявили, что теперь они немедленно выйдутъ на подавленіе мятежа. Дѣйствительно, они пришли первыми изъ гвардейскихъ частей на Дворцовую площадь; за ними подошли Семеновцы и Измайловцы.

Узнавъ о мѣрѣ, принятой по предложенію Переверзева, вернувшіеся въ штабъ Некрасовъ и Терещенко подняли цѣлую бурю. Они возражали, не безъ основаній, что преждевременное опубликованіе части документовъ спугнетъ преступниковъ, помѣшаетъ ожидавшемуся пріѣзду въ Петроградъ Ганецкаго и повредитъ слѣдствію. Правительство рѣшило остановить печатаніе, но уже не могло. Документы появились въ маленькой газетѣ „Живое Слово", а на слѣдующій день были перепечатаны и большими газетами.

Засѣданіе въ Таврическомъ дворцѣ продолжалось теперь при болѣе спокойномъ настроеніи. Въ четыре часа ночи на 5 іюля большинствомъ 100 противъ 40 была принята слѣдующая резолюція. „Обсудивъ кризисъ, созданный выходомъ изъ состава правительства трехъ министровъ к.-д. (Степановъ былъ товарищемъ министра) объединенное собраніе признаетъ, что уходъ к.-д. ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться поводомъ для лишенія правительства поддержки революціонной демократіи, но что, вмѣстѣ съ

тѣмъ, уходъ этотъ даетъ демократіи основаніе для пересмотра своего отношенія къ организаціи правительственной власти въ переживаемый историческій моментъ... Собраніе постановляетъ: собрать черезъ двѣ недѣли полное собраніе исполнительныхъ комитетовъ р., крест. и с. депутатовъ съ представительствомъ отъ мѣстъ для рѣшенія вопроса объ организаціи новой власти, озаботиться временнымъ замѣщеніемъ вакантныхъ должностей по управленію министерствами лицами по соглашеню съ ц. к. совѣтовъ р. и с. депутатовъ и исп. ком. всеросс. совѣта крест. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, охраняя волю всероссійской демократіи, собраніе подтверждаетъ, что до новаго рѣшенія полнымъ составомъ исполнительныхъ комитетовъ вся власть должна оставаться въ рукахъ теперешняго правительства, которое должно дѣйствовать послѣдовательно, руководясь рѣшеніями всер. съѣзда совѣтовъ р. и с. д. и Исп. Ком. Совѣта крест. д.. Если бы революціонная демократія признала необходимымъ переходъ всей власти въ руки совѣтовъ, то только полному собранію исполнительныхъ комитетовъ можетъ принадлежать рѣшеніе этого вопроса“.

Для окончательнаго возстановленія порядка Временное Правительство по соглашенію съ исп. ком. 5 іюля рѣшило составить особую комиссію въ контактѣ съ главнокомандующимъ войсками округа. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено создать слѣдственную комиссію для выясненія виновныхъ. По городу втеченіе дня еще ѣздили отъ времени до времени автомобили съ вооруженными людьми, но они немедленно захватывались патрулями правительственныхъ войскъ. Настроеніе и составъ публики на улицахъ совершенно перемѣнились. Къ вечеру Петроградъ былъ совершенно спокоенъ.

Подводя итоги большевистской попытки 3—5 іюля, Троцкій въ своемъ историческомъ очеркѣ революціи говоритъ: движеніе 3—5 іюля показало съ полной очевидностью, что руководящія партіи совѣтовъ жили въ Петроградѣ въ совершенной политической пустотѣ. Правда, гарнизонъ вовсе еще не былъ въ то время на нашей сторонѣ. Были среди него колеблющіяся части, были нерѣшительныя и пассивныя... Рабочіе и солдаты требовали отъ нашей партіи большей активности. Но мы считали, что, въ виду отсталаго настроенія провинціи, часъ для рѣшительнаго наступленія не наступилъ. Наша партія, съ одной стороны, боялась, что Петроградъ (въ случаѣ ихъ побѣды) окажется изолированнымъ отъ провинціи. Съ другой стороны, мы надѣялись, что актив-

ное и энергичное вмѣшательство Петрограда можетъ спасти положеніе".

Тутъ, какъ видимъ, не было ясной позиціи. Большевики 3—5 іюля выступили безъ программы. Если бы они побѣдили, они не знали бы, какъ воспользоваться побѣдой. Но въ качествѣ технической пробы, опытъ былъ для нихъ, несомнѣнно, чрезвычайно полезенъ. Онъ показалъ имъ, съ какими элементами надо имѣть дѣло; какъ надо организовать эти элементы; наконецъ, какое сопротивленіе могутъ оказать правительство, совѣтъ и воинскія части. Итоги опыта были чрезвычайно поощрительны. Большевики увидали, какъ, въ сущности, легко овладѣть властью. Было очевидно, что, когда наступитъ время для повторенія опыта, они произведутъ его болѣе систематически и сознательно.

Что извлекла изъ урока другая, побѣдившая сторона? Мы это увидимъ въ слѣдующихъ главахъ. Предваряя изложеніе, можно лишь сказать, что побѣдители слишкомъ легко отнеслись къ своей быстрой побѣдѣ и далеко не дооцѣнили значенія тѣхъ факторовъ, дѣйствіе которыхъ причинило имъ нѣсколько непріятныхъ часовъ. Прошелъ минутный страхъ—и все, какъ будто, пошло по старому. Текущая жизнь, съ ея очередными вопросами, снова заслонила отъ нихъ тѣ глубины, которыя на нѣсколько моментовъ разверзлись передъ ними. Коренныя проблемы революціи остались нерѣшенными, хотя и были теперь поставлены во весь ростъ. Фатально государственный корабль несло теченіемъ къ крутому обрыву.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РОССIЙСКО-
БОЛГАРСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФIЯ

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

. СОФІЯ, Ул. 11 АВГУСТА, 4.

Телегр. адресъ: **Софія Рубокнига.**

ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ:

П. Н. Милюковъ. „ИСТОРІЯ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ“. Въ четырехъ томахъ (1-й вып. I т. пост. въ прод.).
Петръ Струве. „РАЗМЫШЛЕНІЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ“. (Пост. въ продажу).
К. Н. Соколовъ. „ПРАВЛЕНІЕ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА“. (Пост. въ продажу).
В. В. Шульгинъ. „1920 г.“ Очерки. (Печат.).
Кн. Евг. Н. Трубецкой. „ВОСПОМИНАНІЯ“. (Печат.).
„РУССКІЕ СБОРНИКИ“ подъ ред. проф. Э. Д. Гримма и К. Н. Соколова. Книги первая и вторая (поступ. въ продажу).
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“. Ежемѣсячное литературно-политическое изданіе подъ редакціей Петра Струве. (Кн. 1—2, январь-февраль, поступ. въ продажу).

ОТДѢЛЪ РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКІЙ:

Митрополитъ Антоній. „СЛОВАРЬ КЪ ТВОРЕНІЯМЪ ДОСТОЕВСКАГО“. (Печат.).
Петръ Струве. „СТАТЬИ О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ“. (Пост. въ продажу).
С. Булгаковъ. „НА ПИРУ БОГОВЪ“. (Поступ. въ продажу).
Кн. Н. С. Трубецкой. „ЕВРОПА И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО“. (Пост. въ продажу).

ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ:

Ал. Блокъ. „ДВѢНАДЦАТЬ“, съ предисловіемъ П. Сувчинскаго (пост. въ продажу).
Эренбургъ. „ЛИКЪ ВОИНЫ“ (Во Франціи). (Пост. въ продажу).
Ю. Никольскій. „ТУРГЕНЕВЪ и ДОСТОЕВСКІЙ“ (Исторія одной вражды). (Пост. въ продажу).
Е. Н. Чириковъ. „СКАЗКА ПРО МИЛЬДУ И ЗОЙЛУ“. Съ иллюстраціями. (Печат.).
Г. Д. Уэльсъ. „РОССІЯ ВО МГЛѢ“. (Пост. въ продажу).

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

ВЪ СОФІИ

подготовляетъ къ выпуску въ свѣтъ собраніе историческихъ матеріаловъ, относящихся къ періоду 1917—1920 г. г., подъ общимъ названіемъ:

РЕВОЛЮЦІЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВЪ РОССІИ.

Главное содержаніе новаго изданія составятъ документы, характеризующіе событія, пережитыя Россіей со времени февральской революціи.

Участіе въ изданіи матеріалами и комментаріями къ нимъ оплачивается авторскимъ гонораромъ.

Подробный проспектъ изданія высылается безплатно по первому требованію всѣми представителями Россійско-Болгарскаго Книгоиздательства.

По всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ изданіемъ, надлежитъ обращаться по адресу: **Софія, ул 11 Августа, № 4, Россійско-Болгарское Книгоиздательство.**

СКЛАДЫ РОССІЙСКО-БОЛГАРСКАГО КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА ЗАГРАНИЦЕЙ

Парижъ.	J. Povolotzky et C-ie; 13, rue Bonaparte. Книжная лавка „Зеленая палочка", 31, rue de Richelieu.
Ницца.	Nossovitch; 33, Bd. Gambeta. Книжный магазинъ Розанова, Rue Longchamps, 7.
Женева.	Librairie W. Menkès, 3, rue de Carouge.
Римъ.	Libreria Russa „Slovo", 18, Piazza del Popolo.
Лондонъ.	A. Palibin, 18, Queen's Gate Place.
Берлинъ.	Russische Buchhandlung, H. Sachs, Wilhelmstr., 20.
Вѣна.	Iacob Persky, Währingerstr., 5/25.
Прага.	„Наша Рѣчь", Катеринска, 40.
Бѣлградъ.	Книжный магазинъ „Русская Мысль", улица Краля Милана, 12.
Аѳины.	Librairie Eleftheroudakis et Barth.
Кишиневъ.	Н. Авербухъ, ул. Гоголя, 20.
Нью-Іоркъ.	Preboy Book Company, 411, Grand Street.
Констан-ль.	M. Benediktoff, „Presse du Soire", Asmali Medjid, 35.

УЛ. 11 АВГУСТА № 4

3-11

П. Н. МИЛЮКОВЪ

ИСТОРІЯ
второй
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

КОРНИЛОВЪ или ЛЕНИНЪ?

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ — 1922

ТИПОГРАФІЯ „ДОБРУДЖА", АКЦІОНЕРН. О-ВО
СОФІЯ — 1922.

П. Н. МИЛЮКОВЪ

ИСТОРІЯ
второй
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

БОРЬБА БУРЖУАЗНОЙ
И
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

(ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ)

КОРНИЛОВЪ или ЛЕНИНЪ?

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ — 1921

ТИПОГРАФІЯ АКЦИОНЕРНАГО ДРУЖЕСТВО „ДОБРУДЖА“ — СОФІЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

КОРНИЛОВЪ или ЛЕНИНЪ?

I. Первый длительный кризисъ власти.

Три фазиса „углубленія" революціи. Затяжной характеръ министерскаго кризиса. Продолженіе правительственнаго кризиса. Уходъ кн. Г. Е. Львова. Декларація 8-го Іюля. Вліяніе неудачи наступленія. Новые переговоры съ к. д. Перерывъ переговоровъ. Отставка Керенскаго. Совѣщаніе партій въ Зимнемъ Дворцѣ. Керенскій возвращается. Возобновленіе переговоровъ. Признаніе новаго правительства партіями.

Разбираясь въ политическомъ содержаніи первыхъ двухъ періодовъ дѣятельности революціонной власти и сопоставляя ихъ съ послѣдующими, необходимо отмѣтить слѣдующія черты, характеризующія поступательный ходъ русскаго революціоннаго процесса.

1. Политическая борьба при *первомъ* правительствѣ шла между соціализмомъ, и „буржуазіей". Съ одной стороны стоялъ весь блокъ соціалистическихъ партій, сплотившихся,въ противоположность „буржуазіи", въ органахъ т. наз. „революціонной демократіи". Съ другой стороны, ей противополагались предполагаемые представители этой „буржуазіи" въ правительствѣ. При *второмъ* правительствѣ блокъ побѣдилъ, — и раскололся. Борьба передвинулась уже на ступень дальше влѣво: она шла теперь между умѣреннымъ соціалистическимъ большинствомъ „демократическихъ" организацій и ихъ меньшинствомъ. Послѣднее представляло точку зрѣнія утопическаго соціализма: бланкизма и революціоннаго синдикализма. Этотъ второй періодъ борьбы закончился фактическимъ пораженіемъ большинства, дискредитированнаго въ глазахъ той массы, на которую оно хотѣло опереться. А пораженіе большинства фактически приводило къ господству крайней большевистской группы меньшинства, уже тогда опиравшейся на значительную часть петроградскихъ рабочихъ и гарнизона.

Однако, меньшинство это все же не было достаточно съорганизовано. При всемъ вліяніи его демагогическихъ

лозунговъ на массу, оно еще не имѣло ни опредѣленной положительной программы, ни вооруженной силы, готовой поддерживать его господство. Одно было ясно, — что программа большевизма можетъ быть только разрушительной по отношенію ко всему существующему и только-утопической въ своей положительной части. Ясно было также и то, что осуществить такую программу можно лишь при помощи внѣшняго принужденія. Въ томъ и другомъ отношеніи, психологическое сопротивленіе, на которое натолкнулась бы побѣда крайняго фланга, было тогда еще слишкомъ велико. Не исключена была возможность и немедленнаго физическаго противодѣйствія со стороны не затронутыхъ еще пропагандой военныхъ частей. Вѣроятно, поэтому иниціаторы возстанія 3—5 Іюля сами смотрѣли на это возстаніе, лишь какъ на первую пробу. „Правда" гласно объ этомъ заявила. Для „первой пробы" вожди возстанія встрѣтили меньше сопротивленія, чѣмъ могли ожидать. Въ этомъ смыслѣ возстаніе пошло дальше намѣченной цѣли. Оно чуть не отдало власть въ руки большевиковъ и, во всякомъ случаѣ, показало имъ, что, технически, предпріятіе ихъ вовсе не такъ трудно осуществить, какъ это могло казаться раньше.

Въ ожиданіи новой и окончательной пробы —при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, положеніе, по необходимости, оставалось прежнее. *Формально*, господствующее вліяніе продолжало принадлежать умѣренно-соціалистическому большинству совѣтовъ. *Фактически*, вліяніе этого большинства на городскія массы чрезвычайно ослабѣло. Объ этомъ вскорѣ и засвидѣтельствовали выборы въ крупныхъ городскихъ центрахъ. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ группъ, занимавшихъ политически центральное положеніе, соотвѣтственно усилился не только лѣвый большевистскій флангъ (усиленіе его, собственно, и было причиной ослабленія центра), но также и правый „буржуазный" флангъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что, несмотря на выходъ изъ правительства министровъ партіи к. д., и послѣ возстанія 3—5 Іюля идея коалиціи не только не исчезла, но, наоборотъ, пріобрѣла временно больше силы и значенія, чѣмъ имѣла прежде.

2. Къ этому вела и та *вторая* черта, которую также надо отмѣтить: самое *существо программъ*, смѣнявшихся въ процессѣ „углубленія" революціи. Первое правительство, по существу, занималось не „углубленіемъ революціи", а укрѣпленіемъ ея завоеваній. Этому правительству принадлежитъ почти вся созидательная

работа, которая при немъ началась, а продолжалась и была закончена при слѣдующихъ правительствахъ. Но при первомъ же правительствѣ начался распадъ власти въ странѣ, разложеніе арміи на фронтѣ и организація соціалистическихъ партій въ органахъ „революціонной демократіи". Переходъ къ коалиціонному министерству былъ *добровольной* уступкой вновь организовавшимся силамъ, которыя, по добросовѣстному убѣжденію большинства членовъ перваго кабинета, представляли собой „живыя силы страны", ея настоящую „демократію".

Ходъ и исходъ дѣятельности второго правительства (перваго коалиціоннаго) не оставилъ мѣста никакимъ дальнѣйшимъ иллюзіямъ по этому поводу. Единственной реальной задачей, которую ставило себѣ это правительство, было успѣшное окончаніе войны въ согласіи съ союзниками. Но пріемы, которыми имѣлось въ виду достигнуть этой нормальной военно-дипломатической цѣли („демократизація" арміи и циммервальдскія начала внѣшней политики), оказались въ полномъ противорѣчіи съ самими цѣлями. Примѣненіе ихъ не могло не привести политику власти — а съ ней и самую власть — къ рѣшительному крушенію.

Фіаско „демократической" внѣшней политики вполнѣ обнаружилось уже къ концу перваго мѣсяца коалиціи. Грозные признаки неудачи военнаго наступленія — неудачи, также предвидѣнной соціалистами, — появились уже къ концу второго и послѣдняго мѣсяца коалиціоннаго управленія. Одновременно съ противорѣчіемъ между *задачами* военно-дипломатической дѣятельности и ея *пріемами* развернулось другое, еще болѣе глубокое и основное противорѣчіе: въ пониманіи всей задачи революціи.

3. Это послѣднее противорѣчіе — въ области соціальной политики — по существу, было *противорѣчіемъ между научнымъ и утопическимъ соціализмомъ.* Но, при шаткости границъ между тѣмъ и другимъ, при слабости умѣренныхъ теченій соціализма, оно приняло видъ остраго классового противорѣчія между „демократіей" и „буржуазіей". Умѣренныя теченія соціализма были убѣждены въ невозможности соціалистическаго переворота и безусловно признавали необходимость идти вмѣстѣ съ „буржуазіей", но въ то же время, они не могли, разорвать нитей, связывавшихъ ихъ въ общій соціалистическій блокъ со сторонниками борьбы за немедленный соціалистическій переворотъ. Это внутреннее противорѣчіе и вытекавшая изъ него неустойчивость так-

тики и погубили соціалистическій блокъ. Она просто сдѣлала его ни для кого ненужнымъ. Ибо позиція „буржуазной революціи“ лучше и послѣдовательнѣе защищалась несоціалистическими теченіями и наиболѣе организованнымъ изъ нихъ, партіей народной свободы. А позиція „соціалистической революціи“, опять таки, если не лучше, то послѣдовательнѣе развивалась большевистскими демагогами, находившими вѣру у солдатъ и рабочихъ. Призывъ этихъ демагоговъ къ углубленію классовой борьбы рылъ пропасть между двумя сторонами, и авторитетъ среднихъ теченій соціализма потонулъ въ этомъ прорывѣ.

4. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрушалась и иллюзія единства той „общенаціональной демократической платформы“, которую защищалъ Церетели. Время искренняго, основаннаго на недоразумѣніи и на незнаніи, союза между соціалистами и несоціалистами прошло. И „соглашательская“ роль Церетели была сыграна. На очередь выдвигалось *соглашательство безъ убѣжденія*, при полномъ свѣтѣ вскрывшихся противорѣчій и при ясномъ пониманіи невозможности примирить ихъ. Общенаціональная платформа, которая могла бы замѣнить обанкротившуюся партійную, была только одна: возстановленіе силы и единства власти, чтобы сохранить за грядущимъ представительствомъ *всего* народа свободу рѣшеній самыхъ коренныхъ вопросовъ политическаго и соціальнаго строя. Но господствующее пониманіе соціализма отвергало самое первое слово этой платформы: отвергало примѣненіе силы государственной властью. Дальнѣйшее управленіе безъ примѣненія силы было сознательнымъ бездѣйствіемъ власти, прикрытымъ революціонной фразой, потерявшей притомъ всякое конкретное содержаніе. Это бездѣйствіе власти равнялось добровольному самоустраненію ея отъ всякаго вліянія на жизнь и умыванію рукъ передъ тѣмъ, быстро прогрессировавшимъ, разложеніемъ во всѣхъ областяхъ жизни, которое неизбѣжно вытекало изъ сознательнаго же разжиганія центробѣжныхъ стремленій или изъ потворства этому разжиганію. Допуская рѣшительно все, революціонная власть, въ итогѣ, приходила къ тому же результату, какъ власть стараго режима, которая ничего не допускала. Въ обоихъ случаяхъ жизнь текла мимо, неудержимымъ потокомъ, оставляя у власти печальное сознаніе собственнаго безсилія и парализуя ея волю въ тѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ, когда уже и непосвященной публикѣ становилось ясно, что нужно дѣйствовать, — а дѣйствовать было поздно.

Если бы нужно было отмѣтить собственными именами *три фазиса бездѣйствія власти*, пройденные революціоннымъ правительствомъ въ двухъ предшествующихъ періодахъ и въ томъ, который намъ теперь предстоитъ описать; 1) бездѣйствія, такъ сказать, безсознательнаго и наивнаго; 2) бездѣйствія, основаннаго на убѣжденіи, и 3) бездѣйствія, прикрывающагося фразой, то мы связали бы эти фазисы съ именами кн. Львова, И. Г. Церетели и А. Ф. Керенскаго.

Личная роль Керенскаго въ первомъ министерствѣ, въ качествѣ „заложника демократіи", сводилась къ парализованію всѣхъ попытокъ власти быть властью и всѣхъ ея усилій воспрепятствовать процессу организаціи „революціонной демократіи" подъ партійнымъ политическимъ флагомъ. Во второмъ правительствѣ А. Ф. Керенскій принялъ на себя положительную и въ высшей степени отвѣтственную роль возродителя боевой мощи арміи, на основѣ революціоннаго энтузіазма и „революціонной дисциплины". Конкретная задача поставила его лицомъ къ лицу съ необходимостью принятія конкретныхъ мѣръ, неукладывавшихся въ кодексъ „непротивленія". А это привело его къ полному противорѣчію съ партійными единомышленниками и съ самимъ собой. Изъ этого внутренняго противорѣчія ему такъ и не удается высвободиться, когда ходъ событій выдвигаетъ его на постъ главнаго носителя высшей власти. Постепенно, противорѣчіе становится все болѣе замѣтнымъ и для окружающихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе выдвигается личный элементъ поведенія этого общественнаго дѣятеля. Всей силой перегибая революціонную колесницу въ сторону твердой власти, основанной на реальной поддержкѣ, но не рѣшаясь порвать и съ утопіей, которая тянула эту колесницу въ бездну, Керенскій чѣмъ дальше, тѣмъ больше становился единственнымъ связующимъ звеномъ между флангами, утратившими взаимное пониманіе, при центрѣ, продолжавшемъ терять поддержку массы. Политическая позиція, въ началѣ понятная и даже неизбѣжная, все болѣе превращалась въ одинокую позу, выдерживать которую становилось трудно для актера, а наблюдать со стороны — невыносимо для зрителя. И дальнѣйшее пребываніе въ этой позѣ объяснялось уже не порывомъ общественнаго служенія, а влеченіемъ личнаго вкуса. Чѣмъ дальше продолжалось это топтаніе на мѣстѣ, тѣмъ рѣшительнѣе общая любовь къ символической личности, воплощавшей въ себѣ идеалъ

революціи, уступали мѣсто столь же острымъ чувствамъ вражды и ненависти къ реальному политическому дѣятелю, отвѣтственному за ея ошибки.

Уходъ отъ власти министровъ к-д. ночью второго Іюля, открывшій правительственный кризисъ, и возстаніе 3—5 Іюля, его продолжившее, сдѣлались началомъ довольно длительнаго кризиса власти. При каждомъ переходѣ власти отъ одного революціоннаго правительства къ другому, эти кризисы, вообще, становятся все болѣе продолжительными и болѣзненными. Причина затяжного характера даннаго кризиса ясна изъ только что сказаннаго. При очевидной слабости соціалистическаго центра, онъ, повидимому, не могъ взять на себя созданіе чисто соціалистическаго правительства. Лозунгъ „вся власть совѣтамъ", пока большинство въ совѣтахъ принадлежало, именно, соціалистическому центру, а не крайнимъ, былъ, въ сущности, для большевиковъ фиктивнымъ лозунгомъ. Онъ явно былъ разсчитанъ на невозможность осуществленія. Съ другой стороны, по самому существу своего взгляда на революцію, какъ на „буржуазную", Церетели и его единомышленники вынуждены были опираться на „буржуазію".

Уходъ к-д. въ этомъ ничего не измѣнялъ. „Правда" еще 4-го Іюля открыто издѣвалась надъ министрами-соціалистами и заявляла, что она не вѣритъ уходу к-д. „Кадеты просто „пужаютъ" нашихъ добрыхъ министровъ-соціалистовъ: либо уступите намъ въ вопросѣ о землѣ, въ вопросѣ о Финляндіи, о рабочемъ контролѣ, либо мы уйдемъ — ей-Богу, уйдемъ, вотъ даже уже за шляпу взялись. Милюковъ и К-о по богатому опыту знаютъ, что нѣтъ лучшаго средства осѣдлать Церетели, Чернова и другихъ „соціалистовъ"-министровъ, какъ пригрозивъ имъ своей отставкой. И они ждутъ, что и на этотъ разъ имъ скажутъ: батюшка Милюковъ, (или, батюшка Шингаревъ), не уходи, ради Бога, на кого же ты насъ оставляешь". Оффиціозъ совѣтскаго большинства, „Рабочая Газета", тогда же, дѣйствительно, писалъ: „*мы противъ перехода власти въ руки соціалистовъ.* Мы считаемъ необходимымъ добиваться всѣми силами коалиціи въ министерствѣ съ представителями буржуазіи. Но съ какими? Съ тѣми лѣвыми элементами буржуазіи, которые искренно сами стремятся къ общей работѣ съ нами, которые понимаютъ требованія революціи, которые идутъ имъ навстрѣчу. Такіе элементы есть и во временномъ правительствѣ, и внѣ его, и разрывъ съ ними былъ бы въ высокой степени печа-

ленъ. Онъ осложнилъ бы положеніе революціи; онъ могъ бы оттолкнуть отъ нея ту массу буржуазной демократіи въ городѣ и деревнѣ, которая искренно идетъ сейчасъ подъ знаменемъ революціи". „Масса буржуазной демократіи въ городѣ и деревнѣ", какъ разъ, шла за ушедшей изъ министерства партіей.

Но аргументація „Рабочей Газеты", какъ и всегдашняя аргументація Церетели, никогда не хотѣла считаться серьезно съ интересами „массы буржуазной демократіи". Нужна была лишь „демократическая платформа", которая внѣшнимъ образомъ прикрывала бы разногласія и давала бы соціалистамъ фикцію буржуазной поддержки для осуществленія ихъ собственныхъ плановъ. И разсужденіе „Рабочей Газеты" направлено къ сохраненію той же позиціи, которая для к-д. стала непереносимой: мы беремъ тѣхъ, кто идетъ *съ нами* и дѣлаютъ *наше* дѣло. Гораздо послѣдовательнѣе съ точки зрѣнія марксизма былъ с-д. Потресовъ, доказывавшій тогда въ „Днѣ", что, если уже брать съ собой „буржуазію", такъ надо брать типичныхъ ея представителей, настоящихъ защитниковъ крупной буржуазіи и интересовъ торгово-промышленнаго класса. „Было бы напрасно обманывать себя надеждой", говорилъ онъ, „что можно укрѣпить власть любыми индивидуальностями изъ буржуазнаго міра. Нужно представительство вліятельныхъ общественныхъ организацій, а не отдѣльныхъ лицъ.... Обойти *такихъ* представителей, . . . не значитъ ли это — строить на пескѣ не солидное зданіе власти, а карточный домикъ, который сдуетъ первый шквалъ еще не улегшейся стихіи. *Намъ нужна буржуазія буржуазной революціи, не какъ фиговый листъ, а какъ союзникъ*, на котораго въ *извѣстныхъ предѣлахъ* можно разсчитывать".

Это была — *реальная* постановка вопроса. Но идеологическая постановка Церетели была совсѣмъ другая. Идя, какъ всегда, навстрѣчу господствующему настроенію минуты, Церетели въ Исполнительномъ Комитетѣ Совѣтовъ не отрицалъ (4-го Іюля), по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, возможности передачи всей власти совѣтамъ. Онъ лишь настаивалъ, что-бы это было сдѣлано полномочнымъ органомъ совѣта. Отсюда вытекло его предложеніе, закрѣпленное резолюціей совѣтовъ (см. выше): рѣшить вопросъ о будущемъ составѣ правительства на спеціальномъ съѣздѣ совѣтовъ въ Москвѣ, черезъ двѣ недѣли, а до тѣхъ поръ оставить все, какъ было. Правда, это рѣшеніе противорѣчило оффиціальному сообщенію кн. Львова губернскимъ комиссарамъ, отъ того

же 4-го Іюля, что правительство будетъ создаваться „въ прежнемъ соотношеніи представителей политическихъ теченій, *что вполнѣ одобряется* Исполнительными Комитетами Совѣтовъ".

Какъ бы то ни было, *на время* вопросъ былъ разрѣшенъ — отсрочкой рѣшенія. Въ неопредѣленной перспективѣ рисовалось соціалистическое правительство, поставленное съѣздомъ совѣтовъ, а въ настоящемъ — должности ушедшихъ министровъ занимали, на неопредѣленное время, „пока пріищутъ кандидатовъ", ихъ товарищи.

Было ясно одно — и объ этомъ кн. Львовъ заявилъ журналистамъ уже 3-го Іюля днемъ: „буржуазные" элементы, равносильные ушедшимъ, не пойдутъ теперь въ правительство безъ опредѣленнаго соглашенія на программѣ. „Необходимо выяснить программу дѣятельности новаго правительства, и *только послѣ этого* можно будетъ предлагать тѣхъ или другихъ лицъ". Для себя, какъ и для этихъ „другихъ", кн. Львовъ хотѣлъ не „фиговаго листка", а той „честной коалиціи", о которой говорилъ и Потресовъ: соглашенія „въ извѣстныхъ предѣлахъ". И было рѣшено, что „каждый министръ долженъ съ завтрашняго дня (4-го Іюля) подготовить планъ программы ближайшей дѣятельности правительства и завтра же въ дневномъ засѣданіи правительства выяснить свою опредѣленную точку зрѣнія, послѣ чего только и будетъ возможность говорить о составѣ новаго правительства".

Но 4-го Іюля обломки правительства сидѣли въ штабѣ, принимая мѣры къ усмиренію возстанія. Кн. Львовъ въ тотъ же день послалъ цитированную выше телеграмму губернскимъ комиссарамъ, въ которой оффиціально сообщалъ: „происшествіями вчерашняго и сегодняшняго дня прерваны переговоры объ образованіи правительства въ полномъ его составѣ, но, немедленно, послѣ ликвидаціи уличныхъ безпорядковъ эти переговоры возобновятся въ цѣляхъ созданія правительства *въ прежнемъ соотношеніи* представителей теченій" и т. д.

Раньше, однако же, чѣмъ переговоры возобновились, правительственный кризисъ успѣлъ „углубиться" еще больше. Утромъ, 5-го Іюля, ушелъ въ отставку министръ юстиціи П. Н. Переверзевъ при обстоятельствахъ, еще подчеркнувшихъ общую причину распада власти. Мы знаемъ, что наканунѣ, 4-го Іюля, министръ юстиціи согласился на опубликованіе документовъ контръ-развѣдки, обнаруживавшихъ подкупъ Ленина германцами и что это

рѣшеніе вызвало чрезвычайное волненіе въ органѣ „революціонной демократіи".

Протестъ совѣта былъ поддержанъ, по другимъ соображеніямъ, Некрасовымъ и Терещенко. Между тѣмъ П. Н. Переверзевъ уже принялъ мѣры, неизбѣжно вытекавшія изъ опубликованія документовъ о Ленинѣ: онъ приказалъ (въ возникшей тогда уже полемикѣ правительство приписывало это распоряженіе себѣ) арестовать скомпрометированныхъ документами Козловскаго и Суменсонъ, поручилъ прокурору произвести разслѣдованіе о Ленинѣ и, въ случаѣ надобности, арестовать также и его, и его сообщниковъ, чтобы не дать имъ возможности скрыться въ Швецію. Наконецъ, онъ сговорился съ ген. Половцевымъ относительно очищенія особняка Кшесинской, остававшагося главнымъ штабомъ большевиковъ во время возстанія. Послѣ всего этого правительство вдругъ отмѣнило рѣшеніе — опубликовать документы и утромъ, 5-го Іюля, сообщило министру юстиціи, что соглашается удовлетворить его прошеніе объ отставкѣ.

Все же аресты Козловскаго и Суменсонъ были произведены. Особнякъ Кшесинской, дача Дурново и Петропавловская Крѣпость, втеченіе 6-го Іюля, очищены были отъ большевиковъ, солдатъ и кронштадтскихъ матросовъ. „Самочинныя дѣйствія, аресты и обыски" были воспрещены подъ угрозой наказанія „со всей строгостью закона". Издано, наконецъ, слѣдующее постановленіе временнаго правительства: „всѣхъ, участвовавшихъ въ организаціи и руководствѣ вооруженными выступленіями противъ государственной власти, установленной народомъ, а также всѣхъ призывавшихъ и подстрекавшихъ къ нему, арестовать и привлечь къ судебной отвѣтственности, какъ виновныхъ въ измѣнѣ родинѣ, въ предательствѣ революціи". А. Ф. Керенскій, благополучно вернувшійся въ Петроградъ изъ Дна, вечеромъ, 6-го Іюля, заявилъ изъ окна штаба собравшейся публикѣ и солдатамъ, что „русская революціонная демократія и онъ, уполномоченный ею военный министръ, поставленный во главѣ арміи, и временное правительство не позволятъ никакихъ посягательствъ на русскую революцію".

Въ то же время поручикъ Георгій Мазуренко, членъ центральнаго исп. комитета совѣтовъ, былъ, „по соглашенію съ исполнительн. комитетомъ совѣтовъ", назначенъ командующимъ своднымъ отрядомъ войскъ, подходившихъ къ Петрограду на защиту Правительства. Среди этихъ войскъ назначеніе Мазуренко вызвало большое

недовольство. Оно еще усилилось тѣмъ, что въ своемъ приказѣ Мазуренко обратился къ войскамъ не отъ имени правительства, а отъ имени „высшаго органа революціонной демократической власти". „Мы", заявлялъ онъ отъ имени „стоящей на фронтѣ арміи", „можемъ быть только съ тѣми, кто. . . честно и сознательно выполняетъ волю большинства революціонной демократіи, выраженную въ постановленіяхъ всероссійскихъ съѣздовъ с., р. и кр. депутатовъ. Мы. . . будемъ выполнять распоряженія и приказы центральныхъ *органовъ революціонной демократіи и врем. правительства*". . . Въ первый разъ съ такой опредѣленностью формальное право Совѣтовъ распоряжаться военной силой было поставлено *впереди* права правительства. Прежде эта претензія обыкновенно вуалировалась... Требовалась лишь *контрасигновка* Чхеидзе и нѣкоторыхъ членовъ солдатской секціи Совѣта для выхода войскъ петроградскаго гарнизона изъ казармъ. Теперь „военный отдѣлъ" исполнительнаго комитета телефонограммой 6-го Іюля, „подтверждалъ всѣмъ воинскимъ частямъ Петрограда, что всѣ распоряженія штаба главнокомандующаго петр. военнаго округа должны быть исполнены безпрекословно и немедленно, *такъ какъ эти распоряженія отдаются съ вѣдома* особой комиссіи отъ совѣта р. и с. д. при главнокомандующемъ".

Рѣшительный перевѣсъ вліянія „революціонной демократіи" въ первые дни послѣ усмиренія возстанія большевиковъ сказался и на веденіи переговоровъ о реорганизаціи правительства. Господствующимъ настроеніемъ органовъ совѣта въ эти дни былъ страхъ, какъ бы репрессіи правительства не пошли слишкомъ далеко. Въ самомъ дѣлѣ, власть попыталась арестовать Ленина, распустила наличный составъ Ц. К. Балтійскаго флота, потребовала отъ командъ балтійскаго флота „изъятія подозрительныхъ лицъ, призывающихъ къ неповиновенію временному правительству", а отъ Кронштадтскихъ матросовъ и отъ командъ „Петропавловска", „Республики" и „Славы", запятнанныхъ контръ-революціонными дѣйствіями и резолюціями, — арестовъ въ 24 часа зачинщиковъ. На слѣдующій день запрещенъ былъ ввозъ въ Армію „Правды", „Окопной Правды" и „Солдатской Правды". Правительство впервые рѣшилось открыто заговорить о „дѣятельности нѣмецкихъ агентовъ и провокаторовъ" на судахъ Балтійскаго флота, о томъ, что „съ несомнѣнностью выяснилось, что безпорядки въ Петроградѣ были

сорганизованы при участіи германскихъ правительственныхъ агентовъ" (приказы Керенскаго отъ 7-го Іюля*).

Первыя грозныя извѣстія о неудачѣ русскаго наступленія, появившіяся въ эти дни, придавали всѣмъ этимъ мѣрамъ характеръ особой настоятельности и неотложности. Но для совѣтской публики они были черезчуръ необычны. Резолюція Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ въ тотъ же день отмѣчала, что „неизбѣжныя мѣры, къ которымъ должны были прибѣгнуть правительство и военныя власти, . . . создаютъ почву для демагогической агитаціи контръ-революціонеровъ", чему способствуетъ „рѣзкій переломъ настроенія въ массахъ, вызванный авантюристской попыткой вооруженнаго выступленія". Въ виду этого, органъ „револю-

---

*) Въ 1920 г., въ Echo de Paris, появились разоблаченія по поводу колебаній Керенскаго въ вопросѣ объ арестахъ. По этому поводу г. Борисъ Никитинъ, „генералъ квартирмейстеръ штаба петроградскаго военнаго округа того времени", выступилъ съ статьей (въ „Отечествѣ" № 1, перепечатана въ Ревельскихъ „Послѣднихъ Извѣстіяхъ", апрѣль 1921 г.): „Кто же Керенскій?" Оставляя въ сторонѣ полемическій тонъ этой статьи, нельзя не остановиться на слѣдующихъ утвержденіяхъ автора. А. Ф. Керенскій въ ночь на 7-е іюля отмѣнилъ аресты Троцкаго и Стеклова-Нахамкеса. Штабъ петроградскаго округа протестовалъ по адресу министра юстиціи, но послѣдній черезъ два часа, въ 3 ч. утра 7 іюля, оффиціально подтвердилъ распоряженіе Керенскаго объ отмѣнѣ двухъ упомянутыхъ арестовъ. Стекловъ бѣжалъ въ Мустамяки, гдѣ у него жилъ и Ленинъ, былъ арестованъ тамъ по ордеру штаба, привезенъ въ Петроградъ, но немедленно, приказомъ Керенскаго, изъятъ изъ вѣдѣнія штаба и черезъ нѣсколько часовъ освобожденъ. На разборѣ дѣла объ арестѣ Стеклова присутствовалъ въ штабѣ президіумъ Сов. Депутатовъ: Чхеидзе, Сомовъ и Богдановъ. Послѣ того, 10 іюля, Керенскій оффиціально отнялъ у штаба право ареста большевиковъ. 11 іюля, онъ приказалъ генералу Половцеву, главнокомандующему округомъ, прекратить разоруженіе большевиковъ. По этому поводу Никитинъ объясняетъ, что у большевиковъ имѣлись склады оружія на различныхъ заводахъ, которые, послѣ провала іюльскаго выступленія, большевики начали разносить по квартирамъ. Штабъ приступилъ къ отобранію оружія и успѣлъ обезоружить „нѣсколько десятковъ городскихъ большевистскихъ организацій", приступивъ къ отобранію оружія на крупныхъ заводахъ. Сестрорѣцкій заводъ уже былъ обезоруженъ и складъ оружія оттуда вывезенъ, когда Керенскій приказалъ прекратить разоруженіе и замѣнить эту мѣру опубликованіемъ воззванія о добровольной сдачѣ оружія гражданами. Генералъ-квартирмейстерская часть отказалась писать порученное ей воззваніе. Тогда Керенскій приказалъ штабу разработать техническую сторону воззванія, раздѣлить Петроградъ на районы, назначить сборныя мѣста, пріемщиковъ, время сдачи и т. д., а воззваніе написалъ самъ. Оно было расклеено, но, по словамъ г. Никитина, „подѣйствовало только на старыхъ, довѣрчивыхъ буржуевъ: сданными оказались только нѣсколько пистолетовъ и сабель эпохи русско-турецкой войны. Всѣ перевозочныя средства и пріемщики вернулись ни съ чѣмъ, — пустыми".

Керенскій, отвѣчая на разоблаченія Echo de Paris, утверждалъ, что ему не пришлось освобождать Стеклова, такъ какъ его никогда не арестовывали. („Общее Дѣло", № 66, 1920).

ціонной демократіи" требовалъ, чтобы исключительныя мѣры примѣнялись „лишь къ отдѣльнымъ лицамъ, но не къ цѣлымъ партіямъ и политическимъ теченіямъ", и чтобы „охрану революціонныхъ свободъ и порядка" правительство взяло на себя, „совмѣстно" съ органами „революціонной демократіи". Далѣе, та же резолюція требовала, „одновременно съ рѣшительнымъ установленіемъ революціоннаго порядка, объявивъ революцію въ опасности" въ видѣ компенсаціи, „безотлагательно осуществить мѣропріятія, указанныя въ рѣшеніяхъ съѣздовъ совѣтовъ, направленныя къ уничтоженію всѣхъ остатковъ стараго строя, къ утвержденію демократической республики, къ проведенію неотложныхъ мѣропріятій въ области земельнаго и рабочаго вопросовъ, къ развитію мѣстнаго самоуправленія для подготовки выборовъ въ Учредительное Собраніе, а также урегулированіе жизни страны, особенно продовольственнаго вопроса".

Такимъ образомъ, совѣты навязывали будущему правительству программу, составленную какъ разъ изъ вопросовъ, являвшихся конфликтными при прежнемъ правительствѣ. Отвѣтъ несоціалистическихъ партій на это требованіе былъ въ тотъ же день данъ временнымъ комитетомъ Г. Думы. Комитетъ напоминалъ, прежде всего, что онъ тоже имѣетъ право, укрѣпленное прецедентами, участвовать въ назначеніи новаго правительства. Онъ предупреждалъ затѣмъ, что созданіе одними комитетами правительства, „подчиненнаго въ порядкѣ политической отвѣтственности" только имъ, отразитъ „не общую волю народа, а волю группы соціалистическихъ партій" и тѣмъ „грозитъ ослабить авторитетность власти въ ея новомъ составѣ". Признавая необходимымъ, для сохраненія „всенароднаго признанія власти", устройство власти на коалиціонныхъ началахъ, Комитетъ Думы полагалъ, „что форма коалиціи лишь тогда обнаруживаетъ свойственныя ей преимущества, если составныя части коалиціи уравновѣшены взаимнымъ соглашеніемъ — не преслѣдовать частныхъ партійныхъ цѣлей". „Первенствующая задача времени — довести родину до выраженія законной воли народа, до Учредительнаго Собранія, — сама по себѣ предуказываетъ временное устраненіе всѣхъ несвязанныхъ съ ней частныхъ задачъ". „Главную причину теперешняго распада власти", комитетъ Думы, въ полномъ согласіи съ ушедшими министрами, усматривалъ въ томъ, что „эти основныя условія прочности всякой коалиціи недостаточно соблюдались".

Оставшіеся у власти министры — и прежде всего руководящая группа ихъ, Керенскій, Некрасовъ, Церетели, Терещенко — и теперь не хотѣли соблюдать этихъ условій. Желая сохранить принципъ коалиціи, они, болѣе чѣмъ когда либо, распоряжались по хозяйски портфелями, подбирая людей для себя удобныхъ и устраняя неподходящихъ.

На очереди былъ теперь уходъ кн. Львова, который уже нѣсколько дней передъ тѣмъ собирался покинуть ряды правительства вмѣстѣ съ к.-д. Какъ только, утромъ 8-го Іюля, возобновились переговоры о составленіи министерства, а министры-соціалисты предъявили свою программу, кн. Львовъ заявилъ о невозможности для него присоединиться къ этой программѣ, продиктованной исполнительнымъ комитетомъ. Скажемъ объ этомъ его собственными словами въ его письмѣ Временному Правительству. „Послѣ подавленія вооруженнаго мятежа въ Петроградѣ, подъ вліяніемъ крайнихъ соціалистическихъ партій, временное правительство приняло рѣшеніе о немедленномъ осуществленіи предложенной министрами-соціалистами программы дальнѣйшей дѣятельности правительства. Эта программа пріемлема для меня только въ тѣхъ частяхъ, которыя являются повтореніемъ и развитіемъ основныхъ началъ, объявленныхъ Временнымъ Правительствомъ въ ранѣе изданныхъ имъ деклараціяхъ. Но она непріемлема для меня въ цѣломъ, въ виду явнаго уклоненія ея отъ непартійныхъ началъ въ сторону осуществленія чисто-партійныхъ соціалистическихъ цѣлей, въ особенности въ тѣхъ частяхъ ея, которыя раньше ставились на рѣшеніе Временнаго Правительства и противъ которыхъ я уже неоднократно высказывался“. Далѣе кн. Львовъ возражаетъ противъ „немедленнаго провозглашенія республиканскаго образа правленія, . . . являющагося явной узурпаціей верховныхъ правъ Учредительнаго Собранія“, и по той же причинѣ возражаетъ противъ „проведенія намѣченной аграрной программы“. Онъ упоминаетъ также, какъ пункты разногласія, „вопросъ о роспускѣ Г. Думы и Г. Совѣта и нѣкоторые второстепенные пункты той же программы . . . носящіе характеръ выбрасыванія массамъ, во имя демагогіи и удовлетворенія ихъ требованій мелкаго самолюбія, государственныхъ и моральныхъ цѣнностей“. Съ особенной подробностью кн. Львовъ остановился затѣмъ на аграрной программѣ В. М. Чернова, которую онъ признавалъ „гибельной“ для Россіи. Законы, проводимые министерствомъ земледѣлія, отступая отъ

декларацiи 7—го мая, „подрываютъ народное правосознанiе“. „Они не только не борятся съ захватными стремленiями, не только не нормируютъ и не вводятъ въ русло земельныя отношенiя, но какъ бы оправдываютъ происходящiе по всей Россiи самочинные захваты, закрѣпляютъ совершившiеся захваты и, въ сущности, стремятся поставить Учредительное Собранiе передъ фактомъ разрѣшеннаго вопроса. Я вижу въ нихъ осуществленiе партiйной программы, а не мѣропрiятiй, отвѣчающихъ государственной пользѣ. Я предвижу, что въ конечномъ своемъ развитiи они обманутъ чаянiя народа и приведутъ къ невозможности осуществленiя государственной земельной реформы“.

Въ сущности, с. д. Церетели также не имѣлъ особенныхъ побужденiй сочувствовать осуществленiю, помимо правительства, аграрной программы лѣвыхъ эс-эровъ. И въ началѣ переговоровъ онъ поддерживалъ кн. Львова въ его острой постановкѣ вопроса о дальнѣйшемъ пребыванiи Чернова въ кабинетѣ. Не очень сочувствовали Чернову и другiе министры, а Некрасовъ высказывался также противъ провозглашенiя республики и уничтоженiя Г. Думы. И вотъ, тутъ произошло нѣчто странное. Когда кн. Львовъ ставилъ свой кабинетный вопросъ, всѣ эти требованiя признавались ультимативными со стороны министровъ-соцiалистовъ и конфликтными не для одного кн. Львова, а для цѣлой группы министровъ. Но послѣ того, какъ кн. Львовъ ушелъ, Церетели тотчасъ же уступилъ министрамъ-несоцiалистамъ по двумъ вопросамъ изъ трехъ: о роспускѣ Думы и провозглашенiи республики. Онъ снялъ ихъ съ очереди, получивъ санкцiю своей уступки отъ исполн. комитета. По третьему вопросу, объ участiи Чернова, борьба, какъ увидимъ, продолжалась внутри министерства. Выходило, какъ будто уходъ кн. Львова былъ нуженъ для его коллегъ, немедленно подѣлившихъ его наслѣдство. А. Ф. Керенскiй, по признанiю самого кн. Львова, оказался самымъ подходящимъ министромъ-предсѣдателемъ. Церетели перемѣнилъ министерство почтъ и телеграфовъ на болѣе важное министерство — внутреннихъ дѣлъ. Юстицiя предназначалась Некрасову, но, при невполнѣ еще сложившейся привычкѣ къ назначенiямъ некомпетентныхъ лицъ, назначенiе это показалось слишкомъ уже страннымъ. Некрасовъ удовлетворился положенiемъ замѣстителя министра предсѣдателя.

Правительственная декларацiя 8-го Iюля, видимо, появилась не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ была предположена. Но въ окон-

чательномъ своемъ видѣ она вполнѣ оправдывала характеристику кн. Львова. Напрасно И. Г. Церетели черезъ день заявлялъ передъ исполнительнымъ комитетомъ, что программа 8-го Іюля „не есть новое соглашеніе, а лишь указаніе на рядъ конкретныхъ мѣропріятій, осуществляющихъ декларацію Врем. Правительства 6 мая". Это объясненіе лишь характеризуетъ довольно обычный пріемъ этого политика — подъ видомъ простыхъ логическихъ послѣдствій изъ уступокъ, уже сдѣланныхъ ему, проводить существенно новыя требованія. Не даромъ декларація 8 Іюля заслонила собой первую коалиціонную декларацію 6 мая и сдѣлалась съ этихъ поръ исходной точкой всѣхъ дальнѣйшихъ требованій „демократіи". Не даромъ также она сдѣлалась и предметомъ настойчиваго оспариванія со стороны несоціалистическихъ партій. Когда впослѣдствіи соціалисты старались простой ссылкой на преемственную связь *всѣхъ* революціонныхъ правительствъ, ввести въ правительственный обиходъ тезисы деклараціи 8 Іюля, то имъ всегда напоминали, что декларація эта проведена въ моментъ отсутствія изъ состава правительства сколько-нибудь *отвѣтственныхъ* представителей несоціалистическихъ партій. Дѣйствительно, ни Вл. Львовъ съ Годневымъ, ни Некрасовъ съ Терещенко не представляли въ правительствѣ никого, кромѣ самихъ себя.

Декларація начиналась ссылкой, опасной для самого правительства, на „преступное легкомысліе и слѣпой фанатизмъ" людей, приведшихъ, въ союзѣ съ прямыми „измѣнниками и предателями", къ „грозному часу" прорыва на фронтѣ. Тотчасъ же дѣлалась и другая ссылка—на „могущія выступить, притаившіяся силы контръ-революціи": она, очевидно, предназначалась для удовольствія совѣтовъ и устанавливала равновѣсіе. Конечно, правительство, по-прежнему упорно „вѣрило", что кризисъ — „къ выздоровленію, а не къ смерти". Оно обѣщало дѣйствовать „съ энергіей и рѣшительностью" на *оба* фронта — „анархическихъ и контръ-революціонныхъ покушеній". Оно по прежнему поощряло солдата „бодро идти въ бой" — тѣмъ соображеніемъ, что „ни одна капля крови не прольется ради аннексій и контрибуцій". Оно давало при этомъ новое неосуществимое обѣщаніе — созвать союзную конференцію въ кратчайшій срокъ, втеченіе „августа", и пригласить туда, „наряду съ дипломатами, также представителей русской демократіи". Далѣе повторялось обѣщаніе, уже вырванное у перваго коалиціоннаго правительства — и тоже за-

вѣдомо неосуществимое: устроить выборы въ Учредительное Собраніе уже 17 сентября. Давалось, далѣе, новое маловразумительное обѣщаніе „привлечь представителей общественныхъ организацій для образованія коллегіальныхъ органовъ областного управленія, объединяющихъ рядъ губерній (переходъ къ „федерированію“ областей?) „Въ ближайшее время“ обѣщалось изданіе постановленія объ уничтоженіи сословій и объ окончательномъ упраздненіи гражданскихъ чиновъ и орденовъ. Для защиты труда трудно было обѣщать что либо новое. И декларація лишь напоминала о сдѣланныхъ уже уступкахъ: о „немедленно приступающемъ къ работамъ“ экономическомъ совѣтѣ и о главномъ экономическомъ комитетѣ, которые создадутъ, наконецъ, „общій планъ организаціи народнаго хозяйства и труда“ и разработаютъ мѣры по „контролю промышленности“. Рядъ широчайшихъ проэктовъ по рабочему законодательству, „разработанныхъ“ и имѣющихъ быть проведенными „въ ближайшіе дни“, перечислялись тутъ же. Въ области земельнаго вопроса, сравнительно съ только что (5 Іюля) принятыми главнымъ комитетомъ основными положеніями реформъ, декларація высказывалась намѣренно скромно и сдержанно. Нужно, повидимому, было показать, что кн. Львову не изъ-за чего было уходить. Быть можетъ, впрочемъ, тутъ сказалось и недружелюбное отношеніе другихъ членовъ кабинета, капитулировавшаго передъ Черновымъ (см. выше). „Вся земля съ нѣдрами, водами и лѣсами должна быть изъята изъ товарнаго обращенія, распоряженіе землей должно принадлежать всему народу; . . . пользованіе . . . должно быть обезпечено трудовому населенію на началахъ общегражданскаго равенства“ и т. д. Въ деклараціи земельныя мѣропріятія *„по-прежнему* опредѣляются убѣжденіемъ, что въ основу . . . должна быть положена мысль о переходѣ земли (даже не „всей“) въ руки трудящихся (тезисъ первой сессіи главнаго комитета, см. выше). Однако, тутъ же перечислялись, съ формальной стороны, четыре „очередныхъ“ задачи: ликвидація стараго землеустройства, сохраненіе земельнаго фонда до Учред. Собранія, организованная дѣятельность земельныхъ комитетовъ („не предрѣшающихъ основного вопроса о правѣ собственности на землю“) и устраненіе самочинныхъ способовъ разрѣшенія земельнаго вопроса о правѣ собственности закономѣрнымъ урегулированіемъ земельныхъ отношеній.

На слѣдующій день, 9-го Іюля, катастрофа, начинавшаяся на театрѣ войны, дошла до сознанія даже тѣхъ политиковъ, которые за шумомъ внутренней партійной борьбы не хотѣли знать о томъ, что дѣлается на фронтѣ. Въ настроеніи Исполнительнаго Комитета военная неудача на фронтѣ отразилась полнымъ состояніемъ паники, при которомъ совѣтскіе дѣятели ни о чемъ другомъ не могли думать и говорить, кромѣ угрожающей имъ „контръ-революціи", военной диктатуры и т. п. Въ этой обстановкѣ и вопросъ о реорганизаціи правительства получилъ новое освѣщеніе. Вожди „революціонной демократіи" вспомнили про примѣръ Франціи и рѣшили, по предложенію Дана, превратить министерство въ „комитетъ общественнаго спасенія". Въ ночь на 11-ое Іюля, 262 голосами при 47 воздержавшихся (большевикахъ), была принята слѣдующая резолюція меньшевиковъ и с. р.: „1) Страна и революція въ опасности. 2) Временное Правительство объявляется правительствомъ спасенія революціи. 3) За нимъ признаются неограниченныя полномочія для возстановленія организаціи и дисциплины въ арміи, для рѣшительной борьбы со всякими проявленіями контръ-революціи и анархіи и для проведенія всей той программы положительныхъ мѣропріятій, которыя намѣчены въ деклараціи. 4) О своей дѣятельности министры-соціалисты докладываютъ объединенному собранію исполнительныхъ комитетовъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю".

На этотъ разъ правительство, видимо, не обнаружило особой благодарности за двусмысленный даръ, надѣлявшій его, въ полномъ составѣ, правами, которыми отнюдь не обладалъ самъ даритель. За этотъ даръ министры-соціалисты обязывались къ сугубой отчетности „не меньше двухъ разъ въ недѣлю". Обезпечивъ деклараціей свой флангъ слѣва, со стороны совѣтовъ, правительство начинало размышлять о томъ, какъ обезпечить флангъ справа, со стороны Г. Думы. Оно употребило для этой цѣли мѣру, не менѣе странную, чѣмъ мѣра, принятая относительно него самого исполнительнымъ комитетомъ. Неожиданно для всѣхъ оно нашло и ввело въ свой составъ общественныхъ представителей „буржуазіи". 11-го Іюля читатели газетъ прочли, что членъ Г. Думы И. Н. Ефремовъ назначенъ министромъ юстиціи, а членъ Г. Думы. Барышниковъ — управляющимъ министерствомъ призрѣнія. При всей личной безупречности обоихъ трудно было догадаться, на чемъ основано ихъ право представлять „буржуазію"

во второмъ коалиціонномъ кабинетѣ. Въ 4-ой Думѣ они принадлежали къ пестрой группѣ прогрессистовъ; ко времени назначенія вошли въ новую, никому неизвѣстную, партію „радикально-демократическую". Никакого проявленія личной энергіи, особенно важной въ вѣдомствѣ юстиціи послѣ возстанія, отъ нихъ ожидать нельзя было. Быть можетъ, въ этомъ и заключался секретъ ихъ назначенія, чрезвычайно раздражившаго то учрежденіе, къ которому они формально принадлежали: Г. Думу, узнавшую о ихъ назначеніи уже post factum. Свое отношеніе къ окончательно сформированному правительству временный комитетъ Г. Думы выразилъ въ новомъ постановленіи отъ 12 Іюля. „Правительство, назначенное группой отдѣльныхъ политическихъ партій", заявляла Г. Дума, „и принявшее въ свой составъ случайно подобранныхъ лицъ, не представляющихъ мнѣнія многихъ вліятельныхъ круговъ населенія, „не можетъ осуществить задачу спасенія родины отъ внѣшняго врага и отъ внутренняго распада". Для этого нужно „правительство сильное, облеченное общимъ довѣріемъ, свободное отъ всякихъ партійныхъ путъ и стремящееся къ одной общей цѣли", указанной выше. „Если правительство не отказалось отъ мысли о единеніи всѣхъ живыхъ силъ страны, оно не должно подъ видомъ коалиціи, проводить простое подчиненіе страны ея соціалистическому меньшинству. Это тѣмъ болѣе недопустимо и пагубно, что . . . именно, дѣятельность нѣкоторыхъ соціалистическихъ партій повинна въ разложеніи арміи, въ окончательномъ разрушеніи гражданскаго мира и въ ослабленіи трудовой дисциплины народа, т. е. въ устраненіи тѣхъ основныхъ условій, безъ которыхъ невозможно продолженіе войны и возстановленіе внутренняго порядка". „Не въ углубленіи партійныхъ задачъ, а въ объединеніи всѣхъ политическихъ направленій и всѣхъ общественныхъ слоевъ", комитетъ видѣлъ выходъ и „слагалъ съ себя отвѣтственность за послѣдствія", къ которымъ могъ привести осуждаемый имъ способъ составленія новаго правительства.

Заявленія комитета Г. Думы, отражавшія настроенія весьма широкихъ и вліятельныхъ общественныхъ круговъ по отношенію къ новому правительству, произвели должное впечатлѣніе. Въ засѣданіи Временнаго Правительства, 12 Іюля, И. В. Годневъ обратился къ правительству съ предложеніемъ — дать всѣмъ общественнымъ слоямъ, не представленнымъ въ совѣтахъ, въ томъ числѣ и Г. Думѣ — возможность быть выслушанными правитель-

ствомъ и для этого собрать, помимо того съѣзда совѣтовъ, который былъ назначенъ на 15 Іюля, болѣе широкое по составу собраніе въ Москвѣ, напр. 18 Іюля, въ которомъ участвовали бы помимо совѣтовъ, также и Г. Дума, городскія думы, торгово-промышленный классъ, кооперативы, профессіональные союзы, университеты и т. д. Предложеніе было поддержано А. В. Пѣшехоновымъ и А. Ф. Керенскимъ. Послѣдній на слѣдующій день, сдѣлавъ свой оффиціальный визитъ исполнительному комитету и пригласивъ его на московское совѣщаніе въ полномъ составѣ, сдѣлалъ затѣмъ также визитъ и временному комитету Гос. Думы. Противъ „московскаго земскаго собора" высказался открыто только Мартовъ, обвинявшій правительство, что оно хочетъ въ этомъ собраніи „растворить русскую демократію". По существу, конечно, совѣщаніе собиралось по приглашенію и выбору правительства и получало, самое большее, лишь совѣщательный голосъ, — если только дѣло не должно было ограничиться выслушаніемъ однихъ правительственныхъ докладовъ. Такая постановка дѣла, разумѣется, была глубоко различна отъ претензіи совѣтовъ — трактовать правительство, какъ свой подчиненный органъ, и въ такомъ качествѣ передать ему „чрезвычайныя полномочія". Въ этомъ противоположеніи, которое возвращало правительству всю первоначальную полноту его власти, заключался весь политическій смыслъ московскаго совѣщанія. Этого не могли, конечно, не чувствовать ни правительство, ни совѣты. То обстоятельство, что правительство *смогло* провести подобное рѣшеніе, а совѣты стерпѣли его, показывало, дѣйствительно, какъ глубоко измѣнилось соотношеніе силъ послѣ вооруженнаго возстанія 3—5-го Іюля и прорыва, въ ближайшіе дни, русскаго фронта.

Но этого мало. Разъ уже рѣшено было созвать московское совѣщаніе и дать передъ нимъ отчетъ, естественно, возникъ дальнѣйшій вопросъ: можетъ ли правительство расчитывать на дружественный пріемъ, если предстанетъ передъ собраніемъ въ томъ составѣ, который уже вызвалъ нареканія. При посѣщеніи А. Ф. Керенскимъ предсѣдателя Г. Думы, которому онъ передалъ приглашеніе на московское совѣщаніе, М. В. Родзянко отвѣтилъ, что правительство должно предварительно сформироваться при участіи временнаго комитета Г. Думы. И на засѣданіи министровъ, 13-го Іюля, было рѣшено, что всѣ министры вручатъ А. Ф. Керенскому свои портфели, чтобы дать ему возможность вступить

въ новые переговоры съ общественными дѣятелями о пополненіи и измѣненіи состава Временнаго Правительства. Такъ какъ главнымъ препятствіемъ для переговоровъ съ несоціалистическими партіями было то, что эти послѣднія вовсе не желали признать зависимости правительства отъ совѣтовъ, то А. Ф. Керенскій сталъ на новую точку зрѣнія. Онъ заявилъ, что будетъ подбирать членовъ кабинета *индивидуально*, независимо отъ ихъ партійной принадлежности, и они не будутъ считаться оффиціально делегированными и отвѣтственными передъ своими партіями, какъ это было при первой коалиціи. Такъ какъ это освобождало и министровъ-соціалистовъ отъ формальной отвѣтственности передъ ихъ партійными организаціями, то Ц. К. партіи народной свободы охотно разрѣшилъ своимъ членамъ, къ которымъ А. Ф. Керенскій лично обратился, В. Д. Набокову, Н. И. Кишкину и Н. И. Астрову, вступить въ прямыя сношенія съ министромъ-предсѣдателемъ. Въ то же время А. Ф. Керенскій завелъ сношенія и съ представителями торгово-промышленнаго класса, отъ имени котораго выдвигалась въ Петроградѣ кандидатура Н. Н. Кутлера, въ Москвѣ — С. Н. Третьякова.

На 14-ое Іюля московскіе кандидаты были вызваны въ Петроградъ и вступили съ вѣдома и при участіи Ц. К. партіи народной свободы, въ переговоры съ Керенскимъ. Результаты этихъ переговоровъ были закрѣплены въ слѣдующихъ семи пунктахъ условій, поставленныхъ Астровымъ, Кишкинымъ и Набоковымъ А. Ф. Керенскому и изложенныхъ въ ихъ письмѣ отъ 15 Іюля. 1. Чтобы всѣ члены правительства, къ какой бы партіи они ни принадлежали, были отвѣтственны исключительно передъ своей совѣстью и чтобы направленіе ихъ дѣятельности и самое пребываніе ихъ въ составѣ правительства не могло ни въ какой мѣрѣ вести къ вмѣшательству въ дѣла государственнаго управленія какихъ бы то ни было организацій или комитетовъ. 2. Чтобы правительство ставило себѣ въ области внутренней политики исключительной цѣлью охрану завоеваній революціи, не предпринимая никакихъ шаговъ, грозящихъ вспышками гражданской войны, а потому осуществленіе всѣхъ основныхъ соціальныхъ реформъ и разрѣшеніе вопросовъ о формѣ государственнаго строя должно быть безусловно отложено до Учредительнаго Собранія. 3. Чтобы въ вопросахъ войны и мира былъ соблюденъ принципъ полнаго единенія съ союзниками. 4. Чтобы были приняты мѣры къ возсоз-

данію мощи арміи, путемъ возстановленія строгой военной дисциплины и рѣшительнаго устраненія вмѣшательства комитетовъ въ вопросы военной тактики и стратегіи (мотивировку этого пункта см. ниже). 5. Чтобы въ основу внутренняго управленія положено было начало уничтоженія многовластія и возстановленія порядка въ странѣ и рѣшительная борьба съ анархистскими, противогосударственными и контръ-революціонными элементами; чтобы возможно скорѣе была создана правильная организація мѣстной администраціи и начали дѣйствовать правильно избранные органы мѣстнаго самоуправленія. 6. Чтобы возстановлена была правильная дѣятельность государственнаго суда и чтобы дѣятельность слѣдственной судебной власти была свободна отъ вмѣшательства партійныхъ или иныхъ несудебныхъ элементовъ. 7. Чтобы выборы въ Учредительное Собраніе были произведены съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій, необходимыхъ для выраженія подлинной народной воли, съ предоставленіемъ завѣдованія производствомъ выборовъ правильно избраннымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія и учрежденіямъ, образованнымъ при ихъ участіи и съ обезпеченіемъ свободы предвыборной агитаціи".

Здѣсь впервые съ такой подробностью и полной опредѣленностью развита была программа, расчитанная на возстановленіе условій, безъ которыхъ немыслима была ни побѣда надъ врагомъ, ни правильное выясненіе народной воли, призванной рѣшить основные вопросы русскаго будущаго. Программа была внѣпартійна и обще-національна, такъ какъ она устанавливала лишь *общія условія всякой* культурной государственности. Въ эти рамки не могли быть вложены только антигосударственныя и утопическія стремленія, разрушавшія самыя формы законной парламентской борьбы.

Убѣдившись на опытѣ, что недостаточно ввести желательныя положенія въ программу, чтобы обезпечить ихъ осуществленіе въ коалиціонномъ правительствѣ, Ц. К. народной свободы на этотъ разъ рѣшилъ поставить вопросъ о гарантіи добросовѣстнаго отношенія къ коалиціонной программѣ. Самой дѣйствительной гарантіей являлось въ этомъ случаѣ установленіе такого личнаго состава и численнаго соотношенія между двумя элементами правительства, при которомъ соціалистическая половина не могла бы проводить свои партійныя рѣшенія. Съ этой цѣлью необходимо было, прежде всего, измѣнить составъ несоціалистиче-

ской части правительства, удаливъ лицъ, никого не представлявшихъ и обнаружившихъ слишкомъ мало способности или желанія вести принципіальную защиту программы, выставленной к.-д. и поддержанной Г. Думой. Съ другой стороны, нужно было ввести въ несоціалистическій составъ, помимо членовъ партіи к.-д., всегда признававшей себя *надклассовой* партіей, также и представителей подлинной крупной буржуазіи, торгово-промышленнаго класса. Наконецъ, изъ состава министровъ-соціалистовъ Ц. К. считалъ необходимымъ удалить В. М. Чернова, какъ министра, преслѣдовавшаго, помимо правительства, свою личную политику по вопросу громадной важности и въ полномъ противорѣчіи съ основными положеніями (§ 2 и § 5) программы к.-д.

Первые личные переговоры съ А. Ф. Керенскимъ показали, что со всѣми основными положеніями программы 15-го Іюля онъ согласенъ, не возражаетъ и противъ переговоровъ съ торгово-промышленниками, но рѣшительно не можетъ ставить вопроса объ удаленіи Чернова. Съ своей стороны В. Д. Набоковъ, Н. И. Астровъ и Ф. Ф. Кокошкинъ, которыхъ партія ввела въ переговоры, рѣшительно отказались входить въ кабинетъ, если тамъ останется В. М. Черновъ. Ц. К. партіи, однако, рѣшилъ не настаивать на удаленіи Чернова, если будутъ приняты программа и численный составъ кандидатовъ, предложенныхъ партіей. Отъѣздъ А. Ф. Керенскаго на фронтъ (15 Іюля вечеромъ) на время пріостановилъ переговоры. 19 іюля они вновь возобновились съ В. Д. Набоковымъ и пріѣхавшими вновь изъ Москвы Н. М. Кишкинымъ, Н. И. Астровымъ и новымъ кандидатомъ П. И. Новгородцевымъ. Положеніе за эти четыре дня успѣло нѣсколько измѣниться. Именно, оказалось, что коллеги А. Ф. Керенскаго вовсе не идутъ на такія серьезныя перемѣны, какихъ требовали к.-д. „Правительство, дѣйствительно", заявлялъ И. Г. Церетели журналистамъ, „въ виду исключительной серьезности положенія страны, желало бы привлечь въ свой составъ новыхъ лицъ изъ круговъ, *которые готовы встать* на почву правительственной деклараціи 8-го Іюля". Переговоры объ этомъ велись „не съ партіями, а съ общественными дѣятелями, которые *полностью безъ урѣзокъ могли бы принять программу правительства* . . . Если бы такихъ лицъ не оказалось", то правительство останется „въ нынѣшнемъ его составѣ"; всѣ слухи о кризисѣ Временнаго Правительства и о возможности пересмотра его программы совершенно не соотвѣт-

ствуютъ дѣйствительности". Церетели прибавлялъ, что „это есть мнѣніе всего правительства". И дѣйствительно, Н. В. Некрасовъ, обыкновенно бравшій на себя задачу информировать печать, сообщилъ журналистамъ, что „правительство прочно стоитъ на своей программѣ (8 Іюля) и съ нея не сойдетъ: переговоры, стало быть, могутъ вестись лишь въ предѣлахъ этой программы". „Твердая власть... должна дѣйствовать... въ направленіи, диктуемомъ главными задачами великой русской революціи; и хотя „свобода дѣйствій", данная Керенскому, подавшими въ отставку министрами, „имѣетъ большое принципіальное значеніе", но располагать „несвободными постами онъ можетъ лишь въ исключительномъ случаѣ", а требованіе, чтобы „тотъ или другой министръ" оставилъ свой постъ (разумѣется тутъ Черновъ) „нераціонально и нетактично", ибо „въ этой области приходится считаться не съ лицами, а съ тѣми мощными организаціями, изъ среды которыхъ они вышли".

Ультимативная постановка Церетели означала, въ сущности, отказъ отъ продолженія переговоровъ, ибо была равносильна отказу отъ выставленной к.-д. программы. Но, возможно, что у Церетели была тутъ и другая мысль, — та, которую онъ высказалъ на объединенномъ засѣданіи исполнительныхъ комитетовъ совѣтовъ, обсуждавшемъ, между прочимъ, вопросъ о кризисѣ власти. Церетели откровенно признался тутъ, „что прошелъ періодъ розовой мечтательной юности революціи", что теперь „методы идейнаго воздѣйствія безсильны въ борьбѣ съ анархіей", а „ждать и ослаблять борьбу съ ней — нельзя". Въ итогѣ, „если наступитъ моментъ, когда революціонная демократія окажется неспособной осуществить возложенныя на нее задачи, то *надо будетъ оставить власть*". Нельзя было яснѣе сказать, что, въ сущности, к.-д. правы, что *только* ихъ методы могутъ спасти революцію отъ „контръ-революціи" и что соціалистическая тактика, неспособная къ примѣненію этихъ методовъ, обанкротилась окончательно. Не смѣя сказать этого вполнѣ открыто, Церетели совсѣмъ прозрачно подводилъ своихъ товарищей къ выводу, что спасти революцію могутъ только к.-д., почему *имъ* и надо предоставить власть. Лично *себѣ* Церетели, во всякомъ случаѣ, своимъ ультиматумомъ готовилъ возможность ухода. Это скоро и подтвердилось фактически.

На переговорахъ 19-го Іюля сказалась характерная для А. Ф. Керенскаго психологическая невозможность двинуться ни вправо, ни влѣво. При этой политической психологіи никакое сколько-

нибудь глубокое примиреніе партійныхъ разногласій въ коалиціонной программѣ не было возможно. Возможно было лишь ихъ механическое сосуществованіе. Избавиться отъ неизбѣжно вытекавшихъ отсюда треній и конфликтовъ, А. Ф. Керенскій могъ только однимъ путемъ: подбирая себѣ сотрудниковъ, личныя отношенія къ которымъ или ихъ природная мягкость позволяли ему закрывать глаза на кричащія противорѣчія жизни и сознательно длить иллюзію „розовой мечтательной юности революціи".

Намѣченные А. Ф. Керенскимъ первоначально кандидаты, быть можетъ, и удовлетворяли этой цѣли. Съ одной стороны, нужно было успокоить вліятельные общественные слои, недовольные фиктивнымъ представительствомъ „буржуазіи" въ правительствѣ, а, съ другой стороны, приходилось оставить все по прежнему. Но Керенскій выдвинулъ, наряду съ пріемлемыми для него кандидатурами, также и кандидатуры иного характера (какъ П. И. Новгородцева и Ф. Ф. Кокошкина). Когда же онъ очутился лицомъ къ лицу съ ультиматумомъ Церетели и другихъ вождей совѣтовъ, ему пришлось круто повернуть. Еще среди дня, 19-го Іюля, онъ готовъ былъ уступить требованію к. д. — по крайней мѣрѣ *не упоминать* въ своемъ письменномъ отвѣтѣ имъ о непріемлемой для нихъ деклараціи 8-го Іюля. Ночью онъ вернулся къ требованію Церетели: „*вся* программа полностью и безъ урѣзокъ". Уже не ожидая исхода дальнѣйшихъ переговоровъ, напуганные давленіемъ слѣва друзья Керенскаго информировали печать той же ночью, что А. Ф. Керенскій рѣшительно ни въ чемъ не расходится съ Церетели и что комбинація съ к.-д. навѣрное не состоится. Утромъ, 20-го Іюля, Керенскій поспѣшилъ прервать переговоры, обѣщавшіе наканунѣ удовлетворительный исходъ. Онъ сдѣлалъ это, сообщивъ одному изъ участвовавшихъ въ переговорахъ, что текстъ его письменнаго отвѣта к.-д., вызывавшаго разногласія, есть текстъ „окончательный".

21-го Іюля отвѣтъ Керенскаго появился въ печати вмѣстѣ съ письмомъ по этому поводу къ Керенскому В. Д. Набокова, П. И. Новгородцева и Н. И. Кишкина, ведшихъ переговоры 19-го Іюля. Вотъ что писалъ А. Ф. Керенскій.

„Ознакомившись съ письмомъ Вашимъ отъ 15-го Іюля (см. выше), я утверждаю (какъ *фактъ* то, чего к.-д. требовали, какъ основного *условія*, не находя этого условія во Врем. Правительствѣ), что Врем. Правительство . . . не отвѣчаетъ ни передъ какими общественными организаціями или партіями, а лишь по совѣсти

своей и разумѣнію передъ страной". Отсюда, однако, А. Ф. Керенскій довольно неожиданно, выводилъ лишь то, что партійное заявленіе трехъ к.-д. *„не можетъ служить препятствіемъ* для вхожденія въ составъ Врем. Правительства". Однако же, программа к.-д. „не препятствуетъ" ихъ вступленію въ кабинетъ только *при условіи*, что они готовы будутъ исполнять чужую программу, и при томъ ту самую, изъ-за которой к.-д. покинули составъ коаліціоннаго правительства. Это правительство, по заявленію Керенскаго, „въ дѣятельности своей *неизмѣнно* будетъ руководствоваться тѣми положеніями, которыя изложены въ его деклараціяхъ 2-го марта, 6-го мая *и 8-го Іюля*". Итакъ, Церетели не приходилось уходить: ультиматумъ былъ принятъ.

Не входили въ правительство к.-д., но по сообщенію Н. В. Некрасова печати (21-го Іюля), это „не значило, что правительство отказалось пополнить свой составъ вообще". Н. В. Некрасовъ даже поспѣшилъ для вящщаго успокоенія прибавить: „Въ настоящее время ведутся переговоры съ рядомъ лицъ, въ результатѣ вступленія которыхъ въ составъ правительства послѣднее пріобрѣтетъ радикально-демократическій характеръ". Въ эти дни говорили о вступленіи самого Некрасова въ „радикально-демократическую" партію.

Съ своей стороны, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ и Н. Астровъ, констатируя сложившееся положеніе, писали Керенскому. „Въ... переговорахъ съ нами вы выразили ваше согласіе съ изложенными нами заявленіями (15-Іюля), а затѣмъ высказали готовность подтвердить это согласіе и письменно. Къ сожалѣнію, при дальнѣйшихъ переговорахъ—и *раньше, чѣмъ мы имѣли возможность закончить* обсужденіе вопроса о нашемъ вступленіи, выяснилось существенное и принципіальное разногласіе между нами въ основномъ вопросѣ объ отношеніи *одобренной Вами* программы къ прежней программѣ и дѣятельности Врем. Правительства. Вы находили необходимымъ подчеркнуть, . . . что . . . вступленіе наше во Врем. Правительство не можетъ измѣнить его дѣятельности. *Мы со своей стороны полагали, что самое обращеніе* ваше свидѣтельствовало о желаніи поставить Временному Правительству *новыя задачи, осуществляемыя на новыхъ основаніяхъ.*" Эти основанія, заявленныя въ программѣ 15-го Іюля, „совершенно подрываются внесеніемъ въ текстъ письма" ссылки на декларацію 8-го Іюля, „изданную *послѣ ухода* к.-д. изъ правительства и „во мно-

тихъ отношеніяхъ непріемлемую“. Вступленіе к. д. при подобныхъ условіяхъ было бы лишено „всякаго политическаго значенія“.

Вопросъ казался исчерпаннымъ. На съѣздѣ партіи народной свободы, начавшемся въ Москвѣ 23-го Іюля, отказъ к.-д. войти въ кабинетъ былъ одобренъ послѣ блестящихъ рѣчей П. Й. Новгородцева и А. А. Кизеветтера, показавшихъ собранію, что соціалистамъ нужно было использовать политическій авторитетъ к.-д. для проведенія собственныхъ партійныхъ задачъ. Но уже за два дня до этого вотума одобренія положеніе опять совершенно перемѣнилось. Всему съѣзду к.-д. пришлось спѣшно переѣзжать изъ Москвы въ Петроградъ, чтобы принять участіе въ рѣшеніи вопроса о новомъ вступленіи к.-д. въ правительство.

Дѣло въ томъ, что втеченіе 20-го и 21-го Іюля легкомысленная увѣренность Н. В. Некрасова, что отказъ к.-д. не помѣшаетъ правительству составить коалиціонную власть путемъ введенія фиктивныхъ политическихъ величинъ отъ „радикально-демократической партіи“, рушилась. Она уступила мѣсто ясному сознанію, что создавать буржуазное правительство для проведенія соціалистическихъ задачъ значитъ рѣшать вопросъ о квадратурѣ круга. Встрѣтивъ сопротивленіе со стороны к.-д., Керенскій очутился въ полномъ тупикѣ, послѣ того какъ, съ другой стороны, И. Г. Церетели заявилъ ему, что его партія беретъ назадъ данное ей Керенскому полномочіе для составленія кабинета. Въ довершеніе всего, соперникъ Керенскаго по партіи, В. М. Черновъ выбралъ моментъ кризиса, отчасти связаннаго именно съ его пребываніемъ въ правительствѣ, для того, чтобы заявить (20-го Іюля) о своемъ выходѣ изъ правительства. Онъ мотивировалъ свою отставку желаніемъ вернуть себѣ „полную свободу дѣйствій въ качествѣ защищающаго свою политическую честь и преслѣдующаго клеветниковъ частнаго лица“.

Дѣйствительно, въ числѣ мотивовъ, побуждавшихъ къ удаленію Чернова изъ правительства, были, помимо употребленія имъ власти для партійныхъ цѣлей, также и глухіе слухи о его прошломъ, набрасывавшіе тѣнь на его личную репутацію. Говорили о какихъ-то документахъ, извѣстныхъ г. г. Бурцеву и Щеголеву, которые, „при извѣстномъ толкованіи“, могли быть поняты неблагопріятно для Чернова. Въ послѣдніе дни заговорили опредѣленнѣе, что рѣчь идетъ о денежной поддержкѣ русскихъ эмигрантовъ Германіей и Австріей для спеціальныхъ цѣлей — исполь-

зовать ихъ для пропаганды среди русскихъ военноплѣнныхъ. Пораженческія идеи, пропагандировавшіяся Черновымъ въ его парижскомъ органѣ „Жизнь“, были хорошо извѣстны товарищамъ-эмигрантамъ. А документы департамента полиціи говорили о германскихъ субсидіяхъ „Комитету интеллектуальной помощи русскимъ военноплѣннымъ“, организованному ближайшими единомышленниками Чернова, переѣхавшими изъ Парижа въ Женеву, послѣ закрытія „Жизни“: Натансономъ, Камковымъ и другими, при участіи самого Чернова, въ октябрѣ 1915 года. Въ книжкахъ, издававшихся комитетомъ журнала „На чужбинѣ“, который безплатно разсылался на германскія средства по лагерямъ военноплѣнныхъ, Черновъ, дѣйствительно, принялъ участіе своими статьями. Во всемъ этомъ, даже помимо слуховъ объ отношеніи Чернова къ „экспропріаціямъ“ 1905 г., было достаточно основаній, чтобы сдѣлать необходимымъ для политическаго дѣятеля въ положеніи Чернова обращеніе къ той или иной формѣ реабилитаціи.

Первое впечатлѣніе публики при уходѣ министра земледѣлія было, что онъ вынужденъ былъ уступить требованіямъ товарищей (называли особенно Некрасова и Терещенко), для которыхъ его дальнѣйшее присутствіе въ кабинетѣ было невыносимо, — и что онъ лишь воспользовался неблагопріятными слухами о себѣ, какъ предлогомъ для приличнаго ухода. Но скоро стало ясно, что Черновъ вовсе не намѣревается серьезно уходить. Отъ партійныхъ товарищей с.-р. Керенскій получилъ настоятельныя просьбы разсмотрѣть въ самомъ спѣшномъ порядкѣ дѣло Чернова въ министерствѣ юстиціи и реабилитировать „селянскаго“ министра.

Въ шесть часовъ по-полудни, 21 Іюля, послѣ двухъ-часового засѣданія министровъ въ Зимнемъ Дворцѣ, (куда Керенскій переѣхалъ на жительство послѣ возстанія 3—5 Іюля), А. Ф. Керенскій заявилъ, что въ виду непреодолимыхъ трудностей для созданія новаго правительства на единственно правильныхъ основахъ, онъ возвращаетъ данное ему полномочіе образовать кабинетъ и слагаетъ съ себя званіе члена кабинета и министра-предсѣдателя. Въ письменной формѣ, переданной министрамъ черезъ Н. В. Некрасова, около 7-ми часовъ вечера, отказъ былъ изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Въ виду невозможности, не смотря на всѣ, принятыя мною къ тому мѣры, пополнить составъ Временнаго Правительства такъ, чтобы оно отвѣчало требованіямъ исключительнаго историческаго момента, переживаемаго страной, я не

могу больше нести отвѣтственности передъ государствомъ по своей совѣсти и разумѣнію и поэтому прошу Временное Правительство освободить меня отъ всѣхъ должностей, мною занимаемыхъ".

Политическая позиція А. Ф. Керенскаго къ этому времени была значительно подкопана, какъ неудачей наступленія на фронтѣ, на которое онъ потратилъ столько личныхъ — явно безплодныхъ — усилій, такъ и „соглашательской" тактикой внутри безъ малѣйшей надежды примирить два враждующіе лагеря и построить на этомъ примиреніи сколько-нибудь опредѣленную и послѣдовательную внутреннюю программу. Однако же, до тѣхъ поръ, пока ни одинъ лагерь, ни соціалистическій, ни „буржуазный" не считалъ возможнымъ взять себѣ *всю* власть, „соглашательская" политика являлась неизбѣжной. Единственный видный лидеръ, связавшій свое имя съ этой политикой, естественно являлся неизбѣжнымъ посредникомъ между обоими лагерями. Мы уже видѣли, что ультимативная тактика Церетели скрывала за собой вовсе не желаніе взять власть, а, наоборотъ, желаніе отдать ее обратно. Церетели, несомнѣнно, хотѣлъ вернуть себѣ свободу критики по отношенію къ правительству и тѣмъ возстановить серьезно пошатнувшееся вліяніе въ совѣтахъ. Керенскій игралъ навѣрняка, отказываясь отъ власти и отлично зная, что въ данный моментъ, эта власть не можетъ перейти ни къ кому другому. И Церетели тоже игралъ навѣрняка, зная свою цѣль — уходъ отъ власти, — и выбирая къ этой цѣли, хотя и косвенный, но все-же вѣрный путь.

Что было дѣлать правительству въ цѣломъ? Первое движеніе было — всѣмъ отказаться. Но это настроеніе быстро прошло, какъ только Н. В. Некрасовъ заявилъ, что, замѣщая предсѣдателя, онъ уходить въ отставку не можетъ. Правда, къ этому времени назначенный имъ самимъ срокъ пребыванія въ правительствѣ восьмаго Іюля — двѣ недѣли — уже прошелъ. Ясно было, что то, что не удалось Керенскому, не можетъ удаться и его товарищамъ. Оставалось, слѣдовательно, либо обратиться за созданіемъ новой власти къ учрежденіямъ, создавшимъ прежнюю, т. е. къ Г. Думѣ и Совѣтамъ, либо обсудить сообща вопросъ, не предрѣшая его со всѣми видными политическими факторами столицы. Но Г. Дума и Совѣты находились въ открытомъ конфликтѣ и правовое ихъ отношеніе къ революціонной власти было слишкомъ различное. Ввести ихъ въ одно засѣданіе съ комитетами

политическихъ партій было гораздо и легче, и удобнѣе для правительства. При этомъ способѣ, правительство оставляло за собой окончательное рѣшеніе. На такомъ способѣ и остановились. Члены кабинета немедленно объѣхали лидеровъ партій и пригласили ихъ собрать свои руководящіе органы, въ достаточномъ числѣ, чтобы компетентно выразить партійное мнѣніе, къ девяти часамъ вечера того же дня, 21 Іюля, въ Малахитовомъ залѣ Зимняго Дворца.

Это было единственное по составу и цѣли собраніе, въ которомъ встрѣтились, — чтобы тотчасъ снова разойтись въ разныя стороны, — вчерашніе политическіе противники, привыкшіе говорить на разныхъ языкахъ. Найдутъ ли они общій языкъ, хотя бы въ эту минуту великихъ затрудненій для родины внутри и во-внѣ? Несомнѣнно, торжественная обстановка засѣданія и мрачная трагичность момента сказались на тонѣ и характерѣ преній. Политическія позиціи, давно занятыя въ ежедневной борьбѣ, нѣсколько сдвинулись навстрѣчу другъ другу. Но, конечно, ошибались тѣ, неисправимо-легковѣрные обыватели, которые вдругъ повѣрили и стали ждать, что принципіальныя разногласія сразу исчезнутъ и борцы за непримиримыя между собой міровоззрѣнія бросятся въ объятія другъ друга. Было извѣстно, что соціалъ-демократы относятся къ собранію съ полнымъ скептицизмомъ и приходятъ увѣренные заранѣе, что изъ него „ничего не выйдетъ“. Они явились, преимущественно, съ цѣлью подловить своихъ противниковъ и изъ пикантной встрѣчи извлечь новый полемическій матеріалъ. Иначе были настроены не соціалистическіе элементы. На правомъ флангѣ ихъ сосредоточились самыя оптимистическія надежды.

Съ половины одиннадцатаго вечера (21 Іюля) это „историческое“ засѣданіе затянулось до седьмого часа утра (22 Іюля). Открылъ засѣданіе Н. В. Некрасовъ, въ качествѣ замѣстителя предсѣдателя и, сообщивъ объ отставкѣ Керенскаго, указалъ на три возможности, которыя стояли передъ правительствомъ: или вернуть власть первоисточнику (Комитету Думы и Совѣту), или вручить полномочія какому нибудь одному лицу для составленія кабинета, или—что, собственно и было сдѣлано созывомъ совѣщанія — выслушать мнѣніе политическихъ организацій.

Очень значительная часть рѣчей, произнесенныхъ на собраніи, совершенно не касалась вопроса о способѣ созданія власти,

поставленнаго Некрасовымъ. Рядъ ораторовъ въ болѣе или менѣе яркихъ выраженіяхъ рисовалъ ужасное положеніе страны, грозящую ей катастрофу, чрезвычайно тяжелое экономическое и финансовое положеніе, полное разложеніе власти на мѣстахъ, разрушеніе арміи и т. д. Большая часть этихъ ораторовъ призывали отбросить партійныя разногласія, объединиться „въ этотъ грозный моментъ" и создать единую власть, которая вывела бы страну изъ катастрофическаго положенія. Таковы были рѣчи Годнева, Терещенко, И. Н. Ефремова, В. Н. Львова, Н. Д. Авксентьева, Б. В. Савинкова, М. И. Скобелева. Въ нѣкоторыхъ рѣчахъ звучали истерическія ноты, Терещенко впадалъ въ панику, Савинковъ кончалъ глухой угрозой диктатуры, которая выйдетъ изъ арміи, большинство цѣплялось за А. Ф. Керенскаго, которому вѣритъ народъ. Многіе возмущались, какъ можно въ такую минуту плодить рѣчи, но прибавляли собственныя рѣчи къ другимъ, не двигая съ мѣста вопроса.

Рядомъ съ этими рѣчами обывательскаго типа велась нѣсколько замаскированная, но упорная борьба за позиціи, занятыя отвѣтственными руководителями главныхъ политическихъ партій. Церетели діалектически превращалъ требованія к.-д. въ требованія собственной партіи. „Общенаціональная программа?" „Твердая власть?" Но вѣдь это и есть программа Временнаго Правительства (т. е. 8 Іюля) и власть, „которая наиболѣе отвѣчаетъ кореннымъ интересамъ народа". „Продолжать войну", говорилъ Либеръ: ну да, это и значитъ „бороться за миръ"... путемъ „обороны страны". „Единеніе", „безпартійность?" Они возможны только на почвѣ „творческой" работы для немедленнаго „удовлетворенія основныхъ революціонныхъ требованій" аграрныхъ, экономическихъ, финансовыхъ, не дожидаясь Учредительнаго Собранія и не призывая народъ къ „жертвамъ".

Нельзя основывать прочнаго соглашенія на двусмысленныхъ выраженіяхъ, — отвѣчалъ П. Н. Милюковъ; оно можетъ быть основано лишь на искреннемъ устраненіи всего спорнаго. Согласиться можно на рядъ мѣропріятій, которыя необходимо провести до Учредительнаго Собранія: но необходимо, чтобы это были не общія формулы, которыя на мѣстахъ толкуются совершенно иначе, чѣмъ въ центрѣ, а вполнѣ конкретныя предложенія, способствующія лучшему использованію экономическихъ силъ и подъему продуктивности труда.

Перейти къ болѣе конкретной постановкѣ вопросовъ вынуждала соціалъ-демократовъ и страстная, и рѣзкая рѣчь Некрасова, заявившаго, что онъ „уходитъ изъ правительства, его политическая карьера кончена“, но на прощанье онъ хочетъ „сказать товарищамъ изъ совѣта всю правду“. Вы, говорилъ онъ имъ, парализовали дѣятельность министровъ-соціалистовъ своимъ мелочнымъ контролемъ и требованіемъ отчета въ малѣйшемъ шагѣ. Нельзя одновременно нести огромную отвѣтственную работу, принимать быстрыя и отвѣтственныя рѣшенія по самымъ разнообразнымъ и сложнымъ вопросамъ, на фронтѣ, въ тылу, на окраинахъ, въ столицѣ, „и въ то же время заниматься безплодными разговорами о пополненіи кабинета и о предупрежденіи полнаго развала власти“. Что нибудь одно. Или „возьмите эту власть въ собственныя руки и несите отвѣтственность за судьбы Россіи; или, если у васъ нѣтъ рѣшимости это сдѣлать, предоставьте власть коалиціонному кабинету, но тогда уже не вмѣшивайтесь въ его работу. Не принимайте только въ эту ночь половинчатыхъ рѣшеній. Не довѣряете Керенскому? Тогда составьте чисто соціалистическій кабинетъ — и мы уступимъ вамъ власть“.

Вопросъ былъ, наконецъ, поставленъ ребромъ, и П. Н. Милюковъ поспѣшилъ присоединиться къ этой постановкѣ. Отъ имени партіи онъ обратился къ совѣту р. и с. депутатовъ съ прямымъ вопросомъ: „готовъ ли онъ, либо взять власть въ свои руки, либо оказать довѣріе, безъ оговорокъ и безъ отчетовъ, правительству, которое будетъ образовано Керенскимъ?“

Застигнутые врасплохъ этой постановкой, соціалъ-демократы попытались затушевать положеніе встрѣчнымъ нападеніемъ. Чхеидзе настойчиво вызывалъ Милюкова „дать твердый и ясный отвѣтъ, что онъ понимаетъ подъ словомъ власть и какую опредѣленную программу хочетъ дать этой власти“. Церетели защищалъ право контроля Совѣта надъ министрами и обратился къ П. Н. Милюкову съ встрѣчнымъ требованіемъ: „пусть ваша партія не срываетъ, не бойкотируетъ, не парализуетъ, не дискредитируетъ ту власть, которая уже имѣется, если вы не можете составить этой власти изъ собственной партіи“. Церетели требовалъ также, чтобы Милюковъ открыто высказался противъ „программы-минимумъ“ 8 Іюля: „тогда это дѣйствительно дастъ довѣріе къ намъ народа и тогда мы возьмемъ власть“. Болѣе откровенно мотивировалъ то же требованіе Чхеидзе: „отвѣтьте прямо на поста-

вленные вопросы: мы говоримъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ и больше съ вами не встрѣтимся!“ . . . Особенно хотѣлось соціалъ-демократамъ, чтобы П. Н. Милюковъ высказался въ пользу занятія проливовъ и противъ немедленной аграрной реформы.

П. Н. Милюковъ отвѣтилъ ссылкой на программу кандидатовъ к.-д. 15 іюля, съ которой по существу совпадали заявленія многихъ говорившихъ вначалѣ ораторовъ. Онъ отказался осложнять споръ вопросами внѣшней политики и подробностями аграрной реформы и снова поставилъ въ упоръ вопросъ: согласны ли с.-д. или взять власть, или не препятствовать своимъ контролемъ той власти, которую создастъ Керенскій? То же самое повторилъ затѣмъ М. М. Винаверъ и ему Гоцъ бросилъ искушающій вопросъ: „войдутъ ли к.-д. въ правительство, если отъ нихъ потребуется признаніе деклараціи 8 Іюля?“ Въ интересахъ демагогіи нужно было хоть на это получить отрицательный отвѣтъ.

М. М. Винаверъ отвѣтилъ: „к.-д. признаютъ непріемлемой декларацію 8 Іюля, но поддержатъ правительство изъ лицъ, согласныхъ съ этой деклараціей, если его образуетъ Керенскій“. — „Будетъ ли эта поддержка полной?“ — „Болѣе полной, чѣмъ поддержка перваго правительства совѣтомъ: мы не учредимъ надъ ней контроля и не присвоимъ своимъ партійнымъ органамъ исполнительной власти; мы будемъ требовать отъ всѣхъ безусловнаго подчиненія власти, которую сформируетъ Керенскій“.

Такой послѣдовательности представители совѣта не ожидали. Они потребовали перерыва. Послѣ перерыва, при утреннемъ свѣтѣ, въ 6 ч. утра, были прочтены резолюціи партій. Голосованія не было.

Каждая партія ввела свой основной тезисъ въ свою резолюцію. Но всѣ, такъ или иначе, съ условіемъ или безъ условій, обѣщали поддержку правительству, которое составитъ Керенскій.

„Керенскому должна быть передана власть образовать Временное Правительство, стоящее на *общенаціональной* почвѣ и состоящее изъ лицъ, *не отвѣтственныхъ* ни передъ какими организаціями или комитетами“. Такъ заявляла партія народной свободы. И да, и нѣтъ, отвѣчали с.-д. и с.-р.: „вполнѣ довѣряемъ товарищу Керенскому“, и пусть „привлечетъ представителей *всѣхъ* партій, — но только „готовыхъ работать на почвѣ программы, выработанной Врем. Правительствомъ, подъ предсѣдательствомъ Керенскаго, 8-го Іюля“.

Это опять былъ тотъ же заколдованный кругъ: коалиціонный кабинетъ, *но* ... съ соціалистической программой. И личное напоминаніе Керенскому вызвало на другой день его откликъ журналистамъ: „декларацію 8-го Іюля подписывалъ я самъ и не предполагаю отъ нея отказываться".

Это было бы полнымъ возвращеніемъ къ исходной точкѣ, если бы и въ частныхъ переговорахъ, и въ своемъ формальномъ заявленіи, появившемся въ печати 23 Іюня А. Ф. Керенскій не сдѣлалъ заявленій, показывавшихъ, что его взгляды и на отношенія между правительствомъ и партійными организаціями, и на основныя задачи революціонной власти, которая должна быть „сильной", значительно приблизились къ взглядамъ сторонниковъ „національной" программы и власти.

Возвратившись, по приглашенію Н. В. Некрасова, въ Зимній Дворецъ, послѣ полудня 22 Іюля, А. Ф. Керенскій принялъ министровъ, передавшихъ въ его распоряженіе свои портфели, выслушалъ оффиціальное сообщеніе Некрасова о предложеніи ему со стороны пяти партій, участвовавшихъ въ ночномъ совѣщаніи, составить кабинетъ на приведенныхъ основаніяхъ, принялъ это предложеніе и приступилъ къ переговорамъ съ представителями разныхъ группъ и съ отдѣльными лицами. Въ своемъ оффиціальномъ заявленіи 23 Іюля Керенскій объяснялъ свой уходъ „невозможностью составить необходимую въ переживаемый трудный революціонный моментъ власть" и прибавлялъ затѣмъ, что „не считаетъ возможнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ, когда странѣ угрожаетъ внѣшній разгромъ и внутренній распадъ, отказаться отъ тяжкаго долга, возлагаемаго на него" „главными соціалистическими, демократическими и либеральными партіями".

Далѣе слѣдовало опредѣленіе предстоявшей Керенскому задачи, въ выраженіяхъ, выбранныхъ такимъ образомъ, чтобы обойти главныя разногласія, раздѣлявшія партіи и подать надежду, что позиція новой власти будетъ надпартійной и примирительной. „Я полагаю въ основу осуществленія этой задачи непоколебимое мое убѣжденіе, что дѣло спасенія родины и республики требуетъ забвенія партійныхъ распрей". Совмѣстная работа всѣхъ россійскихъ гражданъ должна вестись „въ условіяхъ и формахъ, властно диктуемыхъ суровой необходимостью *вести войну, поддерживать боеспособность арміи и возстановить хозяйственную мощь государства*". *Платформа* будущаго кабинета здѣсь формулирована въ выраженіяхъ, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ взглядамъ не-соціалистическихъ

группъ. Что касается *програмы*, Керенскій не только обошелъ прямое упоминаніе о спорной программѣ 8 Іюля, но и указалъ на свою личную преемственную связь съ декларацiями предыдущихъ правительствъ. „Находясь во Временномъ Правительствѣ съ перваго часа перехода всей полноты власти въ руки народа, я считаю необходимымъ, при преобразованіи правительства, исходить изъ *тѣхъ началъ, которыя имъ были преемственно выработаны и изложены въ его декларацiяхъ*". Это могло, при желаніи, быть истолковано и такъ, что въ программѣ 8 Іюля, которую Керенскій „самъ подписывалъ", онъ принимаетъ то, что „преемственно" перешло въ нее изъ предыдущихъ декларацій.

Почва для переговоровъ была, такимъ образомъ, найдена. Конечно, эта почва была не очень прочна. Всѣ участники переговоровъ понимали, что соглашеніе, готовое состояться, будетъ основано, если не на простомъ недоразумѣніи, то на добровольномъ — и, конечно, временномъ — умолчаніи сторонами о тѣхъ пріемахъ тактики, которые снова столкнули бы ихъ непримиримо. Всѣ понимали и то, что эту минимальную жертву надо принести въ виду необходимости создать *какую нибудь* власть, въ чрезвычайно тяжелый моментъ, переживавшійся родиной.

Положеніе Керенскаго при осуществленіи этой задачи было совершенно исключительное. Своимъ демонстративнымъ уходомъ онъ достигъ цѣли, которую имѣлъ въ виду. Онъ показалъ и своимъ противникамъ, и своимъ конкуррентамъ, и своимъ сторонникамъ, что, какъ бы они ни смотрѣли на его личныя качества, онъ необходимъ въ данную минуту просто по занятому имъ политическому положенію — посреди двухъ борющихся лагерей. Конечно, не одинъ онъ изъ соціалистовъ занималъ это мѣсто. Но изъ двухъ русскихъ соціалистическихъ теченій онъ принадлежалъ къ тому, которое издавна стояло ближе къ русской крестьянской дѣйствительности, и было болѣе гибко въ своей доктринѣ, и уже потому болѣе способно на компромиссъ. Въ этомъ теченіи онъ былъ недавнимъ членомъ и принадлежалъ къ правому крылу. Поставивъ себѣ личныя цѣли, подсказанныя скорѣй его страстной привязанностью къ внѣшнему „оказательству власти", чѣмъ „волей къ власти", Керенскій отъ самаго момента своего вступленія въ первое Временное Правительство обнаружилъ готовность рисковать разрывомъ съ своей партіей, принимая рѣшенія на свой страхъ. Поэтому теперь, когда такое рѣшеніе было объективно необходимо, хотя

партіи не хотѣли нести за него полной отвѣтственности, Керенскій былъ незамѣнимъ. И это молчаливо признали отвѣтственные вожди, болѣе связанные партійной дисциплиной, посторонившись и давши возможность Керенскому составить кабинетъ путемъ личныхъ переговоровъ и, съ *формальной* стороны, путемъ личнаго выбора кандидатовъ, а не путемъ назначенія ихъ партійными организаціями.

Партія народной свободы охотно пошла на это нововведеніе, ибо она именно и настаивала на освобожденіи министровъ отъ прямой зависимости отъ различныхъ органовъ „революціонной демократіи“: Н. В. Некрасовъ въ своемъ интервью, данномъ печати 25 Іюля, констатировалъ, что эта партія „отказалась отъ предъявленія какихъ бы то ни было условій, указавъ лишь, что, чѣмъ болѣе отвѣтственныя лица будутъ введены въ составъ правительства, тѣмъ болѣе партія будетъ заинтересована въ поддержкѣ кабинета“. Послѣдняя фраза относится къ выдвинутой авторомъ этихъ строкъ въ переговорахъ съ А. Ф. Керенскимъ кандидатурѣ Ф. Ф. Кокошкина, которая и была принята Керенскимъ.

Иную позицію заняла партія соціалъ-демократическая. Мы уже говорили про уклончивую позицію Церетели, который уже во время перваго кризиса весьма неохотно вошелъ въ правительство, предвидя несовмѣстимость этой позиціи съ непримиримостью партійной доктрины, не допускавшей общенія съ „буржуазными“ партіями, особенно въ формѣ участія въ коалиціонныхъ кабинетахъ.

Еще менѣе охоты имѣли соціалъ-демократы взять сами всю власть въ свои руки, убѣдившись по непосредственному опыту, до какой степени было трудно, состоя участниками власти, поддерживать „чистоту“ и неприкосновенность доктрины. Поведеніе вождей соціалъ-демократической партіи въ этомъ отношеніи было, какъ мы видѣли, чрезвычайно характерно во время совѣщанія 21 Іюля въ Малахитовомъ залѣ. Придя съ намѣреніемъ собрать какъ можно больше полемическаго матеріала противъ „буржуазныхъ“ партій, они очутились передъ предложеніями П. Н. Милюкова и М. М. Винавера: взять всю власть и нести всю отвѣтственность. Уклончивое отношеніе ихъ къ этому предложенію наглядно обнаружило всю внутреннюю противорѣчивость ихъ политической позиціи и вскрыло ихъ дѣйствительныя цѣли.

Ихъ соперники на крайнемъ лѣвомъ флангѣ соціалъ-демократической партіи, большевики, были въ этомъ отношеніи гораздо

сильнѣе, потому что были послѣдовательнѣе. Они не отказывались взять власть и только предоставляли себѣ выбрать для этого подходящій моментъ, который, какъ доказалъ провалъ іюльскаго выступленія, очевидно, еще не наступилъ. Не неся никакой отвѣтственности за власть, они могли не церемониться и съ критикой власти — и этимъ, какъ мы видѣли, уже склонили къ себѣ значительную часть петроградскихъ демократическихъ низовъ.

Положеніе умѣренныхъ соціалъ-демократовъ типа Церетели по отношенію къ этимъ конкуррентамъ слѣва было чрезвычайно затруднительно. Они были фатально связаны съ ними тѣмъ, что, собственно, лозунги у нихъ были общіе: и притомъ не только лозунги, касавшіеся марксизма вообще, и „музыки будущаго", но именно лозунги текущаго момента, лозунги „Циммервальда", „міровой революціи", мірового торжества пролетаріата и соціалистической революціи и т. д. Зная, что эти лозунги не по плечу моменту, они все же не могли съ ними разорвать открыто. Это вынуждало ихъ на бездѣйствіе, осуждало ихъ на роль поверхностныхъ и лицемѣрныхъ критиковъ, — положеніе, которое они сами считали для себя гибельнымъ.

Это было, однако, не самое дурное. Худшее было то, что молчаливое согласіе и лицемѣрная критика вождей совѣта не давала и правительству той власти, которая по собственному ихъ взгляду была необходима для текущаго момента. Они расчитывали, что, сохранивъ сами свою теоретическую чистоту и вѣрность отвлеченной доктринѣ, они дадутъ за-то кому-то другому возможность нарушить эту чистоту и доктрину во имя требованій момента, обѣщавъ притомъ этому другому смотрѣть сквозь пальцы и ограничиваться одной критикой. Но этимъ „другимъ" былъ — Керенскій. Они развязывали руки человѣку, который самъ былъ парализованъ — если не внутренне, то внѣшне, той же доктриной и такъ же пугался слишкомъ открытаго нарушенія „чистоты". Другими словами они давали власть единственному человѣку, который былъ *возможенъ*, но, по существу, все таки не тому, кто былъ *нуженъ* по обстоятельствамъ момента.

Этимъ они сами толкали политическую мысль обывателя *мимо* носителей власти даннаго момента. Видя безсиліе и связанность *данной* власти, обыватель начиналъ искать *другой*, настоящей. И, смотря по политическому настроенію, за Керенскимъ уже вырисовывались — либо Корниловъ, либо Ленинъ. Неискренность

политической позицiи Совѣтовъ всего нагляднѣе обнаруживалась въ томъ, что, когда имъ приходилось дѣлать открыто этотъ выборъ, они всегда говорили: тогда ужъ лучше Ленинъ, чѣмъ Корниловъ; мы боимся обоихъ, но мы больше боимся второго, чѣмъ перваго. Фатально пришествiе Ленина являлось неизбѣжнымъ послѣдствiемъ той позицiи, которую вожди совѣтовъ открыто заняли 21-го Iюля, въ Малахитовомъ залѣ Зимняго Дворца.

Имя Л. Г. Корнилова мы здѣсь назвали впервые въ такомъ сочетанiи, еще не подготовивъ къ нему читателя. Но читатель долженъ помнить, что всѣ описываемыя событiя затянувшагося министерскаго кризиса развивались на фонѣ грозныхъ событiй: военнаго пораженiя на фронтѣ. Это собственно и затягивало кризисъ, дѣлая совѣты лицемѣрно-уступчивыми и въ то же время мѣшая имъ взять власть открыто. Мы увидимъ сейчасъ, какъ имя и роль ген. Корнилова сами собой намѣтились въ гулѣ военнаго разгрома. Нѣкоторая часть печати (особенно „Русское Слово") сдѣлала это имя популярнымъ. Но намъ остается еще разсказать о возникновенiи новаго кабинета, *второй коалицiи*, созданiе которой стало возможно послѣ окончанiя кризиса власти въ засѣданiи Зимняго Дворца*).

Получивъ порученiе пяти политическихъ партiй образовать новый кабинетъ, А. Ф. Керенскiй приступилъ къ переговорамъ. Было рѣшено, что *формально* переговоры эти будутъ вестись съ лицами, а не съ партiями, т. е. что Керенскiй будетъ дѣлать личныя приглашенiя каждому кандидату отдѣльно. Конечно, фактически, переговоры велись съ лидерами партiй и, черезъ ихъ посредство, съ центральными организацiями партiй. Но, сравнительно съ такими же переговорами при образованiи перваго коалицiоннаго правительства, была одна существенная разница. Соцiалъ-демократы болѣе не претендовали на власть. Церетели съ самаго начала переговоровъ заявилъ, что онъ будетъ полезнѣе правительству, если вернется въ совѣтъ. Такъ какъ тотчасъ-же стали ходить слухи, что Керенскiй удаляетъ Церетели изъ правительства, и такъ какъ, съ другой стороны, соцiалисты-револю-

*) По принятой здѣсь терминологiи мы говоримъ о кабинетѣ, составленномъ 24-го Iюля, какъ о второй коалицiи, не вводя въ счетъ коалицiонныхъ кабинетовъ того состава правительства, который установился 8-го Iюля. Со дня распаденiя первой коалицiи до образованiя кабинета 24-го Iюля мы считаемъ власть находившейся въ положенiи кризиса. Мы говоримъ поэтому о „первомъ кризисѣ власти", (3—24 Iюля) и о „второй коалицiи".

ціонеры видѣли въ отказѣ Церетели хитрый тактическій ходъ, долженствовавшій поставить ихъ въ невыгодное положеніе, то А. Ф. Керенскій вторично пригласилъ Церетели 24-го Іюля и предложилъ ему постъ въ правительствѣ. И. Г. Церетели вторично категорически отказался.

Послѣ этого у А. Ф. Керенскаго оставалось еще одно затрудненіе съ собственной партіей: дѣло Чернова. „Поздно вечеромъ (22-го Іюля) стало извѣстно, что центральный комитетъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ—выяснить вопросъ о реабилитаціи чести Чернова въ трехдневный срокъ. До этого времени члены этой партіи не находятъ для себя возможнымъ вступить въ составъ Временнаго Правительства". Какъ извѣстно, въ рядахъ собственной партіи А. Ф. Керенскій не имѣлъ особаго вліянія и не находилъ достаточной поддержки. На третьемъ партійномъ съѣздѣ (25 Мая — 4 Іюня), благодаря открытой агитаціи „лѣваго блока" с.-р. и троекратнымъ заявленіямъ Г. Деконскаго съ трибуны о недопустимости кандидатуры министра, издавшаго приказъ о дезертирахъ, Керенскій получилъ изъ 270 голосовъ только 135 и не попалъ въ центральный комитетъ партіи. Это вызвало тогда отказъ Е. К. Брешко-Брешковской отъ званія почетнаго члена Ц. К. Черновъ былъ не чуждъ этой агитаціи, прямо выступивъ противъ Керенскаго въ „Дѣлѣ Народа". На съѣздѣ ему была устроена овація и онъ былъ выбранъ почетнымъ предсѣдателемъ съѣзда, получивъ затѣмъ на выборахъ въ Ц. К. 240 голосовъ.

Очевидно, требованіе Ц. К. о реабилитаціи Чернова было ультимативно. Самъ Черновъ уже приступилъ, однако, къ своей реабилитаціи въ обычномъ порядкѣ, какимъ это и должно было быть сдѣлано. Въ своемъ „Дѣлѣ Народа" онъ напечаталъ инкриминируемые ему документы, которые, вмѣстѣ съ напечатанными „Рѣчью" выдержками изъ документовъ русской развѣдки въ Парижѣ, должны были сдѣлаться предметомъ обслѣдованія. Онъ предложилъ редакціи „Рѣчи" для этой цѣли устроить судъ чести и послать въ него своихъ представителей. Къ организаціи такого суда было приступлено.

Но послѣ того, какъ всѣ эти шаги были предприняты, партія с.-р. не хотѣла ждать ихъ результатовъ. „Трехдневный срокъ" обязательной реабилитаціи, поставленный Керенскому, требовалъ иныхъ пріемовъ. 25 Іюля Н. В. Некрасовъ сообщилъ печати, что „за тѣ дни, что шли переговоры, разслѣдованіе документовъ по-

дѣлу В. М. Чернова производилось настолько интенсивно, что въ весьма короткій срокъ, какъ въ этомъ, впрочемъ, члены правительства были убѣждены и раньше, выяснилось, что ничего, бросающаго тѣнь на В. М. Чернова, въ нихъ нѣтъ, и *реабилитація его была предрѣшена*". Одновременно съ этимъ Черновъ печатно сообщилъ, что Некрасовъ „пожелалъ особо пожать ему руку въ знакъ симпатіи", а М. И. Терещенко такъ же печатно, — правда, въ нѣсколько уклончивыхъ выраженіяхъ — заявилъ, что его уходъ и возвращеніе въ правительство не вызваны „соображеніями персональными" и что онъ „не имѣетъ никакихъ основаній считать, чтобы доброе имя Чернова было чѣмъ нибудь опорочено въ тѣхъ сплетняхъ, которыя сдѣлались достояніемъ гласности". Наконецъ, въ тотъ же день появилось и оффиціальное заявленіе Временнаго Правительства, что „выслушавъ въ засѣданіи 24 Іюля докладъ министра юстиціи И. Н. Ефремова и заключеніе министра-предсѣдателя А. Ф. Керенскаго, оно съ удовлетвореніемъ убѣдилось въ злостности тѣхъ слуховъ, которые распространялись въ послѣднее время въ печати и въ обществѣ по поводу дѣятельности В. М. Чернова въ бытность его заграницей и потому и признало прошеніе объ отставкѣ министра земледѣлія В. М. Чернова поданнымъ въ общемъ съ другими министрами порядкѣ". Съ этимъ надо сопоставить поведеніе Керенскаго и Терещенко нѣсколькими днями спустя, въ томъ засѣданіи Временнаго Правительства 3 августа, въ которомъ присутствовалъ генералъ Корниловъ.

Объективно говоря, несомнѣннымъ былъ и остался фактъ былого „пораженчества" Чернова и его участія въ Циммервальдѣ и Кинталѣ, о чемъ только что напомнилъ Натансонъ, въ подробномъ докладѣ на съѣздѣ партіи с.-р. Несомнѣннымъ было и участіе Чернова въ составленіи брошюръ и статей пораженческаго характера, распространявшихся въ лагеряхъ русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи и Австріи, конечно, не безъ содѣйствія подлежащихъ властей. Характеръ отношеній русскихъ пораженцевъ с.-р.-скаго направленія, и въ особенности самого Чернова, къ самимъ этимъ властямъ оставался невыясненнымъ. Возможно, что и показанія русской развѣдки, и подозрѣнія Керенскаго, Терещенко и другихъ въ этомъ отношеніи шли слишкомъ далеко. Какъ бы то ни было, реабилитація Чернова, проведенная ускореннымъ темпомъ и, какъ проговорился Некрасовъ, „предрѣшенная", имѣла исключительно политическое значеніе для даннаго момента.

Къ вечеру, 24 Іюля, новый кабинетъ окончательно опредѣлился. Въ послѣднюю минуту и у Некрасова, объявившаго въ Малахитовомъ залѣ свою министерскую карьеру поконченной, возродился вкусъ къ власти и онъ очень стремился занять постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Но было уже поздно: мѣсто было окончательно отдано с.-р.-у Авксентьеву. Члены партіи народной свободы не претендовали на руководство главнѣйшими министерствами, ограничивая свою роль въ этомъ кабинетѣ моральной поддержкой въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ пожелаетъ и сможетъ ею воспользоваться А. Ф. Керенскій. Сознавая уже тогда невозможность серьезно помочь, они не хотѣли мѣшать.

Утромъ, 25 Іюля, въ газетахъ появился списокъ новаго кабинета. Составъ его былъ слѣдующій:

Соціалисты:

с.-р.:
- А. Ф. Керенскій, министръ-предсѣдатель, военный и морской министръ.
- его замѣстители:
- Б. В. Савинковъ, въ военномъ министерствѣ.
- В. И. Лебедевъ, въ морскомъ.
- Н. Д. Авксентьевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ.
- В. М. Черновъ, министръ земледѣлія.

с.-д.:
- М. И. Скобелевъ—министръ труда.
- С. П. Прокоповичъ, министръ торговли и промышленности.
- А. А. Никитинъ, министръ почтъ и телеграфовъ.
- М. В. Бернацкій, управляющій министерствомъ финансовъ.

н.-с.:
- А. В. Пѣшехоновъ, министръ продовольствія.
- А. С. Зарудный, министръ юстиціи.

Не-соціалисты:

Н. В. Некрасовъ, замѣститель министра-предсѣдателя, министръ финансовъ.

М. И. Терещенко, министръ иностранныхъ дѣлъ.

И. Н. Ефремовъ, министръ государственнаго призрѣнія.

к.-д.:
- С. Ф. Ольденбургъ, министръ народнаго просвѣщенія
- П. П. Юреневъ, министръ путей сообщенія.
- Ф. Ф. Кокошкинъ, государственный контролеръ.
- А. В. Карташевъ, об.-прокуроръ святѣйшаго синода.

При предварительныхъ переговорахъ самъ Керенскій придавалъ большое значеніе уравновѣшенію обѣихъ половинъ этого списка. При небольшомъ *номинальномъ* перевѣсѣ соціалистовъ дѣйствительный перевѣсъ въ кабинетѣ безусловно принадлежалъ

убѣжденнымъ сторонникамъ буржуазной демократіи. Эта черта отличала кабинетъ 25 Іюля отъ кабинета 6 Мая, въ которомъ соціалистическая часть была въ меньшинствѣ, но зато являлась носительницей идеологіи „революціонной демократіи", въ смыслѣ Церетели. И нажитый съ тѣхъ поръ государственный опытъ и ужасающее прогрессированіе внутренняго распада, и быстро возраставшая опасность на фронтѣ, и аггрессивная демагогія большевиковъ, и ихъ провалъ въ іюльскомъ наступленіи — все это располагало новую власть сильно подтянуться и, по крайней мѣрѣ, хоть сдѣлать попытку—быть сильной.

Это настроеніе сказалось, прежде всего, въ „воззваніи" новаго правительства къ населенію, опубликованномъ 26 Іюля. Уже то, что на этотъ разъ — это было просто „воззваніе", а не новая программная декларація, было очень характерно. Характерно и то, что воззваніе, хотя и одобренное всѣмъ кабинетомъ, подписано однимъ Керенскимъ. Никакихъ указаній на прежнія программы въ немъ нѣтъ, — въ томъ числѣ нѣтъ и указанія на программу 8 Іюля, которое замѣнено, въ духѣ новой коалиціи, глухой ссылкой на „ранѣе возвѣщенныя начала". Въ томъ же настроеніи „воззваніе" говорило о Россіи и „родинѣ", лишь однажды упомянувъ о революціи и даже рѣшалось заговорить о „національномъ" воодушевленіи и единствѣ. Вотъ текстъ этого воззванія.

„Въ тяжкую для родины годину преобразованное Временное Правительство будетъ нести бремя верховной власти. Наступленіе врага на фронтѣ, при глубокомъ нестроеніи внутри государства, угрожаетъ самому существованію Россіи. Только небывалыми, героическими усиліями можетъ быть спасена родина. Только желѣзной властью, въ суровыхъ условіяхъ военной необходимости, и самоотверженнымъ порывомъ самого народа можетъ быть выкована грозная и созидающая государственная мощь, которая очиститъ родную землю отъ непріятеля и привлечетъ къ великой работѣ организованнаго строительства всѣ живыя силы страны на дѣло ея возрожденія.

„Исполненное сознаніемъ священнаго долга передъ отечествомъ, правительство не остановится ни передъ какими трудностями и препятствіями для — достойнаго чести великаго народа — завершенія борьбы, отъ исхода которой зависитъ будущее Россіи. Въ стремленіи использовать ради этой цѣли жизненные источники,

страны, оно будетъ выполнять необходимыя мѣры организаціи государства, слѣдуя неуклонно ранѣе возвѣщеннымъ имъ началамъ.

„Приступая къ этой работѣ, Временное Правительство черпаетъ силы въ увѣренности, что оно встрѣтитъ помощь и поддержку въ разумѣ всѣхъ народовъ Россіи. Правительство вѣритъ, что вся мощь революціи будетъ обращена на дѣло спасенія Россіи и возстановленія ея, поруганной предательствомъ, малодушіемъ и презрѣнной трусостью, чести. Правительство убѣждено, что въ историческій часъ, когда рѣшаются судьбы родины, русскіе граждане забудутъ передъ лицомъ непріятеля раздѣляющіе ихъ споры, объединятся въ великомъ жертвенномъ подвигѣ, — встрѣтятъ грядущія испытанія съ мужественнымъ рѣшеніемъ преодолѣть ихъ. Предъ такимъ единеніемъ не страшны будутъ ни внѣшній врагъ, ни внутренняя разруха. Свобода, спаянная національнымъ единствомъ и воодушевленіемъ, не можетъ быть побѣждена. Русскій народъ пронесетъ ее сквозь кровь и страданія къ свѣтлому будущему, создастъ на благо всему человѣчеству новую, свободную, великую Россію".

Оставалось провести признаніе вновь образовавшагося кабинета черезъ главныя партійныя организаціи. Засѣданіе пленума исполнительныхъ комитетовъ совѣтовъ было собрано въ ночь на 25 Іюля. Настроеніе собранія оказалось весьма минорное. Основнымъ тономъ рѣчей было сознаніе, что іюльское возстаніе ослабило весь демократическій фронтъ и что необходимы уступки власти, которая должна быть сильной. Для сохраненія равновѣсія, однако же, этой власти давалась въ руководство все та же программа 8 Іюля и ставилась задачей „безконечная борьба съ . . . контръ-революціей".

„Проклятый Рубиконъ", восклицалъ докладчикъ М. И. Скобелевъ, говоря о событіяхъ 3—5 Іюля. „На немъ сломилась революція; вмѣсто того, чтобы идти впередъ, она должна напрягать всѣ силы свои, чтобы сохранить завоеванное до ужасныхъ іюльскихъ дней". А. В. Пѣшехоновъ, проводя параллель между этимъ министерствомъ и прежнимъ, говорилъ: "тогда, 6 Мая, правительство чувствовало, что ему необходимо подкрѣпленіе слѣва — и обратилось къ совѣтамъ. Теперь опасность напора „волны контръ-революціи", „заставила правительство искать поддержки справа". „Чѣмъ больше силъ мы привлечемъ справа", наивно признавался онъ, „тѣмъ меньше останется тѣхъ, которые будутъ нападать на власть".

Очень показательна была рѣчь Церетели. „Это не только былъ кризисъ власти“, говорилъ онъ, „это кризисъ революціи. Въ ея исторіи началась новая эра“. „Правы тѣ, кто указывалъ, что совѣты два мѣсяца назадъ были сильнѣе. Мы, дѣйствительно, стали слабѣе. Соотношеніе силъ измѣнилось не въ нашу пользу“. „Если бы органы революціонной демократіи сказали, что представляютъ всю страну, они впали бы въ ошибку, отъ которой врядъ ли удалось бы оправиться. Бойтесь поставить народъ передъ выборомъ между революціонной демократіей и страной“. Исходя изъ этихъ разсужденій, Церетели убѣждалъ товарищей примириться съ правительствомъ взаимныхъ уступокъ и въ интересахъ „возстановленія боевой мощи фронта“, для чего „нельзя отказываться отъ репрессій“ и надо дать власти „диктаторскія полномочія“, а также и въ интересахъ борьбы съ „контръ-революціей“. Оставшійся въ правительствѣ министръ М. И. Скобелевъ обѣщалъ, что уйдетъ изъ правительства при первомъ признакѣ заявленнаго ему недовѣрія, меланхолически прибавляя при этомъ: *„мы предпочитаемъ ошибаться вмѣстѣ съ революціонной демократіей, чѣмъ быть правыми, но безъ нея“*.

Эта удачная формула новаго отношенія соціалистическихъ вождей къ правительству немедленно же раскрывалась въ направленіи — „ошибокъ“. Всѣ ораторы категорически требовали выполненія правительствомъ программы 8-го Іюля. Предложенная Богдановымъ резолюція совѣта ставила дѣятельности коалиціонной власти опредѣленныя партійныя границы: 1) „никакихъ посягательствъ на органы революціонной демократіи“, т. е. никакихъ мѣропріятій противъ совѣтовъ; 2) „никакихъ отступленій“ отъ циммервальдской внѣшней политики; 3) воздержаніе, при „борьбѣ съ анархіей и эксцессами“, „отъ борьбы съ цѣлыми политическими теченіями“, т. е. сохраненіе нейтралитета по отношенію къ партійной дѣятельности большевиковъ и 4) наоборотъ, „рѣшительная борьба съ контръ-революціонными заговорами въ томъ специфическомъ смыслѣ, въ какомъ ораторъ-интернаціоналистъ Юреневъ на томъ же засѣданіи говорилъ объ „обнаглѣвшемъ бонапартизмѣ ген. Корнилова“, наконецъ, 5) „скорѣйшее проведеніе въ жизнь“ „соціальной программы 8-го Іюля“.

Нѣсколько болѣе благопріятно звучала резолюція объединеннаго засѣданія исполнительнаго комитета р. и с. д. съ комитетомъ крестьянскихъ д., предложенная Даномъ. Вступленіе соціа-

листовъ въ этой резолюціи прямо „одобрялось“ и правительству обѣщалась „самая активная поддержка“. Но условія одобренія и поддержки и здѣсь мыслились совершенно такъ же, какъ тамъ: исполненіе программы 8-го Іюля и „опора на органы революціонной демократіи внутри страны и на фронтѣ“, включая тутъ и рѣшительную угрозу „со всякой энергіей противодѣйствовать всякимъ покушеніямъ на права и свободу дѣятельности этихъ организацій“. „Революціонная демократія“ фактически продолжала, такимъ образомъ, строиться общимъ фронтомъ противъ правительства, отрѣзая у него ту самую поддержку, которую обѣщала формально.

Если при этихъ условіяхъ руководящая несоціалистическая партія к.-д. рѣшилась все таки дать своихъ сочленовъ въ кабинетъ Керенскаго, то она при этомъ руководилась, во-первыхъ, полной невозможностью отказаться отъ участія во власти въ моментъ, который признавали критическимъ даже ея политическіе противники; во вторыхъ надеждой, что первый шагъ эмансипаціи Керенскаго отъ совѣтовъ повлечетъ за собой и дальнѣйшіе шаги, а это не замедлитъ отразиться и на дальнѣйшей мирной эволюціи личнаго состава кабинета въ желательномъ направленіи. Въ моментъ переговоровъ о составленіи новаго правительства въ Москвѣ собрался съѣздъ партіи народной свободы, который, выслушавъ докладъ Новгородцева, только что одобрилъ отказъ кандидатовъ к.-д. отъ продолженія переговоровъ (см. выше). Спѣшно, съѣздъ этотъ вызванъ былъ въ Петроградъ, гдѣ, послѣ засѣданія въ Малахитовомъ залѣ, и послѣдовавшихъ переговоровъ съ Керенскимъ, сложилось прямо противоположное настроеніе. На долю П. Н. Милюкова выпало доказать своимъ единомышленникамъ необходимость вступленія к.-д. въ только что сформировавшійся кабинетъ.

Въ своей рѣчи на съѣздѣ 24 Іюля, П. Н. Милюковъ, прежде всего, указалъ, что въ данную минуту „намъ уже не грозитъ только катастрофа; мы уже находимся въ водоворотѣ“. Но онъ отмѣтилъ, что именно теперь, подъ впечатлѣніемъ „глубокихъ разочарованій“, политическія идеи к.-д. получаютъ болѣе широкое распространеніе и могутъ служить базисомъ для болѣе искренней коалиціи. Въ рядѣ выступленій самыхъ вліятельныхъ вождей соціалистическихъ теченій — такихъ какъ Керенскій, Церетели, Черновъ, Скобелевъ и др., — можетъ считаться установленнымъ, что революція не считается соціалистической, что организованная

часть демократіи составляетъ лишь поверхностный слой на океанѣ народныхъ массъ, и нельзя считать всю Россію примкнувшей къ той или другой политической партіи; что государство должно остановить разрушеніе промышленности стихійнымъ ростомъ рабочихъ требованій. Остается словесный споръ о томъ, слѣдуетъ ли „охранять завоеванія революціи“ или „продолжать и углублять“ ее. „Безспорно“, заявилъ П. Н. Милюковъ, „*революція продолжается* въ смыслѣ осуществленія тѣхъ задачъ, которыя она поставила“, но „революція кончена въ томъ смыслѣ, что законченъ процессъ кроваваго разрыва съ прошлымъ“, и далѣе развитіе революціи должно совершаться уже въ рамкахъ ею самою созданной революціонной власти и закона. Вопреки обвиненіямъ въ „контръ-революціонности“, партія „остается вѣрными республиканцами и не думаетъ, „не только о возстановленіи стараго самодержавнаго строя, но и конституціоннаго монархическаго, съ которымъ покончила революція“. Партія „защищаетъ всѣ пріобрѣтенія революціи, которыя начало осуществлять первое правительство“. Она за самыя широкія соціальныя реформы, за свободное развитіе народностей, но „противъ всего того, что предрѣшаетъ волю Учредительнаго Собранія“. Она боролась съ соціалистами поскольку они „шли на уступки требованіямъ большевизма“, но теперь, когда ихъ уступчивость привела къ „хаосу въ арміи, хаосу въ внѣшней политикѣ, хаосу въ промышленности, хаосу въ національномъ вопросѣ, хаосу въ путяхъ сообщенія“, когда съ трудомъ сдерживается хаосъ финансовый и продовольственный, когда „провалилось наступленіе, построенное на основѣ такъ наз. демократизаціи и революціонной дисциплины“, когда, словомъ, „наступаютъ дни расплаты и расчета за всѣ увлеченія и утопіи, которымъ подчинялась власть“, — въ такой моментъ нельзя отказывать въ поддержкѣ власти, разъ она обращается къ намъ на основѣ нашей же національной программы и обѣщаетъ возстановить свою независимость отъ партійныхъ организацій.

Значительная часть съѣзда была очень рѣшительно настроена противъ вступленія к.-д. въ правительство, возглавляемое Керенскимъ. Однако, съѣздъ оживленно рукоплескалъ заявленію П. Н. Милюкова, призывавшаго по поводу одной изъ рѣзкихъ выходокъ противъ Керенскаго къ „новому чувству — уваженія къ главѣ революціоннаго правительства“. Въ концѣ концовъ, съѣздъ убѣдился, что не было другого выхода, кромѣ попытки усилить

власть изнутри, ибо путь насильственный, намеки на который уже слышались на съѣздѣ, привелъ бы лишь къ гражданской войнѣ. „Если окажется, что мы имѣемъ дѣло не съ падающимъ вліяніемъ совѣтовъ и соціалистическаго утопизма, если духъ Циммервальда, который пошелъ на убыль и уже вытравленъ въ послѣднихъ заявленіяхъ министерства, вновь возродится, если большевики опять появятся на улицахъ Петрограда, то рѣчь будетъ другая", закончилъ П. Н. Милюковъ свой отвѣтъ оппонентамъ. „Сейчасъ же мы будемъ поддерживать своимъ довѣріемъ нашихъ товарищей, пока они останутся въ министерствѣ".

Въ своей привѣтственной статьѣ новому кабинету черновское „Дѣло Народа" было, въ сущности, не болѣе оптимистично. „Трудно заранѣе предсказать, говорила газета, насколько долговѣчна новая коалиція, насколько жизненна она. Можно съ увѣренностью лишь сказать, что это — *послѣдняя попытка создать національное правительство.* Съ неудачей этой попытки революція окажется окончательно откинутой либо въ ту, либо въ другую сторону. Въ томъ и другомъ случаѣ она окажется изолированной, на краю и подъ угрозой — отъ лишняго толчка окончательно сорваться".

Прогнозъ былъ правильный. Проблема: или Корниловъ, или Ленинъ, — здѣсь поставлена черновской газетой совершенно открыто, вполнѣ откровенно указаны роковыя послѣдствія того положенія, когда революція окажется „на краю" и „изолированной". Но на какомъ краю?

II. ПРОВАЛЪ НАСТУПЛЕНІЯ.

Первыя вѣсти о прорывѣ. Корниловъ и Савинковъ. Смертная казнь и совѣщаніе въ ставкѣ 16 Іюля. Корниловъ — верховный главнокомандующій. Первый конфликтъ Корнилова съ Керенскимъ.

Въ дни, когда создавалось новое коалиціонное правительство, среди лѣвыхъ теченій преобладалъ страхъ, что революція окажется на правомъ краю. Не одинъ Церетели констатировалъ „задержку развитія революціи" и пугалъ тяжелыми послѣдствіями. На-лицо былъ объективный фактъ, который повелительно требовалъ этой „задержки", во имя интересовъ родины. Россія стояла передъ грозной національной опасностью, которая обрисовалась во весь ростъ послѣ неудачи наступленія на фронтѣ, осуществленнаго А. Ф. Керенскимъ подъ вліяніемъ настояній союзниковъ. Событія на фронтѣ развивались параллельно съ кризисомъ власти втеченіе всего іюля, — и, несомнѣнно, оказали на ходъ этого кризиса очень сильное вліяніе. Дальше мы увидимъ, что и все содержаніе политической жизни въ августѣ опредѣлилось тѣмъ же условіемъ: необходимостью укрѣпить власть для возсозданія военной мощи Россіи. Мы не знаемъ, возлагалъ ли Альберъ Тома и другіе сторонники русскаго наступленія въ рядахъ союзниковъ серьезныя надежды на успѣхъ русскаго наступленія. Для военныхъ цѣлей достаточенъ былъ, вѣроятно, самый фактъ наступленія, обѣщавшій отвлечь на опредѣленный срокъ опредѣленное количество непріятельскихъ войскъ съ союзническаго фронта на русскій. Были, однако, и среди союзниковъ люди, смотрѣвшіе на положеніе болѣе серьезно и относившіеся съ большими опасеніями къ конечному исходу задуманнаго стратегическаго маневра. Для этихъ людей уже тогда было ясно, что самое большее, чего можно требовать отъ русской арміи въ ея тогдашнемъ настроеніи, было — чтобы она продержалась въ окопахъ. Двинуть ее впередъ изъ окоповъ — значило рисковать, что она бросится назадъ. Объ

этомъ заблаговременно свидѣтельствовали тѣ нечеловѣческія усилія, которыя приходилось дѣлать, чтобы приготовить хотя бы „ударные" кадры, способные *начать* наступленіе. Предполагалось, что они увлекутъ своимъ примѣромъ и остальныхъ. Но рискованность этого предположенія была понятна всѣмъ, кто стоялъ близко къ дѣлу.

За нѣсколько недѣль до наступленія, о его возможной неудачѣ и объ опасности всего предпріятія предупреждалъ пріѣхавшій въ Петроградъ изъ ставки предсѣдатель союза офицеровъ полк. Новосильцевъ. П. Я. Рыссъ въ своей книгѣ „Русскій опытъ" разсказываетъ: „помню, 15 Іюня 1917 г., ко мнѣ пріѣхалъ итальянскій военный агентъ, хорошо знавшій русскую армію и только что объѣхавшій русскій фронтъ. Онъ взволнованно сообщилъ, что наступленіе предполагается въ стыкъ австро-германскихъ войскъ и могло бы дать блестящіе результаты. Но русская армія разложена и неспособна къ наступленію. Пока она стоитъ неподвижно, она существуетъ, оттягивая непріятельскія силы. Въ моментъ, когда армія выйдетъ изъ своего неподвижнаго состоянія, она разсыплется, — и тогда все погибнетъ. Россія выбудетъ изъ строя". О томъ же самомъ г. Тозелли сообщалъ тогда же и мнѣ лично. Но было уже поздно. Черезъ три дня наступленіе началось. Вмѣстѣ съ нимъ явился тотъ проблескъ надежды, о которомъ мы говорили, описывая настроеніе Петрограда 19 Іюня. Невѣрующіе хотѣли вѣрить и заставить вѣрить другихъ.

Увы, скоро оказалось, что для оптимизма нѣтъ никакой почвы. Ночью съ 6 на 7 Іюля — какъ разъ тогда, когда въ Петроградъ вступили военныя части для усмиренія большевистскаго возстанія, пришли въ столицу первыя извѣстія о прорывѣ фронта. Начиная съ 8 Іюля, газеты начали печатать намѣренно откровенныя телеграммы съ фронта, поразившія какъ громомъ русскую общественность.

Вотъ первая телеграмма этого рода, посланная съ фронта 6-го и напечатанная въ газетахъ 8-го Іюля. „Въ 10 часовъ 607-й Млыновскій полкъ, находившійся на участкѣ Виткувъ-Минаювъ, самовольно оставилъ окопы и отошелъ назадъ, слѣдствіемъ чего явился отходъ и сосѣдей, что дало возможность противнику развить свой успѣхъ. Наша неудача объясняется въ значительной степени тѣмъ, что подъ вліяніемъ агитаціи большевиковъ, многія части, получивъ боевой приказъ о поддержаніи аттакованныхъ

частей, собирались на митинги и обсуждали, подлежитъ ли выполненію приказъ, причемъ нѣкоторые полки отказывались отъ выполненія боевыхъ порученій, уходили съ позицій безъ всякаго давленія противника. Усилія начальниковъ и командировъ побудить къ исполненію приказовъ были безплодны".

На слѣдующій день (9-го) телеграмма гласила: „противникъ, развивая прорывъ, продолжалъ въ теченіе 7-го Іюля дальнѣйшее наступленіе на Тарнополь. Наши войска, въ массѣ, не проявляя должной устойчивости, а мѣстами не выполняя боевыхъ приказовъ, продолжали отходить". 9-го и 10-го Іюля съ фронта продолжали посылаться столь же тревожныя извѣстія. „Наши войска, проявляя полное неповиновеніе начальникамъ, продолжали отступать за рѣку Серетъ, частью сдаваясь въ плѣнъ. Сопротивленіе оказала только 155-я пѣхотная дивизія . . . При громадномъ превосходствѣ силъ и техники съ нашей стороны на аттакованныхъ участкахъ, отступленіе шло почти безостановочно, что происходило отъ полной неустойчивости нашихъ войскъ и разсужденія о томъ, исполнять или не исполнять боевые приказы начальства, и преступной пропаганды большевиковъ". 10 Іюля то же настроеніе отразилось и на судьбѣ аттаки, предпринятой на Виленскомъ наступленіи у Крево. „На развитіи дальнѣйшаго успѣха начинаетъ сказываться неустойчивость и моральная слабость нѣкоторыхъ частей. Отмѣчается доблестное поведеніе офицеровъ, массами гибнущихъ, исполняя свой долгъ". „Приводившій части въ порядокъ, начальникъ штаба дивизіи, ген. шт. подполковникъ Хольдъ, убитъ".

Того же 9 Іюля по адресамъ Временнаго Правительства, Ц. К., совѣтовъ и верховнаго Главнокомандующаго исполнительный комитетъ юго-западнаго фронта, армейскій комитетъ и комиссаръ XI арміи послали сводную телеграмму слѣдующаго содержанія. „Начавшееся 6-го Іюля нѣмецкое наступленіе на фронтѣ XI арміи разростается въ неизмѣримое бѣдствіе, угрожающее, быть можетъ, гибелью революціонной Россіи. Въ настроеніи частей, двинутыхъ недавно впередъ геройскими усиліями сознательнаго меньшинства, опредѣлился рѣзкій и гибельный переломъ. Наступательный порывъ быстро исчерпался. Большинство частей находится въ состояніи все возрастающаго разложенія. О власти и повиновеніи нѣтъ уже рѣчи. Уговоры и убѣжденія потеряли силу, на нихъ отвѣчаютъ угрозами, а иногда и разстрѣломъ. Нѣкоторыя

части самовольно уходятъ съ позицій, даже не дожидаясь подхода противника. Были случаи, что отданное приказаніе—спѣшно выступить въ поддержку—обсуждалось часами на митингахъ, почему поддержка опаздывала на сутки. При первыхъ выстрѣлахъ непріятеля части нерѣдко бросаютъ позиціи. На протяженіи сотни верстъ въ тылъ тянутся вереницы бѣглецовъ, съ ружьями и безъ нихъ, — здоровыхъ, бодрыхъ, потерявшихъ всякій стыдъ, чувствующихъ себя совершенно безнаказанными. Иногда такъ отходятъ цѣлыя части. Члены армейскаго и фронтового комитетовъ и комиссары единодушно признаютъ, что положеніе требуетъ самыхъ крайнихъ мѣръ и усилій, ибо нельзя останавливаться ни передъ чѣмъ, чтобы спасти революцію отъ гибели. Сегодня Главнокомандующимъ юго-западнымъ фронтомъ и командиромъ XI арміи, съ согласія комиссаровъ и комитетовъ, изданы приказы о стрѣльбѣ по бѣгущимъ. Пусть вся страна знаетъ всю правду о совершающихся здѣсь событіяхъ, пусть она содрогнется и найдетъ въ себѣ рѣшимость безпощадно обрушиться на всѣхъ, кто малодушіемъ губитъ и предаетъ родину и революцію"*).

Наконецъ, 11 Іюля—комиссары юго-западнаго фронта—Савинковъ и Филоненко, отправили телеграмму, чрезвычайно характерную для обоихъ и для всей постановки вопроса о „демократизаціи" арміи. Революціонная фразеологія здѣсь приходитъ въ рѣзкое и сознательное противорѣчіе съ суровой дѣйствительностью.

„Мы, комиссары арміи юго-западнаго фронта", заявляютъ Савинковъ и Филоненко, „явившіеся на театръ войны для того, чтобы увѣщеваніями, опирающимися на всю полноту авторитета полномочныхъ органовъ революціоннаго большинства, побудить войска исполнять свой долгъ передъ родиной и свободой, — мы теперь даемъ отчетъ вамъ и народу въ томъ, что мы сдѣлали и чего достигли и, по долгу совѣсти, заявляемъ о томъ, что сдѣлать надлежитъ.

Я, Борисъ Савинковъ, бывшій комиссаръ 7-й арміи, и мой помощникъ Влад. Гобечіа, привели 7-ю армію въ состояніе, которое дало возможность наступать. Герои пали въ бою, и армія,

---

*) Телеграмма подписана предсѣдателемъ исполнительнаго комитета юго-зап. фронта Дашевскимъ, товарищемъ предсѣдателя Колчинскимъ, Никольскимъ, Гуревичемъ, предсѣдателемъ армейскаго комитета XI арміи Киреенко, помощникомъ комиссара Чекотиса и членомъ исп. ком. крестьянскихъ депутатовъ, Пьяныхъ.

увлеченная ими, сражалась доблестно. А теперь ихъ нѣтъ — и она бѣжитъ. Какъ я отвѣчу за пролитую кровь, если не потребую, чтобы немедленно были введены съ желѣзной рѣшимостью въ арміи порядокъ и дисциплина, которыя бы не позволили малодушнымъ безнаказанно, по своей волѣ, оставлять позиціи, открывать фронтъ, губить этимъ цѣлыя части и товарищей, вѣрныхъ долгу, покрывая незабываемымъ срамомъ революцію и страну? Выбора не дано: смертная казнь тѣмъ, кто отказывается рисковать своей жизнью для родины за землю и волю.

Я, Максимиліанъ Филоненко, комиссаръ 8-й арміи. Удача сопутствовала мнѣ. Ни разу не примѣнивъ насилія, я былъ счастливъ словомъ и нравственнымъ воздѣйствіемъ преодолѣть всѣ колебанія и нерѣшимость и двинуть войска въ побѣдный бой... Но теперь, что я скажу доблестной арміи, когда она вынуждена отступать, оставляя поля, обагренныя кровью лучшихъ ея солдатъ, потому что справа обнажаютъ ея флангъ, бѣгутъ безъ оглядки трусы и предатели? Я могу заявить одно: смертная казнь измѣнникамъ: тогда только будетъ данъ залогъ того, что не даромъ, за землю и волю, пролилась священная кровь".

Такимъ образомъ, въ кругахъ непосредственныхъ исполнителей воли совѣтовъ с., р. и кр. депутатовъ, пытавшихся водворить въ арміи особую „революціонную" дисциплину, зрѣли мысли, явившіяся затѣмъ источникомъ длительнаго конфликта. Эти же круги выдвинули на роль исполнителя новыхъ задачъ и то лицо, которое скоро стало знаменемъ и символомъ конфликта.

Пришедшія въ срединѣ Іюля болѣе подробныя свѣдѣнія нарисовали картину ужасающей катастрофы, по характеру своему безпримѣрной въ лѣтописяхъ военной исторіи. Непріятель задумалъ частичный ударъ, чтобы отвлечь наши силы отъ прорыва, нами произведеннаго у Станиславова между 18 и 28 Іюня. Онъ пустилъ въ ходъ 5-го Іюля только двѣ германскихъ дивизіи (223 и 197) и одну сводную австро-венгерскую (33). Мы ввели въ дѣло цѣлыхъ 12 дивизій, т. е. были разъ въ пять сильнѣе. Но самовольный уходъ 607 полка гренадерской дивизіи съ позиціи, отказъ или опозданіе резервныхъ полковъ, назначенныхъ для покрытія образовавшагося пробѣла, побудили нѣмцевъ спѣшно бросить въ прорывъ собранныя по близости подкрѣпленія. 6-го Іюля противъ насъ дѣйствовали уже 5 дивизій, 3 германскихъ и 2 австрійскихъ, а 7-го Іюля подошли еще болѣе значительные

резервы. Небольшой прорывъ, верстъ въ 18 ширины, при 8-ми верстахъ, самое большее, глубины, уже къ вечеру, 7-го іюля, достигъ ширины верстъ въ сорокъ при глубинѣ болѣе 20 верстъ. Неожиданно подверглась опасности наша первоклассная база, Тарнополь, съ громаднымъ количествомъ запасенныхъ здѣсь снарядовъ и продовольствія, стоимостью до 3-хъ милліардовъ. При полной невозможности въ два дня эвакуировать населеніе и запасы, городъ представлялъ ужасающую картину. Банды дезертировъ бросились грабить магазины и частныя квартиры, совершая возмутительныя насилія надъ мирными обывателями. Десятки тысячъ телѣгъ, автомобилей и повозокъ запрудили улицы города; живая обозная лавина двигалась на востокъ отъ города по Тарнопольскому шоссе. Ударный батальонъ юнкеровъ и казаки на время водворили порядокъ въ городѣ и на вокзалѣ; но съ ихъ уходомъ грабежи, насилія и убійства еще болѣе усилились. Отходъ XI Арміи, въ раіонѣ которой совершился прорывъ, поставилъ въ крайне трудное положеніе 7-ю армію ген. Селивачева, которую австро-германскія войска, быстро переправившись черезъ Серетъ, прижали къ Днѣстру, отрѣзая ей отступленіе на востокъ. Идя на югъ, эта армія попадала на линію отступленія бывшей Корниловской арміи, окруженной съ праваго фланга и вынужденной спѣшно ликвидировать всѣ свои пріобрѣтенія въ Карпатахъ. Проходъ арміи черезъ Калущъ и Станиславовъ также ознаменовался ужасающими безчинствами и преступленіями озвѣрѣвшей солдатской толпы. „Еще недавно“, писалъ корреспондентъ „Русскаго Слова“, „я былъ свидѣтелемъ того стихійнаго энтузіазма, съ какимъ революціонныя войска бросались на вражескія укрѣпленія, сметая на своемъ пути всѣ преграды. И нѣтъ словъ, которыми можно было бы выразить охватившее насъ тогда чувство бурной радости. Мы всѣ . . . поздравляли другъ друга со слезами на глазахъ, съ чудеснымъ воскресеніемъ обновленной русской арміи. Увы! сладкій сонъ былъ кратковременнымъ. Прошелъ первый порывъ, погибли подъ непріятельскими пулями и снарядами лучшіе честные борцы за свободу и родину, — и гидра разложенія, посѣяннаго германскими наемниками — большевиками и просто негодяями, дрожащими за свою шкуру, вновь подняла голову. *Одного одушевленія для побѣды оказалось слишкомъ мало.* Сказалось отсутствіе дисциплины, а слѣдовательно и стойкости, и намъ

пришлось почти безъ боя отдать назадъ противнику все то, что было добыто цѣною тысячи погибшихъ героевъ".

Катастрофа распространилась скоро съ юго-западнаго фронта на западный, гдѣ, послѣ мѣсячныхъ усилій, удалось было побудить отборныя воинскія части перейти въ наступленіе. Картина была здѣсь совершенно та же. Громадное неравенство силъ въ нашу пользу, обѣщавшее намъ легкую побѣду. „Никогда еще мнѣ не приходилось драться при такомъ перевѣсѣ въ числѣ штыковъ и матерьяльныхъ средствъ", писалъ ген. Деникинъ. „Никогда еще обстановка не сулила такихъ блестящихъ перспективъ. На 19-ти верстномъ фронтѣ у меня было 184 батальона противъ 29 вражескихъ; 900 орудій противъ 300 нѣмецкихъ; 138 батальоновъ были введены въ бой противъ перволинейныхъ 17-ти нѣмецкихъ и все пошло прахомъ". Первыя впечатлѣнія и здѣсь иногда были такія же радужныя, какъ въ Галиціи. Вотъ донесеніе командира I-го сибирскаго корпуса. „Всѣ данныя для успѣшнаго выполненія наступательной операціи были на лицо . . . Успѣхъ, крупный успѣхъ, былъ достигнутъ, да еще сравнительно съ незначительными потерями съ нашей стороны. Прорваны и заняты три линіи укрѣпленій; впереди оставались лишь оборонительные узлы и бой могъ скоро принять полевой характеръ; подавлена непріятельская артиллерія, взято въ плѣнъ свыше 1300 германцевъ и захвачено много пулеметовъ и всякой добычи. Кромѣ того, врагу нанесены потери убитыми и ранеными отъ артиллерійскаго огня, и можно съ увѣренностью сказать, что стоявшія противъ корпуса части временно выведены изъ строя . . . Всего на фронтѣ корпуса рѣдкимъ огнемъ стрѣляли три-четыре непріятельскихъ батареи и, изрѣдка, три-четыре пулемета. Ружейные выстрѣлы были одиночные" . . . „Но пришла ночь . . . тотчасъ стали поступать ко мнѣ тревожныя заявленія начальниковъ боевыхъ участковъ о массовомъ, — толпами и цѣлыми ротами, — уходѣ солдатъ съ неаттакованной первой линіи. Нѣкоторые изъ нихъ доносили, что въ полкахъ боевая линія занята лишь командиромъ полка съ своимъ штабомъ и нѣсколькими солдатами". Операція была окончательно и безнадежно сорвана. „Переживъ такимъ образомъ въ одинъ и тотъ же день и радость побѣды, достигнутой при условіяхъ неблагопріятнаго боевого настроенія солдатъ, и весь ужасъ добровольнаго срыва солдатской массой плодовъ этой побѣды, нужной родинѣ, какъ вода и воздухъ, я понялъ, *что мы, начальники, безсильны измѣнить*

стихійную психологію солдатской массы, — и горько, горько и долго рыдалъ".

Слезами, какъ словами, нельзя было „измѣнить психологію солдатской массы". Тутъ нужны были люди изъ другого металла. И не случайно выдвигаются въ этотъ моментъ, на фонѣ общаго развала, двѣ фигуры, генерала и комиссара, Корнилова и Савинкова. Съ двухъ полюсовъ политической жизни, авторъ романа „Конь Блѣдный", еще подписывавшій свои военныя корреспонденціи псевдонимомъ Ропшина, и манчжурскій герой, совершившій изумительный побѣгъ изъ германскаго плѣна, сходятся въ общемъ волевомъ импульсѣ. Позволяю себѣ огласить разсказъ о первой встрѣчѣ комиссара и генерала, переданный мнѣ самимъ Савинковымъ и характеризующій обоихъ. „Генералъ", говорилъ Савинковъ Корнилову, „я знаю, что, если сложатся обстоятельства, при которыхъ вы должны будете меня разстрѣлять, вы меня разстрѣляете". Потомъ, послѣ паузы, онъ прибавилъ: „но если условія сложатся такъ, что мнѣ придется васъ разстрѣлять, я это тоже сдѣлаю". Таково было начало страннаго и недолгаго союза, вызваннаго чрезвычайными обстоятельствами.

Въ 7 час. вечера, 7-го іюля, ген. Корниловъ принялъ командованіе всѣмъ юго-западнымъ фронтомъ. Его первымъ дѣломъ, какъ главнокомандующаго, была телеграмма Временному Правительству слѣдующаго содержанія (отъ того же 7-го Іюля): „Армія обезумѣвшихъ темныхъ людей, не ограждавшихся властью отъ систематическаго развращенія и разложенія, потерявшихъ чувство человѣческаго достоинства, бѣжитъ. На поляхъ, которыхъ нельзя назвать полями сраженій, царятъ сплошной ужасъ, позоръ и срамъ, которыхъ русская армія еще не знала съ самаго начала своего существованія. Это бѣдствіе можетъ быть прекращено, и этотъ стыдъ или будетъ снятъ революціоннымъ правительствомъ, или, *если оно не сумѣетъ этого сдѣлать*, неизбѣжнымъ ходомъ исторіи *будутъ выдвинуты другіе люди, которые*, снявъ безчестіе, вмѣстѣ съ тѣмъ *уничтожатъ завоеванія революціи* и потому тоже не смогутъ дать счастье странѣ. Выбора нѣтъ: революціонная власть должна стать на путь опредѣленный и твердый. Лишь въ этомъ спасеніе родины и свободы. Я, генералъ Корниловъ, вся жизнь котораго отъ перваго дня сознательнаго существованія донынѣ проходитъ въ беззавѣтномъ служеніи родинѣ, заявляю, что отечество гибнетъ, и потому, *хотя и не спрошенный, требую немедленнаго прекра-*

щенія наступленія на всѣхъ фронтахъ, въ цѣляхъ сохраненія и спасенія арміи для ея *реорганизаціи на началахъ строгой дисциплины* и дабы не пожертвовать жизнью немногихъ героевъ, имѣющихъ право увидѣть лучшіе дни. Необходимо немедленно, въ качествѣ мѣры временной, исключительной, вызываемой безвыходностью создавшагося положенія, *введеніе смертной казни* и учрежденіе полевыхъ судовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Не слѣдуетъ заблуждаться: мѣры кротости правительственной, расшатывая въ арміи дисциплину, стихійно вызываютъ безпорядочную жестокость ничѣмъ не сдержанныхъ массъ, и стихія эта проявляется въ буйствахъ, насиліяхъ, грабежахъ, убійствахъ. Не слѣдуетъ заблуждаться: смерть не только отъ вражеской пули, но и отъ руки своихъ же братьевъ непрестанно летаетъ надъ арміей. Смертная казнь спасетъ многія невинныя жизни цѣной гибели немногихъ измѣнниковъ, предателей и трусовъ. Я заявляю, что занимая высокоотвѣтственный постъ, я никогда въ жизни не соглашусь быть однимъ изъ орудій гибели родины. Довольно. Я заявляю, что *если правительство не утвердитъ предлагаемахъ мною мѣръ* и тѣмъ лишитъ меня единственнаго средства спасти армію и использовать ее по дѣйствительному назначенію — защиты родины и свободы, *то я*, генералъ Корниловъ, *самовольно слагаю съ себя полномочія главнокомандующаго*". На этой выразительной телеграммѣ стояла знаменательная приписка комиссара ю. з. фронта Бориса Савинкова: „я, съ своей стороны, вполнѣ раздѣляю мнѣніе ген. Корнилова и поддерживаю высказанное имъ отъ слова до слова"*).

Такимъ образомъ, первое же выступленіе Корнилова съ своего рода политическимъ манифестомъ сразу очертило и его личность, и его тактику. Корниловъ 7-го Іюля тотъ же, какъ и Корниловъ 27-го Августа: рѣшительный, не признающій никакихъ юридическихъ тонкостей и прямо идущій къ цѣли, которую разъ призналъ правильной. Этотъ документъ рисуетъ также и кругъ вліяній, которымъ подчинился Корниловъ — не столько при *выборѣ цѣли* — этотъ выборъ, конечно, долженъ былъ быть ему подсказанъ вѣрнымъ глазомъ солдата, — сколько при ея *формулировкѣ*

---

*) Вѣроятно, къ этому моменту относится и телеграмма, полученная, по воспоминаніямъ В. Н. Львова, всѣми членами Временнаго Правительства отъ центр. комитета союза офицеровъ при ставкѣ за подписью полк. Новосильцева. Въ этой телеграммѣ союзъ офицеровъ „въ тожественныхъ выраженіяхъ поддерживалъ требованія Корнилова, добавляя, что, въ случаѣ неутвержденія мѣръ . . . всѣ члены Временнаго Правительства отвѣчаютъ за это головой (?)".

лировкѣ и при *выборѣ средствъ* для ея осуществленія. Одно изъ этихъ вліяній, открытое, характеризуется именемъ Савинкова. За Савинковымъ стоялъ другой комиссаръ новаго типа, болѣе неустойчивый и импульсивный Филоненко. Иного рода вліяніе, скрытое, но еще болѣе сильное, принадлежало нѣкоему Завойко, который импонировалъ Корнилову своимъ несомнѣннымъ умомъ и своими сомнительными финансовыми связями. Въ скромной роли „ординарца" Корнилова онъ сумѣлъ быстро овладѣть его довѣріемъ и сдѣлаться для него необходимымъ совѣтникомъ. По признанію самого Корнилова, онъ употреблялъ Завойко для составленія своихъ заявленій, когда „требовался особенно сильный художественный стиль"*). Корниловъ не договариваетъ только, что вліяніе Завойко распространялось не на одинъ „стиль", но и на самое содержаніе политическихъ документовъ, выпускавшихся Корниловымъ. Завойко сдѣлался, такимъ образомъ, буквально „правой рукой" Корнилова. Онъ дополнялъ недостававшія Корнилову свойства. Его перу вѣроятно принадлежитъ, и только что приведенная телеграмма, — какъ и многія послѣдующія. Нужно сдѣлать только одну оговорку. Разумѣется, мысли, развиваемыя въ этихъ телеграммахъ, не принадлежали исключительно ни ген. Корнилову, ни г. Завойко. Онѣ составляли общее достояніе военной среды, имѣвшей возможность близко наблюдать факты, и подготовленной самой своей профессіей къ правильному пониманію ихъ значенія и къ выбору надлежащихъ средствъ, чтобы съ ними бороться. *Политикамъ* оставалось воспользоваться плодами этой военной экспертизы для скорѣйшаго проведенія въ жизнь неотложныхъ мѣръ, ими рекомендованныхъ.

Въ 11 час. утра слѣдующаго дня, 8-го Іюля, Корниловъ послалъ верховному главнокомандующему, ген. Брусилову, сообщеніе объ условіяхъ, при которыхъ совершился прорывъ, вмѣстѣ со

*) О своихъ отношеніяхъ къ Завойко Корниловъ показалъ слѣдственной комиссіи слѣдующее. „Съ В. С. Завойко я познакомился въ Апрѣлѣ этого (1917) года въ Петербургѣ. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ предводителемъ дворянства Гайсинскаго уѣзда, Подольской губ. работалъ на нефтяныхъ промыслахъ въ Баку, и, по его разсказамъ, занимался изслѣдованіемъ горныхъ богатствъ въ Туркестанѣ и Зап. Сибири. Въ маѣ онъ пріѣзжалъ въ Черновицы, и, зачислившись добровольцемъ въ Дагестанскій конный полкъ, оставался при штабѣ арміи въ качествѣ личнаго при мнѣ ординарца, отлично владѣетъ перомъ. Поэтому я поручилъ ему составленіе тѣхъ приказовъ и тѣхъ бумагъ, гдѣ требовался особенно сильный художественный стиль".

своимъ заключеніемъ: „Нахожу безусловно необходимымъ обращеніе Врем. Правительства и совѣта съ вполнѣ откровеннымъ и прямымъ заявленіемъ о примѣненіи исключительныхъ мѣръ, включительно до введенія смертной казни на театрѣ военныхъ дѣйствій, *иначе вся отвѣтственность падетъ на тѣхъ, которые словами думаютъ править* на тѣхъ поляхъ, гдѣ царитъ смерть и позоръ, предательство, малодушіе и себялюбіе". Копіи этой телеграммы были переданы кн. Львову, Керенскому и Савинкову. Въ свою очередь, Брусиловъ телеграфировалъ правительству: „всемѣрно поддерживаю ген. Корнилова и, для спасенія Россіи и свободы, считаю безусловно необходимымъ немедленное проведеніе въ жизнь мѣръ, просимыхъ ген. Корниловымъ".

Ген. Корниловъ, впрочемъ, не дожидался отвѣта. Одновременно съ телеграммой Брусилову, т. е. утромъ 8-го Іюля, онъ телеграфировалъ всѣмъ командующимъ арміями и комиссарамъ слѣдующій приказъ: „Самовольный отходъ частей съ позицій считаю равносильнымъ измѣнѣ и предательству. Поэтому категорически требую, чтобы всѣ строевые начальники въ такихъ случаяхъ не колеблясь *примѣняли противъ измѣнниковъ огонь пулеметовъ и артиллеріи*. Всю отвѣтственность за жертвы принимаю на себя. Бездѣйствія же и колебанія со стороны начальниковъ буду считать неисполненіемъ ихъ служебнаго долга и буду таковыхъ немедленно отрѣшать отъ командованія и предавать суду".

Наконецъ въ 8 час. вечера, 9-го Іюля, въ дѣйствующей арміи былъ полученъ отвѣтъ Керенскаго. Новый министръ-предсѣдатель подтверждалъ распоряженія Корнилова о немедленномъ приведеніи къ повиновенію, не стѣсняясь примѣненіемъ оружія, какъ цѣлыхъ войсковыхъ частей, такъ и отдѣльныхъ чиновъ, виновныхъ въ неисполненіи боевыхъ приказовъ, въ призывѣ или агитаціи съ той же цѣлью. Въ отвѣтѣ Керенскаго указывалось также на недопустимость вмѣшательства комитетовъ въ распоряженія команднаго состава, какъ боевыя, такъ и по подготовкѣ войскъ, и также въ вопросы, касающіеся смѣны и назначенія команднаго состава (одинъ изъ спорныхъ пунктовъ „деклараціи правъ солдата"). Распоряженіе Керенскаго было немедленно передано всѣмъ частямъ, съ разъясненіемъ, согласно его тексту, что мѣра эта должна приводиться въ исполненіе, ибо проявленіе слабости въ настоящій моментъ ведетъ къ гибели Россіи и революціи. Чего

это стоило и къ чему вело неожиданное проявленіе силы среди обстановки, созданной слабостью, показала судьба начальника штаба одной дивизіи, полковн. Хольда, убитаго солдатами во время усмиренія дивизіи, позорно покинувшей позиціи 9-го Іюля, въ моментъ подготовки контръ-ударнаго маневра. Въ рядѣ другихъ случаевъ, одноко же, отмѣчалось оздоровляющее дѣйствіе строгихъ мѣръ, примѣненіе которыхъ началось, по согласію съ комиссарами, еще до формальнаго ихъ разрѣшенія.

Въ „историческомъ засѣданіи“ въ Зимнемъ Дворцѣ (21 Іюля) Савинковъ съ ироніей отмѣтилъ, въ чемъ оказался откликъ „революціонной демократіи“ на катастрофу, причины которой лежали въ ея собственной дѣятельности . . . „Съ тревогой, надеждой, упованіемъ ждали въ арміи конкретныхъ мѣръ со стороны правительства и совѣтовъ послѣ прорыва фронта. Но вмѣсто этихъ мѣръ, армія получила лишь 5 воззваній и 60 агитаторовъ“ *).

„Пять воззваній“ (къ солдатамъ, къ гражданамъ, къ рабочимъ, къ совѣтамъ депутатовъ и къ комитетамъ арміи и фронта), принятыхъ исполнительными комитетами въ ночь на 10 Іюля, дѣйствительно, объявляли, что совѣты облекли правительство „неограниченной властью“ и нарекли его правительствомъ „спасенія революціи“ (см. выше стр. 21), что оно должно „суровой рукой . . . водворить порядокъ и дисциплину“, что „необходимо быстрое, немедленное возстановленіе военной мощи нашей арміи“, что „кто ослушается приказовъ Временнаго Правительства въ бою, тотъ измѣнникъ, а прощенія измѣнникамъ и трусамъ не будетъ“. Но всѣ эти непривычныя слова, безсильныя, какъ и произносившее ихъ учрежденіе, тонули среди обычныхъ призывовъ — объединиться всѣмъ вокругъ органовъ революціонной демократіи, идти „всѣмъ въ ряды соціалистическихъ партій“, бороться съ . . . „темными силами“ контръ-революціи, „подкапывающейся подъ органы революціонной демократіи“ и т. д., вплоть до циммервальдскаго призыва къ „зарубежнымъ братьямъ“, „поспѣшить на помощь

*) Въ этомъ засѣданіи Савинковъ также перефразировалъ угрозу, высказанную въ Корниловской телеграммѣ 7 Іюля. Призывая перейти отъ словъ къ дѣлу, онъ указалъ на тотъ огромный сдвигъ вправо, который произошелъ на фронтѣ. „Въ этомъ отношеніи“, говорилъ онъ, „въ Петроградѣ едва-ли слышатъ то, что говорится на фронтѣ, *едва-ли знаютъ, кто, гдѣ и что тамъ готовитъ*. Ясно одно, что, если полной власти не возьмутъ органы революціонной демократіи, *ее возьмутъ другіе*. Возьмутъ и растопчутъ свободу. Опасность близка, и каждый день подобенъ смерти“.

россійской революціи" и „удесятерить усилія, чтобы *заставить* свои правительства согласиться на справедливыя условія мира объявленныя революціонной демократіей Россіи".

Другими словами, исполнительный комитетъ подтверждалъ ту самую идеологію, которая и привела къ развалу армій. При этихъ условіяхъ, въ лучшемъ случаѣ, „пять воззваній" должны были остаться безъ всякаго дѣйствія, а въ худшемъ — они могли сдѣлаться новымъ орудіемъ большевистской пропаганды въ войскахъ.

Надѣленное „неограниченной властью" Времен. Правительство сдѣлало, по крайней мѣрѣ, одно употребленіе изъ этихъ, скорѣй моральныхъ, чѣмъ юридическихъ, полномочій. Постановленіемъ 12-го Іюля оно возстановило смертную казнь „на время войны для военнослужащихъ за нѣкоторыя тягчайшія преступленія"*). Въ то же время оно создало „для немедленнаго сужденія" за тѣ же преступленія „военно-революціонные суды" „изъ трехъ офицеровъ и трехъ солдатъ", — парализовавшіе въ значительной степени первую мѣру. Какъ разъ наканунѣ этого постановленія, 11 Іюля, Керенскій и Брусиловъ получили приведенную выше телеграмму отъ комиссаровъ юго-западнаго фронта, Савинкова, Гобечіа и Филоненко, требовавшихъ смертной казни тѣмъ, кто „отказывается рисковать своей жизнью для родины, за землю и волю".

Возстановленіе смертной казни, конечно, не исчерпывало тѣхъ мѣръ, которыя были необходимы при серьезной постановкѣ вопроса о возстановленіи дисциплины. Для всесторонняго разбора вопроса спеціалистами, 16 Іюля было назначено особое совѣщаніе въ ставкѣ съ участіемъ Керенскаго, Савинкова, Брусилова, главнокомандующихъ фронтами (западнымъ — Деникина, сѣвернымъ — Клембовскаго), генераловъ Алексѣева, Рузскаго и др. Весьма рѣшительное настроеніе этого совѣщанія характеризуется сдѣлан-

*) „Смертная казнь черезъ разстрѣлъ" полагалась „за военную и государственную измѣну, побѣгъ къ непріятелю, бѣгство съ поля сраженія, самовольное оставленіе своего мѣста во время боя и уклоненіе отъ участія въ бою, подговоръ, подстрекательство или возбужденіе къ сдачѣ, къ бѣгству или уклоненіе отъ сопротивленія противнику, сдача въ плѣнъ безъ сопротивленія, самовольную отлучку съ караула въ виду непріятеля, насильственныя дѣйствія противъ начальниковъ изъ офицеровъ и изъ солдатъ, сопротивленіе исполненію боевыхъ приказовъ и распоряженій начальниковъ, явныя возстанія и подстрекательства къ нимъ, нападеніе на часовыхъ или военный караулъ, вооруженное имъ сопротивленіе и умышленное убійство часового, изнасилованіе, разбой и грабежъ — лишь въ войсковомъ раіонѣ арміи"

нымъ на немъ докладемъ ген. Деникина. „Прошу меня извинить", такъ начинался этотъ докладъ: „я говорилъ прямо и открыто при самодержавіи царскомъ; такимъ же будетъ мое слово теперь — при самодержавіи революціонномъ" . . . Эти слова уже указывали, что „правда" Деникина не пощадитъ Керенскаго. И дѣйствительно, докладъ содержалъ въ себѣ чрезвычайно рѣзкую критику публичныхъ выступленій, словесныхъ увѣщаній и практическихъ мѣропріятій революціоннаго военнаго министра.

„Военнаго министра восторженно привѣтствовали въ 28-ой дивизіи. А . . . черезъ полчаса послѣ отъѣзда министра (два полка) вынесли постановленіе не наступать. Особенно трогательна была картина въ 29-й дивизіи, вызвавшая общій энтузіазмъ, — врученіе колѣнопреклоненному командиру Потійскаго пѣх. полка краснаго знамени . . . Потійцы клялись умереть за родину . . . Этотъ полкъ въ первый же день наступленія, не дойдя до нашихъ окоповъ, въ полномъ составѣ, позорно повернулъ назадъ и ушелъ за 10 верстъ отъ поля боя . . . Въ одной изъ своихъ рѣчей на сѣверномъ фронтѣ военный министръ, подчеркивая свою власть, обмолвился знаменательной фразой: „я могу въ 24 часа разогнать весь высшій составъ арміи, — и армія мнѣ ничего не скажетъ". Въ рѣчахъ, обращенныхъ къ войскамъ западнаго фронта, говорилось: „Въ царской арміи васъ гнали въ бой кнутами и пулеметами, но теперь драгоцѣнна каждая капля вашей крови". „Я, главнокомандующій", оскорбленно говорилъ по этому поводу Деникинъ, „стоялъ у пьедестала, воздвигнутаго для военнаго министра, и сердце мое больно сжималось. А совѣсть говорила: это неправда. Мои желѣзные стрѣлки, будучи въ составѣ всего лишь 8-и батальоновъ, потомъ 12-и, взяли болѣе 50 тысячъ плѣнныхъ, 42 орудія. И я никогда не гналъ ихъ въ бой пулеметами. Я не водилъ на убой войска подъ Мезолаборчемъ, Лутовиско, Луцкомъ, Чарторійскомъ . . . Вскорѣ послѣ своего новаго назначенія военный министръ сказалъ мнѣ: революціонизированіе страны и арміи окончено. Теперь должна идти лишь созидательная работа. Я позволилъ себѣ доложить: окончено, но нѣсколько поздно".

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ кончается „революціонизированіе арміи" и гдѣ начинается „созидательная работа" въ тезисахъ „деклараціи правъ солдата", въ дѣятельности комиссаровъ и комитетовъ? Деникинъ упоминаетъ телеграмму Алексѣева, что „декларація есть послѣдній гвоздь, вбиваемый въ гробъ, уготованный для русской

арміи", напоминаетъ и о томъ, что Брусиловъ „здѣсь, въ Могилевѣ, въ совѣтѣ главнокомандующихъ заявилъ (очевидно, въ началѣ Мая), что, можно еще спасти армію и даже двинуть ее въ наступленіе, но лишь при условіи — не издавать декларацій (см. выше вып. I, стр. 132—133)". А комиссары и комитеты? Деникинъ причисляетъ ихъ къ факторамъ, „которые должны были морально поднять войска, но фактически послужили къ вящему разложенію. „Быть можетъ, среди комиссаровъ есть такіе черные лебеди, которые, не вмѣшиваясь не въ свое дѣло, приносятъ извѣстную пользу" „Я не отрицаю прекрасной работы многихъ комитетовъ, всѣми силами исполнявшихъ свой долгъ, въ особенности отдѣльныхъ членовъ ихъ, которые принесли несомнѣнную пользу, даже геройской смертью своей запечатлѣли свое служеніе родинѣ". Но корень зла тутъ — въ самомъ институтѣ, и принесенная отдѣльными лицами польза „ни въ малѣйшей степени не окупитъ того огромнаго вреда, которое внесло въ управленіе арміи многовластіе, многословіе, столкновеніе, вмѣшательство, дискредитированіе власти". „И боевой начальникъ, опекаемый, контролируемый, возводимый, свергаемый, дискредитируемый со всѣхъ сторонъ — долженъ былъ властно и мужественно вести въ бой войска". Во что въ дѣйствительности превратилось высшее командованіе при такихъ условіяхъ? „Въ конечномъ результатѣ старшіе начальники раздѣлились на три категоріи: одни, не взирая на тяжкія условія жизни и службы, скрѣпя сердце, до конца дней своихъ исполняютъ честно свой долгъ; другіе опустили руки и поплыли по теченію, а третьи неистово машутъ краснымъ флагомъ и по привычкѣ, унаслѣдованной отъ татарскаго ига, ползаютъ на брюхѣ передъ новыми богами революціи такъ же, какъ ползали передъ царями". А рядовое офицерство? „Въ самыя мрачныя времена царскаго самодержавія опричники и жандармы не подвергали такимъ нравственнымъ пыткамъ, такому издѣвательству тѣхъ, кто считался преступниками, какъ теперь офицеры, гибнущіе за родину, подвергаются со стороны темной массы, руководимой отбросами революціи".

Каковъ же исходъ, каковы мѣры спасенія? Докладъ Деникина формулируетъ эти мѣры въ слѣдующихъ положеніяхъ, къ которымъ болѣе или менѣе открыто присоединились и другіе генералы:

1) „Сознаніе своей *ошибки и вины* Временнымъ Правительствомъ, не понявшимъ и не оцѣнившимъ благороднаго и искренняго порыва офицерства, радостно принявшаго вѣсть о переворотѣ и отдающаго несчетное число жизней за родину.

2) Петрограду, совершенно чуждому арміи, не знающему ея быта, жизни и историческихъ основъ ея существованія, прекратить всякое военное законодательство. Полная мочь верховному главнокомандующему, отвѣтственному лишь передъ Временнымъ Правительствомъ.

3) Изъять политику изъ арміи.

4) Отмѣнить „декларацію правъ солдата" въ основной ея части, упразднить комиссаровъ и комитеты, *постепенно измѣняя функціи послѣднихъ.*

5) Вернуть власть начальникамъ. Возстановить дисциплину и внѣшнія формы порядка и приличія.

6) Дѣлать назначенія на высшія должности не только по признакамъ молодости и рѣшимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и по боевому, и служебному опыту.

7) Создать въ резервѣ начальниковъ. отборныя законопослушныя части трехъ родовъ оружія, какъ опору противъ военнаго бунта и ужасовъ предстоящей демобилизаціи.

8) Ввести военно-революціонные суды и *смертную казнь для тыла* — войскъ и гражданскихъ лицъ, совершающихъ тожественныя преступленія".

„Если вы спросите", прибавлялъ Деникинъ, „дадутъ ли всѣ эти мѣры благотворные результаты, я отвѣчу откровенно: да, но далеко не скоро. Разрушить армію легко, для возрожденія нужно время. Но, по крайней мѣрѣ, они дадутъ основаніе, почву, опору для созданія сильной и могучей арміи".

Керенскій, не зная намѣреній генераловъ, уже въ ставку пріѣхалъ смущенный. Его очень раздражило затѣмъ то случайное обстоятельство, что Брусиловъ, занятый спѣшными дѣлами, перепутавши часъ прихода поѣзда, не встрѣтилъ его на вокзалѣ. Принявъ это за демонстрацію, Керенскій, оставаясь въ вагонѣ, послалъ *приказаніе* верховному главнокомандующему явиться для доклада. Сдѣланныя генералами въ засѣданіи заявленія и пред-

ложенія онъ выслушалъ, едва скрывая гнѣвъ.*) Тономъ вызывающей ироніи онъ отвѣтилъ генераламъ, что готовъ подписать всѣ мѣры, которыхъ они требуютъ, но затѣмъ подастъ въ отставку и предоставитъ ихъ неизбѣжной мести солдатъ. Онъ получилъ сухой отвѣтъ, что отставка его *пока* еще преждевременна. Свое безсильное раздраженіе А. Ф. Керенскій излилъ на Брусилова. Тутъ же, въ вагонѣ, на возвратномъ пути онъ рѣшилъ его отставку и намѣтилъ его преемникомъ ген. Корнилова.

Изъ показаній Филоненко видно, подъ какимъ вліяніемъ состоялось это назначеніе. „По окончаніи совѣщанія", разсказываетъ онъ, „Б. В. Савинковъ и я были приглашены въ поѣздъ министра-предсѣдателя" . . . Савинковъ, въ частности, былъ, по словамъ Филоненко, „вызванъ Керенскимъ съ юго-западнаго фронта въ виду формированія новаго кабинета, *построеннаго на принципѣ утвержденія сильной революціонной власти*". „По пути, продолжаетъ Филоненко, при энергичной поддержкѣ М. И. Терещенко, мы нѣсколько разъ докладывали министру-предсѣдателю о *необходимости образованія сильной власти* и въ частности, обсуждался вопросъ о маломъ военномъ кабинетѣ въ составѣ Времен. Правительства . . . За эту мысль . . . горячо высказывался М. И. Терещенко, одновременно *проектировавшій переѣздъ правительства въ Москву. Въ связи съ этимъ* А. Ф. Керенскій пришелъ къ выводу о желательности замѣны ген. Брусилова ген. Корниловымъ". Савинковъ, подававшій эти совѣты, былъ тутъ же намѣченъ на постъ управляющаго военнымъ министерствомъ.**)

---

*) Въ своей книгѣ о „Дѣлѣ Корнилова" (Москва, Задруга, 1918, стр. 9—14) Керенскій высказываетъ о совѣщаніи 16 Іюля сужденія, которыя показываютъ, до какой степени вопросы личнаго самолюбія заслонили для него существо дѣла на этомъ совѣщаніи. Онъ подчеркиваетъ свою терпимость, съ которой выслушалъ докладъ Деникина и благодарилъ его за „смѣлость откровенно высказать свои сужденія". Онъ объясняетъ этотъ жестъ, какъ способъ „избѣжать скандала", такъ какъ „остальные генералы не знали, куда дѣваться". Впрочемъ, тутъ же Керенскій оговаривается, что „Деникинъ только наиболѣе ярко изложилъ ту точку зрѣнія, которую про себя раздѣляли остальные „генералы". Алексѣевъ, Брусиловъ и Рузскій, какъ болѣе искушенные въ разныхъ тонкостяхъ, очень сдерживались, но такъ и кипѣли". Отсутствіе Корнилова, видимо принесло ему пользу. Протоколъ засѣданія въ ставкѣ сохранился у г. Пронина; опубликованіе его дало бы болѣе вѣрную картину засѣданія, нежели та, которая набросана Керенскимъ сквозь призму его собственнаго настроенія.

**) Въ своихъ показаніяхъ передъ слѣдственной комиссіей Керенскій признаетъ, что „въ извѣстной степени" совѣщаніе 16 Іюля послужило основаніемъ замѣны Брусилова Корниловымъ. Онъ отмѣчаетъ, что телеграмме Корнилова, въ которой „*было нѣкоторое болѣе объективное отношеніе* къ

„По пріѣздѣ въ Петроградъ“, замѣчаетъ Филоненко, „вопросъ объ образованіи твердой власти принялъ оборотъ, менѣе благопріятный“. Мы знаемъ, что этотъ моментъ соотвѣтствовалъ перерыву переговоровъ съ членами партіи народной свободы о вступленіи ихъ въ министерство (см. выше, стр. 28).

Какъ бы то ни было, кандидатура Корнилова и Савинкова была намѣчена окончательно. Необходимо отмѣтить тутъ же „связь“ этихъ назначеній съ планомъ созданія „сильной революціонной власти“, развивавшимся Савинковымъ. При *такой* поддержкѣ, планъ этотъ началъ привлекать вниманіе Керенскаго.

Однако, Керенскій не могъ не замѣтить вскорѣ, что сдѣлалъ большую ошибку. Вмѣсто гибкаго, стараго служаки, болѣе или менѣе ловко лавировавшаго между Керенскимъ и „союзомъ офицеровъ“, — готоваго, если понадобится, „махать краснымъ знаменемъ“, по выраженію Деникина, — вмѣсто человѣка, который и въ самомъ совѣщаніи 16 Іюля высказывался гораздо уклончивѣе, чѣмъ другіе, онъ получилъ теперь прямолинейнаго и упрямаго генерала, привыкшаго водить солдатъ къ побѣдамъ. Корниловъ готовъ былъ использовать невыгодное положеніе, въ которомъ находился Керенскій послѣ провала наступленія, чтобы заставить его принять и исполнить свой планъ оздоровленія не только арміи, но и тыла.

На засѣданіе 16 Іюля Корниловъ не былъ приглашенъ Брусиловымъ, въ виду необходимости для него лично руководить ликвидаціей прорыва. *)

Но онъ послалъ туда свой отзывъ по телеграфу, въ десяти пунктахъ, одинъ изъ которыхъ прямо говорилъ „о необходимости откровеннаго и прямого заявленія со стороны правительства о признаніи своей ошибки по отношенію всего офицерскаго состава, выразившейся въ униженіи и преданіи власти столькихъ истинныхъ сыновъ родины и свободы“. Получивъ извѣстіе о своемъ назначеніи, Корниловъ утромъ, 17 Іюля, превратилъ свое мнѣніе

солдатской массѣ и къ командному составу“, была нѣкоторымъ просвѣтомъ на совѣщаніи; съ другой стороны „назначеніе человѣка съ программой Деникина вызвало бы сразу генеральный взрывъ во всей солдатской массѣ“. Относительно же разговора въ вагонѣ, Керенскій отозвался запамятованіемъ и недовольно прибавилъ: „я никогда не препятствую, . . . даже подпоручику высказывать свое мнѣніе; но это рѣдко имѣетъ какое-либо вліяніе на послѣдующія событія“. (Стр. 11, 16. ср. стр. 20, 21.)

*) Керенскій предполагаетъ, что „его и не хотѣли приглашать“ (стр. 11).

въ непремѣнное условіе принятія имъ поста верховнаго главнокомандующаго. Посланная имъ телеграмма правительству гласила: „Постановленіе Временнаго Правительства о назначеніи меня верховноглавнокомандующимъ я исполняю, какъ солдатъ, обязанный являть примѣръ воинской дисциплины. Но уже какъ верховный главнокомандующій и какъ гражданинъ свободной Россіи, заявляю, что я остаюсь на этой должности лишь до того времени, пока буду сознавать, что приношу пользу родинѣ и установленію существующаго строя. Въ виду изложеннаго заявляю, что я принимаю командованіе при условіяхъ: 1) отвѣтственность передъ собственной совѣстью и *всѣмъ* народомъ. 2) Полное невмѣшательство въ мои оперативныя распоряженія и поэтому въ назначенія высшаго команднаго состава. 3) Распространеніе принятыхъ въ послѣднее время мѣръ на фронтѣ и на тѣ *мѣстности тыла*, гдѣ *расположены пополненія арміи*. 4) Принятіе моихъ предложеній, переданныхъ телеграфно верховно-командующему въ совѣщаніи ставки 16 Іюля. Докладываю, что лишь при осуществленіи выше перечисленныхъ условій, я въ состояніи буду выполнить возлагаемую на меня Временнымъ Правительствомъ задачу и въ полномъ содружествѣ съ доблестнымъ офицерствомъ и сознательной частью солдатской массы привести армію и народъ къ побѣдѣ и къ приближенію справедливаго и почетнаго мира".

Почти одновременно съ посылкой этой телеграммы ультимативнаго характера возникъ первый конфликтъ между ген. Корниловымъ и Керенскимъ. Считая, что назначеніе высшаго команднаго состава должно принадлежать исключительно верховному главнокомандующему, ген. Корниловъ назначилъ главнокомандующимъ юго-западнымъ фронтомъ генерала Валуева. Валуевъ уже прибылъ въ штабъ фронта, чтобы принять командованіе, когда изъ Петрограда была получена телеграмма, что преемникомъ Корнилова назначается одинъ изъ новыхъ фаворитовъ „революціонной демократіи" ген. Черемисовъ. *)

Тогда Корниловъ немедленно телеграфировалъ Временному Правительству, что если назначеніе Черемисова не будетъ отмѣнено, то онъ отказывается отъ должности верховнаго командующаго.

---

*) По сообщенію Керенскаго (стр. 25), назначеніе это состоялось *одновременно* съ назначеніемъ Корнилова 18-го Іюля, т. е. до полученія его условій.

На обѣ свои телеграммы Корниловъ получилъ днемъ, 20-го Іюля, довольно уклончивый отвѣтъ отъ Временнаго Правительства. Всѣ условія принимались „принципіально", а для разрѣшенія вопроса о Черемисовѣ посылался къ Корнилову военный комиссаръ Филоненко — спеціальный типъ революціоннаго карьериста. Корниловъ вторично категорически отвѣтилъ, что до полученія опредѣленнаго отвѣта о Черемисовѣ онъ поста не приметъ и не уѣдетъ изъ раіона штаба юго-западнаго фронта. Эта телеграмма была получена въ самый разгаръ правительственнаго кризиса. 21-го—22-го Іюля (см. выше).

Необходимость скорѣйшаго отвѣта главнокомандующему, о которой упоминалъ Некрасовъ въ засѣданіи 21 Іюля, оказала извѣстное вліяніе на ускореніе разрѣшенія кризиса. Тѣмъ временемъ Филоненко успѣлъ, однако, пріѣхать въ штабъ юго-западнаго фронта (22 Іюля) и договориться съ Корниловымъ (ночью 23 Іюля). Предметомъ обсужденія былъ не только вопросъ о Черемисовѣ, рѣшенный въ смыслѣ оставленія его въ должности главнокомандующаго, но и нѣкоторые пункты условій Корнилова, возбуждавшіе сомнѣнія правительства. Сюда относился вопросъ, какъ понимать „отвѣтственность" Корнилова „передъ совѣстью и народомъ", что нѣкоторыми толковалось, какъ стремленіе къ неограниченной власти. Ген. Корниловъ отвѣтилъ, что онъ разумѣлъ здѣсь отвѣтственность передъ Временнымъ Правительствомъ, облеченнымъ довѣріемъ народа. (очевидно, въ противоположность отвѣтственности передъ самочинными комитетами, претендовавшими быть истинными выразителями воли народа). Другой спорный вопросъ — о предѣлахъ и способахъ примѣненія дисциплинарной власти командным составомъ, на возстановленіи которой ген. Корниловъ настаивалъ въ своихъ требованіяхъ 16 Іюля, — рѣшено было разработать подробнѣе въ скорѣйшемъ времени. Послѣ этого обсужденія, въ полночь на 24-е Іюля, ген. Корниловъ окончательно принялъ должность главнокомандующаго и тотчасъ же, въ сопровожденіи Филоненко, выѣхалъ изъ Бердичева въ ставку. Версія А. Ф. Керенскаго относительно этого примиренія была сообщена тогда же отъ „Бюро печати" при Временномъ Правительствѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „сообщеніе нѣкоторыхъ газетъ, будто условія, поставленныя ген. Корниловымъ Временному Правительству, *цѣликомъ* послѣднимъ приняты, *не соотвѣтствуетъ дѣйствительности*, но, во всякомъ случаѣ, . . .

соглашеніе между Временнымъ Правительствомъ и ген. Корниловымъ *достигнуто*".

„Достигнутое“ такимъ образомъ „соглашеніе“ заключало въ себѣ, очевидно, столько недоговореннаго, что во всякую минуту, при дальнѣйшей разработкѣ спорныхъ вопросовъ о дисциплинѣ, а также о распространеніи смертной казни на тылъ, конфликтъ могъ открыться снова. Самолюбія были формально удовлетворены, но напряженность отношеній и взаимная подозрительность осталась. При ревнивомъ отношеніи обѣихъ сторонъ, Керенскаго и Корнилова, къ своей власти, и при принципіально различномъ пониманіи задачъ этой власти, конфликтъ съ этихъ поръ носился въ воздухѣ, и, рано или поздно, долженъ былъ разразиться. *) Весь политическій смыслъ событій слѣдующаго мѣсяца по принятіи Корниловымъ должности верховнаго главнокомандующаго (24-го Іюля — 25-го Августа) сводился къ постепенному выявленію этого скрытаго конфликта.

Компромиссъ, которымъ конфликтъ былъ временно прикрытъ, выразился въ слѣдующемъ обращеніи ген. Корнилова 25-го Іюля, по соглашенію съ комиссаромъ Филоненко, къ главнокомандующимъ всѣхъ фронтовъ: „Комиссаръ Филоненко довелъ до моего свѣдѣнія, что, вслѣдствіе неправильнаго пониманія духа моихъ послѣднихъ распоряженій, направленныхъ къ подъему боеспособности арміи и утвержденію въ ней дисциплины, нѣкоторыми начальствующими лицами и штабами допускается пренебрежительное отношеніе къ войсковымъ выборнымъ организаціямъ, причемъ высказываются безотвѣтственныя и неумѣстныя сужденія по поводу будто-бы предполагаемаго *скораго ихъ упраздненія*. Объявляю, что, *въ условіяхъ переживаемаго момента, работу комитетовъ считаю необходимой и полезной*. Требую отъ комитетовъ точнаго соблюденія законовъ, регулирующихъ ихъ дѣятельность. Не

---

*) „На фонѣ разыгравшихся потомъ событій“, признаетъ Керенскій въ комментаріяхъ къ своему показанію (стр. 23), „эти кондиціи“ (составленныя Завойко) дѣлаютъ впечатлѣніе далеко не такое наивное, какъ 20 Іюля 1917 года. Тогда, если бы отнестись къ нимъ серьезно, оффиціальное обсужденіе этого „ультиматума“ ген. Корнилова . . . должно было повлечь за собой . . . немедленное устраненіе К. . . отъ должности съ преданіемъ суду по законамъ военнаго времени“ . . . „Я признаю себя виновнымъ, что не настоялъ *до конца* на немедленномъ тогда же смѣщеніи К., но . . . тогда было такое страшное время“ (стр. 26). Ознакомившись съ телеграммой Корнилова, Савинковъ сказалъ, что „видитъ въ этомъ выступленіи опять вліяніе вредныхъ авантюристовъ, ютящихся около генерала и что, послѣ соотвѣтствующаго объясненія, Корниловъ пойметъ свою ошибку“.

допуская выхода комитетовъ за предѣлы предоставленныхъ имъ правъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, категорически требую отъ всѣхъ начальствующихъ лицъ уваженія къ этимъ выборнымъ учрежденіямъ и ихъ законнымъ правамъ".

Главная трудность заключалась въ томъ, что́ именно считать „законными правами" комитетовъ. Какъ разъ къ *этому* пункту относился споръ, поднятый Корниловымъ и неразрѣшенный, а только отсроченный Керенскимъ. Поэтому и обращеніе Корнилова кончалось указаніемъ, что „въ ближайшіе дни будутъ изданы распоряженія, регулирующія взаимоотношенія начальствующихъ лицъ, комиссаровъ Временнаго Правительства и войсковыхъ комитетовъ". Съ своей стороны, комиссаръ Филоненко, посылая этотъ документъ исполнительнымъ комитетамъ московскихъ совѣтовъ, прибавлялъ внутренно-противорѣчивое заявленіе, что онъ „находится въ полномъ согласіи съ главнокомандующимъ ген. Корниловымъ и никакихъ посягательствъ на права выборныхъ войсковыхъ организацій не допуститъ". Нѣкоторое равновѣсіе между этими двумя противоположными точками зрѣнія поддерживалъ новый управляющій военнымъ вѣдомствомъ Б. В. Савинковъ. Онъ пріѣхалъ въ Петроградъ съ идеей — выдвинуть на роль посредниковъ между командующими лицами и комитетами — правительственныхъ комиссаровъ. Функціи этихъ комиссаровъ онъ представлялъ себѣ на подобіе своихъ собственныхъ функцій при Корниловѣ. Савинковъ былъ увѣренъ, что удачнымъ личнымъ подборомъ комиссаровъ ему удастся найдти выходъ изъ тупика, въ который завелъ армію конфликтъ между идеями „революціонной" и нормальной военной дисциплины, между „демократизаціей" арміи и сохраніемъ ея боеспособности. Савинковъ повѣрилъ и въ то, что Корниловъ совершенно раздѣляетъ его взглядъ на комиссаровъ, какъ своихъ естественныхъ союзниковъ при введеніи комитетовъ въ рамки „точнаго соблюденія законовъ".

III. УСИЛЕНІЕ ВЛАСТИ ВЪ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ И ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСАХЪ.

Отклоненіе финляндскихъ притязаній. Развязка конфликта съ Украйной. „Инструкція" 4 Августа. Отсрочка выборовъ въ Учредительное Собраніе. Подготовка Московскаго Государственнаго Совѣщанія. Исключительныя полномочія А. Ф. Керенскаго.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ тому, во что превратилось все это искусственно налаженное и, очевидно, временное равновѣсіе, остановимся на тѣхъ явленіяхъ — прежде всего, въ области національныхъ вопросовъ — въ которыхъ отразилось временное усиленіе власти Временнаго Правительства.

Оба главные національные вопроса: финляндскій и украинскій, были унаслѣдованы новымъ правительствомъ отъ перваго коаліціоннаго правительства въ моментъ ихъ наибольшаго обостренія, въ связи съ развaломъ коаліціонной власти. Въ Финляндіи былъ уже поставленъ на очередь вопросъ о полномъ отдѣленіи отъ Россіи, и съ этой цѣлью сеймъ обсуждалъ внесенное экспромтомъ предложеніе своей комиссіи основныхъ законовъ (см. выше, т. I, стр. 143). Напрасно въ рѣшающемъ засѣданіи сейма, 5-го Іюля, одинъ изъ представителей Финляндскаго правительства пытался вернуть сеймъ къ проекту расширенія правъ сената, внесенному правительствомъ. Напрасно вліятельные когда-то представители конституціонной партіи (шведоманы), какъ Шюбергсонъ, и старофинновъ (Виркуненъ) напоминали, что Финляндія всегда стояла на почвѣ историческихъ, вѣковыхъ своихъ правъ, что ея положеніе въ этомъ отношеніи иное, чѣмъ Украйны или Эстляндіи, у которыхъ нѣтъ фундамента въ историческомъ правѣ. Напрасно противники вступленія Финляндіи на путь переворота указывали, что расчитывать на ходъ событій въ Петроградѣ — опасно, что событія эти не кончились и что, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать у Россійскаго

Учредительнаго Собранія права рѣшать судьбу малыхъ націй. На все это другой представитель и глава Финляндскаго правительства, с. д. Токой, вполнѣ откровенно отвѣтилъ, что „революція въ Россіи продолжается и то, что дѣлается въ Гельсингфорсѣ, есть часть той же революціи. Единственнымъ противникомъ самостоятельности Финляндіи было Русское Правительство. Теперь его не существуетъ, и надо спѣшить воспользоваться выгоднымъ моментомъ, чтобы осуществить давнее желаніе народа". Тщетно возражали ему, что сами соціалъ-демократы всегда смѣялись надъ вѣрой въ чудодѣйственность бумажныхъ актовъ и что, если въ Петроградѣ будетъ болѣе лѣвое или соціалистическое правительство, то тѣмъ менѣе риска отдать законъ на его утвержденіе. Соціалъ-демократы, къ которымъ примкнули и нѣкоторые депутаты правыхъ партій, имѣли большинство на своей сторонѣ. На всѣ предложенія отсрочить пренія до выясненія положенія въ Петроградѣ, на всѣ поправки о представленіи проекта не къ *свѣдѣнію* только, а *на утвержденіе* Русскаго Правительства, сепаратисты отвѣчали угрозами: Если законъ не будетъ принятъ требуемымъ большинствомъ, которое по сеймовому уставу дозволяло провести его въ ту же сессію, то они обратятся къ народу, назначатъ новые выборы, уйдутъ изъ сената, не признаютъ роспуска сейма и т. д. Голосованіе дало по вопросу о спѣшности, требуемыя статьей 60-ой сеймового устава, пять шестыхъ голосовъ (166 противъ 27), и весь законопроектъ былъ принятъ требуемымъ большинствомъ двухъ третей (139 противъ 55). Опасенія старыхъ конституціоналистовъ оправдались. Финляндія сошла съ исторической правовой почвы въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи. Сенатъ немедленно подалъ въ отставку.

Текстъ принятаго сеймомъ закона слѣдующій: „Симъ постановляется: *за прекращеніемъ правъ монарха*, согласно опредѣленію сейма Финляндіи, имѣетъ силу слѣдующее. 1) Сеймъ Финляндіи единолично рѣшаетъ, утверждаетъ и постановляетъ о приведеніи въ исполненіе всѣхъ законовъ Финляндіи, въ томъ числѣ касающихся финансоваго хозяйства, обложенія и таможенныхъ дѣлъ. Сеймъ окончательно опредѣляетъ также о рѣшеніи всѣхъ прочихъ дѣлъ Финляндіи, подлежащихъ, согласно дѣйствовавшимъ до сихъ поръ законоположеніямъ, рѣшенію государя императора и в. князя. *Опредѣленіе сего закона не распространяется на дѣла внѣшней политики, а также на военное законодательство и управленіе.* 2) Сеймъ

собирается на очередную сессію безъ особаго созыва и опредѣляетъ срокъ закрытія сессіи. Впредь до изданія новой Формы Правленія Финляндскій сеймъ осуществляетъ въ порядкѣ статьи 18-ой сеймового устава право постановлять о производствѣ новыхъ выборовъ и о роспускѣ сейма. 3) Сеймъ опредѣляетъ исполнительную власть Финляндіи. Высшая исполнительная власть осуществляется временно хозяйственнымъ департаментомъ Финляндскаго сената, члены коего назначаются и увольняются сеймомъ".

Событія въ Петроградѣ пошли не совсѣмъ такъ, какъ предполагалъ Токой и его единомышленники. Вооруженное возстаніе большевиковъ провалилось. Правительство создалось не чисто соціалистическое, а опять коалиціонное. Рѣшеніе сейма 5-го Іюля произвело въ Россіи тяжелое впечатлѣніе. Это сказалось въ рѣзкихъ статьяхъ печати по адресу Финляндіи. Все это тотчасъ же было учтено финляндскими соціалъ-демократами. Они рѣшили смягчить свой шагъ и открыть себѣ, на всякій случай, выходъ для отступленія. 12-го Іюля сеймъ принялъ текстъ адреса Временному Правительству, въ которомъ длинно, запутанно и неловко объяснялось, почему сеймъ принялъ законопроектъ. Оказывалось, что „сеймъ не могъ, при измѣнившемся положеніи вещей, предоставить правительственную власть Россіи, ибо это теперь, какъ и раньше, было бы равносильно ограниченію конституціонныхъ правъ Финляндіи и серьезному поколебанію государственнаго положенія страны. Сохраненіе внутренней самостоятельности Финляндіи требовало перенесенія верховной государственной власти во внутреннихъ дѣлахъ страны, являющихся исключительнымъ правомъ финляндской публичной власти на финскій народъ, для осуществленія ея собственными государственными органами и ея высшей инстанціей — народнымъ представительствомъ". Не забыты были на этотъ разъ и „историческія права". „Дѣйствующая со временъ шведскаго правительства Форма Правленія страны (здѣсь обойдена ея эволюція при русскихъ государяхъ) . . . хотя и не даетъ прямыхъ указаній по отношенію къ нынѣшнему положенію вещей, все же, не смотря на монархическій ея духъ, предусматриваетъ самостоятельность власти института народнаго представительства (по отношенію къ Швеціи) въ тѣхъ случаяхъ, когда не существуетъ законнаго монарха. Но сеймъ возлагалъ больше надежды на съѣздъ совѣтовъ р. и с. д., чѣмъ на шведскія конституціи 17 и 18 вѣка. Съѣздъ вѣдь „изъявилъ готовность поддерживать и

требовать для Финляндіи права полнаго самоопредѣленія, вплоть до политической независимости". Правда, адресъ принужденъ оговориться, что даже и „названный съѣздъ представителей полагалъ, что разрѣшеніе финляндскаго вопроса во всемъ его объемѣ можетъ быть одобрено со стороны Россіи лишь Всероссійскимъ Учредительнымъ Собраніемъ". Но „непосредственное значеніе" для сейма имѣла резолюція съѣзда, финляндцами же и продиктованная. Она давала сейму тѣ самыя права, которыя были провозглашены въ законопроектѣ 5-го Іюля. „Въ соотвѣтствіи съ симъ сеймъ *ограничился*" лишь этимъ закономъ, оговорившись, что внѣшняя политика и военное законодательство оставлены „внѣ круга дѣйствія сего закона". „Сеймъ Финляндіи не желаетъ нарушать правъ находящихся въ Финляндіи русскихъ гражданъ и учрежденій". Наоборотъ, сеймъ дастъ равноправіе имъ и, въ частности, евреямъ. Если понадобятся измѣненія закона, „сеймъ испрашиваетъ разрѣшеніе на предварительное совѣщаніе съ правительственною властью въ Россіи". То же самое предполагается и „по вопросу объ урегулированіи обоюдными соглашеніями многоразличныхъ взаимныхъ экономическихъ отношеній Россіи и Финляндіи". Опираясь на всѣ эти оговорки, сеймъ „уповалъ, что Врем. Правительство найдетъ возможнымъ признать отъ имени Россіи за Финляндіей и ея сеймомъ права, установленныя закономъ объ осуществленіи и верховной власти въ Финляндіи". (Надо напомнить, что 5-го Іюля предложеніе младофинна Уаласа представить законъ на утвержденіе Временному Правительству было отвергнуто 104 голосами противъ 86).

Прямое обращеніе сейма наконецъ принудило Временное Правительство прервать молчаніе. 18-го Іюля оно дало сейму отвѣтъ, въ которомъ признало, что „принятыя сеймомъ рѣшенія измѣняютъ въ самомъ ихъ существѣ взаимныя правовыя отношенія Россіи и Финляндіи и въ корнѣ нарушаютъ дѣйствующую финляндскую конституцію". Правительство рѣшительно отвергло исходное положеніе финляндцевъ, что съ паденіемъ монархіи власть царя и в. князя перешла къ Финляндіи. „Финляндія", говорилось въ русскомъ отвѣтѣ, „на основаніи конституціи пользуется внутренней самостоятельностью лишь въ предѣлахъ, установленныхъ между нею и Россіей правовыхъ отношеній, кореннымъ началомъ коихъ всегда почиталась общность носителя ихъ высшей государственной власти. Съ отреченіемъ послѣдняго императора

вся полнота принадлежащей ему власти, и въ томъ числѣ права великаго князя финляндскаго, могли перейти только къ облеченному народомъ россійскимъ высшей властью Временному Правительству. Иначе, права великаго князя должны бы были почитаться принадлежащими ему и до сего дня. Временное Правительство, всенародно принявъ присягу о сохраненіи имъ правъ народа россійскаго, не можетъ поступиться этими правами до рѣшенія Учредительнаго Собранія". Оно, поэтому, „не можетъ признать за финляндскимъ сеймомъ права самочинно предвосхищать волю будущаго россійскаго Учредительнаго Собранія".

Изъ создавшагося конфликта Врем. Правительство нашло вполнѣ конституціонный исходъ, отрицавшійся, однако, закономъ 5-го Іюля. Оно распустило сеймъ, созванный 22-го Марта, и назначило въ кратчайшій срокъ новые выборы на 1-е и 2-е Октября новаго сейма, съ тѣмъ, чтобы сеймъ собрался не позже 1-го Ноября. Послѣ нѣкотораго колебанія сенатъ (еще исполнявшій свою должность въ старомъ составѣ) большинствомъ 7-ми голосовъ противъ 6-ти *рѣшилъ опубликовать манифестъ* Временнаго Правительства о роспускѣ сейма *и тѣмъ призналъ его законность*, — а косвенно — и незаконность сеймоваго постановленія 5-го Іюля. Можно было предвидѣть, что этимъ борьба не кончится. Но первый актъ самоутвержденія русскаго революціоннаго правительства не могъ не произвести надлежащаго впечатлѣнія въ Финляндіи.

Съ Украйной, какъ мы уже знаемъ, извѣстный modus vivendi былъ установленъ тѣмъ самымъ актомъ, опубликованіе котораго вызвало министерскій кризисъ 3-го Іюля. Въ тотъ же день кіевская Генеральная Рада опубликовала заранѣе условленный съ русскими министрами Универсалъ. Въ немъ „рѣшительно отвергались попытки самочиннаго осуществленія автономіи Украйны до Всероссійскаго Учредительнаго Собранія", и столь же категорически признавалось, что Центральная Рада „стоитъ, какъ всегда за то, чтобы не отдѣлять Украйну отъ Россіи и чтобы вмѣстѣ со всѣми народами ея стремиться къ благоустройству и развитію всей Россіи и единству ея демократическихъ силъ". Признавалось, далѣе, что „Украинская Центральная Рада, избранная украинскимъ народомъ въ *лицѣ его революціонныхъ организацій*", должна быть предварительно „пополнена, на справедливыхъ основаніяхъ, представителями другихъ народностей, живущихъ на Украйнѣ,

и тогда станетъ тѣмъ единымъ высшимъ *органомъ революціонной демократіи* Украйны, которая будетъ представлять интересы всего населенія". Но, съ другой стороны, Универсалъ подчеркивалъ признаніе Временнымъ Правительствомъ „за каждымъ народомъ права на самоопредѣленіе". Онъ объявлялъ избранный Радой секретаріатъ не только „органомъ демократіи", а и носителемъ „высшей краевой власти", „высшимъ краевымъ органомъ управленія", „отвѣтственнымъ передъ Радой". „Пополненная (представителями другихъ народностей) Центральная Рада", говорилось въ Универсалѣ, „выдѣлитъ заново *изъ своей среды особый отвѣтственный передъ ней* генеральный секретаріатъ, который будетъ представленъ на утвержденіе Временнаго Правительства *въ качествѣ носителя высшей краевой власти* Временнаго Правительства на Украйнѣ. Въ органѣ этомъ *будутъ сосредоточены всѣ права и средства*, чтобы онъ, какъ представитель демократіи во всей Украйнѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ высшій краевой органъ управленія, могъ выполнять сложную работу *организаціи и устроенія жизни всего края*, въ согласіи со всей революціонной Россіей".

Въ то же время секретаріатъ будетъ „дѣйствовать въ области государственнаго управленія въ качествѣ органа Временнаго Правительства". „Проекты законовъ объ автономномъ устройствѣ Украйны", разработанные Радой, будутъ внесены въ Учредительное Собраніе „на утвержденіе".

Въ своемъ „Второмъ Универсалѣ" Рада, какъ видимъ, шагнула отъ „органа революціонной демократіи" до „носителя высшей краевой власти", снабженнаго „всѣми правами и средствами". Слѣды этой эволюціи во Второмъ Универсалѣ, не только не затушеваны, но различныя политическія концепціи мирно умѣщаются рядомъ, дѣлая изъ этого документа единственный въ своемъ родѣ памятникъ права. Впрочемъ, „Универсалъ" и самъ себя не выдавалъ за правовой актъ. Это скорѣе такая же декларація, какъ и то заявленіе правительства, на которое онъ являлся отвѣтомъ. Юридическіе акты въ той и другой деклараціи были лишь обѣщаны въ будущемъ. Обѣ стороны, очевидно, хотѣли выиграть время, чтобы закрѣпить въ болѣе благопріятный моментъ для каждаго то юридическое содержаніе взаимныхъ уступокъ, которое они хотѣли въ нихъ вложить. Въ ожиданіи этого дальнѣйшаго выясненія, положеніе продолжало оставаться чрезвычайно неопредѣленнымъ и двусмысленнымъ.

Неопредѣленностью положенія пользовались, конечно, элементы, стремившіеся къ полному отдѣленію Украйны отъ Россіи. Ихъ было еще не много, они не были сильны и принуждены были скрывать свою дѣятельность отъ постороннихъ глазъ. Но въ рѣшительные моменты эта дѣятельность, все таки, выходила наружу. Такимъ исключительнымъ моментомъ, вскрывающимъ подпольную работу большевиковъ на Украйнѣ, явилась подготовка движенія, стоявшаго въ несомнѣнной связи съ Петроградскимъ возстаніемъ 3—5 Іюля.

Корни этого движенія лежатъ въ украинскихъ организаціяхъ („гурткахъ"), создавшихся въ каждой воинской части изъ солдатъ-украинцевъ, въ ожиданіи образованія особаго украинскаго войска. Съ оффиціальной стороны, дѣло созданія этого войска возглавлялось „генеральнымъ войсковымъ комитетомъ", во главѣ съ Петлюрой, который претендовалъ на положеніе „генеральнаго секретаря". Временное Правительство, не соглашаясь на созданіе отдѣльнаго военнаго министерства на Украйнѣ, терпѣло, однако, „генеральный войсковой комитетъ", какъ „частную организацію", — такъ же, какъ оно терпѣло и Генеральную Раду.

Неоффиціальнымъ образомъ „гуртками" завладѣли лѣвыя политическія партіи. Явочнымъ порядкомъ было приступлено къ созданію новыхъ украинскихъ полковъ, эти полки составлялись изъ солдатъ-фронтовиковъ, получившихъ отпуски или по-просту бѣжавшихъ съ фронта. Одинъ такой полкъ, первый, имени Богдана Хмѣльницкаго, уже получилъ санкцію „военнаго комитета" и Рады. Но рядомъ съ нимъ, уже совершенно самочиннымъ порядкомъ, образовался и другой полкъ, второй, имени Павла Полуботка. Ядромъ его послужили солдаты-украинцы. набранные въ Черниговѣ. Къ нимъ присоединилась украинская часть, прибывшая изъ Пензы. Около этого ядра стали группироваться очень пестрые, отчасти даже уголовные, элементы. Рада и войсковой генер. комитетъ сами относились къ этой группировкѣ съ опаской, въ виду, очевидно, того крайняго направленія, которое начало преобладать въ средѣ собранныхъ тутъ солдатъ. Командующій войсками Оберучевъ настаивалъ на отправленіи „полуботковцевъ" на фронтъ, для комплектованія частей. „Полуботковцы", съ своей стороны, требовали, чтобы, прежде чѣмъ они рѣшатъ этотъ вопросъ, ихъ признали отдѣльнымъ полкомъ. Дважды ихъ пытались погрузить въ поѣзда для отправки на фронтъ. Дважды они отказывались гру-

зиться. Тогда войсковой комитетъ и Рада рѣшили прекратить имъ выдачу продовольствія. Буйная толпа, плохо одѣтая и обутая, почти невооруженная (ибо имъ не давали винтовокъ), въ концѣ Іюня начала голодать. Этимъ воспользовались партійные руководители, чтобы произвести, при помощи „полуботковцевъ", военное возстаніе въ городѣ, пріуроченное къ тому времени, когда и въ Петроградѣ готовилось возстаніе большевиковъ. Для этой цѣли началась спѣшная работа для сведенія расквартированныхъ въ Кіевѣ воинскихъ частей въ „Украинскую Войсковую Громаду". Инициаторы воспользовались для этого уже ранѣе существовавшей организаціей „украинскаго войскового товарищества республиканцевъ-федералистовъ, имени гетмана Павла Полуботка" (именемъ котораго названъ былъ, очевидно, по иниціативѣ той же организаціи, и второй украинскій полкъ). На рядѣ митинговъ, въ концѣ Іюня и въ первые дни Іюля, обсужденъ былъ и конкретный планъ выступленія. Самое выступленіе было намѣчено первоначально съ 3 на 4 Іюля. Но такъ какъ къ этому времени не была закончена предварительная подготовка, то рѣшено было отсрочить выступленіе на день. Застрѣльщиками должны были выступить „полуботковцы", на которыхъ было обращено особое вниманіе агитаторовъ. Идеологія задуманнаго выступленія выясняется изъ слѣдующаго „Плана работъ 2-го укр. полка имени Павла Полуботка съ 3 на 4 Іюля 1917 г.", попавшаго случайно не въ тѣ руки, для которыхъ онъ предназначался.*) „Разсматривая современное положеніе народовъ, которые населяютъ Россію, мы видимъ, что украинскій народъ не имѣетъ тѣхъ правъ, которыхъ домогается каждая особая нація и которыя должны принадлежать каждому особому народу. Выставленный Россійской революціей лозунгъ самоопредѣленія народовъ остается только на бумагѣ. Мы, украинцы-казаки, которые собрались въ Кіевѣ, не хотимъ имѣть свободы только на бумагѣ или полусвободы. Послѣ провозглашенія перваго универсала (*второго мы не признаемъ*) мы приступаемъ къ заведенію порядка на Украйнѣ. Для этого всѣхъ россіянъ и ренегатовъ, которые мѣшаютъ („гольмуютъ") работѣ украинцевъ, мы смѣщаемъ съ ихъ постовъ силою, *не считаясь съ Россійскимъ Правительствомъ*. Признавая украинскую Центральную Раду за свое высшее правительство, мы, пока что, выгоняемъ измѣнниковъ Украйны *безъ*

---

*) Весь этотъ эпизодъ съ возстаніемъ полуботковцевъ описанъ по оффиціальнымъ даннымъ.

ея вѣдома. Когда мы все займемъ силой, тогда цѣликомъ подчинимся украинской Центральной Радѣ. Тогда она должна будетъ распоряжаться, какъ въ Кіевѣ, такъ и на всей Украйнѣ, какъ въ своей хатѣ. Теперь же, когда производится возстаніе въ Кіевѣ, мы выставляемъ *своихъ* 6 человѣкъ, которые должны всѣмъ завѣдывать и вести возстаніе". „Эти люди: младшій урядникъ Осадчій (авторъ плана) — „голова", Квашенко — секретарь, поручикъ Романенко — (неохотно примкнувшій); прапорщикъ Майстренко (наиболѣе дѣятельный руководитель), прапорщикъ Стрѣленко, мл. урядникъ Спадаренко. Это есть исполнительный комитетъ. Исп. комитетъ выработалъ такую программу: „1) особыми листовками оповѣстить всѣ украинскія части Кіева въ часъ ночи, что 2-ой укр. имени Полуботка полкъ выступаетъ 2) въ три часа ночи занять всѣ важные пункты Кіева, для чего а) занять главное мѣстожительство Оберучева: тутъ будетъ находиться весь нашъ исп. комитетъ. Это — главное мѣсто, тутъ будетъ нашъ резервъ . . . б) занять кв. Лепарскаго (начальника милиціи) . . . в) штабъ крѣпости, Цитадель; . . . г) совѣтъ рабочихъ и солд. депутатовъ . . . д) штабъ кіевскаго военнаго округа . . .: тамъ главная военная сѣть, складъ военныхъ бланковъ, типографія, экспедиція, гаражъ, 12 автомобилей. ж) Товарная станція . . . з) казначейство . . . и) банкъ . . . к) главная квартира милиціи . . . л) мосты на Днѣпрѣ . . . м) жидовскій базаръ . . ."

Уже этотъ „планъ" показываетъ, что предпріятіе было задумано слишкомъ на спѣхъ и слишкомъ кустарно. Но, все же, нити предпріятія шли дальше полковой организаціи „полуботковцевъ". Собственно, эта организація была освѣдомлена о „планѣ" лишь въ послѣднюю минуту. Изъ десяти членовъ полкового комитета пятеро высказались противъ предложенія Майстренко арестовать полк. Оберучева и полк. Лепарскаго, занять всѣ учрежденія города и потомъ передать власть Ц. Радѣ. Майстренко принесъ подкрѣпленіе — чемоданъ съ нѣсколькими бутылками водки, угостилъ членовъ исп. комитета, и склонилъ на свою сторону еще троихъ. Затѣмъ, выработавъ „планъ" и воззваніе къ гарнизону (недошедшее, впрочемъ, по адресу), исп. комитетъ пригласилъ всѣхъ сотенныхъ командировъ и, угостивъ возражавшихъ, распредѣлилъ между сотнями различныя порученія. Около часа ночи полкъ выстроился передъ своими казармами въ с. Грушкахъ (внѣ Кіева), забралъ безъ сопротивленія винтовки у сосѣдняго запа-

скаго украинскаго полка и по шоссе двинулся къ городу. Узнавъ своевременно о выступленіи „полуботковцевъ", полковникъ 1-го полка Богд. Хмѣльницкаго Капканъ выѣхалъ имъ навстрѣчу съ четырьмя ротами „богдановцевъ", вооруженныхъ винтовками, но безъ патроновъ, которыхъ вообще въ полку не было Богдановцы сперва было преградили путь полуботковцамъ и отобрали воззванія уѣхавшихъ на автомобилѣ членовъ исп. комитета. Но Майстренко началъ кричать „впередъ". Богдановцы, переговоривъ съ полуботковцами, рѣшили, что ихъ дѣло — хорошее, а Капкана надо арестовать. Послѣднему пришлось заявить, что онъ готовъ идти вмѣстѣ. Полуботковцы пошли дальше, подкрѣпленные кучкой примкнушихъ къ нимъ богдановцевъ. Капканъ, вернувшись домой, распорядился послать весь полкъ, въ полномъ составѣ, къ войсковому генер. комитету для полученія инструкцій; самъ онъ поѣхалъ туда же и около 6-ти часовъ утра распорядился издать приказъ, что временно принимаетъ на себя власть надъ городомъ, до выясненія положенія.

Тѣмъ временемъ полуботковцы, втеченіе ночи, выполнили большую часть намѣченнаго исп. комитетомъ „плана". Прежде всего, они заняли крѣпость и раіонъ ея, штабъ крѣпости и склады. Въ арсеналѣ они взяли 1.500 винтовокъ съ патронами, заняли штабъ и почти всѣ раіоны милиціи, обезоруживъ милиціонеровъ, арестовали начальника милиціи Лепарскаго (Оберучева не нашли дома), поставили караулы къ Госуд. Банку и Казначейству. Такъ какъ въ составѣ нападавшихъ оказалось не мало пьяныхъ и уголовныхъ, то весь этотъ процессъ захвата сопровождался грабежами. Втеченіе нѣсколькихъ ночныхъ и утреннихъ часовъ полуботковцы казались побѣдителями.

Въ 10 часовъ утра собралась Ген. Рада и Ген. Войсковой Комитетъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что отдѣльные члены того и другого учрежденія были посвящены въ готовящееся предпріятіе. Но нѣтъ основанія обвинять въ соучастіи оба эти учрежденія въ цѣломъ. Напротивъ, узнавъ про ночныя событія, Рада и Войсковой Комитетъ должны были получить впечатлѣніе, что ихъ дѣло попало въ случайныя, менѣе опытныя руки. Уже начала дѣйствовать слѣдственная власть; полк. Капканъ уже успѣлъ разослать въ разныя части города богдановцевъ для освобожденія занятыхъ полуботковцами присутственныхъ мѣстъ. Нужно было поскорѣе ликвидировать все это непріятное дѣло собственными средствами,

по возможности, не допуская посторонняго („россійскаго") вмѣшательства. У Рады уже должны были этимъ утромъ, 6-го Іюля, имѣться свѣдѣнія о неудачѣ Петроградскаго возстанія большевиковъ. Это, конечно, также побуждало сторонниковъ движенія „полуботковцевъ", какъ можно скорѣе затушить его. Такъ какъ отношеніе богдановцевъ къ полуботковцамъ было, какъ мы видѣли довольно двусмысленнымъ и неопредѣленнымъ, то самой этой неопредѣленностью можно было воспользоваться, чтобы убѣдить полуботковцевъ вернуться въ казармы, не доводя дѣла до вооруженнаго столкновенія. Нѣсколько членовъ Центр. Рады вмѣстѣ съ членомъ войскового комитета, ген. Кондратовичемъ, объѣхали городъ, всюду убѣждая полуботковцевъ добровольно смѣниться и увѣряя несговорчивыхъ, что желанія ихъ будутъ исполнены Радой. Вернувшись около двухъ часовъ съ объѣзда, ген. Кондратовичъ доложилъ замѣстителю ген. Оберучева, ген. Трегубову въ Ген. Радѣ, что дѣло, вѣроятно, кончится мирно, если не будетъ провокаціонной стрѣльбы; но, на всякій случай, въ виду возможности столкновенія съ полуботковцами раздраженныхъ противъ нихъ частей гарнизона, нужно быть готовыми и къ подавленію бунта силою. Большая часть полуботковцевъ въ это время уже ушла въ казармы, но оружіе осталось при нихъ. А въ крѣпости и въ арсеналѣ засѣло нѣсколько сотъ наиболѣе упорныхъ, которые продолжали твердить, что они не уйдутъ, пока ихъ не признаютъ полкомъ, хотя бы и пришлось умереть. Кондратовича, какъ члена войскового комитета, ген. Трегубовъ назначилъ командующимъ надъ войсками, призванными водворить порядокъ. А Кондратовичъ принужденъ былъ, для выполненія своей миссіи, взять помощниковъ изъ Ген. Рады и прибѣгнуть, вмѣсто солдатъ, къ „агитаторамъ". Въ результатѣ, все дѣло усмиренія полуботковцевъ перешло къ Радѣ, которая вступила съ ними въ переговоры и въ ночь на 7-е Іюля добилась отъ нихъ непосредственнаго заявленія покорности. Съ этимъ совершившимся фактомъ ген. комиссаръ Мартосъ поспѣшилъ, взявъ съ собой Кондратовича, пріѣхать къ Оберучеву, чтобы потребовать не только остановки движенія войскъ, уже посланныхъ противъ полуботковцевъ, но и обѣщаніе не арестовывать немедленно зачинщиковъ. Утромъ 7-го полуботковцы выдали оружіе. Попытка окружить казармы наткнулась, однако, на отказъ юнкеровъ. Обыскъ въ казармахъ былъ произведенъ безъ ген. Кандратовича. При попыткѣ отправить немед-

ленно полуботковцевъ на фронтъ онъ встрѣтилъ огромныя затрудненія. Большей части зачинщиковъ была дана полная возможность скрыться.

Въ концѣ того же мѣсяца Радѣ пришлось столкнуться съ опасностью справа. Русскіе элементы Кіева были давно уже недовольны автономистскими стремленіями Рады. Выразителями этого недовольства явились кирасиры, а поводомъ для ихъ выступленія послужило отправленіе на фронтъ перваго украинскаго полка имени Богдана Хмѣльницкаго.

26-го Іюля „богдановцы", уже посаженные въ вагоны, открыли на вокзалѣ безъ всякой причины стрѣльбу по кирасирамъ. Кирасиры отвѣчали, остановили поѣздъ „богдановцевъ" подъ самымъ Кіевомъ и, послѣ энергичнаго обстрѣла вагоновъ, заставили „богдановцевъ" сдаться и разоружиться.

Въ самой Генеральной Радѣ эти распри также имѣли свое отраженіе. Украинскіе соціалисты-революціонеры, стоявшіе на лѣвомъ флангѣ, настаивали на немедленной украинизаціи арміи, что противорѣчило соглашенію Рады съ Врем. Правительствомъ. Второй универсалъ Рады, по соглашенію съ правительствомъ допускалъ формированіе отдѣльныхъ украинскихъ частей, но лишь „поскольку такая мѣра, по опредѣленію военнаго министра, будетъ, представляться съ технической стороны возможной безъ нарушенія боеспособности арміи". С.-ры пытались объяснить и мятежъ полуботковцевъ „идейнымъ" мотивомъ, — недовольствомъ украинцевъ этимъ пунктомъ соглашенія. Съ другой стороны съ приглашеніемъ въ составъ Рады неукраинскихъ представителей, въ Радѣ образовался правый флангъ, недовольный чрезмѣрными претензіями Рады въ вопросахъ автономіи.

Здѣсь споръ шелъ, главнымъ образомъ, по вопросамъ о территоріи Украины и о составѣ и компетенціи генеральнаго секретаріата. Оба эти вопроса, собственно, и были тѣми основными вопросами, отъ точнаго юридическаго разрѣшенія которыхъ зависѣлъ тотъ или другой характеръ украинской автономіи. Неукраинскіе элементы возражали противъ введенія въ составъ Украины территоріи съ очевидно неукраинскимъ составомъ населенія, какъ, напримѣръ, въ Бессарабіи. Изъ 14-ти, намѣченныхъ Радой портфелей, они находили излишними и несоотвѣтствующими соглашенію съ правительствомъ—четыре: войскового, желѣзныхъ дорогъ, почтъ и телеграфовъ, — какъ касающихся общегосударственныхъ,

а не специально-украинскихъ вопросовъ, — и исповѣданій, ибо религія должна быть вообще отдѣлена отъ государства.

Вліяніе русскихъ соціалистическихъ и неукраинскихъ національныхъ элементовъ на Раду, было оформлено въ серединѣ Іюля введеніемъ въ составъ секретарей —четырехъ новыхъ: отъ соціалистовъ-революціонеровъ, отъ соціалъ-демократовъ меньшевиковъ, отъ соціалистовъ евреевъ (Бунда) и соціалистовъ поляковъ. Въ концѣ Іюля выборы въ Кіевскую городскую Думу наглядно показали, что даже въ самомъ Кіевѣ собственно украинское движеніе опирается лишь на одну пятую (20%) избирателей. Списокъ русскихъ избирателей (В. В. Шульгина) собралъ 15% и списокъ к.-д. 9%; такимъ образомъ, два эти списка вмѣстѣ уже превышали по числу избирателей списокъ украинскій. Но первое мѣстѣ на выборахъ, болѣе трети голосовъ. досталось соціалистическому блоку (37%). Поляки получили 5%, евреи — 4%. Такимъ образомъ, составъ Генеральной Рады совершенно не соотвѣтствовалъ составу избирателей. Ея украинское большинство было небольшимъ меньшинствомъ въ городѣ, а ея неукраинское меньшинство представляло почти половину населенія (46%). „Буржуазная" же четверть населенія („русскіе" и к.-д.) вовсе не были тамъ представлены. Это, конечно, не могло не ослабить значенія Рады, какъ мѣстнаго представительства.

Въ серединѣ Іюля составъ секретаріата былъ окончательно установленъ. Составъ этотъ былъ слѣдующій:

Винниченко — предсѣдатель секретаріата и секретарь внутреннихъ дѣлъ, Мартосъ — земледѣлія, Туганъ-Барановскій — — финансовъ, Садовскій — юстиціи, Стешенко — народнаго просвѣщенія, Стасюкъ—продовольствія, Петлюра — военныхъ дѣлъ, Голубовичъ — путей сообщенія, Зарубинъ (с.-р.) — почтъ и телеграфовъ, Рафесъ (Бундъ) государственнаго контроля, А. Шульгинъ — межнаціональныхъ дѣлъ. Должность генеральнаго писаря не включена въ составъ секретаріата; отъ секретаря исповѣданій Рада отказаласъ подъ вліяніемъ возраженій неукраинцевъ.

Проектъ положенія о генеральномъ секретаріатѣ былъ также готовъ. Это положеніе должно было явиться первой писанной „конституціей" Украйны. 17-го Іюля трое секретарей, Винниченко, Барановскій и Рафесъ выѣхали въ Петроградъ для окончательныхъ переговоровъ съ Временнымъ Правительствомъ.

На этотъ разъ они не встрѣтили въ Петроградѣ той ситуаціи, которая привела къ капитуляціи Терещенко, Церетели и Некрасова передъ украинскимъ движеніемъ и къ выходу к.-д. изъ состава кабинета въ началѣ Іюля. Когда они пріѣхали, министерскій кризисъ былъ въ полномъ разгарѣ, но черезъ нѣсколько дней онъ кончился возвращеніемъ въ правительство членовъ партіи народной свободы, и въ томъ числѣ лучшаго знатока различныхъ формъ государственныхъ объединеній Ф. Ф. Кокошкина. Вмѣстѣ съ другимъ членомъ партіи, выдающимся государствовѣдомъ и знатокомъ международнаго права Б. М. Нольде, Ф. Ф. Кокошкинъ поставилъ своей задачей, насколько возможно, ослабить тотъ вредъ, который нанесло Россіи соглашеніе 2-го Іюля. Съ этой цѣлью юридическая комиссія при Врем. Правительствѣ выработала проектъ „инструкціи" генеральному секретаріату, которая должна была замѣнить „статутъ" или „конституцію", которой хотѣли добиться отъ правительства украинцы. Обсужденіе этого проекта, при участіи украинской делегаціи, началось въ засѣданіи правительства 27-го Іюля и закончилось изданіемъ „временной инструкціи 4-го Августа", въ которой почти цѣликомъ была проведена точка зрѣнія правительства.

Согласно этой точкѣ зрѣнія, генеральный секретаріатъ „является высшимъ *органомъ Временнаго Правительства по дѣламъ мѣстныхъ управленій Украйны*". *Онъ* „*назначается Врем. Правительствомъ по представленію* Центральной Рады". Такое рѣшеніе признается временнымъ, „впредь до разрѣшенія вопроса *о мѣстномъ управленіи* Учредительнымъ Собраніемъ". Такимъ образомъ, параграфомъ первымъ „инструкціи", рѣшеніе украинскаго вопроса вводилось въ рамки общаго вопроса объ устройствѣ „мѣстнаго управленія" въ будущемъ государственномъ строѣ свободной и единой Россіи. Второй пунктъ опредѣлялъ территорію, на которую распространились „полномочія" генеральнаго секретаріата. Украинская делегація, послѣ отказа Рады отъ претензій на Бессарабію, требовала включенія въ территорію автономной Украйны 9-ти губерній: Кіевской, Волынской, Подольской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской. Временное Правительство, соглашалось включить полностью первыя четыре губерніи и Черниговскую безъ тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ вовсе нѣтъ украинскаго населенія, т. е. Суражскаго, Стародубскаго и Новозыбковскаго. Изъ остальныхъ губерній—въ Таврической, хотя украинцы

и составляютъ болѣе половины (53%) населенія всей губерніи, но населеніе это сосредоточено въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ (отъ 73% до 55%), въ Крыму же украинцы составляютъ меньшинство (26 — 8%), а въ Ялтинскомъ уѣздѣ ихъ нѣтъ вовсе. Въ Херсонской губерніи цѣлыхъ два уѣзда — Одесскій и Тираспольскій — неукраинскіе. Въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ неукраинское населеніе живетъ и среди сельскаго и, особенно, среди городского населенія, и общественное мнѣніе по вопросу о выдѣленіи Украйны въ особую автономную единицу было далеко не единодушно. Выборы въ органы городского самоуправленія показали еще меньшій процентъ „украинцевъ“, чѣмъ мы видѣли это въ Кіевѣ. Основываясь на этомъ, Временное Правительство согласилось распространить полномочія генеральнаго секретаріата, кромѣ названныхъ пяти губерній, только на тѣ или на части тѣхъ губерній, гдѣ „образованныя на основаніи постановленія Времен. Правительства *земскія учрежденія выскажутся за желательность* такого распространенія“. Этимъ гарантировалась обоснованность и солидность претензій, хотя неупоминаніе о *городскихъ* органахъ самоуправленія и ставило неукраинцевъ въ невыгодное положеніе при этомъ „плебисцитѣ“. Все же, это было лучше, чѣмъ рѣшеніе вопроса при помощи однѣхъ только „общественныхъ организацій“, вродѣ тѣхъ національно-украинскихъ, о которыхъ говорилъ первый универсалъ.

Что касается состава секретаріата, Временное Правительство признало изъ 14-ти портфелей *девять*: по вѣдомствамъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, земледѣлія, просвѣщенія, торговли и промышленности, труда, по національнымъ дѣламъ, генеральнаго контролера и генеральнаго писаря. *Не признаны*, слѣдовательно, секретари: военный, юстиціи, почтъ и телеграфовъ, путей сообщенія и продовольствія, очевидно, по тѣсной связи этихъ вѣдомствъ съ центральными учрежденіями, вѣдающими тѣ же дѣла. Однако, и по тѣмъ вѣдомствамъ, которыя признаны Временнымъ Правительствомъ, полномочія центральнаго правительства переходятъ къ секретарямъ *лишь въ той мѣрѣ*, въ какой они касаются „*дѣлъ мѣстнаго управленія*, входящихъ въ компетенцію перечисленныхъ“ выше вѣдомствъ. Конечно, и въ области финансовъ, и въ области торговли и промышленности, труда, просвѣщенія и т. д. должно было оказаться много дѣлъ, не подходящихъ подъ понятіе „мѣстнаго управленія“, и, слѣдовательно, неподвѣдомственныхъ секретарямъ.

Далѣе, Врем. Правительство потребовало, чтобы „не менѣе 4-хъ" секретарскихъ мѣстъ было занято не украинцами, а представителями другихъ, наиболѣе многочисленныхъ національностей Украйны, (потомъ, при уменьшеніи числа секретарей до 9-ти, число неукраинскихъ портфелей было понижено до трехъ). Столько же неукраинскихъ „товарищей секретаря" должно было быть при секретарѣ по національнымъ дѣламъ (пункты 3-ій и 5-ый).

Что касается *функцій* генеральнаго секретаріата, Врем. Правительство рѣшительно отклонило настоянія украинцевъ, чтобы всякій законъ правительства входилъ въ силу на Украйнѣ лишь по опубликованіи его на украинскомъ языкѣ въ оффиціальномъ органѣ секретаріата. Согласно § 4-му „генеральный секретаріатъ *разсматриваетъ, разрабатываетъ и представляетъ на утвержденіе Врем. Правительства предложенія*, касающіяся жизни края и его управленія". Согласно § 5-му секретари „осуществляютъ полномочія Врем. Правительства по дѣламъ *мѣстнаго управленія*", причемъ „ближайшее опредѣленіе этихъ дѣлъ (т. е. установленіе точной границы между общеимперскими и мѣстными функціями власти) послѣдуетъ въ особомъ приложеніи". По § 6-му секретаріатъ является посредникомъ между „мѣстными властями края и Временнымъ Правительствомъ", „распоряженія и указы" котораго секретари „передаютъ мѣстнымъ властямъ". Но, согласно § 9-му, „въ экстренныхъ и не терпящихъ отлагательства случаяхъ высшія государственныя установленія и вѣдомства *сообщаютъ свои постановленія мѣстнымъ властямъ непосредственно*", минуя секретаріатъ и „лишь извѣщая" его „о сихъ распоряженіяхъ одновременно". По § 8-му всѣ сношенія центральныхъ властей съ секретаріатомъ ведутся черезъ особаго „комиссара Украйны" въ Петроградѣ, *назначаемаго правительствомъ*. Этимъ же путемъ направляются и „законодательныя предположенія, *относящіяся лишь къ мѣстнымъ дѣламъ Украйны*" (чѣмъ подчеркнуто участіе центральныхъ учрежденій въ мѣстномъ законодательствѣ Украйны), и „мѣры общегосударственнаго значенія... требующія, въ виду *особаго* отношенія къ Украйнѣ, участія представителей секретаріата" въ комиссіонномъ обсужденіи. (Очевидно, общегосударственныя мѣры, не имѣющія *особаго* отношенія къ Украйнѣ, должны были рѣшаться въ порядкѣ общеимперскаго законодательства и управленія).

Отношеніе пріѣхавшихъ въ Петроградъ делегатовъ ко всѣмъ намѣчавшимся рѣшеніямъ правительства было въ началѣ рѣзко-

отрицательнымъ. Однако, при обсужденіи этихъ рѣшеній въ „Малой Радѣ“ (т. е. въ комитетѣ Центральной Рады) обнаружилось разногласіе между украинскими и неукраинскими элементами. Послѣдніе склоняли къ уступчивости и настояли на посылкѣ двухъ дополнительныхъ делегатовъ отъ неукраинскаго меньшинства, Зарубина (с.-р.) и Мицкевича. Ихъ роль подчеркивается тѣмъ, что 5-го Августа вмѣстѣ съ третьимъ делегатомъ, Туганъ-Барановскимъ, они созвали въ Петроградѣ совѣщаніе украинскихъ губернскихъ комиссаровъ и представителей губернскихъ комитетовъ и телеграфировали Радѣ отъ имени всѣхъ участниковъ совѣщанія, просьбу — принять временную инструкцію 4-го Августа. „Сознавая неудовлетворительность этой инструкціи“, но въ то же время „учитывая петроградскія настроенія“, они настойчиво предупреждали Раду о „послѣдствіяхъ, которыя могли бы быть въ результатѣ разрыва съ правительствомъ“. Другого мнѣнія былъ Винниченко, который все время пугалъ правительство самостоятельнымъ „революціоннымъ выступленіемъ Украйны. Правительствомъ было перехвачено и опубликовано интервью Винниченко, посланное въ заграничную печать. Въ этомъ интервью, отъ имени „30 милліоновъ украинцевъ и трехъ милліоновъ солдатъ“, предсѣдатель Рады требовалъ отъ союзниковъ Россіи „гарантіи права украинцевъ на государственную автономію“. Онъ намекалъ, при этомъ, что, въ случаѣ неустойчивости Россіи, въ Украйнѣ можетъ возобладать австро-германская оріентація. Винниченко принужденъ былъ, въ телеграммѣ Керенскому (10-го Августа), „категорически отрицать тѣ мысли и слова, которыя приписаны“ ему французскимъ корреспондентомъ. Онъ, дѣйствительно, говорилъ, что противодѣйствіе правительства стремленіямъ украинцевъ „пораждаютъ сепаратистическія тенденціи среди крайнихъ группъ, *но не въ смыслѣ тяготѣнія къ Австріи и Германіи, а въ смыслѣ полной самостоятельности*“.

На 5-е Августа было назначено открытіе сессіи Центральной Рады. Въ виду приближенія этого срока, украинскіе делегаты и настояли на ускореніи правительственнаго рѣшенія по украинскому вопросу. Конечно, рѣшеніе это не могло встрѣтить благосклоннаго пріема въ Радѣ. Но и отказаться отъ тѣхъ уступокъ, которыя, все таки, заключались въ „инструкціи“, украинцамъ также не хотѣлось. Послѣ горячихъ преній, въ „Малой Радѣ“ и во фракціяхъ намѣтилось среднее рѣшеніе: инструкцію принять, но лишь какъ опорную точку для дальнѣйшей борьбы. Центральная Рада

большинствомъ 247 голосовъ противъ 36, при 70 воздержавшихся, приняла, въ виду этого, резолюцію, рѣзко критиковавшую „временную инструкцію“, но, въ концѣ концовъ, все таки ее принимавшую. Вотъ текстъ этой резолюціи, отрицательной по формѣ и двусмысленной по существу, какъ и всѣ предыдущіе украинскіе оффиціальные документы.

„Признавая, что инструкція 1) продиктована недовѣріемъ къ стремленіямъ всей демократіи Украйны, 2) проникнута имперіалистическими тенденціями русской буржуазіи въ отношеніи Украйны 3) нарушаетъ соглашеніе Централньной Рады съ Врем. Правительствомъ 3-го іюля, 4) не даетъ возможности демократіи Украйны создать власть на всей территоріи, населенной украинскимъ народомъ, 5) съуживаетъ и ослабляетъ, значеніе власти генеральнаго секретаріата, не охватывая краевыхъ дѣлъ и нуждъ населенія Украйны, какъ вопросы продовольственный, военный, судебный, путей сообщенія, почтъ и телеграфовъ, 6) препятствуетъ созданію и работѣ прочной революціонной краевой власти (§§ 6 и 9), 7) признавая, вопреки соглашенію украинской и неукраинской демократіи, несоотвѣтствующее соотношенію націй въ краѣ число генеральныхъ секретарей для неукраинскихъ національностей (4), представленныхъ въ украинской Центральной Радѣ, она намѣревается разрушить единство украинской и неукраинской демократіи, 8) совершенно не соотвѣтствуетъ потребностямъ и желаніямъ не только украинскаго народа, но и національныхъ меньшинствъ, живущихъ на Украйнѣ, — украинская центральная Рада считаетъ неизбѣжнымъ твердо и рѣшительно указать правительству, что необходимо въ самомъ непродолжительномъ времени принять мѣры для проведенія въ жизнь нормъ взаимоотношеній между правительствомъ и *отвѣтственнымъ передъ центральной властью генеральнымъ секретаріатомъ*, которыя вытекаютъ изъ соглашенія 3-го Іюля. Изъ числа 14 секретарей *представить 9 генеральныхъ, указанныхъ временной инструкціей, на утвержденіе правительству*; поручить комитету Рады и ген. секретаріату выработать статутъ, который бы опредѣлялъ взаимоотношенія между Радой и ея секретаріатомъ; поручить секретаріату выработать рядъ законопроектовъ по вопросу о планомѣрномъ удовлетвореніи потребностей трудящихся массъ населенія, а именно въ вопросахъ рабочемъ, земельномъ, продовольственномъ, и просвѣщенія; возбудить передъ Временнымъ Правительствомъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, смертной

казни и другихъ репрессіяхъ; немедленно приступить къ подготовительной работѣ для созыва украинскаго учредительнаго и *всероссійскаго Учредительнаго Собранія*". Послѣ всѣхъ этихъ сдержанныхъ постановленій, не выходившихъ за рамки „временной инструкціи", резолюція Рады кончалась фіоритурой во вкусѣ Винниченко: „Обратиться ко всей націи Украйны съ указаніемъ на всѣ недостатки инструкціи и *съ призывомъ трудящихся массъ населенія Украйны къ организованной борьбѣ за свои интересы* и къ объединенію вокругъ Центральной Рады." Если оставить въ сторонѣ эту дверь, открытую въ будущее, то можно сказать, что для того момента, въ итогѣ, правительство обновленнаго состава вышло изъ затрудненій въ украинскомъ вопросѣ уще болѣе удачно, чѣмъ въ вопросѣ Финляндскомъ.

Коалиціонное правительство второго состава исправило затѣмъ и еще одинъ политическій грѣхъ первой коалиціи: назначеніе выборовъ въ Учредительное Собраніе въ явно невозможный срокъ, въ угоду лѣвымъ соціалистамъ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ становилось яснѣе даже для этихъ послѣднихъ, что постановленіе 14-го Іюня о производствѣ выборовъ 17-го Сентября не могло быть исполнено. Для этого необходимо было опубликовать избирательные списки не позже 7-го Августа (40 дней до выборовъ). Но не раньше конца Августа могли сорганизоваться тѣ учрежденія — городскія, поселковыя и земскія управы, — которыя должны были по закону о выборахъ, изданному 27-го Іюля, составлять эти списки. Фактически, въ моментъ изданія закона къ составленію избирательныхъ списковъ нигдѣ еще не было приступлено. Ясно было, что въ 10 дней, оставшихся до 7-го Августа, это первое условіе подготовки правильныхъ выборовъ осуществиться не можетъ и, слѣдовательно, дата 17-го Сентября должна быть отодвинута. Конечно, это не помѣшало органамъ соціалистической печати при возбужденіи этого вопроса въ прессѣ, вновь заговорить о „саботажѣ" революціи буржуазіей и Временнымъ Правительствомъ. Раздавались эти рѣчи и въ совѣтахъ, но, въ концѣ концовъ, даже и они принуждены были склониться передъ календаремъ. Съ согласія исполнительныхъ комитетовъ, 9-го Августа, т. е. наканунѣ истеченія послѣдняго срока для составленія избирательныхъ списковъ, выборы въ Учредительное Собраніе были отложены до 12-го Ноября, а срокъ созыва былъ опредѣленъ 28-го Ноября 1917 г. Нагляднымъ аргументомъ для петроградцевъ въ пользу отсрочки Учред.

Собранія было то состояніе, въ которое былъ приведенъ Таврическій Дворецъ засѣдавшими въ немъ органами „революціонной демократіи." Такъ какъ именно въ Таврическомъ Дворцѣ рѣшено было созвать Учредительное Собраніе, то необходимо было приспособить его для этой цѣли и начать въ немъ строительныя работы. Этимъ мирно разрѣшался, наконецъ, вопросъ объ эвакуаціи Таврическаго Дворца всѣми занимавшими его политическими организаціями. Перваго Августа эта эвакуація состоялась: совѣты р. и с. д. со всѣми своими комитетами, фракціями и др. учрежденіями переселились въ зданіе Смольнаго монастыря, откуда институтки были выселены, съ согласія министра призрѣнія Барышникова, увѣковѣчившаго этимъ память о своемъ кратковременномъ пребываніи у власти въ періодъ перваго кризиса.

Рѣшенъ былъ въ то же время и вопросъ о созывѣ совѣщанія въ Москвѣ, постановленный по иниціативѣ Н. В. Годнева въ дни кризиса первой коалиціи. Намѣченный тогда созывъ въ ближайшемъ времени совѣщанія имѣлъ цѣлью поддержать авторитетъ подновленной коалиціи, не опиравшейся на вліятельныя общественныя силы. Второе коалиціонное правительство, вышедшее изъ кризиса, въ такихъ экстренныхъ мѣрахъ не нуждалось. Но вмѣсто отпавшихъ мотивовъ явились новые. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Временное Правительство рѣшилось всетаки осуществить намѣченный планъ. 31-го Іюля оно назначило созывъ „Государственнаго Совѣщанія" въ Москвѣ на 13-е Августа. Министръ-предсѣдатель находилъ въ этомъ совѣщаніи новую арену для рѣшенія политическихъ конфликтовъ силой политическаго краснорѣчія. Мысль противопоставить и уравновѣсить между собой представительство „буржуазіи" и „демократіи" не чужда была А. Ф. Керенскому съ самаго начала революціи. Послѣ того какъ „Контактная Комиссія" сыграла свою роль съ появленіемъ коалиціи, а Гос. Дума оказалась недостаточно сильной и совсѣмъ не приспособленной для уравновѣшенія совѣтскаго вліянія на коалиціонное правительство, когда, притомъ въ средѣ самихъ совѣтовъ явились попытки созданія „предпарламента", но исключительно изъ представителей „революціонной демократіи", — то мысль объ уравновѣшеніи въ одномъ собраніи элементовъ „буржуазныхъ" и демократическихъ напрашивалась сама собой. Отсрочка созыва Учредительнаго Собранія — соотвѣтственное продленіе чрезвычайныхъ полномочій Временнаго Правительства явились новымъ поводомъ

для провѣрки отношенія населенія къ власти въ чрезвычайномъ собраніи совѣщательнаго характера. Неизбѣжно, въ силу вещей, такое собраніе должно было стать противовѣсомъ односторон-нему составу совѣтовъ и исполнительныхъ комитетовъ. Ихъ мнѣ-ніе было слишкомъ хорошо извѣстно изъ безчисленныхъ рѣчей и резолюцій. Голосъ всероссійской „буржуазіи“ долженъ былъ раздаться впервые.

Потребность въ этомъ чувствовалась такъ сильно, что въ Москвѣ уже назначено было, по почину кружка общественныхъ дѣятелей, на 8-ое Августа, общественное собраніе, прозванное потомъ „Малымъ“ въ отличіе отъ Государственнаго Совѣщанія, назначеннаго правительствомъ на 13-е. Составъ Государственнаго Совѣщанія былъ опредѣленъ приблизительно въ 2000 членовъ. Отъ исполнительнаго комитета р. и с.-д. приглашалось 100 членовъ и по стольку же отъ совѣтовъ крестьянскихъ депутатовъ и отъ фронта. Этимъ 300 членамъ противополагались 300 членовъ Гос. Думы всѣхъ четырехъ созывовъ. Остальные 400 членовъ первой тысячи приглашались отъ городскихъ и земскихъ самоуправленій, т. е. по условіямъ момента, почти исключительно отъ соціалистическихъ группъ. Но ихъ опять уравновѣшивали 120 членовъ отъ торгово-промышленныхъ организацій, 100 отъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и организацій землевладѣльцевъ, 100 отъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Далѣе, 150-ти членамъ отъ рабочихъ организацій противополагались 75 отъ трудовыхъ интеллигентскихъ организацій, 300 членовъ отъ кооперативовъ и 80 отъ національныхъ организацій являлись въ этомъ составѣ центральнымъ ядромъ, которое могло наклонить вѣсы въ ту или другую сторону. Впрочемъ, относительная численность „революціонной демократіи“ и „буржуазіи“ мелкой, средней и крупной могла имѣть въ совѣщаніи лишь психологическое и моральное значеніе, ибо голосованій не имѣлось въ виду производить въ этомъ искусственномъ составѣ.

Для чего, собственно, собиралось совѣщаніе? Отнюдь не для созидательной работы въ качествѣ „предпарламента“. Первоначальною мыслью А. Ф. Керенскаго было созвать совѣщаніе для выслушанія его собственнаго отчета и программы. Мало по малу выяснилась неизбѣжность выступленія, съ одной стороны, и другихъ министровъ, а съ другой — самихъ представителей созванныхъ организацій, общественныхъ группъ и политическихъ

партій. Соотвѣтственно этому растягивалась и сессія совѣщанія. Предположеный первоначально однодневный срокъ рѣшено продлить съ такидъ разсчетомъ, чтобы въ первый день были выслушаны одни министры, затѣмъ, послѣ однодневнаго перерыва для частныхъ совѣщаній группъ, выступили бы ораторы, намѣченные группами. Уже въ Москвѣ, при установленіи порядка этихъ ораторовъ, выяснилось, что при самомъ строгомъ ограниченіи рѣчей короткими сроками (по соглашенію съ ораторами, но не болѣе 30 минутъ), все же невозможно закончить пренія въ предѣлахъ одного дня, и былъ прибавленъ еще одинъ, третій день, для окончанія совѣщанія.

Нѣкоторой предварительной пробой того, какъ выступитъ на Государственномъ Совѣщаніи правительство, явились двѣ рѣчи Керенскаго, произнесенныя 4-го Августа передъ двумя собраніями, соотвѣтствовавшими двумъ половинамъ Московскаго Совѣщанія: передъ съѣздомъ губернскихъ комиссаровъ правительства и представителей мѣстныхъ исполнительныхъ комитетовъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и передъ центральнымъ исполнительнымъ комитетомъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ Смольномъ. При всемъ искусствѣ оттѣнковъ и умолчаній рѣчи, А. Ф. Керенскому не удалось скрыть внутренняго противорѣчія его политической позиціи. Напротивъ, это противорѣчіе выступило особенно ярко въ опасномъ сосѣдствѣ двухъ выступленій. Со всей откровенностью министръ-предсѣдатель говорилъ передъ собраніемъ комиссаровъ. „Я не скажу, что оказалось недостаточно разума и слишкомъ мало совѣсти, но я могу сказать съ совершенной увѣренностью: слишкомъ много невѣжества и слишкомъ мало опыта въ вопросахъ управленія оказалось въ томъ свободномъ народѣ и въ тѣхъ свободныхъ народахъ, которые призваны въ настоящее время ковать свою судьбу подъ ударами страшнаго и непримиримаго врага.“ И единственнымъ способомъ—устранить послѣдствія этого невѣжества и неопытности—Керенскій призналъ „созданіе, во что бы то ни стало, твердой и рѣшительной революціонной, власти.“ А. Ф. Керенскій даже утверждалъ, что всякое „дальнѣйшее промедленіе“ въ осуществленіи этой задачи неизбѣжно приведетъ къ тому, что „анархія не столько въ политикѣ, сколько въ хозяйственной жизни въ очень скоромъ времени дастъ непоправимые результаты“ и что тогда уже „никакія героическія усилія . . . не спасутъ насъ. . . отъ страшныхъ послѣдствій.“ Онъ выражалъ,

однако, увѣренность, „что есть еще разумъ и есть еще совѣсть, нужно только революціи проявить волю къ жизни и *волю къ власти*". Онъ рѣшительно заявилъ, что „все что мѣшаетъ" правительству „въ этой работѣ", онъ будетъ считать „реакціей и контръ-революціей, какими бы . . . демагогическими взглядами эта контръ-революція . . . ни прикрывалась".

Увы, переѣхавъ изъ министерства въ Смольный, въ новое помѣщеніе исполнительнаго комитета, министръ - предсѣдатель сталъ указывать „контръ-революцію" въ иномъ мѣстѣ и направилъ свои угрозы по другому адресу. И рѣчь его, встрѣченная сперва гробовымъ молчаніемъ залы, начала покрываться шумными апплодисментами, когда собраніе стало узнавать въ его словахъ отголосокъ собственныхъ настроеній. „Товарищи", говорилъ здѣсь А. Ф. Керенскій, „пока *я* стою во главѣ новаго Врем. Правительства, пока *я* обладаю властью, пока *я* имѣю возможность опираться на демократическія силы, на *полномочный органъ* демократической организаціи, проявившей въ своей работѣ *политическую мудрость*, я рѣшительно заявляю, что всякія попытки реставраціи самодержавія или *созданіе такихъ условій*, при которыхъ демократія должна была бы *отойти изъ первыхъ рядовъ въ сторону я не допущу*". „Мы дешево своей работы въ пользу демократіи не продадимъ". „Ни въ чемъ, ни въ пути, ни въ цѣляхъ, мы не разойдемся . . ." Эта фраза была встрѣчена бурными апплодисментами внимательной аудиторіи и поощренный ораторъ продолжалъ: „не разойдемся съ тѣми задачами, которыя *поставлены жизнью* — спасти страну и революцію". И онъ просилъ демократію оставить „смущеніе и сомнѣнія". „Моя вѣра все растетъ и крѣпнетъ", восторженно восклицалъ онъ. Керенскій кончилъ свою рѣчь глухой угрозой по адресу враговъ „демократіи" при новомъ взрывѣ „бурныхъ и продолжительныхъ апплодисментовъ" „отбросьте" мелочныя сплетни сегодняшняго дня. Забудьте о тѣхъ ничтожныхъ силахъ, которыя, пытались захватить власть. *Они ее не получатъ*".

Задача *оратора* была блестяще достигнута. Задача *политика* была вновь рѣшительно затемнена.

„Я и правительство", „*меня* и правительство не запугаютъ, „*я* не допущу и правительство *меня* поддержитъ" — эти выраженія въ двухъ рѣчахъ 4-го Августа отчетливо установили то отношеніе между кабинетомъ и его предсѣдателемъ, которое уже установилось къ этому времени. Какъ бы то ни было, распоряженія и

дѣйствія министра-предсѣдателя продолжали противорѣчить его словамъ и намѣреніямъ.

Для созданія „твердой и рѣшительной власти" Временное Правительство, постановленіемъ 2-го Августа передало военному министру и министру внутреннихъ дѣлъ "въ исключительный моментъ исключительныя полномочія". Они состояли въ томъ, что обоимъ министрамъ „по взаимному ихъ соглашенію" предоставлялось а) постановлять о заключеніи подъ стражу лицъ, дѣятельность которыхъ представляется угрожающей оборонѣ Государства, внутренней его безопасности и завоеванной революціей свободѣ, б) предлагать указаннымъ въ п. а) лицамъ покинуть въ особо назначенный для того срокъ предѣлы Государства Россійскаго, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неотбытія ихъ или самовольнаго возвращенія они заключались подъ стражу, въ порядкѣ п. а) настоящаго постановленія".

Внѣшнимъ поводомъ для принятія этого „ограниченія конституціонныхъ гарантій" былъ съѣздъ большевиковъ, начавшій свои засѣданія демонстративнымъ привѣтствіемъ арестованнымъ лидерамъ и открыто поведшій ту самую линію, которая собственно и вызвала правительственное разслѣдованіе роли большевиковъ въ возстаніи 3—5 Іюля. Но фактически, „исключительныя мѣры, дабы положить предѣлъ дѣятельности лицъ, кои свободой, дарованной революціей, желаютъ воспользоваться лишь для нанесенія непоправимаго вреда дѣлу революціи и самому существованію Государства Россійскаго", были примѣнены не къ большевикамъ, и даже не „на оба фронта", а только въ одномъ направленіи: именно въ томъ, которое соотвѣтствовало традиціонному пониманію „контръ-революціи". Выступивъ въ Смольномъ послѣ А. Ф. Керенскаго, министръ внутреннихъ дѣлъ Авксентьевъ могъ привести только два примѣра „созданія твердой, революціонной власти: закрытіе „Народной Газеты" и привлеченіе къ судебной отвѣтственности ея руководителя и арестъ Юскевича Красковскаго въ порядкѣ закона 2-го Августа. Позднѣе, какъ третій примѣръ — и первый случай примѣненія остракизма по этому закону, присоединилось изгнаніе ген. В. І. Гурко.

Въ своихъ показаніяхъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Корнилова Керенскій самъ признаетъ, что главной цѣлью изданія закона 2-го Августа было именно примѣненіе его къ тѣмъ „заговорщикамъ" справа, о которыхъ онъ получилъ свѣдѣнія въ сере-

динѣ Іюля. „Недѣли за двѣ до изданія закона“, пишетъ онъ, „я лично все думалъ, какъ организовать борьбу съ заговорщиками. Въ концѣ концовъ, законопроектъ, который еще въ Апрѣлѣ я, министръ юстиціи, вносилъ чисто теоретически, теперь понадобился практически . . . Тогда происходили аресты великихъ князей, но, оказалось, мы сознательно были направлены на ложный путь“ . . .*).

*) См. *А. Ф. Керенскій*. **Дѣло Корнилова, стр. 43.** Вся эта часть моей исторіи, включая и корниловское возстаніе, была написана въ Февралѣ 1918 г. Съ книгой Керенскаго я имѣлъ возможность ознакомиться только въ Августѣ того же года. Книга эта содержитъ исправленныя самимъ Керенскимъ *уже послѣ переворота* его показанія слѣдственной комиссіи, данныя въ началѣ Октября 1917 г. и „приведенныя въ окончательный видъ“ безъ измѣненія „смысла и тона показанія“. Къ тексту показаній Керенскій присоединилъ довольно обширный комментарій, имѣющій цѣлью въ систематизированной формѣ изложить его взглядъ на событія и дополнить показанія новыми фактическими данными. Какъ первоначальныя показанія, такъ и комментарій, имѣютъ характеръ апологіи и носятъ весьма субъективный характеръ. Однако, самый этотъ субъективизмъ даетъ матерьялъ для оцѣнки лица, ведущаго здѣсь свою собственную защиту передъ потомствомъ. Помимо этого, книга Керенскаго содержитъ много фактическихъ указаній, допускающихъ провѣрку и имѣющихъ всю цѣнность свидѣтельскаго показанія. Матерьялъ того и другого рода, субъективный и объективный не прибавилъ ничего существеннаго къ тому, что уже было мнѣ извѣстно при составленіи моего первоначальнаго изложенія. Мнѣ, такимъ образомъ, не пришлось вносить въ это изложеніе сколько-нибудь существенныхъ измѣненій. Но всѣ цѣнныя данныя книги Керенскаго мною внесены въ текстъ или въ примѣчанія, со ссылками на автора, при подготовкѣ моей книги для Кіевскаго изданія въ Октябрѣ — Ноябрѣ 1918 г. Передъ изданіемъ книги въ Софіи я имѣлъ возможность использовать часть мемуаровъ В. Н. Львова, напечатанную въ „Послѣднихъ Новостяхъ“.

IV. РАЗВИТІЕ КОНФЛИКТА СЪ ГЕН. КОРНИЛОВЫМЪ.

„Заговоръ" въ ставкѣ. Первый пріѣздъ Корнилова (3-го Августа). Кампанія слѣва противъ Корнилова. Докладъ Корнилова и его второй пріѣздъ (10-го Августа).

Позиція „твердой и рѣшительной власти" складывалась *рядомъ* съ правительствомъ, терявшимъ время и вліяніе въ безпомощныхъ шатаніяхъ между „волей къ власти" и страхомъ быть обвиненнымъ за малѣйшее проявленіе этой воли — въ „контръ-революціонности". Твердымъ и рѣшительнымъ языкомъ власти заговорилъ съ правительствомъ А. Ф. Керенскаго генералъ Л. Г. Корниловъ. Видимо, къ нему — или къ „сплетнямъ", уже начавшимъ слагаться около его имени, — и относились угрозы Керенскаго: „не допущу", „дешево не отдамъ", „власти не получитъ" и т. д. Истинный нервъ политической борьбы и перемѣстился въ началѣ Августа къ этому конфликту. Борьба шла тутъ, по существу, не столько между двумя программами „революціи" и „контръ-революціи", сколько между двумя способами осуществить одну и ту же программу, въ важности и неотложности которой для спасенія націи обѣ стороны были согласны. Иронія исторіи хотѣла, чтобы конфликтъ между этими двумя точками зрѣнія воплотился въ личностяхъ двухъ протагонистовъ, Керенскаго и Корнилова. Одна изъ нихъ, стоявшая на авансценѣ, въ полномъ освѣщеніи публичности, уже исчерпала себя, но продолжала пользоваться ореоломъ полуразрушенной легенды. Около другой, стоявшей въ тѣни, легенда только начинала слагаться.

Въ центрѣ общественнаго вниманія, при самомъ возникновеніи второго коалиціоннаго правительства, стоялъ конфликтный вопросъ. Какъ отнесется правительство къ „условіямъ", поставленнымъ ген. Корниловымъ для возстановленія боеспособности арміи и для оздоровленія тыла, поскольку эта задача была связана съ

возрожденіемъ военной мощи Россіи? „Безъ утвердительнаго отвѣта на условія, поставленныя ген. Корниловымъ, не можетъ быть спасенія родины“; эти слова Ф. И. Родичева, сказанныя имъ на съѣздѣ партіи народной свободы, выражали убѣжденіе широко распространенное въ общественныхъ слояхъ, противополагавшихъ себя „революціонной демократіи“. При формированіи правительства, какъ мы видѣли, условія Корнилова были приняты только „въ принципѣ“, при чемъ оговорена была необходимость ихъ дальнѣйшаго детальнаго разсмотрѣнія и детальной разработки.

Немедленно же, послѣ вступленія въ должность, ген. Корниловъ, согласившійся на эту отсрочку, поручилъ своему штабу разработать соотвѣтственный докладъ о реформахъ въ арміи, для представленія его Временному Правительству. Докладъ этотъ и былъ составленъ къ началу Августа, при участіи ген. Деникина, полковникомъ Плющикъ-Плющевскимъ. Но пока ставка разрабатывала программу Корнилова, въ Петроградѣ Керенскій уже искалъ ему замѣстителя. Уже 30-го Іюля Савинковъ вызвалъ Филоненко въ Петроградъ и сообщилъ ему, „что положеніе ген. Корнилова пошатнулось... что лица, близко связанныя со ставкой, стремятся черезъ посредство полк. Барановскаго дискредитировать ген. Корнилова въ глазахъ министра-предсѣдателя и что подозрѣвается его (Корнилова) намѣреніе разогнать штабъ ставки, дѣятельно и честно исправляющій свой долгъ. Министръ-предсѣдатель высказалъ мысль, что *надо искать другого верховнаго главнокомандующаго и что, въ концѣ концовъ, возможно, придется ему самому занять этотъ постъ*“.*) Полк. Барановскій высказалъ самому Филоненко свое наблюденіе: что „ген. Черемисовъ по своимъ взглядамъ ближе подходитъ къ Керенскому, чѣмъ ген. Корниловъ“, и, — замѣчаетъ Филоненко, — „отъ меня не ускользнуло значеніе этого мнѣнія, совпавшаго съ отмѣченнымъ въ печати сближеніемъ ген. Черемисова съ исп. комитетомъ совѣта р. и с. д.“ Самъ Филоненко считалъ Корнилова кандидатомъ „революціонеровъ“ и только что, по его мнѣнію, напалъ на слѣдъ какого то таинственнаго заговора, устроеннаго будто бы противъ Корнилова въ его штабѣ, въ которомъ онъ „непопуляренъ“, при участіи ген. Лукомскаго

*) Въ воспоминаніяхъ В. Н. Львова имѣется указаніе, что приблизительно въ это время Керенскій „проходя мимо меня, какъ то, быстро проговорилъ: теперь мнѣ надо быть верховнымъ главнокомандующимъ“.

Въ Петроградѣ, однако, какъ мы видѣли, симпатіи уже успѣли перейти отъ Корнилова именно къ штабу, „честно исполняющему свой долгъ въ военномъ и *гражданскомъ* смыслѣ“. 1-го Августа Филоненко получилъ строгія приказанія лично отъ Керенскаго оставить въ покоѣ Лукомскаго, „являющагося не только преданнымъ Врем. Правительству человѣкомъ, но и главной дѣйствующей силой ставки.“ Таинственное передвиженіе кавказской конной дивизіи, въ которомъ Филоненко предполагалъ признаки „заговора“ противъ Корнилова, оказалось извѣстно Керенскому и производилось по его распоряженію, „въ цѣляхъ охраны ставки“. Въ комментаріяхъ къ своимъ показаніямъ Керенскій разъяснилъ, что распоряженіе объ этомъ сдѣлано было еще при Брусиловѣ, послѣ того, какъ могилевскій совѣтъ р. и с. д., въ дни іюльскаго возстанія большевиковъ потребовалъ отъ ген. Брусилова „полнаго подчиненія“. „Выяснилось . . ., что ставка . . . беззащитна противъ всякаго озорства: . . . поэтому мы съ Брусиловымъ и рѣшили усилить охрану въ ставкѣ“ (стр. 36). Характерно для тогдашняго настроенія Керенскаго то, что онъ взялъ подъ свою защиту ген. Лукомскаго, какъ только получилъ извѣстіе, что Корниловъ хочетъ удалить этого генерала. Керенскій, очевидно, тотчасъ объяснилъ это „стремленіемъ устранить изъ ставки человѣка, *въ которомъ не были увѣрены*“. Дѣло въ томъ, что уже въ серединѣ Іюля Керенскій получилъ свѣдѣнія о „заговорѣ“ „вліятельной части“ союза офицеровъ въ ставкѣ. Противъ этихъ „заговорщиковъ“, какъ мы видѣли, былъ направленъ и его законъ объ остракизмѣ 2-го Августа. Теперь онъ начиналъ подозрѣвать или опасаться, что при настроеніи Корнилова, послѣдній, рано или поздно, самъ сблизится съ „заговорщиками.“

Очевидно, для главной цѣли Корнилова, для проведенія его программы, такая атмосфера была особенно неблагопріятна. И съ самаго же начала отношенія между Корниловымъ и Керенскимъ стали очень напряженными. Это сказалось при первомъ же пріѣздѣ Корнилова въ Петроградъ, 3-го Августа, для защиты передъ Временнымъ Правительствомъ доклада, составленнаго ставкой. Это была первая встрѣча двухъ противниковъ со времени занятія обоими отвѣтственныхъ постовъ. И естественно, что, помимо спеціальной темы, бесѣда между ними коснулась принципіальныхъ вопросовъ, имѣвшихъ общее политическое значеніе. По показанію самого Корнилова, въ Зимнемъ Дворцѣ, въ разговорѣ съ

нимъ „Керенскій коснулся того, что со времени моего назначенія верховнымъ главнокомандующимъ, мои представленія Врем. Правительству носятъ слишкомъ ультимативный характеръ." (Ср. Дѣло Корнилова, стр. 26—27). „Я заявилъ", продолжаетъ Корниловъ, что эти требованія диктуются не мною, а обстановкой, такъ какъ боеспособность арміи слишкомъ понижена, а противникъ, видимо, намѣревается использовать такое состояніе арміи и разруху въ странѣ". „Здѣсь", „прибавляетъ генералъ, „Керенскій впервые поинтересовался моимъ мнѣніемъ: слѣдуетъ ли ему оставаться для руководства государствомъ. Смыслъ моего отвѣта заключался въ томъ, что, по моему мнѣнію, вліяніе его въ значительной мѣрѣ понизилось; но тѣмъ не менѣе, я полагаю, что онъ, какъ признанный вождь демократіи, долженъ оставаться во главѣ правительства и что другого положенія я себѣ не представляю." Керенскій по поводу этого показанія очень рѣзко отзывается объ Корниловѣ, какъ о человѣкѣ, которому этого рода вопросы „просто были не по разуму" (стр. 51). И своему разговору 3-го Августа онъ хочетъ придать тотъ смыслъ, что, напротивъ, *онъ самъ* убѣждалъ Корнилова, что уходъ его, Керенскаго, невозможенъ. Но какъ разъ, исправляя Корнилова, Керенскій придаетъ разговору еще болѣе серьезный смыслъ. Выходитъ изъ его поправокъ, что между министромъ-предсѣдателемъ и верховнымъ главнокомандующимъ съ полной откровенностью велась бесѣда о шансахъ на успѣхъ переворота съ цѣлью провозглашенія диктатуры. „Я — это было въ этомъ самомъ кабинетѣ (Зимняго Дворца) всячески доказывалъ ему (Корнилову), что существующая коалиціонная власть — единственно возможная комбинація власти и что всякій другой путь *гибеленъ*. Я ему говорилъ: *ну, положимъ, я уйду*; что же изъ этого выйдетъ? „Я говорилъ: чего же вы хотите? вы окажетесь въ безвоздушномъ пространствѣ. Дороги остановятся, телеграфы не будутъ дѣйствовать."*)

„Я помню еще" продолжаетъ Керенскій, что „на мой вопросъ о диктатурѣ Корниловъ въ раздумьѣ отвѣтилъ: „Что же, мо-

*). Нужно вспомнить, что 14-го Сентября, Керенскій передъ Демократическимъ Совѣщаніемъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ излагалъ свои возраженія—не то тѣмъ, кто *ему* грозилъ переворотомъ, не то тѣмъ, кто еще въ Іюнѣ 1917 г., предлагалъ устроить переворотъ ему самому (см. ниже).

жетъ быть, и на это придется рѣшиться"*). Но „вашъ путь, неизбѣжно, приведетъ къ новому избіенію офицерства?"

„Я это предусматриваю, но зато оставшіеся въ живыхъ возьмутъ, наконецъ, солдатъ въ руки". Здѣсь, какъ видимъ, уже цѣлый готовый планъ не то подсказываемый, не то вывѣдываемый Керенскимъ. Человѣку, „ничего не понимающему въ политикѣ", Керенскій, по собственному признанію, устроилъ форменный экзаменъ на довѣріе и на политическую благонадежность. Корниловъ ни того, ни другого испытанія не выдержалъ.**)

Что касается главной цѣли, для которой пріѣхалъ Корниловъ, доклада своей записки, составленной въ ставкѣ, Временному Правительству, — цѣль эта достигнута не была. Навстрѣчу Корнилову въ Павловскъ выѣхалъ Филоненко, чтобы просмотрѣть докладъ *до* врученія его Врем. Правительству. Цѣль этой провѣрки опредѣляется ея результатомъ. „Докладъ показался мнѣ весьма неудачнымъ", показываетъ Филоненко; онъ „обнаруживалъ *непониманіе авторомъ условій политическаго момента* и лишеннымъ творческой мысли при разрѣшеніи проблемы новыхъ особенныхъ условій, переживаемыхъ арміей". Керенскій на этотъ разъ сошелся въ характеристикѣ корниловскаго доклада съ Савинковымъ и Филоненко. „Тамъ былъ изложенъ рядъ мѣръ, вполнѣ пріемлемыхъ", заявляетъ онъ, „но въ такой редакціи и въ такой аргументаціи, что оглашеніе ея привело бы къ обратнымъ результатамъ. Во всякомъ случаѣ былъ бы взрывъ, и при опубликованіи ея *сохранить Корнилова главнокомандующимъ было бы невозможно*". Очевидно, аргументація ставки не годилась для министровъ-соціалистовъ и для совѣтовъ. „Я попросилъ Савинкова устроить такъ, чтобы записка эта не читалась во Временномъ Правительствѣ. Было рѣшено, что эта записка будетъ переработана съ военнымъ

---

*). Лѣтомъ 1921 г.. въ Парижѣ, я получилъ косвенное подтвержденіе того, что въ первыхъ числахъ Августа планъ Корнилова — или его руководителей — былъ уже составленъ. Въ эти дни г. Завойко былъ посланъ, Корниловымъ, съ „приказомъ", къ ген. Каледину, о чемъ сообщилъ въ вагонѣ своему спутнику, съ которымъ ѣхалъ до Ростова. О содержаніи приказа легко догадаться по послѣдующимъ событіямъ.

**) Лично отъ Корнилова я дважды, при свиданіи въ Москвѣ 13-го Августа 1917 г. и въ началѣ Февраля 1918 г. въ Ростовѣ, за нѣсколько дней до ухода добровольческой арміи, слышалъ тотъ самый варіантъ его разговора 3-го Августа, который онъ разсказываетъ въ своемъ показаніи. Керенскій, по его словамъ, прямо поставилъ ему вопросъ, не полагаетъ ли онъ, что ему, Керенскому, слѣдуетъ уйти отъ власти, — и выслушалъ изложенный въ текстѣ отвѣтъ. Знающимъ психологію Керенскаго извѣстно, что онъ любилъ прибѣгать къ такого рода искушающимъ вопросамъ.

министромъ, . . . чтобы сдѣлать ее пріемлемой для ставки, для общественнаго мнѣнія и для меня".

Корниловъ въ своемъ показаніи передаетъ это рѣшеніе, очевидно, въ томъ видѣ, какъ ему представилъ его Савинковъ. „Въ 4 ч. было назначено засѣданіе Временнаго Правительства, докладъ мой которому, въ виду указаній управляющаго военнымъ министерствомъ Савинкова, что въ министерствѣ, по его указанію, разрабатывается рядъ проектовъ возстановленія боевой способности арміи и оздоровленія тыла, ограничился изложеніемъ общей обстановки на всѣхъ фронтахъ".

Нужно отмѣтить, что въ докладѣ 3-го Августа Корниловъ уже указалъ на грозившую опасность. „Я указалъ на возможность наступленія врага на Рижскомъ участкѣ; указалъ, что ударъ, по всей вѣроятности, будетъ нанесенъ въ раіонѣ Икскюля; что мѣры противодѣйствія приняты, но въ виду нашей малой устойчивости вообще, и арміи сѣверо-западнаго фронта въ особенности, намъ, по всей вѣроятности, не удастся удержать противника".

Въ ночь на 4-е Августа Корниловъ выѣхалъ въ ставку, предоставивъ Филоненко и Савинкову переработку своего доклада въ министерствѣ. Онъ предупредилъ при этомъ, что пріѣдетъ опять въ Петроградъ для обсужденія переработанной такимъ образомъ записки. Пріѣздъ этотъ намѣчался черезъ недѣлю. Но въ промежуткѣ произошли новыя событія, которыя еще болѣе обострили отношенія между Корниловымъ и Керенскимъ.

Тотчасъ послѣ свиданія 3-го Августа лѣвая печать начала энергическую кампанію противъ Корнилова. Извѣстныя уже намъ сообщенія Савинкова, что вопросъ объ отставкѣ Корнилова стоитъ серьезно, конечно, не могли не дойти до ставки. Въ ставкѣ и въ кругахъ ей дружественныхъ, эти слухи вызвали чрезвычайное волненіе. Это отразилось въ рядѣ постановленій, принятыхъ въ тѣ дни совѣтомъ союза казачьихъ войскъ, (6-го Августа), союза офицеровъ арміи и флота (7-го Августа) и союза георгіевскихъ кавалеровъ (8-го Августа). Совѣтъ союза казач. войскъ постановилъ довести до свѣдѣнія правительства, военнаго министра и печати, что „ген. Корниловъ не можетъ быть смѣненъ, какъ истинный народный вождь, и, по мнѣнію большинства населенія, единственный генералъ, могущій возродить боевую мощь арміи и вывести страну изъ тяжелаго положенія". Совѣтъ с. к. в. „заявлялъ громко и твердо о полномъ и всемѣрномъ подчиненіи сво-

ему вождю-герою“ и „считалъ нравственнымъ долгомъ заявить Врем. Правительству и народу, что онъ *снимаетъ съ себя* возложенную на него *отвѣтственность за поведенiе казачьихъ войскъ* на фронтѣ и въ тылу *при смѣнѣ ген. Корнилова*“. Эта смѣна, продолжалъ совѣтъ, „неизбѣжно внушитъ казачеству пагубную мысль о безполезности дальнѣйшихъ казачьихъ жертвъ, въ виду явнаго нежеланiя власти спасти родину, честь армiи и свободу народа дѣйствительными мѣрами“. Союзъ офицеровъ, протестуя противъ „беззастѣнчивой травли“ Корнилова „безотвѣтственными людьми, врагами родины, не только растлившими армiю, но и доведшими до гибели всю страну“, возлагалъ „всѣ свои надежды на любимаго вождя“, также „не допускалъ возможности вмѣшательства въ его, утвержденныя правительствомъ, дѣйствiя какихъ бы то ни было лицъ и учрежденiй“, и изъявлялъ готовность „всемѣрно поддерживать его законныя требованiя до послѣдней капли крови“. Въ засѣданiи георгiевскихъ кавалеровъ была прочитана резолюцiя совѣта казачьихъ войскъ о несмѣняемости Корнилова, и совѣщанiе, послѣ ряда рѣчей, постановило „всецѣло присоединиться къ резолюцiи и твердо заявить Временному Правительству, что, если оно допуститъ восторжествовать клеветѣ и ген. Корниловъ будетъ смѣщенъ, союзъ георгiевскихъ кавалеровъ немедленно отдастъ боевой кличъ всѣмъ георгiевскимъ кавалерамъ о выступленiи совмѣстно съ казачествомъ“.

Тревожное настроенiе царило въ эти дни и въ ставкѣ. „7-го Августа“, разсказываетъ Корниловъ, „помощникъ комиссара Врем. Правительства при верх. главнокомандующемъ, Фонвизинъ, предупредилъ меня, что, по свѣдѣнiямъ изъ Петрограда, вопросъ о моей отставкѣ *рѣшенъ окончательно. Я заявилъ, что такая мѣра* врядъ ли будетъ полезной, такъ какъ *можетъ вызвать важныя волненiя*“. На слѣдующiй день, 8-го, Фонвизинъ спросилъ по аппарату Филоненко, „не состоялась ли отставка ген. Корнилова“, о чемъ въ тотъ день распространились слухи въ ставкѣ. Прiѣхавъ послѣ этого въ Петроградъ, Фонвизинъ разсказывалъ, что въ послѣднiе дни „сильно возросло влiянiе на ген. Корнилова штаба, *стремящагося толкнуть его на шаги, могущiе повлечь печальныя послѣдствiя*“, въ связи съ слухами объ его отставкѣ. „Ген. Корниловъ подъ влiянiемъ штаба и всей совокупности слуховъ *опасался какого то непредвидѣннаго дѣйствiя относительно него* и не желалъ, повидимому, покидать ставку“. Онъ предупредилъ Врем.

Правительство, что „могутъ случиться такія событія на фронтѣ, которыя заставятъ его, по стратегическимъ причинамъ, отказаться отъ пріѣзда и сдѣлать докладъ по телеграфу".

Филоненко испугался тогда за судьбу „своего" доклада, который могъ быть замѣненъ „докладомъ въ духѣ ставки". Савинковъ испугался за судьбу всей своей политики сближенія Корнилова съ Керенскимъ. Какъ разъ въ эти дни онъ натолкнулся на то „пассивное сопротивленіе", которое обыкновенно Керенскій противопоставлялъ непріятнымъ для него предложеніямъ. Чѣмъ болѣе онъ настаивалъ, чтобы Керенскій ознакомился съ составляемой у него запиской, тѣмъ болѣе настораживался и отмалчивался Керенскій. Наконецъ, 8-го Августа, онъ „категорически заявилъ" Савинкову, по показанію послѣдняго, (совершенно совпадающему съ показаніемъ Керенскаго), „что онъ ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ такой докладной записки не подпишетъ". „Послѣ этого его заявленія", прибавляетъ Савинковъ, „я сказалъ, что въ такомъ случаѣ докладную записку во Врем. Правительство представитъ ген. Корниловъ (какъ главковерхъ), — и я подалъ въ отставку". Борьба, такимъ образомъ, принимала рѣшительный оборотъ, — а Корниловъ въ это самое время отказывался пріѣхать въ Петроградъ. „Мы", говорилъ Филоненко, разсчитывали на Лавра Георгіевича, какъ на каменную гору; на томъ докладѣ, который нами здѣсь приготовленъ и который мы имѣемъ предложить ему на подпись, и на обѣщаніи его пріѣхать мы основали *планъ рѣшительнаго боя*". „Нужно было, во что бы то ни стало, уговорить Корнилова измѣнить свое рѣшеніе". Въ этихъ уговорахъ, которые велись по прямому проводу 9-го Августа, ярко отразилось то общее пониманіе положенія, которое установилось между Корниловымъ и его друзьями изъ рядовъ „революціонной демократіи". Видна здѣсь также и та черта, которая ихъ, всетаки, раздѣляла.

„Ваше присутствіе завтра совершенно необходимо", говорилъ Савинковъ; „безъ вашей помощи я не буду въ силахъ отстоять то, что вы и я считаемъ правильнымъ". „Мои заявленія правительству сдѣланы", отвѣчалъ Корниловъ, и „отклоненій во взглядахъ своихъ я не могу допустить тѣмъ болѣе, что событія, которыя теперь начинаютъ развиваться на фронтахъ, еще болѣе подтверждаютъ настоятельную необходимость намѣченныхъ мѣръ". „Тѣмъ нужнѣе вамъ быть въ Петроградѣ", возражалъ Савинковъ, „вѣдь событія эти въ будущемъ *могутъ быть предотвращены лишь*

съ перемѣной государственной политики. Завтра рѣшится вопросъ будетъ ли эта политика измѣнена безболѣзненно или нѣтъ" . . . „*Если вы лично* не поддержите меня завтра, то дѣло окончится лишь *моей отставкой, которая ознаменуетъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія страны нерѣшительность Врем. Правительства*, а это можетъ имѣть послѣдствія *тяжкія*, и, быть можетъ, непоправимыя *для свободы*, а значитъ, и для родины". „Если завтрашній день долженъ быть отмѣченнымъ измѣненіемъ нашей политики", выводитъ Корниловъ, „то... мое присутствіе на фронтѣ безусловно необходимо... *чтобы это измѣненіе прошло безболѣзненно* для страны. Я твердо убѣжденъ, что *только оставаясь здѣсь, при войскахъ*, я смогу сдержать то настроеніе, которое въ послѣдніе дни обозначилось очень рѣзко (очевидно, здѣсь разумѣется желаніе дать отставку Корнилову)... Я говорю это вамъ, учтя даже тѣ данныя, которыя *вамъ могутъ* быть не извѣстны". Савинковъ въ отвѣтъ пускаетъ въ ходъ послѣдній аргументъ. „Вы знаете мое уваженіе и привязанность къ вамъ... Я не уступлю ни въ чемъ. что было сказано между вами и мной. Но я говорю вамъ: я одинъ, безъ вашей помощи, отстоять завтра вашу и мою политику не въ силахъ... Не пріѣхавъ въ Петроградъ, вы сдѣлаете ошибку непоправимую, и *то, чего можно достигнуть безболѣзненно* для страны *не будетъ достигнуто*... Отъ васъ зависитъ дальнѣйшее теченіе дѣла".

Филоненко отъ этой общей схемы переходитъ къ деталямъ и личнымъ аргументамъ, преувеличивая, по обыкновенію, свою собственную роль въ дѣлѣ и стараясь подѣйствовать на Корнилова утрированными выраженіями. „Если завтра... Б. В. и я уйдемъ", то „вы, оставшись на полѣ дѣятельности, не имѣя насъ рядомъ, будете роковымъ и неизбѣжнымъ образомъ *возбуждать подозрѣніе* даже въ широкихъ кругахъ, и *тогда дѣло безъ ужаснаго столкновенія не обойдется*... Наша политическая окраска для васъ *тотъ щитъ въ бою*, который такъ же необходимъ, какъ и мечъ". Первый докладъ „не написанный, конечно, вами единолично", а „рожденный въ средѣ, и менѣе Вамъ преданной, и менѣе васъ знающей, и *менѣе, наконецъ, политически освѣдомленной*, чѣмъ ваши покорные слуги (разумѣется, конечно, штабъ), „заключалъ въ себѣ отдѣльныя слова и положенія, которыми провокаціонно могли воспользоваться противники, исказить слова и погубить существо ясно продуманной политической линіи"... Напротивъ „докладъ, который я завтра на-

мѣренъ былъ въ Павловскѣ представить на вашу подпись, есть документъ высоко-историческаго значенія, безконечно отвѣтственный и мы въ безсонныя ночи послѣднихъ дней продумали въ немъ каждое слово. Я потому предпочитаю, чтобы ваша подпись была на этомъ документѣ, а не на телеграфномъ докладѣ изъ ставки"... „Позвольте вамъ напомнить, что (мы съ Савинковымъ) раздѣлили уже однажды съ вами великую отвѣтственность за начало той политики, которой завершенія... мы ожидаемъ завтра". Полковника Голицына Филоненко убѣждалъ не давать возможности противникамъ „дешевой цѣной отсрочить ужасную безвыходную игру, которую мы предложимъ имъ завтра"...

Резоны Савинкова и самонадѣянность Филоненко, наконецъ, подѣйствовали на Корнилова. Онъ рѣшилъ ѣхать, видимо, расчитывая, по ихъ словамъ, что день 10-го Августа будетъ, въ самомъ дѣлѣ, рѣшающимъ днемъ. Какой пріемъ его ожидалъ, видно уже изъ того, что Керенскій, узнавъ о настояніяхъ Савинкова, послалъ безъ вѣдома послѣдняго, Корнилову въ дорогу телеграмму, въ которой заявлялось: „Временное Правительство васъ не вызывало, не настаивало на вашемъ пріѣздѣ и не беретъ за него никакой на себя отвѣтственности въ виду стратегической обстановки". Эту телеграмму Корниловъ получилъ уже въ Петроградѣ. На вокзалѣ его встрѣтили Савинковъ и Филоненко и вручили ему передѣланный ими докладъ, въ которомъ надъ ихъ подписями было оставлено мѣсто для подписи Корнилова. Корниловъ взялъ документъ, не читая, и поѣхалъ съ вокзала прямо къ Керенскому.

„Непредвидѣнное дѣйствіе", котораго опасались въ ставкѣ было предполагаемое покушеніе на жизнь верховнаго главнокомандующаго. Рѣшившись ѣхать, Корниловъ, всетаки, принялъ мѣры предосторожности. „Впереди ѣхалъ автомобиль съ пулеметами", разсказывалъ Керенскій объ этомъ его посѣщеніи", и сзади автомобиль съ пулеметами. Текинцы внесли два мѣшка съ пулеметами и положили въ вестибюлѣ... Затѣмъ взяли, когда стали уѣзжать. Вотъ насколько съ его стороны было дружеское отношеніе", раздраженно замѣчаетъ Керенскій.*)

Тонъ и содержаніе разговора, разумѣется, соотвѣтствовали этой внѣшности визита. Въ концѣ бесѣды уже самъ Корниловъ сказалъ Керенскому, что до него дошли слухи о предстоящей его отставкѣ, что онъ этимъ слухамъ не вѣритъ, но, если бы оказалось,

---

*) Дѣло Корнилова, стр. 52—53.

что они имѣютъ основанiе, то онъ не *совѣтуетъ* Керенскому приводить это намѣренiе въ исполненiе.*)

Керенскiй, съ своей стороны, принялъ вызовъ Савинкова и рѣшилъ про себя, во всякомъ случаѣ, не допустить прочтенiя Корниловымъ его доклада передъ Временнымъ Правительствомъ. Формальное основанiе для этого нетрудно было найти. Бѣгло просмотрѣвъ записку, Керенскiй замѣтилъ въ ея новой редакцiи отдѣлы, которыхъ не было въ прежней и которые возбуждали очень спорные вопросы о милитаризацiи желѣзныхъ дорогъ и заводовъ. Трудно понять, какимъ образомъ Филоненко могъ думать что, вводя эти отдѣлы, онъ прикрылъ Корнилова „щитомъ" своей демократической репутацiи. Какъ разъ для „революцiонной демократiи" постановка обоихъ вопросовъ въ новой запискѣ была совершенно невозможная. Но у Керенскаго имѣлось еще болѣе удобное возраженiе. Онъ просто видѣлъ эту записку впервые; потому впервые, что упорно уклонялся отъ ея детальнаго обсужденiя съ Савинковымъ. Какъ бы то ни было, формально Керенскiй былъ правъ, когда доказывалъ Корнилову, что „до его подробнаго ознакомленiя эта записка не можетъ обсуждаться во Врем. Правительствѣ".

Выслушавъ заявленiе Керенскаго, что записка ему неизвѣстна и что онъ не уполномочивалъ Савинкова приглашать Корнилова, Корниловъ „пожелалъ предварительно объясниться" съ Савинковымъ. Онъ „взялъ записку и уѣхалъ". По показанiю Керенскаго, „вечеромъ онъ вернулся съ совершенно измѣнившимся настроенiемъ и заявилъ, что вполнѣ присоединяется къ Савинкову и Филоненко и докладъ уже подписалъ.

Тогда Керенскiй пошелъ на компромиссъ. Во Временномъ Правительствѣ докладъ не былъ прочитанъ; этой своей побѣдой Керенскiй открыто хвастался и въ демократическомъ совѣщанiи и въ своихъ показанiяхъ **).

Но онъ былъ прочитанъ тутъ же, въ Зимнемъ Дворцѣ, въ частномъ совѣщанiи „трiумвирата": Некрасова, Терещенко и Керенскаго. Послѣднiй молчалъ; Некрасовъ доказывалъ Корнилову спорность той части его мѣръ, которая касалась фабрикъ и

*) Эта часть разговора разсказана мнѣ двукратно самимъ Корниловымъ.

**) Дѣло Корнилова, стр. 54: „и всетаки то, что я сказалъ, случилось: доклада 10-го Августа во Врем. Правительствѣ не было. Докладъ былъ здѣсь (въ Зимнемъ Дворцѣ) вечеромъ".

желѣзныхъ дорогъ, говорилъ ему — совершенно справедливо —, что уже члены Гос. Думы и военно-промышленнаго комитета остановились передъ подобными мѣрами, когда онѣ были предложены до революціи. Въ концѣ концовъ Корниловъ согласился на то, чтобы въ засѣданіи Временнаго Правительства его записка была прочитана въ первой редакціи (той, которую Керенскій 3-го Августа находилъ непріемлемой, но въ которой не было этихъ „нелѣпыхъ“ прибавленій). Савинковъ сдѣлалъ было попытку принять участіе въ этомъ совѣщаніи съ „тріумвиратомъ“. Но Керенскій, заявившій въ своихъ показаніяхъ, что эта попытка Савинкова „была явно сдѣлана въ разсчетѣ на мою мягкость“,— его не принялъ. По его словамъ, онъ „не далъ также оффиціальнаго движенія“ прошенію Савинкова объ отставкѣ 8-го Августа „надѣясь, что онъ образумится“ и „угрозы“ своей „Корниловымъ не приведетъ въ исполненіе“. „Когда же Корниловъ пріѣхалъ и сталъ выполнять задачу Савинкова“, продолжаетъ Керенскій, то „я отставку Савинкова подписалъ, при чемъ предупредилъ его черезъ Терещенко, чтобы онъ ко мнѣ въ этотъ день не являлся“. Формальной причиной отставки было нарушеніе Савинковымъ служебной дисциплины, выражавшееся въ томъ, что онъ подписалъ докладъ. Корниловъ съ своей стороны немедленно прикрылъ собой Савинкова, заявивъ черезъ печать, что считаетъ отставку Савинкова „крайне нежелательной“.

Ближайшимъ поводомъ къ начавшейся такимъ образомъ открытой борьбѣ было, какъ видимъ, упорное нежеланіе Керенскаго, чтобы докладъ Корнилова читался во Временномъ Правительствѣ. Естественно, что Временное Правительство, по крайней мѣрѣ въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ членовъ, не могло остаться равнодушнымъ къ этому странному отношенію министра-предсѣдателя къ ихъ правамъ. И возраженіе не замедлило: оно было сдѣлано тѣмъ изъ министровъ, который всего чувствительнѣе относился къ правамъ высшей власти и къ своей личной отвѣтственности, какъ члена правительственной коллегіи. „11-го Августа утромъ“, разсказываетъ Керенскій, „ко мнѣ явился Кокошкинъ съ заявленіемъ о томъ, что сейчасъ же выйдетъ въ отставку, если не будетъ сегодня же принята программа Корнилова“. Это была послѣ Савинкова и Корнилова, третья и послѣдняя попытка оказать давленіе на Керенскаго въ наиболѣе жизненномъ вопросѣ момента.

По признанію Керенскаго, заявленіе Кокошкина „произвело на него ошеломляющее впечатлѣніе“. Онъ не могъ не отдать справедливости побужденіямъ Кокошкина. „Утреннее свиданіе 11-го Августа съ Кокошкинымъ“, разсказываетъ онъ въ комментаріяхъ къ своимъ показаніямъ, „было однимъ изъ самыхъ бурныхъ моихъ политическихъ столкновеній, но сейчасъ мнѣ радостно вспомнить то страстное горѣніе глубокой любви къ родинѣ, которое чувствовалось въ тайникахъ души моего противника“. Были и другія основанія, которыя заставляли Керенскаго отнестись внимательно къ заявленію своего коллеги. „Надо вспомнить исключительное напряженіе политическихъ страстей передъ Московскимъ Совѣщаніемъ“, напоминаетъ онъ. „Выходъ группъ министровъ изъ Временнаго Правительства (такъ какъ за Кокошкинымъ, вѣроятно, послѣдовали бы остальные министры к.-д.) наканунѣ открытія Всероссійскаго Совѣщанія ... изъ за корниловскихъ „требованій“ сдѣлалъ бы дальнѣйшее сохраненіе національнаго равновѣсія невозможнымъ“. Керенскій былъ увѣренъ, что „большевики справа“ этимъ „могли бы воспользоваться для подготовлявшейся попытки создать на Московскомъ Совѣщаніи, такъ называемую, сильную власть, во всякомъ случаѣ отклонить правительственный курсъ вправо“. Онъ даже и настойчивость Савинкова и Корнилова объяснялъ, какъ попытку „срыва“ Московскаго Совѣщанія. И Кокошкинъ получилъ обѣщанія, которыя дали ему возможность не настаивать на своей немедленной отставкѣ. „За нѣсколько часовъ до отъѣзда въ Москву“, разсказываетъ Керенскій „во Врем. Правительствѣ *обсуждалась* военная часть правительственнаго выступленія. Прежде всего было предложено заслушать докладную записку Верх. Главнокомандующаго. По оглашеніи записки (въ ея первой редакціи) началось ея очень острое обсужденіе. Тогда я предложилъ свою формулировку программныхъ пунктовъ... Моя формулировка согласила мнѣнія министровъ (за исключеніемъ смертной казни въ тылу)... Было рѣшено принципіально признать возможнымъ примѣненіе тѣхъ или другихъ мѣръ до смертной казни въ тылу включительно, но проводить ихъ въ жизнь лишь по обсужденіи въ законодательномъ порядкѣ каждой данной конкретной мѣры. Такимъ образомъ, на Московскомъ Совѣщаніи я говорилъ о смертной казни *условно*, потому что не только не было единомыслія „за“, но было *почти* вѣрное большинство „*противъ*“ этой мѣры... Я лично былъ рѣшительнымъ

противникомъ введенія смертной казни въ тылу, считалъ совершенно невозможнымъ привести въ исполненіе смертный приговоръ гдѣ нибудь въ Москвѣ или въ Саратовѣ, въ условіяхъ свободной политической жизни.

Итакъ, соглашеніе между членами правительства по вопросу о Корниловскихъ „требованіяхъ" съ грѣхомъ пополамъ состоялось. Корниловъ не могъ дожидаться этого окончательнаго обсужденія въ послѣднюю минуту—и уѣхалъ на фронтъ, въ убѣжденіи, что онъ сможетъ сдѣлать свой докладъ, не заслушанный въ его присутствіи правительствомъ, прямо въ самомъ Московскомъ Совѣщаніи. Докладъ получалъ, такимъ образомъ, значеніе апелляціи къ странѣ на Керенскаго, который тормозилъ дѣло, — все равно по принципіальнымъ или личнымъ, по дѣловымъ или политическимъ соображеніямъ. Кромѣ поединка между „революціонной демократіей" и „буржуазіей", въ Москвѣ, очевидно, должно было произойти столь же открытое состязаніе (исключительно словесное, вопреки страхамъ Керенскаго, между Корниловымъ и Керенскимъ.

V. МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

Требованіе съѣзда „Общественныхъ Дѣятелей". Позиція совѣтскихъ партій (программа 14-го Августа). Политическое значеніе Московскаго Совѣщанія. Керенскій на Совѣщаніи. Рѣчи другихъ министровъ. Генералы на Совѣщаніи. Состязаніе лидеровъ партій. Конецъ и итоги Совѣщанія.

Политическая позиція несоціалистическихъ общественныхъ группъ передъ самымъ Государственнымъ Совѣщаніемъ была ярко и опредѣленно подчеркнута т. наз. „малымъ" совѣщаніемъ общественныхъ дѣятелей, собравшихся въ Москвѣ 8-го Августа. Составъ совѣщанія былъ, по опредѣленію докладчика организаціоннаго комитета, кн. Е. Н. Трубецкого, „глубоко безпартійный". Въ числѣ трехсотъ слишкомъ членовъ его были представители самыхъ разнообразныхъ политическихъ группъ и общественныхъ теченій, начиная отъ кооператора Чаянова и кончая землевладѣльцемъ кн. Крапоткинымъ. Общею мыслью и общимъ чувствомъ, ихъ собравшимъ, было „созданіе сильной и національной власти, которая спасетъ единство Россіи", какъ совершенно вѣрно подчеркнулъ кн. Трубецкой во вступительномъ докладѣ. Эта положительная программа опредѣляла и отрицательную: борьбу съ вліяніемъ совѣтовъ на правительство. Во имя того и другого классовые интересы торговли и промышленности объединились съ „людьми государственной мысли" и съ „водителями славной русской арміи". Соединеніе этихъ трехъ элементовъ—торгово-промышленниковъ, профессорской и писательской интеллигенціи и выдающихся военныхъ авторитетовъ (Алексѣевъ, Брусиловъ, Калединъ, Юденичъ) составляло самую характерную черту малаго совѣщанія. Гвоздемъ его явился, неожиданно для всѣхъ, обстоятельный докладъ генерала Алексѣева, объективно и убѣдительно излагавшій трагическую исторію развала русской арміи. Совѣщаніе постановило опубликовать этотъ докладъ (это было потомъ замѣнено повто-

реніемъ доклада, съ небольшими измѣненіями, ген. Алексѣевымъ на Государственномъ Совѣщаніи). На слѣдующій день обсужденіе доклада П. Б. Струве объ экономическомъ и финансовомъ положеніи Россіи было прервано появленіемъ представителей казачества, огласившихъ резолюцію совѣта союза казачьихъ войскъ о Корниловѣ. Настроеніе, созданное этимъ выступленіемъ, выразилось въ телеграммѣ, посланной ген. Корнилову за подписью М. В. Родзянко, который предсѣдательствовалъ на совѣщаніи. Привѣтствуя Корнилова, совѣщаніе заявляло, что „всякія покушенія на подрывъ его авторитета въ арміи и Россіи считаетъ преступными и присоединяетъ свой голосъ къ голосу офицеровъ, георгіевскихъ кавалеровъ и казачества". „Въ грозный часъ тяжелаго испытанія", говорилось въ телеграммѣ", вся мыслящая Россія смотритъ на Васъ съ надеждой и вѣрой".

Послѣ двухдневныхъ преній совѣщаніе приняло 1-го Августа обширную резолюцію, въ которой подведенъ былъ общій итогъ всѣмъ разрушеніямъ, произведеннымъ въ государственной и народной жизни отрицательными сторонами революціоннаго процесса. Армія обезсилена полнымъ исчезновеніемъ дисциплины и „зависимостью отъ выборныхъ военныхъ организацій". „Великія задачи войны и связанныя съ нашей побѣдой неизмѣнные интересы Россіи затемнены въ сознаніи солдатскихъ массъ коварными увѣреніями, что намъ не за что воевать, что вина за эту войну падаетъ не на нашего врага, а на правительства нашихъ союзниковъ". Въ странѣ нѣтъ власти, ибо органы ея на мѣстахъ исчезли въ первые дни революціи, а замѣнившія ихъ самочинныя организаціи... не обезпечиваютъ... самыхъ основныхъ условій охраны личной и имущественной безопасности". „Въ странѣ нѣтъ суда и закона, ибо то и другое замѣнено усмотрѣніемъ тѣхъ же организацій". Правильный кругооборотъ хозяйственной жизни нарушенъ . . . пониженіемъ производительности труда и захватными стремленіями отдѣльныхъ группъ . . . „Въ промышленности и земледѣліи эти стремленія приводятъ къ расхищенію національнаго капитала . . . , подрывая народное продовольствіе. Этотъ разгулъ частныхъ интересовъ . . . торжествуетъ въ такое время, когда условія войны повелительно требуютъ . . . высшаго самоотреченія и самопожертвованія . . . Значительная часть населенія оторвана отъ производительнаго труда и поѣдаетъ государственныя средства. Въ итогѣ, при обиліи денежныхъ знаковъ исче-

заютъ товары, голодъ и холодъ грозятъ городскому населенію, замираетъ промышленность, останавливаются перевозки". „Народности . . . предъявляютъ требованія, далеко превышающія ихъ дѣйствительныя нужды, избирая минуты смертельной опасности, грозящей общей родинѣ, чтобы разорвать вѣковыя связи съ нею".

Гдѣ „причины и корень зла?" Резолюція отвѣчаетъ: это — „подмѣна великихъ общенаціональныхъ задачъ революціи—мечтательными стремленіями партій, принадлежащихъ къ соціалистическимъ, но забывшихъ начала собственнаго ученія и повторяющихъ ошибки, болѣе вѣка и полувѣка назадъ продѣланныхъ ихъ предшественниками на западѣ". Резолюція прямо указываетъ на полное соотвѣтствіе того, что дѣлаютъ эти заблуждающіеся люди съ намѣреніями непріятеля. „Въ слѣпомъ увлеченіи отвлеченными теоріями они не видятъ, что ведутъ насъ по пути, желанному для врага... Разлагая армію и флотъ, обостряя вражду между классами, создавая безвластіе въ странѣ, потворствуя чрезмѣрнымъ стремленіямъ народностей и тѣмъ невольно готовя въ самые дни непріятельскаго нашествія — волненія и возстанія въ тылу нашихъ войскъ, вселяя недовѣріе къ силамъ свободной Россіи, и тѣмъ ослабляя ихъ готовность къ поддержкѣ, они шагъ за шагомъ осуществляютъ хитро задуманный планъ непріятеля.

Послѣ 3—5 Іюля, собственно можно было бы говорить не только о „слѣпомъ увлеченіи", о „заблужденіяхъ" и „увлеченіяхъ", о „невольномъ" содѣйствіи врагу. Фактъ подкупа вліятельнѣйшихъ вождей революціи германскими деньгами былъ установленъ оффиціальной слѣдственной властью; хотя и не были еще обнародованы тѣ данныя, иностранной развѣдки, которыя стали извѣстны впослѣдствіи, въ началѣ 1918 г. Но резолюція общественныхъ дѣятелей предпочитала не будить страстей введеніемъ спорныхъ моментовъ, а утверждать лишь объективно безспорное. Приведенное изложеніе фактовъ и ихъ причинъ приводило совѣщаніе къ рѣшительному утвержденію, что „страна, идущая этимъ путемъ, роковымъ образомъ приближается къ собственной гибели и правительство, сознающее свой долгъ передъ страной, должно *признать, что оно вело страну по ложному пути*, который долженъ быть немедленно покинутъ". „Время не ждетъ и медлить нельзя. Правительство должно *немедля и рѣшительно порвать со служеніемъ утопіямъ, которыя оказывали пагубное вліяніе на его дѣятельность*. Оно должно начать самую энергичную борьбу

съ ядовитыми всходами этого посѣва во всѣхъ областяхъ народной жизни: въ арміи и флотѣ, во внѣшней политикѣ, въ соціальныхъ отношеніяхъ, въ промышленности и финансахъ, въ земельномъ и національномъ вопросахъ". Во всѣхъ этихъ областяхъ государственной жизни совѣщаніе общественныхъ дѣятелей набрасызало программу политическихъ задачъ, совпадавшую съ требованіями, предъявленными А. Ф. Керенскому при формированіи кабинета членами партіи народной свободы и кандидатами торгово-промышленнаго класса. „Пусть въ войскахъ будутъ возстановлены дисциплина и полнота власти команднаго состава, пусть возродится пониманіе національныхъ интересовъ Россіи и вѣра въ ея доблестнныхъ союзниковъ, теперь особенно необходимыхъ ей въ дни ея временной слабости. Пусть центральная власть, единая и сильная, покончитъ съ системой безотвѣтственнаго хозяйничанья коллегіальныхъ учрежденій въ области государственнаго управленія. Пусть возстановитъ свои органы на мѣстахъ и черезъ ихъ посредство прекратитъ безначаліе и хаосъ, обезпечитъ личность и собственность, обезпечитъ пользованіе гражданскими и политическими правами, пріобрѣтенными революціей. Пусть въ сознаніи общей опасности извнѣ и великихъ задачъ національнаго освобожденія внутри прекратится злоба и ненависть классовой розни, пусть возстановится національное единеніе на почвѣ общихъ жертвъ для родины, на началахъ равенства и братства. Пусть требованія отдѣльныхъ народностей введены будутъ въ законные и справедливые предѣлы, не угрожающіе разрушеніемъ національнаго единства. Пусть предоставлено будетъ Учредительному Собранію установить основныя начала государственнаго бытія Россіи и провести коренныя соціальныя реформы. Пусть до тѣхъ поръ ни одна часть народа не заявляетъ претензіи выражать волю всего народа.

Какое правительство можетъ осуществить эту программу? Резолюція отвѣчала: только то, „которое не заслоняетъ этихъ всенародныхъ задачъ партійными,... которое рѣшительно порветъ со всѣми слѣдами зависимости отъ какихъ бы то ни было комитетовъ и совѣтовъ и другихъ подобныхъ организацій". „Только такое правительство можетъ... объединить вокругъ себя *не одни только верхи общественности*, *связанные партійными лозунгами, а широкія, пока еще неорганизованныя народныя массы*. Только оно, наконецъ, можетъ *обезпечить населенію полную свободу*

выборовъ въ Учредительное Собраніе, призванное выразить подлинную народную волю". Въ заключеніе резолюція вспоминала что именно въ Москвѣ, 300 лѣтъ назадъ, „въ годину внутренней разрухи и иноземнаго плѣна", пришли спасать ее „послѣдніе, мизинные люди", и къ нимъ обращалась съ призывомъ „бросить малодушіе, разсѣять дьявольскій туманъ, которымъ врагъ хотѣлъ заслѣпить очи", и въ порывѣ „жертвеннаго подвига„ „вернуть Россіи ея крѣпкую волю стать счастливой и великой".

Какъ отнеслась къ этой платформѣ, впервые выставленной отъ имени широкаго фронта несоціалистическихъ группъ населенія, „революціонная демократія" совѣтовъ? Платформа „буржуазіи" сама по себѣ отнюдь не противополагала себя „демократической" платформѣ. Она исключала только утопическіе элементы соціалистическихъ платформъ. Хотя у не-соціалистическихъ группъ —и прежде всего у партіи народной свободы, единственной „демократической " въ ихъ средѣ — и не было надежды убѣдить въ чемъ либо „революціонную демократію", тѣмъ не менѣе не изъ этой среды шло желаніе сорвать Московское Государственное Совѣщаніе. „Буржуазія" шла на это совѣщаніе съ самыми примирительными намѣреніями. Въ докладахъ кн. Е. Н. Трубецкого и П. Б. Струве было категорически указано, что дѣло идетъ не о борьбѣ съ „демократизмомъ" и даже „соціализмомъ", а о возстановленіи истиннаго значенія этихъ лозунговъ, затемненныхъ партійными и демагогическими злоупотребленіями. Рѣшеніе съѣзда кооператоровъ—выйти изъ свойственнаго коопераціи состоянія нейтралитета и занять въ политической борьбѣ позицію, независимую отъ позиціи совѣтовъ и утопическаго соціализма, давало даже нѣкоторую надежду, что въ Государственномъ Совѣщаніи найдется большинство, могущее поддержать общенаціональную демократическую платформу.

Но позиція совѣтскихъ соціалистическихъ партій оказалась иная. Созывъ Московскаго Совѣщанія не входилъ въ намѣренія этихъ партій и былъ неудобенъ для умѣреннаго совѣтскаго большинства, какъ неудобно всякое гласное обсужденіе среднихъ компромиссныхъ позицій съ политическими противниками.

Трудность положенія совѣтскаго большинства увеличилась, когда крайняя лѣвая печать начала протестовать противъ Московскаго Совѣщанія, какъ противъ хитрой попытки правительства создать себѣ поддержку среди буржуазнаго большинства и, при

его содѣйствіи, вырвать у совѣтовъ монополію представительства общественнаго мнѣнія. Большевики рѣзко протестовали противъ участія „революціонной демократіи" въ этомъ „обманѣ" и настроили рабочія массы противъ Государственнаго Совѣщанія. Дни совѣщанія предлагалось ознаменовать уличными выступленіями и забастовками протеста. Совѣтское большинство не могло стать на эту точку зрѣнія, если хотѣло поддерживать коалиціонное правительство. И совѣтъ р. и с. д. постановилъ участвовать въ Государственномъ Совѣщаніи. Но делегаты совѣта шли туда съ тѣмъ, *„чтобы защищать намѣченный революціонной демократіей путь* спасенія изнемогающей родины". Это значило, что платформой, съ которой явятся представители совѣтовъ, будетъ пресловутая декларація 8-го Іюля, т. е., — та самая спорная платформа, которая „была провозглашена революціонной диктатурой изъ пяти министровъ-соціалистовъ", какъ своевременно напомнило объ этомъ „Дѣло Народа" (16-е Августа).

Правда, что и въ этомъ лагерѣ *вожди* шли на Московское Совѣщаніе съ примирительными цѣлями. Поэтому платформа 8-го Іюля была переработана въ несомнѣнномъ расчетѣ на то, что „демократическіе" элементы „буржуазіи" смогутъ ее принять. Вожди „революціонной демократіи", склонившіе совѣты идти на Государственное Совѣщаніе въ Москву, смотрѣли на это совѣщаніе, какъ на всероссійскій экзаменъ несоціалистической „демократіи". Вотъ почему они развернули платформу 8-го Іюля въ обширную программу, мѣстами детально разработанную спеціалистами. Программа эта, оглашенная Чхеидзе съ трибуны Государственнаго Совѣщанія 14-го Августа, состояла, кромѣ длиннаго предисловія и послѣсловія, изъ семи отдѣловъ, въ которыхъ трактовались 1)—вопросы продовольствія и снабженія, 2) — торгово-промышленные, 3) — финансовые, 4) — земельные, 5) — организація арміи, 6) — мѣстнаго управленія и самоуправленія, и 7) — національные вопросы.

Предисловіе программы 14-го Августа рисовало положеніе страны въ краскахъ, не менѣе мрачныхъ, чѣмъ резолюція малаго совѣщанія общественныхъ дѣятелей. Мы видѣли, что эта резолюція видѣла причины распада арміи и страны въ ошибочной тактикѣ „революціонной демократіи". Этому обвиненію программа 14-го Августа противопоставляетъ попытку самооправданія. Революціонная демократія „не стремилась къ власти, не желала моно-

поліи для себя". „Она была готова поддерживать всякую власть, способную охранять интересы страны и революціи". „Она стремилась организовать и дисциплинировать народныя массы для государственнаго творчества, направлять стихійныя стремленія народа-гиганта, сбрасывающаго вѣковыя цѣпи, въ русло правомѣрности, работать надъ возстановленіемъ боеспособности арміи, . . . организовать народное хозяйство, . . . интересы цѣлаго . . . ставить выше интересовъ отдѣльныхъ классовъ. . ." Но она натолкнулась на „безчисленныя затрудненія": „отсутствіе навыковъ къ организованной дѣятельности", у массъ „противодѣйствіе", которое" „она, встрѣтила со стороны защитниковъ привилегій и своекорыстія". „Явленіе разложенія арміи" и „анархическія вспышки" предисловіе объясняло „гибельнымъ наслѣдіемъ стараго режима". При этомъ высказывалось подозрѣніе, что „явные и скрытые враги революціи „сознательно хотятъ вернуть революціонную страну" къ старымъ порядкамъ. При такихъ условіяхъ „демократія неотдѣлима отъ революціонной страны", и правительство „обязано опираться на демократическія организаціи". „Всякая попытка разрушить ихъ, подорвать ихъ значеніе, вырыть пропасть между ними и властью" — есть „не только измѣна революціи. Это есть прямое предательство родины". А скрѣпить связь между властью и „демократическими организаціями" можетъ только „болѣе рѣшительное и послѣдовательное проведеніе въ жизнь программы 8-го Іюля". Предисловіе подчеркиваетъ, что эта программа — компромиссная, что она „не выражаетъ всей полноты требованій демократическихъ классовъ". Совершенно въ духѣ ораторскихъ пріемовъ Церетели здѣсь утверждается, что программа 8-го Іюля — „не что иное, какъ развитіе программы 6-го Мая, на почвѣ которой создалась коалиція. "При этомъ совершенно забывается, что программа 8-го Іюля провозглашена не коалиціей, а „революціонной диктатурой пяти министровъ-соціалистовъ".

Въ дальнѣйшемъ, предисловіе уже переходитъ къ отдѣльнымъ пунктамъ программы 14-го Августа — къ военному вопросу, внѣшней политикѣ и вопросу объ упорядоченіи хозяйственной жизни. Во внѣшней политикѣ оно продолжаетъ требовать „отказа отъ всѣхъ имперіалистическихъ цѣлей и стремленія къ скорѣйшему достиженію всеобщаго мира на демократическихъ началахъ", продолжая мотивировать это требованіе необходимостью „поднять бодрость духа, энтузіазмъ и готовность къ великому самопожертвованію

революціонной арміи". Конечно, въ соотвѣтствіи съ этимъ трактуется и военный вопросъ. „Разлагать армію" можетъ только возвращеніе къ старымъ порядкамъ. Слѣдовательно, нужно не только не уничтожать армейскихъ „демократическихъ организацій", но, напротивъ, дать имъ „законодательное закрѣпленіе ихъ правъ" и „внушить всему командному составу" мысль о необходимости ихъ „дѣятельнаго участія" въ оздоровленіи арміи. „Лица, явно проявившія себя, какъ контръ-революціонеры", должны быть „удалены съ командныхъ постовъ" и „замѣщены лицами, выдвинувшимися изъ состава рядового офицерства". Программа 14-го Августа не рѣшается отвергать того требованія, чтобы „командному составу была предоставлена полная самостоятельность вь области оперативной и боевой дѣятельности, а также рѣшающее значеніе въ области строевой и боевой подготовки". Но она лишаетъ и эту уступку всякаго практическаго значенія, признавая „недопустимымъ возстановленіе дисциплинарной единоличной власти начальниковъ". Мысль Б. В. Савинкова о расширеніи института „комиссаровъ" находитъ свое отраженіе въ программѣ, но рѣшительно подчеркивается, что комиссары должны не замѣнять комитеты, а „быть поставлены въ тѣсную связь" съ ними. Ихъ права и обязанности должны быть „точно и опредѣленно разграничены". Ихъ главной миссіей долженъ быть строгій контроль надъ „примѣненіемъ чрезвычайныхъ мѣръ революціоннаго воздѣйствія", „чтобы не было увлеченія или злоупотребленія системой принужденія и репрессій", которая „разрушаетъ боевой духъ и боевую мощь арміи". Все это было полной противоположностью требованіямъ военныхъ авторитетовъ. Декларація сознавала возникшій отсюда конфликтъ и готова была принять въ немъ активное участіе, рѣшительно рекомендуя правительству „требовать отъ военныхъ властей безусловнаго подчиненія себѣ".

Въ вопросѣ о хозяйственной разрухѣ программа 14 го Августа продолжала демагогически противополагать „готовность демократіи на всякія жертвы для спасенія страны и революціи" — своекорыстнымъ „интересамъ привилегированныхъ и имущихъ, для которыхъ втеченіе трехъ лѣтъ самыя бѣдствія войны служили источникомъ безмѣрнаго обогащенія". При детальной разработкѣ относящихся сюда четырехъ отдѣловъ программы (1—4) эта тенденція, конечно, должна была столкнуться съ неумолимой дѣйствительностью, и пришлось сдѣлать послѣдней извѣстныя уступки.

Эта двойственность реалистическаго пониманія и партійной тенденціозности проходитъ красной нитью черезъ отдѣлы, посвященные продовольствію, снабженію, промышленности, финансамъ и земельному вопросу.

Признавая по первому вопросу необходимость сохранить твердыя цѣны на продукты сельскаго хозяйства, соглашаясь съ необходимостью привлечь, кромѣ коопераціи, также и „весь оставшійся частный торговый аппаратъ“ для успѣха продовольственной кампаніи, программа 14-го Августа признаетъ и необходимость регулировать заработную плату для установленія твердыхъ цѣнъ на продукты промышленности. Въ отдѣлѣ о промышленности программа не можетъ скрыть основного больного вопроса—о паденіи производительности промышленности. Она, конечно, въ первую очередь перечисляетъ всевозможныя причины упадка этой производительности, — „низкое техническое оборудованіе, крайнюю изношенность орудій производства, разстройство транспорта и снабженія сырьемъ, рѣзкое ухудшеніе питанія рабочихъ, измѣненіе состава рабочихъ, вслѣдствіе ряда мобилизацій“. Для устраненія этихъ причинъ рекомендуются со стороны государства установленіе контроля надъ производствомъ и дѣятельное вмѣшательство въ руководство предпріятіями вплоть до государственнаго синдицированія и введенія монополіи“, „при широкомъ участіи демократическихъ организацій“. Но затѣмъ программа, правда робко и стыдливо, подходитъ и къ основной соціальной причинѣ паденія производительности самого труда. „Поскольку паденіе производительности можетъ быть отнесено на счетъ *нерадѣнія* рабочихъ и проявленія *несознательности* рабочихъ массъ, рабочія организаціи съ еще *большей энергіей будутъ продолжать борьбу* съ этими проявленіями несознательности . . .“ Для этого они должны установить для каждаго предпріятія „минимумъ выработки“, „строго наблюдать за соблюденіемъ 8-ми часового рабочаго дня, съ допущеніемъ сверхурочныхъ работъ“, „всемѣрно содѣйствовать улаженію конфликтовъ . . . прибѣгая къ стачкѣ лишь послѣ исчерпанія всѣхъ другихъ средствъ“ и „рѣшительно осуждая насилія надъ членами фабрично-заводской администраціи“. „Въ случаѣ надобности“ предусматривалось даже „введеніе трудовой повинности“, долженствовавшее замѣнить „милитаризацію труда“. Этимъ пунктомъ удовлетворялось — условно, въ смягченной формѣ — требованіе крестьянскихъ депутатовъ.

Въ области финансовъ программа 14-го Августа повторяла требованія о взятіи съ имущихъ классовъ „безъ всякихъ урѣзокъ и послабленій“ всѣхъ прямыхъ налоговъ, введенныхъ правительствомъ, и о проведеніи, сверхъ того, „въ ближайшей очереди, исключительной мѣры — высокаго единовременнаго, поимущественнаго налога“. Но и тутъ дѣлалась неизбѣжная уступка дѣйствительности: „въ той мѣрѣ, въ какой обложеніе имущихъ классовъ и займы окажутся *недостаточными* для покрытія чрезвычайныхъ нуждъ государства“, признавалась „необходимость *повышенія* существующихъ налоговъ *на предметы массоваго потребленія* и установленія *новыхъ* . . . преимущественно въ видѣ финансовыхъ монополій“. Въ видѣ компенсаціи, программа требовала „принудительнаго размѣщенія займа (свободы)“. Считалось вопреки очевидному факту, засвидѣтельствованному министромъ-соціалистомъ Скобелевымъ, что „буржуазія“ не хочетъ подписываться на заемъ свободы. Въ дѣйствительности, не подписывалась именно „демократія“, судя по накопленію ея сбереженій въ ссудосберегательныхъ кассахъ. Затѣмъ выдвигалось явно неосуществимое, при денежныхъ потребностяхъ „демократіи“, требованіе: „доведеніе до минимума выпуска кредитныхъ билетовъ“ и „строгой экономіи въ расходахъ государственнаго казначейства“. Большевики должны были быть удовлетворены введеніемъ излюбленнаго требованія Ленина, чтобы „частныя кредитныя учрежденія были подчинены строгому контролю, чтобы ихъ политика не шла въ разрѣзъ съ интересами государства“.

По земельному вопросу „революціонная демократія“ была въ затруднительномъ положеніи. „Селянскій министръ“ Черновъ передъ самымъ Государственнымъ Совѣщаніемъ внесъ въ правительство проектъ превращенія крестьянскаго землевладѣнія въ соціалъ-революціонное „землепользованіе“. Но и соціалъ-демократы, и само правительство отгораживались отъ Чернова. Программа по земельному вопросу вышла изъ затрудненія путемъ „неопредѣленности и гибкости формулировки“. Въ ней осуждались „всякіе захваты земель“, ибо они вызываютъ столкновенія и споры, затрудняющіе организацію снабженія и препятствующіе планомѣрному рѣшенію земельнаго вопроса въ Учредительномъ Собраніи“. Формула передачи земель въ „вѣдѣніе“ земельныхъ комитетовъ была взята изъ постановленій главнаго комитета. „Безъ

нарушенія существующихъ формъ землевладѣнія, земли отдавались для наиболѣе полнаго использованія ихъ".

Наконецъ, платформа 14-го Августа высказалась еще по двумъ кардинальнымъ вопросамъ „общенаціональной платформы": о „мѣстномъ самоуправленіи и управленіи" и по „національному вопросу". По первому пункту „революціонная демократія" заняла позицію, рѣзко противоположную „общественнымъ дѣятелямъ". Органамъ мѣстнаго *самоуправленія* „не должны противостоять *никакіе иные* органы мѣстнаго *управленія*". Центральной власти принадлежитъ „лишь надзоръ за законностью дѣйствій мѣстныхъ самоуправленій". Единственные сохранившіеся на мѣстахъ агенты центральной власти, „комиссары Временнаго Правительства", оставлялись въ роли „органовъ управленія" „только на переходное революціонное время". Признавалось, однако, то важное положеніе, что „съ момента выборовъ органовъ мѣстнаго самоуправленія полномочія исполнительныхъ комитетовъ общественныхъ организацій въ соотвѣтствующей области прекращаются".

По національному вопросу признавалось, что „рѣшеніе національныхъ вопросовъ *во всемъ объемѣ* подлежитъ рѣшенію Учредительнаго Собранія". „Демократія" высказывалась „противъ попытокъ разрѣшенія національныхъ вопросовъ явочнымъ порядкомъ, путемъ обособленія отъ Россіи отдѣльныхъ ея частей". Но „демократія настаивала на незамедлительномъ осуществленіи . . . тѣхъ частей демократической національной программы, которыя удовлетворяютъ *самыя насущныя* нужды народностей". Подъ послѣдними разумѣлось равноправіе языковъ въ школѣ, судѣ, органахъ самоуправленія, при сношеніи съ государственной властью и т. д. Все это было очень хорошо, но, въ противорѣчіи съ этими правильными принципами, „революціонная демократія" требовала отъ Временнаго Правительства „изданія деклараціи о признаніи за всѣми народами *права на полное самоопредѣленіе путемъ соглашенія* во всенародномъ Учредительномъ Собраніи". „Полное", очевидно, соотвѣтствовало совѣтскому: „вплоть до отдѣленія". А „путь соглашенія" предрѣшалъ свободный выборъ между федераціей и конфедераціей.

Въ заключеніе программа 14-го Августа рисовала иллюзію сильной власти, могущей безнаказанно позволить себѣ даже „исключительныя мѣропріятія", въ которыхъ народъ увидитъ „не проявленіе произвола, не политическую месть, не малодушныя

уступки давленію какихъ либо группъ, а необходимость, повелительно продиктованную жизненными интересами страны и революціи". Для всего этого нужно только „неуклонно и послѣдовательно идти по пути" осуществленія программы 14-го Августа.

Заготовленная заранѣе путемъ соглашенія соціалистовъ-революціонеровъ съ соціалъ-демократами — меньшевиками, программа 14-го Августа была затѣмъ, уже во время сессіи Государственнаго Совѣщанія, принята цѣлымъ рядомъ группъ, длинный спискъ которыхъ Чхеидзе огласилъ передъ чтеніемъ текста *).

Не соціалистическія группы оказались менѣе предпріимчивы. Даже четыре Гос. Думы не выступили съ общимъ заявленіемъ и основныя положенія резолюціи „малаго совѣщанія" были повторены только въ деклараціи четвертой Гос. Думы, которую, притомъ, предсѣдателю Гос. Думы не удалось цѣликомъ огласить съ каѳедры за истеченіемъ срока его рѣчи. Однако же, частями, съ большей или меньшей полнотой, положенія программы общественныхъ дѣятелей были повторены многочисленными ораторами, представителями различныхъ организацій и группъ.

На Государственномъ Совѣщаніи не производились голосованія. Но приблизительный расчетъ, положенный въ основу при созывѣ совѣщанія, болѣе или менѣе оправдался. На глазъ посторонняго наблюдателя, залъ Большого театра, гдѣ засѣдало Государственное Совѣщаніе, раздѣлился на двѣ почти равныя половины: правую отъ средняго прохода, (если смотрѣть со сцены), гдѣ засѣдали члены Гос. Думы и единомышленники „общественныхъ дѣятелей", и лѣвую, предоставленную представителямъ „демократическихъ организацій" тыла и фронта. Посторонній зритель, который не зналъ бы состава собранія, тотчасъ же, послѣ первыхъ рѣчей съ трибуны, могъ бы познакомиться съ распредѣленіемъ въ немъ политическихъ настроеній по апплодисментамъ. Когда рукоплескала правая сторона зала, почти навѣрное молчала лѣвая. Когда хлопала и неистовствовала лѣвая, правая была погружена въ унылое

*) Центральный комитетъ совѣта с. и р. д., исполнительный комитетъ крестьянскихъ д., исполнит. комитетъ объединенныхъ общественныхъ организацій, кооперативныя организаціи, представители фронтовыхъ и армейскихъ организацій и солдатская секція совѣта кр., с. и р. д., центральный комитетъ всероссійскаго союза увѣчныхъ воиновъ, исп. комитетъ Петроградскаго союза увѣчныхъ воиновъ, представители всероссійскаго союза земствъ и городовъ, центр. союзъ служащихъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденій, всер. желѣзнодорожный учредительный съѣздъ и большинство представителей городскихъ самоуправленій.

молчаніе. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, но знаменательныхъ для даннаго момента, весь залъ вставалъ и привѣтствовалъ ораторовъ. Этого единодушія не оказалось, однако, ни въ вопросѣ о мирѣ и войнѣ, ни въ вопросѣ объ арміи, ни въ отношеніи къ союзникамъ. Общія привѣтствія вызваны были лишь словами о борьбѣ съ грозящей родинѣ опасностью, призывами къ единенію для этой борьбы, заявленіями правительства, прямо расчитанными на одобреніе всей залы.

Правительство искало поддержки обѣихъ половинъ зала — и получило эту поддержку. Но она была какая-то вынужденная. Смыслъ хорошихъ словъ понимали, очевидно, различно. Общаго энтузіазма и истиннаго объединенія въ настроеніи жертвенной готовности не вышло. Надъ короткими моментами демонстративнаго объединенія слишкомъ наглядно доминировала глубокая, непримиримая внутренняя рознь, составлявшая истинную политическую сущность момента. Двѣ половины этого зала, очевидно, говорили на разныхъ языкахъ, даже когда хотѣли сказать одно и то же, — и сговориться другъ съ другомъ у нихъ не было ни малѣйшей надежды. Ее не было у вождей, даже если на минуту эта надежда и вспыхивала у непосвященныхъ.

Центръ общаго вниманія сосредоточился не на программахъ двухъ половинъ совѣщанія, сопоставленныхъ выше. Общія черты этихъ программъ были общеизвѣстны, а техническія подробности мало кого интересовали. Драматизмъ положенія заключался въ тѣхъ *силахъ*, которыя стояли за программами. И не „экзаменомъ“ изъ программъ, а пробой силъ, впервые здѣсь встрѣтившихся и помѣрившихся между собой, оказалось Московское Государственное Совѣщаніе. Силы эти стояли *внѣ* совѣщанія и ничего не имѣли общаго съ силой ораторскаго слова. И въ рѣчахъ ораторовъ наибольшее впечатлѣніе производили именно тѣ мѣста, которыя, такъ или иначе, касались оцѣнки этихъ внѣпарламентскихъ силъ.

Одна изъ нихъ — сила крайняго лѣваго фланга, сила забастовокъ и вооруженныхъ уличныхъ выступленій — была уже извѣстна. Попытка большевиковъ противопоставить Московскому Совѣщанію новый уличный протестъ рабочихъ—не удалась. Но правительство оставляло Петроградъ въ нервномъ настроеніи. Манифестаціи и сборища на улицахъ были запрещены объявленіями, за подписью Авксентьева. Автомобили разбрасывали объявленія отъ совѣта р. и с. д. съ призывомъ къ „революціонной

демократіи" — сохранить спокойствіе. Центральный комитетъ с.-р. убѣждалъ „революціонную демократію" не поддаваться на „провокацію и не вѣрить слухамъ о готовящихся въ Петроградѣ выступленіяхъ черносотеннаго, контръ-революціоннаго характера". Большевистскіе представители центральнаго комитета совѣта р. и с. д., выразившіе желаніе выступить съ особымъ заявленіемъ, не были вовсе допущены на Государственное Совѣщаніе. Это не помѣшало имъ выступить внѣ залы Большого театра. Утромъ, 12-го Августа, номеръ „Соціалъ-Демократа" вышелъ съ объявленіемъ на первой страницѣ громадными буквами: „сегодня — день всеобщей забастовки". И съѣхавшіеся на совѣщаніе делегаты могли на себѣ самихъ испытать силу той части „революціонной демократіи", которая не говорила примирительныхъ рѣчей съ трибуны. Они не могли ѣхать на трамваяхъ и завтракать въ ресторанахъ.

Но наибольшее вниманіе въ Москвѣ было обращено не на эту, болѣе или менѣе привычную силу, а на другую, которая вновь выступала и которую связывали съ именемъ Корнилова. Гдѣ Корниловъ и что онъ затѣваетъ? Будетъ ли онъ или не будетъ отставленъ? Пріѣдетъ ли въ Москву и въ какія отношенія станетъ къ правительству? Вотъ вопросы, которые были на устахъ у всѣхъ. И сами члены правительства пріѣхали въ первопрестольную въ тревожномъ ожиданіи, что что-то непремѣнно должно случиться.

Керенскій въ своихъ показаніяхъ говоритъ слѣдующее объ основаніяхъ тревожнаго настроенія правительства. „Во время Московскаго Совѣщанія былъ вызванъ (7-ой Оренбургскій) казачій полкъ въ Москву. Въ это же время приближался корпусъ кн. Долгорукаго къ Петрограду (онъ былъ остановленъ командующимъ войсками ген. Васильковскимъ). Среди юнкеровъ ходили разные слухи: мы получили, напр., сообщеніе, что во время Московскаго Совѣщанія будетъ провозглашена диктатура... Появлялся еще одинъ офицеръ... немного онъ былъ шантажистомъ, но очень часто бывалъ въ совѣтѣ казачьихъ войскъ (въ дальнѣйшихъ показаніяхъ Керенскій назвалъ его фамилію В...) и, видимо, былъ вообще въ курсѣ. Офицеръ этотъ являлся предупреждать меня, также, какъ (впослѣдствіи) и Львовъ, о томъ, что мнѣ грозитъ неминуемая гибель въ связи съ событіями, которыя въ ближайшіе дни произойдутъ, именно—захватъ заговорщиками власти (въ дру-

томъ мѣстѣ показаній говорится еще опредѣленнѣе: „захватъ власти съ арестомъ Врем. Правительства“).

Тревожные слухи ходили и въ противоположномъ лагерѣ. Здѣсь, какъ мы видѣли, ждали отставки Корнилова и, дѣйствительно, готовились къ той возможности, что, въ такомъ случаѣ, Корниловъ, какъ онъ и намекалъ Керенскому 10-го Августа, не подчинится. Уже въ Москвѣ ген. Алексѣевъ, сдѣлавъ визитъ Корнилову, сообщилъ ему, что дѣлаются шаги для выясненія степени его (Алексѣева) готовности занять постъ верх. главнокомандующаго. Это, по свидѣтельству Филоненко, еще усилило напряженность отношеній между Корниловымъ и Керенскимъ.

Одинъ изъ министровъ (Некрасовъ), выйдя въ Москвѣ изъ вагона, съ тревогой просилъ встрѣтившаго его москвича сказать по старой дружбѣ: „что здѣсь затѣвается“? Не „затѣвалось“ ничего опредѣленнаго. Но, несомнѣнно, политическая атмосфера была насыщена электричествомъ. Корниловъ, какъ мы видѣли, уѣхалъ изъ Петрограда неудовлетвореннымъ. Уже на вокзалѣ, въ полночь, при отъѣздѣ Корнилова, между нимъ и Савинковымъ было рѣшено, что докладъ еще до Московскаго Совѣщанія долженъ быть оффиціально врученъ правительству. Докладъ этотъ и былъ немедленно отосланъ Керенскому въ запечатанномъ конвертѣ *).

Съ дороги Корниловъ послалъ Керенскому телеграмму, которая отнюдь не могла улучшить ихъ отношеній. Генералъ протестовалъ противъ удаленія Савинкова (отставка котораго тѣмъ временемъ была принята), какъ такой мѣры, которая „не можетъ не ослабить престижа правительства въ странѣ“. „При моемъ выступленіи на Московскомъ Совѣщаніи 14-го Августа“, телеграфировалъ Корниловъ, *я нахожу необходимымъ* присутствіе и поддержку Савинковымъ моей точки зрѣнія, которая, вслѣдствіе громаднаго революціоннаго имени Б. В. и его авторитетности въ широкихъ демократическихъ кругахъ, пріобрѣтетъ тѣмъ большіе шансы на единодушное признаніе“.

Посреди этихъ страховъ и конфликтныхъ настроеній стояло испуганное правительство и его глава, А. Ф. Керенскій, истинный

---

*) Въ своихъ показаніяхъ (стр. 67) Керенскій заявляетъ, что „докладъ въ конвертѣ до него не дошелъ“. Этимъ онъ объясняетъ, почему о докладѣ не было ничего сообщено Врем. Правительству, а заслушана была „съ согласія Корнилова“ первая редакція доклада. Было бы, все таки, интересно выяснить судьбу запечатаннаго конверта, „немедленно отосланнаго“ Керенскому въ полночь на 11-е Августа.

устроитель Московскаго Совѣщанія, пріѣхавшій, какъ шутили журналисты, „короноваться" въ Москвѣ. Въ этой неслучайной шуткѣ надъ случайнымъ обитателемъ Зимняго Дворца, поселившимся тамъ больше изъ предосторожности, чѣмъ изъ честолюбія, была мѣткая характеристика сложившагося положенія. Правительство хотѣло быть сильнымъ; его глава хотѣлъ такимъ казаться. Мы видѣли, что и въ самомъ цѣлѣ вторая коалиція въ первыя недѣли своего существованія проявила умѣніе и готовность исправить многія ошибки первой коалиціи. Но, чтобы удержаться на этой позиціи и пріобрѣсти симпатію и поддержку по крайней мѣрѣ одной части населенія, нужно было покончить съ колебаніями и вести начатую линію опредѣленно и ясно, не гоняясь за популярностью слѣва, и не боясь столкнуться съ идеологіей „революціонной демократіи". На это А. Ф. Керенскій оказался неспособенъ. Въ этой неспособности и заключался залогъ безсилія и окончательной гибели второй коалиціи.

По внѣшности правительство, однако, продолжало проявлять желаніе стать на государственную точку зрѣнія. Для этого оно и пріѣхало искать себѣ опоры и сочувствія въ Государственномъ Совѣщаніи въ Москвѣ. На это *намѣреніе* отвѣтили апплодисменты правой стороны и центра залы при появленіи Керенскаго, при полномъ молчаніи лѣвой, которая за-то одна хлопала при появленіи Чернова. Но уже вступительная рѣчь Керенскаго показала, что первоначальная политическая задача совѣщанія сведется фактически на нѣтъ и что результатъ его для правительства будетъ отрицательный. Многіе провинціалы видѣли въ этой залѣ А. Ф. Керенскаго впервые — и ушли отчасти разочарованные, отчасти возмущенные. Передъ ними стоялъ молодой человѣкъ съ измученнымъ, блѣднымъ лицомъ, въ заученой позѣ актера. Выраженіемъ глазъ, которые онъ фиксировалъ на воображаемомъ противникѣ, напряженной игрой рукъ, интонаціями голоса, который то и дѣло, цѣлыми періодами повышался до крика и падалъ до трагическаго шопота, размѣренностью фразъ и расчитанными паузами этотъ человѣкъ, какъ будто хотѣлъ кого то устрашить*) и на всѣхъ

*) Въ своихъ комментаріяхъ къ показаніямъ (стр. 69) Керенскій косвенно призналъ намѣренность этихъ своихъ жестовъ. „Послѣ, когда Корниловское выступленіе совершилось", говоритъ онъ тутъ, „мнѣ одинъ изъ к.-д. сказалъ: „только теперь мы поняли занятую вами вообще на Московскомъ Совѣщаніи позицію, вашъ тонъ, а тогда намъ казались непонятными ваши угрозы въ правую сторону".

произвести впечатлѣніе силы и власти въ старомъ стилѣ. Въ дѣйствительности онъ возбуждалъ только жалость. По содержанію рѣчи, за дѣланнымъ пафосомъ политической страсти, стоялъ холодный расчетъ, какъ бы не сказать слишкомъ много въ одну сторону, не уравновѣсивъ произведеннаго впечатлѣнія немедленно же въ другую. Основнымъ тономъ рѣчи, вмѣсто тона достоинства и увѣренности, подъ вліяніями послѣднихъ дней, оказался тонъ плохо скрытаго страха, который ораторъ какъ бы хотѣлъ подавить въ самомъ себѣ повышенными тонами угрозы. Перечитывая теперь эту рѣчь по печатному тексту, можно замѣтить, какъ заранѣе заготовленный остовъ ея — тѣ мысли, которыя носились въ головѣ оратора, когда онъ настаивалъ на созывѣ совѣщанія, — успѣли покрыться густымъ слоемъ импровизацій и отклоненій, созданныхъ подъ настроеніемъ момента.

А. Ф. Керенскій пришелъ сюда, въ сердце Россіи, впервые держать отчетъ передъ свободными гражданами и сказать имъ „всю правду" о смертельной опасности, которую переживаетъ родина. Онъ хотѣлъ объяснить, какъ она дошла до этой катастрофы и сложить вину на наслѣдіе стараго режима, который мы слишкомъ забыли, потому что. . . мало ненавидѣли. Зато мы перенесли на новую власть привычки критики и недовѣрія ко *всякой* власти. И въ арміи правительству приходится преодолѣвать наслѣдіе старой власти, подчиненіе „безсмысленной волѣ" и создавать при помощи комиссаровъ и рядового офицерства, представителей центральной власти и „русской интеллигенціи", новую революціонную дисциплину. Но Временное Правительство исполнитъ данную имъ присягу и, несмотря ни на какія препятствія, спасетъ государство и оградитъ честь и достоинство русскаго народа. Съ своей стороны граждане должны проникнуться „великимъ подъемомъ любви къ свободной родинѣ" и, „во имя общаго и цѣлаго, отказаться отъ всѣхъ своекорыстныхъ, личныхъ и групповыхъ интересовъ". „Мы были слишкомъ терпѣливы, слишкомъ выносливы", начиная съ 27-го февраля — но это потому что „мы" вѣрили въ разумъ и совѣсть народа. Дѣйствительно, при всякой опасности „воля и сознаніе гражданъ приходили намъ на помощь"... „Поэтому мы спокойно призвали васъ сюда, чтобы услышать отъ васъ свободный, жертвенный, полный огня и любви къ свободѣ и родинѣ голосъ". Вотъ рѣчь, которая должна была быть сказана.

А вотъ то, что было навѣяно страхомъ и той позой государственнаго величія, которая должна была прикрыть испугъ.

„Не для обсужденія программныхъ вопросовъ и тѣмъ паче не для попытокъ . . . воспользоваться настоящимъ совѣщаніемъ для . . . колебанія власти, волей революціи и народа, всей полнотой суверенной власти до Учредительнаго Собранія обладающей и на стражѣ спасенія родины и защиты завоеванныхъ революціей правъ народа стоящей—Врем. Правительство призвало васъ сюда . . . Много и часто, чѣмъ ближе наступалъ срокъ созыва этого высокаго собранія, овладѣвала многими тревога, а другіе думали, что этотъ часъ можетъ быть использованъ противъ спокойствія въ государствѣ и противъ безопасности родины и революціи . . . Пусть знаетъ каждый, пусть знаютъ всѣ, кто *уже пытался* (намекъ на іюльскіе дни) поднять вооруженную руку на власть народную, что эти попытки будутъ прекращены желѣзомъ и кровью (бурные и продолжительные апплодисменты). Но пусть еще болѣе остерегаются и тѣ (т. е. Корниловъ и его сообщники), которые думаютъ, что настало время, опираясь на штыки, низвергнуть революціонную власть (бурные апплодисменты слѣва). Старой власти, „которую всѣ ненавидѣли“, — всѣ „подчинялись, потому что боялись ее“. А „теперь, когда власть не защищаетъ себя ни штыками, ни интригами“, теперь „тѣ, кто боялся и потому молчалъ, — одни идутъ съ оружіемъ въ рукахъ, а другіе въ своихъ собраніяхъ (?) осмѣливаются произносить противъ верховной власти и Государства Россійскаго слова, за которыя они, какъ за оскорбленіе величества, были бы раньше поставлены внѣ предѣловъ досягаемости. И здѣсь, въ попыткахъ открытаго нападенія или скрытыхъ заговоровъ, предѣлъ нашему терпѣнію: каждый, кто прейдетъ эту черту, встрѣтится съ властью, которая въ своихъ репрессіяхъ заставитъ этихъ преступниковъ вспомнить, что было въ старину самодержавія“ *).

Немедленно послѣ этихъ угрозъ — расправиться съ „преступниками“ по-старинному — слѣдовало восхваленіе самого себя за проявленныя умѣренность и терпимость. „Я направо и налѣво скажу вамъ, непримиримымъ, что вы ошибаетесь, когда думаете, что потому мы не съ вами (жестъ направо) и не съ вами (жестъ налѣво), что мы безсильны. Нѣтъ, въ этомъ

*) Въ своихъ комментаріяхъ Керенскій прямо цитируетъ эту часть рѣчи, какъ угрозу по адресу „корниловщины“.

и есть наша сила, что мы позволяемъ и имѣемъ право позволить себѣ роскошь возстаній и конспиративныхъ заговоровъ. „Но . . . (тутъ мысль оратора снова принимала уклонъ въ сторону страха) . . . „помните, что, нападая и борясь съ единымъ источникомъ власти, . . . вы . . . готовите торжество тѣмъ, кого вы мало ненавидѣли и потому скоро начинаете забывать". Горькая иронія направлялась тутъ по адресу вообще „свободныхъ русскихъ гражданъ", „не умѣющихъ творчески работать", а умѣющихъ только критиковать и разрушать, — и снова превращалась въ угрозу: „здѣсь мы будемъ непримиримы . . . Нынѣ я поставлю предѣлъ стремленіямъ—истинное несчастіе русское, въ которомъ можетъ быть великое возрожденіе, использовать во вредъ общенаціональнымъ интересамъ". Дальше анонимная угроза обращалась въ очень опредѣленную—по адресу Корнилова. „И какіе бы и кто бы ультиматумы ни предъявлялъ, *я съумѣю подчинить его волѣ верховной власти и мнѣ, верховному главѣ ея*". Яркую картину нерѣшительности обнаружила та часть рѣчи, въ которой Керенскій снова вернулся къ вопросу о реформѣ арміи и которая, собственно была подготовлена совѣщаніемъ министровъ 11-го Августа. „Я внесъ отмѣну смертной, казни . . . И я же . . . [долгая пауза) внесъ возстановленіе смертной казни (апплодисменты и рѣзкій жестъ оратора). Какъ можно апплодировать, когда вопросъ идетъ о смерти (бурные апплодисменты). Развѣ вы не знаете, что въ этотъ часъ убита частица нашей человѣческой души? Но если будетъ нужно для спасенія государства,. . . если голосъ нашъ не дойдетъ до тѣхъ, кто *и въ тылу* развращаетъ армію, мы душу свою убьемъ, но государство спасемъ (бурные апплодисменты). Но—новый шагъ назадъ —„пусть знаетъ каждый, что эта мѣра (очевидно, распространеніе смертной казни на тылъ, которой требовалъ Корниловъ) — великое искушеніе, . . . *и пусть никто не осмѣливается* на этомъ пунктѣ *намъ ставить какія-нибудь безусловныя требованія. Мы этого не допустимъ.* Дальше опять шагъ впередъ. „Мы говоримъ только: если . ., развалъ, малодушіе и трусость . . . будутъ продолжаться . . .; хватитъ силъ у правительства бороться такъ, какъ скажетъ это тотъ часъ". Снова шагъ назадъ: „Граждане, то, что завоевано . . . русской арміей, этого никто не отниметъ". И снова шагъ впередъ: „однако . . . все, что . . . создано было случайно; . . . нынѣ подлежитъ пересмотру и правильному введенію въ рамки, какъ правъ, такъ и обязан-

ностей". Отсюда переходъ къ попыткѣ самооправданія. „Все чѣмъ... возмущаются нынѣшніе возродители арміи, все проведено безъ меня, помимо меня и ихъ руками... „Теперь... все будетъ поставлено на свое мѣсто, ... будутъ знать свои *обязанности* (кивокъ влѣво) не только командуемые, но и командующіе (апплодисменты слѣва). Не только будутъ знать свои *права* бывшіе безграничные командующіе, но также и командуемые".

Рѣчи другихъ министровъ показали, до какой степени А. Ф. Керенскій одинокъ въ собственномъ кабинетѣ и до какой степени политика Врем. Правительства есть его личная политика. Единственный конкуррентъ Керенскаго въ этомъ кабинетѣ—Черновъ, не выступилъ и даже не получилъ слова, когда просилъ его для личнаго объясненія. Рѣчь Авксентьева была неожиданно слабымъ перепѣвомъ на темы о „государственности", „порядкѣ" и „сильной власти", даже съ попыткой грозить „тѣмъ людямъ", которые „переступятъ черезъ трупы членовъ Врем. Правительства" и т. д. Рѣчь С. Н. Прокоповича дала добросовѣстную сводку фактическаго положенія по министерствамъ торговли и промышленности, труда, земледѣлія, продовольствія и путей сообщенія. Ораторъ говорилъ ту неприкрашенную „правду", которая потонула въ истерической риторикѣ Керенскаго, и не щадилъ при этомъ предразсудковъ лѣвыхъ, лишь изрѣдка давая имъ поводъ похлопать намекомъ на своекорыстіе промышленниковъ.

Еще болѣе сгустилъ краски Некрасовъ, прямо начавшій съ заявленія, что министру финансовъ „нечего расчитывать на сочувственные отклики со стороны кого бы то ни было, ибо его задача не давать, а брать". Онъ открыто указалъ на новую причину финансовой разрухи, присоединившуюся къ старымъ со времени революціи: „ни одно царское правительство не было столь расточительнымъ, какъ правительство революціонной Россіи". Онъ доказалъ это положеніе простой цифровой справкой: за военные мѣсяцы 1914 год. выпускалось кредитныхъ билетовъ, въ среднемъ, по 219 милліоновъ, въ 1915 г. — 223; въ 1916 г. — 290, въ первые два мѣсяца 1917 г. по 423; тогда какъ въ $4^1/_2$ мѣсяца послѣ революціи, въ среднемъ, выпускалось по 832 милліона. Министръ вывелъ отсюда: „это расходованіе средствъ, которое было до сихъ поръ, намъ не по карману". Необходимъ немедленный пересмотръ бюджета, при которомъ правительство „не будетъ считаться ни съ какой партійностью, а исключительно съ знаніемъ дѣла". Что это

значитъ? „Это значитъ, заявилъ Некрасовъ, что, напр., требованіе комиссіи о солдатскихъ запасныхъ пайкахъ — увеличить пайки на 11 милліардовъ въ годъ — не можетъ даже разсматриваться. Казначейство не можетъ выдержать и такихъ новыхъ расходовъ, какъ 500 милліоновъ въ годъ на содержаніе продовольственныхъ комитетовъ или 140 милліоновъ на расходы земельныхъ комитетовъ. Невозможно такое повышеніе рабочей платы, какъ напр. 90 милліоновъ по одному Путиловскому заводу до конца года. Министерству финансовъ приходится расплачиваться и за увеличеніе рабочей платы частными промышленниками, которые къ нему же обращаются за субсидіями и внѣуставными осудами. Это особенно печально, когда производительность труда, несмотря на всѣ усилія, не удается довести „хотя бы до прежней нормы дореволюціоннаго періода". Что касается поступленій казначейства, министръ финансовъ замѣтилъ ихъ огромное паденіе за 3 мѣсяца 1917 года — на 30—40%. Онъ привелъ слова предсѣдателя совѣщанія по налоговому вопросу, что „послѣ воистину грандіозной реформы (усиленіе прямого обложенія и намѣченнаго введенія наслѣдственнаго и поимущественнаго налога). . . у насъ съ имущихъ классовъ будетъ взято все, что съ нихъ можно взять". Но, прибавилъ онъ, „такъ какъ и этого всего недостаточно для покрытія финансовой нужды государства, то становится совершенно неизбѣжнымъ прибѣгнуть къ обложенію широкихъ слоевъ населенія, т. е. къ усиленію косвенныхъ налоговъ". Некрасовъ пошелъ еще дальше: онъ призналъ, что „послѣдняя реформа (обложеніе доходовъ) подлежитъ неизбѣжнымъ исправленіямъ, ибо въ извѣстныхъ случаяхъ она *бьетъ уже хозяйственный аппаратъ страны, ударяетъ по промышленности, а не по промышленникамъ*". Говоря о предстоящемъ введеніи монополіи (сахарной, чайной, спичечной), министръ, „во избѣжаніе недоразумѣній", подчеркнулъ, что это „не является особымъ видомъ государственнаго соціализма"; это „мѣропріятія опредѣленно-фискальныя", съ которымъ не связывается „планомѣрнаго стремленія съузить частную хозяйственную иниціативу". Правительство „чуждо" также „какихъ-либо финансовыхъ авантюръ", вродѣ „конфискаціи частнаго имущества для полученія доходовъ".

Невозможно было опредѣленнѣе и рѣшительнѣе отмежеваться отъ утопическихъ элементовъ „демократической" программы 14-го Августа. Н. В. Некрасовъ ошибся въ предположеніи,

что его рѣчь не получитъ сочувственнаго отклика. При всемъ недовѣріи къ автору циркуляра 27-го Мая, государственно настроенная часть совѣщанія дружно привѣтствовала единственную министерскую рѣчь, проникнутую положительной государственной мыслью и не дѣлавшую никакихъ уступокъ популярнымъ утопіямъ.

Первый актъ Государственнаго Совѣщанія былъ съигранъ: это были демонстрація безсилія правительства, не желавшаго пойти „ни съ нами, ни съ вами" и пытавшагося прикрыть свою слабость сильными жестами, „новыми, нечеловѣческими словами", которыхъ судорожно искалъ, но не нашелъ Керенскій. Оставались еще два акта: выходъ на сцену реальной силы въ лицѣ генераловъ Корнилова, Каледина, Алексѣева, — и поединокъ лидеровъ политическихъ партій.

Корниловъ пріѣхалъ изъ ставки на другой день, 15-го Августа и былъ принятъ въ Москвѣ съ большой помпой представителями союзовъ, которые раньше посылали ему телеграммы (см. выше), нѣкоторыми депутатами Г. Думы, общественными дѣятелями, юнкерами Александровскаго Училища и прапорщиками 6-ой школы. Послѣ ряда привѣтствій (въ томъ числѣ и Ф. И. Родичева), Корниловъ былъ вынесенъ на рукахъ къ толпѣ, встрѣтившей его восторженными криками, и проѣхалъ, въ сопровожденіи живописной эскорты охранявшихъ его текинцевъ, къ Иверской часовнѣ. Тамъ онъ отстоялъ молебенъ въ присутствіи многочисленной толпы народа, встрѣтившей и проводившей его взрывами „ура". Затѣмъ, не посѣтивъ Керенскаго, онъ вернулся въ свой вагонъ на вокзалѣ. Политическая символика этого дня пополнилась еще одной чертой. Въ то время, когда ген. Корниловъ принималъ привѣтствовавшія его воинскія части, командующій военнымъ округомъ Верховскій устроилъ для Керенскаго смотръ войскъ московскаго гарнизона. Министръ-предсѣдатель и главнокомандующій въ теченіи всего дня другъ съ другомъ не видѣлись, несмотря на неоднократныя напоминанія Корнилову, что его ждутъ съ визитомъ. Вмѣсто визита Корниловъ послалъ своего представителя въ организаціонное бюро совѣщанія къ А. М. Никитину съ просьбой указать его мѣсто въ ряду ораторовъ. Онъ получилъ отвѣтъ, что представители правительства уже всѣ говорили и что разрѣшить вопросъ можетъ только Керенскій. Только вечеромъ отъ имени правительства на вокзалъ пріѣхалъ П. П. Юреневъ, взявшій на себя миссію убѣдить Корни-

лова говорить на совѣщаніи только о военной сторонѣ дѣла, не касаясь политической. Крайне раздраженный этимъ, ген. Корниловъ хотѣлъ было вовсе отказаться отъ доклада. Въ 11 часовъ вечера А. Ф. Кернискій, наконецъ, лично вызвалъ его по телефону.

„Я говорилъ по телефону и въ театръ вызывалъ его (Корнилова) къ себѣ“, показываетъ Керенскій, — „и повторилъ опять ему рѣшенія Врем. Правительства и очень просилъ его поступить соотвѣтственно. Когда же онъ на эту мою просьбу отвѣтилъ, что будетъ говорить по своему, я заявилъ ему, чтобы онъ имѣлъ въ виду, что это будетъ съ его стороны поступокъ недисциплинарный“. Керенскій прибавляетъ тутъ свою личную оцѣнку поведенія Корнилова, оцѣнку, вскрывающую источникъ его раздраженія. „Въ это время онъ (Корниловъ) былъ убѣжденъ въ совершенномъ безсиліи правительства, считая, что правительство уже въ прошломъ, такъ сказать, и что съ нимъ считаться не слѣдуетъ“. Это было несомнѣнное преувеличеніе. Въ то самое время, когда Корниловъ упрямо отстаивалъ передъ Керенскимъ свое право „говорить по-своему“, передъ нимъ уже лежала его завтрашняя рѣчь, несомнѣнно считавшаяся съ желаніями Врем. Правительства. „13-го вечеромъ“, показываетъ по этому поводу Филоненко, „я спросилъ у Корнилова, подготовлена ли у него рѣчь... и узнавъ, что нѣтъ, предложилъ ему помочь выработать ея содержаніе... Свое содѣйствіе предложилъ также г. Завойко, встрѣтившій ген. Корнилова. Помощь Завойко выразилась въ томъ, что онъ подъ мою диктовку записалъ текстъ рѣчи, предварительно, въ общихъ чертахъ, обсужденный мною съ ген. Корниловымъ“... „Директивы Врем. Правительства, признаетъ самъ Керенскій, по существу въ рѣчи были выполнены, и всѣ острые углы, напр. смертная казнь въ тылу, были обойдены“. Однако, Филоненко всетаки вставилъ въ рѣчь ссылку на докладъ, подписанный имъ и Савинковымъ вмѣстѣ съ Корниловымъ.

Утреннее засѣданіе совѣщанія 14-го Августа прямо началось съ эпизода, который опредѣлилъ его главное политическое содержаніе. Открытіе засѣданія затянулось почти на часъ, вслѣдствіе того, что Корниловъ былъ вызванъ изъ своей ложи въ кабинетъ Керенскаго. Оффиціальная встрѣча, наконецъ, состоялась. На обратномъ пути къ себѣ въ ложу ген. Корниловъ былъ замѣченъ въ залѣ и сдѣлался предметомъ горячей продолжительной оваціи, въ которой не приняла никакого участія лѣвая. Тотчасъ послѣ

того, какъ Корниловъ, дважды откланявшись, отошелъ въ глубину ложи, лѣвая взяла свой реваншъ. Въ эту минуту появились члены правительства съ Керенскимъ. Лѣвая демонстративно встала и при крикахъ, „да здравствуетъ революція, да здравствуетъ революціонный народъ и революціонная армія“ устроила Керенскому долгую овацію, въ которой на этотъ разъ такъ же демонстративно не участвовала правая, оставшаяся сидѣть. „Да здравствуетъ Корниловъ“, снова раздается изъ рядовъ офицерства. „Да здравствуетъ армія“, парируетъ кто-то, — и этотъ возгласъ, наконецъ, объединяетъ обѣ половины зала въ общей оваціи. Керенскій быстро подхватываетъ примирительный лозунгъ. „Предлагаю *всѣмъ* въ лицѣ присутствующаго здѣсь верховнаго главнокомандующаго привѣтствовать мужественнаго руководителя за свободу и родину сражающейся арміи“. Овація возобновляется и на этотъ разъ, въ ней участвуетъ большая часть зала, не встрѣчая противодѣйствія со стороны лѣвой.

На трибунѣ появляется первый ораторъ совѣщанія: это членъ первой Г. Думы В. Д. Набоковъ. Примирительный тонъ, мягкія слова, спокойная, разумная рѣчь. Въ лицѣ Набокова первая Г. Дума отвѣчаетъ Керенскому: „не та контръ-революція страшна, которая зрѣетъ въ скрытыхъ заговорахъ и выходитъ на улицу съ оружіемъ въ рукахъ. Страшна та контръ-революція, которая, подъ вліяніемъ происходящихъ кругомъ ужасовъ, начинаетъ зрѣть въ нашихъ сердцахъ и умахъ. . . Борьба съ ней не есть борьба словами, какъ бы громки и сильны они ни были. Съ ней нельзя бороться и желѣзомъ, и кровью. Съ ней можно бороться единымъ разумнымъ государственнымъ творчествомъ власти. . . Намъ хотѣлось бы, чтобы былъ найденъ вновь тотъ общій языкъ, который связываетъ, а не разъединяетъ, тѣ слова, которыя. . . должны звучать, какъ голосъ всей націи“ Ораторъ первой Думы искалъ этихъ словъ во внѣпартійной и внѣклассовой программѣ общественныхъ дѣятелей, призналъ заслугу Керенскаго и закончилъ привѣтствіемъ по адресу Корнилова: „мы вѣримъ, что доблестный вождь русской арміи, ея верховный главнокомандующій, черезъ побѣду приведетъ Россію къ почетному миру“. Снова всѣ кромѣ лѣвой части зала, встали и устроили новую овацію ген. Корнилову.

Собраніе ждало Корнилова и безъ особеннаго вниманія слушало рѣчи членовъ второй Думы, Ф. А. Головина и Г. А. Алек-

синскаго, членовъ третьей Думы Ф. И. Родичева и А. И. Гучкова. Даже рѣчь послѣдняго съ ея ядовитымъ выпадомъ — „эта власть — тѣнь власти, подчасъ появляющаяся со всѣми подлинными и помпезными аттрибутами власти, съ ея жестикуляціей, терминологіей и интонаціями, отъ которыхъ мы какъ будто стали отвыкать, и тѣмъ трагичнѣе этотъ контрастъ между жизненной необходимостью созданія подлинной твердой, истинно-государственной власти и между судорожными поисками и страстной тоской по власти" — даже эта рѣчь прозвучала слабѣе, чѣмъ всѣ ждали. Она и была оборвана на полусловѣ. Наконецъ, скрывая волненіе, поднялся А. Ф. Керенскій. „Врем. Правительство вчера сбрисовало общее положеніе арміи и тѣ мѣропріятія, которыя намѣчены и будутъ проведены въ жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, *мы признали необходимымъ вызвать* верховнаго главнокомандующаго и предложить ему изложить передъ настоящимъ собраніемъ положеніе на фронтѣ и состояніе арміи". Этими вступительными словами пріѣздъ и содержаніе рѣчи ген. Корнилова вводились въ опредѣленныя рамки. „Ваше слово, генералъ".

Низенькая, приземистая, но крѣпкая фигура человѣка съ калмыцкой физіономіей, съ острымъ пронизывающимъ взглядомъ маленькихъ черныхъ глазъ, въ которыхъ вспыхивали злые огоньки, появилась на эстрадѣ. Залъ дрожитъ отъ апплодисментовъ. Всѣ стоятъ на ногахъ, за исключеніемъ. . . солдатъ. Негодованію правыхъ нѣтъ предѣловъ. Слышатся крики: „встать, позоръ". Солдаты продолжаютъ сидѣть; слѣва слышны крики: „холопы". Шумъ усиливается. Керенскій все время звонитъ, но звонка не слышно. Овація въ честь Корнилова разрастается. Наконецъ, Керенскій пользуется минутой сравнительнаго затишья, чтобы бросить въ залъ слова: „предлагаю собранію сохранять спокойствіе и выслушать *перваго солдата* Временнаго Правительства съ долженствующимъ къ нему уваженіемъ и уваженіемъ къ Временному Правительству". Эти нѣсколько словъ, придавшихъ демонстраціи *въ пользу* Корнилова легкій оттѣнокъ демонстраціи *противъ* него, водворяютъ, наконецъ, спокойствіе. Среди мертвой тишины раздаются отрывистыя, по военному рѣзкія и категорическія, какъ приказы, фразы написанной рѣчи Корнилова.

„Съ глубокой скорбью я долженъ открыто заявить, что у меня нѣтъ увѣренности, чтобы русская армія исполнила безъ колебанія свой долгъ передъ родиной. . . Позоръ Тарнопольскаго

разгрома. . . — это непремѣнное и прямое слѣдствіе того неслыханнаго развала, до котораго довели нашу армію, когда-то славную и побѣдоносную, вліянія извнѣ и неосторожныя мѣры, принятыя для ея реорганизаціи“. „Врагъ уже стучится въ ворота Риги, и если только неустойчивость нашей арміи не дастъ намъ возможности удержаться на побережьи Рижскаго залива, дорога въ Петроградъ будетъ открыта“ (это — то мѣсто рѣчи Корнилова, изъ котораго большевики впослѣдствіи вывели нелѣпое обвиненіе, что Корниловъ намѣренно сдалъ Ригу нѣмцамъ, а Керенскій хочетъ сдать Петроградъ). „Я вѣрю, что. . . боеспособность нашей арміи, ея былая слава будутъ возстановлены. Но я заявляю, *что времени терять нельзя,* что нельзя терять *ни одной минуты*. Нужны рѣшимость и твердое непреклонное проведеніе намѣченныхъ мѣръ“. Чтобы доказать, что медлить нельзя, что Россія хочетъ спастись отъ пораженія и отъ потери новыхъ территорій, Корниловъ привелъ факты, свидѣтельствовавшіе о томъ, что „разрушительная пропаганда развала арміи продолжается“. Тутъ былъ списокъ убитыхъ своими солдатами офицеровъ, „въ кошмарной обстановкѣ безразсуднаго, безобразнаго произвола, безконечной темноты и отвратительнаго хулиганства“; былъ случай самовольнаго бѣгства полка, „прославленнаго въ прежнихъ бояхъ“, передъ наступающимъ врагомъ и случаи готовности отдѣльныхъ полковъ заключить миръ съ нѣмцами, заплативъ „контрибуцію“ по двѣсти рублей на брата и согласившись на „аннексію“ окупированной врагомъ территоріи. Были — уже не отдѣльные случаи, а общее явленіе голода на фронтѣ; наконецъ, такое же явленіе громаднаго паденія производительности заводовъ, работающихъ на оборону, — на 60% для орудій и снарядовъ, на 80% на авіацію *только* съ октября 1916 года по январь 1917 г., т. е. до революціи“. Корниловъ готовъ былъ „вѣрить сердцемъ“, что „страна хочетъ жить“ и что, „какъ вражеское наводненіе, уходитъ та обстановка самоубійства великой независимой страны, которую создали брошенные въ самую темную, невѣжественную массу безотвѣтственные лозунги“. Но для этого необходимо немедленное *безотлагательное* (Корниловъ повторилъ это слово дважды) проведеніе мѣръ, указанныхъ въ докладѣ Корнилова, подписанномъ Савинковымъ и Филоненко. „Невозможно допустить чтобы рѣшимость. . . каждый разъ проявлялась подъ давленіемъ пораженій и уступокъ отечественной территоріи. Если рѣшительныя

мѣры для поднятія дисциплины на фронтѣ послѣдовали, какъ результатъ Тарнопольскаго разгрома и утраты Галиціи и Буковины, то *нельзя допустить, чтобы порядокъ въ тылу* былъ послѣдствіемъ потери нами Риги и чтобы порядокъ на желѣзныхъ дорогахъ*) былъ возстановленъ цѣною уступки противнику Молдавіи и Бессарабіи".

Впечатлѣніе рѣчи Корнилова было громадное и крайне подавляющее. Раздраженіе Керенскаго сказалось въ томъ, что когда раздались знаки одобренія справа при словахъ генерала: „по телеграфу я приказалъ истребить полкъ и полкъ вернулся" (на позицію), онъ прервалъ оратора и просилъ публику, „не сопровождать докладъ оратора недостойными знаками вниманія".

Но еще большее волненіе въ залѣ произвела рѣчь атамана донского казачества, и представителя всѣхъ 12 казачьихъ войскъ, генерала Каледина. Вдумчивая, медленная, сдержанно-страстная, безъ всякой внѣшней аффектаціи, эта рѣчь гармонировала съ задумчивостью глазъ, затемненныхъ густыми темными бровями, серьезностью прикрытаго длинными усами рта, про который говорили, что онъ, „никогда не смѣется", съ віолончельнымъ тембромъ слегка затуманеннаго голоса и со всей стройной, благородной фигурой оратора.

„Выслушавъ сообщеніе Временнаго Правительства о тяжеломъ положеніи Русскаго Государства, казачество, въ лицѣ представителей всѣхъ 12 казачьихъ войскъ. . . стоящее на общенаціональной государственной точкѣ зрѣнія, съ глубокой скорбью отмѣчая нынѣ существующій въ нашей внутренней государственной политикѣ перевѣсъ частныхъ, классовыхъ и партійныхъ интересовъ надъ общими, привѣтствуетъ рѣшимость Временнаго Правительства освободиться, наконецъ, въ дѣлѣ государственнаго управленія и строительства отъ давленія партійныхъ и классовыхъ организацій, вмѣстѣ съ другими причинами, приведшаго страну на край гибели".

Въ сжатыхъ, хорошо взвѣшенныхъ словахъ основная тема сразу намѣчена. Ораторъ переходитъ къ развитію ея спеціально по отношенію къ казачеству, и каждое слово его звучитъ полновѣснымъ обличеніемъ. „Казачество не опьянѣло отъ свободы . . . Казачество съ гордостью заявляетъ, что полки его не знали дезер-

*) Это скромное упоминаніе о „желѣзныхъ дорогахъ" Керенскій призналъ нарушеніемъ соглашенія.

тировъ... Оно не сойдетъ съ своего историческаго пути служенія родинѣ, съ оружіемъ въ рукахъ на поляхъ битвъ и внутри въ борьбѣ съ *измѣной и предательствомъ*". Далѣе Калединъ поворачивается къ лѣвой и, смотря въ упоръ на Церетели, Чхеидзе и другихъ вождей „революціонной демократіи", спокойно продолжаетъ. „Обвиненіе въ контръ-революціонности было брошено въ казачество, именно, послѣ того, какъ казачьи полки, спасая революціонное правительство, по призыву министровъ-соціалистовъ, 3-го Іюля вышли — рѣшительно, какъ всегда, — съ оружіемъ въ рукахъ для защиты государства отъ анархіи и предательства. Понимая революціонность *не въ смыслѣ братанья* съ врагомъ, не въ смыслѣ самовольнаго оставленія назначенныхъ постовъ, неисполненія приказовъ и предъявленія къ правительству неисполнимыхъ требованій, преступнаго расхищенія народнаго богатства, не въ смыслѣ полной необезпеченности личности и имущества гражданъ и грубаго нарушенія свободы слова, печати и собраній, казачество отбрасываетъ упреки въ контръ-революціонности... Казачество призываетъ всѣ живыя силы страны... къ укрѣпленію демократическаго *республиканскаго строя*".

Апплодисменты, постоянно прерывающіе рѣчь оратора, поневолѣ становятся общими, когда произнесенъ этотъ шибболетъ „революціонной демократіи". Но ораторъ не нанесъ еще своего главнаго удара. Не связанный столь отвѣтственнымъ постомъ, какъ Корниловъ, поддержанный коллективнымъ голосомъ всего казачества, онъ отъ обороны смѣло переходитъ къ наступленію и идетъ дальше Корниловскаго доклада. „Пораженцамъ не должно быть мѣста въ правительствѣ" (справа бурные апплодисменты, слѣва—шиканье. Всѣ взоры обращены на Чернова, который сидитъ, низко опустивъ голову надъ столомъ)... *Всѣ совѣты и комитеты должны быть упразднены*" (на лѣвой сильное движеніе и крики: „это контръ-революція"). Корниловъ только что заявлялъ: „я не являюсь противникомъ комитетовъ: я съ ними работалъ:... я признаю комиссаріатъ, какъ мѣру необходимую въ настоящее время"... (Слѣдуетъ перечисленіе мѣръ, болѣе или менѣе общихъ съ докладомъ Корнилова... Но Калединъ переходитъ далѣе отъ вопросовъ спеціально-военныхъ, къ общему вопросу объ устройствѣ власти, — о чемъ Керенскій запретилъ говорить Корнилову. „Страну можетъ спасти отъ окончательной гибели только дѣйствительно твердая власть, находящаяся въ *опытныхъ, умѣ-*

лыхъ рукахъ лицъ, не связанныхъ узко-партійными групповыми программами, свободныхъ отъ необходимости послѣ каждаго шага оглядываться на всевозможные совѣты и комитеты, и отдающая себѣ ясный отчетъ, что источникомъ суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдѣльныхъ партій и группъ". Собраніе опять раздѣлено: правая бурно рукоплещетъ, лѣвая сильно волнуется. Но Калединъ продолжаетъ бить по больному мѣсту. „Расхищенію государственной власти центральными и мѣстными комитетами и совѣтами долженъ быть немедленно и рѣзко поставленъ предѣлъ". Лѣвые разражаются бурными протестами. Опятъ слышны крики: „контръ-революціонеръ, долой". Справа отвѣчаютъ шумными апплодисментами. Калединъ продолжаетъ рѣчь, указываетъ на Москву, какъ на желательное мѣсто созыва Учредительнаго Собранія, „какъ по историческому значенію и центральному положенію, такъ и въ интересахъ спокойной и планомѣрной работы", требуетъ отъ правительства принятія мѣръ, обезпечивающихъ правильность и законность выборовъ" и кончаетъ словами: „время словъ прошло. Терпѣніе народа истощается. Нужно дѣлать великое дѣло спасенія родины".

Волненіе залы при уходѣ Каледина съ трибуны достигаетъ высшей точки. Правая и часть центра бурно и продолжительно рукоплещетъ. Лѣвая протестуетъ и возмущается. Керенскій вновь пользуется случаемъ, чтобы, подъ видомъ предсѣдательскаго безпристрастія, отгородиться отъ опаснаго оратора и дать въ его лицѣ урокъ „контръ-революціи". „Правительство желаетъ выслушать откровенное мнѣніе всѣхъ присутствующихъ и обладаетъ для этого достаточнымъ спокойствіемъ. *Но пусть помнятъ и знаютъ, что мы призвали* представителей земли *не для того, чтобы кто бы то ни было обращался съ требованіями къ правительству* настоящаго состава". Реваншъ лѣвой данъ: лѣвая бурно апплодируетъ. Представители совѣтовъ, которые хочетъ уничтожить Калединъ, встаютъ и устраиваютъ шумную овацію Керенскому.

Появленіе на каѳедрѣ Чхеидзе даетъ поводъ для новой оваціи „вождю русской революціи", который отъ имени приговоренныхъ Калединымъ къ упраздненію „демократическихъ организацій" оглашаетъ разобранную выше обширную программу-декларацію. Но вниманіе зала уже исчерпано. Программные споры не составляютъ гвоздя совѣщанія, и конецъ дневного засѣданія про-

ходитъ при общемъ утомленіи, среди котораго пропадаетъ и выступленіе представителя крестьянскихъ депутатовъ Мартюшина, присоединяющагося къ деклараціи Чхеидзе „справа“ и искусно составленная рѣчь представителя академической группы, проф. Д. Д. Гримма, съ самой рѣзкой и послѣдовательной критикой дѣятельности Врем. Правительства, какую только слышало Московское Совѣщаніе. Вечеромъ предстоитъ третій и послѣдній актъ совѣщанія, въ которомъ оно достигаетъ второй высшей точки, — состязаніе лидеровъ главныхъ политическихъ партій, ведущихъ борьбу.

Состязаніе это было намѣренно сосредоточено около выступленій ораторовъ четвертой Думы, которая нарочно для этой цѣли была отдѣлена отъ своихъ предшественницъ, какъ факторъ текущей дѣйствительности. И г. Церетели, политическій вождь совѣтскаго большинства, сообразовалъ съ этимъ время своего выступленія, по хозяйски взявъ себѣ двойной срокъ передъ выступленіемъ П. Н. Милюкова и еще одинъ срокъ послѣ этого выступленія. Обѣ стороны по своему *поддержали* коалиціонное правительство и, слѣдовательно, заранѣе можно было сказать, что ихъ выступленія не превратятся въ ожесточенную полемику. Напротивъ, именно тутъ могла бы выясниться платформа для примиренія, если бы... можно было зачеркнуть все то, что происходило до этого момента, и устранить расхожденіе программъ, выставленныхъ обѣими сторонами. Но если бы это было возможно, то, конечно, соглашеніе состоялось бы въ стадіи подготовительной, въ стадіи составленія этихъ программъ, а не въ стадіи представленія ихъ другъ другу въ готовомъ видѣ. И ждать отъ Московскаго Совѣщанія какого-то сближенія непримиримыхъ позицій могли только непосвященные въ дѣло обывательскіе элементы этой многолюдной аудиторіи.

Однако, *видимое* примиреніе предуказывалось дальнѣйшимъ существованіемъ коалиціоннаго правительства. За столомъ на сценѣ сидѣли рядомъ представители обѣихъ боровшихся въ залѣ сторонъ, и ораторы обѣихъ по необходимости должны были проявить сдержанность. „Худой миръ“ признавался обѣими сторонами для даннаго момента предпочтительнѣе „доброй ссоры“.

Центральной рѣчи И. Г. Церетели предшествовали два выступленія членовъ четвертой думы, В. В. Шульгина и В. А. Маклакова. Первый со свойственной ему мѣткостью и образностью

выраженій, съ прозрачностью мысли говорилъ о „трехъ ошибкахъ" революціи, которыя привели къ тому, что теперь можно „запугать" страхомъ „контръ-революціи". Это, во-первыхъ, иллюзіи революціоннаго идеализма теперь, какъ и иллюзіи монархизма", „втоптанныя въ грязь"; во-вторыхъ, ошибка управленія черезъ „выборный коллективъ", всегда близоруки и эгоистически въ своихъ „требованіяхъ", но самонадѣянно пытавшійся замѣнить во время страшной войны единую и сильную власть; наконецъ, втретьихъ, ошибка вмѣшательства въ неприкосновенную сферу „вѣры и національности". Здѣсь кіевскій депутатъ разумѣлъ рѣшеніе „украинскаго" вопроса „тремя министрами", результаты поѣздки которыхъ въ Кіевъ онъ ядовито сопоставлялъ съ дипломатіей „умницы" Бутурлина, присоединявшаго Малороссію къ Москвѣ въ 17-омъ вѣкѣ. Маклаковъ взялъ темой — тѣ условія, на которыхъ возможно соглашеніе съ правительствомъ. Основное изъ этихъ условій — выведеніе страны изъ тяжелой войны съ побѣдой, для чего необходимо отрѣзать „хвосты" связывающіе власть съ „пораженчествомъ" въ лицѣ его собственныхъ членовъ (это вызвало овацію лѣвыхъ въ честь Чернова), съ парализующими серьезную реформу арміи „комитетами" и вообще съ „резолюціями политическихъ партій". За предѣлами ихъ стоитъ вся страна, которая „пойдетъ за всякимъ, кто поведетъ ее — Россію, а не революцію — къ спасенію. „Россія любитъ революцію только потому, что вѣритъ, что она ее спасетъ; но если она когда-либо въ этомъ усомнится, то никакими силами вы завоеваній революціи не вернете".

Такое рѣшительное отрицаніе пользы „выборныхъ коллективовъ" и значенія „вотумовъ партій и резолюцій комитетовъ", такое категорическое утвержденіе, что народъ — не политическая партія, „что политическая программа диктуется не волей партій, а волей исторіи" и что надо смѣло вести народъ къ спасенію, „порвавъ съ политическими партіями" и расчитывая на „любовь, сочувствіе и преданность массъ", которыя „собственнымъ инстинктомъ поймутъ, кто ихъ губитъ и кто ведетъ къ спасенію", — всѣ эти привычныя утвержденія Маклакова дали легкую возможность Церетели прочесть цѣлый дифирамбъ „демократическимъ организаціямъ". „Демократическія организаціи" есть единственная организующая сила, которая можетъ спасти и страну, и революцію, послѣ того какъ „руководящіе классы" „отступились отъ этой задачи", „предоставивъ народъ собственнымъ силамъ". Эта основ-

ная марксистская идеологія постепеннаго „отпаденія“ отъ революціи классовъ, въ ней не заинтересованныхъ, уже извѣстна намъ изъ прежнихъ выступленій Церетели. Она, конечно, совсѣмъ не клеилась съ его же защитой коалиціоннаго правительства и съ восхваленіемъ „демократіи“ за то, что она добровольно поступилась властью „въ интересахъ спасенія страны“, оставшись только „политической организаціей тѣхъ классовъ, которые она представляетъ, на стражѣ завоеванной свободы“. Та и другая мысль плохо гармонировала съ упорной защитой „демократической программы“, какъ единственной, объединяющей страну и могущей осуществить силами „нецензововой демократіи“ — „буржуазную революцію“. Церетели былъ правъ, указывая, что единственная опора можетъ быть въ народѣ, но не правъ, отожествляя народъ съ „демократическими организаціями“, какъ его единственной организованной частью. Съ высоты птичьяго полета, конечно, внутреннія противорѣчія стушевывались, и непримиримое примирялось стилистической гладкостью рѣчи. Конкретнаго матеріала, на которомъ эти противорѣчія раскрывались, Церетели вовсе не коснулся, скользнувъ одной, двумя фразами по содержанію той „демократической программы“ 14-го Августа, которую онъ продолжалъ формально считать необходимымъ условіемъ коалиціи. Онъ закончилъ, вызвавъ сцену эффектнаго, но фиктивнаго и внѣшняго примиренія, провоцированную его послѣдней двусмысленной фразой. „Да здравствуетъ честная демократія, не останавливающаяся ни передъ какими жертвами для спасенія страны. Я знаю, что здѣсь (на лѣво) мнѣ будутъ апплодировать. Будутъ ли апплодировать тамъ (жестъ направо)?

„Тамъ“ ему *тоже* апплодировали. Встала вся зала, и овація оратору совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ вышла очень единодушной и длительной. Но затѣмъ, послѣ предсѣдателя Думы М. В. Родзянко, выступилъ очередной ораторъ четвертой Думы, П. Н. Милюковъ и началъ свою рѣчь съ разоблаченія софизмовъ Церетели, на которыхъ втеченіе многихъ мѣсяцевъ держалась совтѣская идеологія. „Вѣрно, что революція совершилась во имя спасенія страны. Не вѣрно, — или не доказано —, что безъ революціи мы уже имѣли бы сепаратный миръ. Вѣрно, что революція начата не планомѣрнымъ заговоромъ, а стихійнымъ порывомъ массъ. Невѣрно, что она обязана своей побѣдой — неорганизованной стихіи. Она обязана этой побѣдой

Гос. Думѣ, давшей санкцію перевороту и объединившей не отдѣльныя партіи, а весь народъ. Вѣрно, что организовать революцію пытались „демократическія организаціи". Невѣрно, что онѣ однѣ могутъ спасти революцію отъ послѣдствій ихъ собственныхъ ошибокъ. Вѣрно, что, пока не созданъ аппаратъ, выражающій волю народа, власть должна угадывать эту общую волю. Невѣрно, что воля народа выражается исключительно въ наскоро сколоченныхъ организаціяхъ. Вѣрно, что власть не должна опираться на одни цензовые элементы. Невѣрно, что *нецензовые* элементы сошлись клиномъ въ однихъ только, такъ называемыхъ, „органахъ революціонной демократіи". Вѣрно, что неорганизованныя массы шли въ настоящее время за тѣми партійными лозунгами, которые звучатъ наиболѣе прельщающе. (Церетели указывалъ на результаты выборовъ). Невѣрно, что эти партіи имѣютъ монополію на демократизмъ —ибо Россія состоитъ не изъ однихъ только соціалистовъ". П. Н, Милюковъ сдѣлалъ затѣмъ сжатый фактическій обзоръ ошибокъ „революціонной демократіи" и подвелъ имъ итогъ. Двѣ капитуляціи правительства передъ утопизмомъ соціалистическихъ партій въ моментъ перехода къ первому коалиціонному правительству; капитуляція въ вопросѣ о „демократизаціи" арміи, сопровождавшаяся уходомъ А. И. Гучкова; капитуляція въ вопросѣ о „циммервальдской" внѣшней политикѣ, сопровождавшаяся уходомъ министра иностранныхъ дѣлъ. Двѣ другія капитуляціи за два мѣсяца управленія первой коалиціи: капитуляція передъ утопическими требованіями рабочаго класса, сопровождавшаяся уходомъ А. И. Коновалова, и капитуляція передъ крайними требованіями національностей, сопровождавшаяся уходомъ остальныхъ к.-д. Пятая капитуляція передъ захватными стремленіями массъ въ аграрномъ вопросѣ, поощрявшимися министромъ земледѣлія, вызвала уходъ перваго предсѣдателя Врем. Правительства, князя Львова. Основная причина всѣхъ этихъ уходовъ есть желаніе революціонной демократіи „направить буржуазную революцію въ соціалистическое русло руками самой, такъ называемой „буржуазіи". Ораторъ указалъ на то, что партія народной свободы выходила и вновь входила въ правительство только для одной цѣли: демонстраціи значенія „общенародной программы". Онъ не скрылъ того, что и послѣдняя коалиція „не осуществила основныхъ мыслей этого единенія". Связанное партійной зависимостью, правительство продолжаетъ колебаться, и ни въ области военнаго дѣла, ни въ области

внутренняго управленія, ни въ области земельнаго вопроса не можетъ достаточно быстро и послѣдовательно принять тѣ мѣры для спасенія родины, необходимость которыхъ само признаетъ. „Я не хочу дѣлать окончательнаго вывода изъ своихъ замѣчаній“, заявилъ ораторъ въ концѣ рѣчи. „Министръ предсѣдатель желалъ получить поддержку партій при созданіи коалиціи: онъ ее получилъ. Онъ желаетъ получить поддержку совѣщанія: онъ ее получитъ. Но. . . дальнѣйшее зависитъ отъ того употребленія, которое правительство сдѣлаетъ изъ этой поддержки, которую мы даемъ ему добровольно и безъ спора“.

Въ своей отвѣтной рѣчи И. Г. Церетели не обнаружилъ обычной самоувѣренности и проявилъ готовность идти на уступки. Но онъ не хотѣлъ или не могъ понять сущности предъявленныхъ обвиненій. Видя въ П. Н. Милюковѣ, главнымъ образомъ, сторонника „имперіалистской“ внѣшней политики, онъ обошелъ его обвиненіе „революціонной демократіи“ въ желаніи вести силами государственной власти классовую борьбу за соціализмъ. Онъ трижды настойчиво возвращался къ требованію признанія П. Н. Милюковымъ основъ „демократической“ внѣшней политики. За это онъ былъ готовъ обѣщать, что „демократія не сложитъ оружія до тѣхъ поръ, пока Россія подвергается нашествію, и ея цѣлости и свободѣ грозитъ опасность“; что сторонники сепаратнаго мира придутъ къ нему, лишь „перешагнувъ черезъ трупъ революціи“; что „военная дисциплина будетъ возстановлена сверху до низу“, и приказы людей, „призванныхъ къ командованію“, „идти въ наступленіе“ „будутъ исполняться безъ разсужденій“, „правильно или неправильно это приказаніе“. Въ области внутренней политики, признавалъ Церетели далѣе, „если связь правительства съ совѣтомъ являлась для васъ препоной, и мѣшала вамъ поддерживать власть, спасающую революцію, то мы заявляемъ вамъ: этой препоны больше нѣтъ. Вотъ коалиціонная власть (онъ указалъ на правительственныя скамьи), дѣйствующая *внѣ* формальной связи съ совѣтами рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“. Это не помѣшало, однако, Церетели, нѣсколькими минутами позже заявить: „нѣтъ власти въ Россіи выше власти Врем. Правительства, *ибо источникъ этой власти — суверенный народъ — непосредственно черезъ тѣ органы*, которыми онъ располагаетъ, *делегировалъ эту власть Временному Правительству*“. Это значило лѣвой рукой взять назадъ гораздо больше того, что давалось правой. И

когда вслѣдъ затѣмъ Церетели замѣтилъ, что „чутье" ему показываетъ, „что П. Н. Милюковъ питаетъ очень мало надеждъ на сохраненіе этой коалиціи", то онъ лишь сдѣлалъ правильный выводъ изъ собственнаго внутренняго противорѣчія. Нельзя было, обойдя всѣ разногласія по существу, прикрывъ ихъ чисто внѣшними примирительными фразами, разсчитывать на „реальную поддержку" и на взаимное пониманіе.

Какъ бы для того, чтобы еще болѣе подчеркнуть искусственный характеръ соглашенія, ораторъ торгово-промышленнаго класса А. А. Бубликовъ, правда, безъ уполномочія послѣдняго, заявилъ, что „протянутая рука" Церетели „не повиснетъ въ воздухѣ". Торжественно, при шумныхъ оваціяхъ всей залы, онъ потрясъ руку нѣсколько растерявшагося отъ такой неожиданности лидера „революціонной демократіи". „Рукопожатіе Бубликова" стоило И. Г. Церетели большихъ нападокъ въ лѣвой прессѣ и отнюдь не укрѣпило его положенія въ своихъ собственныхъ рядахъ. Когда, день спустя, по капитальному вопросу о смертной казни онъ получилъ всего четыре голоса въ исполнительномъ комитетѣ совѣтовъ, который притомъ отказался начать свое засѣданіе съ отчета Церетели о Московскомъ Совѣщаніи, то бутафорскій характеръ соглашенія, положеннаго въ основу коалиціи, выяснился и съ другой стороны. Очевидно, лидеръ совѣтскаго большинства уже потерялъ право говорить отъ имени этого большинства, когда шелъ на всевозможныя уступки въ Москвѣ. Его признаніе, что „революція была неопытна" въ борьбѣ съ большевизмомъ, подтвердилось скорѣе и полнѣе, чѣмъ, быть можетъ, онъ самъ ожидалъ.

За то лѣвая получила реваншъ съ той стороны, откуда его никто не ожидалъ: со стороны казачества. Нашелся нѣкій есаулъ Нагаевъ, который отъ казачьей секціи совѣта рѣзко возражалъ Каледину, отрицая у него право говорить отъ имени трудового казачества. Произошелъ бурный инцидентъ, въ который былъ вовлеченъ самъ предсѣдатель и который едва не кончился дуэлью казака съ офицерами.

Совѣщаніе кончилось. Неясность политической мысли, сказавшаяся въ его созывѣ, обнаружилась еще разъ, когда пришлось подводить ему итоги. Послѣ всего, что произошло на самомъ совѣщаніи, собственно, для этой неясности не должно бы было быть мѣста. Совѣщаніе обнаружило наглядно то, что многіе раньше

только чувствовали. Оно обнаружило, что страна дѣлится на два лагеря, между которыми не можетъ быть примиренія и соглашенія по существу. Но было совершенно ясно и то, что власть не можетъ сдѣлать требуемаго выбора. Иначе, — если бы она могла рѣшиться на выборъ — несправедлива была бы критика многочисленныхъ ораторовъ, видѣвшихъ корень зла въ безсиліи и нерѣшительности власти.

Власть осталась такой, какой застало ее Московское Совѣщаніе, но съ однимъ большимъ минусомъ. Вся страна воочію увидала и узнала, какова эта власть и въ чемъ причина ея слабости и безсилія.

Если еще оставалось мѣсто иллюзіямъ, ихъ должна была уничтожить заключительная рѣчь А. Ф. Керенскаго. Какъ бы чувствуя, что благопріятнаго для правительства итога подвести нельзя и что ему сказать нечего, онъ сперва вовсе не хотѣлъ выступать въ концѣ. Но когда министры указали ему на неудобство такого молчаливаго окончанія совѣщанія, Керенскій согласился закончить совѣщаніе краткой рѣчью, „минутъ на десять". Онъ, дѣйствительно, началъ свое заключеніе, какъ предполагалъ. Совѣщаніе выслушало массу противорѣчивыхъ мнѣній, каждый членъ совѣщанія лучше понялъ, что ему было понятно не все. Но правительство, которое по своему положенію должно все знать и все видѣть, рѣшитъ по совѣсти, какъ примирить непримиримое и какія изъ пожеланій исполнить. Безполезно принуждать его къ исполненію *всѣхъ* желаній каждаго „физической силой". Всякій, кто хотѣлъ бы навязать свою отдѣльную волю волѣ большинства, которое представляется правительствомъ, почувствовалъ бы на себѣ силу власти, которая только кажется безсильной. Тутъ можно было бы поставить точку. Но въ послѣднихъ фразахъ Керенскій уже вступилъ въ область своего тогдашняго психоза-страха. Онъ имѣлъ еще самообладаніе — оговориться, что дальше будетъ говорить уже лично отъ себя. Но затѣмъ, и по формѣ, и по содержанію, его рѣчь потеряла характеръ объективности и спокойствія. Ораторъ какъ бы впалъ въ своего рода трансъ. Прерывающимся голосомъ, который отъ истерическаго крика падалъ до трагическаго шопота, А. Ф. Керенскій грозилъ воображаемому противнику, пытливо отыскивая его въ залѣ воспаленнымъ взглядомъ лихорадочно блестѣвшихъ глазъ и пугая публику погибелью собственной души. Отъ него требуютъ суро-

выхъ методовъ въ управленіи? Да, можетъ быть, его приведутъ къ этому! Его принудятъ вырвать изъ души и растоптать цвѣты, и сердце его станетъ какъ камень! „Нѣтъ, Александръ Федоровичъ, Вы этого не сдѣлаете", раздался изъ ложи истерическій женскій голосъ. Министры сидѣли смущенные, опустивъ головы. Настроеніе аудиторіи достигло страшнаго напряженія. А ораторъ, охваченный порывомъ страсти — или душевнымъ припадкомъ — говорилъ, говорилъ — и не могъ кончить рѣчи. Наконецъ, взрывъ апплодисментовъ облегченно вздохнувшей публики оборвалъ эту мучительную сцену. Измученный ораторъ не сѣлъ, а упалъ на предсѣдательское кресло. Затѣмъ, не успѣвъ еще придти въ себя, онъ быстро оставилъ свое мѣсто, какъ трибуну, позабывъ закрыть совѣщаніе. Друзья напомнили ему объ обязанности предсѣдателя. Онъ торопливо вернулся къ столу и кое-какъ произнесъ необходимыя фразы. Была половина второго ночи.

Сравнительно съ тревожными ожиданіями, сопровождавшими открытіе Московскаго Совѣщанія, оно закончилось благополучно. „Съ неизбѣжностью развивавшіяся событія", наступленія которыхъ Керенскій „ожидалъ уже передъ Московскимъ Совѣщаніемъ", не наступили. „Подготовлявшаяся", по его же словамъ, „попытка на Московскомъ Совѣщаніи создать т. наз. сильную власть" не имѣла мѣста — по той простой причинѣ, что *на Московскомъ Совѣщаніи* вообще ничего не подготовлялось. „Національное равновѣсіе", обрекавшее власть на топтаніе на одномъ мѣстѣ, внѣшнимъ образомъ сохранилось. Керенскій объяснилъ это тѣмъ, что „на Московскомъ Совѣщаніи правые утописты (они же „большевики справа") были благополучно поставлены на свое мѣсто". Вѣрнѣе было бы сказать, что они не стали на мѣсто, на которомъ ожидалъ найти ихъ Керенскій. *Видимость единенія* была сохранена — не столько потому, что на это формальное единеніе возлагались бы кѣмъ либо дальнѣйшія надежды, сколько потому, что никто не думалъ дѣлать Московское Совѣщаніе сигналомъ къ открытой борьбѣ.

Формально—совѣщаніе не вынесло осужденія коалиціи. При желаніи, можно было торжествовать этотъ исходъ, какъ побѣду правительства. Н. В. Некрасовъ облекъ этотъ оптимистическій выводъ въ подходящую форму для печати. „Авторитетъ власти возросъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрасла и ея отвѣтственность. Московское Совѣщаніе не рѣшилось по многимъ вопросамъ взять на

себя отвѣтственность (его къ этому не приглашали ни по одному вопросу. П. М.), предоставивъ рѣшеніе ихъ Временному Правительству, и облекло это правительство полнотой власти (на что, конечно, не имѣло никакого права. П. М.) Въ дѣйствительности, вопреки этимъ фальшивымъ словамъ, правительство вышло изъ совѣщанія скорѣй съ ослабленнымъ авторитетомъ. Оно не только демонстрировало передъ всей страной свое безсиліе и — что еще хуже — безволіе, но и покрыло себя, въ лицѣ своего главы, налетомъ того „смѣшного, которое убиваетъ".

Идея коалиціи не только не побѣдила, какъ хотѣлъ внушить странѣ замѣститель предсѣдателя, но, напротивъ, потерпѣла впервые наглядное и очевидное для всѣхъ крушеніе въ публичномъ столкновеніи двухъ взглядовъ, которые даже самъ Керенскій принужденъ былъ признать непримиримыми. Оба борющіеся лагеря на глазахъ всей страны нетерпѣливо готовились къ рѣшительной схваткѣ черезъ голову власти, которая безсильно повисла между ними въ воздухѣ, не рѣшаясь сдѣлать никакого выбора. Въ интимномъ кругу Керенскій былъ откровеннѣе, когда оцѣнивалъ пользу, принесенную ему Московскимъ Совѣщаніемъ не столько съ политической, сколько съ полицейской точки зрѣнія. „Пріѣхавъ въ Петербургъ", вспоминаетъ онъ,*) „я говорилъ близкимъ друзьямъ, а также и Временному Правительству что я очень доволенъ Московскимъ Совѣщаніемъ, *такъ какъ то, что мнѣ нужно было, я совершенно учелъ и знаю, гдѣ, что и какъ*". Въ этой лаконической фразѣ Керенскій разумѣлъ полученное имъ въ Москвѣ освѣдомленіе о Корниловскомъ „заговорѣ".

Такимъ образомъ, министра-президента интересовало по существу не столько признаніе принципа коалиціи, будто бы усилившее „авторитетъ власти", сколько, такъ сказать, болѣе точная локализація предметовъ его смутнаго и неопредѣленнаго страха передъ „развивающимися съ неизбѣжностью событіями". Даже онъ, носитель идеи „національнаго равновѣсія", готовился въ Москвѣ къ грядущей борьбѣ и, конечно, не могъ вѣрить въ серьезность примирительнаго жеста между боровшимися элементами русской общественности.

„Примиренчество", внѣшній успѣхъ котораго на совѣщаніи такъ усердно подчеркивалъ Н. В. Некрасовъ, какъ разъ въ это

*) Дѣло Корнилова, стр. 169.

время окончательно отъиграло свою роль. Это и было наглядным образомъ демонстрировано тотчасъ послѣ совѣщанія на томъ самомъ Церетели, примирительное выступленіе котораго, по выраженію Некрасова, произвело „переломъ“ въ настроеніи съѣзда, склонивъ даже непримиримыхъ на сторону соглашенія. Церетели намѣренно подготовлявшій себѣ на совѣщаніи роль высшаго судьи демократической тактики, чего то вродѣ „язычка вѣсовъ“ революціонной политики, два дня спустя былъ самымъ безцеремоннымъ образомъ дезавуированъ „революціонной демократіей“. 18-го Августа Петроградскій совѣтъ р. и с. д. долженъ былъ выслушать въ своемъ новомъ помѣщеніи, въ Народномъ домѣ, докладъ исполнительнаго комитета о Московскомъ Совѣщаніи. Вмѣсто того, по предложенію большевиковъ, было рѣшено обсуждать „болѣе важные вопросы“ — о смертной казни и объ арестахъ ленинцевъ. Докладчикъ Мартовъ предложилъ собранію принять резолюцію протеста противъ введенія смертной казни на фронтѣ, „какъ мѣры устрашенія солдатскихъ массъ въ цѣляхъ порабощенія ихъ командному составу“ и, „слѣдовательно, мѣры, преслѣдующей контръ-революціонныя цѣли“, „требовать отъ Временнаго Правительства ея отмѣны и заклеймить ведущуюся милитаристическими и буржуазными кругами агитацію за дальнѣйшее распространеніе смертной казни“. Какъ извѣстно, это было требованіе Корнилова, почти принятое въ Москвѣ Керенскимъ. Конецъ резолюціи, выражалъ порицаніе всероссійскому исполнительному комитету за то, что онъ „до сихъ поръ не нашелъ въ себѣ рѣшимости поднять вопросъ о смертной казни“. Церетели, отъ имени большинства комитета, выступилъ на его защиту. „Почему вы не протестовали противъ этого ужаснаго института тогда, когда онъ былъ введенъ, очень скоро послѣ событій 3—5 Іюля и несчастья на фронтѣ“, спрашивалъ онъ своихъ противниковъ, думая усовѣстить ихъ этимъ напоминаніемъ? „Если тогда вы хранили молчаніе, значитъ было что-то такое, что васъ заставляло молчать?... Вы понимали смыслъ этого акта“. А теперь, „если вслѣдъ за вашимъ постановленіемъ не послѣдуетъ отмѣны смертной казни, что же, вы вызовете на улицу толпу, чтобы требовать сверженія правительства?“ „Да“, кричали большевики, перебивая Церетели, — „да, мы вызовемъ толпу и будемъ добиваться сверженія правительства.“ „Вы теперь высоко подняли головы“, отвѣчалъ Церетели большевикамъ, „а на второй день послѣ введенія смертной

казни я этихъ высоко поднятыхъ головъ что-то не замѣчалъ". И, переходя на ихъ точку зрѣнія, онъ пытался убѣдить ихъ, что смертная казнь еще пригодится противъ контръ-революціи и противъ „генераловъ". Отмѣнить ее можно будетъ, „когда революція снова укрѣпится".

Мартовъ отвѣтилъ на всѣ эти словоизвитія Церетели указаніемъ на непрямоту и неискренность его позиціи. Онъ требовалъ отъ Церетели прямого отвѣта: „въ интересахъ-ли революціи требовалъ Корниловъ введенія смертной казни на фронтѣ и въ тылу?" Церетели отвѣтилъ новымъ софизмомъ: „нѣтъ, эта мѣра не контръ-революціонна, ибо иначе Мартовъ звалъ бы васъ къ сверженію правительства", а онъ предлагаетъ только „бумажную резолюцію", такъ что правительство отъ этого не падетъ, и смертная казнь отмѣнена не будетъ.

Мартовъ, дѣйствительно, не доводилъ своихъ требованій до конца. Но онъ сознательно наносилъ ударъ старой тактикѣ совѣтскаго большинства, доведшей Церетели до рукопожатія Бубликова. Мартовъ при этомъ явно игралъ въ руку тѣхъ, кто съ мѣстъ грозилъ новымъ возстаніемъ противъ правительства. *Не смертная казнь, а именно тактика Церетели осуждалась* по поводу доклада о смертной казни, — на это осужденіе пошло собраніе, отказавшееся слушать докладъ о Московскомъ Совѣщаніи. И резолюція Мартова, за исключеніемъ прямого осужденія исполнительнаго комитета, была принята всѣми голосами противъ четырехъ голосовъ вождей совѣта. Въ числѣ этихъ четырехъ былъ и самъ Церетели. Нельзя было ярче показать, что петроградская „демократія" не идетъ за тѣмъ умѣреннымъ большинствомъ, которое дало въ Москвѣ поддержку коалиціонному правительству.

VI. ПОСЛѢДНІЙ ФАЗИСЪ КОРНИЛОВСКАГО КОНФЛИКТА.

Попытки соглашенія. Впечатлѣнія взятія Риги. Личная тактика Керенскаго. Савинковъ у Корнилова. Настроеніе столицы и мѣры большевиковъ. „Заговоръ“ въ ставкѣ. Политическая сторона миссіи Савинкова. Миссія В. Н. Львова. Разговоръ Львова съ Корниловымъ 22-го Августа. В. Н. Львовъ „выполняетъ порученіе“. 25-го Августа въ ставкѣ. Гражданскія и военныя мѣры Корнилова.

На очереди все же стоялъ вопросъ, какими мѣрами предотвратить ту опасность, грозившую на фронтѣ, о которой говорилъ на Московскомъ Совѣщаніи Корниловъ. Едва уѣхавъ съ совѣщанія, ген. Корниловъ уже снова напомнилъ о себѣ и о своихъ предложеніяхъ телеграммой изъ ставки отъ 16-го Августа. Онъ опять настаивалъ въ ней на немедленномъ проведеніи въ жизнь мѣропріятій, изложенныхъ въ его докладѣ 10-го Августа и въ рѣчи на Московскомъ Совѣщаніи. Въ доказательство неотложности этихъ мѣръ онъ приводилъ новые факты развала арміи. Части войскъ только что укомплектованыя пришедшими изъ тыла запасными подкрѣпленіями, оказались, подъ вліяніемъ послѣднихъ еще болѣе неустойчивыми, чѣмъ прежде, и отошли съ позицій послѣ простого артиллерійскаго обстрѣла, не дождавшись атаки противника. Слѣдовательно, выводилъ генералъ, немедленное оздоровленіе тыла необходимо, чтобы прекратить болѣзнь разложенія фронта. Сообразно съ этимъ, и Б. В. Савинковъ сообщалъ печати въ тѣ же дни (17-го Августа), что законопроектъ объ упорядоченіи тыла будетъ въ близкомъ будущемъ внесенъ во Временное Правительство военнымъ министромъ. Въ ставку онъ въ тотъ же день сообщилъ, что программа доклада Корнилова „въ принципѣ“ принята Керенскимъ.

Савинковъ, однако, не упомянулъ, что разногласія по этому вопросу между А. Ф. Керенскимъ и ген. Корниловымъ не прекратились. Объ этомъ нѣсколько подробнѣе освѣдомилъ печать Н. В.

Некрасовъ въ своей бесѣдѣ съ журналистами 20-го Августа. „Требованія главнокомандующаго уже осуществляются", говорилъ онъ; но эти требованія двоякія — „фронтовыя и штатскія". „Послѣднія захватываютъ вопросы фабрично-заводской дѣятельности и желѣзнодорожнаго хозяйства. Что касается *этихъ* требованій верховнаго главнокомандующаго, то между нимъ и Врем. Правительствомъ, дѣйствительно, существуютъ разногласія въ предѣлахъ вопроса, что дѣлать. Штатская часть программы ген. Корнилова непріемлема не только *для лѣвыхъ* членовъ Врем. Правительства, но и для центра, и, смѣю думать, даже и для большинства правой части населенія". Однако Некрасовъ прибавилъ, что Корниловъ готовъ идти на уступки. „Въ недавней бесѣдѣ онъ заявилъ, что для него всего важнѣе *результаты* въ области заводской промышленности и транспорта; а какимъ путемъ они будутъ достигаться, для него не важно". Такъ какъ и правительство стремится къ тѣмъ же результатамъ, то разница тутъ, стало быть, только въ тактикѣ".

Слѣдуетъ, однако, прибавить, что и эта разница не была незначительна: нужно только вспомнить, о какихъ явленіяхъ шло дѣло. Корниловъ предлагалъ военныя мѣры на желѣзныхъ дорогахъ, а желѣзнодорожники готовили на 20-е Августа общую забастовку. Въ области работы на оборону громадный пожаръ складовъ снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ въ Казани (14-го Августа), вызвавшій „злорадство" мѣстныхъ солдатъ, которыхъ въ цѣляхъ охраны пришлось замѣнить юнкерами, обратилъ вниманіе правительства на усиленную работу германскихъ „агентовъ-разрушителей". Словомъ, явленія въ тылу, „заботившія" правительство, находились въ нераздѣльной связи съ его общей тактикой. И было несомнѣнно, что ген. Корнилову то или другое разрѣшеніе „штатской" части его программы было далеко не безразлично. Какъ думало по этому поводу правительство?

Изъ той же бесѣды Некрасова видно, что оно старалось закрывать на это глаза, увѣряя себя и другихъ, что все обстоитъ благополучно. „Правительство въ полной мѣрѣ довѣряетъ ген. Корнилову". Правда, „въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ кругахъ ведется извѣстная игра, и въ эту игру постарались втянуть и Б. В. Савинкова". Но „самъ Корниловъ далекъ отъ этихъ интригъ" и „ничего общаго съ шумихой, создавшейся около его имени, не имѣетъ". Правительство „глубоко убѣждено въ политической не-

причастности верховнаго главнокомандующаго къ этимъ интригамъ, а также въ лояльности его штаба". Откуда же, однако, шли эти разговоры о „контръ-революціи", которыми, какъ мы видѣли, насыщена была политическая атмосфера въ дни Московскаго Совѣщанія? „То тутъ, то тамъ", признаетъ Н. В. Некрасовъ, „вспыхиваютъ безотвѣтственныя попытки контръ-революціоннаго движенія, заставляющія правительство быть на стражѣ".

Въ Москвѣ прокуроръ судебной палаты Стааль даже сообщилъ А. Ф. Керенскому въ дни Московскаго Совѣщанія о готовомъ заговорѣ въ пользу возстановленія монархіи. Были произведены аресты и обыски, подвергнуты домашнему аресту великіе князья Павелъ и Михаилъ Александровичи. Словомъ, шума было произведено много. Но черезъ нѣсколько дней пришлось отпустить арестованныхъ и признать, что весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за нѣсколькихъ выраженій въ перехваченномъ письмѣ фрейлины Хитрово, которая на себѣ провезла письма сестеръ милосердія великимъ княжнамъ въ Тобольскъ. Слѣдствіе раскрыло настроенія дворцовыхъ и сановныхъ круговъ и толки о томъ, что настало время возстановить монархію. Но оно не нашло никакихъ доказательствъ, чтобы уже было приступлено къ какимъ либо дѣйствіямъ для этой цѣли*).

Съ другой стороны „Р. Слово" 19-го Августа напечатало свѣдѣнія о заговорѣ „слѣва". „По имѣющимся въ распоряженіи правительства свѣдѣніямъ", говорилось тутъ, „большевики готовятся къ вооруженному выступленію между 1 и 5 Сентября. Въ военномъ министерствѣ къ предстоящему выступленію относятся весьма серьезно. Ленинцы, по слухамъ, мобилизуютъ всѣ свои силы".

Общественная тревога, о которой свидѣтельствуютъ всѣ эти слухи и толки, достигла своей высшей точки послѣ того, какъ 20-го Августа исполнилось предсказаніе Корнилова, сдѣланное недѣлей раньше на Московскомъ Совѣщаніи. Линія Двины была форсирована именно такъ, какъ объ этомъ предупреждалъ Врем. Правительство ген. Корниловъ еще 3-го Августа. Рига пала вслѣдствіе обхода съ тыла. Верховное командованіе за три недѣли знало о приготовленіяхъ германцевъ. Но всѣ его усилія парировать

---

*) Керенскій, какъ мы видѣли, призналъ въ своихъ показаніяхъ, что тутъ правительство „было направлено на ложный путь". Но даже и въ ошибкахъ не въ мѣру усердныхъ агентовъ онъ готовъ видѣть злоумышленіе: онъ утверждаетъ, неизвѣстно почему, что это было сдѣлано „сознательно", (т. е. съ цѣлью замести слѣды настоящаго заговора).

вать ударъ сокрушились о настроенія войскъ. „Искосолъ" (исполнительный солдатскій комитетъ) двѣнадцатой арміи занимался въ эти дни рѣзкой полемикой противъ „контръ-революціонной" дѣятельности Корнилова, требовалъ контроля комитетовъ надъ примѣняемыми имъ крутыми мѣрами и замѣны ихъ тѣми самыми „мѣрами общественнаго воздѣйствія", которыя не помѣшали „Окопной Правдѣ" втеченіе двухъ мѣсяцевъ заражать армію болѣзнью большевизма и не препятствовали пресловутому Хаустову и его другу, прапорщику Сиверсу, энергично бороться противъ вліянія на армію самого „Искосола". Летучіе солдатскіе митинги выносили на улицу Риги всѣ военныя тайны рижскаго фронта втеченіе цѣлаго мѣсяца. Рига была наканунѣ гражданской войны между русскими войсками и большевистски настроенными латышскими стрѣлками. Офицерамъ былъ объявленъ бойкотъ, а солдаты громили пивные заводы и погреба и пировали въ Вѣрманскомъ паркѣ и „Демократическомъ" (переименованномъ изъ „Царскаго") саду. Ворота Риги были, такимъ образомъ, на-половину открыты, когда ген. Корниловъ, 14-го Августа, предупреждалъ Москву и Россію, что „врагъ стучится" въ эти ворота, и когда онъ настойчиво повторялъ, что „нельзя терять ни одной минуты" для проведенія намѣченныхъ имъ мѣръ. Но потеря Риги не только не вразумила добровольныхъ слѣпцовъ, а лишь прибавила къ прежнимъ обвиненіямъ противъ ген. Корнилова новое, столь же безсмысленное, — обвиненіе въ томъ, что онъ самъ сдалъ Ригу врагу, чтобы попугать Петроградъ и создать благопріятную обстановку для „контръ-революціоннаго" удара.

Правда была въ томъ, что послѣ этого новаго несчастья постигшаго Россію, ген. Корниловъ не хотѣлъ, больше ждать и не возлагалъ больше надеждъ на правительство Керенскаго. Если „нельзя было терять ни одной минуты" и если отъ быстроты и рѣшительности дѣйствій зависѣло спасеніе Россіи, то оставалось дѣйствовать самому: таково было рѣшеніе ген. Корнилова, складывавшееся, дѣйствительно, еще въ дни, предшествовавшіе Московскому Совѣщанію. 21-го Августа опубликованъ былъ его приказъ, уже прямо относившійся къ тылу, и грозившій сельскимъ, волостнымъ и уѣзднымъ комитетамъ, также какъ и мѣстнымъ должностнымъ лицамъ, карой по всей строгости законовъ за укрывательство дезертировъ. „Я, верховный главнокомандующій, обращаюсь къ самому населенію съ призывомъ бороться всѣми сред-

ствами съ укрывающимися въ тылу дезертирами" — такъ гласилъ этотъ, не считавшійся съ раздѣленіемъ властей, приказъ.

Что наступило время дѣйствовать — даже съ рискомъ „вызвать на улицу" большевиковъ, это чувствовало и само правительство, въ особенности Б. В. Савинковъ. Онъ неоднократно открыто говорилъ, что съ двумя полками легко подавить большевистскій мятежъ и разгонить большевистскія организаціи. Было совершенно ясно, что протестовавшій противъ смертной казни Петроградскій совѣтъ не потерпитъ опубликованія новыхъ Корниловскихъ мѣръ, въ случаѣ принятія ихъ правительствомъ. Становилось вѣроятно, что онъ попытается, именно къ моменту ихъ опубликованья пріурочить то уличное движеніе, которое обѣщали большевики въ засѣданіи 16-го Августа и о подготовкѣ котораго имѣлись свѣдѣнія въ военномъ министерствѣ. Въ опубликованныхъ позднѣе документахъ развѣдки, именно, къ этому времени, относятся новыя ассигновки германскихъ денегъ на „предпріятія Троцкаго" ... Нельзя было допустить теперь, при болѣе благопріятныхъ для большевиковъ условіяхъ, повторенія опыта 3—5 Іюля. Если правительство даже рѣшилось вступить на путь, рекомендованный Корниловымъ, — хотя бы на путь принятія его военныхъ, а не „штатскихъ" мѣръ, то нужно было прежде всего предусмотрѣть и парализовать заранѣе принятыми мѣрами возможность вооруженнаго возстанія въ Петроградѣ.

Съ цѣлью сговориться съ ген. Корниловымъ, какъ по поводу правительственныхъ мѣръ для оздоровленія арміи, такъ и по вопросу о предупрежденіи политическихъ послѣдствій этихъ мѣръ, Б. В. Савинковъ былъ командированъ въ ставку. Онъ выѣхалъ уже 22-го Августа, два дня спустя послѣ первыхъ извѣстій о прорывѣ на рижскомъ фронтѣ. Передъ его отъѣздомъ Врем. Правительство рѣшило выдѣлить Петроградъ въ самостоятельную военно-административную единицу и подчинить войска столицы одному лицу, непосредственно назначенному правительствомъ. Тогда же рѣшено было измѣнить составъ этихъ войскъ, отправивъ на фронтъ всѣ полки, которые принимали участіе въ возстаніи 3—5 Іюля, „дабы дать имъ возможность загладить свой поступокъ", и замѣнивъ ихъ болѣе надежными частями, прежде всего, кавалеріей, которая уже начала приходить въ столицу, по пути въ Финляндію. Въ духѣ настроенія правительства въ эти дни, приказъ арміи и флоту Керенскаго отъ 22-го Августа отда-

валъ справедливость „цвѣту арміи, офицерству", „доказавшему, что оно плоть отъ плоти народа", и обѣщалъ ему „ничего не требовавшему, ничего не заявлявшему о своихъ нуждахъ, не смотря на тяжелое экономическое положеніе, всяческую поддержку власти". Этимъ удовлетворялось одно изъ требованій ген. Корнилова, — правда, уже слишкомъ поздно, чтобы оказать замѣтное дѣйствіе на офицерство и на взаимныя отношенія между нимъ и солдатской массой.

Офицерскіе союзы, посылавшіе передъ Московскимъ Совѣщаніемъ телеграммы о несмѣняемости Корнилова, отнюдь не были подкуплены запоздалымъ и вынужденнымъ признаніемъ ихъ заслугъ. Они продолжали видѣть въ Керенскомъ своего врага и врага Россіи. Въ Корниловской „игрѣ" ихъ позиція была опредѣлена заранѣе. Это отчетливо понималось обѣими сторонами. Еще 18-го Августа въ „Извѣстіяхъ Совѣта р. и с. д." появилась слѣдующая замѣтка: „Изъ освѣдомленныхъ источниковъ Врем. Правительству стало извѣстно, что контръ-революціонныя выступленія различныхъ организацій усилились, и имѣются свѣдѣнія о неблагопріятной дѣятельности въ этомъ направленія союза георгіевскихъ кавалеровъ". Съ своей стороны, московскій отдѣлъ трехъ офицерскихъ союзовъ, арміи и флота, военной лиги и общеказачьей организаціи, протестовалъ 24-го Августа противъ обращенія офицеровъ въ своего рода „поднадзорныхъ", а выборныхъ органовъ арміи — въ „охранныя отдѣленія". Тутъ имѣлось въ виду секретное обращеніе московскаго совѣта солдатскихъ депутатовъ отъ 24-го Іюля къ комитетамъ, которымъ затребованы были свѣдѣнія о „нежелательныхъ", „ведущихъ контръ-революціонную пропаганду" и „не соотвѣтствующихъ по своему поведенію занимаемымъ ими должностямъ" офицерахъ. Среди этого, все болѣе запутывавшагося положенія, А. Ф. Керенскій уже велъ свою собственную линію. Его умственный взоръ, со времени Московскаго Совѣщанія, былъ прикованъ къ предмету его страха: къ Корниловскому заговору. Онъ, по его мнѣнію, уже „зналъ, гдѣ, что и какъ". Но, говоритъ онъ въ своихъ показаніяхъ, „единственный методъ, которымъ я пользовался, — (былъ) — *наблюдать и быть готовымъ*... Дѣйствовать, (т. е. оффиціально предъявлять обвиненія и т. д.) по негласнымъ свѣдѣніямъ и просто дружескимъ сообщеніямъ я не могъ. Я бы показался тогда общественному мнѣнію человѣкомъ, страдающимъ маніей преслѣдованія. Ничего бы изъ этого не

вышло. Но я все время былъ на стражѣ и слѣдилъ за малѣйшими измѣненіями въ этихъ кругахъ". Керенскій, однако, не только наблюдалъ, но и дѣйствовалъ, принимая мѣры предосторожности. Одна изъ нихъ была направлена на главный комитетъ союза офицеровъ въ ставкѣ, „вліятельная часть" котораго, по свѣдѣніямъ Керенскаго, была „прикосновенна къ конспиративной организаціи". „Послѣ Московскаго Совѣщанія", показываетъ онъ, „я рѣшился *выселить* комитетъ изъ ставки„ *).

Это порученіе было также дано Савинкову. Затѣмъ, и въ вопросѣ выдѣленія Петрограда, Керенскій преслѣдовалъ ту же политическую задачу. „Я поставилъ себѣ только одну цѣль", показываетъ онъ, — „сохранить самостоятельность правительства: цѣль, которую мотивировалъ во Временномъ Правительствѣ тѣмъ, что, въ виду остраго положенія вещей, невозможно правительству отдавать себя совершенно въ распоряженіе ставки — въ смыслѣ командованія вооруженными силами. . . Мы были бы тутъ скушаны. . . Петербургъ, какъ политическій центръ, долженъ быть экстерриторіаленъ, т. е. въ военномъ отношеніи независимъ отъ ставки. За принятіе этого плана я около недѣли велъ борьбу, и въ концѣ концовъ удалось привести къ единомыслію всѣхъ членовъ Временнаго Правительства и получить формальное согласіе Корнилова. И вотъ, въ связи съ настроеніемъ ставки и возможными осложненіями. . , предполагалось имѣть опредѣленное количество вооруженной силы, именно, въ распоряженіи Врем. Правительства, а никоимъ образомъ не въ подчиненіи верховному главнокомандующему".

Изъ самого этого изложенія видно, что не всѣ свои мысли Керенскій повѣрялъ — не только Врем. Правительству, но даже и лицамъ, какъ Савинковъ. Надо было думать, это было причиной того, что и цѣль его распоряженій не всѣми понималась одинаково. Какъ они понимались тѣми, кто считалъ эти распоряженія направленными противъ „возможныхъ осложненій" со стороны большевиковъ, изложено выше. Но, по мысли Керенскаго, которую онъ хранилъ просебя, тѣ же мѣропріятія должны были быть приняты и противъ настроенія ставки, т. е. плановъ Корнилова. „У меня лично вниманіе было сосредоточено въ другую сторону",

---

*) Дѣло Корнилова, 47.

признаетъ онъ въ своихъ показаніяхъ. „Послѣ Московскаго Совѣщанія для меня было ясно, что ближайшая попытка удара будетъ справа, а не слѣва“ *). Въ этомъ Керенскій разошелся даже съ ближайшими исполнителями его воли. Что вышло изъ этой роковой двусмысленности положенія и недоговоренности плановъ и намѣреній, мы скоро увидимъ.

При такомъ настроеніи столицы, офицерства, правительства и Керенскаго, Б. В. Савинковъ прибылъ въ ставку. Тамъ подъ его предсѣдательствомъ должно было состояться 23-го Августа совѣщаніе комиссаровъ и представителей армейскихъ организацій для выработки мѣръ оздоровленія арміи въ согласіи съ предложеніемъ Корнилова. Савинковъ развилъ здѣсь свою программу, принятую и верховнымъ главнокомандующимъ, но, несомнѣнно неудовлетворявшую офицерство. Выборныя войсковыя организаціи, по этому плану сохранялись, какъ „могучее средство для внѣдренія въ воинскія массы дисциплины и гражданскаго сознанія, обезпечивая своимъ существованіемъ спокойное отношеніе къ тѣмъ суровымъ мѣрамъ, которыя необходимы для спасенія арміи и страны, какъ на фронтѣ, *такъ и въ тылу*“. Но „до сихъ поръ комитеты являлись организаціями совершенно безотвѣтственными передъ закономъ. Они могли выносить какія угодно постановленія, хотя бы явно противозаконныя и вредныя, не подвергаясь никакой карѣ“. „Этого быть не должно, и передъ комитетами должна быть создана альтернатива: либо исполнять свои обязанности и проводить въ сознаніе массъ идеи порядка и дисциплины, либо поддаваться безотвѣтственнымъ вліяніямъ массъ и за это нести кару по суду“. За это, съ другой стороны, права комитетовъ будутъ ограждены отъ посягательствъ начальствующихъ лицъ, „причемъ *всякое безтактное отношеніе будетъ служить поводомъ къ признанію служебнаго несоотвѣтствія начальниковъ*“, т. е. къ ихъ удаленію. Въ роли временныхъ посредниковъ между команднымъ составомъ и солдатами являются комиссары. Они суть „правомочные представители Временнаго Правительства, а *отнюдь не* какихъ-либо общественно-политическихъ и профессіональныхъ организацій“. „Право оцѣнки начальствующихъ“ принадлежитъ имъ „только съ гражданско-политической стороны“ — и, очевидно, съ этой стороны они *могутъ* признавать командный составъ „несо-

*) Дѣло Корнилова, 97.

отвѣтствующимъ". Но вмѣшиваться въ вопросы чисто-оперативнаго характера и съ этой точки зрѣнія входить въ „оцѣнку лицъ командмнаго состава" они, какъ и комитеты, не имѣютъ права. „Когда армія вернетъ себѣ свою боеспособность, институтъ комиссаровъ прекратится".

Таковъ былъ максимумъ уступокъ военнаго министерства верховному главнокомандующему. Былъ-ли ген. Корниловъ согласенъ удовлетвориться этимъ максимумомъ? Нѣкоторый отвѣтъ на это даетъ разсказъ комиссара юго-западнаго фронта Іорданскаго о „странной выходкѣ ген. Корнилова, одинаково направленной противъ комиссаровъ, комитетовъ и даже противъ управляющаго министерствомъ Савинкова" („Р. Слово", 31-го Августа). „Придя (25-го Августа) на совѣщаніе комиссаровъ", разсказываетъ Іорданскій, — „Корниловъ произнесъ рѣчь, въ которой обрисовалъ положеніе Россіи въ стилѣ своихъ теперешнихъ воззрѣній (см. ниже) и, бросивъ упрекъ всему совѣщанію, что оно занимается безплодными разговорами, наконецъ, рѣзко заявилъ, что въ выработанномъ политическимъ управленіемъ военнаго управленія законопроектѣ о войсковыхъ организаціяхъ комиссаровъ есть параграфы, противорѣчащіе воинской дисциплинѣ. „*Этого я не допущу*", сказалъ Корниловъ, схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ комнаты". Очевидно, компромиссъ, придуманный Савинковымъ, Корнилова не удовлетворялъ.

Съ другой стороны, правительство, въ лицѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ, не шло даже и такъ далеко въ уступкахъ Корниловской программѣ, какъ готовъ былъ идти Савинковъ. Обѣщанія и завѣренія Савинкова Корнилову, несомнѣнно, въ извѣстной степени дѣлались авансомъ, въ расчетѣ на ихъ послѣдующее одобреніе правительствомъ, какъ это замѣтилъ въ одномъ изъ своихъ интервью Н. В. Некрасовъ. Тотъ же Некрасовъ сообщаетъ намъ (20-го Августа) что руководящее теченіе въ правительствѣ, именно стояло за то, чтобы „не проводить немедленно всѣхъ намѣченныхъ мѣропріятій, а ограничиться сначала осуществленіемъ нѣкотораго комплекса соотвѣтствующихъ мѣръ, а затѣмъ подождать, принесутъ ли мѣры оздоровленіе въ арміи, и только въ случаѣ необходимости прибѣгнуть къ проведенію слѣдующаго комплекса мѣръ". Очевидно, тутъ не договорено, что хотѣли „подождать" и увидѣть, каково будетъ *политическое* дѣйствіе перваго приступа къ осуществленію Корниловской программы. Такимъ образомъ,

„постепенность“ диктовалась не дѣловыми соображеніями, а оглядкой на совѣтъ с., р. и к. д. Этой точки зрѣнія не могъ, конечно, держаться самъ ген. Корниловъ и Н. В. Некрасовъ вынужденъ былъ признать, что вмѣстѣ съ Корниловымъ „также и нѣкоторые члены правительства (это были нѣкоторые изъ министровъ партіи народной свободы), наоборотъ, полагаютъ, что *всѣ* военныя мѣропріятія должны быть проведены *нынѣ же*, *не ожидая новыхъ возможныхъ потрясеній.* Сторонники этой точки зрѣнія указываютъ, что продолженіе того состоянія, которое наблюдается въ настоящее время во многихъ областяхъ Россіи, указываетъ на пробѣлъ въ охранѣ государственнаго порядка и *требуетъ не замедлительнаго пополненія* этого пробѣла. Н. В. Некрасовъ, однако, указалъ, что *въ предѣлахъ* того „комплекса“ мѣропріятій, который намѣченъ былъ наиболѣе вліятельной группой въ правительствѣ на первую очередь, рѣшеніе правительства идти до конца было принято вполнѣ опредѣленно.

„Въ случаѣ, когда тѣ или иныя мѣры, являющіяся съ военной точки зрѣнія обязательными, представляются нежелательными по политическимъ соображеніямъ, правительство будетъ черпать свои рѣшенія исключительно въ сознаніи своей совѣсти: и, конечно, здѣсь не окажутъ вліянія ультимативныя требованія-заявленія ни отдѣльныхъ общественныхъ дѣятелей (кивокъ въ сторону Корнилова), ни обширныхъ общественныхъ организацій“ (кивокъ въ сторону совѣтовъ). Такимъ образомъ, и вопросъ о томъ, какъ парализовать „нежелательныя по политическимъ соображеніямъ“ послѣдствія намѣченныхъ въ первую очередь мѣръ, продолжалъ быть очереднымъ и острымъ вопросомъ, въ особенности при тѣхъ недомолвкахъ и разногласіяхъ, какія существовали между правительствомъ и Керенскимъ, между Керенскимъ и Савинковымъ, между Савинковымъ и Корниловымъ. И управляющій военнымъ министерствомъ, только что получившій въ управленіе и морское министерство, завелъ 24-го Августа откровенные переговоры съ Корниловымъ, относительно дальнѣйшихъ передвиженій войскъ для обезпеченія столицы отъ повторенія большевистскаго бунта при опубликованіи Корниловскихъ мѣръ.

Протоколъ, составленный въ ставкѣ, даетъ возможность почти дословно воспроизвести аргументацію Б. В. Савинкова. „Ваши требованія, Лавръ Георгіевичъ“, говоритъ онъ Корнилову, „будутъ удовлетворены въ ближайшіе дни. Но при этомъ прави-

тельство опасается, что въ Петроградѣ могутъ возникнуть серьезныя осложненія. Намъ извѣстно, что примѣрно 28—29-го Августа, въ Петроградѣ ожидается серьезное выступленіе большевиковъ. Опубликованіе вашихъ требованій *), проводимое черезъ Временное Правительство, конечно, будетъ толчкомъ для выступленія большевиковъ, если бы послѣдніе почему либо задержались. Хотя въ нашемъ распоряженіи достаточно войскъ, но на нихъ мы вполнѣ разсчитывать не можемъ, — тѣмъ болѣе, что еще неизвѣстно, какъ къ новому закону отнесутся с. р. и с. д. Послѣдніе также могутъ оказаться противъ правительства, и тогда мы разсчитывать на войска не можемъ. Поэтому прошу Васъ отдать распоряженіе, чтобы третій конный корпусъ былъ къ концу Августа подтянутъ къ Петрограду и былъ предоставленъ въ распоряженіе Временнаго Правительства. Въ случаѣ, *если, кромѣ большевиковъ, выступятъ и члены совѣтовъ р. и с. д., намъ придется дѣйствовать противъ нихъ*". При этомъ Савинковъ сказалъ, что дѣйствія должны быть самыя рѣшительныя и безпощадныя. На это ген. Корниловъ отвѣтилъ, что онъ иныхъ дѣйствій и не понимаетъ, что инструкціи будутъ даны соотвѣтственныя и что, разъ будутъ выступленія большевиковъ и совѣтовъ р. и с. д., то таковыя будутъ подавлены со всей энергіей. Послѣ этого В. В. Савинковъ, обращаясь къ ген. Корнилову, сказалъ, что необходимо, чтобы не вышло недоразумѣній и чтобы не вызвать выступленій большевиковъ раньше времени, предварительно сосредоточить въ Петроградѣ конный корпусъ, затѣмъ къ этому времени объявить петроградское генералъ-губернаторство на военномъ положеніи и объявить новые законы, вносящіе цѣлый рядъ ограниченій".

Такимъ образомъ, первая мѣра Корнилова, признанная впослѣдствіи „мятежнической" была принята имъ по прямому требованію Савинкова, передававшаго порученія Керенскаго. **) Надо прибавить, впрочемъ, что продвиженіе третьяго коннаго корпуса

*) Савинковъ впослѣдствіи отрицалъ, что онъ употреблялъ слово „требованія" Корнилова.

**) Въ своихъ показаніяхъ Керенскій подчеркиваетъ лишь, что онъ не зналъ, какія именно воинскія части будутъ направлены въ Петроградъ. „Я помню", говоритъ онъ (стр. 88), „что только когда Савинковъ вернулся изъ ставки, кажется 25-го Августа, тогда впервые мнѣ было сказано, что идетъ именно третій корпусъ . . . Мы никто не могли вспомнить, какъ это началось". Ср. стр. 97: „просто спросили, достаточно ли вы обезпечены, а военный министръ (или министръ внутреннихъ дѣлъ) отвѣтилъ: мѣры принимаются".

къ Петрограду могло быть понято также, какъ одна изъ цѣлаго ряда мѣръ, имѣвшихъ въ виду обезпечить столицу, въ случаѣ наступленія непріятеля и въ случаѣ волненій въ Финляндіи. Съ такими стратегическими цѣлями уже были переведены кавалерійскія части въ Выборгъ и Нарву, что также, въ общей картинѣ событій, не могло не получить, кромѣ стратегическаго и политическое значеніе.

Что переживала столица, въ ожиданіи критическихъ дней 27—29 Августа? Размѣры Рижской катастрофы въ эти дни еще не выяснились, и Петроградъ продолжалъ чувствовать себя подъ угрозой непріятельскаго нашествія. Правительство разрабатывало мѣры спѣшной эвакуаціи, и часть состоятельнаго населенія спѣшила уѣхать. По сообщенію министра труда, рабочіе, прежде цѣпко державшіеся за мѣста, теперь массами требовали разчета. Особоуполномоченный по разгрузкѣ Петрограда, успокаивая населеніе по поводу „быстраго приближенія непріятеля", въ то же время, совѣтовалъ той части населенія, которая не связана работой или положеніемъ съ необходимостью жить въ Петроградѣ, постепенно выѣхать изъ Петрограда и его раіона. Городское управленіе вырабатывало мѣры для облегченія выѣзда. Главнокомандующій Петроградскимъ военнымъ округомъ для успокоенія населенія опубликовалъ воззваніе, начинавшееся словами: „въ связи съ послѣдними неудачами на фронтѣ, въ Петроградѣ распространяются безотвѣтственными лицами волнующіе населеніе тревожные слухи о грозящей столицѣ опасности. Прошу гражданъ сохранять полное спокойствіе и не поддаваться паникѣ... Ввѣренныя мнѣ войска, охраняющія столицу, исполнятъ свой долгъ защиты родины до конца. Всякаго рода попытки вызвать въ Петроградѣ безпорядки и волненія будутъ подавляться въ самомъ ихъ зародышѣ всѣми имѣющимися въ распоряженіи военной власти мѣрами". Кто же были эти „безотвѣтственныя лица" сѣявшія смуту? Корреспондентъ „Р. Вѣдомостей" сообщалъ по этому поводу: „вчера и сегодня (25 и 26-го Августа) въ Петроградѣ ходили слухи о возможности, въ связи съ полугодовщиной революціи (т. е. 27-го Августа) выступленія большевиковъ. Говорятъ, что большевики собираются воспользоваться завтрашнимъ днемъ для выступленія съ протестами противъ отсутствія продовольствія, противъ смертной казни и съ лозунгомъ о сверженіи правительства. Въ подлежащихъ учрежденіяхъ считаютъ слухи о возможности вооружен-

наго выступленія преувеличенными. Однако, въ правительственныхъ кругахъ имѣются свѣдѣнія относительно того, что въ нѣкоторыхъ военныхъ частяхъ ведется большевистская агитація. Не все благополучно и въ Кронштадтѣ. Здѣсь агитація большевиковъ приняла широкіе размѣры, и открыто говорится о мщеніи за 3-5 Іюля. Въ правительственныхъ кругахъ указываютъ на единодушно принятое рѣшеніе относительно того, чтобы всѣ попытки выступленія были подавлены. Завтра въ городѣ будутъ дежурить усиленные наряды воинскихъ частей. Въ казармахъ, на случай безпорядковъ, будутъ держаться на-готовѣ резервныя части. Солдаты, которые появляются на улицѣ съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ арестованы".

Какъ отнеслась ко всѣмъ этимъ слухамъ и приготовленіямъ на 27-е Августа „революціонная демократія"? Отвѣтомъ на это является любопытное воззваніе, опубликованное наканунѣ этого дня исполнительнымъ комитетомъ совѣта р. и с. д., петроградскимъ совѣтомъ профессіональныхъ союзовъ и центральнымъ союзомъ фабрично-заводскихъ комитетовъ (большевистски-настроеннаго петроградскаго совѣта р. и с. д., а равно и солдатской секціи всероссійскаго совѣта въ этомъ спискѣ не имѣется). „Товарищи и граждане, по городу распространяются слухи, что готовятся какія то демонстраціи. Говорятъ, что на 27-е Августа назначено выступленіе рабочихъ на улицу. *Въ контръ-революціонныхъ* газетахъ пишутъ о готовящейся на 28-е Августа рѣзнѣ. На заводы являются люди въ солдатской формѣ и призываютъ рабочихъ къ вооруженнымъ выступленіямъ. Мы, представители рабочихъ и солдатскихъ организацій, заявляемъ: *эти слухи распускаютъ провокаторы* и враги революціи. *Они желаютъ* вызвать массы солдатъ и рабочихъ на улицу *и въ морѣ крови потопить революцію.* Мы заявляемъ: *ни одна* политическая партія рабочаго класса и демократіи не призываетъ ни къ какимъ выступленіямъ. Пролетаріи и гарнизонъ Петрограда не поддаются провокаціи и съумѣютъ достойно отвѣтить на призывъ контръ-революціи".

Мы сейчасъ увидимъ, кто были эти люди въ „солдатской формѣ", призывавшіе рабочихъ на улицу 27-го Августа и кѣмъ затѣвалось „готовящаяся на 28-е Августа рѣзня". Приведенное воззваніе свидѣтельствуетъ, во всякомъ случаѣ, объ одномъ: большинство „революціонной демократіи" поняло крайнюю невыгодность для себя подобныхъ выступленій въ подобную минуту

и испугалось ихъ. Вѣроятно, вмѣстѣ со страхомъ попасться на удочку „контръ-революціи“, тутъ съиграли роль и рѣшительныя мѣры, принятыя правительствомъ для подавленія возможныхъ уличныхъ безпорядковъ. Какъ бы то ни было, настроеніе „революціонной демократіи“ оказалось крайне пониженнымъ. Солдатская секція совѣта р. и с. д. въ засѣданіи 25-го Августа терпѣливо выслушивала заявленіе помощника главнокомандующаго, капитана Кузьмина, о причинахъ прихода въ столицу кавалеріи. „Да, кавалерія пришла, ибо она очень нужна. Вѣдь никто, кромѣ васъ, не виноватъ въ томъ, что пѣхота плохо охраняетъ столицу“. И президіумъ, въ лицѣ солдата Завадье и Н. Д. Соколова, послушно призывалъ собраніе къ „безпрекословному исполненію боевыхъ приказовъ ген. Корнилова“. Вынесенная секціей резолюція „указывала товарищамъ солдатамъ, что они обязаны идти на фронтъ, какъ для работъ (въ окопахъ), такъ и для боевыхъ задачъ“. Таково же было настроеніе и въ засѣданіи исполнительнаго комитета совѣта 24-го Августа. Въ этомъ засѣданіи приняты патріотическія воззванія „ко всѣмъ гражданамъ“, „къ солдатамъ Петрограда“, „къ солдатамъ тыла“ и „къ арміи“. Воззванія призывали къ „довѣрію и къ повиновенію Временному Правительству“ и убѣждали „не поддаваться провокаціи“. Даже и большевики, видимо, поняли, что при такомъ настроеніи часъ ихъ не наступилъ и, что ихъ выступленіе въ данную минуту будетъ водой на чужую мельницу. И они отказались отъ выступленія 27-го и 28-го Августа. Въ ихъ газетѣ „Рабочій“ (замѣнившей закрытую „Пролетарій“) появилось 26-го Августа, отъ имени Ц. К. большевиковъ, слѣдующее заявленіе: „Темными личностями распускаются слухи о готовящемся выступленіи и ведется провокаціонная агитація, якобы отъ имени нашей партіи. Ц. К. призываетъ рабочихъ и солдатъ не поддаваться на провокаціонный призывъ къ выступленію и сохранить полную выдержку и спокойствіе“.

Столица, такимъ образомъ, уже приспособилась къ готовившемуся противъ „революціонной демократіи“ удару. Изъ круговъ, обыкновенно направлявшихъ толпы на улицу и инсценировавшихъ вооруженныя возстанія, на этотъ разъ во время данъ былъ лозунгъ: не подставляться. Въ ставкѣ, однако, эта перемѣна положенія оставалась незамѣченной и учтена не была. Тамъ диспозиція боя, какъ была, такъ и осталась разсчитанной

на обстановку большевистскаго мятежа. Еще 25-го Августа, вызванные специально въ ставку съ фронта, офицеры посылались отдѣльными партіями въ Петроградъ, чтобы подготовить тамъ на мѣстѣ организацію для борьбы съ большевиками и съ нѣмецко-австрійскими военноплѣнными. Нѣкоторые изъ нихъ, не успѣвъ доѣхать до Петрограда, явились въ Москвѣ къ прокурору Сталю и назвали ему имена офицеровъ, проживающихъ на частныхъ квартирахъ, къ которымъ они должны были явиться за указаніями (въ томъ числѣ Федорову, предсѣдателю военной лиги).

Мы только что видѣли, что въ представленіяхъ Савинкова вызывавшіяся въ Петроградъ войска должны были быть употреблены не только противъ большевиковъ, но, по всей вѣроятности, и противъ членовъ совѣта р. и с. д. (впослѣдствіи Савинковъ оговаривался: „*если бы* къ моменту возстанія большевиковъ совѣты р. и с. д. были большевистскими“). Въ представленіи ставки — и самого Корнилова, опасность, которую предстояло устранить, распространялась и дальше, въ ряды самого Временнаго Правительства. Въ своемъ показаніи ген. Корниловъ очень ярко отмѣтилъ одинъ эпизодъ изъ засѣданія Временнаго Правительства 3-го Августа, который заставилъ его подозрѣвать присутствіе непріятеля на самихъ министерскихъ скамьяхъ. „Когда я коснулся вопроса о томъ, на какомъ фронтѣ можно было бы перейти въ наступленіе при наличіи нѣкоторыхъ условій“, разсказываетъ онъ, „министръ-предсѣдатель, сидѣвшій со мною рядомъ, наклонившись ко мнѣ, шопотомъ предупредилъ, „что въ этомъ вопросѣ нужно быть осторожнымъ“. Предупрежденіе это было вызвано запиской, которую Керенскій получилъ отъ Савинкова и отъ Терещенко. „Увѣренъ ли министръ-предсѣдатель“, спрашивалъ первый изъ нихъ, „что допускаемыя ген. Корниловымъ государственныя и союзныя тайны не станутъ извѣстны противнику въ *товарищескомъ* порядкѣ?“ „Я былъ страшно пораженъ“, говоритъ Корниловъ, „и возмущенъ тѣмъ, что въ совѣтѣ министровъ Россійскаго государства верховный главнокомандующій не можетъ безъ опаски касаться такихъ вопросовъ, о которыхъ онъ, въ интересахъ обороны страны, считаетъ необходимымъ поставить правительство въ извѣстность. По окончаніи засѣданія изъ нѣкоторыхъ словъ Савинкова мнѣ стало ясно, что предупрежденіе имѣло въ виду министра земледѣлія Чернова *)“.

---

*) Въ своихъ заявленіяхъ передъ слѣдственной комиссіей Керенскій старается затушевать весь этотъ эпизодъ и даетъ крайне уклончивыя показанія.

Впечатлѣніе, полученное ген. Корниловымъ отъ этого эпизода, было настолько сильно, что онъ не разъ ссылался на него и въ своихъ прокламаціяхъ слѣдующихъ дней, въ доказательство необходимости измѣнить составъ правительства (см. ниже). Вопросъ о реконструкціи власти, вопросъ чисто политическій, какъ мы видѣли, давно уже сдѣлался предметомъ обсужденія въ ставкѣ.

Если самъ Корниловъ въ началѣ Августа еще высказывался при этомъ за сохраненіе власти Керенскимъ, то окружающія его лица въ ставкѣ давно уже судили иначе. Въ своей рѣчи въ демократическомъ совѣщаніи (см. ниже) и передъ слѣдственной комиссіей Керенскій нѣсколько разъ заявлялъ, что до него доходили и изъ „казачьихъ круговъ", и изъ среды офицерства, и изъ рядовъ общественныхъ дѣятелей разговоры о томъ, что сильная власть, необходимая Россіи, должна принять форму диктатуры. Первоначально мысль этихъ людей останавливалась именно на Керенскомъ, какъ на возможномъ диктаторѣ. „Говорили такъ", передаетъ онъ: „если вы согласитесь, то мы. . . и т. д. Но это попадало на безплодную почву". . . „Общественность", продолжаетъ онъ „разочаровалась во мнѣ, какъ въ возможномъ организаторѣ сильнаго и авторитетнаго правительства". Быть можетъ, вѣрнѣе будетъ сказать, что общественность вовсе и не была „очарована" такой перспективой.

Несомнѣнно, вся трагичность положенія Временнаго Правительства для большинства общественныхъ круговъ выяснилась далеко не сразу. Но по мѣрѣ того, какъ она выяснялась, не могло, конечно, не расти нетерпѣніе патріотически настроенныхъ группъ. Какъ выраженіе этого нетерпѣнія, не могло не явиться мысли о замѣнѣ даннаго правительства, неспособнаго быть сильнымъ, другимъ правительствомъ —или другимъ подходящимъ лицомъ. Одно время на эту роль выдвигался въ извѣстной средѣ адмиралъ Колчакъ, проживавшій въ Петроградѣ послѣ своей отставки. Конечно, замѣна мыслилась въ иномъ порядкѣ, чѣмъ порядокъ переговоровъ и соглашеній съ органами „революціонной демократіи".

Въ военныхъ кругахъ, и, въ частности, въ кругахъ близкихъ Корнилову, эти разговоры должны были начаться раньше другихъ круговъ. Уже въ Іюнѣ Керенскій получалъ отъ отдѣльныхъ доброжелателей предложенія — стать диктаторомъ. Къ тому же времени, и, во всякомъ случаѣ, къ Іюлю относятся толки въ офицерской и казачьей средѣ, что нужно измѣнить составъ прави-

тельства помимо Керенскаго — тѣми путями и способами, которыми располагаетъ военная среда*). Можно догадываться, что тотъ кружокъ лицъ, который уже во время наступленія на юго-западномъ фронтѣ началъ выдвигать Корнилова, а потомъ провелъ его въ верховные главнокомандующіе, уже давно имѣлъ въ виду, въ интересахъ спасенія родины, сдѣлать Корнилова преемникомъ Керенскаго. Вѣроятно, въ этой связи заинтересовался возвышеніемъ Корнилова и Савинковъ. Въ глазахъ Керенскаго, всѣ эти толки и слухи, услужливо переносимые посредниками, которыхъ онъ самъ называлъ „немного шантажистами" — и передавалъ подъ наблюденіе развѣдки, — очень скоро приняли характеръ настоящаго заговора. „Въ концѣ Іюля я уже получилъ *точныя* свѣдѣнія", говорилъ онъ, „объ офицерскомъ заговорѣ, который готовился и который имѣлъ опорные пункты въ Петербургѣ и въ ставкѣ (рѣчь идетъ о членахъ главнаго комитета союза офицеровъ)".

Этимъ же кругамъ Керенскій приписывалъ начавшуюся противъ него газетную кампанію „органовъ сторонниковъ сильной власти": „Живого Слова", „Народной Газеты", „Новой Руси", „Вечерняго Времени" и т. д. „Лица, на которыхъ указывали", показывалъ онъ, „были все военныя, но они имѣли связь съ нѣкоторыми штатскими элементами и имѣли большія средства. Появился цѣлый рядъ газетъ, которыя начали травлю Врем. Правительства и лично меня". . . „я, конечно, не могу это сейчасъ доказать, *но для меня ясна конструкція*". Для „конструкціи" не хватало лишь послѣдняго звена: связи „штатскихъ" съ отвѣтственными общест-

---

*) Высказанное въ текстѣ предположеніе подтверждается воспоминаніями В. Н. Львова, часть которыхъ, касающаяся эпизода „Керенскій-Корниловъ", печаталась въ парижскихъ „Послѣднихъ Новостяхъ" (ноябрь и декабрь 1920 г.). Можно сомнѣваться въ точности всѣхъ подробностей этихъ воспоминаній, отчасти уже вызвавшихъ опроверженія заинтересованныхъ лицъ (см. письмо В. Д. Набокова въ „Пос. Нов."). Поэтому, пользоваться ими мы будемъ въ дальнѣйшемъ съ большой осторожностью, всегда оговаривая источникъ. Нѣкоторые основные факты, однако же, не могли быть забыты или всецѣло извращены авторомъ, вслѣдствіе запамятованія. Къ такимъ вѣроятнымъ его показаніямъ относится и приведенное ниже сообщеніе. Въ іюнѣ, по словамъ В. Н. Львова, онъ былъ приглашенъ на квартиру одного лица, у котораго оказались В. В. Шульгинъ, членъ Г. Думы, и полковникъ Новосильцевъ, предсѣдатель центр. комитета союза офицеровъ. „Не успѣлъ я поздороваться, какъ Шульгинъ огорошиваетъ меня заявленіемъ, что готовится переворотъ, о которомъ онъ меня предупреждаетъ, дабы я вышелъ въ отставку . . . Помните, что послѣ 15-го Августа (время созыва Церковнаго Собора) вы должны обязательно выйти въ отставку". „Я согласенъ", отвѣтилъ я".

венными дѣятелями. Но тутъ открыло глаза Керенскому Московское Совѣщаніе, довольно точно указавъ границу, за которой прекращалось и личное, и политическое доброжелательство къ главѣ правительства. За этими предѣлами въ глазахъ Керенскаго немедленно начинался „заговоръ". У „заговора" было опредѣленное ядро — офицеры и казачій союзъ — и неопредѣленная широкая периферія „общественности" въ кавычкахъ, общественности, не желавшей считать спасительнымъ для Россіи „національное равновѣсіе", символизируемое Керенскимъ.

Напечатанныя осенью 1918 г. записки Ф. В. Винберга *) показываютъ, что подозрѣнія Керенскаго относительно ядра „заговора" имѣли серьезное основаніе. Самъ авторъ записокъ былъ предсѣдателемъ одного изъ офицерскихъ союзовъ, „союза воинскаго долга", образовавшагося въ Маѣ 1917 г. съ цѣлью „способствовать возрожденію доблестнаго духа русской арміи". „Союзъ воинскаго долга" находился въ связи съ другой организаціей, „республиканскимъ центромъ", обладавшимъ по словамъ Винберга значительными денежными средствами. Къ „республиканскому центру" по его же свидѣтельству, „примкнули и другія организаціи, на тѣхъ же основаніяхъ (самостоятельности и независимости собственнаго строя), какъ и „союзъ воинскаго долга". Военнымъ отдѣломъ „республиканскаго центра" руководилъ сперва полковникъ ген. штаба Д., а послѣ его отъѣзда полк. ген. штаба Дю-Симетьеръ. Первоначальный планъ „республиканскаго центра" былъ „держаться болѣе осторожной политики и постепенно, съ возрастающей интенсивностью, распространять свое вліяніе, усиливаясь и численно, и количественно, не ограничиваясь Петроградомъ, но охватывая и всѣ крупные центры Россіи". Два обстоятельства, по словамъ г. Винберга, измѣнили эту первоначальную медлительную тактику. Во-первыхъ, „къ концу Іюля выяснился уже предстоящій крахъ, какъ самого Керенскаго, такъ и всего его безцарскаго правительства". Во-вторыхъ, „выяснилось опасное положеніе Риги". Вообще, „цѣль всѣхъ оппозиціонныхъ круговъ заключалась во введеніи въ Россіи порядка непремѣнно тогда, когда, казалось, еще не поздно было взяться за спасеніе арміи и доведеніе ее до побѣды". Всѣ эти данныя ставили „рес-

*) *В. Ф. Винбергъ*: Въ плѣну у „обезьянъ" (записки контръ-революціонера) ч. 1. Кіевъ. 1918. Книга представляетъ дневникъ, веденный авторомъ въ тюрьмѣ у большевиковъ, съ декабря 1917 г. по Мартъ 1918.

публиканскій центръ" передъ альтернативой: или держаться своей осторожной политики и, выжидая, опоздать съ дѣломъ спасенія Россіи, или, повинуясь стеченію обстоятельствъ, ускорить свое выступленіе. Ко второму рѣшенію, кромѣ всего остального, склоняли центръ и военные элементы, входившіе въ его составъ и представляемые въ большинствѣ офицерами ген. штаба. Такому же рѣшенію — дѣйствовать энергично — соотвѣтствовала общая обстановка, заключавшаяся въ паденіи рекламнаго престижа Керенскаго и въ ожидавшемся новомъ выступленіи большевиковъ, мечтавшихъ загладить свою неудачу 5-го Іюля".

Дальнѣйшее сообщеніе г. Винберга имѣетъ особенный интересъ, — при условіи, конечно, что оно будетъ провѣрено, ибо самъ авторъ, видимо, не былъ посвященъ во всѣ пружины дѣла, о которомъ разсказываетъ. „Вся сумма этихъ данныхъ", говоритъ г. Винбергъ, „повліяла на (предсѣдателя „республиканскаго центра") Николаевскаго и его помощника Финисова и, главнымъ образомъ, на могущественныхъ и вліятельныхъ, но анонимныхъ руководителей „центра" (?), и было рѣшено приступить къ активнымъ дѣйствіямъ, въ тѣсномъ единеніи и согласіи съ ген. Корниловымъ, который былъ предназначенъ на роль диктатора. Было условлено, что въ Петроградѣ приметъ въ свои руки власть, по приходѣ своемъ во главѣ назначеннаго въ столицу спеціальнаго корпуса, ген. Крымовъ, извѣстный, какъ выдающійся боевой генералъ, съ желѣзной энергіей, твердой рѣшимостью и пламенной любовью къ родинѣ. До появленія Крымова пріѣхалъ въ Петроградъ полковникъ ген.-штаба Сидоринъ, какъ представитель Корнилова въ „республиканскомъ центрѣ", причемъ онъ, при полномъ содѣйствіи Дю-Симетьера, долженъ былъ руководить выступленіями офицеровъ въ Петроградѣ, согласованными съ дѣйствіями подходящихъ къ столицѣ войскъ Крымова . . . Въ „республиканскомъ центрѣ" въ это время шла большая напряженная работа: цѣлые дни посвящались обсужденіямъ и совѣщаніямъ по поводу предстоящаго выступленія. Рѣшающій голосъ и господствующее вліяніе имѣли на этихъ собраніяхъ полк. Сидоринъ и Дю-Симетьеръ. Посредникомъ между обоими и г. Винбергомъ явился полковникъ туземной дивизіи В. В. Гейманъ, съ которымъ онъ познакомился недѣли за полторы до „открытія дѣйствій". „Гейманъ всегда мнѣ сооообщалъ", разсказываетъ г. Винбергъ, „радостныя вѣсти о большихъ успѣхахъ и удачахъ, будто бы сопровождавшихъ

всѣ наши подготовленія къ рѣшительному дню". Какъ потомъ оказалось, всѣ разсказы Геймана были, если не сплошной выдумкой, то крайнимъ преувеличеніемъ . . . Рѣшительный день долженъ былъ наступить тогда, когда корпусъ генерала Крымова или авангардъ, состоявшій изъ „дикой дивизіи", подойдетъ къ окрестностямъ Петрограда. Къ этому времени находившіеся въ Петроградѣ офицеры-заговорщики, заранѣе распредѣленные по группамъ, должны были каждой группой исполнить заранѣе намѣченную задачу: захватъ броневыхъ автомобилей, арестъ Временнаго Правительства, аресты и казни наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ членовъ совѣта р. и с. д. и проч. и т. п. Къ приходу войскъ Крымова главныя силы революціи должны были уже быть сломленными, уничтоженными, или обезвреженными, такъ что Крымову оставалось бы дѣло водворенія порядка въ городѣ" *).

Сопоставивъ эти показанія Винберга съ появленіемъ таинственныхъ людей „въ солдатской формѣ", провоцировавшихъ большевистское или квази-большевистское выступленіе пропагандой на заводахъ, мы придемъ къ заключенію, что подозрѣнія крайнихъ лѣвыхъ круговъ были правильны. Агитація на заводахъ, несомнѣнно входила въ число „намѣченныхъ задачъ", исполнить которыя должны были офицерскія организаціи. Неожиданное подтвержденіе этого пишущій эти строки получилъ отъ В. Н. Львова, разсказавшаго ему, въ Маѣ 1921 г. въ Парижѣ, о слѣдующемъ своемъ разговорѣ съ казацкимъ полковникомъ Дутовымъ. „Въ Январѣ 1918 г.", говорилъ В. Н. Львовъ, „я былъ при защитѣ Оренбурга отъ большевиковъ. Между прочимъ, я былъ у Дутова въ сопровожденіи председателя оренбургскаго комитета к.-д. партіи, Городецкаго. Я спросилъ Дутова: что должно было случиться 28-го Августа 1917 года? Дутовъ отвѣтилъ мнѣ буквально слѣдующее: между 28 Августа и 2 Сентября, подъ видомъ большевиковъ долженъ былъ выступить я" **). Ниже мы увидимъ, почему этотъ планъ не осуществился, насколько дѣло касалось самого Дутова.

Трудно установить, въ какой степени и когда именно ген. Корниловъ былъ посвященъ во всѣ эти планы, имѣвшіе уже несомнѣнно характеръ заговора. *Формально* личность Корнилова, во вся-

*) Въ плѣну у „обезьянъ", стр. 98—108.

**) Записано подъ диктовку В. Н. Львова 25-го Мая 1921 г., въ редакціи „Послѣднихъ Новостей".

комъ случаѣ, оставалась внѣ подозрѣнія. Однако, слухи о заговорѣ довольно близко подходили къ интимному кругу лицъ, собравшихся около Корнилова въ ставкѣ и, несомнѣнно, имѣвшихъ на него личное вліяніе. Имя Завойко, извѣстнаго уже намъ „ординарца" Корнилова, упоминается не разъ Керенскимъ въ связи съ довольно ранними слухами о приближеніи насильственнаго переворота. Нѣтъ основаній сомнѣваться, что Завойко, котораго знающіе его люди рисуютъ человѣкомъ, у котораго честолюбіе затемняло его умъ, велъ такіе разговоры. Другой непризнанный политическій геній, членъ первой Думы Аладьинъ, умѣвшій сочетать крайнее самомнѣніе съ большой практической покладливостью, также съумѣлъ вкрасться въ довѣріе Корнилова и стать его постояннымъ совѣтникомъ въ ставкѣ. Чтобы открыть секретъ этой зависимости Корнилова отъ случайныхъ людей, нужно имѣть въ виду его характеръ, въ которомъ крайне ревнивая и упрямая защита своей самостоятельности очень своеобразно соединялась съ какой-то дѣтской довѣрчивостью къ людямъ, умѣвшимъ ему польстить. Достаточно представить себѣ то положеніе, при которомъ Завойко, кустарный политикъ, освѣщалъ для Корнилова перспективы внутренней политики, а Аладьинъ, импонировавшій англичанамъ своимъ мнимымъ личнымъ вліяніемъ въ Россіи, а русскимъ — такой же своей ролью въ Англіи, являлся авторитетомъ въ вопросахъ политики внѣшней, что бы оцѣнить всю ограниченность кругозора, въ которомъ вырабатывались практическіе шаги Корнилова. Специфическій характеръ вліянія Завойко и Аладьина настолько бросался въ глаза въ ставкѣ, что Савинковъ еще 7-го Августа, „на свой страхъ и рискъ, приказалъ учредить наблюденіе за ними", подозрѣвая ихъ, по собственному признанію, „какъ самыхъ крупныхъ заговорщиковъ".

Обстоятельства сложились такъ, что вліяніе этихъ людей шло въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ эволюціонировало и собственное настроеніе Корнилова. 3-го Августа онъ еще откровенно бесѣдовалъ съ правительствомъ о средствахъ военной побѣды и внутренняго оздоровленія. Черезъ недѣлю острой борьбы Савинкова съ Керенскимъ изъ-за права Корнилова быть выслушаннымъ въ засѣданіи Временнаго Правительства, это настроеніе рѣзко измѣнилось. Мы видѣли, что 10-го Августа Корниловъ прямо заговорилъ съ Керенскимъ о слухахъ, по поводу своей отставки и весьма прозрачно намекнулъ ему, что, въ случаѣ

конфликта, онъ рѣшенію Керенскаго не подчинится. Въ Москвѣ, въ дни, предшествовавшіе совѣщанію, этотъ конфликтъ казался наступившимъ, — и передъ нимъ отступилъ *не* Корниловъ, а Керенскій. Если бы, какъ опасались окружающіе Корнилова, онъ получилъ отставку, то конфликтъ, по всей вѣроятности, тогда же принялъ бы острую форму и вышелъ бы наружу. Хотя этого не случилось, тѣмъ не менѣе въ Москвѣ же Корниловъ указалъ въ своей рѣчи тотъ моментъ, дальше котораго онъ не хотѣлъ отлагать рѣшительные шаги для „спасенія страны отъ гибели и арміи отъ развала". Этимъ моментомъ было предсказанное имъ паденіе Риги. Этотъ фактъ, по его мнѣнію, долженъ былъ вызвать такой же приливъ патріотическаго возбужденія, какъ тотъ, который былъ на лицо, но прошелъ неиспользованнымъ для внутренней политики послѣ краха русскаго наступленія въ началѣ Іюля. Теперь, какъ Корниловъ лично мнѣ говорилъ при свиданіи въ Москвѣ 13-го Августа, онъ этого случая пропускать не хотѣлъ, и моментъ открытаго конфликта съ правительствомъ Керенскаго представлялся въ его умѣ уже совершенно опредѣлившимся, вплоть до заранѣе намѣченной даты, 27-го Августа.

Значило ли это, что Корниловъ сознательно готовилъ „заговоръ" противъ правительства. Какъ это ни странно, но въ умѣ Корнилова мысль о заговорѣ не совмѣщалась съ его намѣреніями. Онъ былъ совершенно искрененъ, когда впослѣдствіи, въ своемъ показаніи, т. е. въ оффиціальномъ документѣ, смѣшивая „заговоръ" съ монархической „контръ-революціей", торжественно заявлялъ: „ни въ какихъ заговорахъ я не состоялъ и не состою. Во всѣхъ своихъ разговорахъ съ представителями различныхъ политическихъ партій, я заявлялъ, что ни къ какимъ политическимъ партіямъ не принадлежалъ и принадлежать не буду, а всегда поддерживалъ и буду поддерживать тѣ изъ нихъ, которыя задаются однимъ намѣреніемъ — спасти страну отъ гибели и вывести армію *) изъ развала. Я заявлялъ, что всегда буду стоять за то, что судьбы Россіи и вопросъ о формѣ правленія можетъ рѣшать только Учредительное Собраніе, которое одно лишь можетъ выразить державную волю русскаго народа. Я заявлялъ, что никогда не буду поддерживать ни одной политической комбинаціи, которая имѣетъ

---

*) „Послѣ „приказа", посланнаго черезъ Завойко Каледину въ началѣ Августа, несомнѣнно, должны были продвинуться дальше и переговоры съ донскимъ атаманомъ при личномъ свиданіи въ Москвѣ.

цѣлью возстановленіе дома Романовыхъ, такъ какъ считаю, что эта династія, въ лицѣ ея послѣднихъ представителей, сыграла роковую роль въ жизни страны". Не считая себя „контръреволюціонеромъ" въ томъ смыслѣ, какой придавался этому понятію въ тѣ дни, Корниловъ уже поэтому не считалъ себя и „заговорщикомъ". Онъ, правда, хотѣлъ смѣнить правительство. Но, во-первыхъ, этимъ еще не предрѣшался вопросъ о *формѣ* смѣны: она могла произойти и мирнымъ путемъ, съ добровольнаго согласія самого этого правительства, включая даже и самого Керенскаго *). А во-вторыхъ, въ сознаніи Корнилова, формы, вообще, имѣли мало значенія. Онъ „рѣшилъ" перемѣнить правительство совершенно такъ же, какъ онъ „рѣшилъ" при извѣстныхъ условіяхъ самовольно оставить званіе главнокомандующаго въ началѣ и въ серединѣ Іюля, или, наоборотъ, такъ же самовольно сохранить это званіе въ серединѣ и въ концѣ Августа. Дата 27-го Августа въ этомъ смыслѣ вовсе не была въ его сознаніи какой-то роковой гранью. 27-го Августа должно было произойти то, что могло произойти и 10-го Августа или 8-го Іюля. Для Корнилова было важно — проявить свою волю. Дать этой волѣ правильное юридическое выраженіе должны были уже другіе: это было не его дѣло.

Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній, мы поймемъ, почему „заговоръ", очевидно существовавшій не только въ представленіи Керенскаго, но и въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, съ конца Іюля, если не раньше**) оставался неосязаемымъ и неуловимымъ въ самомъ мѣстѣ своего происхожденія, въ ставкѣ, до самаго момента предпринятыхъ „заговорщиками" дѣйствій. Въ ставкѣ лишь „получалось" по свидѣтельству кн. Г. Н. Трубецкого, представителя мин. иностр. дѣлъ, „впечатлѣніе, что Корниловъ —солдатъ, не вполнѣ разбиравшійся въ политическихъ деталяхъ и въ ихъ значеніи, — окруженъ безотвѣтственными людьми, и ихъ возможное вліяніе на него угрожало опасностью". Въ свои планы и намѣренія ген. Корниловъ, какъ кажется не посвятилъ даже начальника своего штаба, ген. Лукомскаго, и уже только въ послѣдніе дни передъ

*) Въ личной бесѣдѣ съ Корниловымъ въ Москвѣ (13-го Августа) я предупреждалъ его о несвоевременности борьбы съ Керенскимъ — и не встрѣтилъ съ его стороны рѣшительныхъ возраженій. Объ этомъ я сообщилъ и ген. Каледину, посѣтившему меня въ тѣ же дни.

**) См. выше заявленіе В. В. Шульгина В. Н. Львову.

событіями, замѣтивъ непонятныя для себя передвиженія войскъ на сѣверъ, Лукомскій прямо поставилъ вопросъ о довѣріи. *)

Это неопредѣленное положеніе — неопредѣленное не изъ хитрости или по заранѣе обдуманному намѣренію, а по самому существу характера главнаго дѣйствующаго лица, — отразилось и на выполненіи Савинковымъ политической стороны его миссіи въ ставку. Мы видѣли, что Керенскій далъ Савинкову опредѣленное порученіе — воспользоваться своей поѣздкой 23—24 Августа, чтобы — формулируя это порученіе словами Савинкова— „по возможности ликвидировать союзъ офицеровъ въ ставкѣ, а также политическій отдѣлъ, ибо по свѣдѣніямъ, постоянно поступавшимъ, нѣкоторые члены офицерскаго союза и нѣкоторые члены политическаго отдѣла участвовали въ заговорѣ, стараясь увлечь ген. Корнилова на путь диктатуры".

Б. В. Савинковъ разсказалъ въ печати, какъ онъ исполнилъ это приказаніе Керенскаго. „Во исполненіе этого распоряженія, М. М. Филоненко и я просили ген. Корнилова... приказать союзу офицеровъ выѣхать изъ ставки въ Москву, что лишало этотъ союзъ возможности пользоваться штабными техническими средствами, въ чемъ и состояла его сила. Закрыть союзъ офицеровъ не представлялось возможнымъ, такъ какъ существованіе этого союза являлось столь же законнымъ, какъ и всякаго другого общества, и такъ какъ въ заговорѣ подозрѣвались лишь отдѣльные его члены, а не весь союзъ въ цѣломъ. Ген. Корниловъ согласился исполнить просьбу о переводѣ въ Москву союза офицеровъ, и, отказавъ ликвидировать политическій отдѣлъ въ ставкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ согласился, чтобы всѣ телеграммы и бумаги, исходящія изъ политическаго отдѣла, отправлялись впредь только послѣ просмотра ихъ комиссаромъ Врем. Правительства М. М. Филоненко. „Лично Б. В. Савинкову ген. Корниловъ заявилъ, что „арестуетъ каждаго, о которомъ будутъ представлены данныя о его участіи въ заговорѣ" („Рѣчь", 13 сент. 1917). Исполняя другое порученіе Керенскаго — просить главнокомандующаго двинуть войска къ Петрограду — Савинковъ отъ себя прибавилъ два пожеланія: во-первыхъ, чтобы во главѣ корпуса не былъ поставленъ ген. Крымовъ, „въ виду нѣкоторой политической сложности его имени" и, во-вторыхъ, чтобы не была включена въ посылае-

*) Слышано мною лично отъ генерала Лукомскаго, въ концѣ 1918 года.

мый корпусъ туземная дивизія. То и другое, очевидно, слишкомъ обезпокоило бы демократическія организаціи. Мы видѣли, что Крымову и туземной дивизіи „республиканскій центръ“ предназначалъ опредѣленную роль въ переворотѣ. Но Корниловъ, по словамъ Савинкова, легко далъ обѣщаніе исполнить обѣ просьбы*). Едва ли бы, при своей прямолинейности, онъ поступилъ такимъ образомъ, если бы *въ тотъ моментъ* (24-го Августа) онъ былъ вполнѣ въ курсѣ намѣреній офицерскаго заговора.**)

Въ цитированномъ выше протоколѣ, составленномъ тотчасъ послѣ разговора участниками и свидѣтелями его, объ обѣщаніяхъ ген. Корнилова, однако же, ничего не говорится. Такое опущеніе тоже едва ли случайно: оно можетъ свидѣтельствовать о томъ, что для окружающихъ Корнилова лицъ было ясно, что обѣщанія Корнилова не будутъ исполнены. Мотивы Савинкова противъ назначенія Крымова переданы въ протоколѣ въ уклончивой формѣ: „Крымовъ для насъ не особенно желателенъ. Онъ очень хорошій боевой генералъ, но врядъ ли пригоденъ для такихъ операцій. Надо прибавить, что въ томъ же разговорѣ Савинковъ и Филоненко высказались противъ главнокомандующаго Деникина, который „не можетъ наладить отношенія съ комиссарами и комитетами“, но этимъ вызвали горячія возраженія Корнилова и Лукомскаго, противъ возможности „легко убирать отличныхъ боевыхъ генераловъ изъ за-того, что у нихъ являются иногда шероховатости, . . . хорошихъ боевыхъ генераловъ слишкомъ мало, чтобы ихъ выбрасывать за бортъ изъ-за всякаго недоразумѣнія“. Въ протоколѣ записано и слѣдующее условіе: „дабы Временное Правительство точно знало, когда надо объявить петроградское военное губернаторство на военномъ положеніи и когда опубликовать новый законъ, надо, чтобы ген. Корниловъ точно протелеграфировалъ ему, Савинкову, о времени, когда корпусъ подойдетъ къ Петрограду“. Это условіе, какъ увидимъ, было точно исполнено „возставшимъ“ ген. Корниловымъ, 27-го Августа.

---

*) Керенскій въ своей книгѣ (стр. 166) приводитъ слѣдующія выдержки изъ этого разговора 24-го Августа по записи Савинкова: *Корниловъ*: Хорошо, я не назначу Крымова. — *Савинковъ*. А. Ф. хотѣлъ бы, чтобы вы назначили ген. Д. — *К.* А. Ф. имѣетъ право отвода, но не можетъ мнѣ указывать, кого назначать. — *С.* А. Ф. не указываетъ, онъ проситъ. К. Я назначу Д. начальникомъ штаба. — *С.* А. туземная дивизія? — *К* Я замѣню ее регулярной кавалерійской. — *С.* Покорнѣйше благодарю“.

**) См. ниже, о новой перемѣнѣ тона 25-го Августа, подъ вліяніемъ Завойко.

Наконецъ, въ то же свиданіе заходила рѣчь у Савинкова съ Корниловымъ и о деликатномъ вопросѣ переустройства власти. Именно въ этомъ вопросѣ Савинковъ отмѣчаетъ большую перемѣну въ поведеніи Корнилова. „По прибытіи въ Могилевъ", разсказываетъ онъ объ этой сторонѣ свиданія („Р. Вѣдомости", 13-го Сентября"), мнѣ бросилось въ глаза, что Корниловъ въ первый разъ не явился встрѣтить меня на вокзалѣ, а командировалъ ген. Лукомскаго, который проявилъ въ отношеніи меня сдержанную корректность. Прибывъ въ ставку, я засталъ Корнилова въ состояніи сильнаго возбужденія. Онъ разразился упреками по адресу Временнаго Правительства, говоря, что *больше не вѣритъ* ему, что страна погибаетъ (напомнимъ, что это было въ первые дни послѣ рижскаго прорыва) и *что онъ больше не можетъ работать съ Керенскимъ*. Корниловъ ссылался при этомъ на переговоры Керенскаго съ генераломъ Черемисовымъ, тогдашнимъ фаворитомъ совѣта р. и с. д. и противникомъ программы Корнилова („Рѣчь").

Въ виду важности этого разговора для уясненія тогдашней психологіи Корнилова, приводимъ подробную запись разговора, сдѣланную самимъ Савинковымъ*).

„Лавръ Георгіевичъ, я хотѣлъ бы побесѣдовать съ вами наединѣ (при этихъ словахъ присутствовашіе здѣсь ген. Лукомскій и Филоненко встаютъ и уходятъ).

— Дѣло въ слѣдующемъ. Телеграммы, получаемыя въ послѣднее время министерствомъ за подписью разныхъ лицъ, чиновъ штаба ставки, не скрою отъ васъ, вселяютъ во мнѣ тревогу. Въ телеграммахъ этихъ нерѣдко трактуются вопросы политическаго характера и притомъ въ недопустимомъ духѣ . . . Я уже докладывалъ вамъ, что я увѣренъ, что вы лойяльно поддержите Врем. Правительство и противъ него не пойдете. Но того же самаго я не могу сказать о вашемъ штабѣ. — *Корниловъ*: Я долженъ вамъ сказать, что *Керенскому и Врем. Правительству я больше не вѣрю* . . . Стать на путь твердой власти, единственно спасительной для страны, Временное Правительство не въ силахъ . . . Что касается Керенскаго, онъ *не только слабъ и нерѣшителенъ, но и неискрененъ*. Меня онъ незаслуженно оскорбилъ на Московскомъ Совѣщаніи. Кромѣ того онъ велъ за моей спиной разго-

*) Дѣло Корнилова, стр. 165—166.

воры съ Черемисовымъ и хотѣлъ назначить его верховнымъ (ничего подобнаго никогда не было, приписываетъ Керенскій). — *Савинковъ*: Мнѣ кажется, въ вопросахъ государственныхъ личнымъ обидамъ нѣтъ мѣста. О Керенскомъ же я не могу думать такъ, какъ вы. Я знаю Керенскаго. — *Корниловъ*: — *Надо измѣнить составъ правительства.* — *Савинковъ*: Насколько я знаю, такого мнѣнія и Керенскій. — *Корниловъ*: Нужно, чтобы Керенскій *не вмѣшивался въ дѣло.* — *Савинковъ*: Это сейчасъ невозможно, если бы даже было нужно... — *Корниловъ*. Нужно, чтобы въ правительствѣ были Алексѣевъ, Плехановъ, Аргуновъ. — *Савинковъ*: Вѣрнѣе, чтобы совѣтскіе соціалисты были замѣнены не-совѣтскими. Это вы хотите сказать? — *Корниловъ*: Да. Совѣты доказали свою нежизненность, свое неумѣніе оборонять страну. — *Савинковъ*: Все это дѣло будущаго. *Вы недовольны правительствомъ, поговорите съ Керенскимъ*; во всякомъ случаѣ, вы не можете не соглашаться, что безъ Керенскаго, *безъ возглавленія имъ* — никакое правительство немыслимо. — *Корниловъ*: Въ правительство я не пойду. Вы, конечно, правы: безъ возглавленія Керенскаго правительство немыслимо. Но *Керенскій нерѣшителенъ, онъ колеблется, онъ обѣщаетъ и не исполняетъ обѣщаній.* — *Савинковъ*: Это невѣрно. Разрѣшите мнѣ доложить, что за 6 дней, истекшихъ послѣ Московскаго Совѣщанія, Керенскій заявилъ мнѣ о томъ, что становится на путь твердой власти. Военнымъ министерствомъ было сдѣлано слѣдующее" и т. д. . . . На другой день, 24-го Августа, кончая приведенный выше разговоръ, Савинковъ сказалъ Корнилову: — „Лавръ Георгіевичъ, разрѣшите вернуться къ вчерашнему разговору: каково ваше отношеніе къ Врем. Правительству? — *Корниловъ*: *Передайте А. Ф., что я его буду всемѣрно поддерживать, ибо это нужно для блага отечества.* — *Савинковъ*: Л. Г., я счастливъ слышать эти слова. Я въ васъ никогда не сомнѣвался. Я передамъ Вами сказанное А. Ф.".

Въ своихъ показаніяхъ Савинковъ объясняетъ эту перемѣну настроенія Корнилова относительно Керенскаго своимъ сообщеніемъ, что „разработанный нами совмѣстно проектъ одобренъ Керенскимъ" и будетъ разсмотрѣнъ въ ближайшіе дни. „Ген. Корниловъ, говоритъ онъ, очевидно, обрадовавшись принятію министромъ-предсѣдателемъ законопроекта, измѣнилъ свой возбужденный тонъ и . добавилъ, что теперь онъ можетъ работать въ полномъ согласіи съ Временнымъ Правительствомъ". Въ изложеніи тѣхъ же разговоровъ самимъ Корниловымъ, конечно, такой

рѣзкой противоположности между началомъ и концомъ не наблюдается. Политическую миссію Савинкова и свое отношеніе къ ней Корниловъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „Савинковъ заявилъ, что хотѣлъ бы поговорить со мной наединѣ. Начальникъ штаба и комиссаръ вышли изъ моего кабинета (слѣдовательно, это разговоръ 23-го Августа). Савинковъ указалъ, что важнѣйшей задачей сейчасъ онъ считаетъ подготовку почвы для соглашенія между мной и Керенскимъ съ тѣмъ, чтобы на этой согласованной работѣ основана была форма сильной и крѣпкой государственной власти *). Я заявилъ, что, хотя я не претендую на вступленіе въ составъ правительства, *но разъ интересуются моимъ мнѣніемъ* (тутъ уже ретушируетъ и Корниловъ), то я считаю возможнымъ открыто сказать, что нахожу Керенскаго человѣкомъ слабохарактернымъ, легко поддающимся чужимъ вліяніямъ, и, конечно, не знающимъ того дѣла, во главѣ котораго онъ стоялъ. Лично я противъ него ничего не имѣю; думаю, что *другой составъ* правительства, *безъ участія г. Керенскаго, тоже могъ бы справиться съ дѣломъ*. Послѣ долгаго обсужденія вопроса, я, въ концѣ концовъ, согласился, что при *современномъ соотношеніи* политическихъ партій участіе г. Керенскаго въ правительствѣ я признаю *безусловно желательнымъ*. Затѣмъ я добавилъ, что я готовъ *всемѣрно поддерживать* Керенскаго, *если* это нужно для блага отечества. По показанію Филоненко, Корниловъ сказалъ еще опредѣленнѣе: „*я обѣщалъ Савинкову поддержку Керенскаго и исполню это*".

24-го Августа, разсказываетъ Савинковъ, я выѣхалъ изъ ставки, причемъ ген. Корниловъ провожалъ меня и просилъ еще разъ пріѣхать къ нему. Онъ радовался проявленной, наконецъ, Временнымъ Правительствомъ твердости. Его послѣдней просьбой было заявленіе, чтобы я передалъ Керенскому его завѣреніе въ

*) Эта интродукція совершенно точно передаетъ основную цѣль всей политики Савинкова. Но такъ какъ позднѣе онъ затушевывалъ степень активности своей роли въ чисто-политическихъ переговорахъ объ устройствѣ власти, то эта часть разговора опущена имъ, очевидно, не безъ умысла. Это дало возможность Керенскому впослѣдствіи оспаривать участіе Савинкова въ томъ, что онъ считалъ „заговоромъ" Корнилова. См. Дѣло Савинкова, стр. 120—121, 164—165 Утвержденіе ген. Лукомскаго, что Савинковъ „сдѣлалъ предложеніе ген. Корнилову въ томъ же смыслѣ", какъ В. Н. Львовъ, „*отъ имени* Керенскаго" конечно, невѣрно: Савинковъ немедленно подалъ Керенскому письменное заявленіе, въ которомъ назвалъ это утвержденіе „клеветой": „никакихъ политическихъ заявленій *отъ вашего имени*", писалъ онъ, „я не дѣлалъ и не могъ дѣлать". Но, онъ, несомнѣнно, дѣлалъ совершенно опредѣленныя политическія заявленія *отъ своего* имени, — и на этомъ основаны всѣ его отношенія къ Корнилову.

вѣрности Временному Правительству. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я уѣхалъ изъ Могилева. Это же впечатлѣніе Савинковъ передалъ и Керенскому по возвращеніи 25-го Августа. „26-го Августа, вечеромъ законопроектъ о мѣропріятіяхъ въ тылу долженъ былъ обсуждаться во Временномъ Правительствѣ. Узнавъ отъ Савинкова, что будетъ посланъ въ Петроградъ, именно, третій корпусъ (казачій), но что Савинкову удалось отклонить посылку дикой дивизіи и назначеніе Крымова, Керенскій, однако же, на этомъ не успокоился. „Для моего собственнаго успокоенія", разсказываетъ онъ, „я подписалъ указъ о назначеніи Крымова командующимъ второй арміей" (стр. 89). Такимъ образомъ, Савинкову и Керенскому до вечера 26-го Августа могло казаться, что элементы конфликта устранены, а желанія обоихъ исполнены Корниловымъ. Таково было положеніе дѣла, когда, вечеромъ, 26-го Августа, явился къ Керенскому В. Н. Львовъ съ новыми предложеніями отъ Корнилова.

Всего три-четыре часа отдѣляютъ отъѣздъ Савинкова изъ ставки отъ пріема Корниловымъ пріѣхавшаго въ ставку В. Н. Львова, явившагося въ роли парламентера Керенскаго. „Послѣднимъ порученіемъ" Корнилова Савинкову было передать Керенскому его заявленіе въ вѣрности Врем. Правительству. Это начало, какъ будто, отвѣчаетъ тактикѣ опытнаго „заговорщика". Удержать противника до послѣдней минуты въ иллюзіи полной безопасности — и сразу разбудить его рѣшительнымъ ударомъ, — что можетъ быть выгоднѣе для успѣха „заговора"? И Керенскій самъ рисуетъ намъ картину того, что было бы, если бы здѣсь дѣло шло о хорошо подготовленномъ заговорѣ. (Стр. 191). „Если бы отрядъ Крымова пришелъ сюда", говоритъ онъ, „то не такъ легко было бы справиться, потому что тогда начали бы дѣйствовать тѣ силы, которыя ожидали здѣсь (въ Петроградѣ) развитія событій, т. е. тѣ присланнные люди, которые съѣхались сюда отъ группъ, которыя были съорганизованы въ нѣкоторыхъ кругахъ (или полкахъ)... и которыя въ нужный моментъ должны были оказать поддержку съ тыла". Вмѣсто этого В. Н. Львовъ своимъ вмѣшательствомъ „сорвалъ все", обнаруживъ, *съ согласія и по порученію Корнилова*, весь „заговоръ" „на день или на два раньше" момента, необходимаго для его успѣха. Какъ могло случиться подобное странное происшествіе? Керенскій не можетъ не остановиться передъ этимъ вопросомъ. Но онъ отвѣчаетъ на него лишь нѣ-

сколькими торопливыми словами въ скобкахъ. Очевидно, В. Н. Львовъ „сказалъ больше„ чѣмъ слѣдовало, и не въ томъ тонѣ", какъ этого хотѣлъ Корниловъ. Естественнымъ выводомъ даже изъ этого, вскользь брошеннаго, замѣчанія было бы, что, значитъ, порученіе Корнилова было неправильно исполнено В. Н. Львовымъ: значитъ, это было *не то* порученіе, которое ему было дано, или, наконецъ, оно было не такъ понято Керенскимъ. Какъ бы ни думать о Корниловѣ и его совѣтникахъ, трудно себѣ представить, чтобы черезъ четыре часа послѣ порученія, даннаго отвѣтственному и оффиціальному лицу—заявить о вѣрности правительству.— Корниловъ самъ же послалъ гораздо менѣе отвѣтственнаго гонца, который поставилъ бы тому же правительству ультиматумъ о сдачѣ. Какъ же объясняется эта психологическая, моральная и политическая загадка?

Она была бы непонятна при гипотезѣ, „заговорщика", неосторожно раскрывающаго свои карты. Но она дѣлается понятной въ контекстѣ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что тутъ рѣчь шла о продолженіи все тѣхъ же, давно начатыхъ открыто разговоровъ о „диктатурѣ", о реорганизаціи власти и т. д. Менѣе всего могла входить въ соображеніе Корнилова возможность сопротивленія его планамъ со стороны Керенскаго, котораго онъ готовъ былъ ввести, въ свои комбинаціи. Развѣ не говорилъ ему самъ Керенскій, что, если понадобится и когда понадобится, онъ готовъ уйти отъ власти? Керенскій повторялъ это и въ комментаріяхъ къ своимъ показаніямъ (стр. 189). „Я никогда не добивался власти и не держался за нее. Я мѣшалъ только захватчикамъ и авантюристамъ. Политически-же отвѣтственные круги не только не встрѣтили бы во мнѣ помѣхи, если бы захотѣли организовать власть безъ меня, но, наоборотъ, я самъ не разъ предлагалъ имъ это сдѣлать". Корниловъ былъ въ числѣ тѣхъ, кому Керенскій предлагалъ это, — и онъ никакъ не могъ причислить себя къ „захватчикамъ и авантюристамъ", тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ право утверждать, что за нимъ стояли извѣстные „политически-отвѣтственные" круги. Другой вопросъ, конечно, какую цѣну имѣли самыя завѣренія Керенскаго, который чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе крѣпко, держался за власть. Но Корниловъ, не лишенный хитрости самъ, былъ очень довѣрчивъ къ другимъ. Онъ не вѣрилъ, что Керенскій можетъ рѣшиться на открытую борьбу съ совѣтомъ, но вѣрилъ вполнѣ, что и Керенскимъ руководитъ не

личный вкусъ къ власти, а благо родины. Онъ не ждалъ, что въ послѣднюю минуту Керенскій цѣпко ухватится за власть и пожелаетъ сохранить ее во что бы то ни стало, рискуя тѣмъ, что съ точки зрѣнія Корнилова было послѣднимъ шансомъ спасти государство. Корниловъ шелъ на рискъ, поскольку вообще элементъ риска неизбѣженъ въ такихъ дѣлахъ. Но онъ не ожидалъ сопротивленія. Онъ думалъ, очевидно, что та обстановка, которая создастся въ Петроградѣ къ 28-му Августу, сама по себѣ исключитъ возможность правительственнаго противодѣйствія, а скорѣе заставитъ правительство искать спасенія у него же. Онъ только боялся, что въ общей свалкѣ, когда не различаютъ ни правыхъ, ни виноватыхъ, правительство можетъ пострадать не по его, винѣ. И онъ протянулъ Керенскому руку помощи: онъ послалъ къ нему парламентеромъ В. Н. Львова. Была, конечно, и практическая цѣль въ этой миссіи. Разъ событія должны были, все равно, развернуться неизбѣжно и неотвратимо, то имѣть согласіе Керенскаго — значило придать предстоявшимъ перемѣнамъ въ правительствѣ вполнѣ легальный и законный характеръ.

Около выступленія В. Н. Львова, съигравшаго роль той пружины, нажимъ которой приводитъ въ дѣйствіе весь аппаратъ и производитъ внезапный взрывъ, скопилось, не безъ вины самого В. Н. Львова, очень много путаницы. Первый вопросъ, который предстоитъ выяснить, — это вопросъ о томъ, гдѣ этотъ взрывъ былъ заготовленъ: Корниловымъ въ ставкѣ, или въ Петроградѣ самимъ Керенскимъ? Министръ-предсѣдатель хотѣлъ представить дѣло такъ, что взрывъ произведенъ Корниловымъ и что порученіе Львова имѣло характеръ ультиматума, котораго глава правительства не могъ и не долженъ былъ принимать. „Совсѣмъ нѣтъ", утверждалъ ген. Корниловъ, прямо обвинявшій Керенскаго „во лжи": „В. Н. Львовъ, прежде чѣмъ явиться парламентеромъ отъ меня къ Керенскому, явился парламентеромъ отъ Керенскаго ко мнѣ. И мое предложеніе было *лишь отвѣтомъ на предложеніе* Керенскаго. Точнѣе говоря, это былъ сдѣланный мною выборъ изъ нѣсколькихъ предложеній, между которыми Керенскій предоставилъ мнѣ право выбирать".

Загадка разрѣшается тѣмъ, что В. Н. Львовъ оказался вовсе не простымъ парламентеромъ отъ Керенскаго къ Корнилову и обратно. Онъ поставилъ себѣ свою собственную политическую цѣль — по возможности предупредить кровавое столкновеніе и замѣнить

грозившій переворотъ простой перемѣной правительства, съ согласія сторонъ. Добиваясь этого согласія, онъ передавалъ Керенскому и Корнилову *свой* планъ, какъ ихъ собственный. Корнилова онъ ввелъ этимъ въ заблужденіе о предѣлахъ уступчивости Керенскаго; а Керенскаго, болѣе пугливаго и подозрительнаго, окончательно убѣдилъ, что тутъ на-лицо тотъ самый „заговоръ"; руководителей котораго онъ такъ долго искалъ.

О своей роли въ переговорахъ 22—26 Августа В. Н. Львову пришлось давать показанія передъ Слѣдственной Комиссіей. Эти показанія чрезвычайно спутаны и противорѣчивы. До извѣстной степени ихъ можно провѣрить по показаніямъ Керенскаго и Корнилова. Но гораздо болѣе полно и откровенно В. Н. Львовъ разсказалъ весь этотъ эпизодъ въ тѣхъ воспоминаніяхъ, на которыя мы уже ссылались. Эти воспоминанія восполняютъ много пробѣловъ въ данныхъ слѣдствія и бросаютъ на событія дополнительный свѣтъ, ни въ чемъ существенномъ не расходясь при этомъ съ извѣстными ранѣе данными.

Къ своему плану В. Н. Львовъ пришелъ подъ впечатлѣніями, произведенными на него Московскимъ Совѣщаніемъ. Политическій результатъ этого Совѣщанія онъ оцѣнилъ, совершенно правильно, какъ провалъ Керенскаго. Но передъ Керенскимъ онъ долго преклонялся, и относился къ нему съ большой нѣжностью, хотя уже въ Іюлѣ былъ „разочарованъ" въ Керенскомъ, какъ въ политическомъ дѣятелѣ. Безцеремонность, съ какой Керенскій пожертвовалъ Львовымъ при составленіи новаго министерства, вызвала въ В. Н. Львовѣ впечатлѣніе, что Керенскій его „личный врагъ" (см. показанія Керенскаго). Но, со свойственной ему незлобивостью и отсутствіемъ злопамятности онъ, вѣроятно, давно забылъ эту фразу, которую помнилъ Керенскій, и, видимо искренно и сентиментально, вѣрилъ, что онъ „близкій другъ" Керенскаго и что такимъ считаетъ его и самъ Керенскій. Во время Московскаго Совѣщанія не только Львову, но и всѣмъ было ясно, что Керенскій, несмотря на провалъ, всетаки не потерялъ еще того обаянія, какимъ пользовался ранѣе. Пишущій эти строки лично предупреждалъ объ этомъ Корнилова въ бесѣдѣ 13-го Августа, разсказывая ему о настроеніяхъ въ провинціи, — и Корниловъ, видимо, усвоилъ эту мысль лично. Съ другой стороны, Львовъ передаетъ намъ свой іюльскій разговоръ съ М. И. Терещенко, на тему о возможной „диктатурѣ" Корнилова. „Я отправился къ

Терещенко и говорю ему: кто лучше, Керенскій или Корниловъ? Терещенко ясно понялъ мой вопросъ и быстро отвѣчалъ: „конечно, Корниловъ". Такъ отвѣчали тогда очень многіе. Довольно естественно, что когда самому Львову поставили тотъ же вопросъ, и притомъ не въ академической, а въ совершенно конкретной формѣ, его отвѣтъ былъ: и Керенскій, и Корниловъ.

Вопросъ былъ поставленъ нѣкіимъ г. Добринскимъ — одна изъ внезапно вынырнувшихъ изъ безвѣстности фигуръ, съумѣвшихъ стать близко къ генералу Корнилову. Г. Добринскій, гордившійся тѣмъ, что у него наготовѣ сорокъ тысячъ кавказскихъ горцевъ, посѣтилъ В. Н. Львова тотчасъ послѣ Московскаго Совѣщанія и сообщилъ ему, что онъ вызванъ телеграммой изъ ставки на секретное совѣщаніе, которое должно состояться 17-го Августа. Онъ предполагалъ, что на этомъ совѣщаніи будетъ обсуждаться вопросъ о диктатурѣ Корнилова. Онъ не назвалъ участниковъ совѣщанія, но, зная уже ближайшее окруженіе Корнилова, легко догадаться, изъ кого оно состояло. По словамъ В. Н. Львова, онъ просилъ у него совѣта. Въ отвѣтъ Львовъ развилъ свой планъ. Нужно, „чтобы Корниловъ и Керенскій, Боже упаси, не ссорились, а дѣйствовали сообща": Корниловъ, какъ начальникъ *всѣхъ* вооруженныхъ силъ, а Керенскій, какъ предсѣдатель правительства. Правительство, при этомъ, должно быть „построено на основахъ національнаго кабинета, какъ во всѣхъ союзныхъ странахъ", ибо „во время войны не можетъ быть партійной розни". „Всѣ партіи должны быть представлены въ правительствѣ". Въ дальнѣйшемъ разговорѣ В. Н. Львовъ согласился быть въ такомъ правительствѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ, подъ условіемъ, что въ его распоряженіе будетъ дано „достаточное количество воинскихъ силъ".

20-го Августа Добринскій вернулся съ секретнаго совѣщанія и „съ радостью" объявилъ, что планъ Львова принятъ, *вмѣсто* плана о военной диктатурѣ. Правда, Добринскій прибавилъ, что съ глазу на глазъ съ нимъ, поздно ночью, Корниловъ сказалъ ему по секрету, что онъ всетаки „рѣшился быть военнымъ диктаторомъ, но никто знать объ этомъ не долженъ". Добринскій при этомъ „признался, что и самъ не вполнѣ понимаетъ, что происходитъ въ ставкѣ". Предполагаемые „заговорщики", видимо, всѣ конспирировали потихоньку другъ отъ друга.

Маленькій уголокъ завѣсы былъ, однако, приподнятъ для Львова на слѣдующій день, 21-го Августа. На сцену явились, очевидно, сами участники „секретнаго засѣданія".

Добринскій пришелъ снова къ Львову вмѣстѣ съ Аладьинымъ. Аладьинъ, пожаловавшись, что ни Керенскій, ни кн. Львовъ не хотятъ его видѣть, сказалъ Львову, что онъ получилъ изъ ставки письмо отъ Завойко, содержащее весьма важное порученіе. Онъ показалъ при этомъ В. Н. Львову бумажку, на которой буквально было написано слѣдующее (это подлинный текстъ такъ какъ Львовъ оставилъ у себя копію): За завтракомъ (у Корнилова), генералъ, сидѣвшій противъ меня, (Лукомскій) сказалъ: недурно бы предупредить к.-д., чтобы къ 27-му Августа они вышли всѣ изъ Временнаго Правительства, чтобы поставить этимъ Временное Правительство въ затруднительное положеніе и самимъ избѣгнуть непріятностей.

В. Н. Львовъ разсказываетъ, что онъ тотчасъ согласился съѣздить въ Петроградъ и передать это предупрежденіе по назначенію. Онъ, дѣйствительно, передалъ его 22-го Августа В. Д. Набокову, который, въ свою очередь, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія министровъ к.-д., С. Ф. Ольденбурга и Ф. Ф. Кокошкина*).

Далѣе, Львовъ завелъ съ Аладьинымъ и Добринскимъ разговоръ о „своемъ планѣ": „поѣхать къ Керенскому и убѣдить его перестроить правительство, чтобы успокоить ставку". Собесѣдники не разочаровывали В. Н. Львова. Напротивъ, Аладьинъ сказалъ, что „это будетъ очень хорошо", а Добринскій даже прибавилъ, что, собственно говоря, „секретное засѣданіе въ ставкѣ уполномочило его просить объ этомъ" В. Н. Львова. Аладьинъ прибавилъ, что путемъ переговоровъ, „быть можетъ, удастся предотвратить что

---

*) Ср. разсказъ В. Д. Набокова въ его воспоминаніяхъ: „Временное Правительство", напечатанныхъ въ т. I „Архива русской революціи", издаваемыхъ І. В. Гессеномъ, стр. 44. В. Д. Набоковъ вполнѣ подтверждаетъ показанія Львова и приводитъ, хотя и по памяти, но почти текстуально, содержаніе, переданной ему Львовымъ записки. Онъ прибавляетъ затѣмъ, что Львовъ сказалъ ему, послѣ передачи записки: „отъ васъ я ѣду къ Керенскому и *везу ему ультиматумъ*: готовится переворотъ, выработана программа для новой власти съ диктаторскими полномочіями. Керенскому будетъ предложено принять эту программу. *Если онъ откажется*, то съ нимъ произойдетъ окончательный разрывъ, и тогда мнѣ, какъ человѣку близкому Керенскому и расположенному къ нему, останется только позаботиться о спасеніи его жизни. .. Имя Корнилова не было произнесено". Это заявленіе значительно опредѣленнѣе собственныхъ воспоминаній Львова, и можно поставить вопросъ, насколько отчетливо точныя выраженія В. Н. Львова сохранились въ памяти В. Д. Набокова.

то такое, что готовится къ 27 Августа", но на вопросъ, что именно готовится, отозвался „рѣшительнымъ незнаніемъ".

Совершенно основательно В. Н. Львовъ пришелъ въ недоумѣніе. „Какъ же хотятъ соглашенія, когда у нихъ тамъ, кажется, все рѣшено?" Насколько онъ не довѣрялъ своимъ собесѣдникамъ, видно изъ того, что онъ отказался взять съ собой Добринскаго къ Керенскому. „Кто его знаетъ, подумалъ я, войдетъ со мной въ кабинетъ къ Керенскому, да и хлопнетъ его". Полномочія, данныя, якобы, секретнымъ совѣщаніемъ, видимо, были болѣе чѣмъ сомнительны. И всетаки, преслѣдуя „свой планъ", Львовъ „рѣшилъ ѣхать, въ надеждѣ уладить что то надвигающееся".

22-го Августа В. Н. Львовъ имѣлъ свиданіе съ Керенскимъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Онъ передаетъ характерную сцену встрѣчи, которая показываетъ, что Керенскій питалъ къ своему „другу" тѣ же подозрѣнія, какъ самъ Львовъ по отношенію къ Добринскому. Керенскій встрѣтилъ его, сидя за пюпитромъ, подъ которымъ что то держалъ въ рукѣ. А когда Львовъ, желая лучше видѣть его, всталъ и двинулся навстрѣчу (надо вспомнить при этомъ грузную фигуру Львова), Керенскій „моментально подскочилъ" къ нему и обычнымъ жестомъ сыщика „провелъ обѣими руками по моимъ карманамъ — одной рукой по одному карману, а другой рукой по другому". „Затѣмъ Керенскій успокоился". Мы должны считать этотъ эпизодъ правдоподобнымъ, не только по обычной пугливости Керенскаго, но и потому, что такой сцены нельзя ни забыть, ни выдумать. Послѣдовавшій затѣмъ разговоръ можно провѣрить по показаніямъ Керенскаго. Въ виду его важности для объясненія дальнѣйшихъ событій, мы приведемъ обѣ версіи.

„Я пришелъ къ вамъ говорить по очень важному вопросу", говорилъ В. Н. Львовъ. „Прошу васъ отнестись къ нему очень внимательно. Я пришелъ по порученію. Отъ кого? Я не имѣю права сказать. . . Скажите, пожалуйста, на кого вы опираетесь? Петроградскій совѣтъ уже состоитъ изъ большевиковъ. . . Съ другой стороны, негодованіе на совѣтъ растетъ. . . и выразится въ рѣзнѣ". — „Вотъ и отлично, прервалъ его Керенскій (правдоподобность слѣдующаго заявленія подтверждается заявленіемъ Савинкова Корнилову), вскочивъ и потирая руки. „Мы скажемъ тогда, что не могли сдержать общественнаго негодованія, умоемъ руки и снимемъ съ себя отвѣтственность". Но Львовъ разумѣлъ

другое: въ его памяти вставали впечатлѣнія, вынесенныя изъ общенія съ правыми кругами. „Дѣло обстоитъ не такъ“, возражалъ онъ. „Первая кровь прольется ваша. . . Правительство виситъ въ воздухѣ. Съ одной стороны совѣты, съ другой — тѣ элементы, которые вы отъ себя отшатнули и которые теперь противъ васъ. . . вамъ нужно выбирать: или мы, или они“. „Вы всѣ тамъ заговоры „устраиваете“, иронически подхватилъ Керенскій: „Кто же это: вы? Союзъ георгіевскихъ кавалеровъ?“ — Львовъ отвѣчалъ перечисленіемъ противниковъ Керенскаго. „Во-первыхъ, конституціонно-демократическая партія, во-вторыхъ, торгово-промышленный классъ, въ-третьихъ — казачество, въ-четвертыхъ — полковыя части, наконецъ, союзъ офицеровъ и многіе другіе“. — Что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ? — „Протяните руку тѣмъ, которыхъ отталкивали. Реорганизуйте правительство такъ, чтобы оно удовлетворяло широкому слою всего русскаго общества и народа. Включите представителей правѣе кадетъ, съ другой стороны, пусть въ немъ будутъ соціалисты-государственники, а не исключительно представители совѣта. . . Ради блага родины я заклинаю васъ“ волновался Львовъ. Керенскій отвѣтилъ лицемѣрной фразой, которую обыкновенно пускалъ въ ходъ въ подобныхъ случаяхъ (ср. ниже разговоръ съ П. Н. Милюковымъ). „Хорошо, я согласенъ. Если даже требуется моя отставка, я согласенъ уйти, но поймите же, что я не могу бросить власть: я долженъ передать ее изъ рукъ въ руки“. Добродушный Львовъ принялъ это заявленіе за чистую монету, — и какъ увидимъ далѣе, оперировалъ имъ. Думая, что рѣчь идетъ о дѣйствительной готовности уступить, онъ тогда перешелъ къ настоящей цѣли своего посѣщенія. „Дайте мнѣ порученіе войти въ переговоры отъ вашего имени со всѣми тѣми элементами, которые я сочту необходимыми“.

На допросѣ В. Н. Львовъ, не разъ мѣнявшій свои показанія, наконецъ остановился на той версіи, что „порученіе“, данное ему Керенскимъ, „состояло не въ томъ, чтобы отъ имени Керенскаго, что либо предлагать, а, наоборотъ, въ томъ, чтобы *узнать мнѣнія* другихъ общественныхъ группъ и ставки“ *). Видимо, *формально* ничего болѣе и нельзя было вывести изъ уклончивыхъ отвѣтовъ Керенскаго. Но въ своихъ воспоминаніяхъ Львовъ возвращается

---

*) Формулировку самого Керенскаго см. въ „Дѣлѣ Корнилова“ стр. 119.

къ своей прежней, болѣе широкой версіи. Она изображаетъ, повидимому, не то, что было въ дѣйствительности, а то, какъ Львовъ *хотѣлъ* представить себѣ эту дѣйствительность. „Я даю вамъ *это* порученіе", сказалъ Керенскій по воспоминаніямъ Львова; „только прошу васъ все держать въ секретѣ, — и крѣпко пожалъ мнѣ руку". Послѣ таинственной фразы Львова: „я ѣду туда, откуда пріѣхалъ" (Керенскій ждалъ упоминанія *ставки*), онъ удалился, а Керенскій, „вышедши за двери кабинета, долго махалъ мнѣ рукой". За этими дружескими знаками, очевидно, уже крылось нѣчто иное. Но довѣрчивый Львовъ, обысканный вначалѣ и обласканный въ концѣ, уже вѣрилъ, что его „планъ" удался. „Керенскій былъ побѣжденъ", простодушно формулируетъ онъ результатъ разговора.

Конечно, освѣщеніе, которое даетъ Керенскій этому разговору съ В. Н. Львовымъ въ своихъ показаніяхъ, совершенно иное. Но самое содержаніе разговора передано довольно близко къ воспоминаніямъ Львова*).

„Въ числѣ безконечнаго ряда лицъ, приходящихъ ко мнѣ съ разнаго рода разговорами, серьезными предположеніями и „прожектами", пришелъ и Львовъ", — намѣренно пренебрежительно начинаетъ свой разсказъ Керенскій. „Онъ не столько говорилъ о своихъ прожектахъ, о перемѣнѣ состава Временнаго Правительства, сколько о томъ, что „моя пѣсенка спѣта", что съ одной стороны меня теперь ненавидитъ правая часть, а съ другой стороны большой рѣшительностью въ примѣненіи репрессій и борьбой съ большевиками я „подорвалъ" и свое положеніе въ демократіи, что я и мое Временное Правительство — „безъ почвы", что нужно такую опору найти, что онъ въ этомъ можетъ помочь, что нужно измѣнить составъ кабинета, ввести туда элементы болѣе правые, чѣмъ к.-д. Такъ какъ это было вскорѣ послѣ Московскаго Совѣщанія, то я считалъ естественнымъ, что человѣкъ приходитъ и высказываетъ подобныя мысли. Я ему отвѣчалъ общими мѣстами, — что я являюсь убѣжденнымъ сторонникомъ коалиціи и т. д. „До сихъ поръ передъ нами бесѣда съ однимъ изъ многихъ изъ „безконечнаго ряда" — бесѣда съ „прожектеромъ", на совѣты котораго высокій собесѣдникъ снисходительно отвѣчаетъ „общими мѣстами", только чтобы отъ него отдѣлаться.

*) Дѣло Корнилова, стр. 100—102.

Но дальше слѣдуетъ другое. Въ Керенскомъ при нѣкоторыхъ намекахъ Львова начинаетъ пробуждаться „наблюдатель", и бесѣда принимаетъ менѣе банальный оборотъ. У Керенскаго, очевидно, возникаетъ мысль изпользовать надоѣдливаго собесѣдника для пополненія своей информаціи о настроеніяхъ круговъ, за „малѣйшими измѣненіями" въ которыхъ онъ зорко слѣдитъ. — „Суть была въ стремленіи Львова показать, что я безъ опоры, а у него есть кто-то или что-то за спиной. Онъ все время говорилъ: мы—то, мы—другое. Я спрашиваю: кто такой —„мы"? Кто у васъ есть, что вы можете дать, отъ какой группы вы говорите? Онъ на такіе вопросы отвѣчалъ: „я не имѣю права вамъ сказать и только уполномоченъ спросить васъ: желаете ли вы разговаривать?... подчеркивалъ онъ: мнѣ поручено спросить, угодно вамъ, или не угодно ввести новые элементы во Временное Правительство и по этому поводу вести бесѣду? „При этомъ сопротивленіи" Керенскій настораживался еще болѣе. „Прежде, чѣмъ дать отвѣтъ, я долженъ знать, съ кѣмъ имѣю дѣло, какая такая группа и что они хотятъ", настаивалъ онъ. — „Общественные дѣятели" отвѣчалъ Львовъ. „Ну, общественные дѣятели бываютъ разные" . . . „Я думалъ", поясняетъ Керенскій, „что слова Львова относятся къ той Родзянковской группѣ „бывшихъ людей", которая засѣла въ Москвѣ" . . . Это было, конечно еще не очень интересно. Но Керенскій чувствовалъ, что за словами Львова кроется что-то другое, болѣе значительное. „Я видѣлъ, что онъ зашелъ не по-просту поболтать. Онъ говорилъ, что хорошо ко мнѣ относится, что заинтересованъ мною лично (не хочетъ моей погибели) и т. д. Керенскій уже привыкъ къ такого рода интродукціямъ. „На фонѣ цѣлаго клубка разныхъ свѣдѣній (этими выраженіями Керенскій характеризуетъ въ показаніяхъ свою информацію о Корниловскомъ заговорѣ, ср. напр. стр. 48: „вообще накопился цѣлый клубокъ свѣдѣній) *меня заинтересовала такого рода тайна*". И Керенскій, превращаясь въ слѣдователя, начинаетъ ставить наводящіе вопросы. „Если я ни на кого не опираюсь, то вы-то что можете предложить, *какую реальную силу?* Я представляю себѣ *вашъ кругъ*, знаю, кто эти общественные дѣятели" . . . Провокація подѣйствовала. „Тутъ Львовъ сталъ намекать, что я ошибаюсь; что „они" имѣютъ *достаточную* реальную силу съ которой *необходимо* считаться" . . . Все таки, В. Н. Львовъ удержался. „*Слово—ставка — не упоминалось*", замѣчаетъ

Керенскій. Резюмируя бесѣду, Львовъ только спросилъ: „значитъ, вы будете разговаривать, если я *это* скажу?" Въ показаніи Керенскаго отвѣтъ звучитъ очень неопредѣленно и уклончиво. „Я говорю: скажите болѣе опредѣленно, что и почему вы хотите отъ меня знать"? Если бы послѣдній отвѣтъ Керенскаго былъ дѣйствительно только такой, то, понятно, что Керенскій могъ бы считать, „что на этомъ дѣло и кончится". Но „заинтересовавшая его тайна" въ такомъ случаѣ осталась бы нераскрытой. Такой конецъ слишкомъ противорѣчилъ бы и психологіи Керенскаго, и увѣренности Львова, что, все же, онъ *какія-то* полномочія —хотя бы полномочія „узнать желанія другихъ" — все-таки получилъ.

Какъ бы ни были велики преувеличенія Львова въ послѣдующихъ заявленіяхъ его Аладьину, Добринскому, Н. Н. Львову, все же зерно истины, въ нихъ несомнѣнно заключающееся, должно быть крупнѣе того, о которомъ свидѣтельствуетъ показаніе Керенскаго передъ слѣдственной комиссіей. Констатировавъ уклончивость этихъ показаній въ рядѣ случаевъ, мы и въ данномъ случаѣ можемъ предположить, что правда гдѣ-нибудь посрединѣ между показаніемъ Керенскаго и показаніемъ Львова. „Порученіе" вывѣдать настроенія и намѣренія круговъ, обладающихъ „реальной силой, съ которой необходимо считаться", Керенскій, надо думать, все таки далъ. И когда Львовъ пришелъ во второй разъ, Керенскій, по собственному показанію, встрѣтилъ его словами: „вы, значитъ, опять по этому дѣлу о положеніи Временнаго Правительства пришли теперь разговаривать?" Онъ, видимо, ждалъ „интересовавшаго" его продолженія. . . Прежде, чѣмъ ознакомимся съ матеріаломъ развѣдки, произведенной Львовымъ по порученію Керенскаго, вернемся теперь къ его дальнѣйшимъ похожденіямъ.

23-го Августа Львовъ вернулся въ Москву. По пути, полученное имъ „порученіе" уже разрослось въ цѣлую схему, которую онъ немедленно передалъ Аладьину, а Аладьинъ „записалъ въ записную книжку". Это были теперь слѣдующіе пять пунктовъ. 1) „Керенскій согласенъ вести переговоры со ставкой. 2) Переговоры должны вестись черезъ него, Львова. 3) Керенскій согласенъ на образованіе кабинета, пользующагося довѣріемъ страны и всѣхъ частей арміи. 4) Въ виду этого должны быть поставлены опредѣленныя требованія и 5) Должна быть выработана опредѣленная программа". Львовъ прибавилъ, что переговоры должны вестись негласно, ибо „Керенскій опасается за свою жизнь со стороны

поддерживающихъ его группъ, если бы послѣднія узнали о переговорахъ раньше, чѣмъ они будутъ закончены. Въ воспоминаніяхъ Львова эта схема изложена менѣе опредѣленно; имѣется, однако, еще одинъ пунктъ, здѣсь опущенный: въ случаѣ необходимости, — отставка Керенскаго".

Въ Москвѣ же В. Н. Львовъ приступилъ и къ исполненію своего „порученія". Въ тотъ же день, 23-го Августа, онъ вызвалъ въ Національную гостинницу своего брата, Н. Н. Львова, который передалъ мнѣ (въ Ростовѣ, начало 1918 г.) содержаніе своей бесѣды съ В. Н. Львовымъ слѣдующимъ образомъ: „Когда я пріѣхалъ, В. Н. обратился ко мнѣ съ заявленіемъ, что у него есть формальное предложеніе отъ Керенскаго о составленіи новаго правительства, причемъ онъ просилъ меня взять на себя переговоры съ рядомъ общественныхъ дѣятелей и не отказаться лично вступить въ правительство. По его словамъ, Керенскій считалъ свое положеніе безнадежнымъ. Опоры у лѣвыхъ, говорилъ онъ В. Н. Львову, онъ не можетъ имѣть. А правые круги, которые поддерживали правительство и, въ лицѣ офицеровъ и юнкеровъ, спасали положеніе, теперь отказываются нести эту службу. Правительству необходимо получить полную поддержку со стороны военныхъ властей. Но эта поддержка не можетъ быть дана правительству настоящаго состава. Съ этими предложеніями онъ, В. Н., имѣетъ порученіе ѣхать въ ставку къ ген. Корнилову. Очевидно, В. Н. Львовъ влагалъ здѣсь въ уста Керенскаго тѣ самыя мысли, которыя въ дѣйствительности онъ самъ излагалъ Керенскому. Такъ спутался „свой планъ" съ „порученіемъ" Керенскаго въ воображеніи В. Н. Львова.

По воспоминаніямъ В. Н. Львова, Н. Н. Львовъ отвѣчалъ ему, что онъ уже переговорилъ кое съ кѣмъ изъ общественныхъ дѣятелей и что они „идутъ" съ Керенскимъ, хотя это имъ „трудно". Довольный тѣмъ, „что соглашеніе налаживается", В. Н. Львовъ зашелъ въ номеръ Аладьина, квартировавшаго въ той же Національной гостинницѣ. Тамъ его міръ пріятныхъ иллюзій былъ нѣсколько потревоженъ чертой изъ жестокой дѣйствительности.

Въ присутствіи Львова, Аладьина и Добринскаго ординарецъ изъ ставки вручилъ Аладьину пакетъ. Раскрывъ его и прочтя бумагу, Аладьинъ поблѣднѣлъ и передалъ бумагу Добринскому. „Я понять не могу, что произошло въ ставкѣ". Добринскій развелъ руками. Немного обиженный, что его не посвящаютъ въ

секретъ, Львовъ замѣтилъ: „разъ я вошелъ въ переговоры, отъ меня скрывать не приходится.“ Аладьинъ протянулъ ему телеграмму отъ Корнилова атаману Каледину, „въ которой приказывается Каледину начать движенiе на Москву“. Послѣ разговоровъ Каледина съ Корниловымъ на Московскомъ Совѣщанiи, это было вполнѣ правдоподобно. „Это безумiе, это ужасно“, восклицалъ Львовъ. Настоящiе „заговорщики“ были хладнокровны. „Разъ приказано, надо исполнять“, сказалъ Аладьинъ. „Это еще не похоже на Москву, а только сборъ казацкихъ частей“, успокаивалъ Добринскiй. Какъ это относится къ „плану“ Львова, ему не пришло въ голову спросить, а его собесѣдники не поясняли.

24-го Августа Львовъ былъ уже въ ставкѣ. Первыя впечатлѣнiя были охлаждающiя. Корниловъ принять не можетъ. Львовъ начиналъ понимать, что онъ въ игрѣ лишнiй и хотѣлъ ѣхать назадъ. Но, послѣ цѣлаго дня ожиданiя, на 10 ч. вечера онъ получилъ приглашенiе отъ Корнилова. Надо сказать, что для своей легитимацiи онъ привезъ съ собой письмо отъ Аладьина къ Завойко. Въ письмѣ сообщалось о полученiи Львовымъ полномочiй отъ Керенскаго вести переговоры отъ его имени. Какъ парламентера, а не какъ спасителя отечества, принялъ его и Корниловъ. Равговоръ съ Корниловымъ мы опять имѣемъ въ двухъ варiантахъ: Львова и Корнилова.

Вотъ варiантъ Львова: „Я имѣю сдѣлать вамъ предложенiе. Напрасно думаютъ, что Керенскiй дорожитъ властью. Онъ готовъ уйти въ отставку, если вамъ мѣшаетъ. Но власть должна быть законно передана изъ рукъ въ руки (въ дальнѣйшемъ, эта мысль оказывается усвоенной Завойко). Керенскiй идетъ на реорганизацiю власти въ томъ смыслѣ, чтобы привлечь въ правительство всѣ общественные элементы (Львовъ продолжаетъ думать, что это мысль Керенскаго, а не его собственная).

Корниловъ, глаза котораго, по наблюденiю Львова, „сверкнули недобрымъ огнемъ“ при упоминанiи о Керенскомъ, отвѣтилъ сдержанно. „Я ничего не имѣю противъ Керенскаго. Когда на Московскомъ Совѣщанiи онъ хотѣлъ уходить въ отставку, я отсовѣтовалъ ему. Когда онъ спросилъ, поддержу ли я его, я ему обѣщалъ свою поддержку. Но вѣдь Керенскiй не борется съ большевиками. Такъ нельзя. Въ случаѣ возстанiя большевиковъ, въ Петроградѣ произойдетъ невѣроятная каша . . . Въ этой кашѣ Врем. Правительство погибнетъ . . . Надо что нибудь предпри-

нять противъ этого. Я знаю, что съ Керенскимъ можно поладить. Но вѣдь Керенскаго ненавидятъ, а я не могу поручиться за его жизнь. Сегодня пріѣзжалъ ко мнѣ Савинковъ жаловаться на совѣтъ. Что я могу сдѣлать, когда я не могу добиться отъ правительства, чтобы всѣ войска, на фронтѣ и въ тылу, были мнѣ подчинены". За окончательнымъ отвѣтомъ Корниловъ просилъ Львова придти на слѣдующее утро.

Придя въ 10 ч. утра, 25-го Августа, Львовъ замѣтилъ большую перемѣну въ тонѣ и содержаніи новыхъ заявленій Корнилова. Встрѣтившись потомъ съ „ординарцемъ" Корнилова Завойко, Львовъ спросилъ его: чѣмъ объяснялась эта перемѣна. Завойко безцеремонно отвѣтилъ: „24-го вечеромъ *меня* въ ставкѣ не было".*)

Дѣйствительно, 25-го Августа Львовъ встрѣтилъ Завойко на посту: изъ сосѣдней комнаты онъ слушалъ разговоръ Львова съ Корниловымъ и, когда счелъ нужнымъ, вмѣшался, какъ сейчасъ увидимъ. Корниловъ на этотъ разъ заимствовалъ темы своего отвѣта Львову изъ своихъ воззваній, видимо, уже приготовленныхъ въ это время Завойко (см. ниже).

„Передайте Керенскому, что Рига взята вслѣдствіе того, что мои предположенія, представленныя Врем. Правительству, до сихъ поръ имъ не утверждены. Взятіе Риги вызываетъ негодованіе всей арміи. Дальше медлить нельзя. Необходимо, чтобы полковые комитеты не имѣли права вмѣшиваться въ распоряженія военнаго начальства, чтобы Петроградъ былъ введенъ въ сферу военныхъ дѣйствій и подчиненъ военнымъ законамъ, а всѣ фронтовыя и тыловыя части были подчинены верховному главнокомандующему. По свѣдѣніямъ контръ-развѣдки, доставленнымъ мнѣ, въ Петроградѣ готовится большевистское возстаніе между 28-мъ Августа и 2-мъ Сентября. Это возстаніе имѣетъ цѣлью низверженіе власти Врем. Правительства, провозглашеніе власти совѣтовъ, заключеніе мира съ Германіей и выдачу ей большевиками балтійскаго флота. Въ виду столь грозной опасности, угрожающей Россіи, я не вижу иного выхода, какъ немедленная передача власти Врем. Правительствомъ въ руки верховнаго главнокомандующаго . . . Кто будетъ верховнымъ главнокомандующимъ, меня не касается. лишь бы власть была передана ему Врем. Правительствомъ. На замѣчаніе Львова, что

*) Быть можетъ, этимъ объясняются и данныя Савинкову обѣщанія, о непосылкѣ Крымова и дикой дивизіи, отмѣненныя впослѣдствіи (см. ниже).

военная диктатура должна быть передана ему, Корниловъ отвѣчалъ утвердительнымъ кивкомъ головой. Онъ заявилъ далѣе, что не вѣритъ ни Керенскому, который „ничего не дѣлаетъ", ни Савинкову, который „неизвѣстно кому хочетъ всадить ножъ въ спину: не то Керенскому, не то мнѣ". Но, однако же, не ручаясь „нигдѣ" за ихъ безопасность, предлагаетъ имъ пріѣхать въ ставку, „гдѣ онъ ихъ личную безопасность возьметъ подъ свою охрану", предполагая, притомъ, предложить Савинкову портфель военнаго министра, а Керенскому — юстиціи.

Въ этотъ моментъ Завойко взялъ на себя роль суфлера. Войдя неожиданно въ комнату, онъ сказалъ „наставническимъ" тономъ, какъ говорятъ ученику: „нѣтъ, нѣтъ, не министра юстиціи, а замѣстителя предсѣдателя совѣта министровъ".

Корниловъ въ своихъ показаніяхъ соединяетъ обѣ бесѣды, 24-го и 25-го Августа, въ одну, и, въ общемъ, подтверждаетъ сущность ихъ содержанія. Вотъ его показаніе:

„Львовъ, войдя ко мнѣ въ кабинетъ, сразу заявилъ: я къ вамъ отъ Керенскаго съ порученіемъ. Я подчеркиваю, что Львовъ былъ посланъ не мной, такъ какъ я его съ Апрѣля не видалъ и слишкомъ мало зналъ. Львовъ заявилъ мнѣ отъ имени Керенскаго, что если, по моему мнѣнію, дальнѣйшее участіе послѣдняго въ управленіи ставкой не даетъ власти необходимой силы и твердости, то Керенскій готовъ выйти изъ состава правительства. Если же Керенскій можетъ разсчитывать на поддержку, то онъ готовъ продолжать работу. Я, очертивъ общее положеніе страны и арміи, заявилъ, что, по моему глубокому убѣжденію, единственнымъ исходомъ изъ тяжелаго положенія страны является установленіе диктатуры и немедленное объявленіе страны на военномъ положеніи. Я заявилъ, что лично не стремлюсь къ власти и готовъ немедленно подчиниться тому, кому будутъ вручены диктаторскія полномочія, будь то самъ Керенскій или другія лица. Львовъ заявилъ, что не исключается возможность такого рѣшенія, что, въ виду тяжелаго положенія страны, правительство въ его нынѣшнемъ составѣ придетъ къ сознанію необходимости установленія диктатуры и, весьма возможно, предложитъ мнѣ обязанности диктатора. Я заявилъ, что, если бы такъ случилось, то, всегда держась мнѣнія, что только твердая власть можетъ спасти страну, я отъ такого предложенія не отказался бы. Затѣмъ, въ присутствіи моего ординарца Завойко, я повторилъ В. Н. Львову сущность

моего заявленія"*). А Корниловъ прибавляетъ и то, что онъ просилъ Львова передать Керенскому, что признаетъ желательнымъ безотлагательный пріѣздъ его и Савинкова въ ставку.

Отъ Корнилова В. Н. Львовъ отправился къ Завойко, пригласившаго его къ завтраку. Тутъ оказался и Добринскій, и Львовъ былъ введенъ въ новыя тайны „заговора". Завойко вынулъ изъ письменнаго стола, прочелъ вслухъ и далъ Львову копію манифеста къ арміи (къ казакамъ?) и прокламаціи къ солдатамъ, имъ же, очевидно, и сочиненныя, (о приказахъ Корнилова смотри ниже). Во второмъ документѣ солдатамъ сбѣщалось по 8 десятинъ земли; авторъ этого предложенія, профессоръ Яковлевъ, сидѣлъ тутъ же и былъ представленъ Львову. Пишущій эти строки познакомился съ проф. Яковлевымъ на Московскомъ Совѣщаніи. „Профессоръ" развивалъ такіе фантастическіе планы объ аграрной реформѣ, что невозможно было отнестись къ нему серьезно. Львовъ тоже усумнился. „Откуда вы возьмете столько десятинъ на каждаго солдата?" „У меня все это точно вычислено", отвѣчалъ этотъ, видимо, не вполнѣ уравновѣшенный господинъ. Какимъ то

*) Въ изложеніи Корнилова не указаны три варіанта, вообще сбивчиво передаваемые свидѣтелями. Но въ показаніи кн. Г. Н. Трубецкого эта часть бесѣды, вѣроятно, со словъ кого-либо изъ близкихъ Корнилову лицъ въ ставкѣ, изложена такъ: „при этомъ В. Н. Львовъ указывалъ на возможные варіанты новаго правительства: согласно первому варіанту, центральная роль въ правительствѣ принадлежала бы А. Ф. Керенскому, всѣ прочіе члены кабинета явились бы сотрудниками ему подчиненными. Второе предположеніе выдвигало мысль о сильномъ правительствѣ, въ коемъ всѣ члены были бы облечены равной властью. Наконецъ, третье предположеніе указывало на возможность предоставить преобладающее положеніе въ кабинетѣ военному элементу въ лицѣ верховнаго главнокомандующаго, причемъ В. Н. Львовъ спрашивалъ мнѣнія ген. Корнилова о томъ, считаетъ ли онъ желательнымъ, чтобы въ составъ кабинета вошли А. Ф. Керенскій и Савинковъ въ этомъ случаѣ, или нѣтъ. Ген. Корниловъ высказался за третью комбинацію, о чемъ и уполномочилъ своего собесѣдника довести до свѣдѣнія министра-предсѣдателя". Самъ ген. Корниловъ въ своемъ приказѣ отъ 28-го Августа за № 897 (о немъ см. ниже) сообщаетъ упрощенную схему предложенія В. Н. Львова, очевидно, не вполнѣ усвоеннаго имъ, а, можетъ быть, и самимъ парламентеромъ. „В. Н. Львовъ, говорилъ ген. Корниловъ, „предложилъ мнѣ высказать ему мой взглядъ на три варіанта организаціи власти, намѣчаемые самимъ Керенскимъ: 1) уходъ А. Ф. Керенскаго изъ состава правительства, 2) участіе А. Ф. Керенскаго въ правительствѣ и 3) предложеніе мнѣ принять диктатуру съ объявленіемъ таковой нынѣшнимъ Временнымъ Правительствомъ. Я отвѣтилъ, что единственнымъ исходомъ считаю установленіе диктатуры и объявленіе всей страны на военномъ положеніи. Подъ диктатурой подразумѣвалъ диктатуру не единоличную, такъ какъ указывалъ на необходимость участія въ правительствѣ Керенскаго и Савинкова". Послѣднія слова показываютъ, какая путаница господствовала въ умѣ Корнилова, когда онъ начиналъ оперировать понятіями государственнаго права.

путемъ, именно, люди такого типа попадали въ совѣтники Корнилова *).

Затѣмъ, Завойко приступилъ къ составленію списка министерства. Сцена эта настолько характерна, и внутренне-правдоподобна, что мы приведемъ ее цѣликомъ:

„Взявъ бумажку, Завойко съ небрежнымъ видомъ сказалъ: и такъ, замѣстителемъ предсѣдателя совѣта министровъ будетъ Керенскій. И написалъ сіе на бумажкѣ. Кто же будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, спросилъ Завойко и уставился на меня глазами.—Быть можетъ, вы возьметесь быть, спросилъ меня Добринскій (ср. выше, бесѣду передъ секретнымъ засѣданіемъ въ ставкѣ, 17-го Августа). Я поспѣшно отказался. Завойко записалъ быстро: „Филоненко“. Министромъ финансовъ записалъ самого себя и поставилъ собственноручно: „Завойко“. — Оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода? — Я поспѣшно сказалъ: Карташевъ, и т. д. Окончивъ записку, Завойко сунулъ ее мнѣ. Я спряталъ записку въ карманъ, но не выдержалъ, и обратился къ Завойко со словами: —Вы составляете кабинетъ. Я вижу: здѣсь у васъ все готово къ перевороту. И вы рѣшаетесь на это, не посовѣтовавшись ни съ общественными дѣятелями, ни съ какими общественными организаціями. Это невозможно. Надо немедленно созвать сюда видныхъ общественныхъ дѣятелей и переговорить съ ними. — Завойко всталъ съ кресла у письменнаго стола и предложилъ мнѣ перо и бумагу. Отъ имени верховнаго главнокомандующаго можете написать кому угодно. — Я сѣлъ и написалъ записку: Корниловъ проситъ немедленно прибыть въ ставку общественныхъ дѣятелей, кого сочтешь необходимымъ. — Эту записку вы вручите брату моему (Н. Н. Львову), сказалъ я, обращаясь къ Добринскому. Поѣзжайте немедленно въ Москву“.

Такъ арранжировалась политическая сторона переворота. Уже пріѣхавъ съ Завойко на станцію, В. Н. Львовъ, наконецъ, поставилъ вопросъ, который долженъ былъ бы поставить съ самаго начала. „Разъ у васъ все рѣшено, я не понимаю, къ чему мнѣ ѣхать къ Керенскому?“ Завойко отвѣтилъ ему его же словами (если только Львовъ не употреблялъ словъ Завойко): „надо

---

*) Керенскій, въ доказательство заблаговременной подготовки заговора, показалъ въ слѣдственной комиссіи (стр. 186): „я зналъ, что идетъ подготовка аграрнаго манифеста или закона; не помню фамиліи этого профессора изъ Москвы“. Предсѣдатель комиссіи тогда назвалъ эту фамилію: Яковлевъ.

устроить законопреемственность". Львовъ продолжалъ допытываться: „но для чего вы поставили имя Керенскаго въ кабинетѣ, когда вы его ненавидите". Отвѣтъ былъ: „Керенскій — знамя для солдатъ; его надо оставить". — „Корниловъ гарантируетъ жизнь Керенскому?" — „Ахъ, какъ можетъ верховный главнокомандующій гарантировать жизнь Керенскому"? — „Однако же, онъ это сказалъ?" — „Мало ли что онъ сказалъ! Развѣ Корниловъ можетъ поручиться за всякій шагъ Керенскаго? Выйдетъ онъ изъ дома, ну и убьютъ его". — „Кто убьетъ?" — „Да хоть тотъ же самый Савинковъ, почемъ я знаю, кто" . . . — „Но вѣдь это же ужасно? — „Ничего ужаснаго нѣтъ. Его смерть необходима, какъ вытяжка возбужденному чувству офицерства". — „Такъ для чего же Корниловъ зоветъ его въ ставку"? — „Корниловъ хочетъ его спасти, да не можетъ".

На прощанье Завойко твердилъ Львову: „не забудьте три пункта: во-первыхъ, немедленная передача Врем. Правительствомъ всей военной и гражданской власти въ руки верховнаго главнокомандующаго; во-вторыхъ, немедленная отставка всѣхъ членовъ Врем. Правительства; въ-третьихъ — объявленіе Петрограда на военномъ положеніи". И глядя въ упоръ въ глаза Львову, Завойко многозначительно произнесъ: „привезите Керенскаго" !

В. Н. Львовъ совсѣмъ запутался. Какъ же такъ? Онъ — „другъ" Керенскаго — долженъ везти его на вѣрное убійство. Онъ, не участникъ заговора, везетъ правительству ультиматумъ. Или понять это такъ, что онъ спасаетъ жизнь Керенскому и предупреждаетъ правительство противъ заговора большевиковъ? Было поздно думать. В. Н. Львовъ не отличался силой воли. Было теперь ясно, что онъ исполнялъ не „свой" планъ, а чей то другой, и притомъ извѣстный ему лишь въ случайныхъ отрывкахъ... Но остановиться — Львову — было уже нельзя. Онъ ѣхалъ въ Петроградъ, на свиданіе съ Керенскимъ. Онъ „везъ порученіе верховнаго главнокомандующаго къ предсѣдателю Временнаго Правительства, какъ посредникъ между ними".

Въ ставкѣ тѣмъ временемъ работа кипѣла. 25-го Августа Корниловъ провелъ, отчасти, въ разработкѣ политическаго плана, въ ожиданіи принятія или отверженія Керенскимъ его предложенія; отчасти, въ разработкѣ своего военнаго плана, связаннаго съ образованіемъ особой петроградской арміи и съ передвиженіемъ войскъ. Политическій вопросъ о реконструкціи власти онъ предо-

ставилъ обсуждать своимъ довѣреннымъ лицамъ: Завойкѣ и Аладьину, а также комиссару Филоненко. „Я предложилъ имъ", разсказываетъ самъ Корниловъ, „считая ихъ за людей, хорошо знающихъ нашихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей, и имѣя въ виду мой разговоръ съ Савинковымъ и Львовымъ, намѣтить такую схему власти, которая, включая лучшія силы всѣхъ главныхъ политическихъ партій, могла бы дать Временное Правительство твердое, работоспособное, пользующееся довѣріемъ страны и арміи. Былъ набросанъ проектъ совѣта народной обороны съ участіемъ верховнаго главнокомандующаго въ качествѣ предсѣдателя; А. Ф. Керенскаго,—министра-предсѣдателя, Б. В. Савинкова, ген. Алексѣева, адмирала Колчака, и Филоненко. Этотъ совѣтъ обороны долженъ былъ установить коллективную диктатуру, такъ какъ установленіе единоличной диктатуры было признано нежелательнымъ. На посты другихъ министровъ намѣчались: Тахтамышевъ, Третьяковъ, Покровскій, гр. Игнатьевъ, Аладьинъ, Плехановъ, Г. Е. Львовъ и Завойко.

Въ показаніяхъ Филоненко, вообще, не очень надежныхъ, заслугу перехода Корнилова отъ идеи о диктатурѣ единоличной къ идеѣ коллективной диктатуры этотъ комиссаръ приписываетъ себѣ. Онъ убѣдилъ, по его словамъ, Корнилова, что единоличность власти будетъ фиктивна, такъ какъ „необладающій достаточными познаніями въ областяхъ знаній невоенныхъ", Корниловъ принужденъ будетъ передать фактическую власть „безотвѣтственной камарильѣ". Кромѣ того, диктатура „не была бы принята широкими слоями демократіи и произошла бы гражданская война". Въ частности, Корниловъ будетъ имѣть противъ себя Савинкова и его самого. „Тогда", разсказываетъ Филоненко, (тотъ разговоръ былъ еще днемъ 23-го, *до бесѣды* съ В. Н. Львовымъ), ген. Корниловъ спросилъ меня: что же дѣлать, когда ясно, что у даннаго состава правительства не хватаетъ энергіи на проведеніе тѣхъ мѣропріятій, которыя неоходимы для спасенія страны отъ внѣшняго и внутренняго рабства и когда время не терпитъ?" Филоненко отвѣтилъ, что сильная революціонная власть возможна и не въ формѣ диктатуры: напр. „малый военный кабинетъ или директорія Врем. Правительства". „Развивая свою мысль дальше", продолжаетъ Филоненко, „я указалъ, что имѣются основанія полагать, что, именно, въ такомъ видѣ разрѣшится *правительственный кризисъ*, который *долженъ послѣдовать* съ принятіемъ министромъ-предсѣдателемъ

нашего доклада. . . Либо съ его отверженіемъ должны уйти въ отставку ген. Корниловъ, Савинковъ и я, либо, съ принятіемъ его должны выйти изъ состава кабинета лица, для которыхъ его положенія являются завѣдомо непріемлемы". Такимъ образомъ, та перемѣна, которой Савинковъ и Филоненко ожидали уже 10-го Августа, теперь, по ихъ предположенію, должна была наступить неизбѣжно. Филоненко рисовалъ уже передъ Корниловымъ и исходъ изъ этого кризиса: созданіе „директоріи", которая будетъ „популярна и сильна", если въ составъ ея войдутъ Корниловъ и Керенскій. Корниловъ спросилъ тогда, войдетъ ли въ такую директорію самъ Филоненко. Послѣдній отвѣтилъ, что войдетъ, если тамъ будетъ Савинковъ и Керенскій, и если они согласятся на его вступленіе. Послѣ этого Корниловъ снова, уже въ прямой формѣ, поставилъ вопросъ о диктатурѣ: „а если бы оказалось, что Временное Правительство и такой малый кабинетъ въ его составѣ *все-таки недостаточно сильны* й оказалось бы нужнымъ перейти къ диктатурѣ, вы не согласились бы мнѣ помочь?". . . Филоненко отвѣчалъ патетически: „я бы безповоротно ушелъ тогда отъ активной политической жизни и, какъ республиканецъ, покинулъ бы, вѣроятно, страну". — Ген. Корниловъ прошелъ нѣсколько шаговъ въ раздумьи, драматизируетъ онъ дальнѣйшую сцену. — „Да я тоже стою за директорію. . . Но только надо дѣлать скорѣй, вѣдь время не ждетъ". Вечеромъ, по словамъ Филоненко, Корниловъ возобновилъ эту бесѣду и, сказавъ вскользь о посѣщеніи Львова, просилъ Филоненко указать кандидатовъ въ кабинетъ, „ставящій себѣ цѣлью оборону страны и приведеніе арміи и тыла въ порядокъ". Филоненко указалъ тогда на Церетели, Плеханова, Аргунова, Малянтовича, Заруднаго, Тахтамышева, Набокова, Карташева, Кокошкина. „Имена Аладьина, Завойко и Львова ни ген. Корниловымъ, ни мной названы не были". Самъ Филоненко, по его словамъ, былъ приглашенъ Корниловымъ въ министры иностранныхъ дѣлъ. Всѣ эти разговоры происходили съ глазу на глазъ. Но вечеромъ, 26-го, Филоненко присутствовалъ вмѣстѣ съ Аладьинымъ при попыткѣ Завойко побесѣдовать „на политическую тему о составѣ кабинета и о *своей роли въ качествѣ министра продовольствія*". Аладьинъ молчалъ. Корниловъ былъ, видимо, недоволенъ *словоохотливостью* Завойко. Видно было, что рѣшенія, изложенныя выше Корниловымъ, были уже приняты въ болѣе тѣсномъ кругу (Аладьинъ и Завойко) безъ дальнѣйшаго

участія Филоненко. Изъ откровенныхъ разговоровъ съ Верховскимъ Филоненко почувствовалъ уже къ этому времени, что въ воздухѣ пахнетъ приближеніемъ грозы.

Вечеромъ этого дня, 26-го Августа, ген. Корниловъ былъ вызванъ къ прямому проводу А. Ф. Керенскимъ, уже успѣвшимъ повидаться съ В. Н. Львовымъ (см. ниже). „Я видѣлъ ген. Корнилова послѣ этого разговора", показываетъ кн. Трубецкой. „Вздохъ облегченія вырвался изъ его груди, и на мой вопросъ: значитъ, правительство идетъ вамъ на-встрѣчу во всемъ, — онъ отвѣтилъ: да. „Ни малѣйшихъ сомнѣній въ точности передачи В. Н. Львовымъ А. Ф. Керенскому и Корнилову ихъ взаимныхъ предложеній у меня не было", — хотя это сомнѣніе и являлось ранѣе у кн. Трубецкого, какъ только онъ узналъ, что Корниловъ выбралъ своимъ парламентеромъ В. Н. Львова. „Знаетъ-ли Корниловъ, что Львовъ человѣкъ ограниченный", спросилъ онъ адъютанта Корнилова. Тотъ улыбнулся: „Это знаютъ всѣ, но ген. Корниловъ сказалъ, что вѣдь передать-то сказанное ему онъ можетъ и что онъ еще такъ недавно былъ членомъ кабинета Керенскаго". Теперь эти сомнѣнія были устранены самымъ фактомъ согласія Керенскаго — пріѣхать лично 27-го. Оставалось обставить, какъ слѣдуетъ, политическое совѣщаніе при ставкѣ и ген. Корниловъ рѣшилъ привлечь „къ участію въ обсужденіи вопроса о состояніи страны и о мѣрахъ, необходимыхъ для спасенія отъ окончательнаго развала ея и арміи", М. В. Родзянко, П. Н. Милюкова, В. А. Маклакова и Г. Е. Львова. Имъ были посланы приглашенія „вслѣдствіе грознаго положенія страны не отказать пожаловать на совѣщаніе въ ставку, не позднѣе 29-го Августа". Кн. Трубецкой предложилъ было послать общественнымъ дѣятелямъ телеграммы также отъ себя, ибо имъ „очень важно знать, что Корниловъ дѣйствуетъ съ вѣдома Врем. Правительства и при участіи Керенскаго и что безъ такого указанія смыслъ совѣщанія имъ можетъ быть не ясенъ". Но — въ силу-ли неяснаго пониманія политической стороны положенія или въ силу полной увѣренности въ единогласіи съ правительствомъ, сложившейся въ этотъ вечеръ, — посылка телеграммы Трубецкого была признана совершенно излишней.

Насколько велика была уврѣенность въ томъ, что Керенскій сговорился со Львовымъ, видно изъ того, что изъ Москвы въ этотъ день, 26-го, была послана слѣдующая телеграмма г. Добрин-

скимъ „Керенскому для Львова: на обратномъ пути заѣзжайте за Родзянко“. Приглашеннымъ были оставлены мѣста въ вагонѣ ставки.

Рядомъ съ этими политическими мѣропріятіями Корниловъ принималъ и военныя мѣры, въ прямой связи съ тѣмъ, въ чемъ онъ уговорился съ Савинковымъ. Посылая третій конный корпусъ къ Петрограду, онъ, однако, не сдѣлалъ тѣхъ уступокъ, на которыя разсчитывалъ Савинковъ: не выдѣлилъ изъ третьяго корпуса туземной дивизіи, подчиненной ему особымъ приказомъ еще 24-го Августа, и не отмѣнилъ назначенія ген. Крымова *). Самымъ серьезнымъ отступленіемъ отъ намѣреній правительства, однако, Керенскій считаетъ то, что отрядъ Крымова посылался вовсе не въ распоряженіе Врем. Правительства, какъ вытекало бы изъ выдѣленія Петрограда въ особую единицу, а какъ часть новой Петроградской арміи, приказъ о сформированіи которой былъ подписанъ Корниловымъ того-же 26-го Августа, но не разосланъ въ войска „по преждевременности“ и не сообщенъ правительству. Керенскій усматривалъ въ этомъ желаніе Корнилова “скушать“ правительство въ Петроградѣ, хотя онъ признавалъ съ другой стороны, что по мнѣнію Корнилова, все равно, отдѣльное управленіе войсками Петрограда прекратилось бы съ предполагавшимся отъѣздомъ правительства изъ столицы**). Требованія о введеніи военнаго положенія и о передачѣ войскъ Петроградскаго округа въ распоряженіе главнокомандующаго Керенскій сталъ получать отъ Корнилова „сейчасъ послѣ прорыва въ Ригѣ“. „Часть Врем. Правительства готова была пойти на это“.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что рядомъ съ военными мотивами посылки Крымовскаго отряда, которые перечисляетъ самъ Керенскій („обезпеченіе правительства силой для поддержанія порядка“, „потокъ бѣженцевъ изъ Балтики“) и Савинковъ („реальное осуществленіе военнаго положенія“, „защита правительства отъ посягательствъ большевиковъ“), продвиженіе войскъ имѣло для Корнилова совершенно опредѣленное спеціальное значеніе. Это значеніе точно опредѣлено въ инструкціи, которую получилъ ген. Крымовъ въ тотъ же вечеръ, 26 го Августа, отправляясь въ раіонъ расположенія своихъ частей. Вотъ „двѣ задачи“

---

*) О возможной причинѣ этого отказа отъ уступокъ см. выше.

**) См. дѣло Корнилова, 81—82, 92—93.

этой инструкціи ген. Крымову, изложенныя самимъ Корниловымъ въ его показаніи.

1) „Въ случаѣ полученія отъ меня или непосредственно на мѣстѣ свѣдѣній о началѣ выступленія большевиковъ — немедленно двигаться съ корпусомъ на Петроградъ, занять городъ, обезоружить части петроградскаго гарнизона, которыя примкнутъ къ движенію большевиковъ: обезоружить населеніе Петрограда и разогнать совѣтъ“. Все содержаніе этого пункта было, какъ мы видѣли, обсуждено съ Савинковымъ въ ставкѣ 25-го Августа.

2) „По окончаніи исполненія этой задачи ген. Крымовъ долженъ выдѣлить одну бригаду съ артиллеріей въ Ораніенбаумъ и по прибытіи туда потребовать отъ кронштадтскаго гарнизона разоруженія крѣпости и перехода на материкъ“. Въ поясненіе послѣдней задачи ген. Корниловъ прибавляетъ: „согласіе министра-предсѣдателя Керенскаго къ разоруженію крѣпости Кронштадта и вывода гарнизона послѣдовало 8-го Августа“.

На эту ссылку на него Керенскій возражаетъ лишь, что ему принадлежитъ не „согласіе“ только, а самая инціатива упраздненія Кронштадтской крѣпости, но что онъ „не давалъ согласія на способъ ликвидаціи крѣпости, предположенный Корниловымъ“. Какъ бы то ни было, и эта вторая задача стоитъ въ связи съ борьбой противъ большевиковъ, а не съ желаніемъ „скушать“ — правительство въ Петроградѣ.

День 26-го кончился, какъ видимъ, въ ставкѣ при полномъ штилѣ и безоблачномъ политическомъ небѣ. Но въ Петроградѣ уже собиралась гроза.

VII. „УГОВОРЪ“ ПРЕВРАЩАЕТСЯ ВЪ „ЗАГОВОРЪ“.

Свиданіе Львова съ Керенскимъ 26-го Августа. А. Ф. Керенскій „закрѣпляетъ“ преступниковъ. Ночныя совѣщанія Керенскаго. Корниловъ или Ленинъ? Отставка министровъ. Послѣдніе разговоры по прямому проводу.

Сильно смущенный впечатлѣніями, полученными въ ставкѣ, но тѣмъ болѣе увѣренный въ важности той услуги, которую готовился оказать и Россіи, и Керенскому, своему „личному другу“ В. Н. Львовъ пріѣхалъ въ Петроградъ. Въ сознаніи важности своей миссіи онъ тотчасъ потребовалъ у Керенскаго аудіенціи. Керенскій отвѣчалъ, что занятъ и просилъ придти „завтра“. Тогда В. Н. Львовъ позвонилъ къ адъютанту и объяснилъ ему, что его дѣло не терпитъ отлагательства.

Еще бы: вѣдь дѣло шло теперь не только о реконструкціи власти, составлявшей предметъ бесѣды съ Керенскимъ 22-го Августа и не только объ отчетѣ о хорошо исполненномъ порученіи, но о спасеніи жизни Керенскаго. Ибо то *новое*, что привезъ съ собою В. Н. Львовъ теперь изъ ставки, были собранныя имъ свѣдѣнія о неизбѣжности и срочности готовящихся въ Петроградѣ событій, а также о враждебномъ отношеніи офицерства къ Керенскому. Львовъ бесѣдовалъ въ ставкѣ не только съ Корниловымъ. Можно себѣ представить, что говорилось въ эти дни въ офицерскихъ кругахъ, и среди общественныхъ дѣятелей правыхъ направленій, съ которыми Львовъ сталкивался въ ставкѣ. Въ концѣ концовъ, жизнь министровъ и въ ставкѣ была не безопасна. Но вѣдь приглашалъ Керенскаго самъ Корниловъ: онъ „хотѣлъ спасти Керенскаго“. А въ Петроградѣ тотчасъ же — въ предстоящую ночь, быть можетъ — грозили опасности, гораздо болѣе серьезныя . . . Впослѣдствіи, въ своихъ показаніяхъ В. Н. Львовъ, кажется, самъ пересталъ понимать, спасалъ ли онъ Керенскаго

при помощи Корнилова — или спасалъ его *отъ* Корнилова. Какъ бы то ни было, онъ спасалъ Керенскаго. Съ этимъ настроеніемъ онъ пришелъ къ нему въ 6 часовъ вечера и раскрылъ ему свою душу.

Первое же впечатлѣніе Керенскаго сильно озадачило добровольнаго посредника. По сообщенію Савинкова, „Керенскій былъ ошеломленъ". Вѣдь только наканунѣ, Савинковъ „завѣрилъ его отъ имени Корнилова, что верховный главнокомандующій остается вѣренъ Временному Правительству. Кого же здѣсь морочатъ? Только не его—Керенскаго. „Надъ вами пошутили", были его первыя слова, когда В. Н. Львовъ кончилъ свое сообщеніе. „Вы сдѣлались жертвой мистификаціи. Вы хотите, чтобы я тотчасъ доложилъ объ этомъ Врем. Правительству? Я не рѣшусь этого сдѣлать: министры просто посмѣются надо мной". Эти слова въ свою очередь должны были ошеломить Львова. Развѣ онъ не исполнялъ формальнаго порученія Керенскаго, даннаго всего 4 дня тому назадъ? *Такъ не встрѣчаютъ парламентера.* Видимо, было что-то, что въ сознаніи Керенскаго провело черту между бесѣдой 22-го и бесѣдой 26-го Августа. То новое, что привезъ съ собой В. Н. Львовъ и что мѣняло весь характеръ рѣшенія Корнилова, это была, именно, *срочность рѣшенія.* Корниловъ не только совѣтовалъ, Корниловъ началъ дѣйствовать. И когда В. Н. Львовъ, въ отвѣтъ на сомнѣнія Керенскаго, сталъ его увѣрять, что онъ *въ самомъ дѣлѣ только что* видѣлъ Корнилова, видѣлъ его *послѣ* Савинкова, и что Корниловъ, въ самомъ дѣлѣ, указывалъ на опасность пребыванія правительства въ Петроградѣ въ ближайшіе дни, — то у Керенскаго должна была мелькнуть мысль: а что, если, въ самомъ дѣлѣ, такъ? Какова же въ такомъ случаѣ роль Савинкова? Можетъ быть меня хотѣли усыпить, чтобы лучше захватить врасплохъ? Мысль близкая А. Ф. Керенскому, который уже самъ собирается отвѣтить тѣмъ же. Боясь, что незримый, скрытый врагъ его предупредитъ онъ самъ спѣшитъ предупредить врага, и для этого торопится использовать неосторожное признаніе услужливаго друга. Вотъ когда, наконецъ, Корниловъ пойманъ. Значитъ, онъ дѣйствительно, — контръ-революціонеръ? И, значитъ, вотъ гдѣ, наконецъ, эта контръ-революція, которую правительство тщетно ищетъ уже много недѣль, и которая вездѣ и нигдѣ. Мысль, что надо спѣшить и что врагъ раскрытъ, — видимо, поглощаетъ Керенскаго и

вытѣсняетъ на время всѣ остальныя. Здѣсь ключъ его поведенія въ ближайшіе часы и дни.

И прежде всего, здѣсь ключъ къ пониманію его дальнѣйшаго разговора съ В. Н. Львовымъ. А. Ф. Керенскій сразу принимаетъ тонъ ничего не подозрѣвающаго благодушія и покорности судьбѣ. „Ну что же я уйду„. . . . „я и безъ того собирался уйти на покой". , . Затѣмъ слѣдуетъ давно ожидаемое собесѣдникомъ и нѣсколько запоздавшее признаніе важности его дружеской услуги. „Знаете ли, только вы одинъ могли мнѣ сказать это".

Но надо довершить дружескую услугу. Важныя сообщенія Львова сдѣланы по-пріятельски, безъ свидѣтелей. Чтобы сдѣлать изъ нихъ то употребленіе, которое уже рисуется въ умѣ Керенскаго, — чтобы застать врасплохъ врага, — нужно имѣть юридическое основаніе, письменный документъ.

Юристъ и участникъ многихъ политическихъ процессовъ вступаетъ теперь въ не-совсѣмъ привычную ему роль прокурора и судебнаго слѣдователя заразъ, — если только роль эта не началась 22-го. „Я говорилъ въ теченіе часа, разсказываетъ Львовъ, и вдругъ мнѣ было предложено набросать мои слова на бумагѣ. Тяжело". Думскій депутатъ, уже встревоженный, садится и поневолѣ пишетъ, „выхватывая отдѣльныя мысли". Министръ-предсѣдатель нервно шагаетъ по комнатѣ и слѣдитъ, какъ листъ бумаги покрывается чернильными строками. Подъ конецъ Керенскій уже не выдерживаетъ роли. „Я не успѣлъ даже прочесть написанную мною бумагу, какъ онъ. Керенскій, вырвалъ ее у меня, и положилъ въ карманъ". Аудіенція, начавшаяся дружеской бесѣдой и кончившаяся допросомъ, окончена; требуемый документъ на-лицо. На очереди теперь очная ставка.

Бесѣда Львова съ Керенскимъ изложена здѣсь, какъ по показаніямъ Львова, такъ и по моимъ личнымъ воспоминаніямъ: В. Н. Львовъ былъ у меня непосредственно *до* и тотчасъ *послѣ* своей бесѣды съ Керенскимъ. Выслушаемъ теперь и другую сторону, показаніе Керенскаго, о той же бесѣдѣ, и его комментаріи къ своему показанію.

„Во второй пріѣздъ Львовъ совершенно измѣнилъ манеру", подтверждаетъ Керенскій наше описаніе. На (приведенный выше мной) вопросъ Керенскаго: „вы опять по этому дѣлу", отвѣтъ Львова гласилъ: „нѣтъ, теперь все по другому; обстановка совершенно измѣнилась". „Въ этотъ разъ", показываетъ Керенскій, „онъ

уже не говорилъ вовсе о томъ, что надо ввести во Врем. Правительство новые элементы, что надо расширить базу. Онъ съ мѣста въ карьеръ сказалъ, что онъ пріѣхалъ меня предупредить; что мое положеніе крайне рискованно, что я *обреченъ*, что въ ближайшемъ будетъ большевистское возстаніе и правительству не будетъ оказано никакой поддержки и что за мою жизнь никто не ручается и т. д. Когда же онъ увидѣлъ, что ничего не дѣйствуетъ, и что я отшучиваюсь; „что суждено, то суждено“ тогда онъ сразу оборвалъ разговоръ. Потомъ, видимо, очень волнуясь, сказалъ: „я долженъ вамъ передать формальное предложеніе“.— Отъ кого? — „Отъ Корнилова“.

Дальнѣйшій разговоръ, сразу выведшій Керенскаго изъ шутливаго настроенія, изложенъ Керенскимъ въ комментаріи къ его показанію. „Въ шестомъ часу дня, 26-го Августа, въ мой оффиціальный кабинетъ вошелъ В. Н. Львовъ и послѣ довольно долгихъ разговоровъ о моей обреченности, о его желаніи спасти меня, и т. д., на словахъ изложилъ приблизительно слѣдующее. Ген. Корниловъ черезъ него, Львова, заявляетъ мнѣ, Керенскому, что никакой помощи правительству въ борьбѣ съ большевиками оказано не будетъ; что, въ частности, Корниловъ не отвѣчаетъ за мою жизнь нигдѣ, кромѣ какъ въ ставкѣ, что дальнѣйшее пребываніе у власти въ правительствѣ недопустимо; что ген. Корниловъ предлагаетъ мнѣ сегодня же побудить Врем. Правительство вручить всю полноту власти главковерху, а до сформированія имъ новаго кабинета министровъ передать текущее управленіе дѣлами — товарищамъ министровъ, объявить военное положеніе во всей Россіи; лично же мнѣ съ Савинковымъ въ эту ночь выѣхать въ ставку, гдѣ намъ предназначены министерскіе посты: Савинкову— военное, а мнѣ — юстиціи. Причемъ Львовъ оговорилъ, что послѣднее (т. е. отъѣздъ въ ставку) сообщается только для моего свѣдѣнія и оглашенію въ засѣданіи Врем. Правительства не подлежитъ“. . . .

„Сначала я расхохотался. Бросьте, говорю, шутить, В. Н. —Какія тутъ шутки, положеніе чрезвычайно серьезно, возразилъ Львовъ и крайне взволнованно, несомнѣнно искренно, сталъ убѣждать меня спасти свою жизнь, а для этого „путь только одинъ— исполнить требованіе Корнилова“. Онъ самъ на себя похожъ не былъ. Я бѣгалъ взадъ и впередъ по огромному кабинету, стараясь разобраться, почувствовать въ чемъ дѣло, почему Львовъ

и т. д. Вспомнилъ его заявленіе въ первый пріѣздъ о „реальной силѣ“, сопоставилъ съ настроеніемъ противъ меня въ ставкѣ и со всѣми свѣдѣніями о назрѣвшей заговорческой попыткѣ, несомнѣнно со ставкой связанной, и какъ только прошло первое изумленіе, скорѣе даже потрясеніе, я рѣшилъ еще разъ испытать и провѣрить Львова, а затѣмъ дѣйствовать — дѣйствовать немедленно, и рѣшительно. Голова уже работала, ни минуты не было колебаній, какъ дѣйствовать. Я не столько сознавалъ, сколько чувствовалъ всю исключительную серьезность положенія... Успокоившись, я сознательно сдѣлалъ видъ, что пересталъ сомнѣваться и колебаться и лично рѣшился подчиниться"... Я ему наконецъ, сказалъ: вы сами понимаете, В. Н., что, если я приду во Врем. Правительство и сдѣлаю такое заявленіе, вѣдь, все равно, никто не повѣритъ и сочтутъ меня за сумасшедшаго, или пошлютъ раньше провѣрить и спросить, дѣлалъ ли мнѣ такое предложеніе Корниловъ... Если вы ручаетесь, такъ напишите. — Съ удовольствіемъ, потому что я, какъ вы знаете, никогда неправды не говорю. — Взялъ и написалъ“.

Вотъ текстъ записки В. Н. Львова (это, какъ разъ, три пункта, формулированные Завойко, см. выше).

1) Ген. Корниловъ предлагаетъ объявить Петроградъ на военномъ положеніи.

2) Передать всю власть, военную и гражданскую, въ руки верховнаго главнокомандующаго.

3) Отставка всѣхъ министровъ, не исключая и министра-предсѣдателя и передача временнаго управленія товарищамъ министровъ, впредь до образованія кабинета верховнымъ главнокомандующимъ. В. Н. Львовъ, Петроградъ, Августа, 26-го дня 1917.

„Какъ только онъ сталъ писать“, вспоминаетъ Керенскій, „исчезли у меня послѣднія сомнѣнія ... Все предыдущее — дѣятельность разныхъ союзовъ, хлопоты вокругъ Московскаго Совѣщанія, печать, донесенія о заговорахъ, поведеніе отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей, ультимативная кампанія ставки, посѣщеніе князя Г. Е. Львова Аладьинымъ*), недавняя телеграмма Корни-

*) Ср. дѣло Корнилова, стр. 117, Аладьинъ обращался къ кн. Львову между 16 и 21 Августа „съ просьбой устроить ему, Аладьину, свиданіе по исключительной важности дѣлу“. Хотя кн. Львовъ отказался это сдѣлать, но Аладьинъ, уходя, сказалъ, что „будетъ столько-то дней ждать отвѣта въ Національной гостинницѣ“, причемъ подчеркивалъ что онъ „изъ ставки“ „и совершенно серьезно“ говорилъ: „пусть Керенскій имѣетъ въ

лова. поддерживающая желѣзнодорожниковъ въ ихъ *невѣроятныхъ* требованіяхъ, настаиваніе на передачѣ ставкѣ Петербургскихъ войскъ — *все, все освѣтилось сразу такимъ яркимъ свѣтомъ*' слилось въ одну такую цѣльную картину. Двойная игра сдѣлалась очевидной. Конечно, тогда я бы не могъ все доказать по пунктамъ, но сознавалъ я все это съ *поразительной ясностью*. Мгновенія, пока Львовъ писалъ,— голова напряженно работала. Нужно было *сейчасъ же установить формальную связь* В. Львова съ Корниловымъ, достаточную для того, чтобы Врем. Правительство этимъ же вечеромъ могло принять рѣшительныя мѣры. Нужно было сейчасъ же „закрѣпить самого Львова, т. е. заставить его повторить весь разговоръ со мной въ присутствіи третьяго лица. Я *чувствовалъ* что нужно дѣйствовать такъ, а не иначе . . . "*)

Между тѣмъ, Львовъ кончилъ и, подавая мнѣ документъ, сказалъ: „Это очень хорошо, теперь все кончится мирно. *Тамъ считали очень важнымъ, чтобы власть отъ Врем. Правительства перешла легально.* Ну а вы, что же, поѣдете въ ставку?" закончилъ онъ". „*Не знаю почему,* замѣчаетъ Керенскій, этотъ вопросъ какъ то кольнулъ, насторожилъ меня, и почти неожиданно для самого себя я отвѣтилъ: конечно нѣтъ, неужели вы думаете, что я могу быть министромъ юстиціи у Корнилова? — Тутъ произошло нѣчто странное. Львовъ вскочилъ, просіялъ и воскликнулъ: конечно не ѣздите. Вѣдь для васъ тамъ ловушка готовится. Онъ васъ тамъ арестуетъ, уѣзжайте изъ Петрограда . . . А тамъ васъ ненавидятъ, волновался Львовъ" **)...

Эти послѣднія слова чрезвычайно характерны и для самого Львова, и для создавшагося положенія. „Парламентеръ" передавалъ слова Корнилова. „Личный другъ" дѣлалъ выводъ изъ разговоровъ офицеровъ въ ставкѣ. Лично себя Львовъ сливалъ то съ политикой Корнилова, то съ судьбой Керенскаго. Тутъ же въ Зимнемъ Дворцѣ, ожидая пріема у Керенскаго, отъ говорилъ:

виду, что впредь никакихъ перемѣнъ въ правительствѣ безъ согласія ставки не должно быть". (Стр. 185). Очевидно, Аладьинъ имѣлъ такую же миссію, какъ В. Н, Львовъ, и Керенскій, быть можетъ правъ, что Львова употребили для этой миссіи, именно, потому, что Аладьину не удалось проникнуть къ Керенскому. (См. стр. 117).

*) Дѣло Корнилова, стр. 188.

**) Эта послѣдовательность мысли Львова очень близко соотвѣтствуетъ тому, что Львовъ 22-го Августа говорилъ В. Д. Набокову (см. выше).

„онъ (Керенскій) не хотѣлъ быть диктаторомъ, такъ мы его ему *дадимъ* *). А въ кабинетѣ онъ умолялъ Керенскаго „не ѣхать въ ставку", подрядъ утверждая, что „тамъ" хотятъ легальнаго перехода власти, и что „тамъ" Керенскаго арестуютъ. Черезъ нѣсколько дней „личная дружба" превращается въ личную политику, и весьма плохую, когда уже послѣ выяснившейся неудачи Корнилова, испугавшійся за самого себя Львовъ пишетъ Керенскому изъ подъ ареста поздравительную записку: „поздравляю васъ отъ души. *Радъ что спасъ васъ* изъ рукъ Корнилова. Вашъ В. Львовъ. 30-го Августа". Эта черта бросаетъ особый свѣтъ на ту психологію, съ которой, четыре дня раньше, В. Н. Львовъ исполнялъ свою миссію. Онъ былъ тогда, несомнѣнно, увѣренъ, что онъ — на сторонѣ успѣха.

Сопоставляя теперь обѣ картины, какъ онѣ рисуются въ изложеніи В. Н. Львова и А. Ф. Керенскаго, мы можемъ признать, что существенныя черты разговора представляются въ обѣихъ одинаково. Различно только *намѣреніе* Львова отъ этого *впечатлѣнія*, которое произвелъ его разговоръ и котораго, конечно, онъ вовсе не ожидалъ. Онъ вѣдь говорилъ о „легальномъ переходѣ власти", о спасеніи жизни Керенскаго, а Керенскій дѣлалъ выводъ: „Двойная игра сдѣлалась очевидной". Читая разсказъ Керенскаго, мы почти присутствуемъ при этой, совершенно клинической картинѣ моментальнаго синтеза, подготовленнаго долгими мѣсяцами подозрѣній и страха. Все прошлое слилось въ одно и „освѣтилось сразу". Все будущее свелось къ напряженному желанію тутъ же изловить преступное съ поличнымъ. Естественно, что, смотря на поразившій его новый фактъ, такъ - сказать, поверхъ текущаго момента, Керенскій потерялъ способность спокойной и холодной оцѣнки. Изъ политика, призваннаго заботиться о поддержаніи „національнаго равновѣсія", онъ въ эти минуты окончательно превратился въ страстнаго борца за собственную власть. Адвокатъ слѣдователь, судья — все это соединилось въ одномъ лицѣ „Закрѣпить Львова", „установить формальную связь", „достаточную", чтобы оправдать передъ правительствомъ немедленное принятіе „рѣшительныхъ мѣръ": такова теперь была единственная задача Керенскаго.

Съ этой цѣлью прежде всего онъ рѣшилъ добиться отъ Корнилова подтвержденія миссіи Львова. Разставаясь, онъ усло-

*) Дѣло Корнилова, стр. 488.

вился со своимъ собесѣдникомъ съѣхаться къ 8 часамъ въ домъ военнаго министра на Мойкѣ для совмѣстнаго разговора съ Корниловымъ по аппарату Юза. Въ своемъ комментаріи Керенскій утверждаетъ: „тутъ между нами (было) рѣшено, что объ *отставкѣ* ген. Корниловъ будетъ извѣщенъ телеграфно, а я въ ставку не поѣду". Рѣшаюсь думать, что память тутъ измѣнила Керенскому. По крайней мѣрѣ вернувшійся послѣ разговора ко мнѣ В. Н. Львовъ, хотя и встревоженный нѣсколько, былъ очень далекъ отъ подозрѣній, какое употребленіе сдѣлаетъ Керенскій изъ предложенія Корнилова. Господствующимъ настроеніемъ его въ эти минуты было чувство обиды, что Керенскій ему не повѣрилъ и призналъ нужнымъ, во-первыхъ, потребовать письменнаго документа, и, во-вторыхъ, устроилъ ему очную ставку по аппарату съ самимъ Корниловымъ. Въ результатѣ этой провѣрки онъ не сомнѣвался. Этому соотвѣтствуетъ и первая фраза, которую, по показанію Керенскаго, В. Н. Львовъ произнесъ, встрѣтивъ его уже выходящимъ изъ аппаратной комнаты. „Что же Александръ Федоровичъ, я *вѣрнымъ* другомъ оказался? Не обманулъ васъ? — Я говорю: нѣтъ", разсказываетъ Керенскій *).

Замѣшкавшись у меня, В. Н. Львовъ опоздалъ пріѣхать къ сроку и въ разговорѣ по аппарату не участвовалъ. „Корниловъ уже минутъ 20—25 ждалъ у провода" и Керенскій „рѣшилъ говорить одинъ, такъ какъ характеръ предстоящаго разговора дѣлалъ присутствіе или отсутствіе одного изъ насъ у аппарата совершенно безразличнымъ: вѣдь тема разговора была заранѣе установлена" **).

Это заявленіе, однако, находится въ полномъ противорѣчіи съ собственными показаніями Керенскаго о тѣхъ заднихъ мысляхъ, съ которыми онъ ставилъ Корнилову тѣ или иные наводящіе вопросы по аппарату Юза. „Я хотѣлъ закрѣпить на лентѣ Юза 4-ый пунктъ, *котораго на бумагѣ* (написанной Львовымъ) *не было*. „Мнѣ хотѣлось узнать дѣйствительно ли они вѣрятъ въ (возстаніе) большевиковъ или это только предлогъ" ***).

Ярче всего вырисовываются эти заднія мысли наводящихъ вопросовъ Керенскаго въ тѣхъ несоотвѣтствіяхъ, которыя получаются между ними и отвѣтами Корнилова. Достаточно обратить

---

*) Дѣло Корнилова, стр. 125—126.
**) Ів. 108.
***) Іві 123—124.

вниманіе на подчеркнутыя ниже слова юзограммы, чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ значеніи этихъ несоотвѣтствій и несовпаденій. Вотъ полный текстъ разговора по аппарату.

1) „Здравствуйте, генералъ. У аппарата В. Н. Львовъ и Керенскій. Просимъ *подтвердить*, что Керенскій можетъ *дѣйствовать* согласно свѣдѣніямъ, переданнымъ Владиміромъ Николаевичемъ.

— Здравствуйте, Александръ Федоровичъ, здравствуйте Владиміръ Николаевичъ. Вновь подтверждаю *тотъ очеркъ положенія*, въ которомъ мнѣ представляется страна и армія (см. выше), очеркъ сдѣланный мною Владиміру Николаевичу. Вновь заявляю: „событія послѣднихъ дней и вновь намѣчающіяся, повелительно требуютъ вполнѣ опредѣленнаго *рѣшенія въ самый короткій срокъ*". (но не *подчиненія* немедленно, П. М.).

Керенскій, естественно, не могъ считать такое подтвержденіе „достаточнымъ". Поэтому онъ повторилъ свой наводящій вопросъ уже въ болѣе опредѣленной формѣ, отъ имени В. Н. Львова:

2) Я, В. Н., васъ спрашиваю: то опредѣленное рѣшеніе нужно *исполнить*, о которомъ вы просили извѣстить меня Ал. Ф-ча, только совершенно лично*). Безъ этого подтвержденія лично отъ васъ А. Ф. колеблется вполнѣ довѣрить.

— Да, *подтверждаю, что я просилъ васъ „передать* Ал. Ф-чу, мою настоятельную *просьбу пріѣхать въ Могилевъ*".

Это опять было совсѣмъ не то, что нужно. И Керенскій въ третій разъ уже отъ своего имени „закрѣпляетъ".

3) Я., А. Ф., *понимаю* вашъ отвѣтъ, какъ *подтвержденіе* словъ, переданныхъ мнѣ Вл. Н-чемъ. Согодня это *сдѣлать* и выѣхать нельзя. Надѣюсь выѣхать завтра. Нуженъ ли Савинковъ?

— Настоятельно прошу, чтобы Б. В. пріѣхалъ вмѣстѣ съ вами. Сказанное мною Вл. Н-чу въ одинаковой степени относится и къ Б. В. Очень прошу не откладывать вашего выѣзда позже завтрашняго дня. Прошу вѣрить, что только сознаніе отвѣтственности момента заставляетъ меня такъ *настойчиво просить* васъ.

4) Пріѣзжать ли только въ случаѣ выступленій, о которыхъ идутъ слухи, или во всякомъ случаѣ?

— Во всякомъ случаѣ.

До свиданія, скоро увидимся?

---

*) „Совершенно лично", было передано *только* приглашеніе въ ставку.

— „До свиданія“.

Казалось бы, такъ много другого можно было сказать другъ другу въ такую минуту, — много такого, что могло бы предупредить непониманіе, выяснить до конца запутавшееся положеніе, и совершенно измѣнить ходъ дѣла путемъ какого-нибудь общаго рѣшенія. Но Керенскій уже говоритъ съ подслѣдственнымъ и только устанавливаетъ факты.

— Результатомъ своего закрѣпленія онъ очень доволенъ. „Разговоръ далъ больше, чѣмъ можно было ожидать“, заявляетъ онъ. „Онъ подтвердилъ не только полномочіе Львова говорить отъ имени Корнилова; но удостовѣрилъ и точность передачи словъ послѣдняго первымъ“. И цѣлымъ рядомъ софистическихъ доказательствъ Керенскій пытается установить, что два заговорщика понимали другъ друга съ полуслова и говорили на разныхъ концахъ провода совершенно одно и то же: говорили именно то, что нужно было Керенскому для „достаточнаго“ обоснованія передъ правительствомъ его „рѣшительныхъ дѣйствій“.

Характернымъ образомъ такъ формулируетъ это упрощенное политическое значеніе разговора по прямому проводу и ближайшій сотрудникъ Керенскаго Некрасовъ. „Этимъ отвѣтомъ“, заявляетъ онъ въ своемъ разсказѣ журналистамъ (Рѣчь, 13-го Сентября), ген. Корниловъ *принялъ на себя полностью отвѣтственность* за содержаніе *ультиматума*, предъявленнаго В. Н. Львовымъ. Передать ген. Корнилову полный текстъ ультиматума, подписаннаго В. Н. Львовымъ, представилось невозможнымъ. Есть вещи, которыя нельзя довѣрять даже аппарату Юза. Вѣдь ультиматумъ „ген. Корнилова могъ бы получить распространеніе въ тысячахъ экземплярахъ“. Такъ, очевидно, думалъ и Керенскій, больше всего боявшійся преждевременнаго разглашенія и предпочевшій примѣнить свой упрощенный пріемъ, чтобы вырвать признаніе у подсудимаго, въ виновности котораго онъ уже не сомнѣвался. Habemus confitentem reum!...

На слѣдующій день Филоненко, не юристъ, но человѣкъ неглупый, прочтя ленту, не могъ скрыть отъ Корнилова своего удивленія: какимъ образомъ, онъ могъ столь легкомысленно подтвердить слова Львова, содержаніе которыхъ оставалось ему неизвѣстно. „Я въ болѣе рѣзкихъ, чѣмъ обычно, выраженіяхъ высказалъ“, говоритъ Филоненко „что и форма вопроса А. Ф. Керенскаго и отвѣтъ ген. Корнилова абсолютно недопустимы въ

какихъ либо серьезныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, а тѣмъ болѣе, при рѣшеніи дѣла громадной государственной важности, такъ какъ А. Ф. Керенскій не обозначилъ, что же онъ спрашиваетъ, а ген. Корниловъ не зналъ, на что собственно, онъ отвѣчаетъ". Такъ оно, въ дѣйствительности, и было.

Оставалось теперь осуществить третью и послѣднюю часть быстро задуманнаго плана „закрѣпленія" преступленія и преступниковъ: „закрѣпить въ свидѣтельскомъ показаніи третьяго лица мой разговоръ съ В. Н. Львовымъ наединѣ". Едва успѣвъ сѣсть въ автомобиль для возвращенія съ прямого провода въ Зимній Дворецъ, Керенскій уже приступаетъ къ исполненію этой задачи. Въ присутствіи В. В. Вырубова онъ „нарочно" говоритъ В. Н. Львову, что перемѣнилъ рѣшеніе и поѣдетъ въ ставку: говоритъ чтобы „провѣрить его". „Тогда В. Н. Львовъ", разсказываетъ Керенскій, „странно волнуясь, схватился за грудь и говоритъ: спаси васъ Богъ, ради Бога, не ѣздите, потому что ваше дѣло плохо"*).

Главное испытаніе было впереди. Въ кабинетѣ Керенскаго уже былъ заготовленъ свидѣтель, С. А. Балавинскій. Не подозрѣвая о его присутствіи въ комнатѣ, В. Н. Львовъ простодушно отвѣчалъ Керенскому на его вопросы. А на другой день, 27-го Августа, его отвѣты были изложены Балавинскимъ въ показаніи судебному слѣдователю. Суть дѣла свелась къ тому, что Львовъ еще разъ „удостовѣрилъ, что всѣ предложенія въ его запискѣ", громко прочтенной при этомъ, „исходятъ отъ ген. Корнилова". Онъ даже великодушно (и легкомысленно) „подтвердилъ правильность изложеннаго на лентѣ разговора", при которомъ не присутствовалъ, но который, уступая желанію Керенскаго, молча согласился считать *своимъ* разговоромъ. Ново было лишь то, что Керенскій подробнѣе развилъ тему своего вопроса Корнилову: „во всякомъ ли случаѣ" пріѣзжать. Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ Львова при скрытомъ свидѣтелѣ, чѣмъ мотивируется вызовъ въ ставку, „такъ какъ по имѣющимся у него, Керенскаго, точнымъ свѣдѣніямъ, 27-го Августа выступленія большевиковъ не будетъ". Гораздо умѣстнѣе и полезнѣе для дѣла было бы выяснить этотъ пунктъ въ разговорѣ съ Корниловымъ. Львову, при отсутствіи у него всякихъ свѣдѣній о выступленіи большевиковъ, отвѣтить на этотъ

---

*) Дѣло Корнилова, стр. 122. Этотъ разговоръ еще разъ подтверждаетъ, что объ отставкѣ Корнилова А. Ф. Керенскій еще ничего не говорилъ Львову.

уже явно инквизиторскій вопросъ было нечего. Естественно, что онъ его „обходилъ молчаніемъ" лишь напоминая Керенскому, что онъ „уже четыре ночи не спалъ", чувствуетъ себя утомленнымъ и проситъ его скорѣе принимать рѣшеніе*).

Рѣшеніе Керенскаго уже было принято. „Вы арестованы". „Вѣрный другъ" превратился, если не въ подсудимаго, то въ подозрѣваемаго въ соучастіи: скачекъ слишкомъ крутой для прямодушія В. Н. Львова. Внѣ себя отъ волненія, охраняемый какъ преступникъ, съ двумя часовыми въ ногахъ, бывшій прокуроръ синода съ негодованіемъ слушалъ, какъ за стѣной въ сосѣдней комнатѣ императора Александра Третьяго, торжествующій Керенскій, довольный успѣшнымъ ходомъ своего дѣла, распѣвалъ безъ конца рулады изъ оперъ и, вдобавокъ ко всему, не давалъ ему спать...

На другомъ концѣ провода всѣ юридическія тонкости начатого самимъ министромъ-предсѣдателемъ слѣдствія совершенно не заботили Корнилова. Его интересовалъ практическій вопросъ: пріѣдетъ ли Керенскій или не пріѣдетъ въ ставку? И разговоромъ по прямому проводу онъ пользуется для того, чтобы подтвердить это свое приглашеніе. При личномъ свиданіи, все равно, всѣ недоразумѣнія выяснятся. „Я подтвердилъ по аппарату *только* приглашеніе А. Ф. Керенскому пріѣхать въ ставку, твердо надѣясь объясниться съ нимъ и *придти къ окончательному соглашенію*" и въ то же время „не допуская мысли, чтобы В. Н. Львовъ, членъ Думы, и бывшій членъ Врем. Правительства могъ по какому-нибудь побужденію исказить точный смыслъ сказаннаго ему мною".

„Исказить"? Но кто искажаетъ? В. Н. Львовъ даетъ на это отвѣтъ. „Толкованіе записанныхъ мною словъ „Корниловъ *предлагаетъ*", какъ *требованіе*, отнюдь не вытекаетъ изъ написаннаго и такое толкованіе я считаю подвохомъ. Такъ настаиваетъ запутавшійся депутатъ въ одномъ изъ дополнительныхъ показаній... "дикакихъ *ультимативныхъ требованій* Корниловъ мнѣ не предъявлялъ,... у насъ была простая бесѣда"... Все это, при желаніи, можно было бы выяснить тутъ же у прямого провода. Но по сю сторону провода стоялъ обвинитель, разыгрывающій роль друга. Получивъ отъ Керенскаго заключительный іезуитскій отвѣтъ: До *свиданія, скоро увидимся*", Корниловъ съ облегченной душой

**) Дѣло Корнилова, стр. 110—111.

отходитъ отъ телефона... А Керенскій, теперь уже съ *двумя* документами въ карманѣ, спѣшно продолжаетъ свою работу. Главное, не надо терять времени на пустые переговоры. Дѣло ясно, и нужно, какъ можно скорѣе, обезсилить противника.

Министръ-предсѣдатель не только радуется своему успѣху. Онъ спѣшитъ его использовать. „Я очень ясно помню", разсказывалъ журналистамъ Н. В. Некрасовъ, „какъ вечеромъ съ 26-го на 27-е Августа, А. Ф. Керенскій вызвалъ меня изъ засѣданія Врем. Правительства и показалъ мнѣ документъ, подписанный В. Н. Львовымъ („подписанный") и содержащій ультиматумъ („ультиматумъ") ген. Корнилова, и юзограмму разговора съ ген. Корниловымъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: готовъ ли я идти съ нимъ до конца? Я отчетливо помню фразу, которую онъ мнѣ при этомъ сказалъ: „я революціи имъ не отдамъ!" Конечно, онъ получилъ мое согласіе, и съ этого момента началась наша работа по подготовкѣ отраженія Корниловскаго нападенія. А. Ф. Керенскій и я *съ самаго начала были убѣждены* въ томъ, что имѣемъ дѣло съ *весьма серьезнымъ и обдуманнымъ шагомъ* со стороны ген. Корнилова". Они слѣдили за нимъ давно и давно этого шага ждали. „Корниловскій пріѣздъ въ Москву, подготовка карауловъ въ Москвѣ — очевидно, на случай провозглашенія ген. Корниловымъ диктатуры (это опять объясняетъ московскіе страхи Керенскаго и Некрасова, см. выше), — вся дѣятельность офицерскаго союза въ ставкѣ, телеграмма ген. Корнилова къ желѣзнодорожникамъ съ поддержкой ихъ ультиматума — все это въ связи съ ультиматумомъ ген. Корнилова, сдѣлало яснымъ, что борьба затѣвается серьезная". Эти слова показываютъ, что Некрасовъ цѣликомъ присоединился къ точкѣ зрѣнія Керенскаго, принявъ ее, какъ готовую.

В. Н. Львовъ думалъ, что спасаетъ Керенскаго и Россію. Какая колоссальная наивность! Онъ просто приготовилъ своими руками яму для краснаго звѣря, котораго такъ долго и напрасно выслѣживали. Звѣрь попалъ въ нее самъ, и охотники могутъ, наконецъ, спокойно вздохнуть: нужно только принять мѣры, чтобы звѣрь оттуда не выскочилъ.

Только тогда, когда рѣшеніе „идти до конца" въ борьбѣ съ Корниловымъ было принято двумя друзьями, А. Ф. Керенскій вспомнилъ о своемъ помощникѣ, Савинковѣ. Не даромъ его считали въ тѣсномъ кругу друзей Керенскаго „втянутымъ въ игру

Корнилова". На 26-е вечеромъ назначено было, какъ мы знаемъ, обсужденіе того самаго законопроекта о мѣрахъ въ тылу, которымъ Савинковъ успокаивалъ Корнилова. Вмѣсто того Керенскій вызвалъ Савинкова въ Зимній Дворецъ и сообщилъ ему оба извѣстные намъ документа. Отношеніе къ нимъ Савинкова оказалось совершенно иное, чѣмъ Некрасова. Онъ сразу предположилъ, „что въ основѣ событій, разыгравшихся 26-го Августа, лежитъ недоразумѣніе. Исходя изъ этого убѣжденія, при которомъ я остаюсь и теперь, (13-го Сентября 1917 г.), заявляетъ Савинковъ, „я, въ присутствіи г. г. Балавинскаго и Вырубова, совѣтовалъ министру-предсѣдателю сдѣлать попытку исчерпать дѣло Корнилова путемъ мирныхъ переговоровъ". Это, конечно, было бы самое благоразумное. . ., если бы не полу-паническое, полуспортсменское настроеніе Керенскаго и Некрасова.

Линія, намѣчавшаяся ими, была удобна уже тѣмъ, что, попрежнему, это была линія наименьшаго сопротивленія. „Я имъ революціи не отдамъ": это такъ гармонировало со всѣми остальными рѣчами Керенскаго, съ установившимся взглядомъ совѣта р. и с. д. на Корнилова, какъ на „контръ-революціонера", съ собственными подозрѣніями Керенскаго, направленными въ эту сторону, вплоть до к.-д, словомъ, со всей той идеологіей, которую *оффиціально* продолжалъ исповѣдывать Керенскій и которая была единственнымъ оправданіемъ его личнаго пребыванія у власти въ глазахъ лѣвыхъ.

Понималъ ли Керенскій въ эту минуту, что, объявляя себя противникомъ Корнилова, онъ выдаетъ себя и Россію съ руками Ленину? Понималъ-ли онъ, что данный моментъ — послѣдній, когда схватка съ большевиками могла быть выиграна для правительства? Чтобы понять это, нужно было слишкомъ отъ многаго отказаться. Трагизмъ Керенскаго, особенно ярко очертившійся въ эту минуту рѣшенія, состоялъ въ томъ, что хотя онъ уже многое понялъ, но отказаться ни отъ чего не могъ. И онъ „имъ", этимъ „контръ-революціонерамъ" „революціи не отдалъ". Вопреки обѣщанію, данному въ Москвѣ: погубить душу, а родину спасти, Керенскій душу свою спасъ, а погубилъ родину, „отдавъ революцію" тѣмъ другимъ, о которыхъ самъ зналъ, что они ведутъ Россію къ гибели. Если можно сосредоточить въ одной хронологической точкѣ то „преступленіе" Керенскаго передъ

Россіей, о которомъ такъ много говорили, то это „преступленіе" было совершено въ эту минуту, вечеромъ, 26-го Августа.

Въ комментаріяхъ къ своимъ показаніямъ*) Керенскій обнаружилъ несомнѣнное пониманіе того объективнаго факта, что 26-ое Августа предрѣшило 26-е Октября. Но онъ пытаяся повернуть политическое остріе этого объясненія въ сторону своихъ политическихъ противниковъ. Виноватъ Корниловъ и его сторонники — тѣмъ, что помѣшали Керенскому удержать идею „національнаго равновѣсія". „Я совершенно серьезно утверждаю, что на одной изъ площадей бывшей Россіи долженъ быть поставленъ большевиками обелискъ Корнилову съ надписью: „симъ побѣдили". Я уже говорилъ, какой благодарный матерьялъ дали отдѣльные видные либералы своимъ поведеніемъ въ Корниловскіе дни большевистскимъ и полубольшевистскимъ демагогамъ. На единственную идею, которая спасала отъ политической смерти, на идею единой общенаціональной власти, начался въ рядахъ демократіи послѣдній натискъ". Въ дѣйствительности натискъ большевиковъ удался потому, что „идея общенаціональной власти" осталась голой формой, лишенной всякаго содержанія.

Какъ бы то ни было, вечеромъ, 26-го Августа, А. Ф. Керенскій не стоялъ на высотѣ своей собственной „общенаціональной позиціи". Онъ сталъ на одну изъ сторонъ и усердно работалъ надъ разрушеніемъ общенаціональной позиціи, руководясь не столько логикой, сколько психологіей, не столько государственными мотивами, сколько неудержимымъ личнымъ порывомъ.

На вполнѣ разумное предложеніе Савинкова, которое еще могло въ послѣднюю минуту спасти положеніе, Керенскій отвѣтилъ категорическимъ отказомъ. „Савинковъ предлагалъ сейчасъже (т. е. вечеромъ, 26-го Августа) переговорить съ Корниловымъ по прямому проводу: это я помню", показываетъ Керенскій. И затѣмъ онъ прибавляетъ свой позднѣйшій комментарій. „Я помню очень хорошо, что въ этой просьбѣ я Савинкову отказалъ. Отказалъ я потому, что, по мнѣнію Савинкова, правительство обязано было „исчерпать" всѣ средства для мирной, безъ огласки, ликвидаціи конфликта. Я же находилъ, что на лицо былъ не конфликтъ т. е. не столкновеніе двухъ равноправныхъ сторонъ, а преступленіе, которое нужно было ликвидировать мирно, но не перего-

*) Дѣло Корнилова, стр. 145, 149.

ворами съ *преступнымъ генераломъ,* а волей Врем. Правительства, которой нарушившій свой долгъ главнокомандующій долженъ немедленно подчиниться. Съ той минуты, какъ, разговаривая по прямому проводу съ Корниловымъ я убѣдился въ его замыслѣ, *никто и ничто не могло уже сбить меня съ этой точки зрѣнія*"*).

Разница была тутъ въ томъ, что Савинковъ совѣтовалъ Керенскому не спѣшить становиться на точку зрѣнія „преступнаго генерала". Вѣдь, какъ показалъ самъ Керенскій (стр. 131), „Львовъ неоднократно повторялъ, что самое важное для нихъ—это именно то, чтобы призошла *легальная передача власти, чтобы не было захвата, а чтобы было формальное постановленіе Врем. Правительства.* На этомъ „они", видимо, очень настаивали. По крайней мѣрѣ Львовъ раза три возвращался къ этому и настойчиво повторялъ, что „чрезвычайно важно для нихъ, чтобы было постановленіе правительства о передачѣ власти, *чтобы все въ легальныхъ формахъ произошло*", мы видѣли, что эта идея была усвоена въ ставкѣ даже Завойко.

Рѣшивъ вопросъ для себя, Керенскій созвалъ совѣщаніе высшихъ чинсвъ военнаго вѣдомства для выясненія технической возможности сопротивленія Корнилову. Лишь послѣ всего этого онъ обратился къ министрамъ. Главной цѣлью этого обращенія было — не получить поддержку отъ товарищей, а вернуть себѣ полную и неограниченную свободу дѣйствій. По сообщенію Н. В. Некрасова журналистамъ („Р. Слово" 31-го Августа), въ этомъ „историческомъ засѣданіи", при обсужденіи мѣръ борьбы съ Корниловымъ выяснилось, что исключительныя условія момента настоятельно требовали передачи всей полноты власти въ руки одного лица . . . А. Ф. Керенскій тогда же заявилъ, что втеченіи ближайшаго времени, можетъ быть, потребуется новое преобразованіе кабинета и что эта мѣра вызывается интересами дѣла и необходимостью усиленія компетентности власти**).

---

*) Дѣло Корнилова, стр. 127.

**) Въ своихъ показаніяхъ, очень уклончивыхъ по отношенію къ данному случаю, Керенскій мотивируетъ *свое* предложеніе „предоставить ему нѣкоторую свободу дѣйствій" — существовавшими ранѣе разногласіями въ министерствѣ (стр. 131); „передъ этимъ были уже довольно трудныя взаимоотношенія внутри Врем. Правительства. А теперь, при создавшейся обстановкѣ, едва ли могли быть быстро приняты всѣ нужныя мѣры. Не было сплоченности и солидарности въ правительствѣ. Въ особенности затрудняла популярность Кокошкина и Чернова. Это были элементы, которые едва ли могли дѣйствовать и даже быть вмѣстѣ въ тотъ часъ".

Гораздо прямѣе и откровеннѣе звучатъ заявленія Керенскаго въ разсказѣ Ф. Ф. Кокошкина („Р. Вѣдомости", 1-го Сентября) А. Ф. Керенскій заявилъ, что ему должны быть предоставлены, въ виду создавшагося положенія, исключительныя полномочія для борьбы съ мятежомъ, равно какъ и право образовать кабинетъ по своему усмотрѣнію. „Я, (Кокошкинъ) первымъ взялъ слово и заявилъ, что для меня не представляется возможнымъ оставаться въ составѣ Временнаго Правительства при диктаторскомъ характерѣ власти его предсѣдателя. Если такой характеръ этой власти будетъ признанъ въ данный моментъ необходимымъ, дальнѣйшее пребываніе въ составѣ правительства окажется безусловно для меня невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что на опытѣ послѣдняго мѣсяца я убѣдился, что, сходясь съ министромъ-предсѣдателемъ въ основной цѣли — спасенія родины и свободы, — я часто расхожусь съ нимъ въ вопросѣ о средствахъ для достиженія этой цѣли . . . Послѣ меня заявили о своихъ отставкахъ и другіе министры, — послѣднимъ В. М. Черновъ. Министры изъ партіи к.-д. заявили, что они въ данный моментъ выходятъ въ отставку, не предрѣшая вопроса о своемъ будущемъ участіи во Врем. Правительствѣ. Министры-соціалисты, заявляя о своей отставкѣ, сказали, что представляютъ себя въ полное распоряженіе министра-предсѣдателя".

Такимъ образомъ, въ рукахъ А. Ф. Керенскаго оказалось 14 прошеній объ отставкѣ, „тутъ же подписанныхъ", „частью мотивированныхъ, частью лаконическихъ". „Принимая наши прошенія", разсказываетъ далѣе Н. В. Некрасовъ, „Керенскій заявилъ, что отставокъ онъ сейчасъ принять не можетъ и что временно вопросъ долженъ остаться на вѣсу. Поэтому, всѣ министры должны пока остаться при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Это было принято членами кабинета безъ возраженія, за исключеніемъ Ф. Ф. Кокошкина, который тутъ же категорически заявилъ, что отставку свою онъ считаетъ окончательной".

„Съ этого момента", отмѣчаетъ Ф. Ф. Кокошкинъ въ своемъ сообщеніи, „министры к.-д. не принимали участія въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства. Впрочемъ, формально засѣданія болѣе не происходили, а были лишь частныя совѣщанія. Всѣ мѣры принимались единолично министромъ-предсѣдателемъ". Съ этимъ изложеніемъ, въ сущности, согласенъ и Н. В. Некрасовъ. „Передавъ", говоритъ онъ, „всю полноту власти Керенскому, Врем.

Правительство естественно перестало существовать, какъ таковое. У насъ за эти дни происходилъ цѣлый рядъ совѣщаній, но всѣ они носили частный характеръ. Формально, засѣданій правительства не было, и этимъ, можетъ быть, объясняется то обстоятельство, что министры к.-д. не получали оффиціальнаго приглашенія на совѣщанія". Отсутствіе министровъ, принадлежащихъ къ партіи, заподозрѣнной „демократіей" „въ соучастіи съ мятежомъ" Корнилова, конечно, не было непріятно министру-предсѣдателю, только что получившему полноту власти для борьбы съ „безумной авантюрой" и ведшему теперь энергичные переговоры съ лѣвыми партіями о реконструкціи кабинета.

Однако, послѣ подачи отставокъ и послѣ приведеннаго заявленія Керенскаго, вечернее засѣданіе 26-го Августа продолжалось до четырехъ часовъ ночи. Оно возобновилось въ полдень и въ 7 часовъ слѣдующаго дня. Керенскій совершенно безпрепятственно провелъ свое рѣшеніе — немедленно начать свою борьбу съ Корниловымъ, и для этого, въ видѣ „перваго шага", далъ предписаніе Корнилову сдать должность верховнаго главнокомандующаго. Условившись затѣмъ собраться въ полдень 27-го, министры разъѣхались на разсвѣтѣ по домамъ, вовсе не увѣренные, что въ оставшіеся часы ночи они не будутъ подвергнуты тѣмъ арестамъ, отъ котораго В. Н. Львовъ предлагалъ спасти Керенскаго путемъ отъѣзда въ ставку *).

---

*) Въ слѣдственной комиссіи возникъ вопросъ, въ какой моментъ засѣданія произошло увольненіе въ отставку Корнилова: *до* или *послѣ* отставки министровъ. Въ послѣднемъ случаѣ постановленіе было бы незаконнымъ, ибо увольненіе верховнаго главнокомандующаго возможно только указомъ правительства. Поэтому и Керенскому пришлось утверждать, что увольненіе Корнилова „было предложено и принято до врученія мнѣ отставокъ". Но въ доказательство онъ могъ только привести слова: „Это несомнѣнно. Я сдѣлалъ докладъ и соотвѣтствующій изъ него выводъ". (Стр. 136 — 137). На прямые вопросы, „былъ ли указъ правительства" и „какъ была редактирована телеграмма", ему пришлось отвѣтить, что онъ „не можетъ сказать, было ли постановленіе тутъ же записано", ибо „было бурное засѣданіе", что телеграмма была на-спѣхъ составлена, не внесена въ исходящій журналъ и что текстъ ея не имѣется на лицо. Мы увидимъ далѣе, что сопротивленіе Корнилова мотивировалось отчасти тѣмъ, что телеграмма была безъ нумера, безъ указанія на то, что это есть постановленіе правительства, и что подъ ней была простая подпись „Керенскій", безъ обозначенія его званій. Изъ изложеннаго въ текстѣ видно, что постановленіе объ отставкѣ Корнилова едва-ли могло быть принято *до* отставокъ министровъ, такъ какъ это былъ первый въ ряду вопросовъ, вызывавшихъ самыя отставки. Министры, подавшіе въ отставку,— и въ особенности два министра к.-д., заявившіе категорически, что отставки ихъ окончательныя, — очевидно, не желали нести отвѣтственности за дѣйствія Керенскаго по

День 27-го Августа выдался ясный и тихій. Въ газеты не проникало еще ни звука о Корниловскомъ „возстаніи". Напротивъ, въ интервью Савинкова въ этотъ день можно было прочесть увѣреніе, что „ген. Корниловъ пользуется абсолютнымъ довѣріемъ Врем. Правительства", что предложенія его доклада „приняты" и „мѣропріятія верховнаго главнокомандующаго по оздоровленію фронта и тыла и возстановленію дисциплины въ арміи поддерживаются и Врем. Правительствомъ, которое не замедлитъ ихъ осуществить" („Р. Слово", 28-го Августа). Главной тревогой петроградцевъ была возможность выступленія большевиковъ. Но мы уже знаемъ, что большевики, получивъ свѣдѣнія объ агитаціи офицеровъ и боясь сдѣлаться жертвой провокаціи, сами приняли мѣры, чтобы никакихъ выступленій не состоялось. Полугодовой день революціи прошелъ менѣе оживленно, чѣмъ будни, такъ какъ осторожная часть населенія, боясь новыхъ эксцессовъ, осталась сидѣть дома. Марсово поле, мѣсто погребенія жертвъ революціи, оставалось пустыннымъ. Зато по сосѣдству, въ Зимнемъ Дворцѣ, рано утромъ министры уже спѣшили открыть частное совѣщаніе. А. Ф. Керенскій прочелъ имъ проектъ объявленія населенію о происшедшемъ и сообщилъ о своемъ намѣреніи объявить Петроградъ и уѣздъ на военномъ положеніи.

Въ проектѣ объявленія событія излагались въ выраженіяхъ далеко не безспорныхъ, а выводъ изъ нихъ дѣлался уже совершенно неправильный. „26-го сего Августа ген. Корниловъ *прислалъ* ко мнѣ члена Г. Думы В. Н. Львова съ *требованіемъ* Врем. Правительству передать *ген. Корнилову всю полноту власти*, съ тѣмъ, что имъ *по личному усмотрѣнію* будетъ составлено новое правительство для управленія страной. Дѣйствительность *полномочій* члена Г. Думы Львова была подтверждена ген. Корниловымъ при разговорѣ *со мной* по прямому проводу. *Усмотрѣвъ* въ предъявленіи этого требованія ... желаніе *нѣкоторыхъ круговъ* русскаго общества воспользоваться тяжелымъ положеніемъ государства для *возстановленія въ странѣ государственнаго порядка, противорѣчащаго завоеваніямъ революціи*, Врем. Правительство признало необходимымъ для спасенія родины, свободы и *республиканскаго*

подавленію „мятежа". По признанію самого Керенскаго въ этомъ засѣданіи „вообще говорилось о чрезвычайно серьезной обстановкѣ и явномъ непониманіи Корнилова, попыткѣ ниспроверженія Врем. Правительства", но онъ не помнитъ, упоминалось ли слово „мятежъ" (стр. 131).

строя уполномочить меня принять скорыя и рѣшительныя мѣры, дабы въ корнѣ пресѣчь всякія попытки *посягнуть на верховную власть* въ государствѣ *и на завоеванныя революціей права граждан*". Далѣе излагались „приказанія" Керенскаго о сдачѣ должности Корниловымъ Клембовскому, главнокомандующему сѣвернаго фронта, и объ объявленіи военнаго положенія въ Петроградѣ. Голосъ благоразумія въ средѣ министровъ еще не былъ заглушенъ инстинктомъ самосохраненія. Министры не могли не понимать спорности тѣхъ выраженій, въ которыхъ изложена была А. Ф. Керенскимъ цѣль миссіи В. Н. Львова, и демагогичности того вывода, будто ген. Корниловъ покушается на возстановленіе стараго порядка и на уничтоженіе завоеваній революціи. Но сомнѣнія, которыя возбуждала явная неискренность и неправильность заявленій документа, сказались лишь въ томъ, что Керенскому предложено было подписать документъ одному: вѣдь ему передана вся власть, онъ несетъ всю отвѣтственность. Все же, министры сдѣлали оговорку: слѣдовало бы, до опубликованія документа, еще разъ переговорить со ставкой.

Съ этимъ рѣшеніемъ, въ часъ дня, засѣданіе прерывается до вечера. Разъ Керенскій согласенъ повременить съ опубликованіемъ до новыхъ переговоровъ, возрождается надежда, что все громоздкое зданіе, наскоро воздвигнутое Керенскимъ и Некрасовымъ на показаніяхъ Львова, окажется зданіемъ, построеннымъ на пескѣ, и рухнетъ само собой. .

На прямой проводъ ѣдетъ, однако, не самъ Керенскій, какъ можно было бы ожидать, ѣдетъ Савинковъ *), чувствующій, что тѣнь подозрѣнія пала на него самого. Онъ ѣдетъ не только, чтобы разъяснить вопросъ, но и, прежде всего, чтобы выгородить самого себя. Во-первыхъ, спѣшитъ онъ сразу же заявить Корнилову „я никогда не предлагалъ вамъ *отъ имени* министра-предсѣдателя никакихъ политическихъ комбинацій, — да и не могъ предложить". Противоположное утвержденіе въ телеграммѣ

---

*) Послѣ категорическаго запрещенія говорить съ Корниловымъ въ ночь на 27-е, Савинкову „*была* предоставлена возможность" разговаривать, — „и онъ говорилъ цѣлый день", иронизируетъ Керенскій. Спасая свою непримиримую позицію, Керенскій поясняетъ, что „предлагалъ имъ (сторонникамъ переговоровъ) самимъ вести переговоры съ ген. Корниловымъ" лишь въ томъ смыслѣ, что просилъ ихъ оказать на него возможное воздѣйствіе для того, чтобы онъ подчинился Врем. Правительству, пока еще не поздно", полагая при этомъ, что они „исходятъ только изъ предположенія о добросовѣстномъ заблужденіи ген. Корнилова". (Стр. 129, 150).

ген. Лукомскаго есть „клевета“. Это было вѣрно, — и это объясняетъ, почему для разговоровъ съ Керенскимъ о „*политическихъ комбинацiяхъ*“ Корнилову приходилось, вмѣсто осторожно державшагося Савинкова, прибѣгать къ услугамъ Аладьина или Львова.

Во-вторыхъ, продолжалъ Савинковъ, „оправданiемъ вашего предпрiятiя не можетъ служить также и ссылка на нежеланiе правительства слѣдовать той программѣ, которую вы изложили въ докладной запискѣ, подписанной мной“. Это уже не совсѣмъ вѣрно, ибо мы знаемъ упорную и не совсѣмъ удачную борьбу Савинкова противъ этого самаго „нежеланiя правительства слѣдовать программѣ Корнилова“. Въ комментарiи къ своимъ показанiямъ Керенскiй прямо заявляетъ, что Савинковъ былъ „виноватъ въ томъ, что, выступая въ ставкѣ, превышалъ данныя ему полномочiя и дѣйствовалъ не только въ качествѣ моего ближайшаго помощника, но и самостоятельно ставилъ себѣ опредѣленныя политическiя заданiя“ (стр. 168). Напору Савинкова Керенскiй въ этихъ случаяхъ противопоставлялъ, по собственному выраженiю, „пассивную оборону“ (стр. 27), при которой „Корнилову и его сторонникамъ не удавалось сдѣлать *ни шагу дальше* тѣхъ предѣловъ, которые ставились Врем. Правительствомъ“. И въ данномъ случаѣ Керенскiй опредѣленно заявилъ въ своихъ комментарiяхъ (стр. 183), что, „или военный законопроектъ былъ бы принятъ въ формахъ прiемлемыхъ для всѣхъ—всей коалицiи, и *слѣдовательно для совѣтовъ*, или само коалицiонное правительство перестало бы существовать *до* принятiя этого проекта.

Такимъ образомъ, Савинковъ уже вовсе не могъ имѣть основанiй для того заявленiя, которое онъ затѣмъ сдѣлалъ: „въ этотъ же день и почти въ тотъ часъ, когда правительство *должно было принять этотъ законопроектъ*, о чемъ я васъ поставилъ въ извѣстность одновременно по телеграфу, вамъ угодно было попытаться продиктовать вашу единоличную волю народу русскому“. Продолжая въ этотъ рѣшительный моментъ отдѣлять свое дѣло отъ дѣла Корнилова, Савинковъ слагаетъ всю вину на послѣдняго за то, что „всѣ попытки мои, длительныя и упорныя, связать васъ тѣсною связью съ демократiей россiйской, осуществляя именемъ признаннаго ею вождя програму вами предложенную, не увѣнчались успѣхомъ“.

Наконецъ, Савинковъ рѣзко отгораживается и отъ миссіи Львова. „Едва ли вы будете отрицать, господинъ генералъ, что требованія предъявленныя вами правительству черезъ В. Н. Львова, и та позиція, которую вы заняли въ этомъ вопросѣ, губительны для отечества, ибо, чѣмъ бы ни кончилось начатое вами предпріятіе, родина наша пострадаетъ безмѣрно". Въ заключеніе Савинковъ „во имя несчастной родины нашей, во имя того, чтобы чужеземецъ не продиктовалъ народу русскому своего закона, во имя, наконецъ, спасенія жизней человѣческихъ, которыя погибнутъ отъ братоубійственныхъ рукъ", обращался къ Корнилову „съ почтительной просьбой и настойчивымъ требованіемъ подчиниться Временному Правительству, сдать должность и выѣхать изъ дѣйствующей арміи".

Вмѣсто разговора по существу, мы опять имѣемъ искусное литературное произведеніе, предназначенное для Керенскаго, для суда, для потомства, — для чего угодно, только не для выясненія „недоразумѣнія". Корниловъ на это литературное произведеніе желаетъ отвѣтить своимъ литературнымъ произведеніемъ, очевидно во вкусѣ своихъ „сильныхъ перьевъ", и откладываетъ свой отвѣтъ до 4-хъ часовъ дня. Въ 4 часа онъ читаетъ отвѣтъ по пунктамъ. Первый пунктъ устанавливаетъ долю отвѣтственности самого Савинкова въ подготовкѣ „предпріятія Корнилова". Въ телеграммѣ Лукомскаго подразумѣвается, что правительство приняло опредѣленныя *рѣшенія относительно большевиковъ и совѣтовъ*, такъ какъ для осуществленія этого рѣшенія *вы отъ имени Врем. Правительства предложили* мнѣ двинуть къ Петрограду конный корпусъ, причемъ между нами *было условлено*, что окончаніе сосредоточенія этого корпуса явится, по моей телеграммѣ вамъ, *указаніемъ момента объявленія* Петрограда на военномъ положеніи" *).

Второй пунктъ напоминаетъ Савинкову, что *разговоры* о „политическихъ комбинаціяхъ" *были* и съ нимъ, и притомъ,

---

*) На вопросъ предсѣдателя слѣдственной комиссіи Керенскому, „предупреждалъ ли Васъ Савинковъ, что предположено объявленіе Петрограда на военномъ положеніи поставить въ зависимость отъ приближенія 3-го корпуса къ Петрограду". Керенскій отвѣчалъ довольно сбивчиво: „такъ было, но я говорилъ, что никакого для меня значенія приближеніе корпуса не имѣетъ, что я нахожу это ожиданіе совершенно излишнимъ, что эта мѣра необходима въ виду измѣнившейся обстановки и что объявленіе военнаго положенія возможно, не ожидая никакого прихода. Такимъ образомъ, я мнѣніе Савинкова оспаривалъ (но принялъ). Въ правительствѣ этотъ частный вопросъ не обсуждался".

именно, въ связи съ недовѣріемъ Корнилова къ возможности выполнить военную программу при Керенскомъ. „Въ бесѣдахъ нашихъ 24-го и 25-го Августа я высказывалъ вамъ, что колебанія правительства въ проведеніи принципіально принятой имъ программы, предложенной вами и мной, приводятъ къ „расплатѣ нашей русской территоріей и новымъ позоромъ арміи за промедленіе". „Я указывалъ, что...только сильная, твердая власть,... олицетворенная диктатурой единоличной или коллективной, . . . можетъ спасти родину отъ гибели", причемъ „я признаю его и ваше участіе въ составѣ правительства безусловно необходимымъ". Далѣе Корниловъ давалъ, наконецъ, *свою оффиціальную версію* порученія, даннаго В. Н. Львову, предпославъ этому замѣчаніе о „новыхъ тревожныхъ извѣстіяхъ", полученныхъ имъ въ промежуткѣ между отвѣтомъ Савинкова и пріемомъ Львова *).

„В. Н. Львовъ, по его словамъ, пріѣхалъ по порученію А. Ф. Керенскаго съ предложеніемъ высказать ему мои взгляды на три варіанта организаціи, *намѣченные самимъ А. Ф. Керенскимъ*. . . Я заявилъ, что, по моему глубокому убѣжденію, я единственнымъ исходомъ считаю установленіе диктатуры и объявленіе всей страны на военномъ положеніи. Я просилъ В. Н. Львова передать А. Ф. Керенскому и вамъ, что участіе васъ обоихъ въ составѣ правительства считаю безусловно необходимымъ, просилъ передать мою настойчивую просьбу пріѣхать въ ставку *для принятія окончательнаго рѣшенія*, причемъ заявилъ, что, въ виду имѣющихся у меня точныхъ свѣдѣній о готовящемся въ Петроградѣ выступленіи большевиковъ, я признаю положеніе крайне грознымъ и въ частности считаю нахожденіе васъ и А. Ф. Керенскаго въ Петроградѣ весьма опаснымъ для обоихъ васъ, почему предложилъ пріѣхать въ ставку, гарантируя своимъ честнымъ словомъ вашу полную безопасность". Таково было то объясненіе „ультиматума", которое Керенскій могъ, если бы хотѣлъ, получить наканунѣ вечеромъ.

Далѣе, однако, Корниловъ говоритъ о послѣдствіяхъ того, какъ этотъ „ультиматумъ" былъ принятъ. Несмотря на то, что и Савинковъ былъ увѣдомленъ о дальнѣйшихъ сужденіяхъ ставки о

---

*) Приготовленія нѣмцевъ къ производству дессанта на побережьяхъ Рижскаго залива, убійство начальника Н. дивизіи и комиссара Н. арміи, телеграмма о количествѣ уничтоженныхъ при взрывѣ въ Казани снарядовъ и пулеметовъ.

„коллективной“ диктатурѣ въ совершенно нелѣпой „иносказательной“ телеграммѣ Филоненко (которой Савинковъ не понялъ), несмотря на опредѣленное обѣщаніе Керенскаго „выѣхать сегодня въ ставку, чтобы здѣсь принять окончательное рѣшеніе“, „я сегодня получилъ телеграмму о моемъ отозваніи“. Слѣдуетъ практическій выводъ, намѣченный Корниловымъ. „Я глубоко убѣжденъ, что совершенно неожиданное для меня рѣшеніе правительства принято подъ давленіемъ опредѣленныхъ организацій. Уходить подъ давленіемъ *этихъ людей* со своего поста я считаю равносильнымъ уходу въ угоду врагу съ поля битвы. Поэтому, въ полномъ сознаніи своей отвѣтственности передъ страной, передъ исторіей и своей совѣстью, я твердо заявляю, что въ грозный часъ, переживаемый нашей родиной, *я со своего поста не уйду*“.

VIII. КОРНИЛОВЪ ВЫСТУПАЕТЪ ПРОТИВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

„Измѣна" или недоразумѣнie? Опоздали. Филоненко и Савинковъ отдаляются отъ Корнилова. Воззванія и приказы ген. Корнилова. Наступленіе Корнилова и паника правительства (28-го Августа). Попытки посредничества. Министры предлагаютъ замѣнить Керенскаго Алексѣевымъ. Декларація союзныхъ пословъ.

Заявленіе Корнилова создавало совершенно новое положеніе. *Теперь уже его отказъ подчиниться*, а не мнимый „ультиматумъ", создавшійся на почвѣ словесной путаницы В. Н. Львова, являлся отправнымъ фактомъ при сужденій о его „мятежѣ". Но пока не было распутано „недоразумѣніе" съ ультиматумомъ, группа людей, стоявшихъ у аппарата на Мойкѣ, все еще старалась извлечь изъ заявленій Корнилова матеріалъ для разъясненія этого „недоразумѣнія", считая, очевидно, что, если будетъ устранена причина отказа Корнилова, то самъ собою устранится и самый отказъ. Отвѣтъ Савинкова Корнилову продолжалъ стоять на почвѣ самооправданій и „возстановленія исторической точности" фактовъ минувшаго. Онъ, Савинковъ, просилъ конный корпусъ для подавленія „*всякихъ* попытокъ" возстанія, „откуда бы онѣ ни шли". „Если бы даже самъ Керенскій объявилъ себя диктаторомъ, то нашелъ бы въ немъ, Савинковѣ, врага"... По существу же, ему, Савинкову, „не надлежитъ нынѣ спорить", а только „доложить" Врем. Правительству о разговорѣ. Но онъ „боится, что *недоразумѣніе* сыграло роковую для нашей родины роль" и „изъ изложеннаго Корниловымъ усматриваетъ, что Львовъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ плачевную, если не сказать больше, роль".

Разговоръ Савинкова по прямому проводу происходилъ въ присутствіи Маклакова, Пальчинскаго, товарищей министра Якубовича и кн. Туманова, полковника Барановскаго и комиссара сѣв. фронта — Станкевича. У всѣхъ этихъ лицъ, по мѣрѣ хода разго-

вора, явилось чувство облегченія. Слава Богу, не только Савинковъ не въ „заговорѣ“, но и никакого „ультиматума“ не было. Точка зрѣнія „недоразумѣнія“ начала брать верхъ надъ точкой зрѣнія „мятежа“. Послѣ Савинкова, Маклаковъ, познакомившійся съ Корниловымъ за годъ передъ тѣмъ въ Галиціи, передъ самымъ плѣномъ генерала, добавилъ по аппарату отъ себя нѣсколько словъ предостереженія. Онъ сказалъ, наконецъ, то, что надо было сказать Корнилову съ самаго начала. „Въ передачѣ Львова ваше предложеніе было понято здѣсь (какъ мы только что видѣли, понято и Савинковымъ), какъ желаніе насильственнаго государственнаго переворота. Глубоко радъ, что это, повидимому, недоразумѣніе. Вы недостаточно вѣрно освѣдомлены въ политическомъ настроеніи. . . Необходимо принять всѣ мѣры, ликвидировать всѣ недоразумѣнія, безъ соблазна и огласки. . . Правительство своимъ послѣднимъ неосторожнымъ шагомъ еще болѣе обострило положеніе. Я охотно встрѣтился бы съ вами, съ А. Ф. Керенскимъ и Б. В. Савинковымъ и здѣсь, и въ ставкѣ, и думаю, что недоразумѣніе могло-бы быть устранено при личныхъ объясненіяхъ“.

Этимъ осторожнымъ освѣдомленіемъ политическій дѣятель, одинъ изъ приглашенныхъ Корниловымъ на совѣщаніе въ ставку, думалъ перевѣсить дурные совѣты въ ставкѣ безотвѣтственныхъ фаворитовъ Корнилова. Увы, эти совѣтники ближе, — и физически, и морально, — къ Корнилову, — и съ послѣдствіями ихъ совѣтовъ мы скоро встрѣтимся.

Какъ только стало выясняться для присутствующихъ, что „ультиматумъ“ можетъ быть понятъ, какъ недоразумѣніе, Савинковъ, чтобы не терять времени, изъ аппаратной комнаты послалъ Керенскому адъютанта съ просьбой повременить съ опубликованіемъ о Корниловѣ. Разговоръ происходилъ въ 4-е и въ 6-ть часовъ. Замѣшкавшись немного послѣ переговоровъ, Савинковъ и Маклаковъ отправились сообщить правительству радостное извѣстіе, что „недоразумѣніе разъясняется“ . . .

Увы, они опоздали... „Вернувшись въ 8-мь часовъ въ Зимній Дворецъ“, разсказываетъ Савинковъ, „я засталъ тамъ Некрасова, который въ рѣзкой формѣ заявилъ мнѣ, что изъ-за моей просьбы повременить съ опубликованіемъ дѣла Корнилова Врем. Правительство опоздало“. Не „опоздать“ — это вѣдь основная, руководящая мысль Керенскаго. „Я“ прибавляетъ Савинковъ, „этого замѣчанія не понялъ“. И трудно было понять его, ибо изъ собствен-

ныхъ заявленій Некрасова оказывается, что они съ Керенскимъ вовсе и не думали ждать. Они дѣйствовали, пока Савинковъ разговаривалъ на проводѣ, дѣйствовали даже и раньше самаго разговора. „Объявленіе, которое еще въ часъ дня предполагалось опубликовать только *послѣ* переговоровъ съ Корниловымъ, уже *было разослано* повсюду *до возвращенія Савинкова* съ прямого провода. А о мѣрахъ, принятыхъ до разговора по проводу, вотъ что разсказываетъ Н. В. Некрасовъ. „Распоряженіе пріостановить движеніе эшелоновъ Корниловскихъ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, подписанное А. Ф. Керенскимъ, было мною передано П. П. Юреневу, подавшему наканунѣ прошеніе объ отставкѣ, но оставшемуся вмѣстѣ съ другими министрами при исполненіи служебныхъ обязанностей. П. П. Юреневъ заявилъ, что онъ свои обязанности по руководству министерства съ себя слагаетъ. Тогда мной были вызваны Липеровскій и Коржановскій (товарищи министра путей сообщенія), и распоряженіе А. Ф. Керенскаго — немедленно пріостановить движеніе Корниловскихъ эшелоновъ—было мною отдано имъ. Я помню, какъ черезъ два часа послѣ этого Ливеровскій по телефону сообщилъ мнѣ, что эшелоны прорываются насильно и что ихъ можно остановить только силой же. Для этого необходимо разобрать путь и устроить искусственное крушеніе. Объ этомъ было сейчасъ же доложено А. Ф. Керенскому, и онъ, безъ всякихъ колебаній отдалъ распоряженіе примѣнить эти героическія средства... Всѣ эти распоряженія отданы были А. Ф. Керенскимъ еще до разговора Б. В. Савинкова съ ген. Корниловымъ по аппарату, т. е. до 4-хъ часовъ дня, 27-го Августа“.

Въ восемь часовъ вечера, когда вновь собрались министры, оставалось лишь сообщить имъ о совершившихся фактахъ. Керенскій и Савинковъ доложили бывшему правительству о „новыхъ обстоятельствахъ“, открывшихся въ промежуткѣ. В. Н. Львовъ, очевидно, „передалъ все дѣло въ значительно преувеличенномъ видѣ и углубилъ содержаніе переданнаго ему ген. Корниловымъ требованія“. Далѣе, „имѣются основанія предполагать“, что самыя эти требованія „явились результатомъ воздѣйствія на Корнилова, со стороны Львова, который, въ силу какихъ то соображеній, завѣрялъ ген. Корнилова, что ведетъ съ нимъ переговоры по порученію нѣкоторыхъ членовъ Врем. Правительства“. Что оставалось дѣлать эксъ-министрамъ, получившимъ такія свѣдѣнія? По сообщенію корреспондента „Р. Вѣдомостей“, правительство,

вполнѣ благоразумно, „признало необходимымъ поручить А. Ф. Керенскому *войдти вновь въ переговоры со ставкой*", т. е. сдѣлать то самое, чего тщательно избѣгалъ самъ Керенскій и что всѣ его дѣйствія дѣлали окончательно невозможнымъ. Министры приняли, очевидно, предложеніе Савинкова *).

Но какъ же могли, однако, министры „поручать" что-либо Керенскому послѣ того, какъ они уже на разсвѣтѣ передали ему неограниченныя полномочія? **)

Вечернее засѣданіе 27-го Августа окончательно разрѣшило и этотъ вопросъ. Около полуночи было предположено вручить верховную власть коллегіи изъ пяти лицъ, при чемъ таковыми намѣчались Керенскій, Некрасовъ и Терещенко, старый „тріумвиратъ", къ которому присоединялись, предположительно, Савинковъ и Кишкинъ (или Скобелевъ). Остальные члены Врем. Правительства, превращались въ простыхъ руководителей отдѣльныхъ вѣдомствъ, не входящихъ въ составъ верховной власти. Правда, вопросъ о реконструкціи власти тотчасъ же сдѣлался (съ утра 27-го Августа, см. ниже) предметомъ спора между Керенскимъ и совѣтомъ р. и с. д. Но *прежній* составъ Временнаго Правительства съ этого момента могъ уже считать себя окончательно ликвидированнымъ. Моментъ прощанія, въ выраженіяхъ, ставшихъ обычными, былъ отмѣченъ Керенскимъ: министръ-предсѣдатель благодарилъ уходившихъ товарищей за тѣ высокія чувства, которыя ихъ одушевляютъ въ данную рѣшительную минуту.

Однако же, сторонники признанія всего инцидента съ Корниловымъ простымъ недоразумѣніемъ, еще не сдавались. Къ нимъ присоединились къ концу дня, М. И. Терещенко и ген. М. В. Алексѣевъ. Терещенко получилъ отъ своего представителя въ ставкѣ, кн. Гр. Н. Трубецкого, подробное фактическое изложеніе положенія съ точки зрѣнія намъ уже извѣстной изъ его показаній. Послѣднимъ извѣстіемъ этого дня, отданнымъ въ печать

---

*) По сообщенію Керенскаго (стр. 128), послѣ разговора съ Корниловымъ, Савинковъ, около 8-ми часовъ вечера, идетъ въ Зимній Дворецъ и *настаиваетъ на необходимости* „испробовать — *исчерпать недоразумѣніе и вступить* съ ген. Корниловымъ въ *переговоры*" (очевидно, въ томъ смыслѣ, который отрицался Керенскимъ).

**) Самъ Керенскій, исходя изъ своего „обращенія къ населенію 27-го Августа, утверждаетъ (стр. 132): „въ ночь на 27-е Августа я получилъ *не всю полноту власти*, а только опредѣленныя полномочія для разрѣшенія опредѣленной задачи — скорѣйшей и безболѣзненнѣйшей ликвидаціи Корниловскаго выступленія". Во всякомъ случаѣ, вопросъ о „переговорахъ" входилъ, именно, въ эту категорію.

уже ночью, было весьма оптимистическое сообщеніе: „по последнимъ сведеніямъ изъ круговъ Врем. Правительства (информація шла отъ Терещенко), пока неоффиціальнымъ („оффиціальныя“ сообщенія печати обыкновенно шли черезъ Некрасова), намѣчается *возможность мирнаго исхода* конфликта съ ген. Корниловымъ, такъ какъ ген. Корниловъ представилъ доказательства, что все недоразумѣніе порождено Львовымъ, который, какъ выражается Корниловъ, „напуталъ“.

Въ часъ ночи на 28-е пріѣхалъ, экстренно вызванный, ген. Алексѣевъ и былъ немедленно привезенъ встрѣтившимъ его Вырубовымъ въ Зимній Дворецъ къ Керенскому. Керенскій предложилъ ген. Алексѣеву постъ верховнаго главнокомадующаго. Попросивъ дать ему на прочтеніе телеграммы и юзограммы, ген. Алексѣевъ тотчасъ же убѣдился, что отчисленіе Корнилова отъ должности послѣдовало на основаніи данныхъ неясныхъ и непровѣренныхъ, что бесѣда Львова была лишь одной изъ стадій длительныхъ переговоровъ Керенскаго съ Корниловымъ и что точное содержаніе „ультимативнаго требованія“ Корнилова вовсе не установлено при переговорахъ. Считая, что вообще „смѣна въ такія минуты верховнаго главнокомандующаго можетъ гибельно отозваться на самомъ существованіи арміи, малоустойчивой и непрочной“, ген. Алексѣевъ не находилъ серьезныхъ основаній для смѣны и, по его показанію, „рѣшительно отказался отъ принятія должности верховнаго главнокомандующаго, высказавъ свое убѣжденіе, что дѣло нужно закончить выясненіемъ недоразумѣнія, соглашеніемъ и оставленіемъ ген. Корнилова въ должности, чтобы избавить армію отъ толчковъ и пагубныхъ потрясеній“. Но ген. Алексѣевъ наткнулся на тоже готовое рѣшеніе Керенскаго. При этомъ снова обнаружилось, что дѣйствія полномочнаго премьера опережаютъ разсужденіе и освѣдомленіе. „Министръ-предсѣдатель“, показываетъ ген. Алексѣевъ, „отвѣтилъ, что теперь никакихъ соглашеній съ ген. Корниловымъ быть не можетъ. Отъ министра иностранныхъ дѣлъ, Терещенко, я услышалъ, что уже послана телеграмма по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, что ген. Корниловъ измѣнникъ Россіи и поэтому никакое приказаніе его по линіи желѣзныхъ дорогъ не должно быть выполняемо. Авторомъ этой телеграммы, разрушавшей всякую возможность выяснить недоразумѣніе и придти къ соглашенію, былъ Некрасовъ. Говорили, что отъ него же ис-

ходили распоряженія о порчѣ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ двигалась дивизія 3-го коннаго корпуса, не останавливаясь производствомъ крушенія поѣзда, указавъ, что она сдѣлана еще до 4-хъ часовъ, 27-го Августа".

Что касается телеграммы, упоминаемой ген. Алексѣевымъ здѣсь, видимо, смѣшаны два документа: обращеніе къ желѣзнодорожникамъ, въ которомъ есть запрещеніе исполнять приказы Корнилова, но нѣтъ выраженія „измѣнникъ", и обращеніе къ населенію и арміи *).

Быть можетъ сообщеніе генерала Алексѣева относится къ обоимъ документамъ, но, именно, относительно второго мы имѣемъ дальнѣйшія разъясненія В. Л. Бурцева, напечатанныя въ газетѣ „Общее Дѣло" (Петроградское изданіе), о роли Некрасова. По словамъ Бурцева, „редакція текста телеграммы въ томъ видѣ, какъ она была послана, явилась неожиданностью и для самого Керенскаго. По крайней мѣрѣ, когда вопросъ о разрывѣ между ставкой и Врем. Правительствомъ былъ выясненъ, министръ-пред-

*) Воззваніе къ желѣзнодорожникамъ изложено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Желѣзнодорожники, судьба Россіи въ вашихъ рукахъ. Вы помогли въ свое время свергнуть старую власть. Вы должны отстоять завоеванія революціонной Россіи отъ темныхъ посягательствъ военной диктатуры. Ни одинъ приказъ, исходящій отъ ген. Корнилова, не долженъ быть вами исполненъ. Будьте бдительны и осторожны, творите единственно волю Врем. Правительства, волю всего народа русскаго. Министръ-предсѣдатель Керенскій".

Второй документъ — приказъ по войскамъ Петрограда. Вотъ его текстъ: „Возставшій на власть Временнаго Правительства бывшій верховный главнокомандующій ген. Корниловъ, заявлявшій о своемъ патріотизмѣ и вѣрности народу въ своихъ телеграммахъ, теперь на дѣлѣ показалъ свое вѣроломство. Онъ взялъ полки съ фронта (Корниловъ это опровергаетъ въ своемъ показаніи), ослабивъ его сопротивленіе нещадному врагу — германцу, и всѣ эти полки отправилъ противъ Петрограда. Онъ говорилъ о спасеніи родины — и сознательно создаетъ братоубійственную войну. Онъ говоритъ, что стоитъ за свободу, — и посылаетъ на Петроградъ туземныя дивизіи. Товарищи, часъ испытанія вашей вѣрности свободѣ, революціи наступилъ, и въ сознаніи святости выполняемаго долга передъ родиной, встрѣтьте стойко и славно вашихъ обманутыхъ ген. Корниловымъ бывшихъ товарищей по арміи. Пусть увидятъ они передъ собой истинно-революціонные полки, непремѣнно рѣшившіеся защищать правительство революціи, и пусть, пока не поздно, поймутъ и устыдятся того дѣла, на которое ихъ преступно послали. Если же не поймутъ, я, вашъ министръ, увѣренъ, что вы безъ страха до конца исполните свой великій долгъ. Подписано: министръ-предсѣдатель, военный и морской министръ Керенскій". Имѣется еще радіотелеграмма Керенскаго, разосланная „всѣмъ"; въ ней говорится о „требованіи ген. Корниловымъ немедленной передачи ему диктаторской власти надъ всѣмъ государствомъ", о „жалкихъ попыткахъ верховнаго главнокомандованія, ослѣпленнаго предательской клеветой", о „предательской попыткѣ кучки ослѣпленныхъ или обманутыхъ людей", о „безуміи немногихъ". Но въ ней нѣтъ прямыхъ указаній на „измѣну" ген. Корнилова.

сѣдатель еще не давалъ разрѣшенія на посылку телеграммы, редакцію которой набросалъ Некрасовъ. Приглашенный тогда же къ министру-предсѣдателю М. И. Терещенко, ознакомившись съ текстомъ правительственнаго воззванія къ арміи, гдѣ ген. Корниловъ называется измѣнникомъ, пришелъ въ ужасъ. М. И. Терещенко съумѣлъ убѣдить Керенскаго въ безразсудности подобнаго текста, грозившаго неисчислимыми бѣдствіями арміи".

Вѣроятно, къ этому моменту относится свидѣтельство Савинкова о настроеніи лицъ, собравшихся въ Зимнемъ Дворцѣ. „Въ 4 часа утра, 28-го Августа, я вернулся въ Зимній Дворецъ, по вызову Керенскаго, и нашелъ тамъ ген. Алексѣева и Терещенко. Мы *всѣ четверо были согласны*, что ультиматумъ Львова не болѣе, какъ недоразумѣніе". Продолжаемъ теперь цитату изъ Бурцева. „Немедленно былъ вызванъ въ Зимній Дворецъ и Н. В. Некрасовъ. Изъ разспросовъ его выяснилось, что *прошло уже два часа*, какъ названная телеграмма сдана въ аппаратъ". Тогда Керенскій сдѣлалъ послѣднюю попытку вернуть документъ обратно. Въ ночь на 28-е Августа, около 4 часовъ утра", — такъ гласитъ хроникерская справка газеты, — министръ-предсѣдатель А. Ф. Керенскій, войдя въ комнату журналистовъ въ Зимнемъ Дворцѣ, обратился къ нимъ съ настойчивой просьбой *снять во всѣхъ газетахъ* текстъ его обращенія къ населенію и арміи, которое объявляло Корнилова измѣнникомъ. Когда изъ разговоровъ съ журналистами А. Ф. Керенскій понялъ, что просьба его технически невозможна, онъ сказалъ: „очень жаль".

Такъ въ этотъ рѣшительный, роковой моментъ всей исторіи революціи дѣлалась высшая политика въ Россійскомъ государствѣ . . .*).

Къ утру, 28-го Августа, разрывъ между главой государства и главой арміи былъ, такимъ образомъ, сдѣланъ непоправимымъ. И если день 27-го Августа можно было назвать „днемъ недоразумѣній", то дню 28-го Августа приличествуетъ другое названіе —

*) На вопросъ слѣдственной комиссіи о „роли Некрасова" и судьбѣ депеши, Керенскій отозвался запамятованіемъ (стр. 153): „не помню". „Я помню, что телеграмма, которая должна была идти на радіо *была задержана* просто потому, что мы считали, что не слѣдуетъ чрезмѣрно возбуждать общественное мнѣніе и настроеніе". Въ прибавленномъ къ этому показанію комментаріи Керенскій называетъ толки о „роли Некрасова" „однимъ изъ злобныхъ вымысловъ въ дѣлѣ Корнилова", но, „перебирая эти „вымыслы" про Некрасова, не опровергаетъ тѣхъ фактовъ, которые изложены въ нашемъ текстѣ.

„дня правительственной паники“, начавшейся тогда, когда Корниловъ принялъ брошенный ему вызовъ.

Распоряженіе Керенскаго о сдачѣ Корниловымъ должности Лукомскому и о немедленномъ пріѣздѣ его въ Петроградъ, было получено Корниловымъ въ ставкѣ утромъ, 27-го Августа. Послѣ безмятежнаго настроенія субботняго дня, эта воскресная телеграмма, по замѣчанію князя Трубецкого, „произвела на всѣхъ впечатлѣніе разорвавшейся бомбы“. „Создалось впечатлѣніе, что, или данное уже Керенскимъ обѣщаніе пріѣхать въ понедѣльникъ, какъ и весь разговоръ со Львовымъ, есть провокація, — или же послѣ того призошелъ поворотъ правительства въ сторону большевиковъ“. Дѣйствительность была гораздо ближе къ первому предположенію, чѣмъ ко второму. Но ген. Корниловъ, уже заранѣе настроенный къ тому, чтобы ожидать всевозможныхъ правительственныхъ колебаній въ сторону уступокъ лѣвымъ элементамъ,*) склонился ко второму предположенію. „Я пришелъ къ выводу“, показываетъ онъ, что „правительство окончательно подпало подъ вліяніе совѣта, для борьбы съ которымъ (видимо, Корниловъ не очень отчетливо различалъ отличіе „совѣта“ отъ большевиковъ) правительство само же вызвало войска“. Ген. Корниловъ приводитъ и основанія, склонившія его къ такому заключенію. Прежде всего, это доказывается распоряженіемъ самого правительства о передвиженіи третьяго корпуса для подавленія большевистскаго движенія. Другое доказательство, есть отсутствіе разногласій съ правительствомъ, относительно Корниловской программы оздоровленія арміи. Третье доказательство, это бесѣды съ Савинковымъ и „свѣдѣнія объ усиленіи давленія совѣта р. и с. д. на правительство“. Въ виду всего этого и „опираясь на заявленія командующихъ сѣвернымъ, западнымъ, юго-западнымъ и румынскимъ фронтами, „*я рѣшилъ*“, признаетъ Корниловъ „*выступить открыто и произведя давленіе на Врем. Правительство, заставить его* 1) исключить изъ своего состава тѣхъ министровъ, которые, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, были предателями родины и 2) перестроиться такъ, чтобы странѣ была гарантирована сильная и твердая власть. *Для оказанія давленія на Врем. Правительство я рѣшилъ воспользоваться* 3-мъ корпусомъ ген. Крымова, которому и *при-*

---

*) См. выше, разговоръ Корнилова съ Савинковымъ, 23-го Августа, въ ставкѣ.

казалъ продвиженіе для сосредоточенія къ Петрограду". Въ другомъ мѣстѣ своего показанія Корниловъ, возвращаясь къ этому рѣшающему моменту, еще разъ указываетъ мотивы своего рѣшенія слѣдующимъ образомъ. „Зная, что въ Петроградѣ *предвидится замедленіе изданія* Врем. Правительствомъ акта о распространеніи закона о смертной казни на внутренніе округа Россіи, я *пришелъ къ убѣжденію, что правительство снова подпало подъ вліяніе безотвѣтственныхъ организацій и, отказываясь отъ проведенія моей программы, рѣшило устранить меня, какъ главнаго ея иниціатора.* Въ виду тягчайшаго положенія страны и арміи *я рѣшилъ должности верховнаго главнокомандующаго не сдавать и выяснить предварительно обстановку.* Объявивъ объ этомъ ген. Лукомскому, я спросилъ его, намѣренъ ли онъ принять обязанности верховнаго главнокомандующаго (какъ требовалъ Керенскій). Лукомскій доложилъ мнѣ, что онъ не считаетъ возможнымъ замѣнить меня. Въ тотъ же день я переговорилъ по прямому проводу съ управляющимъ военнымъ министерствомъ Савинковымъ (это второй разговоръ Корнилова съ С.), которому *заявилъ, что* въ виду создавшихся условій, *я не считаю возможнымъ уйти съ своего поста.*

Сложность и внутренняя противорѣчивость мотивовъ, которыми Корниловъ оправдываетъ свое рѣшеніе, лучше всего помогаютъ намъ понять его психологію. Его рѣшенія идутъ далѣе того момента, къ которому относятся. Тѣмъ самымъ подтверждается, что они были приняты *раньше*, чѣмъ моментъ этотъ наступилъ, — въ предвидѣніи, что наступленіе его неизбѣжно. Корниловъ „не сдаетъ своего поста" только для того, чтобы „выяснить предварительно обстановку". Вотъ рѣшеніе, которое вполнѣ исчерпывало бы необходимость момента. Онъ получилъ отставку въ бумагѣ безъ номера, подписанной Керенскимъ, который, безъ Временнаго Правительства, не имѣлъ права, по его мнѣнію, увольнять главнокомандующаго: вотъ мотивировка, которой и ограничился бы человѣкъ осторожный, привыкшій считаться съ юридической стороной вопроса и съ практическими соображеніями. Корниловъ приводитъ и эти формальные мотивы. Но не въ его характерѣ ограничиваться формальными основаніями. И тутъ же рядомъ, только что сказавши, что онъ лишь хочетъ „выяснить предварительно обстановку", онъ заявляетъ, что онъ вообще „рѣшилъ выступить открыто" и что цѣль его выступленія — „дав-

леніе на Врем. Правительство съ цѣлью освободить его отъ „предателей родины". Его дѣйствительное и настоящее основаніе — это его „убѣжденіе, что правительство подпало подъ вліяніе безотвѣтственныхъ элементовъ" и „отказывается отъ проведенія программы", безъ которой Корниловъ не представлялъ себѣ спасенія родины. Хотя Корниловъ и относитъ „усиленіе давленія совѣта р. и с. д. на правительство" къ послѣднему моменту и утверждаетъ, что онъ получилъ какія-то новыя свѣдѣнія объ этомъ, но мы знаемъ, что никакихъ свѣдѣній этого рода онъ получить не могъ. Мы видѣли, наоборотъ, что какъ разъ, не только совѣтъ, но и солдатская секція приглашала къ „безпрекословному исполненію военныхъ приказовъ ген. Корнилова", „демократія" была весьма подавлена и большевики, боясь сыграть въ руку Корнилову, отказались отъ выступленія (см. выше).

Представленіе Корнилова о томъ, что правительство подпало подъ вліяніе лѣвыхъ элементовъ, конечно, составилось не въ эту послѣднюю минуту, а уже давно. И, именно, оно продиктовало ему, — тоже не теперь, а давно, — рѣшеніе не покидать поста, если даже Керенскій уволитъ его въ отставку. Мы видѣли, что онъ прямо далъ понять это Керенскому въ Петроградѣ, въ разговорѣ 10-го Августа. Во время Московскаго Совѣщанія о предстоящей отставкѣ Корнилова, также какъ и о неизбѣжномъ сопротивленіи Корнилова этому рѣшенію, говорили, какъ о фактахъ или совершившихся, или имѣющихъ совершиться въ ближайшій срокъ. Это, именно, и напрягло отношенія Корнилова съ Керенскимъ, который прекрасно понималъ, что уволить Корнилова такъ, какъ онъ уволилъ Брусилова, Алексѣева и многихъ другихъ, — „какъ прислугу" — нельзя. Именно поэтому Керенскій такъ страстно и ухватился за тотъ предлогъ къ увольненію Корнилова, который, какъ онъ думалъ, далъ ему В. Н. Львовъ. Именно поэтому онъ и не съумѣлъ отнестись къ сообщенію Львова и къ вытекавшему отсюда положенію объективно и спокойно. Съ своей стороны Корниловъ, какъ мы видѣли, уже 23-го, въ разговорѣ съ Савинковымъ, заявилъ категорически, что съ Керенскимъ, какъ съ человѣкомъ „нерѣшительнымъ и неискреннимъ", вмѣстѣ онъ больше работать не можетъ, что въ правительство онъ окончательно извѣрился, ибо они предпочитаютъ ему любимца совѣта, ген. Черемисова, который отвергаетъ его программу. Приходится сомнѣваться, былъ ли Корниловъ вполнѣ откровененъ съ Савин-

ковымъ, когда, въ концѣ того же разговора, принялъ видъ человѣка, вполнѣ успокоеннаго сообщеніями собесѣдника, и когда просилъ Савинкова передать Керенскому, что будетъ соблюдать вѣрность ему и правительству. Вѣрнѣе, повидимому, то, что онъ *все-таки*, не смотря на Савинковскія успокоенія, продолжалъ думать —или даже,какъ онъ выразился въ своемъ показаніи, *знать про себя* „что въ Петроградѣ предвидится замедленіе изданія Временнымъ Правительствомъ акта о распространеніи закона смертной казни на тылъ". Возможность такого „замедленія", вѣдь, естественно вытекала изъ психологіи Керенскаго, а Савинковъ вовсе не былъ такъ близокъ къ Керенскому, чтобы ручаться за его рѣшенія. Мы, дѣйствительно, видѣли, что въ то время, какъ Савинковъ увѣрялъ Корнилова, что его программа будетъ *немедленно* осуществлена, Некрасовъ не скрываетъ отъ печати, что, именно, по вопросу о немедленности—мнѣнія въ правительствѣ расходятся. И получивъ, вмѣсто ожидавшагося сообщенія—что программа проведена—приказъ объ отставкѣ, Корниловъ вывелъ единственное возможное для него заключеніе: „меня устраняютъ, какъ главнаго иниціатора программы": значитъ,правительство „отказывается отъ проведенія ее", и, слѣдовательно, оно „снова подпало подъ вліяніе безотвѣтственныхъ организацій". Если такъ, то остается дѣйствовать „открыто", т. е. „заставить" правительство почерпнуть необходимую силу для проведенія программы въ собственной реконструкціи, а для этого „произвести давленіе" на него путемъ „передвиженія" военной силы къ Петрограду. Рѣшаясь „выступить открыто" для „давленія" на правительство, Корниловъ едва ли соображалъ, какъ называется этотъ шагъ на языкѣ закона и подъ какую статью уголовнаго уложенія можно подвести его поступокъ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ рѣшенія Корнилова — не подчиниться приказанію Керенскаго, — было отдаленіе отъ него тѣхъ двухъ комиссаровъ, которые до этого момента работали вмѣстѣ съ нимъ: Филоненко и Савинкова. Оба пошли при этой неизбѣжной для нихъ перемѣнѣ позицій дальше. чѣмъ требовалось соображеніями личной безопасности. Но роль М. М. Филоненко была особенно двусмысленна. Вечеромъ, 26-го Августа, мы видѣли его въ сообществѣ Завойко и Аладьина — обсуждающимъ съ Корниловымъ проектъ переустройства правительства, въ которомъ Филоненко доставалось мѣсто въ совѣтѣ обороны, а обоимъ послѣднимъ — министерскіе посты. Днемъ, 27-го, кн. Трубецкой

засталъ въ ставкѣ слѣдующую сцену. Изъ кабинета вышли генералы Корниловъ и Лукомскій, причемъ послѣдній просилъ Корнилова предоставить ему возможность хоть нѣсколько минутъ переговорить съ нимъ наединѣ. Когда оба они ушли въ кабинетъ, оставались Филоненко, Аладьинъ и Завойко, причемъ послѣдній, выйдя оттуда, сообщилъ, что Филоненко только что просилъ арестовать его . . . Свою просьбу Филоненко объяснилъ тѣмъ, что, какъ представитель Временнаго Правительства, онъ долженъ быть на его сторонѣ, а, между тѣмъ, онъ всей душой сочувствуетъ Корнилову. „Я говорилъ по этому поводу съ Лукомскимъ", прибавляетъ кн. Трубецкой, „и спрашивалъ его, арестованъ-ли Филоненко. Лукомскій отвѣтилъ, что съ него взято честное слово не выѣзжать". Интересно сравнить съ этимъ разсказомъ объективнаго наблюдателя собственный разсказъ Филоненко журналистамъ (10-го Сентября, „Р. Слово"). „Наканунѣ своего выступленія Корниловъ объявилъ меня арестованнымъ. Я указалъ бывшему верховному главнокомандующему на ошибку, которую онъ совершаетъ, ибо, если бы я своевременно уѣхалъ въ Петроградъ, мною бы приложены были всѣ старанія къ улаженію конфликта . . . Корниловъ былъ неумолимъ. Я тогда же заявилъ, что не перенесу позора и застрѣлюсь. Корниловъ успокаивалъ меня, просилъ обождать одинъ день". И т. д. Надо прибавить къ этому, что М. М. Филоненко публично и въ печати заявлялъ неоднократно, что онъ „не считаетъ мятежнымъ шагомъ отказъ ген. Корнилова сложить полномочія". Открытое неповиновеніе ген. Корнилова началось, по мнѣнію Филоненко, съ того момента, какъ онъ арестовалъ комиссара Врем. Правительства („Рѣчь", 13-го Сентября), т. е. исполнилъ просьбу комиссара Филоненко!

Б. В. Савинковъ маневрировалъ гораздо искуснѣе. Мы видѣли, что уже въ своемъ первомъ разговорѣ по проводу, въ 4 часа, 27-го Августа, онъ успѣлъ въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей отгородиться отъ ген. Корнилова. Правда, еще въ 2 часа 40 мин., 27-го Августа, Корниловъ послалъ ему, по соглашенію, (см. выше) слѣдующую телеграмму, уже вытекавшую изъ его рѣшенія направить ген. Крымова на Петроградъ: „корпусъ сосредоточивается въ окрестностяхъ Петрограда къ вечеру, 28-го Августа. Я прошу объявить Петроградъ на военномъ положеніи 29-го Августа. № 6394, генералъ Корниловъ, подл. подп. Лукомскій, Романовскій". Но мы видѣли, что весь этотъ день и до

ранняго утра 28-го Августа Савинковъ еще стоялъ на точкѣ зрѣнія „недоразумѣнія“. Посылка къ Петрограду третьяго корпуса вытекала еще изъ предыдущихъ соглашеній. Савинкову нужно было только затушевать свое намѣреніе направить войска не только противъ большевиковъ, но и противъ совѣта. И въ своемъ интервью 13-го Сентября, онъ уже опредѣленно стоитъ на точкѣ зрѣнія, что „само по себѣ движеніе кавалеріи къ Петрограду до *27-го Августа* отнюдь не было направлено ни противъ Временнаго Правительства, ни противъ совѣта р. и с. д. Наоборотъ, движеніе коннаго корпуса въ Петроградъ было предпринято по приказу Врем. Правительства для защиты, какъ Врем. Правительства, такъ и совѣта, представителямъ которыхъ въ дни 3—5 Іюля грозила не меньшая опасность, чѣмъ министрамъ“. Предположеніе объявить Петроградъ на военномъ положеніи было, хотя и послѣ колебаній, также принято Керенскимъ.

„Недоразумѣніе кончилось и начинался мятежъ“ лишь съ того момента, когда „Корниловъ отвѣчалъ на телеграмму Керенскаго, что не считаетъ себя смѣщеннымъ и сохраняетъ за собой званіе верховнаго главнокомандующаго, задержалъ въ ставкѣ комиссара Врем. Правительства Филоненко и распорядился о немедленной отправкѣ со ст. Дно, по направленію къ Петрограду, кавалерійской туземной дивизіи, поставивъ во главѣ ея ген. Крымова“. Всѣ эти три дѣйствія совершились втеченіе дня 27-го Августа, хотя мы и не знаемъ точно, когда, именно, они стали извѣстны въ Петроградѣ. Повидимому, уже послѣ этого момента Савинковъ, съ разрѣшенія Керенскаго, имѣлъ второй разговоръ съ Корниловымъ по прямому проводу, который онъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ („Р. Вѣдомости“, 13-го Сентября). „Я объяснилъ ген. Корнилову, что все происшедшее, по моему глубокому убѣжденію, является недоразумѣніемъ и что для него есть сейчасъ одинъ выходъ: подчиниться рѣшенію министра-предсѣдателя, остановить движеніе войскъ на Петроградъ и пріѣхать немедленно въ Петроградъ, гдѣ инцидентъ долженъ быть освѣщенъ и разъясненъ. Въ отвѣтъ на это ген. Корниловъ заявилъ мнѣ, что онъ *больше не признаетъ Временное Правительство*. Отдавая себѣ полный отчетъ въ происшедшемъ и учитывая опасность, которая угрожала республикѣ и свободѣ, я принялъ постъ петроградскаго генералъ-губернатора, т. е. командующаго войсками, которыя

пришлось бы двигать противъ Корнилова". „Такимъ образомъ, мнѣ пришлось стать врагомъ того самого человѣка, котораго я считалъ человѣкомъ безукоризненной честности и любящимъ Россію, какъ немногіе ее любятъ, и къ которому я питалъ не только уваженіе, но и привязанность. Я сталъ врагомъ ген. Корнилова, какъ я сталъ бы врагомъ всякаго, кто пытался бы установить *личную диктатуру*, ибо я всю жизнь боролся за республику".

Послѣднія слова звучатъ неискренно; и уже полной капитуляціей передъ установившейся къ 28-му Августу оффиціальной терминологіей была прокламація Б. В. Савинкова въ его новомъ званіи генералъ-губернатора. „Граждане, въ грозный для отечества часъ, когда противникъ прорвалъ нашъ фронтъ и пала Рига, ген. Корниловъ поднялъ мятежъ противъ Временнаго Правительства и революціи и сталъ въ ряды ея враговъ. . . Со всякимъ, посягающимъ на завоеванія революціи, кто бы онъ ни былъ, будетъ поступлено, какъ съ измѣнникомъ".

Съ Корниловымъ оставались къ вечеру, 27-го Августа, только такіе люди, какъ Аладьинъ и Завойко. И какъ Некрасовъ въ Зимнемъ Дворцѣ, такъ эти люди въ ставкѣ, ночью на 28-е Августа, нашли возможнымъ и нужнымъ форсировать положеніе. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, окончательное рѣшеніе было принято втайнѣ отъ лицъ, имѣвшихъ ближайшее право въ немъ участвовать. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу кн. Г. П. Трубецкой. „28-го Августа, утромъ, я спросилъ Лукомскаго, настаивалъ ли онъ на томъ. чтобы всѣ вопросы рѣшались при его, какъ начальника штаба, участіи и не произошло ли за ночь какихъ либо новыхъ событій. На первый вопросъ опредѣленнаго отвѣта отъ генерала я не получилъ (отвѣтъ, конечно, былъ бы отрицательнымъ). На второй — кто-то изъ присутствовавшихъ отвѣтилъ что *была послана какая-то телеграмма*, которую, какъ оказалось, ни онъ, ни генералъ-квартирмейстеръ не читалъ. Мнѣ стало ясно, что разрывъ произошелъ. . . Уѣзжая изъ ставки, я въ вагонѣ получилъ распространявшійся тамъ приказъ № 1 и настолько былъ удивленъ имъ, что усомнился въ его подлинности. Мнѣ стало ясно, что случайно люди подсунули его ген. Корнилову, который, не продумавъ его глубоко, подписалъ".

Послѣдняя догадка кн. Трубецкого требуетъ одной лишь поправки. Не можетъ быть сомнѣнія, что „приказы", которыми ген. Корниловъ началъ свое „открытое выступленіе", не были „слу-

чайно подсунуты" въ эту самую ночь на 28-е Августа. Наоборотъ, они были заготовлены заблаговременно, въ ожиданіи событій, и, вѣроятно, неоднократно обсуждались въ томъ кругу довѣренныхъ людей, для котораго даже и ген. Лукомскій былъ человѣкомъ чужимъ и лишнимъ. На содержаніи приказовъ очень характерно отразилось политическое міросозерцаніе этого круга лицъ, включая и ген. Корнилова, которому принадлежитъ авторство, по крайней мѣрѣ, одного изъ приказовъ.

Приводимъ, прежде всего, цѣликомъ тотъ приказъ, на который ссылается кн. Трубецкой и который былъ, дѣйствительно, формальнымъ объявленіемъ войны Врем. Правительству. Вотъ содержаніе этого приказа, датированнаго 27-мъ Августа.

„Телеграмма министра-предсѣдателя за № 4163 во всей своей первой части является *сплошной ложью.* Не я послалъ члена Государственной Думы В. Н. Львова къ Временному Правительству, а онъ пріѣхалъ ко мнѣ, какъ посланецъ министра-предсѣдателя. Тому свидѣтель членъ Государственной Думы Алексѣй Аладьинъ. Такимъ образомъ, совершилась великая провокація, которая ставитъ на карту судьбу отечества. Русскіе люди, великая родина наша умираетъ. Близокъ часъ кончины. *Вынужденный выступить открыто.* — я, ген. Корниловъ, заявляю, что Врем. Правительство, подъ давленіемъ *большевистскаго большинства совѣтовъ, дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ планами германскаго генеральнаго штаба, убиваетъ армію и потрясаетъ страну внутри.*

Тяжелое сознаніе неминуемой гибели страны повелѣваетъ мнѣ въ эти грозныя минуты призвать всѣхъ русскихъ людей къ спасенію умирающей родины. Всѣ, у кого бьется въ груди русское сердце, всѣ, кто вѣритъ въ Бога, — въ храмы; молите Господа Бога объ явленіи величайшаго чуда, спасенія родимой земли. Я, генералъ Корниловъ, — сынъ казака крестьянина, заявляю всѣмъ и каждому, что мнѣ лично ничего не надо, кромѣ сохраненія великой Россіи, и *клянусь довести народъ — путемъ побѣды надъ врагомъ — до Учредительнаго Собранія,* на которомъ онъ самъ рѣшитъ свои судьбы и *выберетъ укладъ* своей новой государственной жизни. Предать же Россію въ руки ея исконнаго врага — германскаго племени и сдѣлать русскій народъ рабами нѣмцевъ, — я не въ силахъ и *предпочитаю умереть* на полѣ брани и чести, чтобы не видѣть позора и срама русской земли. Русскій народъ, въ твоихъ рукахъ жизнь твоей страны. Генералъ Корниловъ".

Это первое, по датѣ напечатанія, объявленіе генерала Корнилова не было первымъ по замыслу. Подготовляя свое выступленіе еще до появленія В. Н. Львова въ ставкѣ и до телеграммы Керенскаго за № 4163, Корниловъ, при содѣйствіи своихъ приближенныхъ, уже заготовилъ заранѣе обращеніе къ народу, казакамъ и крестьянамъ. Въ своемъ окончательномъ видѣ эти обращенія появились, однако, лишь 28-го Августа, — послѣ того, какъ ген. Корниловъ получилъ копію телеграммъ, адресованныхъ Керенскому и датированныхъ тѣмъ же днемъ, отъ главнокомандующихъ фронтами генераловъ: Клембовскаго, Балуева, Щербачева и Деникина. Клембовскій писалъ, что „не можетъ во имя преданности и любви къ родинѣ, принять должность верховнаго главнокомандующаго вмѣсто Корнилова, такъ какъ не чувствуетъ въ себѣ ни достаточныхъ силъ, ни достаточнаго умѣнія для столь отвѣтственной работы въ переживаемое тяжелое и трудное время", и „считаетъ перемѣну верховнаго главнокомандующаго крайне опасной, когда угроза внѣшняго врага цѣлости родины и свободѣ повелительно требуетъ скорѣйшаго проведенія мѣръ для поднятія дисциплины и боеспособности арміи". Балуевъ выражалъ полное согласіе съ Корниловымъ относительно мѣръ для поднятія боеспособности арміи, и заявлялъ, что — „считаетъ уходъ генерала Корнилова гибелью для арміи и Россіи", ибо „увольненіе его показываетъ, что проектированныя мѣры правительствомъ не принимаются", а мѣры эти безотлагательны и ген. Корниловъ есть „единственный человѣкъ въ Россіи, способный своей желѣзной волей водворить въ арміи порядокъ". Щербачевъ также признавалъ смѣну Корнилова „крайне опасной въ военномъ отношеніи". „Раздѣляя мѣры, предложенныя имъ для поднятія дисциплины," онъ считалъ своимъ долгомъ заявить, что „смѣна генерала Корнилова неминуемо гибельно отразится на арміи и защитѣ Россіи" и обращался къ патріотизму Керенскаго съ мольбой, „во имя спасенія родины сохранить армію отъ раскола". Деникинъ выражался еще прямѣе: „я солдатъ и не привыкъ играть въ прятки. . . Оставленіе свое на посту" послѣ своего рѣзкаго доклада 16-го Іюля, Деникинъ „понялъ, какъ сознаніе Временнымъ Правительствомъ своего тяжкаго грѣха передъ родиной и желаніе исправить содѣянное зло". Узнавъ о смѣнѣ Корнилова и „видя въ этомъ возвращеніе власти на путь планомѣрнаго разрушенія арміи и, слѣдовательно, гибели страны", Деникинъ „доводитъ до свѣдѣнія Временнаго Правительства, что по этому пути онъ съ нимъ не пойдетъ".

„Поддержанный въ своемъ рѣшенiи *всѣми* главнокомандующими фронтовъ“, Корниловъ объявилъ теперь въ своемъ „обращенiи къ народу“, что онъ рѣшился „не подчиниться приказанiю Врем. Правительства“ и „предпочитаетъ смерть устраненiю его отъ должности верховнаго“. „Будущее Россiи, заявлялъ Корниловъ, находится „въ слабыхъ, безвольныхъ рукахъ“. Въ минуты, когда подступы къ обѣимъ столицамъ почти открыты для побѣднаго шествiя торжествующаго врага, Врем. Правительство, забывая великiй вопросъ самого независимаго существованiя страны, кидаетъ въ народъ призрачный страхъ контръ-революцiи, которую оно само своимъ неумѣнiемъ къ управленiю, своей слабостью во власти, своей нерѣшительностью въ дѣйствiяхъ вызываетъ къ скорѣйшему воплощенiю“. Вслѣдствiе слабости правительства, „надменный врагъ, посредствомъ подкупа и предательства распоряжавшiйся у насъ въ странѣ, какъ у себя дома, несетъ гибель не только свободѣ, но и существованiю народа русскаго“. Однако, внѣ всякаго соотвѣтствiя съ тяжестью этихъ обвиненiй — почти въ сознательномъ предательствѣ — Корниловъ, „избѣгая всякихъ потрясенiй, предупреждая пролитiе русской крови въ междуусобной брани и забывая всѣ обиды и оскорбленiя“, обращался къ Временному Правительству съ торжественнымъ приглашенiемъ: . . . „прiѣзжайте ко мнѣ въ ставку, и совмѣстно со мной выработайте и образуйте такого рода составъ правительства народной обороны, который, обезпечивая побѣду, повелъ бы народъ русскiй къ великому будущему“.

Въ воззванiи къ казакамъ, датированномъ тѣмъ же 28-мъ Августомъ, послѣ напоминанiя о доблести казаковъ, Корниловъ „обвинялъ Временное Правительство въ нерѣшительности дѣйствiй, въ неумѣнiи и неспособности управлять, въ допущенiи нѣмцевъ къ полному хозяйничанью внутри нашей страны, о чемъ свидѣтельствуетъ взрывъ въ Казани, гдѣ взорвалось около миллiона снарядовъ и погибло 12 тысячъ пулеметовъ“. Болѣе того, онъ обвинялъ нѣкоторыхъ членовъ правительства въ прямомъ предательствѣ родины и тому приводилъ доказательство: „когда я былъ на засѣданiи Врем. Правительства въ Зимнемъ Дворцѣ 3-го Августа, министръ Керенскiй и Савинковъ сказали мнѣ, что нельзя всего говорить, такъ какъ среди министровъ есть люди невѣрные (см. выше)“. Поэтому, заявлялъ Корниловъ, „когда вчера Временное Правительство, въ угоду врагамъ, потребовало отъ меня оставленiя должности верховнаго главнокомандующаго,

я, какъ казакъ, по долгу совѣсти и чести, вынужденъ былъ отказаться отъ исполненія этого требованія, предпочитая смерть на полѣ брани — позору и предательству родины". Казакамъ онъ напоминалъ, — очевидно, имѣя въ виду свои предварительныя бесѣды съ ихъ представителями, прежде всего, съ Калединымъ: *„вы обѣщали стать вмѣстѣ со мной на спасеніе родины, когда я найду это нужнымъ"*. „Часъ пробилъ, . . . идите же за мной".

Въ числѣ заготовленныхъ заранѣе воззваній было и воззваніе къ крестьянамъ съ обѣщаніями аграрной реформы. Но въ числѣ *изданныхъ* документовъ, мнѣ таковой неизвѣстенъ. Чтобы исчерпать ихъ политическое содержаніе, слѣдуетъ остановиться еще на обширномъ приказѣ № 897, отъ того же 28-го Августа. Въ немъ ген. Корниловъ излагаетъ со своей точки зрѣнія фактическую исторію своего отложенія отъ Врем. Правительства. Документъ этотъ имѣетъ всю цѣну показанія передъ слѣдственной комиссіей и, въ своей прямотѣ и откровенности не останавливается ни передъ какими признаніями. Ген. Корниловъ открыто признаетъ здѣсь, что его намѣреніе созрѣло у него и что соотвѣтственныя мѣры были имъ приняты *до* пріѣзда въ ставку Савинкова и В. Н. Львова. Онъ начинаетъ свою исторію съ своего требованія о введеніи смертной казни и съ своихъ предложеній, „принципіально одобренныхъ" правительствомъ и повторенныхъ имъ въ засѣданіи Гос. Совѣщанія 14-го Августа. Корниловъ затѣмъ продолжаетъ: „время было дорого, каждый потерянный день грозилъ роковыми послѣдствіями, а между тѣмъ, Временное Правительство, съ одной стороны, не рѣшалось осуществить мои предложенія, а съ другой, — допускало даже опредѣленную критику ихъ газетами и различными организаціями. Одновременно, въ цѣляхъ окончательнаго разложенія арміи, была начата и травля высшаго командного состава. Въ то же время, по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ въ Петроградѣ готовилось вооруженное выступленіе большевиковъ. Имѣлись опредѣленныя указанія на то, что они намѣреваются захватить власть въ свои руки, хотя на нѣсколько дней, и, объявивъ перемиріе, сдѣлать рѣшительный и непоправимый шагъ къ заключенію позорнаго сепаратнаго мира, а, слѣдовательно, погубить Россію. Что подобное намѣреніе со стороны большевиковъ и нѣкоторыхъ безотвѣтственныхъ организацій являлось вполнѣ вѣроятнымъ, подтверждается и тѣмъ, что въ составѣ ихъ, какъ то съ несомнѣнностью доказано, имѣется большое число предателей и шпіоновъ, работающихъ въ пользу Германіи на нѣмецкія же

деньги. Видя безсиліе Врем. Правительства и отсутствіе у него рѣшимости принять энергичныя мѣры противъ лицъ и организацій, опредѣленно ведущихъ къ гибели Россію, и дабы предотвратить катастрофу, *я рѣшилъ подтянуть къ Петрограду четыре кавалерійскихъ дивизіи* съ тѣмъ, что если выступленіе большевиковъ дѣйствительно послѣдуетъ, то оно будетъ подавлено самыми рѣшительными и крутыми мѣрами. Съ преступной работой измѣнниковъ тыла надо было покончить разъ навсегда. *Рѣшаясь на это*, я лично не преслѣдовалъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ и не желалъ принимать на себя всю тяжесть единоличной отвѣтственности по управленію страной. Я хотѣлъ, въ согласіи съ цѣлымъ рядомъ лицъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ, и съ цѣлымъ рядомъ общественныхъ организацій, стремящихся къ спасенію Россіи, — дать, при помощи этихъ же видныхъ общественныхъ дѣятелей, сильную власть родинѣ, способную спасти ее отъ гибели и позора. *Я лишь считалъ необходимымъ вступленіе мое, верховнаго главнокомандующаго, въ составъ новаго правительства. Выступленіе большевиковъ въ Петроградѣ намѣчалось на 28—29 Августа, а къ 24-му числу въ Псковѣ, Великихъ Лукахъ и на ст. Дно уже было сосредоточено три кавалерійскихъ дивизіи*".

Все это было до неожиданной миссіи В. Н. Львова, къ которой и переходитъ Корниловъ въ дальнѣйшемъ своемъ разсказѣ. Какъ видимъ, приказъ № 897 прямо признаетъ „заранѣе обдуманное намѣреніе", съ которымъ Корниловъ готовилъ преобразованіе Временнаго Правительства въ цѣляхъ созданія „сильной власти". Свои мотивы Корниловъ еще подробнѣе, чѣмъ это сдѣлано въ приведенномъ приказѣ, изложилъ въ особомъ приказѣ № 900, датированномъ 29-мъ Августа. Вотъ относящаяся сюда часть этого приказа:

„Мнѣ извѣстно изъ фактическихъ письменныхъ данныхъ, донесеній контръ-развѣдки, перехваченныхъ телеграммъ и личныхъ наблюденій слѣдующее:

1) Взрывъ въ Казани, гдѣ (и т. д., ср. выше)..., произошелъ при несомнѣнномъ участіи германскихъ агентовъ.

2) На организацію разрухи рудниковъ и заводовъ Донецкаго бассейна и юга Россіи Германіей истрачено милліоны рублей.

3) Контръ-развѣдка изъ Германіи доноситъ:

а) намѣчается одновременный ударъ на всемъ фронтѣ, съ цѣлью заставить дрогнуть и бѣжать нашу развалившуюся армію.

б) подготовлено возстаніе въ Финляндіи.

в) предполагаются взрывы мостовъ на Днѣпрѣ и Волгѣ.

г) организуется возстаніе большевиковъ въ Петроградѣ.

4) (Передается эпизодъ 3-го Августа въ Зимнемъ Дворцѣ, разсказанный выше).

5) Я имѣю основаніе также подозрѣвать измѣну и предательство въ составѣ различныхъ безотвѣтственныхъ организацій, работающихъ на нѣмецкія деньги и вліяющихъ на работу правительства".

Если въ мотивировкѣ отдѣльныхъ пунктовъ обвиненія тутъ и можно усмотрѣть излишнюю прямолинейность и бездоказательность, то противъ общаго смысла ихъ возражать совершенно невозможно. Несомнѣнно, Корниловъ имѣлъ основаніе утверждать и то, что данный составъ правительства съ указанными имъ гибельными для Россіи явленіями бороться не можетъ.

Разсказъ Корнилова въ приказѣ № 897 о пріѣздѣ Савинкова вполнѣ совпадаетъ съ нашимъ изложеніемъ. Слѣдуетъ отмѣтить лишь, что тутъ еще разъ Корниловъ опредѣленно подчеркиваетъ, что его собственныя рѣшенія сложились ранѣе. „Пожеланіе Врем. Правительства, переданное мнѣ черезъ Савинкова", говоритъ онъ (сосредоточеніе *одного* кавалерійскаго корпуса подъ Петроградомъ) „*вполнѣ соотвѣтствовало принятому уже рѣшенію*".

Въ дальнѣйшемъ Корниловъ утверждаетъ, что до вечера 26-го Августа изъ заявленій Львова и изъ телефонныхъ разговоровъ съ Савинковымъ и Керенскимъ, обѣщавшимъ выѣхать въ ставку 27-го, онъ имѣлъ полное основаніе заключить, что его „дѣйствія и рѣшенія шли въ полномъ согласіи съ Временнымъ Правительствомъ", которое само предложило ему, устами Львова, взять диктаторскую власть. Только приказъ, полученный утромъ 27-го, — сдать должность и немедленно ѣхать въ Петроградъ убѣдилъ его, что тутъ ведется „двойная игра". Изъ телефонныхъ разговоровъ 27-го онъ убѣдился, что Керенскій и Савинковъ „не только отказываются отъ сдѣланныхъ предложеній, но даже отрицаютъ самый фактъ таковыхъ". Въ такомъ положеніи Корниловъ принялъ окончательное рѣшеніе, о которомъ и сообщаетъ въ такихъ выраженіяхъ: „принимая во вниманіе, что при сложившейся обстановкѣ дальнѣйшія колебанія смертельно опасны и что *предварительно отданныя распоряженія отмѣнять уже поздно*, я, сознавая всю тяжесть отвѣтственности, рѣшилъ не сдавать должности верх. главнокомандующаго". Въ сокращенномъ изложеніи приказа № 900 Корниловъ выражается еще энергичнѣе. Посылку къ нему

Львова онъ называетъ „исторической провокаціей", и дѣлаетъ изъ нея выводъ, „что безотвѣтственное вліяніе взяло верхъ въ Петроградѣ и родина подведена къ краю гибели". „Въ такія минуты" не разсуждаютъ прибавляетъ онъ „не разсуждаютъ, а дѣйствуютъ".

Итакъ, къ утру 28-го Августа разрывъ между правительствомъ и главнокомандующимъ сталъ совершившимся фактомъ. Картина настроенія этого дня будетъ понятнѣе, если мы приведемъ здѣсь хронику событій, основанную на сообщеніяхъ „Р. Слова".

11 часовъ утра. „Въ кругахъ Временнаго Правительства положеніе признается критическимъ. Министры не скрываютъ, что наступленіе ген. Корнилова можетъ быть ликвидировано только силой оружія".

Послѣ утренняго совѣщанія министровъ-соціалистовъ. Некрасовъ заявляетъ журналистамъ: „положеніе крайне серьезно. Возможность предполагаемаго соглашенія отпала. Мы, Времен. Правительство, съ ген. Корниловымъ находимся сейчасъ въ положеніи воюющихъ сторонъ. Вопросъ о власти будетъ рѣшенъ штыками".

12 1/2 часовъ дня. „Правительство получило свѣдѣнія, что отрядъ, присланный ген. Корниловымъ, сосредоточился вблизи Луги". „Кровопролитіе неизбѣжно", взволнованно заявилъ Некрасовъ иностраннымъ журналистамъ.

2 1/2 *часа дня.* „Получены свѣдѣнія, что черезъ ст. „Оредежъ" прослѣдовало девять новыхъ поѣздовъ съ войсками Корнилова. Въ головномъ поѣздѣ находится желѣзнодорожный батальонъ. Авангардъ этихъ войскъ продвинулся до ст. „Семрино". Желѣзнодорожная часть и саперы разрушили баррикады, сооруженныя на полотнѣ, по приказу Времен. Правительства. Часть войскъ ген. Корнилова, какъ выясняется, прослѣдовали на сѣв.-зап. дорогу, другая движется по Московско-Виднаво-Рыбинской ж. д. Головной поѣздъ ген. Корнилова прошелъ „Вырицу" (56 верстъ отъ Петрограда). Принимаются мѣры для исправленія испорченнаго (по распоряженію Некрасова) пути на ст. „Семрино" (44 версты.) Ожидается, что съ прибытіемъ послѣдующихъ поѣздовъ, которые уже подходятъ къ „Оредежу" (121 верста), кавалерійскія части пойдутъ къ Петрограду по шоссе.

3 часа дня. — „По телефону изъ Луги получено сообщеніе, что лужскій гарнизонъ сдался войскамъ ген. Корнилова и выдалъ

все оружіе. Станція и всѣ правительственныя зданія Луги заняты войсками Корнилова.

6 часовъ вечера. „Войска ген. Корнилова прошли Лугу и по шоссе направляются къ ст. Тосно. Повидимому, войска ген. Корнилова пытаются окружить Петроградъ со всѣхъ сторонъ".

9 часовъ вечера. „Покидая засѣданіе, члены кабинета дѣлились впечатлѣніями. Общее настроеніе бодрое, но отнюдь не оптимистическое. Члены кабинета вполнѣ единодушно сходятся въ томъ, что создавшаяся обстановка *можетъ дать временный успѣхъ* ген. Корнилову и, что въ связи съ этимъ *не исключена возможность занятія Петрограда*".

11 часовъ вечера. „Времен. Правительству доложили, что два эшелона корниловскихъ войскъ прорвались изъ Нарвы и находятся въ полуверстѣ отъ Гатчины. Два другіе эшелона на пути къ Гатчинѣ.

11½ часовъ вечера. „Правительственныя войска вошли въ соприкосновеніе съ войсками ген. Корнилова на ст. „Антропшино" Моск.-Виндаво-Рыб. ж. д. Съ минуты на минуту ожидается начало боя".

2 часа ночи. „Въ штабъ округа поступило донесеніе, что у ст. „Антропшино" начался бой между правительственными и Корниловскими войсками. Съ обѣихъ сторонъ есть убитые и раненые.

Мы видѣли, что Корниловъ началъ движеніе, получивъ предварительно опредѣленныя заявленія командующихъ фронтами объ ихъ солидарности съ нимъ. Дѣйствительно, ночью на 28-е правительству стало ясно, что ген. Клембовскій, которому Керенскій передавалъ верховное командованіе, не склоненъ принять его. „Воспользовавшись предоставленными ему полномочіями, онъ распорядился по линіямъ желѣзныхъ дорогъ немедленно возобновить переброску войскъ ген. Корнилова, „остановленную распоряженіемъ Некрасова („Р. Слово"). Утромъ, 28-го, Керенскій получилъ приведенныя выше телеграммы Клембовскаго, Балуева, Щербачева, и Деникина. Въ часъ ночи стало извѣстно (потомъ это сообщеніе, переданное газетамъ черезъ бюро печати при Времен. Правительствѣ, оказалось не вѣрнымъ), что отъ ген. Каледина поступила на имя Керенскаго телеграмма, въ которой первый выборный атаманъ Донского войска предлагалъ Временному Правительству принять условія, выставленныя Корниловымъ, причемъ заявлялъ, что въ случаѣ отрицательнаго рѣшенія онъ отрѣжетъ Москву отъ снабжающаго ее юга.

Общее впечатлѣніе всѣхъ приведенныхъ извѣстій на правительство и на наиболѣе освѣдомленные круги столичнаго общества было самое удручающее. Втеченіе дня впечатлѣніе это постепенно сгущалось, дойдя къ срединѣ дня до состоянія полной паники. Успѣхъ Корнилова въ этотъ моментъ казался несомнѣннымъ. Однимъ изъ наиболѣе увѣренныхъ въ немъ оказался Н. В. Некрасовъ, сообщившій своимъ друзьямъ, что дѣло окончательно проиграно и остается только честно умереть, ибо сопротивленіе безполезно. Нѣкоторые видные вожди совѣта р. и с. д. предчувствуя свою участь въ случаѣ побѣды Корнилова, спѣшили уже приготовить себѣ заграничные паспорта. Паническое настроеніе быстро распространилось и въ столицѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ масса преувеличенныхъ слуховъ, въ свою очередь усиливавшихъ подавленное настроеніе руководящихъ круговъ.

Мысль о посредничествѣ, какъ о единственномъ средствѣ во-время остановить придвинувшуюся вплотную гражданскую войну, въ этой обстановкѣ рождалась сама собой. Еще наканунѣ, 27-го, мысль эта приняла форму резолюціи въ совѣтѣ союза казачьихъ войскъ. Настроеніе казаковъ больше всего склоняло ихъ къ нейтралитету между борющимися сторонами и дѣлало изъ нихъ естественныхъ посредниковъ. „Мы будемъ помогать Россіи, пока будетъ надежда спасти ее: а когда мы эту надежду потеряемъ, то мы всѣ уйдемъ на Донъ и отгородимся отъ Россіи таможенной чертой". Вотъ мысли, которыя давно уже бродили въ головахъ руководителей казачества. Въ эти дни онѣ приняли видъ слуха, будто атаманъ Калединъ отзываетъ всѣ казачьи войска на Донъ и хочетъ отрѣзать Донъ отъ остальной России. Въ 11 часовъ вечера, 27-го Августа, союзъ казачьихъ войскъ, выслушавъ докладъ сочленовъ Грекова и Авдѣева, вызванныхъ къ главнокомандующему округомъ, „обсудилъ создавшееся положеніе", и призналъ „своимъ гражданскимъ долгомъ принять возможныя мѣры къ предотвращенію гражданской войны", а „если этотъ конфликтъ не будетъ безотлагательно ликвидированъ, ... командировать къ Временному Правительству для предложенія услугъ совѣта по принятію необходимыхъ мѣръ къ ликвидаціи конфликта... и для предотвращенія братоубійственнаго столкновенія М. А. Караулова (члена Г. Думы и атамана терскаго войска), полковника А. И. Дутова и А. И. Еникѣева.

Во время бесѣды съ казачьей делегаціей, Керенскій потребовалъ отъ казаковъ письменнаго отказа отъ насильственнаго про-

веденія въ жизнь резолюціи совѣта казачьихъ войскъ о несмѣняемости Корнилова, какъ бы подчеркивая этимъ, что лишь при этомъ условіи будетъ считать казаковъ нейтральными въ завязавшемся столкновеніи. Делегаты, однако, отказались выдать такой документъ. Они предложили съ своей стороны поѣхать къ Корнилову, чтобы убѣдить его отказаться отъ гражданской войны. Если Корниловъ не послушаетъ ихъ, то въ такомъ случаѣ, они призовутъ все казачество стать на сторону Временнаго Правительства. Совѣтъ союза одобрилъ этотъ планъ, и Керенскій согласился; ночью, на 28-го Августа, казаки получили отъ Савинкова письменный пропускъ въ ставку. Но днемъ, 28-го, Керенскій взялъ свое разрѣшеніе обратно*). Совѣтъ союза призналъ въ отказѣ „актъ недовѣрія къ казакамъ, которыхъ правительство подозрѣваетъ, повидимому, въ симпатіяхъ къ Корнилову", и въ новой резолюціи постановилъ „выразить свое глубокое сожалѣніе по этому поводу и *сложить съ совѣта всякую отвѣтственность за дальнѣйшее развитіе конфликта*".

Послѣ полудня у друзей Керенскаго возникъ новый планъ. В. В. Вырубовъ обратился къ находившемуся въ Зимнемъ Дворцѣ, въ квартирѣ Ф. А. Головина, П. Н. Милюкову и предложилъ ему устроить свиданіе съ Керенскимъ для обсужденія возможности посредничества. П. Н. Милюковъ согласился. Рѣшено было просить и генерала М. В. Алексѣева, находившагося въ Зимнемъ Дворцѣ, принять участіе въ бесѣдѣ. Керенскій принялъ Милюкова и ген. Алексѣева у себя въ кабинетѣ. П. Н. Милюковъ сообщилъ ему, что получивъ за день передъ тѣмъ приглашеніе отъ Корнилова ѣхать въ ставку, онъ въ этомъ усматриваетъ формальное основаніе поѣхать въ ставку, если бы его посредничество оказалось нужнымъ. Керенскій рѣзко отвѣтилъ на это, что Корнилова онъ можетъ разсматривать только, какъ мятежника, съ которымъ не можетъ быть никакихъ разговоровъ, что долгъ общественныхъ дѣятелей публично осудить Корнилова, какъ они осудили большевиковъ въ дни 3—5 Іюля, и что партія народной свободы должна бы уже, взвѣсивъ на чьей сторонѣ сила, окончательно встать на ту или другую сторону. Не отвѣчая на оскорбительный тонъ намековъ Керенскаго, П. Н. Милюковъ лишь подчеркнулъ, что

---

*) Керенскій мотивировалъ этотъ отказъ тѣмъ, что „при создавшихся условіяхъ никакихъ посредничествъ, никакихъ поѣздокъ для урегулированія не можетъ быть, такъ какъ вопросъ перешелъ совершенно въ другую стадію" (Стр. 149).

ведетъ этотъ разговоръ не для личнаго удовольствія и не для взаимныхъ попрековъ. Онъ указалъ затѣмъ, что на точку зрѣнія учета силъ по необходимости приходится стать не партіи, а самому правительству, и посовѣтовалъ Керенскому отказаться отъ строго-формальной точки зрѣнія нарушеннаго закона. При всемъ формальномъ сходствѣ между 3—5 Іюля и движеніемъ Корнилова, говорилъ далѣе П. Н. Милюковъ, между ними имѣется та существенная разница, что мятежъ большевиковъ грозилъ воцареніемъ полной анархіи, тогда какъ планы Корнилова имѣютъ цѣлью спасти Россію отъ окончательнаго распада. Именно поэтому онъ лично не склоненъ выступать съ формальнымъ осужденіемъ Корнилова. Совершенно неожиданно, Керенскій заявилъ тогда: „я не могу лично вести переговоры съ Корниловымъ, но если какая-нибудь группа общественныхъ дѣятелей считаетъ, что она имѣетъ за собою силу, въ такомъ случаѣ я готовъ уступить этимъ лицамъ власть, — и пусть уже тогда *они* ведутъ переговоры съ Корниловымъ". Принимая это за обычный пріемъ Керенскаго — кажущейся уступкой проникнуть глубже въ мысль собесѣдника, въ которомъ онъ подозрѣваетъ врага, П. Н. Милюковъ отвѣтилъ, что онъ не имѣлъ въ виду этого способа выхода изъ труднаго положенія. Однако, втеченіе дальнѣйшей бесѣды Керенскій еще разъ вернулся къ своему предложенію.*) Допуская возможность, что оно не случайное,

*) Въ комментаріяхъ къ своимъ показаніямъ („дѣло Корнилова", стр. 142—145) Керенскій умалчиваетъ объ этой части нашей бесѣды и излагаетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Милюковъ явился ко мнѣ съ предложеніемъ посредничества и съ заявленіемъ, что вся реальная сила на сторонѣ Корнилова"... Приведя затѣмъ показаніе ген. Алексѣева объ этомъ свиданіи, Керенскій продолжаетъ: „я долженъ сказать, что тогда у меня въ кабинетѣ ген. Алексѣевъ все время молчалъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ о положеніи фронта при создавшемся безначаліи, и для меня даже было не совсѣмъ ясно, зачѣмъ онъ присутствовалъ при объясненіи моемъ съ М. Во всякомъ случаѣ, въ 3 часа дня, 28-го Августа, мнѣ и въ голову не приходило, что передо мною сидятъ не только единомышленники, но еще единомышленники, являющіеся ко мнѣ съ нѣкотораго собранія, какъ я потомъ узналъ (изъ изложенія въ текстѣ видно, что надо разумѣть подъ этими таинственными намеками). Едва ли нужно говорить, что на ту мотивировку необходимости продолжать переговоры, которая изложена въ показаніи ген. Алексѣева, въ разговорѣ со мною Милюковъ ни разу даже не намекнулъ, ибо, если бы это случилось, то ему... не пришлось бы свою бесѣду довести до конца (вѣроятно К. разумѣетъ тутъ слова Алексѣева: „такъ какъ представлялось весьма вѣроятнымъ, что въ этомъ дѣлѣ ген. Корниловъ дѣйствовалъ по соглашенію съ нѣкоторыми членами Врем. Правительства и, что только послѣдніе дни 26—28 Августа это соглашеніе было нарушено или народилось какое-то недоразумѣніе"). Милюковъ аргументировалъ интересами государства, патріотичностью мотивовъ выступленія ген. Корнилова, заблуждающагося только въ средствахъ и, наконецъ какъ ultima ratio, онъ привелъ мнѣ рѣшающій, по его мнѣнію, и реальнѣйшій доводъ—вся реальная

П. Н. Милюковъ, по окончаніи бесѣды, передалъ о предложеніи Керенскаго своимъ политическимъ друзьямъ въ Зимнемъ Дворцѣ и указалъ на ген. Алексѣева, какъ на такого замѣстителя Керенскаго, противъ котораго ген. Корниловъ бороться не будетъ. Когда эта идея была передана Керенскому, онъ возразилъ, что генералъ Алексѣевъ все время молчалъ при бесѣдѣ и что онъ, навѣрное, не приметъ кандидатуры. Чтобы устранить возможность такого возраженія, П. Н. Милюковъ тотчасъ же (это было около 6 час.) взялъ автомобилъ и съѣздилъ къ генералу Алексѣеву, помѣщавшемуся въ отдѣльномъ вагонѣ, на царскосельскомъ вокзалѣ. Ген. Алексѣевъ далъ свое согласіе, причемъ обмѣнялся мыслями съ П. Н. Милюковымъ относительно способа улаженія дѣла съ ген. Корниловымъ. Съ этими свѣдѣніями П. Н. Милюковъ вернулся въ квартиру Ф. А. Головина, въ которой тогда квартировалъ и Ф. Ф. Кокошкинъ.

Какъ разъ въ это время начиналось засѣданіе бывшихъ министровъ, — на этотъ разъ въ полномъ составѣ, вмѣстѣ съ окончательно ушедшими членами партіи народной свободы. Только-что пріѣхавшій изъ Москвы по вызову Керенскаго Н. М. Кишкинъ прошелъ прямо на засѣданіе, но П. Н. Милюковъ пере-

---

сила на сторонѣ Корилова (въ дѣйствительности, я вовсе не былъ увѣренъ въ успѣхѣ Корнилова и лишь вернулъ Керенскому его доводъ, иронически направленный къ партіи народной свободы). На это, помню, я ему отвѣтилъ, что я предпочитаю погибнуть, но аргументу силы права не подчиню (это было очень эффектно, но этого не было сказано, также, какъ и послѣдующаго); что меня удивляетъ, какъ можно являться (я явился къ К. съ его согласія и считалъ его предварительно освѣдомленнымъ о цѣли бесѣды) съ предложеніемъ переговоровъ ко мнѣ, министру-предсѣдателю послѣ того, какъ ген. Корниловъ осмѣлился объявить членовъ Врем. Правительства агентами германскаго штаба (текстъ воззванія Корнилова мнѣ былъ тогда неизвѣстенъ) . . . Да, я былъ страшно взбѣшенъ; я страшно возмутился (бесѣда велась въ самомъ сдержанномъ тонѣ съ обѣихъ сторонъ), что Милюковъ совершенно не реагируетъ на этотъ болѣе, чѣмъ недопустимый выпадъ Корнилова (повторяю, объ этомъ вовсе не было рѣчи), хотя во Врем. Правительствѣ сидятъ его ближайшіе политическіе друзья (смотрѣвшіе, впрочемъ, на Чернова приблизительно такъ же, какъ и Корниловъ) . . . Помню также, какъ во время этого разговора, когда я указывалъ Милюкову, что мое отношеніе къ выступленію Корнилова не можетъ быть инымъ, чѣмъ отношеніе мое въ Іюлѣ къ большевикамъ, что съ точки зрѣнія государственной власти тогда и теперь положеніе совершенно одинаково, что правительство стоитъ передъ такой же попыткой насильственнаго захвата власти и т. д. помню, какъ Милюковъ *изъ разницы мотивовъ преступленія —разницы мотивовъ не отрицалъ*, и не отрицаю и я,—приходилъ къ требованію различнаго отношенія власти и къ самому преступленію (ср, то, что въ той же книгѣ — напр. стр. 184 — Керенскій говоритъ о неудобствѣ „по многимъ соображеніямъ, изслѣдованій въ сторону“ прикосновенности казачьихъ войскъ къ возстанію, чтобы „не создавать новыхъ поводовъ для розни“). Передо мною былъ Іюльскій Мартовъ на изнанку“.

слалъ ему записку о своихъ сношеніяхъ съ ген. Алексѣевымъ. Объ этомъ былъ подробно освѣдомленъ и Ф. Ф. Кокошкинъ.

Вернувшись поздно ночью съ засѣданія, Кокошкинъ и Кишкинъ сообщили о немъ приблизительно тѣ же свѣдѣнія, которыя были потомъ изложены Ф. Ф. Кокошкинымъ въ „Р. Вѣдомостяхъ" (1-го Сентября).

„Во время этого совѣщанія были получены особенно тревожныя свѣдѣнія относительно продвиженія Корниловскихъ войскъ. Въ связи съ этимъ были высказаны различныя предположенія о томъ, какъ надлежало бы построить въ такихъ обстоятельствахъ правительственную власть. С. Н. Прокоповичемъ была высказана мысль о созданіи директоріи. Была далѣе высказана тутъ — и встрѣчена сочувствіемъ и правой, и лѣвой части кабинета — мысль о включеніи въ составъ директоріи генерала Алексѣева. Съ этого момента имя генерала Алексѣева называлось уже при всякаго рода комбинаціяхъ реорганизаціи власти, и онъ намѣчался на различные посты. Ф. Ф. Кокошкинымъ была высказана мысль о томъ, чтобы въ настоящихъ тягостныхъ условіяхъ. ген. Алексѣевъ былъ поставленъ во главѣ правительства. Одинъ изъ министровъ-соціалистовъ высказалъ мнѣніе, что можетъ быть, надлежитъ вступить въ переговоры съ ген. Корниловымъ для предупрежденія гражданской войны. Были голоса и за то, что представлялось бы цѣлесообразнымъ, чтобы А. Ф. Керенскій въ такихъ условіяхъ сложилъ съ себя власть. Одинъ изъ министровъ признавалъ положеніе безвыходнымъ, такъ какъ черезъ нѣсколько часовъ Корниловскія войска, вѣроятно, уже будутъ въ Петроградѣ. Никакого опредѣленнаго рѣшенія въ этомъ совѣщаніи (вѣдь, это было „частное" совѣщаніе отставныхъ министровъ) принято не было. Къ сообщенному здѣсь, Ф. Ф. Кокошкинъ, въ разговорѣ со мной прибавлялъ и другія интересныя черты о вечернемъ засѣданіи 28-го Августа. Предложеніе объ уступкѣ власти кому-либо другому сдѣлано было самимъ Керенскимъ съ прямой ссылкой на его бесѣду съ П. Н. Милюковымъ. Открытыхъ сторонниковъ сохраненія имъ власти въ засѣданіи не оказалось.

Напротивъ, рядъ министровъ высказался въ пользу его ухода. А. С. Зарудный подвергъ при этомъ весьма рѣзкой критикѣ все поведеніе Керенскаго въ дѣлѣ Корнилова. Какъ кажется, именно, онъ закончилъ предложеніемъ войти въ переговоры съ Корниловымъ. Мнѣніе о безвыходности положенія принадлежала Н. В. Некрасову. Вѣроятно, въ этомъ же засѣданіи и Терещенко высказалъ мнѣніе, о которомъ вспоминаетъ Керенскій въ своихъ

показаніяхъ (стр. 152): „это дѣло надо ликвидировать такъ, чтобы обоихъ *за штатъ отправить* и Керенскаго и Корнилова, удовлетворивъ обѣ стороны взаимнымъ жертвоприношеніемъ“. Кандидатура ген. Алексѣева въ премьеры поддерживалась нѣсколькими членами бывшаго кабинета, и у Ф. Ф. Кокошкина осталось впечатлѣніе, что, если бы состоялось голосованіе, то за Алексѣева могло бы оказаться въ этомъ совѣщаніи большинство голосовъ... Но тутъ „частное совѣщаніе“ было прервано. А. Ф. Керенскій спросилъ послѣ него мнѣніе Некрасова, обѣщавшаго лишь двое сутокъ тому назадъ идти съ нимъ „до конца“ и форсировавшаго положеніе, приведшее къ гражданской войнѣ. Увы, самая поза Некрасова свидѣтельствовала о его душевномъ состояніи... Онъ лежалъ на диванѣ и угрюмо молчалъ. Принужденный отвѣчать опредѣленно, онъ присоединился къ тѣмъ, кто совѣтовалъ Керенскому уйти.

Этотъ моментъ былъ концомъ дружбы и министерской карьеры члена „тріумвирата“. Керенскій колебался не долго. Въ сосѣдней комнатѣ его ждала депутація отъ совѣта р. и с. д. и здѣсь, по крайней мѣрѣ, онъ могъ быть увѣренъ, что ему не посовѣтуютъ ни вступить въ переговоры съ ген. Корниловымъ, ни уступить свое мѣсто для этой цѣли ген. Алексѣеву. Еще разъ вкусъ ко власти взялъ верхъ надъ требованіями, повелительно диктовавшимися интересами Россіи...

Раньше, чѣмъ закончился этотъ день, была сдѣлана и еще одна — третья и послѣдняя — попытка посредничества, но уже совершенно безнадежная. Попытка эта принадлежала представителямъ союзныхъ державъ. Поздно вечеромъ, 28-го Августа, сэръ Джоржъ Бьюкененъ вручилъ М. И. Терещенко слѣдующую декларацію. „Представители союзныхъ державъ собрались подъ предсѣдательствомъ сэра Джоржа Бьюкенена для обсужденія положенія, создавшагося въ связи съ конфликтомъ между Временнымъ Правительствомъ и ген. Корниловымъ. Въ сознаніи своего долга оставаться на своемъ посту для оказанія, въ случаѣ надобности, защиты своимъ соотечественникамъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаютъ своей важнѣйшей задачей необходимое *поддержаніе единства всѣхъ силъ Россіи въ цѣляхъ побѣдоноснаго продолженія войны*, въ виду чего единодушно заявляютъ, что въ интересахъ гуманности и желанія устранить непоправимое бѣдствіе, они предлагаютъ свои добрыя услуги, въ единственномъ стремленіи служить интересамъ Россіи и дѣлу союзниковъ“.

Дѣло правительства было, конечно, воспользоваться или не воспользоваться этимъ предложенiемъ. Но въ интересахъ союзниковъ было, чтобы ихъ именемъ не пользовались *противъ* Корнилова. Это было сдѣлано въ оффицiальномъ заявленiи политическаго управленiя военнаго министерства, „что Корниловъ не можетъ разсчитывать на поддержку союзныхъ державъ“ и что „державы надѣются на скорѣйшую ликвидацiю мятежа“. Эту и подобныя попытки союзники пресѣкли, настоявъ, по инициативѣ американскаго посла; на напечатанiи ихъ заявленiя отъ 28-го Августа. Они сдѣлали этотъ шагъ уже непосредственно отъ себя, о чемъ свидѣтельствовало слѣдующее добавленiе: „нѣкоторыя газеты, упоминая въ связи съ переживаемыми событiями представителей союзныхъ державъ, приписываютъ имъ выступленiе, имѣющее цѣлью либо поддержку, либо подавленiе дѣйствiй ген. Корнилова. Едва ли есть надобность опровергать подобное сообщенiе, столь потиворѣчащее роли союзниковъ по отношенiю къ русскимъ внутреннимъ дѣламъ“. „Во избѣжанiе недоразумѣнiй“, союзники напечатали свою декларацiю съ „предложенiемъ добрыхъ услугъ для избѣжанiя кровопролитiя и гражданской войны“. Напечатанiе этой декларацiи съ поясненiемъ въ тотъ моментъ, когда дѣло Корнилова уже было проиграно (31-го Августа), ярко подчеркнуло контрастъ между дипломатическими выраженiями документа и дѣйствительными намѣренiями его авторовъ.

День 28-го Августа кончался при самомъ мрачномъ настроенiи членовъ правительства. „Долженъ признать“, заявляетъ по этому поводу Керенскiй, „что внѣшне Милюковъ избралъ очень удобную минуту, чтобы доказывать мнѣ, что реальная сила на сторонѣ Корнилова. День 28-го Августа былъ какъ разъ временемъ наибольшихъ колебанiй, наибольшихъ сомнѣнiй въ силѣ противниковъ Корнилова, наибольшей нервности въ средѣ самой демократiи. Кромѣ попытокъ компромисса, въ это время былъ массовой „исходъ“ изъ мѣста, завѣдомо обреченнаго на погибель. Была одна такая ночь, когда я почти въ единственномъ числѣ прогуливался здѣсь — не потому, что не хотѣлъ ни съ кѣмъ вмѣстѣ дѣйствовать. Просто создалась такая атмосфера кругомъ, что полагали болѣе благоразумнымъ быть подальше отъ гиблыхъ мѣстъ“. „Былъ одинъ такой часъ, когда и Некрасова я не видѣлъ около себя“, прибавляетъ Керенскiй въ другомъ мѣстѣ. „Я никогда не забуду мучительно долгiе часы понедѣльника и особенно ночи на вторникъ... Отвѣтственность лежала на мнѣ въ эти мучительно

тянувшіеся дни поистинѣ нечеловѣческая. Я съ чувствомъ удовлетворенія вспоминаю, что не согнулся я тогда подъ ея тяжестью, съ глубокой благодарностью вспоминаю тѣхъ, кто тогда просто по человѣчески пожалѣли меня"... *)

„Мучительно долгіе часы ночи на вторникъ" тянулись безконечно въ субъективномъ сознаніи Керенскаго. Но, объективно говоря, этихъ часовъ было не такъ ужъ много. Втеченіи самой ночи уже начали поступать свѣдѣнія, что распоряженія Некрасова и Ливеровскаго по вѣдомству путей сообщенія достигли своей цѣли и что движеніе корниловскихъ войскъ къ Петрограду, вслѣдствіе желѣзнодорожныхъ трудностей, затормозилось.

Мы видѣли, что въ 2 ч. 40 мин. 27-го Августа ген. Корниловъ, еще не зная о своемъ смѣщеніи, писалъ Савинкову по условію телеграмму, согласно которой корпусъ Крымова долженъ былъ сосредоточиться въ окрестностяхъ Петрограда къ вечеру 28-го Августа". На 29-е Августа Корниловъ, опять таки по состоявшемуся соглашенію, просилъ объявить Петроградъ на военномъ положеніи. Но втеченіе того-же 27-го Августа произошелъ разрывъ съ Керенскимъ, — нужно признать, *непредвидѣнный* Корниловымъ. Въ своихъ показаніяхъ Корниловъ заявилъ, что онъ „не принялъ особыхъ мѣръ для поддержанія связи (съ Крымовымъ) потому, что корпусъ направлялся въ Петроградъ по требованію Времен. Правительства и онъ не могъ предвидѣть такого положенія дѣлъ, что связь его со ставкой будетъ прервана приказомъ правительства же". Къ этому мѣсту Корниловскихъ показаній Керенскій дѣлаетъ ироническое примѣчаніе: „т. е. другими словами, ген. Корниловъ предполагалъ, что и послѣ предъявленныхъ черезъ В. Н. Львова *требованій* и разговора нашего по прямому проводу я буду пребывать въ спокойной увѣренности, что никакой связи между „предложеніями" изъ ставки и приближеніемъ 8-го корпуса нѣтъ". Съ гипотезой о „заговорщикѣ", глубоко обдумавшемъ заранѣе всѣ свои шаги, такое предположеніе, дѣйствительно, несовмѣстимо. Но оно вполнѣ естественно относительно человѣка, который считалъ, что Керенскій самъ пошелъ на неизбѣжный шагъ переустройства власти и, послѣ всѣхъ разговоровъ съ Савинковымъ и В. Н. Львовымъ, самъ только что обѣщалъ пріѣхать 28-го въ ставку, для выработки окончательнаго рѣшенія. Въ Петроградѣ „сговоръ" уже превратился въ

---

*) Дѣло Корнилова, стр. 146 — 147, 153.

„заговоръ“, но въ ставкѣ еще нѣкоторое время были увѣрены въ томъ, что сговоръ состоялся. Въ сговоръ этотъ входила и „связь между“ *принятіемъ* „предложенія изъ ставки и приближеніемъ третьяго корпуса“. Такимъ образомъ, и здѣсь самое простое объясненіе есть самое правдоподобное. Корниловъ говорилъ то, что думалъ. „Спокойная увѣренность“, въ которой Корниловъ пребывалъ до полученія отставки, лучше всего это доказываетъ. Именно, при такомъ объясненіи самый фактъ полученія отставки долженъ былъ произвести то дѣйствіе „разорвавшейся бомбы“, которое онъ произвелъ.

IX. НЕУДАЧА И ЛИКВИДАЦІЯ ВЫСТУПЛЕНІЯ КОРНИЛОВА.

Остановка и разложеніе Корниловскихъ войскъ. Судьба ген. Крымова. Мѣры совѣта р. и с. д. и „комитетовъ спасенія революціи“. Конфликтъ съ Донскимъ правительствомъ. Керенскій — верховный главнокомандующій. Миссія ген. Алексѣева въ ставкѣ. Уходъ ген. Алексѣева и политика ген. Верховскаго.

Мы знаемъ уже, что Корниловъ рѣшилъ бороться — т. е. осуществилъ то свое рѣшеніе, на которое намекалъ Керенскому еще 10-го Августа. Онъ не подчинился отставкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ — на этотъ разъ *впервые*, уже въ смыслѣ открытой борьбы противъ правительства, подчинившагося большевизму, — приказалъ ген. Крымову немедленно отправить свои войска со станціи Дно на Петроградъ. Но связь съ ген. Крымовымъ была уже прервана. Этимъ ген. Корниловъ объясняетъ „невыполненіе Крымовымъ возложенной на него задачи“. Этимъ же, по всей вѣроятности, объясняется и разстройство сношеній между приближавшимися войсками Корнилова и элементами, приготовившимися дѣйствовать въ самомъ Петроградѣ.

Г. Винбергъ, въ своихъ воспоминаніяхъ *), однако, объясняетъ дѣло иначе.

„Несмотря на неумѣлость въ веденіи заговора“, говоритъ онъ, „на многія неблагопріятныя обстоятельства, съигравшія роковую роль, заговоръ до послѣдняго момента могъ бы увѣнчаться успѣхомъ, если бы не трусость и нечестность петроградскихъ руководителей ... Все въ тѣ первые два дня приближенія корпуса Крымова (очевидно, 27 ое и 28-ое Августа) было подготовлено такъ, что можно было безъ большого риска начать дѣйствовать. Но Гейманъ самую рѣшительную ночь провелъ въ Вилла-Роде, а Сидоринъ и дю-Симетьеръ, именно, тогда, когда отъ нихъ все

*) „Въ плѣну у обезьянъ“, стр. 104 — 107.

ждали рѣшительнаго сигнала, послѣднихъ распоряженій, — исчезли безслѣдно и нигдѣ ихъ нельзя было найти“.

Это показаніе Винберга вполнѣ подтверждается заявленіемъ полк. Дутова В. Н. Львову въ Оренбургѣ, въ январѣ 1918 года.*) Послѣ приведенныхъ выше словъ Дутова: „между 28-мъ Августа и 2-мъ Сентября, подъ видомъ большевиковъ долженъ былъ выступить я“, Дутовъ продолжалъ: „но я бѣгалъ въ экономическій клубъ**) звать выйти на улицу, *да за мною никто не пошелъ*“.

Дальнѣйшимъ объясненіемъ провала всей той части предпріятія, которая организована была въ Петроградѣ офицерами, можетъ служить еще одно показаніе Винберга. Авторъ интересныхъ записокъ указываетъ, именно, на то, что предназначенныя на организацію суммы были „нѣкоторыми крупными участниками злосчастнаго дѣла“ по-просту присвоены или прокучены.

В. Н. Львовъ, по поводу этой подробности, вспомнилъ въ Маѣ 1921 г. въ бесѣдѣ со мной про одинъ эпизодъ, разсказанный ему лицомъ, участвовавшимъ въ передачѣ денегъ офицерскимъ организаціямъ. Лицо это должно было передать офицерамъ очень значительную сумму. Но пріѣхавъ въ назначенное мѣсто, оно застало „заговорщиковъ“ въ такомъ состояніи опьяненія, что передать имъ денегъ не рѣшилось.

Можно, такимъ образомъ, сдѣлать вѣроятный выводъ, что петроградскіе руководители въ надлежащій моментъ не оказались на высотѣ положенія и не проявили достаточной рѣшимости. Объяснялось ли это, помимо указанныхъ причинъ, чисто личными побужденіями или неувѣренностью въ прочности постановки всего дѣла, или, наконецъ, свѣдѣніями о мѣрахъ, которыя успѣлъ уже принять Керенскій послѣ бесѣды съ Львовымъ, или, наконецъ, всѣми этими мотивами вмѣстѣ, — все равно: въ результатѣ благопріятный моментъ въ Петроградѣ былъ упущенъ.

Что оставалось при этихъ обстоятельствахъ дѣлать ген. Крымову? Его положеніе глубоко измѣнилось втеченіи тѣхъ двухъ-трехъ дней, пока онъ былъ въ походѣ. Изъ подчиненнаго начальника отряда, посланнаго на помощь правительству, онъ становился съ утра, 28-го Августа, отвѣтственнымъ вождемъ инсургентовъ, двигавшихся на столицу съ цѣлью низложенія этого правительства. Такъ завязался узелъ глубокой трагической коллизіи, разрѣшившейся двумя

*) См. выше.

**) Извѣстная правая организація подъ предсѣдательствамъ члена Г. Думы П. Н. Крупенскаго.

днями позже самоубійствомъ ген. Крымова. По убѣжденію, также, какъ и по долгу дисциплины, онъ не могъ ослушаться своего непосредственнаго начальника, ген. Корнилова. Еще 29-го Августа онъ получилъ отъ него подтвержденіе приказанія — продолжать движеніе на Петроградъ и „въ случаѣ дальнѣйшаго перерыва связи, *дѣйствовать сообразно съ обстановкой*, въ духѣ моихъ первоначальныхъ указаній". Какъ представлялъ теперь себѣ Крымовъ свою задачу, соотвѣтственно измѣнившейся обстановкѣ, видно изъ его приказа № 128, изданнаго утромъ, 29-го Августа, и цитируемаго Керенскимъ: 1) Объявляю копіи телеграммъ министра-предсѣдателя и верх. главнокомандующаго (здѣсь приводилось объявленіе Керенскаго объ отставкѣ Корнилова и заявленіе Корнилова о „сплошной лжи" утвержденій Керенскаго и объ "открытомъ выступленіи" противъ него)... 2) Получивъ телеграмму министра Керенскаго, командировалъ къ командующему сѣвернымъ фронтомъ (которому былъ теперь подчиненъ, какъ командующій особой Петроградской арміей) за полученіемъ приказаній. Ген. Клембовскій приказалъ передать,.. что всѣ командующіе (см. ихъ телеграммы Корнилову выше), признаютъ въ это тяжелое время верховнымъ главнокомандующимъ лишь одного ген. Корнилова, всѣ распоряженія котораго дѣйствительны. А казаки давно постановили, что ген. Корниловъ несмѣняемъ, о чемъ и объявляю для *руководства* (3-ій корпусъ — казачій). 4) Сегодня ночью изъ ставки верховнаго главнокомандующаго и изъ Петрограда я получилъ сообщеніе о томъ, что въ Петроградѣ *начались бунты*. Голодъ увеличивается еще и отъ того, что обезумѣвшіе отъ страха люди. при видѣ двигающихся къ Петрограду *своихъ же войскъ*, разрушили желѣзную дорогу и тѣмъ прекратили подвозъ продовольствія къ столицѣ. И какихъ же войскъ испугались. Тѣхъ, которыя *присягали* на вѣрность новому строю, которыя и на Московскомъ совѣщаніи громко заявили, что лучшимъ правленіемъ въ Россіи они считаютъ республиканскій образъ правленія".

Утромъ, того же 29-го Августа, пріѣхалъ на ст. Дно изъ Могилева ген. Красновъ, только что видѣвшійся съ ген. Корниловымъ въ ставкѣ и назначенный командиромъ 3-го корпуса, вмѣсто Крымова, который получалъ теперь командованіе арміей, въ которую развертывался (на походѣ!) 3-ій корпусъ вмѣстѣ съ Кавказской туземной дивизіей. На станціи былъ полученъ ночью другой приказъ Крымова, заключавшій въ себѣ диспозицію и планъ Петрограда. По словамъ ген. Краснова, онъ, вмѣстѣ съ командиромъ

туземнаго корпуса кн. Багратіономъ, разсматривалъ эту диспозицію „таинственно, какъ заговорщики“. Въ диспозиціи были предусмотрѣны всевозможныя подробности. „Какой дивизіи занять какія части города, гдѣ имѣть наиболѣе сильные караулы, — все было предусмотрѣно: и занятіе дворцовъ и банковъ, и караулы на вокзалахъ желѣзной дороги, телефонной станціи, въ Михайловскомъ манежѣ, и окруженіе казармъ и обезоруженіе гарнизона. Не было предусмотрѣно только одного: встрѣчи съ боемъ до входа въ Петроградъ“. *)

Наведя по телефону справки о томъ, что происходило, ген. Красновъ составилъ себѣ слѣдующее представленіе о положеніи военныхъ операцій утромъ, 29-го Августа. „Третья бригада, шедшая во главѣ Кавказской туземной дивизіи, у ст. Вырицы наткнулась на разобранный путь. Черкесы и ингуши вышли изъ вагоновъ и собрались у Вырицы, а потомъ пошли походнымъ порядкомъ на Павловскъ и Царское Село. Между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ ихъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ, и они остановились. По донесеніямъ со стороны, вышедшіе навстрѣчу солдаты гвардейскихъ полковъ драться не хотѣли, убѣгали при приближеніи всадниковъ. Но кн. Гагаринъ (командиръ 3-й бригады) не могъ идти одинъ съ двумя полками, такъ какъ попадалъ въ мѣшокъ. Надо было пододвинуть впередъ эшелоны туземной дивизіи и начать движеніе 3-го коннаго корпуса на Лугу и Гатчино. А гдѣ находился 3-й корпусъ, никто точно не зналъ. Гдѣ-то тоже на путяхъ; а Уссурійская дивизія даже сзади. Надо было ударить по Петрограду силой въ 86 эскадроновъ и сотенъ, а ударили одной бригадой кн. Гагарина въ 8 слабыхъ сотенъ, наполовину безъ начальниковъ. Вмѣсто того, чтобы бить кулакомъ, ударили пальчикомъ — вышло больно для пальчика и нечувствительно для того, кого ударили“.

По словамъ ген. Краснова, уже наканунѣ, въ ставкѣ, ознакомившись съ положеніемъ, онъ высказывалъ свои сомнѣнія начальнику штаба походнаго атамана ген. Смагину и чинамъ его штаба, которые были тогда „увѣрены въ полномъ успѣхѣ дѣла“. Сомнѣнія Краснова касались, прежде всего военной стороны дѣла, но онъ указывалъ тутъ же на связь этой стороны съ моральнымъ состояніемъ войскъ. „Замышляется очень деликатная и сильная операція, *требующая вдохновенія* и порыва — coup d' état, для

---

*) См. Архивъ русской революціи, издаваемый Г. В. Гессеномъ, т. I. „На внутреннемъ фронтѣ“, П. Краснова, стр. 117 — 118.

котораго неизбѣжно нужна нѣкоторая театральность обстановки. Собирали ли 3-й корпусъ подъ Могилевомъ? Выстраивали-ли его въ конномъ строю для Корнилова? Пріѣзжалъ-ли Корниловъ къ нему? Звучали-ли побѣдные марши надъ полемъ, было-ли сказано какое-либо сильное, увлекающее слово?.. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Ничего этого не было. Эшелоны ползли по желѣзнымъ путямъ, часами стояли на станціяхъ. Солдаты толпились въ красныхъ коробкахъ вагоновъ, а потомъ на станцій, толпами, стояли около какого-нибудь оратора — желѣзнодорожнаго техника, посторонняго солдата,— кто его знаетъ, кого. Они не видѣли своихъ вождей съ собою и даже не знали, гдѣ они... Все начальство осталось позади. Корниловъ задумалъ такое великое дѣло, а самъ остался въ Могилевѣ, во дворцѣ, окруженный туркменами и ударниками, *какъ будто и самъ не вѣрящій въ успѣхъ.* Крымовъ — неизвѣстно гдѣ; части — не въ рукахъ у своихъ начальниковъ".

Подобныя мысли приходили въ голову не одному ген. Краснову. Впослѣдствіи, французскій корреспондентъ Клодъ Анè поставилъ Корнилову прямой вопросъ: „какъ могло случиться, что, разорвавъ съ Керенскимъ, онъ самъ не пошелъ на Петроградъ? Вѣдь если бы былъ онъ во главѣ войскъ, то пришелъ бы въ Зимній Дворецъ безъ выстрѣла". По словамъ Анe, отвѣтъ ген. Корнилова былъ слѣдующій. *)

„Мелкія причины ведутъ къ большимъ послѣдствіямъ. Если бы я былъ, тѣмъ заговорщикомъ, какимъ рисовалъ меня Керенскій, если бы я составилъ заговоръ для низверженія правительства, я, конечно, принялъ бы соотвѣтствующія мѣры. Въ назначенный часъ я былъ бы во главѣ своихъ войскъ и, подобно вамъ, я не сомнѣваюсь, что вошелъ бы въ Петроградъ почти безъ боя. Но, въ дѣйствительности, я не составлялъ заговора и ничего не подготовилъ. Поэтому, получивъ непонятную телеграмму Керенскаго, я потерялъ двадцать четыре часа. Какъ вы знаете, я предполагалъ, или, что телеграфъ перепуталъ, или, что въ Петроградѣ возстаніе, или, что большевики овладѣли телеграфомъ. Я ждалъ или подтвержденія, или опроверженія. Такимъ образомъ, я пропустилъ день и ночь: я позволилъ Керенскому и Некрасову опередить себя... Желѣзнодорожники получили приказы: я не могъ получить поѣзда, чтобы пріѣхать въ окрестности столицы. *Въ Могилевѣ мнѣ бы дали поѣздъ, но въ Витебскѣ меня бы арестовали.* Я могъ бы взять автомобиль: но до Петрограда 600 верстъ по дурнымъ дорогамъ. Какъ бы то ни было, въ понедѣль-

*) La revolution russe, par Claude Anet, II. 154.

никъ, несмотря на всѣ трудности, я еще могъ бы начать дѣйствовать, наверстать потерянное время и исправить сдѣланныя ошибки. Но я былъ боленъ, у меня былъ сильный приступъ лихорадки и *не было моей обычной энергіи*".

Была, очевидно, за „мелкими причинами" какая-то одна, „большая", которая одинаково отражалась во всѣхъ нихъ. Ген. Красновъ недаромъ замѣтилъ общее чувство неувѣренности въ ставкѣ. „Горячо желали мнѣ успѣха, но сами волновались, сами боялись даже Могилева. Я хотѣлъ идти на станцію пѣшкомъ. Меня не пустили". Сознаніе риска, въ случаѣ неудачи, „тюрьмой, полевымъ судомъ, смертной казнью" было нечуждо и самому ген. Краснову. При томъ онъ зналъ солдатъ и зналъ, что репутація ген. Корнилова, вернувшаго армію „отъ свободъ" къ смертной казни, уже пошатнулась въ этой средѣ.

29-го Августа, днемъ, въ ожиданіи поѣзда въ Псковъ ген. Красновъ поговорилъ съ солдатами только-что прибывшихъ на ст. Дно двухъ эшелоновъ Приморскаго драгунскаго полка. Они уже собрались на митингъ и горячо обсуждали, кто „измѣнникъ", Корниловъ или Керенскій. На замѣчаніе ген. Краснова, что они должны исполнять приказъ верховнаго главнокомандующаго безъ разсужденія, они возразили, что, по слухамъ, Корниловъ уже арестованъ: приказъ они исполнятъ, но не иначе, какъ пославъ, предварительно развѣдчиковъ — „узнать, гдѣ правда".

Вопросъ былъ рѣшенъ дѣйствительно не столько передвиженіями войскъ, стратегическими или тактическими успѣхами правительственныхъ или Корниловскихъ отрядовъ, сколько настроеніемъ войскъ. Вопросъ рѣшили — здѣсь, какъ и на фронтѣ, — не полководцы, а солдаты... Уже въ теченіе ночи на 29-ое Августа въ Зимнемъ Дворцѣ начали получаться свѣдѣнія, которыя показывали, что войска ген. Корнилова не представляютъ исключенія изъ общаго настроенія въ русской арміи и больны той же болѣзнью, какъ и вся эта армія. „Кровопролитія" не состоялось по той простой причинѣ, что никто не хотѣлъ проливать кровь и жертвовать для этого собой — ни съ той, ни съ другой стороны. Военныя части передвигались послушно, пока эти передвиженія имѣли стратегическую или, вообще, непонятную для солдатъ, но военную цѣль. Часть этихъ солдатъ, вѣроятно, не очень большая, услыхала въ послѣднюю минуту, что ее ведутъ противъ большевиковъ. Оффиціальное объясненіе, правда, дано было только въ приказахъ Корнилова послѣ окончательнаго разрыва. Но и раньше это объяс-

неніе распространялось, вѣроятно, лишь среди болѣе интеллигентныхъ солдатъ, которые могли отнестись къ этой цѣли похода сознательно и сочувственно. Депутаты мусульманскаго союза, прибывшіе вечеромъ, 28-го Августа, на ст. „Семрино" для антибольшевистской контръ-агитаціи среди „дикой дивизіи", услышали слѣдующее объясненіе, вѣроятно, отъ офицеровъ этой дивизіи: „Контръ-революціонныхъ замысловъ они не питаютъ, идутъ въ Петроградъ для *защиты революціи и страны отъ Временнаго Правительства*. Ген. Корниловъ — единственный революціонный вождь, способный вывести страну и революцію изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ она сейчасъ находится". Это было самое сознательное изъ объясненій. Но, очевидно, это было мнѣніе меньшинства. Солдатская масса заявляла, чаще всего, что она не знаетъ, зачѣмъ ее ведутъ на Петроградъ. Это открывало возможность вліянія на Корниловскія войска излюбленнымъ способомъ „демократическихъ организацій": путемъ посылки делегацій для переговоровъ. Этотъ способъ былъ тѣмъ удобнѣе, что въ сущности и воинскія части, находившіяся въ распоряженіи совѣта, также не хотѣли проливать собственную кровь и предпочитали мирную бесѣду всякимъ ружейнымъ и орудійнымъ разговорамъ. При этихъ условіяхъ достаточно было солдатамъ двухъ противоположныхъ сторонъ оказаться другъ противъ друга, чтобы проявилось то же братанье, которое стало привычнымъ на фронтѣ. Если даже тамъ, противъ настоящаго врага, армія оказалась въ параличѣ, то какъ же можно было ожидать, что она станетъ стрѣлять въ „своихъ"? Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо были умѣстны и могли подѣйствовать обычные совѣтскіе аргументы, что „буржуи" заставляютъ народъ насильно разстрѣливать другъ друга, на потѣху себѣ „пьютъ нашу кровь" и для какихъ то чужихъ народу интересовъ. Этотъ привычный доводъ, уже испробованный и оказавшій неоднократно свое дѣйствіе въ предвыборной борьбѣ, теперь долженъ былъ помочь — и помогъ — предупредить борьбу вооруженную.

На пути въ Псковъ, въ ночь на 30-ое Августа, ген. Красновъ наблюдалъ процессъ этой обработки эшелоновъ, медленно двигавшихся противъ Керенскаго. „Почти всюду", описываетъ онъ, „мы видѣли одну и ту же картину. Гдѣ на путяхъ, гдѣ въ вагонѣ, на сѣдлахъ у склонившихся къ нимъ головами вороныхъ и караковыхъ лошадей сидѣли или стояли драгуны и среди нихъ — юркая личность въ солдатской шинели. Слышались отрывистыя фразы:

„Товарищи, что же вы. Керенскій васъ изъ подъ офицерской палки вывелъ, свободу вамъ далъ, а вы опять захотѣли тянуться передъ офицеромъ, да чтобы въ зубы вамъ тыкали. Такъ, что ли". Или: „товарищи, Керенскій за свободу и счастье народа, а ген. Корниловъ за дисциплину и смертную казнь. Ужели вы съ Корниловымъ". Или: „товарищи, Корниловъ — измѣнникъ Россіи и идетъ вести васъ въ бой на защиту иностраннаго капитала. Онъ большія деньги на то получилъ. А Керенскій хочетъ мира".

Выводъ былъ ясенъ: по справедливому замѣчанію ген. Краснова, это былъ уже привычный выводъ. „Арестовать офицеровъ и послать делегацію въ Петроградъ — спросить, что дѣлать". Вмѣсто ареста Керенскаго, къ нему поѣхали представители комитетовъ Донской и Уссурійской дивизій — за совѣтомъ и помощью. Тѣмъ временемъ, „пособники Керенскаго, въ лицѣ разныхъ мелкихъ станціонныхъ комитетовъ и совѣтовъ и даже просто сочувствующихъ Керенскому желѣзнодорожныхъ агентовъ и большевиковъ", принимали мѣры, чтобы распылить двигавшіеся на Петроградъ эшелоны. „По чьему то, никому неизвѣстному, распоряженію къ какому нибудь эшелону прицѣпляли паровозъ и его везли два-три перегона: сорокъ, шестьдесятъ верстъ, и потомъ онъ оказывался гдѣ-то въ сторонѣ, на глухомъ разъѣздѣ, безъ фуража для лошадей и безъ обѣда для людей".

Создавшееся, такимъ образомъ, къ 30-му Августа положеніе ген. Красновъ описываетъ такъ: „части арміи Крымова, конной арміи, мирно сидѣли въ вагонахъ съ разсѣдланными лошадьми, — при полной невозможности мѣстами вывести этихъ лошадей изъ вагоновъ за отсутствіемъ приспособленій, — по станціямъ и разъѣздамъ восьми желѣзныхъ дорогъ: Виндавской, Николаевской, Новгородской, Варшавской, Дно-Псковъ-Гдовъ, Гатчино-Луга, Гатчино-Тосна и Балтійской. Они были въ Новгородѣ, Чудовѣ, на ст. Дно, въ Псковѣ, Лугѣ, Гатчинѣ, Гдовѣ, Ямбургѣ, Нарвѣ, Везенбергѣ и на промежуточныхъ станціяхъ и разъѣздахъ. Не только начальники дивизій, но даже командиры полковъ не знали точно, гдѣ находятся ихъ эскадроны и сотни... Отсутствіе пищи и фуража, естественно, озлобляло людей еще больше. Люди отлично понимали отсутствіе управленія и видѣли всю ту безтолковщину, которая творилась кругомъ, — и начали арестовывать офицеровъ и начальниковъ. Такъ, большая часть офицеровъ Приморскаго драгунскаго, 1-го Нерчинскаго, 1-го Уссурійскаго и 1-го Амурскаго казачьихъ полковъ были арестованы драгунами и казаками. Офицеры 13-го

и 15-го Донскихъ казачьихъ полковъ были въ состоянiи полуарестованныхъ. Почти вездѣ въ фактическое управленiе частями вмѣсто начальниковъ вступили комитеты" ... Начались переѣзды отъ частей къ Керенскому въ Петроградъ высшихъ командующихъ лицъ... Прiѣхавъ въ Псковъ въ полночь на 30-е Августа, самъ ген. Красновъ былъ допрошенъ ген. Бончъ-Бруевичемъ въ присутствiи комиссара Савицкаго, вторично допрошенъ днемъ, 30-го, и подъ разными предлогами задержанъ въ Псковѣ. „Вы видите", сказалъ ему Бончъ-Бруевичъ, показывая ему телеграмму, адресованную „*главковерху*" Керенскому: „продолжать то, что вамъ, вѣроятно, приказано и что вы скрываете отъ меня, вамъ не приходится, потому что верховный главнокомандующiй — Керенскiй. Вотъ и все".

29-го Августа это положенiе дѣла было ясно вполнѣ только посвященнымъ. 30-го Августа оно стало ясно всѣмъ и томительныя ожиданiя пребывавшей въ неизвѣстности публики сразу были прекращены. Въ этотъ день читатели прочли оптимистическое интервью вполнѣ уже оправившагося отъ вчерашнихъ страховъ Некрасова. „Положенiе благопрiятное: всѣ начальники фронтовъ, за исключенiемъ Деникина, на сторонѣ правительства; войска Корнилова введены въ заблужденiе, что идутъ въ Петроградъ по приглашенiю Временнаго Правительства для освобожденiя столицы отъ большевиковъ; мы принимаемъ всѣ мѣры, чтобы освѣдомить эти войска о дѣйствительномъ положенiи дѣла и надѣемся, что до кровопролитiя не дойдетъ; въ отрядѣ ген. Крымова происходятъ нелады".

Дѣйствительно, совѣтъ р. и с. д. города Луги, гдѣ стоялъ отрядъ Крымова, вошелъ въ сношенiя съ казаками отряда и сговорился съ ними, что Крымовъ будетъ немедленно арестованъ, какъ только получится объ этомъ приказъ правительства. Военная коммиссiя совѣта тотчасъ же телеграфировала въ Петроградъ, откуда вечеромъ, 30-го Августа, приказъ объ арестѣ былъ присланъ. Ген. Крымовъ былъ арестованъ казаками тотчасъ-же, въ 11 ч. вечера, и отправленъ въ Петроградъ въ сопровожденiи членовъ лужскаго совѣта р. и с. д. 31-го Августа онъ былъ принятъ Керенскимъ, который разсказалъ свой разговоръ съ нимъ въ своихъ показанiяхъ, —, надо думать, въ очень смягченномъ видѣ. Вотъ это показанiе Керенскаго, которое должны будутъ провѣрить свидѣтели послѣднихъ минутъ Крымова.*)

*) Дѣло Корнилова, стр. 90 — 92.

„Мы послали къ нему въ Лугу офицера, который когда-то у него служилъ, для того, чтобы разъяснить ему обстановку (объ арестѣ Керенскій не упоминаетъ). Это мы сдѣлали уже тогда, когда наши телеграммы о пріостановкѣ движенія оставались у него безъ исполненія. Миссія эта удалась (мы только что видѣли, при какой обстановкѣ). Съ этимъ офицеромъ (ген. Самаринымъ) ген. Крымовъ сюда пріѣхалъ. Когда мнѣ было доложено, что явился Крымовъ, я вышелъ къ нему, просилъ его войти въ кабинетъ и здѣсь у насъ былъ разговоръ. Насколько я помню, тутъ присутствовалъ еще ген. Якубовичъ, тов. военнаго министра. Вначалѣ ген. Крымовъ говорилъ, что они шли отнюдь не для какихъ-либо особыхъ цѣлей, что они были направлены сюда въ распоряженіе Времен. Правительства, что, по ихъ свѣдѣніямъ, они должны были оказать здѣсь правительству содѣйствіе, что никто никогда не думалъ идти противъ правительства, что какъ только выяснилась вся обстановка, то все недоразумѣніе разъяснилось *и онъ остановилъ дальнѣйшее продвиженіе* (это какъ мы видѣли, произошло помимо его воли). Потомъ онъ добавилъ, что имѣетъ съ собою по этому поводу приказъ. Сначала этотъ приказъ, (приведенный выше въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ Керенскимъ) онъ не показалъ мнѣ, а я никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе, не имѣлъ. Видимо, у него было нѣкоторое колебаніе“. Но, преодолѣвъ это „минутное колебаніе“, ген. Крымовъ „со спокойной рѣшимостью“ передалъ Керенскому „изобличающій его“ документъ. Послѣ этого Керенскій разыгралъ одну изъ своихъ наполеоновскихъ сценъ. „Я прочелъ приказъ. Я зналъ Крымова и относился всегда къ нему съ очень большимъ уваженіемъ, какъ къ человѣку съ опредѣленно очень умѣренными движеніями, но очень честнаго и порядочнаго“. „Ему, я думаю, невыносимо было сознаніе, что онъ, Крымовъ, уклонился отъ истины“ и „не сказалъ откровенно о своей роли“ ... „Я всталъ и медленно сталъ подходить къ нему. Онъ тоже всталъ. Онъ увидѣлъ, что на меня приказъ произвелъ особенное впечатлѣніе. Онъ подошелъ сюда, къ этому столу. Я приблизился къ нему вплотную и тихо*) сказалъ: „да, я вижу, генералъ, вы, дѣйствительно, очень умный человѣкъ. Благодарю васъ“**.

*) Слышавшіе эту сцену извнѣ говорили *о крикахъ* Керенскаго, но это, можетъ быть, относится къ послѣдующему моменту разговора.

**) Кто знаетъ Керенскаго и его интонаціи въ подобныхъ случаяхъ, съ подчеркиваніемъ каждаго слова, съ задыхающимися остановками, съ желаніемъ быть ядовито-саркастическимъ, тотъ не усомнится въ подлинности этихъ выраженій.

„Крымовъ увидѣлъ“, продолжаетъ Керенскій, „что для меня ясна уже его роль въ этомъ дѣлѣ. Сейчасъ же я васъ (предсѣдателя слѣдственной комиссіи Шабловскаго) вызвалъ и передалъ вамъ (приказъ) . . . Послѣ этого, во время разговора, Крымовъ мнѣ сказалъ, что онъ находился въ ставкѣ; что они тамъ выработали дислокацію и положеніе о введеніи *осаднаго* положенія въ Петроградѣ; затѣмъ говорилъ, что предполагалось Петроградъ, по этому плану, раздѣлить на военныя комендатуры . . . Я его спросилъ, какія же основанія онъ имѣлъ отъ своего личнаго имени объявлять о „бунтахъ“. Онъ принужденъ былъ сослаться на неизвѣстно откуда, неизвѣстно куда, прибывшаго офицера (вѣроятно, Крымовъ не назвалъ его по той же причинѣ, по которой хранилъ „благородное молчаніе“ о телеграммахъ Корнилова отъ 27-го — 29-го Авг.) вообще, онъ никакого объясненія этому не могъ дать“. Кромѣ того, Крымовъ, по сообщенію того же Керенскаго, „мужественно исповѣдалъ свою вѣру въ диктатуру“, т. е. . . значитъ, въ дѣйствительности, говорилъ о намѣреніяхъ Корнилова по существу. „Тогда я разстался съ нимъ, т. е. *отпустилъ его, не подавъ ему руки* . . .“

Оскорбленный и взволнованный, ген. Крымовъ, вернувшись изъ Зимняго Дворца въ помѣщеніе военнаго министра, покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ револьвера. „Демократія“ негодовала по этому поводу... на то, что у мятежнаго генерала не было отобрано оружіе. Керенскій великодушно прибавляетъ въ своихъ комментаріяхъ къ показаніямъ: „пусть никто не подумаетъ, что я пересталъ уважать его, отказывая ему въ рукопожатіи. О, совсѣмъ нѣтъ. . . Но я былъ оффиціальнѣйшимъ лицомъ, въ оффиціальной обстановкѣ, среди оффиціальныхъ лицъ. Передо мной, министромъ-предсѣдателемъ и военнымъ министромъ, стоялъ генералъ, государственный преступникъ, и я не могъ, и не имѣлъ права поступить иначе“ . . .

По смерти ген. Крымова М. И. Терещенко разсказалъ въ одной газетѣ, что Крымовъ былъ „государственнымъ преступникомъ“ не впервые. Онъ былъ однимъ изъ трехъ*) участниковъ въ заговорѣ для низверженія Николая Второго, заговорѣ, который лишь потому не былъ приведенъ въ исполненіе, что революція 27-го Февраля предупредила его на нѣсколько дней. Но то, по выраженію Керенскаго, былъ „переворотъ, подготовлявшійся частью

---

*) Двумя другими были Терещенко и А. И. Гучковъ.

цензовиковъ". Правда и самъ А. Ф. Керенскій не могъ не имѣть свѣдѣній о томъ, о чемъ имѣлъ свѣдѣнія М. И. Терещенко. Но тогда еще не было органовъ „революціонной демократіи" . . . Мы сейчасъ увидимъ, что поведеніе Керенскаго, въ его борьбѣ противъ Корнилова, было продиктовано этими органами.

Первыми оправились отъ смущенія и растерянности вожди совѣта р. и с. д., которымъ первымъ грозила опасность, въ случаѣ побѣды Корнилова. Вотъ какъ характеризовалъ роль совѣта и комитета народной борьбы съ контръ-революціей Богдановъ въ засѣданіи Петроградскаго совѣта въ Смольномъ, 31-го Августа. „Когда Временное Правительство заколебалось и не было ясно, чѣмъ кончится Корниловская авантюра, появились посредники вродѣ Милюкова и ген. Алексѣева, которые *могли испортить все дѣло*. Но выступилъ политическій отдѣлъ (комитета борьбы, только что организованный), и со всей энергіей *воспрепятствовалъ* какому-бы-то ни было *соглашенію* правительства съ Корниловымъ. Мы заявили, что не можетъ быть никакихъ колебаній, что передъ властью одинъ путь — безпощадной борьбы съ Корниловымъ. *Подъ нашимъ вліяніемъ правительство прекратило* всѣ переговоры (это было, очевидно, послѣ вечерняго совѣщанія министровъ 28-го Августа, см. выше) и отказалось отъ всякихъ предложеній Корнилова... Что касается охраны Петрограда, то и въ этомъ направленіи *нами* приняты всѣ мѣры... Мы имѣли основаніе предполагать, что петроградскіе контръ-революціонеры могутъ предпринять шаги въ пользу Корнилова (см. выше) . У насъ есть свѣдѣнія, что отдѣльныя группы и организаціи сочувствуютъ этому генералу и, чтобы предотвратить возможность контръ-революціонныхъ выступленій, *мы произвели въ теченіе трехъ дней много самочинныхъ дѣйствій*. Временное Правительство не могло услѣдить за всѣмъ, *оно и просило насъ сообщать ему факты*, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи. Но *для добыванія этихъ фактовъ* зачастую требовались рѣшительныя дѣйствія. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, мы сочли своимъ долгомъ помочь правительству, *не считаясь съ формальной стороной дѣла*.*) *Мы постановили закрыть четыре газеты, мы произвели аресты и обыски въ гостиницѣ „Асторія"*, гдѣ, какъ оказалось, находился главный штабъ Корнилова въ Петроградѣ. Тамъ было задержано сорокъ человѣкъ, съ корнетомъ Сумарсковымъ во главѣ. (Это

---

*) На этотъ разъ Керенскій не протестовалъ, какъ видно.

было съ 28-го на 29-е, ночью. П. М.). *Мы произвели арестъ предсѣдателя военной лиги Федорова*, въ лицѣ котораго лига оказалась непосредственно причастна къ заговору ген. Корнилова. Вчера, (съ 30-го на 31-е) съ 11 ч. веч. до 9. утра, нами производились *аресты и обыски.* Аресты и обыски продолжались и сегодня. Обыскъ произведенъ въ квартирѣ Гучкова. Самъ Гучковъ, вмѣстѣ съ арестованными одновременно съ нимъ Филатовымъ и Егоровымъ (сотрудникъ „Новаго Времени"), находится въ Псковѣ, откуда будетъ препровожденъ въ Петроградъ. (Гучковъ былъ отпущенъ за бездоказательностью обвиненій и произвольностью ареста). Вчера ночью (30-31) въ гостинницѣ „Асторія" нами снова былъ произведенъ обыскъ. Имѣлось въ виду задержать тѣхъ контръ-революціонеровъ, которымъ удалось скрыться въ прошлый разъ, которые демонстративно тогда оставили пустыми открытые ящики своихъ письменныхъ столовъ. Неожиданно для насъ самихъ, *мы* вынуждены были сдѣлать обыскъ въ комитетѣ польскихъ войскъ. Части польскихъ войскъ расположены близъ ставки: это обстоятельство побудило насъ обратить вниманіе на польскій комитетъ. Въ комитетѣ мы ничего не нашли, но въ помѣщеніи его обнаружены 300 винтовокъ . . . *Мы* оружіе конфисковали".

Этотъ интересный отчетъ чрезвычайно ярко рисуетъ моментъ, когда руководство борьбой выпало изъ рукъ правительства. Правда, черезчуръ откровенныя признанія Богданова смутили правительство и вызвали (3 сентября) разъясненіе политическаго отдѣла военнаго министерства: „Закрытіе газетъ „Слово" и „Новое Время" состоялось по распоряженію Петроградскаго ген.-губернатора, а не комитета народной борьбы съ контръ-революціей. Что же касается арестовъ въ „Асторіи", то и тутъ цѣлый рядъ лицъ былъ арестованъ по приказанію генерала-губернатора, совершенно *независимо отъ дѣйствій* комитета народной борьбы съ контръ-революціей". Самыхъ „дѣйствій", какъ видимъ, оффиціальное опроверженіе не рѣшается отвергать, невольно придавая, такимъ образомъ, докладу Богданова характеръ полной достовѣрности.

Докладъ этотъ бросаетъ свѣтъ и на многія другія дѣйствія правительства въ эти дни. Немедленно, „по телефону" былъ уволенъ 30-го Августа отъ всѣхъ должностей Б. В. Савинковъ. Это произошло уже послѣ того какъ Савинкову, днемъ раньше, удалось объяснить и защитить передъ Керенскимъ свою солидар-

ность съ подозрительными разговорами Филоненко *) въ ставкѣ, за которые тотъ былъ отставленъ, и ему предлагались Керенскимъ на выборъ посты военнаго министра или министра внутреннихъ дѣлъ. „На моемъ увольненіи", поясняетъ самъ Савинковъ, „настаивалъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ". Черезъ нѣсколько дней Савинкова исключили изъ партіи. Его замѣстителемъ въ должности военнаго губернатора былъ назначенъ Пальчинскій. Но стоило Пальчинскому закрыть двѣ большевистскія газеты, („Новую Жизнь" и „Рабочій"), какъ въ „Извѣстіяхъ Совѣта р. и с. д." появилась грозная статья. Революціонная демократія, конечно, не можетъ допустить, чтобы человѣкъ, виновный въ провокаціонныхъ дѣйствіяхъ (закрытіе этихъ газетъ), оставался во главѣ столицы. Временное Правительство, которое въ первые же дни Корниловскаго мятежа заявило точно и опредѣленно, что оно готово сдѣлать все для защиты отъ контръ-революціонной опасности, должно немедленно убрать Пальчинскаго". И хотя политическій отдѣлъ военнаго министерства поспѣшилъ напечатать, что Пальчинскій „никогда не принадлежалъ къ кадетской партіи", тѣмъ не менѣе, Пальчинскаго пришлось черезъ три дня по назначеніи немедленно убрать. Эти эпизоды наглядно поясняли, въ чьи руки попалъ Керенскій, не желавшій попасть въ руки Корнилова.

На фронтахъ и въ провинціи также въ первые моменты дѣло усмиренія „мятежа" велось „демократическими организаціями". Онѣ образовали для этой цѣли повсемѣстно въ Россіи особые „комитеты спасенія революціи", которые дѣйствовали по образцу петроградскаго. Тамбовскій комитетъ постановилъ, напр., что „всякая устная и печатная пропаганда, клонящаяся къ оправданію дѣйствій измѣнниковъ революціи, Корнилова, Каледина и другихъ, считается государственной измѣной", и потребовалъ, „чтобы населеніе само помогало правосудію, путемъ доставленія въ комитетъ всѣхъ лицъ, замѣченныхъ въ противогосударственной измѣнѣ". Прежде всего, конечно, эта практика была примѣнена къ главнымъ обвиняемымъ.

Судьбу генерала Крымова мы уже знаемъ. Единственный присоединившійся къ Крымову главнокомандующій, Деникинъ, со своимъ штабомъ въ Бердичевѣ былъ окруженъ въ своей квартирѣ (28-го Августа) и арестованъ войсками, распропаганди-

*) См. подробности объ этомъ въ „4 Дѣлѣ Корнилова", стр. 155—158. См. также на стр. 168 мнѣніе Керенскаго о томъ, въ чемъ „виноватъ" Савинковъ, котораго онъ всегда отдѣлялъ отъ Филоненко.

рованными исполнительнымъ комитетомъ юго-западнаго фронта. Въ Кіевѣ арестами „контръ-революціонеровъ" занимается мѣстный „комитетъ по охранѣ революціи". Онъ производитъ самочинный осмотръ въ частныхъ домахъ и гостинницахъ и арестуетъ членовъ Г. Думы Шульгина, Савенко, Чихачева. Въ Одессѣ, Екатеринославѣ, въ Тифлисѣ происходило то же самое.

Въ Москвѣ эти дни выдвинули новаго любимца „революціонной демократіи", командующаго войсками округа, полковника Верховскаго. Четыре мѣсяца передъ тѣмъ, въ Севастополѣ, Верховскій преклонялся предъ „доблестнымъ Корниловымъ" и „борцомъ за свободу" Гучковымъ, находилъ, что Россія не можетъ жить безъ Босфора и оплакивалъ грядущую анархію. 27-го Августа онъ былъ у Корнилова въ ставкѣ, но рѣзко разошелся съ нимъ и, по его словамъ, едва не былъ арестованъ. Вернувшись въ Москву, 28-го Верховскій получилъ приказъ Корнилова „подчиниться и исполнять его приказанія". Онъ отвѣтилъ: „съ ужасомъ прочиталъ вашъ приказъ не подчиняться законному правительству. Начало междоусобной войны положено вами. Это, какъ я вамъ говорилъ, гибель Россіи. Можно и должно было мѣнять политику, но не подрывать послѣднихъ силъ народа во время прорыва фронта. Офицерство, солдаты, Дума Москвы присоединились къ Временному Правительству. Иного отвѣта и я дать не могу, такъ какъ присягу не мѣняю, какъ перчатки". Дѣйствительно, въ Москвѣ Корниловъ не получилъ поддержки, но за то созданный въ первопрестольной „органъ дѣйствія", объединившій большинство совѣтовъ съ „буржуазными" партіями, удержалъ Москву и отъ эксцессовъ въ лѣвую сторону. Совѣтамъ солдатскихъ депутатовъ Верховскій телеграфировалъ, что лишь въ томъ случаѣ можетъ выполнить задачу борьбы съ Корниловымъ, если ему не помѣшаютъ сохранить опытныхъ боевыхъ офицеровъ. Онъ заявилъ, что не допуститъ никакихъ самочинныхъ выступленій и смѣщеній команднаго состава. Исполнительный комитетъ петроградскаго совѣта уже на слѣдующій день, 29-го, просилъ Верховскаго немедленно выѣхать въ Петроградъ и послать помощь „чрезвычайному комитету", организовавшемуся въ Бологомъ для борьбы съ Корниловымъ. Черезъ день полковникъ Верховскій былъ назначенъ военнымъ министромъ, замѣстителемъ Савинкова.

Оставались два фокуса „мятежа", овладѣть которыми правительству было не такъ легко: Донъ и Могилевъ. И правительство, и совѣтъ были убѣждены, что на Дону ген. Калединъ уже

объявилъ себя открыто сторонникомъ Корнилова и поднялъ возстаніе. Такъ объяснялась его поѣздка по сѣвернымъ округамъ Донской области, во время которой захватили его событія 31-го Августа*). Керенскій вызвалъ къ себѣ въ Зимній Дворецъ весь президіумъ совѣта союза казачьихъ войскъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ потребовалъ, чтобы они „заклеймили ген. Корнилова и ген. Каледина, какъ измѣнниковъ и бунтовщиковъ", не довольствуясь тѣмъ воззваніемъ къ станичникамъ, въ которомъ совѣтъ просто требовалъ повиновенія Временному Правительству. Это новое требованіе переполнило чашу терпѣнія казаковъ, и они отвѣтили Керенскому длиннымъ письмомъ, въ которомъ исчислялись всѣ обиды, нанесенныя союзу и казачеству Временнымъ Правительствомъ въ лицѣ его предсѣдателя, Совѣтъ казачьяго союза опять возвращался къ своей мысли о посредничествѣ, возможномъ „даже при наличіи военныхъ дѣйствій между сторонами" отказывался осуждать Каледина и Корнилова, значащихся въ спискахъ всѣхъ 12-ти казачьихъ войскъ, „не узнавъ подробностей" и твердо заявлялъ, что они не „узники" и не „заложники казачества"; что „совѣтъ не можетъ работать подъ давленіемъ и угрозой" и „давъ резолюцію о подчиненіи Временному Правительству, *другую вынести не представляетъ для себя возможнымъ*".

Получивъ этотъ отказъ, Керенскій уже лично въ тотъ же день объявилъ ген. Каледина мятежникомъ и отрѣшилъ его отъ должности атамана, съ назначеніемъ суда надъ нимъ. Поднималась рѣчь въ правительствѣ и о запрещеніи войскового круга, назначеннаго на 3-е сентября. Тогда совѣтъ казачьихъ войскъ собралъ экстренное засѣданіе, которое рѣшило, что ни отрѣшать атамана, — выбраннаго кругомъ, а не назначеннаго правительствомъ, — ни запрещать круга Керенскій не имѣетъ права. Керенскій стоялъ на своемъ. Онъ имѣетъ право увольнять атамана, такъ какъ онъ его утверждалъ въ должности. Споръ долженъ былъ рѣшиться на мѣстѣ столкновеніемъ войскового правительства съ мѣстными демократическими организаціями.

На этотъ разъ верхъ одержала не „революціонная демократія". Революціонныя организаціи сначала рѣшили и здѣсь при-

---

*) Несравненно болѣе сложная натура, чѣмъ ген. Корниловъ, Калединъ, вѣроятно, понималъ отрицательныя стороны Корниловскаго предпріятія и былъ въ состояніи оцѣнить по достоинству непосредственное окруженіе Корнилова. Я допускаю, что подъ вліяніемъ этихъ соображеній онъ могъ оставаться въ нерѣшительности до самаго конца.

бѣгнуть къ самочинному аресту. Члены Донского областного военнаго комитета гонялись за Калединымъ по станицамъ. Воронежскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ издалъ приказъ по всей линіи задержать Каледина во время поѣздки по области. Узнавъ о Корниловскомъ движеніи, Калединъ поспѣшилъ вернуться въ Новочеркасскъ кратчайшимъ путемъ, минуя Царицынъ и сдѣлавъ часть пути на лошадяхъ. Этимъ онъ избѣжалъ ареста. Выѣхавшій для его ареста изъ Царицына поѣздъ съ солдатами и съ комиссаромъ Каппорой ждалъ его на станціи Чиръ, тогда какъ Калединъ пріѣхалъ на сосѣднюю станцію „Обливская", вызвалъ туда сотню казаковъ, ждалъ комиссара два часа и, наконецъ, уѣхалъ. Царицынскіе солдаты съ комиссаромъ могли арестовать лишь два автомобиля и восемь казаковъ, поджидавшихъ атамана на разъѣздѣ „Ковылкино".

Въ чемъ, именно, обвиняли Каледина въ эти дни, видно изъ телеграммы къ нему отъ полк. Верховскаго изъ Москвы, 30-го Августа. 1) „Съ фронта идутъ черезъ московскій округъ въ область войска Донского эшелоны казачьихъ частей въ ту минуту, когда врагъ прорываетъ фронтъ и идетъ на Петроградъ. 2) Мною получены свѣдѣнія о томъ, что ст. Поворино занята казаками. Я не знаю, какъ это понимать. Если это означаетъ объявленіе казачествомъ войны Россіи, то я долженъ предупредить, что братоубійственная борьба, которую началъ ген. Корниловъ, встрѣтила единодушное сопротивленіе всей арміи и всей Россіи. . . Поэтому появленіе въ предѣлахъ московскаго округа казачьихъ частей безъ моего разрѣшенія я буду разсматривать, какъ возстаніе противъ Временнаго Правительства. Немедленно издамъ приказъ о полномъ уничтоженіи всѣхъ идущихъ на вооруженное возстаніе, а силъ къ тому, какъ всѣмъ извѣстно, у меня достаточно". Въ Новочеркасскѣ демократическая городская дума, очевидно, на основаніи подобныхъ же свѣдѣній, объявила Каледина мятежникомъ и потребовала отъ прокуратуры начатія судебнаго преслѣдованія.

Возвращеніе Каледина положило конецъ всѣмъ этимъ толкамъ. Онъ категорически заявилъ, что вовсе не требовалъ возвращенія казаковъ съ фронта на Донъ и не думалъ грозить правительству перерывомъ сообщеній Москвы съ Югомъ. Тогда войсковое правительство телеграфировало правительству, что усматриваетъ провокацію въ обвиненіи ген. Каледина и требуетъ отмѣны распоряженій военнаго министра объ его арестѣ. „Отсутствіе исчерпывающаго отвѣта на настоящую телеграмму", прибавило

войсковое правительство, „будетъ принято казачествомъ за полную необоснованность обвиненія Каледина, и казачество будетъ считать это обвиненіе происками безотвѣтственныхъ организацій“.

3-го сентября открылся войсковой кругъ и засѣдалъ цѣлую недѣлю. Въ концѣ этой недѣли пріѣхали представители петроградскаго совѣта и бывшій министръ Скобелевъ. Настроеніе круга было вполнѣ опредѣленное. Въ первой же рѣчи товарищъ атамана, Богаевскій, которому Калединъ передалъ свою должность, категорически заявилъ: „Каледина казачество не выдастъ не только Временному Правительству, но и никому въ мірѣ“. „Я говорилъ съ представителями рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ Петроградѣ по прямому проводу и услышалъ отъ нихъ, что они ничего не знаютъ, что дѣлается на Дону. Защиту атамана отъ ареста безотвѣтственными лицами они называютъ контръ-революціей“. Бурной оваціей былъ встрѣченъ самъ Калединъ, заявившій съѣзду, что подчиняется отрѣшенію его отъ должности и потому отказывается отъ званія почетнаго предсѣдателя съѣзда“. Такъ же горячо встрѣчена была и большая рѣчь Каледина, представлявшая его апологію передъ казачествомъ. „Честнымъ словомъ гражданина-донца“ Калединъ завѣрялъ кругъ, что никакой телеграммы-ультиматума съ объявленіемъ войны всей Россіи онъ не посылалъ правительству, о передвиженія казачьихъ частей не зналъ и сообщеній правительству о занятіи казаками ст. „Поворино“ не дѣлалъ. Но Калединъ въ то же время открыто заявилъ, что его взгляды „на нужды арміи, на необходимость твердой, не однобокой власти изъ людей, знающихъ дѣло, вполнѣ сошлись“ со взглядами Корнилова, и что „заявленіе министра Авксентьева объ (яко-бы) истинныхъ причинахъ выступленія Корнилова есть ложь“. Корнилова онъ рекомендовалъ, „какъ стойкаго и честнаго солдата долга, ставящаго выше всего интересы, честь и достоинство родины“, какъ „сторонника республиканскаго образа правленія“, который, „желая блага родинѣ, не ищетъ ничего для себя“. „О возвратѣ къ прошлому“, заявлялъ онъ въ отвѣтъ на обвиненіе въ „контръ-революціонерствѣ“, нечего и думать: „разговоры объ этомъ— злостная выдумка“. „Клевету спеціально на него, Каледина, создали безотвѣтственныя общественныя организаціи“. Онъ — „противникъ федераціи“, и уже поэтому нелѣпо обвинять его въ отдѣленіи Дона. Но онъ, дѣйствительно, просилъ и получилъ отъ Корнилова разрѣшеніе оставить на Дону войсковыя казачьи части, случайно остававшіяся или формировавшіяся здѣсь. Онъ сдѣлалъ это,

чтобы дать Дону защиту отъ засилья „16 тысячъ солдатскихъ штыковъ“, „которыми насъ непрестанно запугиваютъ“, — засилья уже „породившаго на Дону негодованіе среди казаковъ, права и хозяйство которыхъ попраны“.

Верхомъ торжества для Каледина было появленіе на кругѣ бывшаго члена правительства М. И. Скобелева. Скобелевъ не съумѣлъ дать отвѣтъ ни на одинъ изъ вопросовъ, въ упоръ поставленныхъ ему Калединымъ и принужденъ былъ сознаться, что свѣдѣнія о „мятежѣ“ Каледина правительство имѣетъ только отъ общественныхъ организацій и изъ газетъ. На вопросъ, на какомъ же основаніи онъ самъ и Авксентьевъ говорили о „мятежѣ“ Каледина на засѣданіи совѣта, Скобелевъ могъ только добродушно отвѣтить: „не знаю“, „не помню“. Тогда Калединъ спросилъ его: „какъ могло правительство, питаясь лживыми слухами и сплетнями, отдать приказъ о моемъ арестѣ, зная, что приказъ можетъ вызвать самосудъ толпы надо мною“. При напряженномъ вниманіи круга Скобелевъ сконфуженно бормоталъ что-то о прерогативахъ правительственной власти. „Теперь вы видите, каково правительство“, закончилъ Калединъ свой вопросъ, обращаясь къ кругу, который отвѣчалъ на этотъ вопросъ новой бурной оваціей атаману.

Резолюція войскового круга, принятая послѣ этого (10 го Сентября), гласила, что „Донскому войску, а вмѣстѣ съ нимъ и всему казачеству нанесено тяжкое оскорбленіе“. Правительство, имѣвшее возможность по прямому проводу провѣрить нелѣпые слухи о Калединѣ, вмѣсто этого предъявило ему обвиненіе въ мятежѣ, мобилизовало два военныхъ округа, московскій и казанскій, объявило на военномъ положеніи города, отстоящіе на сотни верстъ отъ Дона, отрѣшило отъ должности и приказало арестовать избранника войска на его собственной территоріи, при посредствѣ вооруженныхъ солдатскихъ командъ. Несмотря на требованіе войскового правительства, оно, однако, не представило никакихъ доказательствъ своихъ обвиненій и не послало своего представителя на кругъ. Въ виду всего этого кругъ объявилъ „дѣло о мятежѣ“ — „провокаціей или плодомъ разстроеннаго воображенія трусовъ“. Признавая „устраненіе народнаго избранника — грубымъ нарушеніемъ началъ народоправства“, „оскорбленое казачество“ „требовало удовлетворенія“: „немедленнаго возстановленія атамана во всѣхъ правахъ, немедленной отмѣны распоряженія объ отрѣшеніи отъ должности“, „срочнаго опроверженія всѣхъ сообщеній о мятежѣ на Дону“ и „немедленнаго раз-

слѣдованія, при участіи представителей войска Донского", — виновниковъ ложныхъ сообщеній и поспѣшныхъ мѣропріятій, на нихъ основанныхъ. „Каледину, еще не вступившему въ должность по возвращеніи изъ служебной поѣздки въ области", кругъ рѣшилъ „предложить немедленно вступить въ исправленіе своихъ обязанностей войскового атамана".

На слѣдующій день, 11-го Сентября, военный министръ Верховскій отправилъ войсковому кругу слѣдующую телеграмму: „отъ имени Временнаго Правительства счастливъ засвидѣтельствовать, что недоразумѣнія первыхъ дней разсѣяны. Казачество, въ его цѣломъ, не дало втянуть себя въ безумную попытку Корнилова . . . Клеветническіе навѣты на казачество должны умолкнуть, виновность же отдѣльныхъ лицъ можетъ быть установлена точно, судебнымъ разбирательствомъ. Ген. Калединъ, во исполненіе своего гражданскаго долга, долженъ безотлагательно явиться въ Могилевъ къ предсѣдателю слѣдственной комиссіи для дачи показаній".

Хотя правительство и обѣщало при этомъ „внимать лишь голосу безстрастнаго закона", но войсковой кругъ вовсе не былъ склоненъ удовлетворять его новаго требованія. Онъ уже судилъ Каледина, оправдалъ его, и никакого другого суда надъ выборнымъ атаманомъ признавать не желалъ. Для вопроса же слѣдственная комиссія могла пожаловать въ Новочеркасскъ сама. 12-го Сентября кругъ вынесъ соотвѣтственную резолюцію: поѣздка Каледина въ Могилевъ „небезопасна"; показаніе онъ можетъ дать на мѣстѣ. Правительству пришлось примириться и съ этимъ. Дѣло о „мятежѣ" Каледина было, такимъ образомъ, ликвидировано не такъ, какъ того требовала непримиримая позиція Керенскаго, внушенная и поддерживающаяся совѣтомъ р. и с. д., а какъ то указывало наличное „соотношеніе силъ". Въ бесѣдѣ съ представителемъ Кубанскаго войска Бардижемъ, Керенскій высказалъ глубокое сожалѣніе „о создавшемся недоразумѣніи между нимъ и казачествомъ".

Гораздо успѣшнѣе для Керенскаго и совѣтовъ пошла ликвидація Корниловскаго дѣла въ ставкѣ. Но это произошло, главнымъ образомъ, потому, что въ данномъ случаѣ онъ занялъ съ самаго начала — правда не на долго — компромиссную позицію.

Корниловъ и преданные ему генералы должны были, правда, быть покараны „по всей строгости законовъ". Правительство не думало само о смертной казни, но въ эти дни, для успокоенія

совѣтской публики, очень громко о ней говорило, какъ о неизбѣжномъ исходѣ. 30-го Августа газеты вышли съ указами Временнаго Правительства объ отчисленіи отъ должности и о преданіи суду за мятежъ генераловъ Корнилова, Лукомскаго, Деникина, Маркова и товарища министра путей сообщенія Кислякова. Затѣмъ, однако же, нужно было подумать о судьбѣ арміи. Кандидатура ген. Алексѣева, которому два дня назадъ Керенскій самъ предлагалъ занять постъ верховнаго главнокомандующаго, естественно, выдвигалась снова. Но въ промежуткѣ, какъ мы видѣли, явился новый господинъ положенія: совѣтъ р. и с. д., для котораго, послѣ примирительныхъ попытокъ Алексѣева, его кандидатура была непріемлема. Въ то же время совершенно отказаться отъ ген. Алексѣева — значило обострить вопросъ о ликвидаціи ставки. Въ Могилевѣ все таки еще сидѣлъ Корниловъ, окруженный преданными ему частями войскъ. Мысль о томъ, что Алексѣевъ незамѣнимъ, какъ человѣкъ, способный убѣдить Корнилова прекратить дальнѣйшее сопротивленіе, сохранилась и послѣ того, какъ посредническія услуги Алексѣева были отвергнуты*). Теперь эта форма посредничества оказалась не только пріемлемой, но и въ высшей степени желательной.

Эта цѣль достигалась, однако же, и въ томъ случаѣ, если бы Алексѣевъ ограничился должностью начальника штаба при главнокомандующемъ. А кто же будетъ верховнымъ главнокомандующимъ? Кто другой, кромѣ... Керенскаго? Побывавъ министромъ юстиціи, военнымъ и морскимъ министромъ, министромъ-предсѣдателемъ, фактическимъ и формальнымъ диктаторомъ, Керенскій все же чувствовалъ, что по мѣрѣ усиленія формальной власти, фактическая власть отъ него ускользала. Онъ долженъ былъ понять, что дѣйствительная власть давалась лишь обладаніемъ военной силой. Если изъ политическихъ соображеній можно было быть военнымъ министромъ, безъ всякаго знакомства съ военными вопросами, то отчего изъ тѣхъ же соображеній не сдѣлаться верховнымъ главнокомандующимъ? Взять самую боль-

*) „Послѣ нѣкоторыхъ колебаній“, вспоминаетъ объ этомъ А. Ф. Керенскій, „я настаивалъ на принятіи ген. Алексѣевымъ должности начальника штаба верх. главн. Несмотря на все раздраженіе противъ него въ широкихъ демократическихъ кругахъ, несмотря на его личные упорные отказы — я втеченіи двухъ дней (пока не выяснилось реальное отношеніе силъ), настаивалъ все время, какъ только понялъ, что лишь Алексѣевъ, благодаря своей близости къ ставкѣ и огромному вліянію своему въ высшихъ военныхъ кругахъ, могъ успѣшно выполнить задачу безболѣзненной передачи командованія изъ рукъ Корнилова въ новыя руки“ (самого Керенскаго).

шую власть въ государствѣ, взять *всю* власть, казалось естественнымъ логическимъ выводомъ изъ всего предыдущаго для человѣка, который отожествлялъ себя съ революціей и говорилъ: „я имъ революціи не отдамъ". Съ другой стороны, это дразнило воображеніе, уже успѣвшее пресытиться. Занять послѣдній, еще не испробованный постъ, видимо, привлекало Керенскаго по тѣмъ же психологическимъ основаніямъ, по какимъ въ первые дни революціи привлекали демонстраціи власти надъ Щегловитовымъ и надъ другими слугами стараго режима, потомъ проявленіе власти надъ Царемъ и Царицей, наконецъ, пребываніе въ комнатахъ Зимняго Дворца.

Кромѣ того, имѣлись и вполнѣ защитимые аргументы въ пользу такого рѣшенія. Если Алексѣевъ былъ единственнымъ человѣкомъ, которому могъ вѣрить Корниловъ, то не оставался-ли Керенскій, при всѣхъ оговоркахъ, единственнымъ изъ видныхъ политиковъ, которому еще вѣрила армія? И если Алексѣеву предстояло посредничать между правительствомъ и Корниловымъ, то Керенскому необходимо было сыграть ту же роль посредника между солдатами и офицерствомъ. Можно было заранѣе предвидѣть, что съ такимъ трудомъ налаживавшіяся отношенія между офицерствомъ и солдатскими массами, снова, и, быть можетъ, окончательно испортятся послѣ неудачной попытки провести Корниловскую программу. И, дѣйствительно, тотчасъ по полученіи свѣдѣній о Корниловскомъ возстаніи произошли ужасныя сцены самосуда надъ офицерами въ Выборгѣ, въ Гельсингфорсѣ и въ Або. Военный отдѣлъ центральнаго исполнительнаго комитета изображаетъ событія въ Выборгѣ слѣдующимъ образомъ: „Картина самосуда была ужасна. Сначала были вытащены толпой съ гауптвахты, брошены съ моста и убиты въ водѣ три генерала и полковникъ, арестованные передъ тѣмъ соединеннымъ исполнительнымъ комитетомъ и армейскимъ комитетомъ корпуса. Послѣ этого сейчасъ же начался самосудъ въ полкахъ. Оттуда выводили командировъ и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ и, избивъ ихъ, бросали въ воду и избивали въ водѣ. Всего, такимъ образомъ, въ полкахъ было убито около 15-ти офицеровъ. Точное число еще не установлено, такъ какъ часть офицеровъ разбѣжалась. Убійства продолжались до ночи. „Въ Гельсингфорсѣ матросы требовали отъ офицеровъ подписки, что они окажутъ поддержку Врем. Правительству. Не получивъ ее, они разстрѣляли 4 флотскихъ офицера. Въ Або убитъ одинъ флотскій офицеръ. Эти слу-

чаи были, конечно, далеко не единственными. Адмиралъ Максимовъ, опасаясь повторенія этихъ волненій „въ связи съ выступленіемъ союза офицеровъ“, спѣшилъ опубликовать, что офицеры балтійскаго флота не имѣли никогда представителей въ главномъ комитетѣ офицеровъ при ставкѣ, а черноморскій флотъ отозвалъ изъ ставки своихъ представителей послѣ ухода ген. Колчака.

Вспоминая эти данныя, мы поймемъ, почему въ приказѣ новаго верховнаго главнокомандующаго Керенскаго, опубликованномъ 31-го Августа, такъ подчеркивался „великій разумъ“ не только по отношенію къ солдатамъ и матросамъ, но и по отношенію къ „генераламъ, адмираламъ и офицерамъ“. При этомъ возстанавлялся прежній іерархическій порядокъ и эти категоріи офицерства перечислялись *впереди* солдатъ и матросовъ. Когда въ тотъ же день представилась Керенскому депутація отъ дикой дивизіи, во главѣ съ командиромъ кн. Багратіономъ, засвидѣтельствовавшимъ о подчиненіи дивизіи Временному Правительству, Керенскій особенно подчеркнулъ любезное отношеніе къ командиру и рѣзко оборвалъ солдата, который заявилъ въ своей рѣчи, что всѣ измѣнники-командиры должны быть смѣщены и ихъ должна постигнуть безпощадная кара. „Не говорите въ такомъ тонѣ“, остановилъ солдата новый главнокомандующій: „ваше дѣло теперь — повиноваться высшему начальству, а все, что нужно, мы сдѣлаемъ сами“. Въ приказѣ арміи и флоту, изданномъ черезъ день (1-го Сентября) Керенскій опредѣленно требовалъ возвращенія арміи къ „нормальной жизни“, а именно: прекращенія политической борьбы въ войскахъ, невмѣшательства комиссаровъ въ стратегическую и оперативную работу, прекращенія арестовъ начальниковъ, отказа отъ смѣщенія и устраненія отъ командныхъ должностей начальствующихъ лицъ, прекращенія самовольнаго формированія отрядовъ подъ предлогомъ борьбы съ контръ-революціонными выступленіями, снятія контроля телеграфныхъ аппаратовъ и возстановленія безпрепятственной перевозки войскъ. Черезъ три дня, 4-го Сентября, упразднены были (по крайней мѣрѣ, на бумагѣ) и образовавшіеся „въ городахъ, деревняхъ и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, какъ въ тылу, такъ и въ раіонѣ дѣйствующей арміи, по почину самихъ гражданъ, особые комитеты спасенія и охраны революціи“. „Свидѣтельствуя о чрезвычайныхъ заслугахъ“ этихъ комитетовъ въ Корниловскіе дни, правительство запрещало впредь „самочинныя дѣйствія“ какъ „самоуправныя и вредныя“ въ нормальное время. Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ уже сказалось

вступленіе въ должность ген. Алексѣева, подписавшаго приказъ 1-го Сентября вмѣстѣ съ Керенскимъ.

Съ новымъ назначеніемъ Керенскаго освобождались, наконецъ, должности военнаго и морского министровъ, номинально занимавшіяся министромъ-предсѣдателемъ. Теперь не было препятствія исполнить давнишнее требованіе партіи народной свободы и назначить на оба поста спеціалистовъ. Правда, назначенъ былъ спеціалистъ, находившійся подъ особымъ покровительствомъ демократическихъ организацій: полковникъ — теперь генералъ Верховскій и адмиралъ Вердеревскій. Первымъ шагомъ Верховскаго было заявить журналистамъ, что „мы должны организовать армію на тѣхъ началахъ, на которыхъ армія существуетъ у всѣхъ народовъ и во всѣ времена", и „въ первую очередь организовать корпусъ офицеровъ, который бы пользовался всѣмъ авторитетомъ и могъ бы фактически командовать". Морской министръ началъ свою дѣятельность телеграммой центральному комитету балтійскаго флота съ требованіемъ „во имя бывшаго у насъ единенія и взаимнаго довѣрія . . . удержать массы отъ дальнѣйшихъ эксцессовъ" и „прекратить аресты безъ достаточныхъ основаній".*)

Новый верховный главнокомандующій не рѣшался прямо отправиться къ мѣсту своего новаго служенія, въ ставку. Впередъ себя онъ послалъ генерала Алексѣева, который, вступивъ въ должность съ утра, 30-го Августа, подготовилъ свой пріѣздъ въ ставку переговорами съ ген. Корниловымъ по прямому проводу въ ночь на 31-е.

---

*) Въ своихъ комментаріяхъ къ показаніямъ (стр. 169—170), Керенскій вспоминаетъ, что Савинковъ протестовалъ противъ назначенія обоихъ министровъ, и признается, что „отрицательное отношеніе къ этимъ назначеніямъ Савинкова объективно оправдалось: тѣхъ результатовъ, которые ожидались отъ назначенія *на мое мѣсто „настоящихъ" военныхъ* совсѣмъ не получилось. „Въ особенности ген. Верховскій не только не могъ совершенно овладѣть положеніемъ, но даже не смогъ и понять его . . . Былъ подхваченъ политическими игроками слѣва, и помчался безъ руля и безъ вѣтрилъ прямо навстрѣчу катастрофѣ". „Не въ оправданіе себѣ, а просто для объективности", Керенскій лишь напоминаетъ, что не только *до* Корниловскаго движенія, но даже послѣ своего назначенія Верховскій въ Петербургѣ „всѣмъ представлялся, какъ Корниловецъ". Мы увидимъ сейчасъ, что отнюдь не эта репутація, а, именно, лѣвыя устремленія Верховскаго сыграли главную роль въ его назначеніи. Вмѣстѣ съ нимъ „помчался безъ руля и безъ вѣтрилъ навстрѣчу катастрофѣ" и самъ Керенскій: и это есть лучшая характеристика положенія, которую онъ создалъ своей борьбой съ Корниловымъ.

Передъ самыми этими переговорами ген. Лукомскій въ ставкѣ заготовилъ министру-предсѣдателю телеграмму, тонъ и содержаніе которой свидѣтельствовали о самочувствіи Корнилова тотчасъ послѣ выяснившейся неудачи его попытки. Генералъ Корниловъ въ категорическомъ тонѣ *диктовалъ* правительству пять условій своей капитуляціи. „1) Если будетъ объявлено Россіи, что создается сильное правительство, которое поведетъ страну по пути спасенія и порядка и на его рѣшенія не будутъ вліять различныя безотвѣтственныя организаціи, то онъ немедленно приметъ, съ своей стороны, мѣры къ тому, чтобы успокоить тѣ круги, которые шли за нимъ. Ген. Корниловъ еще разъ завѣряетъ, что лично для себя онъ ничего не искалъ и не ищетъ, а добивается лишь установленія въ странѣ могучей власти, способной вывести Россію и армію изъ того позора, въ который онѣ ввергнуты нынѣшнимъ правительствомъ. Никакихъ контръ-революціонныхъ замысловъ ни ген. Корниловъ, ни другіе не питалъ и не питаютъ. 2) Пріостановить немедленно преданіе суду ген. Деникина и подчиненныхъ ему лицъ. 3) Считаетъ, вообще, недопустимыми аресты генераловъ, офицеровъ и другихъ лицъ, необходимыхъ арміи въ эту ужасную минуту. 4) Генералъ Корниловъ считаетъ безусловно необходимымъ немедленный пріѣздъ въ ставку ген. Алексѣева, который, съ одной стороны, могъ бы принять на себя руководство по оперативной части, а съ другой — явился бы лицомъ, могущимъ всесторонне освѣтить обстановку. 5) Ген. Корниловъ требуетъ что бы правительство прекратило немедленно дальнѣйшую разсылку приказовъ и телеграммъ, порочащихъ его, Корнилова, *еще не сдавшаго верховнаго командованія,* и вносящихъ смуту въ странѣ и въ войскахъ. Съ своей стороны ген. Корниловъ обязуется не выпускать приказовъ къ войскамъ и воззваній къ народу, *кромѣ уже выпущенныхъ.*" „Отвѣтъ по содержанію вышеприведенной телеграммы", прибавлялъ Корниловъ Алексѣеву по прямому проводу „я прошу мнѣ дать въ возможно скорѣйшій срокъ, такъ какъ отъ отвѣта будетъ зависѣть дальнѣйшій ходъ событій".

Это совсѣмъ не тонъ побѣжденнаго; если угодно, это даже опять новый „ультиматумъ". Керенскій еще 3-го Августа жаловался Корнилову на него самого, что новый тогда главнокомандующій взялъ привычку говорить съ правительствомъ ультиматумами. Это былъ стиль Корнилова, вытекавшій изъ его характера. Какъ бы то ни было, въ эту минуту, когда Корниловъ уже не

могъ влiять на „дальнѣйшiй ходъ событiй“, подобный стиль, очевидно, былъ меньше, чѣмъ когда нибудь, кстати. Онъ былъ еще менѣе умѣстенъ съ ген. Алексѣевымъ, которому Корниловъ тутъ же объявилъ: „если вашъ прiѣздъ будетъ отложенъ до второго Сентября, я слагаю съ себя всякую отвѣтственность за дальнѣйшiя событiя“. Ген. Алексѣевъ со всей возможной мягкостью и осторожностью отвѣчалъ: „Подчиняясь сложившейся обстановкѣ...“ „послѣ тяжкой внутренней борьбы“ онъ готовъ подчиниться рѣшенiю Врем. Правительства и взять на себя трудъ начальника штаба, но „съ тѣмъ, чтобы переходъ къ новому управленiю совершился преемственно и безболѣзненно“. „Высказанныя мною сегодня (очевидно, Керенскому) условiя по оздоровленiю армiи исходятъ изъ началъ, вами заявленныхъ“ (см. выше)... „Если вы считаете, что минута для перехода управленiя созрѣла и требуется обстановкой, я могу прiѣхать перваго или второго Сентября, если нужно, ускорю, хотя нахожусь въ Петроградѣ безъ всякихъ вещей. Но убѣдительно прошу держать въ своихъ рукахъ управленiе, чтобы устранить безвластiе, въ которомъ находится сейчасъ армiя и дѣлать распоряженiя, которыя подсказываются угрожающимъ положенiемъ непрiятеля.“

Какъ извѣстно, объявивъ Корнилова мятежникомъ, Керенскiй, тѣмъ не менѣе, оставилъ за нимъ руководство военными операцiями. Изъ переговоровъ 30-го Августа мы узнаемъ, что это произошло потому, что, *именно, Алексѣевъ* „настаивалъ на необходимости полнѣйшей преемственности въ управленiи войсками“. Онъ настаиваетъ на ней и теперь, хотя Корниловъ этимъ пользуется, чтобы предъявить еще одинъ маленькiй ультиматумъ. „Чтобы я могъ продолжать свою оперативную работу,.. необходимо, чтобы правительство отмѣнило распоряженiя, въ силу которыхъ прекратились намѣченныя мною стратегическiя перевозки войскъ“. „Постараюсь добиться этой отмѣны“, примирительно отвѣчаетъ Алексѣевъ. Дѣйствительно, онъ добился этого, за исключенiемъ перевозокъ къ Петрограду, Москвѣ, на Донъ и къ Могилеву (соотвѣтствующiй пунктъ мы видѣли въ приказѣ 1-го Сентября см. выше). „Отъ правительства зависитъ отвѣтъ на вашу телеграмму; мольба о сильной, крѣпкой власти есть общая мольба всѣхъ любящихъ родину... Вы можете быть увѣрены въ самой горячей поддержкѣ вашего призыва. Но, „разумѣется, за результатъ Алексѣевъ не ручается“: „я совершенно не орiентированъ въ общей внутренней обстановкѣ управленiя“.

Конечно, „ультиматумъ“ Корнилова удовлетворенъ не будетъ. Деникинъ, его генералы и самъ онъ уже утромъ этого дня преданы суду за мятежъ. Вообще, никакихъ „требованій“ и „условій“ отъ ген. Корнилова не примутъ,—и это предстоитъ ген. Алексѣеву выяснить Корнилову по пріѣздѣ въ ставку. Но уже по пути туда онъ наталкивается на распоряженія самого Керенскаго и Верховскаго, которыя совершенно грозятъ сорвать его примирительную миссію. Выѣхавъ 31-го Августа въ Могилевъ, онъ въ Витебскѣ узнаетъ, что по распоряженію Керенскаго въ гор. Оршѣ собирается отрядъ подполковника Короткова „для дѣйствій противъ Могилева и для арестовъ ген. Корнилова и другихъ лицъ“. „Пришлось“, сообщаетъ ген. Алексѣевъ въ своихъ показаніяхъ, „остановиться въ Витебскѣ и Оршѣ, чтобы предотвратить возможность столкновенія“. Только что, въ три часа дня 1-го сентября, Алексѣевъ прибываетъ въ Могилевъ, какъ тотчасъ же по аппарату получаетъ новое извѣщеніе отъ Верховскаго изъ Москвы, гдѣ тоже готовится экспедиція. „Сегодня выѣзжаю въ ставку съ крупнымъ вооруженнымъ отрядомъ для, того, чтобы покончить то издѣвательство надъ здравымъ смысломъ, которое до сихъ поръ имѣетъ мѣсто. Корниловъ, Лукомскій, Романовскій, Плющикъ-Плющевскій, Пронинъ и Сахаровъ должны быть немедленно арестованы и препровождены — это является цѣлью моей поѣздки, которую считаю совершенно необходимой. Вызвавъ васъ къ аппарату, надѣялся услышать, что эти аресты уже произведены“. „Въ то же время“, продолжаетъ ген. Алексѣевъ, „изъ Петрограда по другому аппатару говоритъ Керенскій, что въ его отсутствіе полученъ рядъ сообщеній, устныхъ и письменныхъ, что ставка имѣетъ гарнизонъ изъ всѣхъ родовъ оружія, что она объявлена на осадномъ положеніи, что на десять верстъ въ окружности поставлена сторожевая охрана, произведены фортификаціонныя работы, размѣщены пулеметы и орудія“. „Я“ сообщаетъ Керенскій Алексѣеву „принимая во вниманіе всю обстановку, не считалъ возможнымъ подвергнуть васъ и слѣдственную комиссію возможному риску и предложилъ Короткову двигаться“. Ген. Алексѣевъ утверждаетъ, что, за исключеніемъ факта, что Могилевъ и окрестности на 10 верстъ были объявлены въ осадномъ положеніи, все остальное было вымысломъ, подсказаннымъ тѣмъ, что „у страха глаза велики“.

Съ этимъ, въ сущности соглашается и Керенскій въ своихъ показаніяхъ. „Въ то время,“ говоритъ онъ, „мы были осаждены

цѣлымъ рядомъ... потомъ оказавшихся фантастическими, свѣдѣній, вродѣ окруженія Могилева фортификаціонными сооруженіями, установки пулеметовъ и орудій на склонахъ губернаторской горки и въ губернскомъ саду... Кромѣ того, всюду начали возникать отряды войскъ, которые стремились къ Могилеву для задержанія Корнилова". И Керенскій признаетъ, что онъ поощрялъ эти отряды. Узнавъ, что отрядъ Короткова „самочинно появился въ Оршѣ", онъ телеграфируетъ Короткову, „что бы онъ подготовилъ, организовалъ наступленіе, но чтобы онъ дѣйствовалъ только по соглашенію съ Алексѣевымъ" (175). Въ то же время Алексѣеву, какъ мы только что видѣли, онъ сообщаетъ, что „предложилъ Короткову двигаться". Объясняя эти противорѣчія, Керенскій говоритъ, что, съ одной стороны, подобными распоряженіями „все вводилось въ извѣстныя рамки", а съ другой — „на всякій случай, нужно было считаться со всѣми этими слухами". Хотя онъ лично и „не особенно довѣрялъ имъ", но боялся, въ случаѣ бездѣйствія „оказаться уже окончательно предателемъ и контръ-революціонеромъ" въ глазахъ лѣвыхъ. Едва ли, однако, Керенскій правъ, что тутъ съ его стороны была только двойная игра. Онъ, очевидно, еще сохранилъ по отношенію къ заговору Корнилова то чувство, которое они съ Некрасовымъ испытали вечеромъ, 26-го Августа, послѣ заявленія В. Н. Львова. Даже и потерпѣвшій неудачу Корниловъ оставался для него „опаснымъ врагомъ", съ которымъ борьба можетъ быть „серьезной". Нужно было, какъ можно скорѣе, добить Корнилова, нужно „для собственнаго успокоенія" какъ выразился самъ Керенскій при другомъ случаѣ — давая иное назначеніе ген. Крымову, чтобы не видѣть его во главѣ третьяго корпуса. Вѣдь все таки „терроръ довольно серьезный былъ въ Могилевѣ" и „Корниловъ такъ прямо и объявилъ, что тѣ, кто противъ него, будутъ разстрѣливаться". „Вопросъ о верховномъ командованіи оставался невыясненнымъ; въ ставкѣ, въ самомъ сердцѣ арміи, все оставался Корниловъ, продолжая отдавать техническія приказанія".

Это прежде всего нервировало самого Керенскаго. Но въ своихъ показаніяхъ онъ старается перемѣстить центръ тяжести на то, что это нервируетъ и массы, „которыя еще и безъ того не пришли въ себя отъ охватившей ихъ паники". „На этой почвѣ", „заявляетъ онъ, „съ каждымъ часомъ все быстрѣе расло настроеніе — „самимъ" идти „покончить" съ Корниловымъ, разъ начальство — не то не можетъ его „убрать" изъ ставки, не то само съ нимъ „стакнулось"

и медлительность съ одной стороны (Алексѣева) и нервная настойчивость съ другой (Верховскаго) говоритъ Керенскій, дѣлались *прямо невыносимыми. Тогда мнѣ пришлось* прибѣгнуть къ *ультимативнымъ воздѣйствіямъ,* по отношенію къ медлившимъ. „Если черезъ два часа, гласилъ этотъ ультиматумъ, „не будетъ выполнено приказаній объ арестѣ Корнилова и Лукомскаго, правительство будетъ считать ген. Алексѣева плѣнникомъ Корнилова и приметъ всѣ мѣры для очистки Могилева отъ контръ-революціонныхъ элементовъ". Въ Петроградѣ утверждали, что Корниловъ упорствуетъ, что за него большая часть войскъ въ ставкѣ; эти силы высчитывались въ 5000 человѣкъ, 12 бронированныхъ автомобилей и 4 аэроплана.

Двухчасовой срокъ истекъ въ 7 ч. 10 м. вечера. Не получивъ отвѣта, Керенскій приказываетъ своему начальнику кабинета, ген. Барановскому, послать новую юзограмму въ ставку. Документъ этотъ, продиктованный страхомъ, отражаетъ настроеніе паники, возросшее до крайнихъ предѣловъ. „Главковерхъ *требуетъ,*" телеграфируетъ Барановскій „чтобы ген. Корниловъ и его соучастники были арестованы *немедленно,* ибо дальнѣйшее промедленіе грозитъ неисчислимыми бѣдствіями. Демократія взволнована свыше мѣры, и все грозитъ разразиться взрывомъ, послѣдствія котораго трудно предвидѣть. Этотъ взрывъ *въ формѣ выступленія совѣтовъ и большевиковъ,* ожидается не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ, и въ другихъ городахъ. Въ Омскѣ арестованъ командующій войсками и власть перешла къ совѣтамъ. Обстановка такова, что медлить больше нельзя. Или промедленіе — и гибель всего дѣла спасенія родины, или немедленныя и рѣшительныя дѣйствія и аресты указанныхъ вамъ лицъ. Тогда *возможна* еще борьба. Выбора нѣтъ. А. Ф. Керенскій ожидаетъ, что государственный разумъ подскажетъ ген. Алексѣеву рѣшеніе и онъ приметъ его немедленно: арестуйте Корнилова и его соучастниковъ. Я жду у аппарата вполнѣ опредѣленнаго отвѣта, единственнаго возможнаго, что лица, участвующія въ возстаніи, будутъ арестованы . . . Для васъ должны быть понятны тѣ политическія движенія, которыя возникли и возникаютъ на почвѣ обвиненія власти въ бездѣйствіи и попустительствѣ. *Нельзя дальше такъ разговаривать. Надо рѣшиться и дѣйствовать.*"

Это былъ постоянный припѣвъ съ вечера, 26-го Августа. Была только одна существенная разница: Керенскій, очевидно, уже не чувствовалъ себя теперь свободнымъ въ своихъ рѣ-

шеніяхъ. Только что пережив панику 28-го Августа, созданную страхами опасности справа, изъ лагеря Корнилова, онъ, два дня спустя уже переживалъ новую панику, чувствуя, что не можетъ справиться съ духами, вызванными его собственными дѣйствіями противъ Корниловскаго „мятежа“. Можно навѣрное сказать, что тогда, 1-го Сентября, страхи эти были чрезмѣрно преувеличены. Но опасность, грозившая Керенскому въ „формѣ выступленія совѣтовъ и большевиковъ“, — та самая опасность, отъ которой хотѣлъ спасти его и Россію Корниловъ — теперь, несомнѣнно, становилась реальной и серьезной опасностью. И вопросъ, когда она сдѣлается непреодолимой, становился только вопросомъ времени.

„Невыносимое“ для Керенскаго напряженіе, наконецъ, разрѣшилось лаконическимъ отвѣтомъ Алексѣева. „Около 10-ти часовъ вечера ген. Корниловъ и т. д. арестованы“. По печатному заявленію Алексѣева, Корниловъ никакого упорства не обнаружилъ, добровольно отдавшись подъ арестъ. Отряду Короткова Алексѣевъ запретилъ вступать въ городъ. Въ 12 ч. ночи пріѣхала слѣдственная комиссія и начала свою работу. Слѣдомъ за ней уже могъ спокойно пріѣхать въ Могилевъ и новый верховный главнокомандующій.

Керенскій пріѣхалъ въ ставку вечеромъ, 5-го Сентября, съ очень опредѣленными намѣреніями. Послѣ докладовъ Алексѣева и предсѣдателя слѣдственной комиссіи Шабловскаго, въ вагонѣ Керенскаго состоялось совѣщаніе министровъ и Алексѣева. „Рѣшено произвести полную чистку ставки отъ контръ-революціонныхъ элементовъ съ одной стороны, съ другой — привлечь новыя болѣе молодыя силы. Рѣшено также произвести перемѣны въ командномъ составѣ, для чего въ ставку вызваны нѣкоторые наиболѣе выдвинувшіеся за послѣднее время генералы. „Это, именно, — начальникъ штаба западнаго фронта Духонинъ и уже извѣстный намъ ген. Черемисовъ.

Въ тотъ же вечеръ ген. Алексѣевъ, видимо, чувствуя кругомъ себя новую, невыносимую для себя атмосферу, подалъ въ отставку безъ объясненія мотивовъ. Точно такъ же, безъ объясненія мотивовъ, обходитъ этотъ щекотливый для него вопросъ и Керенскій въ комментаріи къ своимъ показаніямъ (178). Онъ ограничивается короткимъ замѣчаніемъ, звучащимъ при этихъ обстоятельствахъ откровеннымъ цинизмомъ. „Какъ бы то ни было, задачу, возложенную на него по ликвидаціи ставки, ген. Алексѣевъ

выполнилъ". Ступеньку, по которой Керенскій поднялся на свою новую должность, теперь можно было откинуть. „Длительное сотрудничество для насъ обоихъ было невозможно... Я безъ возраженій принялъ отставку"...

Ген. Алексѣевъ объяснилъ свои мотивы позднѣе. Это были: во-первыхъ, вся постановка вопроса о судѣ надъ Корниловымъ; во-вторыхъ, „непоправимое" положеніе арміи, въ-третьихъ, тяжелое положеніе офицерства. Ген. Алексѣевъ не легко признавалъ положеніе безнадежнымъ и, казалось, всегда имѣлъ какія то надежды. Если этихъ надеждъ у него на этотъ разъ не оказалось, если, какъ онъ выразился, онъ „не только не могъ спокойно работать, но не могъ спокойно дышать", то, значитъ. онъ пришелъ къ заключенію, что ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ вопросѣ, онъ лично ничего сдѣлать не можетъ. Правда, мы только что видѣли, что его вступленіе въ должность начальника штаба сопровождалось такаго рода распоряженіями. въ которыхъ нельзя не видѣть его руку. Но въ нѣсколько дней, какъ только справились съ Корниловымъ, это положеніе уже успѣло измѣниться. Алексѣевъ больше не былъ нуженъ. На его мѣсто явились новые господа положенія, которые болѣе не считали нужнымъ скрывать. —напротивъ, сочли даже необходимымъ подчеркнуть свои особенныя цѣли. Цѣли эти были — тѣ самыя, которыя оправдывали ихъ назначенія въ глазахъ „революціонной демократіи". Ставка — „послѣднее гнѣздо крамолы". Это гнѣздо надо разорить. Вотъ сущность ихъ задачи. И объ этомъ, вслѣдъ за Керенскимъ — но еще опредѣленнѣе его — заговорилъ новый фаворитъ Верховскій. Что за дѣло, что еще недавно они высказывались за основныя начала Корниловской программы. Если совѣты были противъ нея, а Алексѣевъ былъ за нее, то этимъ опредѣлялась позиція Керенскаго и Верховскаго: и надо было демонстрировать эту позицію, какъ можно скорѣе.

6-го Сентября Верховскій вернулся изъ ставки въ Петроградъ,- 7-го онъ слѣлалъ докладъ во Временномъ Правительствѣ, а на слѣдущій день обнародовалъ положенія своего доклада черезъ „Извѣстія Совѣта р. и с. д." Изъ доклада явствовало, что, ознакомившись съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ, Керенскій и Верховскій рѣшили возстановлять дисциплину и поднимать боеспособность арміи—эти задачи они продолжали признавать. — *но не тѣми методами, которые признаны цѣлесообразными при Корниловѣ.* Та прежняя программа внѣдренія дисциплины „выра-

ботанная Временнымъ Правительствомъ *до* Корниловскаго мятежа, въ настоящій моментъ *должна быть отвергнута*". Она была „построена не принципѣ усиленія строгости и ставила во главу угла карательныя мѣры". Это „при данномъ психологическомъ состояніи арміи привело бы лишь къ еще большему разложенію ее, а можетъ быть и къ открытому возбужденію и самосуду". 8-го Сентября Верховскій повторилъ свои новыя открытія передъ той аудиторіей, для которой они собственно и предназначались— передъ исполнительнымъ совѣтомъ р. и с. д. и передъ солдатской секціей совѣта. „Мощная армія" можетъ быть возсоздана „путемъ обновленія команднаго состава". Такова новая исходная аксіома. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь „до сего времени въ арміи держались лица ради ихъ *знаній*" — примѣръ тому — ген. Алексѣевъ, этотъ выдающихся знаній честный человѣкъ. *Но онъ человѣкъ иныхъ взглядовъ. и онъ уйдетъ.* Вмѣстѣ съ нимъ уйдутъ всѣ, кто такъ или иначе примыкалъ къ Корниловскому возстанію. Но въ арміи есть люди, которые раздѣляютъ мою (ген. Верховскаго) *вѣру* въ сердце русскаго солдата... Керенскій намѣтилъ цѣлый рядъ лицъ офицерскаго состава, технически подготовленныхъ, которые *пойдутъ вмѣстѣ съ демократіей* (это его вторая чистка). Лично у Верховскаго есть тоже люди, которыхъ онъ „выбиралъ, послѣ того, какъ убѣдился, что они пойдутъ вмѣстѣ съ демократіей". Они безпрекословно исполняли приказанія Верховскаго въ Москвѣ „въ тревожные Корниловскіе дни". Негодныхъ—въ отставку. Здоровыя начала въ арміи нужно внушать „не пулеметами и нагайками, а путемъ внушенія широкимъ солдатскимъ массамъ идей права, справедливости и... (все таки) строгой дисциплины". Суть дѣла въ томъ, что „старый режимъ оставилъ намъ армію неправильно построенную. Девять десятыхъ арміи занимались тѣмъ, что ее обслуживали". Пусть изъ тыла идутъ въ окопы: что можетъ быть популярнѣе этого лозунга? Правда, лозунгъ будетъ приложенъ прежде всего не къ торгующимъ въ городахъ солдатамъ, а къ общественнымъ учрежденіямъ, обслуживавшимъ армію съ самаго начала войны...

Нужно было теперь, въ соотвѣтствіи съ новыми взглядами, издать новый приказъ арміи и флоту. Этотъ приказъ, подписанный Керенскимъ, Верховскимъ и Вердеревскимъ, появился 9-го Сентября. Отъ прежняго приказа (1-го Сентября) остались „требованія" правительства. чтобы армія и флотъ вернулись къ нормаль-

ной строевой жизни и предоставили слѣдствіе и судъ надъ подозрительными элементами законнымъ властямъ. Но для того, чтобы получить возможность предъявить эти требованія, приказъ предпосылаетъ имъ четыре обязательства. 1) Врем. Правительство производитъ смѣну всѣхъ начальниковъ, которые, по его мнѣнію, неспособны вести войска къ отраженію врага и къ дружной работѣ по укрѣпленію республиканскаго строя въ Россіи. 2) Врем. Правительство замѣняетъ весь руководящій составъ въ ставкѣ верховнаго главнокомандующаго, поскольку онъ замѣшанъ въ мятежѣ ген. Корнилова, новыми, преданными республикѣ, опытными офицерами 3) Врем. Правительство выводитъ изъ ставки войска, принимавшія участіе въ мятежѣ, замѣнивъ ихъ безусловно вѣрными республикѣ частями. 4) Врем. Правительство предаетъ суду *всѣхъ*, чья преступная воля выявилась во время мятежа. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ отмѣнялось устное указаніе обратнаго характера, данное Керенскимъ предсѣдателю слѣдственной комиссіи: „ограничить свою дѣятельность въ военной средѣ по возможности только обслѣдованіемъ виновности *главныхъ* участниковъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, терялъ свое значеніе и принципъ, усвоенный Керенскимъ при назначеніи ген. Алексѣева: „въ кратчайшій срокъ парализовать вліяніе въ арміи самаго страшнаго, можетъ быть, послѣдствія Корниловщины —возрожденія въ арміи недовѣрія ко всему офицерству со стороны солдатскихъ массъ*)".

Вотъ почему, слѣдовательно, ушелъ ген. Алексѣевъ. Вотъ почему онъ потерялъ окончательно вѣру въ возможность сохраненія строевого офицерства и возстановленія боеспособности арміи. „Мятежъ" Корнилова арміи еще не разрушилъ до конца. Покончили съ ней мѣры, принятыя послѣ крушенія Корниловскаго движенія для ликвидаціи „Корниловщины".

Подача отставки всѣми министрами въ ночь на 27-е Августа и окончательный уходъ нѣкоторыхъ министровъ въ ближайшіе дни положили конецъ существованію второго коалиціоннаго правительства и начали собой новый кризисъ власти, еще болѣе затяжной и болѣзненный, чѣмъ предыдущій. Отношеніе Керенскаго къ движенію Корнилова и добровольная сдача Корнилова

---

*) Дѣло Корнилова, стр. 174. Здѣсь Керенскій ставитъ себѣ въ личную заслугу это указаніе и это положеніе.

Алексѣеву вечеромъ, 1-го Сентября, глубоко измѣнили положеніе въ этомъ кризисѣ самого Керенскаго и тѣхъ „соглашательскихъ" элементовъ, на которыхъ держалась самая идея коалиціи. Третья коалиція, послѣ цѣлаго мѣсяца переговоровъ, кое-какъ наладилась. Но всѣ понимали, что это будетъ уже *послѣдняя* попытка сохранить государственность на той позиціи „буржуазной революціи", которую всѣ считали необходимой, но слишкомъ немногіе проявили готовность защищать послѣдовательно и серьезно. Начиналась агонія власти . . .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

П. Н. МИЛЮКОВЪ

ИСТОРІЯ
ВТОРОЙ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ

АГОНІЯ ВЛАСТИ

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ — 1924.

64 II.

П. Н. МИЛЮКОВЪ

ИСТОРІЯ

ВТОРОЙ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

v. 1

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

---

v. 3

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ — 1923.

ТИПОГРАФІЯ АКЦІОНЕРНАГО ДРУЖЕСТВА „ДОБРУДЖА“ — СОФІЯ

I. Второй кризисъ власти.

Керенскій и большевики. Керенскій и „буржуазія“ Безпочвенность коалиціи. Совѣтъ противъ „Директоріи“. Поддержка „демократіи“. Уходъ Некрасова, Чернова, Терещенко. Переговоры съ Кишкинымъ. „Демократія“ противъ к. д. Побѣда большевиковъ въ Петроградскомъ Совѣтѣ. Отставка министровъ — соціалистовъ. Отсрочка кризиса. Провозглашеніе Республики. Другія уступки Керенскаго. Побѣда большевиковъ.

Вступивши въ борьбу съ Корниловымъ и съ „корниловщиной“, А. Ф. Керенскій не только пропустилъ послѣдній моментъ и лишилъ страну послѣдняго шанса выйти изъ состоянія распада и возстановить серьезную и сильную революціонную власть. Онъ также, окончательно и навсегда, подкопалъ ту основу, на которую опиралось его собственное вліяніе. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше его власть дѣлалась личной, и именно съ ея сохраненіемъ или паденіемъ связывалась та или другая судьба всѣхъ не-утопическихъ „завоеваній революціи“. Между тѣмъ, эта власть держалась на очень сложной и хрупкой системѣ равновѣсія. Чтобы удержать это равновѣсіе, Керенскій постоянно балансировалъ то вправо, то влѣво, и обнаружилъ при этомъ довольно значительную ловкость, гибкость, подъ-часъ чисто византійскую. Но именно къ этому балансированію и свелось мало по малу все его государственное искусство. Именно поэтому власть Керенскаго и получила, независимо даже отъ его психологическихъ свойствъ, такой личный и случайный характеръ. Чтобы удержать за собой сколько-нибудь прочно тѣ соціальныя и политическія группы, на которыя Керенскій опирался, имъ нужно было дать что-нибудь положительное. Большевики, сторонники „солдатской, рабочей и крестьянской совѣтской республики“, если не давали, то обѣщали очень многое: немедленный миръ солдатамъ, всю землю крестьянамъ, всю власть надъ фабриками рабочимъ, а всѣмъ—непосредственное

господство и распоряженіе всѣми средствами государства при помощи организованнаго „сознательнаго“ меньшинства. Это была группа внѣ конкуренціи, благодаря абсолютнымъ лозунгамъ, которыми оперировала, темнотѣ массъ, на которыя дѣйствовали эти лозунги, и безграничной развязности пріемовъ, отъ иноземнаго подкупа до вооруженныхъ захватовъ, которые были въ ея распоряженіи.

Противъ ея анархическаго хулиганства всѣ остальныя политическія теченія должны были бы дружно соединиться; въ этомъ собственно и заключалась сущность идеи коалиціи. Но этого не вышло, потому что болѣе умѣренныя теченія русскаго соціализма сами еще слишкомъ глубоко были проникнуты элементами того же утопизма и той же отвлеченной идеологіей. Они чувствовали себя болѣе тѣсно связанными съ анархо-коммунизмомъ, провозглашеннымъ Ленинымъ, чѣмъ съ соціалъ-реформаторами „буржуазныхъ“ оттѣнковъ, а тѣмъ болѣе съ самой „буржуазіей“въ тѣсномъ смыслѣ. И когда приходилось выбирать между головоломнымъ соціальнымъ экспериментомъ, грозившимъ въ будущемъ привести къ диктатурѣ и къ реставраціи самодержавія, или опорой на общественныя силы и слои, въ которыхъ подозрѣвали скрытыхъ „контръ-революціонеровъ“, могущихъ вернуть старый режимъ теперь же, немедленно,— то, при всѣхъ колебаніяхъ, симпатіи умѣренныхъ соціалистовъ,— если не ихъ активная поддержка, — склонялись въ сторону головоломнаго соціальнаго эксперимента. Пусть лучше русская революція скажетъ свое „новое слово“, хотя бы и неудачное, чѣмъ прямо возвращаться къ старому. Если ленинцы говорили: „лучше Вильгельмъ, чѣмъ кадеты“, то умѣренные соціалисты говорили: „лучше Ленинъ, чѣмъ Корниловъ . . . и тѣ же кадеты“.

Церетели придумалъ для Керенскаго комбинацію, при которой „демократическая“, а не чисто соціалистическая, платформа (въ послѣдней редакціи — платформа 14 августа) поддерживалась „демократическими“, но не только соціалистическими, а и „буржуазными“, отказавшимися отъ своей классовой подоплеки, элементами. Именно поэтому Церетели призывалъ „буржуазію“ къ самоотреченію и грозилъ силой лишь тѣмъ, кто, по мѣрѣ углубленія классовыхъ противорѣчій, „отпадетъ отъ революціи“. Однако, вся эта искусственная постройка давно уже дала глубокія трещины влѣво и вправо. Влѣво она не встрѣтила вѣры ни въ солдатскихъ массахъ, ни среди „демократическихъ“ элементовъ въ узкомъ смыслѣ слова. Вправо она вообще не могла имѣть широкой поддержки, ибо ру-

ками „буржуазіи“ здѣсь, все же, дѣлалось дѣло соціалистическаго утопизма. Московское совѣщаніе окончательно выяснило, что за платформой 14-го августа „буржуазія“ не пойдетъ и что примиреніе возможно только неискреннее, — практически необходимое для класса, которому приходится слишкомъ много терять. Именно такимъ примиреніемъ съ задними мыслями было знаменитое рукопожатіе Бубликова. Связь элементовъ, кое-какъ спаянныхъ Цетели, была, такимъ образомъ, искусственная и чисто внѣшняя. Она и показала себя такой, когда, въ концѣ концовъ, объединяющимъ звеномъ осталась одна только личность Керенскаго. Обѣимъ сторонамъ Керенскій былъ нуженъ, какъ наименьшее зло, — и это поддерживало его у власти. Но такая поддержка только и могла быть временная. Она длилась только потому, — и до тѣхъ поръ, — пока насущные вопросы, которые должна была рѣшить революція, не рѣшались, а только отсрочивались. Эти отсрочки могли имѣть значеніе и принести пользу при условіи, что власть временнаго правительства сможетъ продержаться до Учредительнаго Собранія. Но что было дѣлать, когда анархо-коммунистическое теченіе, поддерживаемое непослѣдовательностью соціалистовъ и несознательностью массъ, вовсе не хотѣло ждать Учредительнаго Собранія и даже начинало его бояться, внушая эту боязнь всѣмъ соціальнымъ элементамъ, которые пользовались сложившимся положеніемъ. Закрѣпить текущій моментъ, не дожидаясь невѣрнаго будущаго, — это значило для нихъ, прежде всего, закрѣпить собственныя завоеванія въ наиболѣе выгодное для себя время. Но это значило также — покончить съ компромиссомъ, на которомъ держался Керенскій.

Съ другой стороны, умѣренные государственные элементы и „буржуазія“ въ широкомъ и въ узкомъ смыслѣ держались за Керенскаго — отчасти держались съ возрастающимъ недовольствомъ и даже отвращеніемъ — только потому, что видѣли въ немъ послѣднюю гарантію спокойнаго и благоразумнаго рѣшенія основныхъ государственныхъ вопросовъ въ томъ же неопредѣленномъ будущемъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше выяснялось, что во многихъ вопросахъ нельзя долѣе ждать, ибо ожиданіе было равносильно предрѣшенію вопроса. Вопросъ о боеспособности арміи, земельная реформа, состояніе промышленности и производительныхъ силъ, устройство окраинъ и національностей, наконецъ, основной вопросъ о будущемъ государственномъ строѣ, — всѣ эти вопросы были уже, въ сущности, предрѣшены, безплод-

нымъ ожиданіемъ втеченіе долгихъ мѣсццевъ, — и предрѣшены не въ томъ смыслѣ, въ какомъ намѣчалось ихъ рѣшеніе государственными элементами. Въ частности, вопросъ о возстановленіи мощи арміи и по существу нельзя было долѣе откладывать, нужно было приступить къ серьезной работѣ по возстановленію арміи немедленно, въ августѣ, если хотѣли, чтобы къ веснѣ, къ моменту возможнаго новаго наступленія, могли сказаться результаты этой работы. Таково было мнѣніе лучшихъ военныхъ авторитетовъ, какъ ген. Алексѣевъ. Вотъ почему и ген. Корниловъ отвѣтилъ Верховскому, развивавшему передъ нимъ за два дня до возстанія свой планъ оздоровленія арміи, что путь этотъ „слишкомъ медлителенъ, нѣмцы наступаютъ, а потому необходимо испробовать способъ его, Корнилова, какимъ бы рискованнымъ онъ ни показался".*)

Долѣе отсрочивать было нельзя въ самомъ основномъ вопросѣ текущаго момента, въ вопросѣ о войнѣ, ибо отъ рѣшенія этого вопроса зависѣло и то или другое рѣшеніе другого капитальнаго вопроса — о сильной власти. А послѣ того какъ эти два существенныхъ вопроса были предрѣшены позиціей, занятой Керенскимъ въ дѣлѣ Корнилова, не въ пользу государственнаго рѣшенія, дальнѣйшее ожиданіе стало и вообще безполезно.

Вотъ почему Керенскій, который давно уже сталъ безполезнымъ для крайнихъ лѣвыхъ элементовъ, считавшихъ его „продавшимся буржуазіи", сдѣлался съ этого момента безполезенъ и для этой, такъ называемой, „буржуазіи". Для тѣхъ и другихъ онъ пересталъ быть наименьшимъ зломъ: ибо для тѣхъ и для другихъ было вредно дальнѣйшее существованіе фиктивной системы „коалиціи". Безповоротныя рѣшенія, которыя производились подъ прикрытіемъ „коалиціи", для однихъ противорѣчили ихъ государственнымъ взглядамъ или классовымъ интересамъ, а для другихъ все еще были недостаточно послѣдовательнымъ выраженіемъ ихъ теорій. Такимъ образомъ, связь рвалась съ обоихъ концовъ. Защищать ее теперь могли только доктринеры чистой формы, лишенной всякаго содержанія,—или личные друзья и сторонники Керенскаго, — тѣ немногіе, которые еще сохранили вѣру въ его личное обаяніе. Продержаться на поверхности такая власть могла лишь до перваго сильнаго толчка. Ни предупредить, ни отразить этого толчка она не была въ силахъ. хотя и отлично знала, откуда придетъ ударъ. Она была безсильна противъ этого удара потому, что, въ концѣ концовъ, на тѣхъ флангахъ, гдѣ была дѣйствительная сила, никто не хотѣлъ ее за-

*) Рѣчь ген. Верховскаго къ офицерамъ Петроградскаго гарнизона 12 сент., въ изложеніи „Р. Слова" 13 октября.

щищать, а за центромъ, который ее еще вяло поддерживалъ, вмѣсто реальной силы была лишь одна идеологія. Мы прослѣдили въ предыдущихъ главахъ, какъ подъ ударами фактовъ и эта идеологія постепенно теряла вѣру въ себя и превращалась во фразу, въ „условную ложь". „Буржуазная республика", защищаемая одними соціалистами умѣренныхъ теченій, не находившихъ болѣе опоры въ массахъ, — и даже ими защищаемая à contre coeur, — и въ тоже время потерявшая послѣднюю поддержку „буржуазіи", — такая платформа не могла держаться. Все существо ея вывѣтрилось, оставалась внѣшняя шелуха. Подъ другими формами, здѣсь, въ сущности, вновь водворялась та система оффиціальнаго лицемѣрія, отъ которой погибла старая монархія. Судьба этой системы должна была быть такова же, какъ той: обѣ подготовили почву для революціи, и въ день революціи обѣ не нашли себѣ ни одного защитника.

Внутреннее противорѣчіе того новаго положенія, въ которомъ оказался Керенскій послѣ подавленія корниловскаго возстанія, сразу же раскрылось какъ только былъ поставленъ первый вопросъ созданный распаденіемъ кабинета, — вопросъ о переустройствѣ власти.

Большинство членовъ исполнительнаго комитета совѣтовъ только утромъ 27-го августа узнали о вечерней бесѣдѣ Керенскаго съ В. Н. Львовымъ и о ночномъ засѣданіи, въ которомъ министры передали свои полномочія Керенскому.

У Керенскаго уже была готова мысль окружить себя коллегіей изъ четырехъ „директоровъ", двое изъ которыхъ съ самаго начала революціи принадлежали къ интимному ядру, руководившему всѣми дѣлами (Некрасовъ и Терещенко). Другія два мѣста предполагалось отдать Б. В. Савинкову и Н. М. Кишкину. Къ послѣднему Керенскій питалъ личное довѣріе: въ „директоріи" онъ долженъ былъ представлять Москву и „буржуазію".

Этотъ планъ обсуждался въ вечернемъ засѣданіи министровъ и считался какъ-бы окончательно принятымъ. Кишкина Керенскій вытребовалъ немедленно изъ Москвы. Но нужна была еще санкція Совѣта. Бюро исполнительнаго комитета собралось на экстренное засѣданіе днемъ и выслушало докладъ о корниловскомъ дѣлѣ и о предложеніи Керенскаго относительно переустройства власти. Отъ себя бюро выдвинуло другое предложеніе: создать при директоріи постоянное совѣщаніе изъ представителей „революціонной демократіи". Оба вопроса были переданы на предварительное об-

сужденіе центральныхъ комитетовъ партій, входящихъ въ составъ совѣта. На вечеръ было созвано засѣданіе исполнительнаго комитета съ участіемъ всего комитета, совѣта крестьянскихъ депутатовъ, представителей политическихъ партій, профессіональныхъ союзовъ и кооперативовъ.

Конечно, партійный органъ и совѣтская фракція большевиковъ отнеслись къ обоимъ предложеніямъ отрицательно. Для нихъ всегда, при всѣхъ условіяхъ, существовало только одно рѣшеніе: передать „всю власть совѣту". Соціалисты-революціонеры, получавшіе двухъ представителей въ директоріи (Керенскаго и Савинкова), отводили Савинкова и требовали вступленія Чернова, для чего прибавляли шестое мѣсто директора. Соціалъ-демократы меньшевики также соглашались на директорію, подъ условіемъ введенія въ нее Церетели. Только народные соціалисты и трудовики съ самаго начала высказывались противъ директоріи и за сохраненіе, по мотивамъ цѣлесообразности, прежняго правительства, ибо въ такомъ случаѣ не будетъ оспариваться происхожденіе власти и правительство будетъ сильнѣе. Послѣ совѣщанія отдѣльныхъ фракцій по одиночкѣ, состоялось совмѣстное обсужденіе тѣхъ же вопросовъ представителями всѣхъ партій. При этомъ оказалось, что возраженія трудовиковъ и народниковъ противъ директоріи находятъ поддержку. Большинство склонилось къ тому, чтобы сохранить исполнительную власть за старымъ правительствомъ.

Вопросъ о томъ, чтобы подкрѣпить это правительство постоянно дѣйствующимъ органомъ, въ видѣ совѣщанія представителей, споровъ не возбуждалъ. Всѣ соглашались на созданіе такого совѣщанія, хотя одни предпочитали видѣть въ немъ представителей однѣхъ только демократическихъ организацій, а другіе расширяли его составъ примѣрно до состава московскаго совѣщанія, только безъ членовъ четырехъ Гос. Думъ.

Въ 11 час. вечера, послѣ всѣхъ этихъ совѣщаній, началось закрытое засѣданіе исполнительнаго комитета съ приглашенными. Фракціонные ораторы изложили всѣ оттѣнки партійныхъ мнѣній, начиная отъ безусловной поддержки правительства, предложенной трудовиками, до замѣны его совѣтами, по предложенію большевиковъ. Центральныя партіи согласились на отказъ отъ директоріи и приняли постановленіе оставить правительство въ прежнемъ видѣ, за исключеніемъ членовъ партіи народной свободы, которые должны были быть замѣнены „демократическими элементами". Рѣшено было также созвать въ ближайшемъ будущемъ демократи-

ческій парламентъ изъ представителей всѣхъ тѣхъ организацій, которыя объединились въ Москвѣ на платформѣ 14-го августа. Около 2-хъ часовъ ночи на 28-ое августа президіумъ прервалъ засѣданіе, чтобы сообщить эти рѣшенія Керенскому. Безъ четверти четыре утра президіумъ вернулся изъ Зимняго Дворца и засѣданіе возобновилось. Собранію сообщили, что Керенскій настаиваетъ на директоріи и на передачу ей всей полноты власти, что шестичленный составъ директоріи имъ принятъ. Начавшіяся затѣмъ продолжительныя пренія были прерваны вызовомъ Церетели и Чернова въ Зимній Дворецъ, гдѣ „присутствіе ихъ необходимо".

Это было въ тотъ моментъ, когда стадія „недоразумѣнія" въ Корниловскомъ дѣлѣ кончилась, и начиналась стадія „паники" (см. 2-й выпускъ, стр. 231—234). Послѣ ген. Алексѣева и Терещенко вызывался Савинковъ, послѣ Савинкова—Некрасовъ, послѣ Некрасова дошла очередь до Церетели и Чернова. Этотъ порядокъ экстренныхъ ночныхъ вызововъ свидѣтельствуетъ о сгущавшемся настроеніи министра-предсѣдателя. Сорвавшееся съ устъ Керенскаго восклицаніе: „очень жаль", при извѣстіи, что въ четыре утра уже поздно останавливать Некрасовскія сообщенія газетамъ объ „измѣнѣ" Корнилова, было послѣдней данью примирительному настроенію болѣе умѣренныхъ элементовъ. Послѣ четырехъ часовъ, очевидно, стало несомнѣнно, что Корниловъ подниметъ перчатку, и стало поэтому „необходимо" присутствіе во Дворцѣ Церетели и Чернова.

Вопросъ о переустройствѣ власти, о директоріи, отходилъ вмѣстѣ съ тѣмъ на второй планъ: надо было думать объ организаціи сопротивленія.

Это и сказалось на настроеніи утренняго засѣданія исполнительнаго комитета, открывшагося въ восемь съ половиной часовъ. Громадное впечатлѣніе на участниковъ, собравшихся въ засѣданіи послѣ безсонной ночи, произвела прочтенная М. И. Скобелевымъ прокламація Корнилова къ народу, въ которой Корниловъ обвинялъ Керенскаго, что онъ провоцировалъ его на выступленіе, а все правительство въ томъ, что оно во власти большевиковъ и способствуетъ пораженію Россіи, имѣя пораженцевъ и предателей въ собственной средѣ*). Всѣмъ этимъ Корниловъ мотивировалъ свое рѣшеніе — не допустить Россію до гибели. Прочтя прокламацію, Скобелевъ прибавилъ, что Корниловъ приказалъ воинскимъ час-

*) См. текстъ этого приказа вып. 2-й, стр. 241.

тямъ двинуться на Петроградъ, что положеніе очень серіозно и что въ отвѣтъ на диктатуру Корнилова необходимо создать такую государственную власть, которая бы всю мощь свою употребила на борьбу съ узурпаторомъ. Послѣ этого собраніе уже не имѣло охоты разсуждать о реконструкціи власти. Церетели доложилъ ходъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ Керенскимъ и заявилъ, что правительству необходимо оказать теперь полную и всестороннюю поддержку, не входя ни въ какія пререканія. Большевики, меньшевики-интернаціоналисты, и лѣвые с.—ры одни продолжали возражать, соглашаясь оказать правительству „лишь чисто техническую и военную поддержку". Подавляющее большинство приняло резолюцію, формулированную Церетели въ самыхъ общихъ выраженіяхъ: „Предоставляя товарищу Керенскому формированіе правительства, центральной задачей котораго должна являться самая рѣшительная борьба съ заговоромъ и ген. Корниловымъ, ц. и. к. совѣта р. и с. д. обѣщаетъ правительству самую энергичную поддержку въ этой борьбѣ."

Мы видѣли, что „энергичная поддержка" была оказана вплоть до „самочинныхъ арестовъ" и „рѣшительныхъ дѣйствій" петроградскаго и мѣстныхъ „комитетовъ спасенія революціи". „Демократическія организаціи" собирали войска, арестовывали генераловъ, офицеровъ и депутатовъ, захватывали телеграфъ и радіотелеграфъ, останавливали желѣзнодорожное движеніе, — словомъ, проявили большую распорядительность, не стѣсняясь формальными рамками, и дали эффектную пробу своей силы по отношенію ко всему, что носило кличку „контръ-революціи". Чтобъ съорганизовать свои элементы противъ Корнилова, исполнительный комитетъ издалъ воззваніе, въ которомъ не скупился на демагогію. Корниловъ хочетъ возстановить старый строй и лишить народъ земли и воли; „Корниловъ готовъ открыть фронтъ германцамъ, готовъ предать родину" и т. д.

Эти работы совѣта отвлекли его на время отъ вопроса о реорганизаціи власти, но не на долго, Вернувшись къ вопросу, „демократическія организаціи" пріобрѣли за-то тѣмъ большій вѣсъ въ его рѣшеніи.

28-го августа, какъ мы знаемъ, прошло при паническомъ настроеніи правительства, и настроеніе это къ вечеру достигло апогея. Керенскому пришлось впервые изъ устъ товарищей — соціалистовъ выслушать крайне неблагопріятную оцѣнку своихъ дѣйствій и сдѣлать предложеніе — покинуть власть по собственному

почину, передавъ ее болѣе сильнымъ. Въ этотъ день подъ „болѣе сильными“ подразумѣвались болѣе умѣренные, какъ единственно способные перекинуть мостъ къ грядущему побѣдителю, какимъ представлялся Корниловъ. За уходъ Керенскаго и за назначеніе на его мѣсто ген. Алексѣева прямо высказалось нѣсколько голосовъ, а изъ молчавшихъ многіе, очевидно, сочувствовали этому (см. выпускъ 2-й, стр. 253—254). 29-го августа положеніе Керенскаго снова укрѣпилось, причемъ политическій маятникъ качнулся въ другую сторону — влѣво.

За ночь Керенскому пришлось сдѣлать выборъ между Некрасовымъ и вождями совѣтовъ. Въ моментъ малодушія Некрасовъ потерялъ то довѣріе Керенскаго, на которомъ основывалась его роль въ „тріумвиратѣ“. Уже со времени засѣданія въ Зимнемъ Дворцѣ (см. 2-й вып., стр. 35) Некрасовъ понималъ, что политическая карта, на которую онъ поставилъ свою карьеру государственнаго дѣятеля, бита. По его словамъ, онъ „два раза уступалъ просьбамъ Керенскаго остаться въ кабинетѣ“ въ ночь на 7-ое іюля и тогда, когда принялъ портфель министра финансовъ (24 іюля). На этотъ разъ Керенскій не только не просилъ, но и не удерживалъ Некрасова. Одно время Керенскій продолжалъ цѣнить въ Некрасовѣ полезнаго посредника въ томъ политическомъ лагерѣ, съ которымъ приходилось считаться, но гдѣ Керенскій не имѣлъ основанія разсчитывать на симпатіи. Разойдясь со своими политическими друзьями, Некрасовъ и въ этомъ отношеніи пересталъ быть полезенъ. Вынужденный для печати мотивировать свой уходъ, Некрасовъ прямо заявилъ, что онъ не только „не опирается ни на какую общественную группу“, но и имѣетъ противъ себя „значительную часть русскаго общества“, а, между тѣмъ, „удары, направленные лично противъ него“, бьютъ по правительству въ виду той „легенды“, впрочемъ, „выросшей изъ крупицы истины“, что онъ состоитъ несмѣняемымъ членомъ правительственнаго тріумвирата.

Эти же дни возможнаго торжества Корнилова покончили съ министромъ противоположнаго лагеря, — съ тѣмъ, который на московскомъ совѣщаніи и въ корниловскихъ приказахъ былъ публично отмѣченъ, какъ „предатель“, съ Черновымъ. Черновъ послѣдній, весьма неохотно написалъ свое прошеніе объ отставкѣ, — и тотчасъ же составилъ себѣ планъ—стать замѣстителемъ Керенскаго въ будущемъ кабинетѣ. Онъ открылъ противъ своего товарища по партіи, котораго пытался не пустить въ цен-

тральный комитетъ, ожесточенную и систематическую компанію въ своемъ органѣ, „Дѣлѣ Народа“.

Кромѣ окончательно оставившихъ министерство Кокошкина и Юренева, былъ и еще министръ, котораго ходъ корниловской исторіи заставилъ сдѣлать попытку уйти изъ состава кабинета. Это былъ другой членъ „тріумвирата“ Терещенко. Этотъ министръ былъ достаточно уменъ, чтобы понять, что и его карта бита. Изъ попытки согласовать интересы России съ циммервальдскими тенденціями во внѣшней политикѣ ничего не вышло, кромѣ ослабленія нашего вліянія среди союзниковъ. Два раза за время своего управленія Терещенко сдѣлалъ попытку продемонстрировать свою самостоятельность передъ союзниками и передъ „революціонной демократіей“. Но обѣ попытки были довольно неудачны. Протестъ противъ низложенія германофильски настроеннаго греческаго короля Константина очень удовлетворялъ принципу „самоопредѣленія народовъ“, но совершенно не вызывался нашими интересами. А заявленіе, что Стокгольмская конференція есть „частное дѣло“ партій, а не правительства, вызвало цѣлый скандалъ за-границей и дома, лишивъ правительство опредѣленной позиціи у русской „демократіи“, но не давъ ему возможность занять столь же опредѣленную собственную позицію. Въ Россіи первый шагъ прошелъ незамѣченнымъ. Второй, напротивъ, былъ черезчуръ замѣченъ и вызвалъ необходимость поправокъ и опроверженій. Послѣ того и другого, во всякомъ случаѣ, у министра не могло не остаться осадка горечи. Очевидно, никакіе экстра-туры не могли поправить основной ошибки соглашенія съ циммервальдцами, и приходилось нести ея послѣдствія. Въ дѣлѣ Корнилова Терещенко долженъ былъ особенно тяжело почувствовать это положеніе внѣшней связанности, ибо здѣсь присущее ему чувство любви къ родинѣ слишкомъ рѣзко сталкивалось съ требованіями формальной дисциплины, обязательной для члена кабинета. Потерпѣвъ неудачу въ своей попыткѣ убѣдить Керенскаго — стать на точку зрѣнія „недоразумѣнія“, Терещенко лишь противъ воли вынужденъ былъ стать на точку зрѣнія „мятежа“ и тотчасъ же болѣзненно столкнулся съ первой жертвой этой тактики Керенскаго, съ самоубійствомъ Крымова, чистаго и идейнаго офицера, о заслугѣ котораго передъ русской революціей онъ счелъ своимъ долгомъ разсказать послѣ его смерти (см. вып. 2-й, стр. 268). Терещенко подалъ прошеніе объ оставкѣ послѣ Некрасова. Но на его мѣсто, какъ и на мѣсто Карташева, оберъ-прокурора синода, не нашлось кандидата. Обоимъ пришлось временно остаться.

Какъ бы то ни было, по политическимъ или по человѣческимъ причинамъ, кабинетъ распадался. Для укрѣпленія его Керенскій пока придумалъ только приглашеніе Н. М. Кишкина, участвовавшаго, какъ мы видѣли, въ засѣданіи 28-го августа. 30-го августа состоялось послѣднее „частное совѣщаніе" съ участіемъ уходившихъ министровъ к. д. Не отказываясь дать Керенскому новаго представителя партіи по его выбору и одобривъ вступленіе въ правительство Кишкина, которому предназначалось министерство внутреннихъ дѣлъ, центральный комитетъ партіи народной свободы предъявилъ, однако, въ засѣданіи 30-го августа, черезъ своихъ товарищей, свои условія. Онъ хотѣлъ привлеченія въ составъ правительства авторитетныхъ представителей команднаго состава. Первоначально здѣсь разумѣлся ген. Алексѣевъ. За его назначеніемъ начальникомъ штаба, требованіе было перенесено на должности военнаго и морского министра, и совпало съ желаніемъ Керенскаго удалить Савинкова и назначить Верховскаго и Вердеревскаго, — то и другое въ полномъ контактѣ съ совѣтомъ. Затѣмъ ц. к. партіи народной свободы предложилъ ввести въ кабинетъ представителей торгово-промышленнаго класса, какъ это имѣлось въ виду еще при предыдущихъ переговорахъ въ іюлѣ. Это требованіе тоже было принято Керенскимъ, и онъ уполномочилъ Кишкина на переговоры въ Москвѣ съ торгово-промышленнымъ классомъ. Торгово-промышленная Москва намѣтила Смирнова на должность государственнаго контролера. Самъ Керенскій намѣтилъ себѣ гласнаго Бурышкина, но впослѣдствіи эта кандидатура отпала, какъ не рекомендованная московскимъ купечествомъ, и замѣнена была другимъ представителемъ торгово-промышленнаго класса, въ лицѣ С. Н. Третьякова. Третье требованіе к. д., вытекавшее изъ печальнаго опыта „тріумвирата", состояло въ томъ, чтобы не было болѣе правительства въ правительствѣ и чтобы всѣ члены правительства имѣли одинаковое участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Это требованіе совпало съ возраженіями соціалистическихъ партій противъ учрежденія „директоріи". Но „директорія" оставалась любимой мыслью Керенскаго, привыкшаго дѣйствовать самовластно и окружать себя въ кабинетѣ лишь такими товарищами, которые могли съ этимъ самовластіемъ мириться. Четвертымъ требованіемъ к. д. было то, чтобы корниловское дѣло было ликвидировано безъ ущерба для боеспособности арміи и безъ дальнѣйшаго обостренія гражданской розни

раздѣленіемъ страны на два лагеря, „контръ-революціонеровъ“ и „революціонной демократіи“. Это требованіе, какъ мы знаемъ, вполнѣ соотвѣтствовало настроенію тѣхъ дней, когда назначался ген. Алексѣевъ и издавались внушенные имъ приказы по арміи. Но съ назначеніемъ ген. Верховскаго военнымъ министромъ и съ проявленіемъ въ ближайшіе дни хозяйской роли совѣтовъ требованіе это стало совершенно невыполнимымъ для Керенскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, очень скоро обнаружилось, что, приглашая ген. Алексѣева и Кишкина, поручая Кишкину обсудить еще болѣе правыя, уже чисто „буржуазныя“ кандидатуры, Керенскій разсчитывалъ безъ хозяина. Въ исполнительномъ комитетѣ совѣта въ тотъ же день, 30-го августа, появилось самое нетерпѣливое отношеніе къ сохраненію у власти к. д., и выразилъ это настроеніе не кто иной, какъ членъ кабинета, министръ труда М. И. Скобелевъ. Подчеркнувъ заслуги совѣта и комиссіи борьбы съ контръ-революціей, которая только что сдѣлала свой докладъ, въ усмиреніи корниловскаго мятежа, Скобелевъ перешелъ къ вопросу о переустройствѣ власти и прежде всего сообщилъ о назначеніяхъ уже состоявшихся. Имена Верховскаго и Вердеревскаго были привѣтствованы шумными апплодисментами. Напротивъ, при именахъ новаго верховнаго главнокомандующаго Керенскаго и его начальника штаба ген. Алексѣева, зала хранила молчаніе. Это вышло тѣмъ болѣе замѣтно, что неловкій ораторъ сдѣлалъ тутъ большую паузу, дожидаясь выраженій одобренія. Уже насторожившись, аудиторія недовѣрчиво встрѣтила дальнѣйшія слова оратора. Скобелевъ говорилъ, что коалиція должна быть сохранена, ибо она „не есть плодъ кабинетныхъ измышленій“; но что, „конечно, въ кабинетѣ не можетъ быть мѣста тѣмъ, кто такъ или иначе связанъ съ Корниловымъ“. „Нельзя ли болѣе конкретно“, раздались голоса съ мѣстъ. Скобелевъ, идя на встрѣчу собранію, высказался болѣе „конкретно“. „Одна партія, заявившая на столбцахъ своего органа, что Корниловъ — реальная сила, съ которой необходимо считаться, не можетъ разсчитывать на то, чтобы ея представители вошли въ кабинетъ“. Крики съ мѣстъ: „слава Богу, долой к. д.“ пояснили мысль оратора. Впрочемъ, далѣе, въ рѣчи другого министра, Авксентьева, эти указанія были еще „конкретнѣе“. Когда министръ внутреннихъ дѣлъ упрекалъ Корнилова, что онъ оставилъ армію „беззащитной противъ натиска непріятеля“, раздались крики: „смерть измѣнникамъ“. Уступая настроенію собранія, ораторъ, при шумныхъ апплодисментахъ, потребовалъ смертной казни для гене-

рала, добившагося возстановленія этого института въ арміи. Далѣе слѣдовало повтореніе невѣрныхъ свѣдѣній о Калединѣ, а о новомъ правительствѣ Авксентьевъ сообщилъ, что „въ составѣ кабинета не могутъ быть тѣ люди, которые открыто не отмежевались отъ сторонниковъ мятежа и которые сваливаютъ всю вину за мятежъ на временное правительство. Не могутъ войти въ правительство и тѣ люди, которые предлагали начать переговоры съ мятежнымъ генераломъ“. При этихъ словахъ раздались крики: „арестовать Милюкова“. Слѣдующимъ ораторомъ былъ Церетели. Далекій отъ того, чтобы возражать обоимъ министрамъ, онъ лишь рѣзче подчеркулъ значеніе „оправдавшей себя идеи коалиціи“. Но и онъ не только требовалъ „отсѣченія нѣкоторыхъ частей этой коалиціи“, — утверждая на этотъ разъ, сообразно настроенію аудиторіи, что это не означаетъ „съуженія базы революціи“, — но настаивалъ на „разрушеніи тѣхъ центровъ, вокругъ которыхъ собираются темныя силы“: на чисткѣ ставки, на роспускѣ 4-ой Думы, ибо интересы революціи и страны требуютъ, чтобы государственная власть гарантировала насъ отъ повторенія подобныхъ случаевъ“. Рѣчи большевиковъ и интернаціоналистовъ, Каменева, Стеклова, Лапинскаго, прознесенныя на слѣдующій день, 31-го августа, показали, съ какимъ настроеніемъ должны были считаться приведенныя рѣчи правительственныхъ ораторовъ. Здѣсь уже не только осуждалась идея коалиціи, но и выставлялось требованіе полной смѣны правительства, какъ недостаточно рѣшительнаго. „Мятежъ Корнилова — не его единоличное преступленіе, а преступленіе организованной буржуазіи“, говорилъ Каменевъ. „Только коалиція пролетаріата, крестьянства и солдатъ спасетъ революцію, и только такая коалиція возможна въ настоящій моментъ“. „Коалиція съ буржуазіей“, прибавлялъ Стекловъ, „убиваетъ живыя силы представителей демократіи, которые принуждены при этомъ вести соглашательскую политику и подчиняться саботажу праваго крыла“.

Этой крайней, но вполнѣ послѣдовательной позиціи, умѣренная „демократія“ противопоставила свой, какъ обыкновенно, внутренне-противорѣчивый планъ: сохранить коалицію, но безъ участія въ ней членовъ партіи народной свободы.

Прежде чѣмъ принято было по этому поводу окончательное рѣшеніе исполнительнаго комитета совѣта, товарищи по партіи с. р., Гоцъ и Зензиновъ, привезли Керенскому въ Зимній Дворецъ мнѣніе, — „пока еще не ультиматумъ“, — его политическихъ

единомышленниковъ. Включеніе въ кабинетъ к. д. недопустимо. „Но, прибавлялъ Гоцъ, это не исключаетъ возможности вступленія отдѣльныхъ представителей этой партіи“, отгородившихся отъ „милюковцевъ“, какъ это сдѣлали московскіе к. д., принявшіе въ городской думѣ формулу с. р. . . „Съ этой стороны вступленіе Кишкина не вызвало бы особыхъ затрудненій“. Такъ говорилъ журналистамъ Гоцъ еще въ полночь съ 31-го августа на 1-ое сентября. Керенскій сообразно съ этимъ, продолжалъ вести переговоры съ к. д. и съ промышленниками. Вечеромъ 2-го сентября Н. М. Кишкинъ, С. А. Смирновъ и П. А. Бурышкинъ выѣхали изъ Москвы въ Петроградъ. Кишкинъ напечаталъ письмо въ газеты, въ которомъ заявлялъ, что „входитъ во временное правительство съ одобренія ц. к. партіи народной свободы“, чтобы противодѣйствовать „борьбѣ классовъ и партій“ и содѣйствовать единенію. Однако же, утромъ 2 го сентября, когда всѣ трое пріѣхали въ Петроградъ, положеніе дѣлъ тамъ совершенно измѣнилось.

Перемѣну эту создала позиція, занятая въ вопросѣ о власти петроградскимъ совѣтомъ. Совѣтъ этотъ давно уже проявлялъ склонность къ большевизму, и въ немъ теперь создалось именно на этомъ вопросѣ большевистское большинство. 31-го августа, послѣ описаннаго выше засѣданія исполнительнаго комитета, открылось засѣданіе петроградскаго совѣта. Оно началось съ того доклада Богданова о „самочинной“ дѣятельности комитета борьбы съ революціей, изъ котораго мы приводили выдержки (2-й выпускъ, стр. 269—270). Докладъ кончался сообщеніемъ, что комитетъ уже потребовалъ отъ правительства платы за свои услуги: освобожденія большевиковъ, арестованныхъ по дѣлу 3—5 іюля. Продолженіе засѣданія соотвѣтствовало этому началу. Рѣчь Церетели, пытавшагося защищать принципъ коалиціи, такъ часто прерывалась протестами, что, наконецъ, предсѣдательствовавшій Чхеидзе принужденъ былъ напомнить, что у совѣта достаточно силы, чтобы „выставить за двери нарушителей порядка“. Попытка защитить „московскихъ“ к. д., принявшихъ по дѣлу Корнилова с. р.-скую резолюцію, была встрѣчена особенно сильнымъ шумомъ, что вызвало рѣзкую отповѣдь Церетели. „Не переоцѣнивайте своихъ силъ“, говорилъ онъ: „вѣдь, если заговоръ Корнилова не удался, то исключительно потому, что не былъ активно поддержанъ всей буржуазіей: иначе совладать съ нимъ однѣми демократическими силами было бы невозможно“. „Было бы величайшимъ несчастіемъ, если бы власть попала въ руки одного лишь класса“.

Но аргументы не помогали. Настроеніе аудиторіи уже сложилось, и, въ пику Церетели, она устроила шумную овацію Ю. Стеклову, повторившему свою дневную рѣчь. Всѣ дальнѣйшія выступленія — Каменева, Мартова, Володарскаго, Розанова — были противъ коалиціи. С. Р. Болдыревъ присоединилъ къ этому требованія — чистки ставки, роспуска Г. Совѣта и Думы и отвѣтственности правительства, которое создадутъ совѣты, передъ революціоннымъ парламентомъ изъ демократическихъ организацій, впредь до созыва Учредительнаго Собранія. Напрасно Церетели снова пытался доказать, что передача власти пролетаріату не опирается на дѣйствительное соотношеніе силъ и что обѣщанія большевиковъ не могутъ быть исполнены. Онъ кончилъ свою рѣчь, однако же, пессимистическимъ аккордомъ. „Очевидно, что знамя революціи, которое втеченіе шести мѣсяцевъ находилось въ нашихъ рукахъ, переходитъ въ другія руки. Хотѣлось бы, чтобы въ этихъ рукахъ оно прожило хотя бы половину этого времени. Но я этого момента опасаюсь, такъ какъ перехода власти въ руки совѣта р. и с. д. съ нетерпѣніемъ ждутъ противники революціи, чтобы нанести ей рѣшительное пораженіе". Церетели, несомнѣнно, сообщилъ здѣсь о настроеніи, въ то время уже довольно распространенномъ; онъ не упомянулъ лишь, что оно было создано именно тактикой умѣреннаго соціализма.

Засѣданіе петроградскаго совѣта закончилось, дѣйствительно, пораженіемъ совѣтскаго большинства. Большинствомъ 279-ти противъ 115, при 51 воздержавшемся, была принята резолюція, предложенная большевиками, слѣдующаго содержанія. Всякія колебанія въ дѣлѣ организаціи власти должны быть прекращены. Отъ власти должны быть отстранены не только представители к. д., но и представители цензовыхъ элементовъ вообще. Единственный выходъ—въ созданіи власти изъ представителей революціоннаго пролетаріата и крестьянства. Въ основу дѣятельности новаго правительства должно быть положено: декретированіе демократической республики, немедленная отмѣна частной собственности на помѣщичью землю, объявленіе тайныхъ договоровъ недѣйствительными и немедленное предложеніе всѣмъ народамъ воюющихъ государствъ заключить демократическій миръ. Кромѣ того, необходимо прекращеніе всякихъ репрессій противъ рабочихъ и ихъ организацій, немедленная отмѣна смертной казни на фронтѣ, возстановленіе полной свободы агитаціи въ арміи и конфискація буржуазныхъ газетъ. Резолюція требуетъ еще выборности комис-

саровъ, осуществленіе правъ націй, живущихъ въ Россіи, на самоопредѣленіе, — въ первую очередь, удовлетворенія требованій Финляндіи и Украины, — и роспуска Г. Совѣта и Г. Думы.

Старое большинство совѣтовъ было, такимъ образомъ, побѣждено. Церетели правильно учелъ психологію собранія. Въ виду своего пораженія, весь президіумъ петроградскаго совѣта сложилъ свои полномочія. Въ этотъ президіумъ входилъ весь цвѣтъ совѣтскихъ вождей: Чхеидзе, Анисимовъ, Гоцъ, Данъ, Скобелевъ, Церетели и Черновъ.

Въ ряды „революціонной демократіи" это пораженіе совѣтскаго большинства въ петроградскомъ совѣтѣ внесло чрезвычайное смятеніе и растерянность. Въ два часа дня на слѣдующій день (1-го сентября) въ исполнительномъ комитетѣ должны были продолжаться пренія по рѣчамъ Скобелева и Авксентьева. Но нужно было придти въ засѣданіе съ какимъ-нибудь готовымъ рѣшеніемъ. Этого рѣшенія не было. Засѣданіе было отсрочено съ 2-хъ часовъ до 7-ми веч., потомъ съ 7-ми до 11-ти. Наконецъ, нетерпѣніе ждавшихъ цѣлый день членовъ исполнительнаго комитета заставило открыть засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Филипповскаго. Но только въ 2 часа ночи пріѣхали министры — увы, уже бывшіе, — и начались такъ долго ожидавшіяся пренія.

Что же произошло за этотъ день?

Вожди „революціонной демократіи" цѣлый день переѣзжали изъ центральныхъ комитетовъ партій въ Зимній Дворецъ и обратно. Побѣда большевиковъ въ петроградскомъ совѣтѣ поставило умѣренное большинство соціалистическихъ партій передъ необходимостью выбора: или уступить въ вопросѣ о власти, или ждать новаго большевистскаго выступленія въ Петроградѣ. По рукамъ уже ходилъ, на этотъ послѣдній случай, министерскій списокъ съ именами Чернова, въ качествѣ премьера, Рязанова — министра иностранныхъ дѣлъ, Луначарскаго — министра внутреннихъ дѣлъ, Авилова — министра финансовъ. Съ другой стороны, правда, оборонческія группы соціалистовъ выступили съ воззваніемъ къ гражданамъ, въ которомъ умоляли „не мѣшать правительству упрочить и расширить общественный фундаментъ его политической власти". Воззваніе это было напечатано 1-го сентября въ трехъ соціалистическихъ газетахъ, с.-р-овской „Волѣ Народа", плехановскомъ „Единствѣ" и народническомъ „Народномъ Словѣ". Но всѣ эти группы, какъ извѣстно, не были вліятельны въ рабочихъ массахъ, настроеніе которыхъ въ эти дни было особенно повышено. Счи-

таясь съ этимъ настроеніемъ и съ опасностью большевистскаго выступленія, руководители умѣреннаго большинства рѣшились выставить удаленіе членовъ партій к. д. изъ правительства, уже какъ требованіе ультимативное. Центральный Комитетъ с. р. подкрѣпилъ это требованіе угрозой отозвать своихъ представителей изъ правительства, если к. д. останутся: въ этомъ случаѣ даже самъ Керенскій лишался права считать себя представителемъ с. р.

Этотъ ультиматумъ ставилъ Керенскаго въ невозможное положеніе. Возражая противъ к. д., но не возражая прямо противъ коалиціи, лидеры совѣта, въ сущности, дѣлали коалицію невозможной. Керенскій объяснилъ имъ, что ген. Алексѣевъ приглашенъ на условіи широкой коалиціи, и что генералы Рузскій и Драгомировъ уйдутъ, если это условіе будетъ нарушено, а болѣе правые элементы, какъ представители торгово-промышленнаго класса, не войдутъ въ правительство безъ к. д.; что, наконецъ, онъ, Керенскій, уже вошелъ въ переговоры съ кандидатами торгово-промышленниковъ и лично связалъ себя обѣщаніями, данными Кишкину и Алексѣеву. Если ультиматумъ не будетъ взятъ обратно, то останется только уйти и ему самому, Керенскому.

Эти заявленія вновь обсуждались въ центральныхъ комитетахъ, но на этотъ разъ не оказали дѣйствія. Даже уходъ Керенскаго былъ не такъ страшенъ, какъ гнѣвъ большевиковъ. Противъ Керенскаго существовало сильное настроеніе даже въ собственной его партіи. Въ 11 часовъ вечера началось совѣщаніе министровъ въ Зимнемъ Дворцѣ, а вопросъ все еще не былъ рѣшенъ. Въ полночь пріѣхали въ Зимній Дворецъ представители исполнительнаго комитета Церетели, Гоцъ, Данъ, Ракитниковъ и др. съ печальными вѣстями. Они успѣли освѣдомиться о настроеніи исполнительнаго комитета, начавшаго засѣданіе въ Смольномъ. Ничего нельзя подѣлать. „Мы зашли въ тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода.“ Ни ультиматумъ, ни угроза отозваніемъ министровъ партійныхъ соціалистовъ не могутъ быть взяты назадъ. Молча Керенскій выслушалъ эти повторныя заявленія. Делегаты уѣхали въ Смольный. Министры продолжали обсуждать дѣло въ Зимнемъ Дворцѣ. Въ большинствѣ своемъ*) они находили, что не можетъ быть другого рѣшенія, кромѣ сохраненія коалиціи на прежнихъ основаніяхъ. Когда къ

*) Въ совѣщаніяхъ съ 30-го августа участвовалъ „усѣченный“ составъ кабинета безъ Чернова, Кокошкина, Юренева, Ольденбурга, Пѣшехонова, а съ 31-го августа и безъ Некрасова. На лицо были: Керенскій, Авксентьевъ, Скобелевъ, Зарудный, Прокоповичъ, Терещенко, Карташевъ, Ефремовъ.

двумъ часамъ ночи это мнѣніе большинства выяснилось, то М. И. Скобелевъ и Н. Д. Авксентьевъ, считавшіе себя связанными рѣшеніемъ революціонныхъ органовъ демократіи, заявили, что не могутъ долѣе оставаться въ правительствѣ и просятъ считать ихъ выбывшими изъ кабинета. Къ нимъ присоединилъ свою просьбу и Зарудный. Съ какимъ настроеніемъ они это сдѣлали, это видно изъ рѣчей, произнесенныхъ тотчасъ послѣ этого въ Смольномъ обоими пріѣхавшими туда эксъ-министрами.

Отъ задорнаго тона ихъ же рѣчей, два дня назадъ,—теперь не осталось и слѣда. Оба оратора были близки къ полному отчаянію и обнаружили совершенную растерянность. Скобелевъ заявилъ, что уходитъ изъ правительства не потому, что не раздѣляетъ линіи его поведенія, а потому, что этой линіи не раздѣляетъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Самъ онъ преслѣдуетъ одну цѣль: „добиться, чтобы вы перешли къ холодному разсудку. Если мое выступленіе хоть на одинъ градусъ опуститъ ваше настроеніе и ваши мозги будутъ лучше работать, то я буду считать свой долгъ выполненнымъ“. Какъ видимъ, бывшій министръ труда пересталъ церемониться съ „революціонной демократіей“. Чего вы хотите, спрашивалъ онъ слушателей? Если вы согласны, что „россійская революція есть революція буржуазная, то какимъ образомъ вы хотите отбрасывать всѣ буржуазные элементы? Вѣдь, не вся буржуазія была за Корнилова. Если предположить обратное, если вы скажете, что всѣ, кромѣ насъ, контръ-революціонеры, то я скажу, что это—предсмертная агонія революціи. Если вы такъ думаете, то лучше скажите открыто, что и мы и страна обречены на гибель“... „Если такъ, то бросимъ писать резолюціи и скажемъ: мы на заграничные паспорта готовы. Согласны вы провозгласить власть совѣта въ такой моментъ, „когда офицерство готово броситься куда угодно, лишь бы выйти изъ создавшагося положенія?“ Но „вѣдь это будетъ самымъ лучшимъ средствомъ вызвать контръ-революцію. Теперь Корниловскія войска братаются съ нами. но когда солдаты узнаютъ, что въ Зимненмъ Дворцѣ засѣдаетъ правительство совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, то они не придутъ къ намъ брататься. Не забывайте, что Петроградъ не Россія, и, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, имѣйте въ виду настроеніе всей Россіи“. Въ случаѣ если исполнительный комитетъ его не послушаетъ, Скобелевъ заявилъ: „я готовъ итти вмѣстѣ съ вами, но не въ правительство, а въ оппозицію. Здѣсь мы будемъ сидѣть на крайней лѣвой — и будемъ въ меньшинствѣ. От-

вѣтственность должна лежать на васъ. Мы будемъ сидѣть здѣсь и болѣе добросовѣстно и благожелательно критиковать васъ, чѣмъ вы насъ. Но знайте, что это путь къ гибели Россіи".

Не церемонился съ „демократіей" и Авксентьевъ. Огромное впечатлѣніе произвело брошенное имъ обвиненіе: „временное правительство имѣетъ точныя свѣдѣнія, что нѣмцы предпринимаютъ дессантъ въ Финляндіи, и въ это время военная комиссія центральнаго исполнительнаго комитета вызвала изъ Финляндіи въ Петроградъ нѣсколько миноносцевъ, войска и подводныя лодки". Авксентьевъ умолялъ „демократію" поддержать, а не топить правительство. „Если здѣсь въ Петроградѣ правительство не встрѣтитъ поддержки, Россія погибла. Вѣдь это, товарищи, трагедія. Понимаете ли вы, что мы на краю гибели или уже погибли . . . Придите же правительству на помощь — ради спасенія Россіи. Развѣ вы не видите, что страна уже погибаетъ? . . ."

„Товарищи", повидимому, начинали понимать и видѣть. Былъ устроенъ перерывъ, и состоялись совѣщанія по фракціямъ. Возобновивъ пренія въ половинѣ пятаго утра, комитетъ отвергъ резолюцію большевиковъ, принятую наканунѣ петроградскимъ совѣтомъ. Убѣжденія Каменева, что „новое правительство есть правительство для Керенскаго, а не для насъ", на этотъ разъ не подѣйствовали. Церетели отпарировалъ ударъ невѣрной справкой: Керенскій-де самъ обратился къ исполнительному комитету по вопросу о реконструкціи власти, и комитетъ „предоставилъ" ему образовать правительство, причемъ „найденъ лучшій исходъ—власть безъ цензовыхъ элементовъ". Въ проэктѣ предложенной резолюціи впрочемъ, этотъ исходъ былъ смягченъ: „власть должна быть свободна отъ всякихъ компромиссовъ съ контръ-революціонными цензовыми элементами". Очень искусно резолюція переносила центръ тяжести со спорнаго пункта на другой, въ которомъ всѣ были согласны: на вопросъ о созданіи новой власти особымъ демократическимъ совѣщаніемъ, которое должно собраться не позднѣе 12-го сентября (т. е. всего черезъ 10 дней) въ Петроградѣ. Принятая исполнительнымъ комитетомъ резолюція гласила: „1) немедленно созывается съѣздъ всей организованной демократіи и демократическихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, который долженъ рѣшить вопросъ объ организаціи власти, способной довести страну до Учредительнаго Собранія. 2) До этого съѣзда ц. исполнительный комитетъ предлагаетъ правительству сохранить свой теперешній составъ и . . . призываетъ демократію

оказывать энергичную поддержку правительству въ его работѣ по организаціи обороны страны и борьбы съ контръ-революціей, въ частности путемъ демократизаціи арміи и рѣшительнаго обновленія высшаго команднаго состава. 3) . . комитеты находятъ необходимымъ, чтобы правительство при принятіи мѣръ по охранѣ порядка дѣйствовало въ тѣсномъ контактѣ съ комитетомъ народной борьбы противъ контръ-революціи при всероссійскомъ центральномъ комитетѣ." Рѣшеніе было во всѣхъ отношеніяхъ ловкое. Оно оставляло все въ прежнемъ видѣ, — и ничего не уступало изъ требованій „демократіи". Главную трудность оно отодвигало въ будущее, достаточно отдаленное, чтобы облегчить рѣшеніе для даннаго момента, но въ то же время достаточно близкое, чтобы не испугать „демократію".

Что эта отсрочка, въ концѣ концовъ, не только не уменьшала, а напротивъ увеличивала трудность созданія „сильной революціонной власти", объ этомъ вожди совѣта, если и думали, то во всякомъ случаѣ остерегались говорить. Какъ-нибудь пережить сегодня, какъ-нибудь дожить до завтра, памятуя, что „довлѣетъ дневи злоба его", — эта тактика давно уже сдѣлалась обычной для Церетели. Онъ обладалъ достаточнымъ искусствомъ обходить дѣйствительныя затрудненія, рѣшить которыя по существу, все равно, было невозможно въ рамкахъ „революціонно-демократической" тактики. Такимъ образомъ, затрудненія отсрочивались и накоплялись, — и трудность ихъ рѣшенія увеличивалась. Но за-то, въ ожиданіи дня, когда жизнь предъявитъ окончательный счетъ, демократія получала возможность жить изо дня въ день—настолько спокойно, насколько это позволяла ей ея неопытность и непредусмотрительность.

Такова же, въ сущности, была теперь и тактика Керенскаго, сводившаяся къ единственной цѣли: какъ-нибудь довести Россію до Учредительнаго Собранія, все равно въ какомъ видѣ. Это намѣреніе Керенскаго вполнѣ удовлетворялось компромиссами Церетели. И рѣшеніе правительства было вынесено той же ночью, какъ только выяснилось настроеніе собранія послѣ рѣчей Авксентьева и Скобелева. Въ исходѣ третьяго часа ночи на 2-ое сентября журналистамъ, дожидавшимся рѣшенія въ Зимнемъ Дворцѣ, была сообщена изъ залы министровъ радостная вѣсть: „Кризисъ разрѣшенъ благополучно . . Временно по вопросамъ управленія и государственной обороны рѣшено сосредоточить власть въ рукахъ совѣта пяти: Керенскаго, Никитина, Терещенко, Верховскаго,

Вердеревскаго". Правительство, такимъ образомъ, тоже ничего не уступало, и ничего не предрѣшало. Керенскій получалъ свою „директорію", но „временно", и при этомъ нисколько не отказывался отъ принципа коалиціи, ни даже отъ введенія въ коалицію „цензовыхъ элементовъ". Пять членовъ директоріи — это были, просто, тѣ наличные члены кабинета, участіе которыхъ въ будущемъ правительствѣ было рѣшено окончательно. Остальные министры считались пока, до окончательнаго выясненія списка, просто управляющими своими вѣдомствами, не раздѣлявшими съ „пятью" полноту правительственной власти. Такъ какъ это положеніе ихъ было тоже „временное", то и партія народной свободы не могла считать свое требованіе о равенствѣ всѣхъ членовъ кабинета отвергнутымъ. Временное рѣшеніе министровъ имѣло и то значеніе, что не обязывало немедленно заполнять министерскіе посты, оказавшіеся вакантными. Мѣста ушедшихъ министровъ заняли пока ихъ товарищи. Наконецъ, вопросъ особенно интересовавшій „демократію" — о правѣ предстоящаго „демократическаго совѣщанія" самостоятельно создать новую власть — былъ въ первый моментъ намѣренно затушеванъ. „Демократія" могла считать, что она имѣетъ это право, а правительство продолжало думать, что пополненіе кабинета имъ просто отсрочено „до того момента, когда явится возможность снова вернуться къ сформированію состава временнаго правительства на прежнихъ коалиціонныхъ началахъ". Въ этомъ смыслѣ Керенскій далъ обѣщаніе и Кишкину, принявъ одного его изъ тѣхъ трехъ кандидатовъ, которые пріѣхали изъ Москвы утромъ 2-го сентября. Министрами они не сдѣлались, но кандидатами быть не перестали.

Сохранивъ, такимъ образомъ, главное, что ему было нужно, Керенскій рѣшился сдѣлать демократіи уступки въ тѣхъ ея требованіяхъ, которыя имѣли для нея принципіальное значеніе. Легче всего было удовлетворить желаніе „революціонной демократіи" о провозглашеніи Россіи демократической республикой. Юридическаго значенія это провозглашеніе, все равно, не имѣло. Иначе, какъ замѣтилъ одинъ изъ близкихъ къ правительству юристовъ, нужно было бы допустить, что какой-нибудь другой составъ правительства можетъ провозгласить Россію монархіей. Это было предрѣшеніемъ голоса высшаго судьи и властелина: народа въ Учредительномъ Собраніи. Это возраженіе и дѣлалось, обыкновенно, членами правительства, съ тѣхъ поръ какъ вопросъ о провозглашеніи республики впервые былъ поставленъ въ кабинетѣ, въ моментъ ухода кн. Львова.

Но на этотъ разъ въ рукахъ Керенскаго былъ новый аргументъ. Во время московскаго совѣщанія потребовалъ немедленнаго провозглашенія республики маститый эмигрантъ, кн. П. А. Крапоткинъ, и совѣщаніе отвѣтило ему вставаніемъ и оглушительными аплодисментами. Что можно было возразить по существу въ собраніи, гдѣ даже Корниловъ былъ республиканцемъ? Вопросъ о формѣ правленія постепенно терялъ значеніе, — по мѣрѣ того, какъ вообще теряли значеніе акты временнаго правительства. И теперь противъ немедленнаго провозглашенія республики имѣлся, въ сущности, одинъ серьезный аргументъ: несерьезность этого акта и неавторитетность власти, которая его совершала.

Мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ, какъ первый ударъ неприкосновенной доселѣ и святой для демократіи идеѣ Учредительнаго Собранія былъ нанесенъ руками демократовъ, употребившихъ вопросъ о срокѣ созыва Учредительнаго Собранія, какъ орудіе въ партійной борьбѣ и назначившихъ явно-неосуществимый срокъ. Подобный же ударъ былъ нанесенъ и другой демократической святынѣ, — идеѣ республики, провозглашеніемъ ея въ актѣ, подписанномъ 1-го сентября Керенскимъ и Заруднымъ. Идея эта не выиграла отъ того, что ея осуществленіе постановлено было въ формальную связь съ „подавленіемъ мятежа ген. Корнилова". „Считая нужнымъ положить предѣлъ внѣшней неопредѣленности государственнаго строя, памятуя единодушное и восторженное признаніе республиканской идеи, которое сказалось на московскомъ государственномъ совѣщаніи, временное правительство", — въ моментъ, когда, въ сущности, оно формально не существовало и вся власть передана была Керенскому,—объявляло, „что государственный порядокъ, которымъ управляется Россійское государство, есть порядокъ республиканскій, и провозглашало Россійскую республику". Тутъ же правительственный актъ сообщалъ о „передачѣ полноты власти по управленію пяти лицамъ изъ состава временнаго правительства," хотя, какъ мы только-что видѣли, передача эта—не правительствомъ, а Керенскимъ,—совершилась только 2-го сентября, послѣ ухода Заруднаго, подписавшагося подъ актомъ. Далѣе правительственный актъ сообщалъ, и новую программу, и дальнѣйшіе планы „директоріи". „Временное правительство главной своей задачей считаетъ возстановленіе государственнаго порядка и боеспособности арміи." Оно „будетъ стремиться къ расширенію своего состава путемъ привлеченія въ свои ряды представителей всѣхъ тѣхъ элементовъ, кто вѣчные и общіе

интересы родины ставитъ выше временныхъ и частныхъ интересовъ отдѣльныхъ партій или классовъ." При этомъ временное правительство „не сомнѣвалось, что эта задача имъ будетъ выполнена втеченіе ближайшихъ дней." Какъ видимъ, нѣтъ ни слова о „демократическомъ совѣщаніи". Моралистическая сентенція о „вѣчномъ и общемъ" прикрывала весьма опредѣленное содержаніе, которое выясняется хотя бы изъ повторенія словъ о „партіяхъ и классахъ" въ письмѣ Н. М. Кишкина въ редакцію газетъ. „Демократіи" предоставлялось проглотить все это подъ приправой изъ „демократической республики".

Болѣе серьезной уступкой революціоннымъ органамъ была новая тактика въ вопросахъ о поднятіи „боеспособности арміи", уже отмѣченная выше. Здѣсь уже рѣчь шла не о словахъ: мы видѣли съ какой легкостью въ нѣсколько дней правительство пяти отказалось отъ поддержки программы Корнилова и Алексѣева, — этого устарѣлаго „человѣка знаній", — и какъ самоотверженно, въ лицѣ ген. Верховскаго, оно принялось мирить „боеспособность" съ „демократизаціей", которой требовала резолюція исполнительнаго комитета. Чистка ставки и сплошная смѣна командного состава—это условіе тоже не вызывало затрудненій. Этимъ въ ближайшіе же дни и занялся А. Ф. Керенскій, какъ только появленіе въ ставкѣ стало для него безопасно (см. вып. 2-й, стр. 287—290).

Третьей уступкой Керенскаго было освобожденіе арестованныхъ за возстаніе 3—5 Іюля большевиковъ. Правительство, конечно, только-что требовало осужденія „мятежа" Корнилова на томъ же основаніи, на какомъ осужденъ былъ „мятежъ" большевиковъ. Но теперь, когда „мятежъ" Корнилова былъ подавленъ, а большевики могли безнаказанно грозить новымъ возстаніемъ въ Петроградѣ,—теперь слишкомъ строго выдерживать этотъ принципъ равнаго воздаянія не приходилось.

Вожди „революціонной демократіи" уже довольно давно настаивали на пересмотрѣ дѣла о большевикахъ. Подъ вліяніемъ этихъ настояній, А. С. Зарудный уже раньше вытребовалъ слѣдственное дѣло у прокурора палаты Н. С. Каринскаго, задержалъ его у себя больше трехъ недѣль и тѣмъ фактически пріостановилъ ходъ слѣдствія. Хотя Каринскій не соглашался на освобожденіе арестованныхъ лидеровъ, Троцкаго и Луначарскаго, тѣмъ не менѣе Зарудный освободилъ послѣдняго. На другой день „Извѣстія р. и с. д." заявили, что Каринскій долженъ быть уволенъ. Дѣйствительно черезъ два дня министръ юстиціи пригласилъ про-

курора палаты къ себѣ. Онъ началъ со того, что вполнѣ одобрилъ дѣйствія Каринскаго въ дѣлѣ большевиковъ, и оглашеніе имъ матеріаловъ слѣдствія. Но кончилъ — предложеніемъ Каринскому занять высшую должность старшаго предсѣдателя судебной палаты. На заявленіе Каринскаго, что „именно теперь, въ виду требованія совѣта, онъ не хочетъ уступать и не желаетъ повышенія“, Зарудный, послѣ долгихъ уговариваній, наконецъ, напрямикъ сказалъ ему: „какъ трудовикъ, я обязанъ подчиниться партійной дисциплинѣ. Разъ совѣтъ требуетъ отъ меня Вашего ухода, я долженъ это сдѣлать. Для временнаго правительства требованіе совѣта обязательно. Если я не подчинюсь, я долженъ буду покинуть свой постъ“. Тогда Н. С. Каринскій, послѣ размышленія, послалъ Зарудному письмо. „Считаясь съ тяжелымъ положеніемъ министра юстиціи, соглашаюсь на повышеніе“.

Все это происходило до корниловскаго возстанія и отчасти до московскаго совѣщанія. 30-го августа назначенъ былъ преемникъ Каринскаго, Карчевскій, и перемѣна отношенія правительства къ дѣлу большевиковъ сказалась немедленно въ томъ, что рѣшено было освободить всѣхъ арестованныхъ, противъ которыхъ не имѣлось уголовныхъ обвиненій. Спеціально назначенная комиссія по провѣркѣ законности содержанія большевиковъ подъ стражей выяснила къ 1-му сентября, что изъ 87 большевиковъ, заключенныхъ по дѣлу о возстаніи 3—5 Іюля, и 12 другихъ заключенныхъ большевиковъ, нѣтъ ни одного, который заключался бы подъ стражей безъ законныхъ основаній. Однако же, послѣ возобновленнаго исполнительнымъ комитетомъ 2-го сентября требованія объ отпускѣ арестованныхъ большевиковъ, правительство рѣшило съ этимъ не считаться. Карчевскому было рекомендовано измѣнить мѣру пресѣченія, что онъ и исполнилъ. 4-го Сентября былъ освобожденъ подъ залогъ Троцкій. Вмѣстѣ съ нимъ освобождены нѣсколько большевиковъ — солдатъ и матросовъ съ „Авроры“. 5-го сентября освобождено еще нѣсколько матросовъ и солдатъ. 6-го сентября вопросъ объ освобожденіи большевиковъ былъ поставленъ ими и с.-эрами въ Петроградской Городской Думѣ, и одновременно по городу стали ходить тревожные слухи о предстоящемъ въ этотъ день выступленіи большевиковъ-рабочихъ. 9-го сентября петроградскій совѣтъ принялъ резолюцію, требовавшую дать „товарищамъ Ленину и Зиновьеву (уклонявшимся отъ ареста) возможность открытой дѣятельности въ рядахъ пролетаріата, немедленно освободить на поруки всѣхъ революціо-

неровъ, которымъ предъявлены политическія обвиненія, и назначить немедленно же общественно-авторитетную провѣрку всего слѣдственнаго производства". Освобожденіе большевиковъ на поруки продолжалось втеченіе всѣхъ этихъ дней.

Изъ другихъ требованій „революціонной демократіи" легко было исполнить требованіе о роспускѣ Г. Совѣта и Г. Думы. Объ этомъ въ эти первые дни сентября былъ уже заготовленъ указъ. Но еще разъ Керенскій не рѣшился поднять руку на учрежденіе, создавшее его собственную политическую репутацію. Опубликованіе указа было отложено. Въ октябрѣ, все равно, полномочія 4-ой Гос. Думы оканчивались.

Резолюція исполнительнаго комитета требовала отъ правительства сотрудничества съ комитетомъ борьбы съ контръ-революціей. Между тѣмъ „директорія" тотчасъ послѣ своего сформированія поспѣшила (4-го сентября) объявить закрытыми всѣ отдѣленія „комитетовъ спасенія революціи" по всей Россіи. Центральный „комитетъ борьбы" рѣшилъ просто не признавать этого распоряженія и на слѣдующій же день принялъ резолюцію, въ которой, „констатируя съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія энергію и стойкость, проявленныя мѣстными органами революціонной демократіи въ дѣлѣ борьбы съ контръ-революціей, выражалъ увѣренность, что соотвѣтственные мѣстные органы, въ виду продолжающагося тревожнаго состоянія будутъ работать съ прежней энергіей и выдержкой, въ тѣсномъ общеніи съ комитетомъ народной борьбы съ контръ-революціей". Другими словами, органъ исполнительнаго комитета прямо призывалъ къ неповиновенію правительству, которому исполнительный комитетъ только-что повторно обѣщалъ поддежку. Это еще яснѣе было подчеркнуто междурайоннымъ совѣщаніемъ при петроградскомъ совѣтѣ, въ резолюціи, принятой 6-го сентября. „Обсудивъ приказъ Керенскаго о роспускѣ революціонныхъ организацій по борьбѣ съ контръ-революціей, междурайонное совѣщаніе констатируетъ, что въ тревожные дни вооруженнаго выступленія буржуазіи противъ революціи, когда временное правительство оказалось безсильнымъ и растеряннымъ, вся тягость борьбы... пала на плечи этихъ организацій, созданныхъ по почину авторитетныхъ демократическихъ учрежденій . . . Не признавая за правительствомъ права роспуска революціонныхъ организацій, созданныхъ авторитетными учрежденіями, совѣщаніе постановляетъ: революціонныхъ организацій по борьбѣ съ контръ-революціей, создан-

ныхъ междурайоннымъ совѣщаніемъ, не распускать, о чемъ и довести до свѣдѣнія центральнаго исполнительнаго комитета".

Значеніе, пріобрѣтенное большевиками послѣ корниловскаго возстанія, помимо всѣхъ этихъ требованій, предъявленныхъ правительству, и уступокъ послѣдняго, было еще разъ подчеркнуто провѣркой голосованія, низвергнувшаго президіумъ петроградскаго совѣта въ ночномъ засѣданіи на первое сентября (см. выше стр. 17 — 18). Въ засѣданіи петроградскаго совѣта 9-го сентября, необычайно многолюдномъ, сложившій свои полномочія президіумъ Чхеидзе-Церетели поставилъ вопросъ, было ли голосованіе 1-го сентября случайнымъ результатомъ отсутствія части членовъ, какъ тогда же заявилъ представитель солдатъ, или же принятіе совѣтомъ большевистской резолюціи означаетъ полную перемѣну тактики, которой совѣтъ доселѣ слѣдовалъ. Большевики попробовали-было подмѣнить политическій вопросъ тактическимъ, предложивъ вообще переизбрать президіумъ на началѣ пропорціональнаго представительства и ввести туда большевиковъ и интернаціоналистовъ. Но Церетели рѣшительно возражалъ. „Вы, большевики, говорилъ онъ, объясняете голосованіе, какъ перемѣну настроенія всего петроградскаго пролетаріата. Мы должны знать, такъ это или не такъ, ибо поддерживать и проводить тактику большевиковъ мы не можемъ". Проектъ резолюціи, предложенной меньшевиками и с. р., гласилъ, что резолюція 1-го сентября принята въ случайномъ составѣ и не соотвѣтствуетъ обще-политической линіи совѣта, что петроградскій совѣтъ вполнѣ довѣряетъ прежнему президіуму въ перечисленномъ составѣ. Послѣ инцидента, вызваннаго тѣмъ, что имя члена президіума Керенскаго въ спискѣ отсутствовало (чѣмъ ослаблялась позиція противниковъ, но ставился въ двусмысленное положеніе самъ Керенскій), поименное голосованіе констатировало пораженіе Церетели, Чхеидзе, Гоца и прежняго президіума. За резолюцію меньшевиковъ подано было 414 голосовъ, противъ нее — 619, при 67 воздержавшихся. Церетели получилъ отвѣтъ, который самъ провоцировалъ. Прежняя линія совѣта была осуждена. Очередь была теперь за большевиками.

Какъ видимъ, политическое положеніе, при которымъ правительству приходилось доканчивать свое переустройство и изъ „совѣта пяти" превратиться въ полный кабинетъ, было для него неблагопріятно. Соблюдая внѣшнюю видимость независимости отъ „революціонной демократіи", которой оно принуждено было фак-

тически дѣлать одну уступку за другой, и поддерживая принципъ неподчиненности власти тому „демократическому совѣщанію“, которое черезъ десять дней должно было собраться, правительство пяти обѣщало пополнить свой составъ „въ ближайшіе дни“. Дѣйствительно, отложивъ пока вопросъ о пополненіи кабинета кадетами и торгово-промышленниками, Керенскій повелъ немедленно переговоры о пополненіи соціалистической части кабинета. На мѣсто Заруднаго былъ назначенъ П. Н. Малянтовичъ, къ кандидатурѣ котораго совѣтъ, какъ говорили, относился сочувственно. Мѣсто Ольденбурга долженъ былъ занять С. С. Салазкинъ, пріятно удивившій „демократію“ на московскомъ совѣщаніи своимъ присоединеніемъ отъ имени земства къ формулѣ 14-го августа. Больше всего совѣты были недовольны назначеніемъ ген. Алексѣева и кандидатурой кадета Н. М. Кишкина на важный постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Но ген. Алексѣевъ самъ понялъ несовмѣстимость своего присутствія во главѣ штаба съ предстоявшей радикальной чисткой ставки и высшаго командного состава: онъ печатно заявилъ свой протестъ противъ новаго курса, какъ ведущаго къ гибели арміи. Министерство же внутреннихъ дѣлъ было предположено отдать министру-соціалисту, не возбуждавшему возраженій совѣта, А. М. Никитину, министру почтъ и телеграфовъ.

Указы о назначеніи новыхъ, безспорныхъ съ точки зрѣнія „революціонной демократіи“, министровъ были уже готовы. Опубликовать ихъ предполагалось 10-го сентября, не дожидаясь возвращенія Керенскаго изъ ставки. Такимъ образомъ, хотя формально, правительство совершало актъ своей перестройки до демократическаго совѣщанія. Но это именно было не по вкусу исполнительнаго комитета. Отъ его имени вечеромъ 9-го сентября къ М. И. Терещенко, замѣщавшему Керенскаго, явилась депутація съ Чхеидзе во главѣ и заявила, что реконструкція правительства до демократическаго совѣщанія и на коалиціонныхъ началахъ недопустима; можетъ дѣйствовать временно только совѣтъ пяти. Пришлось отложить опубликованіе новыхъ назначеній. Въ этотъ моментъ послѣдній оставшійся въ правительствѣ членъ партіи народной свободы, А. В. Карташевъ, окончательно потерялъ терпѣніе. 10-го сентября утромъ онъ вручилъ М. И. Терещенко просьбу, „въ виду ясно опредѣлившагося засилія соціалистовъ надъ временнымъ правительствомъ и невозможности подлинной коалиціонной структуры кабинета . . . уволить его отъ званія министра исповѣданія и члена временнаго правительства“.

Къ открытію демократическаго совѣщанія правительство пріобрѣтало, такимъ образомъ, за исключеніемъ М. И. Терещенко, (который, однако, тоже поднялъ вопросъ о своей отставкѣ) вполнѣ соціалистическій составъ. Этимъ не предрѣшался, конечно, окончательный характеръ власти. Но, въ ожиданіи всевозможныхъ нападеній, правительство перекрашивалось въ защитный цвѣтъ.

II. „Демократія“ принципіально отвергаетъ коалицію съ „буржуазіей“.

Демократическое совѣщаніе. Протесты „буржуазныхъ“ партій. Распредѣленіе мѣстъ. Задача демократическаго совѣщанія. Керенскій передъ дем. совѣщаніемъ. Кадетскія рѣчи другихъ министровъ. Разбродъ мнѣній „демократіи“. Провалъ идеи коалиціи.

На демократическомъ совѣщаніи было теперь сосредоточено общее вниманіе—если не страны (для этого идея совѣщанія появилась слишкомъ случайно и искусственно), то партійной печати и политическихъ круговъ. „Демократическое“ Совѣщаніе, какъ мы видѣли, было по самому своему происхожденію ловкимъ политическимъ маневромъ съ цѣлью оттянуть разрѣшеніе неразрѣшимаго конфликта, Такъ какъ конфликтъ возникъ на этотъ разъ въ средѣ самой „революціонной демократіи“ и такъ какъ совѣщаніе тоже предполагалось изъ состава той же самой „демократіи“, то отъ него никто не могъ ожидать чего либо новаго—въ смыслѣ разрѣшенія встрѣтившихся затрудненій. Здѣсь впервые такой общенаціональный вопросъ, какъ устройство власти, объявлялся дѣломъ группы политическихъ партій, которыя сами признавали, что лишь несовершенно и неполно представляютъ ту незначительную часть демократіи, которая „организована“ и „сознательна“. И учрежденіе, составленное только изъ представителей этихъ группъ населенія, готовились сдѣлать не только выразителемъ мнѣнія „демократіи“, но даже выразителемъ ея суверенной воли.

Такимъ образомъ, демократическое совѣщаніе становилось выше правительства, которое дѣлалось отвѣтственнымъ передъ нимъ. Но вѣдь это какъ разъ и было то самое, къ чему стремились большевики, когда хотѣли передачи „всей власти совѣтамъ“. Затѣя Церетели являлась по существу полной капитуляціей передъ планами Ленина и Троцкаго. Конечно, когда печать обоихъ орга-

новъ, и большевистскихъ и „буржуазныхъ“, указывала на этотъ политическій смыслъ назначенія совѣщанія, то меньшевики и с. р.—ы горячо оспаривали это утвержденіе. Они старались доказать, что именно своей уступкой большевизму они освободились отъ его давленія на массы.

Когда, однако, дѣло дошло до выясненія въ своей собственной средѣ, — по-фракціонно, — чего собственно хотѣли устроители демократическаго совѣщанія, если они смотрѣли на него не только какъ на тактическій пріемъ отсрочки, — то мнѣнія совершенно разошлись даже среди единомышленниковъ, и получилась полная путаница. Правая эсеровская „Воля Народа“ очень ехидно описывала этотъ разбродъ соціалистической мысли. „Фракція соц. революціонеровъ не съумѣла вынести единаго рѣшенія: она раскололась, по меньшей мѣрѣ на двѣ части. Фракція меньшевиковъ соц. демократовъ раздѣлилась на четыре подфракціи. Далѣе слѣдовали резолюціи большевиковъ, народныхъ соціалистовъ и поправки всякаго рода — отдѣльныхъ лицъ. Одни стояли за коалицію, другіе — противъ. Одни признавали коалицію всѣхъ живыхъ силъ страны, другіе — всѣхъ, кромѣ кадетъ, третьи—кромѣ ц. к. народной свободы, — кадетъ изъ „Рѣчи“; четвертые стояли за коалицію на основѣ опредѣленной платформы, не опредѣляя конкретно коалирующихъ партій и классовъ. Пятые къ этому прибавляли, что коаліціонная власть должна быть отвѣтственна передъ совѣтами. Шестые замѣняли отвѣтственность передъ совѣтами отвѣтственностью передъ исполнительнымъ органомъ, который выдѣлитъ изъ себя демократическое совѣщаніе. Не было согласія и относительно состава этого исполнительнаго органа: одни говорили, что тамъ должна быть представлена и буржуазія, другіе протестовали противъ такой „разношерстности“. Седьмые защищали тезисъ, что власть не должна быть отвѣтственна ни передъ кѣмъ. Такое же разнорѣчіе обнаружилось и въ средѣ противниковъ коалиціи. Одни говорили, что всю власть должны взять широко-демократическіе слои, а не чисто соціалистическіе, другіе — только соціалисты, третьи — только совѣты, четвертые — только пролетаріатъ и т. д. Газета кончала вопросомъ: „какую же оппозицію встрѣтила бы такая власть въ странѣ, какой протестъ вызвала бы она во всей Россіи.“

Одно было несомнѣнно. Уже одно намѣреніе „революціонной демократіи“ собрать совѣщаніе, которое бы избрало власть по усмотрѣнію однѣхъ только представленныхъ въ ней группъ, вы-

звало немедленные протесты со стороны общественныхъ круговъ, стоявшихъ внѣ партійной дисциплины соціалистическихъ партій. Партія народной свободы тотчасъ же выступила (6 сентября) съ такимъ протестомъ и запретила своимъ членамъ участвовать въ избраніи делегатовъ на съѣздъ. Она мотивировала свой протестъ тѣмъ, что взгляды широкихъ слоевъ населенія уже высказаны на московскомъ совѣщаніи, что намѣченный съѣздъ, сравнительно съ этимъ совѣщаніемъ, будетъ одностороннимъ, ибо объединитъ лишь тѣ организаціи, которыя приняли платформу Чхеидзе; что, непригодный при этомъ условіи для освѣдомительной роли, такой съѣздъ уже никоимъ образомъ не можетъ считаться полномочнымъ для роли рѣшающей, и что, вопреки этому, господствующія въ совѣтѣ группы уже приняли рѣшеніе придать съѣзду характеръ постояннаго органа и поставить его задачей организацію власти.

Еще раньше, 4 сентября, собравшійся въ Москвѣ совѣтъ всероссійскихъ кооперативныхъ съѣздовъ, вмѣстѣ съ всероссійскимъ союзомъ потребительныхъ обществъ, московскимъ народнымъ банкомъ, центральнымъ товариществомъ льноводовъ, союзомъ сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей, послали Керенскому, Чхеидзе и совѣту крестьянскихъ депутатовъ слѣдующую телеграмму. „Всероссійское совѣщаніе должно быть общенаціональнымъ и должно быть созвано государственной властью; въ немъ должны быть представлены всѣ слои населенія. Г. Совѣщаніе должно быть созвано въ Москвѣ“. Участіе коопераціи въ совѣщаніи должно было рѣшиться на съѣздѣ кооперативовъ, созывавшемся въ Москвѣ на 11 сентября. Отъ себя совѣтъ съѣздовъ заранѣе заявилъ „о своемъ безусловномъ убѣжденіи въ необходимости коаліціоннаго правительства.“ „Мы увѣрены“, говорилъ съѣздъ, „что это мнѣніе всецѣло раздѣляется подавляющимъ большинствомъ кооперативной Россіи. Увлеченіе своими силами и увѣренность въ возможности справиться съ всеобщей разрухой посредствомъ однихъ только организованныхъ совѣтами элементовъ не раздѣляется большинствомъ населенія и поведетъ къ гражданской войнѣ и гибели Россіи.“ Дѣйствительно, на кооперативномъ съѣздѣ послѣ ряда горячихъ и убѣжденныхъ рѣчей въ пользу коалиціи, былъ принятъ слѣдующій „наказъ представителямъ коопераціи Прокоповича, Скобелева, Е. Д. Кусковой и другихъ въ демократическомъ совѣщаніи“.... „Считая, что демократическое совѣщаніе является **частнымъ** совѣщаніемъ организованной демократіи, что оно **не**

можетъ по своему составу быть выразителемъ воли всей страны и источникомъ власти, коперація... поручаетъ своей делегаціи образовать временный блокъ изъ кооперативныхъ организацій въ соединеніи съ теченіями соціалистическихъ партій, стоящими на государственной точкѣ зрѣнія, и тѣми несоціалистическими группами и партіями русскаго общества, которыя стремились и стремятся къ закрѣпленію завоеваній революціи и соціальнымъ реформамъ. Опираясь на указанный базисъ, должно быть организовано національно-коалиціонное правительство, съ привлеченіемъ въ его составъ различныхъ соціальныхъ группъ какъ соціалистическихъ, такъ и буржуазныхъ, способныхъ свои личные интересы и интересы своего класса подчинить интересамъ государственнымъ и лично не запятнанныхъ въ мятежныхъ выступленіяхъ противъ революціоннаго правительства съ какой бы то ни было стороны. Правительство это должно быть свободно отъ всякой зависимости отъ отдѣльныхъ группъ и организацій, отвѣтственно только передъ всѣмъ народомъ и Учредительнымъ Собраніемъ." Относительно программы правительства кооператоры высказывали два пожеланія, въ которыхъ такъ же осторожно проводили грань между собой и „революціонной демократіей" совѣтовъ. Во внутренней политикѣ они довольствовались „основными началами" платформы 14-го августа, подчеркивая, какъ ея главную цѣль, „устроеніе тяжко-потрясенной жизни страны и укрѣпленіе всѣхъ достигнутыхъ уже революціей завоеваній (а не „творчество" и дальнѣйшее „углубленіе".) Во внѣшней политикѣ, соглашаясь съ стремленіемъ къ „миру на началахъ объявленныхъ русской „революціонной демократіей", они подчеркивали, что такой миръ можетъ быть достигнутъ лишь „активной обороной страны отъ вражескаго нашествія, ведомой въ единеніи съ союзными намъ передовыми демократіями міра." Насколько сильно было въ Москвѣ сказавшееся здѣсь политическое настроеніе, видно изъ подобныхъ же постановленій московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и московскихъ учителей, отказавшихся отъ представительства на „демократическомъ совѣщаніи."

Выразили свои сомнѣнія и казаки, пославъ 5-го сентября правительству, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о своемъ участіи въ демократическомъ совѣщаніи, запросъ: „по его ли иниціативѣ собирается это совѣщаніе, будутъ-ли принимать участіе члены временнаго правительства; придаетъ ли этому совѣщанію правительство гос-

дарственное значеніе, и если совѣщаніе созывается при участіи временнаго правительства, то будетъ-ли предоставлено совѣту союза казачьихъ войскъ законное число мѣстъ?" Отвѣтъ правительства былъ уклончивъ: конечно, оно признаетъ „государственное значеніе" за всякими собраніями вліятельныхъ группъ населенія.

Въ виду разнообразія мнѣній и сильной оппозиціи, шедшей изъ демократическихъ же, но не узкопартійныхъ соціалистическихъ круговъ, пріобрѣталъ большое значеніе вопросъ о распредѣленіи мѣстъ въ демократическомъ совѣщаніи. Въ своемъ приглашеніи 2-го сентября исполнительные комитеты совѣтовъ установили слѣдующія цифры: 100 представителей отъ совѣта р. и с. д., 100 отъ совѣта крестьянскихъ д., по 50-ти отъ областныхъ комитетовъ каждаго изъ двухъ совѣтовъ, всего, слѣдовательно, 300 представителей „революціонной демократіи" совѣтовъ. Затѣмъ 150 мѣстъ отдавалось кооператорамъ, настроеніе которыхъ мы только что видѣли. 100 мѣстъ предоставлялось профессіональнымъ союзамъ, зарекомендовавшимъ себя въ Москвѣ болѣе вѣрными союзниками совѣтской демократіи, 84 мѣста военнымъ организаціямъ, 50 земствамъ, 59 національнымъ группамъ, 20-ть желѣзнодорожному союзу, по 10 крестьянскому и телеграфному, 15-ть учительскимъ союзамъ, 3 служащимъ земства, по 2 журналистамъ, инженерамъ, адвокатамъ, врачамъ, фельдшерамъ, служащимъ торгово-промышленнаго комитета, по одному фармацевтамъ и архитекторамъ.

На такое распредѣленіе мѣстъ посыпался рядъ жалобъ. Представители московскаго городского и земскаго самоуправленія требовали для земствъ и городовъ „не менѣе половины голосовъ", и многія земства и города послали требованія отъ увеличеніи представительства. Требованія эти пришлось удовлетворить: это вѣдь были уже „демократическія" думы и земства. Города получили 300 мѣстъ, земства 200. Съ другой стороны фракція большевиковъ исполнительнаго комитета заявила, что намѣченный составъ не обезпечиваетъ ряду организацій, на которыя большевики разсчитывали, надлежащаго вѣса въ совѣщаніи, и потребовали увеличить представительство мѣстныхъ совѣтовъ на 50, армейскихъ организацій—каждой съ трехъ до пяти, профессіональныхъ союзовъ на 25, фабрично-заводскихъ комитетовъ на 22 мѣста. Это предложеніе было исполнительнымъ комитетомъ отклонено, хотя представительство совѣтовъ и увеличено съ 300 до 460. Во всякомъ случаѣ, впечатлѣніе, произведенное заяленіями коопераций и мѣст-

ныхъ самоуправленій, видимо, измѣнило настроеніе центральнаго органа въ пользу болѣе умѣренныхъ рѣшеній, требовавшихъ и подбора болѣе умѣреннаго представительства.

Однако, и болѣе умѣренная позиція организаторовъ совѣщанія продолжала оставаться внутренно-противорѣчивой, какъ это показало пленарное засѣданіе ц. исполнительнаго комитета совѣтовъ 12-го сентября. Церетели, формулировалъ слѣдующія „конкретныя предложенія", съ которыми „революціонная демократія" шла на совѣщаніе. „Въ основу будущей дѣятельности мы должны положить демократическую платформу, оглашенную на московскомъ совѣщаніи. Демократическое совѣщаніе должно выдѣлить изъ своей среды органъ, который будетъ функціонировать вплоть до созыва Учредит. Собранія. Власть должна быть отвѣтственна передъ этимъ органомь и сохранять неразрывную связь со всей демократіей. Въ составъ этого органа слѣдуетъ привлечь всѣ тѣ элементы, которые примутъ наши условія организаціи власти. Въ противномъ случаѣ надлежитъ создать исключительно демократическое правительство". То же противорѣчіе проявилось и въ голосованіи. Принципъ коалиціи былъ принятъ 119 голосами противъ 101. Но затѣмъ была принята и поправка меньшинства фракціи меньшевиковъ: „коалиція безъ кадетовъ", хотя Церетели совершенно правильно заявилъ, что эта поправка уничтожаетъ самый принципъ. Онъ не замѣтилъ только, что принципъ коалиціи уже уничтоженъ въ его собственной формулѣ, поставившей осуществленіе коалиціи въ зависимость отъ принятія условій: „демократичиской платформы" и отвѣтственности власти передъ постояннымъ органомъ демократическаго совѣщанія, очевидно, долженствовавшимь стать на мѣсто исполнительнаго комитета совѣтовъ.

Для крайней лѣвой эта компромиссная позиція, пожертвовавшая осуществимостью принципа коалиціи большевистскому принципу — вся власть революціонной демократіи, — все равно, не была пріемлема. Большевики еще разъ демонстрировали свою непримиримость, выбравъ делегатами на демократическое совѣщаніе отъ петроградскаго совѣта скрывшихся отъ суда Ленина и Зиновьева. (Правительство, правда, отвѣтило на этотъ вызовъ возобновленіемъ приказа объ ихъ арестѣ). „Конкретныя требованія" большевиковъ отъ демократическаго совѣщанія были выставлены Балтійскимъ флотомъ, который 8-го сентября поднялъ боевые красные флаги, а 9-го пояснилъ смыслъ этой демонстраціи слѣду-

ющей резолюціей. „Флотъ демонстрируетъ свою готовность всѣми силами бороться за переходъ власти въ руки революціонной демократіи, пролетаріата и трудового крестьянства, и настаиваетъ передъ демократическимъ совѣщаніемъ на проведеніи этой мѣры въ жизнь. Долой соглашеніе съ буржуазіей. Мы требуемъ немедленнаго перемирія на всѣхъ фронтахъ для веденія переговоровъ о мирѣ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ. Мы требуемъ немедленной передачи всей земли въ распоряженіе земельныхъ комитетовъ до Учред. Собранія. Мы требуемъ рабочаго контроля надъ производствомъ. Флаги должны быть спущены въ день созыва демократическаго совѣщанія, въ 8 часовъ утра."

Демократическое совѣщаніе открылось съ опозданіемъ на два дня, 14-го — сентября, въ $5^1/_2$ часовъ вечера, въ зрительной залѣ Александринскаго театра. Общее число допущенныхъ представителей доходило до громадной цифры 1.775. Изъ нихъ около 1.200 присутствовало при открытіи. Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ въ составѣ совѣщанія измѣненій распредѣленіе голосовъ между двумя борющимися мнѣніями — за или противъ коалиціи — оставалось неяснымъ. Эта неизвѣстность придавала извѣстный драматизмъ преніямъ. [1])

Правительство явилось на засѣданіе, въ лицѣ всѣхъ членовъ иректоріи, кромѣ Терещенки. Керенскій, нѣсколько опоздавъ, вошелъ въ бывшую царскую ложу уже во время вступительной рѣчи предсѣдателя Чхеидзе.

Рѣчь Чхеидзе отмѣтила сразу среднюю позицію съѣзда между двумя крайностями. Одна крайность—стремленіе „имперіалистовъ"

---

[1]) Окончательный составъ демократическаго совѣщанія опредѣлился слѣдующимъ образомъ. Совѣтъ р. и с. д. — 230 членовъ, совѣтъ крестьянскихъ д. — 230, города — 300, земства — 200, почтово-телеграфные служащіе — 201, профессіональные союзы — 100, центральный кооперативъ — 120, рабочіе кооперативы (отдѣлившіеся отъ предыдущаго на кооперативномъ съѣздѣ) — 38, армейскія организаціи — 83, комиссары — 22, казаки — 35, армейскія крестьянскія секціи — 18, офицеры — 4, увѣчные воины — 6, фронтъ — 15, экономическія группы — 33, торгово-промышленные служащіе — 30, продовольственныя организаціи и комитеты — 20, крестьянскій союзъ — 10, учителя — 15, фельдшера — 5, союзъ православнаго духовенства и мірянъ — 1. печать — 1, украинская рада — 15, мусульманскій совѣтъ — яяфвр, совѣтъ національно-соціалистическихъ партій — 10, грузинскій междупартійный союзъ — 5, поляки — 2, евреи — 1.

къ Константинополю и къ Св. Софіи. Другая —стремленіе „потушить пожаръ капиталистической войны превращеніемъ революціи въ соціалистическую и міровую“. Полгода революціи показали, что обѣ крайности создаютъ почву для контръ-революціи. „Вмѣсто скачка въ царство свободы былъ сдѣланъ прыжокъ въ царство анархіи.“ Государственная же власть передъ лицомъ двухъ борющихся теченій „оказалось почти парализованной“. „Страна жаждетъ власти“, — конечно, „революціонной“ и „отвѣтственной“, а задача власти — осуществить платформу московскаго совѣщанія.

Неизмѣнный предсѣдатель всѣхъ „демократическихъ“ совѣщаній и органовъ, честный Чхеидзе, не годился бы на болѣе отвѣтственную и сложную роль. Его революціонная репутація далеко превосходила его личные рессурсы. Этотъ „революціонеръ поневолѣ“ давно уже носилъ въ душѣ испугъ передъ революціей и, въ отличіе отъ многихъ, прикрывалъ его условными фразами революціоннаго шаблона лишь постольку, поскольку это безусловно требовалось его положеніемъ. Признать передъ такимъ собраніемъ, что, вмѣсто превращенія въ соціалистическую, революція сдѣлала прыжокъ въ царство анархіи, что власть правительства парализована и что страна жаждетъ власти, значило, пожалуй, даже итти дальше навстрѣчу взглядамъ „цензовыхъ элементовъ“, чѣмъ это допускалъ составъ даннаго собранія.

Послѣ рѣчи Чхеидзе и выбора президіума, слово принадлежало Керенскому. Избѣгая встрѣчъ съ глазу на глазъ съ „революціонной демократіей“, Керенскій рѣдко посѣщалъ ея органы. Онъ приходилъ лишь тогда, когда надъ дружескимъ ему большинствомъ сгущались облака, когда грозовыя тучи собирались надъ его именемъ. Одно его посѣщеніе обыкновенно разсѣивало бурю. На этотъ разъ онъ думалъ достигнуть того же результата. Въ отличіе отъ московскаго совѣщанія, онъ былъ здѣсь среди „демократіи“, среди „своихъ“. Онъ хотѣлъ демонстративно сложить передъ „демократіей“ свои доспѣхи и аттрибуты власти и сразу вернуть себѣ довѣріе, заговоривъ тономъ душевной исповѣди, какъ человѣкъ и товарищъ.

Пройдя при несмолкаемыхъ рукоплесканіяхъ изъ ложи на эстраду, въ сопровожденіи традиціонныхъ двухъ адъютантовъ, Керенскій смѣло началъ въ этомъ тонѣ. „Передъ собраніемъ демократіи, волей которой и вмѣстѣ съ которой я творилъ революцію, я не могу говорить, прежде чѣмъ не почувствую, что здѣсь нѣтъ никого, кто могъ бы мнѣ лично бросить упреки и кле-

вету, которую я слышалъ въ послѣднее время". Такія личныя обращенія въ аудиторіи опасны, потому что разсчитаны только на успѣхъ. Керенскій испыталъ это, потому что на этотъ разъ разсчетъ не удался. „Есть, есть", кричали ему со скамей большевиковъ, нарушая торжественность рѣчи.

Да, тутъ были не только друзья. Тутъ были и враги, — и обвинители, на которыхъ нельзя было подѣйствовать обращеніями отъ сердца къ сердцу. И съ этого момента вся остальная рѣчь Керенскаго прошла при сильномъ психологическомъ сопротивленіи значительной части аудиторіи, не хотѣвшей стать на его точку зрѣнія и все время показывавшей это открыто. Ораторъ былъ нервированъ. Подстрекаемый ироническими возгласами и перерывами съ мѣстъ, онъ постоянно отклонялся на опасный для него путь импровизаціи. Деликатной темой, которой онъ не могъ обойти, былъ вопросъ объ его участіи въ Корниловщинѣ.

Исполнительный комитетъ уже внесъ по этому поводу непріятное для него постановленіе о точномъ разслѣдованіи роли правительства. Керенскій долженъ былъ принять вызовъ, но разсчитывалъ побѣдить „демократію" довѣрительными разоблаченіями объ опасностяхъ, которыя ей угрожали и отъ которыхъ онъ, Керенскій, ее избавилъ. „О готовящемся переворотѣ" исповѣдался онъ, „мнѣ стало извѣстно задолго до событій. И съ тѣхъ поръ я изо дня въ день принималъ всѣ мѣры". Вмѣсто выраженій благодарности все съ тѣхъ же мѣстъ раздались ядовитыя слова..." первый генералъ русской революціи проговорился. Корниловщина... "своевременно и до конца вскрыта мной", продолжалъ Керенскій. „Совѣтами и декократіей", поправили большевики. „Да, „подхватывалъ упрямо ораторъ, „демократіей потому, что все, что я дѣлалъ и дѣлаю, я дѣлаю именемъ демократіи." И снова Керенскій возвращался къ своимъ заслугамъ передъ революціей. „Я предсказывалъ пришествіе „бѣлаго генерала". „Еще въ іюнѣ" . . здѣсь ораторъ прервалъ на полусловѣ готовое сорваться признаніе, но вскорѣ неудержимо къ нему возвратился. „Я знаю, чего они хотѣли, потому что они, прежде чѣмъ искать Корнилова, приходили ко мнѣ и мнѣ предлагали этотъ путь".

При этомъ сенсаціонномъ разоблаченіи слѣва кричатъ: „Кто приходилъ? Кто предлагалъ?". Такъ близко поставивъ себя къ возможнымъ преступникамъ, глава правительства не можетъ поставить тутъ точку, не закрѣпивъ того впечатлѣнія, что онъ „про-

говорился". Керенскій это чувствуетъ; но ему, въ сущности, нечего сказать, ибо изъ частныхъ разговоровъ нельзя сдѣлать заговора. Игнорируя вопросъ, онъ продолжаетъ. „Я говорилъ: не ошибитесь, не думайте, что на моей сторонѣ нѣтъ силъ демократіи... Если вы только устроите нѣчто подобное, то остановится вся жизнь; не пойдутъ войска, не будутъ передаваться ваши депеши". Кто же эти „вы", которымъ Керенскій въ іюнѣ предсказалъ неудачу корниловскаго заговора? Чувствуя невозможность остановиться на полдорогѣ, разъ вступивъ на путь разоблаченій, болѣе умѣстныхъ въ слѣдственной комиссіи, Керенскій сообщаетъ факты, но какіе? „Я утверждаю, что еще до появленія у меня В. Н. Львова къ одному виднѣйшему общественному дѣятелю въ Москвѣ явился бывшій общественный дѣятель и требовалъ по особо важнымъ причинамъ свиданія со мной. *) Уходя онъ заявилъ: пусть Керенскій имѣетъ въ виду, что впредь никакія перемѣны во временномъ правительствѣ безъ согласія ставки недопустимы". Мы видѣли, что такія же точно заявленія дѣлалъ правительству Церетели отъ имени демократическихъ органовъ. Правительство на это не соглашалось, но не видѣло въ этомъ заговора, а напротивъ, считалось съ этимъ. Но вотъ другое довѣрительное сообщеніе, которое легче провѣрить. „Передъ самымъ московскимъ совѣщаніемъ я былъ поставленъ передъ фактомъ: или немедленно выполнить опредѣленное требованіе, или намъ грозили срывомъ московскаго совѣщанія. Эти требованія были отвергнуты. Корниловъ доклада во временномъ правительствѣ не получилъ и никто московскаго совѣщанія не сорвалъ". „Срывомъ" московскому совѣщанію никто не грозилъ, и всѣ страхи Керенскаго по этому поводу оказались, какъ мы знаемъ, преувеличенными (вып. 2-ой, стр. 125—126). „Требованія", представленныя Керенскому передъ московскимъ совѣщаніемъ, вовсе не были „отвергнуты" всецѣло. Докладъ Корнилова не былъ, правда, прочтенъ въ засѣданіи временнаго правительства 10 августа, но онъ тогда же былъ прочтенъ и обсужденъ, въ частномъ совѣщаніи „Тріумвирата". Угроза Кокошкина — выйти въ отставку повела къ обсужденію части записки и во временномъ правительствѣ (11 августа), причемъ состоялось соглашеніе членовъ правительства по поводу Корниловскихъ „требованій". (Jbid. 108—110).

Исповѣдь Керенскаго не удалась, и ораторъ сдѣлалъ дви-

---

*) Это былъ Аладьинъ, обращавшійся къ кн. Г. Е. Львову. См. вып. II, стр. 185.

женіе къ уходу съ эстрады. Но онъ вспомнилъ, что впереди была главная часть рѣчи,—та, которой онъ хотѣлъ подготовить собраніе къ серьезному пониманію предстоящей ему задачи. Онъ остановился — и произнесъ ее. На этотъ разъ не онъ былъ виноватъ, что и эта половина его рѣчи не встрѣтила надлежащаго сочувствія и даже пониманія. Онъ говорилъ о растущей повсюду анархіи, о необходимости „напрячь всѣ силы и разумъ государства", упомянулъ, какъ о грозномъ симптомѣ, о новомъ революціонномъ актѣ Финляндіи, о явочномъ открытіи сейма, распущеннаго правительствомъ, и о содѣйствіи этому русскихъ революціонныхъ войскъ въ тотъ самый моментъ, когда „нѣмецкая эскадра, ознакомленная съ положеніемъ вещей, приближается къ Финскому заливу". Увы, со скамей большевиковъ раздались при этомъ громкія одобренія . . . поведенію Финляндіи. И напрасно ораторъ старался завоевать симпатіи собранія, то угрожая ему, что „если страна не увидитъ, что здѣсь собрался доподлинный разумъ государства", то революція потерпитъ крушеніе,—то, напротивъ, льстя собранію, „подъ страхомъ прослыть мечтателемъ и фантазеромъ",—выраженіемъ полной „вѣры въ разумъ націи." „Мы чувствуемъ, увѣрялъ Керенскій, что въ моментъ опасности всѣ придутъ и объяснятся". А въ отвѣтъ ему противники кричали: „а смертная казнь" и называли его русскимъ Маратомъ. Они знали, какъ больнѣе задѣть оратора, который въ Москвѣ грозилъ „погубить свою душу".

Потерявъ самообладаніе, Керенскій дрожащимъ голосомъ произнесъ слова, недопустимыя въ устахъ главы правительства: „я говорю вамъ, кричащимъ оттуда: подождите сначала, когда хотя бы одинъ смертный приговоръ будетъ подписанъ мной, верховнымъ главнокомандующимъ, и я тогда позволю вамъ проклинать меня." Къ чему же было издавать законы, когда главнокомандующій заранѣе обѣщалъ не примѣнять ихъ, чтобы не уронить себя во мнѣніи большевиковъ? Но и этой уступкой Керенскій не добивается пощады. Къ барьеру подходитъ молодой солдатъ и, указывая на главнокомандующаго, громко кричитъ: „вы горе родины". Эта капля, наконецъ, переполняетъ чашу. Самолюбіе Керенскаго задѣто: онъ вспоминаетъ, наконецъ, что онъ глава арміи и правительства. И свою рѣчь, начатую въ тонѣ товарищеской откровенности, онъ кончаетъ болѣе привычнымъ тономъ угрозы. „Когда я прихожу сюда, я забываю всю условность положенія, то мѣсто, которое я занимаю, и говорю съ вами, какъ человѣкъ. Но человѣка не всѣ здѣсь понимаютъ, и тогда я скажу вамъ то-

номъ власти. Кто осмѣлится покушаться на свободу республики, кто осмѣлится занести ножъ въ спину русской арміи, тотъ узнаетъ власть временнаго правительства, правящаго довѣріемъ всей страны“.

Увы, впечатлѣніе уже сдѣлано. Это то же впечатлѣніе, какъ и въ Москвѣ, но усиленное обстановкой и неудачей пущеннаго въ ходъ ораторскаго пріема. Неудача эта — знаменательна. Она означала, что, въ результатѣ постояннаго противорѣчія между словомъ и дѣломъ, власть потеряла оба противоположные способы дѣйствія на массы: довѣріе и страхъ. Точнѣе говоря, потерявъ старый способъ — дѣйствовать страхомъ, она не пріобрѣла и новаго средства — дѣйствовать довѣріемъ. Массы ей больше не вѣрили, и ее никто не боялся.

Въ Москвѣ это впечатлѣніе уже было на-лицо. Но тамъ оно было прикрыто внѣшней эффектностью выступленія, грозными, хотя и театральными жестами лица, облеченнаго всѣми полномочіями верховной власти. Здѣсь, среди демократической аудиторіи, оратору, хотѣвшему обезоружить слушателей товарищескимъ отказомъ отъ аттрибутовъ власти, не удалось получить даже и внѣшняго успѣха. Онъ былъ побѣжденъ въ борьбѣ съ психологіей аудиторіи. Враги воспользовались его довѣреннымъ тономъ, чтобы публично его развѣнчать и унизить. Такимъ образомъ, власть, которая въ этотъ моментъ должна была быть болѣе чѣмъ когда-либо сильной, показала себя болѣе чѣмъ когда-либо слабой. Даже въ своихъ сторонникахъ, вмѣсто уваженія, она вызывала одну только жалость. Слабость этой власти сказалась и въ томъ, что правительство, придя на собраніе, не имъ созванное, не рѣшилось ни однимъ словомъ заикнуться о той главной цѣли, для которой это совѣщаніе собралось: объ устройствѣ власти. Оно предоставило защиту своего тезиса — своимъ единомышленникамъ въ самомъ совѣщаніи.

Поединокъ фракціонныхъ ораторовъ начался послѣ рѣчи военнаго министра Верховскаго, — двумысленной и безполезной. Черновъ, Каменевъ, даже меньшевикъ Богдановъ — всѣ говорили противъ коалиціи. Первой попыткой защиты коалиціи была рѣчь Церетели, приспособленная къ составу и настроенію собранія. Если въ исполнительномъ комитетѣ, пугая демократію, онъ доказывалъ необходимость коалиціи съ цензовыми элементами слабостью демократіи самой по себѣ, то здѣсь онъ льстилъ демократіи — и доказывалъ ту же необходимость — ея силой. „Бур

жуазные“ элементы коалиціи вѣдь всегда дѣлали въ правительствѣ дѣло демократіи. Именно поэтому представители буржуазіи „бѣжали изъ правительства“ при всякомъ кризисѣ власти. Теперь, послѣ „трагикомическаго выступленія Корнилова“, за которымъ пошли только авантюристическіе элементы“ и котораго „цензовые элементы Россіи не поддержали“, — демократія сильнѣе чѣмъ когда-либо. Вотъ почему она можетъ меньше чѣмъ прежде бояться сотрудничества съ элементами буржуазіи, которые поневолѣ пойдутъ къ ней, „выбирая изъ двухъ золъ меньшее“. Буржуазія и теперь должна будетъ принять полностью, безъ урѣзокъ, старую программу демократіи ту, которая формулирована въ декларацiяхъ правительства 6-мая, 8-го іюля, и 14-го августа“. Здѣсь осторожно умалчивалось, что „старая“ программа, на которую, въ ея первоначальной формулировкѣ 6-го мая, шли „буржуазные элементы“ правительства, успѣла въ двухъ слѣдующихъ формулировкахъ превратиться въ совершенно новую, и во многихъ отношеніяхъ неприемлемую для „буржуазіи“. Одна изъ этихъ послѣднихъ была, (8-го іюля) какъ декларація о республикѣ, составлена и опубликована въ моментъ междуцарствія, между двумя коалиціями. Другая (14-го августа) не была правительственной.

Гораздо, откровеннѣе тѣ же позиціи Церетели развивалъ Черновъ въ своей рѣчи, когда говорилъ, что „коалиція должна строиться по программѣ, а не программа по коалиціи“. Но Черновъ по крйней мѣрѣ былъ послѣдователенъ и отлично понималъ, что коалиція на этихъ условіяхъ означаетъ — отрицаніе коалиціи.

Второй день демократическаго совѣщанія представилъ своеобразный интересъ. Бывшіе министры-соціалисты поняли, что нельзя защищать коалицію, исходя, какъ Церетели, изъ положеній, которыя „революціонная демократія“ привыкла считать безспорными, но которыя и заключали въ себѣ причину ея ошибокъ. Они попытались, опираясь на свой министерскій опытъ, — доказать спорность этихъ исходныхъ положеній и убѣдить „революціонную демократію“, что она оперируетъ заблужденіями и иллюзіями, а вовсе не аксіомами. Вы говорите: „идетъ борьба за власть“, спрашивалъ собраніе А. И. Пѣшехоновъ? „А я, видѣвшій, какъ люди брали власть и какъ они ее бросали, долженъ засвидѣтельствовать, что власть представляется теперь такой вещью, отъ которой всѣ открещиваются“. Вы утверждаете, что „буржуазія“ въ правительствѣ защищала интересы своего класса? А „я долженъ напомнить, что когда всплывали очень серьез-

ные вопросы, затрогивающіе интересы низшихъ классовъ, то к. д. не противились прохожденію этихъ законовъ. Не забудьте, что хлѣбная монополія, которая наиболѣе жестоко ударяетъ по торговому классу, проведена при министрахъ к. д.; А. И. Шингаревъ провелъ ожесточенное финансовое обложеніе". Вы говорите далѣе, что к. д. „саботировали" революціонное законодательсто? Въ дѣйствительности же к. д. „противились прохожденію нѣкоторыхъ законовъ не столько съ принципіальной точки зрѣнія, сколько съ технической: эти законопроекты были настолько слабы, что даже мы, министры-соціалисты, не всегда считали возможнымъ ихъ защищать". Совершенно вѣрно, подтверждалъ и М. И. Скобелевъ: „когда мы приходили съ конкретными мѣропріятіями и ясно формумировали всѣ неотложныя мѣры, необходимыя въ интересахъ трудящихся, намъ всегда удавалось одолѣвать всѣ классовыя сопротивленія цензовыхъ элементовъ." Съ другой стороны, вѣдь и однородное соціалистическое правительство не могло бы сдѣлать всего. „Широкія массы-хотя бы отъ самыхъ радикальныхъ мѣропріятій — въ ближайшіе мѣсяцы не получатъ ощутительныхъ результатовъ. Между тѣмъ довѣріе къ демократіи можетъ скоро быть растрачено, и широкіе слои рабочихъ и крестьянъ проклянутъ и эту власть и окружатъ ее ненавистью, какъ и всякую другую, не способную дать этимъ массамъ на другой же день послѣ своей организаціи хлѣбъ и миръ". На опасность программы „групповыхъ и классовыхъ притязаній", которая „легче всего находитъ себѣ популярность въ широкихъ массахъ", указалъ и А. И. Пѣшехоновъ. „Эта программа (14-го августа), ради которой мы совершили революцію, таитъ въ себѣ громадную опасность. Выполненіе ея было бы опасно и въ мирное время; а тѣмъ болѣе во время войны, когда удовлетвореніе ея представляетъ для государства неимовѣрныя трудности." Пѣшехоновъ подчеркивалъ, что въ данный моментъ „не удовлетвореніе требованій, сколь бы справедливы они ни были, а ограниченія и жертвы необходимо приносить со всѣхъ сторонъ". И онъ добросовѣстно констатировалъ, что на принесенныя „буржуазіей" жертвы „демократія пока не отвѣтила такими же жертвами и очень остерегается призывать къ нимъ". „Я долженъ сказать", признавался онъ, „что мы, соціалисты, будучи въ правительствѣ и ясно сознавая, что нѣтъ другого спасенія, какъ поставить предѣлъ требованіямъ и притязаніямъ, до сихъ поръ не находимъ въ себѣ силы этотъ предѣлъ поставить." То же самое заявилъ и А. С. За-

рудный. „Правительство, которое надлежитъ призвать къ власти должно понять, что намъ **некогда говорить о подробностяхъ программы.** Развѣ можно, въ самомъ дѣлѣ, въ одинъ мѣсяцъ провести аграрный вопросъ и контроль надъ капиталомъ?... Единственный вопросъ, который нужно разрѣшить правительству въ ближайшую недѣлю, — это вопросъ о внѣшней минимальной безопасности нашего государства и о созывѣ Учредительнаго Собранія." Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія всѣ три министра находили, что обойтись безъ к. д. — или, что сведется къ тому же, безъ всей „промышленной буржуазіи", — въ будущемъ правительству нельзя. Что касается обвиненій въ прикосновенности к. д. къ корниловскому заговору, то всѣ трое, и Скобелевъ, и Зарудный, и Пѣшехоновъ въ одинъ голосъ свидѣтельствовали о совершенной нелѣпости этихъ подозрѣній по отношенію къ министрамъ к. д. Единственный недостатокъ прежняго правительства Зарудный усматривалъ въ склонности самого Керенскаго къ „полновластному распоряженію и диктатурѣ". И онъ очень осуждалъ министровъ, которые, по первому намеку Керенскаго, „взяли листы бумаги и написали свои прошенія объ отставкѣ". „Я отказался отъ этого", прибавилъ Зарудный при общихъ рукоплесканіяхъ.

Церетели съ этимъ соглашался, перелагая, однако, отвѣтственность за самовластіе Керенскаго на демократію. „Пусть сама демократія пеняетъ на себя, если на высотѣ у ея представителя закружилась голова." Но онъ тотчасъ же проводилъ и извиненіе. Что дѣлать? Уже въ іюлѣ пришлось уступить Керенскому, „считаясь со слабостью революціонныхъ органовъ." „Мы, взвѣсивъ положеніе, пришли къ заключенію, что передъ нами стоятъ два исхода: или правительство совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ съ гражданской войной въ перспективѣ, или та несовершенная форма власти, которою созданы персонификація власти и коалиція... Мы остановились на послѣдней формѣ. Будь революціонная демократія болѣе организована, этого выхода никто бы не предложилъ".

Оправдавъ, такимъ образомъ, режимъ Керенскаго и коалиціи только какъ наименьшее зло, Церетели возвращалъ пренія въ традиціонную колею, и по ней они пошли дальше. Свободныя отъ условныхъ иллюзій заявленія Скобелева, Пѣшехонова и Зарутнаго такъ и остались гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ. Къ этимъ голосамъ, кромѣ заявленія кооператоровъ, точка зрѣнія, которыхъ намъ извѣстна, можно присоединить еще только предостерегаю-

щіе голоса Чхенкели и Минора, въ рѣчахъ которыхъ звучала неподдѣльная боль за страданія и униженіе родины. Чхенкели говорилъ по поводу выступленій делегатовъ разныхъ національностей, что тутъ онъ „почувствовалъ одинъ изъ самыхъ печальныхъ, быть можетъ, актовъ россійской трагедіи". Тутъ не только сталъ вопросъ о сепаратизмѣ инородцевъ, но и вопросъ о русской націи, — вопросъ роковой для всей страны. „Гдѣ она, эта нація, спрашивалъ Чхенкели: „я хотѣлъ бы выслушать и ея представителя". „У насъ, грузинъ, бьется національное чувство, которое очень трудно отличить отъ государственнаго россійскаго чувства: и хотѣлось бы, чтобы русскіе сказали, что ихъ государственное чувство очень мало отличается отъ національного чувства грузинъ." Но, увы, этого нѣтъ. „Среди толковъ о всевозможныхъ политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ и иныхъ планахъ не чувствуется одного: не чувствуется національной тревоги за судьбу Россіи, перестало ощущаться національное самочувствіе". „Когда к. д. насъ спрашивали," продолжалъ ораторъ, „чѣмъ вы хотите спасти страну, мы всегда отвѣчали: революціей. Но прошло шесть мѣсяцевъ, и у меня начинаетъ колебаться вѣра, спасетъ ли революція Россію . . . Священныя слова деклараціи петроградскаго совѣта 14-го марта ко всѣмъ народамъ міра имѣютъ значеніе и понынѣ. Но дѣла за этими словами не видно. На фронтѣ мы становимся съ каждымъ днемъ слабѣе, въ тылу углубляется разруха, и нашъ вѣсъ въ международномъ концертѣ державъ становится все ничтожнѣе и ничтожнѣе . . . Передо мною сталъ вопросъ: можемъ ли мы взойти на высоту тѣхъ величайшихъ задачъ, которыя мы себѣ поставили? . . . Если есть чувство національнаго самосохраненія, если есть тревога, есть энтузіазмъ, — тогда мы можемъ преодолѣть всѣ опасности. Если нѣтъ, то всѣ наши пожеланія не имѣютъ никакого значенія . . ., и остается поставить вопросъ: не слѣдуетъ ли Грузіи сдѣлаться Тавризомъ великой русской революціи? . . ."

Такая же нота сомнѣнія, близкаго къ отчаянію, звучала въ обращеніи къ съѣзду стараго революціонера и ссыльнаго, Минора. „Гдѣ у васъ исторія, гдѣ ваши собственные взгляды", спрашивалъ онъ товарищей-соціалистовъ. „Неужели все забыто и, вы полагаете, изъ предѣловъ существующаго можно прямо перескочить къ новымъ формамъ бытія? . . . Сможетъ ли однородное соціалистическое правительство удовлетворить тѣ нужды, которыя не удовлетворило коалиціонное? Сможетъ ли оно исправить больные паровозы для перевозки хлѣба изъ Сибири въ Москву"? Таково

„объективное положеніе вещей, которое, мы, соціалисты, во время войны безсильны исправить“ . . . Довольно же „блестящихъ рѣчей, которыя замѣняютъ блестящія мысли“. „Чѣмъ больше лжи мы будемъ говорить, тѣмъ хуже будетъ для революціи“. И Миноръ умолялъ собраніе вынести однородное рѣшеніе въ пользу коалиціи. Иначе, большинство — все равно какое — должно будатъ заставить меньшинство себѣ подчиниться. „Если вы не вынесете однороднаго рѣшенія, то, знайте, передъ нами времена великой французской революціи. Знайте это и помните: нечего себя обманывать. Мы будемъ рѣзать“. „Кого“, спрашивали оратора съ мѣста? „Мы будемъ рѣзать другъ друга“, окончилъ Миноръ при гробовомъ молчаніи всего зала. Никто не рѣшился хлопнуть человѣку, который, въ столь неподходящей средѣ людей, старавшихся оглушить себя словами, смѣло взялъ на себя роль Кассандры русской революціи.

„Однородное рѣшеніе?“ Но „Воля Народа“ теперь насчитывала шесть рѣшеній по основному вопросу о реконструкціи власти:

1) Вся власть большевикамъ.

2) Вся власть совѣтамъ.

3) Вся власть однородному соціалистическому правительству, отвѣтственному передъ предпарламентомъ.

4) Вся власть коалиціонному правительству безъ к. д. на основѣ платформъ 14-го августа, отвѣтственному передъ предпарламентомъ.

5) Та же формула, но съ включеніемъ к. д.

6) Вся власть коалиціонному министерству со включеніемъ к. д. и отвѣтственному только передъ Учредительнымъ Собраніемъ.

Конечно, сочувствіе совѣщанія распредѣлялось между этими формулами неравномѣрно. За первое рѣшеніе, собственно, прямо не высказывался никто. И Церетели могъ еще безнаказанно провоцировать большевиковъ, предлагая имъ „захватить власть“ и доказывая, что этого-то именно они и не хотятъ и не могутъ сдѣлать, а желаютъ только критиковать другихъ. За второе мнѣніе стояла сплоченная большевистская группа, очевидно не составлявшая большинства, хотя и находившая поддержку у лѣвыхъ с.-р.-овъ. Третій взглядъ уже находилъ поддержку и у части меньшевиковъ и могъ разсчитывать на побѣду, хотя и сомнительную. Четвертая формула. искусственная и противорѣчивая, ибо безъ к. д. коалиція была неосуществима — и это всѣ понимали, — однако находила наибольшее число приверженцевъ, какъ компромиссная.

За нее могъ стоять и Церетели, и Богдановъ. и Черновъ. Пятая формула — эта та, которую и Церетели, и Черновъ готовы были защищать лично, но за которую коллективно высказывались лишь правыя группы совѣщанія, такъ какъ присутствіе к. д. было несовмѣстимо съ признаніемъ платформы 14 го августа и съ отвѣтственностью передъ предпарламентомъ. Единственная послѣдовательная формула, которую можно было противопоставить двумъ большевистскимъ, была шестая. Но за нее стояли лишь правыя группы с.-р. и с.-д. и болѣе правыя соціалистическія партіи (народные соціалисты). Только въ этихъ правыхъ группахъ, Аргунова и Брешковской, Плеханова и Потресова, Керенскій находилъ безусловную поддержку. Уже Авксентьевъ колебался между Брешковской и Черновымъ, а Церетели рѣзко отходилъ отъ Потресова къ Богданову.

Однако, когда Троцкій констатировалъ, что въ совѣщаніи „никто не взялъ на себя завидной роли защищать пятерку, директорію и ея представителя Керенскаго", собраніе сразу почувствовало, что это говоритъ общій врагъ. Недостатокъ энтузіазма къ главѣ правительства былъ восполненъ довольно единодушной и шумной демонстраціей въ честь Керенскаго. Зарудный могъ говорить о „самовластіи" Керенскаго, и Церетели могъ шутить, что у Керенскаго „закружилась голова". Это были — свои. Но когда Троцкій сказалъ, что Керенскій своимъ отказомъ отъ подписанія смертныхъ приговоровъ „превращаетъ рѣшеніе о смертной казни въ актъ легкомыслія, который стоитъ за предѣлами преступности", то это говорилъ чужой. Правда, приходилось молчать, когда съ мѣстъ раздавались при этомъ восклицанія: „правильно." Репутація Керенскаго, какъ политика и человѣка, видимо, доживала послѣдніе дни. Но за него здѣсь, въ кругахъ „революціонной демократіи", еще держались, какъ за послѣднюю точку опоры, могущую удержать народный организмъ на самомъ краю той бездны, какую для большинства присутствовавшихъ представляла побѣда большевизма.

За исключеніемъ этого, скорѣй инстинктивнаго, чѣмъ сознательнаго мотива, ничто не объединяло собравшихся. У демократическаго совѣщанія не было никакого мнѣнія по конкретному вопросу, постановленному на его обсужденіе. Это и сказалось въ его голосованіяхъ, въ заключительномъ засѣданіи совѣщанія 19-го сентября.

Рѣшено было голосовать сперва общій вопросъ: за или про-

тивъ коалиціи. Вторымъ долженъ былъ голосоваться вопросъ, какая именно должна быть коалиція. Противники коалиціи настояли большинствомъ 650 голосовъ противъ 574 на томъ, чтобы голосованіе было поименное, разсчитывая этимъ терроризировать часть сторонниковъ коалиціи. Дальнѣйшее давленіе на собраніе было произведено выступленіемъ, по мотивамъ голосованія, представителя Балтійскаго флота, который вступилъ въ эти дни въ открытый конфликтъ съ правительствомъ. Этотъ представитель грозилъ силой „защищать совѣты р. с. д.“ противъ коалиціи. Голосованіе за и противъ коалиціи дало слѣдующіе результаты:

	За.	Противъ.	Воздерж.
1. Кооперативы	140	23	1
2. Совѣты крест. деп. .	102	70	12
3. Города	114	101	8
4. Продовол., зем. комит. эконом. организаціи .	31	16	1
5. Военныя организаціи .	64	54	7
6. Прочія организ. . . .	84	30	1
7. Совѣты р. и с. д. . . .	83	192	4
8. Професс. раб. союзы .	32	139	2
9. Національныя орган. .	13	44	2
10. Земства	9	29	2
Итого-	672	698	40

Неслучайнымъ въ этомъ голосованіи надо признать голосованіе кооперативовъ, крестьянъ и связанныхъ съ реальной работой экономическихъ организацій въ пользу коалиціи. Здѣсь сказалась тяга земли. Не случайно, конечно, было и голосованіе пролетарскихъ организацій (совѣтовъ профессіональныхъ и рабочихъ союзовъ) противъ коалиціи. Голосъ дѣйствительности съ фронта сказался въ вотумѣ военныхъ организацій. Характерно также, что, при всемъ преобладаніи радикальныхъ настроеній въ новомъ городскомъ самоуправленіи, голосъ городовъ все же склонился въ сторону благоразумія. Напротивъ, вотумъ демократизированныхъ земствъ, слишкомъ недостаточно представленныхъ численно, нужно считать совершенно случайнымъ. Національныя организаціи, конечно, были представлены искусственно крайними соціалистическими элементами; но именно это характерно для всей постановки національнаго вопроса, какъ это и отмѣтилъ Чхенкели. Любопытно, что рѣчь оратора съ кіевскаго съѣзда національностей произвела

впечатлѣніе комическаго эпизода. Трагической стороны дѣла, понятной для Чхенкели, демократическое совѣщаніе вовсе не почувствовало.

Не очень значительный перевѣсъ, полученный сторонниками государственности и политическаго благоразумія, поощрилъ противниковъ коалиціи къ дальнѣйшему натиску. Предстояло еще голосованіе слѣдующаго вопроса: какъ понимать коалицію? Вопросъ этотъ голосовали въ формѣ двухъ „поправокъ". 1) „За предѣлами коалиціи остаются элементы, какъ партіи к. д., такъ и другихъ партій, причастные къ корниловскому мятежу" и 2) болѣе рѣшительная: „за предѣлами коалиціи остается партія к. д.". Л. Троцкій немедленно открылъ дальнѣйшую игру большевиковъ: они будутъ голосовать за обѣ поправки, а затѣмъ, испортивъ посильно этими поправками принятую резолюцію, опять отвергнутъ ее въ цѣломъ. Собраніе безъ всякаго сопротивленія дало себя поймать въ эту ловушку. Первая поправка была принята тѣми же голосами, какъ и самая резолюція. 797-ю голосами большинства, принявшаго идею коалиціи, вмѣстѣ съ большевиками, было заявлено (противъ 139 при 196 воздержавшихся), что это большинство понимаетъ эту коалицію, какъ свободную отъ лицъ, непосредственно замѣшанныхъ въ корниловскомъ мятежѣ. Этимъ, въ сущности, устранялась вторая поправка, болѣе радикальная. Однако, она тоже голосовалась, вопреки протесту Церетели, и тоже была принята 595-ю голосами — очевидно противниковъ коалиціи, противъ 493 ея сторонниковъ, при 72 воздержавшихся. У получившейся такимъ образомъ формулы: коалиція безъ к. д. — почти не оказалось — сторонниковъ. Гоцъ заявилъ по мотивамъ голосованія, что „въ виду того, что вторая поправка, принятая совѣщаніемъ, въ корнѣ разрушаетъ самую возможность коалиціи, часть с.-р., сторонниковъ коалиціи, будетъ голосовать противъ формулы въ цѣломъ и снимаетъ съ себя отвѣтственность за создавшееся положеніе". Беркенгеймъ отъ имени кооператоровъ присоединился къ Гоцу: они тоже будутъ голосовать противъ и будутъ считать, что тѣмъ самымъ голосуютъ противъ власти совѣтовъ. Каменевъ отъ имени большевиковъ и М. Спиридонова отъ лѣвыхъ с.-р.-овъ болѣе послѣдовательно заявили: они будутъ голосовать противъ и м е н н о потому, что они — за власть совѣтовъ. И только Мартовъ отъ имени меньшевиковъ-интернаціоналистовъ неожиданно заявилъ, что готовъ принять коалицію безъ к. д., ибо это „большой шагъ впередъ въ сторону освобожденія демократіи отъ вліянія к. д.".

Вполнѣ откровенно, отъ имени меньшевиковъ, голосовавшихъ за коалицію, объяснилъ сложившееся положеніе Данъ. Россійская демократія по основному вопросу момента раскололась до такой степени, что уже не въ состояніи выступить, какъ объединенная сила. Теперь разрозненныя части демократіи будутъ рѣшать вопросъ, каждая за свой страхъ и рискъ, къ величайшему ущербу для всей страны. Отвѣтственность за такой исходъ Данъ перелагалъ на ту часть совѣщанія, которая все время боролась противъ коалиціи; хотя, казалось бы, это крыло только осталось вѣрно само себѣ и знало, чего хочетъ.

Противъ формулы „коалиція безъ кадетъ“ оказалось 813 голосовъ сторонниковъ коалиціи и ея противниковъ, противъ 183 доктринеровъ типа Церетели и сторонниковъ коалиціи во что бы то ни стало. Число воздержавшихся въ этой путаницѣ возрасло до 80-ти. По коренному вопросу всей своей программы — совѣщаніе осталось, такимъ образомъ, безъ мнѣнія и безъ формулы...

Среди смущенія однихъ и торжества другихъ, въ половинѣ 1-го часа ночи, былъ объявленъ перерывъ. Черезъ сорокъ минутъ засѣданіе возобновилось, и Церетели предложилъ выходъ изъ получившагося тупика. „Президіумъ, обсудивъ создавшееся положеніе, единогласно призналъ, что среди организованной демократіи нѣтъ единства воли, которая могла бы быть претворена въ жизнь“. А потому, „принимая это голосованіе, какъ показатель настроенія собранія, президіумъ предлагаетъ совѣщанію и вообще всѣмъ организаціямъ пойти другъ другу навстрѣчу и сдѣлать уступки, чтобы найти ту формулу, въ которой могла бы быть выявлена единая воля демократіи“. Для этого предлагается всѣмъ группамъ и фракціямъ устроить совмѣстно съ президіумомъ особое засѣданіе, пославъ туда по одному человѣку отъ группы, по три отъ партіи и, по желанію, полные составы центральныхъ комитетовъ партій. Утомленное собраніе единогласно рѣшило сложить съ себя рѣшеніе головоломной задачи. Для успокоенія совѣсти оно такъ же единогласно „постановило, что оно не разъѣдется, пока не будутъ установлены условія организаціи и функціонированія власти въ пріемлемой для демократіи формѣ“.

Бѣдное собраніе! Оно только-что констатировало своими голосованіями, что, исходя изъ своихъ общепринятыхъ заблужденій, оно не можетъ найти пріемлемой для себя формы, сколько бы ни сидѣло. Но надо же было какъ-нибудь спасти лицо... И условное лицемѣріе Церетели весьма кстати пришло на выручку...

III. „Демократія“ идетъ на компромиссъ съ „буржуазіей.“

Возобновленіе переговоровъ съ к. д. и промышленниками. Усилія Церетели (словесный компромиссъ). Переговоры „демократіи“ съ „буржуазіей“. Отказъ „демократіи“ отъ принципіальныхъ требованій. „Настроеніе“ цензовыхъ элементовъ. Програмныя уступки „демократіи“. Организація „предпарламента“. Окончательная санкція „демократіи“. Окончаніе кризиса. Министры к. д. и Керенскій. Отношеніе соціалистовъ къ министерству. Группы поддерживающія правительство.

Временное правительство безъ особой тревоги слѣдило за „муками слова“ демократическаго совѣщанія. 10-го сентября, какъ мы видѣли, оно отказалось отъ сформированія кабинета до рѣшенія собранія. Но уже 13-го, т. е. наканунѣ дѣйствительнаго открытія совѣщанія, А. Ф. Керенскій просилъ москвичей Н. М. Кишкина, П. Н. Малянтовича, а также представителей торгово-промышленниковъ, А. И. Коновалова, П. А. Бурышкина, С. Н. Третьякова, С. Смирнова и С. М. Четверикова пріѣхать въ Петроградъ для продолженія переговоровъ: Выработавъ предварительно условія для своего вступленія, московскіе дѣятели пріѣхали 14-го и предъявили свои шесть пунктовъ — все тѣ, что и прежде: 1) рѣшительная борьба съ анархіей, 2) обезпеченіе свободы выборовъ въ Учредительное Собраніе, 3) равенство правъ всѣхъ министровъ входящихъ въ правительство, т. е. уничтоженіе „тріумвирата“ и „директоріи, 4) органическая работа по возсозданію боеспособности арміи, безъ всякихъ уклоненій въ сторону демагогіи, 5) независимость временнаго правительства отъ всякихъ безотвѣтственныхъ партійныхъ и классовыхъ организацій и 6) вхожденіе въ составъ кабинета партіи народной свободы. Керенскій не возражалъ, но и не дѣлалъ опредѣленныхъ предложеній. Онъ выжидалъ рѣшеній совѣщанія. Друзья Керенскаго обнадеживали его, что въ совѣщаніи можетъ создаться благопріятное для правитель-

ства большинство. 15-го сентября утромъ, однако, Керенскій сдѣлалъ шагъ впередъ, указавъ московскимъ кандидатамъ тѣ портфели, на которые они могутъ разсчитывать: призрѣнія, министерства торговли, государственнаго контролера и предсѣдателя экономическаго совѣщанія. Москвичи не возражали, но повторили, что для нихъ главное—та программа, которую они выставили, а также и то условіе, чтобы министры-соціалисты не подавляли другихъ своей численностью. Вечеромъ 15-го состоялось совѣщаніе кандидатовъ со всѣми министрами, причемъ было установлено, что между тѣми и другими нѣтъ никакихъ разногласій на почвѣ предъявленной москвичами программы. Тѣмъ же вечеромъ кандидаты выѣхали въ Москву для окончательныхъ переговоровъ съ единомышленниками. Вопросъ о реконструкціи кабинета продолжалъ считаться открытымъ.

Въ ближайшіе дни былъ сдѣланъ, однако, одинъ шагъ, который показывалъ, что Керенскій идетъ къ своей цѣли, не дожидаясь рѣшенія совѣщанія. С. Н. Прокоповичъ былъ переведенъ изъ министерства торговли, которое хотѣли получить представители торгово-промышленнаго класса, и назначенъ министромъ продовольствія на мѣсто окончательно ушедшаго А. В. Пѣшехонова. Указъ объ этомъ былъ опубликованъ въ „Собраніи Узаконеній" 17-го сентября. Въ вечернемъ засѣданіи 19-го сентября министры послѣдовательно узнали, — сперва, что совѣщаніе приняло большинствомъ принципъ коалиціи, а затѣмъ, что вторымъ вотумомъ оно коалицію отвергло. Такъ какъ, однако, отвергнута была не вообще коалиція, а коалиція б е з ъ к а д е т о в ъ, то возможно было считать первый вотумъ совѣщанія сохраняющимъ силу, Въ противномъ случаѣ, получался выводъ, что у совѣщанія вообще нѣтъ никакого мнѣнія о переустройствѣ власти. Въ томъ и другомъ случаѣ, Керенскій считалъ себя вправѣ держаться своей прежней линіи поведенія. Онъ послалъ на слѣдующій день, 30-го сентября, управляющаго дѣлами Гальперна сообщить И. Г. Церетели въ Смольный, что совѣтъ пяти, основываясь на первомъ вотумѣ совѣщанія, уже составилъ кабинетъ съ представителями цензовыхъ элементовъ и завтра предполагаетъ опубликовать полный составъ временнаго правительства. Вь 3 часа того же 20-го сентября Керенскій сообщилъ и С. Н. Третьякову въ Москву, что онъ, Коноваловъ, Кишкинъ и Смирновъ уже назначены на министерскіе посты и что на слѣдуюшій день, 21-го эти назначенія будутъ опубликованы.

Въ Смольномъ съ половины перваго засѣдалъ президіумъ совѣщанія съ представителями центральныхъ комитетовъ и группъ, представленныхъ на совѣщаніи. Какъ только поставленъ былъ вопросъ о переустройствѣ власти, снова полились безконечныя рѣчи. Каждая партія продолжала стоять на своемъ. Меньшевики не хотѣли коалиціоннаго министерства. Большевики не выражали желанія безусловно поддерживать даже и однородное соціалистическое правительство по программѣ 14-го августа. Среди этихъ треній Церетели получилъ приведенное сообщеніе Керенскаго. Онъ просилъ передать ему, что подобный выходъ изъ создавшагося положенія непріемлемъ и не можетъ привести къ желательнымъ результатамъ, ибо такой составъ правительства, какой предположенъ, не встрѣтитъ поддержки „революціонной демократіи". Получивъ этотъ отвѣтъ, Керенскій выразилъ намѣреніе лично явиться въ 5 часовъ въ засѣданіе президіума. Приходилось спѣшить, чтобы къ приходу главы правительства имѣть хоть какое-нибудь мнѣніе.

Церетели предложилъ тогда оставить пока въ сторонѣ вопросъ о власти, какъ спорный, и остановиться на вопросѣ, въ которомъ всѣ были согласны: — вопросѣ о предпарламентѣ, который долженъ самъ создать власть, передъ собой отвѣтственную. Тотчасъ же выяснилось, однако, что большевики, хотятъ создать этотъ „предпарламентъ" или, какъ они его называли, „конвентъ" изъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, а для этого предлагаютъ отложить его образованіе на двѣ недѣли, до новаго съѣзда совѣтовъ. Кооператоры и представители самоуправленія находили, что такая отсрочка невозможна, ибо власть надо создавать немедленно. Въ 4 часа былъ сдѣланъ перерывъ, сторонники однороднаго правительства устроили совѣщаніе, послѣ котораго было предложено формулировать рѣшеніе. Въ перерывѣ сторонники однороднаго правительства устроили совѣщаніе съ сторонниками коалиціи, Чхенкели, Гоцемъ и др., которыхъ начали склонять на свою сторону. Какъ только объ этомъ стало извѣстно въ кулуарахъ, кооператоры рѣшительно запротестовали, считая, что первый вотумъ демократическаго совѣщанія, о принципѣ коалиціи, не можетъ быть уничтоженъ нелѣпыми прибавками, затемнившими его смыслъ.

Однако, когда по возобновленіи засѣданія, былъ поставленъ на голосованіе вопросъ о коалиціонномъ министерствѣ, за него вотировали только 50 голосовъ: 60 голосовъ оказались на сторонѣ однороднаго министерства. Каменевъ великодушно согласился не свергать такого правительства . . . до съѣзда

совѣтовъ. Сторонники коалиціи заявляли, что, подчиняясь голосованію, они, однако, въ такое правительство вступить не могутъ, ибо считаютъ его гибельнымъ для Россіи. Церетели констатировалъ тогда, что президіумъ не исполнилъ порученной ему задачи, ибо голоса опять раздѣлились, и однороднаго министерства нельзя „протащить" при сопротивленіи цѣлой половины участниковъ совѣщанія. „Какъ можно говорить теперь объ упразленіи государствомъ силами одной демократіи", съ отчаяніемъ говорилъ онъ, „если въ своей небольшой средѣ мы не умѣемъ создать коалиціи?" Единственный возможный выходъ Церетели видѣлъ въ томъ, чтобы снять вопросъ о коалиціи съ обсужденія, „и пусть выбранный нами органъ рѣшитъ вопросъ о подборѣ тѣхъ или другихъ лицъ на опредѣленной программѣ". Другими словами, органъ, которому демократическое совѣщаніе передовѣрило рѣшеніе, предлагалъ передовѣрить его дальше, уже въ третью инстанцію.

Въ началѣ шестого часа пріѣхалъ Керенскій и произнесъ передъ собраніемъ президіума съ приглашенными большую рѣчь. Послѣ ея произнесенія онъ немедленно уѣхалъ. Рѣчь Керенскаго произвела впечатлѣніе — не столько той мрачной картиной положенія страны, которую онъ набросалъ — и которая въ его устахъ потеряла характеръ новизны, сколько его опредѣленными намеками, что въ случаѣ рѣшенія совѣщанія создать однородное правительство, онъ въ его образованіи участія не приметъ. Керенскій высказалъ также желаніе, чтобы намѣчаемый совѣщаніемъ „предпарламентъ" не былъ выбранъ совѣщаніемъ, а н а з н а ч е н ъ правительствомъ.

По уходѣ Керенскаго пренія возобновились. Сторонники коалиціи требовали пересмотра и отмѣны только что состоявшагося рѣшенія. Противники коалиціи протестовали. Въ разгорѣвшихся снова преніяхъ выяснилось, что ни Церетели, ни другіе министры-соціалисты въ однородное правительство не войдутъ. И президіумъ снова очутился въ тупикѣ. Приходилось послѣдовать совѣту Церетели, т. е., признавъ свою неспособность рѣшить вопросъ, передать рѣшеніе другому органу, — конечно съ согласія совѣщанія. Собраніе лишь констатировало, что оно согласно въ трехъ вопросахъ: 1) въ признаніи необходимости ответственности правительства передъ представительнымъ органомъ, который будетъ организованъ демократіей, 2) въ признаніи обязательности для правительства программы 14-го августа, пополненной проектомъ

объ „активномъ веденiи внѣшней политики въ цѣляхъ скорѣйшаго заключенiя всеобщаго демократическаго мира“ и 3) въ рѣшенiи избрать особый органъ, которому и поручить на указанныхъ условiяхъ приступить къ организацiи власти, не связывая его никакимъ обязательнымъ постановленiемъ въ смыслѣ приглашенiя тѣхъ или иныхъ министровъ. Въ составъ этого органа должны были, по предложенiю Церетели, войти всѣ политическiя партiи, представленныя на совѣщанiи, а также кооперативы, пропорцiонально ихъ численности. Если окажется, что власть нужно будетъ образовать на началѣ коалицiи, тогда въ тотъ же органъ могутъ быть введены и представители цензовыхъ элементовъ—конечно, съ сохраненiемъ перевѣса демократiи. Этотъ послѣднiй пунктъ прошелъ 56-ю голосами противъ 48-ми, но только потому, что было 10 воздержавшихся. Ограничительныя поправки, внесенныя сторонниками однороднаго министерства, были на этотъ разъ отвергнуты. На этомъ, наконецъ, засѣданiе президiума было закрыто. Цѣлый день, параллельно съ нимъ, засѣдали и фракцiи партiй, говорились рѣчи, но никакихъ рѣшенiй, въ ожиданiи предложенiя президiума, не принималось. Только теперь, уже вечеромъ, фракцiи были освѣдомлены о принятыхъ президiумомъ постановленiяхъ. Послѣдовали новыя рѣчи. У меньшевиковъ, послѣ продолжительныхъ обсужденiй, предложенiя Церетели прошли, при чемъ ихъ обѣщали поддерживать всѣ, отъ Потресова до Мартова. Не такъ гладко пошло дѣло у с. р—овъ, которые спорили до половины 12-го ночи; группа Чернова принимала предложенiя Церетели лишь съ нѣкоторыми поправками.

Въ 11½ час., наконецъ, открыто было засѣданiе демократическаго совѣщанiя въ Александринскомъ театрѣ, пятью часами позже назначеннаго срока. Докладъ Церетели уже носилъ окраску оффицiальнаго оптимизма. „Мы нашли общiй языкъ“, „мы подняли общее знамя“, „призракъ разрыва, навѣявшiй вчера ужасъ на собранiе, сегодня разсѣянъ“; “опасность уничтоженiя единства въ рядахъ революцiонной демократiи“ устранена. Церетели изложилъ рѣшенiя президiума, какъ исполненiе рѣшенiя собранiя „найти то общее, что объединяетъ всю организованную демократiю.“ Платформа 14 го августа, отвѣтственность власти передъ „органами всенародной воли“ и соотвѣтственная перестройка власти на новыхъ началахъ; наконецъ, созданiе такого органа, который бы отражалъ всенародное настроенiе (Церетели намѣренно не сказалъ здѣсь „волю)“втеченiе двухъ мѣсяцевъ,отдѣляющихъ страну отъ Учре-

дительнаго Собранія. Таковы были звенья цѣпи, логически связанныя и очень искусно прикрывшія отъ демократіи тотъ проваль, который ожидалъ ее при встрѣчѣ этихъ пріемлемыхъ для нея и хорошо звучавшихъ предложеній съ дѣйствительнымъ настроеніемъ правительства и послѣдовательныхъ сторонниковъ коалиціи. Для правой части совѣщанія и для самого Церетели, предупрежденнаго Керенскимъ, эта опасность, правда, была ясна. Они пытались устранить ее, — но не по существу и не путемъ открытаго компромисса, а путемъ словесныхъ уловокъ и намѣренныхъ неясностей, разсчитанныхъ на невнимательность большой аудиторіи. Такъ, „постоянный правительственный органъ", передъ которымъ должно было отвѣчать правительство, въ проектѣ резолюціи уже предполагалось „выдѣлить изъ среды" съѣзда (п. 2-ой), тогда какъ для переговоровъ съ правительствомъ создавалась особая коллегія пяти, которая и должна была немедленно „предпринять необходимые практическіе шаги для содѣйствія образованію власти на вышеуказанныхъ началахъ" (п.4-ый). Третій пунктъ резолюціи гласилъ: „правительство должно быть подотчетно этому органу и отвѣтственно передъ нимъ". Но, по просьбѣ кооператоровъ и согласно желанію Керенскаго, Церетели здѣсь вставилъ послѣ первыхъ двухъ словъ фразу, противорѣчившую остальному содержанію пункта: „правительство должно санкціонировать этотъ органъ" и. т. д.

Предсѣдатель совѣщанія предложилъ принять проектъ резолюціи Церетели безъ преній, но это не прошло. Предложеніе правда, было принято единогласно, но фракціонные ораторы получили слово по мотивамъ голосованія. Большинство фракцій въ этотъ моментъ, правда, не воспользовались словомъ для споровъ. Меньшевики объединенные и меньшевики интернаціоналисты, соціалисты-революціонеры, народные соціалисты и трудовики, умѣренные кооператоры и крайніе представители рабочихъ коопераций, наконецъ, казаки, скрѣпя сердце, съ разными оговорками, согласились голосовать за резолюцію Церетели. Только Троцкій остался неумолимъ. Отъ имени большевиковъ онъ соглашался принять условія, ограничивающія правительство, платформу и отвѣтственность, но былъ несогласенъ принять способъ составленія предпарламента и согласиться на участіе цензовыхъ элементовъ въ немъ и въ правительствѣ. Онъ заранѣе заявилъ, что въ случаѣ принятія этой части резолюціи, большевики будутъ голосовать противъ всей резолюціи въ цѣломъ. Часть собранія, однако

все еще разсчитывила удержать большевиковъ съ собой, и съ мѣстъ слышались наивныя восклицанія: „Троцкій, не торгуйся".

Началось голосованіе. Платформа, отвѣтственность, „представительное учрежденіе впредь до Учредительнаго Собранія отражающее волю страны" — словомъ, все содержаніе пункта перваго принято было громаднымъ большинствомъ 1150 противъ 171, при 24 воздержавшихся. Оппозиція болѣе чѣмъ удвоилась при второмъ пунктѣ, содержавшемъ положеніе о „цензовыхъ элементахъ" и о „выдѣленіи" представительнаго органа „изъ среды" совѣщанія — положенія, противъ которыхъ возражалъ Троцкій. Второй пунктъ былъ принятъ 774-мя голосами противъ 385, при 84 воздержавшихся. Это былъ максимумъ оппозиціи, и большевики увидали, что они не въ состояніи повліять на исходъ голосованія. Тогда они перешли къ тактикѣ воздержанія. Когда ко второму пункту была внесена поправка, что въ представительномъ органѣ должно быть обезпечено преобладаніе демократіи, то число сторонниковъ пункта поднялось уже до 941, и только 8 голосовали противъ. Но 274 воздержалось. Въ третьемъ пунктѣ вставка Церетели о „санкціи" представительнаго органа правительствомъ вызвала такое возбужденіе, что передъ голосованіемъ Церетели самъ выбросилъ эти слова. Тогда чистая „подотчетность" и „отвѣтственность" была принята центромъ, при участіи большевиковъ противъ правыхъ элементовъ, почти тѣми же цифрами голосовъ, какъ первый пунктъ: 1064 противъ одного, при 123 воздоржавшихся. Послѣдній пунктъ резолюціи предлагалъ президіуму „къ завтрашнему дню представить проектъ выборовъ постояннаго учрежденія изъ состава съѣзда", а также избрать пять представителей изъ своей среды для немедленнаго „содѣйствія" образованію власти на вышеуказанныхъ началахъ, съ „санкціей — и подъ условіемъ отчета въ своей работѣ вышеупомянутому правительственному учрежденію". Этотъ пунктъ принятъ былъ 922 голосами противъ 5, при 233 воздержавшихся.

Настроеніе совѣщанія, такимъ образомъ, выяснилось окончательно. Въ немъ былъ сильный центръ, защищавшій безполезный компромиссъ, непріемлемый для правительства, и два крыла, стоявшія за чистую и послѣдовательную тактику: болѣе сильное крыло за тактику большевиковъ, болѣе слабое — за тактику временнаго правительства. Численно эти части можно выразить цифрами: центръ — около 774, правое крыло (кооператоры, самоуправленіе, деревня) — отъ 123 до 171; лѣвое крыло (большевики

и лѣвые с.-р-ы)—отъ 233 до 274. Послѣдняя группа, замѣтивъ свое безсиліе повліять на совѣщаніе, поспѣшила тотчасъ же отъ него оторваться.

Для конца совѣщанія она спровоцировала скандалъ. Луначарскій передъ голосованіемъ резолюціи въ цѣломъ, заявилъ, что большевики будутъ голосовать противъ нея, потому что смыслъ резолюціи оказался значительно измѣненнымъ“ путемъ якобы „стилистическихъ“поправокъ.Такъ,иронически говорилъ онъ, послѣ „кооперации съ гражданами кооператорами“ появилась „санкція“ правительствомъ представительнаго органа; вмѣсто того, чтобы „творить власть“, проектируемый органъ лишь содѣйствуетъ созданію власти, причемъ степень содѣйствія оказывается неопредѣленной“. Возраженія были справедливы: въ инкриминированныхъ словахъ дѣйствительно заключались не „стилистическія“, а принципіальныя разногласія. Совѣщаніе шло на то, чтобы вскрыть это разногласіе. Но теперь, когда о немъ было громко заявлено, предсѣдатель Авксентьевъ и Церетели поспѣшили на выручку, готовые пожертвовать обнаруженіемъ принципіальнаго разногласія съ большевиками въ самой резолюціи. Вставка о „санкціи“ уже изъята, констатировалъ предсѣдатель. Вмѣсто слова „содѣйствовать“ Церетели предложилъ сказать — въ сущности такъ же неопредѣленно: — „принять мѣры къ созданію власти“. Но онъ имѣлъ неосторожность прибавить: „съ этихъ поръ, говоря съ товарищами большевиками, я буду брать нотаріуса и двухъ писцовъ“. Въ залѣ поднялся невообразимый шумъ. Большевики требовали призвать Церетели къ порядку и грозили уходомъ. Сторонники Церетели устроили ему овацію. Послѣ перерыва, въ половинѣ четвертаго ночи, Церетели заявилъ, что его замѣчаніе относится только къ двумъ говорившимъ большевикамъ, Луначарскому и Каменеву. Инцидентъ объявленъ былъ исчерпаннымъ.

Въ отсутствіи части большевиковъ вся резолюція въ цѣломъ была поставлена на голосованіе. Голосованіе дало результатъ: 829 (центръ и правое крыло) за резолюцію, 186 (лѣвые) противъ, 69 воздержались.

Слѣдующій день, 21 сентября, прошелъ въ переговорахъ фракцій о числѣ мѣстъ въ „россійскомъ демократическомъ совѣтѣ“. Въ половинѣ седьмого вечера, съ опозданіемъ въ 3½ часа, при полупустомъ залѣ, Войтинскій прочелъ демократическому совѣщанію докладъ объ этомъ. Затѣмъ начались новые переговоры съ фракціями и группами. Крестьянскіе депутаты потребовали двухъ

третей голосовъ, рабочіе—половины. Центръ и лѣвая хотѣли производить выборы по партіямъ, правая — по группамъ. Въ полночь Войтинскій сдѣлалъ окончательныя предложенія, которыя были приняты безъ преній. Общее число членовъ совѣта будетъ 308. Каждая партія или группа введетъ туда приблизительно 15°/₀ своихъ присланныхъ на совѣщаніе членовъ. Такимъ образомъ, съ поправками будетъ: отъ городовъ и земствъ по 45 членовъ, отъ совѣтовъ с. и р. д. и крест. депутатовъ по 38, отъ кооператоровъ 19, рабочей кооперации — 5, профессіональныхъ союзовъ — 21, отъ національныхъ организацій — 25, отъ дѣйствующей арміи — 26, отъ флота—3, военно-окружныхъ организацій—2, казаковъ—6, торгово-промышленныхъ служащихъ и желѣзнодорожниковъ по 5-ти, земельныхъ комитетовъ—7, экономическихъ организацій — 6, отъ крестьянскаго, учительскаго союзовъ и почтово-телеграфныхъ служащихъ по 2, адвокатуры — 1, прочихъ организацій — 7.

22-го сентября, въ засѣданіи демократическаго совѣщанія оглашенъ и утвержденъ былъ списокъ лицъ, выбранныхъ группами и партіями въ „демократическій совѣтъ“. Затѣмъ Войтинскій произнесъ заключительное слово, которое, звучало очень минорно. „Мы увозимъ изъ совѣщанія чувство тревоги, ибо глубокое внутреннее расхожденіе, обезсилившее русскую демократію, не изжито нашей работой . . . Мы не нашли въ себѣ достаточно силы для разрѣшенія стоявшихъ передъ нами вопросовъ, . . . мы не нашли новыхъ путей . . . Все-таки, мы нашли нѣсколько общихъ положеній, которыя насъ объединяютъ . . . Мы увозимъ отсюда глубокое сознаніе, что общій языкъ, общій путь, общая тактика должны быть найдены демократіей“. „Если этого не будетъ, то неминуемо крушеніе всѣхъ нашихъ чаяній и гибель революціи“. Какъ бы въ видѣ иллюстраціи къ этому надгробному слову, послѣднее засѣданіе демократическаго совѣщанія окончилось новымъ конфликтомъ съ большевиками по поводу попытки меньшевиковъ найти „общій языкъ,“ хотя бы въ вопросѣ объ „активной внѣшней политикѣ“ и объ ускореніи „демократическаго мира“. Данъ прочиталъ проектъ „воззванія къ демократіи всѣхъ странъ“, — одинъ изъ перепѣ[illegible] циммервальдскихъ мелодій. Но большевики заявили, что воззваніе меньшевиковъ захватило ихъ врасплохъ: въ сущности, это была попытка отнять у нихъ монополію на циммервальдизмъ. Послѣ продолжительнаго шума и перерыва Рязановъ прочелъ большинству собранія обвинительный актъ. „Отвѣтственные руководители совѣщанія“ вели „закулисную соглашательскую работу“, и хотя

плоды этой работы взяты обратно, но нашедшая въ нихъ отраженіе капитуляція части совѣщанія передъ безотвѣтственными и цензовыми элементами проводятся его оффиціальными вождями на дѣлѣ". Составъ предпарламента „подобранъ, какъ и составъ совѣщанія", потому что „задачей организаторовъ предпарламента является не созданіе демократической власти, а попрежнему только поиски соглашенія съ буржуазіей". Въ виду этого, большевики, „съ еще большей силой отстаивая теперь, послѣ опыта демократическаго совѣщанія, необходимость передачи всей власти совѣтамъ р. с. и кр. д., посылаютъ своихъ представителей въ предпарламентъ" только для того, „чтобы въ этой новой крѣпости соглашательства обличать всякія попытки новой коалиціи съ буржуазіей".

Рядомъ съ шатаніями меньшевистскаго центра, это была по крайней мѣрѣ определенная позиція. Люди, которые ее заняли не смущались противодѣйствіемъ и не могли быть смягчены уступками. Они знали, куда идутъ, и шли въ одномъ, разъ принятомъ направленіи, къ цѣли, которая, съ каждымъ новымъ неудачнымъ опытомъ „соглашательства" становилась все ближе. Петроградскій совѣтъ р. и с. д. уже сталъ прочной базой ихъ въ этой борьбѣ. Туда они шли съ рѣзкой критикой „штемпелеванныхъ союзниковъ Корнилова" въ демократическомъ совѣщаніи (такъ называлась „коммерческая демократія" коопераціи), тамъ принимали желательныя имъ резолюціи противъ „соглашателей" и оттуда приносили ихъ на трибуну Александринскаго театра. Петроградскій совѣтъ и петроградскіе рабочіе — это была та галлерея, для которой они устраивали свои спектакли на „демократическомъ совѣщаніи".

Временное правительство формально шло своимъ путемъ при реконструкціи кабинета. Мы видѣли, что Керенскій уже 20-го сентября считалъ переговоры съ „цензовыми элементами" Москвы законченными и 21-го собирался опубликовать списокъ членовъ новаго правительства. Но фактически ему приходилось выжидать результатовъ совѣщанія, такъ какъ ни Церетели не считалъ допустимымъ формированіе власти такъ демонстративно независимо отъ совѣщанія, ни москвичи не рѣшались вновь ѣхать въ Петроградъ, пока не были устранены по крайней мѣрѣ принципіальныя препятствія къ ихъ вступленію. Къ такимъ препятствіямъ относилась и платформа 14-го августа, и отвѣтственность передъ новымъ представительнымъ органомъ, выбраннымъ совѣщаніемъ. Для А. Ф. Керенскаго непріемлемо было только второе условіе.

Церетели и Чхеидзе пріѣхали въ Зимній Дворецъ. Въ ихъ толкованіи принятая ночью резолюція ни въ чемъ не противорѣчила намѣреніямъ Керенскаго и оставляла ему полную свободу для продолженія переговоровъ съ москвичами. Они обнадежили Керенскаго, что „отвѣтственность“ передъ „предпарламентомъ“ можетъ быть истолкована не въ политическомъ смыслѣ „парламентарной“ отвѣтственности, а въ болѣе общемъ смыслѣ моральной отвѣтственности и подотчетности только партійной. На почвѣ, такимъ образомъ, расчищенной, уже были мыслимы дальнѣйшіе переговоры. По новому приглашенію Керенскаго москвичи согласились выѣхать въ Петроградъ на 22-е.

Въ пятомъ часу дня въ Малахитовомъ залѣ Зимняго Дворца собрался полный составъ правительства, представители демократическаго совѣщанія въ лицѣ Чхеидзе, Церетели, Гоца, Авксентьева, городскихъ головъ двухъ столицъ, Шрейдера и Руднева, представителя земской группы Душечкина и представителя кооператоровъ Беркенгейма, четверо приглашенныхъ москвичей, кандидатовъ въ министры, и двое членовъ ц. к. партіи народной свободы, Набоковъ и Аджемовъ. Въ своей вступительной рѣчи А. Ф. Керенскій формулировалъ задачи собранія такъ, какъ ихъ понимали и представители „цензовыхъ элементовъ.“ Задачи правительства, лицомъ къ лицу съ возрастающими внѣшними и внутренними затрудненіями,—самыя элементарныя: поднятіе боеспособности арміи, устраненіе экономическаго распада и борьба съ анархіей. Въ своей дѣятельности правительство руководилось только программами выработанными въ его собственной средѣ, комбинируя интересы всѣхъ элементовъ населенія. Опубликованіе новыхъ пространныхъ деклараціи работа тщетная: нужны не деклараціи, а осуществленіе опредѣленныхъ мѣропріятій. Постановленія демократическаго совѣщанія имѣютъ огромное значеніе, какъ показатель настроенія широкихъ общественныхъ слоевъ. Но они такъ же необязательны для правительства, какъ и постановленіе предварительнаго совѣщанія московскихъ общественныхъ дѣятелей. Источникъ власти одинъ: онъ въ революціи 27-го февраля и въ традиціонной передачѣ полномочій отъ созданнаго революціей правительства. Власть, какъ и революція ее создавшая, общенаціональна, суверенна, ни отъ кого независима. Назначеніе новаго правительства принадлежитъ только ей одной. Въ виду трудности положенія, она сама, по своему почину, рѣшила подкрѣпить себя временнымъ совѣщаніемъ, съ которымъ постарается дѣйствовать солидарно. Но, ко-

нечно, она не можетъ быть отвѣтственна передъ этимъ совѣщаніемъ, которое ею же и организуется изъ представителей разныхъ партій, классовъ и группъ населенія и будетъ имѣть лишь совѣщательное значеніе. Временное правительство полагаетъ, что спасеніе страны возможно лишь при прочномъ и тѣсномъ блокѣ буржуазныхъ и демократическихъ элементовъ,—съ чѣмъ согласно и большинство совѣщанія. Правительство такого состава должно быть организовано сейчасъ же, немедленно, и завтра долженъ быть опубликованъ его составъ.

В. Д. Набокову оставалось только согласиться со всѣмъ тѣмъ, что сказалъ министръ-предсѣдатель. Но соглашаясь, онъ указалъ, однако, что между точкой зрѣнія Керенскаго и взглядами демократическаго совѣщанія продолжаетъ существовать огромная разница. Онъ отмѣтилъ и три основныхъ пункта этого отличія. 1). Источникъ власти, по мнѣнію правительства, есть традиціонная передача власти отъ революціи 27-го февраля, тогда какъ демократическое совѣщаніе себя считаетъ источникомъ власти. 2) Программа 14-го августа, съ точки зрѣнія Керенскаго, есть лишь программа отдѣльныхъ группъ населенія: по мнѣнію совѣщанія она должна быть обязательна для правительства и 3) Предпарламентъ, по мнѣнію министра-предсѣдателя, долженъ быть лишь совѣщательнымъ органомъ, а демократическое совѣщаніе требуетъ отвѣтственности министровъ передъ этимъ органомъ. В. Д. Набоковъ просилъ представителей совѣщанія сообщить, какъ смотритъ „революціонная демократія“ на всѣ эти вопросы.

Отвѣтъ Церетели отличался его обычной изворотливостью. Вопросъ объ источникѣ власти, отвѣчалъ онъ, теперь стоитъ также, какъ и прежде. И прежде, и теперь, власть создавалась соглашеніемъ цензовыхъ и демократическихъ органовъ (это, конечно, юридически невѣрно). Только теперь нужно уже не одно соглашеніе этихъ классовъ, а соглашеніе всей страны, что можетъ быть достигнуто осуществленіемъ „яркой демократической программы“. Это и есть программа 14-го августа, дополненная программой Верховскаго въ вопросѣ о боеспособности арміи и требованіемъ „безотлагательнаго сношенія съ союзниками относительно приближенія мира на основѣ цѣлости и независимости Россіи и въ духѣ идей русской революціи“. О предпарламентѣ тоже нечего спорить: „мы его уже создали“; правительству остается „санкціонировать“ его и дополнить цензовыми элементами. Предпарламенту „должны быть предоставлены функціи контроля

власти, право вопросовъ и выраженія довѣрія или недовѣрія къ правительству". Главнымъ препятствіемъ къ соглашенію является возможное недовѣріе. Цензовые элементы не вѣрятъ любви демократіи къ родинѣ, а демократія не вѣритъ любви цензовиковъ къ революціи. Стоитъ устранить это, и тогда создать коалицію будетъ нетрудно.

С. Н. Третьяковъ правильно указалъ, что Церетели не далъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросы Набокова. Нужно сперва перекинуть мостъ между пропастью, отдѣляющую взгляды Церетели и Керенскаго, особенно на предпарламентъ: тогда можно говорить о соглашеніи. Послѣдующіе ораторы пытались „перекинуть мостъ". Аджемовъ, Авксентьевъ, Беркенгеймъ, Прокоповичъ, Никитинъ, Коноваловъ убѣждали собраніе отказаться отъ излишняго формализма, признать разногласія только словесными и искать точекъ соприкосновенія въ духѣ взаимнаго довѣрія. Отвѣтственности признавать не нужно, но вѣдь, конечно, при вотумѣ недовѣрія предпарламента, правительство выйдетъ фактически въ отставку. Нужно ли правительству объявлять, что оно будетъ руководиться программой 14-го августа, или достаточно привести въ деклараціи ея отдѣльные пункты, намекалъ Керенскій. Конечно, соглашался далѣе Рудневъ, демократическое совѣщаніе „не имѣетъ права создать власть", ибо оно есть органъ, выражающій политическое мнѣніе демократіи, а совсѣмъ не всенародную волю. Послѣ часового перерыва Церетели сдѣлалъ уступку Керенскому: дѣло не въ томъ, чтобы въ деклараціи правительства была непремѣнно ссылка на программу 14-го августа: достаточно, чтобы правительство осуществляло перечисленныя тамъ мѣры, — мѣры, надо прибавить, на осуществленіе которыхъ понадобились бы не мѣсяцы, а годы. Въ отвѣтъ Аджемову, что предпарламентъ есть „антидемократическій суррогатъ парламента", Церетели доказывалъ, что предпарламентъ нуженъ для подготовки „психологіи массъ" къ парламентаризму. Онъ вызвалъ этимъ саркастическое возраженіе Набокова, что врядъ-ли къ парламентаризму можетъ готовить учрежденіе, нарушающее элементарныя начала демократическаго представительства, и, съ этой точки зрѣнія, худшее даже, чѣмъ Булыгинская Дума. В. Д. Набоковъ возстановилъ также чистоту государственно-правовой позиціи, затемненной „соглашательствомъ" многихъ предыдущихъ ораторовъ. Если бы была признана отвѣтственность правительства передъ предпарламентомъ, это значило бы, что произошелъ новый государственный переворотъ. Прави-

тельство изъ суверениаго, какимъ оно было до сихъ поръ, превратилось бы въ простой органъ исполнительной власти, уступивъ свои суверенныя права учрежденію, которое никоимъ образомъ не можетъ выражать волю народа, а только мнѣніе отдѣльныхъ группъ населенія.

Послѣ новаго перерыва, съ 2-хъ до 3-хъ часовъ ночи, московскіе дѣятели и гласные ц. к. партіи народной свободы формулировали свои окончательныя требованія въ слѣдующей, совершенно опредѣленной деклараціи. „Дѣятельность коалиціоннаго правительства должна опредѣляться тѣми же очередными задачами, которыя были имъ выставлены на Московскомъ Совѣщаніи и заключаются въ поднятіи боеспособности арміи, въ борьбѣ съ анархіей, въ водвореніи законности на мѣстахъ, въ борьбѣ съ хозяйственной разрухой. Программа временнаго правительства должна быть выработана имъ самимъ на основаніи высказанныхъ общественными организаціями на Московскомъ Совѣщаніи положеній, сообразно съ реальными требованіями момента и осуществимостью этихъ положеній, а также съ краткостью срока, остающагося до Учредительнаго Собранія. Въ виду желательности ближайшаго общенія власти съ широкими слоями населенія, въ цѣляхъ взаимнаго освѣдомленія и оказанія этими слоями содѣйствія правительству въ его работѣ, должно быть признано цѣлесообразнымъ образованіе временнаго, до созыва Учредительнаго Собранія, особаго государственнаго совѣщанія, которое могло бы быть выразителемъ общественнаго мнѣнія. Совѣщаніе это должно быть организовано правительствомъ, которое опредѣлитъ его составъ и компетенцію, установитъ его регламентъ, сохраняя по отношенію къ нему полную независимость“.

И. Г. Церетели заявилъ на это, что представители „революціонной демократіи“ могутъ дать окончательный отчетъ объ основахъ соглашенія лишь на слѣдующій день, послѣ совѣщанія съ демократическими органами. Съ своей стороны, онъ высказалъ готовность согласиться на то, чтобы предпарламентъ былъ созданъ правительствомъ, которое не несло бы передъ нимъ формальной, въ парламентскомъ смыслѣ, отвѣтственности. Возможность окончательнаго соглашенія, такимъ образомъ, стала очевидной, въ виду готовности представителей демократическаго совѣщанія отказаться отъ всѣхъ своихъ принципіальныхъ позицій. Съ своей стороны, и представители цензовыхъ элементовъ обнаружили максимумъ возможнаго для нихъ примирительнаго настро-

енія. Если примирительное настроеніе лидеровъ „революціонной демократіи“ объяснялось сознаніемъ полной безвыходности положенія, въ которую завели „демократію“ ея внутреннія разногласія, то главнымъ побужденіемъ „цензовыхъ элементовъ“ была необходимость немедленно придти на помощь родинѣ при обстоятельствахъ, тяжесть которыхъ вновь выяснилась изъ сообщеній участниковъ совѣщанія. Представитель новаго демократическаго земства, педагогъ Я. И. Душечкинъ, свидѣтельствовалъ о полномъ паденіи авторитета власти на мѣстахъ, о громадномъ абсентеизмѣ на выборахъ, о равнодушіи населенія къ новымъ реформамъ и о предпочтеніи старымъ волостнымъ старшинамъ передъ новыми демократическими комитетами, о безсиліи новыхъ учрежденій обезпечить не только собственность, но и самую жизнь гражданина. Настроеніе болѣе сознательныхъ слоевъ характеризовалось желѣзнодорожной забастовкой, которая грозила уже нѣсколько времени и разразилась, наконецъ, въ ту же ночь, на 23-е сентября. Конфликтъ съ „Центрофлотомъ“, распущеннымъ правительствомъ, едва улаженный, открылся снова. Гомельскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ, подъ давленіемъ многотысячной толпы вынужденъ былъ вынести резолюцію о немедленномъ заключеніи мира. М. И. Терещенко указалъ, что, съ разрушеніемъ внутренняго строя арміи и съ углубленіемъ хозяйственной разрухи и анархіи въ странѣ, престижъ нашъ у союзниковъ палъ чрезвычайно, и намъ не съ чѣмъ явиться на конференцію съ союзниками, назначенную на середину октября. Понятно, почему только-что внесенное меньшевиками обращеніе къ демократіи всего міра „говоритъ языкомъ нищенки“. При этихъ условіяхъ самый строй, завоеванный революціей, подвергается опасности. Въ Костромской, Тобольской и другихъ губерніяхъ, по сообщенію Керенскаго, являются признаки поворота въ пользу монархіи. С. С. Салазкинъ, въ случаѣ неудачи коалиціи, грозилъ собранію пресловутымъ „генераломъ на бѣломъ конѣ“. Другіе правильнѣе указали на гораздо болѣе серьезную и близкую опасность: на захватъ власти большевиками, — опасность, особенно понятную для самихъ лидеровъ „революціонной демократіи“. Передъ возрастающимъ напоромъ съ этой стороны имъ некуда податься. И немудрено, что Чхеидзе, къ полному удивленію собранія, спрашивалъ: а не приняла-бы одна буржуазія власть, если бы демократія обѣщала ей поддержку? В. Д. Набоковъ принялъ этотъ вопросъ за ловушку или, по меньшей мѣрѣ, за иронію и соотвѣтственно отвѣчалъ:

мы здѣсь не уполномочены вести разговоровъ о чистомъ буржуазномъ или о чистомъ соціалистическомъ министерствѣ, а только о томъ, какъ лучше устроить коалицію. Но въ устахъ Чхеидзе этотъ вопросъ въ такую минуту имѣлъ серьезный смыслъ и звучалъ больше отчаяніемъ, чѣмъ ироніей или насмѣшкой . . .

Съ своей стороны представители „цензовыхъ" элементовъ не возлагали болѣе никакихъ надеждъ на коалицію и относились къ налаживавшейся комбинаціи крайне скептически. Они не вѣрили въ ея прочность, не вѣрили и въ значеніе поддержки импровизированнаго представительнаго органа, который, какъ уже заявлялъ офиціозъ „революціонной демократіи", „Извѣстія совѣта р. с. д." создавался для новой „открытой и организованной классовой и партійной борьбы на почвѣ дѣлового обсужденія политическихъ вопросовъ". Больше всего они, какъ и „демократія", не вѣрили въ Керенскаго и Керенскому. Конечно, Керенскій говорилъ теперь то же — или почти то же, — что и министры к. д.: конечно, онъ искалъ поддержки у стараго своего друго А. И. Коновалова, присоединившагося къ партіи к. д. послѣ своего ухода изъ министерства; конечно, и другой представитель былого тріумвирата М. И. Терещенко обнаруживалъ теперь полное разочарованіе демократическими организаціями, нетерпѣливо рвался въ борьбу съ ними и открыто проявлялъ возраставшую въ немъ патріотическую тревогу. Но, тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, воля этихъ людей, и, прежде всего Керенскаго, была уже надломлена событіями; а съ другой - самъ собой ставился роковой вопросъ: не поздно-ли? Не поздно-ли объявлять войну большевикамъ, послѣ того какъ тактика совѣтовъ все сдѣлала для подготовки ихъ побѣды? „Вы забыли", напоминалъ въ тѣ дни „Рабочій Путь" всѣмъ кто собирался „изолировать" большевиковъ и „ликвидировать" совѣты: „вы забыли, что большевики — это теперь совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Это съ ними вы хотите справиться „желѣзной рукой".

Увы, изъ соціалистовъ имъ даже никто не объявлялъ „боя". Церетели, спрошенный въ совѣщаніи, правда-ли, что онъ собирался „отсѣчь отъ демократіи большевиковъ" (это былъ вопросъ Кишкина: „мы отсѣкли своихъ большевиковъ справа; отсѣкли ли вы своихъ большевиковъ слѣва?) отвѣтилъ 23 сентября такъ же, какъ онъ отвѣчалъ и на юбилейномъ засѣданіи Г. Думы, 27 апрѣля: „демократія будетъ бороться съ ними только политическими средствами, считая недопустимыми иныя". И напрасно Пле-

хановъ предупреждалъ въ эти же дни Церетели въ своемъ „Единствѣ“: „сохранивъ единство демократическаго фронта, направленнаго въ сторону захвата власти (вмѣсто открытаго раздѣленія его на сторонниковъ государственности и сторонниковъ большевиковъ и анархіи), Церетели тѣмъ самымъ произнесъ А. Единомышленники Ленина хотятъ, чтобы онъ произнесъ Б. На это онъ врядъ-ли рѣшится. Но ленинцы обойдутся безъ его помощи. Разъ произнесено А, будетъ произнесено и Б: за это ручается объективная логика событій. Но чему же вы-то здѣсь радуетесь, хорошіе господа? Вы, не стоявшіе на точкѣ зрѣнія Ленина? Вѣдь рѣчь идетъ о самомъ большомъ несчастіи, которое только могло случиться съ русскимъ рабочимъ, а, стало быть, и съ Россіей... Нѣтъ, этого они не понимали. Они такъ вѣрили въ Маркса, что опытъ большевистскаго захвата власти просто не входилъ въ ихъ поле зрѣнія, какъ „явно безсмысленный и недопустимый“. Даже „Новая Жизнь“ Горькаго и Суханова считала тогда (мы беремъ номеръ газеты отъ 23 сентября), что „образованіе правительства пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства было... не выходомъ изъ положенія, а просто проваломъ“, ибо „пролетаріатъ, изолированный не только отъ остальныхъ классовъ страны, но и отъ дѣйствительныхъ живыхъ силъ демократіи, не сможетъ ни технически овладѣть государственнымъ аппаратомъ и привести его въ движеніе въ исключительно сложной обстановкѣ, ни политически не способенъ будетъ противостоять всему тому напору враждебныхъ силъ, который смететъ не только диктатуру пролетаріата, но и въ придачу всю революцію“.

Значили-ли эти, по существу, справедливыя соображенія, что Ленинъ и не рѣшится на явно-безнадежный и опасный экспериментъ? Очень многіе, понимавшіе теоретически неизбѣжность коалиціи съ „цензовыми элементами“, питали увѣренность, что демократія гарантирована отъ большевистскихъ экспериментовъ ихъ очевидной безнадежностью. Эта увѣренность мѣшала имъ понять всю грозность положенія и необходимость подпереть „буржуазію“ всѣми остающимися силами. Во всякомъ случаѣ, „цензовые элементы“ не только не имѣли подобной увѣренности, но были, наоборотъ, увѣрены въ противоположномъ. „Если послѣ всего случившагося, послѣ того накопленія ненависти, угрозъ, демагогіи, какое дала минувшая недѣля“, говорила „Рѣчь“ отъ 24 сентября, „коалиція все же осуществилась, то, къ великому сожалѣнію, приходится заключить, что положеніе наше уже, быть можетъ, непоправимо. Во

всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что чѣмъ полнѣе нынѣшняя коалиція, тѣмъ яснѣе, что никакія дальнѣйшія комбинаціи, основанныя на преемствѣ власти, рѣшительно невозможны: что это есть послѣдній опытъ, за которымъ, въ случаѣ неудачи, намъ грозитъ каннибальское торжество Лениныхъ на развалинахъ великой Россіи".

Таково было настроеніе, съ которымъ, на этотъ разъ, „цензовые элементы" шли въ коалицію. Это и было причиной, почему они не придавали особеннаго значенія частностямъ соглашенія. Во всякомъ случаѣ, они хотѣли продѣлать „послѣдній опытъ" со всей серьезностью, какая вызывалась положеніемъ. Принимая на себя отвѣтственность въ такой критическій моментъ, они хотѣли имѣть соотвѣтственную свободу дѣйствій, не желая ни связывать себя неосуществимыми обязательствами, ни подчинять себя формальному контролю учрежденія, несостоятельнаго даже съ самой строгой демократической точки зрѣнія. Послѣ того, какъ въ принципѣ представители демократіи отказались требовать формальной отвѣтственности правительства передъ предпарламентомъ, центръ тяжести переносился на другой спорный вопросъ — о программѣ.

Совѣщаніе въ Малахитовой Залѣ 22-го сентября уже показало, что и тутъ вожди демократіи не настаиваютъ на буквальномъ исполненіи „демократическаго" требованія, соглашаясь на пересмотръ программы 14-го августа и на выдѣленіе изъ нея въ деклараціи правительства лишь наиболѣе очередного и осуществимаго. Съ этой точки зрѣнія и рѣшено было пересмотрѣть программу 14-го августа въ новомъ совѣщаніи 23-го сентября. На этомъ совѣщаніи уже участвовали однѣ лишь спорящія стороны: „революціонная демократія" и „цензовые элементы". Правительство отсутствовало, чтобы не мѣшать имъ сговориться. Изъ бывшихъ министровъ присутствовалъ только Карташевъ, отставка котораго формально еще не была принята и который здѣсь былъ не въ роли члена стараго правительства, а въ роли кандидата партіи к. д. въ новый кабинетъ.

Послѣ выдѣленія изъ программы 14-го августа такихъ пунктовъ, которые или уже были покрыты послѣдующими мѣропріятіями правительства и потому потеряли значеніе, или были слишкомъ сложны, чтобы быть проведенными въ два мѣсяца, остающіеся до Учредительнаго Собранія, или, наконецъ, предрѣшали волю послѣдняго, — оказалось немного существенныхъ пунктовъ въ этой программѣ, совершенно непріемлемыхъ. Они были, при-

томъ, непріемлемы не столько даже по ихъ противорѣчію „цензовымъ интересамъ“, сколько по ихъ теоретичности и антигосударственому характеру. Исключенъ былъ изъ экономическаго отдѣла программы пунктъ о государственномъ синдицированіи. Въ финансовой программѣ приняты всѣ тяжелые налоги на „буржуазію“: и на наслѣдство, и на приростъ цѣнностей, и на предметы роскоши, и даже поимущественный (безъ указаній, что онъ долженъ быть единовременнымъ и высокимъ). Но было высказано при этомъ соображеніе, что всякому обложенію имѣется предѣлъ въ возможности взыскать налогъ безъ разрушенія самаго источника обложенія. По земельному вопросу признана принципіально непріемлемой передача всей земли мѣстнымъ земельнымъ комитетамъ. Въ военныхъ вопросахъ программа 14-го августа еще считалась съ программой Корнилова. Теперь торжествовала программа Верховскаго, и спорить противъ того, что ею можетъ быть возстановлена боеспособность арміи, къ несчастію, не приходилось. Важнѣйшій изъ вопросовъ момента былъ, такимъ образомъ, принесенъ въ жертву настроенію „демократіи“. Напротивъ, въ вопросахъ мѣстнаго управленія „цензовые элементы“ провели свою точку зрѣнія, что комиссары должны не избираться на мѣстахъ, а назначаться центральной властью и что полномочія всевозможныхъ общественныхъ организацій и ихъ исполнительныхъ комитетовъ должны прекратиться послѣ выборовъ въ демократическіе органы самоуправленія. Въ національномъ вопросѣ право всѣхъ народностей на полное самоопредѣленіе, осуществляемое путемъ соглашенія въ Учредительномъ Собраніи, было признано непріемлемымъ; признано невозможнымъ и немедленное осуществленіе мѣръ по проведенію автономіи народностей. „Революціонная демократія“ удовлетворилась такимъ текстомъ: „признается необходимымъ изданіе деклараціи временнаго правительства о признаніи за всѣми народностями права на самоопредѣленіе на основахъ, которыя будутъ установлены Учредительнымъ Собраніемъ, и образованіе при центральномъ правительствѣ совѣта по національнымъ дѣламъ, съ участіемъ представительства всѣхъ національностей Россіи, въ цѣляхъ подготовки матеріаловъ по національному вопросу для Учредительнаго Собранія“.

Перейдя къ вопросу о предпарламентѣ, обѣ стороны согласились отдать около четверти мѣстъ въ немъ (120-150) цензовымъ элементамъ. При совѣщательномъ характерѣ этого органа отпадала необходимость спорить изъ-за численнаго состава предста-

вительства „буржуазіи“, хотя послѣдствія и показали, что результаты голосованія въ предпарламентѣ были далеко не безразличны для хода событій. Зато по вопросу объ отвѣтственности цензовые элементы остались тверды и не согласились на признаніе хотя бы даже одной „фактической“ отвѣтственности правительства передъ предпарламентомъ. Не согласились они и на немедленное признаніе предпарламента, — въ составѣ о д н и х ъ демократическихъ элементовъ, уже выбранныхъ демократическимъ совѣщаніемъ, — за законно дѣйствующее государственное учрежденіе. Предварительно онъ долженъ былъ быть пополненъ цензовыми элементами, — разумѣется въ скорѣйшемъ времени. Компетенція предпарламента была также опредѣлена согласно желанію цензовыхъ элементовъ: онъ могъ обращаться къ правительству съ „вопросами“ (въ смыслѣ ст. 40-й Учр. о Думѣ), но не съ „запросами“ (на послѣдніе отвѣтъ правительства былъ бы обязателенъ въ опредѣленный срокъ и голосованіе могло бы повести къ послѣдствіямъ, равнымъ выраженію недовѣрія), выработывать законодательныя предположенія, но съ тѣмъ, что для правительства онѣ имѣютъ только значеніе матеріала, и обсуждать вопросы, внесенные правительствомъ или постановленные самимъ предпарламентомъ, но только въ совѣщательномъ порядкѣ, безъ вынесенія обязательныхъ для правительства рѣшеній. Предложеніе о роспускѣ Думы цензовые элементы отвергли, какъ практически ненужное, а политически—нецѣлесообразное и демагогическое. Вожди „революціонной демократіи“ предоставили себѣ право возбудить этотъ вопросъ черезъ министровъ-соціалистовъ въ будущемъ временномъ правительствѣ. Наконецъ, требованіе „демократіи“ — имѣть своего собственнаго представителя на конференціи союзниковъ въ Парижѣ 16-го октября (для предложенія „демократическаго мира“) было принято въ измѣненной формѣ: демократія укажетъ своего кандидата, но назначенъ онъ будетъ правительствомъ и представлять на конференціи долженъ только точку зрѣнія всей правительственной делегаціи.

Втеченіе всего дня 23-го Сентября представители, выбранные демократическимъ совѣщаніемъ засѣдали въ Александровской залѣ городской думы, подъ громкой вывѣской на входныхъ дверяхъ: „входъ въ предпарламентъ.“ Но дальше собственнаго конституированія они пойти не могли и разошлись по фракціямъ въ ожиданіи результата переговоровъ своихъ представителей въ Зимнемъ Дворцѣ. Только въ 8 ч. вечера засѣданіе возобновилось.

Послѣ довольно острыхъ споровъ было принято предложеніе Церетели—выслушать его докладъ въ закрытомъ засѣданіи. По обыкновенію, въ этомъ докладѣ Церетели смягчилъ выраженія и сгладилъ углы, такъ что лѣвый с. р. Карелинъ могъ основательно упрекнуть его, что газеты несравненно полнѣе, чѣмъ онъ, передали происходившее въ Зимнемъ Дворцѣ. Въ преніяхъ по докладу, которыя велись въ открытомъ засѣданіи, докладъ Церетели встрѣтилъ восторженную оцѣнку со стороны одной только „бабушки“ Брешко-Брешковской, которая вмѣстѣ съ другимъ патріархомъ революціи, Н. В. Чайковскимъ, занимала въ этомъ собраніи крайнее правое мѣсто. Троцкій, съ противоположнаго фланга, выступилъ съ обвиненіемъ, что делегаты демократическаго совѣщанія нарушили данныя имъ директивы, вступивъ въ переговоры съ кадетами, и что при томъ Керенскій, безотвѣтственную власть котораго совѣщаніе „признало необходимымъ устранить разъ навсегда“, оказался “въ роли суперъ-арбитра“. Меньшевики-интернаціоналисты и с. р.-ы интернаціоналисты высказались также противъ коалиціи. И Данъ, внесшій резолюцію съ оговоркой по вопросу объ отвѣтственности, и самъ Церетели въ своемъ заключительномъ словѣ обнаружили „неувѣренность въ томъ, что выдвигаемая ими платформа о коалиціи вполнѣ соотвѣтствуетъ настроеніямъ единой сплоченной семьи большинства организованной демократіи“. Но Церетели бралъ на себя отвѣтственность за „соглашательство „съ буржуазіей, потому что одна демократія не въ силахъ разрѣшить стоящія передъ революціей задачи“, а „урокъ большевиковъ“, въ случаѣ передачи имъ власти, „можетъ дорого обойтись всей странѣ“. Онъ, Церетели, вмѣстѣ съ своей группой, „не можетъ дѣлать такихъ дорогихъ опытовъ, слѣдуя за Троцкимъ и Мартовымъ“. „Мы не можемъ повторить за Мартовымъ, что революціонная демократія заряжаетъ ружья, ибо кто заряжаетъ ружья, тотъ долженъ имѣть смѣлость ихъ разрядить, а мы этого не хотимъ, находя, что зарядъ попадетъ въ сердце революціи“.

Голосованіе резолюціи Дана затянулось до 6-ти часовъ утра 24-го сентября, такъ какъ большевики и лѣвые с. р. употребили послѣднія усилія, чтобы хоть на ней „сорвать коалицію.“ Троцкій и Каменевъ заявили, что именно для этой цѣли они предлагаютъ рядъ поправокъ. Когда поправки Каменева (отмѣна смертной казни и роспускъ Г. Думы) послѣ безпорядочныхъ и ожесточенныхъ преній провалились, выступили лѣвые с. р. съ еще болѣе коварнымъ предложеніемъ: настаивать на введеніи въ соглашеніе пункта о пе-

редачѣ земель въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ. Черновъ и его друзья при этомъ заявили, что они будутъ слѣдить, какъ будетъ голосовать предсѣдатель совѣта крестьянскихъ депутатовъ Авксентьевъ. Напрасны были всѣ упреки Минора въ „скверной демагогіи" и всѣ негодующія усовѣщиванія Брешко-Брешковской. Авксентьевъ сперва пытался уйти изъ залы, потомъ взошелъ на трибуну и заявилъ, что его группа будетъ голосовать за поправку, но наряду съ ней они предлагаютъ другую: „если отъ этой поправки будетъ зависѣть судьба коалиціи, то с. р-ы ее снимаютъ." Новый невѣроятный шумъ залѣ и неодобрительные выкрики по адресу Авксентьева и Гоца. Черновъ съ друзьями все время ходилъ между скамьями с. р-овъ и уличалъ большинство, что оно готово измѣнить своему знамени. Несмотря ни на что, поправка Чернова была отвергнута 100 голосами противъ 75, при 6 воздержавшихся, и принята была слѣдующая резолюція Дана. „Демократическое совѣщаніе, заслушавъ докладъ тов. Церетели, признаетъ образованіе предпарламента, передъ которымъ правительство обязано отчетностью, крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ созданія устойчивости власти и обезпеченія проведенія въ жизнь программы 14-го августа, политики направленной на скорѣйшее достиженіе обще-демократическаго мира и созыва Учредительнаго Собранія въ назначенный срокъ. Демократическій совѣтъ находитъ необходимымъ установитъ формальную отвѣтственность правительства передъ предпарламентомъ и, признавая въ данныхъ условіяхъ пріемлемымъ намѣченное делегаціей соглашеніе, заявляетъ, что власть можетъ принадлежать лишь такому правительству, которое пользуется довѣріемъ предпарламента." Эта двусмысленная резолюція, пытающаяся путемъ стилистическихъ оборотовъ спасти лицо „революціонной демократіи", есть та побѣда, для которой пришлось потратить недѣлю безконечныхъ споровъ, ночныхъ засѣданій, скандальныхъ голосованій; и трижды передовѣрить рѣшеніе основного вопроса, рѣшить который демократія оказалась безсильной, по признанію ея руководителей.

На слѣдующій день, 24-го сентября, въ Малахитовомъ Залѣ Зимняго Дворца представители „цензовыхъ элементовъ" спросили вождей „революціонной демократіи", какъ слѣдуетъ понимать согласіе резолюціи совѣщанія на намѣченныя условія съ требованіемъ формальной отвѣтственности, которое имъ противорѣчитъ. Разрѣшивъ столько неразрѣшимыхъ трудностей, софисты „демократіи", конечно, не остановились и передъ этой послѣдней. Смыслъ

резолюціи въ томъ, заявилъ Церетели, что демократическій совѣтъ признаетъ необходимость борьбы за „формальную отвѣтственность", для себя, но вовсе не требуетъ признанія ея цензовыми элементами сейчасъ же, немедленно. Онъ просто оставляетъ за собой право добиваться установленія этой отвѣтственности въ самомъ предпарламентѣ. Привыкнувъ, съ своей стороны, къ толкованіямъ, которыя потомъ не оправдывались, представители несоціалистическихъ группъ пожелали лишь, чтобы это толкованіе Церетели было доведено до свѣдѣнія какъ временнаго правительства, такъ и демократическаго совѣта. Съ своей стороны, представители „демократіи" добились новой стилистической уступки въ вопросѣ, въ которомъ ночью Черновъ хотѣлъ подвести передъ крестьянами Авксентьева. Была принята редакція: „Непосредственное упорядоченіе поземельныхъ отношеній должно быть возложено на мѣстные земельные комитеты, въ вѣдѣніе которыхъ могутъ быть передаваемы на основаніяхъ, устанавливаемыхъ закономъ (а не обязательно, какъ требовала программа 14-го августа) и безъ нарушенія существующихъ формъ землевладѣнія, земли сельско-хозяйственнаго назначенія для наиболѣе полнаго использованія ихъ въ цѣляхъ спасенія народнаго хозяйства отъ окончательной разрухи."

Уладивъ, такимъ образомъ, между собой послѣднія затрудненія, договорившіяся стороны сообщили правительству въ совмѣстномъ съ нимъ засѣданіи, результаты своихъ переговоровъ. Начавшійся мѣсяцъ тому назадъ кризисъ правительственной власти этимъ формально закончился. Но на слѣдующій же день, 25-го сентября, петроградскій совѣтъ, въ которомъ возобладали большевики, отвергъ предложеніе меньшевиковъ и с. р.-въ и принялъ слѣдующую резолюцію, опредѣлившую отношеніе столичной демократіи къ новой власти. „Петроградскій совѣтъ р. и с.д. заявилъ: послѣ опыта корниловщины, обнаружившаго, что вся цензовая Россія занимаетъ контръ-революціонную позицію, всякая попытка коалиціи означаетъ не что иное, какъ полную капитуляцію демократіи передъ корниловщиной. Отраженіемъ этой капитуляціи является составъ формирующагося министерства, въ которомъ рѣшающее мѣсто отводится торгово-промышленникамъ, непримиримымъ врагамъ рабочей, солдатской и крестьянской демократіи. Такъ называемые демократическіе министры, ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не отвѣтственные, неспособны ни нарушить, ни смягчить противонародный характеръ новаго правительства, которой вой-

детъ въ исторію революціи, какъ правительство гражданской войны. Петроградскій совѣтъ заявляетъ: правительству буржуазнаго всевластія и контръ-революціоннаго засилья мы, рабочіе и гарнизонъ Петрограда, не окажемъ никакой поддержки. Мы выражаемъ свою твердую увѣренность въ томъ, что вѣсть о новой власти встрѣтитъ со стороны всей революціонной демократіи одинъ отвѣтъ: въ отставку. И опираясь на этотъ единодушный голосъ подлинной демократіи, всероссійскій съѣздъ совѣтовъ с. р. и кр. депутатовъ, создастъ истинно революціонную власть". Здѣсь уже намѣчена, какъ видимъ, программа переворота.

26-го сентября были опубликованы указы о назначеніи А. И. Коновалова министромъ торговли и замѣстителемъ министра-предсѣдателя вмѣсто М. И. Терещенко, К. А.—Гвоздева министромъ труда, П. Н. Малянтовича — министромъ юстиціи, А. В. Ливеровскаго—министромъ путей сообщенія, С. М. Смирнова — государственнымъ контролеромъ, Н. М. Кишкина — министромъ государственнаго призрѣнія, М. Б. Бернадскаго — министромъ финансовъ и С. Н. Третьякова—членомъ временнаго правительства и предсѣдателемъ экономическаго совѣта. Незанятымъ остался только постъ министра земледѣлія. На этотъ постъ былъ назначенъ С. Н. Масловъ.

27-го сентября появилась декларація „пополненнаго въ своемъ составѣ временнаго правительства", какъ оффиціально назывался новый кабинетъ. Въ ней были сведены въ одно цѣлое всѣ отдѣльныя компромиссныя рѣшенія, выработанныя по соглашенію представителей демократическаго совѣщанія съ представителями „цензовыхъ элементовъ" и партіи народной свободы. Въ области народнаго хозяйства, земельныхъ отношеній, финансовъ, мѣстнаго управленія и національнаго вопроса внесены были всѣ тѣ сокращенія и измѣненія программы 14-го августа, безъ ея упоминанія, которыя отмѣчены были выше, и въ заключеніе упомянуто, что, конечно, „не всѣ эти задачи могутъ быть закончены въ тотъ краткій срокъ, который остается до Учредительнаго Собранія. Но самый приступъ къ проведенію ихъ въ жизнь...дастъ власти прочную опору...для организаціи активной обороны, возстановленія народнаго хозяйства... и борьбы съ... проявленіями контръ-революціи и анархіи" и „облегчитъ будущія работы Учредительнаго Собранія. Въ области внѣшней политики и „поднятія боеспособности арміи" программа принимала взгляды „революціонной демократіи": она обѣщала „продолжать и неустанно „развивать" двойственную внѣшнюю политику „въ

духѣ демократическихъ началъ, провозглашенныхъ русской революціей, сдѣлавшей эти начала общенаціональнымъ достояніемъ". Въ частности, уже на предстоящей въ Парижѣ конференціи она обязалась „стремиться къ соглашенію съ союзниками на почвѣ принциповъ, провозглашенныхъ русской революціей". Она обязалась затѣмъ въ реформѣ арміи „идти демократическимъ путемъ, который одинъ можетъ дать благотворные результаты". Такимъ образомъ, новое правительство подписывалось подъ опаснѣйшими изъ заблужденій „революціонной демократіи" и брало на себя отвѣтственность за дальнѣйшее проведеніе ихъ. Въ этомъ же стилѣ, „глубокая смута царящая въ странѣ", связывалась въ деклараціи спеціально съ „выступленіемъ ген. Корнилова", и главная опасность для „свободы русскаго народа" усматривалась въ разсчетѣ „поднявшихъ голову контръ-революціонныхъ элементовъ" на „усталость, охватившую всю страну". Въ борьбѣ противъ контръ-революціи и анархіи правительство обѣщало „дѣйствовать въ тѣснѣйшемъ сотрудничествѣ съ организаціями народа", не указывая точно, какими именно. Переходя, въ заключеніе, къ обѣщанію „въ ближайшіе дни разработать и опубликовать положеніе о временномъ совѣтѣ республики" (названіе, предложенное Церетели), декларація заявляла, что, сохраняя по присягѣ своей въ неприкосновенности единство и преемственность государственной власти, временное правительство сочтетъ своей обязанностью учитывать во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ его великое общественное значеніе. „Демократія", такимъ образомъ, возвращала себѣ въ деклараціи часть позицій, утерянныхъ при переговорахъ, а новое правительство не пріобрѣтало въ этой деклараціи твердой опорной точки для такого направленія своей дѣятельности, которое единственно могло бы еще оправдать послѣднюю попытку остановить страну на пути къ большевистской побѣдѣ и гражданской войнѣ.

Нельзя сказать, чтобы новые министры не сознавали своей обязанности испробовать въ послѣдній разъ другой путь и другія средства, чѣмъ тѣ, которыя примѣнялись до сихъ поръ, или во всякомъ случаѣ, испробовать какія-нибудь средства. Новый замѣститель предсѣдателя, котораго уѣхавшій въ ставку Керенскій предоставилъ на первыхъ же порахъ своимъ собственнымъ силамъ, чувствовалъ особенную потребность въ какомъ-нибудь опредѣленномъ планѣ и системѣ. С. Н. Третьяковъ, входившій въ правительство впервые, готовъ былъ вложить въ это исканіе плана свѣжую энергію и вѣру, которыхъ не хватало уже измученному и

противъ воли вернувшемуся къ власти А. И. Коновалову. Н. М. Кишкинъ принадлежалъ къ числу дѣйственныхъ натуръ, которыя по природѣ не могутъ оставаться пассивными. А. В. Карташевъ, религiозный мыслитель, необыкновенно быстро освоившiйся съ чуждой ему областью политики, перенесъ въ нее серьезность и честность стремленiй, соединенную съ большой наблюдательностью и правильностью пониманiя людей и положенiй. Тѣсно сблизившiйся между собой кружокъ этихъ людей искалъ и нашелъ поддержку въ центральномъ комитетѣ партiи народной свободы, которая делегировала для постоянныхъ сношенiй съ этимъ кружкомъ министровъ — своихъ членовъ, Набокова, Аджемова и вернувшихся послѣ отлучки П. Н. Милюкова и М. М. Винавера.*)

Въ добрыхъ желанiяхъ не было недостатка. Но... всѣ добрыя желанiя членовъ кабинета неизбѣжно наталкивались на одно и то же препятствiе: на психологiю А. Ф. Керенскаго. Министръ-предсѣдатель перенесъ и въ новый кабинетъ свою привычку самовластныхъ и безконтрольныхъ рѣшенiй. Въ лицѣ Коновалова и Кишкина онъ имѣлъ и въ этомъ кабинетѣ личныхъ друзей, которымъ довѣрялъ. Но оба эти министра воспользовались своимъ положенiемъ не для возстановленiя трiумвирата, съ его атмосфе-

---

*) Объ этихъ ежедневныхъ совѣщанiяхъ, въ шестомъ часу дня, въ квартирѣ А. Г. Хрущева на Адмиралтейской набережной вспоминаетъ В. Д. Набоковъ въ своихъ мемуарахъ (Архивъ Русской Революцiи, т. I-й). Онъ сообщаетъ здѣсь о тогдашнемъ настроенiи А. Ф. Керенскаго свѣдѣнiя, совершенно совпадающiя съ тѣмъ, что ниже говорится въ моемъ текстѣ. Надо имѣть въ виду, что посредникомъ между нашимъ совѣщанiемъ и Керенскимъ, естественно, являлся замѣститель министра-президента, А. И. Коноваловъ. Въ этихъ нашихъ собранiяхъ Коноваловъ имѣлъ всегда крайне подавленный видъ и, казалось, что онъ теряетъ всякую надежду. Въ особенности его угнеталъ Керенскiй. Онъ къ тому времени окончательно разочаровался въ Керенскомъ, потерявъ всякое довѣрiе къ нему. Главнымъ образомъ, его приводило въ отчаянiе непостоянство Керенскаго, полная невозможность положиться на его слова, доступность его всякому влiянiю и давленiю извнѣ иногда самому случайному. „Сплошь и рядомъ, чуть ли не каждый день такъ бываетъ", говорилъ онъ: „сговоришься обо всемъ, настоишь на тѣхъ или другихъ мѣрахъ, добьешся, наконецъ, согласiя. Такъ—такъ, А. Ф., теперь крѣпко, рѣшено окончательно, перемѣны не будетъ"? „Получаешь категорическое завѣренiе. Выходишь изъ его кабинета, — и черезъ нѣсколько часовъ узнаешь о совершенно иномъ рѣшенiи, уже осуществленномъ, или... что неотложная мѣра, которая должна была быть принята именно сейчасъ, именно сегодня, опять откладывается, возникли новыя событiя или воскресли старыя, казалось, уже устраненныя. И такъ изо-дня въ день, настоящая сказка про бѣлаго бычка".

рой закулисныхъ рѣшеній и тайной интриги, а для проведенія общихъ взглядовъ и рѣшеній упомянутаго кружка. Къ нему въ отдѣльныхъ случаяхъ примыкалъ и М. И. Терещенко, внесшій въ борьбу противъ притязаній демократическихъ органовъ всю горечь обманутыхъ надеждъ и перенесенныхъ разочарованій. А. Ф. Керенскій также чувствовалъ себя теперь чуждымъ этой „революціонной демократіи", которая отъ него отвернулась. Но онъ не нашелъ въ себѣ мужества пойти навстрѣчу и тѣмъ, кого на языкѣ революціи долженъ былъ считать своими врагами—и многіе изъ которыхъ тоже видѣли въ немъ своего непримиримаго врага со времени корниловской исторіи. Потерявъ подъ собой почву, чѣмъ дальше тѣмъ больше Керенскій обнаруживалъ всѣ признаки того патологическаго состоянія души, которое можно было бы на языкѣ медицины назвать „психической неврастеніей".

Близкому кругу друзей давно извѣстно было, что отъ моментовъ крайняго упадка энергіи утромъ, Керенскій переходилъ во вторую половину дня въ состояніе крайняго возбужденія подъ вліяніемъ медицинскихъ средствъ, которыя онъ принималъ. Вліяніе Кишкина на Керенскаго, быть можетъ, имѣло однимъ изъ источниковъ умѣлое обращеніе опытнаго и профессіональнаго психіатра съ паціентомъ. Какъ бы то ни было, и это, и другія вліянія оставались теперь внѣшними и до источника не доходили. Въ своей вѣчной нерѣшительности, въ постоянныхъ колебаніяхъ между воздѣйствіями справа и слѣва и въ поискахъ равнодѣйствующей, Керенскій постепенно дошелъ до состоянія, въ которомъ принять опредѣленное рѣшеніе стало для него истиннымъ мученіемъ. Онъ избѣгалъ инстинктивно этихъ мучительныхъ минутъ, какъ только могъ. Между тѣмъ, гипертрофированный инстинктъ и вкусъ къ власти, своеобразное самолюбіе, раздутое исключительнымъ положеніемъ, не допускали и отказа или ухода. Жажда власти приняла, при возраставшей трудности удержать власть, форму желанія какъ-нибудь дотянуть свое пребываніе у власти до открытія Учредительнаго Собранія. Этой цѣли приносились въ жертву всѣ остальныя. Для этого избѣгались конфликты, а чтобы избѣжать конфликтовъ и треній, избѣгались вообще опредѣленныя рѣшенія. Даже для самыхъ близкихъ друзей Керенскій сталъ неприступенъ. Онъ былъ неуловимъ въ искусствѣ избѣгать необходимости на что-нибудь рѣшиться. Такъ тянулись дни и недѣли—ихъ оставалось уже немного, а самыя неотложныя распоряженія откладывались, самыя спѣшныя мѣры не принимались;

самые насущные вопросы оставались безъ обсужденія... Между главой правительства и его членами словно разомкнулся токъ, и всѣ благія намѣренія послѣднихъ не переходили въ дѣйствіе, останавливаясь на этомъ порогѣ отсутствующей воли къ дѣйствію.

Новое правительство могло бы выдти изъ этого состоянія маразма, если бы настоявшее на его созданіи соціалистическое умѣренное большинство не ограничилось тѣмъ, что свалило отвѣтственность на чужія плечи, а оказало бы этому послѣднему правительству „буржуазной революціи" активную и послѣдовательную поддержку. Но та яркая непослѣдовательность, тотъ наглядный отходъ отъ только-что занятыхъ позицій, то жалкое цѣпляніе за словесныя прикрытія при вынужденномъ отступленіи, которое только-что вынуждены были обнаружить вожди „демократіи", истощили ихъ послѣднія силы. И какъ бы они ни думали о новой коалиціи про себя, — громко и открыто они ее поддерживать не могли. Ихъ непослѣдовательность и робость сказалась уже въ тѣхъ отдѣлахъ программы — военномъ и международномъ, которыя даже Плехановъ заклеймилъ въ своемъ „Единствѣ", какъ возвращеніе къ Циммервальдъ-Кинталю. „Я спрашиваю любого гражданина, не совсѣмъ беззаботнаго насчетъ судьбы родины и не окончательно порвавшаго съ логикой," писалъ онъ 28 сентября: „можно ли поднять боеспособность нашей арміи съ помощью того самаго средства, которое понизило ее въ такой ужасающей степени". Нежеланіе умѣренной „демократіи" поддерживать власть сказалось и на составѣ соціалистической половины кабинета. Керенскій давно ужа подбиралъ этотъ составъ изъ людей, которые не могли быть ему соперниками. Самостоятельныя и независимыя политическія величины постепенно устранялись или уходили сами. Теперь уходили и болѣе или менѣе извѣстныя имена. Послѣ Церетели, Чернова, ушли Авксентьевъ и Скобелевъ. Послѣдній оставилъ министромъ труда своего товарища Гвоздева, простого рабочаго, человѣка со здравымъ смысломъ и съ гражданскимъ мужествомъ, но, разумѣется, непригоднаго на роль спасителя Россіи въ критическій моментъ ея существованія. Что касается представителей соціалъ-демократіи въ новомъ кабинетѣ, „Извѣстія Московскаго совѣта р. и с. д." писали: „Соціалъ-демократическая партія представлена Никитинымъ, Прокоповичемъ, Гвоздевымъ, Малянтовичемъ. Личный вѣсъ этихъ лицъ, конечно, весьма различенъ. Но врядъ ли кому-нибудь придетъ въ голову разсматривать ихъ, какъ авторитетныхъ представителей соціалъ-демократіи". И

какъ бы для иллюстраціи этого, центральный комитетъ с. д. въ эти самые дни, подъ давленіемъ большевиковъ, предложилъ Никитину оставить ряды партіи.

Психологія этой уступчивости будетъ понятна, если вспомнимъ результаты только что закончившихся въ послѣдніе дни сентября выборовъ въ Москвѣ въ районныя думы. Вотъ сравнительныя цифры общегородскихъ выборовъ 26-го іюня и этихъ, сентябрьскихъ:

	Іюнь	Сентябрь
Соц. революціонеры	374.885 (58%)	54.374 (14%)
Меньшевики	76.407 (12%)	15.887 (4%)
Большевики	75.409 (11%)	198.320 (51%)
Партія народной свободы . . .	108.781 (17%)	101.106 (26%)

Возрастающій абсентеизмъ разочарованнаго обывателя, и на фонѣ этого равнодушія громадный провалъ случайно побѣдившихъ въ іюнѣ своимъ 3-имъ спискомъ (буква З: „земля“) с.-р-овъ, полное почти исчезновеніе непонятныхъ никому въ своей колеблющейся тактикѣ меньшевикомъ, рѣшительный уходъ активныхъ элементовъ пролетаріата отъ соціалистической интеллигенціи къ демагогамъ, наконецъ, устойчивая позиція сознательной части несоціалистической демократіи („буржуазіи“), неподдержанной несознательнымъ обывателемъ, — такова поучительная картина политическаго настроенія старой столицы. Она подтверждается и относительно Петрограда. „Кто знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ петроградской крупнѣйшей организаціи меньшевиковъ, еще недавно насчитывавшей около 10 тыс. членовъ“, говоритъ „Новая Жизнь“ (29 сентября), „тотъ знаетъ, что она перестала фактически существовать. Районныя собранія происходятъ при ничтожномъ количествѣ 20—25 человѣкъ, членскіе взносы не поступаютъ, тиражъ „Рабочей Газеты“ катастрофически падаетъ. Послѣдняя общегородская конференція не могла собраться изъ-за отсутствія кворума“. А вотъ что пишетъ большевистскій „Рабочій Путь“ объ с.-р.-ахъ. „Пора, товарищи, понять, что партіи с. р.-овъ нѣтъ больше. Есть только „расплывчатая“ масса, часть которой запуталась въ „савинковщинѣ“, другая осталась въ рядахъ революціонеровъ, а третья безполезно топчется на мѣстѣ, покрывая на дѣлѣ савинковцевъ“.

Умѣренные вожди соціализма были заподозрѣны въ сдачѣ демократическихъ позицій „корниловцамъ“. Церетели такъ и называли — „корниловцемъ“ — на послѣднемъ засѣданіи демокра-

тическаго совѣщанія. „Новая Жизнь“ называла ихъ тактику „жалкимъ плодомъ трусости и оппортунизма . . . вѣрнаго рыцаря . . . и комиссара временнаго правительства въ демократическихъ организаціяхъ“ Церетели. Довольно естественно, что соціалистическая масса отвернулась отъ этого результата своей же работы или, во всякомъ случаѣ, стала къ нему въ оборонительную позу. Центральный комитетъ с. д. постановилъ: „признавая основы соглашенія, заключеннаго между демократіей и цензовыми элементами, не вполнѣ удовлетворительными, и находя необходимымъ стремиться къ измѣненію этихъ основъ, какъ въ смыслѣ установленія формальной отвѣтственности правительства передъ предпарламентомъ, такъ и въ смыслѣ болѣе послѣдовательнаго демократическаго осуществленія отдѣльныхъ пунктовъ программы, ц. к. . . . считаетъ, что соглашеніе . . . единственный выходъ изъ создавшагося положенія“. Въ то же время, ц. к., учитывая роль с. д. въ рядахъ объединенной демократіи въ настоящій моментъ“ и разрѣшая членамъ партіи, „въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“, оставаться въ составѣ правительства, „оставляетъ за собой право отзывать членовъ партіи изъ правительства, когда ц. к. признаетъ пребываніе ихъ въ правительствѣ несовмѣстимымъ съ интересами пролетаріата“. Такъ же кисло и съ оговорками одобрилъ ц. к. соціалистовъ-революціонеровъ заключенное его членами соглашеніе. „Полагая, что революціонная власть должна быть построена на основѣ программы 14-го августа и на отвѣтственности власти передъ демократическимъ совѣтомъ, при чемъ въ составъ министерства могутъ войти о т д ѣ л ь н ы е п р е д с т а в и т е л и какъ революціонной демократіи, такъ и цензовыхъ элементовъ, ц. к. признаетъ, что намѣченныя основы соглашенія, хотя и представляютъ нѣкоторыя отступленія отъ указанныхъ принциповъ сформированія власти, тѣмъ не менѣе, при данныхъ политическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ и международномъ положеніи страны, они должны быть пріемлемы для партіи с. р.“ Какъ видимъ, въ декларація хъ центральныхъ комитетовъ обѣихъ господствующихъ партій нѣтъ никакого энтузіазма къ новой комбинаціи.

Какая разница между этими декларацiями и воинственной фанфарой большевиковъ, провозгласившихъ устами Петроградскаго совѣта новое правительство — „правительствомъ гражданской войны“ и прямо потребовавшихъ отъ него: „въ отставку“, не дожидаясь даже его сформированія и его деклараціи (см. выше стр. 75)! Вотъ позиціи, на которыхъ идетъ настоящій бой. Срав-

нительно съ ними, позиціи умѣреннаго большинства, становящагося меньшинствомъ, являлись уже позиціями глубокаго тыла. На другой день послѣ соглашенія „Новая Жизнь“ Горькаго уже зоветъ оттуда въ первую линію окоповъ, призываетъ къ сближенію съ „здоровымъ теченіемъ въ большевизмѣ“ и настаиваетъ на „возстановленіи единства, если не всего, то возможно большей части демократическаго фронта“, для созданія „диктатуры демократіи“, какъ „единственнаго средства спасти революцію“. „Внѣ этой тактики нѣтъ спасенія“. И мы уже теперь можемъ предчувствовать, въ какую сторону обратятся взоры шатающагося соціалистическаго центра въ будущемъ „совѣтѣ республики“, если въ одинъ прекрасный день, не имъ указанный, ему придется сдѣлать рѣшительный выборъ.*)

---

*) Въ мемуарахъ В. Д. Набокова, напечатанныхъ въ I т. „Архива Русской Революціи“, изд. І. В. Гессеномъ (Берлинъ, „Слово“), я нахожу авторитетное подтвержденіе этой характеристики, написанной, какъ и весь основной текстъ моей „Исторіи“, въ концѣ 1917 и началѣ 1918 года. В. Д. Набоковъ во время моего мѣсячнаго отсутствія „фактически стоялъ во главѣ Центральнаго комитета“ и велъ переговоры о сформированіи коалиціи третьяго состава. Церетели, „игравшій въ переговорахъ наиболѣе видную роль“, уѣзжалъ на Кавказъ и указалъ Набокову, для веденія дальнѣйшихъ переговоровъ, на Ф. Дана (Гурвича.) „Когда закончена была работа по намѣченію будущихъ членовъ совѣта республики“, говоритъ В. Д. Набоковъ, „я и Аджемовъ сговорились съ Гоцомъ, Даномъ и Скобелевымъ и условились встрѣтиться (на квартирѣ Аджемова), чтобы выяснить дальнѣйшій планъ дѣйствій и установить тактическій планъ. Если не ошибаюсь, мы раза два собирались у Аджемова и я живо вспоминаю то чувство безнадежности и раздраженія, которое постепенно овладѣвало мною во время этихъ разговоровъ . . . . Отношеніе Дана къ создавшемуся положенію вещей — имѣло очень мало общаго съ отношеніемъ Церетели. На наше (съ Аджемовымъ) опредѣленное заявленіе, что главнѣйшей задачей вновь учрежденнаго Совѣта мы считаемъ созданіе атмосферы общественнаго довѣрія вокругъ временнаго правительства и поддержки его въ борьбѣ съ большевиками, Данъ отвѣтилъ, что онъ и его друзья не склонны напередъ обѣщать свое довѣріе и свою поддержку, что все будетъ зависѣть отъ образа дѣйствія правительства и что въ частности они не видятъ возможности встать на точку зрѣнія борьбы съ большевиками прежде всего и во что бы то ни стало . . . . „Но, вѣдь въ этомъ то и заключалась вся цѣль нашего соглашенія“, возражали мы, „а Ваше теперешнее отношеніе есть опять таки прежнее двусмысленное, невѣрное, колеблющееся довѣріе „постольку, поскольку“, которое ничуть не помогаетъ правительству и не облегчаетъ его задачи“. Данъ вилялъ, мямлилъ, велъ какую-то талмудическую полемику . . . . Мы разошлись съ тяжелымъ чувствомъ, съ сознаніемъ, что начинается опять старая капитель, что наши „лѣвые друзья“ неисправимы, и что всѣ затра-

Сравнительно съ этими вліятельными группами, отношеніе которыхъ къ новой коалиціи являлось болѣе чѣмъ сомнительнымъ, уже мало имѣло значенія политическое настроеніе менѣе организованныхъ группъ, которыя могли бы оказать поддержку. Къ такимъ нужно отнести, какъ показало демократическое совѣщаніе, прежде всего, деревню и кооперацію. Совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ вовсе не представлялъ истиннаго настроенія крестьянства. Но онъ долженъ былъ съ этимъ настроеніемъ считаться — и это сказалось въ содержаніи платформы совѣта, выработанной его исполнительнымъ комитетомъ въ началѣ октября. Комитетъ призывалъ всѣхъ крестьянскихъ депутатовъ „къ энергичной поддержкѣ признаннаго революціонной демократіей временнаго правительства, которое одно только можетъ довести страну до Учредительнаго Собранія". Эта цѣль--подготовка Учредительнаго Собранія--вмѣстѣ съ обороной страны, представлялась комитету единственной очередной, и „тотъ, кто отвлекаетъ народъ" отъ этой подготовки „или не считаетъ Учредительнаго Собранія великимъ, рѣшающимъ событіемъ въ дѣлѣ народа", признавался „идущимъ, умышленно или неумышленно противъ народныхъ интересовъ". Съ этой точки зрѣнія комитетъ считалъ и съѣздъ совѣтовъ р. и с. д., назначенный на 10-е октября въ Петроградѣ, „несвоевременнымъ и опаснымъ," могущимъ „отдалить срокъ созыва Учр. Собранія и въ гражданской войнѣ погубить всѣ завоеванія революціи". Онъ предлагалъ поэтому своимъ членамъ въ арміи и въ тылу „отказаться отъ посылки делегатовъ на предполагаемый съѣздъ." Въ рѣзкую противоположность „революціонной демократіи" и даже правительственной деклараціи, платформа крестьянскихъ депутатовъ признавала, что хотя „миръ — завѣтная мечта крестьянства, но миръ крестьянство получитъ только тогда, когда армія наша будетъ боеспособной и защититъ русскую землю отъ готовящагося раздѣла". Поэтому исполнительный комитетъ „считаетъ предателями тѣхъ, кто бросаетъ фронтъ и оставляетъ русскую армію беззащитной передъ врагомъ. Онъ призываетъ солдатъ

ченныя нами усилія, направленныя къ тому, чтобы добиться соглашенія и поддержки власти въ ея борьбѣ съ анархіей и бунтарствомъ, едва ли не пропали даромъ". Пессимизмъ Набокова былъ, какъ видно, отчасти вызванъ чрезмѣрными надеждами, возлагавшимися имъ на соглашеніе съ Церетели, роль котораго мы видѣли выше. Однако, въ результатѣ переговоровъ, Набоковъ и Аджемовъ заняли примирительную позицію, о которой см. ниже.

„крѣпко стоять передъ врагомъ и не дать погибнуть отъ вражескаго нашествія крестьянскимъ надеждамъ на лучшую жизнь“.

На тотъ же путь рѣшительно вступила и русская кооперація, пославшая, какъ мы видѣли, съ своего сентябрьскаго съѣзда декларацію съ особымъ наказомъ на демократическое совѣщаніе (см. выше, стр. 33—34). 4-го октября открылся чрезвычайный съѣздъ кооператоровъ въ Москвѣ, и докладывая объ исполненномъ порученіи, Беркенгеймъ имѣлъ полное право сказать, что „безъ коопераціи картина демократическаго совѣщанія была бы иная“ и что, именно, кооперація „дала перевѣсъ голосовъ за созданіе коалиціонной власти“. Это приводило кооператоровъ къ логическому заключенію, что и на выборахъ въ Учредительное Собраніе кооперація не можетъ отказаться отъ политической роли, вообще ей несвойственной, — что она обязана выступить, какъ отдѣльная политическая группа. „Общее впечатлѣніе, сложившееся у насъ на демократическомъ совѣщаніи“, говоритъ Беркенгеймъ, „такое: въ странѣ идетъ быстрая и стихійная организація рабочихъ и крестьянскихъ массъ. Она питаетъ демагогію, а разныя политическія теченія плетутся теперь въ хвостѣ этой анархизаціи... Но я убѣжденъ, что не вся еще Россія превратилась въ сумасшедшій домъ, что пока — обезумѣло, главнымъ образомъ, населеніе большихъ городовъ“.

Наблюденіе Беркенгейма было, несомнѣнно, правильно. Оно вполнѣ подтверждается результатами выборовъ въ городское демократическое самоуправленіе. Къ 2-ому сентября выборы состоялись въ 643 городахъ изъ 779 и, по даннымъ минист. внутр. дѣлъ, дали слѣдующіе результаты:

	Губернск. города. (43)	Прочіе. (407)
Избрано гласныхъ	3,689	13,246
Въ томъ числѣ (въ %):		
Большевиковъ	7	2
Меньшевиковъ	6	4
Соц. революціонеровъ	16	9
Соціалист. блокъ	36	21
Національныя группы	8	7
Партіи народной свободы	13	5
Внѣпартійные	14	50

Какъ видимъ, кучка, требовавшая себѣ отъ имени Россіи „всей власти“ въ большихъ городахъ получила всего 7%, а въ

остальныхъ городахъ только 2°/₀ гласныхъ. Половина всѣхъ гласныхъ въ малыхъ городахъ, бытъ которыхъ является переходнымъ къ сельскому, оказалась безпартійна: т. е. политическія партіи вообще еще не проникли въ эту среду. Поскольку онѣ проникли, обыватель отдалъ преимущество несоціалистическимъ элементамъ передъ соціалистическими, которые, всѣ вмѣстѣ взятые, представляли въ малыхъ городахъ только треть гласныхъ (36 °/₀). Примѣняясь къ распредѣленію голосовъ городской группы въ демократическомъ совѣщаніи, это значило, по разсчету Б. Веселовскаго*), что за коаліціонную власть высказалось въ городахъ 9. 100 буржуазныхъ гласныхъ (безпартійныхъ к. д. и національныя группы) и 60°/₀ соціалистическихъ, т. е. 4,700; всего 13,800 изъ 16,935. Несомнѣнно, не вся Россія „превратилась въ Бедламъ" Но, къ сожалѣнію, группы болѣе близкія къ центру и къ государственному рулю, составляя ничтожное меньшинство въ странѣ, были въ столицѣ близки къ дѣйствительному захвату власти.

Кооператоры были правы, что при разноголосицѣ и при шатаніяхъ соціалистическихъ партій, при очевидной неспособности деревни разобраться въ ихъ аргументахъ, при возраставшей роли демагогіи среди темной, непривычной къ политической жизни крестьянской массы, выборы въ Учредительное Собраніе должны дать самый случайный и, быть можетъ, пагубный результатъ. Роль „десяти милліоновъ кооператоровъ", близкихъ къ массамъ и заслужившихъ ихъ довѣріе, была при этомъ совершенно незамѣнима. Телеграммы на кооперативный съѣздъ съ мѣстъ показали, что, собственно, сама жизнь рѣшила уже споръ объ участіи кооперацiи на выборахъ. Изъ 66 оглашенныхъ телеграммъ 54 стояли за самостоятельное участіе кооперацiи, и только 12 дали отрицательный отвѣтъ: очевидно, по тѣмъ же соображеніямъ, которыя руководили противниками участія (въ томъ числѣ рабочей группой) на съѣздѣ: изъ боязни, что кооперація повредитъ успѣху соціализма. Резолюція съѣзда, принятая послѣ горячихъ преній, 81 голосомъ противъ 17, при 7 воздержавшихся, гласила, „что — въ Учредительное Собраніе должны быть избраны преданные россійской республикѣ люди дѣла, способные подчинить групповые, классовые и партійные интересы неотложнымъ нуждамъ защиты отечества на фронтѣ и въ тылу и закрѣпить завоеванія революціи." Стоя на этой платформѣ, „кооперативныя органи-

---

*) „Р. Слово" 8-го Октября.

заціи должны стремиться къ объединенію всѣхъ демократическихъ теченій, стоящихъ за энергичную и напряженную оборону страны и свободы, за водвореніе законности и порядка въ странѣ силами самой государственно-мыслящей демократіи и за недопустимость избранія въ Учредительное Собраніе представителей пораженчества и анархизма." „Съ этой цѣлью", казалось бы, дѣйствительно, могли быть объединены всѣ „демократическія теченія, стоящія на государственной точкѣ зрѣнія, включая и партію народной свободы, платформу которой резолюція цѣликомъ повторяла. Но здѣсь и сказалась роковая слабость русской прогрессивной общественности. Подъ „демократическими" хотѣли разумѣть только соціалистическія партіи. Резолюція кооператоровъ прямо приглашала, гдѣ можно, содѣйствовать образованію блоковъ съ соціалистическими партіями и фракціями, стоящими на государственной точкѣ зрѣнія"; гдѣ нельзя, вступать въ соглашеніе съ отдѣльными (тоже соціалистическими) партіями и фракціями", а гдѣ ни то, ни другое не удается, тамъ выставить самостоятельные списки". Такое устраненіе всей несоціалистической демократіи, при крайней слабости „соціалистическихъ партій, стоящихъ на государственной точкѣ зрѣнія", стояло въ полномъ противорѣчіи съ основной задачей — объединить людей, „способныхъ подчинить классовые интересы неотложнымъ нуждамъ защиты отечества." Позиція большинства соціалистическихъ партій, даже и умѣренныхъ, была вѣдь, прежде всего, классовая. Это и оказалось подводнымъ камнемъ, о который суждено было разбиться русской революціи. Чтобы какъ—нибудь выйти изъ этого противорѣчія между классовой и государственной политикой, кооператоры прибѣгли къ излюбленному средству русскаго обывателя. Они противоположили „дѣятелей политическихъ партій", связанныхъ „партійной догмой", — „людямъ дѣла хорошо знакомымъ съ самыми разнообразными сторонами и особенностями хозяйственной и бытовой жизни страны". Эти послѣдніе должны придти въ Учредительное Собраніе „не съ готовымъ рѣшеніемъ", а „лишь въ углубленной, долгой работѣ надъ каждымъ больнымъ вопросомъ... составить свое свободное сужденіе на основаніи своихъ общихъ, отвѣчающихъ интересамъ трудового народа идей и принциповъ". Эта попытка кооператоровъ — уйти отъ партій — лучше всего объясняется тѣмъ, что наличныя соціалистическія партіи имъ не подходили, а наличныя партіи, защищавшія ихъ программу, не называли себя соціалистическими.

Такъ, даже „люди дѣла", ожесточенно отрицавшіе фразы, сами, въ концѣ концовъ, оказались во власти фразы, загипнотизировавшей русскую „демократію" и лишившей ее всякой точки опоры на томъ опасномъ скатѣ, по которому она скользила къ гибели революціи.

Среди соціалистическихъ партій, кромѣ Плехановской, была, правда, и еще одна, которая, казалось, была бы способна встать на требуемую кооператорами государственную точку зрѣнія. Мы разумѣемъ небольшую интеллигентскую группу „народныхъ соціалистовъ", — старыхъ народниковъ „Русскаго Богатства", соединившихся съ той безформенной и неясной въ политическомъ отношеніи группой, которую со времени первой Думы окрестили именемъ „трудовиковъ", замѣнявшимъ ей программу. Русское народничество по традиціи было менѣе связано соціалистической догмой, чѣмъ правовѣрный соціалъ-демократизмъ. Оно всегда обнаруживало болѣе способности и желанія ближе всмотрѣться въ „особенности хозяйственной и бытовой жизни страны". Именно это теченіе попыталось поэтому создать самостоятельную теорію русскаго аграрнаго соціализма. Правда, зато это теченіе было тѣснѣе связано съ культурными и идейными традиціями русскаго интеллигентства, — и за это особенно подвергалось нападкамъ „научныхъ" марксистовъ. Какъ бы то ни было, около этого стараго знамени, Михайловскаго и Анненскаго, собралась группа людей, талантливыхъ, знающихъ, любящихъ родину и кристально-честныхъ. Въ русской политической жизни они занимали своеобразную позицію обитателей „культурнаго скита", добровольныхъ анахоретовъ, свято хранившихъ неугасимый огонь на старомъ алтарѣ. Но теперь русская жизнь и ихъ вызвала наружу. Они могли оказаться нужнѣе многихъ другихъ въ этомъ процессѣ превращенія фанатиковъ отвлеченнаго соціализма въ трезвыхъ политическихъ дѣятелей, — процессѣ, съ которымъ русская жизнь такъ печально запоздала. Ихъ политическое настроеніе извѣстно намъ изъ рѣчи А. В. Пѣшехонова, одного изъ „лидеровъ" группы, на демократическомъ совѣщаніи" (см. выше, стр. 43—44)

Второй Съѣздъ „трудовой народно-соціалистической партіи" (такъ называла себя группа послѣ слiянія съ трудовиками) для опредѣленія предвыборной платформы въ Учредительное Собраніе, собрался въ Москвѣ 26-го сентября. Онъ не былъ многолюднымъ, Провинція часто впервые приходила тутъ въ соприкосновеніе съ своимъ центромъ. Съѣхалось около 70 членовъ партіи. Предсѣда-

телемъ былъ избранъ Пѣшехоновъ; докладчикомъ отъ ц. к. выступилъ В. А. Мякотинъ. Значительная часть того, что онъ сказалъ, могла быть сказана „кадетомъ“. Онъ отмѣтилъ крушеніе многихъ надеждъ со времени перваго съѣзда. Власти нѣтъ. Нѣтъ и многовластія. Есть анархія. Боялись „контръ-революціи“, которой не было. Теперь она есть, „взрощенная ошибками революціи“. Этимъ ошибкамъ партія недостаточно противодѣйствовала. Она не протестовала противъ нарушенія всѣхъ гражданскихъ свободъ демократическими учрежденіями и противъ попытокъ ихъ стать рядомъ съ властью государственной. Въ совѣтахъ она была „подголоскомъ иныхъ партій, меньшевиковъ и с. р. — овъ.“ Между тѣмъ у партіи есть свой лозунгъ. „Сейчасъ онъ непопуляренъ, ибо требуетъ жертвъ отъ массъ: но мы никогда не искали только популярности“. Этотъ лозунгъ, такой необходимый для даннаго момента,—„общенародность“, служеніе общенароднымъ интересамъ,—старый лозунгъ партіи. Въ національномъ вопросѣ „мы — федералисты, но и сторонники россійскаго государства“. Что касается отношеній къ другимъ партіямъ, „раньше всего мы отгораживаемся отъ большевиковъ, ибо у нихъ одинъ методъ—насиліе, ибо они—по существу не соціалисты.“ Изъ трехъ группъ, на которыя раздѣлились с. р-ы, партія народныхъ соціалистовъ ближе къ „Волѣ Народа“ и къ Авксентьеву, т. е. къ правому крылу и къ центру: „черновцы“ — тѣ же большевики. Но всѣ три теченія „организаціонно-связаны“, и потому партія не можетъ на выборахъ идти ни съ однимъ. Отъ „Единства“ и отъ меньшевиковъ партію отдѣляетъ аграрный вопросъ. Но „какъ быть съ партіей к. д.?“ Они — не соціалисты и въ рядѣ вопросовъ — противники. Но они вовсе не „правые“, ихъ программа вовсе не „программа помѣщиковъ“. „У насъ есть съ ними общіе пути:“ „задачи политическаго устройства страны, воспитанія правового сознанія народа.“

Этотъ не банальный докладъ вызвалъ ожесточенныя возраженія со стороны типичнаго представителя трудовиковъ, члена 1-ой Думы, Брамсона. Нельзя отказываться отъ соглашенія съ соціалистическими партіями: иначе мы себя „изолируемъ“. Нельзя подходить съ упрощенной точкой зрѣнія къ большевикамъ: они слиты съ массой, живутъ въ ней, и съ ними партіи трудовыхъ классовъ придется „конкуррировать“. Напротивъ, отъ к. д. надо „рѣшительно отмежеваться“. Они, конечно, „старый капиталъ, накопленный народомъ,“ „партія культурная“, „не корниловцы“. Но... „у нихъ никогда не было гражданскаго мужества.“ Кадеты, воз-

ражалъ откровеннѣе Сталь, хотятъ остаться на позиціяхъ 1-го марта. Но революція — явленіе соціальное, а не только политическое. И нельзя поэтому „идти къ народу съ проповѣдью одного только самоограниченія: этого народъ, чувствующій себя побѣдителемъ, не пойметъ". Нужно заставить народъ „возненавидѣть монархію", а для этого надо вынуть изъ портфеля обвинительный актъ противъ августѣйшихъ особъ. Въ виду этихъ возраженій новыхъ союзниковъ, А. В. Пѣшехоновъ попытался занять примирительную позицію, и при этомъ пожертвовалъ к. д. Мы стремимся, говорилъ онъ, стихійную борьбу классовъ ввести въ формы государственныя. Единственныя партіи, рѣзко опредѣлившія свою политическую позицію, к. д. и большевики, напротивъ, разъединяютъ эти два момента. Большевики признаютъ лишь стихійную борьбу классовъ, а у к. д. „другая крайность: они также упрямо хотять знать лишь чистыя государственныя формы". Коалицію съ к. д. (какъ съ интеллигентами-государственниками) онъ „понимаетъ и допускаетъ". Но за к. д. стоитъ еще и торгово-промышленный классъ; и вотъ идеи „коалиціи съ буржуазіей „онъ не понимаетъ. Собственную цѣль партіи слѣдуетъ высказать ясно, не смущаясь несоотвѣтствіемъ ея силъ — ея цѣлямъ. Силы притекутъ сами, „если мы будемъ ярче, полнѣе и сильнѣе выявляться".

Въ результатѣ преній, съѣздъ принялъ резолюцію, все содержаніе которой воспроизводитъ докладъ Мякотина, а практическіе выводы взяты у его оппонентовъ. Цѣль усилій настоящаго момента — защита родины отъ внѣшняго врага и утвержденіе демократической государственности, опирающейся на неотъемлемыя права гражданъ и на свободно выраженную волю народа; борьба со всѣмъ, что этому препятствуетъ: съ посягательствомъ на неприкосновенность личности и на свободы, съ анархіей, съ раздробленіемъ государственной власти и расхищеніемъ ея классовыми и иными организаціями, не могущими выразить воли всего населенія; такая организація государственной власти, при которой она имѣла бы не классовый, а общенародный характеръ; противодѣйствіе самосудамъ и попытка разрѣшить соціальные и политическіе вопросы на почвѣ права, признаннаго и охраняемаго государственной властью, а не путемъ насилія; сохраненіе государственнаго единства Россіи отъ максимализма нѣкоторыхъ окраинъ и національныхъ партій, и энергичная борьба съ тѣми максималистическими требованіями, которыя грозятъ привести государство къ распаду; подчиненіе классовыхъ и групповыхъ интересовъ общенароднымъ...

Все это есть прекрасное резюме всего того, къ чему партія народной свободы стремилась втеченіе всѣхъ семи мѣсяцевъ революціи и о чемъ она, какъ видно изъ этой книги, многократно заявляла въ постановленіяхъ своихъ съѣздовъ и въ заявленіяхъ своихъ министровъ, въ противоположность стремленіямъ соціалистическихъ партій и „демократическихъ" организацій къ „углубленію" революціи и къ „революціонному правотворчеству". Какъ же рекомендуетъ „трудовая народно-соціалистическая партія" достигать этихъ цѣлей? Такъ, какъ этого требуютъ противники В. А. Мякотина! Партія — тоже соціалистическая, а потому „соглашеніе на почвѣ выборовъ съ несоціалистическими партіями — невозможно".

Здѣсь, какъ видимъ, — грань, черезъ которую „революціонная демократія", включая и „трудовыхъ народно-соціалистовъ" оказалась неспособной или безсильной перешагнуть. Напротивъ, вопреки всему, что дѣлали соціалистическія партіи совѣтскаго большинства — и что такъ рѣзко противорѣчило только что изложенной программѣ, — „съѣздъ нашелъ возможнымъ дѣйствовать" и съ с. р.-ами, „поскольку они отошли отъ максималистскаго крыла", и съ меньшевиками. На то обстоятельство, что они не только „организаціонно", но, въ концѣ концовъ, и идейно связаны съ „максималистскимъ крыломъ", съѣздъ предпочелъ закрыть глаза. Достаточно, если максимализмъ не бросается прямо въ глаза въ выставленныхъ лозунгахъ или личностяхъ кандидатовъ. Съѣздъ согласенъ даже идти съ „внѣ-партійными организаціями, если онѣ не стоятъ въ противорѣчіи съ программой народныхъ соціалистовъ": только бы эти организаціи не носили названія одной изъ „буржуазныхъ" партій.

Таковъ предѣлъ государственнаго благоразумія и тактической сдержанности благоразумнѣйшей изъ соціалистическихъ партій. Чтобы спасти революцію отъ послѣдствій „максимализма", этотъ предѣлъ былъ совершенно недостаточенъ. И неспособность перейти его составляетъ одну изъ главныхъ причинъ неудачи всего революціоннаго движенія. Это же обстоятельство лучше всего объясняетъ, почему, во всѣхъ практическихъ шагахъ, „революціонная демократія" вынуждена была предоставлять иниціативу той самой несоціалистической партіи, отъ формальнаго соглашенія съ которой она такъ тщательно отгораживалась. Сохранивъ чистоту партійной вывѣски, вожди совѣтовъ предоставляли затѣмъ „интеллигентамъ-государственникамъ" руководить ходомъ дѣйствительной государственной жизни. Для этого имъ такъ и необходима была коалиція съ „буржуазными" элементами у власти.

IV. Сила и слабость третьей коалиціи.

Частичные успѣхи правительства въ Финляндіи. На Украинѣ. Анархія въ странѣ. Побѣда „Викжеля". Побѣда „Центрофлота".

Благодаря окончанію затянувшагося на цѣлый мѣсяцъ кризиса власти и обновленію состава коалиціи, временное правительство въ концѣ сентября и въ началѣ октября переживало одинъ изъ своихъ lucida intervalla: періодъ ясности государственнаго мышленія. Эти періоды, какъ мы знаемъ, всегда сопровождались усиленіемъ власти. И въ эти моменты усиленія власти всегда приходилось сводить запутанные и просроченные вслѣдствіе кризисовъ счеты съ „максималистическими" захватами окраинныхъ народностей и русскихъ политическихъ партій. Едва государственная мысль правительства получила возможность спокойно сосредоточиться, какъ уже заявляли о своемъ правѣ на его вниманіе длительные окраинные конфликты въ Финляндіи и въ Украинѣ.

Мы оставили Финляндію въ моментъ роспуска временнымъ правительствомъ финляндскаго сейма за его попытку самочиннаго законодательствованія по основному вопросу о взаимоотношеніи Россіи и Финляндіи. Соціалъ-демократическое большинство распущеннаго сейма не захотѣло подчиниться указу о роспускѣ, не огласило его въ засѣданіи сейма и попыталось 16-го августа самочинно собраться вновь. Попытка эта была пресѣчена энергичными мѣрами временнаго правительства, по распоряженію котораго ген.-губернаторъ Стаховичъ занялъ помѣщеніе сейма гусарами. Хотя депутаты послѣ того и собрались въ залѣ четырехъ сословій, но правительство могло разсматривать это собраніе, какъ собраніе частныхъ лицъ, бывшихъ депутатовъ, въ частномъ помѣщеніи, и не придавать собранію никакого юридическаго значенія. Черезъ мѣсяцъ, за три дня до выборовъ, финскіе соціалъ-демократы рѣшили повторить опытъ и разослали всѣмъ политическимъ фракціямъ сейма повѣстки на засѣданіе 15-го сентября. Вновь назначенный замѣстителемъ М. А. Стаховича, Н. В. Некрасовъ, по распоряженію правительства, спѣшно выѣхалъ въ Гельсингфорсъ и засталъ тамъ иную картину, чѣмъ было мѣсяцъ назадъ. Гельсингфорскій совѣтъ р. и. с. д. на этотъ разъ отказалъ въ поддержкѣ войскъ для не-

допущенія засѣданій самочиннаго сейма. Временное правительство получило телеграмму, прочтенную Керенскимъ въ демократическомъ совѣщаніи, что „мѣстныя революціонныя силы не позволятъ никому, въ особенности временному правительству, помѣшать явочному открытію сейма". Спѣшно посланные делегаты центральнаго исполнит. комитета совѣта р. и. с. д. не были допущены на суда для переговоровъ съ матросами. При этихъ условіяхъ Н. В. Некрасову пришлось ограничиться символическимъ дѣйствіемъ и объявить, что онъ „приказалъ наложить печати на двери сейма, дабы всѣмъ ясна была незаконность назначеннаго на 15 сентября собранія". Представители всѣхъ другихъ партій заранѣе заявили, что не примутъ участія въ явочномъ засѣданіи: у нихъ не было интереса это дѣлать, такъ какъ въ предстоящихъ выборахъ они разсчитывали на побѣду буржуазныхъ партій надъ соціалистами. Безъ четверти въ часъ дня 15-го сентября въ засѣданіе сейма явился тальманъ распущеннаго сейма, Маннеръ, въ сопровожденіи 80 депутатовъ, составляющихъ 40% всего состава сейма, распорядился снять печати, открылъ двери и объявилъ засѣданіе открытымъ. Въ 20 минутъ былъ разсмотрѣнъ въ трехъ чтеніяхъ и принятъ законопроектъ 5 (18) Іюля о верховныхъ правахъ Финляндіи (см. вып. второй, стр. 73-75). Передъ голосованіемъ депутатъ Айрола высказалъ точку зрѣнія собравшихся. Сеймъ распущенъ незаконно. Настоящее собраніе должно считаться законно состоявшимся, ибо сеймовый уставъ не предусматриваетъ кворума. Если буржуазные депутаты отсутствуютъ, то тѣмъ хуже для нихъ: они ничего не хотятъ сдѣлать для достиженія самостоятельности Финляндіи, пользуясь благопріятными обстоятельствами, которыя не повторятся. Что касается выборовъ въ новый сеймъ, то сеймъ можетъ и признать ихъ незаконными, и согласиться на нихъ, — если они дадутъ благопріятные результаты. Такъ какъ два сейма существовать не могутъ, то нынѣшній сеймъ можетъ объявить свою сессію законченной, и самъ назначить, когда новые депутаты должны собраться, ибо постановленіе русскаго правительства о созывѣ сейма на 1-е ноября для Финляндіи не обязательно. Затѣмъ, уже на основаніи принятаго закона были единогласно утверждены, для введенія въ дѣйствіе, законопроектъ о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, о коммунальныхъ выборахъ, о правахъ русскихъ гражданъ, о еврейскомъ равноправіи и другіе, принятые сеймомъ въ разное время. Послѣ этого засѣданіе, продолжавшееся 35 минутъ, было закрыто тальманомъ.

Правительство реагировало на все это составленіемъ акта, направленнаго въ судебный департаментъ сената для судебнаго преслѣдованія противъ нарушителей общественнаго порядка.

На слѣдующій день, 16-го, соціалъ-демократическіе депутаты собрались на второе засѣданіе, но оно очень скоро было закрыто Маннеромъ. Некрасовъ объясняетъ это (въ бесѣдѣ съ журналистами) тѣмъ, что „собравшіеся депутаты узнали, что объединенное совѣщаніе демократическихъ организацій относится къ ихъ выступленію отрицательно." Нужно тогда предположить, что символическая побѣда надъ Россіей измѣнила настроеніе этихъ депутатовъ послѣ ихъ телеграммы Керенскому. Какъ бы то ни было, очевидно, что больше того, что уже они сдѣлали, с. д. депутаты и не могли сдѣлать. Они демонстрировали свою позицію на выборахъ, начинавшихся 18-го сентября и испробовали новаго генералъ губернатора, отъ котораго русская лѣвая и финляндская печать ожидали „политики уступчивости, взамѣнъ политики строгой законности", которую проводилъ Стаховичъ.

Выборы, однако, показали, что тактика соціалистическаго большинства распущеннаго сейма не одобряется страной. Избиратели явились въ исключительно большомъ количествѣ къ избирательнымъ ящикамъ и дали побѣду буржуазнымъ партіямъ. По сравненію съ прежнимъ сеймомъ составъ новаго сейма измѣнился слѣдующимъ образомъ:

Соціалъ-демократы	103	91
Блокъ финскихъ буржуазныхъ партій	57	61
Аграріи	18	26
Шведская констит. партія	21	21
Крестьянскіе рабочіе	1	„
Представитель Лапландіи *)	„	1
	200	200

Такимъ образомъ, ни самочинное объявленіе независимости Финляндіи, ни обѣщанія самыхъ радикальныхъ соціальныхъ реформъ не подѣйствовали. Это не значило, конечно, что финляндцы отказывались отъ самостоятельности. Но они хотѣли идти къ ней болѣе надежнымъ путемъ. Сеймъ былъ въ рукахъ группъ, при-

*) Представитель Лапландіи символизировалъ требованіе, выставленное финляндцами довольне давно — объ уступкѣ Финляндіи полосы земли отъ села Кюре до замка Петсало и побережья Ледовитаго Океана отъ Норвежской границы до Рыбачьго Полуострова.

выкшихъ дѣйствовать не революціонными, а конституціонными методами. Грамотой временнаго правительства отъ 30-го сентября созывъ законнаго сейма былъ назначенъ на 19 октября (1-го ноября). Къ этому времени нужно было выработать давно желанную новую „форму правленія“. Разумѣется, эта „форма правленія“ представлялась теперь, въ революціонное время, молодому поколѣнію финляндскихъ политиковъ совершенно иначе, чѣмъ она рисовалась старому Мехелину и его сподвижникамъ. 22-го сентября, т. е. какъ только выяснилась побѣда буржуазныхъ партій на выборахъ, въ финляндскихъ газетахъ были опубликованы проекты законовъ объ установленіи республиканской формы правленія и о взаимоотношеніяхъ между Финляндіей и Россіей. Проекты эти, составленные финляндскими юристами, находились на разсмотрѣніи юридической коллегіи сената, но разсмотрѣны еще не были. Проектъ новой формы правленія предполагалось внести, съ согласія временнаго правительства, въ сеймъ, а проектъ о взаимоотношеніяхъ двухъ странъ провести параллельно черезъ сеймъ и черезъ русское Учредительное Собраніе. Согласно обоимъ проектамъ, Финляндія объявлялась республикой, соединенной съ Россіей, но имѣющей собственную конституцію и правительство, независимое отъ законодательной и правительственной власти въ Россіи. Законодательная власть принадлежала сейму вмѣстѣ съ президентомъ республики, выбиравшимся прямымъ и общимъ голосованіемъ на 6 лѣтъ и получавшимъ право созывать и распускать сеймъ, назначать выборы, назначать членовъ совѣта министровъ. Президентъ же являлся главнокомандующимъ финляндскихъ войскъ въ мирное время и объявлялъ, въ согласіи съ совѣтомъ министровъ, мобилизацію. Вопросъ о войнѣ и мирѣ являлся вопросомъ общегосударственнымъ, который рѣшался согласно основному закону Россіи для обѣихъ странъ. Русское же правительство заключало договоры съ иностранными державами, если только оно не делегировало этого права правительству Финляндіи. Русскія войска, впредь до сформированія финляндской арміи, оставались въ крѣпостяхъ и фортахъ Финляндіи, пользуясь одинаковыми правами съ финскими по расквартированію, перевозкѣ и реквизиціи при содѣйствіи финляндскихъ властей. Послѣ сформированія финляндской арміи, она одна находилась въ странѣ, имѣя цѣлью защиту родины и этимъ оказывая содѣйствіе защитѣ русскаго государства. Каждый гражданинъ являлся военнобязаннымъ, и финляндское правительство обязывалось держать такое количество войскъ, чтобы рас-

ходы на нихъ въ мирное время были не менѣе 10-ти марокъ на жителя. Россійское правительство имѣло право инспектировать эти войска и требовать переведенія ихъ на военное положеніе. Въ военное время Россія могла вводить въ Финляндію потребное количество войскъ, и тогда командованіе переходило къ русскимъ. Для устройства новыхъ крѣпостей и фортовъ требовалось согласіе русскаго правительства. Для дѣлъ православной церкви, телеграфа, денежныхъ расчетовъ, торговли и судоходства Россія могла имѣть въ Финляндіи свои учрежденія, чиновниковъ и агентовъ. Предусматривалась взаимная выдача уголовныхъ преступниковъ. Сношенія двухъ правительствъ происходили черезъ высшаго представителя Россіи въ Финляндіи (или Финляндіи въ Россіи) или черезъ статсъ-секретаря. Примѣненіе закона о взаимноотношеніяхъ могло производиться лишь одинаковыми постановленіями законодательныхъ органовъ двухъ странъ, въ порядкѣ, установленномъ для основныхъ законовъ. Въ случаѣ разногласія въ толкованіи закона, спорный вопросъ передавался въ согласительную комиссію изъ трехъ членовъ отъ каждой страны, а въ случаѣ ихъ несогласія — на рѣшеніе международнаго третейскаго суда въ Гаагѣ, если онъ признаетъ это относящимся къ своей компетенціи.

Отношеніе финляндскихъ партій и печати къ этимъ проектамъ было различное. оціалисты относились къ нимъ, конечно, совершенно отрицательно. Но и шведская конституціонная „Столичная Газета" (Hufvudstadsbladet) находила, что это рѣшеніе уже не можетъ удовлетворить большинства финскаго народа. Напротивъ, старофинскія „Гельсингфорскія Новости" (Helsingin Sanomat) утверждали, что на этихъ проектахъ могутъ объединиться всѣ партіи и что этотъ проектъ формы правленія „удовлетворитъ наиболѣе крайнія требованія".

26 и 28 сентября проектъ о взаимоотношеніяхъ Финляндіи и Россіи обсуждался юридической комиссіей при временномъ правительствѣ. Докладчикъ Б. Э. Нольдэ сразу обратилъ вниманіе на ту главную особенность проекта, что онъ радикально измѣняетъ права Россіи относительно внутренняго законодательства Финляндіи и такимъ образомъ существенно умаляетъ суверенитетъ Россіи. Конечно, принципъ внутренней самостоятельности Финляндіи въ ея мѣстныхъ дѣлахъ никакихъ сомнѣній не вызывалъ. 1-го октября комисія юридическаго совѣщанія (Б. Э. Нольдэ, Н. И. Лазаревскій, Д. Д. Гриммъ, М. С. Аджемовъ и А. Я. Гальпернъ) выѣхала въ Гельсингфорсъ и въ двухъ совмѣстныхъ засѣданіяхъ съ комиссіей

основныхъ законовъ финляндскаго сената обсудила проектъ. Б. Э. Нольдэ, по возвращенiи (5-го октября), сообщилъ журналистамъ, что съ обѣихъ сторонъ проявлено несомнѣнное желанiе столковаться, и соглашенiе уже намѣчено. Русскiе члены согласились, что право самоопредѣленiя въ области чисто-внутреннихъ дѣлъ должно быть въ полной мѣрѣ признано за Финляндiей. Финляндскiе члены согласились на то, чтобы не только взаимоотношенiя Россiи и Финляндiи, но и образъ правленiя не могъ измѣняться безъ согласiя Россiи. Положенiе президента, къ которому переходили всѣ права русскаго монарха, плохо мирилось съ суверенитетомъ Россiи. Но необходимость лица, которое бы санкцiонировало распоряженiя правительства и являлось бы его главой, вполнѣ признавалась. Русскiе члены предпочитали только, чтобы это лицо называлось „вице-президентомъ".Два существенные вопроса, однако, вызвали непримиримыя разногласiя и остались нерѣшенными: это вопросъ о правѣ держать въ Финляндiи русскiя войска въ мирное время и о передачѣ спорныхъ вопросовъ на рѣшенiе гаагскаго трибунала. И по стратегическимъ, и по международнымъ соображенiямъ Россiя не могла отказаться отъ права держать свои войска въ Финляндiи во всякое время, — не только во время войны. А обращенiе къ гаагскому трибуналу возможно было бы лишь въ случаѣ полной независимости Финляндiи, — въ каковомъ случаѣ исчезли бы и самые спорные вопросы, вытекавшiе изъ ея связи съ Россiей. Подобные вопросы, конечно, не входили въ нормальную компетенцiю нормальнаго третейскаго суда, и Финляндiя не значилась въ числѣ 40 суверенныхъ государствъ, подписавшихъ гаагскую конвенцiю и могущихъ заключить между собой договоры объ арбитражѣ. Конечно, именно этимъ, — т. е. косвеннымъ выводомъ о полной независимости Финляндiи и дорожили финляндскiе юристы не соглашавшiеся уступить въ этихъ вопросахъ.

Черезъ двѣ недѣли, 19-го октября, открылся новый сеймъ. Тальманомъ избранъ былъ младофиннъ (Лундсонъ), вице-тальманами старофиннъ (Ингманъ) и членъ аграрной партiи (Алькiо). Въ предвидѣнiи возбужденiя вопроса о взаимоотношенiяхъ двухъ странъ, генералъ-губернаторъ получилъ указанiя, что всѣ рѣшенiя въ этомъ вопросѣ должны приниматься въ порядкѣ, обезпечивающемъ ихъ юридическую силу, т. е. не односторонне, а на основѣ свободнаго соглашенiя, связывающаго обѣ стороны,—сеймъ и временное правительство, отвѣтственное передъ Учредительнымъ Собранiемъ. По существу, правительство соглашалось на передачу дѣлъ вну-

тренняго законодательства и управленія чисто-финляндскимъ органамъ и настаивало на сохраненіи, во имя непрерывности россійскаго и финляндскаго права, status quo въ отношеніи общихъ для Финляндіи и Россіи дѣлъ, впредь до окончательнаго ихъ регулированія указаннымъ порядкомъ. 23-го октября оба обсуждавшихся ранѣе законопроекта были въ окончательномъ видѣ привезены изъ Гельсингфорса Некрасовымъ и статсъ-секретаремъ по дѣламъ Финляндіи Энкелемъ и утверждены въ засѣданіи временнаго правительства. Финляндія, сохраняя связь съ Россіей, получала собственное законодательство и правительство. Государственный строй Финляндіи опредѣлялся, какъ республика, въ которой высшая исполнительная власть принадлежитъ „правителю". Вопросы войны и мира и заключеніе договоровъ оставались въ компетенціи Россіи. Такимъ образомъ, передъ самымъ выступленіемъ и окончательной побѣдой большевиковъ давнишній споръ между Финляндіей и Россіей обѣщалъ разрѣшиться къ взаимному удовольствію и съ соблюденіемъ обоюдныхъ интересовъ. Судьба рѣшила иное...

На Украинѣ, какъ и въ Финляндіи, продолжало укореняться и развиваться стремленіе къ самостоятельности, и, въ конечномъ счетѣ, независимости. Но здѣсь процессъ шелъ болѣе бурно, какъ въ виду темперамента населенія, такъ и въ виду отсутствія „непрерывности" права, въ виду полной невозможности опираться на правовую традицію, доказываемую практикой учрежденій и основными актами государственнаго права. Новое государственное право, которое только-что начало создаваться подъ давленіемъ захватовъ украинскихъ политиковъ, было полно недомолвокъ и пробѣловъ, которые каждая сторона толковала по своему. Самое учрежденіе „генеральнаго секретаріата" было признано 4-го іюля не въ видѣ законодательнаго акта, а въ видѣ „декларація", сообщавшей о правительственномъ „рѣшеніи". Конечно, это было сдѣлано не случайно. Основанная на „деклараціи" 4-го іюля „инструкція генеральному секретаріату" юридически висѣла въ воздухѣ, и сенатъ на этомъ основаніи даже отказался опубликовать ее (2-го октября), какъ „утвержденную безъ одновременнаго утвержденія органическаго закона о самомъ секретаріатѣ, какъ новомъ государственномъ установленіи". Далѣе, сама инструкція въ дальнѣйшей своей части, — той, которая опредѣляла административныя полномочія генеральнаго секретаріата, оставалась актомъ незаконченнымъ. По ст. 5-ой „инструкціи" кругъ дѣлъ „мѣстнаго управленія", по которымъ врем. правительство будетъ осуществлять свои полномочія при по-

средствѣ генеральныхъ секретарей, признанныхъ въ статьѣ 3-ей, долженъ былъ быть опредѣленъ въ „особомъ приложеніи". Это приложеніе не было издано, и, слѣдовательно, административная компетенція комиссаріата осталась юридически неопредѣленной. Это не только не препятствовало, но даже помогало украинскимъ политикамъ расширить компетенцію секретарей явочнымъ порядкомъ на всю область управленія. Не говоримъ уже о томъ, что секретаріатъ, признанный въ „инструкціи" „органомъ временнаго правительства", въ дѣйствительности функціонировалъ въ роли парламентарнаго министерства Украины, существованіе и составъ котораго зависѣли отъ „довѣрія" учрежденія, которое уже вовсе не было оформлено юридически и оставалось вполнѣ самочиннымъ, „генеральной рады", своеобразнаго украинскаго предпарламента.

Изъ этихъ узкихъ и тѣсныхъ рамокъ декларацiи 4 іюля украинцы рвались на полную свободу подъ несомнѣннымъ давленіемъ „самостійниковъ", начинавшихъ понемногу пріобрѣтать почву.

„Кромѣ наивныхъ людей", говоритъ въ своей книгѣ Винниченко, „никто не смотрѣлъ на инструкціи серьезно. Всѣ знали, что это не миръ, а только временное перемиріе, что борьба будетъ и должна быть. Оба лагеря, пользуясь перемиріемъ, собирали свои силы, подсчитывали ихъ, организовались..... И ни одна сторона этого не скрывала". *) Если это свидѣтельство не доказательно для временнаго правительства, къ намѣреніямъ котораго украинскіе вожди относились съ чрезмѣрной подозрительностью, то оно вполнѣ доказательно для того лагеря, къ которому принадлежалъ самъ авторъ книги. Винниченко признаетъ, что сторонники украинской самостоятельности извлекли, прежде всего, выгоды и изъ той самой „инструкціи", которая имъ не нравилась: „Инструкція имѣла для насъ", говоритъ онъ, „много положительныхъ элементовъ. Это была, прежде всего, первая опора нашей „законной", юридически-правовой государственности; а эта „законность" имѣла громадное психологическое значеніе для широкихъ круговъ малоосвѣдомленнаго, забитаго, привыкшаго ко всякой — „законности" обывателя... Инструкція съиграла громадную агитаціонную, пропагандистскую роль". Ея отрицательныя стороны — и, особенно, ограниченіе территоріи Украйны — по утвержденію Винниченко дали толчекъ „національной активности", развивавшейся теперь

*) Видродження нацiї ч. II. Киівъ—Видень, 1920.

подъ лозунгомъ „единой, нераздѣльной Украйны“. И Генеральный Совѣтъ „только въ одномъ направленіи считалъ свою дѣятельность продуктивной: какъ можно скорѣе развязать себѣ руки“. Онъ „рѣшительно сталъ на путь расширенія, какъ своей компетенціи, такъ и объединенія всѣхъ отрѣзанныхъ губерній со всей Украйной“.

Мы говорили о связи „Союза вызволенія Украйны“, съ заграницей (вып. первый, 149—154). Заграничное вліяніе продолжаетъ чувствоваться и въ этотъ періодъ. Издававшаяся въ Лозаннѣ украинская газета „L'Ukraine“ открыто высказывала очередные политическіе лозунги. Свобода Украйны соединялась здѣсь съ освобожденіемъ отъ ленинцевъ и съ энергической защитой славянъ отъ германизма, отъ которой, подъ вліяніемъ „ленинскаго гипноза“, отказывалась „Московія“. Газета отмѣчала, что Ленинъ имѣетъ вліяніе только у великороссовъ, тогда какъ у другихъ народовъ Россіи: поляковъ, украинцевъ, латышей, армянъ, евреевъ, его идеи встрѣчаютъ патріотическій отпоръ. „Если только Московія не одумается“, грозила „L'Ukraine“, и не возьметъ снова въ свои руки защиту славянъ противъ Германской Имперіи, то не можетъ быть болѣе вопроса о правѣ великороссовъ представлять славянскіе народы и играть среди нихъ первенствующую роль. Эта роль, естественно, выпадаетъ на долю самаго крѣпкаго ядра въ группѣ государствъ, которыя должны будутъ образовать федерацію. Если великороссы будутъ продолжать обнаруживать неисправимость, то да будетъ позволено украинцамъ требовать больше, чѣмъ автономію, и стремиться къ возвеличенію скипетра великихъ князей Кіевскихъ, выскользнувшаго изъ рукъ царей московскихъ и петроградскихъ“.

Характернымъ шагомъ къ закрѣпленію этой идеологіи, несомнѣнно навѣянной заграничной агитаціей, былъ созывъ въ Кіевѣ представителей народовъ и областей Россіи, домогающихся федеративнаго строя. Находясь съ одной стороны, въ преемственной связи съ пропагандой „автономистовъ-федералистовъ“ временъ первой Гос. Думы, съѣздъ народностей въ Кіевѣ, съ другой стороны, являлся несомнѣннымъ продолженіемъ такихъ же попытокъ, дѣлавшихся во время войны за-границей при участіи и денежной поддержкѣ Германіи. Въ частности, непосредственнымъ предшественникомъ съѣзда народностей въ Кіевѣ былъ конгрессъ народностей въ Лозаннѣ, лѣтомъ 1916 г., на которомъ направляющая рука германцевъ была очень замѣтна.

На Кіевскій съѣздъ 10—15 сентября съѣхалось около 100 делегатовъ (ихъ нихъ голоса 86-ти были признаны дѣйствительными) отъ эстонцевъ, латышей, литовцевъ, поляковъ, евреевъ, бѣлоруссовъ, украинцевъ, молдаванъ, грузинъ, крымскихъ татаръ, закавказскихъ тюрковъ, бурятъ, киргизъ; были представители нѣскольких мусульманскихъ военныхъ комитетовъ; были и представители союза 12 казачьихъ войскъ. Армяне, якуты, башкиры, калмыки, горные народы Кавказа и Дагестана прислали привѣтствія и заранѣе присоединялись къ рѣшенію съѣзда. Само собой разумѣется, что представлены были лишь опредѣленныя политическія теченія среди всѣхъ этихъ народностей, и представлены зачастую довольно случайно. Характерно, что правительство, или, лучше сказать, Керенскій (это было при „директоріи"), — отнесся къ съѣзду положительно и послалъ на него своего делегата, М. А. Славинскаго, — тогда еще умѣреннаго украинца и сотрудника „Вѣстника Европы". Славинскій передалъ съѣзду, что правительство считается съ „сильными и мощными ростками" автономіи на Кавказѣ, въ Сибири, Эстоніи, Латвіи, а также и среди казаковъ, но не считаетъ себя вправѣ до Учредительнаго Собранія провозглашать федеративный строй, „не препятствуя, однако, работать на мѣстахъ для созданія этого строя". Оно уже создало особое совѣщаніе по выработкѣ областного самоуправленія подъ предсѣдательствомъ самого Славинскаго; послѣдній сообщилъ, что это особое совѣщаніе „считаетъ своей задачей войти въ контактъ со всѣми народностями и областями Россіи, чтобы учесть всѣ ихъ автономно-федералистическія стремленія" и внести соотвѣтственный законопроектъ въ Учредительное Собраніе. Избранный почетнымъ предсѣдателемъ проф. Грушевскій въ своемъ вступительномъ словѣ связалъ автономно-федеративную идею съ Кіевомъ, какъ „очагомъ" этой идеи, и указалъ, что среди украинцевъ федеративная идея никогда не умирала. Петлюра, предсѣдатель украинскаго войскового комитета („военный министръ") остановился на необходимости созданія украинскаго національнаго войска, какъ „для защиты своей земли", такъ и для того, чтобы голосъ украинцевъ былъ услышанъ въ Учредительномъ Собраніи. Въ полномъ согласіи съ приведенной статьей L'Ukraine, Петлюра заявилъ, въ заключеніе, что Россія на краю пропасти и спасти ее можетъ только обращеніе къ живымъ источникамъ бодрой силы отдѣльныхъ народностей. Въ принятыхъ съѣздомъ резолюціяхъ признавалась необходимость переустройства Россіи на федеративныхъ основа-

ніяхъ съ раздѣленіемъ ея на автономно-федеративные штаты съ обще-федеральнымъ органомъ, въ задачи котораго входитъ не только внѣшнее, но и внутреннее объединеніе. Для осуществленія этого переустройства съѣздъ указалъ два пути: внутренняя работа народовъ и рѣшенія мѣстныхъ Учредительныхъ Собраній, съ одной стороны, и объединенная работа, въ сотрудничествѣ съ органами временнаго правительства, съ участіемъ въ послѣднихъ представителей народовъ, съ другой.

Дальше этой черты рѣшенія съѣзда не шли. И грузину Бараташвили, который объявилъ было, что Грузія уже не можетъ удовлетвориться республиканско-федеративнымъ строемъ Россіи и скоро скажетъ свое слово о самостоятельности, пришлось взять свои слова назадъ. Вотъ характерный эпизодъ того же рода. „Кіевская Мысль“ перепечатала изъ „Вѣстника Союза Освобожденія Украины“ привѣтственную телеграмму австрійскому генералу Пухало по поводу его „блестящихъ побѣдъ на родной землѣ украинскаго князя Любарта и борца за независимость Украины великаго князя Свидригайла“, съ пожеланіемъ „дальнѣйшаго побѣднаго напора славной австро-венгерской арміи на самое сердце Украйны, Кіевъ, во славу его величества императора Франца-Іосифа“. Телеграмма была подписана Владиміромъ Дорошенко „за президіумъ союза освобожденной Украины“. Наши украинцы поспѣшили пояснить по этому поводу, что этотъ Дорошенко не имѣетъ ничего общаго съ Д. Дорошенко, правительственнымъ комиссаромъ. Такимъ образомъ, оффиціально — самостійническія заявленія не допускались. Но въ частныхъ откровенныхъ заявленіяхъ украинскихъ дѣятелей часто признавалось, что федерація есть для нихъ только этапъ къ полной независимости.

Какъ бы то ни было, украинская дѣйствительность далека была даже и до федераціи, и украинцы воспользовались демократическимъ совѣщаніемъ, чтобы оффиціально и публично предъявить свои ближайшія требованія. Въ концѣ засѣданія 17-го сентября, при пустынномъ залѣ и среди ироническихъ восклицаній присутствовавшихъ, делегатъ украинской рады Поршъ прочелъ свой наказъ. Онъ жаловался, что правительство ничего не сдѣлало по вопросамъ національнымъ. Онъ заявилъ, что національности больше не желаютъ ждать своего раскрѣпощенія и готовы „вступить на путь активной борьбы“, что онѣ требуютъ отъ правительства теперь же, не дожидаясь Учредительнаго Собранія, признанія за всѣми націями права „ничѣмъ не ограниченнаго самоопредѣленія“

и созыва мѣстныхъ учредительныхъ собраній, а по отношенію къ Украинѣ — пересмотра инструкціи генеральнаго секретаріата въ смыслѣ расширенія территоріи, признаваемой за украинскую, и расширенія административной компетенціи секретарей. *)

Если на Украинѣ вообще не ждали рѣшенія русскаго правительства, чтобы перейти къ „активной борьбѣ", то послѣ недружелюбной встрѣчи на демократическомъ совѣщаніи эта тенденція еще усилилась. Еще 1-го Сентября правительство утвердило, по представленію рады, тѣхъ генеральныхъ комиссаровъ, которые были признаны „инструкціей": финансовъ (Винниченко), національныхъ дѣлъ (А. Шульгинъ), ген. контролера (Зарубинъ), просвѣщенія (Стешенко), ген. писаря (Лотоцкій), земледѣлія (Савченко-Бѣльскій) и комиссара по дѣламъ Украины при врем. правительствѣ (Стебницкій). Но вопросъ о передачѣ генеральному секретаріату вѣдомствъ, имѣвшихъ общегосударственный характеръ, остался открытымъ. Комиссары по продовольственному дѣлу, путямъ сообщенія, почтъ и телеграфовъ, судебному и военному дѣлу остались неутвержденными. Послѣднее было особенно непріятно украинцамъ. „Украинскій войсковой комитетъ" признавался правительствомъ — и его представителемъ въ Кіевѣ, командующимъ войсками округа К. М. Оберучевымъ—за учрежденіе частное. Между тѣмъ этотъ комитетъ уже давно приступилъ къ явочнымъ дѣйствіямъ, — къ укомплектованію первыхъ украинскихъ войсковыхъ частей. Оберучевъ противился этому, находя, что это было бы „явнымъ узаконеніемъ скопленія дезертировъ и самовольно отлучившихся солдатъ". Войсковой комитетъ задерживалъ въ Кіевѣ эшелоны, предназначенные для укомплектованія юго-западнаго фронта и Оберучевъ оффиціально заявлялъ, что вслѣдствіе произведенной комитетомъ путаницы онъ не имѣлъ возможности посылать фронту подкрѣпленія во время іюньскихъ и іюльскихъ боевъ. А. Ф. Керенскій запретилъ украинизацію войскъ, но это не помѣшало генеральному комитету, дѣйствуя мимо Оберучева, добиваться непо-

*) Другіе пункты наказа выставляли требованіе однороднаго соціалистическаго министерства, „отвѣтственнаго передъ демократіей всѣхъ народовъ Россіи", Государственнаго и областного контроля надъ производствомъ и распредѣленіемъ, уничтоженія тайныхъ договоровъ и открытія мирныхъ переговоровъ не дожидаясь союзниковъ и т. д. Пунктъ о власти мѣстныхъ органовъ былъ выраженъ въ наказѣ, повидимому, рѣзче, чѣмъ онъ былъ изложенъ Поршемъ въ засѣданіи. Требовалась передача всей власти на Украйнѣ въ руки Рады и секретаріата на основѣ статута, отвергнутаго временнымъ правительствомъ при составленіи „инструкціи".

средственно отъ Керенскаго ряда частичныхъ разрѣшенiй и указовъ, которые вели къ тому же. Противъ Оберучева, какъ противника украинизацiи, началась систематическая кампанiя. Дѣло дошло до того, что 20-го Октября командиръ 2-го батальона 1-го украинскаго запасного полка отказался подчиниться приказу начальника военнаго округа о переводѣ въ другое мѣсто, сославшись на постановленiе батальоннаго комитета, что этотъ переводъ (въ Черниговъ) свидѣтельствуетъ о враждебномъ отношенiи Оберучева къ украинскимъ войскамъ. Тогда Оберучевъ, не допуская подобнаго двоевластiя, подалъ въ отставку. Правда, въ отвѣтъ Керенскiй выразилъ ему довѣрiе и просилъ остаться. Но это не измѣнило положенiя. Послѣ повторной просьбы объ отставкѣ Оберучевъ былъ замѣненъ 17-го Октября боевымъ генераломъ Квицинскимъ.

Вслѣдъ за армiей была сдѣлана попытка „украинизировать" флотъ. Здѣсь также непослѣдовательное поведенiе Керенскаго оказало услугу украинцамъ. 12-го сентября въ Севастополѣ былъ объявленъ приказъ Керенскаго объ „украинизацiи" „Свѣтланы". Тогда, подъ влiянiемъ слуховъ о благосклонномъ отношенiи верховнаго главнокомандующаго къ вопросу объ украинизацiи, украинскiй воинскiй комитетъ рѣшилъ украинизировать весь Черноморскiй флотъ. И весь флотъ украсился украинскими флагами и выбросилъ сигналъ: „Хай живе вiльна Украина". Черноморская украинская рада постановила (15-го сентября) считать весь черноморскiй флотъ украинскимъ и пополнять его въ будущемъ только жителями Украины.

Такъ шло дѣло до демократическаго совѣщанiя и до собранiя третьяго коалицiоннаго кабинета, при „директорiи". Когда съ новой коалицiей правительство окрѣпло, сразу же почувствовалась въ отношенiи къ украинскимъ претензiямъ новая нота. И украинцы ее сейчасъ же замѣтили. Въ Кiевѣ уже готовились опубликовать „третiй универсалъ". Теперь рѣшено было (27-го сентября), что право изданiя универсаловъ надо предоставить общему съѣзду рады, а пока ограничиться воззванiемъ и оглашенiемъ декларацiи отъ секретарiата. Въ обоихъ этихъ документахъ, опубликованныхъ 30-го сентября, секретарiатъ пошелъ гораздо дальше всего, что было правительствомъ до сихъ поръ уступлено. Въ воззванiи секретарiатъ объявлялъ себя „высшимъ органомъ власти края", „избраннымъ и поставленнымъ волей и словомъ революцiоннаго парламента украинскаго народа и украинской центральной рады, въ полномъ согласiи съ правительствомъ революцiоннаго всероссiй-

скаго народа". „Мы, секретаріатъ Украины, говорилось далѣе, руководясь этимъ неписаннымъ закономъ всѣхъ демократій Украины, готовимъ край нашъ къ автономной жизни и къ федераціи республики россійской". Въ „деклараціи", излагавшей программу украинскаго правительства, Украина объявлялась „равноправнымъ государственнымъ тѣломъ съ единой, федеративной россійской республикой." Но изъ дальнѣйшаго выяснилось, что Украина требуетъ больше, чѣмъ просто быть „равноправнымъ членомъ федераціи", вродѣ штата Сѣв. Америки. „Декларація" обѣщала выхлопотать Украинѣ отдѣльное представительство на мирной конференціи, т. е. надѣлить Украину правами сувереннаго государства, не связаннаго никакимъ союзомъ. Далѣе, проектировалось созданіе украинскаго учредительнаго собранія, т. е. создавался другой признакъ суверенности. Подъ предлогомъ „борьбы съ безчинствующими и разбойничающими элементами" санкціонировалось украинское „вольное казачество", уже возникшее „силой самой жизни", какъ средство самообороны органовъ мѣстнаго самоуправленія. Въ соціальномъ отношеніи секретаріатъ обѣщалъ „пересозданіе соціальнаго устройства народовъ Россіи" въ „крестьянской и пролетарской федеративной республикѣ". Украина получала собственный бюджетъ и новые финансовые рессурсы въ „повышеніи обложенія имущихъ классовъ населенія". „Національный украинскій банкъ" становился на мѣсто отдѣленій Государственнаго Банка. Конечно, территорія Украины расширялась за предѣлы пяти губерній, условленныхъ съ временнымъ правительствомъ, и административная власть въ полномъ составѣ и по всѣмъ вѣдомствамъ переходила къ секретаріату. Въ частности, по военнымъ дѣламъ къ Украинѣ переходила вся власть надъ арміей, включая назначенія и отставку военныхъ чиновъ на территоріи Украины въ украинскихъ войсковыхъ частяхъ. Центральная („малая") рада всѣми 24 голосами противъ одного голоса к. д. одобрила декларацію и потребовала отъ секретаріата немедленнаго непоколебимаго проведенія въ жизнь означеннаго въ деклараціи минимума поставленныхъ передъ Украиной ходомъ революціи задачъ переходнаго характера, при одновременномъ расширеніи и углубленіи ихъ до выполненія всѣхъ задачъ революціи въ полномъ объемѣ". Яснѣе нельзя было сказать, что теперь уже вся рада считаетъ „максимумомъ", выполненія котораго надо добиваться, пользуясь революціей и опираясь на собственную армію и на вольное казачество, — идеалъ украинской „самостійности". Въ воз-

званіяхъ „союза украинской государственности", возникшаго по примѣру польскаго, эта цѣль вовсе и не скрывалась. На 29 Октября намѣчена была пленарная сессія центральной рады, которая и должна была рѣшить всѣ основные вопросы — о мирѣ, объ Учредительномъ Собраніи и о присоединеніи внѣавтономныхъ частей Украины.

Такой размахъ дѣятельности секретаріата, въ связи съ самочинными распоряженіями въ военныхъ вопросахъ и съ новой попыткой поднять украинскій флагъ на судахъ черноморскаго флота, обратилъ, наконецъ, вниманіе возстановленнаго правительства третьей коалиціи на Украину. По докладу А. И. Коновалова (16-го октября) рѣшено было принять необходимыя мѣры. Министръ юстиціи П. Н. Малянтовичъ предложилъ прокурору кіевской судебной палаты немедленно произвести строжайшее разслѣдованіе о дѣйствіяхъ рады и секретаріата, какъ органа государственной власти, члены котораго назначаются временнымъ правительствомъ. Морской министръ Вердеревскій тогда же послалъ центральной радѣ телеграмму, въ которой заявлялъ, что „поднятіе другого флага, кромѣ военнаго, на судахъ черноморскаго флота, который является флотомъ россійской республики и содержится на средства государственнаго казначейства, является недостойнымъ актомъ сепаратизма". 17-го сентября правительство пригласило телеграммой Винниченко, Стешенко и Зарубина прибыть въ Петроградъ для выясненія позиціи рады въ вопросѣ объ Учредительномъ Собраніи. Ихъ пріѣздъ ожидался 19-го. Въ то же время предположено было до выясненія вопроса не посылать секретаріату очередного кредита въ 300.000 р.

Нѣсколькими днями раньше кіевскій комитетъ партіи с. р. осудилъ „самостійныя" стремленія рады и отозвалъ своего министра Зарубина изъ комиссаріата. Еще раньше, по той же причинѣ, ушли изъ рады к. д., и 10-ый партійный съѣздъ одобрилъ этотъ шагъ своего областного комитета. Печать также относилась къ вожделѣніямъ рады и секретаріата неодобрительно.

Все это произвело впечатлѣніе на украинцевъ, и ихъ вожди забили отбой. *) Винниченко напечаталъ въ мѣстныхъ газетахъ

*) Какъ видно изъ книги Винниченка (Видр. націі, II. 59), украинскіе вожди ожидали болѣе крутыхъ мѣръ со стороны правительства. Они были увѣрены, что ихъ вызываютъ въ Петроградъ, чтобы тамъ арестовать, а въ Кіевѣ разогнать центральную раду быстрымъ и рѣшительнымъ нападеніемъ". Винниченко прибавляетъ:" ни ц. рада, ни ген. секретаріатъ, про эти планы

письмо, въ которомъ доказывалъ, что „суверенность учредительнаго собранія вовсе не предрѣшаетъ проявленія воли украинской демократіи въ сторону отдѣленія отъ Россіи и независимости". Въ засѣданіи комитета рады 18-го и 19-го октября Винниченко предъявилъ это письмо, подчеркнулъ признаваемое декларацiей „единство россійской федеративной республики" и заявилъ, что законопроектъ о созывѣ украинскаго учредительнаго собранія будетъ представленъ на утвержденіе временнаго правительства. Вопросъ о суверенности былъ предметомъ бурныхъ преній и раскололъ собраніе. Въ концѣ концовъ, „малая" рада приняла по этому вопросу голосами всѣхъ украинскихъ фракцій компромиссную формулу, которая все же не удовлетворила представителей россійской демократіи въ комитетѣ. „Вновь подчеркивая необходимость единства федеративной россійской республики", малая рада признавала, что воля народовъ на Украйнѣ къ самоопредѣленію можетъ быть выражена только черезъ Учредительное Собраніе Украйны и что, такимъ образомъ выраженная, воля народовъ Украины будетъ согласована съ волей всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, выраженной черезъ Всероссійское Учредительное Собраніе".

Этимъ и ограничились уступки. Винниченко, согласно постановленію рады, отказался ѣхать въ Петроградъ по вызову правительства. Самочинные шаги къ украинизаціи гражданскаго и военнаго управленія продолжались энергичнѣе прежняго. 21-го Октября въ Кіевѣ открылся третій всеукраинскій съѣздъ, члены котораго начали съ манифестаціи передъ памятникомъ Хмѣльницкаго. Рада протестовала противъ назначенія Квицинскаго и запретила войсковымъ частямъ исполнять его приказы. Настроеніе украинскихъ націоналистовъ было совершенно большевистское. На съѣздѣ, избравшемъ украинскій комитетъ западнаго фронта, было постановлено требовать отъ правительства немедленно приступить къ мирнымъ переговорамъ и заключить на всѣхъ фронтахъ перемиріе. При этомъ, такъ какъ „грозный часъ не ждетъ", центральная рада должна была, не ожидая отвѣта правительства,

---

не знали. Впослѣдствіи только выяснилось (?), что въ Петроградской тюрьмѣ были уже и камеры приготовлены для генеральныхъ секретарей". Скорѣе всего, эти опасенія свидѣтельствуютъ о настроеніи делегатовъ, въ особенности самаго Винниченка, не поѣхавшаго вмѣстѣ съ делегатами. Пріѣхала делегація „въ тотъ день, когда большевики уже обстрѣливали Зимній Дворецъ".

взять въ свои руки дѣло окончанія войны противъ „затягивающей эту бойню буржуазіи“. Правительственный комиссаръ докладывалъ, что въ этомъ постановленіи заключается прямой призывъ къ измѣнѣ. Онъ предлагалъ не утверждать фронтового комитета и не ассигновать ему средствъ. Не была утверждена правительствомъ и фронтовая украинская рада на юго-западномъ фронтѣ. Словомъ, ко времени выступленія большевиковъ (они готовились къ выступленію и въ Кіевѣ) Украина, несмотря на внѣшнія уступки, находилась въ открытомъ конфликтѣ съ временнымъ правительствомъ. Благополучно разрѣшился лишь конфликтъ съ черноморскимъ флотомъ, откуда комисаръ Шрейдеръ телеграфировалъ, что все дѣло сводится къ „недоразумѣнію“, ибо поднятіе украинскихъ флаговъ было приказано лишь на одинъ день, въ ознаменованіе торжества украинизаціи крейсера „Свѣтлана“.

Перечень затрудненій, съ которыми пришлось встрѣтиться третьей и послѣдней коалиціи, былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули здѣсь еще и о тѣхъ осложненіяхъ, которыя являлись послѣдствіями постоянно растущей требовательности въ соціальныхъ вопросахъ и растущаго распада управленія. *) Передъ самымъ сформированіемъ третьей коалиціи вотъ что пишутъ объ анархіи въ странѣ „Русскія Вѣдомости“ въ нумерѣ от 20-го Сентября. „По всей Россіи разлилась широкая волна безпорядковъ. Кіевъ, Бахмутъ, Орелъ, Тамбовъ, Козловъ, Ташкентъ, западъ и востокъ, центръ и окраины попеременчно или одновременно становятся ареной погромовъ и разнаго рода безпорядковъ. Въ однихъ мѣстахъ безпорядки возникаютъ на почвѣ продовольственныхъ затрудненій, въ другихъ толчокъ къ нимъ даетъ разгромъ солдатской толпой виннаго склада, въ третьихъ просто никто не въ состояніи отвѣтить на вопросъ, отчего возникли безпорядки. Городъ жилъ, казалось, мирной жизнью, но неожиданно толпа выходитъ на улицу и начинаетъ разбивать лавки, творить насилія надъ отдѣльными лицами, подвергать самосуду представителей администраціи, хотя бы эта администрація и была выборной. Стихійность и безсмысленность погромовъ ярче всего бросаются въ глаза, и эти особенности безпорядковъ больше всего затрудняютъ борьбу съ ними. Убѣждать, обращаться къ разуму и совѣсти? Но именно разумъ-то тутъ и отсутствуетъ, а совѣсть заснула крѣпкимъ

---

*) Подробнѣе мы вернемся къ внутреннему положенію Россіи въ четвертомъ выпускѣ „Исторіи“.

сномъ. Прибѣгать къ мѣрамъ репрессіи, къ содѣйствію вооруженной силы? Но именно эта вооруженная сила, въ лицѣ солдатъ мѣстныхъ гарнизоновъ, играетъ главную роль въ погромахъ... Всего двѣ недѣли назадъ военный министръ очень успокоительно говорилъ о положеніи дѣлъ въ Московскомъ военномъ округѣ, (восхваляя свои „демократическіе“ методы управленія имъ. П. М.), а за эти двѣ недѣли пришлось уже снаряжать спеціальныя военныя экспедиціи изъ Москвы для подавленія солдатскихъ безпорядковъ въ Орлѣ, Тамбовѣ, Козловѣ. Толпа въ худшемъ смыслѣ этого слова все болѣе выходитъ на улицу и начинаетъ чувствовать себя господиномъ положенія, не признавая надъ собой никакой власти. Иногда эта толпа выкидываетъ тѣ или иные большевистскіе лозунги, но по существу ее нельзя назвать даже большевистской или анархической. Просто толпа, какъ толпа: темная, глубоко невѣжественная, не признающая ничего, кромѣ грубо личныхъ интересовъ“.

Черезъ нѣсколько дней вновь сформированное правительство принялось за работу, и первое, съ чѣмъ оно столкнулось, это—тотъ же вопросъ объ анархіи въ странѣ. Въ засѣданіи 27-го сентября министръ внутреннихъ дѣлъ Никитинъ доложилъ, что, по сообщеніямъ съ мѣстъ, анархія, какъ въ городахъ, такъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ, продолжаетъ расти. Онъ также отмѣтилъ стихійный характеръ движенія, особенно опасный въ деревняхъ. Аграрные безпорядки, по его сообщенію, принимали въ большинствѣ случаевъ характеръ безсмысленнаго буйства, выражавшагося въ уничтоженіи усадебъ, запасовъ скота и т. д. Дѣйствительно, въ тѣ же дни оффиціозъ с. р.-овъ черновскаго оттѣнка, „Дѣло Народа“, напечаталъ сообщеніе партійной дѣятельницы, г-жи Слетовой, объ аграрныхъ безпорядкахъ въ Козловскомъ уѣздѣ, представляющее яркую иллюстрацію къ сообщенію Никитина. Въ уѣздѣ къ 18-му сентября было сожжено болѣе 30 имѣній, причемъ въ наиболѣе культурныхъ не оставлено камня на камнѣ. „Жгутъ и громятъ не только помѣщиковъ, но и крестьянъ, особенно хуторянъ и отрубниковъ. Одно село идетъ на другое или изъ за дѣлежки, или изъза отказа идти громить“. Крестьяне умоляютъ прислать имъ помощь, защитить ихъ. Понемножку присылаютъ солдатъ, которые присоединяются къ погромщикамъ . . . . . . Теперь присланы казаки въ Козловъ. Ихъ появленіе даже самыми крайними встрѣчено съ радостью“. Но противъ нихъ, продолжаетъ Слетова, „кѣмъ то ведется агитація среди солдатъ. Жалко и скверно видѣть, какъ

при одномъ приближенiи казаковъ все пригнулось, а теперь противъ нихъ страшная злоба, хотя они только разъѣзжали, никого не трогая". Что же дѣлають партiйные работники противъ этой агитацiи? „Горсточка мѣстныхъ партiйныхъ работниковъ, не демагоговъ", — отвѣчаетъ Слетова, „выбивается изъ силъ, но ихъ до смѣшного мало . . . Необходимо поѣхать на мѣста влiятельнымъ представителямъ партiи и исп. комитета . . . Но . . . попробовала я, было, поговорить кое-съ-кѣмъ, просила дать мнѣ внѣ очереди сдѣлать заявленiе на засѣданiи. Подождите, отмахнулись отъ меня, — у насъ важный вопросъ: требуютъ два новыхъ мѣста въ президiумъ; надо сперва съ этимъ покончить". Итакъ, въ Козловѣ, — какъ въ Петроградѣ и какъ повсюду, — партiйные споры за преобладанiе мѣшаютъ примѣненiю власти, и средство превращается въ цѣль саму по себѣ.

Очень яркимъ примѣромъ, какъ эксплуатировали сами „демократическiя организацiи" возраставшее безсилiе правительства, является исторiя съ желѣзнодорожной забастовкой и съ требованiями „Центрофлота". Тотъ и другой конфликтъ не случайно совпали съ днями кризиса правительственной власти. Они закончились послѣ возстановленiя кабинета, — но закончились вынужденными компромиссами, на которые правительство принуждено было пойти въ ущербъ интересамъ государственнаго казначейства и собственному авторитету.

Общая желѣзнодорожная забастовка грозила давно, начиная съ Мая. Къ угрозѣ этой забастовкой желѣзнодорожники прибѣгали не разъ, требуя увеличенiя своихъ складовъ. Прибавки, намѣченныя такъ наз. комиссiей Плеханова, считались съ соображенiями государственной экономiи. Желѣзнодорожниковъ эти прибавки не удовлетворили, тѣмъ болѣе, что дороговизна продовольствiя продолжала расти. Всероссiйскiй желѣзнодорожный съѣздъ, закончившiйся 25-го августа, вошелъ въ новые переговоры съ министерствомъ путей сообщенiя, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, снова нависла угроза забастовки. П. П. Юреневу съ большими трудностями удалось отсрочить забастовку, когда началось Корниловское движенiе. Въ борьбѣ съ этимъ движенiемъ, при замѣстителѣ Юренева, А. В. Ливеровскомъ, желѣзнодорожникамъ удалось съиграть большую политическую роль. Не даромъ Корниловъ считалъ нужнымъ заслужить ихъ благоволенiе, пославъ имъ незадолго до возстанiя сочувственную телеграмму, въ которой признавалъ ихъ заслуги и право на увеличенiе матерiальнаго вознагражденiя. Не допустивъ

Корниловскіе эшелоны доѣхать во время до Петрограда, желѣзнодорожники разстроили весь планъ Корнилова и существенно содѣйствовали его пораженію. Это, несомнѣнно, очень повысило политическое самочувствіе ихъ центральной организаціи. Знаменитый отнынѣ „Викжель“ (всероссійскій исполнительный комитетъ желѣзнодорожнаго союза) выдвигается впередъ въ ряду тѣхъ главныхъ „демократическихъ организацій“, съ которыми правительство принуждено было считаться, какъ съ вліятельными факторами внутренней политики. И тотчасъ же послѣ ликвидаціи Корниловскаго выступленія „Викжель“ рѣшаетъ заставить правительство почувствовать и признать свою силу.

Въ ночь на 7-е сентября исполнительный комитетъ союза въ полномъ составѣ выѣхалъ въ Петроградъ для предъявленія правительству требованій, санкціонированныхъ угрозой забастовки. Онъ засталъ въ Петроградѣ новую комиссію по вопросу о пересмотрѣ нормъ оплаты желѣзнодорожнаго труда, подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ труда Гвоздева. Не удовлетворившись слишкомъ, по его мнѣнію, обширной и неопредѣленной задачей этой комиссіи, „Викжель“, „считая желѣзнодорожный союзъ организаціей демократической“, вступилъ въ прямыя сношенія съ исполнительнымъ комитетомъ совѣта р. и с. д. и получилъ тамъ признаніе. Его ввели, вмѣстѣ съ представителями бюро исп. комитета совѣта и всероссійскаго совѣта профессіональнаго союза, въ составъ совѣщанія, которое въ три дня должно было разрѣшить вопросъ о „тяжеломъ матеріальномъ положеніи и голодномъ существованіи желѣзнодорожниковъ“. Бюро гарантировало при этомъ „Викжелю“ всемѣрную поддержку передъ временнымъ правительствомъ рѣшеній этой комиссіи. Произведя нѣкоторыя уменьшенія ставокъ, комиссія передала свои рѣшенія въ правительственную комиссію Гвоздева, на окончательное рѣшеніе въ семидневный срокъ. Отъ правительства „Викжель“ ожидалъ простого утвержденія результатовъ работъ Гвоздевской комиссіи. Но правительство, обсудивъ вопросъ 19-го сентября (т. е. въ моментъ своего распада), рѣшило сообразить предварительно новый расходъ, падавшій на казну въ случаѣ принятія прибавокъ, съ изысканіемъ новаго источника дохода путемъ увеличенія пассажирскихъ и грузовыхъ тарифовъ, а также съ возможностью облегчить расходъ, организовавъ продовольствіе желѣзнодорожниковъ натурой. Эти вопросы должны были быть разсмотрѣны въ новой комиссіи министровъ под предсѣдательствомъ Ливеровскаго. „Такая

передача уже рѣшеннаго вопроса въ новую комиссію", констатируетъ „Викжель", „вызвала естественный взрывъ негодованія среди желѣзнодорожниковъ на мѣстахъ". Судя по разногласіямъ „на мѣстахъ", обнаружившимся позднѣе, это было не совсѣмъ такъ. Но центральный комитетъ во всякомъ случаѣ рѣшилъ воспользоваться телеграммами съ мѣстъ, „что голодные желѣзнодорожники не могутъ больше ждать", и сдѣлать рѣшительный шагъ. Предоставимъ здѣсь слово самому „Викжелю".

„Побуждаемый массами и ясно сознавая, что забастовки на отдѣльныхъ дорогахъ, предоставленныя сами себѣ, приведутъ къ полному разстройству транспорта и внесутъ полный хаосъ въ экономическую жизнь страны, прекратятъ подвозъ продовольствія въ города и на фронты, породятъ голодные бунты и приведутъ къ полной гибели страну и революцію, ц. и. к. в. ж. союза, повинуясь велѣнію долга, вынужденъ былъ взять въ свои руки руководство желѣзнодорожной забастовкой въ цѣляхъ внесенія въ ея теченіе планомѣрности, для того, чтобы отъ этой борьбы не пострадало населеніе страны и народная армія". Впослѣдствіи, объявляя окончаніе забастовки, Викжель, правда, выставилъ менѣе возвышенные мотивы. „Наша задача сводилась къ тому, чтобы добиться наиболѣе полнаго удовлетворенія выставленныхъ нами требованій съ наименьшими для страны и арміи жертвами". Онъ признавалъ и то, что такъ рискованно постановленная задача не вызывала общаго сочувствія „демократіи". „Затягивать забастовку въ настоящій—исключительно тяжелый для страны—моментъ", заявлялъ Викжель 26-го сентября, „крайне опасно для революціи и всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза. *Желѣзнодорожники рискуютъ остаться въ одиночествѣ безъ поддержки всей остальной демократіи*". Итакъ, Викжель отлично зналъ, чѣмъ рисковалъ самъ и чему подвергалъ страну: но уступилъ онъ лишь передъ дальнѣйшимъ рискомъ для самого себя, а не для страны. Во всякомъ случаѣ, онъ расчиталъ вѣрно и точно: правительство, „въ исключительно тяжелый для страны моментъ", не могло сопротивляться. Оно уступило какъ разъ тогда, когда дальнѣйшее сопротивленіе становилось „крайне опасно"— для самого Викжеля.

Здѣсь впервые выступила „демократическая организація", откинувшая привычки россійской интеллигенціи и научившаяся дѣйствовать въ практическихъ вопросахъ практически, безъ промаха — по американски. Для исторіи слѣдуетъ сберечь имена этихъ

иниціаторовъ новаго періода русской политической тактики, тѣмъ болѣе, что ни въ какомъ другомъ отношеніи имена эти неизвѣстны русской общественности. Это были: предсѣдатель стачечнаго комитета Викжеля А. Чаръ, товарищъ предсѣдателя Федотовъ, секретарь Афанасьевъ и члены Баканчиковъ, Ильичевъ, Добытинъ, Кравецъ, Шехановъ и Магитскій.

Правительство сдалось не сразу. Забастовка была объявлена — съ полуночи на 24-го Сентября для поѣздовъ прямого сообщенія, съ полуночи на 27-е для мѣстнаго сообщенія и съ полуночи на 29-е — полная за исключеніемъ санитарныхъ и воинскихъ поѣздовъ, продовольственныхъ и воинскихъ грузовъ. Керенскій 21-го сентября объявилъ, что правительство „втеченіе ближайшихъ дней установитъ новыя нормы заработной платы", хотя и считаетъ своимъ долгомъ предварить, что осуществленіе этихъ нормъ возможно лишь при немедленномъ повышеніи желѣзнодорожныхъ тарифовъ, за полной невозможностью отнести этотъ новый расходъ на средства казны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ министръ-предсѣдатель заявлялъ также, что „никакихъ колебаній, никакихъ потрясеній правильной работы желѣзныхъ дорогъ врем. правительство допустить не можетъ, такъ какъ это грозитъ неисчислимыми бѣдствіями для арміи и населенія большихъ городовъ и явится тяжкимъ преступленіемъ противъ родины и арміи". Поэтому Керенскій „выражалъ надежду, что временному правительству не придется принимать тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя, по закону, полагаются за неисполненіе во время войны распоряженій желѣзнодорожныхъ властей", ибо онъ „увѣренъ, что желѣзнодорожники въ эти дни тяжкихъ испытаній не измѣнятъ родинѣ". Еще болѣе рѣшительнымъ тономъ написана телеграмма министра почтъ и телеграфа Никитина от 22-го сентября: „Призывъ къ пріостановленію желѣзнодорожнаго движенія", напоминалъ и онъ, „есть наказуемое по закону преступленіе, равное измѣнѣ родинѣ. Всѣ граждане призываются къ защитѣ родины отъ новаго удара, подобнаго Корниловскому заговору. Предписываю задерживать всѣ телеграммы явно преступнаго содержанія и сообщать о нихъ мнѣ.

Увы, несмотря на эти предупрежденія, забастовка была всетаки объявлена на 24-е. Керенскій получилъ за подписью Магитскаго гнѣвный и строгій отвѣтъ: „желѣзнодорожники никогда не были и не будутъ измѣнниками родинѣ и революціи, и вамъ, товарищъ Керенскій, это извѣстно лучше, чѣмъ кому либо другому (намекъ на услуги во время корниловскаго движенія)".

Но „безумная игра министерства путей сообщенія привела желѣзнодорожниковъ въ состояніе взбаламученнаго моря. . . Иниціатива идетъ не отъ насъ, а отъ широкихъ массъ. Товарищъ Керенскій, мы исчерпали всѣ мѣры. Слово за временнымъ правительствомъ.. Отвѣтственность за грозныя событія не на насъ, а на тѣхъ, кто шесть мѣсяцевъ игралъ терпѣніемъ голодныхъ желѣзнодорожниковъ". Съ Никитинымъ у почтово-телеграфнаго союза произошелъ открытый конфликтъ, такъ какъ исполнительный комитетъ союза, вопреки телеграммѣ министра, призналъ мотивы Викжеля „серьезными и вполнѣ справедливыми" и распорядился „телеграммы органовъ желѣзнодорожнаго союза передавать безпрепятственно". Никитинъ отвѣтилъ на это распоряженіемъ — телеграмму и. к. почтово-телеграфнаго союза задержать, а самый и. к. „считать присоединившимся къ противогосударственному движенію", и грозилъ „порвать съ союзомъ всякія отношенія". Въ отвѣтъ на это ц. к. и собраніе служащихъ министерства почтъ „разъяснили", что забастовку они считаютъ „несвоевременной", но, тѣмъ не менѣе, „не могутъ допустить, чтобы члены почтово-телеграфнаго союза служили оружіемъ, направленнымъ противъ родственной имъ профессіональной организаціи". „Категорически протестуя противъ сравненія экономической забастовки съ корниловщиной", члены союза признали „единственно-пріемлемой — строго нейтральную позицію" и осудили одинаково, какъ „провокаторскіе слухи о возможности почтово-телеграфной забастовки", такъ и „попытки помѣшать сношеніямъ желѣзнодорожныхъ организацій и нарушить планомѣрность забастовки" Викжеля. Съ своей стороны, Викжель внушительно напоминалъ Никитину, — въ этомъ собственно и заключалась политическая сущность пробы силъ, начатой отъ имени „голодающихъ желѣзнодорожниковъ", — что его телеграмма „есть призывъ къ разгрому демократическихъ организацій, ибо армія желѣзнодорожныхъ тружениковъ есть часть общей демократіи, и ц. к. ж. союза въ этой забастовкѣ пользуется поддержкой московскихъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ". „Впрочемъ, пренебрежительно прибавлялъ Викжель, ваше отношеніе къ выдвинувшимъ васъ и поставившимъ въ ряды правительства совѣтамъ всѣмъ извѣстно, ... а потому мы разсматриваемъ вашу телеграмму, какъ произведеніе провокаціонной литературы и даемъ вамъ отвѣтъ исключительно для освѣщенія вопроса въ глазахъ демократіи и всего населенія".

Правительство немедленно пошло на уступки. Въ засѣданіяхъ

24 и 25 сентября былъ выработанъ и немедленно переданъ по прямому проводу въ ц. к. желѣзнодорожнаго союза въ Москву правительственный декретъ, которымъ нормы оплаты устанавливались вдвое выше Плехановскихъ, хотя и нѣсколько ниже Гвоздевскихъ. За то желѣзнодорожники получали исключительныя льготы въ дѣлѣ продовольствія. Ихъ продовольственные комитеты получали независимость отъ губернскихъ, въ случаѣ неполученія ими втеченіе трехъ недѣль продуктовъ получали право производить собственныя закупки и перевозить ихъ въ первую очередь; наконецъ, въ случаѣ необходимости, они получали продовольствіе изъ интендантскихъ складовъ. Новая денежная жертва, возложенная на казну правительствомъ, равнялась 760 милліонамъ въ годъ, и на конецъ 1917 г. было немедленно ассигновано 235 милліоновъ.

Викжель все-таки былъ недоволенъ. По откровенному заявленію А. Я. Чара, онъ обращался къ правительству не только съ экономическими, но также и съ чисто-правовыми требованіями, касавшимися признанія правъ самого Викжеля; а о нихъ декретъ не упоминалъ ни однимъ словомъ. Викжель требовалъ признанія желѣзнодорожнаго союза правомочнымъ органомъ при окончательной выработкѣ условій соглашенія съ правительствомъ, немедленнаго распоряженія министерства объ установленіи 8-ми часоваго рабочаго дня повсемѣстно, наконецъ, „хотя бы принципіальнаго согласія“ на „демократизацію состава Центральнаго Управленія“. Экономическія уступки тоже признавались недостаточными. Но тутъ Викжель соглашался ждать рѣшенія новаго, экстренно созваннаго, желѣзнодорожнаго съѣзда. Выѣхавшая изъ Петрограда еще наканунѣ делегація Викжеля получила соотвѣтственныя инструкціи.

Послѣдовали новые переговоры, на этотъ разъ при особомъ участіи военнаго министра Верховскаго, къ которому делегація была послана непосредственно. Къ правительству въ Зимній Дворецъ явились представители совѣта р. и с. д., Чхеидзе, Гоцъ и Крупинскій, представитель профессіональныхъ союзовъ, большевикъ Рязановъ, вмѣстѣ съ делегаціей Викжеля, и предложили правительству немедленно издать дополненія къ декрету, текстъ которыхъ былъ предварительно ими выработанъ на засѣданіи въ Смольномъ. Министръ Ливеровскій категорически заявилъ, что денегъ правительство больше дать не можетъ, но призналъ неупоминаніе о правахъ Викжеля результатомъ простой поспѣшности и обѣщалъ образовать спеціальную комиссію для точной норми

ровки рабочаго дня при равномъ участіи Викжеля и министерства. Съ этими объясненіями правительство приняло дополненія къ декрету и опубликовало ихъ. Викжель получилъ формальное признаніе. Правительство обязалось привлекать его къ участію „во всѣхъ пунктахъ, гдѣ требуется соглашеніе съ другими вѣдомствами или разработка инструкцій“. Послѣ этого онъ могъ объявить по союзу: „намъ удалось достигнуть болѣе или менѣе значительныхъ результатовъ . . . Желѣзнодорожники въ своей борьбѣ проявили максимумъ государственной мудрости и наивысшее напряженіе силъ. . . Для выработки формъ дальнѣйшей борьбы мы рѣшили созвать на 15 октября чрезвычайный съѣздъ“. Теперь же, „опасаясь, чтобы только что народившійся желѣзнодорожый союзъ въ этой тяжелой, гигантской борьбѣ не былъ разрушенъ навсегда и не оказался въ полномъ одиночествѣ, ц. и. к. в. ж. союза призналъ необходимымъ всероссійскую забастовку прекратить“. Это и было сдѣлано телеграммами по всей сѣти желѣзныхъ дорогъ: съ полуночи на 27-го сентября желѣзнодорожное движеніе возобновилось въ полномъ объемѣ. Новая „демократическая организація“ получила свое политическое крещеніе и ознаменовала свое равноправіе съ другими принятіемъ сокращеннаго имени „Викжеля“.

Инцидентъ съ другой „демократической организаціей“, съ ц. к. всероссійскаго военнаго флота при ц. и. к. с. р. и с. д., или какъ сокращенно звучало это длинное названіе, съ „Центрофлотомъ“, производитъ еще болѣе гнетущее впечатлѣніе. Конфликтъ возникъ здѣсь изъ-за совершеннаго пустяка, но „демократическая организація“ проявила при этомъ такое гипертрофированное чувство собственнаго достоинства и такое неумѣніе охранить достоинство національнаго, „революціоннаго“ и „республиканскаго“ правительства, что мелкій самъ по себѣ фактъ явился грознымъ симптомомъ и еще болѣе грознымъ предвѣстникомъ грядущихъ испытаній. „Центрофлотъ“ поднялъ вопросъ о расширеніи занимаемаго имъ помѣщенія въ зданіи адмиралтейства. Морской министръ Вердеревскій, осмотрѣвъ помѣщеніе, нашелъ это желаніе основательнымъ и сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Но „Центрофлоту“ рѣшеніе министра не понравилось, и онъ предпочелъ дѣйствовать явочнымъ порядкомъ. 14-го сентября Вердеревскій получилъ отъ предсѣдателя „Центрофлота“, большевика Абрамова, слѣдующее короткое заявленіе: „Г. морской министръ, постановленіемъ „Центрофлота“ рѣшено занять для работъ и пленарныхъ засѣданій помѣщенія, назначенныя для начальника штаба Егорьева

О вышеизложенномъ для свѣдѣнія увѣдомляется". Адмиралъ Вердеревскій положилъ на этомъ документѣ резолюцію: „изъ формы и факта обращенія ко мнѣ усматриваю, что „Центрофлотъ" предполагаетъ нужнымъ и возможнымъ въ рѣшеніи вопросовъ, до сего времени подлежавшихъ рѣшенію министра, замѣнять таковаго. Не считая такой постановки вопроса полезной и законной, я не усматриваю возможнымъ плодотворно работать въ создавшейся обстановкѣ, о чемъ и заявлю министру-предсѣдателю". Керенскій, однако, не принялъ отставки морского министра, и „директорія рѣшила не уступать „Центрофлоту". Тогда Абрамовъ послалъ министру новую телеграмму: „Центрофлотъ", „въ виду встрѣтившагося препятствія... отъ занятія квартиры Егорьева отказывается, но, при томъ положеніи, въ которое поставленъ „Центрофлотъ", будетъ считать себя лишеннымъ возможности продолжать свою работу и слагаетъ съ себя свои обязанности, вплоть до отъѣзда членовъ къ мѣсту своей службы". Министръ апеллировалъ своей отставкой къ правительству, „Центрофлотъ" апеллировалъ своимъ „сложеніемъ обязанностей" къ совѣту с. и р. д.

Послѣдовала попытка уладить дѣло длинными переговорами. Морской министръ предложилъ „Центрофлоту" обширное помѣщеніе въ 12 комнатъ и самый большой залъ Адмиралтейства, библіотеку, для пленарныхъ засѣданій. Если и это не понравится, министръ предлагалъ деньги для найма въ городѣ помѣщенія какое „Центрофлотъ" найдетъ подходящимъ. Но „демократическая организація" хотѣла непремѣнно имѣть квартиру Егорьева и 17-го сентября отправила министру новую ноту. „Считая ненормальнымъ такое положеніе, когда морское министерство не идетъ на компромиссъ, „Центрофлотъ" рѣшилъ занять пустующую квартиру начальника штаба, о чемъ доводитъ до вашего свѣдѣнія и свѣдѣнія министра-предсѣдателя". Итакъ, „Цетрофлотъ" начиналъ военныя дѣйствія. Морской министръ принялъ съ своей стороны оборонительныя мѣры и опечаталъ квартиру. Тогда послѣдовалъ 18-го сентября ультиматумъ: „Центрофлотъ" требовалъ у временнаго правительства удаленія отъ должностей Егорьева и завѣдующаго телеграфомъ морского штаба Романова, оставленія „спорной квартиры" „по праву" за „Центрофлотомъ" и назначенія на постъ перваго помощника морского министра капитана Вейнера, начальника штаба Кронштадской крѣпости. Всѣ эти требованія должны быть удовлетворены въ 24 часа; въ противномъ случаѣ „Центрофлотъ" грозилъ считать „права высшей морской демократической

организаціи нарушенными и дальнѣйшее отношеніе съ морскимъ министерствомъ прерваннымъ". Это было уже слишкомъ — даже для „директоріи". И правительство Керенскаго рѣшило: „Центрофлотъ" немедленно распустить и назначить новые выборы, „считать за измѣну всякую попытку возбудить волненіе среди команды, принимая во вниманіе угрожающее положеніе на Балтійскомъ морѣ", и „въ случаѣ возникновенія на этой почвѣ волненій, привлечь настоящій составъ „Центрофлота" въ качествѣ подстрекателей". Во исполненіе постановленія о роспускѣ, 19-го сентября „Центрофлоту" было предъявлено требованіе къ 3-мъ часамъ дня очистить всѣ занимаемыя квартиры. Адмиралтейство было окружено отрядомъ юнкеровъ, помѣщенія „Центрофлота" и аппаратъ Юза охранялись часовыми. Телеграммой комитетамъ флота въ Гельсингфорсѣ и въ Севастополѣ морской министръ сообщалъ, что на флотъ могутъ быть направлены „провокаціонныя попытки" и что одновременно съ ультиматумомъ „Центрофлота" правительство „получило еще рядъ указаній на готовящійся со стороны нѣмцевъ ударъ по Балтійскому морю въ связи съ непрекращающимися во флотѣ волненіями командъ". „Въ виду безусловной необходимости не прерывать начатой реальной работы „Центрофлота", министръ просилъ ускорить выборы новаго состава его.

Собраніе представителей судовыхъ командъ, собравшееся въ часъ дня въ Гельсингфорсѣ, носило, какъ сообщилъ по аппарату Юза командующій Балтійскимъ флотомъ адмиралъ Развозовъ, „хотя и тревожный, но выжидательный характеръ, — въ виду довѣрія и уваженія, которыя связываютъ флотъ съ морскимъ министромъ". Но, все же, ц. к. флота призналъ „роспускъ „Центрофлота" въ столь тяжелое время невозможнымъ" и настаивалъ на отмѣнѣ приказа. Общее собраніе съ судовыми командами уже запросило адмирала Развозова, „какія мѣры принимать противъ роспуска". Вердеревскій, на сообщеніе объ этомъ Развозова, отвѣтилъ, что мнѣніе правительства о роспускѣ было единогласное и что никакое правительство не можетъ допустить „предъявленія отдѣльными организаціями ничѣмъ не мотивированныхъ требованій", ибо въ такомъ случаѣ всякое требованіе любой группы лицъ изъ населенія должно правительствомъ безапелляціонно исполняться, и правительство фактически передаетъ власть въ руки лишенной организаціи массы". Онъ „обращался къ уму и сердцу командъ" и просилъ ихъ „не пойти вновь по пути распада на виду у врага, стоящаго прямо у порога".

Три часа наступили, а „Центрофлотъ“ и не думалъ очищать помѣщеній. Онъ засѣдалъ подъ предсѣдательствомъ Абрамова и „принялъ рѣшенія чрезвычайной важности, которыя могутъ быть опубликованы лишь по приведеніи ихъ въ исполненіе“. Адмиралъ Вердеревскій, вѣроятно, подъ вліяніемъ разговоровъ съ Гельсингфорсомъ, предложилъ тогда новыя условія. Онъ не будетъ настаивать на очищеніи помѣщеній и на переизбраніи состава „Центрофлота“, если послѣдній „въ письменной формѣ, категорически и ясно, откажется отъ своихъ ультимативныхъ требованій втеченіе текущаго 19-го сентября.

Этотъ компромиссъ оказался пріемлемымъ для исп. комитета совѣта р. и с. д., который и провелъ его, въ присутствіи президіума „Центрофлота“, въ ночномъ засѣданіи на 20-е. Днемъ 20-го сентября члены исп. комитета Гоцъ и Авксентьевъ осмотрѣли помѣщеніе, которое морской министръ предлагалъ для „Центрофлота“, и нашли его вполнѣ подходящимъ. Послѣ этого упорствовать больше не приходилось. Днемъ того же числа члены „Центрофлота“ постановили послать во всѣ части флота сообщеніе о причинахъ конфликта и о намѣтившемся благопріятномъ исходѣ его. Основываясь на документѣ подписанномъ членами исполнительнаго комитета и заявлявшемъ, что „Центрофлотъ“ отказывается отъ всѣхъ своихъ требованій, правительство отмѣнило указъ о роспускѣ „Центрофлота“.

По такое рѣшеніе не удовлетворило самолюбія „демократической организаціи“. Ночью на 23-е „Центрофлотъ“, пользуясь моментомъ переговоровъ Керенскаго съ представителями совѣта о составленіи новаго кабинета, вынесъ новое рѣшеніе: ни въ какіе переговоры и соглашенія съ директоріей больше не вступать, требованія свои и рѣшенія подтвердить и оставить въ силѣ, и ждать разрѣшенія конфликта „не отъ нынѣшней директоріи, а отъ ц. и. к. совѣта р. и с. д. и отъ образующейся новой власти, отвѣтственной передъ представительствомъ организованной демократіи“. Морское министерство ссылалось на исполнительный комитетъ въ доказательство того, что тутъ „недоразумѣніе“ и что „Центрофлотъ“ отказывался не отъ одной только ультимативной ф о р м ы своихъ требованій, а и отъ самыхъ требованій по существу. Но „Центрофлотъ“ успѣлъ уже вступить въ борьбу и съ самимъ исполнительнымъ комитетомъ, въ лицѣ его „морского отдѣла“, который онъ постановилъ „упразднить, а лицъ, входящихъ въ него, не признавать выразителями воли и нуждъ флота“, въ виду ихъ

„контръ-революціонности“ и „двусмысленнаго поведенія“. Большевистская тактика „Центрофлота“, такимъ образомъ, развертывалась во всю, въ полной гармоніи съ настроеніемъ Балтійскаго флота.

Разсчетъ на возбужденіе смуты при составленіи новаго кабинета на этотъ разъ не оправдался. Правительство сформировалось, — и это не было правительство отвѣтственное передъ организованной демократіей. Тѣмъ не менѣе „Центрофлоту“ удалось настоять на выполненіи первоначально заявленныхъ имъ требованій. Въ новомъ засѣданіи исполнительнаго комитета совѣта р. и с. д. 25-го сентября, ультиматумъ „Центрофлота“ былъ разсмотренъ, и рѣшено образовать комиссію изъ членовъ исп. комитета „Центрофлота“ и морского министерства для. . . . осмотра спорной квартиры. Морской министръ заявилъ, что онъ заранѣе подчиняется ея рѣшенію. А комиссія рѣшила квартиру начальника штаба присудить „Центрофлоту“! Самъ начальникъ штаба Егорьевъ, отставки котораго требовалъ „Центрофлотъ“, долженъ былъ покинуть свой постъ. Это была полная капитуляція правительства передъ случайнымъ капризомъ „демократической“ организаціи.

Послѣдній шансъ послѣдней коалиціи.

Совѣтъ республики. Открытіе совѣта республики. Объявленіе войны правительству большевиками. Позиція партіи народной свободы. Серьезность военнаго положенія и разложеніе арміи. Пренія о боеспособности арміи въ Совѣтѣ республики. Отношеніе соціалистовъ къ военному вопросу. Отрицательный прогнозъ съѣзда партіи народной свободы. Совѣтъ республики—безъ большинства и безъ формулы.

Было ясно, что при сложившихся условіяхъ, при болѣе чѣмъ сдержанномъ отношеніи умѣренныхъ соціалистическихъ партій къ новой власти и при агрессивномъ настроеніи крайнихъ, при наступившей, наконецъ, въ результатѣ семи мѣсяцевъ безвластія, анархіи въ городѣ и въ деревнѣ, при полномъ игнорированіи государственныхъ нуждъ и цѣлей „демократическими организаціями", которыя росли, какъ грибы, и плотнымъ кольцомъ отрѣзывали правительство отъ всякой возможности вліянія на массы, третье коалиціонное правительство не можетъ разсчитывать на успѣхъ. Конечно, созданіе каждаго коалиціоннаго правительства послѣ кризисовъ власти, становившихся все болѣе и болѣе длительными, сопровождалось временнымъ усиленіемъ власти. Но съ каждымъ разомъ усиленіе это становилось все менѣе и менѣе значительнымъ. Политическій барометръ четырехъ революціонныхъ правительствъ, изъ которыхъ три были коалиціонныя, представлялъ изъ себя кривую съ цѣлымъ рядомъ понижающихся вершинъ, съ круто падающими нижними точками и съ возрастающей амплитудой колебаній. „Исторія болѣзни" временнаго правительства можетъ быть графически изображена этой кривой.

Была, однако, одна новая черта въ положеніи, создавшемся въ началѣ октября. Впервые за время революціи въ одномъ и томъ же представительномъ собраніи должны были сойтись двѣ группы, становившіяся все болѣе враждебными другъ другу: „революціонная демократія" такъ называемыхъ „демократическихъ организацій" и такъ называемые „цензовые элементы", къ которымъ причисля-

лась также вся несоціалистическая и вся непартійная демократія. Оба боровшихся элемента были весьма несовершенно связаны съ народными низами. Но преимущество демагогіи, преимущество громкихъ лозунговъ „классовой борьбы“ было на сторонѣ „революціонной демократіи“, причемъ въ ея рядахъ это преимущество уже успѣло перейти къ крайнему лѣвому флангу.

Какова будетъ встрѣча обоихъ конкурентовъ на представительство народной воли? Въ какой степени при взаимной личной встрѣчѣ окажется возможнымъ разрушить ходячія чудовищныя легенды, и установить сколько-нибудь мирныя отношенія? Удастся ли, наконецъ, ввести тѣ реальныя разногласія, которыя затѣмъ останутся, въ рамки чисто парламентарной борьбы? Будетъ ли понято, что выше этой борьбы стоятъ общенаціональныя задачи, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ дальнѣйшее существованіе демократической и республиканской Россіи? Въ какой степени это пониманіе окажется выше партійныхъ и классовыхъ стремленій? Проявитъ ли собраніе, рядомъ съ пониманіемъ общенаціональныхъ вопросовъ, также и достаточную дисциплину для того, чтобы подкрѣпить правительство въ общей народной борьбѣ за ихъ благополучное разрѣшеніе? Въ частности, окажется ли собраніе на высотѣ пониманія двухъ важнѣйшихъ проблемъ, отъ рѣшенія которыхъ зависѣло уже не только существованіе демократической и республиканской Россіи, но дальнѣйшее существованіе Россіи вообще: проблемы военной и проблемы международной? На всѣ вопросы, конечно, отвѣтъ уже былъ на лицо — въ матеріалѣ накопленномъ семимѣсячнымъ опытомъ, — и это былъ отвѣтъ отрицательный. Но, все же, нужно было подождать исхода послѣдней попытки. Привыкшіе къ отвѣтственной работѣ политическіе дѣятели качали головами, но не складывали оружія. За использованіе послѣдняго шанса они взялись съ такой же серьезностью, какъ если бы вѣрили въ окончательный успѣхъ.

„Положеніе о временномъ Совѣтѣ Россійской Республики“, на основаніяхъ условленныхъ между вождями совѣта и „цензовыми элементами, было опубликовано 3-го октября, вмѣстѣ съ постановленіемъ правительства о созывѣ Совѣта республики на 7-е октября и о прекращеніи его сессіи„ за недѣлю до открытія занятій Учредительнаго Собранія“ (то есть 20-го ноября). Такимъ образомъ сессія Совѣта должна была продолжаться всего шесть недѣль. Въ первыхъ числахъ октября Керенскій поднялъ въ правительствѣ вопросъ, обсуждавшійся „демократіей“, о переходѣ

правительства въ Москву и о созывѣ тамъ Совѣта. Въ виду германскихъ побѣдъ въ Рижскомъ заливѣ, вновь былъ поднятъ вопросъ объ эвакуаціи Петрограда, и правительство уже рѣшило перевести съ Москву, въ первую очередь, тѣ части министерствъ, которыя тѣсно связаны съ центральнымъ управленіемъ и должны находиться при правительствѣ. Н. М. Кишкинъ уже приступилъ къ исполненію возложеннаго на него порученія — приготовить для правительства, министерствъ и Совѣта помѣщеніе въ старой столицѣ. Но когда извѣстіе о намѣреніяхъ Керенскаго появилось въ газетахъ, „революціонная демократія", и въ особености ея лѣвое крыло, — забили тревогу. Здѣсь не сомнѣвались, что Керенскій хочетъ такимъ образомъ отдѣлаться отъ совѣтовъ. Несомнѣнно, затѣмъ, что этимъ же предрѣшался спорный вопросъ о мѣстѣ созыва Учредительнаго Собранія въ смыслѣ желаній умѣренныхъ элементовъ и противъ опредѣленнаго рѣшенія совѣта. Одинъ изъ совѣтскихъ лидеровъ заявилъ члену правительства, что переѣздъ въ Москву есть „ножъ въ спину революціи". На это онъ получилъ характерный для настроенія момента отвѣтъ, что зато оставленіе въ Петроградѣ есть „ударъ въ грудь нѣмецкаго штыка". Большевики уже обсуждали въ своемъ ц. к. возможность устройства коммуны въ Петроградѣ, въ случаѣ отъѣзда правительства. Членъ исполнительнаго комитета Богдановъ (лѣвый меньшевикъ) предсказывалъ, что „если правительство Керенскаго будетъ засѣдать въ Москвѣ, то въ Петроградѣ образуется новое правительство".

Всѣ эти толки остановили правительство. Рѣшено было вопросъ объ эвакуаціи столицы передать на рѣшеніе Совѣта республики, который долженъ былъ открыть свою сессію въ Петроградѣ. Для этого была спѣшно приспособлена зала Маріинскаго Дворца, оказавшаяся достаточно просторной для помѣщенія 550 членовъ Совѣта. Понадобилось лишь замѣнить мягкія кресла, въ которыхъ мирно возсѣдали сановники стараго Государственнаго Совѣта, демократическими стульями, болѣе подходившими къ составу новаго собранія. Конечно, были устранены изъ залы всѣ воспоминанія о старой власти: завѣшенъ гербъ, висѣвшій надъ предсѣдательской трибуной, и закрыта полотномъ знаменитая картина Рѣпина, представлявшая государственныхъ мужей стараго Совѣта въ юбилейномъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ Николая Второго.

Составъ Совѣта Республики опредѣлился слѣдующимъ образомъ:

I. **По списку демократическихъ организацій** (соціалистическая демократія):

Партіи.

1.	Соціалисты-революціонеры	63
2.	Меньшевики-оборонцы	62
3.	Большевики	53
4.	Интернаціоналисты с. д. (объед.)	3
5.	Народные соціалисты	3
6.	Группа „Единство“ (Плеханова)	1
7.	Украинскіе с. д.	1

Организаціи.

1.	Исп. совѣтъ крестьянск. деп.	38
2.	Земская группа	37
3.	Представители фронта	25
4.	Кооперація	18
5.	Рабочія коопераціи	5
6.	Экономическія организаціи	6
7.	Земельные комитеты	5
8.	Казачье самоуправленіе	5
9.	Казаки	3
10.	Желѣзнодорожный союзъ	4
11.	Почтово-телеграфный союзъ	2
12.	Флотъ	3
13.	Учительскій союзъ	2
14.	Крестьянскій союзъ	2
15.	Бюро совѣщанія совѣтовъ прис. пов.	1
16.	Военно-окружные комитеты	2
17.	Губерн. исполнит. комитеты	4
18.	Земскіе работники	1
19.	Женскія организаціи	1
20.	Увѣчные воины	1
21.	Демократическое духовенство	1
22.	Мелк. демокр. группы	15
	Итого:	367

II. **По списку „цензовыхъ группъ“** (не соціалистическая демократія и „буржуазія“)

1.	Партія народной свободы	56
2.	Представители торговли и промышлен.	34
3.	Совѣтъ моск. совѣщ. обществ. дѣят.	15
4.	Совѣтъ земельныхъ собственниковъ	7

5.	Казачество	22
6.	Академическій союзъ	3
7.	Радик. демократическая партія	2
8.	Всероссійское общество редакторовъ	2
9.	Лига равноправія женщинъ	2
10.	Главн. комитетъ женскаго союза	1
11.	Старообрядцы	2
12.	Духовная академія	1
13.	Всеросс. совѣтъ духов. и мірянъ	1
14.	Всеросс. совѣтъ педагоговъ дух. школъ	1
15.	Центральн. военно-промышл. комитетъ	1
16.	Ц. бюро всер. совѣта инженеровъ	1
17.	Отдѣльныя національности	5
	Итого	156

III. (Соціалистическое) представительство національностей.

1.	Евреи	4
2.	Мусульмане	4
3.	Украинцы	2
4.	Бѣлоруссы	2
5.	Поляки	2
6.	Литовцы	2
7.	Латыши	1
8.	?	1
9.	Эстонцы	1
10.	Армяне	2
11.	Грузины	2
12.	Совѣтъ горцевъ	1
13.	Приволжскія народности	1
14.	Буряты	1
15.	Совѣтъ нац. соціал. партіи	1
	Итого	27
	Всего	550

Послѣ ухода большевиковъ (53) осталось 497 членовъ Совѣта республики, и въ этомъ числѣ 314 членовъ по списку „демократическихъ“ организацій и ровно вдвое меньше по списку „цензовыхъ элементовъ(156). Если, однако, вспомнить политическую позицію кооператоровъ и крестьянъ, а отчасти земской группы и экономическихъ организацій на демократическомъ совѣщаніи, то

увидимъ, что большинство у „революціонной демократіи по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ момента было въ Совѣтѣ далеко не безспорное. При переходѣ кооператоровъ и крестьянскихъ депутатовъ вмѣстѣ съ Плехановцами и съ народными соціалистами на сторону несоціалистической части Совѣта (67 голосовъ) приведенныя цифры вмѣсто 2/3 и 1/3 превращались уже въ 247 и 223. Голоса земской группы, экономическихъ организацій и земельныхъ комитетовъ (48) уже давали при такомъ распредѣленіи перевѣсъ „цензовымъ" элементамъ, даже если бы на сторонѣ соціалистическихъ партій Совѣта оказались всѣ представители народностей (226 и 271 голосовъ). Разумѣется все это могло проявиться лишь на вопросахъ общенаціональныхъ. Но вѣдь на этихъ послѣднихъ и сосредоточивалась вся партійная борьба текущаго момента. И отъ позиціи названныхъ группъ, отъ которыхъ можно было ждать умѣренности и свободы отъ подчиненія партійной дисциплинѣ соціалистическихъ партій, зависѣло теперь, съиграетъ ли Совѣтъ республики ту роль опоры правительства, которая вытекала изъ самой идеи коалиціонной власти, или же, наоборотъ, онъ нанесетъ этой идеѣ, а вмѣстѣ съ ней и революціонному правительству вообще, послѣдній coup de grace.

Когда члены Совѣта республики собрались на первое засѣданіе, за часъ до его открытія, къ четыремъ часамъ 7-го октяббя, у многихъ скептиковъ нѣсколько отлегло отъ сердца. Въ этой залѣ сошлись всѣ сколько-нибудь видные дѣятели, выдвинутые революціей. Многіе изъ нихъ, бывшіе новичками въ началѣ революціи, теперь уже прошли черезъ рядъ тяжелыхъ испытаній, до нѣкоторой степени замѣнившихъ имъ государственную опытность. На умъ невольно приходило сравненіе этого состава, намѣченнаго центральными комитетами партій и организацій, почти лишеннаго обычнаго балласта большихъ собраній, съ тѣмъ, пока загадочнымъ, лицомъ грядущаго „хозяина земли русской", какое откроется черезъ полтора мѣсяца въ Таврическомъ Дворцѣ, какъ итогъ перваго опыта всеобщаго избирательнаго права въ обстановкѣ русской темноты и политической неподготовленности. Члены Совѣта говорили другъ другу, осматриваясь по сторонамъ: хорошо, если Учредительное Собраніе будетъ не хуже этого!

Члены Совѣта разсѣлись на стульяхъ разнаго фасона въ такомъ порядкѣ. На крайней правой оказались торгово-промышленники; дальше, на мѣстахъ „нейдгартцевъ" Гос. Совѣта, фракція народной свободы, сразу возросшая до 75 членовъ. Потомъ, непо-

средственно рядомъ, во второй трети залы, помѣстились народные соціалисты, земская группа, меньшевики и правые с. р.-ы. Рядомъ съ В. Д. Набоковымъ сидѣла Е. К. Брешковская; за ней Вѣра Фигнеръ. Крайняя лѣвая треть оставалась почти пустой, такъ какъ фракція большевиковъ отсутствовала. Засѣданіе открылось безъ нея. — Она совѣщалась въ Смольномъ монастырѣ о внѣшней обстановкѣ своего, уже рѣшеннаго, ухода. Зала, вообще, была полупуста, такъ какъ многіе депутаты еще не съѣхались, и общее настроеніе было далеко отъ обычной торжественности первыхъ засѣданій. Сюда пришли люди, привыкшіе встрѣчаться другъ съ другомъ, пришли случайно и на короткое время, какъ-будто по дорогѣ. Скоро они опять уйдутъ—и опять встрѣтятся тамъ, въ Таврическомъ Дворцѣ. Здѣсь они точно присѣли для минутнаго роздыха. Въ Россіи такъ мрачно, — и такъ мало оставалось надежды на то, что даже коллективному уму революціонной Россіи, здѣсь собранному, удастся, наконецъ, найти надлежащую дорогу. Словомъ, тутъ было не мѣсто и не время для фразъ и пышныхъ рѣчей: настроеніе скадывалось скорѣе будничное и дѣловое, и даже шумные засѣдатели Смольнаго здѣсь, среди тихой обстановки верхней палаты, лицомъ къ лицу съ „цензовыми элементами", какъ-будто нѣсколько оробѣли и притихли. Другая среда, другіе нравы — и даже другіе костюмы . . .

Вступительныя рѣчи Керенскаго и выбраннаго предсѣдателемъ Совѣта Н. Д. Авксентьева на этотъ разъ вполнѣ отвѣчали важности момента и серьезности положенія. Ораторскія неудачи научили обоихъ быть осторожными. Керенскій на этотъ разъ говорилъ безъ экспромтовъ и почти безъ отступленій отъ основныхъ положеній рѣчи, одобренныхъ правительствомъ. Авксентьевъ прочелъ свою благодарственную рѣчь по бумажкѣ. Темы той и другой рѣчи были почти одинаковы: общенародныя задачи текущаго момента. Оба оратора считали такими задачами — возстановленіе боеспособности арміи и энергичную борьбу съ непріятелемъ, введеніе порядка и организаціи въ хозяйственно-экономическую жизнь страны и настойчивую борьбу съ анархіей. Расписавшись въ почтеніи къ „идеѣ" „скорѣйшаго заключенія демократическаго мира", и Керенскій и Авксентьевъ сосредоточили весь центръ тяжести своихъ рѣчей на апоѳеозѣ арміи и флота. Оба призывали къ дальнѣйшей борьбѣ, которая дала бы нашимъ союзникамъ возможность и дальше „смѣло разсчитывать на наше сотрудничество и помощь", а враговъ заставила бы „считать насъ въ ряду

людей, съ которыми нѣтъ другихъ словъ, какъ слова равныхъ съ равными", съ которыми возможенъ лишь „почетный миръ", вмѣстѣ съ „великими союзными народами", но у которыхъ, „каковы бы ни были испытанія, никогда насиліемъ не будетъ сломлена воля къ торжеству права и справедливости". Керенскій еще продолжалъ временами дѣлать авансы „революціонной демократіи", обѣщая ей, напримѣръ. что правительство впредь, какъ и раньше, „не будетъ прибѣгать къ мѣрамъ, которыя оскорбили бы идею свободы, равенства и братства". Рѣчь Авксентьева была насквозь искренна и честна, и не дѣлала никакихъ уступокъ ходячей революціонной фразеологіи.

Этотъ тонъ и это содержаніе рѣчей были, однако, оцѣнены далеко не всей аудиторіей. Большая часть апплодисментовъ слышалась справа и изъ центра. Весь залъ апплодировалъ лишь привѣтствіямъ, обращеннымъ къ арміи. А крайняя лѣвая, большевики и интернаціоналисты, угрюмо молчали и не встали съ мѣстъ даже тогда, когда все собраніе устроило овацію дипломатическимъ представителямъ союзниковъ.

Тотчасъ за рѣчью Авксентьева Троцкій попросилъ слова для первой и единственной деклараціи большевиковъ, мотивировавшей ихъ формальный разрывъ „съ этимъ правительствомъ народной измѣны и съ этимъ Совѣтомъ". По обычаю большевиковъ, декларація вся была посвящена демагогическимъ разоблаченіямъ. Совѣтъ республики — это новыя „кулисы", за которыми будетъ совершаться „убійственная для народа работа". Демократическое совѣщаніе должно было — это была его „оффиціальная цѣль" — „замѣнить безотвѣтственный личный режимъ подотчетной властью, способной ликвидировать войну и обезпечить созывъ Учредительнаго Собранія въ назначенный срокъ. Между тѣмъ, за спиной демократическаго совѣщанія, путемъ закулисныхъ интригъ Керенскаго, кадетъ и вождей с. р. и меньшевиковъ, достигнуты результаты противоположные: созданіе власти, въ которой и вокругъ которой явные и тайные корниловцы играютъ роковую роль". „Буржуазные классы", направляющіе политику временнаго правительства, поставили себѣ цѣлью сорвать Учредительное Собраніе". „Цензовые классы провоцируютъ крестьянское возстаніе и гражданскую войну". Они „открыто держатъ курсъ на костлявую руку голода (выраженіе Рябушинскаго на 1-омъ съѣздѣ общественныхъ дѣятелей въ Москвѣ), которая должна задушить революцію и въ первую очередь Учредительное Собраніе. Не менѣе преступна и

внѣшняя политика... Мысль о сдачѣ революціонной столицы нѣмецкимъ войскамъ не вызываетъ возбужденія въ буржуазныхъ классахъ, и, наоборотъ, пріемлется какъ естественное звёно общей политики, которая должна облегчить ихъ контръ-революціонные замыслы". „Вмѣсто открытаго предложенія немедленнаго мира черезъ головы всѣхъ имперіалистическихъ правительствъ и дипломатическихъ канцелярій", чтобы „сдѣлать такимъ образомъ фактически-невозможнымъ веденіе войны, временное правительство, по указанію кадетскихъ контръ-революціонеровъ и союзныхъ имперіалистовъ, ... обрекло на безцѣльную гибель многія сотни тысячъ матросовъ и солдатъ и подготовило сдачу Петрограда и крушеніе революціи". „Руководящія партіи Совѣта служатъ для этой политики добровольнымъ прикрытіемъ". Но „мы, фракція с. д. большевиковъ, не имѣемъ съ ними ничего общаго и не хотимъ ни одного дня, ни прямо, ни косвенно, прикрывать ихъ". „Покидая Совѣтъ, мы взываемъ къ бдительности рабочихъ, солдатъ и крестьянъ всей Россіи; .... только самъ народъ можетъ спасти себя, и мы обращаемся къ народу: да здравствуетъ немедленный честный демократическій миръ, вся власть совѣтамъ, вся земля народу, да здравствуетъ Учредительное Собраніе".

Рѣчь Троцкаго неоднократно прерывалась криками негодованія, и Авксентьеву приходилось неоднократно упрашивать собраніе дослушать оратора до конца. Но перерывы и крики съ мѣстъ слышались, опять таки, лишь справа и изъ центра. Лѣвая оставалась безмолвной свидѣтельницей этого состязанія, не рѣшившись даже въ эту, критическую для себя, минуту открыто осудить тактику, яркимъ проявленіемъ которой явилось выступленіе Троцкаго.

Уходя изъ Маріинскаго Дворца, большевики тѣмъ самымъ показывали, что парламентской борьбы они не признаютъ и что дальнѣйшую борьбу противъ правительства и противъ „руководящихъ партій" Совѣта они будутъ продолжать внѣ этой залы, на улицѣ. Они говорили и дѣйствовали, какъ люди, чувствующіе за собой силу, знающіе, что завтрашній день принадлежитъ имъ. На этотъ вызовъ тѣ, отъ кого еще могло зависѣть измѣнить дальнѣйшій ходъ событій, отвѣтили двусмысленнымъ молчаніемъ. Такъ первый день сессіи Совѣта уже бросилъ лучъ свѣта на ожидавшую его судьбу. „Когда сопоставишь начало и финалъ торжественнаго дня" замѣчала на другой день одна газета, „то невольно приходишь къ выводу, что и новый Совѣтъ республики, и стремящееся опереться на него правительство только тогда съумѣютъ вывести страну

изъ настоящаго состоянія все возростающей анархіи, когда у министровъ будетъ столько же рѣшимости и воли къ дѣйствію, сколько ея у товарища Троцкаго, а Совѣтъ республики будетъ единственнымъ совѣтомъ, выражающимъ волю и государственный разумъ страны".

Но, увы, этого то и не видно, прибавляла газета. Власть не только не обнаруживаетъ сама той „напряженности" въ борьбѣ съ анархіей, которой Керенскій требовалъ въ своей рѣчи отъ общества, но и продолжаетъ попустительствовать ея проявленіямъ и, между прочимъ, даже въ этой самой рѣчи. Слово продолжаетъ по прежнему расходиться съ дѣломъ, а „власть при однихъ словахъ - не власть".

Нѣсколько дней спустя (14 октября) на съѣздѣ партіи народной свободы министръ призрѣнія Н. М. Кишкинъ съ полной откровенностью далъ совершенно такую же характеристику настроенія правительства и очень прозрачно указалъ на основную причину, почему „дерзаніе" не переходитъ въ „дѣло.". „Основное зло въ томъ", говорилъ Кишкинъ, „что у революціоннаго правительства нѣтъ революціоннаго дерзанія. Второе зло — во всевластіи словъ, которыя все покрываютъ густымъ слоемъ. И третье зло: на знамени, которое теперь развивается надъ страной, написано: „безнаказанность. Какъ же бороться противъ этого тройного зла? Есть-ли у правительства для этого силы и физическій аппаратъ? Кишкинъ отвѣчаетъ: „наблюденія, сдѣланныя имъ за недолгое пребываніе его въ кабинетѣ, даютъ основаніе сказать, что слабость правительства въ значительной мѣрѣ есть продуктъ самогипноза. Онъ лично будетъ призывать правительство къ тому, чтобы оно себя отъ этого гипноза слабости освободило, — призывать къ „дерзанію„. Но вотъ бѣда, прибавляетъ далѣе ораторъ, — „среди самого правительства теперь еще можно сговориться, — что было такъ трудно, почти невозможно при прежнихъ коалиціонныхъ правительствахъ. Но нѣтъ увѣренности, что то, о чемъ сговорились, будетъ приведено въ исполненіе. — И новая задача — заботиться о томъ, чтобы за сговоромъ слѣдовало исполненіе".

Нарисованная здѣсь психологическая характеристика полностью соотвѣствуетъ тому, что изложено выше (стр. 78—79). При большомъ единодушіи министровъ, было чрезвычайно трудно толкнуть главу правительства на путь дерзанія. Въ первые же дни новаго кабинета онъ уѣхалъ въ ставку, сваливъ всѣ дѣла на своего за-

мѣстителя, и въ ставкѣ пробылъ до начала октября. Только что открывъ Совѣтъ республики, онъ уже задумалъ новую поѣздку — въ ставку и оттуда на Волгу и дальше по Россіи. Только самыя энергичныя настоянія А. И. Коновалова заставили А. Ф. Керенскаго отсрочить свое рѣшеніе о долгой поѣздкѣ и ограничиться поѣздкой въ ставку, куда онъ выѣхалъ 14-го. Но и находясь въ Петроградѣ, онъ проявлялъ ту роковую пассивность, которая, быть можетъ, вытекала изъ пониманія безнадежности положенія, но, во всякомъ случаѣ, окончательно эту безнадежность закрѣпляла.

Совѣтъ республики долженъ былъ теперь перейти къ обсужденію основныхъ вопросовъ, военныхъ и международныхъ, и плоды этого обсужденія должны были показать, чего онъ стоитъ.

Положеніе, при которомъ на этотъ разъ приходилось обсуждать вопросъ о боеспособности арміи, было серьезнѣе, чѣмъ когда-либо. Въ первый разъ за время войны почувствовалась реальная возможность приближенія непріятеля къ столицѣ, по крайчайшему пути — побережье финскаго залива. Въ концѣ сентября непріятель произвелъ удачный дессантъ на островахъ Эзеля и Даго. Въ первыхъ числахъ октября онъ проникъ въ Рижскій заливъ и попытался отрѣзать выходъ нашей флотиліи къ Финскому заливу, загородивъ съ сѣвера проливъ между о. Мономъ и берегомъ Эстляндіи. Флоту пришлось уйти, пожертвовавъ миноносцемъ „Громъ“ и старымъ линейнымъ кораблемъ „Слава“. Тогда германцы произвели высадку на полуостровъ Вердеръ противъ о-ва Моона въ самой Эстляндіи, закрѣпивъ за собой такимъ образомъ обѣ стороны Моонзунда, и грозя движеніемъ къ Гапсалю и къ Ревелю. Большіе германскіе цеппелины съ этихъ поръ получили возможность прогуляться до самого Петрограда.

Несмотря на всѣ совѣщанія верховнаго главнокомандующаго и новаго военнаго министра съ новымъ начальникомъ штаба (Духонинъ) въ ставкѣ и въ столицѣ о способахъ усиленія боеспособности арміи, военное дѣло не улучшалось. Легко было разогнать высшій командный составъ, но привить арміи „революціонную дисциплину“ методами Верховскаго и Керенскаго оказывалось невозможнымъ. Донесенія военныхъ комиссаровъ и штабовъ военному министерству продолжали рисовать картину полной анархіи и разрухи. То тутъ, то тамъ солдаты отказывались идти на фронтъ, предпочитая заниматься торговыми операціями въ городахъ и захватывая насильно подъ купленное у крестьянъ зерно пассажирскіе вагоны. Фронтовыя части требовали прекращенія войны во

что бы то ни стало, хотя бы путемъ позорнаго или — какъ выразилась делегація солдатъ передъ исполнительнымъ комитетомъ совѣта р. и с. д.—„похабнаго“ мира. Они требовали отвода ихъ съ фронта въ тылъ и замѣны резервами. Разстройство транспорта начавшее проявляться въ недостаткѣ продовольствія и снаряженія арміи, усиливало нервное раздраженіе въ войскахъ. Вливавшіяся во фронтъ запасныя части приносили съ собой распущенный духъ столицы и готовые лозунги классовой борьбы. Если однѣ части фронта, сохранившія дисциплину, отказывались принимать подобныя комплектованія и просили не посылать ихъ больше, то другія, напротивъ, поддавались ихъ вліянію и, то тамъ, то сямъ, начинали принимать большевистскія резолюціи. Съ 1-го по 9-го октября военный министръ насчиталъ среди тыловыхъ частей арміи, размѣщенныхъ внутри страны, 16 погромовъ, 8 пьяныхъ погромовъ, 24 самоличныхъ выступленія, 16 случаевъ примѣненія вооруженной силы для подавленія анархическихъ вспышекъ. Сказался этотъ развалъ и при послѣднихъ боевыхъ операціяхъ. Комиссаръ Вишневскій, попавшій было въ плѣнъ на островѣ Моонѣ, но потомъ спасшійся бѣгствомъ, разсказывалъ въ „Центрофлотѣ“, что во время наступленія противника на о-вѣ Моонъ и Эзелѣ царила полная дезорганизація и разстройство. Многіе солдаты отказывались идти въ бой, заявляя, что предпочитаютъ быть разстрѣлянными своими товарищами. Освѣдомленность противника о всѣхъ деталяхъ нашей обороны была поразительна. На одномъ изъ сбитыхъ аэроплановъ была найдена карта съ точнымъ расположеніемъ всѣхъ нашихъ штабовъ и батарей. Большая часть гарнизона панически бѣжала. Были случаи, когда полки шли сдаваться съ пѣніемъ пѣсенъ. Части командъ Верендскихъ батарей (на южной оконечности Эзеля) по заявленію Вердеревскаго въ Совѣтѣ республики, „опозорили себя на вѣки вѣчные“. Въ исп. комитетѣ совѣта р. и с. д. Вердеревскій разсказалъ этотъ случай подробнѣе; прислуга и команда нѣкоторыхъ береговыхъ батарей, при приближеніи противника, бросала свои посты и бѣжала; прислуга другихъ орудій, чтобы заставить бѣжавшихъ вернуться, обратила орудія противъ нихъ, — и въ рѣшительную минуту входъ въ Рижскій заливъ оказался совершенно незащищеннымъ.

Какъ отразилось все это въ сознаніи арміи, сбитой съ толку своей и непріятельской агитаціей, видно изъ телеграммы посланной „Центрофлоту“ совѣтомъ солдатскихъ депутатовъ 12 арміи. Лицомъ къ лицу съ врагомъ, эта армія понимаетъ, что „нѣтъ немедленнаго

выхода изъ войны, что на насъ идутъ войска Вильгельма, и, не теряя ни минуты, мы должны защищаться". Но, „идя на смерть", „она имѣетъ право требовать" — и требуетъ — проведенія въ жизнь „особенно дорогихъ для народа требованій революціонной программы „внутри страны", а именно: передачи земли земельнымъ комитетамъ, скорѣйшаго достиженія международнаго демократическаго мира и только потомъ уже „немедленнаго пресѣченія погромныхъ движеній въ странѣ, снабженія арміи хлѣбомъ, фуражемъ, теплой одеждой и сапогами, а для этого — борьбы съ „преступниками", тормозящими работу транспорта и снабженія, и наконецъ, немедленной отправки въ армію другихъ „преступниковъ", „бездѣйствующихъ, сытыхъ, гуляющихъ солдатъ запасныхъ частей", но съ условіемъ, чтобы это были „пополненія обученныя": „не нужно намъ подлыхъ трусовъ, жалкаго сброда, которыми даритъ насъ тылъ"... Тылъ даетъ, что имѣетъ; больная армія — больной тылъ; это заколдованный кругъ, отвѣчалъ имъ въ Совѣтѣ республики ген. Алексѣевъ.

Мы сейчасъ увидимъ, что требованія солдатъ, переданныя черезъ „Центрофлотъ", — законъ для начальства. Программа 12 арміи есть программа публичныхъ выступленій Верховскаго и Вердеревскаго. Что бы они ни думали и какъ бы они ни понимали дѣло сами, — а они не могутъ не думать, какъ спеціалисты военнаго дѣла, и не могутъ не понимать, въ чемъ корень зла, — все разно. Публично и открыто они будутъ говорить то, что отъ нихъ требуютъ. Но неужели Совѣтъ республики не услышитъ голоса независимыхъ людей и партій, не связанныхъ велѣніями „демократическихъ организацій"? Неужели былъ правъ тотъ членъ Совѣта республики, который на упоминаніе о противникахъ „демократическаго" строя арміи, отвѣтилъ восклицаніемъ съ мѣста: „ихъ здѣсь нѣтъ"!

Конечно, они тамъ были. Фракція народной свободы, обсудивъ вопросъ 9 октября, рѣшила, что ничто не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ она приняла программу оздоровленія арміи, получившую названіе „корниловской", но раздѣлявшуюся всѣмъ прежнимъ составомъ высшаго командованія, съ ген. Алексѣевымъ во главѣ. Она подтвердила свое мнѣніе, что и теперь возстановленіе боеспособности арміи возможно лишь при условіи возвращенія дисциплинарной власти командному составу и ограниченія дѣятельности армейскихъ „демократическихъ" организацій хозяйственными и просвѣтительными функціями. Собравшійся въ эти же

дни въ Москвѣ второй съѣздъ общественныхъ дѣятелей, представлявшій, наряду съ к. д., болѣе правые элементы русской общественности и Совѣта республики, выслушалъ двухъ бывшихъ главнокомандующихъ, А. А. Брусилова и Н. В. Рузскаго, которые оба горько оплакивали разрушительныя послѣдствія внесенія политики въ армію. Затѣмъ ген. Зайончковскій, бывшій командующій арміями румынскаго фронта, категорически отрицалъ, чтобы программа Верховскаго раздѣлялась кѣмъ-либо изъ военныхъ авторитетовъ, русскихъ или иностранныхъ. А морской офицеръ С. В. Лукомскій опровергалъ утвержденіе Вердеревскаго, что дисциплина на новыхъ началахъ можетъ дать побѣду. Послѣ того совѣщаніе приняло 14 октября очень обстоятельную резолюцію по военнымъ вопросамъ, внесенную военной группой. Резолюція требовала, чтобы армія стояла „внѣ партій и партійныхъ вліяній", чтобы назначенія на должности зависѣли отъ „боевыхъ и служебныхъ качествъ", а не отъ результатовъ „политическаго контроля и розыска, осуществляемаго въ настоящее время войсковыми комиссарами и организаціями"; чтобы списки офицерскихъ чиновъ, „уволенныхъ подъ вліяніемъ безотвѣтственныхъ и самочинныхъ организацій", были пересмотрѣны; чтобы возстановлено было отданіе чести и дисциплинарная власть начальниковъ всѣхъ степеней, — конечно съ гарантіей противъ превышенія власти; „чтобы вѣдѣнію армейскихъ комитетовъ подлежали только культурно-просвѣтительные, хозяйственные и продовольственные вопросы, съ утвержденія начальника и съ правомъ роспуска даннаго состава комитета въ случаѣ превышенія имъ своихъ правъ"; наконецъ, чтобы „пропаганда противогосударственныхъ и противонаціональныхъ идей, а равно и ученій, отрицающихъ необходимость существованія самой арміи и воинской дисциплины", не допускалась въ арміи и рѣшительно преслѣдовалась".

Въ Совѣтѣ республики всѣ эти опредѣленныя рѣшенія должны были встрѣтиться съ стремленіемъ смягчить острые углы, и найти почву для примирительныхъ формулъ, способныхъ сблизить разные взгляды, хотя бы по существу и несогласимые. Стремленіе это было естественно въ средѣ лицъ, только что одержавшихъ блестящую побѣду надъ „революціонной демократіей". Вѣдь только путемъ соглашенія они заставили ея вождей отказаться отъ формально принятыхъ рѣшеній, осуществили, вопреки имъ, коалицію съ „буржуазіей" и съ „кадетами" и завершили свою побѣду изданіемъ компромиссной деклараціи, замѣнившей „демократическую"

платформу 14 августа, и созданіемъ, въ лицѣ Совѣта республики, совѣщательнаго органа съ составомъ членовъ, назначенныхъ правительствомъ. Въ составѣ фракціи народной свободы это примирительное теченіе было представлено В. Д. Набоковымъ и М. С. Аджемовымъ, къ которымъ присоединился возвратившійся послѣ отдыха М. М. Винаверъ. Напомнимъ, что именно военный и международный отдѣлъ въ деклараціи новой коалиціи представляли наибольшія и наиболѣе опасныя уступки „революціонной демократіи", — и именно съ этихъ двухъ важнѣйшихъ отдѣловъ началась работа Совѣта республики. Фракція по военному вопросу поручила выступить въ Совѣтѣ республики не только что вернувшемуся А. И. Шингареву, спеціально знакомому съ вопросами обороны по комиссіи 4-ой Г. Думы, предсѣдателемъ которой онъ былъ, и по дѣятельному участію въ особомъ совѣщаніи по оборонѣ, а М. С. Аджемову, участнику совѣщаній, приведшихъ къ третьей коалиціи, и автору проекта учрежденія Совѣта республики, послужившаго основой того, которое было утверждено правительствомъ.

10 октября въ Совѣтѣ республики открылись пренія по опросу о поднятіи боеспособности арміи. По внѣшности, въ залѣ Маріинскаго Дворца, было сѣро и буднично. Члены собирались медленно, и засѣданіе было открыто съ большимъ опозданіемъ, что даже заставило предсѣдателя Авксентьева обратиться къ собранію съ необычной для русскаго представительства просьбой быть аккуратнѣе, „въ настоящій тяжелый моментъ, когда каждая минута дорога". Всѣ какъ-будто чувствовали, что политическая жизнь уже идетъ мимо этой залы, и что за ея предѣлами принимаются важнѣйшія рѣшенія. Чувствовалось это и въ заявленіяхъ военнаго и морского министровъ, слишкомъ очевидно для всѣхъ считавшихся въ своихъ рѣчахъ не съ тѣмъ, чего требовало существо дѣла, а съ тѣмъ, что подумаютъ объ этихъ выступленіяхъ въ тѣхъ „демократическихъ организаціяхъ", передъ которыми они чувствовали реальную отвѣтственность.

Военный министръ Верховскій началъ съ того, что отрицалъ самую проблему, подлежавшую разсмотрѣнію. „Люди, говорящіе, будто русская армія не существуетъ, не понимаютъ того, что говорятъ. Нѣмцы держатъ на нашемъ фронтѣ 130 дивизій — вотъ во что они оцѣниваютъ русскую армію... Приходится слышать вздорныя рѣчи, будто съ наступленіемъ холодовъ армія уйдетъ изъ окоповъ и не исполнитъ своего долга. Это — „явный вздоръ", провозгласилъ Верховскій при апплодисментахъ слѣва. Это былъ

вообще первый министръ пожавшій рукоплесканія не отъ „правой и части центра", какъ другіе, а отъ „лѣвой и части центра". И было за что. „Военная программа правительства, доложенная мною на демократическомъ совѣщаніи три недѣли тому назадъ", сообщалъ военный министръ, „проводится въ жизнь самымъ энергичнымъ темпомъ. Всѣ лица командного состава, такъ или иначе причастныя къ корниловскому движенію, отстранены совершенно. Ихъ мѣста заняты другими, которые понимаютъ современную обстановку". Увы, нѣсколькими фразами дальше, военному министру пришлось прибавить: „и при старомъ режимѣ были люди, которые шли, куда вѣтеръ дуетъ, и сейчасъ при новомъ режимѣ появились генералы, — и даже въ очень высокихъ чинахъ, — которые опредѣленно поняли, куда вѣтеръ дуетъ и куда нужно вести свою линію". Ораторъ оппозиціи замѣтилъ потомъ, что „это можно примѣнить и къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ, кто сидитъ на скамьяхъ временнаго правительства".

Это, во всякомъ случаѣ, можно было примѣнить къ выступленію Верховскаго. Военный министръ не могъ совершенно умолчать о такихъ отрицательныхъ явленіяхъ, какъ „анархическое движеніе на фронтѣ и въ тылу и разлагающія пополненія, которыя приходятъ изъ тыла необученными и недисциплинированными, въ полномъ безпорядкѣ". Но онъ очень ловко вставилъ это признаніе между упоминаніемъ о „трагической исторіи Корнилова", „въ результатѣ" которой и произошелъ тотъ или иной „неисчислимый вредъ", и прямымъ заявленіемъ: „одна изъ причинъ этого — непониманіе войсками цѣлей войны. Задача современнаго правительства и Совѣта республики сдѣлать для каждаго человѣка совершенно яснымъ и опредѣленнымъ то, что мы не воюемъ ради захватовъ, своихъ или чужихъ". Очень искусно Верховскій выдалъ также „созданіе частей украинскихъ, эстонскихъ, грузинскихъ татарскихъ" и т. д. за мѣру, „которая должна поднять боеспособность арміи", ... ибо это есть „постепенный переходъ къ территоріальной системѣ комплектованія войскъ". Снабженіе арміи плохо, — но это потому, что „въ началѣ революціи думали, что въ арміи все можно сразу сломать и переустроить" ... и „замѣнили интендантство цѣлымъ рядомъ организацій", о которыхъ министръ могъ говорить и требовать ихъ „сокращенія" ... совершенно безопасно. Это были организаціи не „демократическія", а земскія и городскія, которыя притомъ же попали въ немилость къ солдатамъ, какъ содѣйствующія укрыванію отъ строевой службы въ тылу. Нако-

нецъ, „самый важный вопросъ“ — о дисциплинѣ. Можно ли возстановить порядокъ „насиліемъ одной группы надъ другой“ или „привлеченіемъ карающей власти со стороны“, „усмиреніемъ и покореніемъ“, спрашивалъ министръ. И онъ отвѣчалъ, продолжая свое жонглированіе между реализмомъ и политиканствомъ: вѣдь „такая извнѣ стоящая сила, которая будетъ усмирять и покорять, только одна: сила германскихъ штыковъ“. И затѣмъ, вмѣсто того, чтобы отбросить съ негодованіемъ эту единственную „внѣшную силу“, министръ оказался непрочь попугать ею. „Если мы сами въ себѣ не найдемъ силы и возможности устроить порядокъ внутри страны, то этотъ порядокъ будетъ у насъ установленъ германскими штыками“. А далѣе выяснялась и цѣль угрозы. До сихъ поръ порядокъ возстанавливается военными организаціями, но для примѣненія оружія съ цѣлью подчиненія народа внутри страны нужно, чтобы Совѣтъ республики сказалъ, что онъ этого хочетъ“.

Это неожиданное обращеніе было направлено къ правому большинству. Слѣва были увѣрены, что это—ловушка и провокація въ ихъ стилѣ и потому кричали: „правильно“. Между тѣмъ, этой туманной фразой министръ, не теряя довѣрія лѣвыхъ, въ сущности ставилъ передъ правыми свою кандидатуру на постъ военнаго диктатора и наслѣдника Корнилова. Чтобы не было недоразумѣнія, онъ еще вернулся къ этой темѣ въ концѣ рѣчи. „Я твердо и опредѣленно поставлю Совѣту республики: угодно ли ему, чтобы въ странѣ продолжались погромы, пьяныя безчинства, выступленія и т. д? Или ему угодно, чтобы въ тѣхъ случахъ, когда выступаетъ анархическая толпа, къ этой толпѣ примѣнялось оружіе?. . . Возстановить порядокъ пытался и Корниловъ своей властью. Попытка Корнилова сорвалась и не могла не сорваться. Но оставить анархію, передъ которой мы стоимъ такъ, какъ она есть, есть преступленіе передъ государствомъ, передъ цѣлой страной. Поэтому, пускай представители всего русскаго народа, скажутъ, что они считаютъ нужнымъ водворить порядокъ для спасенія родины“.

Этотъ молодой человѣкъ, видимо, не хотѣлъ въ своей головокружительной карьерѣ остановиться на портфелѣ военнаго министра и уже искалъ себѣ точки опоры, чтобы подняться выше. Но онъ слишкомъ спѣшилъ и потому слишкомъ выдавалъ себя. Все въ немъ: и не успѣвшая стать солидной тоненькая фигура, и голосъ, срывавшійся на фальцетъ въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ, и черезчуръ смѣлые, рискованные, не взвѣшенные и

выскакивавшіе какъ-то неожиданно для самого оратора обороты фразъ и, наконецъ, самый выборъ мѣста для конфиденціальныхъ предложеній,—все это отзывало чѣмъ-то недодѣланнымъ и недозрѣлымъ. Въ смѣлости и въ честолюбіи, видимо, въ Верховскомъ не было недостатка; онъ не былъ лишенъ и ясности пониманія. Но неразборчивость въ выборѣ средствъ и безпринципность черезчуръ гибкой аргументаціи слишкомъ бросалась въ глаза, чтобы онъ могъ не „сорваться“ въ свою очередь. Передъ однородной аудиторіей исполнительнаго комитета, быть можетъ, его ловкость и могла сойти за серьезность и силу убѣжденія. Здѣсь, въ этой смѣшанной и взыскательной аудиторіи, при необходимости аргументировать сразу на два фронта, экзаменъ оказался слишкомъ труденъ.

Проще и непосредственнѣе выступилъ морской министръ Вердеревскій. Онъ тоже, по слову стараго Горація, „видѣлъ и одобрялъ лучшій путь, но слѣдовалъ худшему“. Онъ прикрылъ это противорѣчіе тѣмъ, что выбиралъ болѣе благодарныя темы, обходилъ болѣе трудныя и въ самыхъ отвѣтственныхъ мѣстахъ прикрывался авторитетомъ демократическихъ органовъ. Во всѣхъ флотахъ дѣло обстоитъ недурно. Если въ Балтійскомъ флотѣ, въ моментъ, когда ему приходится рѣшать труднѣйшую задачу обороны, дѣло стоитъ иначе, если производительность заводовъ крайне понизилась, если отношеніе рабочихъ къ своимъ обязанностямъ самое отвратительное, то, во-первыхъ, „виноваты не одни рабочіе и ихъ организаціи“; заводамъ не хватаетъ угля и металла. А, во-вторыхъ, появленіе нѣмецкихъ силъ вблизи нашего берега объяснитъ рабочимъ массамъ и организаціямъ, что отъ нихъ зависитъ поднять боеспособность флота съ точки зрѣнія матерьяльной, что промедленіе каждаго часа въ этой работѣ является явленіемъ грознымъ“. Что касается центральнаго вопроса, личнаго состава флота, Вердеревскій прежде всего разсказалъ, какъ хорошо было съ самаго начала революціи въ Ревелѣ, гдѣ „не было ни одного эксцесса“. Въ Гельсингфорсѣ дѣло шло иначе; но . . . тутъ виновата „обычная для насъ дѣятелей, прошедшихъ всю военную службу при старомъ режимѣ, — привычка скрывать отъ массъ правду“. „Комиссары изъ Гельсингфорса свидѣтельствуютъ, что со стороны никакихъ контръ-революціонныхъ стремленій нѣтъ“. На днѣ пропасти между матросами и офицерами лишь — „зря пролитая кровь“. Министръ „глубоко убѣжденъ, что заслуженное наказаніе“ за эту кровь виновные „понесутъ подъ гнетомъ обви-

ненія собственной среды.“ А затѣмъ онъ надѣется на „выводы послѣ пережитой морской операціи“, свидѣтельствующіе „объ отсутствіи дисциплины“. Проникновеніе этихъ выводовъ „въ массу матросовъ“ есть „единственный путь для возрожденія нормальныхъ отношеній во флотѣ“. Это значитъ для понимающаго дѣло, что нѣтъ никакого пути и что положеніе безнадежно. Но . . . морской министръ „вчера бесѣдовалъ съ представителями матросовъ“, и когда онъ упомянулъ, что даже въ американской арміи обращается вниманіе на внѣшнюю подтянутость и пунктуальность въ отданіи чести и что дисциплина тамъ „принимается всѣми сознательно и добровольно“, то „это слово: добровольно вызвало чрезвычайное волненіе“ среди его собесѣдниковъ.

Они мнѣ заявили, что, конечно, истинная дисциплина должна быть, добровольна: это дѣйствительно единственный путь. Это былъ, конечно, не тотъ выводъ, къ которому хотѣлъ привести ихъ министръ. Но онъ охотно подчиняется обстоятельствамъ и переноситъ этотъ выводъ о „добровольной дисциплинѣ“, какъ гласъ народа на трибуну Совѣта республики. Маленькія оговорки, вродѣ той, что „отдѣльныя нарушенія дисциплины и порядка, разумѣется, и въ условіяхъ добровольной дисциплины не могутъ проходить безнаказанно“, или „что судить начальника подчиненному не подлежитъ“, „въ виду особой обстановки флота“, а потому „офицеры будутъ безусловно подчинены только единоличной власти начальника“, — эти и т. п. упоминанія вскользь суть уже подробности и мелочи: онѣ внесены въ законопроекты, какъ и ограниченіе дисциплинарныхъ судовъ въ войскахъ, согласно проекту Верховскаго, 48 часовымъ срокомъ или установленіемъ имъ же своеобразнаго „института штрафныхъ полковъ“. Въ главномъ морской министръ разсчитываетъ, что „путемъ личныхъ воздѣйствій на мѣстѣ, въ Гельсингфорсѣ, ему удастся найти откликъ въ широкихъ кругахъ, и разумное, честное, сознательное отношеніе матросовъ къ своему долгу будетъ достигнуто“.

Послѣ всѣхъ этихъ словесныхъ ухищреній и утѣшеній, послѣ всѣхъ условностей оффиціальнаго оптимизма и лицемѣрія, проявленныхъ излюбленными „революціонной демократіей“ вождями арміи и флота, прямая и честная рѣчь бывшаго верховнаго главнокомандующаго ген. Алексѣева производила особенно сильное впечатлѣніе. Алексѣевъ не скрывалъ и не преуменьшалъ зла, все называлъ своими именами, но вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не впадалъ въ пессимизмъ и въ отчаяніе. И теперь еще не поздно, если за-

хотятъ взглянуть положенію прямо въ глаза и проявятъ настоящую рѣшимость: таковъ смыслъ его рѣчи. Все зло въ томъ, что мы сами себя убѣдили, что войны вести не можемъ и что намъ нуженъ миръ во что бы то ни стало. Но подумайте серьезно, убѣждалъ ген. Алексѣевъ: возможенъ ли миръ? „Безпристрастная оцѣнка положенія скажетъ“, пророчески утверждалъ старый вождь, что немедленное заключеніе мира явится гибелью Россіи, физическимъ ея разложеніемъ, неизбѣжнымъ раздробленіемъ ея достоянія и уничтоженіемъ работы всѣхъ поколѣній трехъ предшествовавшихъ вѣковъ. Но даже и такой тяжелой цѣной купленный миръ не улучшитъ нашего экономическаго положенія, не возстановитъ нашего разстроеннаго хозяйства, а, главное, не дастъ намъ ни хлѣба, ни угля, и надолго не облегчитъ намъ тяжесть личнаго существованія. Мы станемъ тогда въ полной мѣрѣ рабами и данниками болѣе сильныхъ народовъ, а въ конечномъ результатѣ миръ немедленный и скорый разрушитъ Россію, какъ государство, выведетъ ее изъ сонма великихъ державъ и погубитъ остатокъ нашего народа и въ духовномъ и въ экономическомъ отношеніи“.

Такъ ли уже, однако, безнадежно положеніе? Германія вѣдь тоже истощена, однако, она держится „силой своего народнаго духа, народной дисциплиной и своей системой“. „Россія можетъ, если захочетъ, пережить дни своей слабости; она получитъ помощь отъ своихъ союзниковъ; только нужно воскресить духъ народный“. А для этого, прежде всего не надо льстить народу. Нужно, наоборотъ, „смѣло и открыто посмотрѣть дѣйствительности въ глаза“. Да, армія больна, тяжко больна. „Массы, вкусившія сладость неповиновенія и неисполненія оперативныхъ приказовъ, полной праздности, погрязшія въ стремленіяхъ къ скорѣйшему заключенію мира, который, яко-бы придетъ самъ собой, массы, стремящіяся, въ лицѣ каждаго почти борца, лишь къ сохраненію собственной жизни, — это положеніе опасное“, и не слѣдуетъ „успокаиваться на томъ, что у насъ, дѣйствительно, стоитъ на фронтѣ надежная опора для защиты родины“. Разсчетъ на то, что „недостатокъ дисциплины будетъ восполненъ энтузіазмомъ и порывомъ впередъ“, — разсчетъ, на которомъ было построено наступленіе 18-го іюня, — оказался ошибочнымъ. „Энтузіазма и порыва нѣтъ“. Конечно, допускаетъ Алексѣевъ, вся армія не покинетъ окопы и не уйдетъ въ тылъ; но нельзя не признать, что въ массѣ уснуло понятіе о чести, о долгѣ и о самой элементарной человѣческой справедливости“. Этимъ объясняется, что въ по-

слѣднихъ бояхъ армія „не показала той устойчивости, на которую она была способна всегда, не исключая и самыхъ тяжелыхъ 1915 и 1916 г. г.“ Говорятъ: оздоровите тылъ, тогда и армія воскреснетъ. „Но возможно-ли тылъ привести въ порядокъ безъ прочной вооруженной силы, при помощи войскъ, зависящихъ отъ мѣстныхъ органовъ, и безъ рѣшимости въ случаѣ надобности примѣнить эту силу?... Слѣдовательно, армія не можетъ ждать спасенія отъ оздоровленія тыла, а сама должна приступить къ энергичной, рѣшительной работѣ въ собственныхъ нѣдрахъ“. Ген. Алексѣевъ указываетъ цѣль этой работы въ осуществленіи программы, не разъ обсуждавшейся, начиная съ іюля, при его же участіи, но никогда не приводившейся въ исполненіе. Отголоски той же программы онъ хочетъ слышать еще и въ заявленіяхъ новаго военнаго министра. Но по обѣщаннымъ Верховскимъ заголовкамъ законопроектовъ нельзя судить объ ихъ содержаніи, особенно при господствующемъ настроеніи.

Собственно, этими тремя рѣчами вопросъ объ оборонѣ былъ по существу исчерпанъ. Дальше пошла уже „политика“. Все основное содержаніе рѣчи интернаціоналиста Мартова сводилось къ извращенному толкованію словъ Алексѣева, что съ нездоровой арміей нельзя оздоровить тыла. Отсюда Мартовъ сдѣлалъ нужный для него выводъ, что боеспособность арміи нужна Алексѣеву для „подавленія народныхъ движеній“. Въ своихъ „классовыхъ интересахъ“ буржуазія противилась и введенію „демократическаго строя“ въ армію, хотя „каждый политическій дѣятель долженъ былъ понимать въ февральскіе дни, что не можетъ быть политическаго переворота въ странѣ, который бы не расшаталъ организаціи арміи вообще и ея старой организаціи“, вмѣсто которой нужно было „быстро поставить организацію, проникнутую началомъ противоположнымъ“. Такимъ образомъ, въ разложеніи арміи повинна буржуазія и царизмъ, ибо разложеніе арміи началось уже при царизмѣ. Притомъ же, — это былъ агрументъ по существу, — „русское общество не могло бы провести революціи, если бы съ самаго начала не прибѣгло къ возстанію солдатской массы противъ командн̂аго состава, стоявшаго тогда на сторонѣ царизма“. Формула перехода, внесенная Мартовымъ, предлагала признать необходимость реальной чистки командн̂аго состава, предоставленія армейскимъ организаціямъ спорнаго права отвода и аттестаціи лицъ командн̂аго состава, предоставленія центральному органу „революціонной демократіи“ контроля надъ

дѣятельностью комиссаровъ, отмѣны смертной казни и освобожденія всѣхъ заключенныхъ, нарушившихъ дисциплину „по идейнымъ мотивамъ“, немедленнаго предложенія всѣмъ воюющимъ сторонамъ общаго мира, съ немедленнымъ же заключеніемъ перемирія на всѣхъ фронтахъ.

Послѣ рѣчи Мартова для Керенскаго явилась возможность занять выгодную позицію посрединѣ между двумя крайностями. И онъ ею воспользовался. Онъ защитилъ здравый смыслъ отъ Мартова и „честь русской арміи“ .... отъ Алексѣева. Армія не будетъ защищать, говорилъ онъ, ни классовыхъ интересовъ буржуазіи, ни партійныхъ стремленій интернаціонализма. Правительство всегда боролось противъ насилія меньшинства надъ большинствомъ, все равно, шла ли рѣчь о 27 августѣ или о 3—5 іюля, и называлось ли это меньшинство корниловскимъ или большевистскимъ. Въ неудачѣ наступленія 18-го іюля виноватъ не ошибочный расчетъ на энтузіазмъ арміи, ибо энтузіазмъ дѣйствительно былъ на лицо, — а агитація „безсознательныхъ фанатиковъ съ небольшой прибавкой сознательныхъ предателей отечества“, которая „уничтожила плоды колоссальной, напряженной работы всей русской демократіи“. Заявленіе Мартова, будто успѣхъ революціи объясняется тѣмъ, что солдаты возстали противъ командного состава,—заявленіе вѣрное относительно крайняго теченія революціи, — дало возможность Керенскому въ этомъ вопросѣ перегнуть свою тщательно сбалансированную рѣчь немного вправо и отдать справедливость русскому офицерству. „Блестящее и быстрое завершеніе борьбы со старымъ режимомъ и безкровная гибель въ нѣсколько дней династіи была результатомъ именно того, что въ цѣломъ, за небольшими исключеніями, старая власть не нашла себѣ поддержки и въ командномъ составѣ ..... Армія въ ея цѣломъ, и въ командномъ составѣ, и въ составѣ солдатской массы, рѣшительно и навсегда перешла на сторону свободнаго народа и служитъ государству демократическому“. Но, конечно, эта похвала не относилась къ тѣмъ 10,000 отставнымъ офицерамъ, о которыхъ говорилъ Алексѣевъ, какъ о „драгоцѣнномъ матеріалѣ, которымъ пренебрегаютъ только потому, что ихъ почему-то считаютъ приверженцами стараго режима“, хотя „они сердцемъ и душой являются вполнѣ надежными сынами своей страны“. Все то, что противодѣйствуетъ „общественной“ организаціи въ арміи „не по недоразумѣнію, а по неумѣнію понять и по злой волѣ, должно быть рѣшительно отметено“, заявилъ Ке-

ренскій, подчеркнувъ, что въ этомъ онъ согласенъ съ Верховскимъ, съ которымъ согласенъ Мартовъ. „Ни на іоту никакихъ уступокъ не было сдѣлано программѣ такъ называемой корниловщины“, — за исключеніемъ того, что было сдѣлано въ первое время подъ вліяніемъ общаго страха, „въ моментъ величайшихъ погромовъ въ Галиціи, по требованію не только команднаго состава, но и по требованію мѣстныхъ армейскихъ организацій“ (военно-революціонные суды и смертная казнь). Что даже въ программѣ Верховскаго есть дальнѣйшія уступки „Корниловщинѣ“, одобренныя и Алексѣевымъ, — объ этомъ Керенскій, конечно, не упомянулъ.

Рѣчь Керенскаго имѣла успѣхъ на всѣхъ скамьяхъ, за исключеніемъ меньшевиковъ-интернаціоналистовъ. Эта небольшая группа въ 25 человѣкъ послѣ ухода большевиковъ въ предыдущемъ засѣданіи почувствовала себя въ ихъ положеніи. Она рѣшила публично оправдаться въ томъ, что не ушла вмѣстѣ съ большевиками, а осталась сидѣть въ Совѣтѣ республики. Передъ закрытіемъ засѣданія эта отколовшаяся отъ меньшевиковъ часть фракціи прочла свою декларацію, во всемъ сходную съ большевистской. Тутъ былъ и „саботажъ“ корниловцевъ, и „капитуляція большинства организованной демократіи“, и „ублюдочный законосовѣщательный предпарламентъ“, которому „значительная часть рабочаго класса, возмущенная топтаніемъ на одномъ мѣстѣ, повернула спину“. Но сверхъ всего этого было заявлено, что меньшевики-интернаціоналисты „остаются въ Совѣтѣ, видя въ немъ одну изъ аренъ классовой борьбы“, и будутъ съ трибуны разоблачать“ контръ-революціонный характеръ коалиціи“ и ждать того времени, когда „временный упадокъ революціи . . . . . неизбѣжно смѣнится новымъ подъемомъ“.

Каковъ же былъ результатъ перваго засѣданія, посвященнаго вопросамъ обороны? Была ли здѣсь, помимо дипломатіи и стилистики Керенскаго, общая почва, на которой можно было бы столковаться всѣмъ партіямъ? Дальнѣйшая работа въ комиссіи должна была вскрыть затушеванныя разногласія. Но уже и по общимъ преніямъ было видно, что между разными частями собранія есть глубокія различія, — все тѣ же, что и прежде, и что новыя неудачи и угрозы врага на фронтѣ отнюдь не смогли пробить брони революціоннаго доктринерства. Второе засѣданіе 12 октября еще рѣзче разскрыло расхожденіе этихъ теченій даже и въ общихъ преніяхъ. Представитель лѣвыхъ с. р-овъ Штейнбергъ-Карелинъ

прямо заявилъ: „основная трагедія русской революціи заключается въ томъ, что, начавшись подъ общими лозунгами, она скоро разошлась въ разныя стороны. Если для цензовыхъ элементовъ революція была нужна, чтобы разчистить дорогу для нашихъ военныхъ успѣховъ, то для демократіи революція была первымъ шагомъ къ тому, чтобы войну прикончить. И такъ какъ эти задачи были діаметрально противоположны, то объединенія не могло произойти“. „При такихъ условіяхъ ясно, что разговоры объ оборонѣ государства безплодны, ибо мы стоимъ на разныхъ точкахъ зрѣнія“. Хуже было, что на „разную точку зрѣнія“ сталъ и меньшевикъ — оборонецъ, Гольдманъ-Либеръ, всю рѣчь посвятившій рѣзкимъ до хрипоты нападкамъ на „кадетовъ“, которые „допускали годами то, что теперь пожинается“, которые хотятъ „исполнять обязательства, заключенныя старымъ режимомъ“, и требуютъ войны „до побѣднаго конца“, вмѣсто того, чтобы „сказать арміи, что русская армія не будетъ вести оборонительной войны для, чтобы помогать наступленію союзниковъ“. Формула меньшевиковъ-оборонцевъ, прочтенная Либеромъ, перечисляла „глубокіе корни“ упадка боеспособности арміи: затяжка войны и экономическое разстройство, недовѣріе солдатъ къ командному составу, эксцессы солдатъ, „руководимыхъ политически незрѣлыми элементами и анархической организаціей“. Далѣе перечислялись положительныя требованія: создать въ арміи ясное пониманіе цѣлей войны соотвѣственной внѣшней политикой, „стремящейся всѣми средствами къ скорѣйшему достиженію всеобщаго демократическаго мира“; обезпечить успѣшное снабженіе арміи энергичной экономической политикой, „подчиняющей интересъ частныхъ группъ общегосударственнымъ началамъ“, поднять организованность и дисциплинированность арміи „согласованными дѣствіями команднаго состава, комиссаровъ, войсковыхъ организацій“; отмѣнить смертную казнь, „не оправдывающую себя съ точки зрѣнія возстановленія дисциплины“, и „безпощадно бороться„ съ контръ-революціей, съ самосудами, съ насиліями и погромами. Только послѣднія слова резолюціи: „безъ энергической и усиленной обороны невозможно и скорое заключеніе мира“—должны были показать, что ораторъ и его партія понимаютъ гораздо больше, чѣмъ осмѣливаются сказать передъ лицомъ своихъ обличителей слѣва. Только Н. В. Чайковскій отъ имени трудовой народно-соціалистической группы имѣлъ эту смѣлость: взять альтернативу Штейнберга-Карелина (война или немедленныя

соціалистическія преобразованія) и выбрать въ ней первую часть, войну. „Я съ самаго начала войны утверждалъ", говорилъ Чайковскій, „что проведеніе соціально-революціонныхъ преобразованій во всемъ ихъ объемѣ во время войны есть преступленіе, и мы это преступленіе совершаемъ". На грубый перерывъ слѣва семидесятилѣтній старикъ, одинъ изъ патріарховъ русскаго соціализма, имѣлъ право гордо отвѣтить: „пусть тѣ, кто мнѣ не вѣритъ, докажутъ своей жизнью то, что говорятъ".

Единственными голосами изъ рядовъ другихъ соціалистическихъ группъ, отважившимися открыто и послѣдовательно присоединиться къ этому голосу опыта и здраваго смысла, были голоса двухъ женщинъ-соціалистокъ, изъ которыхъ одна, Е. Д. Кускова, говорила отъ имени кооперацій, а другая, Л. Б. Аксельродъ-Ортодоксъ, отъ имени группы „Единство". Обѣ рѣчи произвели то впечатлѣніе, которое всегда производитъ правдивое и смѣлое слово въ средѣ, привыкшей къ условному лицемѣрію. Впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что это былъ первый дебютъ женщины въ русскомъ представительномъ учрежденіи. Конечно, обѣ делегатки говорили не какъ спеціалистки въ военныхъ вопросахъ. Но обѣ говорили о тѣхъ элементарныхъ предпосылкахъ, безъ которыхъ не можетъ быть никакого порядка и никакой обороны. Кускова требовала отъ правительства не словъ, а дѣйствій: „тѣхъ, кого не научило все то, что мы пережили, не научатъ никакія убѣжденія словами". У предпарламента она „не просила, а молила" — „оставить деклараціи, принять въ разсчетъ „несознательность и неорганизованность массъ", которыя „безумно устали отъ того, что дѣлаемъ мы, ихъ интеллигентные вожди", спрятать „ученическія тетради общественной дѣятельности" и „намѣтить тѣ точки единенія, которыя дѣйствительно обезпечивали бы оборону страны и ввергнутое сейчасъ въ разруху государство". Она кончила призывомъ: изъ предпарламента „сдѣлать исключительно оборонческій союзъ для обороны родины".

Это была совершенно правильная постановка основной задачи, и правиленъ былъ призывъ, „если у насъ эти точки единенія есть, выявить ихъ въ ближайшіе дни и часы". Самое меньшее, что для этого было нужно, это — объединить, если не весь предпарламентъ, что было очевидно невозможно, то, по крайней мѣрѣ, большинство въ немъ, на общей формулѣ перехода. Починъ для этого сдѣлала фракція народной свободы, составивъ свой проектъ формулы и передавъ его кооператорамъ. Такъ какъ кооператоры

въ этомъ собраніи являлись болѣе естественнымъ центромъ, то фракція народной свободы и уступила иниціативу внесенія общей формулы имъ. Для кооператоровъ формула оказалась пріемлемой. Но когда они отъ себя вошли въ переговоры съ болѣе лѣвыми группами, то оказалось, что необходимо сдѣлать измѣненія и дополненія, одно затушевать, другое выдвинуть впередъ. Переговоры затянулись. Общаго проекта формулы не было, а въ ожиданіи пока группы сговорятся, нельзя было остановить преній. Такимъ образомъ, еще одно засѣданіе, 13-го октября, было посвящено рѣчамъ и обсужденію вопроса объ эвакуаціи Петрограда. По поводу вопроса объ эвакуаціи Керенскій протестовалъ противъ обвиненій, которыми усердно пользовалась въ эти дни большевистская демагогія, — будто правительство хочетъ сдать Петроградъ нѣмцамъ, а само собирается „бѣжать въ Москву“. Керенскій просто снялъ вопросъ съ очереди, заявивъ, что „съ того времени, когда правительство впервые его обсуждало въ своей средѣ, обстановка значительно измѣнилась къ лучшему, и въ настоящее время оно не считаетъ нужнымъ настаивать на обсужденіи вопроса объ эвакуаціи Петрограда въ порядкѣ неотложной срочности“.

Въ промежуткѣ между засѣданіями Совѣта республики состоялся, 14-го и 15-го октября, въ Москвѣ, 10-ый всероссійскій съѣздъ партіи народной свободы. Развернувшіяся на немъ пренія имѣли ближайшее отношеніе къ вопросу о политической роли предпарламента. Какъ было уже указано, мнѣнія во фракціи разошлись. В. Д. Набоковъ, М. С. Аджемовъ и М. М. Винаверъ считали необходимымъ дальнѣйшее развитіе той же тактики соглашенія, которая привела къ созданію, при дѣятельномъ участіи двухъ первыхъ, третьей коалиціи и Совѣта республики. Путемъ переговоровъ и уступокъ болѣе лѣвымъ группамъ они разсчитывали создать въ Совѣтѣ „здоровое большинство, опирающееся на государственную точку зрѣнія“. Соглашеніе въ предпарламентѣ они разсматривали, какъ преддверіе къ выборамъ въ Учредительное Собраніе. Напротивъ, П. Н. Милюковъ, къ которому присоединился А. И. Шингаревъ, полагали, что здоровыхъ элементовъ для составленія прочнаго большинства въ Совѣтѣ республики не найдется, ибо даже умѣренныя соціалистическія партіи не рискнутъ открыто войти въ соглашеніе съ „цензовыми элементами“ и не откажутся отъ идеологіи и фразеологіи, которыя отдаютъ ихъ въ жертву крайнимъ лѣвымъ элементамъ*). Если они и теперь ищутъ

*) Ср. приведенную выше цитату изъ мемуаровъ В. Д. Набокова.

опоры въ „цензовыхъ элементахъ“, то это потому, что они отброшены отъ своего соціальнаго и политическаго базиса на аукціонѣ, гдѣ крайніе лѣвые надбавили цѣну“. При этихъ условіяхъ они — союзники безсильные, а слѣдовательно, и безполезные, и нѣтъ основанія жертвовать этому сомнительному и непрочному союзу ясностью программы к. д., постепенно принимаемой все болѣе широкими общественными кругами. Предпарламентъ надо разсматривать, не какъ арену для соглашенія, которое, вѣроятно, не состоится, а какъ средство дальнѣйшей агитаціи передъ выборами въ Учредительное Собраніе. На выборахъ нужно не соглашеніе, а борьба. Выборы — нашъ послѣдній шансъ, ибо, „если составъ Учредительнаго Собранія будетъ такой же, какъ и Совѣта, то для Россіи это означало бы гибель. Теперь происходитъ процессъ разочарованія въ лозунгахъ, выдвинутыхъ крайними партіями, и мы должны этотъ процессъ ускорить“. А это можно сдѣлать только вполнѣ опредѣленной постановкой всѣхъ основныхъ государственныхъ вопросовъ.

Центральный комитетъ и фракція были на этотъ разъ, въ большинствѣ на сторонѣ соглашенія. Но съѣздъ въ огромномъ своемъ большинствѣ высказался за тактику П. Н. Милюкова — и готовъ былъ идти еще дальше его. Страстное и рѣзкое нападеніе М. С. Аджемова встрѣтило рѣзкій же отпоръ со стороны П. И. Новгородцева. П. Н. Милюковъ предложилъ съѣзду не обострять разногласій и принять примирительную формулу, въ ожиданіи, пока ближайшіе дни оправдаютъ фактически тотъ или другой изъ борющихся взглядовъ. Въ принятой формулѣ, дѣйствительно, „стремленіе къ образованію въ Совѣтѣ руководящаго центра государственной мысли, объединяющаго здоровые политическіе элементы, дающаго временному правительству возможность опереться на нихъ и направляющаго правительство по пути неуклоннаго осуществленія неотложныхъ государственныхъ задачъ“, было принято, какъ „ближайшая задача партіи въ Совѣтѣ“. Но, рядомъ съ этимъ, было категорически признано, что этой задачѣ не слѣдуетъ жертвовать другой задачей — сохраненія связи со всей предыдущей дѣятельностью партіи во время революціи, — дѣятельностью, цѣль которой была „закрѣпить въ сознаніи массъ твердый и опредѣленный взглядъ на пути спасенія родины“. Партія уже давно выдвинула для этой цѣли минимальную государственную программу, „не оспариваемую нигдѣ, кромѣ Россіи“, но здѣсь находящую свое признаніе въ цѣломъ рядѣ „разнообразныхъ и все увеличивающихся въ числѣ общественныхъ группъ“.

Ближайшія же засѣданія Совѣта республики оправдали всѣ опасенія П. Н. Милюкова. Два дня передъ засѣданіемъ 16-го октября прошли въ поискахъ общей формулы. Попыткамъ кооператоровъ — составить правое большинство съ к. д. — соціалъ-демократы противопоставили свою попытку составить новое большинство съ с. р.-ми. Но и эта попытка не привела ни къ чему. Пришлось это засѣданіе тоже посвятить продолженію преній. Послѣ черезчуръ затянувшагося перерыва рѣшено было, въ ожиданіи результатовъ дальнѣйшихъ переговоровъ о формулѣ, выслушать рѣчь М. И. Терещенко о внѣйшей политикѣ. Наступило, наконецъ, слѣдующее засѣданіе 18-го октября, а общей формулы все еще не было. Пришлось предоставить рѣшеніе случайнымъ шансамъ голосованія. Передъ голосованіемъ, отъ имени объединившихся группъ кооператоровъ, народно-соціалистической, „Единства", крестьянскаго союза, партіи народной свободы, радикально-демократической, казачьей, торгово-промышленной и нѣкоторыхъ національныхъ группъ, Н. В. Чайковскій огласилъ проектъ общей формулы. Изъ этой формулы было исключено все, сколько-нибудь спорное и конкретное. Отношеніе Совѣта къ программѣ оздоровленія арміи, т. е. выборъ между Алексѣевымъ и Верховскимъ, былъ оставленъ открытымъ „до представленія правительствомъ и комиссіями детально разработанныхъ мѣръ". Формула, однако, признавала, что задачи „широкихъ соціальныхъ реформъ и обезпеченія землей трудового крестьянства „должны быть подчинены первоочередной задачѣ — отраженія врага и защиты цѣлости и независимости родины". Она утверждала, что „силы страны нельзя считать истощенными" и что надо лишь „водворить въ странѣ и арміи демократическій порядокъ" для устраненія разстройства хозяйственной жизни. Въ области военныхъ распорядковъ формула лишь требовала опредѣленія закономъ точныхъ правъ и обязанностей комитетовъ и комиссаровъ, — чтобы „этимъ прекратить дальнѣйшее присвоеніе государственной власти не уполномоченными на то лицами и группами", — энергичной борьбы съ самоуправствомъ и подчиненія интересовъ всѣхъ классовъ общегосударственнымъ задачамъ. Отъ арміи и флота резолюція ожидала, что, „при содѣйствіи государственной власти, они справятся съ разлагающими ихъ силами". Всѣ вообще граждане призывались къ неустанному труду, самоограниченію и жертвамъ".

Эта компромиссная формула, уклонившаяся отъ отвѣта на основной вопросъ, подлежавшій рѣшенію Совѣта, не удовлетво-

рила ни правыхъ, ни лѣвыхъ. П. Б. Струве сдѣлалъ оговорку объ этомъ отъ имени совѣщанія общественныхъ дѣятелей, казакъ Анисимовъ тоже былъ недоволенъ „общими фразами". А. Б. Пѣшехоновъ подробно объяснилъ, почему трудовая народно-соціалистическая партія соглашается не вносить въ формулу лѣвыхъ элементовъ. Въ концѣ концовъ, всѣ эти группы соглашались на компромиссъ. И формула при первомъ голосованіи была принята ничтожнымъ большинствомъ 5-ти голосовъ, 141 противъ 136, при 6 воздержавшихся. Но при провѣркѣ голосованія путемъ выхода въ двери это большинство растаяло. Формула была отвергнута 139 голосами противъ 139, при одномъ воздержавшемся. Всѣ другія формулы не собрали даже и этого меньшинства. Формула с. р. получила только 95 голосовъ противъ 127, при 50 воздержавшихся (крайнихъ лѣвыхъ). Формула меньшевиковъ получила только 39, лѣвыхъ с. р. только 38, меньшевиковъ-интернаціоналистовъ и лѣвыхъ с. р. только 42 голоса. Такъ, по первому, важнѣйшему вопросу, поставленному на рѣшеніе Совѣта, Совѣтъ оказался безъ формулы и безъ общаго мнѣнія.

„Въ залѣ общее движеніе и смущеніе", отмѣчаетъ хроникеръ „Р. Вѣдомостей".

VI. „Національная политика“ или „похабный миръ“.

„Политика парадоксовъ“ во всѣхъ отношеніяхъ или „національная политика“. Вмѣшательство Совѣта въ дипломатію. „Наказъ“ Скобелеву и манифестъ стокгольмскаго комитета. Выступленіе М. И. Терещенко. П. Н. Милюковъ критикуетъ не Терещенко, а соціалистовъ. Передѣлка „Наказа“ крестьянскими депутатами Конфликтъ Терещенко съ „демократіей“ и съ Верховскимъ. Верховскій ставитъ кабинетный вопросъ. Конецъ преній по внѣшней политикѣ.

Затѣмъ Совѣтъ республики долженъ былъ перейти ко второму капитальнѣйшему вопросу государственной политики, тѣсно связанному съ первымъ: къ вопросу объ основахъ нашихъ международныхъ отношеній. Въ этой области, какъ и въ области военныхъ вопросовъ, правительство безнадежно запуталось въ противорѣчіяхъ между признанной имъ идеологіей „революціонной демократіи“ и реальными интересами Россіи, безъ обезпеченія которыхъ невозможно было даже осуществленіе и этой „демократической“ идеологіи. Разница тутъ была лишь въ томъ, что тогда какъ ошибки въ военной программѣ тотчасъ же отзывались пониженіемъ нашей боеспособности и тяжелыми уроками пораженій, заставлявшихъ, хотя бы частично, хотя бы въ видѣ отдѣльныхъ попытокъ, подумать о немедленномъ возвращеніи на старую дорогу, здѣсь — въ области дипломатіи, потеря нашего международнаго вѣса не сознавалась такъ быстро и непосредственно, отчасти благодаря традиціонной условности дипломатическаго языка, отчасти въ виду необходимости считаться хотя бы и съ слабѣющимъ союзникомъ. О Россіи продолжали говорить, какъ о „великой державѣ“. Но ненормальность создавшагося положенія прекрасно понималась, какъ и ея истинныя причины, оффиціальнымъ руководителемъ иностраннаго вѣдомства. Мы уже отмѣтили возраставшее раздраженіе М. И. Терещенко противъ

органовъ „революціонной демократіи“, когда ему не удалось поладить съ ними одной видимостью сдѣланныхъ уступокъ. Въ послѣднюю коалицію онъ вступалъ съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ покончить съ этой политикой уступчивости. Онъ не выступилъ передъ демократическимъ совѣщаніемъ, но въ самый день его открытія, 14 сентября въ газетахъ появилась его бесѣда, свидѣтельствовавшая о сознательномъ отношеніи министра къ тому внутреннему противорѣчію, которое мы отмѣтили и жертвой котораго онъ сдѣлался. „Говоря о будущемъ“, онъ „выразилъ надежду, что впредь общая русская политика не будетъ больше политикой парадоксовъ, которая намъ такъ дорого стоила втеченіе послѣднихъ мѣсяцевъ“. „Въ самомъ дѣлѣ“, пояснялъ министръ иностранныхъ дѣлъ, „мы выступили во имя мира, но на дѣлѣ создали условія, вслѣдствіе которыхъ затянулась война. Мы стремились къ сокращенію жертвъ, но въ результатѣ только увеличили кровопролитіе. Мы работали въ пользу демократическаго мира, но вмѣсто него приблизили торжество германскаго имперіализма. Такія недоразумѣнія недопустимы. Для завершенія войны, согласно принципамъ, заявленнымъ временнымъ правительствомъ, необходимо, чтобы внутри страны всѣ живыя силы объединились и дали возможность правительству вести настоящую національную политику“. Бывшій товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, Б. Э. Нольде, былъ правъ, когда указалъ въ газетѣ „Рѣчь“ (16 сентября), что эта жестокая критика „политики парадоксовъ“ есть критика политики самого М. И. Терещенко. Онъ указалъ и на то, что не слѣдовало бы легкомысленно относиться къ германскимъ предложеніямъ мира (бесѣда была по поводу германскаго отвѣта на мирное предложеніе папы Бенедикта XV), ибо при ослабленіи Россіи и при физическомъ отказѣ ея отъ продолженія войны, эти предложенія могутъ быть сдѣланы и сепаратно, за счетъ Россіи, ея союзникамъ. На самомъ дѣлѣ Терещенко имѣлъ основаніе сказать, что новый отвѣтъ Германіи такъ же лицемѣренъ и такъ же мало даетъ, какъ и прежніе. Но онъ могъ прибавить, что когда Германіей велись предварительные переговоры съ папскимъ престоломъ объ опубликованіи папской ноты, то Германія имѣла въ виду дать на нее болѣе опредѣленный и готовый къ уступкамъ отвѣтъ. Если же эти намѣренія были взяты потомъ назадъ и отвѣтъ получился по-прежнему неопредѣленный, то не надо забывать, что въ промежуткѣ произошло занятіе Риги, которое очень повысило на-

строеніе германскихъ патріотовъ, и открыло передъ ними новыя перспективы.

Въ числѣ уступокъ „революціонной демократіи“, грозившей и въ будущемъ держать нашу внѣшнюю политику въ области „недопустимыхъ недоразумѣній“ и „дорого стоющихъ парадоксовъ“, не дающихъ правительству „возможности вести настоящую національную политику“, имѣлась одна, особенно чреватая дурными послѣдствіями. Еще въ деклараціи 8-го іюля, опубликованной въ промежутокъ между уходомъ министровъ к. д. и созданіемъ второй коалиціи съ ихъ участіемъ, „революціонной демократіи“ было обѣщано своеобразное право непосредственнаго веденія международныхъ переговоровъ, параллельно съ оффиціальными дипломатами. Къ этому сводилось обязательство, что на предстоящей союзнической конференціи, — которая предполагалась въ августѣ, но именно въ виду этой трудности была отсрочена, — представители „демократіи“ примутъ непосредственное участіе въ пересмотрѣ переговоровъ, наряду съ спеціалистами вѣдомства иностранныхъ дѣлъ. При переговорахъ объ образованіи третьей коалиціи „демократія“ вспомнила объ этомъ обязательствѣ и потребовала его выполненія. Мы видѣли, что именно въ это время на Совѣтѣ было произведено особенно сильное давленіе слѣва въ смыслѣ требованія немедленныхъ переговоровъ съ союзниками о заключеніи „демократическаго мира“ и одновременнаго перемирія на всѣхъ фронтахъ. Представители партіи народной свободы, конечно, не могли подписаться подъ политически безграмотнымъ обѣщаніемъ деклараціи 8 іюля. Но, ведя переговоры въ духѣ соглашенія, они не могли и отказаться вовсе отъ сдѣланной разъ уступки. Они выбрали среднюю линію: они согласились, чтобы „лицо, облеченное особымъ довѣріемъ демократическихъ организацій“ вошло въ составъ оффиціальной русской делегаціи. Но они поставили условіемъ, что въ делегацію это лицо будетъ назначено правительствомъ, будетъ считаться его представителемъ и будетъ выступать совмѣстно и солидарно съ другими представителями дипломатическаго вѣдомства. Это было написано чернымъ по бѣлому въ правительственной деклараціи 27 сентября. Это же повторилъ и А. Ф. Керенскій въ своей рѣчи при открытіи Совѣта республики.

Однако же, „революціонная демократія“ вовсе не желала признавать такого ограниченія, ибо такъ поставленное представительство теряло для „демократіи“ всякую цѣну. И въ то время, когда М. И. Терещенко совѣщался въ ставкѣ и въ Петроградѣ съ ген.

Алексѣевымъ и съ вновь назначеннымъ посломъ въ Парижѣ, В. А. Маклаковымъ, съ которымъ собирался ѣхать и самъ на Парижскую конференцію, окончательно назначенную на вторую половину октября, — центральный исполнительный комитетъ совѣта р. и с. д. поручилъ своему бюро выработать особый „наказъ“, которымъ долженъ былъ руководствоваться на конференціи спеціальный делегатъ „революціонной демократіи“ М. И. Скобелевъ. „Наказъ“ этотъ былъ опубликованъ 7-го октября. Содержаніе его оказалось таково, что о посылкѣ представителя „демократіи“ наряду съ представителями правительства на союзническую конференцію не могло быть и рѣчи.

Какъ нарочно, для иллюстраціи особенностей этого „Наказа“, за два дня раньше былъ опубликованъ манифестъ организаціоннаго комитета стокгольмской конференціи. Делегація соціалистовъ нейтральныхъ странъ обращалась съ этимъ манифестомъ къ партіямъ, примыкающимъ къ интернаціоналу во всѣхъ странахъ. Матеріалъ для манифеста былъ заимствованъ изъ подробныхъ опросовъ соціалистическихъ делегацій разныхъ національностей, посѣтившихъ Стокгольмъ еще въ маѣ и въ іюнѣ.

Созывъ стокгольмской конференціи, какъ извѣстно, неоднократно откладывался, вслѣдствіе внутреннихъ разногласій между соціалистическими теченіями, — разногласій, усилившихся послѣ того, какъ обнаружилась слабость русской революціи. *)

Наконецъ, организаціонный комитетъ рѣшилъ использовать собранный матеріалъ, чтобы формулировать вполнѣ конкретныя условія того, что въ Германіи получило названіе „согласительнаго мира“.

Согласно общей тенденціи Стокгольмскаго комитета, его условія мира, разумѣется, были формулированы такъ, чтобы, безъ проявленія очевидной пристрастности, все-таки быть пріемлемыми для Германіи. Конечно, всѣ основные тезисы интернаціональнаго движенія въ пользу мира были здѣсь включены полностью: обязательный арбитражъ, всеобщее разоруженіе, миръ „безъ принужденія побѣдителемъ побѣжденнаго“, „безъ аннексій и контрибуцій“, съ „свободой національнаго самоопредѣленія“. Но центръ тяжести манифеста лежалъ не въ этихъ пацифистскихъ, а въ спеціальныхъ условіяхъ. Эти послѣднія условія отражали очень прозрачно мнѣнія соціалистическихъ делегацій враждебныхъ намъ

*) См. объ этомъ подробнѣе — четвертый выпускъ „Исторіи“.

странъ. Бельгія должна была быть возстановлена „экономически„ (о политической и военной независимости не говорилось) и раздѣлена, согласно только что опубликованному требованію Германіи, въ ея дополнительномъ отвѣтѣ намъ, на Фландрію и Валлонію, которыя получали „культурную автономію“. Русская Польша получала независимость, но польскія области Австріи и Германіи получали лишь „наибольшую возможную автономію“, въ полномъ противорѣчіи съ началомъ „самоопредѣленія народностей“. Такъ же бережно обращался манифестъ и съ итальянскими областями Австріи, которыя не будутъ уступлены Италіи. Имъ „предоставлялась культурная автономія“, а чешскій народъ только „объединялся“, безъ упоминаній не только о независимости, но и объ автономіи. За то щедрой рукой манифестъ создавалъ „независимость Финляндіи и Ирландіи“ и давалъ „территоріальную автономію національностямъ Россіи въ рамкахъ федеративной республики“, подчеркивая этимъ связь русскихъ національныхъ организацій и „съѣзда народностей“ въ Кіевѣ съ международными связями и вліяніями, скрещивавшимися въ Стокгольмѣ. Балканскіе вопросы трактовались въ смыслѣ внѣшней справедливости. „Независимая Сербія, объединенная съ Черногоріей“ возстанавливалась „политически и экономически“, и получала отъ Болгаріи и Греціи Македонію на западъ отъ Вардара, „который останется коммуникаціонной линіей Сербіи — а черезъ нее и австрійской торговли — „съ моремъ“, съ правомъ пользоваться свободнымъ доступомъ къ Салоникскому округу и порту“. Безусловно справедливо и безпристрастно было требованіе „независимости и территоріальнаго возстановленія турецкой Арменіи“. Наконецъ, еврейскій вопросъ признавался международнымъ и разрѣшался въ смыслѣ „личной автономіи“ евреевъ [въ Россіи, Австріи, Румыніи и Польшѣ (подразумѣвается, очевидно, внѣтерриторіальная національная автономія) и „содѣйствія колонизаціи евреями Палестины“.

„Наказъ“ М. И. Скобелеву далеко выходилъ за предѣлы этихъ, болѣе или менѣе ставшихъ ходячими, тезисовъ международнаго соціалистическаго пацифизма. Перечитывая его текстъ параллельно съ Стокгольмскимъ манифестомъ, невозможно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что тутъ работали двѣ руки: рука неопытнаго пацифиста-утописта, внесшаго въ текстъ специфически-русскія пацифистскія иллюзіи, и другая, очень опытная рука, знакомая съ такими деталями спорныхъ вопросовъ, которыя вообще

были неизвѣстны непосвященнымъ. Эта рука наклоняла рѣшенія въ пользу Германіи гораздо полнѣе и откровеннѣе, чѣмъ это было сдѣлано въ документѣ старавшагося держаться нейтрально голландско-скандинавскаго комитета.

Къ первой категоріи пацифистскихъ требованій слѣдуетъ отнести требованія объ отмѣнѣ тайныхъ договоровъ, объ утвержденіи условій мира парламентами, о заключеніи мира на конференціи „черезъ уполномоченныхъ, выбранныхъ органами народнаго представительства", объ участіи въ „лигѣ мира" "всѣхъ государствъ съ равными правами, при демократизаціи внѣшней политики". Всѣ эти положенія естественно вытекаютъ изъ скрытой здѣсь предпосылки, что миръ и будущія международныя отношенія будутъ устанавливаться не „грабительскими имперіалистскими правительствами", а „революціонной демократіей" всѣхъ странъ, свергнувшей эти правительства по примѣру Россіи. Во всякомъ случаѣ, эта большевистско-циммервальдская идея, не умѣстившаяся въ рамкахъ стокгольмскаго манифеста, прекрасно укладывается въ рамкахъ „Наказа" Скобелеву.

Другая категорія измѣненій, внесенныхъ въ „Наказъ", — продуктъ ревизіи свѣдущаго германофила, — проходитъ красной нитью черезъ всѣ конкретныя условія мира. Нѣмецкія войска, конечно, „выводятся изъ занятыхъ областей Россіи". Но... „Россія предоставляетъ полное самоопредѣленіе Польшѣ, Литвѣ, и Латвіи": другими словами, на мѣстѣ оккупированныхъ провинцій создаются „государства буфера", согласно давней мечтѣ германскихъ националистовъ*). При этомъ о германской и австрійской частяхъ Польши „Наказъ" просто молчитъ. Эльзасъ-Лотарингскій вопросъ разрѣшается, какъ и въ стокгольмскомъ манифестѣ, — но не „въ опредѣленный послѣ заключенія мира срокъ", какъ принялъ этотъ манифестъ, согласно желанію французскихъ соціалистовъ, а „послѣ вывода войскъ обѣихъ коалицій, причемъ „мѣстное самоупраленіе организуетъ опросъ населенія при условіи полной свободы голосованія": т. е. администрація, созданная при господствѣ Германіи привлекаетъ съ участію въ голосованіи пришлый германскій элементъ, тогда какъ не успѣвшіе вернуться на родину французскіе изгнан-

*) Какъ извѣстно, недѣлю спустя послѣ побѣды большевиковъ Ленинъ опубликовалъ декретъ 15 ноября о правѣ самоопредѣленія народностей: „вплоть до отдѣленія", а 29 ноября германскій канцлеръ Гертлингъ заявилъ въ Рейхстагѣ, что онъ „уважаетъ право Польши, Курляндіи и Литвы на самостоятельное рѣшеніе своей судьбы".

ники устраняются отъ рѣшенія ея судьбы. Бельгіи только возвращаются прежнія границы, и о независимости (даже „экономической") ничего не упоминается. Ея убытки покрываются „изъ международнаго фонда", тогда какъ даже само германское правительство соглашалось вернуть Бельгіи часть взятыхъ съ нея „контрибуцій". Союзникамъ Германіи „Наказъ" тоже даетъ преимущества. Сербія получаетъ лишь „доступъ къ Адріатическому морю", на что австрійцы соглашались даже въ 1909 году; но Боснія и Герцеговина получаютъ только „автономію". Этимъ же, но съ „послѣдующимъ плебисцитомъ", ограничивается дѣло въ „итальянскихъ областяхъ Австріи". „Уступка Италіи хотя бы части ихъ, предусмотрѣнная стокгольмскимъ манифестомъ, вовсе не предполагается. Румынія даетъ Добруджѣ, какъ Россія Польшѣ, Литвѣ и Латвіи „полное самоопредѣленіе": это значитъ, что Добруджа переходитъ къ Болгаріи, которая получаетъ и всю Македонію — не только восточную по р. Вардаръ, какъ предполагалъ стокгольмскій манифестъ, вовсе не упоминавшій о Добруджѣ. Особо упоминалось въ „Наказѣ" о возвращеніи Германскихъ колоній, поставленномъ въ манифестѣ въ зависимость отъ возвращенія всѣхъ оккупированныхъ территорій вообще. Далѣе говорилось о „возстановленіи" Греціи и Персіи, понятномъ только въ смыслѣ „возстановленія германскаго вліянія въ первой и утратѣ русскаго и англійскаго вліянія во второй. Вѣроятно, въ этомъ же смыслѣ, т. е. въ смыслѣ установленія какихъ-нибудь спеціальныхъ германскихъ правъ и устраненія англійскихъ и американскихъ, говорилось о „нейтрализаціи" Суэзскаго и Панамскаго каналовъ давно нейтрализованныхъ. Далѣе развиваются обычныя германскія требованія, „свободы морей", отказа отъ экономической блокады послѣ войны и свободы торговой политики. Въ последнемъ отношеніи каждая получаетъ „автономность", но безъ права „заключать сепаратные таможенные союзы" (очевидно, новые) и безъ права „наиболѣе благопріятствуемой націи", которое должно быть распространено на „всѣ государства безъ различія".

Опубликованіе „Наказа" произвело впечатлѣніе скандала даже въ „демократическихъ" кругахъ. Разобравшись нѣсколько въ томъ, что они приняли, органы „демократіи" стали утверждать, что не все въ этомъ „Наказѣ" нужно считать одинаково обязательнымъ, и что вообще „Наказъ" можно пересмотрѣть. Но недостатки „Наказа" были, какъ мы видѣли, не наносными, случайными чертами въ немъ, а такъ сказать, самымъ его существомъ. И сговориться правительству съ „революціонной демократіей" на почвѣ этого „На-

каза", такъ ясно покровительствовавшаго врагамъ и предававшаго друзей и союзниковъ, было, очевидно, невозможно. М. И. Терещенко далъ понять "демократіи", что связать себя „Наказомъ" онъ не можетъ и на конференцію вмѣстѣ съ М.И. Скобелевымъ не поѣдетъ.

Таково было положеніе, когда въ Совѣтѣ республики очередь дошла до обсужденія внѣшней политики. Копромиссная позиція по вопросу о мирѣ была для правительства возможна. Оно уже на нее стало и принципіально; оно готово было лишь искать какого-нибудь минимума, при которомъ „демократическая" формула мира могла бы быть примирена съ національнымъ интересомъ Россіи. Но такого минимума, какой придумалъ Верховскій въ военномъ вопросѣ, тутъ не было на лицо, да его бы и не приняла „демократія". А становиться на точку зрѣнія „Наказа" было совершенно невозможно для сколько-нибудь уважающаго себя правительства. Такимъ образомъ, въ области внѣшней политики правительство осталось безъ компромисса и безъ возможности предложить его съ какимъ-нибудь разсчетомъ на успѣхъ. М. И. Терещенко не имѣлъ и такой точки опоры для своего выступленія, какую имѣлъ Керенскій, Верховскій и Вердеревскій въ преніяхъ о боеспособности арміи.

Можетъ быть при такомъ положеніи слѣдовало бы заговорить открыто о „настоящей національной политикѣ?" М. И. Терещенко не былъ лишенъ пониманія, въ чемъ она заключалась. Но, боясь рассориться съ „демократіей", онъ могъ говорить только вполголоса. И такой половинчатой, хромающей на обѣ ноги и никого не способной удовлетворить, явно-неискренней и не отвѣчающей достоинству руководителя русской внѣшней политики, оказалась его рѣчь передъ Совѣтомъ республики.

Связь внѣшней политики съ обороной давала министру первую тему, развивая которую онъ могъ бы вернуться къ своей мысли о „парадоксахъ", такъ „дорого стоившихъ" Россіи и отнынѣ „недопустимыхъ". Развивала же даже лѣвая печать ту мысль, что шансы „демократическаго мира" быстро падаютъ по мѣрѣ успѣха демократическихъ утопій. Но такое развитіе темы передъ аудиторіей Совѣта республики было бы небезопасно... И министръ ограничился двумя чертами сравненія. Во-первыхъ, и объ оборонѣ, и о внѣшней политикѣ. . . нельзя всего говорить открыто. Во-вторыхъ, и оборона, и внѣшная политика должны основываться на „одномъ и томъ же чувствѣ любви къ родинѣ и желаніи сохра-

нить ея интересы". Однако, Терещенко тотчасъ же испугался этого второго сравненія. Развѣ можно было здѣсь говорить о любви къ родинѣ, о ея интересахъ, какъ о чемъ-то объективно-обязательномъ и общепринятомъ? И поймавъ себя на этой неосторожности, М. И. Терещенко тотчасъ же оговорился: онъ „хотѣлъ бы говорить здѣсь совершенно сухо и конкретно, не вводя вопросовъ государственной чести и достоинства, а только государственной цѣлесообразности". И исключительно изъ соображеній „цѣлесообразности" онъ вывелъ, „что нельзя Россіи оставаться одинокой и что та группировка силъ, которая въ настоящее время создалась, оставляя въ сторонѣ вопросы обязательства и чести, для нея цѣлесообразна".

Вѣроятно это былъ единственный министръ иностранныхъ дѣлъ и единственная въ мірѣ аудиторія, передъ которой въ такую минуту нельзя было говорить объ „обязательствахъ чести и достоинства" родины, не извиняясь за эти слова, и не устраняя ихъ изъ доказательства, какъ спорныя! Какая разница, какая пропасть отдѣляетъ этотъ моментъ отъ того, когда въ палатѣ общинъ, передъ рѣшеніемъ Англіи оказать поддержку Франціи и Россіи, сэръ Эдвардъ Грей говорилъ: вы свободны отъ обязательствъ, никакіе союзы васъ не связываютъ, но помните о чести и достоинствѣ Англіи! Даже эта аудиторія почувствовала неловкость и выдѣлила шумными апплодисментами выраженіе въ запретной области „достоинства и чести", которое проскользнуло у министра, когда онъ хотѣлъ провести подъ флагомъ „цѣлесообразности" и другую контрабандную въ этой аудиторіи идею: „въ Россіи никто не допуститъ мира, который былъ бы унизителенъ для Россіи и нарушалъ бы ея государственные интересы". Интернаціонализмъ лѣвой части аудиторіи позволилъ кончить эту мысль аргументомъ, болѣе употребительнымъ въ союзныхъ парламентахъ — и одинаково пріемлемымъ для Мартова и Милюкова: такой миръ на долгіе годы, „десятилѣтія, если не столѣтія", отложилъ бы торжество во всемъ мірѣ „демократическаго начала".

Во всякомъ случаѣ проведя еретическія мысли о пользѣ единенія съ союзниками и о вредѣ для Россіи мира во что бы то ни стало, нужно было разорвать традиціонную связь этихъ мыслей съ прошлымъ русской политики и прочно привязать ихъ къ новому репертуару идей о „демократической" внѣшней политикѣ. М. И Терещенко пошелъ и на это и попытался сдѣлать это путемъ рискованной исторической справки. Впрочемъ, онъ бросилъ ее на

полдорогѣ, дойдя до самаго труднаго момента. Оказывалось, чот „унизительный“ миръ грозилъ Россіи, не какъ послѣдствіе „демократической“ политики „парадоксовъ“, а именно раньше, чѣмъ эта политика была усвоена и именно потому, что ее не хотѣли усвоить предшественники Терещенки и его бывшіе товарищи въ первомъ коалиціонномъ кабинетѣ. Мы знаемъ, впрочемъ, что именно такъ и было понято дѣло нѣкоторыми французскими и англійскими соціалистами. „Будущіе историки“, говорилъ Терещенко, переворачивая вверхъ дномъ всю исторію революціи, „съ изумленіемъ увидятъ“, что „Россія ближе всего стояла къ позорному сепаратному миру“ именно въ перв[illegible] мѣсяцы революціи, когда патріотъ Гучковъ началъ портить русскую армію, а „великодержавный политикъ“ Милюковъ велъ русскую внѣшную политику. Къ тому времени М. И. Терещенко отнесъ „то стихійное движеніе стихійную волну, которая, вразрѣзъ съ истинными интересами и задачами родины, влекла ее совершенно въ непредвидѣнныя дали“. Тогда именно „установившееся на нашемъ фронтѣ перемиріе грозило кончить войну подъ вліяніемъ стихійной силы, простымъ угасаніемъ военныхъ дѣйствій на фронтѣ“. Спасли Россію отъ этой опасности „непредвидѣнныхъ далей“ Терещенко и Керенскій, усвоивъ начала демократической политики. Той самой, которая открывала „непредвидѣнныя дали“ Циммервальдизма и санкціонировала подписью Керенскаго тотъ „вредъ“, который принесли арміи „документы, подписанные Гучковымъ!“ Мимо этого подводнаго камня Терещенко удалось перескочить глухой и общей ссылкой на „тѣ задачи“, которыя правительство „твердо поставило себѣ“ въ началѣ мая и которыхъ оно съ тѣхъ поръ „держалось и держится“. Но тотчасъ же онъ наткнулся на другое, гораздо болѣе серьезное препятствіе. Вѣдь энтузіазмъ, который временное правительство пыталось путемъ чрезвычайныхъ „усилій и трудовъ“ вдохнуть въ русскую армію, при помощи идей демократической внѣшней политики и „революціонной дисциплины“, оказался непрочнымъ? Вѣдь тѣ признаки „страха передъ русской революціей“, которые министръ отмѣтилъ въ Австріи и Германіи послѣ „успѣха, окрылившаго нашу армію“ въ концѣ іюня и началѣ іюля, также быстро уступили мѣсто впечатлѣнію, которое констатировали въ Европѣ члены делегаціи совѣта р. и с. д. — и которое съ ихъ словъ привелъ самъ Терещенко: впечатлѣнію „смущенія и разочарованія“. Значитъ, „русская революція, которая такъ громко, въ мартѣ еще, призывала всѣ народы къ братскому

миру (въ „непредвидѣнныя дали“), своему народу дала не силу, а ослабила его?“

Этого подводнаго камня министръ обойти не могъ — и, пожалуй, не хотѣлъ, ибо его историческая справка составлена была вовсе не для „будущаго историка“, а для спеціальной психологіи той аудиторіи, которую онъ пытался усовѣстить и убѣдить ея собственными аргументами. Вѣдь говорятъ же вамъ ваши собственные товарищи, посланные совѣтомъ за границу и вернувшіеся оттуда: „Необходимо, чтобы Россія хоть гдѣ-нибудь да побѣдила.“ Если вы хотите доказать, что ваши „заявленія отказа отъ завоевательныхъ стремленій исходятъ не отъ слабости и не отъ невозможности занять ту или иную территорію, а отъ того, что такова воля русской демократіи и ея идеалы“, если вы хотите, словомъ, „чтобы голосъ русской демократіи былъ силенъ“, то поднимите же боеспособность арміи! Онъ, министръ, конечно, никого не „винитъ“ на этотъ разъ въ крахѣ демократической политики; „это не его область“.

Далѣе, М. И, Терещенко попытался осторожно и деликатно проредактировать „идеалы русской демократіи“, принятыя имъ въ маѣ, какъ „опредѣленныя задачи нашей иностранной политики“. Отказъ отъ аннексій и контрибуцій: это хорошо; но нужно, чтобы это уже былъ „отказъ и отъ того, чтобы на насъ налагали всѣ эти кары и отъ насъ не отнимались наши земли“. Это означаетъ, слѣдовательно, на языкѣ государственныхъ интересовъ Россіи, „неприкосновенность ея территоріи“. Далѣе, почему же „демократія“ обнаруживаетъ тенденцію забывать о второй половинѣ своего лозунга: самоопредѣленіе народностей, — „особенно въ заявленіяхъ, которыя связаны съ центральными державами?“ „Отъ обѣихъ частей этого лозунга, отрицательной и положительной, правительство считаетъ одинаково невозможнымъ отказаться“. „Право націи на самоопредѣленіе столь же существенно, какъ и отказъ отъ завоевательныхъ мыслей“. А если признать это право, то какъ же одобрить стремленіе Германіи къ сохраненію у себя польскихъ земель и къ захвату Литвы и Курляндіи, планъ заселенія которой германскими переселенцами уже вполнѣ готовъ? Согласитесь съ этимъ, — и М. И. Терещенко изъ „демократическаго лозунга“ выведетъ свое патріотическое заявленіе: „Тутъ Россія должна совершенно твердо сказать: лишиться того, что являлось стремленіемъ всѣхъ русскихъ людей и существеннымъ государственнымъ интересомъ, — выхода къ незамерзающему Сѣверному морю, — этого

Россія не можетъ допустить". Она должна бороться и съ планомъ созданія буферныхъ государствъ на ея западной границѣ. Эта борьба, прежде всего, не такъ уже безнадежна, ибо Германія тоже истощена и тоже жаждетъ мира. Уже послѣ того, какъ она заявила, что послѣ своего отвѣта на папскую ноту она больше не протянетъ руки, — она все же эту руку протянула. Затѣмъ, борьба противъ „дезаннексіи" на западной границѣ также важна, — и армія должна понять это: иначе грозитъ экономическое завоеваніе Россіи Германіей, и „будущая судьба русскаго народа будетъ ужасна". Наконецъ, даже военныя неудачи въ борьбѣ не такъ страшны, пока мы не одиноки, и пока союзники, какъ они это категорически заявляютъ, будутъ разсматривать „всѣ плюсы и минусы" всей коалиціи, „какъ одно цѣлое".

На этой почвѣ М. И. Терещенко снова сталкивается съ требованіемъ „демократіи" — разговаривать съ союзниками только на предметъ заключенія демократическаго мира, — и разговаривать немедленно, какъ только борящіяся стороны изъявятъ готовность отказаться отъ захватовъ, не дожидаясь опредѣленнаго заявленія ихъ о конкретныхъ цѣляхъ войны (т. е. того заявленія, отъ котораго настойчиво отказывалась Германія). Такъ гласилъ одинъ изъ пунктовъ „Наказа" Скобелеву, особенно неуклюже изложенный лицомъ, явно мыслившимъ по-нѣмецки. Мы видѣли, что ни для союзниковъ, ни для русскаго министра принять этотъ „Наказъ" не только къ руководству, но даже и къ обсужденію, представлялось совершенно невозможнымъ. Такъ или иначе, это *надо* было сказать: *этотъ* „Наказъ" пройти молчаніемъ было невозможно. М. И. Терещенко заговорилъ, но сдѣлалъ это такъ осторожно, какъ только могъ.

Цѣль конференціи „опредѣлена Ллойдъ-Джорджемъ", и русскому министру „мало что остается присоединить къ его заявленію". На конференціи, какъ и въ преніяхъ Совѣта республики, отъ военно-стратегическихъ вопросовъ перейдутъ къ задачамъ международной политики: одно обусловитъ другое, и вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, будутъ установлены и тѣ точки зрѣнія, которыя, *какъ сказалъ Ллойдъ-Джорджъ*, опредѣлятъ и конецъ этого ужаснаго кровопролитія". Это будетъ „въ первый разъ съ самаго начала войны". Но при этомъ, „чтобы не было недоразумѣній ни съ чьей стороны", министръ предупреждаетъ, что Россія на конференціи „представляетъ собой одно цѣлое". „Взгляды, которые будутъ тамъ представлены, должны быть едиными". И

онъ спѣшитъ смягчить и успокоить: вѣдь это же—простая и ясная коалиція, всегда достижимая, если люди говорятъ правдиво и искренно, если основная база ихъ одна — интересы родины и если они согласны въ опредѣленіи задачъ".

Да, но согласны ли они и какъ понимать „интересы родины?" На порогѣ къ этому согласному пониманію стоитъ „Наказъ" Скобелеву, — и министръ не можетъ, при всей своей мягкости, сказать, что онъ съ нимъ согласенъ. М. И. Терещенко отмѣтилъ, что даже программа скандинавско-голландской группы, „къ которой съ недовѣріемъ отнеслись представители союзной демократіи, изъ опасенія, что эта группа выдвигаетъ на первый планъ интересы центральныхъ державъ", — даже эта программа все же не идетъ такъ далеко въ направленіи интересовъ Германіи, какъ „Наказъ" Скобелеву. „Возьмите п. 2-ой, котораго нѣтъ въ скандинавскомъ Наказѣ: полное самоопредѣленіе Польши, Литвы и Латвіи", — т. е. независимость этихъ областей. Вѣдь „Россія безъ незамерзающей гавани Балтійскаго моря вернется къ временамъ до-петровскимъ... Съ этимъ пунктомъ делегатамъ на конференціи выступить нельзя будетъ: ихъ осудитъ Россія", заявилъ министръ при бурныхъ апплодисментахъ справа и въ центрѣ. Далѣе, нейтрализація проливовъ, при неосуществленіи полнаго всеобщаго разоруженія, есть тоже „вопіющее нарушеніе интересовъ Россіи, возвращеніе къ положенію несравненно болѣе худшему, чѣмъ было до войны" (снова бурные апплодисменты справа и въ центрѣ). Изъ этихъ двухъ примѣровъ М. И. Терещенко сдѣлалъ выводъ, что „опытъ конкретизаціи требуетъ, быть можетъ, еще большаго знакомства съ фактами и еще большей любви къ интересамъ, которые защищаютъ".

Этотъ выводъ, наконецъ, раскололь аудиторію. Справа кричали: „вѣрно", слѣва: „сильно сказано". А оратору еще оставалось сказать, что нельзя, какъ дѣлаетъ „Наказъ", совершенно умалчивать объ обязательствахъ, падающихъ на нашихъ противниковъ, и добиваться жертвъ отъ нашихъ союзниковъ, вродѣ уступки Добруджи Румыніей. Благоволеніе — или нейтральность — лѣвой части аудиторіи были уже исчерпаны. И министръ буквально въ двухъ словахъ, какъ-то вскользь, упомянулъ о томъ, что онъ считалъ положительной задачей русскихъ делегатовъ на конференціи: требованіе, „чтобы неприкосновенна была территорія Россіи и чтобы условія, которыя, дали бы возможность ея сѣверу и югу экономически развиваться, были право-

вымъ образомъ обезпечены“. Въ концѣ послѣдней фразы был тщательно упрятаны русскіе интересы на Черномъ морѣ, включая сюда и вопросъ о проливахъ... Министръ уже спѣшилъ въ за ключительныхъ словахъ увѣрить „демократію“, что временно правительство „не отказывается отъ тѣхъ лозунговъ, которы на себя приняло — и *которые считаетъ реально отвѣ чающими интересамъ Россіи*“, но не отказывается отъ них „ни въ одной части, ни въ той, ни въ другой“, и будетъ считатьс въ проведеніи ихъ „*съ нашими военными неудачами и с тяжелой обстановкой внутри страны*“. А „чтобы слов представителей было твердо“, М. И. Терещенко приглашалъ граж данъ помнить, что „каждый изъ нихъ, а не одно правительств отвѣчаетъ за историческія судьбы Россіи“; всѣ должны быт „служителями великаго идеала и достойными дѣтьми великаг государства“.

Министръ кончилъ при рукоплесканіяхъ *только* справа и из центра. Лѣвые были рѣшительно недовольны. Ихъ отзывы въ печат сводились къ тому, что Терещенко отдѣлался общими мѣстами, своег отношенія къ требованіямъ „демократіи“ опредѣленно не высказалъ не объяснилъ, „почему армія должна переносить нечеловѣческія стр данія“ (Данъ, Гоцъ, Скобелевъ). Въ переговорахъ съ Керенским они шли еще дальше и заявили, что Терещенко вообще не м жетъ представлять на конференціи взглядовъ „революціонной д мократіи“. Это было вѣрно: Терещенко пользовался лозунгам демократіи въ собственномъ толкованіи, переводя ихъ, по возмож ности, на языкъ государственности, а если это было невозможн то просто не дѣлая изъ нихъ никакихъ практическихъ выводов Въ свою очередь, и Терещенко заявлялъ, что, въ случаѣ разн гласія съ нимъ „демократіи“, онъ предпочтетъ уйти и на конф ренцію не поѣдетъ. Окончательное рѣшеніе зависѣло теперь от того, какъ отнесется большинство Совѣта республики и его коми сіи иностранныхъ дѣлъ къ конфликту „революціонной демокр тіи“ съ министромъ.

Первымъ ораторомъ въ открывшихся преніяхъ былъ пре шественникъ Терещенко въ министерствѣ, П. Н. Милюковъ. Чтоб сохранить благосклонность „демократіи“, министру выгоднѣе был имѣть его своимъ противникомъ, чѣмъ союзникомъ. Но *таког* метода поддержки министра П. Н. Милюковъ, очевидно, примѣни не могъ. Онъ, напротивъ, разскрылъ недоговоренное въ рѣчи Тер

щенко, чтобы показать, что, въ сущности, министръ не отказался ни отъ чего существеннаго въ прежнемъ взглядѣ на задачи войны Россіи и ея союзниковъ и сопоставилъ его взгляды съ послѣдними заявленіями Асквита въ Лидсѣ. Онъ только отвелъ личный выпадъ министра, поставивъ ему вопросъ: „когда Россія была ближе къ сепаратному миру; тогда ли, когда депутаціи отъ арміи приходили къ первому временному правительству и предлагали защитить его отъ совѣтовъ и большевиковъ, или теперь, когда тѣ же делегаты направляются въ Петроградскій совѣтъ р. и с. д. и предлагаютъ большевикамъ арестовать правительство и передать всю власть революціонной демократіи для заключенія того, что они сами называютъ „пахабнымъ“ миромъ? Онъ сообщилъ также, къ свѣдѣнію министра, что всегда боролся противъ „великодержавной“ политики, если разумѣть подъ ней „имперіалистическую“. Главнымъ содержаніемъ своей рѣчи П. Н. Милюковъ сдѣлалъ критику того, „своеобразнаго, истинно-русскаго взгляда на задачи внѣшней политики, который выдаетъ себя за интернаціональный“. Правда, „формально этотъ взглядъ привезенъ къ намъ изъ—за границы и претендуетъ на связь съ интернаціоналомъ. Но за—границу онъ привезенъ изъ Россіи и является специфическимъ продуктомъ перегрѣтой атмосферы нашихъ эмигрантскихъ круговъ“. Онъ взрощенъ въ сферѣ отвлеченной мысли, и именно русской, доктринерской интеллигентской мысли. Дворянинъ Ленинъ только повторяетъ дворянина Кирѣевскаго, когда утверждаетъ, что изъ Россіи придетъ новое слово, которое возродитъ обветшавшій западъ и поставитъ на мѣсто стараго знамени „научнаго“ соціализма новое знамя прямого, внѣпарламентарнаго дѣйствія голодающихъ массъ, которыя физической силой заставятъ человѣчество взломать двери соціалистическаго рая. Только съ точки зрѣнія этой новой всемірно-исторической иллюзіи можно понять смыслъ безсознательнаго предательства, призывающаго солдатъ въ разгаръ войны покинуть окопы и замѣнить внѣшную войну однихъ „имперіалистическихъ“ правительствъ съ другими — внутренней гражданской войной интернаціональнаго пролетаріата противъ капиталистовъ и помѣщиковъ всѣхъ странъ. На вопросъ слѣва: кто говоритъ это, Милюковъ прочелъ съ трибуны основныя положенія Кинтальскаго доклада Мартова — и этимъ вызвалъ заявленіе послѣдняго, что къ уходу изъ окоповъ во время войны онъ не призываетъ. П. Н. Милюковъ указалъ затѣмъ на связь, продолжающую существовать между чистой циммервальдской доктриной крайнихъ и

взглядами умѣренныхъ соціалистовъ, между взглядами этихъ послѣднихъ и правительственной программой внѣшней политики, — указавъ при этомъ, что въ своемъ урѣзанномъ видѣ, безъ призывовъ къ силѣ и къ немедленному всемірному соціальному перевороту, Циммервальдская доктрина теряетъ и тотъ послѣдній смыслъ, который она еще имѣетъ въ своемъ первоначальномъ, „чистомъ" видѣ. Смыслъ этотъ въ томъ, чтобы убѣдить аргументами ничтожнаго циммервальдскаго меньшинства европейское большинство соціалистовъ-патріотовъ, а черезъ нихъ принудить морально буржуазныя правительства стать на точку зрѣнія интернаціонала. Очевидно, это не есть кратчайшимъ путемъ получить „демократическій" миръ, требуемый русской „революціонной демократіей". Делегаты Совѣта должны были a posteriori убѣдиться заграницей, что „реальной обстановки для интернаціональной конференціи, о которой они мечтаютъ, въ Европѣ не существуетъ". Однако же, они продолжаютъ хранить личину „оффиціальнаго лицемѣрія", что доказываетъ „Наказъ" Скобелеву". Чтобы выяснить окончательно, почему опубликованіе „Наказа" дѣлаетъ посылку лица, призваннаго его защищать, недопустимой въ интересахъ чести и достоинства Россіи", П. Н. Милюковъ подвергъ этотъ странный документъ ,внимательному анализу. Онъ раздѣлилъ содержаніе его на три концентрическихъ круга мыслей: 1) мысли обще-пацифистскія (объ арбитражѣ, разоруженіи, парламентскомъ контролѣ надъ внѣшней политикой, самоопредѣленіи народностей въ извѣстномъ смыслѣ): съ ними онъ согласенъ, какъ пацифистъ и противникъ настоящей войны. 2) Мысли специфически-стокгольмскія или голландско-скандичавскія (отвѣтственность за войну всѣхъ правительствъ, миръ въ ничью, самоопредѣленіе народностей въ одностороннемъ германскомъ толкованіи и отказъ отъ экономической борьбы, въ томъ же тенденціозномъ смыслѣ): съ ними онъ не согласенъ, также какъ и союзные соціалисты. Наконецъ, 3) мысли специфически-совѣтскія, смѣшныя въ той части, въ которой они составляютъ „каррикатуру" пацифистскихъ идей, но вызывающія „чувство негодованія и жгучаго стыда" въ той части, которая является воспроизведеніемъ германскихъ стремленій. Тутъ говорится, въ самомъ дѣлѣ, о созданіи, „въ худшемъ случаѣ", государствъ буферовъ на нашей западной окраинѣ, „а если работа надъ разложеніемъ нашей арміи будетъ продолжаться тѣмъ же темпомъ, какъ до сихъ поръ, то и о „прямомъ отобраніи всей этой полосы, какъ" компенсаціи за

уступки нашимъ союзникамъ на западѣ Германіи". П. Н. Милюковъ указалъ далѣе и на всѣ тѣ жертвы, которыя „Наказъ" Скобелеву возлагалъ на нашихъ союзниковъ въ интересахъ Германіи. Лѣвая часть аудиторіи, которая послѣ первыхъ упоминаній о „германскихъ интересахъ" въ „Наказѣ" громко шумѣла, прерывала оратора и требовала призвать его къ порядку, — послѣ приведенія всѣхъ этихъ объективныхъ фактовъ молчала при выводѣ: „къ Наказу, очевидно, твердо прикрѣплена германская марка". Ораторъ закончилъ призывомъ: не кичиться мнимымъ демократическимъ превосходствомъ передъ союзниками, а преклониться передъ передовыми демократіями міра, „давно прошедшими значительную часть пути, на который мы только что вступаемъ нетвердыми и невѣрными шагами"; преклониться и извлечь урокъ изъ ихъ умѣнья сочетать реальную военную мощь съ преслѣдованіемъ дѣйствительно осуществимыхъ демократическихъ задачъ, а не пролетарскихъ утопій.

Продолженіе преній по внѣшней политикѣ было отложено до 20 октября. Въ промежуткѣ вожди революціонной демократіи проявили весьма энергическую дѣятельность для того, чтобы выяснить предѣлы конфликта, неожиданно открывшагося между министромъ иностранныхъ дѣлъ и „демократическими органами", и принять мѣры къ тому или другому его разрѣшенію. Всего неудобнѣе для „демократіи" было бы, если бы конфликтъ развернулся на „Наказѣ" Скобелеву, незащитимость котораго послѣ критики его въ Совѣтѣ республики стала совершенно безспорной. Въ э т о м ъ пунктѣ приходилось уступить. Для того, чтобы спасти лицо, на помощь исполнительному комитету совѣта р. и с. д. выступилъ тогда исполнительный комитетъ крестьянскихъ депутатовъ. Ко дню возобновленія преній бюро исп. комитета спѣшно выработало д р у г о й „Наказъ" Скобелеву, въ которомъ устранены были всѣ специфическія особенности „Наказа" солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, дѣлавшія его безусловно непріемлемымъ и бросавшія тѣнь на выпустившій его органъ. Въ крестьянскомъ „Наказѣ" Скобелеву первый пунктъ возстановлялъ, какъ того требовалъ Терещенко, о б ѣ ч а с т и русской демократической формулы мира („безъ аннексій" и „самоопредѣленіе"). Второй пуктъ выдѣлялъ тѣ обще-пацифистскія основы, которыя и П. Н. Милюковъ призналъ вполнѣ пріемлемыми, и формулировалъ ихъ съ достаточной осторожностью. Третій пунктъ напоминалъ объ обязательствѣ союзниковъ не вести сепаратныхъ переговоровъ о мирѣ и не заключать сепаратнаго мира. Четвертый сочеталъ отказъ отъ экономической

блокады, желательный для Германіи, съ полной свободой торговой политики для каждой страны. Вторая часть „Наказа“, посвященная конкретнымъ условіямъ мира, также брала назадъ не только тѣ уступки германцамъ, которыя были сдѣланы „Наказомъ“ солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, но и тѣ, которыя дѣлалъ голландско-скандинавскій манифестъ. Первый пунктъ этой части требовалъ очищенія оккупированныхъ территорій, второй подтверждалъ основной принципъ неприкосновенности русской территоріи, причемъ право самоопредѣленія русскихъ народностей опредѣленно ограничивалось „окончательнымъ рѣшеніемъ Учредительнаго Собранія“. Третій пунктъ, подтверждая независимость Польши ссылкой на русскій правительственный актъ отъ 13 марта 1917 года, предоставлялъ Польскимъ областямъ Германіи и Австріи „право на самоопредѣленіе при условіи международной гарантіи“. Четвертый пунктъ обязывалъ Германію возмѣстить, по крайней мѣрѣ ту часть убытковъ Бельгіи, которая нанесена нарушеніями правилъ войны гаагской конвенціи. Пятый пунктъ ставилъ въ такое же положеніе Сербію и Черногорію. Шестой требовалъ „возстановленія“ Румыніи безъ отдѣленія отъ нея Добруджи. Седьмой обставлялъ плебисцитъ Эльзасъ-Лотарингіи условіемъ, что въ немъ не примутъ участія „лица, находящіяся на германской государственной службѣ, и не являющіяся уроженцами Эльзаса, а также ихъ семьи“. Восьмой обезпечивалъ „полную автономію Арменіи“ „международной гарантіей“ и предоставлялъ ея окончательное устройство „армянскому народному собранію при той же гарантіи“. Наконецъ, девятый пунктъ оговаривалъ „реальную гарантію свободнаго голосованія“ при окончательномъ рѣшеніи „всѣхъ національно-территоріальныхъ вопросовъ, вызванныхъ настоящей войной или стоящихъ въ связи съ ней, какъ-то, югославянскаго, трансильванскаго, чешскаго и итальянскаго въ Австріи“. Это было полное отступленіе по всей линіи и прямое признаніе того, что критика перваго „Наказа“ Скобелеву была вполнѣ основательна. Такимъ образомъ, главный поводъ къ конфликту — содержаніе „Наказа“, враждебнаго интересамъ Россіи — былъ устраненъ.

Но это еще не значило, что разрѣшенъ былъ и самый конфликтъ. Напротивъ, онъ былъ перенесенъ на болѣе защитимые пункты: на отношеніе министерства къ демократической делегаціи вообще, на отношеніе его къ стокгольмскому конгрессу, въ особенности же на основной и главный пунктъ разногласія: переговоры съ союзниками о немедленномъ мирѣ. Вопросъ о томъ, воевать

или мириться, готовиться къ продолженію обороны или къ перемирію на всѣхъ фронтахъ, продолжалъ стоять такъ же уродливо и неправильно, какъ раньше, и острота его послѣ открытаго обмѣна мнѣній въ Совѣтѣ республики только усилилась. Сторонники того или другого рѣшенія одинаково признавали, что рѣшеніе вопроса международной политики должно быть связано съ рѣшеніемъ вопроса военнаго. Но по военному вопросу „демократія" имѣла свое рѣшеніе: это было рѣшеніе Верховскаго, принятое Керенскимъ. По вопросу же внѣшней политики мнѣніе Терещенко не могло быть принято „демократіей". И самъ собой, конфликтъ между двумя сторонами вопроса превратился въ конфликтъ двухъ лицъ, защищавшихъ несовмѣстимыя рѣшенія: Верховскаго и Терещенко.

Верховскій за эти дни обнаружилъ вполнѣ сознательное отношеніе къ этой своей роли и хотѣлъ воспользоваться положеніемъ, которое для него такъ выгодно складывалось. Въ своихъ сношеніяхъ съ органами демократіи, которыя становились все болѣе частыми и систематическими, онъ опредѣленно проводилъ то мнѣніе, что изъ неразрывной связи войны съ внѣшней политикой надо сдѣлать именно тотъ выводъ, который предлагалъ онъ, а не Терещенко: не усиленіе средствъ борьбы, а немедленный миръ. „Новая Жизнь" Горькаго рѣшительно взяла Верховскаго въ эти дни подъ свою защиту и указывала, что въ лицѣ Верховскаго и Терещенко „столкнулись два міросозерцанія": одно — пріемлемое для демократіи, другое — непріемлемое. „Для ген. Верховскаго ясно", писала газета, стоявшая на границѣ большевизма, „что для успѣшной обороны и для предотвращенія дальнѣйшей разрухи арміи солдатская масса должна опредѣленно знать преслѣдуемыя Россіей цѣли. Всякое затемненіе этихъ цѣлей, всякое оттягиваніе мирныхъ переговоровъ неминуемо учитываются арміей, какъ предательство и обманъ. Разсѣять такія подозрѣнія можетъ только послѣдовательная и твердая политика мира... Къ такому взгляду военный министръ пришелъ не подъ вліяніемъ теоретическихъ соображеній, а вслѣдствіе горькихъ уроковъ самой дѣйствительности... Какъ военный, онъ не могъ утаить ту правду, о которой единогласно сообщаютъ всѣ пріѣзжающіе съ фронта люди, а именно, что безъ ускоренія мирныхъ переговоровъ немыслимо не только поднять дисциплину въ арміи, но и удержать ее на позиціяхъ". Выводъ „Новой Жизни" выражалъ взглядъ лѣваго крыла революціонной демократіи: „несмотря ни на какія запугива-

нія, демократія должна поддержать ген. Верховскаго противъ Терещенко".

При такомъ настроеніи возобновились 20 октября пренія по иностранной политикѣ въ Совѣтѣ республики. М И. Терещенко выѣхавшій въ ставку передъ рѣчью П. Н. Милюкова, вернулся въ Маріинскій Дворецъ лишь во второй половинѣ засѣданія 20 октября. Слѣдовательно, онъ не могъ участвовать въ переговорахъ этихъ дней. Это и отразилось на характерѣ лѣвыхъ выступленій — меньшевика Гурвича-Дана, интернаціоналиста Лапинскаго, наконецъ, Чернова, говорившихъ въ этомъ засѣданіи. Вялое отношеніе къ преніямъ, выражавшееся въ позднемъ открытіи засѣданій при полупустой залѣ, продолжалось втеченіе всего этого засѣданія и слѣдующаго, 23 октября.

Данъ и Лапинскій развивали приблизительно одни и тѣ же тезисы „революціонной демократіи", конечно, съ гораздо большей опредѣленностью, чѣмъ это сдѣлалъ бы Церетели, теперь совершенно стушевавшійся. Разложеніе арміи не есть вина „революціонной демократіи", а продуктъ войны, непонятной народу и даже не „имперіалистической". „Наше участіе въ этой войнѣ было преступленіемъ царизма, искавшаго себѣ спасенія отъ надвигавшейся на него революціи". Это трафаретное представленіе включало, конечно, и отвѣтъ на вопросъ объ отвѣтственности за войну — конечно, отвѣтъ въ германскомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ нашихъ союзниковъ. „Революція для широкихъ массъ и для арміи была революціей противъ войны, революціей скорѣйшаго достиженія мира". Понимать ее, какъ „революцію за лучшее веденіе войны" есть „глубокое заблужденіе многихъ въ Россіи и на Западѣ". Именно это заблужденіе, „въ частности политика Милюкова", на немъ основаная и продолжавшая внѣшнюю политику царизма, „больше, чѣмъ что-либо способствовало развитію анархіи внутри страны и разложенію арміи". Если армія еще существуетъ, „если законное стремленіе къ миру не разложило ее окончательно, то заслуга въ этомъ принадлежитъ единственно революціонной демократіи, которая только одна работала надъ организаціей нашей арміи". Коалиціонное правительство, при Тещенко, въ маѣ обѣщало ей помочь, „направивъ свою активную внѣшнюю политику на скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира" на основѣ демократической формулы. Но оно „приложило слишкомъ мало усилій для проведенія этой политики въ жизнь". Въ рѣчи Терещенко нѣтъ „ни демократическихъ, ни революціонныхъ эле-

ментовъ, которые одни только могли бы дать опору сильной и твердой внѣшней политикѣ“. Россія при немъ ведетъ себя какой-то „бѣдной родственницей“ своихъ союзниковъ и разсчитываетъ на ихъ „плюсы“ для покрытія своихъ „минусовъ“, тогда какъ революція сама по себѣ есть „колоссальный плюсъ“. „Достоинство Россіи не было достаточно ограждено въ происходившихъ здѣсь преніяхъ“: у насъ есть силы двинуть впередъ дѣло демократическаго мира, и всѣ и каждый должны считаться съ этимъ основнымъ требованіемъ русской демократіи — приступить немедленно къ мирнымъ переговорамъ“. Лапинскій также находилъ, что правительство коалиціи не умѣетъ говорить съ союзниками рѣшительнымъ языкомъ и не руководится демократическими лозунгами. „Насталъ моментъ, когда революціонная Россія должна открыто сказать союзникамъ, что дальше воевать она не можетъ и что затягивать войну безъ опредѣленной цѣли — безсмысленно. Надо потребовать отъ союзниковъ немедленно приступить къ мирнымъ переговорамъ на основаніяхъ, провозглашенныхъ русской революціей“. Данъ выражался осторожнѣе: „нашъ делегатъ и вся делегація должны поставить на очередь вопросъ о декларированіи всѣми союзными державами готовности немедленно приступить къ перемирію, какъ только всѣ страны согласятся отказаться отъ насильственныхъ захватовъ“: это есть самое главное требованіе „Наказа“, о которомъ министръ умолчалъ. Еще сдержаннѣе высказывался Черновъ, понимавшій, повидимому, что отъ русской дипломатіи требуютъ лишь платонической демонстраціи. „Сейчасъ не ставится вопросъ о принятіи полныхъ условій мира“. На конференціи „могутъ быть выработаны лишь принципы и первыя попытки примѣненія ихъ къ конкретнымъ вопросамъ. Опубликованіе принциповъ уже будетъ громаднымъ приближеніемъ къ ликвидаціи войны. Заблуждаются утверждающіе, будто бы они обладаютъ магическими средствами окончить войну, провозгласивъ моментально перемиріе на всѣхъ фронтахъ. Перемиріе явится естественнымъ слѣдствіемъ гласности результатовъ будущей союзной конференціи“. Въ этой связи, — „пока еще не созрѣли обстоятельства для мира на всѣхъ фронтахъ“, — получилъ больше значенія вопросъ объ „ускореніи ихъ созрѣванія“ путемъ созыва „предконгресса мира“, Стокгольмской конференціи. Пріобрѣтало смыслъ и требованіе, выставленное Даномъ, — чтобы русское правительство не ограничивалось признаніемъ Стокгольмской конференціи „частнымъ“ дѣломъ,

на чемъ настаивалъ Терещенко, а считала бы ее дѣломъ своимъ, „неотдѣлимымъ“ отъ признанной имъ демократической внѣшней политики.

Рѣчь П. Б. Струве еще разъ подчеркнула глубокую разницу между этимъ пониманіемъ и тѣмъ, которое раздѣляла правая часть Совѣта. Вѣрно, что стремленіе Россіи къ миру не дало до сихъ поръ никакихъ результатовъ. Но это произошло не потому, что была ошибочна политика Терещенко, который, все же, далъ хоть „минимумъ того, чего могли требовать здравое національное чувство и истинные интересы Россіи“. Это объясняется тѣмъ, что съ самаго начала революціи пропаганда мира была построена на утопическихъ предположеніяхъ. Германскіе . соціалъ-демократы, на дѣятельности которыхъ построенъ весь разсчетъ, суть „прежде всего, нѣмцы и добрые буржуа. Какъ нѣмцы, они не будутъ бунтовать въ время войны, а какъ добрые буржуа, они вообще неспособны дѣлать революцію. Самые смирные русскіе кадеты — гораздо болѣе революціонеры, чѣмъ самый свирѣпый германскій соціалъ-демократъ“. Вотъ почему „демократическая формула“ лишь разожгла аппетиты германскаго имперіализма на прибалтійскій край и повела къ затяжкѣ войны.“ Безсмысленно объяснять солдатамъ, за что ведется война, „когда врагъ почти вплотную подходитъ въ столицѣ и идутъ разговоры объ эвакуаціи Петрограда“. Далѣе, пропагандисты немедленнаго мира „вводятъ русскій народъ въ заблужденіе, обѣщая, что при немедленной ликвидаціи войны, народу станетъ легче. Напротивъ, подобное катастрофическое прекращеніе войны, не могущее произойти въ условіяхъ упорядоченной международной и хозяйственной обстановки, будетъ означать внезапное катастрофическое ухудшеніе положенія рабочихъ массъ вообще и широкихъ слоевъ городского населенія въ частности. Революціонная ликвидація войны ввергнетъ массы непосредственно же въ испытанія болѣе тяжкія, чѣмъ тѣ, которыя налагаетъ война“.

Афоризмы одного изъ основателей русскаго марксизма больно били его бывшихъ единомышленниковъ. „Вы потому плохіе соціалисты“, бросилъ онъ имъ одинъ изъ своихъ глубокихъ парадоксовъ, „что вы не получили хорошаго буржуазнаго воспитанія“. „Бонапартъ“, кричалъ съ мѣста Мартовъ. Другіе напоминали Струве про Корнилова. Послѣднее напоминаніе вызвало со стороны оратора гнѣвную реплику. „Корниловъ бѣжалъ изъ германскаго плѣна послѣ смертельныхъ ранъ, и имя его мы всѣ здѣсь

признаемъ честнымъ". На лѣвой это вызвало бурные протесты, а правая отвѣчала на нихъ, вставши съ мѣстъ и устроивъ въ честь арестованнаго „государственнаго измѣнника", какъ его тутъ же назвалъ Черновъ, импровизированную овацію.

Было ясно, что при такомъ расхожденіи взглядовъ, почти при двухъ міросозерцаніяхъ, общая формула перехода была еще невозможнѣе, чѣмъ это оказалось при обсужденія военныхъ вопросовъ. Попытки составить такую формулу, однако, дѣлались и слѣва, и справа, соціалъ-демократами и партіей народной свободы. Но переговоры о ней съ другими группами не приводили ни къ чему. И опять пришлось отсрочить окончаніе дебатовъ до слѣдующаго засѣданія, 23-го октября.

Политическая обстановка къ этому засѣданію, однако же, снова значительно измѣнилась. Вернувшійся изъ ставки Терещенко снова завелъ переговоры съ представителями „демократіи" на почвѣ уже сдѣланныхъ ею уступокъ въ вопросѣ о „Наказѣ". Однако, и Верховскій не хотѣлъ отказаться отъ роли истиннаго представителя демократическаго міровоззрѣнія. Переговоривъ съ лѣвыми группами, онъ повидимому, окончательно рѣшилъ, что его часъ насталъ. Во временномъ правительствѣ сношенія Верховскаго съ лѣвымъ крыломъ „демократіи", не исключая и большевиковъ, какъ разъ въ это время вызвали сомнѣнія, слѣдуетъ ли ему оставаться членомъ правительства въ виду грозившаго движенія большевиковъ. Верховскій рѣшился пойти навстрѣчу этимъ толкамъ, и самъ поставилъ вопросъ о своей отставкѣ, но уже на вопросѣ принципіальномъ — о всей политикѣ правительства или, точнѣе говоря, именно объ основномъ вопросѣ всей политики: о связи войны съ внѣшней политикой. Вечеромъ 20 октября засѣдала созванная Совѣтомъ республики комиссія обороны. Выслушивались обстоятельные доклады начальниковъ отдѣловъ по разнымъ частямъ снабженія арміи. Въ серединѣ этихъ докладовъ, поздно вечеромъ, явился въ засѣданіе министръ Верховскій и, взявъ слово безъ всякаго отношенія къ обсуждаемымъ вопросамъ, заявилъ, что все это мелочи и детали и что необходимо обсудить главный вопросъ о томъ, можемъ ли мы вообще продолжать войну. Такое странное вмѣшательство въ пренія вызвало недоумѣніе и смущеніе. Члены комиссіи изъ фракціи народной свободы предложили предсѣдателю Знаменскому возстановить порядокъ преній, прерванный министромъ. Вмѣшательство Верховскаго было такъ очевидно неумѣстно, что

председателю только и оставалось удовлетворить это требованіе, что онъ и сдѣлалъ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ.

На слѣдующій вечеръ, 21 октября, Верховскій повторилъ свою попытку уже обдуманно. Въ связи съ преніями въ Совѣтѣ было назначено спеціальное совмѣстное засѣданіе двухъ комиссій — обороны и иностранныхъ дѣлъ, гдѣ должны были выступить одинъ за другимъ оба министра, Верховскій и Терещенко. Если первый доказалъ бы, что Россія не можетъ воевать, то второму оставалось бы только сдѣлать изъ этого соотвѣтствующіе выводы для нашей дипломатіи. Въ этой послѣдовательности выступленій, повидимому, и состоялъ планъ Верховскаго и его сторонниковъ въ комиссіи. Верховскій предварительно рѣшилъ подготовить фракціи къ своему выступленію и, въ числѣ другихъ, просилъ и получилъ свиданіе съ нѣсколькими отвѣтственными представителями фракціи народной свободы. Онъ говорилъ имъ, что не считаетъ возможнымъ удержать армію отъ распаденія иначе, какъ путемъ обѣщанія близкаго мира. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ разсчитываетъ поднять энтузіазмъ въ войскахъ и повести ихъ къ побѣдамъ. Переломъ настроенія въ войскахъ нуженъ и для внутренней политики. Одинъ разъ ему удалось предовратить выступленіе большевиковъ. Но въ другой разъ это можетъ и не удастся... Онъ спрашивалъ членовъ фракціи, считаютъ ли они возможнымъ поднять вопросъ о мирѣ съ союзниками на конференціи, куда ему предлагали ѣхать въ качествѣ представителя демократіи. Верховскій получилъ отвѣтъ, что поднятіе энтузіазма въ войскахъ путемъ обѣщанія мира есть средство уже испробованное — и оказавшееся пагубнымъ. Ничто не обезпечиваетъ насъ противъ того, что и теперь вмѣсто подъема получится новая эпидемія дезертирства съ фронта, — только на этотъ разъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Именно поэтому трудно привлечь этимъ способомъ и нашихъ союзниковъ къ принятію „демократическихъ" предложеній. Тѣ, кто все-таки хочетъ на нихъ настаивать — и въ то же время говоритъ о заключеніи „общаго" мира, — впадаютъ въ противорѣчіе сами съ собой. Союзники не пойдутъ на окончаніе войны въ ничью или въ пользу Германіи; если даже мы откажемся воевать дальше, этимъ мы не принудимъ ихъ заключить миръ. Они, все равно, будутъ продолжать борьбу, но, развязанные отъ обязательствъ по отношенію къ намъ, не будутъ уже церемониться, если придется закончить войну уступками за нашъ счетъ. Такимъ образомъ, „демократическая" постановка вопроса о мирѣ на союзнической

конференціи есть постановка практически безплодная и безнадежная, для насъ же унизительная и вредная. Вредная потому, что, разъ заговоривъ громко о мирѣ, мы уже не сможемъ окончить ничѣмъ. Вмѣсто „общаго" мира мы будемъ принуждены дальнѣйшимъ развaломъ арміи говорить о мирѣ „сепаратномъ". Сепаратный миръ и есть послѣднее слово такъ называемой „демократической тактики.*)

Верховскій имѣлъ видъ поколебавшагося и смущеннаго этими возраженіями. Онъ раскланялся и ушелъ.. Но вечернее засѣданіе 21 октября показало, что возраженія к. д. вовсе не заставили его отказаться отъ своего плана кампаніи. Въ своемъ докладѣ онъ оперировалъ очень приблизительными разсчетами. Министръ продовольствія берется прокормить всего 5 милл., а у насъ на фронтѣ 7 милліоновъ. Слѣдовательно, воевать невозможно. Далѣе, упадокъ производительности заводовъ дѣлаетъ невозможнымъ снабженіе арміи въ надлежащихъ размѣрахъ: это приводитъ къ тому же выводу**.) Въ этомъ родѣ велась вся аргументація Верховскаго передъ комиссіей, многіе члены которой привыкли къ серьезной специальной работѣ. По окончаній доклада Верховскаго внесено было заготовленное заранѣе предложеніе: выслушать тотчасъ же докладъ министра иностранныхъ дѣлъ, и затѣмъ открыть пренія по обоимъ

*) В. Д. Набоковъ въ своихъ мемуарахъ разсказалъ о своихъ личныхъ колебаніяхъ по вопросу о продолженіи войны и о попыткахъ Б. Э. Нольде и Аджемова провести соотвѣтственный взглядъ въ центральномъ комитетѣ к. д. (гдѣ рѣшеніе вопроса было отложено до моего возвращенія изъ Крыма) и въ частномъ совѣщаніи у кн. Гр. Н. Трубецкаго, (которое, какъ и ц. к., въ большинствѣ отнеслось къ мысли о воздѣйствіи на союзниковъ отрицательно). Бесѣда съ Верховскимъ происходила въ квартирѣ Набокова днемъ 20 го октября; присутствовали Шингаревъ и Кокошкинъ; говорить пришлось главнымъ образомъ, мнѣ. Только изъ мемуаровъ Набокова я узналъ, что онъ молчалъ по „психологическимъ" мотивамъ, не раздѣляя по существу нашего мнѣнія. Но обстоятельство, дѣлавшее нашу позицію безспорной, было то, что единственой альтернативой былъ бы сепаратный миръ, — ибо надѣяться убѣдить союзниковъ было наивно, а на сепаратный миръ тогда никто идти хотѣлъ, какъ ни ясно было, что разрубить безнадежно запутавшійся узелъ можно было бы только выходомъ изъ войны.

Изъ записокъ Верховскаго видно, что мысли, имъ высказывавшіяся, были его серьезнымъ убѣжденіемъ. Но провести ихъ на дѣлѣ, не присоединяясь къ лозунгамъ большевиковъ, было совершенно невозможно. Въ этомъ была трагедія положенія тѣхъ, кто, какъ Верховскій, принуждены были защищать „демократизацію" арміи.

**) Подробно рѣчь Верховскаго изложена въ его книгѣ: „Россія на Голгоѳѣ".

докладамъ. Члены фракціи народной свободы воспротивились этому, — и встрѣтили поддержку не только среди кооператоровъ, но и среди болѣе лѣвыхъ членовъ комиссіи. Они доказывали, что съ выводами военнаго министра нельзя считаться, какъ съ окончательными и безусловными, и прежде чѣмъ приступать къ обсужденію внѣшней политики, которое существенно зависитъ отъ этихъ выводовъ, необходимо предварительно заняться спеціальной провѣркой самыхъ выводовъ.

Когда это было принято и пренія открыты, первымъ оппонентомъ Верховскому выступилъ, къ полной неожиданности для комиссіи, министръ иностранныхъ дѣлъ М. И. Терещенко. Онъ поставилъ три вопроса. Считаетъ ли военный министръ цифровыя данныя ,которыми оперируетъ, достаточно надежными? Возможно ли дѣлать заключенія о современномъ состояніи снабженія, не зная прошлаго и не имѣя возможности провести параллель между нимъ и настоящимъ? И, наконецъ, не полагаетъ ли военный министръ, что вступить на указанный имъ путь было бы равносильно измѣнѣ и предательству? М. И. Терещенко сообщилъ при этомъ, что во временномъ правительствѣ затронутые здѣсь вопросы не обсуждались и что высказанныя Верховскимъ мнѣнія онъ слышитъ впервые. Послѣ этого сенсаціоннаго заявленія, члены фракціи народной свободы внесли новое предложеніе: прервать обсужденіе до тѣхъ поръ, пока у комиссіи будетъ мнѣніе всего правительства, а не отдѣльныхъ министровъ, и поставить на повѣстку слѣдующаго соединеннаго засѣданія спеціальные доклады о сравнительномъ состояніи снабженія арміи въ прошломъ году и теперь для выясненія степени безнадежности настоящаго положенія. Къ голосу представителей к. д. присоединились и другіе голоса, — послѣ того, какъ министръ, въ своихъ спутанныхъ и сконфуженныхъ объясненіяхъ на вопросы Терещенко, задѣлъ снова тему, которая проскользнула незамѣченной въ его обращеніи къ Совѣту республики: вопросъ о необходимости сосредоточить въ однихъ рукахъ власть, которая могла бы распоряжаться военной силой и въ случаѣ необходимости, прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ. Только что передъ этимъ появился въ печати приказъ Верховскаго войскамъ отъ 17 октября, въ которомъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ заявлялось, что „развалъ и анархія тыла губятъ страну“, и „требовалось отъ всѣхъ начальниковъ, въ тѣсномъ союзѣ съ комиссарами и комитетами, принятіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, вплоть до примѣненія оружія для подавленія анархіи“, тог

да какъ „до сихъ поръ было больше словъ, чѣмъ дѣла". Когда министръ повторилъ тѣ же мысли въ комиссіи, то уже слѣва его спросили: не называется ли та власть, о которой онъ говоритъ „диктатурой"? Если угодно, назовите ее этимъ именемъ, отвѣтилъ Верховскій.

Отголоски этихъ преній проникли въ ближайшіе дни въ печать и произвели такое же впечатлѣніе, какъ въ комиссіи. „День" говорилъ: „страна довѣрила свою судьбу ограниченному человѣку, въ которомъ ограниченность или авантюра перевѣшиваютъ чувство долга и лояльности?... Отдающій черносотенствомъ авантюризмъ, опьяняющій теперь столь многихъ перспективой диктатуры, и интернаціоналистская фразеологія причудливо смѣшиваются въ лицѣ человѣка, занимающаго одинъ изъ наиболѣе отвѣтственныхъ постовъ въ государствѣ". „Русское Слово" говорило: „выскочивъ въ моментъ новаго усиленія „совѣтской" диктатуры и возросшаго вліянія большевизма, ген. Верховскій сразу взялъ соотвѣтствующій тонъ и началъ спекулировать на „корниловщинѣ" и на „спасеніи революціи", вскочивъ на запятки колесницы товарища Троцкаго. Конечно, если бы ген. Верховскій былъ рожденъ „товарищемъ", то его революціонная карьера не кончилась бы съ его отставкой, и мы увидѣли бы его въ роли настоящаго генерала революціи, во главѣ полковъ, присягнувшихъ на вѣрность товарищу Троцкому и побѣдоносно завоевывающихъ... Петроградъ Но ген. Верховскій только „вельможа въ случаѣ."

Разсужденія о „диктатурѣ", въ связи съ готовящимся возстаніемъ большевиковъ, произвели, наконецъ, впечатлѣніе и на Керенскаго. Онъ рѣшился разстаться съ военнымъ министромъ. Неосторожное выступленіе Верховскаго въ комиссіяхъ оказалось той апельсинной коркой, на которой военный министръ поскользнулся даже и во мнѣніи лѣвыхъ. Вопросъ объ отставкѣ министра былъ поставленъ М. И. Терещенко, пріѣхавшимъ прямо изъ засѣданія комиссіи въ Зимній Дворецъ къ Керенскому. М. И. Терещенко указалъ, прежде всего, на недопустимость сепаратнаго выступленія министра, безъ предупрежденія правительства, по вопросу такой огромной важности и принципіальнаго значенія. Верховскій призналъ свою вину въ этомъ отношеніи. Но Терещенко настаивалъ на недопустимости и самого содержанія заявленій Верховскаго и на невозможности для министра иностранныхъ дѣлъ вести далѣе внѣшнюю политику, если взгляды эти будутъ приняты. Верховскому оставалось послѣ этого только подать въ отставку, причемъ ему

было обѣщано сдѣлать это въ формѣ „отпуска по болѣзни, съ освобожденіемъ отъ обязанности военнаго министра“ и съ обязательствомъ немедленно же покинуть Петроградъ, для устраненія всякихъ толковъ о его возможной роли въ случаѣ возстанія большевиковъ. Оффиціальное постановленіе правительства объ этомъ было сдѣлано, послѣ обычныхъ колебаній Керенскаго, только 23 октября и опубликовано 24. Наканунѣ, 22-го, была закрыта газета Бурцева „Общее Дѣло“ за вздорное сообщеніе, что „въ засѣданіи комиссіи обороны военный министръ предложилъ заключить съ нѣмцами миръ тайно отъ союзниковъ“. Предсѣдатели комиссіи Скобелевъ и Знаменскій печатно засвидѣтельствовали, что „такого предложенія“ Верховскій ни въ комиссіи обороны, ни въ соединенномъ засѣданіи не дѣлалъ. Союзные послы получили отъ М. И. Терещенко соотвѣтствующія увѣренія. Свою побѣду М. И. Терещенко ознаменовалъ приглашеніемъ на совѣщаніе делегатовъ, отъѣзжавшихъ на парижскую конференцію, съ министрами — М. В. Алексѣева и П. Н. Милюкова. Первый далъ справку о мѣрахъ возстановленія боеспособности арміи и снова, уже въ четвертый разъ, настаивалъ на послѣдовательномъ и спѣшномъ проведеніи программы, неоднократно принимавшейся и въ іюлѣ, и въ августѣ, и въ сентябрѣ при его участіи. Послѣдній далъ справку о интересахъ Россіи на Ближнемъ востокѣ, о нашихъ задачахъ въ Арменіи и въ проливахъ.

Таково было положеніе, когда возобновились пренія по внѣшней политикѣ въ засѣданіи Совѣта республики 23 октября. Внѣшней политикой интересовались въ этотъ день еще меньше, чѣмъ прежде. Въ залѣ засѣданія оставалось едва сто членовъ, которые притомъ не слушали ораторовъ. Засѣданіе открылось съ большимъ опозданіемъ, въ 12 часовъ, и было еще сокращено перерывомъ, втеченіе котораго, какъ и во время преній, въ кулуарахъ передавались слухи о предстоявшемъ выступленіи большевиковъ, а представители фракцій вели безуспѣшные переговоры о формулѣ перехода по внѣшней политикѣ, которая могла бы собрать большинство. Единственная реальная цѣль преній была теперь примирить Терещенко съ „демократіей“. Это должно было быть достигнуто выступленіемъ М. И. Скобелева, съ одной стороны, и „разъясненіемъ“ недоумѣній, вызванныхъ у демократіи рѣчью Терещенко, съ другой. Рѣчь Скобелева, дѣйствительно, носила примирительный характеръ. Конечно, министръ былъ „недостаточно энергиченъ“ въ измѣненіи курса русской внѣшней политики. Но, все

же, онъ и „не проявилъ упорства Милюкова". Скобелевъ призналъ „трагизмъ русской демократіи" въ томъ, что ей заразъ приходится и добиваться скорѣйшаго мира, и стремиться къ демократическому разрѣшенію поднятыхъ войной вопросовъ. О состояніи отдѣльныхъ вопросовъ онъ сообщилъ успокоительныя свѣдѣнія. „Бельгійскій посланникъ удовлетворился разъясненіями исполнительнаго комитета". „Въ Эльзасъ-Лотарингскомъ вопросѣ нѣтъ больше разногласій между русской и французской демократіей". Полякамъ, армянамъ, сербамъ даны удовлетворившія ихъ обѣщанія. Съ Литвой и Латвіей какъ-нибудь сговоримся „по-братски" о сохраненіи „великаго государственно-хозяйственнаго организма", въ которомъ „демократіи всѣхъ національностей, населяющихъ единую, царскую Россію, одинаково заинтересованы. Что касается вреда для Россіи нейтрализаціи проливовъ безъ полнаго разоруженія, — „ужъ позвольте русской демократіи озаботиться и здѣсь, чтобы конечное достиженіе, къ которому стремится она въ области международныхъ отношеній, не стало орудіемъ ея собственнаго закрѣпощенія". „Наказъ" во всякомъ случаѣ оказалъ услугу: онъ послужилъ лакмусовой бумагой, сразу обнаружившей полюсъ войны и полюсъ мира". Объ арміи безпокоиться нечего: „представители политическаго теченія, предпочевшаго остаться за предѣлами этой государственной аудиторіи (т. е. большевики), въ рѣшительный моментъ отдаютъ свои жизни на алтарь своей родины. Отрицательныя явленія есть и въ другихъ арміяхъ: они объясняются продолжительностью войны. Делегація на конференціи, конечно, должна быть единой, ибо выражаетъ единую волю единой революціонной страны". Однако же, „расхожденіе во взглядахъ по отдѣльнымъ конкретнымъ вопросамъ между членами делегаціи — допустимо". „Ближайшимъ и неотложнымъ шагомъ временнаго правительства должно быть предложеніе союзникамъ огласить цѣли, за которыя они будутъ вынуждены вести войну и за отсутствіемъ (осуществленіемъ?) которыхъ они готовы будутъ завтра же сложить оружіе и тѣмъ самымъ сдѣлать достояніемъ исторіи старыя соглашенія; наконецъ, переходъ отъ пассивной политики умалчиванія къ открытымъ дѣятельнымъ шагамъ и открытое предложеніе отъ имени всѣхъ союзниковъ противной сторонѣ приступить немедленно къ обсужденію условій мира".

Отвѣтъ М. И. Терещенко не содержалъ новыхъ уступокъ „демократіи", но содержалъ нѣсколько упрековъ по ея адресу.

„Зигзаговъ“ во внѣшней политикѣ, за которые упрекаютъ министра не было, а во внутренней политикѣ „развивающаяся анархія дѣйствительно провела въ работѣ государственной жизни тяжелые зигзаги“. „Мы не сдали позицій, принятыхъ въ маѣ“, говорилъ министръ; „а вотъ нѣкоторыя организаціи это дѣлали, если сопоставить ихъ заявленія въ мартѣ съ тѣми, которыя дѣлаются теперь“. „Министерство — основныхъ цѣлей, являющихся государственно-національными интересами Россіи, сдать не можетъ“. Его задача на конференціи „согласовать возможно тѣснѣе наши взгляды на вопросъ о мирѣ съ взглядами той стороны“: „та сторона должна заявить о мирѣ безъ захватовъ“. Но для этого нужны два существенныя условія. Первое, — чтобы не говорили объ арміи, что это только лица, одѣтыя въ солдатскую форму, но чтобы совершилась работа по возстановленію арміи“. Второе, — „чтобы тѣ, кто будутъ за-границей,... чувствовали, что сзади есть нація, есть люди,которые думаютъ за Россію и поддерживаютъ и созидаютъ сплоченную націю“, какъ это сдѣлали наши союзники.

„Если этого не будетъ, тогда—будетъ ли единое представительство или два, будетъ ли контролеръ и министръ или только одинъ контролеръ, ничего изъ этого не выйдетъ“.

На этомъ заявленіи оборвались пренія по внѣйшней политикѣ въ совѣтѣ республики. Совѣту оставалось жить два дня, — и эти два дня были наполнены заботами не о достойномъ Россіи представительствѣ за-границей, а о томъ, чтобы какъ-нибудь справиться съ вновь налетѣвшимъ внутреннимъ шкваломъ, грозившимъ затопить все: и вождей, и исполнителей, и самый государственный корабль, направлявшій страну къ обѣтованному берегу Учредительнаго Собранія. Прежде чѣмъ вернуться къ рѣшительнымъ днямъ борьбы и къ роли въ эти дни совѣта республики, остановимся и разсмотримъ, въ чемъ собственно заключалась опасность.

VII. Большевики готовятся къ рѣшительному бою.

Идеологія большевистскаго переворота. Подготовка большевистскаго переворота. Попытка предупрежденія большевистскаго переворота. Практическія мѣры большевиковъ. 23 Октября — день Петроградскаго совѣта. 24 октября: рѣчь Керенскаго и банкротство совѣта республики. Торжество и послѣднія приготовленія большевиковъ.

Въ дни, предшествовавшіе большевистскому перевороту, идеологія этого переворота была дана самимъ вождемъ большевизма, Ленинымъ, въ его брошюрѣ: „Удержатъ ли большевики государственную власть“? Такая постановка вопроса объяснялась почти всеобщимъ тогда убѣжденіемъ печати разныхъ направленій, что большевики или не рѣшатся взять власть, не имѣя надежды ее удержать, или, если возьмутъ, то продержатся лишь самое короткое время. Въ очень умѣренныхъ кругахъ послѣдній экспериментъ находили даже очень желательнымъ, чтобы „навсегда излечить Россію отъ большевизма“. На партію народной свободы съ этой точки зрѣнія, часто раздавались нареканія что, препятствуя успѣху большевизма она только затягиваетъ неизбѣжный революціонный процессъ и связанную съ нимъ дезорганизацію страны.

Опытъ показалъ, что вся эта легкомысленная самоувѣренность была глубокимъ заблужденіемъ. Большевики взяли власть и удержали ее втеченіе достаточно продолжительнаго времени, чтобы нанести не только имущимъ классамъ, но и всей странѣ непоправимые удары и чтобы въ неумолимомъ состязаніи международныхъ силъ потерять безвозвратныя возможности. Такимъ образомъ, теперь*) можно съ большей объективностью прислушаться къ тому, о чемъ предупреждалъ Ленинъ, взвѣсить то вѣрное, что было въ его предупрежденіяхъ, — и что дало большевикамъ довѣріе массъ, внушило имъ ту смѣлость „дерзанія“, которой не хватало Керенскому, — и успѣхомъ ихъ попытки вполнѣ оправдало предварительные разсчеты и соображенія Ленина. Рѣчь идетъ, конечно, не

*) Эта строки писаны въ началѣ 1918 года.

объ успѣхѣ осуществленія соціальной республики, а о политической побѣдѣ партійной группы, прикрывшейся этимъ флагомъ.

Ленинъ беретъ за исходную точку заявленіе „Новой жизни" въ нумерѣ отъ 23 Сентября.*) „Надо ли доказывать, что пролетаріатъ, 1) изолированный не только отъ остальныхъ классовъ страны, но и 2) отъ дѣйствительныхъ живыхъ силъ буржуазіи, не сможетъ ни 3) технически овладѣть государственнымъ аппаратомъ и 4) привести его въ движеніе, въ 5) исключительно трудной обстановкѣ, ни 6) политически неспособенъ будетъ противостоять всему тому напору вражескихъ силъ, который смететъ не только диктатуру пролетаріата, но и въ придачу всю революцію"? Одинъ за другимъ, Ленинъ опровергаетъ всѣ шесть (отмѣченныхъ у насъ цифрами) пунктовъ этого утвержденія.

Конечно, пролетаріатъ „изолированъ" отъ буржуазіи, потому что онъ съ нею борется. Но въ Россіи меньше чѣмъ гдѣ-либо, онъ изолированъ отъ мелкой буржуазіи. Исполнительные комитеты крестьянскихъ депутатовъ на Петроградскомъ совѣщаніи высказались отъ 23-хъ губерній и 4-хъ армій противъ коалиціи съ буржуазіей въ правительство, тогда какъ только 3 губерніи и двѣ арміи высказались за коалицію безъ к. д. и только 4 промышленныхъ и богатыхъ губерніи за коалицію безъ ограниченій. Далѣе, и національныя группы на демократическомъ совѣщаніи дали 40 голосовъ противъ 15 противникамъ коалиціи. Отсюда Ленинъ заключаетъ: „національный и аграрный вопросы — это коренные вопросы для мелко-буржуазныхъ массъ населенія въ Россіи въ настоящее время: и по обоимъ вопросамъ пролетаріатъ не „изолированъ" на рѣдкость. Онъ имѣетъ за собой большинство народа . . . Онъ одинъ способенъ вести рѣшительную, дѣйствительно „революціонно-демократическую" политику по обоимъ вопросамъ, а именно, провести „немедленныя и революціонныя мѣры противъ помѣщиковъ, немедленное возстановленіе полной свободы для Финляндіи, Украины, Бѣлоруссіи, для мусульманъ и т. д." „А вопросъ о мирѣ, этотъ кардинальный вопросъ всей современной жизни"? Пролетаріатъ выступаетъ здѣсь, по истинѣ, какъ представитель всѣхъ націй, ... ибо только пролетаріатъ, достигшій власти, сразу предложитъ справдливый миръ всѣмъ воюющимъ народамъ, только пролетаріатъ пойдетъ на дѣйствительно-револю-

---

*) Брошюра написана въ послѣднюю недѣлю Сентября 1917 г. Ленинъ самъ напоминаетъ, что высказанныя въ ней мысли онъ развивалъ въ Россіи со дня своего пріѣзда, съ 4-го Апрѣля.

ціонныя мѣры (опубликованіе тайныхъ договоровъ), чтобы достигнуть, какъ можно скорѣе, какъ можно болѣе справедливаго мира". Итакъ, это условіе для удержанія власти большевиками есть на лицо".

Далѣе, невѣрно, что пролетаріатъ „изолированъ отъ живыхъ силъ демократіи". Кадеты, Брешковская, Плехановъ, Керенскій и К-о — это „мертвыя силы", „живыя силы", „связанныя съ массами", — это лѣвое крыло эсъ-эровъ и меньшевиковъ, и какъ разъ его усиленіе послѣ „іюльской контръ-революціи", есть „одинъ изъ вѣрнѣйшихъ объективныхъ признаковъ того, что пролетаріатъ не изолированъ". Часть массъ, идущихъ за меньшевиками и эсъ-эрами поддержатъ чисто большевистское правительство".

Что пролетаріатъ „не сможетъ технически овладѣть государственнымъ аппаратомъ", арміей, полиціей и чиновничествомъ, это, пожалуй, вѣрно въ томъ смыслѣ, что тутъ указана „одна изъ самыхъ серьезныхъ, самыхъ трудныхъ задачъ, стоящихъ передъ побѣдоноснымъ пролетаріатомъ". Но вѣдь „Марксъ училъ, на основаніи опыта парижской коммуны", что пролетаріатъ долженъ не просто овладѣть государственной машиной, а разбить ее и замѣнить новой. „Эта государственная машина была создана парижской коммуной, и того же типа государственнымъ аппаратомъ являются русскіе совѣты р. с. и кр. д". Это ихъ главный raison d'être, право на существованіе. Совѣты, какъ „новый государственный аппаратъ" неоцѣнимы, ибо 1) они даютъ вооруженную силу рабочихъ и крестьянъ, тѣсно связанную съ массами; 2) связь эта легко доступна провѣркѣ и возобновленію; 3) именно потому, это — аппаратъ болѣе демократическій, чуждый бюрократизма; 4) онъ „даетъ связь съ различными профессіями, облегчая тѣмъ различнѣйшія реформы самаго глубокаго характера"; 5) онъ даетъ „форму организаціи авангарда" угнетенныхъ классовъ, который „можетъ поднимать за собою всю гигантскую массу" и 6) онъ „даетъ возможность соединить выгоды парламентаризма съ выгодами непосредственной и прямой демократіи, т. е. соединить въ лицѣ выборныхъ представителей народа, и законодательную функцію и исполненіе законовъ": „шагъ впередъ, который имѣетъ всемірно-историческое значеніе". „Если бы народное творчество революціонныхъ классовъ не создало совѣтовъ, то пролетарская революція въ Россіи была бы дѣломъ безнадежнымъ, ибо со старымъ аппаратомъ пролетаріатъ, несомнѣнно, удержать власти не могъ бы". „Эсеровскіе и меньшевист-

скіе вожди проституировали совѣты, сводили ихъ на роль говориленъ, придатка соглашательской политики . . . . Развернуть полностью свои задатки и способности совѣты могутъ, только взявъ всю государственную власть".

Какая цѣль этого? Ленинъ отвѣчаетъ: „Государство есть органъ господства класса". Если это есть господство „пролетаріата", то пролетаріатъ долженъ взять въ свои руки весь „рабочій контроль" надъ производствомъ и распредѣленіемъ: не „государственный контроль", какъ соглашались кадеты и меньшевики; въ ихъ устахъ это просто буржуазно-реформистская фраза, — а именно, всенародный рабочій контроль", какъ аппаратъ „соціалистической революціи". Для этого въ современномъ государствѣ есть, „кромѣ угнетательнаго аппарата арміи, полиціи и чиновничества, аппаратъ учетно-регистраціонный. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо; его надо вырвать изъ подчиненія капиталистамъ, отъ него надо отрѣзать, отрубить капиталистовъ съ ихъ нитями вліянія, его надо подчинить пролетарскимъ совѣтамъ, ... опираясь на завоеванія, уже осуществленныя крупнѣйшимъ капитализмомъ". „Капитализмъ создалъ аппараты учета, вродѣ банковъ, синдикатовъ, почты, потребительныхъ обществъ, союзовъ служащихъ. Безъ крупныхъ банковъ соціализмъ былъ бы неосуществимъ . . . . Единый, крупнѣйшій изъ крупнѣйшихъ, государственный банкъ, съ его отдѣленіями въ каждой волости, при каждой фабрикѣ, — это уже девять десятыхъ соціалистическаго аппатата. Низшіе служащіе, исполняющіе фактическую работу счетоводства, контроля, регистраціи, учета и счета, вѣроятно, подчинятся, а съ „горстью" высшихъ служащихъ и капиталистовъ нужно будетъ „поступить по строгости". „Этихъ Титъ-Титычей мы знаемъ поименно: достаточно взять имена директоровъ, членовъ правленія, крупныхъ акціонеровъ и т. п. Ихъ нѣсколько сотъ, самое большее, — тысячъ — на всю Россію; къ каждому изъ нихъ пролетарское государство . . . .. можетъ приставить и по десятку, и по сотнѣ контролеровъ". Не въ конфискаціи имущества капиталистовъ будетъ гвоздь дѣла: въ конфискаціи нѣтъ элемента организаціи, учета, правильнаго распредѣленія. Конфискацію мы легко замѣнимъ взысканіемъ справедливаго налога (хотя бы въ „Шингаревскихъ" ставкахъ).

Сможетъ ли пролетаріатъ „привести въ движеніе" новый государственный аппаратъ? Для этого есть средство „посильнѣе законовъ конвента и его гильотины". „Гильотина только сламывала

активное сопротивленіе: намъ этого мало: . . . намъ надо сломить и пассивное, болѣе вредное сопротивленіе . . . . ." „Недостаточно" „убрать вонъ" капиталистовъ; надо поставить ихъ на государственную службу". Это сдѣлаетъ хлѣбная монополія, хлѣбная карточка, всеобщая трудовая повинность. „Кто не работаетъ, тотъ не долженъ ѣсть". „Совѣты введутъ рабочую книжку для богатыхъ". Особенно упорныхъ придется наказывать конфискаціей всего имущества и тюрьмой".

Но это еще не все. Государственный аппаратъ старой Россіи „приводили въ движеніе" 130,000 помѣщиковъ. Неужели не смогутъ управлять Россіей 240,000 партіи большевиковъ", представляющіе не менѣе 1 милліона взрослаго населенія? Мы можемъ „удесятерить этотъ аппаратъ", привлекши бѣдноту „къ повседневной работѣ управленія государствомъ". Съумѣютъ ли они? Да, если имъ придется проводить „революціонныя мѣры, какъ распредѣленіе жилыхъ помѣщеній въ интересахъ бѣдноты (извѣстное впослѣдствіи „уплотненіе" квартиръ), распредѣленіе продуктовъ продовольствія, одежды, обуви въ городѣ, земли въ деревнѣ . . . „Разумѣется, неизбѣжны ошибки, но . . . . развѣ можетъ быть иной путь къ обученію народа управлять самимъ собой, какъ не путь практики?" „Самое главное — внушить угнетеннымъ и трудящимся довѣріе въ свои силы, показать имъ на практикѣ, что они могутъ и должны взяться сами за правильное, строжайшее, упорядоченное, организованное распредѣленіе хлѣба, всякой пищи, молока, квартиръ и т. д. въ интересахъ бѣдноты".

Пятый аргументъ: большевики не удержатъ положенія, ибо „обстановка сложная" ... но когда же она не бываетъ сложна во время настоящихъ революцій?" „Революція есть самая острая, бѣшеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война. Ни одна великая революція не обходилась безъ гражданской войны".

Шестой аргументъ и послѣдній: побѣда пролетаріата вызоветъ напоръ враждебныхъ силъ, который смететъ и пролетаріатъ и всю революцію. Ленинъ отвѣчаетъ: "не запугаете". „Видѣли мы эти враждебныя силы, и этотъ напоръ въ корниловщинѣ". Это не гражданская война будетъ, а безнадежнѣйшій бунтъ кучки корниловцевъ", который можетъ довести народъ до изступленія" и „спровоцировать его на повтореніе въ широкихъ масштабахъ того, что было въ Выборгѣ" ... „А силу сопротивленія пролетаріата и бѣднѣйшихъ крестьянъ мы еще не видѣли . . . Только тогда, когда десятки милліоновъ людей, раздавленныхъ нуждой и капиталисти-

ческимъ рабствомъ, увидятъ на опытѣ, почувствуютъ, что власть въ государствѣ досталась угнетеннымъ классамъ, — только тогда проявится то, что Энгельсъ называетъ „скрытымъ соціализмомъ": на каждые десять тысячъ открытыхъ поднимется по милліону новыхъ борцовъ, доселѣ политически спавшихъ". „Республики капиталистовъ съ помѣщиками голодный не можетъ отличить отъ монархіи" и народомъ овладѣваетъ апатія, равнодушіе". „А вотъ когда послѣдній чернорабочій, либо безработный, каждая кухарка, всякій разоренный крестьянинъ увидитъ — не изъ газетъ, а собственными глазами — что пролетарская власть не раболѣпствуетъ передъ богатствомъ, а помогаетъ бѣднотѣ, . . . что она беретъ лишніе продукты у тунеядцевъ и помогаетъ голоднымъ, что она вселяетъ принудительно безпріютныхъ въ квартиры богачей, что она заставляетъ богатыхъ платить за молоко, но не даетъ имъ ни одной капли молока, пока не снабжены дѣти бѣдныхъ, что земля переходитъ къ трудящимся, фабрики и банки подъ контроль рабочихъ, что за укрывательство богатства ждетъ милліонеровъ немедленная и серьезная кара, — вотъ когда увидитъ это и почувствуетъ это, тогда никакія силы капиталистовъ и кулаковъ.... не побѣдятъ народной революціи, а, напротивъ, она побѣдитъ весь міръ, ибо во всѣхъ странахъ зрѣетъ соціалистическій переворотъ".

Послѣдній утопическій припѣвъ, конечно не лишаетъ всѣхъ этихъ разсужденій весьма реалистической подкладки. Это, разумѣется, не соціализмъ. Но это — демагогія, и весьма дѣйственная, особенно, при слабости и безформенности русскихъ классовыхъ надстроекъ и при податливости неподготовленной массы на всякіе эксперименты. Впредь до разочарованія въ послѣдствіяхъ этихъ экспериментовъ, разсчетъ Ленина на массы совершенно правиленъ. А послѣ этого? Но въ промежуткѣ вѣдь будетъ созданъ „новый государственный аппаратъ". Хотя Ленинъ и предлагаетъ переименовать свою партію въ „коммунистическую", но въ федерированіе коммунъ снизу онъ плохо вѣритъ. Въ соціализмѣ онъ скорѣе сенъ-симонистъ, чѣмъ фурьеристъ, и анархическіе аргументы ему совершенно чужды. Онъ централистъ и государственникъ — и больше всего разсчитываетъ на мѣры прямого государственнаго насилія. Возражая "реформисту" Базарову, онъ говоритъ: „государство, милые люди, есть понятіе классовое. Государство есть органъ или машина насилія одного класса надъ другимъ. Пока оно есть машина для насилія буржуазіи надъ пролетаріатомъ, до тѣхъ поръ пролетарскій лозунгъ можетъ быть

лишь одинъ: разрушеніе этого государства. А когда государство будетъ пролетарскимъ, когда оно будетъ машиной насилія пролетаріата надъ буржуазіей, тогда мы вполнѣ и безусловно за твердую власть и за централизмъ". И тогда, во имя интересовъ пролетаріата и бѣдноты, новый государственный аппаратъ насилія съумѣетъ дисциплинировать и подтянуть и самую бѣдноту.

Въ „послѣсловіи" къ брошюрѣ Ленинъ очень кстати объясняетъ, почему въ іюлѣ и раньше большевики не хотѣли стать властью и почему въ октябрѣ они вовсе не собираются слѣдовать „тупоумному" совѣту „Новой Жизни" — остаться „непобѣдимы, занимая оборонительную позицію въ гражданской войнѣ" и не принимая на себя „наступательной инициативы". Отвѣтъ Ленина могъ служить отвѣтомъ также и тѣмъ, кто находитъ, что лучше было пустить большевиковъ къ власти раньше, когда они были менѣе организованы и не имѣли еще на своей сторонѣ массъ. Тогда, отвѣчаетъ Ленинъ, мы и не пошли бы на этотъ экспериментъ. „Если нѣтъ у революціонной партіи большинства въ передовыхъ отрядахъ революціонныхъ классовъ и въ странѣ, то не можетъ быть рѣчи о возстаніи. Кромѣ того, для него нужно: 1) наростаніе революціи въ общенаціональномъ масштабѣ; 2) полный моральный и политическій крахъ стараго — напр., „коалиціоннаго" правительства; 3) большія колебанія въ лагерѣ всѣхъ промежуточныхъ элементовъ, т. е. тѣхъ, кто не вполнѣ за правительство, хотя вчера былъ вполнѣ за него". Наблюдая за этими признаками, большевики 3—5 іюля сознательно „удержали гражданскую войну въ предѣлахъ начатка", вовсе „не задаваясь цѣлью возстанія". „Лишь гораздо позднѣе, чѣмъ въ іюлѣ 1917 г., большевики получили большинство въ столичныхъ совѣтахъ и въ странѣ". Именно, послѣ 3—5 іюля, именно, въ связи съ разоблаченіями господъ Церетели ихъ іюльской политикой, именно, въ связи съ тѣмъ, что массы увидали въ большевикахъ своихъ передовыхъ борцовъ, а въ социалъ-блокистахъ — измѣнниковъ, начинается развалъ эсеровъ и меньшевиковъ.

Этотъ развалъ еще до корниловщины вполнѣ доказанъ выборами 20 августа въ Питерѣ, давшими побѣду большевикамъ и разгромъ „соціалъ-блокистовъ" (... процентъ голосовъ за большевиковъ возросъ съ 20% до 33%, а абсолютное число голосовъ за нихъ уменьшилось всего на 10%; процентъ голосовъ всѣхъ „среднихъ" уменьшился съ 58% до 44%, а абсолютное число голосовъ ихъ уменьшилось на 60%).

Развалъ эсеровъ и меньшевиковъ послѣ іюльскихъ дней и до корниловскихъ — доказанъ также ростомъ „лѣваго" крыла въ обѣихъ партіяхъ, достигшаго почти 40%. Такимъ образомъ, теперь, послѣ того какъ „пролетарская партія выиграла гигантски", теперь нужно дать ей иной совѣтъ, чѣмъ даетъ „Новая Жизнь": „не отходи отъ кипящихъ массъ къ „Молчалинымъ демократіи" и, „если возставать, то переходи въ наступленіе, пока силы врага разрознены". „Захватывай врага въ расплохъ" такъ говоритъ самъ Марксъ, цитируя слова „величайшаго мастера революціонной тактики, Дантона: смѣлость, смѣлость и еще разъ смѣлость". Ни одного дня, ни одного лишняго часа не потерпятъ правительства Керенскаго рабочіе и солдаты, знающіе, что совѣтское правительство даетъ немедленное предложеніе справедливаго мира всѣмъ воюющимъ, а, слѣдовательно, дастъ, по всей вѣроятности, немедленное перемиріе и скорый миръ. Ни одного дня, ни одного лишняго часа не потерпятъ солдаты нашей крестьянской арміи, чтобы оставалось, вопреки волѣ совѣтовъ, правительство Керенскаго, военными мѣрами усмирящее крестьянское возстаніе".

„Если же въ объективныхъ условіяхъ момента коренится неизбѣжность — или хотя бы только вѣроятность гражданской войны, тогда, какъ можно ставить во главѣ угла съѣздъ совѣтовъ или Учредительное Собраніе? .. Что же, голодный согласится ждать два мѣсяца? . . . или исторія русской революціи, шедшая съ 27 февраля по 30 сентября необыкновенно бурно и темпомъ неслыханно быстрымъ, пойдетъ съ 1-го октября по 29 октября (день открытія Учредительнаго Собранія), темпомъ архи-спокойнымъ, мирнымъ, легально-уравновѣшеннымъ", и дастъ возможность" во главу угла тактики класть мирные конституціонно-легальныя, юридически и парламентски „простыя" вещи, вродѣ . . . Учредительнаго Собранія? Но вѣдь это было бы просто смѣхотворно, господа, вѣдь это же сплошная издѣвка и надъ марксизмомъ и надъ всякой логикой вообще".

Логика событій была несомнѣнно, на сторонѣ Ленина. „Ясно видя, осязая, чувствуя наличность обстановки гражданской войны", онъ далъ сигналъ. Называя только-что сформированную коалицію „правительствомъ гражданской войны", Троцкій, очевидно, разумѣлъ, именно, это: не то, что коалиція начнетъ гражданскую войну сама, а то, что при этой коалиціи „объективныя условія момента" сложились въ смыслѣ „неизбѣжности" гражданской войны съ несравненно большими шансами на побѣду „пролетаріата", чѣмъ это было 3—5 іюля.

Брошюра Ленина датирована 1-го октября, и въ ней не напрасно подчеркнуто, что благопріятныя условія для побѣдоноснаго выступленія большевиковъ сложились еще до „корниловскихъ дней". Мы знаемъ, что, дѣйствительно, уже 29 августа предполагалось вооруженное возстаніе большевиковъ. Его на этотъ разъ предупредилъ Корниловъ, пославши, согласно желанію правительства и собственнымъ планамъ, войска, которые должны были вступить въ Петроградъ въ день назначенный для большевистскаго бунта. Большевики имѣли, конечно, всѣ основанія думать, что Корниловъ ихъ не пощадитъ и что, при измѣненіи правительственнаго курса, неизбѣжномъ въ случаѣ его побѣды, имъ будетъ трудно продолжать свою дѣятельность. И они предпочли уклониться отъ направленнаго на нихъ удара, отмѣнивъ назначенное выступленіе и поставивъ тѣмъ Корнилова въ невыгодное положеніе нападающаго не на большевиковъ, а на само временное правительство. Это было оченъ умно и указываетъ на очень умѣлое руководительство. Во всякомъ случаѣ, большевики не отмѣнили, а только отсрочили осуществленіе своего плана. Какъ только корниловское движеніе было подавлено и открылся, вмѣстѣ съ тѣмъ, длительный правительственный кризисъ, они принялись за серьезную подготовку къ рѣшительному бою. Къ днямъ наибольшей слабости власти относится документъ, который бросаетъ яркій свѣтъ на закулисную сторону этой подготовки. Также какъ въ дни, предшествовавшіе 3—6 іюлю, дѣло идетъ о солидной германской помощи деньгами и оружіемъ.

Мы не знаемъ, на какое употребленіе Ленинъ получилъ уже 29 августа (12 сентября) по телеграммѣ представителя Diskonto-Gesellchaft, нѣкоему г. Фарзену въ Кронштадтѣ, 207,000 марокъ черезъ указанныхъ Фарзеномъ лицъ въ Стокгольмѣ. Но 8-го (21-го) сентября по спеціальной телеграммѣ предсѣдателя рейнско-вестфальскаго угольно-промышленнаго синдиката Кирдофа, — т. е. по особому распоряженію изъ главнаго источника, откуда шли германскія субсидіи, контора банкирскаго дома В. Варбургъ открыла новый текущій счетъ: „для предпріятія товарища Троцкаго". Какой-то адвокатъ (развѣдка предполагаетъ, что это былъ извѣстный активистъ, Іонасъ Кастренъ) пріобрѣтаетъ на эти деньги оружіе, а не менѣе извѣстный посредникъ большевиковъ въ Стокгольмѣ, Фюрстенбергъ-Ганецкій, заблаговременно сносится съ „товарищемъ" въ Хапарандѣ, чтобы подготовить доставку этого оружія и „требуемой товарищемъ Троцкимъ" суммы въ Россію-

Черезъ 11 дней, 19-го сентября (2-го октября) Фюрстенбергъ уже сообщаетъ изъ Стокгольма въ Хапаранду Антонову (вѣроятно лицо тождественное съ будущимъ главнокомандующимъ большевистскими войсками въ походѣ противъ Ростова), что „порученіе товарища Троцкаго исполнено: со счетовъ синдиката и министерства (вѣроятно, мин. иностр. дѣлъ въ Берлинѣ (400.000 кронъ сняты и переданы товарищу Сенѣ (Суменсенъ), который одновременно посѣтитъ Васъ (Антонова) и вручитъ Вамъ упомянутую сумму“. *)

Очевидно, этой серьезной подготовкой объясняется и то отношеніе, въ которое большевики въ это время встали къ правительству „гражданской войны“, какъ Троцкій уже зарачѣе называлъ правительство третьей коалиціи, и ко всѣмъ тѣмъ „соціалистамъ“, которые содѣйствовали созданію этой коалиціи и совѣта республики. Надо было для успѣха предстоящаго выступленія охранить абсолютную чистоту и ясность положенія, при которомъ всѣ соціалисты, кромѣ „лѣваго крыла“ с. р. и с. д., оконча-

---

*) Данныя эти взяты изъ документовъ, собранныхъ, вѣроятно, русской развѣдкой и иностранными развѣдками, и пріобрѣтенныхъ американцемъ Сиссономъ въ концѣ 1917 года. Тогда же эти документы были пересланы въ Новочеркасскъ, гдѣ я впервые съ ними познакомился. Въ извѣстной брошюрѣ Сиссона „The Bolshevist Conspiracy“ эта серія документовъ напечатана мелкимъ шрифтомъ, въ приложеніи. Болѣе сенсаціонными, очевидно, считались тогда документы, переданные американцемъ въ подлинникахъ или фотографическихъ снимкахъ и относившіеся къ сотрудничеству большевиковъ съ германскими офицерами уже послѣ ихъ побѣды. Но уже въ періодъ собиранія этихъ послѣднихъ документовъ пошли слухи о поддѣлкѣ ихъ лицами, продававшими документы Сиссону. Къ брошюрѣ Сиссона приложено спеціальное разслѣдованіе особой комиссіи американскихъ ученыхъ, которое опровергло обвиненіе въ поддѣлкѣ и признало документы подлинными. Но конечно, это не есть послѣдняя инстанція. Основательность сомнѣній была признана союзными правительствами, и на документы перестали ссылаться. Увѣренность въ подложности ихъ широко распространилась. Однако же, и этотъ выводъ былъ бы черезчуръ огуленъ. Исторія собиранія документовъ въ большевистскихъ учрежденіяхъ для Сиссона разсказана въ „Послѣднихъ Новостяхъ“ г. Е. П. Семеновымъ (Коганомъ). Изъ другого источника я также имѣлъ случай узнать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ собранныхъ ими документовъ — подлинные. Весьма возможно, что агенты Семенова, польстившись на деньги, перешли отъ собиранія документовъ къ ихъ поддѣлкѣ на совѣтскихъ бланкахъ. Точнаго критерія я до сихъ поръ не имѣю. Но, документы использованные въ текстѣ, повторяю, относятся совсѣмъ къ другой категоріи, и происхожденіе ихъ иное: какъ я полагаю, ихъ, дѣйствительно собрала иностранная и русская развѣдка.

тельно дискредитировались въ рабочей и солдатской средѣ Петрограда, какъ „измѣнники", не желающіе дать народу немедленно хлѣба и мира. Мы видѣли начало этой кампаніи въ резолюціяхъ Петроградскаго совѣта р. и с. д. во время переговоровъ о коалиціи. Намъ остается прослѣдить теперь, какъ та же кампанія развивалась втеченіе октября, параллельно съ окончательными приготовленіями къ инсценировкѣ на улицахъ столицы „предпріятія товарища Троцкаго".

9-го Октября, т. е. тотчасъ послѣ ухода большевиковъ изъ Совѣта Республики, состоялось въ Смольномъ Институтѣ, подъ предсѣдательствомъ Каменева, пленарное засѣданіе Петроградскаго Совѣта р. и с. д., въ которомъ взаимныя тактическія позиціи умѣреннаго и крайнаго соціализма опредѣлились вполнѣ отчетливо. Троцкій въ своемъ докладѣ о предпарламентѣ заявилъ, что это — никому не нужное учрежденіе, которое играетъ на руку лишь имперіалистической буржуазіи, проводящей черезъ него свои контръ-революціонныя требованія. Онъ закончилъ свою рѣчь призывомъ „чтобы всѣ были готовы къ борьбѣ за захватъ власти, т. к. только совѣты могутъ спасти страну и закончить войну настоящимъ демократическимъ миромъ". Тщетно доказывалъ Либеръ отъ имени меньшевиковъ, что большевики „до смѣшного упрощаютъ вопросъ о власти", что „черезъ двѣ недѣли они сами обнаружатъ, что не власть рождаетъ хлѣбъ" и что „добросовѣстно подумавъ, они поймутъ, что одно дѣло взять власть въ свои руки, а другое — сохранить ее въ своихъ рукахъ". Либеръ прибавилъ, что „совѣсть мѣшала меньшевикамъ и с. р.-амъ взять власть въ свои руки, ибо они никогда не были демагогами и знали, что обѣщанія, данныя народу, надо осуществлять и нельзя народъ обманывать". Выводъ отсюда былъ тотъ, что нельзя давать неисполнимыя обѣщанія вообще, даже и не находясь у власти. Но въ этомъ и заключалась трудность промежуточной позиціи меньшевиковъ, что, не отказываясь давать обѣщанія, они отказывались поставить себя въ положеніе, въ которомъ они были бы принуждены или ихъ исполнить, или отъ нихъ формально отказаться. Большевики перешагнули черезъ условную черту демагогической совѣсти — и привлекли большинство Петроградскаго Совѣта на свою сторону. Противъ 169 меньшевиковъ и с. р. подавляющимъ большинствомъ принята была предложенная Коллантай резолюція, въ которой говорилось, что предпарламентъ созданъ для закрѣпленія власти за буржуазіей, въ обходъ всероссійскаго съѣзда совѣтовъ, и что „кор-

ниловцу" Керенскому предпарламентъ нуженъ для его „бонапартистскихъ замысловъ. Такой же провалъ ожидалъ въ этомъ засѣданія эсеровъ въ лицѣ оборонца Каплана, требовавшаго отъ исп. комитета экстренныхъ мѣръ для обороны столицы и содѣйствія выводу петроградскаго гарнизона для встрѣчи непріятеля. Эта послѣдняя мѣра, на которой настаивалъ сѣверный фронтъ, была, конечно, непопулярна въ Петроградѣ. Нашелся офицеръ, нѣкто Павловскій, который внесъ проектъ резолюціи съ требованіемъ немедленной отставки новаго правительства, захвата власти, вооруженія рабочихъ и воспрещенія вывода гарнизона изъ Петрограда. „Контръ-революціонный составъ долженъ былъ быть замѣненъ новымъ революціоннымъ „комитетомъ обороны", къ которому должна была перейти вся власть по охранѣ „революціоннаго народа". Эта резолюція большевиковъ также была принята. Армія была представлена въ этомъ засѣданіи 36-ю делегатами отъ румынскаго фронта, заявлявшими, что солдаты требуютъ немедленнаго заключенія мира и передачи власти совѣту; иначе армія сама заключитъ перемиріе и сложитъ оружіе. Предсѣдатель Каменевъ привѣтствовалъ это заявленіе, выразилъ радость по поводу того, что большевистскіе лозунги наконецъ усвоены и обѣщалъ внимательно изучить желанія делегатовъ и вынести удовлетворительныя рѣшенія.

11-го Октября опытъ былъ повторенъ передъ болѣе широкимъ собраніемъ представителей совѣтовъ сѣверной области, съ участіемъ представителей Москвы, балтійскаго флота и петроградскаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ прапорщика Крыленко. Послѣ рѣзкой резолюціи, по поводу остававшихся въ Крестахъ 37 заключенныхъ большевиковъ, которая была принята съѣздомъ по предложенію Антонова, снова Троцкій требовалъ перехода власти въ руки совѣтовъ. Матросъ Дыбенко, въ качествѣ представителя финляндскаго областного комитета, заявилъ, что комитетъ ведетъ неустанную борьбу съ правительствомъ. Представитель балтійскаго флота сообщилъ, что флотъ исполняетъ лишь тѣ военные приказы, которые скрѣплены, подписью комиссаровъ совѣта, и если правительство не заключитъ мира, то самъ балтійскій флотъ предприметъ шаги къ его заключенію. Представитель Волынскаго полка, какъ бы для иллюстраціи къ рѣшенію предыдущаго собранія, заявилъ, что полкъ не выйдетъ изъ Петрограда по простому, приказу „контръ-революціоннаго правительства". Въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ съѣзда было принято обращеніе къ крестьянамъ, говорившее „о близости рѣшительнаго боя рабочихъ, солдатъ и кре-

стьянъ за землю, волю и миръ". Представитель латышскаго совѣта р. и с. д. сообщилъ, что 40.000 латышскихъ стрѣлковъ находятся въ распоряженіи съѣзда. Единственный способъ борьбы умѣреннаго большинства исп. комитета совѣта р. и с. д. со всѣми этими рѣшеніями съѣзда заключался въ заявленіи, что съѣздъ созванъ безъ вѣдома исп. комитета въ произвольномъ составѣ, и поэтому является „частнымъ совѣщаніемъ отдѣльныхъ совѣтовъ, а не полномочнымъ съѣздомъ".

„Полномочнымъ съѣздомъ" долженъ былъ стать для большевиковъ всероссійскій съѣздъ совѣтовъ, созванный на 20-е октября. По смыслу ихъ резолюцій (см. выше резолюцію Колонтай), они хотѣли аппелировать къ этому съѣзду на рѣшеніе демократическаго совѣщанія и уполномоченныхъ имъ органовъ о созданіи коалиціоннаго правительства. Къ 20-му октября большевики рѣшили пріурочить и свое выступленіе съ требованіемъ передачи всей власти совѣтамъ. Правительство было освѣдомлено объ этомъ уже 10-го октября, а 12-го октября вопросъ о поддержаніи порядка въ Петроградѣ былъ поставленъ въ совѣщаніи Керенскаго съ его начальникомъ штаба, военнымъ и морскимъ министрами, генералами Черемисовымъ и Барановскимъ. Повидимому, тогда задача эта была признана легкой и спокойствіе столицы — вполнѣ обезпеченнымъ. Двойственное отношеніе соціалистической части правительства къ большевикамъ продолжалось, несмотря на возраставшую угрозу съ ихъ стороны. Въ эти самые дни министръ юстиціи Малянтовичъ счелъ возможнымъ, уступая требованіямъ областного съѣзда, продолжать освобожденіе большевиковъ, арестованныхъ послѣ возстанія 3—5 іюля, даже такихъ, какъ Козловскій и Раскольниковъ, или главныхъ вожаковъ пулеметнаго полка, солдатъ Семцовыхъ и Сахарова. Онъ находилъ, что ихъ нельзя преслѣдовать по ст. 108 за „благопріятствованіе непріятелю", — такъ же какъ нельзя было-бы преслѣдовать Льва Толстого. Напрасно одинъ изъ товарищей министра возражалъ, что нельзя не считать „благопріятствующимъ непріятелю" такія дѣйствія большевиковъ, какъ отказъ повиноваться военному начальнику, отобраніе винтовокъ у желающихъ идти на фронтъ, взрывы на заводахъ, работающихъ на оборону, задерживаніе на станціяхъ поѣздовъ со снарядами и т. д. („Р. Слово", 14 октября). *)

---

*) Всѣ три товарища министра: Бальцъ, Скарягинъ и Демьяновъ послѣ этого подали въ отставку и остались только тогда, когда Малянтовичъ призналъ неправильность своихъ дѣйствій. Внѣшняя сторона этого эпизода разсказана въ воспоминаніяхъ г. Демьянова, въ IV томѣ Архива Русской Революціи.

Напрасно также военная контръ-развѣдка напоминала въ эти дни спеціальнымъ воззваніемъ ко всѣмъ гражданамъ, что работа германскихъ агентовъ въ послѣднее время чрезвычайно усилилась и что „задачи тайной агентуры германцевъ и ихъ союзниковъ въ Россіи направлены къ ослабленію нашей боевой мощи, окончательному подрыву нашихъ экономическихъ силъ и къ истощенію нравственныхъ силъ населенія путемъ обостренія политической борьбы и доведенія ея до формы погромовъ и анархіи“. („Р. Вѣдомости“, 15-го окрября).

На серьезность приближающейся опасности на этотъ разъ первые обратили вниманіе вожди умѣреннаго большинства „революціонной демократіи“. До нихъ прежде всего дошли свѣдѣнія объ энергичной агитаціи, которую большевики вели на фабрикахъ и заводахъ столицы и среди солдатъ Петроградскаго гарнизона. Испол. комитетъ совѣта крестьянскихъ депутатовъ первый высказалъ осужденіе планамъ большевиковъ въ резолюціи, принятой большинствомъ 32 противъ 3, при 7 воздержавшихся, 15 октября. „Заслушавъ сообщеніе о созываемомъ на 20 октября всероссійскомъ съѣздѣ совѣтовъ р. с. и кр. д., на которомъ предполагается провести требованіе о переходѣ власти въ руки совѣтовъ, — такъ гласила эта резолюція, — „всероссійскій совѣтъ крест. депутатовъ, считаетъ необходимымъ категорически заявить, что въ данный моментъ этотъ актъ можетъ имѣть глубоко печальныя послѣдствія для страны и революціи, ибо можетъ привести къ гражданской войнѣ, которая будетъ выгодна внѣшнему врагу, все глубже проникающему въ нашу родную землю, и всѣмъ противникамъ трудового народа. Рѣшить вопросъ о власти въ окончательной формѣ можетъ только учредительное собраніе... Рѣшеніе же этого вопроса наканунѣ созываемаго черезъ полтора мѣсяца учредительнаго собранія будетъ не только вредной, но и преступной затѣй, гибельной для родины и для завоеваній революціи“.

На слѣдующій день, 14-го октября, тотъ же вопросъ былъ поставленъ и въ соединенномъ засѣданіи обоихъ исполнительныхъ комитетовъ р. с. и кр. д. въ связи съ вопросомъ объ оборонѣ Петрограда. „Въ эти дни внѣшней опасности“, говорилъ докладчикъ Данъ, „со стороны одной части революціонной демократіи, большевиковъ, ведется агитація за то, чтобы перейти отъ словъ къ дѣлу. Къ какому дѣлу? Къ чему ведетъ эта агитація?“ „Къ миру и землѣ“ кричалъ съ мѣста Рязановъ. „Но армія“, продолжалъ

Данъ, „понимаетъ ее, какъ призывъ къ неисполненію стратегическихъ приказаній. Рабочіе понимаютъ ее, какъ призывъ къ немедленному выступленію. Называютъ то 16-е, то 20-е число. Большевики должны отвѣтить, правильно или неправильно понимаютъ ихъ; должны сказать, говорятъ ли они массамъ, что выступленіе будетъ сопровождаться кровавой войной, погромомъ. Къ намъ, въ ц. и. к., приходятъ рабочіе и солдаты и говорятъ, что они не знаютъ, надо имъ выступать или нѣтъ. Съ одной стороны, какъ будто надо, съ другой, какъ будто не надо. Пусть же большевики прямо, честно, открыто скажутъ здѣсь: да или нѣтъ?"

Большевики отвѣчали лишь протестами и шумомъ, стараясь заглушить оратора и сорвать собраніе. Когда имъ это не удалось, они потребовали часового перерыва для обсужденія предложенной Даномъ резолюціи. По возобновленіи засѣданія Пятаковъ произнесъ рѣзкую демагогическую рѣчь и внесъ резолюцію о переходѣ власти къ совѣтамъ. Послѣ продолжительныхъ преній принята была всѣми, кромѣ воздержавшихся большевиковъ и лѣвыхъ с. р. слѣдующая резолюція Дана. „Принимая во вниманіе опасное военное положеніе Петрограда, которому угрожаетъ вражеское нашествіе и ту погромную агитацію, которую давно ведетъ контръ-революція. . . ц. и. к. р. и с. д. и и. к. кр. д. обращается ко всѣмъ рабочимъ, солдатамъ и крестьянамъ и ко всѣмъ жителямъ Петрограда съ призывомъ сохранять полное спокойствіе . . . и считаетъ при данныхъ обстоятельствахъ недопустимыми всякаго рода выступленія, способныя только вызвать погромное движеніе и привести къ гибели революцію".

Обратила вниманіе на грозившую опасность и несоціалистическая часть правительства. А. И. Коноваловъ неоднократно настаивалъ передъ Керенскимъ на принятіи дѣйствительныхъ предупредительныхъ мѣръ на случай возстанія, на точномъ выясненіи, какія, именно, части войскъ будутъ поддерживать временное правительство и на составленіи соотвѣственнаго плана обороны. Разговоры объ этомъ велись 13-го и 14-го октября. Отвѣты Керенскаго были уклончивы: мѣры приняты, опасаться нечего, военное положеніе даетъ достаточныя средства обороны въ случаѣ надобности. 14-го октября Коноваловъ настоялъ на выслушаніи доклада начальника штаба Петроградскаго военнаго округа ген. Багратуни, — единственнаго, сколько-нибудь, компетентнаго лица въ составѣ округа — и его впечатлѣніе было, что никакихъ мѣръ не принято, никакого плана нѣтъ и правительство, несомнѣнно, будетъ застиг-

нуто возстаніемъ врасплохъ. Вечеромъ, 14-го, Керенскій уѣхалъ въ ставку и вернулся только къ вечеру 17-го, все еще имѣя въ виду въ ближайшіе дни снова уѣхать — и надолго — на нижнюю Волгу, въ Саратовъ и другіе города, „для ознакомленія съ настроеніемъ народа“, какъ онъ говорилъ. Коноваловъ продолжалъ категорически возражать противъ этого плана. Недовольный повторными настояніями, Керенскій просто сталъ уклоняться отъ бесѣдъ и отъ прямыхъ отвѣтовъ на прямые вопросы. Единственными мѣрами, принятыми въ эти дни, были приказы главнаго начальника петроградскаго военнаго округа полковника Полковникова, типичнаго представителя новѣйшаго „революціоннаго“ командования, выдвинутаго на свой постъ отнюдь не по цензу профессіональной опытности, а по цензу революціонной благонадежности. Въ сильныхъ словахъ не было недостатка въ этихъ прокламаціяхъ 17-го октября. „Всякій, кто способенъ въ настоящее время призывать массы къ гражданской войнѣ“, объявлялся здѣсь „безумнымъ слѣпцомъ или же сознательно дѣйствующимъ въ угоду императора Вильгельма“. Напоминалось о строгомъ запрещеніи временнымъ правительствомъ „всякаго рода митинговъ, собраній и шествій, кѣмъ бы они ни устраивались“, и, наконецъ, даже была на-лицо угроза „самыми крайними мѣрами для подавленія всякаго рода попытокъ нарушенія порядка“. Петроградъ, Кронштадтъ и Финляндія со всѣми войсками были непосредственно подчинены главнокомандующему сѣвернаго фронта (Черемисову), и для разрѣшенія деликатнаго вопроса о выводѣ изъ столицы войскъ петроградскаго гарнизона онъ созвалъ съѣздъ делегатовъ въ Псковѣ.

Большевики на эти бумажныя мѣры и формальныя распоряженія отвѣчали практическими шагами. Первый такой шагъ былъ предпринятъ въ засѣданіи петроградскаго совѣта р. и с. деп. 16 октября. По предложенію Троцкаго, былъ созданъ главный штабъ предстоящаго возстанія, подъ названіемъ „военно-революціоннаго комитета“. Троцкій привелъ очередные демагогическіе аргументы: „нужно оборонять Петроградъ отъ . . . буржуазіи, которая хочетъ опереться на войска Вильгельма противъ революціонной демократіи. „Наученные опытомъ Корниловщины, мы не можемъ подчиняться распоряженіямъ органовъ, не очищенныхъ отъ контръ-революціонныхъ элементовъ. Мы должны создать свой собственный органъ, чтобы, сознательно идти сражаться и умирать“. Меньшевики-оборонцы протестовали „противъ гибельныхъ для революціи авантюръ“, меньшевики-интернаціоналисты высказались противъ

выступленія массъ въ данный моментъ; но большинствомъ голосовъ проектъ созданія военно-революціоннаго комитета былъ принятъ, и Троцкій благословилъ этотъ новый органъ на „немедленную и плодотворную работу".

И, дѣйствительно, „работа" предполагалась немедленная. Былъ уже готовъ цѣлый планъ выступленія въ ночь на 17 октября: Массы должны были двинуться къ центру города съ трехъ сторонъ: съ Охты, изъ-за Нарвской заставы и изъ Новой деревни. Второй отрядъ долженъ былъ захватить мосты черезъ Неву и занять Петропавловскую крѣпость. Третій отрядъ долженъ былъ занять дворцы. Въ два часа ночи по этому поводу спѣшно собралось, Временное Правительство и выслушало доклады Керенскаго, Верховскаго и Никитина о принятыхъ мѣрахъ. Съ четырехъ часовъ ночи засѣданіе продолжалось въ кабинетѣ Керенскаго съ высшими чинами округа; и были приняты мѣры къ усиленію охраны Зимняго Дворца. Для этого были приглашены юнкера-артиллеристы и двѣ школы прапорщиковъ изъ Ораніенбаума, хотя Полковниковъ и продолжалъ увѣрять, что большинство гарнизона относится къ выступленію отрицательно.

Въ послѣднюю минуту большевики отмѣнили свои приготовленія. Почему они это сдѣлали, неясно. Верховскій, какъ мы видѣли, приписывалъ себѣ заслугу отсрочки большевистскаго выступленія и объяснялъ ихъ рѣшеніе тѣмъ, что они испугались того впечатлѣнія, которое произвели свѣдѣнія объ ихъ планахъ на сѣверномъ фронтѣ. Подобно Корнилову, Верховскій грозилъ, очевидно, тѣмъ, что фронтъ пойдетъ на Петроградъ. Какъ бы то ни было, эта угроза оказалась впослѣдствіи безпочвенной. Правда, что и самъ кандидатъ на роль Корнилова въ промежутокъ покинулъ свой постъ. Возможно, что въ виду принятыхъ правительствомъ ночью мѣръ большевики захотѣли еще разъ провѣрить свои силы. Наконецъ, съѣздъ совѣтовъ, къ которому пріурочивался моментъ выступленія, 17 октября былъ отсроченъ центральнымъ исполнительнымъ комитетемъ совѣта. р. и. с. д. съ 20 октября на 25-ое. Въ связи съ этимъ могла перемѣниться вся диспозиція боя. Но бой былъ только отложенъ. Большевики говорили теперь, что они, собственно, не назначаютъ еще вовсе дня своего выступленія.

Отсрочкой выступленія большевики воспользовались, прежде всего для закрѣпленія своихъ позицій среди петроградскихъ рабочихъ и солдатъ. Троцкій появлялся на митингахъ въ разныхъ частяхъ петроградскаго гарнизона. Созданное имъ настроеніе харак-

теризуется тѣмъ, что, напримѣръ, въ Семеновскомъ полку выступившимъ послѣ него членамъ исполнительнаго комитета Скобелеву и Гоцу не дали говорить. Троцкій далъ лозунгъ — ждать инструкціи отъ всероссійскаго съѣзда совѣтовъ. 19 октября состоялось собранное военнымъ отдѣломъ петроградскаго совѣта закрытое засѣданіе полковыхъ и ротныхъ комитетовъ. Присутствовавшіе делегаты оказались большевистски настроенными и въ ихъ заявленіяхъ была лишь та разница, что не всѣмъ было ясно отношенію къ выступленію и. ц. к. петроградскаго совѣта, а въ нѣкоторыхъ частяхъ вопросъ о выступленіи еще не былъ формально обсужденъ. Такъ, представитель измайловскаго полка заявилъ, что солдаты его части вѣрятъ только совѣту р. и с. д. и выступятъ по первому его зову противъ временнаго правительства. Делегатъ Егерскаго полка заявилъ, что полкъ выступитъ по приказу петроградскаго совѣта для сверженія правительства и передачи власти совѣтамъ. Представитель Волынскаго полка заявилъ, что солдаты его части не будутъ исполнять приказаній правительства. Делегатъ Павловскаго полка сообщилъ, что полкъ не признаетъ ни правительства, ни ц. к., а вопроса о выступленіи не обсуждалъ. Представитель Кексгольмскаго полка пришелъ съ готовой резолюціей о немедленномъ созывѣ съѣзда совѣтовъ, который бы принялъ мѣры къ прекращенію войны. Представитель XX Стрѣлковаго полка указалъ, что полкъ требуетъ немедленнаго окончанія войны и передачи земель комитетамъ. Представитель Гвардейскаго и Флотскаго экипажа заявилъ, что матросы правительству не вѣрятъ, ждутъ приказа отъ „центрофлота“ и требуютъ прекращенія соглашательской политики. Гренадерскій полкъ и представитель 2-ой Ораніенбаумской школы прапорщиковъ (размѣщенной въ Зимнемъ Дворцѣ) заявили, что выступятъ въ защиту правительства только по приказу исп. комитета совѣта. Кавалеристы говорили, что они останутся нейтральными хотя и есть нѣсколько казачьихъ сотенъ и ударныхъ батальоновъ, которые сочувствуютъ врем. правительству.

Послѣ всѣхъ этихъ докладовъ выступилъ Троцкій и прямо указалъ на цѣль собранія. „У насъ нѣтъ рѣшенія о срокѣ выступленія“, подтвердилъ онъ; „но правительство желаетъ пойти на открытую борьбу съ нами, и мы примемъ бой; петроградскій гарнизонъ воспротивится выводу войскъ на фронтъ“. Затѣмъ былъ оглашенъ рядъ постановленій петроградскаго совѣта о непрерывной связи его со всѣми частями гарнизона. Тутъ предусмотрѣно было и наз-

наченіе спеціальныхъ комиссаровъ петроградскаго совѣта во всѣ войсковыя части, и дежурство у полевыхъ телефоновъ, и ежедневное освѣдомленіе о планахъ военно-революціоннаго комитета, только что выбраннаго. Словомъ, устанавливались уже подробности сношеній съ гарнизономъ въ ожиданіи немедленнаго выступленія.

Относительно общаго положенія въ городѣ корреспонденціи „Р. Вѣдомостей“ сообщили 20 октября слѣдующіе факты. „На окраинахъ, на петроградскихъ заводахъ, Невскомъ, Обуховскомъ и Путиловскомъ, большевистская агитація за выступленіе идетъ во всю. Настроеніе рабочихъ массъ таково, что онѣ готовы двинуться въ любой моментъ. За послѣдніе дни въ Петроградѣ наблюдается небывалый наплывъ дезертировъ. Весь вокзалъ переполненъ ими. На Варшавскомъ вокзалѣ не пройти отъ солдатъ подозрительнаго вида, съ горящими глазами и возбужданными лицами. Всѣ окраины производятъ въ этомъ отношеніи ужасающее впечатлѣніе. По набережной Обводнаго канала безцѣльно длижутся толпы пьяныхъ матросовъ. . . Имѣются свѣдѣнія о прибытіи въ Петроградъ цѣлыхъ воровскихъ шаекъ, чувствующихъ наживу. Организуются темныя силы, которыми переполнены чайныя и притоны. . . . Комиссаръ Нарвскаго подъ-района сообщилъ управленію милиціи о появленіи на Балтійскомъ заводѣ значительныхъ группъ матросовъ. . . Въ связи съ ожидаемымъ выступленіемъ большевиковъ, въ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ отмѣчается усиленное требованіе кліентами банковъ принадлежащихъ имъ цѣнностей“. Это объясняется“ убѣжденіемъ широкихъ массъ населенія, что выступающіе большевики прежде всего обратятся къ разгрому частныхъ коммерческихъ банковъ“.

Въ такомъ напряженномъ ожиданіи прошли 20, 21, 22 октября. Патрули ходили по улицамъ; изрѣдка показывались таинственные автомобили съ людьми въ солдатской формѣ, стрѣлявшими въ воздухъ изъ револьверовъ и винтовокъ. У Зимняго Дворца стояли броневики, легкая артиллерія и пулеметы. Подступы къ дворцу и къ штабу охранялись караулами. На воскресенье, 22-ое, въ день Казанской Божьей Матери, казаки назначили крестный ходъ, а большевики объявили „день петроградскаго совѣта“. Троцкій на общемъ собраніи полковыхъ комитетовъ въ Смольномъ объвилъ, что это будетъ „смотръ нашихъ революціонныхъ силъ“. Однако, въ виду казачьей демонстраціи петроградскій гарнизонъ вынесъ резолюцію, въ которой приглашалъ „братьевъ-казаковъ“ на „завтрашнія собранія“, объяснялъ цѣль „совѣтскаго дня“, какъ „сборъ средствъ на революціонную печать“, и предостерегалъ

противъ „провокаціи нашихъ общихъ враговъ“, Корниловцевъ и буржуазіи.

„День Петроградскаго совѣта“, 23 октября, прошелъ спокойнѣе, чѣмъ ожидалось. Испуганное населеніе осталось дома или держалось въ сторонѣ. Митинги были немноголюдны, и выступавшіе на нихъ большевистскіе ораторы не встрѣчали единодушнаго сочувствія аудиторіи. Хотя казацкій крестный ходъ былъ отмѣненъ, тѣмъ не менѣе, не знавшая объ этомъ толпа демонстрантовъ, собралась у Исаакіевскаго собора и образовала довольно внушительное шествіе къ Казанскому собору. Къ, вечеру толпа разошлась, и день закончился мирно. Но въ то же время дѣлались полѣдніе подготвительные шаги къ рѣшительному выступленію, и, быть можетъ, именно, этимъ объясняется умѣренный тонъ большевистскихъ ораторовъ, приглашавшихъ своихъ сторонниковъ воздержаться отъ выступленій и накапливать силы къ моменту, когда петроградскій совѣтъ подастъ сигналъ къ захвату власти.

Въ центрѣ предстоящаго выступленія, стоялъ организованный 20-го октября „военно-революціонный комитетъ“, предназначенный замѣнить штабъ Петроградскаго округа въ руководствѣ петроградскимъ гарнизономъ. Въ ночь на 23-е комитетъ приступилъ къ осуществленію своей миссіи. Члены военно-революціоннаго комитета явились въ штабъ округа и потребовали допущенія къ контролю всѣхъ распоряженій штаба съ правомъ рѣшающаго голоса. Полковникъ Полковниковъ отвѣтилъ на требованіе категорическимъ отказомъ. При штабѣ уже имѣлось одно „революціонное учрежденіе: это было особое совѣщаніе представителей центральнаго исполнительнаго комитета совѣта р. и с. д. и солдатской секціи петроградскато совѣта. Но теперь шла борьба между центральнымъ комитетомъ и петроградскимъ совѣтомъ, и послѣдній органъ рѣшилъ непосредственно взять революціонную власть надъ штабомъ въ руки своего комитета. Послѣ отказа Полковникова одинъ изъ членовъ особаго совѣщанія при штабѣ, членъ солдатской секціи, солдатъ Огурцовскій, заявилъ, что при такихъ условіяхъ онъ не можетъ работать со штабомъ, Полковниковъ принялъ тогда компромиссную мѣру: онъ обратился телефонограммами ко всѣмъ полковымъ комитетамъ петроградскаго гарнизона съ приглашеніемъ непосредственно послать своихъ представителей въ штабъ. При обнаружившемся уже тяготѣніи гарнизона къ военно-революціонному комитету можно было предвидѣть, что изъ этого выйдетъ. Представители полковыхъ комитетовъ были избраны, но, по предложе-

нію военно-революціоннаго комитета они оправились не въ штабъ къ Полковникову, а въ Смольный, „для выработки единообразной тактики и для принятія резолюціи объ отношеніи къ штабу округа“. Послѣ продолжительныхъ преній на этомъ собраніи (23-го октября) было рѣшено отправить во всѣ части петроградскаго гарнизона телефонограмму, въ которой говорилось, что штабъ округа, отказываясь признать авторитетъ военно-революціоннаго комитета, тѣмъ самымъ порываетъ съ революціоннымъ гарнизономъ и съ Петроградскимъ совѣтомъ и становится „прямымъ орудіемъ контръ-революціонныхъ силъ“. Телефонограмма отдавала далѣе слѣдующія приказанія: „Никакія распоряженія по гарнизону, не подписанныя военно-революціоннымъ комитетомъ, недѣйствительны. Всѣ распоряженія петроградскаго совѣта относительно слѣдующаго дня остаются въ силѣ. Всѣмъ солдатамъ гарнизона вмѣняется въ обязанность бдительность, выдержанность и служебная дисциплина. Революція въ опасности. Да здравствуетъ революціонный гарнизонъ“. Делегація изъ 6 лицъ должна была поѣхать въ штабъ округа и заявить тамъ, что отнынѣ штабъ можетъ сноситься съ гарнизономъ только черезъ военно-революціонный комитетъ.

Въ то время какъ въ Смольномъ вырабатывались эти рѣшенія, въ штабѣ округа происходило совѣщаніе гарнизоннаго и бригаднаго комитетовъ съ участіемъ представителей исполнительнаго комитета р. и с. д., такого же комитета кр. д. и петроградскаго совѣта. Члены послѣдняго заявили, что присутствуютъ только для информаціи, а членъ совѣта подпоручикъ Дашкевичъ предъявилъ требованіе о контрассигновкѣ всѣхъ распоряженій штаба военно-революціоннымъ комитетомъ. Представители штаба объяснили, что они не могли принять комиссара военно революціоннаго комитета потому, что у нихъ уже есть комиссаръ — представитель центральнаго исполнительнаго комитета Малевичъ. и прежде назначенія другого они должны выждать, какъ разрѣшится конфликтъ центр. комитета съ петроградскимъ совѣтомъ.

Правительство не могло, наконецъ, не обратить вниманіе на дѣйствіе большевиковъ, которыя становились тѣмъ безцеремоннѣе и агрессивнѣе, чѣмъ дальше они оставались безнаказанными. По настоянію А. И. Коновалова Керенскій вызвалъ 23-го октября въ Зимній Дворецъ министровъ для обсужденія создавшагося положенія. Всѣ единодушно находили, что самочинное образованіе военно-революціоннаго комитета должно считаться преступнымъ

дѣяніемъ, — тѣмъ болѣе, что оно совершено на театрѣ военныхъ дѣйствій. Обращено было вниманіе на нерѣшительность дѣйствій Полковникова и на необходимость сосредоточить оборону столицы и правительства въ рукахъ оного и болѣе опытнаго руководителя.

Выше уже отмѣчено настроеніе А. Ф. Керенскаго въ эти последніе дни существованія Временнаго Правитильства и его постоянныя колебанія въ случаяхъ необходимости принять скорыя и рѣшительныя мѣры. Эго настроеніе роковымъ образомъ отразилось и на данномъ вопросѣ. Въ своей позднѣйшей статьѣ „Гатчина" („Современныя Записки", книга X. 1922.) Керенскій слагаетъ съ себя отвѣтственность — перелагая ее отчасти и на своихъ партійныхъ товарищей — въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Около 20 октября (мы видѣли, что это началось значительно раньше) начали большевики осуществлять въ С. Петербургѣ свой планъ вооруженнаго возстанія для сверженія Временнаго Правительства.

Эта подготовка шла довольно успѣшно въ частности и потому, что остальныя соціалистическія партіи и совѣтскія группировки, относясь ко всѣмъ свѣдѣніямъ о готовящихся событіяхъ, какъ къ „контръ-революціоннымъ измышленіямъ", даже не пытались своевременно мобилизовать свои силы, способныя въ нужный моментъ оказать сопротивленіе большевистскимъ затѣямъ внутри самой революціонной демократіи." Мы видѣли внутреннія причины паралича „остальныхъ соціалистическихъ партій. Но и самъ А. Ф. Керенскій относился къ предстоящему выступленію крайне легко. Въ отвѣтъ на опасенія министровъ онъ заявлялъ, что онъ очень радъ этому выступленію, какъ лучшему способу окончательно раздѣлаться съ большевиками.

Однако, для этой послѣдней цѣли надо же было готовить силы. А. Ф. Керенскій говоритъ въ упомянутой статьѣ: „съ своей стороны правительство готовилось къ подавленію мятежа, но, не расчитывая на окончательно деморализованный Корниловскимъ выступленіемъ СПБ. гарнизонъ, изыскивало другія средства воздѣйствія. По моему приказу съ фронта должны были въ срочномъ порядкѣ выслать въ СПБ. войска. и первые эшелоны съ Сѣвернаго фронта должны были появиться въ столицѣ 24 октября. Въ то же время (т. е. послѣ 20-го или даже послѣ 23-го) полк. Полковниковъ, командующій войсками СПБ. военнаго округа, получилъ приказъ разработать подробный планъ подавленія мятежа. Ему же было предложено своевременно взять на учетъ и съоргани-

зовать всѣ вѣрныя долгу части гарнизона". Мы видѣли, какъ далека была отъ этихъ гладкихъ оффиціальныхъ выраженій та реальная обстановка, среди которой пришлось работать Полковникову. По словамъ А. Ф. Керенскаго Полковниковъ „каждое утро лично представлялъ емъ рапортъ; при чемъ постоянно докладывалъ, что во ввѣренныхъ ему войскахъ — частей, которыми можетъ располагать правительство „вполнѣ достаточно", чтобы справиться съ готовящимся возстаніемъ. „Мы только что видѣли, что въ это самое время, когда Керенскій отдавалъ Полковникову приказы и выслушивалъ рапорты, министры требовали замѣны Полковникова болѣе энергичнымъ и опытнымъ человѣкомъ. Въ статьѣ „Гатчина" Керенскій признаетъ основательность этихъ указаніе, но опять распространяетъ отвѣтственность съ себя на все правительство. Къ великому сожалѣнію, „говоритъ онъ „мы, члены правительства, слишкомъ поздно узнали, что, какъ самъ Полковниковъ, такъ и часть его штаба вели въ эти роковые дни двойную игру и примыкали какъ разъ къ той части офицерства, въ планы которой входило свержение Временнаго Правительства руками гг. большевиковъ. „Такое настроеніе, дѣйствительно, было — и не только въ средѣ офицерства. Но обвиненіе Полковникова въ сознательной „двойной игрѣ", повидимому идетъ слишкомъ далеко.

Военно-революціонный комитетъ, съ своей стороны не дремалъ, Въ многолюдномъ засѣданіи петроградскаго совѣта 23-го октября, въ присутствіи многочисленной публики, членъ комитета Антоновъ сдѣлалъ докладъ о первыхъ двухъ дняхъ дѣятельности комитета. „Почти всѣ части гарнизона, докладывалъ Антоновъ, уже признали власть комитета и его комиссаровъ. Къ нему начали обращаться и разныя столичныя учрежденія. Наборщики одной типографіи запросили комитетъ, слѣдуетъ ли исполнять заказы, которые они признали „черносотенными"; и комитетъ постановилъ чтобы ни одинъ подозрительный заказъ типографіями на исполнялся безъ его санкціи. Рабочіе Кронверкскаго арсенала пожаловались, что по распоряженію штаба изъ арсенала выдается значительное количество винтовокъ. Комитетъ послалъ въ арсеналъ своего комиссара, который задержалъ 10 тысячъ винтовокъ, предназначенныхъ для отправленія въ Новочеркасскъ. Комитетъ постановилъ вообще, чтобы рабочіе выдавали оружіе со складовъ и заводовъ не иначе, какъ по его ордеру. Далѣе Антоновъ заявилъ, что военно-революціонный комитетъ не только освѣдомленъ о мѣрахъ, которыя правительство принимаетъ на случай возстанія, вызывая войска съ фронта и изъ

разныхъ городовъ, но уже и принялъ съ своей стороны мѣры. Такъ одна пѣхотная часть, направлявшаяся къ Петрограду, задержана у Пскова. Одна пѣхотная дивизія и два полка въ Венденѣ отказались идти на Петроградъ. Неизвѣстно пока комитету, что произошло съ отрядомъ юнкеровъ, вызваннымъ изъ Кіева, и съ ударными батальонами, — но скоро и объ этомъ будутъ получены свѣдѣнія. Антоновъ отмѣтилъ, между прочимъ въ своемъ докладѣ, что, несмотря на угрозы штаба и центральнаго комитета, комиссары военно-революціоннаго комитета до сихъ поръ не арестованы. „Да ихъ и не посмѣютъ арестовать", прибавилъ онъ подъ громъ апплодисментовъ.

Дѣйствительно, выслушавъ въ тотъ же вечеръ докладъ Полковникова*), правительство обсуждало вопросъ о немедленномъ арестѣ военно-революціоннаго комитета, но. . . , рѣшило ждать дальнѣйшаго развитія дѣйствій! Въ ожиданіи, Керенскій обсуждалъ съ Малянтовичемъ вопросъ о возбужденіи противъ членовъ комитета судебнаго преслѣдованія. . . Физіономія города, подъ впечатлѣніемъ этого бездѣйствія власти и безнаказанности революціонныхъ дѣйствій, замѣтно измѣнилась. Начались самочинные обыски красногвардейцевъ; въ разныхъ мѣстахъ производилась стрѣльба. На летучихъ митингахъ солдаты, матросы и рабочіе призывали населеніе подчиниться лозунгамъ большевиковъ.

24 октября газеты опубликовали воззваніе петроградскаго совѣта къ гражданамъ, солдатамъ и населенію столицы. Въ первомъ изъ нихъ было повторено, что штабъ „порвалъ съ революціоннымъ гарнизономъ и петроградскимъ совѣтомъ", сдѣлался „прямымъ органомъ контръ-революціонныхъ силъ" и что „военно-революціонный комитетъ снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за дѣйствія петроградскаго военнаго округа". Солдатамъ подтверждалось, что „никакія распоряженія по гарнизону, не подписанныя военно-революціоннымъ комитетомъ недѣйствительны". А населенію объявлялось, что во всѣ воинскія части и „особо важные пункты столицы и ея окрестностей", назначены комиссары, противодѣйствіе которымъ есть „противодѣйствіе совѣту р. и. с. д. (не сказано которому)" и безъ утвержденія которыхъ никакія приказы и распоряженія не подлежатъ исполненію. Граждане приглашались

*) Докладъ Полковникова правительству 23-го октября, слѣдовательно не былъ такъ оптимистиченъ, какъ утверждаетъ Керенскій о его рапортахъ себѣ.

оказать этимъ комиссарамъ „всемѣрную поддержку“. Со своей стороны, военный комиссаръ центральнаго исполнительнаго комитета при штабѣ Малевскій обращался къ комитетамъ петроградскаго гарнизона съ контръ-воззваніемъ, въ которомъ призывалъ сохранить спокойствіе и напоминалъ, что „всякое выступленіе вызоветъ гражданскую войну, выгодную для враговъ революціи“. Конфликтъ сталъ, такимъ образомъ, публичнымъ и открытымъ. Всѣ оптимистическія свѣдѣнія, доставлявшіяся въ Зимній Дворечъ до глубокой ночи, — будто бы удалось ликвидировать столкновеніе „совершенно безболѣзненно“, оказывались невѣрными. Военно-революціонный комитетъ не только не признавалъ центральнаго комитета, но даже не изъявлялъ желанія подчиниться и петроградскому совѣту, въ случаѣ если послѣдній пойдетъ на компромиссъ. Московскій „Соціалъ-демократъ“ заявлялъ въ этотъ день съ полной откровенностью: „гражданская война началась. Война объявлена и военныя дѣйствія начались. Мы должны твердо сказать себѣ это. Керенскій и его агенты — наши открытые враги: никакихъ переговоровъ съ ними. Съ врагами не разговариваютъ — ихъ бьютъ“.

При такомъ положеніи дальше молчать нельзя было и правительству. И Керенскій, наконецъ, заговорилъ. Онъ выступилъ въ тотъ же день, 24 октября, въ засѣданіи совѣта республики съ своей, увы, послѣдней рѣчью. Онъ разсказалъ исторію своихъ—не приготовленій, а переговоровъ, которые тянулись такъ долго и до тѣхъ поръ, какъ это нужно было противнику, чтобы приготовиться. „Несмотря на цѣлый рядъ выступленій, уговоровъ и предложеній, которые шли отъ цѣлаго ряда общественныхъ организацій“, разсказывалъ Керенскій, „и въ особенности весьма внушительное заявленіе, которое было сдѣлано вчера представителями всѣхъ пріѣхавшихъ сюда делегатовъ фронта, мы не получили въ срокъ заявленія объ отказѣ отъ сдѣланныхъ (военно-революціоннымъ комитетомъ) распоряженій. Намъ было сдѣлано только заявленіе въ 3 часа ночи, что принципіально всѣ пункты, предъявленные какъ ультиматумъ со стороны военной власти, принимаются. Такимъ образомъ, счелъ нужнымъ прибавить Керенскій, въ 3 часа ночи организаторы возстанія принуждены были формально заявить о томъ, что они совершили актъ неправомѣрный, отъ котораго отказываются“. Это, очевидно, и считалось „безболѣзненной ликвидаціей“ возстанія и съ мѣста раздались восклицанія: „оригинально“. „Но, продолжалъ Керенскій, какъ я ожидалъ и былъ увѣренъ по всей предыдущей тактикѣ этихъ людей, это была

очередная оттяжка и сознательный обманъ. Въ настоящее время прошли всѣ сроки, и мы того заявленія, которое должно было быть въ полкахъ, не имѣемъ; но имѣется обратное явленіе: именно, самовольная раздача патроновъ и оружія, а также вызовъ двухъ ротъ въ помощь революціонному штабу. Такимъ образомъ, я долженъ установить передъ временнымъ совѣтомъ республики полное и ясное состояніе извѣстной части населенія города Петербурга, какъ состояніе возстанія".

Керенскій произнесъ эти слова довольнымъ тономъ адвоката, которому удалось, наконецъ, уличить своето противника, — какъ онъ уличалъ Корнилова, — въ томъ, что тотъ тщательно и искуссно скрывалъ. Онъ и въ эту минуту заботился прежде всего о „юридической квалификаціи", какъ онъ тутъ же выразился. Но съ мѣста послышалось ироническое: „дождались". И Керенскій при возраставшемъ шумѣ на крайней лѣвой, прибавилъ: „мною предложено немедленно начать соотвѣтствующее судебное слѣдствіе, предложено произвести соотвѣствующіе аресты"... Аресты кого? Приказъ объ арестѣ Ленина былъ отданъ уже нѣсколько дней тому назадъ, но Керенскій самъ, ядовито, какъ онъ думалъ, замѣтилъ, что „вожаки имѣютъ обычай и чрезвычайную способность скрываться", и имъ „никакія тяжкія послѣдствія возстанія" не грозятъ.

Вотъ и всѣ мѣры, о которыхъ сообщило правительство. И вся рѣчь Керенскаго, не такая намѣренно красивая, какъ обыкновенно, скорѣе взволнованная и растерянная даже въ эту минуту была направлена не къ тому, чтобы подавить возстаніе, а къ тому, чтобы оправдать себя въ глазахъ лѣвой, и даже въ глазахъ возставшихъ. Чтобы доказать, что они дѣйствительно преступники, онъ уличалъ Ленина цитатами изъ большевисткихъ газетъ „Рабочаго Пути" и „Солдата". Но, чтобы смягчить даже и этотъ выпадъ, онъ даже и въ такую минуту не отказался отъ своего обычнаго пріема — уравновѣшивать ударъ налѣво ударомъ направо. Онъ, заявилъ, что „пропаганда противъ власти (съ мѣста поправляли: за сильную власть) велась также и въ „Новой Руси", „Живомъ Словѣ" и „Общемъ Дѣлѣ" (Бурцева), и что эти газеты, по его распоряженію, „сегодня ночью также закрыты". Онъ даже считалъ „для себя чрезвычайно важнымъ отмѣтить", что „сами организаторы возстанія", „самъ Ленинъ", выдалъ ему, Керенскому, „узурпатору, продавшемуся буржуазіи", свидѣтельство о томъ, что при его правительствѣ „наилучше постановленные во всѣмъ мірѣ

пролетарскіе интернаціоналисты" могли совершенно безнаказанно организовать свое возстаніе. Къ этой мысли онъ вновь и вновь возвращался втеченіи своей рѣчи. „Правительство могутъ упрекнуть въ слабости и чрезвычайномъ терпѣніи, но, во всякомъ случаѣ, никто не имѣетъ права сказать, что временное правительство за все время, пока я стою во главѣ временнаго правительства и до этого, прибѣгало къ какимъ либо мѣрамъ воздѣйствія, раньше, чѣмъ это не грозило непосредственной гибелью государству. Прошу также членовъ совѣта республики, которые выражаютъ съ мѣстъ свои мнѣнія возгласами отомъ, что дѣйствія власти были недостаточно своевременны и что мы бездѣйствовали, вспомнить... что намъ необходимо во чтобы то ни стало стремиться къ тому, чтобы новый режимъ, режимъ свободы, былъ по возможности совершенно освобожденъ отъ упрековъ въ какихъ бы то ни было, не оправдываемыхъ необходимостью, репрессіяхъ и жестокостяхъ". „Никто не можетъ заподозрить, что эти мѣры нами принимаются съ какими нибудь другими цѣлями, кромѣ необходимости спасти государство". *)

Во время самой рѣчи Керенскій получилъ копію документа, которую въ это самое время военно-революціонный комитетъ разослалъ по войскамъ: „Петроградскому совѣту р. и с. д. грозитъ опасность. Предписываю привести полкъ въ полную боевую готовность и ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Всякое промедленіе и неисполненіе приказа будетъ считаться измѣной революціи. За предсѣдателя Подвойскій, секретарь Антоновъ". Это былъ языкъ власти... Керенскій, прочтя документъ собранію, констатировалъ вновь „состояніе возстанія", и продолжалъ, осуждая „чернь", аппеллировать къ „разуму, совѣсти и чести населенія столицы", пугать его не только открытіемъ фронта, новой военной катастрофой, но и новой „попыткой" контръ-революціи, „можетъ быть болѣе серьезной, чѣмъ попытка Корнилова". *) Онъ

---

*) Въ статьѣ „Гатчина" Керенскій иначе резюмируетъ эту свою послѣднюю рѣчь: „я заявилъ, что всѣ возможныя мѣры для подавленія возстанія приняты и принимаются вр. Пр.; что оно будетъ до конца бороться съ измѣнниками родины и революціи; что оно прибѣгнетъ безъ всякихъ колебаній къ военной силѣ, но что для успѣшности борьбы правительству необходимо немедленное содѣйствіе всѣхъ партій и группъ" и т. д.

*) Эту точку зрѣнія А. Ф. Керенскій усвоилъ впослѣдствіи, какъ методъ своего оправданія передъ потомствомъ. Изъ своей статьи „Гатчина", цитированной выше (Совр. Записки X), онъ излагаетъ тотъ взглядъ, по которому

слагалъ заранѣе отвѣтственность на другихъ, и свидѣтельствовалъ о невинности правительства и своей собственной. Съ лѣвой кричали въ отвѣтъ: „виноваты тѣ, кто за кулисами демократіи затягиваетъ войну".

При апплодисментахъ всего собранія, крайняя лѣвая упорно молчала. Но, именно, въ эту сторону Керенскій продолжалъ направлять свою аргументацію и, въ завершеніе ея, даже сдѣлалъ новые авансы. Большевики — та партія, которая теперь подлежитъ немедленной, рѣшительной ликвидаціи, „обѣщаетъ народу землю и миръ". Но и правительство готово обѣщать то же самое. Оно какъ разъ теперь „обсуждаетъ въ окончательной формѣ вопросъ о передачѣ временно, до Учредит. Собранія, земель въ распоряженіе и управленіе земельныхъ комитетовъ". То же правительство „предполагало въ ближайшіе дни отправить свою делегацію на парижскую конференцію для того, чтобы тамъ, согласно своимъ убѣжденіямъ и программѣ, въ числѣ прочихъ вопросовъ, поставить вопросъ и предложить вниманію союзниковъ о необходимости рѣшительно и точно опредѣлить задачи и цѣли войны, то есть вопросъ о мирѣ". Эти заявленія, очевидно, условленныя съ центральнымъ исполнительнымъ комитетомъ совѣта, имѣли въ виду усилить послѣдній и ослабить позиціи большевиковъ въ массахъ. Въ дѣйствительности, они только лишали правительство въ эту послѣднюю минуту опре-

---

возстаніе большевиковъ чуть-не являлось плодомъ новаго заговора „корниловцевъ". „Общественныя группы, поддерживавшія „диктатора" и связанныя съ нимъ, говоритъ онъ, постановили: не оказывать правительству, въ случаѣ столкновенія его съ большевиками, никакой помощи. Ихъ стратегическій планъ состоялъ въ томъ, чтобы сначала не препятствовать успѣху вооруженнаго возстанія большевиковъ, а затѣмъ, послѣ паденія ненавистнаго врем. правительства, быстро подавить большевистскій „бунтъ". Такимъ образомъ, должны были быть достигнуты, наконецъ, цѣли постановленныя корниловскимъ возстаніемъ. Военные и штатскіе стратеги, авторы этого замѣчательнаго плана, были твердо убѣждены въ томъ, что большевистскій тріумфъ не представитъ изъ себя никакой серьезной опасности и что въ 3—4 недѣли „здоровые элементы" русскаго народа справятся съ бунтующей массой и установятъ въ Россіи „сильную власть", Конечно, толки этого рода были, и по „сильной власти" тосковали и не одни" контръ-революціонеры" въ Россіи. Но едва-ли Керенскій правъ, утверждая, что на этомъ настроеніи, враждебномъ Керенскому и захватывавшемъ все болѣе широкіе круги, основанъ былъ цѣлый „стратегическій планъ" и что состоялось даже „постановленіе" — допустить низверженіе правительства большевиками. То что есть вѣрнаго въ соображеніяхъ Керенскаго, изложено въ текстѣ этой книги, составленномъ въ 918 году.

дѣленной и ясной собственой позиціи и отнимали у него послѣднихъ заступниковъ, на которыхъ оно могло бы еще опираться. Защищать правительство — да, конечно! Но... защищать Керенскаго? Того Керенскаго, который два мѣсяца тому назадъ имѣлъ возможность раздавить большевиковъ, но который и теперь, предъ лицомъ очевидной опасности, пытался, даже обвиняя ихъ въ „предательствѣ и измѣнѣ“, передъ ними же оправдываться? Керенскаго, который самъ дезорганизовалъ свою оборону, который не хотѣлъ опираться на честнаго Корнилова, и не смѣлъ ввѣряться интригану Верховскому? Такъ разсуждали и въ кругахъ, отъ которыхъ зависѣло въ эту минути оказать Керенскому дѣйствительную поддержку.

Но вниманіе Керенскаго было отвлечено въ другую сторону. Онъ требовалъ чтобы сегодня же въ этомъ дневномъ засѣданіи“ совѣтъ республики ему отвѣтилъ на его сообщеніе, „можетъ ли временное правительство исполнить свой долгъ съ увѣренностью въ поддержкѣ этого высокаго собранія? „Давъ авансы „революціонной демократіи“ онъ могъ разсчитывать что по крайней мѣрѣ теперь умѣренная часть этой демократіи, демократія исполнительнаго комитета, находящаяся въ состояніи острой борьбы съ военно-революціоннымъ штабомъ возстанія, отброситъ въ сторону всѣ свои оговорки и сомнѣнія и поддержитъ правительство безусловно и всецѣло. О государственно-мыслящихъ элементахъ собранія онъ, конечно, могъ не заботиться: какъ бы они ни думали о Керенскомъ, но въ такой моментъ они понимали, что всѣ партійные счеты и распри нужно отложить и поддержать правительство, каково бы оно ни было.

Послѣ своей рѣчи Керенскій по его словамъ, „не ожидая голосованія, вернулся въ штабъ, къ прерванной срочной работѣ, думая что не пройдетъ и часа, какъ онъ получитъ сообщеніе о всѣхъ рѣшеніяхъ и дѣловыхъ начинаніяхъ совѣта республики въ помощь правительству.“ Не совсѣмъ понятно о какихъ „дѣловыхъ начинаніяхъ“ тутъ идетъ рѣчь. Это начинанія было дѣломъ правительства, и съ нимъ правительство, какъ мы видимъ, страшно запоздало. Но совѣтъ республики, конечно, могъ и долженъ былъ оказать правительству нравственную поддержку. Въ сущности, при данномъ положеніи, поддержка его уже немного стоила. Но, если бы совѣтъ оказалъ правительству поддержку, онъ, по крайней мѣрѣ, независимо отъ хода событій, оправдалъ бы собственное существованіе.

Придавая преувеличенное значеніе поддержкѣ совѣт, а Керен-

скій, однако, имѣлъ для этого свои основанія. Его надежды — и его послѣдующіе упреки — относились не къ высшему представительному органу въ цѣломъ, а къ тѣмъ единомышленникамъ, для которыхъ поддержка сочлена и „товарища“ была спеціальной обязанностью. Только по отношенію къ соціалистической части совѣта, какъ сейчасъ увидимъ, былъ умѣстенъ и упрекъ Керенскаго, что она „весь этотъ день и весь вечеръ потеряла на безконечные и безполезные споры и ссоры.“

Между прочимъ, это преимущественное значеніе, придававшееся въ этотъ моментъ соціалистическимъ элементамъ, сказалось въ планѣ который не успѣлъ осуществиться, но, несомнѣнно существовалъ и имѣлъ очень симптоматическое значеніе.

Среди элементовъ „революціонной демократій“, искавшихъ и въ эти минути „единаго фронта“ съ крайнимъ лѣвымъ крыломъ, бродила мысль объ исключеніи изъ совѣта республики всего праваго сектора, о пополненіи его большевиками и о превращеніи его въ полномочный „конвентъ“ республики. Гораздо позднѣе, одна газета сообщила даже, что самъ Керенскій былъ втянутъ въ переговоры о возможной перемѣнѣ курса и что его „близкій другъ В. К.“ уже успѣлъ сдѣлать подготовительные шаги по веденію переговоровъ съ отвѣтственными лидерами соціалистическихъ партій“ на предметъ образованія однороднаго соціалистическаго правительства вплоть до большевиковъ. Хотя „политическій дѣятель, близкій къ большевикамъ, г. Е.“ и отвѣтилъ на это, что „время для объединенія соціалистической демократіи вплоть до большевиковъ, вѣроятно, упущено“, но онъ не отказался, „въ случаѣ оффиціальнаго предложенія со стороны Керенскаго передать это предложеніе отвѣтственнымъ лидерамъ партіи большевиковъ.“ *) Конечно, для такого предложенія „время прошло“, когда въ засѣданіи Совѣта 24-го октября Керенскій объявилъ этихъ лидеровъ „предателями и измѣнниками“ и распорядился объ ихъ арестѣ. Но все же эти слухи, не вовсе неправдоподобные, объясняютъ намъ настроеніе умовъ среди „демократіи“ въ тотъ моментъ, когда ей приходилось сдѣлать рѣшительный выводъ и „мужественно стать въ тѣ или другіе ряды, какъ требовалъ отъ нея Керенскій, напередъ отстраняя „людей, нерѣшающихся никогда высказать смѣло правду въ глаза“.

Перерывъ, объявленный послѣ рѣчи Керенскаго для совѣща-

*) „Новое Слово“, 2 Апрѣля (20 Марта) 1918 г.
Статья „Правительство Керенскаго наканунѣ переворота“.

нія фракцій, затянулся до 6-ти ч. вечера. Мнѣніе правыхъ элементовъ Совѣта было совершенно опредѣленное и единодушное: никакимъ преніямъ въ подобный моментъ не должно быть мѣста, необходимо тотчасъ же, безъ преній, вынести, по возможности, значительнымъ большинствомъ, требуемый правительствомъ рѣшительный вотумъ осужденія возстанія и поддержки правительства. Лидеры этой части Совѣта рѣшили воздержаться отъ всякихъ рѣчей. Напротивъ, среди фракцій „революціонной демократіи“ настроеніе было смѣшанное. Даже и независимо отъ намѣченнаго выше тяготѣнія влѣво, центръ долженъ былъ прикрыться мотивировкой, достаточно пріемлемой для съѣзда совѣтовъ, который долженъ былъ открыть свои засѣданія на слѣдующій день, 25-го, и гдѣ предстояла ожесточенная борьба противъ предложенія большевиковъ о передачѣ всей власти совѣтамъ. Поэтому и формула, составленная соціалистическими партіями, давала правительству лишь условную поддержку. Ему обѣщали поддержать его въ томъ случаѣ, если оно приметъ слѣдующія предложенія (уже намѣченныя, какъ мы видѣли, въ рѣчи Керенскаго): 1) всѣ частновладѣльческія земли должны перейти въ вѣдѣніе земельныхъ крестьянскихъ комитетовъ. 2) временное правительство должно принять рѣшительныя мѣры во внѣшней политикѣ, а, именно, немедленно опубликовать тайные договоры и обратиться къ союзникамъ съ требованіемъ объ обнародованіи цѣлей войны. Такъ какъ было мало основаній думать, что весь коалиціонный составъ даннаго правительства приметъ эти условія, то принятіе ихъ Совѣтомъ республики означало бы въ сущности новый правительственный кризисъ въ самомъ разгарѣ возстанія. Въ этой связи понятны и переговоры объ однородномъ соціалистическомъ правительствѣ.

Имѣя въ виду распредѣленіе голосовъ при предыдущихъ принципіальныхъ голосованіяхъ, уже можно было предвидѣть, что единодушной формулы Совѣтъ республики во всякомъ случаѣ вынести не сможетъ даже и по вопросу, который для самого Совѣта, какъ и для правительства, былъ вопросомъ жизни и смерти. Но если вообще п о д д е р ж к а совѣта теперь не имѣла большого положительнаго значенія, то о т к а з ъ въ поддержкѣ, безспорно, долженъ былъ имѣть очень большое о т р и ц а т е л ь н о е значеніе. Правительство лишалось въ этомъ случаѣ послѣдней моральной опоры. Если для исхода борьбы въ самомъ Петроградѣ это не могло имѣть практическаго значенія, то, во всякомъ случаѣ, для арміи и для провинціи та или другая позиція, занятая въ конфликтѣ Совѣтомъ

республики, была очень важна. Все это понимали и тѣ промежуточные элементы, прежде всего кооператоры и народные соціалисты, отъ настроенія которыхъ въ данномъ собраніи зависѣлъ исходъ голосованія. Но, понимая это, они съ другой стороны не хотѣли отрываться совершенно и отъ соціалистическаго фронта. Разъ этотъ фронтъ передвигался влѣво, то самое большее на что они могли рѣшиться, было воздержаніе отъ голосованія формулы лѣвыхъ. Но въ то же время они соглашались голосовать за формулу правыхъ и, въ случаѣ голосованія этой формулы раньше, ихъ голоса, быть можетъ, могли бы дать правительству требуемое большинство. Случайное сцѣпленіе обстоятельствъ привело къ тому, что лѣвая формула голосовалась впереди правой; кооператоры и народные соціалисты не поняли, что при такомъ порядкѣ голосованія технически ихъ воздержаніе равносильно отверженію той формулы, за которую они хотѣли голосовать. По несчастью, наиболѣе вліятельные въ этой средѣ члены, какъ Е. Д. Кускова, въ этой части засѣданія отсутствовали, и установленіе порядка голосованія застало всю группу врасплохъ. Она опомнилась только тогда, когда ея воздержаніе уже дало перевѣсъ формулѣ лѣвыхъ. Послѣ этого формула правыхъ вообще отпала и вовсе не ставилась на голосованіе.

Такъ, въ послѣднюю рѣшительную минуту, вновь сказалось то основное свойство Совѣта республики, съ которымъ мы постоянно встрѣчались: связанность его руководящаго центра отвлеченными идеологіями, отдававшими его въ жертву лѣвой демагогіи, и въ результатѣ — нерѣшительность и растерянность передъ важнѣйшими вопросами, требовавшими неотложнаго и яснаго рѣшенія. На этотъ разъ это свойство сказалось только особенно ясно и наглядно, такъ какъ рѣчь шла не о сложныхъ вопросахъ военнаго дѣла и дипломатіи, а о простѣйшемъ и элементарнѣйшемъ вопросѣ: поддержать ли государственность и власть въ минуту открытаго возстанія. Если даже въ такую минуту, передъ лицомъ мятежа, ставившаго на своемъ знамени явно утопическіе лозунги и столь же очевидно грозившаго потерей войны и сдачей на милость побѣдителя, разчлененіемъ Россіи, ея экономическимъ порабощеніемъ, не нашлось въ этомъ собраніи большинства, которое выразило бы государственную волю, — и если Совѣтъ республики въ самомъ дѣлѣ отражалъ дѣйствительное мнѣніе страны, — въ такомъ случаѣ, очевидно, для Россіи не оставалось никакого другого пути къ ожидавшему ее будущему, кромѣ пути тяжелыхъ испытаній и горькаго собственнаго опыта.

Временное правительство, все цѣликомъ, не могло понять рѣшенія Совѣта республики иначе, какъ вотумъ недовѣрія — и, прежде всего, недовѣрія къ несоціалистической части кабинета. При нормальныхъ условіяхъ, результатомъ вотума могъ бы быть окончательный распадъ коалиціи и сформированіе однороднаго соціалистическаго правительства. Но какъ уходить наканунѣ возстанія, хотя бы борьба съ нимъ и представлялась безнадежной? Этотъ вопросъ должны были задать себѣ представители к. д. и цензовыхъ элементовъ въ правительствѣ. Они получали формальное право—уйти. Чувство долга передъ родиной заставило ихъ остаться и раздѣлить проигранную игру Керенскаго. Что касается этого послѣдняго, въ 11 часовъ вечера онъ и нѣкоторые члены правительства имѣли совѣщаніе съ лидерами поддерживавшаго кабинетъ соціалистическаго большинства совѣтской демократіи, Авксентьевымъ, Гоцомъ, Даномъ и Скобелевымъ.

Керенскій заявилъ съ самаго начала делегаціи соціалистическихъ группъ, что онъ возмущенъ „принятой ими резолюціей,“ что „правительство послѣ такой резолюціи завтра же утромъ подастъ въ отставку“ и что „голосовавшіе за нее должны взять на себя всю отвѣтственность за событія, хотя, повидимому они имѣли о нихъ очень малое представленіе“. „На эту мою взволнованную филиппику“, разсказываетъ Керенскій („Гатчина“) спокойно разсудительно отвѣтилъ Данъ, тогда не только лидеръ меньшевиковъ, но и и. д. предсѣдателя в. ц. и. к. . . . Прежде всего Данъ заявилъ мнѣ, что они освѣдомлены гораздо лучше меня и что я преувеличиваю событія подъ вліяніемъ сообщеній моего „реакціоннаго штаба“. Затѣмъ онъ сообщилъ, что „непріятная для самолюбія правительства“ резолюція (лѣваго) большинства Совѣта республики чрезвычайно полезна и существенна для „перелома настроенія въ массахъ“, „что эффектъ ея уже сказывается“ и теперь вліяніе большевистской пропаганды будетъ „быстро падать“. Съ другой стороны, по его словамъ, сами большевики въ переговорахъ съ лидерами совѣтскаго большинства изъявили готовность „подчиниться волѣ большинства совѣтовъ“, что они готовы „завтра же“ предпринять всѣ мѣры, чтобы потушить возстаніе, „вспыхнувшее помимо ихъ желанія, безъ ихъ санкціи“. „Въ заключеніе“, говоритъ Керенскій „Данъ, упомянувъ, что большевики „завтра же“ (все завтра) распустятъ свой военный штабъ, заявилъ мнѣ, что всѣ принятыя мною мѣры къ подавленію возстанія только „раздражаютъ массы“ и что вообще я своимъ „вмѣшательствомъ“

лишь „мѣшаю представителямъ большинства совѣтовъ успѣшно вести переговоры съ большевиками о ликвидаціи возстанія". „Для полноты картины", прибавляетъ Керенскій, „нужно добавить, что какъ разъ въ это время, какъ мнѣ дѣлалось это значительное сообщеніе, вооруженные отряды „красной гвардіи занимали одно за другимъ правительственныя зданія". . . .

Заявленія Дана лучше всего иллюстрируютъ тѣ настроенія, которыми опредѣлялось поведеніе лѣваго крыла Совѣта республики наканунѣ большевистской побѣды. Исходя изъ глубокаго непониманія реальнаго положенія вещей, эти настроенія связывали власть и лишали ее всякой возможности дѣйствовать рѣшительно. Однако же, было бы ошибочно рѣзко отдѣлять настроеніе соціалистическихъ элементовъ въ самомъ правительствѣ отъ настроенія поддерживавшихъ его политическихъ круговъ. Въ своихъ позднѣйшихъ объясненіяхъ Керенскій началъ яснѣе понимать то, чего не понималъ во время своего пребыванія у власти, и проявилъ склонность переложить отвѣтственность за непониманіе на тѣхъ представителей „революціонной демократіи", которыхъ большевики, въ этотъ рѣшительный моментъ „не безъ успѣха старались заставить смотрѣть, но не видѣть, слушать, но не слышать".

Несоціалистическіе элементы правительства видѣли въ томъ же свѣтѣ поведеніе самого Керенскаго. Разница была, конечно, въ степени слѣпоты „лидеровъ" соціалистическихъ партій — и выдвинутыхъ этими партіями членовъ правительства, поневолѣ болѣе зрячихъ. Но сѣти идеологіи, опутавшей тѣхъ и другихъ и заставившей ихъ „смотрѣть, но не видѣть, слушать, но не слышать", были однѣ и тѣ же. Только вплотную сталкиваясь съ практическими послѣдствіями своего неправильнаго доктринерства, „лидеры" въ послѣднюю минуту, въ полномъ противорѣчіи съ самими собой, видоизмѣняли — не принципы, а практическіе выводы изъ нихъ. Такъ и на этотъ разъ, увидя, что „самолюбіе правительства" настолько задѣто резолюціей соціалистическаго большинства Совѣта, что ему остается только подать въ отставку, „лидеры" заявили Керенскому, что, принимая свою формулу перехода, они не имѣли въ виду выражать правительству недовѣрія и что вопросъ объ уходѣ или объ измѣненіи состава кабинета въ данную минуту не ставится. *)

*) Въ своемъ изложеніи событій („Гатчина") А. Ф. Керенскій вообще придаетъ рѣшенію Совѣта республики болѣе роковое значеніе, чѣмъ оно имѣло въ ряду другихъ факторовъ большевистскаго успѣха. Онъ готовъ признать, что успѣхъ партіи въ значительной мѣрѣ объяснялся тѣмъ, что осталь-

Вожди большевиковъ торжествовали — и не скрывали своего торжества. Вечеромъ 24 октября въ засѣданіи Городской Думы В. Д. Набоковъ отмѣтилъ это торжество въ тѣхъ радостныхъ улыбкахъ, которыя не могъ скрыть Луначарскій во время своей рѣчи. Городской голова Шрейдеръ протестовалъ противъ вмѣшательства комиссаровъ военно-революціоннаго комитета въ дѣла городского самоуправленія, и Гор. Дума приняла резолюцію с. р-овъ, поддержанную кадетами и протестовавшую противъ всякаго насильственнаго и вооруженнаго выступленія, приглашавшую населеніе объединиться около Думы, какъ полномочнаго представительнаго органа, во имя подчиненія грубой силы праву и провозглашенія первенства гражданской власти, единственно законной представительницей которой является Гор. Дума. Принято было затѣмъ предложеніе образовать общественный комитетъ безопасности, изъ 21 представителя революціонныхъ организацій, 20 представителей Г. Думы, 17 отъ районныхъ Думъ и по одному отъ штаба, правительственнаго комиссара и прокурорскаго надзора. Эта запоздалая попытка противопоставить военно-революціонному штабу органъ болѣе умѣренныхъ группъ не могла, конечно, имѣть успѣха.

Къ Смольному, послѣ его молчаливаго отказа на ультиматумъ штаба — отмѣнить приказъ о неисполненіи распоряженій военныхъ властей, стягивались втеченіе всего дня и вечера отряды красной гвардіи, грузовые автомобили, и шла раздача боевыхъ патроновъ. На состоявшемся вечеромъ экстренномъ засѣданіи петроградскаго совѣта Троцкій выступилъ съ рѣчью, въ которой отмѣтилъ прой-

---

ныя соціалистическія партіи и совѣтскія группировки, относясь ко всѣмъ свѣдѣніямъ о готовящихся событіяхъ, какъ къ „контръ-революціоннымъ измышленіямъ" (т. е. въ сущности довольно близко къ тогдашнему взгляду самого Керенскаго), даже не пытались своевременно мобилизовать свои силы, способныя въ нужный моментъ оказать сопротивленіе большевистскимъ затѣямъ внутри самой революціонной демократіи. „Мы видѣли, что основная причина этого была въ стремленіи держать „единый фронтъ" этой „революціонной демократіи" (кавычки, на этотъ разъ, самого Керенскаго) съ большевиками противъ несоціалистической части демократіи. Теперь Керенскій желаетъ переложить часть вины на „большевиковъ справа", „которые не могли преодолѣть въ себѣ жгучей ненависти къ правительству мартовской революціи", и на весь составъ Совѣта, „раздираемаго внутренними распрями и непримиримыми противорѣчіями мнѣній. Мы видѣли, что вся правая половина Совѣта была готова оказать немедленное содѣйствіе правительству, и, слѣдовательно, характеристика Керенскаго должна относиться только къ лѣвому крылу изъ — за поведенія котораго, какъ видно изъ текста, и былъ потерянъ въ безплодныхъ преніяхъ весь этотъ день.

денные этапы, констатировалъ полное безсиліе правительства и первые успѣхи новаго переворота. Онъ предсказалъ правительству Керенскаго 24 или 48 часовъ жизни. „У насъ есть полувласть“, выразился онъ о правительствѣ, которой не вѣритъ народъ, и которая сама себѣ не вѣритъ, ибо она внутри мертва. Эта полувласть ждетъ взмаха исторической метлы, чтобы очистить мѣсто подлинной власти революціоннаго народа“. Однако Троцкій еще остерегался говорить открыто о возстаніи. Онъ стоялъ на разъ усвоенной точкѣ зрѣнія, что петроградскій совѣтъ только защищается отъ „заговорщиковъ“ и „контръ-революціонеровъ“. „Военно-революціонный комитетъ возникъ, не какъ органъ возстанія“, заявлялъ онъ, „а на почвѣ самозащиты революціи“. Въ этомъ смыслѣ онъ отвѣтилъ и явившейся къ нему въ Смольный въ 2 часа дня делегаціи Городской Думы. „Нашъ лозунгъ — вся власть совѣтамъ. Этотъ лозунгъ долженъ получить осуществленіе въ ближайшую эпоху, эпоху засѣданія всероссійскаго съѣзда совѣтовъ. Приведетъ ли это къ „возстанію“ или къ „выступленію“, это зависитъ не только и не столько отъ совѣтовъ, сколько отъ тѣхъ, которые вопреки единодушной волѣ народа, держатъ въ своихъ рукахъ государственную власть“.

Вѣроятно, таковъ и былъ первоначальный планъ Троцкаго: подготовившись къ борьбѣ, поставить правительство лицомъ къ лицу съ „единодушной волей народа“, высказанной на съѣздѣ совѣтовъ, и дать, такимъ образомъ, новой власти видъ законнаго происхожденія.*) Но правительство оказалось слабѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, и сама собой власть падала въ его руки раньше, чѣмъ съѣздъ успѣлъ собраться и высказаться. И Троцкій въ тотъ же вечеръ 24 октября уже не скрывалъ болѣе, что „воля народа будетъ лишь санкціей переворота, который фактически уже начался — и начался успѣшно“. „Вчера правительство закрыло двѣ газеты, имѣющія огромное вліяніе на петроградскій пролетаріатъ и гарнизонъ. Это — прямое нападеніе, прямое контръ-революціонное возстаніе, и мы даемъ ему рѣшительный отпоръ“. „Мы сказали, что не можемъ терпѣть удушенія свободнаго слова, — и выпускъ газеты рѣшили возобновить, возложивъ почетную обязанность охраненія типографій революціонныхъ газетъ на доблестныхъ солдатъ Литовскаго полка и 6-го запаснаго сапернаго батальона“. Дѣйствительно, въ 11 часовъ утра этого дня опечатанныя типо-

*) Къ этой цѣли, вѣроятно и сводились переговоры большевиковъ съ другими соціалистическими партіями, — переговоры, о которыхъ говорилъ Данъ Керенскому (см. выше).

графіи „Рабочаго Пути" и „Солдата" были открыты названными частями гарнизона, отпечатанные номера газетъ получили распространеніе, а въ два часа военно-революціонный комитетъ прислалъ ордеръ, въ которомъ, послѣ приведенной Троцкимъ мотивировки, содержались постановленія объ открытіи газетъ, продолженіи ихъ изданія и возложеніи „почетной обязанности" охраненія революціонныхъ газетъ отъ контръ-революціонныхъ покушеній" на названныя воинскія части. Троцкій привелъ затѣмъ и другой случай побѣды возстанія надъ правительствомъ. „Когда правительство стало мобилизовать юнкеровъ, въ это самое время оно дало крейсеру „Аврора" приказъ удалиться . . . Рѣчь идетъ о тѣхъ матросахъ. къ которымъ въ корниловскіе дни явился Скобелевъ со шляпой въ рукахъ просить, чтобы они охраняли Зимній Дворецъ отъ корниловцевъ. Матросы „Авроры" выполнили тогда просьбу Скобелева. А теперь правительство пытается ихъ удалить (въ Зимнемъ Дворцѣ караулы матросовъ, дѣйствительно, были замѣнены юнкерскими). Но матросы спросили военно-революціонный комитетъ совѣта: и „Аврора" сегодня стоитъ тамъ, гдѣ стояла и прошлой ночью".

Что касается видовъ на ближайшее будущее, Троцкій излагалъ ихъ вечеромъ 24 октября слѣдующимъ образомъ. „Завтра откроется съѣздъ совѣтовъ. Задача гарнизона и пролетаріата — предоставить въ распоряженіе съѣзда накопленную силу, о которую разбилась бы правительственная провокація. Задача наша — донести эту силу до съѣзда нерасколотой, неущербленной. Когда съѣздъ скажетъ, что онъ организуетъ власть, — этимъ онъ завершитъ ту работу, которая продѣлана во всей странѣ. Это будетъ означать, что высвободившійся изъ-подъ власти контръ-революціоннаго правительства народъ созываетъ свой съѣздъ и создаетъ свою власть. Если мнимая власть сдѣлаетъ азартную попытку оживить собственный трупъ, народныя массы, организованныя и вооруженныя, дадутъ ей рѣшительный отпоръ, и отпоръ этотъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе будетъ наступленіе и атака. Если правительство двадцатью четырьмя или сорока восмью часами, которые остались въ его распоряженіи, попытается воспользоваться для того, чтобы вонзить ножъ въ спину революціи, то мы заявляемъ, что передовой отрядъ революціи отвѣтитъ ударомъ на ударъ, на желѣзо — сталью".

Дѣйствительныя намѣренія руководителей переворота шли гораздо далѣе этихъ оффиціальныхъ заявленій Троцкаго. Какъ мы уже замѣтили, съѣздъ совѣтовъ долженъ былъ быть поста-

вленъ передъ совершившимся фактомъ. И уже утромъ 25-го октября военно-революціонный комитетъ, предвосхищая исходъ принятыхъ имъ мѣръ, опубликовалъ слѣдующую прокламацію „къ гражданамъ Россіи“, помѣченную десятью часами утра.

„Временное правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа петроградскаго совѣта р. и с. д., военно-революціоннаго комитета, стоящаго во главѣ петроградскаго пролетаріата и гарнизона. Дѣло, за которое боролся народъ: немедленное предложеніе демократическаго мира, отмѣна помѣщичьей собственности на землю рабочій контроль надъ производствомъ, созданіе совѣтскаго правительства — это дѣло обезпечено. Да здравствуетъ революція рабочихъ, солдатъ и крестьянъ“.

Что же произошло за ночь, что дало штабу переворота право сдѣлать такое сообщеніе? Съ вечера положеніе правительства еще вовсе не казалось совершенно безнадежнымъ. „Центрофлотъ“ высказался противъ переворота, считая „всякое вооруженное выступленіе гибельнымъ для интересовъ революціи“. Делегація отъ казачьихъ войскъ и отъ казачьихъ полковъ 1, 4 и 14-го явилась въ половинѣ перваго послѣ полуночи въ Зимній Дворецъ. Керенскій только что окончилъ въ это время свое „бурное объясненіе“ съ делегатами соціалистическихъ группъ (см. выше). Мы видѣли, что вмѣсто поддержки, онъ получилъ отъ нихъ лишь упреки въ томъ, что его распоряженія мѣшаютъ имъ сговориться съ большевиками о ликвидаціи возстанія мирнымъ путемъ. Теперь съ другого фланга общественности ему предлагали поддержку, но тоже условную. Казаки, по разсказу самого Керенскаго („Гатчина“), желали знать, какими силами онъ располагаетъ для подавленія мятежа и требовали личнаго распоряженія Керенскаго съ личнымъ же ручательствомъ, что на этотъ разъ казачья кровь „не прольется даромъ“, какъ это было въ началѣ іюля. Керенскій отвѣчалъ призывомъ къ исполненію долга и объясненіями, что 3-6 іюля онъ былъ на фронтѣ, а вернувшись принялъ строгія мѣры. Въ отвѣтъ онъ получилъ согласіе казаковъ „исполнить долгъ“ и подписалъ приказъ казакамъ исполнять распоряженія штаба округа. По другимъ свѣдѣніямъ, однако же казаки требовали, чтобы Керенскій ликвидировалъ большевистскія организаціи и арестовалъ большевистскихъ вождей, какъ государственныхъ преступниковъ, а Керенскій отвѣчалъ на это, что не рѣшается арестовать Троцкаго, находящагося въ совѣтѣ р. и с. д. Вмѣсто ареста, министру юстиціи *) предоста-

*) П. Н. Малянтовичъ и въ эту рѣшительную минуту проявилъ нерѣшительность и настоялъ на отмѣнѣ рѣшенія о немедленномъ арестѣ чле-

влялось предложить прокурорскому надзору привлечь Троцкаго и другихъ большевиковъ за мятежныя рѣчи на митингѣ въ Петропавловской крѣпости.

Видимо, у казаковъ осталось неблагопріятное впечатлѣніе отъ этого разговора съ Керенскимъ, такъ какъ въ результатѣ его совѣтъ казачьихъ войскъ, засѣдавшій всю ночь, высказался за невмѣшательство казаковъ въ борьбу временнаго правительства съ большевиками. Съ другой стороны, соціалистическая делегація провела ночь въ переговорахъ съ большевистскими лидерами. Всю ночь напролетъ, жалуется Керенскій, „провели эти искусники въ безконечныхъ спорахъ надъ различными формулами, которыя, якобы должны были стать фундаментомъ примиренія и ликвидаціи возстанія. Этимъ методомъ переговоровъ большевики выиграли въ свою пользу огромное количество времени. А боевыя силы с. р. и меньшевиковъ не были во время мобилизованы". Ни на одномъ изъ двухъ фланговъ русской общественности, какъ видно, не обнаружилось твердой рѣшимости защищать правительство Керенскаго.

Однако-же, было бы неправильно заключить, что ничего не было сдѣлано для защиты власти въ эту ночь.

Военные телеграфисты и главный комитетъ почтово-телеграфныхъ служащихъ высказались противъ предпріятія большевиковъ и за Ц. И. К. Явившіеся ночью на главный телеграфъ большевики послѣ переговоровъ съ представителями почтово телеграфнаго союза удалились, оставивъ лишь одного своего товарища въ аппаратной, для наблюденія за ходомъ работъ. Когда штабъ округа узналъ, что большевики рѣшили захватить ночью электрическую освѣтительную и телефонную станціи, то немедленно была усилена охрана этихъ станцій юнкерами. Мосты черезъ Неву были разведены по распоряженію штаба, за исключеніемъ Дворцоваго, на которомъ была поставлена вооруженная охрана. Правда, городское самоуправленіе сложило съ себя отвѣтственность за разводку мостовъ, и ночью нѣкоторые изъ нихъ были вновь сведены. При-

---

новъ военно-революціоннаго комитета. Онъ заявилъ, что необходимо предварительно разслѣдовать, кто является авторами воззванія къ населенію и къ гарнизону, какую цѣль преслѣдовало это воззваніе, и лишь тогда произвести аресты, а пока достаточно въ срочномъ порядкѣ начать судебное преслѣдованіе противъ членовъ военно-революціоннаго комитета. Съ другой стороны, однако, Малянтовичъ согласился вернуться къ аресту, какъ къ мѣрѣ пресѣченія, относительно тѣхъ большевиковъ, которые, послѣ того какъ были выпущены подъ залогъ, агитировали среди войскъ и населенія (Троцкій, Коллонтай и др.)

казы военнаго штаба, „отстраняли“ всѣхъ комиссаровъ военно-революціоннаго комитета, отмѣняли ихъ „незаконныя дѣйствія“, запрещали „самостоятельныя выступленія“ частей гарнизона безъ приказовъ отъ округа, „категорически запрещали исполненіе приказовъ, исходящихъ отъ различныхъ организацій, а въ случаѣ „самовольныхъ вооруженныхъ выступленій и выходовъ солдатъ на улицу“ приказывали офицерамъ оставаться въ казармахъ, грозя въ противномъ случаѣ „судомъ за вооруженный мятежъ“.

Всѣ эти приказы, однако же, опоздали на нѣсколько дней и опубликованные въ моментъ, когда возстаніе уже началось, естественно, остались на бумагѣ.

А. Ф. Керенскій упоминаетъ, что въ послѣднемъ, ночномъ засѣданіи правительства, послѣ его бесѣдъ съ делегаціями соціалистовъ и казаковъ, „нѣкоторые изъ членовъ правительства весьма сурово критиковали „нерѣшительность“ и „пассивность“ высшихъ военныхъ властей“. Онъ упрекаетъ этихъ членовъ, что они „совершено не считались съ тѣмъ, что намъ приходилось дѣйствовать все время, находясь между молотомъ правыхъ и наковальней лѣвыхъ большевиковъ“. Однако, критика несоціалистическихъ членовъ правительства именно и была направлена на то, что Керенскій своей тактикой поставилъ себя, — а вмѣстѣ съ собой и все временное правительство, — въ это положеніе жалкой безпомощности, Притомъ же, эта критика, какъ указано выше, не была новостью для Керенскаго. Оставивъ безъ вниманія эти указанія и не принявъ во время рѣшительныхъ мѣръ, на которыхъ настаивали несоціалистическіе члены правительства, Керенскій теперь, лицомъ къ лицу съ надвинувшейся катастрофой, готовъ былъ видѣть опасность даже тамъ, гдѣ ея не было. По окончаніи засѣданія правительства, во второмъ часу ночи, онъ выслушалъ предложеніе командующаго войсками и начальника штаба организовать немедленно экспедицію для захвата Смольнаго института—штабъ-квартиры большевиковъ. Керенскій говоритъ („Гатчина“), что онъ тутъ же утвердилъ этотъ планъ, и прибавляетъ: „во время этого разговора я все съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ за страннымъ и двусмысленнымъ поведеніемъ полк. Полковникова, все съ большей тщательностью слѣдя за кричащимъ противорѣчіемъ между его весьма оптимистическими и успокоительными сообщеніями и печальной извѣстной мнѣ дѣйствительностью. „Этотъ психологическій методъ наблюденія“, болѣе характерный для наблюдателя, чѣмъ для наблюдаемыхъ, извѣстенъ уже намъ изъ Корниловской исторіи. По мѣрѣ

возрастанія тревоги Керенскаго, онъ все охотнѣе прислушивается къ случайнымъ сообщеніямъ „преданныхъ и честныхъ офицеровъ“, быстро убѣждается, что, дѣйствительно, „все происходящее нельзя назвать иначе, какъ измѣной“, спѣшитъ вмѣстѣ съ Коноваловымъ и адъютантами въ штабъ, черезъ дворцовую площадь, производитъ новый экзаменъ полк. Полковникову и приходитъ къ заключенію: „нужно сейчасъ же брать въ свои руки командованіе“. Онъ собираетъ „въ самомъ штабѣ нѣсколько высшихъ офицеровъ, на которыхъ могъ положиться съ закрытыми глазами“, вызываетъ „по телефону тѣхъ, чье присутствіе казалось ему особенно нужнымъ“, рѣшаетъ „привлечь партійныя военныя организаціи, въ особенности достаточно многочисленныя организаціи партіи с.-р.“ (о которыхъ только что далъ весьма неудовлетворительный отзывъ). Очевидно, такое обращеніе въ послѣднюю минуту къ немногочисленнымъ, въ дѣйствительности, и дезорганизованнымъ партійнымъ элементамъ должно было оттолкнуть отъ Керенскаго всѣ болѣе правые элементы, и безъ того относившіеся къ нему непріязненно, и окончательно дезорганизовать оборону. Самъ Керенскій замѣчаетъ по этому поводу: „офицерство, собравшись въ значительномъ количествѣ въ штабѣ, вело себя по отношенію къ правительству, а въ особенности, конечно, ко мнѣ, все болѣе вызывающе. Какъ впослѣдствіи я узналъ, между ними по почину самого полк. Полковниаова, шла агитація за необходимость моего ареста. Сначала объ этомъ шептались, а къ утру стали говорить громко, почти не стѣсняясь присутствія постороннихъ. „Керенскій не замѣчаетъ, какъ его собственное свидѣтельство говоритъ не столько объ „измѣнѣ“, сколько о перемѣщеніи центра послѣднихъ надеждъ на сохраненіе государсгвенности, по мѣрѣ того какъ обнаруживалось втеченіе ночи дезорганизованность дѣйствій правительства. „Безъ Керенскаго можно будетъ легче и скорѣе справиться съ большевиками; можно будетъ безъ затрудненій создать наконецъ „эту, такъ называемую, твердую власть“. Такъ Керенскій формулируетъ мысль офицерства, которую онъ квалифицируетъ, какъ „безумную“. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію“, свидѣтельствуетъ онъ, „что всю эту ночь полк. Полковниковъ и нѣкоторые другіе офицеры штаба округа находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ противоправительственными правыми организаціями, усиленно тогда дѣйствовавшими въ городѣ, какъ напримѣръ, съ совѣтомъ союза казачьихъ войскъ, съ союзомъ георгіевскихъ кавалеровъ, съ СПБ. отдѣломъ союза офицеровъ и прочими подобнаго же рода военными и гражданскими учрежде-

ніями. Послѣдующіе историки выяснятъ, былъ-ли предметомъ этихъ переговоровъ коварный проэктъ низложенія Керенскаго руками большевиковъ, какъ подозрѣваетъ Керенскій, или послѣдняя попытка организовать оборону. Пишущему эти строки представляется болѣе вѣроятнымъ, что готовность къ защитѣ правительства не отсутствовала въ этихъ правыхъ кругахъ, но значительно ослабѣла втеченіе ночи, послѣ того, какъ они были фактически отстранены распоряженіями Керенскаго отъ организаціи обороны столицы. Объ этой перемѣнѣ настроенія свидѣтельствуетъ самъ Керенскій, говоря, что уже съ вечера юнкера, настроеніе которыхъ сначала было превосходно, стали терять бодрость духа; позднѣе начала волноваться команда блиндированныхъ автомобилей; каждая лишняя минута напраснаго ожиданія подкрѣпленій все болѣе понижала „боеспособность" у тѣхъ и у другихъ. Естественно, ни юнкера, ни команда автомобилей, ни казаки не хотѣли очутиться въ одиночествѣ. Рѣшеніе зависѣло теперь отъ того, какъ отнесется къ защитѣ временнаго правительства сѣверный фронтъ и вызванные съ фронта эшелоны.

Въ ожиданіи этихъ подкрѣпленій Керенскій и Коноваловъ оставшіеся одни въ Зимнемъ Дворцѣ, переживали тревожные часы". „Мучительно тянулись долгіе часы этой ночи", вспоминаетъ Керенскій. „Отовсюду мы ждали подкрѣпленій, которыя, однако, упорно не подходили. Съ казачьими полками шли безпрерывные переговоры по телефону. Подъ разными предлогами казаки упорно отсиживались въ своихъ казармахъ, все время сообщая, что вотъ-вотъ черезъ 15—20 минутъ они „все выяснятъ" и „начнутъ сѣдлать лошадей". Съ другой стороны, партійныя боевыя силы не только не появлялись въ штабѣ, но и въ городѣ не проявляли никакой дѣятельности. Этотъ загадочный съ перваго взгляда фактъ объясняется крайне просто. Партійные центры, увлеченные безконечными переговорами съ Смольнымъ, гораздо болѣе разсчитывая на авторитетъ „резолюціи", чѣмъ на силу штыковъ, не удосужились во время сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія". На обязанности соціалистическихъ сторонниковъ Керенскаго остается объяснить, какими именно „боевыми силами" они могли располагать въ эту минуту и какого рода распоряженія они упустили сдѣлать. Раздѣляя по своей политической схемѣ всѣ общественные круги на три группы, „большевиковъ слѣва", „большевиковъ справа" и „круги, искренно преданные революціи и связанные въ своей судьбѣ съ судьбой временнаго правительства", Керенскій опредѣленно отбра-

сываетъ двѣ первыя группы, какъ враждебныя и возлагаетъ, въ послѣднемъ счетѣ, отвѣтственность на третью группу, среди которой по ея свидѣтельству, „господствовала какая — то непонятная увѣренность, что „все образуется", что нѣтъ никакихъ основаній особенно тревожиться и прибѣгать къ героическимъ мѣрамъ спасенія". Внѣ отвѣтственности отчасти только онъ самъ. Историку остается еще разъ констатировать, что вплоть до 24 октября глава правительства раздѣлялъ обрисованную имъ психологію своихъ единомышленниковъ . . .

Ночь на 25 октября прошла въ этихъ волненіяхъ и взаимныхъ обвиненіяхъ. „Въ седьмомъ часу утра", вспоминаетъ Керенскій, „переговоривъ еще разъ по прямому проводу со ставкой Главкосѣва о всяческомъ ускореніи высылки въ СПБ вѣрныхъ войскъ, такъ и не дождавшись казаковъ, которые все еще „сѣдлали лошадей", мы съ Коноваловымъ, разбитые впечатлѣніями этой ночи и переутомленные, отправились (изъ штаба) назадъ въ Зимній, хоть немного вздремнуть."

Не прошло и часу, какъ задремавшій на атаманкѣ Керенскій былъ разбуженъ фельдъегеремъ, принесшимъ тревожныя вѣсти. Большевики захватили центральную телефонную станцію и всѣ дворцовыя телефонныя сообщенія съ городомъ прерваны; дворцовый мостъ подъ, окнами комнатъ Керенскаго, занятъ пикетами матросовъ — большевиковъ; дворцовая площадь безлюдна и пуста.

Дѣйствительно, втеченіе ночи большевики продолжали энергично работать. Съ вечера они приступили къ занятію важнѣйшихъ пунктовъ по заранѣе намѣченному плану. Въ 9 ч. вечера на Балтійскій вокзалъ явился комиссаръ военно-революціоннаго комитета въ формѣ прапорщика, съ ротой Измайловскаго гвардейскаго полка, и заявилъ коменданту станціи, что по распоряженію комитета принимаетъ всю власть надзора за порядкомъ отправленія поѣздовъ. Въ 5 ч. утра отрядъ матросовъ занялъ помѣщеніе Государственнаго Банка на Екатерининскомъ каналѣ и охранялъ его „именемъ правительства". Рано утромъ комиссаръ комитета явился въ „Кресты", гдѣ содержались арестованные большевики, и предъявилъ караульнымъ солдатамъ Волынскаго полка постановленіе ихъ полкового комитета объ освобожденіи большевиковъ по списку петроградскаго совѣта, въ которомъ значились бывшій редакторъ „Окопной Правды", извѣстный поручикъ Хаустовъ, не менѣе извѣстный по Кронштадту „докторъ Рошаль" и другіе. Послѣ тщет-

ныхъ попытокъ переговорить съ министромъ Малянтовичемъ, давшимъ уклончивый отвѣтъ, тюремный инспекторъ подчинился требованію комиссара. Той же ночью значительное количество судовъ Балтійскаго флота въ боевомъ порядкѣ вошло въ Неву; нѣкоторые изъ этихъ судовъ поднялись до Николаевскаго моста, который былъ занятъ отрядами возставшихъ.

Часъ рѣшительнаго столкновенія приближался. Разбуженный Керенскій съ Коноваловымъ и адъютантами во девятомъ часу бросились въ штабъ и тамъ уже нашли слѣды дѣятельности большевиковъ. Юнкера, охранявшіе дворецъ, получили отъ нихъ ультиматумъ съ требованіемъ покинуть дворецъ подъ угрозой безпощадныхъ репрессій. У блиндированныхъ автомобилей „исчезли" нѣкоторыя части, и автомобили были приведены въ негодность для защиты. Становилось ясно, что защищаться въ Зимнемъ Дворцѣ невозможно. „Посовѣтовавшись съ министрами Коноваловымъ и Кишкинымъ, подоспѣвшимъ къ этому времени, и переговоривъ съ нѣкоторыми оставшимися вѣрными присягѣ офицерами штаба", Керенскій рѣшилъ „ѣхать, не теряя ни минуты, навстрѣчу эшелонамъ, застрявшимъ гдѣ-то у Гатчины", оставивъ въ Зимнемъ Дворцѣ безпомощное правительсто.

Въ десятомъ часу утра на домъ къ одѣвавшемуся В. Д. Набокову позвонили два офицера. Взволнованнымъ тономъ они сказали ему: „вы, вѣроятно знаете, что началось возстаніе, почта, телеграфъ, телефонъ, арсеналъ, вокзалы захвачены; всѣ главные пункты въ рукахъ большевиковъ; войска переходятъ на ихъ сторону, сопротивленія никакого; дѣло временнаго правительства проиграно. Наша задача спасти Керенскаго, увести его поскорѣе на автомобилѣ, навстрѣчу тѣмъ, оставшимся вѣрными временному правительству войскамъ, которыя двигаются къ Лугѣ. Всѣ наши моторы захвачены или испорчены. Они просили В. Д. Набокова достать имъ два „закрытыхъ автомобиля". Не получивъ просимаго, они повторили попытку у секретаря американскаго посольства Уайтхауза. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ американскій посолъ Давидъ Френсисъ, въ своей книгѣ. *) „Секретарь Уайтхаузъ вбѣжалъ ко мнѣ въ сильномъ возбужденіи и сказалъ мнѣ, что за его автомобилемъ, на которомъ развивался американскій флагъ, слѣдовалъ до его квартиры русскій офицеръ, заявившій, что Керенскому этотъ автомобиль нуженъ для поѣздки на фронтъ. Уайтхаузъ и его шуринъ

---

*) Russia from the American Embassy, by David R. Francis N. Y. Scribner's 1921. стр. 179—180.

баронъ Рамзай, отправились съ офицеромъ въ главный штабъ, чтобы провѣрить источникъ этого изумительнаго заявленія. Тамъ они нашли Керенскаго . . . всѣ были страшно возбуждены и царствовалъ полный хаосъ. Керенскій подтвердилъ заявленіе офицера, что ему нуженъ автомобиль Уайтхауза, чтобы ѣхать на фронтъ. Уайтхаузъ заявилъ: это мой собственный автомобиль, а у васъ (онъ показалъ на Зимній Дворецъ, по другую сторону площади) больше тридцати автомобилей ожидаютъ у подъѣзда. Керенскій отвѣчалъ: они ночью испорчены, и большевики распоряжаются всѣми войсками въ Петроградѣ, за исключеніемъ немногихъ, заявляющихъ о своемъ нейтралитетѣ; они отказываются подчиняться моимъ приказаніямъ. Уайтхаузъ и Рамзай, посовѣтовавшись наспѣхъ, пришли къ резонному заключенію, что, такъ какъ автомобиль уже захваченъ фактически, они больше противиться не могутъ. Выйдя изъ штаба, Уайтхаузъ вспомнилъ объ американскомъ флагѣ и, вернувшись, сказалъ офицеру, просившему объ автомобилѣ, что онъ долженъ снять флагъ, прежде чѣмъ используетъ автомобиль. Тотъ возражалъ, и послѣ нѣкоторыхъ пререканій Уайтхаузу пришлось удовлетвориться протестомъ противъ того, чтобы Керенскій пользовался флагомъ . . . Я одобрилъ, но приказалъ никому не говорить объ этомъ . . . Позднѣе до меня дошли слухи, что Керенскій выѣхалъ изъ города на автомобилѣ американскаго посольства и подъ американскимъ флагомъ. *)

---

*) Керенскій („Гатчина") излагаетъ этотъ эпизодъ иначе. „Какимъ образомъ, я не знаю, но вѣсть о моемъ отъѣздѣ дошла до союзныхъ посольствъ. Въ моментъ самаго выѣзда (когда Керенскій уже „приказалъ подать свой превосходный, открытый дорожный автомобиль" съ „отмѣнно мужественнымъ и вѣрнымъ" солдатомъ—шофферомъ ко мнѣ являются представители англійскаго и, насколько помню, американскаго посольства съ заявленіемъ, что представители союзныхъ державъ желали бы, чтобы со мной въ дорогу пошелъ автомобиль подъ американскимъ флагомъ. Хотя было болѣе, чѣмъ очевидно, что американскій флагъ, въ случаѣ неудачи прорыва, не могъ бы спасти меня и моихъ спутниковъ, и даже, наоборотъ, во время проѣзда по городу могъ усилить къ намъ ненужное совсѣмъ вниманіе, я все таки съ благодарностью принялъ это предложеніе, какъ доказательство вниманія союзниковъ къ русскому правительству и солидарности съ нимъ". Можно съ большой вѣроятностью предположить, что такъ далеко любезность союзниковъ идти не могла, что никакого „предложенія" съ ихъ стороны не было и что, самое большее, американцы рѣшили смотрѣть сквозь пальцы на захватъ автомобиля, подъ условіемъ не пользоваться ихъ флагомъ. Данный примѣръ снова показываетъ, какъ настроеніе Керенскаго вліяетъ на его изложеніе фактовъ.

Послѣднее не совсѣмъ вѣрно. Керенскій поѣхалъ на своемъ автомобилѣ, но американская машина, „кстати оказавшаяся тутъ", по выраженію Керенскаго, слѣдовала за нимъ, „на почтительномъ разстояніи", но тѣмъ не менѣе, „подъ американскимъ флагомъ", — очевидно не изъ простой любезности къ „желанію союзниковъ". Керенскій подчеркиваетъ въ своемъ разсказѣ, что онъ рѣшилъ „дѣйствовать съ открытымъ забраломъ" и соблюдая до мелочей „всю привычную внѣшность своихъ ежедневныхъ выѣздовъ". Но, быть можетъ, американскій флагъ и съигралъ свою роль въ „растерянности патрулей у красныхъ отрядовъ", замѣтившихъ Керенскаго. Какъ бы то ни было, при проѣздѣ черезъ людныя мѣста столицы, узнанный многими прохожими солдатами, Керенскій не былъ остановленъ. „Навѣрное секунду спустя послѣ моего проѣзда", замѣчаетъ онъ, „ни одинъ изъ нихъ не могъ себѣ объяснить, какъ это случилось, что онъ не только пропустилъ этого „контръ-революціонера", „врага народа", но и отдалъ ему честь". Замѣчаніе, которое ярко характеризуетъ настроеніе уѣзжавшаго Керенскаго и психологію начинавшагося, но еще не вполнѣ осознавшаго свои цѣли, возстанія.

„Въѣзжалъ въ рабочіе кварталы и приближаясь къ Московской заставѣ", продолжаетъ Керенскій свой разсказъ, „мы стали развивать скорость и, наконецъ, помчались съ головокружительной быстротой. Помню, какъ, на самомъ выѣздѣ изъ города, стоявшіе въ охраненіи красногвардейцы, завидя нашъ автомобиль, стали съ разныхъ сторонъ сбѣгаться на шоссе, но мы уже промчались мимо, а они не только попытки остановить не сдѣлали, они и распознать-то насъ не успѣли". Опасность миновала для Керенскаго.

Но вернемся къ тому, что въ этотъ роковой день 25 октября происходило въ Петроградѣ. Главное вниманіе возставшихъ было, конечно, направлено на министровъ и на Совѣтъ Республики. Созванные на утреннее засѣданіе министры собирались въ Зимній Дворецъ. Площадь между дворцомъ и зданіемъ штаба, а также ближайшая часть Невскаго до Мойки были еще свободны отъ возставшихъ. Выше по Невскому уже утромъ появились броневые автомобили военно-революціоннаго комитета. За мостомъ черезъ Мойку рабочіе строили баррикады и ставили пулеметы. Со стороны Милліонной тоже подходили отряды возставшихъ. Подъѣзжавшій съ этой стороны къ Зимнему Дворцу на засѣданіе министръ С. Н. Прокоповичъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Е. Д. Кусковой. Послѣдняя была отпущена. Позднѣе у выхода Милліонной стали броневики, державшіе, согласно рѣшенію броне-баталіона „нейтралитетъ" между правительствомъ и Ленинымъ.

Кругомъ Маріинскаго Дворца всѣ окружающія улицы также были понемногу заняты. Собравшіеся довольно рано по приглашенію предсѣдателя Авксентьева члены президіума Совѣта Республики обсуждали создавшееся положеніе. Другіе члены постепенно подходили, когда Маріинскій Дворецъ былъ оцѣпленъ. Солдаты расположились внутри дворца шпалерами по большой лѣстницѣ, ведущей въ бель-этажъ дворца изъ нижняго вестибюля. Около часа дня членамъ президіума было передано требованіе немедленно расходиться, иначе черезъ полчаса начнется обстрѣлъ. Оставалось только подчиниться силѣ. Совѣтъ старѣйшинъ протестовалъ противъ насилія и поручилъ своему предсѣдателю созвать Совѣтъ Республики при первой возможности. Объ этомъ рѣшеніи было доложено немногимъ членамъ, собравшимся въ почти пустой залѣ засѣданій. Никакой попытки, подобно той, какую сдѣлала городская дума, оставить организованный органъ или группу членовъ, чтобы реагировать на событія, не было сдѣлано. Въ этомъ сказалось общее сознаніе безсилія этого эфемернаго учрежденія и невозможность для него, послѣ принятой наканунѣ резолюціи, предпринимать какія бы то ни было совмѣстныя дѣйствія. Одинъ за другимъ члены Совѣта проходили по лѣстницѣ среди развалившихся въ удобныхъ позахъ солдатъ, бросавшихъ на нихъ равнодушные или злобные взгляды. Внизу, въ дверяхъ просматривали документы уходящихъ и выпускали на площадь по одиночкѣ. Ожидали сортировки членовъ и кое-какихъ арестовъ. Но у революціоннаго штаба были другія заботы. Члены Совѣта были всѣ пропущены, кромѣ князя В. А. Оболенскаго, короткая задержка котораго была, очевидно, вызвана его титуломъ. Маріинскій Дворецъ опустѣлъ.

Послѣ отъѣзда Керенскаго въ исполненіе обязанностей министра предсѣдателя вступилъ А. И. Коноваловъ, а высшее завѣдываніе военной охраной Петрограда взялъ на себя Н. М. Кишкинъ. За подписью А. И. Коновалова составлено было воззваніе къ арміи, начинавшееся словами: „въ Петроградѣ назрѣваютъ грозныя событія“. Въ воззваніи излагалась исторія этихъ событій. „Непосредственно вслѣдъ за приказаніемъ войскамъ петроградскаго гарнизона выйти на фронтъ для защиты столицы отъ наступающаго врага, — началась упорная агитація въ полкахъ и на заводахъ“. Затѣмъ былъ „самочинно созванъ“ военно-революціонный комитетъ, грозившій своими дѣйствіями парализовать оборону столицы. Правительство приняло противъ него мѣры, но „въ

виду неустойчивости и нерѣшительности части петроградскаго гарнизона, не всѣ распоряженія временнаго правительства оказались выполненными"., Въ результатѣ, „Петрограду грозитъ гражданская война и анархія; вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ пріостановка дѣятельности государственнаго организма, прекращеніе дипломатической работы, имѣющей цѣлью приближеніе мира, прекращеніе работы по созыву Учред. Собранія, пріостановка снабженія арміи припасами. одеждой и снарядами . . . Дѣйствующая армія ... не можетъ допустить, чтобы ей наносился предательскій ударъ въ спину". И Коноваловъ призывалъ армію „сплотиться вокругъ временнаго правительства и центральныхъ органовъ революціонной демократіи".

Въ ожиданіи, пока воззваніе дойдетъ до фронта и произведетъ то дѣйствіе, на которое разсчитывало правительство, нужно было, однако, дѣйствовать немедленно въ самомъ Петроградѣ.

Въ помѣщеніи главнаго штаба противъ дворца — единственная территорія оставшаяся еще въ распоряженіи правительства — происходило обсужденіе способовъ борьбы съ возстаніемъ. Никакихъ дѣйствительныхъ способовъ, собственно, уже не оставалось, и немудрено, что отзывы военныхъ участниковъ совѣщанія, Багратуни, Полковникова, приглашеннаго на совѣщаніе ген. Алексѣева, были самые пессимистическіе. Представители казачьихъ полковъ, предлагавшіе правительству поддержку наканунѣ, теперь заявили петроградскому совѣту, что приказаній правительства они исполнять не будутъ, а, оставаясь нейтральными, готовы нести охрану государственныхъ имуществъ и личной безопасности гражданъ. Полки гарнизона не повиновались приказамъ штаба и арестовывали своихъ офицеровъ. На площадь между дворцомъ и штабомъ постепенно собирались къ полудню, по приказаніямъ штаба, юнкера изъ военныхъ школъ: изъ школы прапорщиковъ, инженерныхъ войскъ, школы прапорщиковъ изъ Ораніенбаума и Петергофа, взводъ отъ Константиновскаго артиллерійскаго училища. Какъ видно изъ воспоминаній А. П. Синегуба („Архивъ русской революціи, т. IV), настроеніе юнкеровъ было очень сложное. Они колебались между необходимостью исполнить долгъ, защищая родину отъ враговъ всего того, что для нихъ было свято, и недовѣрчивымъ отношеніемъ къ правительству, и въ особенности „главноуговаривающему" Керенскому. Въ психологіи падающей власти они видѣли слишкомъ много общаго съ тѣмъ, противъ чего имъ предстояло сейчасъ бороться, рискуя жизнью. Естественно,

что уже при обсужденіи положенія утромъ, въ „Совѣтахъ“ школъ обнаружились разногласія. Втеченіе дня эти разногласія усиливались, по мѣрѣ того какъ выяснилась для юнкеровъ безнадежность положенія и ихъ изолированность, отсутствіе Керенскаго, отъѣздъ котораго они считали побѣгомъ, недостатокъ боевыхъ запасовъ для занятія дворца и отсутствіе единаго компетентнаго руководства. Н. М. Кишкинъ, участвовавшій въ утреннемъ совѣщаніи штаба, пытался вдохнуть въ защитниковъ вѣру въ возможность обороны до подхода съ фронта частей, за которыми поѣхалъ Керенскій. Но онъ долженъ былъ убѣдиться, что у начальства округа этой вѣры не было. Въ гнѣвѣ онъ отрѣшилъ отъ должности Полковникова и вернулся во Дворецъ, чтобы оттуда организовать сопротивленіе. Ген. Алексѣева Савинковъ настойчиво убѣждалъ поѣхать въ союзъ казачьихъ войскъ, съ которымъ онъ велъ въ это время сношенія и который сдѣлалъ его своимъ представителемъ въ Совѣтѣ Республики. Но было ясно, что руководители союза также мало могутъ распоряжаться казачьими полками, какъ штабъ — войсками гарнизона. Ген. Алексѣевъ вынужденъ былъ признать, что его дальнѣйшее участіе въ руководствѣ безполезно, ибо некѣмъ руководить. Послѣ этого Савинковъ выѣхалъ къ Керенскому.

Около четырехъ часовъ дня А. И. Коноваловъ пробовалъ созвать въ Зимній Дворецъ на совѣщаніе общественныхъ дѣятелей, близкихъ къ кабинету, для обсужденія положенія съ засѣдавшими во Дворцѣ министрами. В. Д. Набоковъ, которому удалось пробраться въ Зимній Дворецъ черезъ шпалеры солдатъ, оцѣплявшихъ Дворцовую площадь, засталъ тамъ слѣдующую картину. „Въ залѣ находились всѣ министры, за исключеніемъ Н. М. Кишкина (онъ былъ въ это время въ зданіи штаба). Чрезвычайно взволнованнымъ казался А. И. Коноваловъ. Министры группировались кучками, одни ходили взадъ и впередъ по залѣ, другіе стояли у окна. С. Н. Третьяковъ сѣлъ рядомъ со мной на диванѣ и сталъ въ негодованіемъ говорить, что Керенскій ихъ бросилъ и предалъ, что положеніе безнадежное. Другіе говорили, (помнится, Терещенко, бывшій въ повышенно — нервномъ возбужденномъ состояніи), что стоитъ только „продержаться“ 48 часовъ,—и подоспѣютъ идущія къ Петербургу вѣрныя правительству войска... „Само собой разумѣется“, прибавляетъ Набоковъ, что присутствіе мое оказалось совершенно безполезнымъ. Помочь я ничѣмъ не могъ, и когда выяснилось, что временное правительство ничего не намѣрено предпринимать, а занимаетъ выжидательно пассивную

позицію, я предпочелъ удалиться (въ началѣ 7-го часа)... Минутъ черезъ 20—15 послѣ моего ухода всѣ выходы и ворота были заперты большевиками, уже никого больше не пропускавшими.

Немногочисленные защитники Зимняго Дворца, оставшись безъ руководства, въ первую половину дня еще поддерживали свой оптимизмъ всякаго рода слухами. То вдругъ распространялось между ними извѣстіе, что „эшелоны ген. Краснова въ Петроградѣ и уже заняли Николаевскій и Царскосельскій вокзалы". То стрѣльба, раздававшаяся со стороны Невскаго, толковалась въ томъ смыслѣ, что „казаки уже идутъ къ Дворцу съ Николаевскаго вокзала". Чѣмъ дальше, конечно, тѣмъ меньше всѣ подобные слухи находили охотниковъ вѣрить.

Съ утра собравшіеся на Александровской площади юнкера еще получили боевыя заданія и была сдѣлана попытка употребить ихъ для наступательныхъ дѣйствій. Штабъ хотѣлъ очистить отъ большевиковъ телефонную станцію на Морской, изъ которой возставшіе перехватывали всѣ сношенія между штабомъ, дворцомъ и войсковыми частями. Рѣшили было также послать помощь Совѣту Республики въ Маріинскомъ дворцѣ. Но до дворца добраться уже не удалось. Установленное юнкерами „наблюденіе" за телефонной станціей выяснило лишь полную невозможность для нихъ справиться съ захватившими станцію большевиками. Военный комиссаръ Станкевичъ, пытавшійся руководить этими слабыми попытками сопротивленія, вошелъ въ концѣ концовъ въ переговоры съ возставшими и „согласился прекратить осаду телефонной станціи, получивъ за это свободный проходъ для юнкеровъ" (Синегубъ). Часть юнкеровъ, однако, была захвачена большевиками. Остальные, вернувшись около трехъ часовъ дня на Александровскую площадь, застали тамъ прежнюю картину хаоса и отсутствіе всякой распорядительности, Въ Бѣломъ залѣ дворца комитеты Ореніенбаумской и Петергофской школъ устроили совѣщаніе и вызвали представителя правительства для объясненій. Неудовлетворившись объясненіями вышедшаго къ нимъ Пальчинскаго, они собрали общій митингъ гарнизона Зимняго Дворца, на который пришли уже члены правительства. Рѣчи Коновалова, Маслова, Терещенко были, по разсказамъ юнкеровъ, приняты безъ всякаго „уваженія". „Въ концѣ концовъ все-же договорились, и юнкера обѣщали остаться, если будетъ проявлена активность и если информація событій будетъ отвѣчать дѣйствительности" (Синегубъ). Начальникъ инженерной школы былъ назначенъ комендан-

томъ обороны Зимняго Дворца и ему были подчинены всѣ собравшіяся во Дворцѣ силы.

Увы, силъ этихъ было немного, и настроеніе защитниковъ временнаго правительства продолжало ухудшаться. Наскоро былъ разработанъ планъ обороны Дворца юнкерскими частями. Къ нимъ присоединился вечеромъ отрядъ казаковъ — „стариковъ", не согласившихся съ рѣшеніемъ своей „молодежи" — держать нейтралитетъ въ завязавшейся борьбѣ. Пришли также инвалиды — георгіевскіе кавалеры и ударная рота женскаго батальона смерти. Начата была постройка баррикадъ изъ полѣнницъ дровъ, сложенныхъ на площади передъ дворцомъ. Но въ этотъ моментъ артиллерійскій взводъ Константиновскаго Училища получилъ приказаніе отъ начальника училища уйти изъ Дворца и увезти орудія. Орудія эти при выѣздѣ на Невскій были немедленно захвачены большевиками и направлены противъ Дворца. За юнкерами — константиновцами двинулись изъ Дворца и казаки. Среди нихъ уже оказались агитаторы, которые обѣщали имъ свободный пропускъ изъ Дворца со стороны Зимней канавки, гдѣ они помѣстились. Въ то время какъ юнкера организовывали защиту воротъ Дворца, со стороны Милліонной большевики получили свободный доступъ во Дворецъ и тотчасъ воспользовались имъ, чтобы начать пропаганду...

Въ седьмомъ часу вечера къ временному правительству явились парламентеры возставшихъ, два солдата. Они требовали, чтобы правительство признало себя низложенымъ. Въ противномъ случаѣ они грозили обстрѣломъ Дворца изъ орудій. Министры устроили совѣщаніе по поводу этого предложенія. На совѣщаніи оба представителя военной силы, ген. Маниковскій и адм. Вердеревскій высказались въ томъ смыслѣ, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно, и необходимо либо сдаться побѣдителямъ, либо найти пути спасенія. Однако же, штатскіе министры въ эту рѣшительную минуту поняли, что съ проигрышемъ военнаго столкновенія, ихъ политическая роль еще не кончена. Они были представителями законной власти. На ихъ сторонѣ былъ моральный авторитетъ, и если имъ суждено было сойти со сцены, то они должны были сдѣлать это, не погубивъ, а, напротивъ, сохранивъ для будущаго ту идею, которую они представляли. Были въ средѣ министровъ и такіе, которые все еще вѣрили въ возможность, оттянувъ развязку, дождаться Керенскаго съ обѣщанными имъ войсками. По тѣмъ или другимъ основаніямъ, министры единогласно рѣшили оставаться на своихъ постахъ и стойко итти навстрѣчу ожидавшей

ихъ участи. Парламентерамъ правительство твердо заявило, что оно сложитъ свою власть только передъ Учредительнымъ Собраніемъ. Ко времени, когда было принято это рѣшеніе, защита Дворца, въ сущности, уже стала невозможной. Дворецъ былъ плотно обложенъ отовсюду.

На самой дворцовой площади появились броневики военно-революціоннаго комитета, которые заняли всѣ входы и выходы. Нѣкоторое время оставался свободнымъ путь по набережной. Но съ Невы грозилъ Дворцу крейсеръ „Аврора". Петропавловская крѣпость объявила нейтралитетъ. По Невѣ патрулировали миноносцы, пришедшіе изъ Кронштадта. Зимній Дворецъ былъ, такимъ образомъ, совершенно изолированъ. Единственнымъ средствомъ сообщенія правительства съ внѣшнимъ міромъ оставались нѣкоторые телефоны Дворца, которые большевики позабыли выключить и которые дѣйствовали до грубокой ночи. Единственную попытку прорваться черезъ это кольцо сдѣлали женщины-ударницы. Онѣ были почему-то увѣрены, что ген. Алексѣевъ еще находится въ помѣщеніи главнаго штаба и рѣшили во чтобы то ни стало его выручить. Эта попытка только показала, что выходъ за баррикады, построенныя юнкерами, на площадь грозитъ смѣльчакамъ гибелью. Тѣ изъ ударницъ, которыя не погибли отъ пуль и были захвачены большевиками, подверглись въ этотъ вечеръ и ночь ужасному обращенію солдатъ, насилію и разстрѣламъ.

Послѣ отказа правительства сдать Дворецъ, въ восьмомъ часу вечера началась сперва ружейная, потомъ и орудійная стрѣльба по Дворцу. Стрѣлялъ крейсеръ „Аврора". Министрамъ пришлось мѣнять помѣщенія, переходя изъ одной комнаты въ другую, изъ переднихъ комнатъ въ заднія, чтобы спастись отъ пуль. Матросы, высадившись у Николаевскаго моста, подобрались ко Дворцу, перебѣгая отъ зданія къ зданію по набережной. Нѣсколько матросовъ взобрались на крышу галлереи Зимняго Дворца и, разобравъ крышу, бросили внутрь зданія бомбу. Разрывомъ бомбы былъ контуженъ одинъ юнкеръ. Пальчинскій бросился на крышу и объявилъ матроса арестованнымъ. Въ то же время нижній этажъ зданія Дворца со стороны канавки наполнялся сторонниками большевиковъ. Грозя новымъ обстрѣломъ Дворца съ „Авроры", агитаторы предлагали свободный выходъ и пощаду тѣмъ, кто сложитъ оружіе и выйдетъ изъ Дворца добровольно. Часть юнкеровъ второй Ораніенбаумской школы склонялась къ этому рѣшенію.

Правительство, однако, все еще бодрилось. Отъ завѣдующаго путями сообщенія при ставкѣ Лебедева и отъ начальника штаба

Духонина было получено сообщеніе, въ которомъ подробно указывалось, какія казачьи части должны придти на помощь правительству 26 и 27 октября и описывалась поддержка, на какую правительство можетъ разсчитывать. Но удается ли продержаться, пока подоспѣетъ, не раньше утра слѣдующаго дня, эта помощь? Правительство продолжало надѣяться. Въ 10 ч. 5 мин. оно разослало губернскимъ и уѣзднымъ комиссарамъ слѣдующую телеграмму: „Петроградскій совѣтъ р. и с. д. объявилъ временное правительство низложеннымъ и потребовалъ передачи ему всей власти подъ угрозой бомбардировки Зимняго Дворца пушками Петропавловской крѣпости и крейсера „Авроры", стоящаго на Невѣ. Правительство можетъ передать власть только Учредительному Собранію, а посему постановило не сдаваться и передать себя защитѣ народа и арміи, о чемъ послало телеграмму ставкѣ. Ставка отвѣтила о посылкѣ отряда. Пусть армія и народъ отвѣтятъ на попытку поднять возстаніе въ тылу борющейся арміи. Первое нападеніе на Зимній Дворецъ въ 10 вечера отбито".

Увы, послѣднія слова свидѣтельствовали больше о бодрости духа осажденныхъ и о высокомъ пониманіи ими своего долга, нежели о дѣйствительномъ положеніи вещей. Какъ мы видѣли, теперь начала уменьшаться и территорія самого Дворца, остававшаяся въ распоряженіи правительства. Телефонъ въ кабинетѣ, гдѣ находились министры, пересталъ дѣйствовать. А. М. Никитинъ пошелъ въ кабинетъ А. И. Коновалова, чтобы позвонить по телефону Е. Д. Кусковой и сообщить ей о возростающей опасности. Въ отвѣтъ Е. Д. Кускова сообщила министру, что къ Зимнему Дворцу направляется большая депутація отъ городского самоуправленія и отъ разныхъ фракцій. Дѣйствительно, городской голова созвалъ экстренное засѣданіе думы, въ которомъ было сообщено, что Зимній Дворецъ окруженъ войсками, что правительству данъ дватцатиминутный срокъ для сдачи, послѣ чего начнется бомбардировка. По предложенію с. р. Быковскаго рѣшено было пойти къ Зимнему Дворцу всей думой, чтобы поддержать правительство всѣмъ авторитетомъ органа демократическаго самоуправленія. Отказались идти только большевики. Съ думой пошли и центральные комитеты партій с. р. и объединенныхъ меньшевиковъ.

Какъ разъ въ этотъ моментъ въ помѣщеніе правительства явился юнкеръ, посланный комендантомъ обороны Дворца съ докладомъ, что положеніе становится отчаяннымъ: главный штабъ занятъ возставшими, Дворецъ полонъ агитаторовъ. Выслушавъ до-

кладъ, Коноваловъ и Терещенко благодарили юнкеровъ за стойкость и выражали увѣренность, что баррикады смогутъ продержаться до утра, когда подойдутъ войска. Пальчинскій догналъ уходившаго юнкера и сообщилъ ему радостную вѣсть о рѣшеніи Городской Думы, съ просьбой передать ее на баррикады. Въ представленіи юнкера (Синегубъ), извѣстіе получило слѣдующій видъ: „общественные дѣятели, купечество и народъ съ духовенствомъ во главѣ идутъ ко Дворцу, скоро должны подойти и освободить Дворецъ отъ осады".

Извѣстіе о шествіи отцовъ города и духовенства, дѣйствительно, на короткій срокъ подбодрило защитниковъ Дворца. Подтянулись даже юнкера ораніенбаумцы. Комендантъ обороны приказалъ взводу юнкеровъ очистить отъ большевиковъ часть Дворца, примыкавщую къ Эрмитажу. Запоздалая экспедиція при участіи Пальчинскаго была выполнена съ энтузіазмомъ. Нѣсколько залъ удалось очистить, и взятые тутъ въ плѣнъ большевиками юнкера были освовождены. Но это былъ уже послѣдній успѣхъ. Первый же патруль, состоявшій изъ матросовъ, остановилъ шествіе гласныхъ Думы къ Дворцу по Невскому. Послѣ переговоровъ съ комиссаромъ военно-революціоннаго комитета процессіи было заявлено, что она должна немедленно вернуться, иначе будетъ разстрѣляна, несмотря на присутствіе въ ней вождей революціонныхъ партій. Участникамъ процессіи ничего не оставалось, какъ вернуться въ думу. Тамъ она предприняла шаги для организаціи „всероссійскаго комитета спасенія революціи", который въ ближайшіе дни вступилъ въ сношенія съ остатками временнаго правительства, но дѣйствовать могъ уже только конспиративно.

Н. М. Кишкина надежда не покидала до послѣдней минуты. Еще въ 3-мъ часу ночи онъ вызвалъ по телефону товарища по партіи, товарища министра финансовъ А. Г. Хрущова, и просилъ его сообщить, куда возможнс, что правительство нуждается хотя бы въ небольшомъ подкрѣпленіи, чтобы додержаться до утра, когда навѣрно придетъ Керенскій съ войсками. „Что это за партія", взволнованно и съ упрекомъ говорилъ министръ, „которая не можетъ послать намъ хотя бы триста вооруженныхъ человѣкъ". Это былъ послѣдній телефонный звонокъ изъ Дворца.

Защитникамъ Дворца, наконецъ, стало ясно, что дальнѣйшее сопротивленіе толпамъ возставшихъ, имѣвшихъ своихъ единомышленниковъ внутри и проникавшихъ безпрепятственно во Дворецъ все новыми и новыми группами, невозможно. Комендантъ обороны

вступилъ въ переговоры съ парламентерами и сдалъ Дворецъ на условіяхъ, что юнкерамъ будетъ сохранена жизнь. Относительно судьбы правительства парламентеры отказались дать какія либо обѣщанія. Ораніенбаумскіе юнкера окончательно рѣшили уйти. Группа оставшихся юнкеровъ съ винтовками продолжали охранять временное правительство. Получивъ извѣстіе о сдачѣ, министры продолжали нѣкоторое время колебаться, и Пальчинскій настаивалъ на дальнѣйшей оборонѣ, пытаясь созвать оставшихся юнкеровъ. Было, однако, очевидно, что не только защищаться, но и вести формальные переговоры объ условіяхъ сдачи, было уже поздно. Толпа большевиковъ быстро приближалась къ послѣднему убѣжищу министровъ. Она состояла изъ матросовъ, солдатъ и красногвардейцевъ.

Впереди толпы шелъ, стараясь сдерживать напиравшіе ряды, низенькій, невзрачный человѣкъ; одежда его была въ безпорядкѣ, широкополая шляпа сбилась на бокъ, на носу едва держалось пенснэ, но маленькіе глаза сверкали торжествомъ побѣды и злобой противъ побѣжденныхъ. Это былъ Антоновъ: имя, которое мы не разъ встрѣчали выше. Антоновъ, сопровождаемый Пальчинскимъ, былъ приглашенъ послѣднимъ войти въ охранявшійся юнкерами кабинетъ, гдѣ засѣдали министры.

Въ ихъ составѣ уже не было А. М. Никитина. Возвращаясь послѣ телефонныхъ переговоровъ съ Е. Д. Кусковой, онъ услыхалъ крикъ: „сдавайся". Пройдя двѣ комнаты и выйдя въ круглый залъ, онъ засталъ тамъ красногвардейцевъ, матросовъ и солдатъ, занятыхъ разоруженіемъ юнкеровъ. Увидавъ Никитина, возставшіе спросили его, кто онъ, и узнавъ, что это министръ, арестовали и повели къ комиссару Чудновскому, солдату Преображенскаго полка. Никитинъ былъ первымъ арестованнымъ министромъ, и этотъ арестъ произвелъ большое возбужденіе среди присутствовавшихъ. Остальные министры пробовали вступить въ переговоры съ Антоновымъ, но совершенно напрасно. Хриплымъ голосомъ Антоновъ объявилъ, что всякое сопротивленіе безполезно, и предложилъ безпрекословно подчиняться дальнѣйшимъ распоряженіямъ его и военныхъ командъ *). Правительство рѣшило принять сдачу безъ всякихъ условій, подчиняясь силѣ и предложило юнкерамъ, послѣдовать его примѣру. Антоновъ вызвалъ въ помѣщеніе министровъ двадцать пять вооруженныхъ лицъ, по выбору толпы, и передалъ имъ охрану сдавшихся министровъ.

---

*) Разсказъ С. Н. Третьякова въ Петропавловской тюрьмѣ 7-го Января. См. книгу *Ф. В. Винберга.* „Въ плѣну у „обезьянъ", стр. 39—40.

Комиссаръ Чудновскій составилъ протоколъ объ арестѣ восемнадцати человѣкъ, Коновалова, Кишкина, Вердеревскаго, Третьякова, Маслова, Ливеровскаго, Маниковскаго, Гвоздева, Малянтовича, Борисова, Смирнова, Салазкина, Бернадскаго, Терещенко, Рутенберга, Никитина и Пальчинскаго. На протоколѣ подписались, кромѣ комиссара, выбранные для охраны министровъ солдаты. Затѣмъ арестованныхъ вывели на Милліонную, гдѣ они оказались среди вооруженной толпы солдатъ и матросовъ, отчасти подвыпившихъ, которые требовали, чтобы имъ выдали Керенскаго. Узнавъ, что Керенскаго тутъ нѣтъ, они готовы были излить свой гнѣвъ на находившихся на лицо. Кое-какъ, съ громаднымъ трудомъ, шествіе двинулось отъ Зимняго Дворца къ Петропавловской крѣпости. Понадобилось три часа, чтобы пройти этотъ короткій путь, загроможденный разъяренными толпами народа. Вотъ какъ описываетъ это путешествіе одинъ изъ участниковъ, министръ А. М. Никитинъ. „Толпа набросилась на насъ съ криками: разстрѣлять ихъ, кровопійцы наши, поднять ихъ на штыки, къ черту автомобили и. т. д. Толпа прорвала окружавшую насъ охрану, и если бы не вмѣшательство Антонова, то я не сомнѣваюсь, что послѣдствія были-бы для насъ очень тяжелыми. Насъ повели пѣшкомъ по Милліонной, по направленію къ Петропавловской крѣпости. Антоновъ въ пути все время торопилъ насъ, опасаясь самосудовъ. Мы шли, окруженные разъяренной толпой. Когда мы вышли на Троицкій мостъ, насъ встрѣтила новая толпа солдатъ и матросовъ. Матросы кричали: „чего съ ними церемониться, бросайте ихъ въ Неву". Намъ снова грозила опасность. Тогда мы взяли подъ руки караульныхъ и пошли съ ними шеренгой. Въ это время съ другого конца моста началась усиленная стрѣльба. Стрѣляли красногвардейцы, а также вооруженные солдаты съ автомобиля. Сопровождавшая насъ толпа моментально разбѣжалась, что и спасло насъ отъ самосуда. Мы всѣ легли на землю вмѣстѣ съ караульными (это не совсѣмъ вѣрно: трое министровъ: Ливеровскій, Терещенко и Третьяковъ — послѣдній особенно открыто и демонстративно — остались стоять). Стрѣльба длилась долго, и только когда мы выслали впередъ караульныхъ, которые объяснили, что это — свои, стрѣльба прекратилась. Мы встали и были приведены въ крѣпость.

Побѣда теперь была полная въ Петроградѣ. Но большевики, не дожидались ареста министровъ, чтобы объявить о своемъ торжествѣ. Въ вечерней газетѣ „Рабочій и Солдатъ" въ тотъ же день 25-го октября появился слѣдующій бюллетень и воззваніе.

„Заняты всѣ вокзалы, телеграфъ, телефонная станція, почтамтъ. Зимній Дворецъ и штабъ выключены изъ телефонной сѣти. Государственный Банкъ, Зимній Дворецъ, штабъ и прилежащіе пункты окружены. Ударные батальны разсѣяны. Юнкера парализованы. Броневики перешли на сторону революціоннаго комитета. Казаки отказались подчиниться временному правительству. Врем. правительство низложено. Власть перешла въ руки революціоннаго комитета петроградскаго совѣта р. и с. д. Воззваніе „къ тылу и фронту" гласило: „Въ Петроградѣ власть въ рукахъ военно-революціоннаго комитета петроградскаго совѣта. Единодушно возставшіе солдаты и рабочіе побѣдили безъ всякаго крозопролитія. Правительство Керенскаго низложено. Комитетъ обращается съ призывомъ къ фронту и тылу — не поддаваться провокаціи, а поддерживать петроградскій совѣтъ и новую революціонную власть, которая немедленно предложитъ справедливый миръ, передастъ землю крестьянамъ созоветъ Учредительное Собраніе. Власть на мѣстахъ переходитъ въ руки совѣтовъ р. и с. и кр. депутатовъ". Слѣдовала подпись в. р. комитета. Позднѣе, — вѣроятно, уже на слѣдующій день, комитетъ разослалъ радіо-телеграмму „всѣмъ армейскимъ комитетамъ дѣйствующей арміи, всѣмъ совѣтамъ солдатскихъ депутатовъ", въ которой идеологія переворота приведена уже въ болѣе полный видъ. „Петроградскій пролетаріатъ и гарнизонъ", — такъ начиналась эта радіо-телеграмма, „свергнулъ правительство Керенскаго, *возставшаго противъ революціоннаго народа* . . . Петроградскіе совѣты р. и с. д., торжественно привѣтствуя совершившійся переворотъ, *признали, впредь до созданія правительства Совѣтовъ, власть военно-революціоннаго комитета* . . . . Временный революціонный комитетъ призываетъ революціонныхъ солдатъ бдительно слѣдить за поведеніемъ командного состава. Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились къ совершившейся революціи, должны быть немедленно арестованы, какъ враги противъ новой власти. Петроградскіе совѣты видятъ спасеніе революціи въ немедленномъ предложеніи демократическаго мира, немедленной передачѣ помѣщичьей земли крестьянамъ. передачѣ всей власти совѣтамъ и въ честномъ созывѣ Учредительнаго Собранія. Народная революціонная армія должна недопустить отправки съ фронта ненадежныхъ частей на Петроградъ, дѣйствуя словомъ и убѣжденіемъ, а гдѣ не можетъ препятствовать отправкѣ, безпощадчымъ примѣненіемъ силы . . . Утайка армейскими организаціями этого приказа

отъ солдатскихъ массъ равносильна тягчайшему преступленію передъ революціей и будетъ караться со всей строгостью революціоннаго закона. Солдаты, за миръ, за землю, за народную власть".

Собственно, по теоріи новую власть долженъ былъ создать съѣздъ совѣтовъ, какъ высшій уполномоченный органъ совѣтскаго представительства. Но большевики не были въ немъ вполнѣ увѣрены, такъ какъ съ пріѣздомъ новыхъ и новыхъ депутатовъ ихъ перевѣсъ въ составѣ съѣзда все болѣе уменьшался. Къ 25 октября, когда предположено было открытіе съѣзда, съѣхалось 560 депутатовъ и изъ нихъ только 250 были партійными большевиками. Правда, къ нимъ присоединялись 69 лѣвыхъ с. р., что вмѣстѣ уже составляло большинство 319. Изъ остального состава 159 принадлежало къ правымъ с. р., 14 — къ меньшевикамъ-интернаціоналистамъ, 3 — къ анархистамъ, 16 — къ національно-соціалистическимъ группамъ. Внѣпартійныхъ соціалистовъ было 3, безпартійныхъ 22. Партійная принадлежность остальныхъ 24-хъ оставалась неизвѣстной.

Этотъ составъ съѣзда еще не успѣлъ выясниться и начавшаяся борьба еще не окончилась побѣдой большевиковъ въ Петроградѣ, когда соперничавшія съ большевиками соціалистическія группы рѣшили перенести борьбу противъ захвата большевиками власти и демократическихъ органовъ — на самый съѣздъ совѣтовъ. Преслѣдуя эту цѣль, меньшевики вышли изъ президіума петроградскаго совѣта, сдѣлавъ въ лицѣ своихъ представителей Бройдо, Вайнштейна и Либера совѣту слѣдующее заявленіе. „Партія большевиковъ, за спиной совѣта и прикрываясь его именемъ, организовала военный заговоръ, грозящій гибелью дѣлу революціи и свободы, срывомъ Учредительнаго Собранія и катастрофой на фронтѣ. Меньшевистская фракція, безъ различія теченій, открыто выступала противъ этой преступной авантюры, когда она обсуждалась въ засѣданіи совѣта, и публично заявляла о своемъ отказѣ отъ участія въ военно-революціонномъ комитетѣ, стоящемъ во главѣ заговора. Теперь, когда эта авантюра стала фактомъ, фракція считаетъ себя обязанной сложить съ себя всякую отвѣтственность за гибельныя послѣдствія заговора и въ согласіи съ ц. к. россійской с. д. работ. партіи (объединенной) заявляетъ о своемъ уходѣ изъ состава президіума И. К. Петр. совѣта р. и с. д. и призываетъ всѣхъ членовъ фракціи къ активной партійной работѣ". Это, однако, вовсе не значило, что цѣлью своей „активной партійной работы" меньшевики собираются сдѣлать поддержку временному правительству

противъ „заговора“ и „преступной авантюры“. Напротивъ, и тутъ меньшевики ухитрились занять промежуточную позицію, совершенно несовмѣстимую съ желаніемъ сложить съ себя всякую отвѣтственность за гибельныя послѣдствія „заговора“. На засѣданіи фракціи меньшевиковъ-объединенцевъ, пріѣхавшихъ на съѣздъ, они выработали для защиты на съѣздѣ слѣдующія противорѣчивыя положенія. Съ одной стороны, они „осуждаютъ политику правительства, провоцирующаго выступленіе и оказываютъ „дружный отпоръ попыткѣ правительства подавить выступленіе вооруженной силой“. Мы, дѣйствительно, видѣли, что, и въ этотъ день открытой вооруженной борьбы, когда не было мѣста никакому нейтралитету, эти группы предпочитали ограничиваться словами убѣжденія, — т. е. оставались праздными зрителями совершавшихся на ихъ глазахъ событій. Въ будущемъ они признавали „необходимость полной реконструкціи власти“, въ смыслѣ ея „однородности и демократичности“.

Гораздо опредѣленнѣе, достойнѣе и политически грамотнѣе была позиція ц. к. партіи с. р.—овъ, постановившаго, что 1) временное правительство является единственнымъ законнымъ правительствомъ до Учредительнаго Собранія, 2) Авантюра, предпринятая большевиками, рѣшительно осуждается Ц. К. и 3) въ случаѣ появленія у власти новаго, большевиками составленнаго правительства, ни одинъ с,-р. не долженъ войти въ новое правительство“. Такъ же опредѣленна была позиція исполнительнаго комитета совѣта крестьянскихъ депутатовъ. опубликовавшихъ свое воззваніе крестьянамъ, солдатамъ и рабочимъ. „Противъ воли представителей всероссійскаго крестьянства и представителей арміи“, говорилось здѣсь, „власть захватывается петроградскимъ совѣтомъ р. и с. д. Захватъ власти за три недѣли до Учредительнаго Собранія есть захватъ правъ всего народа . . . Арміи вновь нанесенъ ударъ въ спину, сопротивляемость ея ослабляется. Петроградскій совѣтъ обѣщаетъ миръ, хлѣбъ и землю. Это — ложь. Онъ даетъ междуусобіе, анархію и рабство. Временное правительство объявило объ окончательной разработкѣ закона о передачѣ земли въ распоряженіе земельныхъ комитетовъ и о рѣшительныхъ мѣрахъ въ дѣлѣ приближенія мира. Пусть знаетъ армія и крестьянство, что, идя за петроградскимъ совѣтомъ, они лишаются земли и воли и сдѣлаютъ невозможнымъ созывъ Учредительнаго Собранія“.

Открытіе съѣзда совѣтовъ было назначено на 5 часовъ дня. Въ этотъ моментъ борьбы, быть можетъ, и была еще возмож-

ность перенести эту борьбу на арену парламентскихъ споровъ. Но съѣздъ открылся только въ 11 часовъ вечера, когда судьба министерства была уже почти рѣшена и дальнѣйшее сопротивленіе въ Петроградѣ стало, очевидно, безцѣльнымъ. При этомъ условіи, бороться противъ совершившагося факта захвата большевиковъ въ собраніи, гдѣ они имѣли большинство, было, очевидно, безнадежно и психологически невозможно. И соціалистическая опозиція рѣшилась идти другимъ путемъ — тѣмъ же, какой она избрала относительно областного сѣзернаго съѣзда совѣтовъ: путемъ непризнанія съѣзда.

Раньше, чѣмъ состоялось это рѣшеніе, съѣздъ, однако, успѣлъ уже открыться и конституироваться Открывшій засѣданіе Данъ, заявилъ, что теперь не время для политическихъ рѣчей и предложилъ выбрать президіумъ. Въ составъ президіума вошло 14 большевистскихъ вождей и 7 лѣвыхъ с. р.-овъ. Правые с. р.-ы и меньшевики отказались отъ участія въ президіумѣ. Затѣмъ меньшевикъ-интернаціоналистъ Мартовъ, по вопросу о порядкѣ дня, предложилъ принять всѣ мѣры къ мирному улаженію создавшагося кризиса, для чего избрать делегацію для переговоровъ съ остальными революціонными демократическими организаціями и принять мѣры къ остановкѣ начавшагося кровопролитія. Предложеніе, практически безнадежное, было принято единогласно. И уже только послѣ всего этого все правое крыло съѣзда покинуло съѣздъ, а центральный исполнительный комитетъ совѣта р. и с. д. разослалъ всѣмъ совѣтамъ и армейскимъ комитетамъ слѣдующую мотивировку. „Второй всероссійскій съѣздъ собрался въ моментъ, когда на улицахъ Петрограда пролилась уже братская кровь и началась гражданская война, вызванная захватомъ власти большевиками. Фракціи соціалистовъ-революціонеровъ, соціалъ-демократовъ меньшевиковъ, интернаціоналистовъ и народныхъ соціалистовъ не сочли въ такихъ условіяхъ возможнымъ принимать участіе въ съѣздѣ и покинули его. Вслѣдствіе этого Ц. И. К. считаетъ второй съѣздъ несостоявшимся и разсматриваетъ его, какъ частное совѣщаніе делегатовъ большевиковъ. Рѣшенія этого съѣзда, какъ незаконныя, Ц. И. К. объявляетъ необязательными для мѣстныхъ совѣтовъ и всѣхъ армейскихъ комитетовъ. Ц. И. К. призываетъ совѣты и армейскія организаціи сплотиться вокругъ него для защиты революціи. Ц. И. К. созоветъ новый съѣздъ совѣтовъ, какъ только создадутся условія для правильнаго его созыва“.

Это, конечно, была самая сильная мѣра, какая только находилась въ распоряженіи соціалистической оппозиціи. Большевики уже обязались передать власть революціоннаго комитета въ руки съѣзда. Объявленіе съ зда несостоявшимся, а его рѣшеній — незаконными отнимало у будущей новой власти легальный источникъ ея происхожденія, согласно собственной теоріи бельшевиковъ. Но, конечно, передъ этимъ они не остановились. При первыхъ же слухахъ о готовящемся выходѣ и о деклараціи центральнаго исполнительнаго комитета они поспѣшили разослать предостереженіе противъ этой деклараціи. Они стали на вполнѣ защитимую точку зрѣнія, что разъ съѣздъ открытъ, конституированъ, составилъ порядокъ дня и голосовалъ одно предложеніе (Мартова), то уже не во власти сецессіонистовъ, участвовавшихъ во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, объявить съѣздъ несостоявшимся. Что касается авторитета Ц. И. К., онъ погашался вмѣстѣ съ перевыборомъ этого органа на съѣздѣ. Такимъ образомъ, съѣздъ продолжалъ засѣдать и принимать рѣшенія. Въ ночь на 26-го октября имъ была разрѣшена его основная задача: созданіе правительства. Въ отличіе отъ предыдущихъ это временное правительство рабочихъ, солдатъ и крестьянъ получило названіе „совѣта народныхъ комиссаровъ". Министерства должны были замѣниться „комиссарствами". Эта символическая перемѣна названій свидѣтельствовала о приступѣ къ коренной замѣнѣ стараго правительственнаго аппарата новымъ, согласно плану Ленина.

Первоначальный личный составъ „народныхъ комиссаровъ", назначенный 26-го октября, былъ слѣдующій: предсѣдатель совѣта Ленинъ-Ульяновъ, комиссаръ, внутреннихъ дѣлъ А. Рыковъ, земледѣлія В. Милютинъ, труда — А. Шляпниковъ, торговли и промышленности В. Ногинъ, народнаго просвѣщенія А. Луначарскій, финансовъ И. Скворцовъ, иностранныхъ дѣлъ Л. Троцкій, юстиціи Г. Оппоковъ, продовольствія И. Теодоровичъ, почтъ и телеграфовъ П. Авиновъ, по дѣламъ національностей І. Джугашвили-Сталинъ, военныя и морскія дѣла были поручены комитету въ составѣ В. Авсѣенко (Антоновъ), Н. Крыленко, и Ф. Дыбенко, комиссаромъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ нѣсколько позднѣе назначенъ Д. Рязановъ. Дальнѣйшая исторія этой власти и ея мѣропріятій относится уже къ слѣдующему періоду русской революціи, также какъ и исторія попытокъ бороться съ нею „комитета спасенія родины и революціи", исторія „саботажа" стараго правительственнаго аппарата и вообще всей той гражданской войны, ко-

торая послѣдовала въ центрѣ и въ разныхъ частяхъ Россіи противъ непризнанной власти „народныхъ комиссаровъ". Здѣсь мы выдѣлимъ изъ всей этой исторіи только тѣ эпизоды, которые ближайшимъ образомъ относятся къ ликвидаціи низложенной власти.

IX. Ликвидація сопротивленія большевикамъ подъ Петроградомъ и въ Москвѣ.

Керенскій въ Псковѣ. Походъ ген. Краснова. Положеніе Керенскаго. Совѣщаніе о переговорахъ. Выдача и бѣгство Керенскаго. Ликвидація похода ген. Краснова. Ликвидація обороны Петрограда. Сопротивленіе Москвы. Посредничество соціалистовъ и перемиріе. Переломъ и побѣда большевиковъ.

А. Ф. Керенскій пожалъ то, что посѣялъ. Отношеніе къ нему въ арміи было давно уже рѣзко отрицательное, доходившее до ненависти въ средѣ тѣхъ государственно — настроенныхъ элементовъ, которые онъ выбрасывалъ, какъ неспособные сразу освоиться съ идеями и фразеологіей „демократизированной" арміи. Но онъ не встрѣтилъ поддержки и въ средѣ тѣхъ, кого онъ выдвинулъ на мѣсто устраненныхъ, руководясь ихъ репутаціей радикаловъ и создавая имъ неожиданно-блестящую карьеру. Ген. Верховскій былъ правъ, когда заклеймилъ этихъ новоиспеченныхъ начальниковъ корпусовъ, армій и фронтовъ кличкой: „куда вѣтеръ дуетъ". Они были за Керенскаго, когда вѣтеръ дулъ въ его сторону. Теперь они первые спѣшили повернуть ему спину, въ ожиданіи новыхъ хозяевъ. Такимъ образомъ, очень скоро оказалось, что Керенскаго не хотѣли защищать ни его враги, ни его друзья. Злой рокъ судилъ, чтобы въ ту минуту, когда нужно было собрать всѣ силы на защиту русской государственности, эта государственность называлась именемъ Керенскаго. И своей легкой побѣдой большевики въ весьма значительной степени были обязаны тѣмъ, что имѣли такого противника въ высокомъ званіи Верховнаго Главнокомандующаго.

Едва выбравшись изъ Петрограда, Керенскія тотчасъ встрѣтился съ проявленіями враждебнаго къ нему настроенія въ войскахъ. Друзья большевиковъ немедленно дали знать о выѣздѣ Керенскаго по направленію къ Гатчинѣ, и изъ Смольнаго послано было туда распоряженіе — задержать Керенскаго. Исполнить порученіе долженъ мѣстный военно-революціонный комитетъ. Онъ опоздалъ на какія нибудь пять минутъ. Керенскій, пріѣхавъ въ

тилъ, что за нимъ слѣдятъ, отмѣнилъ данныя было распоряженія запастись всѣмъ нужнымъ для дальней ѣзды, тотчасъ сѣлъ въ свой автомобиль и уѣхалъ, бросивъ второй автомобиль подъ американскимъ флагомъ на жертву большевикамъ. „Не думая ни о чемъ, считая минуты и вздрагивая отъ каждаго толчка, трепеща за шины“, Керенскій съ своими спутниками къ вечеру (25 октября) добрался до Пскова.

Увы, здѣсь также уже дѣйствовалъ военно-революціонный комитетъ, въ рукахъ котораго тоже имѣлась телеграмма объ арестѣ Керенскаго, въ случаѣ его появленія въ Псковѣ, подписанная прап. Крыленко и матросомъ Дыбенко. Остановившись изъ предосторожности на частной квартирѣ ген. квартирмейстера Барановскаго, Керенскій здѣсь узналъ, что и самъ главкосѣвъ Черемисовъ находится въ связи съ революціоннымъ комитетомъ, и вовсе не склоненъ компрометировать себя передъ большевиками защитой временнаго правительства.

Еще въ половинѣ седьмаго утра 25 октября, т. е. до выѣзда Керенскаго изъ Петрограда, въ штабѣ 3-го коннаго корпуса, расположеннаго въ районѣ г. Острова, была получена шифрованная телеграмма объ отправкѣ первой Донской дивизіи съ артиллеріей въ Петроградъ. При этомъ было получено и подтверженіе этого распоряженія, подписанное самимъ Керенскимъ и контрасигнованное полк. Грековымъ отъ имени союза казачьихъ войскъ. Въ распоряженіи командованія изъ 50-ти эскадроновъ и сотенъ и 23 орудій третьяго корпуса въ этотъ моментъ находилось только 8 сотенъ и 8 орудій Донской дивизіи и 6 сотенъ съ 10 орудіями Уссурійской дивизіи. Остальныя части корпуса были разбросаны по другимъ городамъ отъ Ревеля до Витебска.

Командовавшій третьимъ корпусомъ ген. Красновъ, назначенный послѣ ген. Крымова, въ своихъ воспоминаніяхъ подробно разсказываетъ, какъ этотъ корпусъ, предназначавшійся въ Корниловскіе дни для защиты Петрограда, былъ постепенно распыленъ и разложенъ большевистскими агентами. Уже въ концѣ сентября корпусъ былъ отведенъ изъ Царскаго Села подальше отъ Петрограда, въ окрестности Острова. Затѣмъ, втеченіе октября части корпуса были разосланы въ Старую Руссу, Торопецъ, Осташковъ, Боровичи, Ревель, Новгородъ и т. д. Въ моментъ полученія приказа Керенскаго, у ген. Краснова оставалось подъ руками только 18 сотенъ изъ 50-ти.*)

*) Въ дальнѣйшемъ я пользовался разсказомъ ген. Краснова въ двухъ редакціяхъ. Болѣе ранняя редакція напечатана ген. Крсновымъ въ Вели-

Ген. Красновъ отдалъ тотчасъ же распоряженіе — стянуть части корпуса къ Лугѣ, откуда онъ предполагалъ идти къ Петрограду походомъ, чтобы избѣгнуть участи Крымова. Но ген. Черемисовъ поспѣшилъ отмѣнить распоряженіе Краснова, и тѣмъ сдѣлалъ немедленное движеніе на Петроградъ невозможнымъ. Уже погруженные къ 8-ми часамъ вечера сотни были по приказу Главкосѣва вновь выгружены. На станціи былъ полученъ приказъ Черемисова — отправить находившіеся въ Островѣ эшелоны, вмѣсто сѣвера, на югъ, т. е, вмѣсто Петрограда къ станціи Марценъ.

Часовъ въ 11 вечера, т. е., какъ разъ тогда, когда рѣшалась судьба Зимняго Дворца, ген. Красновъ узналъ объ отмѣнѣ своихъ распоряженій. Онъ рѣшилъ тогда лично объясниться съ Главкосѣвомъ и въ полночь на 26-е отправился въ Псковъ. Пріѣхавъ туда въ четверть третьяго ночи, Красновъ нашелъ Черемисова занятымъ; онъ участвовалъ въ засѣданіи военно-революціоннаго комитета.

Къ этому времени Черемисовъ уже успѣлъ покончить свои счеты съ Керенскимъ. Вызванный Керенскимъ на квартиру Барановскаго, онъ „не скрылъ“, по словамъ Керенскаго, „что въ его намѣренія вовсе не входитъ въ чемъ нибудь связывать свое будущее съ судьбой „обреченнаго“ правительства. Онъ призналъ что уже отмѣнилъ приказъ о посылкѣ войскъ къ Петрограду, данный ранѣе, послѣ полученія телеграммы Керенскаго. Никакихъ войскъ, которыя бы онъ могъ послать съ фронта, у него нѣтъ. Онъ не можетъ даже ручаться за безопасность Керенскаго въ Псковѣ. Впрочемъ, онъ идетъ въ засѣданіе военно-революціоннаго комитета, тамъ выяснитъ окончательно настроеніе войскъ и вернется доложить Керенскому.

Черемисовъ вернулся только въ первомъ часу ночи — и только для того, чтобы заявить, что никакой помощи правительству онъ оказать не можетъ. Въ Псковѣ Керенскому оставаться нельзя, а

кихъ Лукахъ въ 1917 г. подъ названіемъ „Описаніе дѣйствій 3-го коннаго корпуса подъ Петроградомъ противъ совѣтскихъ войскъ“. Экземпляръ этого „описанія“ былъ переданъ мнѣ самимъ авторомъ осенью 1918 г. въ Ростовѣ, использованъ мной при составленіи текста исторіи и оставленъ мной въ Кіевѣ, при выѣздѣ въ Яссы въ ноябрѣ 1918 г. Къ сожалѣнію этотъ экземпляръ, по словамъ ген. Краснова, оказался единственнымъ. Другой, болѣе подробный и красочный, но зато менѣе документальный и менѣе достовѣрный разсказъ, напечатанъ ген. Красновымъ въ т. I „Архива Русской революціи“. Въ текстѣ я держался перваго „Описанія“, но нѣкоторыя подробности внесены мной изъ разсказа, напечатаннаго въ „Архивѣ“.

если онъ непремѣнно хочетъ сопротивляться, то пусть ѣдетъ въ ставку, въ Могилевъ, къ Духонину. По словамъ Керенскаго, Черемисовъ скрылъ отъ него, что Духонинъ уже дважды добивался непосредственнаго разговора съ Керенскимъ и дважды получилъ отказъ. Керенскій просилъ Черемисова послать къ нему Краснова, но получилъ тоже лживый отвѣтъ: „Красновъ былъ здѣсь и уѣхалъ назадъ въ Островъ".

Въ дѣйствительности, Красновъ пріѣхалъ въ Псковъ, какъ мы видѣли, въ третьемъ часу ночи и въ четвертомъ часу былъ принятъ Черемисовымъ, хотя и съ большой неохотой. Черемисовъ повторилъ Краснову свое распоряженіе — отправить Уссурійскую дивизію въ Марценъ, а Донскую выгрузить и сосредоточить на старыхъ квартирахъ подъ Островомъ. На недоумѣнный вопросъ Краснова, какъ примирить это съ опредѣленнымъ приказаніемъ Верховнаго Главнокомандующаго — идти на Петроградъ, Черемисовъ, вяло и зѣвая, отвѣтилъ: „верховнаго правительства нѣтъ, оно разогнано въ Петроградѣ большевиками, Верховный Главнокомандующій скрылся неизвѣстно куда, и вамъ надлежитъ исполнять только мои приказанія, какъ главнокомандующаго". На просьбу Краснова отдать это распоряженіе письменно, Черемисовъ отвѣтилъ пожатіемъ плечъ и съ видомъ сожалѣнія простился съ Красновымъ, давъ ему на прощаніе уже не приказаніе, а добрый совѣтъ: „оставаться въ Островѣ и ничего не дѣлать".

Красновъ не послѣдовалъ этому совѣту. Онъ отправился разыскивать комиссара Войтинскаго и прождалъ его, въ его квартирѣ, до четырехъ часовъ ночи. Войтинскій по секрету сообщилъ Краснову, что Керенскій въ Псковѣ и хочетъ его видѣть.

Скрѣпя сердце и подавляя въ себѣ „гадливое отвращеніе", генералъ Красновъ пошелъ по указанному адресу. Онъ шелъ „не къ Керенскому", а къ родинѣ, которая „не съумѣла найти вождя способнѣе"...

Керенскій тѣмъ временемъ ждалъ автомобиля, чтобы ѣхать въ Островъ—или въ Могилевъ. Онъ тщетно пытался заснуть. „Въ ночной тиши, казалось, слышенъ былъ стремительный бѣгъ секундъ... Никогда еще такъ не ненавидѣлъ я этотъ безсмысленный бѣгъ времени, все впередъ, все впередъ"... Звонокъ у парадной двери прервалъ это томительное ожиданіе. Въ лицѣ Краснова явилось спасеніе, и Керенскій тотчасъ принялъ свой повелительный тонъ, который отпечатлѣлся въ воспоминаніи Краснова. „Гдѣ вашъ корпусъ?". Идетъ сюда? Здѣсь? Близко? Отчего не подъ Лугой?"

„Несмотря на повелительность тона и умышленную рѣзкость манеръ, — ничего величественнаго“, отмѣчаетъ Красновъ. „Не Наполеонъ, но позируетъ на Наполеона“...

„Я доложилъ, что не только нѣтъ корпуса, но нѣтъ и дивизіи; части разбросаны по всему сѣверо-западу Россіи, и ихъ надо раньше собрать: двигаться малыми частями—безуміе.“ „Пустяки, вся армія стоитъ за мной, я самъ поведу ее, и за мной пойдутъ всѣ“. Красновъ сталъ диктовать Барановскому, какія и гдѣ части находятся; оба, по впечатлѣнію Краснова, „точно играли, а не въ серьозъ дѣлали“. „Вы получите всѣ ваши части, сказалъ Барановскій. Не только Донскую, но и Уссурійскую дивизію; кромѣ того 37-ю пѣхотную дивизію, І-ю кавалерійскую, весь XVII ый армейскій корпусъ.“ Въ головѣ Краснова уже складывался планъ кампаніи. И вмѣстѣ точило сомнѣніе, увѣренъ ли самъ Керенскій въ томъ, что говоритъ. Покончивъ свою сцену, Керенскій „вдругъ сразу осѣлъ, завялъ, глаза стали тусклыми, движенія — вялыми.“

Какъ бы то ни было, походъ на Петроградъ „малыми частями,“ въ ожиданіи большихъ подкрѣпленій, былъ рѣшенъ. Красновъ съ Керенскимъ на исходѣ ночи выѣхали изъ Пскова, погруженнаго въ сонъ, и блѣднымъ утромъ подъѣхали къ Острову. Красновъ первымъ дѣломъ остановилъ расходившіяся по деревнямъ Донскія сотни и сообщилъ имъ, что они идутъ на Петроградъ и что съ ними Керенскій. Несмотря на принятыя мѣры, имя это вызвало больше любопытства, чѣмъ энтузіазма. Когда, черезъ нѣсколько дней, попытка Краснова кончилась неудачно, ген. Черемисовъ говорилъ Красному по телефону; „вина за все (т. е. за сопротивленіе большевикамъ) падаетъ на Керенскаго. Когда онъ былъ въ Псковѣ, я ему предсказалъ, чѣмъ это кончится. Онъ меня не послушалъ, и вотъ — результатъ на лицо.“

Это говорилось І-го ноября. Но въ ночь на 26 октября ген. Красновъ хотѣлъ „исполнить присягу“. И онъ отвѣтилъ Керенскому иначе, чѣмъ отвѣтилъ Черемисовъ. Онъ сказалъ: „первая Донская дивизія настроена превосходно.[1] Правда, послѣ похода по приказу ген. Корнилова и послѣ того, что было потомъ, ваше имя въ ней непопулярно, но казаки поймутъ, что они идутъ не за личность, а за святое дѣло свободы противъ насильниковъ. Если пойдетъ пѣхота, то тогда пойдетъ и Уссурійская дивизія.“

Этотъ припѣвъ: „ваше имя непопулярно“ — постоянно повторялся въ послѣдующіе дни. Во время того-же разговора, на предложеніе Керенскаго „поговорить съ казачьими комитетами“

ген. Красновъ отвѣтилъ снова напоминаніемъ, что „послѣ корниловской исторіи его имя непопулярно“. Когда Керенскій все-таки исполнилъ свое намѣреніе и говорилъ съ казаками, изъ рядовъ слушателей раздавались крики: „хотите въ крови нашей захлебнуться... по колѣна въ крови ходить будете“! На слѣдующій день вызванный для доклада сотникъ Карташевъ не хотѣлъ пожать поданной ему Керенскимъ руки и сказалъ: „извините меня, я подать вамъ руки не могу, я — корниловецъ“. „Такихъ корниловцевъ“, замѣчаетъ ген. Красновъ, „было едва ли не половина отряда.“

Какъ бы то ни было, сопротивленіе Черемисова было сломлено. Благодаря энергіи Краснова, эшелоны задвигались. Но желѣзно-дорожные служащіе продолжали пассивно сопротивляться. Составленіе поѣздовъ тормозилось; потомъ не оказалось машиниста, и пришлось замѣнить его казацкимъ есауломъ. Около трехъ часовъ 26 октября, наконецъ, поѣздъ тронулся. Ускореннымъ ходомъ поѣздъ проѣхалъ станцію Псковъ, гдѣ уже собралась многотысячная толпа солдатъ, настроенная враждебно. Подъѣзжая къ Гатчинѣ, Керенскій торжественно поздравилъ ген. Краснова командующимъ арміей, идущей на Петроградъ. „Командующій арміей — и двѣ роты“, саркастически замѣчаетъ Красновъ! „Всего 700 всадниковъ, а если придется спѣшиться, всего 466 человѣкъ“...

„Къ вечеру этого дня (26 октября)“, вспоминаетъ Керенскій, „въ поѣздѣ подъ Лугой, мы получили первое извѣстіе о захватѣ Зимняго Дворца (изъ Пскова, отъ ген. Барановскаго)... Самое достовѣрное показалось невѣроятнымъ, а самъ гонецъ изъ Пскова — подозрительнымъ... Невольно напрашивалась мысль, что трагическое извѣстіе было сфабриковано большевистскимъ агентомъ.“ Хотѣлось вѣрить, вопреки очевидности: на этой вѣрѣ вѣдь основывалась и самая возможность дальнѣйшей борьбы.

Керенскій смотрѣлъ на дѣло очень легко и вначалѣ былъ увѣренъ, что войска могутъ высадиться прямо на Николаевскомъ вокзалѣ раньше, чѣмъ будетъ взятъ Зимній Дворецъ. Генералъ Красновъ разочаровалъ его, объяснивъ, что нужно предварительно сосредоточиться въ Гатчинѣ и уже оттуда идти на Петроградъ, „по всѣмъ правиламъ искусства“,

По предварительнымъ свѣдѣніямъ, основаннымъ на сдѣланныхъ ранѣе распоряженіяхъ, съ Красновымъ долженъ былъ пойти на Петроградъ „сильный корпусъ, почти армія“. Кромѣ частей 3-го корпуса намѣчено было отправленіе бригады 44-й стрѣлковой дивизіи, частей 17-го армейскаго корпуса съ артиллеріей и

какой-то кавалеріей, яко-бы идущей изъ Москвы и дошедшей до ст. Дно. Въ дѣйствительности, не только эти части не дошли, по причинамъ уже указаннымъ раньше, но и отъ сотенъ донского корпуса, находившихся подъ руками, Черемисову удалось въ послѣднюю минуту оторвать три сотни казаковъ подъ предлогомъ защиты Пскова отъ большевиковъ. Съ Красновымъ пошли и выгрузились къ полудню 27 октября на товарной станціи Гатчино всего $5^1/_2$ сотенъ, 6 пулеметовъ и 8 орудій, т. е. считая по 60 казаковъ въ сотнѣ, 330 конныхъ казаковъ, равнявшихся 220 спѣшеннымъ.

Керенскій продолжалъ разсылать телеграммы на сѣверный фронтъ о погруженіи и отправкѣ другихъ частей войскъ и упорно настаивалъ на немедленномъ движеніи войскъ отъ Гатчины на Петроградъ. Въ приказѣ Краснову значилось, что онъ долженъ „вступить въ командованіе всѣми вооруженными силами россійской республики Петроградскаго округа на правахъ командующаго арміей". На замѣчаніе Краснова, что силы его такъ малы, что съ приходомъ къ Петрограду придется разойтись по улицамъ, и это будутъ даже „не отдѣльные патрули, а просто одинокіе казаки", Керенскій обѣщалъ подкрѣпленія.

Раннимъ утромъ 27 октября небольшой отрядъ Краснова высадился на товарной станціи Гатчино. Въ Гатчинѣ въ это время уже находились только что прибывшія изъ Петрограда, Краснаго Села и Кронштадта большевистскія части. Но о силахъ Краснова ходили преувеличенные слухи. Въ Петроградѣ ихъ исчисляли въ 10000 слишкомъ. Пришедшія части, не зная положенія, одна за другой согласились сдать казакамъ Краснова винтовки и пулеметы. Не имѣя возможности брать плѣнныхъ, Красновъ отпускалъ ихъ и они или разбредались, или ѣхали обратно въ Петроградъ. Гатчинскій гарнизонъ объявилъ себя „нейтральнымъ". Изъ мѣстной школы прапорщиковъ и юнкеровъ отрядъ Краснова получилъ даже небольшое подкрѣпленіе, правда только для внутренней службы по охранѣ Гатчины. Изъ казацкихъ частей подошли двѣ сотни 10-го Донского полка, столько-же 9-го Донского, полсотни I-го Амурскаго. Остальныя казачьи части были остановлены Черемисовымъ въ Псковѣ и начальникомъ гарнизона въ Ревелѣ. „Ни 37-й пѣхотной, ни I-ой кавалерійской дивизіи, ни частей ХУІІ корпуса не было видно на горизонтѣ (Красновъ.)

А. Ф. Керенскій остановился въ Гатчинскомъ дворцѣ, въ квартирѣ коменданта, „которую менѣе двухъ сутокъ назадъ такъ во-

время и такъ счастливо покинулъ". По его свидѣтельству, онъ „съ первой минуты появленія въ Гатчинѣ сталъ посылать во всѣ стороны телеграмму за телеграммой съ требованіемъ высылки войскъ. Отовсюду отвѣчали, что войска уже высланы или высылаются". „Керенскій былъ увѣренъ", по разсчетамъ, основаннымъ на оффиціальныхъ данныхъ, что первый эшелонъ пѣхоты долженъ быть въ Гатчинѣ къ вечеру 27-го". Онъ вызвалъ къ себѣ Краснова и настойчиво требовалъ отъ него — продолжать наступленіе къ Петрограду.

Красновъ, лучше знакомый съ положеніемъ, вовсе не раздѣлялъ этого увѣреннаго настроенія. „Идти съ этими силами на Петроградъ", говоритъ онъ въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ, „было бы не безумство храбрыхъ, а просто глупость". Но, признавая, что законы гражданской войны совсѣмъ особые и разсчитывая на моральное дѣйствіе наступленія съ участіемъ „не царскаго генерала Корнилова, а соціалистическаго вождя, демократа Керенскаго", онъ созвалъ комитеты, обсудилъ съ ними положеніе и рѣшилъ наступать. По словамъ Керенскаго, въ этотъ день „Красновъ былъ полонъ увѣренности и бодрости". Однако же, внѣшній видъ „увѣренности" обоихъ едва ли отвѣчалъ ихъ внутреннему настроенію. Въ своей первой работѣ Красновъ признаетъ, что уже къ вечеру 27-го октября настроеніе казаковъ вовсе не было „вполнѣ удовлетворительно", какъ хотѣлъ думать Керенскій. Не дождавшись до поздней ночи 27-го октября никакихъ обѣщанныхъ подкрѣпленій, казаки уже начали роптать. „Это обманъ... Это опять такая же авантюра, какъ въ Корниловскіе дни... На казачьихъ спинахъ хотятъ играть... Говорили, идетъ пѣхота, а гдѣ же эта пѣхота? „Пришедшая къ Краснову этимъ вечеромъ депутація отъ офицеровъ гарнизона говорила: „Керенскій всѣмъ мѣшаетъ. Его не любятъ и за нимъ не пойдутъ. Что, если бы вы взяли всю эту работу на себя, арестовали Керенскаго и стали бы сами во главѣ движенія". То же самое, по словамъ Краснова, ему говорилъ и Савинковъ, только что пріѣхавшій отъ союза казачьихъ войскъ.*) „Зачѣмъ вы допускаете сюда Керенскаго. Дѣло идетъ отлично. Оно будетъ сдѣлано казаками. Казаки спасутъ Россію отъ большевиковъ, но спасителемъ себя выставитъ Керенскій, и этотъ недостойный человѣкъ станетъ снова кумиромъ толпы". Говоря это, Савинковъ не только основывался на своихъ личныхъ мнѣніяхъ

---

*) Согласно второй работѣ Краснова, онъ встрѣтилъ Савинкова лишь на разсвѣтѣ 28-го октября.

и чувствахъ, но и на томъ, что онъ выслушалъ въ Петроградѣ отъ офицеровъ двумя днями раньше. По его словамъ*) пріѣхавшій съ фронта полковникъ П. сообщилъ ему, что, „по его свѣдѣніямъ, офицеры, находившіеся въ Петроградѣ, не будутъ поддерживать временное правительство, ибо не довѣряютъ Керенскому“. Поручикъ Н. Н., служившій въ штабѣ Петр. военнаго округа, „поставилъ его въ извѣстность, что среди офицеровъ, находящихся въ Петроградѣ, возбужденіе противъ А. Ф. Керенскаго настолько велико, что многіе изъ нихъ полагаютъ необходимымъ немедленно арестовать“ его. По мнѣнію нѣкоторыхъ офицеровъ штаба, А. Ф. Керенскій, вмѣшиваясь въ распоряженія командующаго войсками Петрогр. военнаго округа, полк. Полковникова, препятствовалъ успѣшной оборонѣ Петрограда“. Можетъ быть не безъ связи съ этими разговорами Савинкова было и то, что къ Краснову тогда же явилась депутація казаковъ съ просьбой разрѣшить имъ арестовать Керенскаго. Когда Красновъ отказалъ имъ въ этомъ, сказавъ, что, „казаки никогда не были предателями“, то депутація просила по крайней мѣрѣ „не допускать Керенскаго близко къ отряду“. Это Красновъ обѣщалъ — и „упросилъ Керенскаго подъ предлогомъ — не подвергать свою жизнь риску, оставаться въ Гатчинѣ“, когда отрядъ Краснова пойдетъ на Царское Село. Въ два часа пополуночи это наступленіе началось.

Гарнизонъ Царскаго Села состоялъ изъ 12—16 тысячъ солдатъ, не склонныхъ сражаться. Красновъ могъ противопоставить имъ, со вновь присоединившимися частями, всего 400 конныхъ или 265 спѣшенныхъ казаковъ. Но иллюзія силы и численности Красновскаго отряда еще не была разрушена. Отрядъ не успѣлъ разложиться, и быстротой дѣйствій Красновъ разсчитывалъ до нѣкоторой степени уравновѣсить недостатокъ дѣйствительной силы.

Первыя встрѣтившіеся на пути, еще до разсвѣта, большевистскія части сдались безъ сопротивленія. На разсвѣтѣ, подойдя къ Царскому Селу, отрядъ Краснова наткнулся на цѣпи, которыя вяло стрѣляли. Начались продолжительные „разговоры“, въ результатѣ которыхъ стрѣлки раскололись. Часть присоединилась къ Краснову, другая сдѣлала попытку обхода. Въ это время подъѣхалъ Керенскій, которому „надоѣло ждать“ развязки на вышкѣ

---

*) Воспоминанія Б. В. Савинкова объ этихъ дня изложены имъ въ статьѣ: „Къ выступленію большевиковъ“, напечатанной въ „Русскихъ Вѣд.“ 21 ноября.

Пулковской обсерваторіи, гдѣ онъ было устроился. По словамъ Краснова, онъ былъ „въ сильномъ нервномъ возбужденіи". Вопреки просьбѣ вернуться въ Гатчино, Керенскій „врѣзался въ толпу колеблющихся солдатъ"; раздался его „проникновенный истеричный голосъ". Часть солдатъ при этомъ удалось разоружить, но окруженіе цѣпями, которыя остались вѣрны большевикамъ, продолжалось. Положеніе становилось тревожнымъ. Красновъ убѣдилъ Керенскаго вернуться на его обсервaціонный пунктъ.

„Впродолженіе этого разговора ген. Красновъ какъ-то по новому держалъ себя со мной", замѣчаетъ Керенскій. Онъ „какъ-то не особенно раздѣльно объяснялъ мнѣ, что мое присутствіе не то мѣшаетъ операціи, не то волнуетъ офицеровъ". Керенскому это казалось „очень страннымъ, не совсѣмъ понятнымъ". Но появленіе Савинкова въ маленькой комнаткѣ обсерваторіи, гдѣ я сидѣлъ, съ быстротой молніи освѣтило мнѣ все новое положеніе въ отрядѣ". Керенскій приписалъ перемѣну настроенія появленію делегаціи совѣта союза казачьихъ войскъ. Онъ вспоминалъ позднѣе, что Савинковъ „старался говорить съ особо загадочнымъ и трагическимъ видомъ; особо предостерегающимъ тономъ вопрошалъ меня, намѣренъ ли я предоставить ему какое-либо оффиціальное при себѣ положеніе". Манера Савинкова навязывать себя и свою волю здѣсь уловлена очень вѣрно. Керенскій пропустилъ моментъ взять Савинкова на свою сторону. „Я уклонился отъ всякаго съ нимъ по существу разговора: мы разстались", вспоминаетъ онъ. Мы скоро увидимъ послѣдствія.

Солнце клонилось къ закату, рѣшительнаго натиска на Царское не было, и Керенскій вновь потерялъ терпѣніе. Онъ „уже болѣе не сомнѣвался, что внезапный (?) параличъ, охватившій всѣ части 3-го коннаго корпуса, происхожденія не военно-техническаго, а чисто политическаго". На Краснова посыпались „письменныя требованія немедля начать военныя дѣйствія противъ Царскаго, открывъ артиллерійскій огонь". Керенскій остался и впослѣдствіи „при глубочайшемъ убѣжденіи", что можно было „при доброй волѣ командованія и при отсутствіи интригъ" занять Царское еще утромъ, полусутками раньше. „Сознательное промедленіе подъ Царскимъ" онъ считаетъ „роковымъ ударомъ для всего похода".

„Роковымъ" было, однако-же, какъ мы знаемъ, все положеніе. Къ вечеру 28-го оно стало только яснѣе, чѣмъ раньше. И несомнѣнно, Красновъ, рѣшившійся наступать въ разсчетѣ на случайности гражданской войны, чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе понималъ,

что случайности эти складываются не въ его пользу. Онъ далъ два пушечныхъ выстрѣла, многотысячная толпа противниковъ разомъ бѣжала къ станціи, требуя отправки въ Петроградъ. Казаки почти безъ сопротивленія заняли станцію желѣзной дороги, радіостанцію, телефонъ. Въ сумеркахъ казаки начали входить въ городъ. Но этимъ дѣло не рѣшалось. Красновъ помнилъ малочисленность своего отряда, помнилъ тактическую опасность вступленія въ Царское и поздно вечеромъ заявилъ Керенскому, что надо оттянуть войска и отложить занятіе города до утра. Керенскій рѣшительно протестовалъ и требовалъ немедленнаго вступленія. Его поддержалъ Станкевичъ, только что прибывшій изъ Петрограда и сообщившій оптимистическія свѣдѣнія о настроеніи въ столицѣ. Съ утра 29-го Керенскій собирался „приступить къ подготовкѣ ликвидаціи Петербурга", продолжая ссылаться на „движеніе эшелоновъ" вспомогательныхъ войскъ. Подчиняясь приказанію и понимая" моральное значеніе занятія Царскаго, Красновъ ночью вошелъ въ городъ и занялъ дворцы. Керенскій, полный „самыхъ мрачныхъ мыслей", вернулся на ночлегъ въ Гатчину. Онъ, впрочемъ, по его словамъ, еще „надѣялся твердо въ Гатчинѣ найти свѣжія войска". Онъ нашелъ „только... телеграммы". Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ признаетъ: „за день нашего отсутствія настроеніе въ низахъ сильно ухудшилось".

Положеніе въ Царскомъ было тоже неважное. Какъ и предвидѣлъ Красновъ, сохранить силу горсточки казаковъ въ многолюдномъ городѣ было гораздо труднѣе, чѣмъ въ Гатчинѣ. Юнкеровъ здѣсь не было, а дружественно расположенный Обуховскій батальонъ соглашался помочь только разстановкой карауловъ. Гарнизонъ Царскаго Села, превосходившій силы Красновскаго отряда „разъ въ десять", оставался нейтральнымъ, но лишь до той поры, пока выяснится соотношеніе силъ. Нечего и говорить, что никакой надежды на подходъ подкрѣпленій, обѣщанныхъ Керенскимъ, не было. Численность отряда утромъ 28 го октября составляла всего 8½ сотенъ, т. е., 510 конныхъ или 340 спѣшенныхъ казаковъ. Днемъ 28-го подошли, правда, еще три сотни I-го Амурскаго казачьяго полка, но они заявили, по свидѣтельству Краснова, что „въ братоубійственной войнѣ принимать участія не будутъ, что они держатъ нейтралитетъ". Они стали въ деревняхъ, не доходя до Царскаго, и отказались даже выставить заставы, на смѣну утомленнымъ донцамъ.

Съ фронта тоже приходили печальныя извѣстія. Ген. Черемисовъ телеграфировалъ по частямъ фронта, что „политическая борьба

происходящая въ Петроградѣ, не должна касаться арміи", и эта телеграмма тотчасъ отозвалась на движеніи эшелоновъ къ Петрограду. Начальникъ штаба Черемисова ген. Лукирскій телеграфировалъ Краснову, что „приморскій драгунскій полкъ отказался грузиться въ Витебскѣ и лишь одинъ эшелонъ, погрузившись, дошелъ до Полоцка". Мы видѣли, что казачьи части 3-го корпуса, не успѣвшія выступить съ Красновымъ, были задержаны, а 13-ый и 15-ый Донскіе казачьи полки не были выпущены изъ Ревеля. Шедшій на помощь изъ Гатчины эшелонъ осаднаго полка былъ обстрѣлянъ большевиками и отошелъ на станцію Ижора.

Такимъ образомъ, отрядъ Краснова оказался окончательно изолированнымъ. Двигаться на Петроградъ при такихъ условіяхъ было, очевидно, невозможно. Ген. Красновъ рѣшилъ назначить на 29-е своему отряду дневку въ Царскомъ Селѣ. Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ онъ объясняетъ это рѣшеніе слѣдующимъ образомъ. „Люди, которые были со мною, были сильно утомлены. Они двое сутокъ провели безъ сна, въ непрерывномъ нервномъ напряженіи. Лошади отупѣли, не имѣя отдыха. Необходимо было дать передышку. Но мои люди не столько устали физически, сколько истомились въ ожиданіи помощи. Комитеты мнѣ заявили, что казаки до подхода пѣхоты дальше не пойдутъ". Красновъ надѣялся, что „кто-либо подойдетъ за день" и, во всякомъ случаѣ, онъ сможетъ лучше выяснить обстановку.

За этотъ день 29-го октября въ Петроградѣ произошло неудачное возстаніе юнкеровъ (см. ниже). По свидѣтельству Керенскаго, свѣдѣнія объ этомъ были получены въ Царскомъ Селѣ „только около 4-хъ часовъ дня, когда все уже было кончено". Керенскій высказываетъ предположеніе, что „если бы мы были хоть во время освѣдомлены о событіяхъ въ столицѣ, мы немедленно бросились бы на помощь, какъ бы врасплохъ ни застало насъ извѣстіе о возстаніи". Но мы видѣли, какъ мало Керенскій уже тогда имѣлъ вліянія на ходъ событій и какъ невозможно было „немедленно броситься на помощь" изъ Царскаго въ Петроградъ. Втеченіе дневки 29-го „обстановка" выяснилась въ смыслѣ, еще болѣе неблагопріятномъ для продолженія наступленія и для Керенскаго лично.

„Офицеры моего отряда, всѣ Корниловцы", разсказываетъ Красновъ, „возмущались поведеніемъ Керенскаго . . . Его популярность пала, онъ — ничто въ Россіи, и глупо поддерживать его . . . Пойдемъ съ кѣмъ угодно, но не съ Керенскимъ". Красновъ догадывается, что „подъ вліяніемъ разговоровъ съ офицерами и каза-

ками" къ нему зашелъ Савинковъ и „предложилъ — убрать Керенскаго, арестовать его и самому стать во главѣ движенія". Съ тѣмъ же явился войсковой старшина 9-го Донского полка, Лаврухинъ; онъ „почти требовалъ немедленно удалить Керенскаго изъ отряда, потому что казаки ему не вѣрятъ, считаютъ, что онъ идетъ заодно съ большевиками и предаетъ насъ". „Именно въ виду этого настроенія Красновъ и уговорилъ Керенскаго „съ большимъ трудомъ", переѣхать въ Гатчино, куда пріѣхалъ штабъ корпуса и откуда можно было сноситься со ставкой. Станкевичъ и Войтинскій пытались поднять настроеніе казаковъ, разъясняя имъ политическій смыслъ борьбы и необходимость наступленія на Петроградъ. Къ чему привели эти убѣжденія, видно изъ воззванія, которое было составлено 29 октября „совѣщаніемъ представителей своднаго отряда".

Отрядъ „съ негодованіемъ протестовалъ противъ клеветы, будто казаки служатъ контръ-революціи", ссылаясь на то, что онъ идетъ къ Петрограду „по приказу верховнаго главнокомандующаго и по приказу центральныхъ комитетовъ совѣтовъ р. и с. д., Кіевскаго фронтового общеказачьяго съѣзда, совѣта союза казачьихъ войскъ и другихъ органовъ россійской демократіи". По „очищеніи Петрограда отъ преступно захватившихъ власть большевиковъ", отрядъ „отдавалъ себя въ распоряженіе тѣхъ органовъ, которымъ вѣритъ Россія", а именно Временнаго Совѣта Республики и комитета спасенія родины и революціи, которымъ предстоитъ вопросъ о возсозданіи въ республикѣ государственной власти". Отрядъ хотѣлъ: „обезпечить имъ возможность разрѣшенія этого вопроса безъ всякаго давленія съ какой бы то ни было стороны". Позиція, какъ видимъ, приближалась къ „нейтральной".

А навстрѣчу этому воззванію, не имѣвшему никакихъ шансовъ на распространеніе, военно-революціонный комитетъ распространялъ по всѣмъ фронтамъ и арміямъ, по всей Россіи, при помощи мощной петроградской радіостанціи, прокламаціи, въ которыхъ сообщалось, что „фронтъ отказалъ въ поддержкѣ бывшему министру Керенскому, низложенному народомъ, и пытающемуся преступно противодѣйствовать законному правительству, избранному всероссійскимъ съѣздомъ совѣтовъ". Радіотелеграммы лживо утверждали, что „Москва присоединилась къ новому правительству", что то же самое сдѣлалъ и рядъ другихъ городовъ, что ни одна пѣхотная часть не идетъ противъ рабочаго и крестьянскаго правительства, „и грозили, что, „если казаки не арестуютъ обманувшаго ихъ Ке-

ренскаго и будутъ двигаться къ Петрограду, то войска революціи силой оружія выступятъ на защиту драгоцѣнныхъ завоеваній революціи". Дальше шла демагогія: министры Керенскаго разрушили продовольствіе и порядокъ Петрограда; „Керенскій идетъ на народъ по требованію дворянъ, помѣщиковъ, капиталистовъ и спекулянтовъ, чтобы вернуть земли помѣщикамъ и т. д.".

Въ самомъ Царскомъ Селѣ не было недостатка въ отголоскахъ подобнаго же настроенія. Представители пулеметной команды 14-го Донскаго полка прямо заявили Краснову, что они „заодно съ Ленинымъ", потому что „Ленинъ за миръ". Митинги шестнадцатитысячнаго Царскосельскаго гарнизона дали, какъ максимальный результатъ, резолюцію противъ „братоубійственной войны" и обѣщаніе полнаго нейтралитета. „Весь день прошелъ въ безплодныхъ переговорахъ", вспоминаетъ Красновъ. За этотъ день на помощь ему пришли еще три сотни 9-го Донскаго полка, блиндированный поѣздъ, 2 орудія Запасной конной батареи изъ Павловска, наполовину безъ прислуги, Запасная сотня Оренбургскаго Л. ГВ. Своднаго казачьяго полка, вооруженная однѣми шашками, и нѣсколько юнкеровъ изъ Петрограда. Отрядъ Краснова, по его позднѣйшимъ заявленіямъ, состоялъ къ вечеру 29 октября изъ 9-ти сотенъ или 630 конныхъ казаковъ (420 спѣшенныхъ).

Однако же, Керенскій, къ которому присоединились Савинковъ и Станкевичъ, продолжали настаивать на наступленіи. Керенскіи увѣрялъ (см. „Гатчину"), что „въ С. П. Б. гарнизонѣ, какъ въ полкахъ, такъ и въ спеціальныхъ войскахъ, было еще достаточно организованныхъ антибольшевистскихъ элементовъ, готовыхъ при первомъ удобномъ случаѣ съ оружіемъ въ рукахъ выступить противъ большевиковъ... и въ нужное время нанести рѣшительный ударъ въ тылъ большевистскимъ войскамъ, занимавшимъ у Пулкова позиціи фронтомъ къ моему (т. е. Красновскому) отряду". Въ Петроградѣ считали въ то время, что у Краснова по крайней мѣрѣ 5 тысячъ казаковъ. Вопреки настроенію казаковъ и комитетовъ, Красновъ убѣдилъ свой отрядъ „произвести усиленную рекогносцировку съ боемъ" по направленію къ Пулкову, чтобы „развѣдать, узнать все и тогда рѣшить", а въ случаѣ надобности, „отойти, обороняться и ждать помощи". Керенскаго, однако, просили во время боя остаться въ Гатчинѣ, откуда онъ собрался было уѣхать „навстрѣчу приближавшемуся эшелону".

Рано утромъ 30-го октября, прорвавшись изъ Петрограда, гимназистъ передалъ Краснову клочекъ бумаги, на которомъ стоялъ

бланкъ совѣта союза казачьихъ войскъ и сообщалось, за подписью предсѣдателя, Агѣева, слѣдующія свѣдѣнія о положеніи въ столицѣ: „положеніе Петрограда ужасно. Рѣжутъ, избиваютъ юнкеровъ, которые являются пока единственными защитниками населенія. Пѣхотные полки колеблются и стоятъ, казаки ждутъ, пока подойдутъ пѣхотныя части. Совѣтъ союза требуетъ вашего немедленнаго движенія на Петроградъ. Ваше промедленіе грозитъ полнымъ уничтоженіемъ дѣтей — юнкеровъ, не забывайте, что ваше желаніе безкровно захватить власть — фикція, такъ какъ здѣсь будетъ поголовное избіеніе юнкеровъ",

Красновъ отвѣчалъ по адресу „комитета спасенія родины, въ половинѣ десятаго утра: „Сейчасъ выступаю на Петроградъ." Онъ спрашивалъ при этомъ, можетъ ли Петроградскій гарнизонъ занять караулы по городу, а донскіе полки, 1, 4 и 14-й выйти ему навстрѣчу. „Съ мужествомъ отчаянія", разсказываетъ Красновъ въ своемъ первоначальномъ отчетѣ, „въ количествѣ всего восьми боевыхъ сотенъ, т. е. 480 конныхъ или 320 спѣшенныхъ, при 12-ти орудіяхъ мы выступили изъ Царскаго Села по направленію на Александровскую-Пулково".

30-го октября разыгрался рѣшительный бой подъ Пулковымъ, если только можно назвать „боемъ" столкновеніе маленькой кучки менѣе, чѣмъ въ пятьсотъ человѣкъ, съ противникомъ, превышавшимъ ее численностью" въ 15—30 разъ", „очень недурно обученнымъ" и „дѣйствовавшимъ совершенно правильно", подъ руководствомъ германскаго оберъ-лейтенанта Отто Бауера и при участіи дисциплинированныхъ латышскихъ стрѣлковъ.

За оврагомъ, по которому протекаетъ р. Славянка, можно было видѣть склоны Пулковской горы, изрытой окопами и черной отъ пяти—шести тысячъ красногвардейцевъ, ее занимавшихъ. Густыя цѣпи спускались внизъ, въ оврагъ штатскіе красногвардейцы шли неровно, то подаваясь впередъ, то отбѣгая назадъ; матросы, соблюдая строгое равненіе и залегая сообразно мѣстности. Красная гвардія занимала центръ; кронштадскіе матросы, съ ихъ германскими инструкторами, искусно дѣйствовали на флангахъ.

Сила Красновскаго отряда состояла въ артиллеріи и въ бронevомъ поѣздѣ: то и другое до поры до времени маскировало его малочисленность. Однимъ огнемъ артиллеріи сбить противника было, очевидно, невозможно, а силъ для атаки не было. Оставалось разсчитывать на психологическое дѣйствіе пушечныхъ выстрѣловъ на Петроградъ и держаться, хотя бы до вечера. Но един-

ственный полкъ, пришедшій изъ Петрограда, Лб. Гв. Измайловскій, былъ на сторонѣ большевиковъ. Правда, онъ немедленно разбѣжался, послѣ перваго шрапнельнаго выстрѣла. Легкость успѣха увлекла сотню оренбуржцевъ въ атаку. Толпы красноармейцевъ побѣжали въ безпорядкѣ. Но матросы, засѣвшіе въ деревнѣ Сузи, выдержали атаку. Командиръ сотни, 18 казаковъ и 40 лошадей были убиты и ранены. Сотня бросилась назадъ, и этотъ маленькій эпизодъ обнаружилъ превосходство матросовъ. Бой началъ затихать.

Съ двухъ часовъ дня у противника появилась артиллерія и начался систематическій обходъ съ фланговъ. Къ вечеру снаряды и патроны Красновскаго отряда были разстрѣляны, а комендантъ Царскаго Села категорически отказывался выдать новые. „Погребъ оказался окруженнымъ толпой вооруженныхъ стрѣлковъ. Нужно было добиваться патроновъ силой. А силы-то этой и не было“, говоритъ ген. Красновъ въ первоначальномъ описаніи боя. Пріѣхавшій изъ Петрограда Гоцъ сообщилъ, что „казаки не могутъ выйти изъ казармъ, такъ какъ окружены совѣтскими войсками.“ Положеніе становилось трагическимъ, — или точнѣе, трагичность положенія окончательно выяснилась. Если бы хотя два батальона пѣхоты подошло ко мнѣ въ это время“, пишетъ Красновъ, (если бы хоть триста человѣкъ солдатъ, говорили осажденные во дворцѣ министры пятью днями раньше), „можно было бы поправить дѣло. Но подмога не шла“. И Красновъ, отступивъ при наступленіи ночи, писалъ въ покинутой жильцами дачѣ приказъ „третьему конному корпусу“. „Усиленная рекогносцировка, произведенная сегодня, выяснила, что. . . для овладѣнія Петроградомъ нашихъ силъ недостаточно. . . Царское Село постепенно окружается матросами и красногвардейцами. . . необходимость выждать подхода обѣщанныхъ силъ вынуждаетъ меня отойти въ Гатчино, гдѣ занять оборонительное положеніе“.

Гдѣ же однако были эти „обѣщанныя силы“? Керенскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о „цѣлыхъ грудахъ телеграммъ, извѣщавшихъ о приближеніи эшелоновъ“ и о томъ, что „около 50 воинскихъ поѣздовъ, преодолѣвая всякія препятствія, пробивались къ Гатчинѣ съ разныхъ фронтовъ“. Гдѣ тутъ доля истины, доля самообмана и доля преувеличенія?

Чтобы найти отвѣтъ, мы должны на время оставить театръ военныхъ дѣйствій между Царскимъ Селомъ и Гатчиной, и посмотрѣть, что за это время дѣлалось въ ставкѣ и на фронтѣ. Въ распоряженіи историка имѣется для выясненія этого вопроса копія

телеграфныхъ лентъ, содержавшихъ въ себѣ переговоры ставки со штабами фронтовъ въ дни октябрьскаго возстанія. *) Изъ этихъ переговоровъ мы видимъ, какъ быстро измѣнилось на фронтѣ первоначально благопріятное для временнаго правительства настроеніе арміи и ея командованія, какъ только выяснилась слабость правительства и обозначились первые успѣхи большевиковъ. Съ временнымъ правительствомъ повторялась въ октябрѣ та же исторія, какъ съ царскимъ правительствомъ въ февральскіе дни. Случайный революціонный взрывъ въ столицѣ былъ поддержанъ пассивно арміей, потому что настроеніе какъ командованія, такъ и солдатъ, сложилось противъ того и другого правительства. Въ этомъ смыслѣ, правильно было бы сказать, что судьба той и другой революціи въ послѣднемъ счетѣ рѣшена арміей.

При первыхъ слухахъ о надвинувшемся въ Петроградѣ переворотѣ, въ ночь съ 24 на 25 ноября, настроеніе командованія было вполнѣ лояльно. Получивъ въ два часа ночи распоряженіе Керенскаго „направить всѣ полки Кавказской казачьей дивизіи, 23 донской казачій полкъ и всѣ остальныя казачьи части, находящіяся въ Финляндіи, по желѣзной дорогѣ въ Петроградъ на Николаевскій вокзалъ въ распоряженіе Полковникова, и въ случаѣ невозможности перевозки по желѣзной дорогѣ направить ихъ поэшелонно, походнымъ порядкомъ“, Духонинъ немедленно передалъ это распоряженіе начальнику штаба главнокомандующаго сѣвернымъ фронтомъ Черемисова, Лукирскому, и получилъ отвѣтъ: „распоряженіе уже дѣлается, перевозка по желѣзной дорогѣ налаживается, . . . первымъ прибудутъ въ Петроградъ роты самокатнаго батальона, которыя находятся уже наготовѣ на ст. Батацкая“. Общеармейскій комитетъ при ставкѣ той же ночью собралъ экстренное засѣданіе и „выразилъ рѣзкое осужденіе выступленію“ большевиковъ.

Втеченіе дня 22 октября, по мѣрѣ развитія событій, это настроеніе измѣнилось. Исполнительный комитетъ румынскаго фронта („Румчерода“) высказался противъ „посягательства, какъ справа, такъ и слѣва“, Но на юго-западномъ, западномъ и сѣверномъ фронтахъ комитеты до четырехъ часовъ дня спорили, не вынося никакихъ рѣшеній. Пятая армія сѣвернаго фронта и тыловыя организаціи

*) Двѣ тетради, содержащія копіи телеграфныхъ лентъ 25 и 26 октября, переписанныя, повидимому по приказанію Духонина въ ставкѣ, были захвачены добровольческой арміей при занятіи Кіева осенью 1919 г. и напечатаны въ УII томѣ „Архива русской революціи“.

склонялись къ большевикамъ. Самокатные батальоны были „кѣмъ-то“ задержаны въ 70 верстахъ отъ Петрограда и отправка казачьей дивизіи 25-го октября — „не выполнена“. Въ 10 часовъ вечера Черемисовъ оффиціально отмѣнилъ всѣ распоряженія о посылкѣ войсковыхъ частей къ Петрограду. На тревожные вопросы Духонина, почему онъ это сдѣлалъ, Черемисовъ далъ лживый отвѣтъ: „это сдѣлано съ согласія главковерха (Керенскаго), полученнаго мною отъ него лично“. На просьбу Духонина дать ему возможность переговорить съ самимъ Керенскимъ, Черемисовъ продолжалъ лгать: „невозможно, въ его интересахъ“. Объясняя свою перемѣну фронта, Черемисовъ тутъ же придумалъ слѣдующую мотивировку: „сегодня вечеромъ кто-то, — повидимому, правые элементы, назначили генералъ-губернаторомъ Петрограда Кишкина, принадлежность котораго къ кадетскимъ партіямъ извѣстна на фронтѣ. Это назначеніе вызвало рѣзкій переломъ въ войсковыхъ организаціяхъ фронта не въ пользу временнаго правительства“. Наконецъ, Черемисовъ завершилъ свои измышленія сообщеніемъ, будто „Керенскій отъ власти устранился и выразилъ желаніе передать должность главковерха — мнѣ“.

Свое настроеніе Черемисовъ попытался передать и главнокомандующему западнымъ фронтомъ Балуеву. Ему онъ сообщилъ прямѣе, что „по послѣднимъ свѣдѣніямъ ген. губернаторомъ Петрограда назначенъ, безъ участія Керенскаго, кадетъ Кишкинъ; въ силу этого обстоятельства посылка войскъ въ Петроградъ является безцѣльной и даже вредной, такъ какъ, очевидно, войска на сторону Кишкина не станутъ.“ Въ отвѣтъ онъ получилъ отъ Балуева рѣзкую отповѣдь: „очень жаль, что ваши войска участвуютъ въ политикѣ, мы присягали временному правительству, и не наше дѣло разсуждать, состоитъ петроградскимъ губернаторомъ Кишкинъ или кто другой ... Я считаю большимъ несчастіемъ для Россіи, если власть будетъ захвачена такими безотвѣтственными партіями, какъ большевиковъ, такъ какъ тогда будетъ анархія, и гибель Россіи неизбѣжна ... Кромѣ Петрограда еще имѣется обширная Россія, и еще вопросъ, какъ она посмотритъ на это“. Отвѣтъ Черемисова былъ: „мы не имѣемъ права уклоняться отъ политики и не считаться съ политическимъ настроеніемъ массы“.

Ген. Балуевъ въ результатѣ этихъ переговоровъ не захотѣлъ пойти на объединеніе „хотя бы двухъ фронтовъ, сѣвернаго и западнаго“, какъ того добивался Черемисовъ. Онъ заявилъ, что будетъ ждать указаній отъ ставки“. Ставка же была въ очень тру-

домъ положенiи. Около часа ночи на 25-е здѣсь были получены извѣстiя объ арестѣ министровъ. Мѣстонахожденiе Керенскаго было неизвѣстно. Между тѣмъ военно-революцiонный комитетъ большевиковъ разослалъ по фронтамъ требованiе-извѣстить солдатъ о случившемся и арестовать тѣхъ, кто будетъ противъ переворота. Скрыть это требованiе отъ армiи было невозможно. И ставка, прежде чѣмъ дать требуемыя указанiя, въ ночь на 25 октября произвела опросъ главнокомандующихъ фронтовъ, имѣются-ли въ ихъ распоряженiи войсковыя части, которыя безусловно поддержали бы временное правительство".

Ген. Балуевъ отвѣтилъ на это съ западнаго фронта: „ни за одну часть поручиться не могу, большинство же частей безусловно не поддержитъ. Даже тѣ части, которыя находятся около меня, — и тѣ годны развѣ только для того, чтобы остановить погромы и безпорядки, но для поддержки временнаго правительства наврядъ — ли онѣ пригодны". Комиссаръ румынскаго фронта Тизенгаузенъ на тотъ же вопросъ отвѣтилъ: „двинуть съ фронта войска для защиты лишь самого правительства едва-ли возможно . . . Составъ прежняго правительства не особенно популяренъ въ войскахъ, и, какъ таковой, мало интересуетъ солдатъ". Напротивъ, „защита учредительнаго собранiя весьма популярна: въ защиту учредительнаго собранiя и для противодѣйствiя попыткамъ срыва безусловно станетъ весь фронтъ". Отъ юго-западнаго фронта ген. Махровъ уклонился отъ отвѣта, ссылаясь на свѣдѣнiя, сообщенныя ему Черемисовымъ, что посылка войскъ вообще остановлена.

Къ утру 26 октября настроенiе на сѣверномъ фронтѣ измѣнилось подъ влiянiемъ рѣшенiя Керенскаго—идти походомъ на Петроградъ— и вслѣдствiе доклада комиссара Войтинскаго Черемисову, что большевики изолированы, „такъ какъ вся организованная демократiя стала противъ нихъ" и побѣда ихъ есть „пиррова побѣда". Черемисовъ разрѣшилъ тогда „продолжать продвиженiе по желѣзной дорогѣ частей 3-го коннаго корпуса и приказалъ снять посты революцiоннаго комитета". На своей версiи событiй онъ, видимо, пересталъ настаивать. И Духонинъ рѣшился черезъ штабъ сѣвернаго фронта послать телеграмму Керенскому, хотя и просилъ „уничтожить кусочекъ ленты", на которомъ сообщилъ было Керенскому свое мнѣнiе: „полагаю необходимымъ выдвиженiе къ Петрограду не только 3-го корпуса, но и другихъ назначенныхъ частей; конечно, придется выѣхать походнымъ порядкомъ, такъ какъ состоялось постановленiе желѣзнодорожниковъ—не перевозить войскъ

къ Петрограду". Во второмъ часу дня 26 октября въ ставк: полученъ былъ приказъ Керенскаго, который, вмѣстѣ съ воззваніемъ пяти демократическихъ организацій (с. р., с. д., центрофлота, армейскихъ организацій въ Петроградѣ и П. И. К совѣта рабочихъ депутатовъ на короткое время укрѣпилъ антибольшевистское настроеніе ставки. Духонинъ поспѣшилъ сообщить эти хорошія вѣсти Балуеву на западный фронтъ, но выслушалъ въ отвѣтъ, что Минскъ въ рукахъ совѣта рабочихъ депутатовъ, гарнизонъ ненадеженъ и самъ онъ, Балуевъ, находится подъ арестомъ 37 полка, ко орый „весь въ распоряженіи совѣта". Моментъ оптимистическаго настроенія по поводу „изолированія" большевиковъ отразился и на юго-западномъ фронтѣ, откуда Н. И. Іорданскій сбнадеживалъ, что „большинство за временное правительство, готовятся къ посылкѣ отряда въ Петроградъ". Іорданскій оговаривался, однако, по поводу приказа Керенскаго: „приказъ полученъ, одна фраза возбуждаетъ недоумѣніе: о возможности образованія новаго правительства.*) Если это означаетъ готовность идти на компромиссъ съ Петроградомъ, то это ошибка. Лозунгомъ должно быть возстановленіе правительства и созывъ учредительнаго собранія". „Наступилъ моментъ ликвидаціи большевизма, и мы были бы совершенно выбиты изъ колеи, если бы повторились полумѣры 3-го и 5-го іюля". Такъ перекрещивались въ арміи настроенія справа и слѣва, одинаково враждебныя Керенскому.

Къ сожалѣнію, на этомъ оптимистическомъ настроеніи обрывается нашъ источникъ — переговоры ставки съ фронтами по

*) Текстъ приказа, подписаннаго Керенскимъ, въ Псковѣ слѣдующій: „Наступившая смута, вызванная безуміемъ большевиковъ, ставитъ государство наше на край гибели и требуетъ напряженія всей воли, мужества и исполненія долга каждымъ. Въ настоящее время, впредь до объявленія новаго состава временнаго правительства, если таковое послѣдуетъ, каждый долженъ оставаться на своемъ посту и исполнять свой долгъ передъ истерзанной родиной. Нужно помнить, что малѣйшее нарушеніе существующей организаціи арміи можетъ повлечь непоправимыя бѣдствія, открывъ фронтъ для новаго удара противника. Поэтому необходимо сохранить во что-бы то ни стало боеспособность арміи, поддерживать полный порядокъ, охраняя армію отъ новыхъ потрясеній и не колебать взаимное довѣріе между начальниками и подчиненными. Приказываю всѣмъ начальникамъ и комиссарамъ во имя спасенія родины сохранить свои посты, какъ и я сохраню свой постъ верховнаго главнокомандующаго впредь до изъявленія воли временнаго правительства республики. Приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, командахъ, сотняхъ, эскадронахъ и батареяхъ, на судахъ и во всѣхъ строевыхъ командахъ. А. Керенскій".

прямому проводу. Чтобы прослѣдить, какъ втеченіе послѣдующихъ дней, 27-го и слѣдующихъ, это настроеніе окончательно перешло въ пессимистическое, мы располагаемъ составленными по просьбѣ автора (неопубликованными) показаніями г. л. Шиллинга, командира XVII армейскаго корпуса, который предполагалось направить противъ большевиковъ, и комиссара восьмой арміи, къ которой принадлежалъ этотъ корпусъ, К. М. Вендзягольскаго, пытавшагося сорганизовать посылку XVII корпуса къ Петрограду. Пріѣхавъ въ ставку 26 октября и сдѣлавъ докладъ Духонину о положеніи 8-й арміи, Вендзягольскій узналъ въ управленіи военнаго комиссара при верх. главнокомандующемъ, что ставка „предполагаетъ организовать сводный отрядъ подъ командой ген. Врангеля для отправки его частью подъ Петроградъ, частью для защиты подступовъ къ ставкѣ". Вендзягольскій прождалъ въ Могилевѣ сутки, до полудня 27 октября, но отрядъ не формировался. Тогда, съ разрѣшенія начальства, онъ рѣшилъ ѣхать дальше на сѣверъ, гдѣ, въ Витебской и Псковской губ., былъ расположенъ XVII корпусъ, только что переведенный сюда съ румынскаго фронта и прибывшій въ районъ Невель-Городокъ 15-25 октября, въ распоряженіе главковерха. „Настроеніе въ Невелѣ и въ частяхъ, расквартированныхъ въ немъ (запасный арт. дивизіонъ, тяжелый дивизіонъ съ рижскаго фронта и Сибирскій запасный саперный батальонъ) было большевистское", свидѣтельствуетъ ген. Шиллингъ. Онъ вызвалъ въ городъ надежный „курень смерти", состоявшій изъ 700 солдатъ украинцевъ, и 27 октября занялъ имъ почту, телеграфъ и вокзалъ. Изъ штаба V-й арміи, гдѣ комитетъ былъ большевистскій, начали уже просачиваться телеграммы съ призывомъ подчиниться большевикамъ. Прервавъ телеграфное сообщеніе съ V-й арміей, ген. Шиллингъ рѣшилъ связяться непосредственно со ставкой. Въ 1 ч. ночи на 28-е къ нему пріѣхалъ Вендзягольскій, сообщившій ему о положеніи. На вопросъ Шиллинга, почему ставка не дѣлаетъ никакихъ распоряженій и ничего не сообщаетъ, онъ получилъ отъ Вендзягольскаго отвѣтъ, что „тамъ не увѣрены, можно-ли надѣяться на части корпуса". Чтобы провѣрить это, ген. Шиллингъ собралъ въ 11 ч. утра 28 октября представителей всѣхъ частей корпуса и изложилъ имъ свой взлядъ на большевизмъ. Черезъ два часа онъ получилъ отвѣтъ предсѣдателя корпуснаго комитета, поручика Зотикова, что всѣ съ нимъ согласны и пойдутъ за нимъ. Тогда онъ отправилъ начальника штаба корпуса, полк. Бронскаго, на автомобилѣ въ ставку съ почтограммой на имя Духонина, составленной

Вендзягольскимъ. Ген. Шиллингъ ходатайствовалъ въ ней о разрѣшеніи погрузить войска корпуса на желѣзную дорогу и немедленно отправить эшелонами по двумъ направленіямъ: къ Пскову и Лугѣ и къ Бологому и Чудову.

Раньше, чѣмъ дошла до ставки это просьба, ген. Шиллингъ получилъ изъ ставки секретный пакетъ съ приказаніемъ занять узловыя станціи Дно и Оршу, каждую батальономъ съ четырьмя пулеметами, чтобы „не допустить продвиженія большевиковъ къ ставкѣ“. Однако, сдѣланный Шиллингомъ нарядъ (отъ 140 Зарайскаго полка) былъ задержанъ, такъ какъ „всѣми нарядами поѣздовъ вѣдалъ штабъ сѣвернаго фронта, и, видимо, тамъ приказанія ставки не исполнялись“.

Около 11 ч. ночи 29 октября ген. Шиллингъ получилъ изъ ставки отвѣтъ и на свою просьбу. Ставка приказывала послать отъ корпуса къ Петрограду бригаду пѣхоты, мортирный дивизіонъ и дивизіонъ полевой легкой артиллеріи. Ген. Шиллингъ приказалъ сосредоточить части, разбросанныя на 25 верстъ въ окружности, къ станціямъ посадки: разсчетъ былъ на аккуратную подачу поѣздовъ. Назначены къ посадкѣ были 11 пѣхотный Псковскій и 12 Великолуцкій полки, 17 мортирный дивизіонъ и три батареи 35 артилл. бригады. „Къ великому удивленію начальствующихъ лицъ“, свидѣтельствуетъ ген. Шиллингъ, „полки и части прибываютъ для посадки, а поѣздовъ нѣтъ. Солдаты стоятъ подъ открытымъ небомъ, при отвратительной дождливой погодѣ. Съ грѣхомъ пополамъ добились, чтобы через 10 часовъ подали два состава для посадки 12 Великол. полка и одинъ составъ для штаба 3 пѣх, дивизіи. Агитація противъ посадки и отправленія въ это время велась во всю“. Въ результатѣ этой агитаціи, вечеромъ 29 октября Шиллингу пришлось отмѣнить отправку распропагандированныхъ полковъ 3-й дивизіи и замѣнить ихъ вѣрной ему 35-й. Штабу 3-й дивизіи и частямъ 12 полка, уже погруженнымъ, велѣно было выгрузиться. На ихъ мѣсто — уже только 30 и 31 октября — началась посадка 137 Нѣжинскаго и 140 Зарайскаго полковъ. Повторилась и тутъ та же исторія. „Составы подавались чрезвычайно медленно. Бывало такъ, что составъ подадутъ, весь эшелонъ погрузится, но сутки не даютъ паровозовъ, и солдаты сидятъ въ вагонахъ, не приспособленныхъ для отопленія и не оборудованныхъ для людей“. Однако, на этотъ разъ, „настроеніе у солдатъ было бодрое и веселое, . . . всѣ шли охотно, несмотря на то, что кругомъ все кишѣло большевиками“.

Движеніе погруженныхъ эшелоновъ къ Петрограду, наконецъ, началось, — но продолжало встрѣчать на пути всевозможныя препятствія. „По докладу командира 137 п. Нѣжинскаго полка, корпуснаго комиссара, а также и начальника 35 дивизіи, говоритъ ген. Шиллингъ, „выяснилось, что вездѣ на станціяхъ эшелонамъ чинились задержки, не давали паровозовъ и что въ дѣлѣ захвата, власти большевиками весьма подлую роль съигралъ Викжель“. Только примѣненіемъ насильственныхъ мѣръ первому изъ эшелоновъ удалось пробиться черезъ Псковъ и добраться до Луги, гдѣ „весь гарнизонъ — около 6-7 тысячъ человѣкъ — немедленно сдался безъ боя, всѣ караулы были заняты солдатами Нѣжинскаго полка, а находящіеся въ Лугѣ артиллеристы пришли къ командиру батальона и сдали замки отъ орудій. „Погрозивъ вернуться и разстрѣлять Псковъ, этотъ первый эшелонъ вытащилъ вслѣдъ за собой мортирную батарею 17-го дивизіона. Депутація большевиковъ съ матросомъ Дыбенко, пріѣхавшая въ Лугу уговаривать пришедшія туда передовыя части, не имѣла успѣха. Корпусный комиссаръ Зотиковъ рѣшился даже съѣздить въ Петроградъ, въ Смольный, и вернулся оттуда благополучно, погрозивъ большевикамъ лужскими войсками. Но, увы, всѣ эти частичныя удачи пришли слишкомъ поздно. Цѣль непрерывныхъ задержекъ войскъ желѣзнодорожниками была достигнута. Мы знаемъ, что уже 30 октября Красновскій отрядъ, лишенный подкрѣпленій, проигралъ рѣшительный бой подъ Пулковымъ и принужденъ былъ отступать. А затѣмъ до Луги дошли слухи о переговорахъ Краснова съ большевиками, и 2 ноября полученъ приказъ Духонина, — на этотъ разъ дѣйствительный и окончательный—остановить движеніе эшелоновъ къ Петрограду. Нѣжинскій полкъ не повѣрилъ и послалъ выборныхъ въ ставку. Получилъ тамъ потвержденіе, части „стали возвращаться на свои мѣста . . . конечно, уже не тѣми по настроенію, какими пошли“, замѣчаетъ ген. Шиллингъ: „ядъ большевизма началъ проникать и въ ихъ среду“.

Чѣмъ вызвано было рѣшеніе Духонина? Мы увидимъ это, вернувшись въ Гатчину къ Красновскому отряду и къ Керенскому. Туда направился черезъ Псковъ и Вендзягольскій послѣ соглашенія съ ген. Шиллингомъ о наступленіи.

Пріѣхавъ въ Гатчину за два дня до Пулковскаго „боя“ и повидавшись съ А. Ф. Керенскимъ, Вендзягольскій засталъ картину полной растерянности Верховнаго Главнокомандующаго и внутреннихъ распрей вокругъ его личности, „Къ ужасу своему я

замѣтилъ, пишетъ онъ, „что ни верховный главнокомандующій, ни кто-либо изъ окружавшихъ его (штаба Краснова тамъ не было) не имѣли ни малѣйшаго представленія о дислокаціи войскъ сѣвернаго фронта . . . . Извѣстіе о возможности прибытія „цѣлаго корпуса“ свалилось на всѣхъ большимъ неожиданнымъ счастьемъ. Оставалось ждать прихода корпуса, не имѣя возможности, за отсутствіемъ связи, слѣдить за его движеніемъ. Въ штабѣ верх. главнокомандующаго поражала всеобщая суетня, бѣготня, пулеметы въ столовой, консервы на дворѣ, безконечное шатаніе всѣхъ повсюду и полное отсутствіе службы связи, почти отрѣзанность отъ всей Россіи. Приближенные къ А. Ф. Керенскому комиссары Войтинскій и Семеновъ „назначили“ меня комиссаромъ броневого поѣзда, имѣющаго задачу 29-го Октября занять вокзалъ. „Позднѣе Войтинскій отмѣнилъ это назначеніе, когда Вендзягольскій сказалъ ему, что броневой поѣздъ имѣетъ шансы удержать Николаевскій вокзалъ только путемъ опустошенія и террора среди большевиковъ“. „По мнѣнію этого добраго человѣка“, замѣчаетъ Вендзягольскій, „броневой поѣздъ долженъ былъ сыграть роль аргумента больше моральнаго свойства . . . „Черезъ нѣкоторое время мнѣ предложили ѣхать комиссаромъ къ какому-то отряду въ Валкъ или куда-то въ другое мѣсто, а еще спустя нѣкоторое время назначили меня агитаторомъ въ какія то слабыя части съ программой: если слишкомъ правы, наступить имъ на хвостъ (выраженіе Войтинскаго) . . . . Назначенія и порученія сыпались всю ночь и утро 29-го Октября отъ метавшихся вокругъ А. Ф. Керенскаго, Станкевича, Войтинскаго, Семенова, трехъ адъютантовъ, начальника гражданской канцеляріи и многихъ другихъ лицъ разнаго званія, упомнить которыхъ не могъ. Скоро всѣ эти лица почувствовали въ Вендзягольскомъ врага, особенно когда появился въ Царскомъ и Гатчинѣ Савинковъ. Савинковъ имѣлъ нѣсколько непріятныхъ разговоровъ съ Керенскимъ, въ которыхъ указывалъ, что казаки ему не вѣрятъ, боятся повторенія исторіи 3—5-го Іюля и что его рѣчи къ нимъ производятъ неблагопріятное впечатлѣніе. Настроеніе приближенныхъ Керенскаго выразилось въ разговорѣ Войтинскаго съ Савинковымъ, въ которомъ комиссаръ сѣвернаго фронта „высказывалъ опасеніе, что „контръ - революціонеры“ воспользуются большевистскимъ выступленіемъ для осуществленія своихъ собственныхъ цѣлей“. „Мнѣ казалось“, прибавляетъ Савинковъ, что онъ недовѣрчиво относится къ казакамъ и ко мнѣ“. И дѣйствительно вечеромъ того же 29-го Октября Семеновъ снялъ

съ Вендзягольскаго форменный „допросъ по поводу слуховъ о предполагающемся будто-бы переворотѣ, арестѣ Керенскаго и т. д. Дрожащіе уста комиссара Семенова произнесли „страшное“ слово: „Савинковъ“. „Пугаясь своихъ защитниковъ, приближенные Керенскаго и самъ онъ уже задумывали (или, вѣрнѣе, продолжали обсуждать, см. выше, новую политическую комбинацію“. „Въ кабинетѣ Керенскаго“, свидѣтельствуетъ Вендзягольскій, происходила борьба: зарождалась идея соглашательства. Станкевичъ и остальные комиссары что-то говорили. Показались во дворцѣ Черновъ и еще кто-то. Стали носиться слухи о формированіи въ ставкѣ (въ Могилевѣ) какого-то однороднаго правительства. Называли Авксентьева, Чернова. Савинковъ также узналъ, уже во время Пулковскаго боя отъ одного члена комитета спасенія, что А. Ф. Керенскій собирается уѣхать въ ставку. Полагая, что отъѣздъ этотъ „былъ бы учтенъ, какъ бѣгство во время боя“, Савинковъ счелъ нужнымъ снова поѣхать въ Гатчину, чтобы отговорить Керенскаго. „Станкевичъ возражалъ мнѣ“, вспоминаетъ Савинковъ, но А. Ф. Керенскій, посовѣтовавшись съ пріѣхавшимъ со мной есауломъ О., согласился съ моими соображеніями“. Вечеромъ того же дня 30 Октября Савинковъ имѣлъ новый разговоръ съ Керенскимъ по поводу своего назначенія комиссаромъ отряда Краснова. „Я заявилъ Керенскому, что не раздѣлялъ и не раздѣляю его политики, что его пребываніе у власти уже давно мнѣ кажется губительнымъ для Россіи, что я боролся противъ него всѣми законными, средствами и что я готовъ бороться незаконными, ибо считаю его однимъ изъ виновниковъ полнаго развала Россіи, и, въ частности, однимъ изъ виновниковъ выступленія большевиковъ, противъ которыхъ имъ не было своевременно принято никакихъ мѣръ“. Послѣ этого откровеннаго разговора, Керенскій, „въ виду исключительности положенія“ утвердилъ Савинкова въ должности, которую просили его занять офицеры Краснова.

Среди руководителей шли распри; среди защитниковъ шла упорная агитація. „Большевики открыто бунтовали солдатъ и казаковъ“, свидѣтельствуетъ Вендзягольскій. „Повсюду шныряли агитаторы. . . Жители Царскаго Села роптали: какой же это порядокъ, какая война, если врагъ беспрепятственно просачивается въ войска, на улицахъ митинги, по городу стрѣльба, а Керенскій все рѣчами, да рѣчами воюетъ“. „Большевистскіе агитаторы“, подтверждаетъ Савинковъ, „доказывали казакамъ, что большевики и казаки — братья и служатъ одной и той же цѣли, ибо тѣ и другіе

прежде всего, желаютъ, чтобы Керенскій сложилъ съ себя полномочія... Съ этой пропагандой было невозможно бороться: въ Царскомъ Селѣ было нѣсколько тысячъ гарнизона; въ этой вооруженной толпѣ тонула горсть казаковъ ген. Краснова". Плоды агитаціи сказались и на полѣ битвы. Въ то время какъ большевики „смотрѣли на насъ, какъ мы смотрѣли на германцевъ, дрались жестоко и упорно, — увѣчили трупы," говоритъ ген. Красновъ — и казаки не могли отрѣшиться отъ навязаннаго имъ агитаторами взгляда, что это „свой", что это „братья," что это „братоубійственная" война, и, гдѣ только можно, щадили ихъ. Отъ этого часто вовлекались въ обманъ, пропускали лазутчиковъ и шпіоновъ, приходившихъ „переговорить" и „столковаться"...

Съ характеристикой Савинкова и Вензягольскаго вполнѣ соглашается и Керенскій, но съ той разницей, что онъ возлагаетъ, вину за разложеніе Красновскаго отряда на самого Краснова. „Никакихъ мѣръ охраны, изоляціи, хотя бы внѣшняго порядка принято не было," говоритъ онъ. „Всюду, въ аллеяхъ парка, на улицахъ, у воротъ казармъ, шли митинги, собирались кучки, шныряли агитаторы, обрабатывавшіе нашихъ станичниковъ. Какъ раньше, гвоздемъ пропаганды было сравненіе моего похода съ Корниловскимъ.. Красновъ сталъ все рѣшительнѣе сбрасывать маску своей „лояльности." Однимъ словомъ въ атмосферѣ интриги ясно чувствовались признаки измѣны.

Отступленіе отъ Царскаго вечеромъ 30 Октября было сигналомъ для открытаго выявленія всѣхъ этихъ настроеній, плохо прикрывавшихся до тѣхъ поръ тонкой пленкой военной дисциплины. Въ Гатчинѣ, первые слухи объ отступленіи, по выраженію Керенскаго, „вызвали панику у однихъ, удвоили энергію и дерзость у другихъ." Передъ самымъ возвращеніемъ Краснова, въ 10 ч. вечера, къ Керенскому явилась депутація отъ „Викжеля" (Всеросс, Исп. Ком. союза жел. дор. служащихъ), представившая ультимативное требованіе: подъ угрозой желѣзно-дорожной забастовки вступить въ немедленные переговоры о перемиріи съ большевиками. Когда Керенскій спросилъ пришедшаго къ нему ген. Краснова, какъ онъ думаетъ объ этомъ предложеніи, Красновъ отвѣчалъ, что для выигрыша времени нужно начать переговоры о перемиріи: что это нѣсколько успокоитъ казаковъ, все съ большей настороженностью посматривающихъ на свое начальство, и дастъ возможность дождаться подкрѣпленій.

Дѣйствительно, казаки больше не вѣрили никакимъ „грудамъ

телеграммъ о продвиженіи эшелоновъ", Красновскій отрядъ вернулся въ Гатчину совершенно разложенный. Утромъ 31-го Октября 9-й Донской полкъ отказался выставить караулы и не взялъ ружейныхъ патроновъ, заявляя, что не желаетъ братоубійственной войны. Караулы пришлось занять только что пришедшими изъ Петрограда двумя сотнями 10-го Донского полка. Надежду на прибытіе вспомогательныхъ войскъ съ фронта началъ уже терять и Керенскій. Къ этому времени, по показанію его адъютантовъ, онъ „связался по прямому проводу со ставкой и сѣвернымъ фронтомъ и оттуда получилъ свѣдѣнія о томъ, что фронтъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сталъ открыто на сторону большевиковъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ въ Винницѣ, Кіевѣ и Москвѣ, вспухнули большевистскія возстанія, а латышскіе полки бросили фронтъ и отправились въ тылъ, разгромивъ Венденъ и Юрьевъ. Такимъ образомъ, общая обстановка для А. Ф. Керенскаго складывалась такъ, что дальнѣйшее промедленіе и затягиваніе операцій становилось невозможнымъ."

Какъ подѣйствовало на Керенскаго это измѣненіе положенія видно изъ его распоряженій вечеромъ 30-го октября. Еще сутками раньше онъ пытался уѣхать изъ Гатчины „навстрѣчу приближающимся эшелонамъ" — и былъ остановленъ рѣшительнымъ заявленіемъ казацкой делегаціи, что казаки связали съ нимъ свою судьбу и не допустятъ его отъѣзда. Теперь, „воспользовавшись новымъ пріѣздомъ друзей изъ Петрограда", Керенскій „на всякій случай, передалъ имъ письмо на имя Авксентьева, которымъ вручалъ предсѣдателю Совѣта Республики права и обязанности министра-предсѣдателя и предлагалъ немедленно пополнить составъ правительства". Послѣ этого, по требованію совѣта офицеровъ въ Гатчинѣ, онъ назначилъ начальникомъ обороны города Савинкова, котораго считалъ, какъ мы видѣли, самымъ опаснымъ своимъ врагомъ. „Въ это время мы уже чувствовали" ,говоритъ Керенскій, „что идемъ быстро къ неизбѣжному" и, „собственная судьба не представлялась намъ особенно загадочной". Поздно ночью, Керенскій отпустилъ одного изъ своихъ адъютантовъ, женатаго человѣка, и „заключилъ братскій союзъ" съ другимъ, не хотѣвшимъ его оставить.

Въ одинадцатомъ часу утра 31-го октября А. Ф. Керенскій пришелъ къ ген. Краснову и пригласилъ его на совѣщаніе съ представителями партій и коммисарами по поводу предложенія „Викжеля". Телеграмма „Викжеля", разосланная „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ",

выставляла „категорическое требованіе немедленно остановить гражданскую войну и собраться для образованія однороднаго, революціоннаго, соціалистическаго правительства“. Въ случаѣ неподчиненія этому требованію, желѣзнодорожный союзъ объявлялъ „прекращенія всякаго движенія по дорогамъ“ съ 12 ч. ночи съ 29 на 30 октября. Это было, конечно, безразлично для наступающихъ изъ Петрограда большевистскихъ войскъ, но вовсе не безразлично для движенія эшелоновъ, предназначавшихся на помощь отряду ген. Краснова. Это былъ тотъ „строгій нейтралитетъ, который по той же телеграммѣ „Викжель“ „призналъ для себя обязательнымъ съ самаго начала междуусобицы“. Въ обсужденіи предложенія участвовали, кромѣ Керенскаго и Краснова, представители союза казачьихъ войскъ, Савинковъ и Аникѣевъ, комиссаръ Станкевичъ, капитанъ Козьминъ, подполковникъ Поповъ и подъесаулъ Ажогинъ. Описаніе этого засѣданія мы приводимъ по первоначальной запискѣ ген. Краснова.

„Мы сѣли въ дворцовой гостиной, за круглымъ столомъ. А. Ф. Керенскій сѣлъ нѣсколько поодаль. Онъ, видимо, былъ сильно взволнованъ. Онъ сообщилъ о предложеніи „Викжеля“ и просилъ насъ, представителей отряда, высказаться, насколько оно пріемлемо въ настоящее время.

Я указалъ Керенскому на создавшееся положеніе. Обѣщанная пѣхота не подходитъ. Казаки не вѣрятъ въ то, что она придетъ; среди нихъ сильное броженіе. Сегодня они уже вышли изъ повиновенія. Если къ намъ не подойдутъ значительныя силы пѣхоты, борьба безполезна.

Что же вы предполагаете дѣлать?

Если бы не было предложенія „Викжеля“, наше положеніе было бы отчаяннымъ. Пришлось бы пробиваться на югъ, — туда, гдѣ есть еще вѣрныя правительству войска, идти походомъ, испытывая всѣ муки голода. Теперь, когда это предложеніе исходитъ не отъ насъ, послѣ вчерашняго боя, въ которомъ совѣтскія войска испытали силу казачьяго сопротивленія, понесли значительныя потери, мы можемъ выговорить очень приличныя условія и прекратить эту гражданскую войну, которая всѣмъ одинаково тяжела и противна.

Подполковникъ Поповъ и подъесаулъ Ажогинъ меня поддержали. На вопросъ Савинкова, сколько же казаковъ осталось такихъ, на которыхъ вполнѣ можно положиться, подъесаулъ Ажогинъ мужественно доложилъ, что разложеніе идетъ быстро, — его уси-

ливаетъ сознаніе своего одиночества, слабости, покинутости всѣми. Борьба при этихъ условіяхъ невозможна. Мы можемъ остаться съ нѣсколькими офицерами и двумя, тремя десятками казаковъ добавлялъ я.

„Что же, значитъ, приходится сдаваться на милость большевиковъ", съ горечью замѣтилъ Керенскій?

Нѣтъ, — воспользоваться предложеніемъ „Викжеля" и войти въ переговоры, отвѣчалъ я.

Заговорилъ Савинковъ. Онъ говорилъ съ глубокой горечью, съ истиннымъ и сильнымъ патріотизмомъ Ярко обрисовалъ онъ тяжелое, невыносимое положеніе, въ которое попадетъ Россія, если въ правительство попадутъ большевики. Я могъ пойти на соглашеніе, говорилъ онъ, только при томъ условіи, что большевиковъ въ немъ не будетъ. Потому что стоитъ войти одному большевику въ правительство, и онъ съумѣетъ развалить всѣ министерства. Мы должны бороться до конца и спасти Россію.

Его горячо поддерживалъ капитанъ Козьминъ. Онъ все еще считалъ силы большевиковъ слабыми, и считалъ, что побѣдить ихъ можно даже и теперь. Сколько времени можете вы простоять здѣсь, спросилъ онъ меня?

Я считаю свое положеніе въ Гатчинѣ за рѣкой Ижорой очень выгоднымъ. Въ это осеннее, холодное время я сильно сомнѣваюсь, чтобы совѣтскія войска стали форсировать рѣку въ бродъ. Она и лѣтомъ, вслѣдствіе болотистости береговъ, трудно проходима. Но мнѣ нужны войска, а ихъ у меня нѣтъ. Вмѣсто оборонительныхъ заставъ, наблюдательныя, я не ручаюсь даже за сегодняшнюю ночь, потому что хорошаго напора мнѣ не задержать.

Станкевичъ сталъ на нашу сторону. Онъ доказывалъ, что соглашеніе съ большевиками неизбѣжно.*) Нельзя же отрицать ихъ сильное вліяніе, и съ ними приходится считаться. Его мнѣніе было таково, что надо выработать условія переговоровъ и кому либо поѣхать въ Смольный, пославъ одновременно парламентеровъ.

И такъ, за переговоры были Станкевичъ и трое насъ, пред-

---

*) По воспоминаніямъ Савинкова, Станкевичъ заявлялъ даже, что „на большевиковъ онъ не смотритъ какъ на измѣнниковъ, и что онъ даже полагалъ бы возможнымъ назначить прапорщика Крыленко своимъ помощникомъ... Государственные интересы требуютъ немедленнаго соглашенія съ большевиками и образованія на основѣ этого соглашенія новаго министерства. Красновъ въ „Архивѣ" тоже передаетъ, что „Станкевичъ полагалъ, что сговориться съ большевиками все-таки можно.

ставителей военнаго отряда; противъ — Савинковъ, Аникѣевъ и Козьминъ. Я понимаю переговоры, говорилъ Савинковъ, только какъ военную хитрость, чтобы выиграть время. Къ намъ подойдутъ войска, отрезвѣетъ русское общество, и мы снова пойдемъ на Петроградъ: вѣдь насъ тамъ ждутъ какъ избавителей.

Я опять повторилъ, что если сегодня къ вечеру ко мнѣ подойдетъ хоть одинъ батальонъ пѣхоты, — то обстановка измѣнится, и я буду уже противъ переговоровъ.

А. Ф. Керенскій, послѣ долгаго раздумья, полурѣшилъ вступить въ переговоры, *) кап. Козьминъ и отчасти Аникѣевъ соглашались уже, что борьба невозможна. Одинъ Савинковъ честно и горячо, и такъ молодо упорствовалъ, изыскивая средства помочь горячо любимой имъ родинѣ.

Всѣ встали. Ходили по комнатѣ, обмѣнивались отрывочными фразами.

У насъ есть польскія войска, сказалъ Савинковъ. Поляки поймутъ, въ какую бездну влекутъ большевики Польшу. Я сейчасъ поѣду въ Польскій корпусъ и приведу его сюда . . .

Но намъ казалось это несбыточнымъ. Врядъ ли поляки пожелаютъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла. Да и когда придетъ этотъ корпусъ? Наконецъ, прибытіе поляковъ не повліяетъ на казаковъ и не заставитъ ихъ драться.

Шелъ уже третій часъ, что мы засѣдали. Время шло въ разговорахъ. Нужно было дѣйствовать. Я напомнилъ объ этомъ. Было приступлено къ выработкѣ текста посланія, которое было рѣшено отправить по телефону и съ парламентерами, какъ въ Смольный, такъ и въ штабъ отряда совѣтскихъ войскъ въ Красное Село".

„Пока шло совѣщаніе начальства", разсказываетъ Красновъ въ своихъ послѣднихъ воспоминаніяхъ, „другое совѣщаніе шло у комитетовъ. Прибывшіе матросы — парламентеры, безбожно льстя казакамъ и суля имъ немедленную отправку спеціальными поѣздами прямо на Донъ, заявили, что они заключать миръ съ генералами не согласны, а желаютъ заключить миръ черезъ головы генераловъ съ подлинной демократіей, съ самими казаками". Казаки явились къ Краснову, и онъ составилъ имъ текстъ соглашенія,

---

*) Въ своихъ воспоминаніяхъ („Гатчина") Керенскій говоритъ, что онъ „утвердилъ мнѣніе большинства", такъ какъ другого выхода не было: „нужно было выиграть время" и „невозможно было допустить, чтобы Красновъ и его штабъ могли сказать казакамъ: мы были за миръ, но Керенскій приказалъ драться".

который они должны были отстаивать, не упоминая о его авторѣ. По этому предложенію, „большевики прекращаютъ всякій бой въ Петроградѣ и даютъ полную амнистію боровшимся противъ нихъ офицерамъ и юнкерамъ, отводятъ войска къ Четыремъ Рукамъ; Лигово и Пулково нейтральны. Наша кавалерія занимаетъ, исключительно въ видахъ охраны, Царское Село, Павловскъ и Петергофъ, Ни та, ни другая сторона до окончанія переговоровъ не перейдетъ указанной линіи, Въ случаѣ разрыва переговоровъ о переходѣ линіи надо предупредить за 24 часа. Поздно вечеромъ 31-го Октября это предложеніе было отправлено съ офицеромъ и двумя казаками въ Красное Село.

Другое заявленіе было составлено Козьминымъ и направлено „комитету спасенія родины“ въ отвѣтъ на телеграмму „Викжеля“. Здѣсь выражалась готовность прекратить кровопролитіе на условіи освобожденія арестованныхъ членовъ правительства и вѣрныхъ ему лицъ и вступленія въ переговоры съ представителями партій о реорганизаціи власти на основахъ преимущественнаго значенія большинства, необходимости продолжать оборону страны и созыва въ установленное время Учредительнаго Собранія, которое одно только должно разрѣшить вопросы о землѣ и волѣ, о войнѣ и мирѣ.

Третья бумага, составленная Станкевичемъ и подписанная Керенскимъ*), была отправлена со Станкевичемъ въ совѣтъ комиссаровъ. Въ догонку, въ 6 ч. вечера, Керенскій для вѣрности послалъ еще телеграмму „Викжелю“ о томъ, что предложеніе о перемиріи сдѣлано. О настроеніи Керенскаго послѣ совѣщанія свидѣтельствуетъ Вендзягольскій, котораго Керенскій вызвалъ, чтобы еще разъ справиться о возможности прихода 17-го корпуса и польскихъ войскъ, о которыхъ Савинковъ говорилъ съ его словъ на совѣщаніи. Вендзягольскій получилъ письменное приглашеніе „ѣхать въ польскій корпусъ“. „Вдругъ Керенскій схватывается за голову и

*) По воспоминаніямъ Керенскаго, который знаетъ только эту бумагу, но не помнитъ ея текста, Станкевичъ былъ посланъ „объѣздомъ“ также въ „комитетъ спасенія родины и революціи“. „Два изъ моихъ условій я не забылъ“, прибавляетъ онъ: „во-первыхъ, большевики должны были немедленно сложить оружіе и подчиниться обновленному всенародному врем. правительству; во-вторыхъ, составъ и программа этого правительства должны были быть установлены по соглашенію существующаго врем. правительства съ представителями всѣхъ политическихъ партій и комитетомъ спасенія родины и революціи. Керенскій вполнѣ основательно прибавляетъ: „во всякомъ случаѣ эти условія не были пріемлемы для большевиковъ“. Станкевичъ выѣхалъ около 4-хъ часовъ дня въ Петроградъ.

кричитъ: „да не пойдутъ поляки; я знаю, что не пойдутъ". „Думаю" замѣчаетъ Вендзягольскій, „за васъ навѣрное нѣтъ. За Польшу, которая связана съ будущимъ Россіи, — пожалуй". И затѣмъ прибавляетъ позднѣйшую справку: „на этотъ разъ министръ былъ правъ. Поляки не пошли. Хорошій генералъ, Довборъ-Мусницкій оказался слѣпымъ политикомъ!" — Послѣ этого а parte, Вендзягольскій продолжаетъ описаніе. „Керенскій ложится, закрываетъ лицо руками. Чувствуется внутренняя слабость человѣка. Становится жалко. По угламъ шепчутся адьютанты и свита. По временамъ съ ихъ стороны падаетъ нерѣшительный совѣтъ. „А можетъ то, а можетъ это".

Савинковъ согласился съ Вендзягольскамъ, что при такой обстановкѣ около Керенскаго дѣлать нечего. Онъ предложилъ Керенскому съѣздить въ Быховъ и въ Минскъ. Керенскій согласился и подписалъ приказъ о погруженіи польской дивизіи, помѣченный 8-часами вечера 31 Октября. Правда, тотчасъ послѣ того, онъ отмѣнилъ это распоряженіе и приказалъ Савинкову выѣхать къ 17 корпусу въ Невель, затѣмъ снова перемѣнилъ рѣшеніе и приказалъ обоимъ остаться къ Гатчинѣ*). Савинковъ и Ведзягольскій этому приказанію не подчинились и, „провожаемые насмѣшками: удираютъ — молъ," въ 9 часовъ вечера 31 Октября уѣхали въ Псковъ.

Слухи о начавшихся переговорахъ быстро распространились въ Гатчинѣ и усилили броженіе среди казаковъ. Полковой комитетъ 9-го Донского полка явился къ Краснову около 5 часовъ пополудни съ просьбой всего полка — арестовать Керенскаго, какъ „измѣнника и предателя, вовлекшаго ихъ въ авантюру". Красновъ отвѣтилъ: „не намъ дано судить его. Казаки, которымъ онъ довѣрился, не могутъ унизиться до самосуда и предать своего высшаго начальника. Донъ никогда не простилъ бы намъ этого. Какъ глава государства, онъ если и сдѣлалъ что неправильно, не уйдетъ отъ народнаго суда". Казаки отвѣчали, что Керенскій можетъ убѣжать и Красновъ принужденъ былъ разрѣшить имъ выбрать казака для наблюденія за Керенскимъ. На дворцовомъ дворѣ, полномъ казаками, тотчасъ начались летучіе митинги на эту тему. Керенскій узналъ объ этомъ и вызвалъ Краснова, который подтвердилъ ему,

---

*) Въ воспоминаніяхъ Керенскаго говорится лишь о первой бумагѣ, съ командировкой въ Ставку. Керенскій иронически прибавляетъ: „мудрая предусмотрительность Савинкова, лишь подчеркивала атмосферу, которой я былъ окруженъ."

что „положеніе грозно", но обѣщалъ не допустить „выдачи" и поставить надежный караулъ. Пріѣхавшему изъ ставки французскому генералу Нисселю Красновъ сказалъ въ тотъ же вечеръ, что „считаетъ положеніе безнадежнымъ", хотя одинъ батальонъ иностранныхъ войскъ и могъ бы его спасти. „Ниссель выслушалъ, ничего не сказалъ и поспѣшно уѣхалъ".

Ночь на 1 Ноября прошла въ крайней тревогѣ. Въ мрачныхъ корридорахъ стараго Павловскаго дворца „толпились настороженные, обозленные люди". „Офицеры сбились въ одну комнату, спали на полу, не раздѣваясь. Казаки, не разставаясь съ ружьями, лежали въ корридорахъ и уже не вѣрили другъ другу". Въ комнатахъ Керенскаго, еще вчера переполненныхъ, не было ни души. До разсвѣта Керенскій „уничтожалъ всѣ бумаги и письма, которыхъ нельзя было оставить въ чужихъ рукахъ". Потомъ онъ „прилегъ на постель и задремалъ съ единственною мыслью, придутъ ли утромъ эшелоны?"

Въ 10 часовъ его внезапно разбудили. Вмѣсто перемирія, казаки, посланные въ Красное Село парламентерами, вернулись съ матроской делегаціей, съ Дыбенко во главѣ. Основное требованіе — безусловная выдача Керенскаго. Казаки готовы принять это условіе.

„Громаднаго роста, красавецъ мущина, съ вьющимися черными кудрями, сверкающій бѣлыми зубами, съ готовой шуткой на смѣющемся ртѣ, физическій силачъ позирующій на благородство", Дыбенко, по словамъ Краснова, „очаровалъ въ нѣсколько минутъ не только казаковъ, но и многихъ офицеровъ". „Давайте намъ Керенскаго, а мы вамъ Ленина предоставимъ — тутъ же у дворца и повѣсите". Красновъ выгналъ казаковъ, пришедшихъ къ нему съ этимъ предложеніемъ. Керенскій рѣшилъ . . . „вывести на свѣжую воду самого Краснова". Около полудня онъ вызвалъ его къ себѣ.

„Приходитъ — корректный, слишкомъ спокойный, разсказываетъ Керенскій. Потомъ, „нервность, смѣнившая наружное спокойствіе первыхъ минутъ, бѣгащіе глаза, странная улыбка — все это не оставляло никакихъ сомнѣній". Сомнѣній — въ чемъ? Керенскій и въ эту минуту не оставляетъ позы величія. Онъ бесѣдуетъ съ Красновымъ, какъ бесѣдовалъ съ В. Львовымъ, съ Крымовымъ. „Что происходитъ внизу? Какъ могъ онъ допуститъ матросовъ во дворецъ? Какъ могъ не предупредить, не освѣдомить? Красновъ длинно объясняетъ.

Вотъ какъ самъ ген. Красновъ передаетъ этотъ послѣдній разговоръ съ верховнымъ главнокомандующимъ:

„Я засталъ Керенскаго нервно шагающимъ по діагонали средней комнаты своей квартиры и въ сильномъ волненіи. Когда я вошелъ къ нему, онъ остановился противъ меня, почти вплотную ко мнѣ, и сказалъ взволнованнымъ голосомъ: генералъ, вы меня предали. Ваши казаки опредѣленно говорятъ, что они меня арестуютъ и выдадутъ матросамъ.

Да, отвѣчалъ я; разговоры объ этомъ идутъ, и я знаю, что ни сочувствія, ни вѣры въ васъ нигдѣ нѣтъ.

Но и офицеры говорятъ тоже.

Да, офицеры особенно настроены противъ васъ.

Что же мнѣ дѣлать? Остается одно: покончить съ собой.

Если вы честный человѣкъ и любите Россію, вы поѣдете сейчасъ, днемъ, на автомобилѣ съ бѣлымъ флагомъ въ Петроградъ и явитесь въ революціонный комитетъ, гдѣ переговорите, какъ глава правительства.

А. Ф. задумался; потомъ, пристально глядя мнѣ въ глаза, сказалъ: да, я это сдѣлаю, генералъ.

Я дамъ вамъ охрану и попрошу, чтобы съ вами на автомобилѣ поѣхалъ матросъ.

Нѣтъ, быстро возразилъ Керенскій. Только не матросъ. Вы знаете, что здѣсь Дыбенко.

Я.., отвѣтилъ, что не знаю, кто такой Дыбенко.

Это мой политическій врагъ, сказалъ мнѣ А. Ф. Керенскій.

Что же дѣлать, отвѣчалъ я. У человѣка, занимающаго столь высокое мѣсто, естественно есть друзья и враги. Вамъ приходится теперь дать отвѣтъ во многомъ; но если ваша совѣсть чиста, Россія, которая такъ любитъ васъ, поддержитъ васъ и вы доведете ее до Учредительнаго Собранія.

Хорошо, но я уѣду ночью, сказалъ, немного подумавши А. Ф. Керенскій.

Я не совѣтую вамъ дѣлать такъ, возразилъ я ему. Это будетъ походить на бѣгство. Поѣзжайте спокойно и открыто, какъ глава правительства.

Хорошо, но только дайте мнѣ надежный конвой.

Я вышелъ изъ его квартиры, потребовалъ себѣ казака Руссова (который былъ выбранъ для наблюденія за Керенскимъ) для того, чтобы вызвать надежныхъ людей для сопровожденія А. Ф. Керенскаго въ Петроградъ. *)

---

*) Цитирую этотъ разговоръ по первоначальному изложенію Краснова. Въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Архивѣ русской революціи", Красновъ

Собраны были дивизіонные комитеты и послѣ шестичасовыхъ переговоровъ, въ два часа пополудни, выработаны были слѣдующія условія перемирія:

1) полная амнистія и выпускъ на свободу всѣхъ юнкеровъ, офицеровъ и другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ борьбѣ, кромѣ имѣющихъ за собой обоснованное обвиненіе въ государственной измѣнѣ,

2) выпускъ на свободу и выдача надлежащихъ пропусковъ всѣмъ членамъ совѣта союза казачьихъ войскъ,

3) прекращеніе грабежей, насилій и неистовствъ надъ мирными жителями, если таковыя происходили, и впредь предотвратить,

4) свободный и организованный пропускъ всѣхъ семействъ казаковъ, находящихся въ Петроградѣ, съ правомъ вывезти необходимое имущество,

5) установленіе надежной охраны въ г. Гатчинѣ и окрестностяхъ послѣ отъѣзда казаковъ,

6) полная гарантія спокойствія и нормальной жизни въ гатчинской школѣ прапорщиковъ и авіаціонной школѣ,

7) дать возможность приготовить все для погрузки казаковъ отряда, не спѣша,

---

сводитъ весь разговоръ къ просьбѣ Керенскаго-замѣнить казачій караулъ у дверей — юнкерскимъ. Керенскій въ своихъ воспоминаніяхъ, однако же, помнитъ свое „послѣднее свиданіе“ съ Красновымъ полнѣе, и не зная текста первоначальной брошюры Краснова, излагаетъ нѣкоторыя черты разговора сходно съ разсказомъ Краснова. Привожу для сравненія разсказъ Керенскаго. „Красновъ съ чрезвычайною длительностью сталъ разъяснять, что это совѣщаніе съ матросами никакой особой важности не имѣетъ, что онъ пристально слѣдитъ черезъ вѣрныхъ людей за всѣмъ тамъ происходящимъ, что онъ считаетъ даже эти переговоры событіемъ чрезвычайно для насъ благопріятнымъ, Пусть ихъ тамъ говорятъ, разсуждалъ онъ: день пройдетъ въ разговорахъ, спорахъ, а къ вечеру положеніе разъяснится: придетъ пѣхота, и мы перемѣнимъ тонъ. (Это, дѣйствительно, была обычная тактика Краснова. П. М.) А что касается моей выдачи, то ничего подобнаго онъ никогда не приметъ. Я могу быть совершенно спокойнымъ. Но ему кажется что, можетъ быть, было бы полезно, если бы я самъ лично, конечно, съ хорошимъ эскортомъ — онъ его дастъ — поѣхалъ бы въ СПБ. непосредственно договориться съ партіями и даже со Смольнымъ. Да, это предпріятіе очень рискованное, но не слѣдуетъ ли не него рѣшиться во имя спасенія Государства?“ Что же, дѣйствительно, происходило „внизу“, между матросами и казаками. Пріѣхавшіе матросы, Дыбенко и Тушинъ, сразу заявили, что съ начальствомъ разговаривать они не намѣрены, а будутъ вести переговоры прямо съ отрядомъ.

8) немедленно по окончанiи переговоровъ открыть движенiе всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы дать возможность подвоза продовольствiя и всего необходимаго,

9) открыть всѣ заставы и установить свободное сообщенiе со столицей. Товарищи Ленинъ и Троцкiй, впредь до выясненiя ихъ невинности въ государственной измѣнѣ, не должны входить, какъ въ министерство, такъ и въ народныя организацiи. „Съ другой стороны было постановлено, по заслушанiи доклада представителей революцiоннаго комитета": „передать Керенскаго въ распоряженiе революцiоннаго комитета для преданiя гласному народному суду подъ охраной трехъ представителей отъ казаковъ, трехъ отъ партiй и трехъ отъ матросовъ, солдатъ и рабочихъ Петрограда. Обѣ стороны даютъ честное слово, что надъ нимъ и вообще не надъ кѣмъ ни въ коемъ случаѣ не будутъ допущены никакiя насилiя и самосуды".

Керенскiй, какъ видимъ, былъ правъ, что „внизу" происходилъ „торгъ о цѣнѣ его головы". Понятны, въ связи съ содержанiемъ этихъ рѣшенiй, которыя здѣсь переданы по даннымъ первоначальной брошюры Краснова, и совѣты Краснова Керенскому — поѣхать въ Петроградъ добровольно, съ надежнымъ эскортомъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ соглашенiя видны слѣды предложенiй Краснова о перемирiи, посланныхъ наканунѣ въ Красное Село. Едва ли, конечно, Красновъ могъ повѣрить въ добросовѣстность предложенiй „румянаго и веселаго красавца мужчины", Дыбенко, помѣнять Керенскаго на Ленина, „ухо на ухо".

Казаки, однако, этому вѣрили. Вскорѣ по принятiи приведенныхъ рѣшенiй, въ три часа дня къ Краснову, по его позднѣйшимъ воспоминанiямъ, „ворвался комитетъ 9-го Донского полка съ войсковымъ старшиной Лаврухинымъ. Казаки истерично требовали немедленной выдачи Керенскаго, котораго они подъ своей охраной отвезутъ въ Смольный. „Ничего ему не будетъ, говорили они: мы волоса на его головѣ не позволимъ тронуть".

Дальше въ показанiяхъ Краснова и Керенскаго начинается важное разнорѣчiе. Конецъ разговора своего со станичниками Красновъ передаетъ здѣсь такъ, какъ переданъ выше разговоръ его съ той же делегацiей 9-го Донского полка, происшедшiй (по первоначальной брошюрѣ Краснова) въ пять часовъ вечера наканунѣ, 31-го октября. Надо думать, что въ позднѣйшихъ воспоминанiяхъ произошло смѣшенiе, и тотъ же разговоръ отнесенъ къ 3 часамъ

1 ноября. Если это такъ, то и въ дальнѣйшемъ разсказѣ Краснова мы можемъ предполагать путаницу. Красновъ разсказываетъ слѣдующее.

„Когда они (казаки) вышли, я прошелъ къ Керенскому. Я засталъ его смертельно блѣднымъ, въ дальней комнатѣ его квартиры. Я разсказалъ ему, что настало время, когда ему надо уйти. Дворъ былъ полонъ матросами и казаками, но дворецъ имѣлъ и другіе выходы. Я указалъ на то, что часовые стоятъ только у параднаго входа. „Какъ ни велика вина ваша передъ Россіей, сказалъ я, не считаю себя въ правѣ судить васъ. За полчаса времени я вамъ ручаюсь". Выйдя отъ Керенскаго я устроилъ такъ, что надежный караулъ (обѣщанный депутаціей 9-го полка) долго не могли собрать. Когда онъ явился и пошелъ осматривать помѣщеніе, Керенскаго не было. Онъ бѣжалъ".

Керенскій въ своихъ воспоминаніяхъ утверждаетъ, что „все это вздоръ и вымыселъ", и что никакого свиданія съ Красновымъ непосредственно передъ побѣгомъ у него не было. Утвержденіе Керенскаго подтверждается не только подозрительно-театральнымъ тономъ обращенія, которымъ отличаются и части предыдущей бесѣды, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ своемъ первоначальномъ разсказѣ, составленномъ тогда, когда воспоминанія были свѣжѣе, Красновъ также ничего не говорилъ о второмъ разговорѣ съ Керенскимъ. Тамъ онъ разсказывалъ о бѣгствѣ Керенскаго, какъ совершенно неожиданномъ для него самого. Онъ описывалъ, какъ, послѣ приведеннаго выше разговора, происходившаго около полудня, онъ едва успѣлъ получить свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ съ казаками, отправить телеграмму въ ставку и вызвать къ аппарату казачьяго комиссара въ ставкѣ, какъ наткнулся къ комнатѣ офицеровъ штаба на растерянныхъ казаковъ и офицеровъ, сообщившихъ ему, что Керенскій бѣжалъ. „Это извѣстіе показалось мнѣ совершенно невѣроятнымъ", сообщаетъ Красновъ въ своемъ первоначальномъ „Описаніи". „Былъ полный день: корридоръ дворца (квартира Керенскаго выходила на два корридора, охранялся же только одинъ входъ, другой былъ запертъ), дворцовый дворъ и площадь передъ дворцомъ кишѣли казаками и солдатами. Какъ можно было бѣжать черезъ всю эту кипень людей такому примѣтному наружно человѣку, какимъ былъ А. Ф. Керенскій?" Изъ разспросовъ Красновъ установилъ, что Керенскій „ушелъ въ матросской курткѣ и синихъ очкахъ".

Повидимому, покрывая себя передъ начальствомъ, Красновъ

телеграфировалъ въ ставку ген. Духонину: „приказалъ арестовать главковерха: онъ успѣлъ скрыться“.

Отъ приказа арестовать до пособничества въ побѣгѣ — разстояніе, конечно, очень большое, и единственнымъ исходомъ изъ этого ряда внутреннихъ противорѣчій ген. Краснова является признать болѣе правильнымъ изложеніе Керенскаго, совпадающее съ первоначальнымъ свидѣтельствомъ самого Краснова. Керенскій разсказываетъ („Гатчина“) какъ послѣ своего „послѣдняго свиданія“ съ Красновымъ, изложеннаго выше, онъ „разсказалъ всю правду тѣмъ, кто еще оставался съ нимъ“. По его словамъ, тутъ же было рѣшено, что онъ съ адъютантомъ останется въ своихъ комнатахъ, но живымъ не сдастся, а съ наступленіемъ сумерокъ выйдетъ изъ дворца подземнымъ ходомъ, который былъ указанъ ему однимъ изъ высшихъ служащихъ дворца. Но въ третьемъ часу вбѣжалъ къ нему „тотъ самый солдатъ, который утромъ принесъ вѣсть о Дыбенко“ и сообщилъ, что „торгъ состоялся“ и что для ареста Керенскаго и выдачи его большевикамъ уже избрана смѣшанная комиссія. „Каждую минуту матросы и казаки могли ворваться“. „Я ушелъ изъ дворца, разсказываетъ Керенскій, за 10 минутъ до того, какъ предатели ворвались въ мои комнаты. Я ушелъ, не зная еще за минуту, что пойду. Прошелъ нелѣпо переодѣтый, подъ носомъ у враговъ и предателей. Я еще шелъ по улицамъ Гатчины, когда началось преслѣдованіе“... Потомъ на автомобилѣ онъ уѣхалъ по шоссе къ Лугѣ.

Адъютанты Керенскаго тогда же сообщили печати слѣдующее оффиціальное объясненіе его исчезновенія. „Около 3-хъ часовъ дня, когда стала извѣстной вся безнадежность создавшейся обстановки для А. Ф. Керенскаго, — рѣшеніе казаковъ выдать его большевикамъ, по его мнѣнію должно было повлечь за собой самосудъ: тѣмъ болѣе, что у него не было надежды на то, что его дѣло будетъ разматриваться въ условіяхъ нормальнаго политическаго процесса, — онъ рѣшился временно скрыться, съ тѣмъ, чтобы, когда улягутся страсти и настроеніе общества будетъ болѣе объективнымъ, объяснить странѣ, какъ обстановку, въ которой онъ дѣйствовалъ въ послѣдніе дни, такъ и тѣ причины которыя заставили его рѣшиться сдѣлать этотъ шагъ“.

Въ самый моментъ обнаруженія бѣгства Керенскаго комиссаръ сѣвернаго фронта Войтинскій сообщилъ ген. Краснову, что „соглашеніе между отрядомъ Краснова и представителями Петроградскаго гарнизона достигнуто на основаніи низложенія Керен-

скаго". Въ Псковъ и въ ставку Войтинскій послалъ слѣдующія телеграммы. Въ Псковъ: (послѣ только что приведенной фразы) „предпишите немедленно остановить всѣ двигающіеся къ Петрограду эшелоны и прекратить всякія дѣйствія, связанныя съ формированіемъ отряда Керенскаго". Наштаверху: (послѣ того же сообщенія)—всѣ проявленія гражданской войны должны быть немедленно ликвидированы. Въ частности, прекратите движеніе эшелоновъ и извѣстите всѣхъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій между столкнувшимися сторонами." „Всѣмъ, Всѣмъ", была послана третья телеграмма: (послѣ той же вступительной фразы) „вопросъ управленія Россіей этимъ соглашеніемъ не предрѣшается, но устанавливается безусловное прекращеніе гражданской войны. Керенскій покинулъ отрядъ".

Въ первую очередь предстояла ликвидація Красновскаго похода. Казачій комиссаръ при ставкѣ Шапкинъ, еще не зная о соглашеніи и исчезновеніи Керенскаго, телефонировалъ Краснову, что казачьимъ частямъ надо соединиться и добиваться пропуска на Донъ, а Керенскому, не выдавая его, — „чего не допускаетъ казачья честь", — надо „дать возможность скрыться". Слухъ объ этомъ разговорѣ немедленно дошелъ до казаковъ, и мысль объ уходѣ домой окончательно разрушила въ ихъ средѣ остатки дисциплины. Офицеры пребывали въ состояніи растерянности, когда колонна солдатъ Л. Гв. Финляндскаго полка въ нѣсколько тысячъ человѣкъ въ стройномъ порядкѣ безпрепятственно прошла казацкія заставы и подошла въ дворцу. „Казаки оставили меня и разбѣжались, куда попало", разсказываетъ Красновъ. За финляндцами шли матросы, за матросами красная гвардія. Въ окна, сколько было видно, все было черно отъ черныхъ шинелей матросовъ и пальто красной гвардій. Тысячъ двадцать народа заполнило Гатчину, и въ ихъ темной массѣ совершенно растворились казаки.

О заключенномъ перемиріи вновь приходившія части ничего не знали и считали, что они „взяли Гатчину". Солдаты, матросы, красногвардейцы, казаки — все перемѣшалось. Смѣшанная толпа наполнила корридоры, лѣстницы и комнаты дворца. Они „шатались по корридорамъ, тащили ковры, подушки, матрацы". „Прибывшіе съ матросами народные комиссары Дыбенко и мичманъ Раскольниковъ (Рошаль) сбивались съ ногъ, успокаивая непослушное свое войско. Всюду стоялъ гомонъ голосовъ, происходили летучіе митинги, шли споры, легко переходившіе въ брань. Матросы упрекали казаковъ въ томъ, что они шли за Керенскимъ, казаки

упрекали матросовъ въ томъ, что они стояли за Ленина... Обѣ стороны упорно открещивались отъ своихъ вождей и до хрипоты кричали, что они стоятъ за Учредительное Собраніе".

Въ 11 часовъ ночи Красновъ отправилъ телеграмму въ ставку, въ которой сообщалъ о разложеніи казаковъ и прибавлялъ: „Ночуемъ, окруженные часовыми финляндцевъ (Финл. полка), стоящими въ вперемежку съ нашими". Послѣдовала тревожная ночь на 2-е ноября: Въ 1 часъ ночи явился главнокомандующій Петроградскими войсками, „подполковникъ Муравьевъ и объявилъ ген. Краснова съ штабомъ арестованными "именемъ врем. правительства". Увѣдомленные о томъ, что это правительство уже заключило перемиріе, однимъ изъ условій котораго является отказъ отъ ареста и насилія, Муравьевъ смутился и извинился. Вопросъ объ арестѣ былъ исчерпанъ, но Муравьевъ потребовалъ пріѣзда ген. Краснова въ Смольный „для допроса".*) За позднимъ временемъ поѣздка была отложена на утро. Утромъ въ Гатчинскій Дворецъ пріѣхалъ посланецъ изъ Смольнаго, увѣрившій Краснова, что допросъ продолжится „не болѣе часа". Красновъ поѣхалъ.

Въ Смольномъ переполненномъ вооруженными „товарищами" часовыми и канцелярскими барышнями, Краснова помѣстили въ комнату, гдѣ уже содержались другіе лица, прикосновенные къ защитѣ временнаго правительства: одинъ адъютантъ Керенскаго, комендантъ Гатчинскаго дворца и т. д. Черезъ нѣсколько часовъ явился матросъ для вопроса Краснова, „по чему приказу онъ выступилъ и какъ бѣжалъ Керенскій". Скоро однако, нормальный ходъ этаго разслѣдованія былъ нарушенъ появленіемъ всего комитета І-й Донской дивизіи, въ сопровожденіи Дыбенко. Между ними и прапорщикомъ Крыленко шелъ споръ. Крыленко требовалъ чтобы, отправляясь на Донъ, казаки выдали пушки. Казаки отказывались и настаивали на своемъ. Въ этотъ моментъ, не считая еще свое дѣло окончательно выиграннымъ, большевики ихъ боялись. Крыленко спрашивалъ Краснова, правда ли, что ген. Калединъ уже подъ Москвой. Черезъ начальника штаба Краснова Троцкій давалъ понять Краснову, что онъ можетъ получить высокій постъ у большевиковъ.

Въ виду явнаго нежеланія Краснова пойти на это предложеніе

---

*) Въ „Архивѣ" Красновъ говоритъ, что его вызвали въ Смольный тутъ же ночью Дыбенко, Тарасовъ и Родіоновъ, гвардейскій подпоручикъ, „для переговоровъ, что дѣлать съ казаками" и давали честное слово черезъ часъ вернуть обратно.

онъ былъ объявленъ подъ домашнимъ арестомъ и отвезенъ на свою квартиру. Крыленко объявилъ, что договоръ съ казаками анулированъ народными комиссарами, такъ какъ не исполненъ первый пунктъ его — выпущенъ Керенскій. Спутникъ Краснова отвѣтилъ, что тогда не исполненъ и послѣдній пунктъ, ибо Ленинъ и Троцкій не подъ слѣдствіемъ, а во главѣ власти. Послѣдовали переговоры о томъ, куда двинуть казаковъ изъ Гатчины, оставить ли у нихъ пушки или отобрать и т. д. Такъ прошли 2, 3 и 4 ноября, и все это время ген. Краснова продержали подъ домашнимъ арестомъ. Въ виду настойчивости, проявленной казаками, ихъ желанія были въ концѣ концовъ удовлетворены, отрядъ направленъ въ Великіе-Луки, куда поѣхалъ и Красновъ. Ночью 10-го ноября первая донская казачья дивизія отправлена на Донъ. Красновъ писалъ Каледину, что туда придутъ совершенно небоеспособныя и разложившіяся части, которыя надо распустить по домамъ и замѣнить новой молодежью. Калединъ отвѣчалъ, что для этого у него нѣтъ власти. Красновъ „понялъ, что теченіе несло неудержимо къ большевикамъ".

Отношеніе ставки ко всему совершившемуся опредѣлилось въ самый день исчезновенія Керенскаго, 1-го ноября. Это явствуетъ изъ слѣдующей телеграммы ген. Духонина, разосланной послѣ полученія приведенныхъ выше телеграммъ Войтинскаго. „Сегодня, 1-го ноября, войсками ген. Краснова, собранными подъ Гатчиной, было заключено съ гарнизономъ Петрограда перемиріе, дабы остановить кровопролитіе гражданской войны. По донесеніямъ ген. Краснова, главковерхъ Керенскій оставилъ отрядъ, и мѣсто пребыванія его не установлено.

Вслѣдствіе сего, на основаніи положенія о полевомъ управленіи войскъ я вступилъ во временное исправленіе должности верховнаго главнокомандующаго и приказалъ остановить дальнѣйшую отправку войскъ на Петроградъ. Въ настоящее время между различными политическими партіями происходятъ переговоры для формированія временнаго правительства. Въ ожиданіи разрѣшенія кризиса, призываю войска фронта спокойно исполнять свой долгъ передъ родиной, дабы не дать противнику возможности воспользоваться смутой, разразившейся внутри страны, и еще болѣе углубиться въ предѣлы родной земли. Духонинъ".

„Переговоры между политическими партіями", о которыхъ упоминается здѣсь, очевидно, происходили не въ ставкѣ, а въ Петроградѣ. Въ ожиданіи ихъ окончанія, ген. Духонинъ всталъ на

единственно возможную формальную точку зрѣнія. Но практически эта позиція равнялась отказу отъ дальнѣйшей поддержки правительства Керенскаго. Всѣ усилія Савинкова и Вендзягольскаго, выѣхавшихъ изъ Гатчины съ цѣлью убѣдить арміи фронта продолжать борьбу, были, такимъ образомъ, заранѣе осуждены на неудачу. Въ Псковѣ, куда они выѣхали 1-го ноября, они окончательно выснили, что именно распоряженіями ген. Черемисова, а вовсе не большевистскими настроеніями пѣхотныхъ частей объяснялось, главнымъ образомъ, то опозданіе, которое стало причиной неудачи похода ген. Краснова. Двусмысленная позиція главнокомандующаго сѣвернымъ фронтомъ заставила и его подчиненныхъ быть крайне уклончивыми. Начальникъ штаба ген. Лукирскій сидѣлъ дома и не ходилъ въ штабъ. Онъ призналъ, что приказы Черемисова обнаруживаютъ его нежеланіе допустить движеніе пѣхотныхъ частей въ Петроградy, но отъ дальнѣйшаго обсужденія причинъ, побужденій и послѣдствій этой тактики главнокомандующаго отказался. Ген. Барановскій, родственникъ Керенскаго, отвѣтилъ пріѣзжимъ: „въ моемъ положенін мнѣ неудобно вмѣшиваться во все это", Ген. Духонинъ, запрошенный Савинковымъ по аппарату 3-го ноября, отвѣтилъ только, что приглашаетъ бывшаго управляющаго военнымъ министерствомъ лично прибыть въ ставку, Уже 4-го ноября, Савинковъ отвѣтилъ на это приглашеніе письмомъ изъ Луги, что не можетъ пріѣхать, потому что „его ищутъ", но что, при безостановочномъ движеніи эшелоновъ, въ Лугѣ еще можетъ собраться отрядъ въ 2—5 пѣхотныхъ дивизій, который „при достаточной артиллеріи и хотя бы небольшихъ конныхъ частяхъ", могъ бы „безъ особаго труда", предпринять походъ на Петроградъ, который „долженъ увѣнчаться успѣхомъ". Не дожидаясь отвѣта, Савинковъ снова ѣдетъ въ Псковъ и дѣлаетъ безнадежную попытку убѣдить дивизіонный комитетъ и штабъ, что Черемисова, который сошелся съ большевиками, надо арестовать.

Дивизіонный комитетъ пытался „всячески выпрямлять извилистые пути" эшелоновъ, разбрасываемыхъ Черемисовымъ въ разныя стороны. Дѣйствительно, 3 ноября приходитъ первый эшелонъ 35 дивизіи. Но за нимъ не слѣдуютъ другіе. И „дисциплина беретъ верхъ". Рѣшено обратиться еще разъ къ высшей власти къ ген. Духонину. Савинковъ и Вендзягольскій шлютъ ему 5-го ноября телеграмму, въ которой просятъ срочно указать, „сосредоточиваться ли частямъ 35-й и 3-ей финляндской дивизіи въ районѣ Луги или отбывать по другимъ направленіямъ". Черемисову они

телеграфируютъ одновременно, что „при возстановленіи законнаго временнаго правительства ими будетъ ему доложено о его противорѣчивыхъ распоряженіяхъ, кои могутъ дать поводъ усмотрѣть въ нихъ нежеланіе защищать законную власть въ столь отвѣтственную минуту“. Части 35-ой дивизіи, получившія наканунѣ приказъ Черемисова грузиться обратно, изъ Луги на Псковъ, отказываются выполнить этотъ приказъ.

Все это были послѣднія судороги. 5-го ноября пришло распоряженіе Духонина, подтверждавшее приказъ Черемисова. Еще наканунѣ 4-го ноября, Духонинъ повторилъ свой приказъ отъ 1-го ноября, остановившій дальнѣйшую отправку войскъ на Петроградъ. Съ какимъ настроеніемъ онъ это дѣлалъ, видно изъ его разговора по аппарату съ новымъ начальствомъ, прапорщикомъ Крыленко. Въ эти же дни Крыленко прямо спрашивалъ Духонина: „Какъ и чего мы можемъ ждать съ вашей стороны по отношенію къ создавшемуся положенію вещей“. Духонинъ, который въ телеграммѣ отъ 27-го октября Каледину завѣрялъ . . ., „что мы всѣ въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ комиссарами и войсковыми комитетами . . . до послѣдняго предѣла будемъ бороться для возстановленія въ данное время временнаго правительства и Совѣта Республики“, не могъ сразу рѣшиться признать, что наступилъ „послѣдній предѣлъ“. Положивъ фактически самъ этотъ предѣлъ своимъ распоряженіемъ объ остановкѣ движенія эшелоновъ, и, конечно, не раздѣляя упорной настойчивости Савинкова и его упрямаго оптимизма, Духонинъ, однако, не могъ рѣшиться и на признаніе новой власти. Онъ отвѣчалъ Крыленко: „ставка не можетъ . . . принять участіе въ рѣшеніи вопроса о законности верховной власти . . . Я, какъ временно исполняющій должность в. г., готовъ войти въ д ѣ л о в ы я сношенія съ генераломъ Маниковскимъ. „На повторныя заявленія Крыленко, что рѣчь идетъ собственно не объ этомъ, а о прекращеніи передвиженія войскъ, возбуждающаго „волненія гарнизона Петрограда“, Духонинъ отвѣчалъ односложной справкой: „мой приказъ 1-го ноября выполняется“. Печатая юзограмму этихъ переговоровъ, „Извѣстія“ прибавили отъ себя, что „такъ могутъ поступать только люди, которые еще пока не знаютъ, чего держаться“ и что ген. Духонинъ, конечно, не можетъ остаться на своемъ посту разъ въ такой критическій моментъ онъ колеблется безоговорочно признать власть совѣтовъ“. Такъ готовилась агонія ставки и личная трагедія Духонина.

Сопротивленіе арміи перевороту большевиковъ было, такимъ

образомъ, остановлено на первыхъ робкихъ попыткахъ. Савинкову и Вендзягольскому оставалось спасаться самимъ, что они и сдѣлали, вернувшись въ Псковъ съ погрузившимися воинскими частями. Въ моментъ ихъ отъѣзда, 6-го ноября утромъ, развѣдка сообщила, что на вокзалѣ въ Лугѣ уже находятся Дыбенко и Рошаль во главѣ отряда матросовъ и что солдаты съ ними братаются... Въ Псковѣ было получено новое распоряженіе ген. Духонина: направлять всѣ части, двигающіяся на Лугу, обратно въ Невель и въ первоначальныя мѣста погрузки.

Въ Петроградѣ сопротивленіе большевикамъ послѣ 25-го октября сосредоточилось въ рукахъ „комитета спасенія родины и революціи", созданнаго городской думой. Одновременно борьбой руководила военная комиссія при центральномъ комитетѣ партіи с. р. Связь между комитетомъ и комиссіей поддерживалась тѣмъ, что нѣкоторые члены, какъ Гоцъ, участвовали и тамъ, и здѣсь.

Вѣроятно, въ этой средѣ существовало убѣжденіе, высказанное Керенскимъ („Гатчина"), что „въ СПБ. гарнизонѣ, какъ въ полкахъ, такъ и въ спеціальныхъ войскахъ, было еще достаточно организованныхъ антибольшевистскихъ элементовъ, готовыхъ при первомъ удобномъ случаѣ выступить противъ большевиковъ". Мы видѣли, что между Петроградомъ и Гатчиной не прерывались сношенія, цѣлью которыхъ, очевидно, была координація борьбы. Извѣстія, получавшіяся въ Гатчинѣ, были то оптимистическія, то, наоборотъ, очень пессимистическія (см. выше). Можно сказать, что Петроградъ возлагалъ надежды на Гатчину, а Гатчина на Петроградъ.

Изъ показаній Ракитина-Брауна, Краковецкаго и Фейта въ Московскомъ процессѣ с-р-овъ въ іюнѣ 1922 года видно, что военной комиссіей с. р. былъ разработанъ планъ возстанія, цѣлью котораго былъ захвать Смольнаго и ударъ въ тылъ стоявшимъ противъ отряда Краснова въ Гатчинѣ частей Петроградскаго гарнизона. Планъ этотъ былъ утвержденъ на особомъ совѣщаніи, въ которомъ участвовали Авксентьевъ, Гоцъ, Богдановъ и полк. Полковниковъ (подозрѣнія противъ послѣдняго, высказывавшіяся Керенскимъ и нѣкоторыми министрами, тѣмъ самымъ оказываются преувеличенными). Успѣхъ плана зависѣлъ отъ согласованія его съ движеніями Красновскаго отряда, а также, разумѣется, отъ численности войскъ, которыя примутъ участіе въ выполненіи. Но части Петроградскаго гарнизона, вопреки разсчетамъ с. р. и комитета спасенія, уклонились отъ участія. Единственнымъ надежнымъ элементомъ оказались юнкера. И какъ-разъ тутъ случилось обстоятель-

ство, которое повело къ провалу всего предпріятія и къ кровавой расправѣ съ юнкерами. Въ Смольномъ узнали о планѣ с. р-овъ.

Получивъ объ этомъ свѣдѣнія, разсказываетъ Ракитинъ, мы (по смыслу показанія — инициаторы плана) рѣшили форсировать событія и, не дожидаясь прихода Керенскаго, въ Гатчину, (очевидно, деталь неточная) поднять возстаніе.

Я (Ракитинъ) составилъ приказъ, въ которомъ говорилось, что власть большевиковъ свергнута и что всѣ члены военно-революціоннаго комитета должны быть задержаны. Этотъ приказъ должны были подписать Авксентьевъ, Гоцъ, я и Синани".

Въ даномъ случаѣ инициаторы, очевидно, пошли дальше руководителей. По разсказу Керенскаго, „въ засѣданіи военнаго совѣта, происходившемъ вечеромъ 28-го октября, никакой резолюціи о немедленномъ возстаніи принято не было". Это произошло позже, когда засѣданіе кончилось и большая часть участниковъ его разошлась. *) Въ этотъ моментъ въ помѣщеніе засѣданія совѣта явилось нѣсколько военныхъ съ извѣстіемъ, „которое Керенскій называетъ крайне тревожнымъ, но едва ли вѣрнымъ". Военные заявили, что „большевики, узнавъ о готовящихся событіяхъ, рѣшили съ утра 29-го приступить къ разоруженію всѣхъ военныхъ училищъ". Они выводили отсюда, что „больше медлить нельзя, завтра же нужно рисковать".

Этотъ ходъ событій обясняетъ почему, когда нужно было подписать приказъ (составленный Ракитинымъ) „на лицо не оказалось ни Авксентьева, ни Гоца". Гоцъ заявилъ на судѣ, тотчасъ послѣ показанія Ракитина, что онъ не видалъ приказа, а потому и не подписывалъ. Инициаторы возстанія, однако, передъ этимъ не остановились. „Мы, говоритъ Ракитинъ, рѣшились опубликовать приказъ, поставивъ на немъ ихъ фамиліи". **)

Это едва ли была „провокація", какъ выражается Керенскій. Но это, во всякомъ случаѣ. была крайняя неосторожность и опрометчивость, повлекшая за собой роковыя послѣдствія.

---

*) Это показаніе потвердилъ и Авксентьевъ автору этихъ строкъ. Онъ не участовалъ въ военномъ совѣщаніи, о которомъ идетъ рѣчь, но, находясь, въ качествѣ предсѣдателя совѣта крестьянскихъ депутатовъ. въ томъ же зданіи. въ которомъ происходили эти совѣщанія, по окончаніи засѣданія поздно ночью, вмѣстѣ съ Гоцемъ вышелъ изъ зданія и Гоцъ сказалъ ему, что на завтрашній день ничего не рѣшено и день прйдетъ спокойно.

**) „Черезъ три дня послѣ подавленія возстанія", добавляетъ Ракитинъ „въ печати появилось письмо Авксечтьева, Гоца и Синани съ заявленіемъ, что они указаннаго приказа не подписывали".

Утромъ 29-го октября началась канонада, „происхожденіе и смыслъ которой“, по свидѣтельству Керенскаго, „оставались совершенно непонятными большинству гражданскихъ и военныхъ руководителей антибольшевистскаго движенія въ СПБ“. Ракитинъ показываетъ, что начало возстанія было удачно, и что въ этотъ моментъ онъ распространилъ заготовленный имъ приказъ отъ имени „комитета спасенія“. Но, очевидно, сразу же обнаружилось крайнее неравенство силъ, — началась расправа.

Мы имѣемъ свидѣтельство очевидца, И. Кузьмина, напечатанное въ органѣ правыхъ с. р., „Народъ“, о томъ, что происходило 29-го октября въ Петроградѣ. „Съ 7-8 ч. утра начала лась осада Владимірскаго военнаго училища. Я былъ разбуженъ пальбой изъ пушекъ, пулеметовъ и ружей. Юнкера и женскій ударный батальонъ отстрѣливались до 2-хъ часовъ и потомъ сдались. Съ той и другой стороны были раненые и убитые. Сколько ихъ, я не знаю. Въ стѣнахъ училища пробиты бреши; двери и окна разбиты и разворочены... Съ момента сдачи толпа вооруженныхъ звѣрей съ дикимъ ревомъ ворвалась въ училище и учинила кровавое побоище. Многіе были заколоты штыками, — заколоты безоружные! Мертвые подвергались издѣвательствамъ: у нихъ отрубали головы, руки, ноги. Убійцы грабили мертвыхъ и снимали съ нихъ шинели и сапоги, тутъ же надѣвая ихъ на себя.

Оставшихся въ живыхъ повели группами подъ усиленнымъ конвоемъ въ Петропавловскую крѣпость, подвергая ихъ издѣвательствамъ и провожая ругательствами и угрозами. Это было кровавое шествіе на Голгофу. Здѣсь свершилось. На вопросъ, что дѣлать въ плѣнными, послѣдовало распоряженіе: „разстрѣлять“. Раздалась команда первой группѣ юнкеровъ: „становись въ ряды“. Юнкера съ блѣдными лицами выстроились у стѣны.

Однако, солдаты, которымъ былъ порученъ разстрѣлъ, съ проклятіями бросили ружья въ сторону и убѣжали.

Кто добровольно хочетъ стрѣлять?

Юнкера стояли и ждали.

Потомъ — нѣсколько залповъ, и они упали.

Приводили еще партіи юнкеровъ и женщинъ изъ ударнаго батальона. Повидимому ихъ тоже разстрѣливали, хотя очевидецъ разстрѣла первой партіи юнкеровъ не былъ свидѣтелемъ разстрѣла двухъ партій: онъ бѣжалъ отъ ужасовъ и только по раздавшимся залпамъ заключилъ, что и другія партіи разстрѣляны. Это происходило днемъ, въ центрѣ города... Очевидецъ-солдатъ, кото-

рый разсказалъ мнѣ о злодѣяніи, совершившемся въ Петропавловской крѣпости, закрылъ лицо руками и, плача, отошелъ въ сторону ... "

Вотъ другое свидѣтельство, въ письмѣ А. И. Шингарева въ „Русскія Вѣдомости" отъ 27-го октября.

„Артиллерійскимъ огнемъ не только покорено юнкерское Владимірское училище, но и разрушены сосѣднія дома, убиты и ранены дѣти, женщины, разстрѣляно мирное гражданское населеніе. Сдавшіеся юнкера на городской телефонной станціи выводились на улицу и здѣсь звѣрски убивались; еще живые, съ огнестрѣльными ранами, сбрасывались въ Мойку, добивались о перила набережной и разстрѣливались въ водѣ. Убійцы-мародеры тутъ же хладнокровно грабили ихъ, отнимая сапоги, деньги и цѣнныя вещи. Разсказъ комиссара адмиралтейскаго района объ этихъ фактахъ, лично имъ наблюдавшихся, вызвалъ стоны и крики въ засѣданіи Городской Думы.

... Еще вчера отъ одного изъ гласныхъ я слышалъ фактическое описаніе обыска въ одной изъ женскихъ организацій. Были издѣвательства, безмѣрная наглость и грубость, аресты. Во время обыска исчезли цѣнныя вещи, серебряныя ложки, платья, деньги. Новые жандармы унесли съ собой все, что имѣло въ ихъ глазахъ какую либо цѣнность, но оставили кое-что и свое: на полу послѣ ихъ ухода нашлась германская марка."

Такъ положено было въ столицѣ формальное начало гражданской войны, начало той безконечной цѣпи страданій неорганизованныхъ массъ отъ вооруженнаго господства организованныхъ шаекъ, въ которой погибла русская государственность. Процессъ распада власти который мы слѣдили на протяженіи всего нашего изложенія, здѣсь пришелъ къ своему естественному, давно предсказанному и предвидѣнному концу. Въ процессѣ разрушенія отступила, въ сущности на второй планъ даже та идеологія, во имя которой это разрушеніе совершалось. Вожди новаго переворота были вовлечены въ тотъ же стихійный процессъ, которому открыли путь и не могли противиться ихъ предшественники. Этотъ контрастъ между возвышенными лозунгами, предполагавшими исключительное и неограниченное господство государства надъ частными интересами, и печальной дѣйствительностью, въ которой групповые интересы привилегированной кучки получили неограниченную свободу злоупотребленія среди разбушевавшагося океана народныхъ страстей, — составитъ предметъ слѣдующей части нашей исторіи.

Намъ остается теперь разсказать о послѣдней попыткѣ спасти гибнущую государственную власть. Взятіе Петрограда и центральнаго правительственнаго аппарата большевиками еще не рѣшало вопроса, подчинится ли вся Россія захвату власти солдатами петроградскаго гарнизона. Слово было за Москвой.

Коммунистическая партія въ Москвѣ была, конечно, въ курсѣ всего, что происходило въ Петроградѣ. Какъ и въ Петроградѣ, здѣсь боролись два теченія: за и противъ возстанія и немедленнаго захвата власти. Бухаринъ, Осинскій, Смирновъ стояли за возстаніе, ссылаясь на мнѣніе Ленина. Ногинъ, Рыковъ, Скворцовъ, Норовъ возражали. За недѣлю до октябрскаго возстанія въ редакціи московскаго „Соціалъ-демократа" обсуждалось письмо Ленина, въ которомъ московскій комитетъ партіи приглашался взять на себя иниціативу возстанія, если Ц. К. и Петроградскій комитетъ не захотятъ взять на себя отвѣтственности. Въ партійномъ совѣщаніи руководитель военной организаціи Ярославскій доложилъ, что „огромное большинство солдатъ на сторонѣ пролетаріата". Мѣшалъ только совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, гдѣ продолжали преобладать с. р-ы. Для окончательнаго рѣшенія собрана была въ большой аудиторіи Политехническаго музея общегородская конференція коммунистической партіи, которая, послѣ докладовъ Осинскаго, Сѣмашко и Смирнова единогласно вотировала возстаніе.

Наканунѣ октябрскаго возстанія въ Петроградѣ московскіе представители, Рыковъ и Ломовъ участвовали въ совѣщаніяхъ въ Смольномъ, на которыя являлся Ленинъ, бритый и въ парикѣ. Въ день возстанія Ломовъ былъ отряженъ въ Москву „брать тамъ вмѣстѣ съ товарищами власть". Партійныя организаціи коммунистовъ — (Московскій комитетъ, Окружный комитетъ и Областное Бюро) немедленно выдѣлили изъ себя центръ, который занялся объединеніемъ работы этихъ организацій въ Москвѣ и мобилизаціей, „по условленному конспиративному призыву" всѣхъ партійныхъ силъ въ губерніи и въ области на помощь Москвѣ.*)

Прежде, чѣмъ перейти къ разультатамъ этой дѣятельности партійныхъ учрежденій, посмотримъ, что предпринималось на ан-

---

*) Дѣятельность коммунистовъ въ московскомъ возстаніи изложена по воспоминаніямъ участниковъ, печатавшихся въ московскихъ коммунистическихъ газетахъ 1917 и 1918 г. и переизданныхъ въ сборникѣ: „Москва въ октябрѣ 1917 г. Иллюстрированный сборникъ замѣтокъ и воспоминаній участниковъ движенія. Подъ редакціей и со вступительной статьей Н. Овсянникова. Москва, 1919.

тибольшевистскомъ лагерѣ при первыхъ извѣстіяхъ о петроградскихъ событіяхъ 25 октября. Средоточіемъ московскихъ противниковъ большевиковъ съ самаго начала явилась городская дума. Городской голова В. В. Рудневъ с. р., немедленно созвалъ экстренное засѣданіе думы и предложилъ ей высказаться по поводу переворота. Лично онъ высказался отрицательно, и даже въ случаѣ, если перемѣна правительства будетъ признана необходимой, считалъ возможнымъ только правительство коалиціонное, а не чисто соціалистическое. Въ защиту переворота выступилъ большевикъ Скворцовъ, сообщившій собранію, что захватъ власти совѣтами „хорошо организованъ и совершается почти безболѣзненно. Ему возражалъ Н. И. Астровъ, представитель партіи народной свободы, находившій, что „безболѣзненность" переворота не исключаетъ насилій и погромовъ, а хитрая обдуманность плана свидѣтельствуетъ объ участіи германцевъ. Астровъ предлагалъ Думѣ создать органъ для руководства защиты столицы и охраны жизни и имущества населенія. Ораторы-меньшевики разошлись между собой. С—Р.-ы поддерживали Руднева и временное правительство. Въ заключеніе было принято воззваніе къ московскому населенію — сплотиться вокругъ Думы для защиты временнаго правительства, и рѣшено было поручить управѣ — создать при городскомъ управленіи комитетъ общественной безопасности съ представительствомъ демократическихъ организацій. Съ утра 26 октября и было приступлено къ организаціи этого комитета.

По идеѣ с. р., комитетъ долженъ былъ быть составленъ не изъ представителей комитетовъ политическихъ партій, а изъ представителей учрежденій. Этимъ устранялись междупартійные споры; этимъ же, съ другой стороны, опредѣлился и фактическій перевѣсъ тѣхъ политическихъ группъ, которыя преобдадали въ составѣ объединенныхъ въ комитетѣ учрежденій. Въ комитетъ безопасности вошли, такимъ образомъ: президіумъ городской управы, въ лицѣ городского головы Руднева и трехъ его товарищей, представители уѣзднаго земства, президіумъ совѣта солдатскихъ депутатовъ, *) исп. комитетъ крестьянскихъ депутатовъ, представители желѣзно-дорожнаго и почтово-телеграфнаго союзовъ, представители штаба военнаго округа. Представители думскихъ фракцій т. е. политическихъ группъ, были допущены лишь для освѣдомленія, въ качествѣ информаціоннаго комитета.

---

*) При этомъ большевики отказались послать своего представителя.

Комитетъ объявлялъ, что всѣ обязательныя распоряженія могутъ публиковаться только отъ его имени и ставилъ своей задачей „защиту порядка и безопасности" и „уменьшеніе испытаній, которыя грозятъ населенію". Командующій войсками московскаго округа, въ своемъ приказѣ отъ 26 октября „призывалъ не поднимать никакой гражданской войны, охранять національныя цѣнности и казенныя учрежденія и не допускатъ никакихъ выступленій темныхъ силъ и погромовъ".

Ограниченіе комитета пассивной задачей охраны безопасности вытекало изъ тогдашняго настроенія. Психологіи немедленнаго призыва къ борьбѣ не было на лицо, и даже тѣ, кто съ самого начала видѣлъ неоходимость борьбы, считали необходимымъ привести населеніе постепенно къ сознанію этой необходимости. Городская Дума, взявшая на себя руководство защитой, принципіально не хотѣла призывать къ гражданской войнѣ. Она лишь брала на себя своеобразную роль политическаго прикрытія между арміями и мятежниками. Это была, по выраженію одного с. р-а, виднаго участника событій, „педантически-государственная концепція". Не признавая переворота, думскій комитетъ взывалъ къ странѣ и къ фронту: „рѣшающій голосъ въ борьбѣ долженъ былъ принадлежать по этой концепціи всей демократіи Россіи и дѣйствующей арміи".

Получивъ отъ министра Никитина право пользоваться телеграфомъ, Комитетъ аппелировалъ на рѣшеніе Петрограда къ странѣ. На тысячи телеграммъ онъ получилъ сотни отвѣтовъ. Но они запоздали и пришли послѣ развязки. Ошибочна была и надежда продержаться, пока не выскажется фронтъ: мы видѣли, что фронтъ самъ выжидалъ пока не явилась возможность перейти на сторону побѣдителя. Вся надежда въ Москвѣ возложена была на командованіе округомъ, но представитель командованія, полк. Рябцовъ, два первые дня отсутствовалъ въ комитетѣ. Онъ былъ въ Кремлѣ и . . . переговаривался съ большевиками. Приказаній отъ Комитета онъ не получалъ и въ силу упомянутой основной „концепціи" Комитета.

Для большевиковъ, напротивъ, все было ясно. Къ своей цѣли они шли ни на кого не полагаясь и не оглядываясь направо и налѣво. Одновременно съ засѣданіемъ Городской Думы 25 октября состоялось засѣданіе совѣта р. и с. д., на которомъ приняты были рѣшенія желательныя большевикамъ. Правда, этому засѣданію предшествовалъ общій сговоръ фракцій совѣта, и бюро фракцій

вынесло выработанную сообща платформу, сообразно которой предполагалось „для охраны порядка и борьбы съ натискомъ контръ-революціонныхъ силъ образовать временный общедемократическій революціонный органъ въ составѣ представителей отъ совѣтовъ р.с. и крест. депутатовъ, представителей городского и земскаго самоуправленій, штаба округа и всероссійскихъ желѣзно-дорожнаго и почтово-телеграфнаго союзовъ". Но созданіе такого органа, который по составу совпадалъ бы съ Комитетомъ Безопасности, организованнымъ Думой, вовсе не нравилось большевикамъ. Они потребовали перерыва и внесли свою формулу: „московскіе совѣты р. и с. д. выбираютъ на сегодняшнемъ пленарномъ засѣданіи революціонный комитетъ изъ 7 лицъ. Этому революціонному комитету представляется право кооптаціи представителей другихъ революціонныхъ демократическихъ группъ, съ утвержденія пленума и с. д. Избранный революціонный комитетъ начинаетъ дѣйствовать немедленно, ставя себѣ задачей оказывать всемѣрную поддержку комитету петроградскаго с. р. и с. д." С.-ры рѣшительно протестовали противъ „созданія организацій, направленныхъ къ захвату власти". „Снимая съ себя всякую отвѣтственность за результаты большевистской попытки государственнаго переворота", они отъ голосованія отказались. Меньшевики голосовали противъ, но формула большевиковъ получила большинство 394 противъ 113, при 26 воздержавшихся и московскій „военно-революціонный комитетъ", предназначенный дѣйствовать въ „поддержку" петроградскому, былъ тутъ же выбранъ. Большинство въ немъ (4 изъ 7) принадлежало къ большевикамъ. С. р-ы отказались войти. Меньшевики вошли съ оговоркой, что входятъ не для того, чтобы содѣйствовать захвату власти совѣтами, а для того, чтобы помочь пролетаріату и арміи возможно безболѣзненнѣе изжить всѣ послѣдствія этой попытки авантюризма большевистскихъ вождей, и чтобы бороться внутри комитета за замѣну его обще-демократическимъ революціоннымъ органомъ". Позиція — довольно своеобразная въ органѣ, который долженъ былъ заставить говорить пушки. Нужно прибавить, что и меньшевики, и объединенцы скоро почувствовали невозможность своего пребыванія въ составѣ органа, который вовсе не желалъ съ ними считаться. „Въ виду явнаго нарушенія большевиками принципа коллективности и стремленія подавить волю меньшинства и дѣйствовать за его спиной, они вынуждены были покинуть комитетъ".[1])

---

[1]) Эта мотивировка приведена въ „Вечернемъ Курьерѣ" 7 ноября 1917 года, въ статьѣ „Лѣтопись кровавой недѣли".

Немедленно же большевистскій штабъ возстанія началъ дѣйствовать. Въ помѣщеніи совѣта р. и с. депутатовъ работа кипѣла. Однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было—объявить на слѣдующій день всеобщую забастовку и запретить выходъ „буржуазныхъ" газетъ. Товарищъ Голенко организовалъ немедленно нападеніе на типографіи этихъ газетъ, начатый наборъ былъ разобранъ и утромъ 26-го вышли только „Извѣстія" и „Правда". Чтобы закрѣпить за собой московскія войска, не знавшія въ первую минуту, кого слушаться и запрашивавшія объ этомъ „контръ-революціонный" совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, была созвана 26 октября конференція представителей всѣхъ частей московскаго гарнизона. Огромнымъ большинствомъ 116 голосовъ противъ 18 она постановила выразить довѣріе большевистскому Военно-Революціонному комитету. Прокламаціей, напечатанной 27 октября въ „Извѣстіяхъ" Военно-Революціонный комитетъ бралъ власть въ свои руки. „Революціонные рабочіе и солдаты г. Петербурга во главѣ съ Петербургскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ," говорилось въ этой прокламаціи, „начали рѣшительную борьбу съ измѣнившимъ революціи временнымъ правительствомъ. Долгъ московскихъ солдатъ и рабочихъ поддержать петербургскихъ товарищей въ этой борьбѣ. Для руководства ею московскій совѣтъ р. и с. депутатовъ избралъ в.-р. комитетъ, который и вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей: В.-Р. Комитетъ объявляетъ: 1) весь московскій гарнизонъ немедленно долженъ быть приведенъ въ боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанію В.-Р. Комитета. 2) Накакіе приказы и распоряженія, не исходящіе отъ В.-Р. Комитета или нескрѣпленные его подписью, исполненію не подлежатъ".

Немедленно же сдѣлано было употребленіе изъ этихъ полномочій, взятыхъ на себя В.-Р. Комитетомъ. Занимавшія караулы въ Кремлѣ роты 56 полка были на сторонѣ большевиковъ, но рѣшено было подкрѣпить ихъ ротами 193 полка, и приказъ объ этомъ, привезенный въ ночь на 27 октября въ Хамовническія казармы большевикомъ Ярославскимъ, былъ немедленно выполненъ. Начальникъ арсенала въ Кремкѣ Лазаревъ подчинился и требованію В.-Р. Комитета о выдачѣ оружія. Къ 10 ч. утра было выдано 1500 винтовокъ съ патронами. Входы и выходы изъ Кремля были заперты. Прапорщикъ Берзинъ назначенъ начальникомъ гарнизона Кремля.

Съ другой стороны центромъ сопротивленія В.-Р. Комитету,

засѣдавшему въ губернаторскомъ домѣ на Скобелевской площади, становились военныя училища, — въ особенности Александровское на Знаменкѣ. Туда стекалось къ юнкерамъ и офицерство, желавшее принять участіе въ борьбѣ съ большевиками и горячая студенческая молодежь. Первая стратегическая задача, которая была тутъ поставлена, — было занятіе командуюшихъ позицій и важнѣйшихъ пунктовъ: Кремля, почты, телеграфа, телефона. Второй задачей являлось окруженіе Скобелевской площади, гдѣ засѣдалъ совѣтъ. Въ первые дня возстанія выполненіе этихъ задачъ представлялось не только возможнымъ, но и легкимъ, такъ какъ В.-Р. Комитетъ еще не успѣлъ стянуть своихъ войскъ. Но и Кремль, и почта были уже заняты ротами 56 полка, сочувствовавшими возстанію. Начались переговоры между командующимъ округомъ полковникомъ Рябцовымъ и Военно-Революціоннымъ Комитетомъ о предупрежденіи кроваваго столкновенія.

Полк. Рябцовъ очутился въ трудномъ положеніи между юнкерами, Комитетомъ Общественной Безопасности и Военно-Революціоннымъ Комитетомъ. Человѣкъ не сильный и колеблющійся, онъ пытался лавировать среди противоположныхъ требованій, предъявлявшихся къ нему, и очень скоро потерялъ всякій авторитетъ. Втеченіе всего дня 27 октября онъ велъ безплодные переговоры съ большевиками объ очищеніи Кремля и занятіи его юнкерами. При этомъ Рябцовъ оставался въ Кремлѣ среди возставшихъ солдатъ, а Кремль былъ окруженъ юнкерами, не пропускавшими никого изъ воротъ. Большевики требовали, чтобы юнкера очистили манежъ, который они занимали и дали провезти изъ Кремля оружіе, взятое изъ арсенала для вооруженія солдатъ и рабочихъ. Взамѣнъ этого они соглашались увести изъ Кремля роту 193 полка, но настаивали на оставленіи тамъ ротъ 56 полка. Рябцовъ настаивалъ, чтобы охрана Кремля и арсенала были поручена юнкерамъ, или чтобы, по крайней мѣрѣ, они были впущены для охраны окружнаго суда. Солдаты 56 полка, среди которыхъ велись эти переговоры, волновались, требовали ареста Рябцова и грозили убить его. Рябцовъ, наконецъ, обѣщалъ отвести юнкеровъ отъ воротъ Кремля и отдалъ соотвѣтственный приказъ, котораго, однако, юнкера не хотѣли исполнять. Къ вечеру 27-го Рябцову, наконецъ, удалось выбраться изъ Кремля и перейти въ помѣщеніе Думы, откуда онъ велъ дальнѣйшіе переговоры.

Попавъ въ районъ вліянія Комитета Общественной Безопасности, Рябцовъ сталъ смѣлѣе. Въ 7 часовъ вечера онъ протеле-

фонировалъ въ Военно-Рев. Комитетъ ультиматумъ: Кремль долженъ быть очищенъ, В.-Р. Комитетъ распущенъ. Отвѣтъ долженъ быть данъ черезъ десять минутъ, иначе начнутся военныя дѣйствія. Рѣшеніе это было мотивировано тѣмъ, что В.-Р. Комитетъ „несмотря на всѣ увѣренія, не вывелъ изъ Кремля отказавшуюся повиноваться воинскую часть, и было допущено самое широкое расхищеніе оружія, пулеметовъ и снарядовъ изъ разныхъ мѣстъ и снабженіе ими большевистскихъ организацій. „Мы испытывали большія колебанія“, свидѣтельствуетъ по поводу ультиматума Рябцева, членъ В.-Р. Комитета Аросевъ. „Никогда мое сердце такъ не трепетало, какъ въ тотъ разъ, когда приходилось рѣшительно голосовать: отвергнуть ультиматумъ или нѣтъ“. . . . „Товарищъ председатель сосчиталъ голоса: за то, чтобы отвергнуть ультиматумъ Рябцова, большинство. Трезвыя, твердыя цифры голосовъ за и противъ убили колебанія“.

Дѣйствительно, въ тотъ моментъ В.-Р. Комитетъ еще не зналъ, чѣмъ онъ можетъ располагать. Черезъ два часа послѣ принятаго рѣшенія пролилась первая солдатская кровь на Красной площади. Но это былъ только небольшой авангардъ революціи: отрядъ „двинцевъ“, большевистскихъ солдатъ, арестованныхъ въ Двинскѣ еще въ августѣ и переведенныхъ въ сентябрѣ въ Бутырскую тюрьму, откуда, въ количествѣ 860, они были выпущены 1-го сентября „по постановленію московскаго совѣта рабочихъ депутатовъ“. „Двинцы“ оказались первыми убѣжденными сторонниками возстанія и его защитниками. Отрядъ въ 300 человѣкъ бросился „пролить кровь за идею соціализма“, и „45 лучшихъ товарищей двинцевъ легло у стѣнъ Кремля, подъ выстрѣлами юнкеровъ“. Остальные отбились и добрались до Скобелевской площади, гдѣ и составили основное ядро гвардіи В.-Р. Комитета.

Втеченіе этого вечера, слѣдующей ночи и утра 28 октября В.-Р. Комитетъ пережилъ тревожные часы. Помѣщеніе совѣта опустѣло: въ немъ остались только лица, непосредственно связанные съ текущей работой. Съ уходящими въ районы прощались, точно навсегда. Настроеніе оставшихся приближалось къ паническому. „Начался потокъ тревожныхъ вѣстей“, вспоминаетъ большевичка П. Виноградская. „Доносили, что нашихъ тѣснятъ, юнкера окружаютъ совѣтъ. Связь съ районами опредѣленно порывается. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ ошеломляющихъ донесеній, во всѣхъ переулкахъ, прилегающихъ къ совѣту со стороны Б. Никитской, начали показываться юнкера. Непріятельская артиллерія то и

дѣло стала попадать въ зданіе совѣта. Намъ отвѣчать было нечѣмъ: артиллерія къ намъ еще не пришла. Притокъ донесеній изъ районовъ прекратился, и съ часу на часъ можно было ждать, что мы очутимся въ мѣшкѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ и отрѣзанные отъ внѣшняго міра... Этотъ моментъ надо считать самымъ тревожнымъ, самымъ тяжелымъ на всемъ протяженіи октябрьскихъ дней".

Утромъ 28 октября въ Кремлѣ были получены свѣдѣнія, что вся Москва въ рукахъ Рябцова, гарнизонъ сдался и обезоруженъ, заняты почта, телеграфъ и всѣ вокзалы. По телефону Рябцовъ потвердилъ эти свѣдѣнія: „всѣ войска разоружены мной, я требую немедленнаго, безусловнаго подчиненія, требую немедленной сдачи Кремля". Подавленный этими сообщеніями большевистскій комендантъ Кремля Берзинъ „рѣшилъ подчиниться приказу и сдать Кремль, чтобы спасти солдатъ отъ разстрѣла". Солдаты не хотѣли сдаваться: „намъ все равно погибать", — но уступили необходимости и разоружились. Офицеры и юнкера вошли въ Кремль, арестовали Берзина и членовъ большевистскаго комитета. Послѣдовали разстрѣлы солдатъ арсенала.

Юнкера наступали и въ другихъ мѣстахъ Москвы. „Весь ценръ города", вспоминаетъ большевикъ М. Ольминскій, „кромѣ части Тверской улицы, былъ въ рукахъ юнкеровъ, въ ихъ рукахъ вокзалы, трамвайная элекрическая станція, телефонъ (кромѣ Замоскварѣцкаго), В.-Р. Комитетъ сразу оказался почти отрѣзаннымъ отъ районовъ, и районы, плохо связанные между собой, вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы, не зная, что дѣлается въ центрѣ. Отрѣзанность центра отъ районовъ (связь кое-какъ поддерживалась только черезъ Страстную площадь) — подвергала его ежеминутной опасности разгрома. Юнкерскіе броневики появились на самой совѣтской площади. Бывали моменты, когда казалось, что, центру только и остается, что бѣжать. Это сильно отражалось на настроеніи членовъ В.-Р. Комитета, дѣлало ихъ склонными къ переговорамъ о перемиріи и уступкамъ. Совсѣмъ иное настроеніе наблюдалось въ районахъ".

Однако, и въ рядахъ побѣдителей данной минуты настроеніе было далеко не радужное. Составъ военной молодежи, собравшейся въ Александровскомъ училищѣ, юнкеровъ, прапорщиковъ, студентовъ, мобилизованныхъ интеллигентовъ былъ отборный и очень твердо настроенный. Но единства настроенія и здѣсь не было. Вначалѣ эта молодежь съ ужасомъ смотрѣла на перспективу участво-

вать въ гражданской войнѣ. Иначе настроена была группа праваго офицерства, съ самаго начала примкнувшая къ защитникамъ Москвы. Но этимъ правымъ демократически настроенная молодежь не довѣрялась и побаивалась ихъ вліянія на себя. Съ другой стороны, не удовлетворявала этой молодежи и „педантически-государственная" позиція Комитета безопасности, не желавшаго непосредственно руководить борьбой и ссылавшагося на командующаго округомъ. А командующій округомъ Рябцовъ страшно боялся сдѣлать какой-либо шагъ, за который его могъ бы впослѣдствіи привлечь къ отвѣтственности какой-нибудь органъ „революціонной демократіи". Онъ оказался крайнимъ неврастеникомъ, безконечно говорившимъ, когда надо было дѣйствовать, абсолютно неспособнымъ распоряжаться, не съумѣвшимъ запасти во-время ни продовольствія, ни снарядовъ. Молодежь еще менѣе довѣряла Рябцову, чѣмъ Комитету Безопасности, обвиняя его въ намѣренной дезорганизаціи обороны и въ сношеніяхъ съ большевиками. На комитетъ негодовали, что что онъ не хочетъ смѣнить Рябцова надежнымъ военнымъ руководителемъ (въ руководители, между прочимъ, предлагалъ себя Брусиловъ.) Но Комитетъ, какъ мы видѣли, принципіально избѣгалъ распорядительныхъ дѣйствій, опасался офицерства праваго настроенія и, наконецъ, считалъ неудобнымъ мѣнять командованіе въ разгаръ борьбы.

Была еще одна сила, которая при другихъ условіяхъ могла бы съиграть роль въ борьбѣ: это представители низвергнутаго въ Петроградѣ правительства. Въ эти дни противники большевиковъ не могли не смотрѣть на нихъ какъ на единственныхъ представителей законной власти. С. Н. Прокоповичъ былъ единственнымъ изъ министровъ, не арестованнымъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Онъ былъ арестованъ еще по пути туда, въ 10 час. утра, а около пяти часовъ пополудни освобожденъ изъ Смольнаго. Днемъ 26-го октября подъ его предсѣдательствомъ состоялось совѣщаніе товарищей министровъ, бывшихъ въ Петербургѣ. По словамъ С. Н. Прокоповича, „на этомъ совѣщаніи онъ указалъ на необходимость послѣ потери Петербурга организовать сопротивленіе въ Москвѣ и просилъ дать соотвѣтственныя полномочія". Получивъ эти полномочія, онъ поѣхалъ 27-го утромъ въ Москву и прямо съ вокзала пріѣхалъ въ Городскую Думу, гдѣ засѣдалъ общественный комитетъ, съ нимъ были его товарищи Хижняковъ и Кондратьевъ. Въ Думѣ они предложили „кооптировать" комитетъ во временное правительство. Но авторитетъ временнаго правительства, какъ мы видѣли,

былъ невысокъ, и принять его фирму въ Москвѣ — не значило облегчить борьбу. Самъ С. Н. Прокоповичъ вспоминаетъ, что „въ Москвѣ правые открыто тогда говорили: „лишь бы большевики свергли власть временнаго правительства, а тамъ уже справиться съ ними будетъ легко“. „Въ станѣ правыхъ и лѣвыхъ“, прибавляетъ С. Н. Прокоповичъ, „я видѣлъ въ эти дни чуть не открытое ликованіе по поводу молодцеватости большевиковъ“.

При такихъ настроеніяхъ, предложеніе Прокоповича „о кооптаціи“ встрѣтило въ Думѣ болѣе, чѣмъ сдержанный пріемъ. Полномочія, данныя товарищами министровъ въ Петроградѣ, въ Москвѣ, очевидно, теряли свою силу. Идея Прокоповича и его товарищей — создать въ Москвѣ суррогатъ временнаго правительства — такимъ образомъ, не могла осуществиться.

Другой идеей министра и его товарищей было опубликовать воззваніе къ населенію, принявъ тѣмъ самымъ на себя руководство борьбой. Текстъ этого воззванія былъ спѣшно составленъ при участіи членовъ партіи к. д. На слѣдующій же день воззваніе должно было появиться въ газетахъ и показать Москвѣ, что, несмотря на захватъ правительства въ Зимнемъ Дворцѣ, законная власть временнаго правительства не погибла и что въ Москвѣ имѣются на лицо ея представители, готовые возглавить собой сопротивленіе Москвы вооруженному покушенію на власть, созданную революціей. Однако, и этому плану не суждено было осуществиться. Воззваніе не было опубликовано, и присутствіе въ Москвѣ представителей законной власти совершенно не сказалось на ходѣ событій.

Отстраненіе представителей временнаго правительства отъ руководства борьбой произошло какъ-то автоматически, само собой, какъ неизбѣжный результатъ соотношенія силъ вступившихъ въ борьбу. Но вмѣстѣ съ этимъ терялась конкретная цѣль борьбы. С. Н. Прокоповичъ разсказываетъ, что на третій или четвертый день борьбы къ нему явились четыре общественныхъ дѣятеля, которые заявили ему, что поддерживать временное правительство они не хотятъ, но готовы поддержать его, если онъ объявитъ себя диктаторомъ. Это фантастическое предложеніе характеризуетъ настроеніе правыхъ круговъ. Въ болѣе вліятельныхъ лѣвыхъ кругахъ зрѣла другая мысль-та же самая, которая высказывалась въ дни Петроградскаго возстанія среди представителей соціалистическихъ партій: образованіе новаго, чисто-соціалистическаго правительства. Но для большинства юнкеровъ и офицеровъ, наибо-

лѣе активныхъ участниковъ борьбы, эта идея дѣлала безцѣльной самую борьбу.

Всѣ эти внутреннія противорѣчія въ ближайшіе дни вышли наружу. Но уже съ самаго начала они сказались въ томъ, что вмѣсто единства руководства и немедленнаго приступа къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, защитникамъ государственности пришлось тратить дорогое время на веденіе переговоровъ и на придумываніе компромиссовъ между различными теченіями, объединившимися для совмѣстной борьбы.*)

Мы видѣли, что вечеромъ 27-го и утромъ 28-го большевистскій комитетъ находился въ положеніи, близкомъ къ паникѣ, и проявлялъ готовность пойти на компромиссъ и на оттяжку рѣшенія. Правда, положеніе это нѣсколько измѣнилось втеченіе 28-го октября. Послѣ полудня 28-го вернулся, наконецъ, посланный на

---

*) Въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этимъ выводомъ стоитъ заявленіе самаго С. Н. Прокоповича въ „письмѣ въ редакцію" берлинской газеты „Руль" 1-го августа 1922 г. въ отвѣтъ „Новому Времени". С. Н. Прокоповичъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ свою роль при взятіи Кремля. „Выснивъ положеніе (въ общественномъ комитетѣ, куда онъ пріѣхалъ прямо съ вокзала утромъ 27-го октября)," пишетъ С. Н. Прокоповичъ, „я вызвалъ въ Городскую Думу командующаго войсками покойнаго Рябцова и спросилъ его, какъ онъ могъ допустить занятіе Кремля. Рябцовъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ, какъ военный, можетъ лишь исполнять приказанія гражданской власти. Ни временное правительство, ни общественный комитетъ въ Москвѣ прямыхъ приказаній вступить въ борьбу съ большевиками ему не давали. Тогда я, опираясь на данныя мнѣ собраніемъ товарищей министровъ полномочія, отдалъ ему приказъ занять Кремль. Рябцовъ исполнилъ приказъ, и Кремль былъ занятъ нами". Разсказъ С. Н. Прокоповича о заявленіи ему Рябцова отчасти совпадаетъ съ показаніемъ о „педантически-государственной" позиціи комитета, приведеннымъ въ текстѣ со словъ вліятельныхъ членовъ комитета. Онъ совпадаетъ и съ характеристикой личности Рябцова, страшно боявшагося отвѣтственности за самостоятельныя рѣшенія и готоваго перестраховаться у кого-угодно и переложить отвѣтственность на кого-угодно — большевиковъ, думскій комитетъ, временное правительство. Но изъ моего предыдущаго изложенія видно, что, съ одной стороны, борьба за Кремль была уже въ ходу, когда пріѣхалъ Прокоповичъ, и факторы этой борьбы выяснялись постепенно, а съ другой стороны, что взятіе Кремля явилось нелегкой задачей, которая окончательно поставлена только вечеромъ 27-го октября, когда Рябцову удалось вырваться изъ большевистскаго полуплѣна, а осуществлена она лишь втеченіе слѣдующаго дня, не столько силой, сколько воздѣйствіемъ на паническое настроеніе болшевистскаго коменданта Кремля. Рѣшеніе, принятое вечеромъ 27-го, не столько вызвано утреннимъ „приказомъ" Прокоповича, сколько требованіемъ „Комитета безопасности, — чтобы Рябцовъ, наконецъ, смѣнилъ свою точку зрѣнія на событія.

Ходынку за артиллеріей членъ В.-Р. Комитета В. Смирновъ и привелъ три орудія, немедленно разставленныя и начавшія стрѣлять внизъ и вверхъ по Тверской отъ Скобелевской площади и по Космодемьянскому переулку. „Теперь голыми руками они совѣта не возьмутъ, теперь мы продержимся день, другой, пока не подтянутся районы“: такъ формулируетъ впечатлѣніе, произведенное на В.-Р. Комитетъ появленіемъ этихъ орудій, большевикъ В. Соловьевъ. Затѣмъ появились делегаціи съ фронта, чтобы освѣдомиться о положеніи. Оживилась дѣятельность въ районахъ. Тѣмъ не менѣе, склонность къ переговорамъ о перемиріи у В.-Р. Комитета еще не прошла; а въ посредникахъ между нимъ и Комитетомъ Безопасности не оказалось недостатка.

Первую попытку наладить переговоры между двумя вступившими въ борьбу лагерями сдѣлали меньшевики. Онѣ заявили сторонамъ, что желаютъ „мирной ликвидаціи гражданской войны“ и хотятъ для этой цѣли „сплотить третью силу, которая заставила бы считаться съ собой обѣ стороны. Меньшевики предложили для этого превратить самый Комитетъ Безопасности въ „обще-демократическій органъ, независимый ни отъ Думы, ни отъ совѣтовъ“. Превращеніе это должно было состоятся путемъ включенія въ комитетъ представителей соціалистическихъ партій. С. р-ы и к. д., вошедшіе въ думскій комитетъ, на это не согласились, опираясь на то основное правило, что Комитетъ Безопасности объединяетъ не политическія партіи, а учрежденія и организаціи. Послѣ этого отказа меньшевики отозвали изъ Комитета Безопасности всѣхъ членовъ партіи, входившихъ въ него отъ учрежденій. Они, такимъ образомъ, остались внѣ обѣихъ борющихся организацій.

„Третьей силой“, несравненно болѣе могущественной и дѣйствительно заставившей стороны идти на переговоры, явился знакомый намъ „Викжель“. „Викжель“ заявилъ, что онъ только подъ тѣмъ условіемъ допуститъ подвозъ къ Москвѣ войскъ, готовыхъ поддержать временное правительство, если „Комитетъ Безопасности согласится на созданіе однороднаго (т. е. чисто соціалистическаго) министерства. „Скрѣпя сердце и идя на тяжелый компромиссъ“, свидѣтельствуетъ прокуроръ палаты А. Ф. Стааль, — Комитетъ Безопасности подчинился требованію „Викжеля“.

„Что оставалось намъ дѣлать“, говорилъ впослѣдствіи одинъ изъ видныхъ членовъ Комитета Безопасности автору этой книги: „между нами не было ни одного сторонника однороднаго соціалистическаго министерства. Но что было бы, если бы мы сказали,

что не признаемъ этого лозунга. „Викжель" оставилъ подъ Москвой подходившія войска и обѣщалъ пропустить ихъ лишь послѣ исполненія его требованій. Военные убѣждали насъ не упорствовать и соглашаться, на что угодно. Члены комитета, вызванные въ Александровское училище (см. ниже), были спрошены поименно и всѣ поголовно согласились нести отвѣтственность за состоявшееся рѣшеніе".

Съ другой стороны, однако, „Викжель" предъявилъ рядъ требованій и большевикамъ. Такъ какъ большевики этихъ требованій не удовлетворили, то „Викжель" заявилъ, что съ этого момента ж.-д. союзъ активно выступаетъ противъ большевиковъ и будетъ пропускать въ Москву войска безпрепятственно. При этихъ условіяхъ Военно-Революціонный Комитетъ рѣшился пойти на перемиріе. Оно было заключено на срокъ съ 12 часовъ 29-го по 12 часовъ 30-го октября на слѣдующихъ „словіяхъ: 1) полное разоруженіе бѣлой и красной гвардіи; 2) возвращеніе всего разобраннаго оружія; 3) роспускъ обоихъ комитетовъ — военно-революціоннаго и общественной безопасности; 4) привлеченіе всѣхъ виновныхъ къ судебной отвѣтственности; 5) установленіе нейтральной зоны; 6) перемиріе на 24 часа для выработки техническихъ условій сдачи оружія и развода по казармамъ военныхъ частей; 7) весь гарнизонъ подчиняется командующему войсками московскаго военнаго округа. При штабѣ возстанавливается военный совѣтъ; 8) организація общаго демократическаго органа.

Комитетъ Безопасности, идя на всѣ уступки, какія требовались, руководился уже извѣстнымъ намъ соображеніемъ, что онъ составляетъ только „политическое прикрытіе военной борьбы". На уступкахъ, притомъ немедленныхъ, настаивали военные по стратегическимъ соображеніямъ. Делегаты комитета являлись въ Александровское училище, гдѣ и обсуждались эти вопросы, передъ большой аудиторіей военныхъ. По указаніямъ военныхъ защитниковъ Москвы было заключено и упомянутое перемиріе.*)

Втеченіе ночи съ 29-го на 30-е октября особая „согласительная комиссія" разрабатывала „военно-техническіе вопросы и устанавливала „нейтральную зону", на линіи которой уполномоченные „Викжеля" должны были предупреждать столкновенія. Кольцо большевистскихъ войскъ проходило черезъ Крымскую площадь,

*) Это и нѣкоторыя другія данныя сообщены мнѣ руководящими членами Комитета Безопасности.

Остоженку, переулки, идущіе отъ нея (до Еропкинскаго) къ Поварской, продолженіе Ржевскаго пер. къ сѣверу отъ Поварской, Скатертный, Медвѣжій, Мерзляковскій, проѣздъ ц. Вознесенія между Б. и М. Никитской, Спиридоновка, Спиридоньевскій пер., Большая и Малая Бронная, Богословскій пер., ю. з. часть Градоначальства, выходы переулка на Большую Никитскую, ю. з. часть Большого Театра.

Перемиріе осталось на бумагѣ. Большевики его не соблюдали, а мѣстами о немъ даже и не знали. Заключая перемиріе, Военно-Революціонный комитетъ руководился лишь одной цѣлью: выиграть время для подвоза подкрѣпленій. Полученныя въ промежуткѣ свѣдѣнія о неудачахъ отряда Краснова укрѣпили большевиковъ въ рѣшимости продолжать борьбу. На категорическій вопросъ — хотятъ ли они идти на соглашеніе, большевики отвѣчали оклончиво. Въ концѣ концовъ они поставили требованія, завѣдомо непріемлемыя. Они отказались даже отъ созданія „однороднаго" министерства и вернулись къ своему чистому лозунгу „вся власть совѣтамъ". Далѣе они требовали своего большинства въ совѣщательномъ органѣ, который долженъ былъ функціонировать до Учредительнаго Собранія, настаивали на томъ, чтобы офицеры и юнкера были разоружены, а большевикамъ было оставлено оружіе.

Такимъ образомъ, выяснилось, что всѣ до сихъ поръ сдѣланныя уступки были напрасны. Если хитрили военные, то хитрили и большевики, протягивая время изъ „стратегическихъ" соображеній. Но выиграли отъ затяжки только послѣдніе.

Послѣ ухода большевистскихъ парламентеровъ, предъявившихъ приведенныя условія, въ помѣщеніи Думы состоялось послѣднее засѣданіе Комитета съ участіемъ представителей войсковыхъ частей, президіума совѣта солдатскихъ депутатовъ, бѣжавшаго изъ генералъ-губернаторскаго дома и — на этотъ разъ — „также всѣхъ вольныхъ и невольныхъ обитателей зданія" осажденной городской Думы, включая к. д. Юренева и думскихъ служащихъ. Передъ этимъ собраніемъ городской голова Рудневъ констатировалъ „вѣроломство большевиковъ, использовавшихъ перемиріе для передвиженія и подкрѣпленія своихъ частей" и возложилъ „всю вину за неизбѣжное продолженіе борьбы исключительно на большевиковъ". Въ тонѣ самооправданія велись и дальнѣйшія пренія, пока потухшее электричество не напомнило присутствующимъ, кто дѣйствительные господа положенія.

На другой день, 31-го Окрября, появилось воззванiе Комитета Общественной Безопасности „гражданамъ и товарищамъ“, въ которомъ констатировались пункты расхожденiя его съ военно-революцiоннымъ комитетомъ. Комитетъ безопасности считалъ „единственными условiями прекращенiя военныхъ дѣйствiй — ликвидацiю большевистскаго военно-революцiоннаго комитета, очищенiе отрядами в. р. комитета занятыхъ ими пунктовъ и возвращенiя Москвы къ нормальному порядку. „Побѣдѣ насилия“ комитетъ противоставлялъ“, на основанiи соглашенiя съ „Викжелемъ“, „организацiю временной власти на основахъ отвѣтственности новаго правительства передъ органами революцiонной демократiи и соцiалистическаго его состава“.

Такъ же, какъ и условiя перемирiя, эта формула была принята по соглашенiю съ военными въ Александровскомъ училищѣ, куда вызваны были представители Комитета безопасности, вынужденные согласиться на формулу соцiалистическаго министерства и взять за нее на себя отвѣтственность (Рудневъ, Филатьевъ, Бурышкинъ, Студенецкiй, представители почтово-телеграфнаго союза и земской управы). Но, какъ сказано, большевиковъ даже и эта уступка уже не удовлетворяла.

Большевики отвѣтили комитету въ 4 часа утра категорическимъ „требованiемъ безусловной сдачи, съ угрозой артиллерiйскаго обстрѣла Думы“. Комитету оставалось возобновить борьбу при измѣнившихся къ худшему условiяхъ. Приглашая населенiе къ проявленiю наибольшей самостоятельности для собственной защиты, Комитетъ ободрялъ своихъ единомышленниковъ извѣстiемъ, что „къ Москвѣ приближаются части, посланныя фронтомъ для подавленiя мятежниковъ тыла и что „войска Керенскаго вступаютъ въ Петроградъ“. Комитетъ могъ лишь повторить тутъ то, что получилъ самъ. Jорданскiй и Моисеенко, дѣйствительно, слали въ Москву сообщенiя, что съ фронта командируются на помощь защитникамъ Москвы опредѣленныя части.

Въ этой связи слѣдуетъ упомянуть о предложенiи штабсъ-кабитана Соколова, прiѣхавшаго въ Москву отъ Каледина и доложившаго въ какомъ-то совѣщанiи общественныхъ дѣятелей подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Щепкина о готовности донского атамана послать помощь Москвѣ. Объ этомъ прелложенiи разсказалъ самъ г. Соколовъ корреспонденту бѣлградскаго „Новаго Времени“ [1]),

[1]) „Новое Время“, 1922, № 387, письмо изъ Парижъ г. П-ева.

прибавивъ, что „товарищи министровъ отъ этой помощи отказались". Но даже независимо отъ того, что предложеніе г. Соколова дальше совѣщанія не пошло, оно не могло имѣть никакого практическаго значенія при быстромъ ходѣ событій. С. Н. Прокоповичъ рѣшительно отрицаетъ свое участіе въ упомянутомъ засѣданіи.

Ночь съ 30-го на 31-ое Октября была моментомъ перелома въ настроеніи борющихся сторонъ. Измученная непрерывными усиліями, потерявшая надежду на успѣхъ перваго быстраго удара и недостаточно снабженная для длительной борьбы, кучка защитниковъ Москвы и Россіи чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовала себя изолированной и отъ остальной Россіи, и отъ другихъ общественныхъ элементовъ. Слова „юнкеръ", „офицеръ", „студентъ", сдѣлались бранными словами, и геройскій порывъ людей, носившихъ эти званія, блѣднѣлъ передъ пассивнымъ отношеніемъ или даже явной враждебностью къ нимъ населенія, на защиту котораго они выступили и жертвовали жизнью. Поведеніе командующаго войсками, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вызывало все болѣе сильныя подозрѣнія. Безполезная уступка, сдѣланная идеѣ „однороднаго" соціалистическаго министерства, поставила передъ многими изъ юнкеровъ и офицеровъ вопросъ, за кого же, за какую политическую оріентацію они собственно борятся, и какая въ сущности разница между „передачей всей власти" Совѣтамъ — и „отвѣтственностью" исключительно соціалистическаго партійнаго правительства передъ „органами революціонной демократіи". Въ довершеніе всего, надежда на подходъ войскъ къ Москвѣ, ради котораго была куплена этой уступкой помощь „Викжеля", тоже оказалась призрачной. Никакія войска не подходили, а малочисленные отряды юнкеровъ терпѣли серьезныя потери, или, отрѣзанные, попадали въ плѣнъ къ большевикамъ.

Въ моментъ наибольшаго развитія силы этихъ отрядовъ, съ трудомъ удерживавшихъ за собой центръ Москвы отъ Кремля до Никитскихъ воротъ и отъ Театральной площади до Зубовскаго бульвара, ихъ доходили тысячъ до пяти*). Съ удивленіемъ и съ безпо-

*) Н. Мураловъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ численность силъ обѣихъ сторонъ: „у нашихъ враговъ были силы, по моимъ вычисленіямъ, около 10000 чел. не считая команднаго состава. Тамъ были: юнкера Александровскаго и Алексѣевскаго военныхъ училищъ, всѣ школы прапорщиковъ, штабъ округа: Комитетъ Общественной безопасности, солдатская секція с.-р-овъ и меньшевиковъ, студенты и гимназисты. У насъ: всѣ пѣхотные московскіе полки

койствомъ эта армія замѣчала, что она изолирована не только топографически, но и соціально; что, защищая порядокъ и законную власть, она въ тоже время, путемъ исключенія и противъ своей воли, оказывается представительницей опредѣленныхъ класовъ. Имя „юнкеръ“ начало съ ненавистью произносится демократическимъ населеніемъ Москвы и противополагаться „народу“. Въ газетахъ тѣхъ дней можно найти слѣды смущенія, испытаннаго людьми, пошедшими на идейный подвигъ и очутившимися въ роли, столь непривычной для русской интеллигенціи. Представители шести школъ прапорщиковъ, зовя въ свои ряды солдатъ, печатно заявляли, что въ ихъ средѣ почти нѣтъ дворянъ, что въ огромномъ большинствѣ они — выслужившіеся солдаты — фронтовики, „истинные представители солдатской массы“, и среди нихъ „много истинныхъ и давнишнихъ соціалистовъ“, борящихся лишь съ „небольшой кучкой безумцевъ-мечтателей“. А съ другой стороны, группа студентовъ-большевиковъ въ оффиціальныхъ „Извѣстіяхъ“ признавала „позорнымъ“ и „выражала презрѣніе и протестъ противъ безстыднаго, антинароднаго выступленія буржуазной кучки студентовъ“, примкнувшихъ, въ числѣ 600, къ защитникамъ Москвы и проявляшихъ чудеса геройскаго самоотверженія.

Пяти тысячамъ защитниковъ противостояли десятки тысячъ московскаго гарнизона, правда, далеко не относившаго сознательно къ борьбѣ „пролетаріата съ капиталистами“. Солдаты гарнизона начали даже, послѣ нѣсколькихъ дней борьбы, разбѣгаться изъ Москвы. Но на смѣну этимъ равнодушнымъ и испуганнымъ подходили изъ окрестностей другія тысячи — болѣе сознательныхъ; подвозились орудія, въ томъ числѣ и тяжелыя, и распредѣлялись для бомбардировки центра и Кремля; мобилизовались броневики, которыхъ у юнкеровъ было всего два и тѣ сломанные; рылись окопы, заготовлялись запасы снарядовъ.

Настроеніе рабочей массы, какъ и настроеніе соллатъ, не было, однако же, всецѣло на сторонѣ большевикомъ. Объ этомъ

1-я запасная артиллерійская бригада, самокатный батальонъ, команда двинцевъ, полковыя части изъ Павловской Слободы, изъ Костромы, изъ Серпухова общей численностью по 15-ти тысячъ вооруженныхъ активныхъ и больше 25 тысячъ резервныхъ не активныхъ, около 3 000 вооруженныхъ рабочихъ 6 батарей трехдюймовыхъ и нѣсколько тяжелыхъ орудій, безъ прислуги или съ неумѣлой прислугой. Двѣ казачьихъ сотни, принявшіе за нѣсколько дней передъ тѣмъ мои резолюціи, держались нейтрально“. Нейтрально держалась въ эти дни также милиція.

настроеніи свидѣтельствуетъ любопытная запись доклада по телефону, сдѣланнаго на третій день борьбы соціалистомъ — революціонеромъ своему центральному начальству. Вотъ этотъ интересный памятникъ дней московскаго возстанія:

„Сушевскій районъ. Многочисленные митинги, скорѣе толпа; ночью. Солдаты не стали слушать. Выступалъ рабочій Ферейна. Спросили, какой партіи. Отвѣтъ: соціалистъ-меньшевикъ. Крики-долой. Одинаковое отношеніе къ представителямъ другихъ соціалистическихъ партій. Резолюція: безполезность вооруженной борьбы, начавшейся безъ опроса пролетаріата. Требованіе — предать суду обѣ организаціи стоящія во главѣ (т. е. и военно-революціонный комитетъ и комитетъ безопасности). Отношенія къ с. р.-амъ—самое отвратительное.

Районъ Пятницкій. (Серпуховской, Александровскій). Большая толпа. Митингъ. Обвиняютъ революціонный комитетъ и Руднева. Выступалъ меньшевикъ съ Сытинской фабрики. Не дали говорить. Крики: „долой соціалистовъ, къ черту". Выступалъ — съ такимъ же успѣхомъ. Выступавшій кадетъ пользовался огромнымъ сочувствіемъ. Соглашеніе въ будущемъ, видимо, состояться не можетъ. Надо выпускать листовки для освѣдомленія массъ. С. р.-овъ, распространяющихъ ихъ, ощупывали дозоры большевиковъ и отнимали. Ночью большевиками были выпущены прокламаціи, въ которыхъ вводятъ въ обманъ обывателя. Крайне нужно воззваніе къ населенію отъ всѣхъ партій".

Такое подлинное настроеніе массы, не дисциплинированной, темной, сбиваемой съ толку и переставшей вѣрить вчерашнимъ вождямъ, инстиктивно чувствовавшей, гдѣ правда, но не организованной и не привыкшей къ активному участію въ борьбѣ. Активно — лишь большевистское меньшинство. Оно выставляетъ нафанатизированныхъ красногвардейцевъ, преимущественно изъ рабочей зеленой молодежи, — и этотъ элементъ обнаруживаетъ особую непримиримость и жестокость въ борьбѣ.

Послѣ полуночи на 31 октября, съ окончаніемъ перемирія, борьба возобновилась съ особымъ ожесточеніемъ со стороны большевиковъ, ободренныхъ приливомъ новыхъ силъ и извѣстіями о пораженіи защитниковъ Керенскаго. *)

*) Большевики обвиняли въ нарушеніи перемирія юнкеровъ. М. Ольминскій говоритъ по этому поводу: „Контръ-революціонеры надѣялись выиграть время въ ожиданіи подкрѣпленій. Съ юга къ нимъ шли казачьи полки, а по Брянской дорогѣ-ударники. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ начала перемирія прибылъ на Брянскій вокзалъ первый отрядъ ударниковъ. Юнкера тотчасъ осмѣлѣли и произвели нападеніе у Никитскихъ Воротъ.

Втеченіе 31 октября и 1 ноября большевики разрушили дома у концовъ Никитскаго и Тверского бульваровъ, въ которыхъ оставались юнкера, захватили послѣ продолжительнаго обстрѣла сильно пострадавшую телефонную станцію въ Милютинскомъ переулкѣ, гдѣ юнкера принуждены были сдаться, заняли „Національную“ гостинницу и сильно поврежденную гостинницу „Метрополь“, а затѣмъ принялись обстрѣливать Городскую Думу, защитники которой, вмѣстѣ съ гласными и членами Комитета Безопасности, принуждены были къ тремъ часамъ дня 1-о ноября уйти въ Историческій Музей и въ Кремль, оставивъ въ Думѣ раненыхъ и медицинскій персоналъ. Другая часть комитета находилась въ Александровскомъ военномъ училищѣ. Эти два центра сопротивленія подверглись ожесточенной орудійной бомбардировкѣ, которая продолжала усиливаться втеченіе 2-го ноября, превратившись по отзывамъ офицеровъ, „изъ солдатской въ офицерскую или нѣмецкую, очень точную“. Занявъ Историческій Музей, большевики принялись съ его вышекъ обстрѣливать Красную Площадь, сдѣлавъ выходъ изъ Кремля опаснымъ для жизни и превративъ, такимъ образомъ, Кремль въ осажденную крѣпость. Въ эти дни самый Кремль съ его историческими святынями подвергся усиленному артиллерійскому обстрѣлу. Поврежденія, причиненныя при этомъ древнимъ соборамъ Кремля были первымъ ударомъ по религіозной совѣсти московскаго населенія: они вызвали даже изъ среды большевистскихъ вождей болѣзненный крикъ возмущенія г. Луначарскаго, печатно заявившаго, что онъ не можетъ долѣе терпѣть большевистскихъ ужасовъ и уходитъ изъ числа „народныхъ комиссаровъ“ — увы, не надолго. . .

Уже вечеромъ 1-о ноября представители Комитета Общественной Безопасности, Рудневъ и Коварскій, были приглашены въ Александровское училище. Исполнительный комитетъ совѣта офицерскихъ депутатовъ вмѣстѣ съ совѣтомъ представителей частей, входившихъ въ составъ правительственнаго отряда, поставили имъ девять вопросовъ. Ихъ спрашивали о фактическомъ положеніи дѣлъ на фронтѣ, объ отношеніи къ борьбѣ московскаго населенія, о причинахъ неприхода обѣщанныхъ подкрѣпленій, о шансахъ успѣха борьбы, какія имѣются у комитета и т. д. Если по всѣмъ этимъ вопросамъ Комитетъ Безопасности не дастъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, то ему прямо ставили вопросъ: какія мѣры надо принять для прекращенія безполезной борьбы? Комитетъ, выдерживая разъ принятую линію „политическаго прикрытія“, подчиня-

ющагося условіямъ стратегической цѣлесообразности, отвѣчалъ, что готовъ принять на себя исполненіе тѣхъ мѣръ, которыя будутъ рѣшены военными защитниками Москвы.

Тогда Комитету дано было порученіе — начать мирные переговоры. Днемъ 2-го ноября делегація Комитета Безопасности отправилась въ военно-революціонный комитетъ съ предложеніемъ начать мирные переговоры. Делегація поставила себѣ задачей провести только два пункта, которые считала вопросомъ чести. Во первыхъ, устраненъ былъ вопросъ о признаніи въ прямой формѣ совершившагося переворота. Во вторыхъ, получена была гарантія свободнаго вывода войскъ, — правда, очень скоро нарушенная большевиками.

Въ 5 часовъ дня мирное соглашеніе на основѣ разоруженія „бѣлой гвардіи“ было достигнуто. Не желавшіе идти на это юнкера пріѣхали изъ Александровскаго училища въ Кремль, и здѣсь было рѣшено „не сдаваться, защищать принципъ государственности до конца, пробиться сквозь кольцо, выйти за городъ и добраться до вѣрныхъ правительству войскъ“. Въ 7 часовъ вечера съ этимъ рѣшеніемъ юнкера вышли изъ Кремля и направились въ Александровское училище, въ „торжественномъ и напряженномъ настроеніи, хотя сознаніе того, что надо пройти сквозь рядъ улицъ, гдѣ изъ оконъ и съ крышъ будутъ стрѣлять, тяжело дѣйствовало на психику“ (свидѣтельство Стааля). Рѣшенія своего юнкерамъ, конечно, не удалось осуществить, ибо никакихъ „вѣрныхъ правительству“ войскъ внѣ Москвы не было на лицо, и 3-го ноября происходило печальное зрѣлище — разоруженія „бѣлой гвардіи“. „Небольшими отрядами“, пишетъ очевидецъ, „человѣкъ по 10—20 подходили къ зданію Александровскаго училища офицеры, юнкера и студенты. Начальники отрядовъ среди общей тишины собравшейся публики рапортовали предсѣдателю комиссіи названія отрядовъ и ихъ количества. Юнкера съ винтовками проходили въ зданіе училища, офицеры и студенты складывали оружіе тутъ же, на тротуаръ. Къ 12 часомъ на улицахъ можно было видѣть только вооруженныхъ солдатъ и рабочихъ“.

Побѣда большевиковъ была полная и окончательная. Ихъ побѣдой въ Москвѣ рѣшился вопросъ о ихъ побѣдѣ въ Россіи. Въ тотъ моментъ все еще вѣрили, что побѣда будетъ кратковременной и, что захваченной власти большевики удержать не смогутъ. Въ тонъ этому настроенію ходили фантастическіе слухи о приближеніи къ Москвѣ войскъ Каледина и начиналась тяга на

Донъ разбитыхъ въ Москвѣ защитниковъ порядка и законнаго временнаго правительства.

Господство большевиковъ начиналось при увѣренныхъ предсказаніяхъ партій, что большевистская власть не сможетъ осуществить ни одного изъ данныхъ ею обѣщаній, — не дастъ обманутому ею народу ни мира, ни земли, ни хлѣба, ни „соціализаціи" промышленности, и что разочарованное населеніе не потерпитъ надъ собой господства насильниковъ. Партія Народной Свободы предсказывала при этомъ, что побѣда большевиковъ повлечетъ за собой проигрышъ войны и раздѣленіе Россіи на части. Но никто, включая и эту партію, не предвидѣлъ, что здѣсь возникаетъ режимъ, который будетъ длиться долгіе годы и который доведетъ Россію до крайней степени разрушенія всѣхъ ея національныхъ цѣлей — государственныхъ, экономическихъ и культурныхъ, которыя копились долгими вѣками.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

Третьимъ выпускомъ „Исторіи второй русской революціи" заканчивается фактическій разсказъ, доведенный авторомъ до паденія временнаго правительства и побѣды большевиковъ. Четвертый и послѣдній выпускъ будетъ содержать описаніе внутренняго распада Россіи за періодъ времени отъ марта до октября и исторію борьбы за миръ въ международномъ масштабѣ. Написанныя одновременно съ напечатаннымъ текстомъ трехъ выпусковъ, эти главы нуждаются въ переработкѣ по новымъ источникамъ. При новомъ изданіи „Исторіи", такой же переработкѣ долженъ подвергнуться, конечно, и фактическій разсказъ. Въ ожиданіи этой переработки, авторъ считаетъ необходимымъ дополнить послѣдній выпускъ еще одной главой, которая будетъ заключать въ себѣ подробную характеристику литературы о революціи, появившейся послѣ окончанія труда автора. Тамъ онъ отвѣтитъ и на критическія замѣчанія, появившіяся въ этой литературѣ, какъ о его роли, какъ политика, во время революціи, такъ и о его историческихъ взглядахъ на революцію.

Авторъ, однако, считаетъ нелишнимъ предупредить, что появившіеся въ печати матеріалы и изслѣдованія по исторіи второй революціи не измѣнили ни въ чемъ существенномъ его пониманія этой исторіи. Тѣ, кому этотъ взглядъ представляется одностороннимъ и субъективнымъ, во всякомъ случаѣ, не откажутъ признать его цѣльность и опредѣленность. Еще разъ авторъ напоминаетъ сказанное имъ въ началѣ „Исторіи": онъ не хотѣлъ быть только мемуаристомъ и добровольно отказался отъ нѣкоторыхъ преимуществъ мемуарнаго изложенія, чтобы тѣмъ болѣе приблизиться къ выполненію задачи историка.

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

СОФІЯ, УЛ. ЦАРЬ-ОСВОБОДИТЕЛЬ № 4.

„Русская Мысль“ журналъ подъ ред. П. Б. Струве I—6.
П. Н. Милюковъ: Исторія 2-й русской революціи вып. I и II.
П. Струве: Размышленія о русской революціи.
П. Струве: Статьи о Л. Толстомъ.
Соколовъ: Правленіе генерала Деникина.
Русскіе Сборники I т., и 2 т. подъ ред. проф. К. Н. Соколова и проф. Э. Д. Гримма.
Митрополитъ Антоній: Словарь къ твореніямъ Достоев-
С. Булгаковъ: На пиру боговъ скаго.
Кн. Н. С. Трубецкой: Европа и человѣчество
А. Блокъ: Двѣнадцать
И. Эренбургъ: Ликъ войны
Ю. Никольскій: Тургеневъ и Достоевскій
Г. Уэльсъ: Россія во мглѣ
Г. Киссонъ: 16 аксіомъ дѣлового человѣка

Библіотека Всемірной Литературы:

А. П. Чеховъ — Дама съ собачкой. А. П. Чеховъ—Дочь Альбіона. Ф. Сологубъ:-Опечаленная невѣста. Л. Андреевъ-Въ туманѣ. Реми де Гурмонъ:—Цвѣта. К. Тетмайеръ—Побѣда. К. Гамсунъ. Д. Анунціо:—Ореола. Меттерлинкъ—Пелеасъ и Мелизанда. Лѣсковъ:— Полунощники. Лѣсковъ-Грабежъ. О. Уайльдъ — Сказки.

Имѣется на складѣ:

Исходъ къ Востоку. Утвержденіе евразійцевъ:

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

СОФІЯ, УЛ. ЦАРЬ-ОСВОБОДИТЕЛЬ № 4

Отдѣленіе на Францію, Англію, Италію, Швейцарію и Бельгію:

И. А. Кириловъ: Société de Presse, de Publicité et d'Edition; 22 Rue d'Anjou, Paris.

Отдѣленіе на Германію, Польшу, Прибалтійскія государства:

В. Р. Гиршфельдтъ: Luther str. № 29, Berlin W. 62.

Отдѣленіе на Сербію:

Л. В. Звѣревъ: Пуанкареова ул. № 20, Бѣлградъ.

Отдѣленіе на Турцію:

Книжный магазинъ Т-ва „Культура", Grande rue de Péra, № 451, Constantinople.

Отдѣленіе на Чехо-Славію:

Кн-ство „Наша Рѣчь", Катеринска № 40, Прага.

Отдѣленіе на Грецію:

Союзъ Русскихъ Студентовъ: Rue Methonis № 49, Athènes.

Отдѣленіе на Австрію:

Г. Перскій: Mechitharistengasse № 4, Wien VII.

Отдѣленіе на Финляндію:

Кузьминъ-Караваевъ: Lilla Robertsgatan № 8, loc. 24 Helsingfors.

УЛ. ЦАРЬ-ОСБОБОДИТЕЛЬ № 4.

HRus 521960
M6627iz Milyukov, Pavel Nikolaevich
Исторія второй русской революціи.
v.1-3
[Transliterated: Istoriya vtoroi russkoi revolyutsii.]

DATE	NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED